

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

The
Archibald Cary Coolidge
Memorial

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРодНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІ.

1895.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Отъ русскаго общества охраненія народнаго здравія	73
А. С. Будиловичъ. Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго Юрьевского университета, въ разные періоды его существованія	1
Н. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	32
Е. В. Штуховъ. Гимназія вышнихъ наукъ князя Везбородко въ Нижнѣ	72

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. М. Коркуновъ. <i>Олимпіада</i> . Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Часть I. Юрьевъ. 1899.	130
М. А. Калмыковъ. Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ третій. Да—дя. С.-Пб. 1895	143
И. П. Житецкій. Къ вопросу объ Уніи и южно-русскаго проповѣдникахъ. (Д-ръ Ів. Франко, Иванъ Вишенскій и его творч. Львовъ. 1895 г.)	151
В. Е. Рудаковъ. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека <i>Ф. Пааленкова</i>	158
— Книжныя новости	179
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1892 году	1
— Наши учебныя заведенія: Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1894—1895 учебномъ году	13
— Императорскій университетъ св. Владиміра въ 1894 году	18
И. П. Сондаковъ. П. И. Саввантовъ (<i>некрологъ</i>)	26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. О. Вазинеръ. Повесть Клавдія Рутилія Намаціана „О возвращеніи своемъ“ (изъ Рима въ Галлію)	81
А. О. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>)	94

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	1
--	---

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го сентября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІ.

1895.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1895.

P Slav 318.10

~~P Slav 318.10~~

~~Slav 20.6~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

2555
500

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (15-го апрѣля 1895 года). *О принятіи Императорской Царско-сельской гимназіи подъ Августѣйшее покровительство Ею Императорскаго Величества Государя Императора.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15-й день апрѣля 1895 г., Высочайше соизволяя на принятіе Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Величества Государя Императора.

2. (20-го декабря 1894 года). *Объ утвержденіи правилъ о дополнительныхъ педагогическихъ классахъ для приготовленія учителей въ волостныя школы Рижскаго учебнаго округа.*

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія, утвержденныя имъ 22-го февраля 1895 г. правила о дополнительныхъ педагогическихъ классахъ для приготовленія учителей въ волостныя школы Рижскаго учебнаго округа.

На подлинныхъ написано: „На основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го декабря 1894 г. мнѣнія государственнаго совѣта утверждаю“.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь
графъ Деляновъ.

22-го февраля 1895 года.

Правила о дополнительныхъ педагогическихъ классахъ для приготовления учителей въ волостныя школы Рижскаго учебнаго округа.

1. Въ Рижскомъ учебномъ округѣ при пяти 2-хъ классныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія по выбору попечителя округа учреждаются дополнительные педагогическіе классы, по одному при каждомъ училищѣ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, для приготовления учителей въ волостныя евангелическо-лютеранскія и римско-католическія школы округа съ допущеніемъ въ сіи классы лучшихъ учениковъ изъ окончившихъ курсъ въ двухъ-классныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и въ евангелическо-лютеранскихъ приходскихъ училищахъ.

2. Въ означенныхъ классахъ ученики повторяютъ курсъ втораго (старшаго) класса двухъ-классныхъ училищъ, а также упражняются въ практикѣ начальнаго обученія и въ пѣніи церковномъ и свѣтскомъ.

3. Программы учебныхъ занятій дополнительныхъ педагогическихъ классовъ утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія.

4. Число учениковъ cadaго изъ таковыхъ классовъ опредѣляется не свыше 15, въ возрастѣ не ниже 16 лѣтъ.

5. Ученіе въ сихъ классахъ начинается ежегодно 1-го августа и оканчивается 15-го іюня.

6. За обученіе въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ съ учениковъ ни взимается никакой платы; содержаніе же ихъ въ теченіе всего года обученія относится на счетъ ихъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто.

Примѣчаніе. Если при училищѣ имѣется свободное помѣщеніе для жительства, то ученикамъ педагогическаго класса, по усмотрѣнію завѣдывающаго училищемъ, можетъ быть предоставлено пользованіе онымъ въ теченіе учебнаго времени (кромя каникулъ).

7. По окончаніи учебнаго года всѣмъ ученикамъ педагогическаго класса производится испытаніе по всѣмъ предметамъ курса въ комисіи изъ учителей училища, подъ предсѣдательствомъ подлежащаго инспектора народныхъ училищъ или особаго депутата, по назначенію попечителя учебнаго округа. По усмотрѣнію попечителя, для присутствія на сихъ испытаніяхъ могутъ быть, кромѣ того, назначаемы учителя городскихъ по положенію 31-го мая 1872 года училищъ.

8. Выдержавшіе означенное въ предыдущемъ § испытаніе по всѣмъ предметамъ удовлетворительно, по Закону же Божію, русскому языку и ариметикѣ хорошо или отлично, и давшіе пробные уроки по каждому изъ двухъ послѣднихъ предметовъ удовлетворительно, при отличномъ поведеніи въ теченіе всего года, могутъ быть опредѣляемы мѣстнымъ училищнымъ начальствомъ на должности учителей волостныхъ школъ Рижскаго учебнаго округа, безъ требованія отъ сихъ лицъ установленнаго свидѣтельства на учительское званіе, но съ обязательствомъ прослужить въ означенныхъ школахъ не менѣе двухъ лѣтъ, не включая въ этотъ срокъ времени состоянія въ должности помощника учителя.

Примѣчаніе 1. Упоминаемымъ въ семъ § лицамъ не выдается никакого свидѣтельства объ окончаніи курса въ педагогическихъ классахъ, но имъ ведется лишь списокъ въ управленіи учебнаго округа.

Примѣчаніе 2. Не удовлетворившіе на испытаніи означеннымъ въ семъ § требованіямъ могутъ быть оставляемы въ классѣ на второй годъ лишь по особо уважительнымъ причинамъ и не иначе, какъ по представленію предсѣдателя испытательной комисіи и съ разрѣшенія подлежащаго директора народныхъ училищъ.

9. Съ успѣхомъ окончившіе курсъ дополнительныхъ педагогическихъ классовъ первоначально назначаются въ многолюдныя волостныя школы подъ руководство опытныхъ учителей на должности ихъ помощниковъ; въ случаѣ же необходимости предоставленія имъ должности самостоятельнаго учителя, поручаются особому руководству инспектора народныхъ училищъ.

10. Обученіе въ педагогическомъ классѣ и непосредственное руководство практическими занятіями учениковъ онаго возлагается на особаго учителя, изъ числа окончившихъ курсъ въ правительствен-

ныхъ учительскихъ семинаріяхъ, по назначенію попечителя учебнаго округа. Сему учителю поручается завѣдываніе всѣмъ училищемъ.

11. На содержаніе каждаго изъ означенныхъ дополнительныхъ педагогическихъ классовъ назначается изъ средствъ государственнаго казначейства по 500 руб. въ годъ, въ томъ числѣ: учителю 350 р., на преподаваніе Закона Божія 50 р., на учебныя пособия, бібліотеку и прочіе расходы по 100 р.

Примѣчаніе. Въ дополнительныхъ классахъ для евангелическо-лютеранскаго населенія преподаваніе Закона Божія можетъ быть возлагаемо на учителя, съ производствомъ ему за сіе вышеозначеннаго дополнительнаго вознагражденія по 50 руб. въ годъ.

3. (15-го апрѣля 1895 года). *О присвоеніи С.-Петербургскому обществу естествоиспытателей наименованія „Императорскаго“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго Просвѣщенія, въ 15 день апрѣля 1895 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича С.-Петербургскому обществу естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ наименованія „Императорскаго“.

4. (15-го апрѣля 1895 года). *Объ учрежденіи при одномъ изъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.*

Попечитель Виленскаго учебнаго округа сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что служащіе въ учрежденіяхъ и учащіе и учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, желая увѣковѣчить память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, принесли свои добровольныя пожертвованія, простирающіяся до 7,500 руб., на учрежденіе на проценты съ сего капитала стипендіи при одномъ изъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго округа въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше

испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе означенной стипендіи.

Государь Императоръ, въ 15 день апрѣля 1895 года, Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить.

5. (15-го апрѣля 1895 года). *Объ учрежденіи при Могилевской гимназіи стипендіи имени Государя Императора Александра III.*

Попечитель Виленскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что служащіе въ Могилевской мужской гимназіи, желая увѣковѣчить память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, постановили составить въ двухгодичный срокъ, путемъ ежемѣсячныхъ $2\frac{1}{2}\%$ вычетовъ изъ получаемаго ими содержанія, капиталъ въ 1.200 руб. для учрежденія на проценты съ онаго при этой гимназіи стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше довелъ о таковомъ желаніи служащихъ въ Могилевской гимназіи до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія.

Государь Императоръ, въ 15 день апрѣля 1895 года, Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить.

6. (15-го апрѣля 1895 года). *О принятіи Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища подъ Высочайшее Государя Императора покровительство.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день апрѣля 1895 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Кунгурскаго, Губкина, техническаго училища подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство.

7. (15-го апрѣля 1895 года). *Объ опредѣленіи врача при Тельшевскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день апрѣля 1895 г., Всемилоствѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Тельшевскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

8. (24-го апрѣля 1895 года): *О низшихъ ремесленныхъ школахъ и объ утвержденіи штата упомянутыхъ школъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о низшихъ ремесленныхъ школахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ, собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о низшихъ ремесленныхъ школахъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата нижней ремесленной школы представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

На общихъ для ремесленныхъ училищъ основаніяхъ (ст. 1817 уст. уч. зав., св. зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г.) разрѣшается учреждать для обученія разнаго рода ремесламъ низшія ремесленные школы, согласно утвержденному для оныхъ штату (отд. I), съ тѣмъ: 1) чтобы отъ поступающихъ въ сія школы требовалось представленіе свидѣтельствъ объ окончаніи курса начальнаго училища, или же умѣніе читать и писать и выдержаніе особаго пріемнаго испытанія по программѣ, утверждаемой министромъ народнаго просвѣщенія, и 2) чтобы, по окончаніи трехлѣтняго курса ученія, ученики могли бы быть оставляемы еще на одинъ годъ при школѣ, для практическаго усовершенствованія въ ремеслѣ. Уставы означенныхъ школъ и таблицы числа часовыхъ учебныхъ занятій въ недѣлю утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министрами: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
 Въ Царскомъ Селѣ. *„Быть по сему“.*
 24-го апрѣля 1895 года.

Ш Т А Т Ъ

низшей ремесленной школы.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.	Классы и разряды.		
		Рубли.	По долж-ности.	Пошитою на мунди-рѣ.	По пен-сіи.
Завѣдывающему низшею ремесленною школою	1	600 <small>изъ въ натурѣ.</small>	IX	IX	По учеб-ной службѣ.
Ему добавочныхъ за уроки	—	420			
Вознагражденіе законоучителю	—	150			
За преподаваніе русскаго языка и ариметики	—	150			
Мастеру	—	600 <small>изъ въ натурѣ.</small>			
На хозяйственные расходы	—	300			
На учебныя пособия и библіотеку	—	150			
На приобрѣтеніе орудій, станковъ и инструментовъ, а также на ремонтъ оныхъ и на приобрѣтеніе матеріаловъ для обученія	—	400			
Итого	—	2.770			

Примчанія:

1) Завѣдывающій школою избирается изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ училищахъ техническихъ министерства народнаго просвѣщенія или ремесленныхъ съ пятилѣтнимъ курсомъ (ст. 1823 уст. уч. зав., св. зак., т. XI. ч. I, изд. 1893 г.), или изъ лицъ, имѣющихъ званіе учителя уѣднаго или городского училища, и утверждается въ должности попечителемъ учебнаго округа. Пенсія ему назначается изъ оклада въ 540 р.

2) Въ случаѣ недостаточности суммы, опредѣленной по сему штату на матеріалы и инструменты, недостающая сумма вносится въ смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія и распредѣляется между отдѣльными школами, сообразно дѣйствительной потребности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

9. (24-го апрѣля 1895 года). *О попечительствахъ при промышленныхъ училищахъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о попечительствахъ при промышленныхъ училищахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о попечительствахъ при промышленныхъ училищахъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ дополненіе подлежащихъ статей свода уставовъ ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.) постановить:

1) Министру народнаго просвѣщенія предоставляется учреждать, по своему усмотрѣнію, при промышленныхъ училищахъ попечительства на основаніи правилъ, постановленныхъ въ слѣдующихъ (2—17) статьяхъ.

2) Попечительства состоятъ при техническихъ училищахъ подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя, а при ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ подъ предсѣдательствомъ почетнаго смотрителя, изъ его товарища и членовъ отъ правительства, назначаемыхъ изъ мѣстныхъ, пользующихся почетною извѣстностью, промышленныхъ дѣятелей, а также членовъ почетныхъ и членовъ-соревнователей, избираемыхъ самими попечительствами. Сверхъ того, въ составъ попечительствъ входятъ члены, избираемые земствами, обществами и сословіями, дающими средства на содержаніе училища или школы.

Примѣчаніе. Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по ходатайству учредителей отдѣльныхъ училищъ, членами попечительствъ, вмѣсто выборныхъ, могутъ быть назначаемы лица, занимающія опредѣленные сословныя или общественныя должности (предводитель дворянства, городской голова и т. п.).

3) Товарищъ почетнаго попечителя или смотрителя избирается изъ числа почетныхъ членовъ попечительства и утверждается въ должности порядкомъ, установленнымъ для почетныхъ попечителей и смот-

рителей. Въ случаѣ отсутствія почетнаго попечителя или смотрителя онъ предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ попечительства.

4) Почетные члены избираются изъ лицъ, оказавшихъ особыя услуги учебному заведенію или сдѣлавшихъ значительныя для него пожертвованія, а также вносящихъ ежегодно въ его пользу сумму въ размѣрѣ, не менѣе опредѣляемаго для каждаго заведенія министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

5) Члены-соревнователи избираются изъ лицъ, содѣйствующихъ дѣламъ училища или школы своими трудами или ежегодными взносами меньшаго, сравнительно съ почетными членами, размѣра, опредѣляемаго порядкомъ, указаннымъ въ ст. 4.

6) Въ попечительствахъ при училищахъ и школахъ, содержимыхъ на счетъ казны или частныхъ лицъ, члены отъ правительства назначаются въ числѣ, опредѣляемомъ для каждаго учебнаго заведенія министромъ народнаго просвѣщенія.

7) Если учебное заведеніе содержится сполна на счетъ земства, общества или сословія, или съ такимъ отъ нихъ пособіемъ, которое министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, признано будетъ достаточнымъ для участія ихъ представителей въ попечительствахъ, то въ послѣднее, кромѣ членовъ отъ правительства, въ числѣ не болѣе трехъ, избирается столько же членовъ отъ земства, общества или сословія. Къ попечительствамъ при училищахъ и школахъ, хотя и получающихъ пособіе изъ указанныхъ источниковъ, но въ меньшемъ размѣрѣ, примѣняется правило, постановленное въ ст. 6.

8) Въ тѣхъ случаяхъ, когда училище или школа содержится сполна или большею частью на средства частнаго лица, послѣднему предоставляется право представлять кандидатовъ въ члены попечительства.

9) Число почетныхъ членовъ попечительства и членовъ-соревнователей не ограничивается.

10) Члены попечительства при техническихъ училищахъ утверждаются въ семъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія, по представленіямъ попечителя учебнаго округа, а члены попечительства при ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ—попечителемъ округа, по представленіямъ директора народныхъ училищъ.

11) Служба членовъ попечительства отъ правительства, а также избираемыхъ земствами, обществами и сословіями, ограничивается

трехлѣтнимъ срокомъ, почетные же члены и члены-соревнователи остаются въ сихъ званіяхъ все время, пока исполняютъ сопряженныя съ оными обязанности

12) Члены попечительства могутъ быть представляемы къ Высочайшимъ наградамъ. Товарищи почетныхъ попечителей или смотрителей, пока состоятъ въ сей должности, считаются на государственной службѣ заурядъ, безъ права на получение пенсіи. При этомъ товарищамъ попечителей среднихъ техническихъ училищъ присвоивается VI классъ, товарищамъ попечителей низшихъ техническихъ училищъ—VII классъ, а товарищамъ почетныхъ смотрителей ремесленныхъ училищъ и школъ ремесленныхъ учениковъ—IX классъ по должности и мундиры соответствующихъ разрядовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Тѣмъ изъ сихъ лицъ, которыя не имѣютъ права на вступленіе въ государственную службу, присваиваются лишь мундиры, соответствующіе ихъ должностямъ.

13) Начальникъ училища или школы, а въ случаѣ его отсутствія лицо, исполняющее его обязанности, участвуютъ во всѣхъ засѣданіяхъ попечительства съ правомъ голоса.

14) Засѣданія попечительства назначаются по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію предсѣдателя. Заключенія попечительства составляются по большинству голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ разногласія, послѣдовавшаго по возбужденію оное вопросу разными мнѣніями, если оставшіеся въ меньшинствѣ члены того желаютъ, представляются по техническимъ училищамъ попечителю учебнаго округа, а по училищамъ ремесленнымъ и школамъ ремесленныхъ учениковъ—директору народныхъ училищъ, которые постановляютъ по такому вопросу окончательное рѣшеніе.

15) Къ обязанностямъ попечительства относятся: 1) содѣйствіе къ усилѣнному приобрѣтенію учениками познаній по предметамъ спеціальнаго промышленнаго образованія, составленію при училищѣ или школѣ учебныхъ коллекцій по спеціальнымъ предметамъ преподаванія и, въ особенности, мѣстныхъ матеріаловъ и произведеній, пополненіе библиотекъ и учебныхъ пособій и попеченіе объ изысканіи всѣхъ способовъ къ увеличенію денежныхъ и матеріальныхъ средствъ училища; 2) попеченіе о доставленіи учащимся возможности посѣщать окрестныя фабрики, заводы и вообще промышленныя учрежденія, какъ для обозрѣнія ихъ подъ руководствомъ преподавателей, такъ и для непрерывной въ нихъ работы въ назначенное для практическихъ упражненій время; 3) изысканіе средствъ къ устройству общихъ уче-

ническихъ квартиръ и къ вспоможенію бѣдпѣйшимъ ученикамъ; 4) содѣйствіе опредѣленію окончившихъ курсъ къ занятіямъ, соотвѣтствующимъ ихъ подготовкѣ, усовершенствованію ихъ въ промышленномъ дѣлѣ, а также предоставленію выдающимся изъ нихъ возможности продолжать специальное образованіе; 5) наблюденіе за исправностью и сохранностью матеріальной части учебнаго заведенія и ежегодная повѣрка его имущества по инвентарямъ и матеріальнымъ книгамъ; 6): предварительное разсмотрѣніе годовыхъ смѣтъ и отчетовъ о доходахъ и расходахъ училища и представленіе по онымъ заключенія учебному начальству, и 7) составленіе по хозяйственной части правилъ и инструкцій, обязательныхъ для хозяйственнаго комитета.

16) Члены попечительства могутъ присутствовать при испытаніяхъ учениковъ и посѣщать училище или школу во всякое время. Не дѣлая собственной властью никакихъ распоряженій, они доводятъ о всемъ замѣченномъ до свѣдѣнія училищнаго начальства.

17) Общее наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ попечительствахъ при промышленныхъ заведеніяхъ лежитъ на попечителяхъ учебныхъ округовъ и директорахъ народныхъ училищъ. Они имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ попечительствъ всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ училищъ и школъ.

II. Существующія особыя постановленія о попечительствахъ при нѣкоторыхъ промышленныхъ училищахъ сохранить въ силѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (29-го мая 1895 года). *О присвоеніи служебныхъ правъ и преимуществъ должности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о присвоеніи служебныхъ правъ и преимуществъ должности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

представленіе министра народнаго просвѣщенія о присвоеніи служебныхъ правъ и преимуществъ должности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Должности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ присвоить годовой окладъ содержанія въ *три тысячи* рублей (въ томъ числѣ: 2.000 р. жалованья и 1.000 р. столовыхъ), V классъ по чинопроизводству, V разрядъ по шитью на мундиръ и пенсію по учебной службѣ изъ оклада въ 2.000 р. въ годъ.

II. Означенное въ отд. I содержаніе производить изъ суммы въ 3.000 руб., отпускаемой изъ казны въ пособіе С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ на основаніи Высочайше утвержденного, 20-го февраля 1879 г., мнѣнія государственнаго совѣта.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (29-го мая 1895 года). *О предоставленіи надзирателямъ интернатовъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи надзирателямъ интернатовъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи надзирателямъ интернатовъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ, мнѣніемъ положилъ:

Надзирателямъ интернатовъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края по положенію 31-го мая 1872 г. изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Туркестанской учительской семинаріи, присвоить служебныя права и преимущества, предоставленныя учителямъ приходскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы пенсіи и единовременныя пособія означеннымъ лицамъ и ихъ семействамъ производились изъ особаго пенсіоннаго капитала приходскихъ учителей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

12. (1-го іюня 1895 года). *Объ утвержденіи положенія и штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ положенія и штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи положенія и штата женскаго медицинскаго института въ С.-Петербургѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты: а) положенія о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ, и б) штата сего учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ открыть въ теченіе 1897 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: *«Быть по сему».*

Въ Петергофѣ 1-го іюня 1895 года.

Положеніе о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ.

1. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ имѣеть цѣлю доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и къ акушерской дѣятельности.

Примѣчаніе. При институтѣ полагается интернатъ для слушательницъ, не имѣющихъ возможности жить при родителяхъ или при такихъ лицахъ, которыхъ правленіе института признаетъ заслуживающими довѣрія.

2. Средства института составляютъ: а) проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ; б) пожертвованія, поступающія на расходы по институту; в) пособия, и г) плата за ученіе.

3. Институтъ, состоя подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется начальству попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

4. Непосредственное управление институтомъ, съ находящимся при немъ интернатомъ, принадлежитъ директору, при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ: а) совѣта преподавателей; б) правленія; в) попечительнаго комитета, и г) инспектрисы съ ея помощницами.

5. Директоръ избирается изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ министромъ народнаго просвѣщенія и имъ же опредѣляется къ должности.

Примѣчаніе. Директоръ можетъ преподавать одинъ изъ предметовъ институтскаго курса.

6. Директоръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, правленіи и попечительномъ комитетѣ института, опредѣляетъ время обыкновенныхъ ихъ засѣданій и созываетъ совѣтъ, правленіе и комитетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

7. Директоръ передаетъ на обсужденіе совѣта и правленія поступившія отъ попечителя учебнаго округа предложенія, заявленія попечительнаго комитета и собственные предположенія по дѣламъ института, соблюдаетъ очередь при разсмотрѣніи вопросовъ, вносимыхъ другими членами, слѣдитъ за порядкомъ засѣданій и объявляетъ состоявшіяся опредѣленія.

8. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ совѣта или правленія, либо попечительнаго комитета, директоръ представляетъ дѣло на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа, а если оно не терпитъ отлагательства, то принимаетъ необходимыя мѣры собственною властію, немедленно донося о своихъ распоряженіяхъ попечителю и представляя на его усмотрѣніе журналъ совѣта, правленія или попечительнаго комитета.

9. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни директора, должность его исправляетъ одинъ изъ профессоровъ-членовъ правленія (ст. 11), по назначенію попечителя учебнаго округа.

10. На совѣтъ преподавателей института возлагается обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся учебной части заведенія.

11. Правленіе института состоитъ изъ директора, четырехъ профессоровъ института, назначаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, двухъ членовъ, избираемыхъ попечительнымъ комитетомъ и утверждаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, и инспектрисы. Въ прав-

леніи обсуждаются важнѣйшія дѣла по хозяйственной, администра- тивной и дисциплинарной частямъ института.

12. На попечительный комитетъ института возлагается забота о матеріальномъ преуспѣяніи сего учебнаго заведенія. Члены комитета назначаются министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, могу- щихъ содѣйствовать успѣшному удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію его средствъ.

13. Порядокъ дѣйствій комитета опредѣляется составляемыми имъ правилами, которыя представляются, чрезъ попечителя учебнаго округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

14. Непосредственный надзоръ за слушательницами и завѣдываніе интернатомъ при институтѣ возлагается на инспектрису, которая избирается директоромъ и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Въ вѣдѣніи инспектрисы состоятъ помощницы инспектрисы, избираемыя ею и утверждаемыя въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора института.

15. Теоретическое преподаваніе и руководство клиническими за- нятіями въ институтѣ вѣряется лицамъ, имѣющимъ право на пре- подаваніе медицинскихъ наукъ въ университетахъ и другихъ выс- шихъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководство клиниче- скими занятами возлагается, преимущественно, на главныхъ и стар- шихъ врачей больницъ.

16. При открывшейся вакансіи профессора или преподавателя, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее, по собственному усмотрѣнію, лицомъ, удовлетворяющимъ установленнымъ требова- ніямъ (ст. 15), или предоставляетъ директору института избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержде- ніе чрезъ попечителя учебнаго округа.

17. Библиотекаръ и лица, исполняющія въ институтѣ обязанности по дѣлопроизводству, хозяйственной и сѣтной частямъ, а равно ниж- ніе служители состоятъ на службѣ при институтѣ по вольному найму. Опредѣленіе и увольненіе ихъ принадлежитъ директору.

18. Въ слушательницы института принимаются лица женскаго пола христіанскаго исповѣданія не моложе двадцати и не старѣе тридцати пяти лѣтъ. Въ особо уважительныхъ случаяхъ въ инсти- тутъ могутъ быть принимаемы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, лица, имѣющія и болѣе тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Ком-

плектъ слушательницъ института опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

19. Желающія поступить въ число слушательницъ института подаютъ о томъ прошеніе директору, съ приложеніемъ: а) свидѣтельства о возрастѣ, званіи и вѣроисповѣданіи; б) удостовѣренія объ окончаніи ими курса въ учебныхъ заведеніяхъ, означенныхъ въ статьѣ 20; в) полицейскаго свидѣтельства о благонадежности; г) письменнаго разрѣшенія родителей или попечителей, если родители не находятся въ живыхъ и просительница не достигла 21 года, а замужнія—письменнаго разрѣшенія мужей, и д) другихъ документовъ, какіе признаны будутъ необходимыми начальствомъ института.

20. Лица, окончившія полный курсъ гимназій или другихъ, равныхъ съ ними по правамъ, учебныхъ заведеній, должны, для поступленія въ институтъ, выдержать испытаніе изъ латинскаго языка по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ университеты. Испытанія сіи производятся въ ближайшихъ по мѣсту жительства означенныхъ лицъ мужскихъ гимназій, а если въ городѣ имѣется нѣсколько гимназій, то въ той изъ нихъ, которая будетъ указана попечителемъ учебнаго округа. Лица, прошедшія высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ и выдержавшія тамъ установленное испытаніе по латинскому языку, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдавать таковыя, принимаются въ институтъ безъ испытанія.

21. За право слушанія лекцій въ институтѣ и пользованіе вспомогательными учрежденіями для практическихъ занятій, слушательницы вносятъ плату, размѣръ которой опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечительнаго комитета. Въ стѣнахъ института и при практическихъ занятіяхъ въ врачебныхъ заведеніяхъ, слушательницы института носятъ форменную одежду.

22. Въ институтѣ преподаются слѣдующіе предметы: а) анатомія; б) нормальная гистологія и эмбриологія; в) физиологія; г) общая паталогія; д) частная паталогія, терапия, врачебная діагностика и медицинская химія; е) химія органическая и неорганическая; ж) физика; з) минералогія, ботаника и зоологія (съ сравнительною анатоміею); и) фармакогнозія и фармація; і) фармакологія съ рецептурой, токсикологія и ученіе о минеральныхъ водахъ и водолеченіи; к) патологическая анатомія съ патологическою гистологіею; л) акушерство (съ

клиниками); м) женскія болѣзни (съ клиниками); н) дѣтскія болѣзни (съ клиниками); о) гигиѣна; п) хирургія съ десмургією; р) оперативное акушерство (въ акушерской и гинекологической клиниках); с) сифилодологія и дерматологія (съ клиниками); т) офталмологія (съ клиниками), и у) нервныя и душевныя болѣзни (съ клиниками).

Примѣчаніе. Изъ курсовъ частной патологіи и терапіи можетъ быть выдѣлено, буде для этого окажутся достаточныя средства, ученіе объ ушныхъ, горловыхъ и носовыхъ болѣзняхъ. Предположенія по сему предмету разсматриваются въ совѣтѣ института и засимъ представляются на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

23. Ближайшее распредѣленіе теоретическихъ предметовъ между преподавателями, а равно организація клиническаго преподаванія, примѣнительно къ факультетскимъ и госпитальнымъ клиникамъ университетовъ, опредѣляются учебнымъ планомъ института. Планъ сей составляется совѣтомъ института и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

24. Курсъ преподаванія въ институтѣ продолжается пять лѣтъ и распредѣляется на десять полугодій. Изъ означенныхъ пяти лѣтъ, четыре года предназначаются для медицинскаго образованія въ институтѣ, а пятый годъ—для практическихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей, занятій въ специальныхъ больницахъ или клиникахъ, женскихъ и дѣтскихъ, а равно въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. Слушательницы, не оказавшія въ теченіе года достаточныхъ успѣховъ въ практическихъ занятіяхъ, могутъ, по опредѣленію совѣта института, быть оставляемы въ ономъ для пракческаго усовершенствованія еще на одинъ, а буде окажется нужнымъ, — на два года.

25. Зачетъ полугодій, а также полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для медицинскихъ факультетовъ, и въ соответствии со статьями 2—6 приложения къ статьѣ 596 устава врачебнаго.

Примѣчаніе. При примѣненіи правилъ о зачетѣ полугодій, установленныхъ для медицинскихъ факультетовъ на основаніи статьи 478 устава ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, общій медицинскій курсъ въ институтѣ зачитывается за восемь полугодій, а время, проведенное въ практическихъ занятіяхъ (ст. 24), за девятое и десятое полугодія.

26. Предсѣдатель и члены испытательныхъ комиссій для производства по институту испытаній на врачебное званіе назначаются министромъ народнаго просвѣщенія.

27. Удовлетворительно окончившимъ курсъ института выдается дипломъ на званіе „женщина-врачъ“, предоставляющій имъ: а) право повсемѣстной свободной практики на основаніи постановленій о вольнопрактикующихъ врачахъ, съ занесеніемъ имени лица, получившаго дипломъ, согласно статьѣ 95 устава врачебнаго, въ списокъ врачей, имѣющихъ право на медицинскую въ Имперіи практику; б) право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства; в) право, въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, занимать повсемѣстно, безъ правъ государственной службы, должности врачей при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ в родовспомогательныхъ заведеніяхъ, а равно при общинахъ сестеръ милосердія и врачебно-полицейскихъ учрежденіяхъ; г) право быть допускаемыми губернскими врачебными управленіями къ завѣдыванію земскими медицинскими участками и находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами и пріемными покоями, равно иными сельскими лечебными заведеніями, а также къ завѣдыванію въ городахъ спеціальными женскими и дѣтскими больницами и лечебными заведеніями и женскими и дѣтскими отдѣленіями общихъ больницъ и лечебныхъ заведеній и къ дежурству во всѣхъ отдѣленіяхъ сихъ больницъ и заведеній, и д) право быть приглашаемыми, въ качествѣ помощницы судебного врача, при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи женщинъ и дѣтей.

28. Женщины-врачи не допускаются къ завѣдыванію въ городахъ общими больницами и таковыми же лечебными заведеніями и мужскими отдѣленіями сихъ больницъ и лечебныхъ заведеній, а равно къ исполненію обязанностей врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и къ самостоятельному производству судебно-медицинской экспертизы, по требованіямъ судебныхъ учреждений.

29. При институтѣ можетъ быть учрежденъ, по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, особый курсъ для подготовленія лицъ женскаго пола къ фармацевтической дѣятельности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
 Въ Петергофѣ. *„Быть по сему“.*
 1-го іюня 1895 года.

Ш Т А Т Ъ

С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.	
		О д н о м у .	В с е г о .	По должностк.	По шитью на мундиръ.
		Р у б л и .			
Директоръ	1	3.500	3.500	IV	IV
Профессоры	—	(Квартиранатурою). По расчету 200 р. за часовую лекцію и 150 р. за часть практическихъ занятій	31.000	V	V
Завѣдывающіе клиниками . . .	—				
Прозекторы	4	1.200	4.800	VII	VII
Лаборанты	3	600	1.800	VIII	VIII
Библиотечаръ	1	600	600		
Инспектриса	1	2.000	2.000		
На вознагражденіе помощницъ инспектрисы	—	—	2.400		
На вознагражденіе лицъ исполняющихъ обязанности по дѣлопроизводству и по хозяйственной и счетной частямъ	—	—	2.200		
На награды служащимъ	—	—	200		
На библиотеку	—	—	800		
На канцелярскіе расходы	—	—	450		
На лабораторію, кабинеты и учебныя пособія при клиникахъ	—	—	4.000		
На хозяйственные расходы: отопленіе, освѣщеніе, водоснабженіе, страхованіе, содержаніе зданій, наемъ прислуги и т. п.	—	—	9.250		
Итого	—	—	63.000		

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

13. (1-го іюня 1895 года). *Объ изданіи новаго штата Императорской Публичной Библіотеки.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ изданіи новаго штата Императорской Публичной Библіотеки, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ изданіи новаго штата Императорской Публичной Библіотеки, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проектъ штата Императорской Публичной Библіотеки представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и по воспослѣдованіи онаго привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1896 года.

II. На содержаніе Императорской Публичной Библіотеки отпущать изъ средствъ государственнаго казначейства ежегодно, начиная съ 1896 г., по *сто тридцать три тысячи четыреста семидесяти* рублей (въ томъ числѣ 34.000 р. на приобрѣтеніе рукописей и книгъ и доставку ихъ изъ за границы, 7.000 р. на переплеты и 4.000 р. на каталогизацію, печатаніе каталоговъ, отчета и проч.), а начиная съ 1899 г., по *сто сорокъ два тысячи четыреста семидесяти* рублей (въ томъ числѣ 40.000 р. на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ за границы, 9.000 р. на переплеты и 5.000 р. на каталогизацію, печатаніе каталоговъ, отчета и проч.), со внесеніемъ означенныхъ расходовъ въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ Петергофѣ. „Быть по сему“.

1-го іюня 1895 года.

Ш Т А Т Ъ

Императорской публичной библиотеки.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у .			Всего.	По должно-сти.	По шитью на мундирѣ.	По пенсін.
		Жаго-ваея.	Столо-выхъ.	Квартир-ныхъ.				
Р У Б Л И .								
Директоръ	1	По особому Высочайшему назначенію.				IV	IV	II
Помощникъ директора .	1	1.500	1.200	800	3.500	V	V	} По учебной службѣ.
Библиотекарей	12	1.000	900	600	30.000	VI	VI	
Старшихъ помощниковъ библиотекарей	3	1.000	200	200	4.200	VII	VII	
Младшихъ помощниковъ библиотекарей	7	840	160	200	8.400	VIII	VIII	
Регистраторъ	1	840	160	200	1.200	VII	VII	
Помощникъ регистра- тора	1	400	150	150	700	IX	IX	
Завѣдывающій читаль- ною залю	1	1.000	200	200	1.400	VII	VII	
Помощникъ завѣдыва- ющаго читальною за- лю	3	450	200	150	2.400	IX	IX	
Сдатчикъ	1	450	200	150	800	IX	IX	

Секретарь	1	900	150	150	1.200	VIII	VIII	VI
Завѣдывающій хозяйственной частью, . . .	1	1.000	300	кв. въ нат.	1.300	VII	VII	IV
Врачъ (по найму) . . .	1	360	—	—	360			
Архитекторъ (по найму).	1	360	—	—	360			
На наемъ писцовъ . . .	—	—	—	—	800			
На наемъ дежурныхъ для читальной залы . . .	—	—	—	—	6.600			
На наемъ и обмундированіе служителей . . .	—	—	—	—	7.300			
На содержаніе зданій и хозяйственные расходы.	—	—	—	—	17.950			
Итого	—	—	—	—	88.470			

Примѣчанія:

1) Тѣ изъ служащихъ въ библиотекѣ, которые пользуются правами учебной службы, получаютъ пенсіи изъ слѣдующихъ окладовъ: помощникъ директора—1.000 р., библиотекари—800 р., старшіе и младшіе ихъ помощники—500 р., завѣдывающій читальною залою—500 р., регистраторъ—350 руб., помощники завѣдывающаго читальною залою и регистратора, а также счетовчикъ—300 р.

2) Должности младшихъ помощниковъ библиотечарей, секретаря и помощниковъ завѣдывающаго читальною залою могутъ быть замѣщаемы по найму.

3) Остатки отъ суммы, ассигнуемой на личный составъ, а также отъ суммъ, ассигнуемыхъ на приобрѣтеніе рукописей и книгъ, ихъ переплетъ, каталогизацію, печатаніе каталоговъ, отчетовъ и проч., причисляются къ специальнымъ средствамъ библиотекъ и могутъ быть расходуютъ только на покупку рукописей и книгъ и ихъ каталогизацію.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

14. (5-го іюня 1895 года). *Объ учрежденіи въ г. Благовѣщенскѣ ремесленнаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Благовѣщенскѣ ремесленнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Благовѣщенскѣ ремесленнаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го іюля 1896 г., въ г. Благовѣщенскѣ ремесленное училище со слесарнымъ и столярнымъ отдѣленіями, на общихъ для промышленныхъ училищъ основаніяхъ.

II. Потребныя на содержаніе означеннаго училища (отд. I) суммы: въ 1896 г.—*пять тысячъ сто восемьдесятъ* руб., въ 1897 г.—*десять тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ* руб., въ 1898 г.—*одиннадцать тысячъ четыреста шестьдесятъ* руб. и, начиная съ 1899 г.—*по одиннадцати тысячъ девятисотъ шестидесяти* руб. ежегодно, вносить въ подлежація подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Расходы по устройству помѣщенія для названнаго училища и оборудованію его мастерскихъ отнести на жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

15. (5-го іюня 1895 года). *Объ увеличеніи пособій изъ казны, отпускаемаго С.-Петербургскому Обществу естествоиспытателей.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи пособія изъ казны, отпускаемаго С.-Петербургскому Обществу естествоиспытателей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи пособія изъ казны, отпускаемаго С.-Петербургскому Обществу естествоиспытателей, *мнѣніемъ положилъ:*

1. Отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1896 года, въ пособіе С.-Петербургскому обществу естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по *пяти тысячъ* рублей въ годъ, взаимнъ нынѣ ассигнуемаго тому же Обществу пособія въ размѣрѣ *двухъ тысячъ пятисотъ* рублей въ годъ.

2. На содержаніе тѣмъ же Обществомъ Соловецкой биологической станціи отпускать въ распоряженіе Общества въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1896 года, по *одной тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ.

и 3) Необходимыя на удовлетвореніе этихъ расходовъ (п.п. 1 и 2) суммы вносить въ подлежащее подраздѣленіе финансовыхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

16. (5-го іюня 1895 года). *О преобразованіи Московской шести-классной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Московской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволил и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Московской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Преобразовать, въ память въ Бозѣ почившаго императора Александра III-го, Московскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію (седьмую), открывъ при ней съ 1-го іюля текущаго года—VII классъ и съ 1-го іюля 1896 года—VIII классъ.

II. Вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе названнаго учебнаго заведенія девятнадцати тысячамъ ста восьмидесяти пяти рублямъ, въ 1896 г.—*четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять* рублей, а начиная съ 1897 г.—по *пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати* рублей въ годъ, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по той же смѣтѣ пособіемъ государственному казначейству жертвуемые московскимъ дворянствомъ на содержаніе гимназіи три тысячи рублей, а также отчисляемые изъ специальныхъ ея средствъ тысячу сто десять рублей ежегодно.

III. Могущіе образоваться отъ содержанія Московской седьмой гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, другую же, причитающуюся на долю мѣстнаго дворянства или специальныхъ средствъ, оставлять въ распоряженіи сего дворянства и возвращать въ спеціальныя средства для употребленія на нужды названнаго учебнаго заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

17. (5-го іюня 1895 года). *Объ учрежденіи въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, *мнѣніемъ положила:*

I. Учредить съ 1-го іюля 1896 г. въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, школу ремесленныхъ учениковъ по штату и положенію 20-го декабря 1893 г. со столярнымъ и слесарнымъ отдѣленіями.

II. Вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства

народнаго просвѣщенія на содержаніе означенной (отд. I) школы: въ 1896 г.—*два тысячѣ семьдесятъ пять руб. пятьдесятъ коп.*, въ 1897 г.—*четыре тысячѣ пятьсотъ двадцать одинъ рубль*, въ 1898 г.—*шесть тысячъ сто семьдесятъ восемь руб.* и начиная съ 1899 г.—*по семи тысячъ четыреста шестидесяти пяти руб.* ежегодно, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по той же смѣтѣ пособіемъ казнѣ отъ Задонскаго уѣзднаго земства на тотъ же предметъ въ 1896 году—*пятьсотъ пятьдесятъ руб.*, а съ 1897 года—*по одной тысячѣ сто руб.* ежегодно.

III. Единовременные расходы по устройству помѣщенія для школы и оборудованію ея мастерскихъ отнести на жертвуемыя для сего мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

18. (5-го іюня 1895 года). *Объ учрежденіи въ гор. Ейскѣ, Кубанской области, школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Ейскѣ, Кубанской области, школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволялъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Ейскѣ, Кубанской области, школы ремесленныхъ учениковъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить съ 1-го іюля 1896 года въ гор. Ейскѣ, Кубанской области, школу ремесленныхъ учениковъ по штату и положенію 20-го декабря 1893 года со столярнымъ и слесарнымъ отдѣленіями.

II. Вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе означенной (отд. I) школы: въ 1896 г.—*два тысячѣ семьдесятъ пять руб. пятьдесятъ коп.*, въ 1897 году—*четыре тысячѣ пятьсотъ двадцать одинъ рубль*, въ 1898 г.—*шесть тысячъ сто семьдесятъ восемь рублей* и начиная съ 1899 г.—*по семи тысячъ четыреста шестидесяти пяти рублей* ежегодно, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по той же смѣтѣ пособіемъ

государственному казначейству отъ Ейскаго городского общества на тотъ же предметъ въ 1896 г.—*пятьсотъ* руб., а съ 1897 г.—по *одной тысячѣ* рублей ежегодно.

III. Ассигновать на оборудованіе Ейской школы ремесленныхъ учениковъ изъ средствъ государственнаго казначейства *десять тысячъ* руб., со внесеніемъ половины этой суммы въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1896 г., а другой половины въ смѣту того же министерства 1897 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

19. (5-го іюня 1895 года). *Объ упраздненіи Суражской прогимназіи и преобразованіи Уманской и Черкасской прогимназій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ упраздненіи Суражской прогимназіи и преобразованіи Уманской и Черкасской прогимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ упраздненіи Суражской прогимназіи и преобразованіи Уманской и Черкасской прогимназій, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Приступить съ 1-го іюля 1896 г. къ преобразованію прогимназій: Уманской шестиклассной—въ полную гимназію и Черкасской четырехклассной—въ шестиклассный составъ, съ тѣмъ чтобы преобразование это было закончено въ теченіе двухъ лѣтъ.

II. Упразднить съ 1-го іюля 1896 г. Суражскую четырехклассную прогимназію.

III. По закрытіи сей прогимназіи, служащихъ въ ней лицъ, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

IV. Освободить съ 1-го іюля 1896 г. Суражское городское общество и земство отъ лежащаго на нихъ обязательства по содержанію мѣстной прогимназіи.

V. Имѣющую освободиться отъ упраздненія Суражской прогимназіи сумму за вторую половину 1896 г. *пять тысячъ семьдесятъ пять*

рублей обратить на содержаніе и первоначальное обзаведеніе вновь открываемыхъ при прогимназіяхъ Уманской VII и Черкасской V классовъ, въ томъ числѣ 2.683 руб. 75 коп. на первую и 2.391 руб. 25 коп. на вторую.

VI. Вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, въ дополненіе къ нынѣ ассигнуемымъ суммамъ, на содержаніе: 1) Уманской гимназіи въ 1897 г.—*четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять* рублей и начиная съ 1898 г.—по *пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати* рублей въ годъ, и 2) Черкасской прогимназіи въ 1897 г.—*четыре тысячи шестьсотъ двѣнадцать* руб. *пятьдесятъ* коп. и начиная съ 1898 г.—по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей въ годъ, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ по той же смѣтѣ пособіемъ государственному казначейству жертвуемые мѣстными обществами на содержаніе названныхъ заведеній *тринадцать тысячъ семьсотъ восемьдесятъ девять* рублей ежегодно, проценты съ пожертвованнаго Уманскимъ обществомъ капитала въ 30.000 руб., а также отчисляемые изъ специальныхъ средствъ Уманской гимназіи *одну тысячу семьсотъ* рублей ежегодно.

VII. Могущіе образоваться отъ содержанія Уманской гимназіи и Черкасской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, другую же, причитающуюся на долю мѣстныхъ обществъ или специальныхъ средствъ, оставлять въ распоряженіи сихъ обществъ и возвращать въ спеціальныя средства для употребленія на нужды названныхъ учебныхъ заведеній.

VIII. Отпустить одновременно въ 1897 г. на первоначальное обзаведеніе Уманской гимназіи и Черкасской прогимназіи по *двѣсти девяносто шести* рублей *двадцати пяти* копѣекъ на каждую.

IX. Передать имущество упраздненной Суражской прогимназіи—какъ-то: мебель, учебныя пособія, книги и проч., съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, въ другія учебныя заведенія министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

20. (5-го іюня 1895 года). *Объ учрежденіи при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ средняго механико-техническаго училища и объ утвержденіи штата сего училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ об-

цемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ средняго механико-техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ средняго механико-техническаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1896 г., при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ среднее механико-техническое училище, на общихъ для промышленныхъ училищъ основаніяхъ.

II. Проектъ штата означеннаго училища (отд. I) представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Потребныя на содержаніе означеннаго училища (отд. I) суммы: въ 1896 г.—*восемь тысячъ сто сорокъ одинъ рубль*, въ 1897 г.—*восемнадцать тысячъ двести двадцать восемь руб.*, въ 1898 г.—*двадцать одну тысячу пятьсотъ пятьдесятъ шесть руб.*, въ 1899 г.—*двадцать четыре тысячи четыреста шестьдесятъ четыре руб.* и начиная съ 1900 г.—*по двадцати пяти тысячъ девятисотъ девяносто одному руб.* ежегодно,—вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

VI. На оборудованіе того же училища (отд. I) ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства *сорокъ девять тысячъ*, съ занесеніемъ половины сей суммы въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1896 г., а другой половины—въ смѣту того же министерства 1897 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„Быть по сему“.

5-го іюня 1895 года.

Ш Т А Т Ъ

средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ
Владимірскомъ реальномъ училищѣ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.			
		Одному.				По должнос- сти.	По штатю на мундиръ.	По пенсіи.	
		Жлаго- ванья.	Столо- выхъ.	Квартир- ныхъ	Всего.				
Р у б л и.									
Директору реальнаго училища добавочныхъ за завѣдываніе техническимъ училищемъ . . .	—	—	—	—	1.000			} По учебной службѣ.	
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора	—	—	—	—	750				
Законоучителю	1	—	—	—	320				
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	9.315	VIII	VIII		
Руководителямъ практиче- скихъ работъ	—	—	—	—	1.686	VII	VIII		
Надзирателю	1	480	240	на- тур.	720	VIII	VIII		
Секретарю совета	—	—	—	—	240				
Библиоте- карю	—	—	—	—	240				
		реальнаго училища добавочныхъ							

Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ) реального училища добавочныхъ	—	—	—	500			
Врачу реального училища добавочныхъ	—	—	—	200			
На приготовленіе опытовъ :	—	—	—	420			
— учебныя пособія	—	—	—	800			
— матеріалы и инструменты	—	—	—	1.050			
— наемъ машинистовъ и подмастерьевъ	—	—	—	4.000			
На наемъ писца и канцелярскіе расходы	—	—	—	350			
На наемъ прислуги	—	—	—	2.400			
— содержаніе дома	—	—	—	2.000			
И т о г о	—	—	—	25.991			

Примечаніе:

Всѣ служащіе въ техническомъ училищѣ лица, не исключая и директора, пользуются тѣми же служебными и пенсіонными правами и преимуществами, какія предоставлены должностнымъ лицамъ среднихъ техническихъ училищъ по штатамъ 26-го іюня 1889 г., а также на основаніи п. 17 ст. 362 уст. пенс. (св. зак. т. III, по прод. 1893 г.).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

21. (5-го іюня 1895 года). *Объ учрежденіи при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ школы колористовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ школы колористовъ. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ школы колористовъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1896 года, въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ, при мѣстномъ реальномъ училищѣ, школу колористовъ, на общихъ для промышленныхъ училищъ основаніяхъ.

II. Проектъ штата означенной школы (отд. I) поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію, а таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ оной представить на Высочайше Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

III. Потребныя на содержаніе означенной школы суммы: въ 1896 году—*четыре тысячи семьсотъ сорокъ рублей*, въ 1897 году—*одиннадцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ пять рублей*, въ 1898 году—*шестнадцать тысячъ триста девяносто пять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1899 году—*двадцать тысячъ двести семьдесятъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ* и начиная съ 1900 года—по *двадцать одной тысячѣ триста восемьдесятъ два рубля* ежегодно,—вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по той же смѣтѣ пособіемъ государственному казначейству на указанный предметъ изъ средствъ г. Иванова-Вознесенска: въ 1896 году—*одну тысячу двести пятьдесятъ рублей*, а начиная съ 1897 года—по *девять тысячъ пятьсотъ рублей* ежегодно.

IV. На оборудованіе сей школы ассигновать въ 1896 году *десять тысячъ рублей*, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія потребныя сверхъ сего на эту надобность суммы вносить, по согла-

шенію съ министромъ финансовъ, въ подлежація подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія 1897 и 1898 годовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ написано: „ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ разсматривать въ Петергофѣ 6-го іюня 1895 года“.

Подписаль: Государственный секретарь *Леве*.

Т А Б Л И Ц А

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ школѣ колористовъ при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.

	К Л А С С Ы.				Всего
	I.	II.	III.	IV.	
<i>Предметы преподаванія:</i>					
Законъ Божій.	1	2	1	—	4
Математика	4	—	—	—	4
Физика	3	4	—	—	7
Химія	5	5	—	—	10
Механика	4	2	—	—	6
Устройство машинъ.	—	—	4	—	4
Химическія производства	—	4	7	5	16
Узаконенія.	—	—	2	—	2
	17	17	14	5	53

<i>Графическія занятія:</i>					
Черченіе геометрическое	4	4	—	—	8
Черченіе техническое	—	—	5	3	8
Рисованіе	4	2	—	—	6
	8	6	5	3	22
<i>Практическія занятія:</i>					
Въ механическихъ мастерскихъ	9	—	—	—	9
— химической лабораторіи	—	18	15	—	33
— техно-химическихъ мастерскихъ	—	—	14	19	33
	9	18	29	19	75
Работа на фабрикахъ	—	—	—	30	30
И т о г о	34	41	48	57	180

Примчаніе:

Министру народнаго просвѣщенія предоставляется допускать, по указаніямъ опыта, необходимыя измѣненія въ распредѣленіи числа уроковъ по классамъ и по предметамъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы общее число часовъ какъ предметныхъ, такъ и графическихъ и практическихъ занятій оставалось неизмѣннымъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
 Въ Петергофѣ. „Быть по сему“.
 5-го іюня 1895 года.

Ш Т А Т Ъ

школы колористовъ при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у .			В с е г о .	По должно- сти.	По штатю на мундирѣ.	По пенсін.
		Жило- ванья.	Столо- выхъ.	Квартир- ныхъ.				
Директору реального училища за завѣдываніе школою колористовъ добавочныхъ . . .	—	—	—	—	1.000			
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора	—	—	—	—	750			
Законоучителю	1	—	—	—	320			
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	6.195	VIII	VIII	} По учебной части.
Руководителямъ практическихъ работъ	—	—	—	—	4.197	VIII	VIII	
Надзирателю	1	480	240	нагур.	720	VIII	VIII	
Секретарю совѣта	—	—	—	—	240			
Библіотекарю	—	—	—	—	240			

Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ) реального училища добавочныхъ.	—	—	—	500
Врачу реального училища добавочныхъ . .	—	—	—	200
На приготовленіе опытовъ.	—	—	—	420
На учебныя пособія . .	—	—	—	800
— матеріалы и инструменты	—	—	—	1.050
На наемъ машиниста, подмастерьевъ и на глѣнія занятія учениковъ.	—	—	—	1.400
На канцелярскіе расходы	—	—	—	350
На содержаніе дома и на наемъ прислуги. .	—	—	—	3.000
Итого	—	—	—	21.382

Примѣчаніе:

Всѣ служащіе въ Иваново-Вознесенской школѣ колористовъ, не исключая и директора, пользуются тѣми же служебными и пенсіонными правами и преимуществами, какія предоставлены должностнымъ лицамъ среднихъ техническихъ училищъ по штатамъ 26-го іюня 1889 г., а также на основаніи п. 17 ст. 362 уст. пенс. (св зак. т. III, по прод. 1893 г.).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Милютъ*.

22. (30-го іюня 1895 года). *О замѣщеніи должности ректора Юрьевскаго университета въ случаѣ его болѣзни или отлучки.*

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о замѣщеніи въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ должности ректора, въ случаѣ болѣзни его или отлучки, примѣнительно къ ст. 421 т. XI, ч. 1 св. зак., изд. 1893 года, старшимъ по службѣ деканомъ, миѣніемъ положилъ утвердить означенное представленіе.

Государь Императоръ, въ 30-й день іюня 1895 года, на таковое положеніе комитета министровъ Высочайше соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го іюля 1895 года. *Опредѣлены:* на службу: окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Соколовъ*—съ причисленіемъ къ министерству; лѣкаръ *Лебедевъ*—сверхштатнымъ ассистентомъ при акушерско-гинекологической клиникѣ Императорскаго Томскаго университета; дворянинъ *Кичики*—почетнымъ смотрителемъ Очаковскаго городского трехкласснаго училища.

Причислены къ министерству: директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григорьевъ*, согласно прошенію, съ 15-го іюля; оставшійся за штатомъ, бывший учитель Скопинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Цуриловъ*, согласно прошенію, съ 1-го іюля.

Назначены: Императорскихъ университетовъ: Московскаго: сверхштатный экстраординарный профессоръ, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Крюковъ*—штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, и штатный ассистентъ, привать-доцентъ, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Евсѣевъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, оба того же университета, по кафедрѣ офтальмологіи, съ 4-го мая, Казацкаго, привать-доцентъ и прозекторъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Леонтьевъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ судебной медицины, съ 1-го іюля; исполняющій обязанности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, чиновникъ особыхъ порученій V класса при мини-

стрѣ, статскій совѣтникъ *Раевъ*—директоромъ означенныхъ курсовъ, съ 29-го мая; Юрьевского ветеринарнаго института, магистры ветеринарныхъ наукъ, надворные совѣтники: доцентъ, *Гантсхъ* и сверхштатный доцентъ, *Вальдманъ*, оба — сверхштатными экстраординарными профессорами того же института: первый—по кафедрѣ частной патологии и терапіи, а второй — по кафедрѣ патологической анатоміи и общей патологии, оба съ 1-го іюля; дѣлопроизводитель VII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Андреевъ*—правителемъ сей канцеляріи, съ 1-го мая; бывшіе ученые хранители зоологическаго музея Императорской академіи наукъ: надворный совѣтникъ *Біанки* и коллежскій ассессоръ *Бизнеръ*, оба—старшими зоологами сего музея, съ 19-го апрѣля; преподаватель Московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Езоровъ* — директоромъ сего института, съ 15-го іюля; исполняющіе обязанности инспектора: Ростовскаго-на-Дону, Петровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Ширяевъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви святой Екатерины, въ С.-Петербургѣ, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ *Глезеръ*, оба — директорами сихъ училищъ, изъ нихъ Глезеръ съ 1-го іюля; учитель Ахалкалакскаго городского училища, коллежскій секретарь *Ханичновскій* — смотрителемъ-учителемъ Баралетскаго сельскаго нормальнаго училища, съ 1-го іюля; учитель Ялуторовскаго городского приходскаго училища, неимѣющій чина *Мишуригъ*—учителемъ Тюменскаго уѣзднаго училища, съ 1-го іюля.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, помощникъ инспектора при Императорскомъ С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ, титулярный совѣтникъ *Дебаиорій-Мокріевичъ*, согласно прошенію — учителемъ русскаго языка въ Черниговскую мужскую гимназію.

Перемѣщенъ, директоръ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Норовъ* — директоромъ Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища, съ 1-го іюля.

Уволены отъ службы: статскіе совѣтники: директоръ Старобѣльской Александровской гимназіи *Преображенскій* и директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи *Ведостевъ*, оба — за выслугою срока, съ 1-го іюля, изъ нихъ Преображенскій, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; согласно прошенію, директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви святой Екатерины, въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Оссе*, съ 1-го іюля; согласно

прошенію, по болѣзни, учитель Дриссенскаго уѣзднаго, Витебской губерніи, училища, коллежскій ассессоръ *Скрипко*.

Произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, старшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ *Эмманъ*—съ 23-го февраля 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: воспитатель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Свѣтозарскій*—съ 11-го октября 1894 г.; учитель Хабаровскаго городского 2-хъ класснаго училища *Стяпалковскій*—съ 1-го іюля 1893 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, архивариусъ и бібліотекаръ главной физической обсерваторіи *Геймузъ*—съ 1-го февраля 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, сотрудникъ археографической комиссіи *Кайдаловъ*—съ 23-го марта 1895 г.

Департаментъ народнаго просвѣщенія. *Произведенъ*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, журналистъ *Дьяковъ*—съ 1-го января 1895 года.

Утвержденъ въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, помощникъ дѣлопроизводителя *Ильинскій*—съ 17-го октября 1894 г., по диплому первой степени Императорскаго Московскаго университета.

Казанскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя: Самарской гимназіи: *Кирьяновъ* и *Челноковъ*, оба—съ 1-го августа 1894 г. и *Ильинъ*—съ 11-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Астраханскаго, Николай *Бобровъ*—съ 22-го іюля 1894 г. и Сызранскаго, *Юматовъ*—съ 1-го сентября 1894 г. и Саратовскаго, Флавіанъ *Бобровъ*—съ 17-го февраля 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя Саратовской гимназіи: Михаилъ *Ивановъ*—съ 22-го декабря 1893 г. и *Переверзевъ*—съ 23-го іюля 1894 г., Камышинскаго реального училища *Юратовъ*—съ 1-го сентября 1891 г. и Казанскаго учительскаго института, *Жеребцовъ*—съ 1-го августа 1893 г.; врачъ Самарской гимназіи *Ястребовъ*—съ 19-го ноября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники* учителя: Саратовской гимназіи: *Мюльбергъ*—съ 8-го октября 1892 г., *Болородицкіи*—съ 7-го ноября 1892 г. и *Волочковъ*—съ 19-го января 1893 г., Царицынской женской гимназіи, *Рождественскій*—съ 12-го сентября 1894 г., Астраханскаго реального училища, *Ажиевъ*—съ 17-го мая 1894 г. и Казанской татарской учительской школы, *Коржавинъ*—съ 24-го октября 1894 г.; помощникъ инспектора студен-

товъ Императорскаго Казанскаго университета *Бунинъ*—съ 5-го апрѣля 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Тимоѳеевъ*—съ 23-го декабря 1889 г.; сверхштатный хранитель кабинета при астрономической обсерваторіи Императорскаго Казанскаго университета *Корнухъ-Троцкій*—съ 8-го октября 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Кирилловъ*—съ 13-го декабря 1892 г.; лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Фолькманъ*—съ 1-го октября 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, помощникъ бібліотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Евлампіевъ*—съ 12-го апрѣля 1882 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, учитель Вольскаго реальнаго училища *Гокъ*—съ 8-го ноября 1890 г.; *титулярнаго совѣтника*, помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Полумординовъ*—съ 11-го января 1891 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учитель Астраханскаго городского 4-хъ классаго училища *Мордвикинъ*—съ 7-го августа 1890 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Царицынской гимназіи *Лебязьевъ*—съ 1-го января 1891 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища *Остроумовъ*—съ 12-го февраля 1890 г.

Одесскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища, *Олблнскій*—съ 24-го февраля 1895 г. и Одесскаго реальнаго училища, *Теребенниковъ*—съ 1-го октября 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ классныхъ наставниковъ Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища *Климентовъ*—съ 1-го мая 1894 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища, *Аронскій*—съ 28-го сентября 1887 г. и Бахмутской мужской гимназіи, *Черезъ*—съ 1-го августа 1890 г.

Кавказскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителей гимназій: Владикавказской, *Бьловидовъ*—съ 18-го сентября 1894 г., Елисаветпольской, *Деметьевъ*—съ 16-го іюня 1894 г., Кутаисской, *Сипожниковъ*—съ 25-го января 1895 г., Темиръ-хапъ-шуринскаго

реального училища, *Франтовъ*—съ 20-го января 1895 г. и Екатеринодарской женской гимназіи, *Крыжановскій*—съ 4-го ноября 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Владикавказскаго реального училища, *Чечелевъ*—съ 22-го іюня 1894 г., женскихъ гимназій: Ставропольскихъ св. Александры и Ольгинской, *Сертенько*—съ 15-го іюля 1894 г.; Екатеринодарской, *Калашиниковъ*—съ 1-го сентября 1894 г. и Тифлискаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины: *Гедвановъ*—съ 1-го декабря 1891 г. и *Федоровскій*—съ 18-го октября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя гимназій: Владикавказской, *Леонтьевъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Тифлискаго 1-й *Сапаровъ*—съ 1-го сентября 1894 г. и *Цатуровъ*—съ 23-го августа 1894 г. и Новороссійской четырехклассной прогимназіи *Мельниковъ-Разведенковъ*—съ 1-го сентября 1892 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ воспитателя пансіона при Владикавказскомъ реальномъ училищѣ *Балтаманъ*—съ 1-го іюня 1891 г. и бывший сверхштатный учитель Телавскаго городского училища *Пиленко*—съ 1-го сентября 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, письмоводитель Екатеринодарской мужской гимназіи *Гузовскій*—съ 26-го марта 1895 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя гимназій: Владикавказской, *Григоровичъ*—съ 16-го сентября 1890 г. и Ставропольской, *Бялевичъ*—съ 19-го декабря 1890 г.

Оренбургскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели: Екатеринбургской женской гимназіи, *Яковкинъ*—съ 11-го февраля 1895 г. и Оренбургской киргизской учительской школы, *Лебединскій*—съ 15-го февраля 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватели гимназій: Пермской, *Шкилевъ*—съ 22-го сентября 1893 г., Уральской женской, *Казанскій* и Екатеринбургской, *Елсиновъ*—оба съ 5-го сентября 1894 г. и Оренбургскаго учительскаго института *Морозовъ*—съ 1-го января 1895 г.; врачъ Алапаевскаго городского училища *Волковъ*—съ 27-го марта 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя городскихъ училищъ: Оханскаго, *Голубевъ*, Шадринскаго, *Даниловъ*, Ирбитскаго, *Замотринскій*, всѣ трое—съ 1-го іюля 1893 г. и Орскаго, *Квасовъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; учитель Пермскаго уѣзднаго училища *Грузинцевъ*—съ 18-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя городскихъ училищъ: Орскаго, *Добродневъ*—съ 9-го октября 1891 года и Нижне-тагиль-

скаго, *Бояришиновъ*—съ 1-го января 1895 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: завѣдующій Сысертскимъ двухкласснымъ училищемъ *Осколковъ*—съ 29-мая 1889 г.; почетный смотритель Оханскаго городского училища *Тупицынъ*—съ 1-го января 1892 г.; письмоводитель Уральскаго реальнаго училища *Люшъ*—съ 1-го марта 1895 г.

Утверждены въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*: учитель-инспекторъ Ирбитскаго городского училища *Федосеевъ*—съ 17-го августа 1890 г. и преподаватель Екатеринбургскаго реальнаго училища *Оттъ*—съ 24-го октября 1890 г.

18-го іюня 1895 года. *Опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Вараксевичъ*—учителемъ математики Орловской прогимназіи.

Опредѣлена на службу: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскихъ университетахъ, съ дипломами: 1-й степени, *Васистовъ*—преподавателемъ исторіи частной женской гимназіи Перепелкиной въ Москвѣ, и 2-й степени, *Бяляевъ*—сверхштатнымъ учителемъ Одесской 3-й гимназіи; инженеръ-технологъ *Прокудинъ*—профессоромъ Императорскаго Московскаго техническаго училища по технологіи минеральныхъ веществъ; окончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ: *Росницкій*, *Куборскій*, *Лебедевъ* и *Маллицкій*, первые трое—преподавателями гимназій: *Росницкій*—Кутанской, по древнимъ языкамъ, *Куборскій*—Варшавской 1-й, по греческому языку, *Лебедевъ*—Варшавской 4-й, по древнимъ языкамъ, и *Маллицкій*—преподавателемъ исторіи и географіи Ташкентской учительской семинаріи, съ зачетомъ *Росницкому*, согласно ст. 153 уст. служб. прав. (св. зак., т. III, изд. 1876 г.), времени испытанія при означенной гимназіи, съ 1-го іюля; имѣющій званіе учителя армянскаго языка и словесности гимназій *Кусиковъ*—учителемъ армянскаго языка гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ; докторъ медицины *Фонъ-цуръ-Мюленъ*—сверхштатнымъ ассистентомъ при клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Императорскаго Юрьевскаго университета; лѣкаря: *Куникъ* и *Ходаковскій*, оба—сверхштатными ординаторами клиникъ Императорскихъ университетовъ: *Куникъ*—гинекологической, Варшавскаго, и *Ходаковскій*— акушерско-гинекологической, Казанскаго; инженеръ-технологъ *Мануйловъ*—инспекторомъ Клиновскаго ремесленнаго училища; окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Червинскій*—учителемъ Житомирскаго городского училища; окончившій курсъ наукъ въ учительской семинаріи *Чиковъ*—учителемъ Гжатскаго приходскаго училища.

Назначены: директоръ Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Бутлеровъ*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета; экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, докторъ русской словесности, коллежскій совѣтникъ *Плутуховъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія; учитель Московской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Шнейдеръ*—инспекторомъ Владимірской гимназіи, съ 1-го іюля; исполняющій обязанности инспектора Елецкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Плѣшкинъ*—инспекторомъ Орловской прогимназіи, съ 1-го іюля; учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ *Молчановъ*—исполняющимъ обязанности инспектора Елецкой гимназіи, съ 1-го іюля; сверхштатный ассистентъ при клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Императорскаго Юрьевскаго университета, лѣкаръ *Свенсонъ*—штатнымъ ассистентомъ той же клиники; козловскій уѣздный врачъ, лѣкаръ, надворный совѣтникъ *Соколовъ*—врачемъ Козловской женской прогимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; сверхштатный учитель древнихъ языковъ Московской 2-й прогимназіи, надворный совѣтникъ *Владимірскій*—учителемъ тѣхъ же предметовъ названной прогимназіи, съ 1-го іюля; домашній учитель, надворный совѣтникъ *Гиндинъ*—сверхштатнымъ учителемъ Казанскаго городского училища, со 2-го іюня; учитель древнихъ языковъ Семипалатинской мужской прогимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Шмейссеръ*—исправляющимъ должность помощника класснаго наставника той же прогимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, съ 13-го сентября 1894 года; учительскій помощникъ Новозыбковскаго городского училища, коллежскій регистраторъ *Цесарцевъ*—учителемъ Кременецкаго городского училища; завѣдывающій Кустанайскимъ, Тургайской области, русско-киргизскимъ училищемъ, неимѣющій чина *Гречкинъ*—учителемъ-завѣдывающимъ Кустанайскимъ городскимъ училищемъ; экономъ пансіона Владикавказскаго реальнаго училища, неимѣющій чина *Кочевъ*—письмоводителемъ того же училища, съ 1-го іюня.

Утверждены: исправляющіе должности ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета по кафедрѣ государственнаго права, докторъ государственнаго права, коллежскій ассессоръ *Филитовъ*, учителя географіи Кіевскаго реальнаго училища, окон-

чившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Добровольскій* и прозектора при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины *Павловъ*, всѣ трое—въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ *Павловъ*—съ 30-го мая.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподаватель Оренбургской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ *Сироткинъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, съ 1-го іюля.

Перемѣщены: учитель-инспекторъ Каркаралинскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Вяткинъ* и учитель Семипалатинскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Брутанъ*—одинъ на мѣсто другого, съ 1-го іюля.

Уволены отъ службы: инспекторъ народныхъ училищъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, статскій совѣтникъ *Шейковский*, лѣкаря, ординаторы клиникъ Императорскаго Московскаго университета: сверхштатный, акушерской, *Чечулинъ* и штатный, гинекологической, *Благоволинъ*, всѣ трое—за выслугою срока, изъ нихъ: *Шейковский* съ 1-го іюля, *Чечулинъ* съ 20-го мая и *Благоволинъ* съ 23-го іюня, согласно прошеніямъ: преподаватель французскаго языка частной женской гимназіи, Перепелкиной, въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ *Фонде-де-Монтюсенъ*, съ 3-го мая; сверхштатный ассистентъ при институтѣ сравнительной анатоміи Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины *Должанскій*, съ 1-го іюня; помощникъ класснаго наставника Сосновицкаго частнаго реальнаго училища *Трошкій*; согласно прошеніямъ, по болѣзни: бухгалтеръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Василевъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; преподаватель Уральской женской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Евровъ*, штатный смотритель и учитель Суражскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Кушинъ* и учитель Вятскаго реальнаго училища, неимѣющій чина *Сорокинъ*, всѣ трое—съ 1-го іюля.

Умершіе исключены изъ списковъ: преподаватель Тамбовской женской гимназіи, надворный совѣтникъ *Галкинъ*, съ 15-го мая; учитель Варшавской 2-й мужской прогимназіи, коллежскій ассесоръ *Халковский*; помощникъ воспитателя Смоленскаго дворянскаго пансіонапріюта *Жукъ*, съ 30-го мая и учитель Кіевской 2-й гимназіи *Яновскій*, съ 26-го іюня.

26-го іюля 1895 года. *Опредѣлены* на службу, изъ отставныхъ: коллежскій регистраторъ *Бредюковъ*—почетнымъ смотрителемъ Бобринскаго городского училища, съ 5-го іюля; технологъ *Поддеринтъ*—инспекторомъ Нѣжинскаго ремесленнаго училища, съ 1-го іюля.

Опредѣлены на службу: лѣкаръ *Козинцевъ*—врачeмъ Новозыбковскаго городского училища; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Рюмины*—учителемъ древнихъ языковъ Шуйской гимназіи, съ 1-го іюля; имѣющій право преподавать рисованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *Рутченко-Короткоручка*—исправляющимъ должность учителя рисованія Красноярской губернской гимназіи, съ 11-го января; окончившіе курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ: *Радзевенчукъ* и *Мамышевъ*—учителями Холмскаго, Псковской губерніи, уѣзднаго училища, съ 1-го іюля, *Львовъ*—учителемъ Петрозаводскаго 2-го приходскаго училища, съ 1-го іюля, *Смоленцевъ*—сверхштатнымъ учителемъ Лодейнопольскаго городского училища, съ 1-го іюля, *Молчановъ*—учительскимъ помощникомъ Александровскаго городского училища, съ 20-го іюня, и *Чижаревъ*—учительскимъ помощникомъ Никольскаго, Вологодской губерніи, городского училища, съ 1-го іюля; окончившій курсъ наукъ въ учительской семинаріи *Сухарьковъ*—учителемъ Никольско-Погостинскаго, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, сельскаго приходскаго училища, съ 7-го іюля; имѣющій званіе учителя городского училища *Смирновъ*—сверхштатнымъ учителемъ 2-го Московскаго училища, съ 1-го мая; лѣкаръ *Бондаревъ*—сверхштатнымъ ассистентомъ при кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія Императорскаго Юрьевскаго университета, съ 1-го іюля.

Назначены: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель попечительнаго комитета клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, совѣщательный членъ и ученый секретарь медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *фонъ-Ауренъ*—директоромъ открываемаго въ С.-Петербургѣ женскаго медицинскаго института, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Варабашевъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ офтальмологіи; учитель древнихъ языковъ Кіевской 3-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Орда*—инспекторомъ Луцкой прогимназіи; помощникъ

класснаго наставника главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ, кандидатъ древне-классической филологіи *Зеберъ*—сверхштатнымъ преподавателемъ древнихъ языковъ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюля; исправляющій должность Семипалатинскаго областного врачебнаго инспектора, докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Владиміръскій*—врачѣмъ Семипалатинской мужской прогимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, съ 1-го іюля; Оболенскій городской врачъ, лѣкарь, титулярный совѣтникъ *Максимовъ*—врачѣмъ Оболенскаго уѣднаго училища, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Дубровскій*—столоначальникомъ той же канцеляріи, съ 21-го іюня; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, неимѣющій чина, инженеръ-технологъ *Россихинъ*—инспекторомъ Павловскаго ремесленнаго училища, Нижегородской губерніи, съ 1-го іюля; учитель Владикавказскаго ремесленнаго, графа Лорисъ-Меликова училища, титулярный совѣтникъ *Тарасовъ*—учителемъ-инспекторомъ Ахалкалакскскаго городского училища, съ 1-го іюля; состоящій за штатомъ учитель чистописанія, черченія и рисованія, бывшаго 2-го Московскаго уѣднаго училища, губернский секретарь *Петровъ*—учителемъ рисованія частной женской гимназіи Калайдовичъ въ Москвѣ, съ 1-го іюля; преподаватель Самарской земской школы для образованія сельскихъ учительницъ, дѣйствительный студентъ *Лозановъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи, съ 1-го іюня; помощникъ класснаго наставника Касимовской прогимназіи, неимѣющій чина *Стенькинскій*—письмоводителемъ той же прогимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, съ 1-го января.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: старшій врачъ 124-го пѣхотнаго Воровежскаго полка, привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Бодановъ*—врачѣмъ Императорскаго Харьковскаго университета, съ оставленіемъ въ званіи привать-доцента того же университета; сверхштатный младшій медицинскій чиновникъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, докторъ медицины *Калашиниковъ*—сверхштатнымъ ассистентомъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, съ 4-го сентября 1894 г.

Черемпышевъ, учитель чистописанія, черченія и рисованія Проску-

ровскаго училища, губернской секретарь *Лаврентьевъ*—учителемъ чи-
стописанія и рисованія въ Черкасскую прогимназію.

Уволены отъ должности: врачъ Бѣлевской мужской прогимназіи, штатный врачъ Бѣлевской земской городской больницы, лѣкарь, коллежскій ассессоръ *Металловъ*—отъ первой изъ упомянутыхъ должностей, по случаю закрытія означенной прогимназіи, съ 1-го іюля; штатный врачъ Брестской прогимназіи и дивизионный врачъ 15-й кавалерійской дивизіи, лѣкарь, статскій совѣтникъ *Рябининъ* и врачъ Астраханскаго 1-го городского училища, астраханскаго реальнаго училища, астраханскій городской врачъ, коллежскій совѣтникъ *Мышкинъ*, оба согласно прошеніямъ, отъ первыхъ изъ упомянутыхъ должностей, изъ нихъ: Рябининъ съ 1-го мая, а Мышкинъ съ 14-го апрѣля.

Уволены отъ службы: директоръ Кіевской 4-й гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайловъ*, штатный преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бѣлозеровъ* и состоящій за штатомъ учитель русскаго языка, бывшаго 2-го Московскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Ивановъ*—всѣ трое за выслугою срока, изъ нихъ: Михайловъ—съ 16-го іюля, Бѣлозеровъ—съ 6-го іюля и Ивановъ—съ 1-го іюля; согласно прошеніямъ: помощникъ класснаго наставника Кутаисской гимназіи, надворный совѣтникъ *Шанидзе*, съ 1-го іюля; учитель Яренскихъ уѣзднаго училища и женской прогимназіи, коллежскій ассессоръ *Фалинъ*, съ 15-го іюня; состоящій за штатомъ, учитель ариметики и геометріи бывшаго Владимірскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Кирилловъ*, съ 1-го іюля и учитель рисованія, черченія и чистописанія Сарapulьскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ *Васильевъ*, съ 1-го іюля; согласно прошенію по болѣзни, учитель завѣдывающій Ставропольскимъ городскимъ училищемъ, коллежскій ассессоръ *Клавикордовъ*, съ 1-го іюля.

Умершіе исключены изъ списковъ: преподаватель Бобруйской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Шулякевичъ*, съ 22-го іюня; инспекторъ народныхъ училищъ, Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ *Вальтеръ*, съ 19-го іюня; учитель Курской гимназіи, статскій совѣтникъ *Куклинъ*, съ 10-го іюня; учитель Елатомской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Студитскій*, съ 22-го іюня; учитель Малмыжскаго городского училища *Родионовъ*, съ 13-го апрѣля; смотритель Прасковейскаго нормальнаго училища *Кобле*, съ 6-го іюня.

1-го августа 1895 года. *Опредѣлены* на службу: лѣкарь *Поповъ*—сверхштатнымъ ординаторомъ медицинскаго факультета Император-

скаго Харьковскаго университета, съ 24-го ноября 1894 г.; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Земель*—преподавателемъ древнихъ языковъ Нарвской мужской гимназіи, съ 1-го августа; дѣйствительный студентъ *Понизовскій*—исправляющимъ должность воспитателя при пансіонѣ Екатеринославской гимназіи, съ 1-го іюля; кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Васильевъ*—сверхштатнымъ учителемъ исторіи и географіи Московской 6-й гимназіи, съ 1-го августа; окончившіе курсъ наукъ въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ: *Горбуновъ*—преподавателемъ исторіи и географіи Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кутцевичъ*—преподавателемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ Двинскаго реальнаго училища, *Варшевъ*—преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ Томской губернской гимназіи; *Смѣльницкій*—преподавателемъ русскаго языка Томской Маріинской женской гимназіи, *Окинчицъ*—преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ Семипалатинской 4-хъ классной мужской прогимназіи, всѣ пятеро съ 1-го іюля; окончившіе курсъ наукъ въ Учительскомъ институтѣ: *Крашенинниковъ*—учителемъ Онежскаго, Архангельской губерніи, городскаго училища, *Одинцовъ*—учителемъ Устьсысольскаго, Вологодской губерніи, городскаго училища и *Ежовъ*—сверхштатнымъ учителемъ городскаго училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, всѣ трое съ 1-го августа; имѣющій право преподавать рисованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: *Семперовичъ*—учителемъ рисованія С.-Петербургской 1-й прогимназіи, съ 1-го іюля, и *Стрѣльцовъ*—учителемъ рисованія Якиманскаго казеннаго начальнаго училища въ Москвѣ, съ 23-го іюня.

Назначены: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Манштейнъ*—правителемъ дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, директоръ Карачевской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Червлинскій*—директоромъ народныхъ училищъ Тверской губерніи, съ 1-го іюля; учитель Кіевской 1-й гимназіи, докторъ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ *Голубовскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета по кафедрѣ русской исторіи; инспекторъ народныхъ училищъ, Сарапульскаго уѣзда; Вятской губерніи, статскій совѣтникъ *Ольшамовскій*—исправляющимъ должность инспектора и преподавателемъ русскаго языка Астраханскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля; исправляющій должность

инспектора Астраханскаго реальнаго училища, преподаватель, статскій совѣтникъ *Спаскій*—инспекторомъ народныхъ училищъ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, съ 1-го іюля; преподаватель Царицынской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Милославскій*—инспекторомъ народныхъ училищъ Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ, Саратовской губерніи, съ 1-го іюля; помощникъ класснаго наставника Прагской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Палицынъ*—сверхштатнымъ учителемъ древнихъ языковъ Варшавской 5-й мужской гимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель исторіи и географіи Московской 6-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Соловьевъ*—штатнымъ учителемъ тѣхъ же предметовъ названной гимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель русскаго языка Московской 1-й шестиклассной прогимназіи, надворный совѣтникъ *Ямчукъ*—штатнымъ учителемъ того же предмета 7-й Московской гимназіи, съ 1-го іюля; завѣдующій Ямбургскимъ, С.-Петербургской губерніи, городскимъ училищемъ, надворный совѣтникъ *Русецкій*—учителемъ-инспекторомъ того же училища, съ 1-го іюля; помощникъ класснаго наставника Варшавской 2-й мужской прогимназіи, коллежскій ассессоръ *Лебединскій*—учителемъ приготовительнаго класса той же прогимназіи, съ 1-го августа; учитель русскаго и церковно-славянскаго языка, исторіи и географіи Варшавской 6-й мужской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Токаревъ*—инспекторомъ Сандомирской мужской прогимназіи, съ 1-го августа; учитель Вельскаго, Вологодской губерніи, городского трехкласснаго училища, титулярный совѣтникъ *Копосовъ*—учителемъ-инспекторомъ того же училища, съ 1-го августа; сверхштатный преподаватель русскаго языка С.-Петербургской 6-й гимназіи, титулярный совѣтникъ *Оксеновъ*—штатнымъ преподавателемъ того же предмета той же гимназіи, съ 1-го іюля; учитель-инспекторъ Ленчицкаго городского училища, коллежскій секретарь *Пуцаевичъ*—учителемъ Петроковскаго Александровскаго городского училища, съ 1-го августа; помощникъ класснаго наставника Варшавскаго реальнаго училища, имѣющій право преподавать чистописаніе, коллежскій секретарь *Голоскевичъ*—учителемъ чистописанія того же училища, съ 1-го августа; преподаватель древнихъ языковъ Нарвской мужской гимназіи *Каллисъ*—исправляющимъ должность воспитателя при пансіонѣ частной мужской гимназіи К. Мая, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа; сверхштатный учитель математическихъ наукъ Ченстоховской мужской гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й

степени *Пажитновъ*—учителемъ тѣхъ же наукъ той же гимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель русскаго языка и словесности, исторіи и географіи Варшавской 4-й женской гимназіи, кандидатъ филологическихъ наукъ *Архангельскій*—штатнымъ учителемъ тѣхъ же предметовъ Варшавской 3-й женской гимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ, исторіи и географіи Варшавской 5-й мужской гимназіи, кандидатъ филологическихъ наукъ *Пилькевичъ*—штатнымъ учителемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи Варшавской 3-й женской гимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель русскаго языка и словесности, исторіи и географіи Кѣлецкой женской гимназіи, дѣйствительный студентъ *Журавченко*—штатнымъ учителемъ тѣхъ предметовъ Сандомирской женской прогимназіи, съ 1-го августа; сверхштатный учитель древнихъ языковъ Ярославской гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Ярошевскій*—учителемъ русскаго языка въ параллельныхъ классахъ той же гимназіи; сверхштатный учитель математическихъ наукъ Харьковскаго уѣзднаго училища, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Лащенко*—сверхштатнымъ лаборантомъ при химической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета, съ 13-го мая; учитель русскаго языка частной женской гимназіи Арсеневой, въ Москвѣ, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 2-й степени *Поливановъ*—сверхштатнымъ учителемъ древнихъ языковъ Московской 2-й прогимназіи, съ 1-го іюля; земскіе врачи: Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи, лѣкарь *Салищевъ*—врачемъ Курмышской женской прогимназіи, съ 11-го января, и пригороднаго участка Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, лѣкарь *Русскихъ*—врачемъ Екатеринбургской женской гимназіи, съ 14-го апрѣля, оба съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; сверхштатный учитель Ямбургскаго, С.-Петербургской губерніи, городского училища, окончившій курсъ наукъ въ Учительскомъ институтѣ *Гавриловъ*—штатнымъ учителемъ того же училища, съ 1-го іюля.

Утверждены: исправляющіе должность учителя приготовительнаго класса: С.-Петербургской 6-й гимназіи, имѣющіе званіе учителя городского училища *Цытковъ* и Грозненской горской школы, имѣющій званіе учителя городского училища *Богдановъ*—въ исправляемой ими должности, первый—съ 1-го іюля, а второй—съ 25-го апрѣля.

Уволены: преподаватель древнихъ языковъ Варшавской 1-й муж-

ской гимназіи, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета по каедру греческаго языка и словесности, протоіерей *Дьячанъ*—согласно прошенію, отъ первой изъ упомянутыхъ должностей, съ 1-го августа; врачъ Саранскаго городскаго училища, саранскій земскій врачъ, лѣкарь *Пионтковскій*—согласно прошенію, отъ первой изъ упомянутыхъ должностей, съ 16-го мая.

Уволены отъ службы: учитель древнихъ языковъ Московской 5-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Шульбахъ*—за выслугою срока, съ 1-го іюля; учитель Московской 6-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Хитровъ*—за принятіемъ духовнаго сана, съ 1-го августа; согласно прошеніямъ: учитель Мариампольской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Павловскій* и учитель Калишской женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Лавровъ*, оба съ 1-го августа, съ мундирами, занимаемымъ ими должностяхъ присвоенными; согласно прошенію, по болѣзни, исправляющій должность инспектора и преподаватель Калишской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Павловичъ*, съ 1-го августа, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключены изъ списковъ: членъ археографической коммисіи и правитель дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Савваитовъ*, съ 12-го іюля, и учитель-завѣдующій Ставропольскимъ городскимъ училищемъ, коллежскій ассессоръ *Клавикордовъ*, съ 2-го іюля.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го мая 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Капустина при женскомъ училищѣ русскаго благотворительнаго общества въ городѣ Юргевѣ. Лифляндской губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала, заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на одну тысячу триста руб. и образовавшагося изъ пожертвованій попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Михайла Николаевича Капустина на воспитаніе бѣдныхъ

дѣвочекъ, учреждается при женскомъ училищѣ русскаго благотворительнаго общества въ г. Юрьевѣ, Лифляндской губерніи, стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ собственность русскаго благотворительнаго общества въ г. Юрьевѣ и хранится въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ на счету пріюта при училищѣ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ свидѣтельствъ государственной 4% ренты, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, правленіе общества немедленно приобрѣтаетъ вмѣсто нихъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ, по закону 20-го мая 1885 года, въ казну государственнаго 5% сбора, обращаются на содержаніе въ пріютѣ при училищѣ русскаго благотворительнаго общества одной изъ бѣднѣйшихъ дѣвочекъ православнаго исповѣданія, воспитывающихся въ названномъ училищѣ.

§ 5. Стипендіатка избирается правленіемъ русскаго благотворительнаго общества въ г. Юрьевѣ по соглашенію съ дамами-попечительницами по пріюту.

§ 6. Стипендіатка лишается стипендіи, по опредѣленію правленія общества и дамъ-попечительницъ по пріюту, за плохое поведеніе, а также за малоуспѣшность, если для послѣдней не было какихъ-либо уважительныхъ причинъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могуція вновь поступить отъ тайнаго совѣтника М. Н. Капустина пожертвованія причисляются къ стипендіальному капиталу.

2. (25-го мая 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени переславскаго купца Федора Осиповича Евреинова при Переславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Переславской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени переславскаго купца Федора Осиповича Евреинова, въ память его долговременной и полезной службы въ качествѣ городского и земскаго гласнаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., представленнаго съ этою цѣлію переславскою городскою управою.

§ 2. Означенный капиталъ, будучи обращенъ въ государственныя процентныя бумаги, составляетъ неприкосновенную собственность названной прогимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ ея специальныхъ средствъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе одной бѣдной ученицы прогимназіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта оной, остатки же, по накопленіи ихъ въ достаточномъ количествѣ, должны идти на плату за ученіе другой бѣдной ученицы.

§ 4. Педагогическій совѣтъ прогимназіи при назначеніи стипендіи избираетъ способную ученицу, оказавшую хорошіе успѣхи, изъ сословія бѣдныхъ гражданъ города Переяслава; при неудовлетворительныхъ же успѣхахъ, если таковыя окажутся впослѣдствіи, ученица лишается стипендіи, которая въ этомъ случаѣ вносится за другую, болѣе достойную.

§ 5. Въ случаѣ закрытія прогимназіи, капиталъ передается въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взамѣнъ прогимназіи съ исполненіемъ вышеизложенныхъ въ семъ положеніи условій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (26-го мая 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени шуйскаго мѣщанина Павла Ивановича Смирнова при Переяславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Переяславской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени шуйскаго мѣщанина Павла Ивановича Смирнова на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ на сей предметъ капитала въ *двѣсти* руб.

§ 2. Означенный капиталъ, будучи обращенъ въ государственныя процентныя бумаги, составляетъ неприкосновенную собственность названной прогимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ ея специальныхъ средствъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе одной бѣдной ученицы прогимназіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта оной; остатки же, по накопленіи ихъ въ доста-

точною количествѣ, должны идти въ плату за ученіе другой бѣдной ученицы.

§ 4. Педагогическій совѣтъ прогимназій, при назначеніи стипендіи избираетъ способную ученицу, оказавшую хорошіе успѣхи, изъ словія бѣдныхъ гражданъ города Переяславля; при неудовлетворительныхъ же успѣхахъ, если таковыя окажутся впоследствии, ученица лишается стипендіи, которая въ этомъ случаѣ вносится за другую, болѣе достойную.

§ 5. Въ случаѣ закрытія прогимназій, капиталъ передается въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взамѣлъ прогимназій съ исполненіемъ вышесказанныхъ въ семъ положеніи условий.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

4. (2-го іюня 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери статскаго совѣтника Софіи Александровны Ещенконой при Семипалатинской женской прогимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Семипалатинской женской прогимназій учреждается одна стипендія имени дочери статскаго совѣтника Софіи Александровны Ещенконой, на счетъ % съ капитала въ 400 руб., пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Александромъ Григорьевичемъ Ещенковымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ Семипалатинскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ женской прогимназій, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за ученіе въ продолженіе всего курса одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ прогимназій, заслуживающей того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ педагогическому совѣту Семипалатинской женской прогимназій, которому также предоставляется право лишенія стипендіатки стипендіи, если онъ найдеть къ тому уважительныя причины (например дурное поведеніе, неудовлетворительныя успѣхи и т. п., стипендіатка безусловно ли-

шается стипендіи, если по нерадѣнію не перейдетъ въ слѣдующій классъ).

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущія образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Семипалатинской женской прогимназіи въ другое учебное заведеніе, стипендія остается при этомъ послѣднемъ.

5. (14-го іюля 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ „въ память 4-го апрѣля 1866 года“ при С.-Петербургской Введенской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го ноября 1870 года, при С.-Петербургской Введенской прогимназіи, нынѣ гимназіи, учреждены двѣ стипендіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ С.-Петербургскихъ и Кронштадтской гимназіяхъ капитала, съ наименованіемъ ихъ „стипендіями въ память 4-го апрѣля 1866 года“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, первоначально составлявшій 869 руб. 46 коп., въ настоящее время съ наросшими процентами равняется *одной тысячѣ шестистамъ восьмидесяти двумъ руб. тринадцати копѣйкамъ*, въ числѣ ихъ 1.000 р. въ 4% государственной бумагѣ и 682 рубля 13 копѣекъ наличными деньгами.

§ 3. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность С.-Петербургской Введенской гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ хранится въ с.-петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала образуютъ двѣ равныя стипендіи и выдаются двумъ недостаточнымъ ученикамъ С.-Петербургской Введенской гимназіи заслуживающимъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію на книги, учебныя пособія и другія нужды учащихся.

§ 5. Право выбора стипендіатовъ, а равно лишеніе ихъ стипендій въ случаѣ лѣности или неодобрительнаго поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, коему предоставляется, въ случаѣ если малоуспѣшность стипендіата произошла по причинамъ отъ него независящимъ, признаннымъ уважительными, сохранять за

ученикомъ стипендію и при оставленіи его на второй годъ въ томъ же классѣ.

§ 6. Имѣющіяся наличныя суммы и могущія въ послѣдствіи оказаться остатки употребляются на приобрѣтеніе новыхъ государственныхъ процентныхъ бумагъ для увеличенія размѣра стипендій.

Примѣчаніе: Процентныя бумаги, приобрѣтенныя послѣ изданія закона 20-го мая 1885 года, подлежатъ 5% государственному налогу.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (14-го іюля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго воронежскаго губернатора, тайнаго совѣтника Евгенія Александровича Куровскаго, при Воронежской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Служащими въ воронежскомъ губернскомъ правленіи, полицейскихъ управленіяхъ, канцеляріи губернатора и тюремной инспекціи, чинами тюремнаго надзора, а также городскими и уѣздными врачами въ губерніи собранъ по подпискѣ капиталъ въ одну тысячу восемьсотъ рублей, заключающійся въ восьми свидѣтельствахъ государственной 4% ренты за №№ 3686 серіи 105—въ 1.000 р., 0028 серіи 108—въ 200 р., 3102, 2036, 2037, 2021 и 2022 серіи 100, по 100 рублей каждое и 4502 серіи 109—въ 100 рублей.

§ 2. На проценты съ упомянутаго въ § 1 капитала, хранящагося въ воронежскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Воронежской губернской гимназій и остающагося навсегда неприкосновеннымъ учреждается при гимназій одна стипендія, коей присвоится наименованіе: „стипендія бывшаго воронежскаго губернатора, тайнаго совѣтника Евгенія Александровича Куровскаго“.

§ 3. Въ случаѣ конверсіи государственной ренты, помѣщеніе капитала, заключающагося въ этихъ бумагахъ, въ другія государственныя 4%-ыя бумаги принадлежитъ совѣту, образуемому по § 6 Положенія.

§ 4. Имѣющіе поступать на этотъ капиталъ ежегодныя проценты, за удержаніемъ въ казну 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., обращаются на взносъ платы за право ученія въ Воронежской мужской гимназій одного воспитанника изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ Воронежской губерніи вѣдомства министерства внутреннихъ

дѣлъ, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, и на учебныя ему пособія и другія потребности.

§ 5. Стипендіальныя деньги выдаются на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата два раза въ годъ: въ сентябрѣ и февралѣ, по ассигновкамъ г. директора гимназіи, при чемъ каждый разъ удерживается изъ выдаваемой суммы (34 р. 20 к.) полугодичная плата за ученіе (22 р. 50 к.), въ чемъ и выдается квитанція родителямъ или опекунамъ стипендіата.

§ 6. Выборъ воспитанника, за котораго производится взносъ платы на счетъ процентовъ съ капитала тайнаго совѣтника Евгенія Александровича Куровскаго, производится ежегодно въ началѣ учебнаго года, не позже 15-го сентября, по постановленію совѣта, образуемаго подъ предсѣдательствомъ воронежскаго вице-губернатора, изъ трехъ лицъ, избираемыхъ служащими въ губерискомъ правленіи, канцеляріи губернатора и совмѣстно воронежской городской и уѣздной полиціи.

§ 7. Постановленія совѣта, указанныя въ предыдущемъ параграфѣ, при жизни тайнаго совѣтника Е. А. Куровскаго, препровождаются на его усмотрѣніе, при чемъ тайный совѣтникъ Куровскій можетъ, взаимнѣй предлагаемаго кандидата, остановить свой выборъ и на другомъ желаемомъ имъ лицѣ.

§ 8. О выборѣ стипендіата совѣтомъ, по § 6, и о согласіи на это избраніе тайнаго совѣтника Куровскаго, по § 7, г. вице-губернаторомъ доводится до свѣдѣнія директора гимназіи для соответствующихъ съ его стороны распоряженій о своевременной выдачѣ стипендіальныхъ денегъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (18-го іюля 1895 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ею Императорскаго Величества Государя Императора при Омскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *восемьсотъ* руб., пожертвованнаго представителями омскаго мѣщанскаго общества по случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ учреждается при Омскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ одна стипендія имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ би-

лестахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Омскаго низшаго механико-техническаго училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая. 1885 г., назначаются для уплаты за право ученія въ училищѣ приходящаго ученика.

§ 4. Стипендія предназначается для дѣтей лицъ недостаточнаго состоянія, христіанскаго вѣроисповѣданія, принадлежащихъ исключительно къ омскому мѣщанскому сословію и заслуживающихъ этого поощренія по своему отличному поведенію и хорошимъ успѣхамъ.

§ 5. Право назначенія стипендіи, а равно и лишенія таковой стипендіата, оказавшагося недостойнымъ, предоставляется педагогическому совѣту Омскаго низшаго механико-техническаго училища.

§ 6. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, употребляются на выдачу стипендіату пособія при выходѣ его изъ училища, по окончаніи курса.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (22-го іюля 1895 года). *Положеніе о стипендіи въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при одномъ изъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго соизволенія въ 15-й день апрѣля 1895 года на счетъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ семьсотъ тридцать пять рублей и пять копѣекъ, образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій служащихъ въ учрежденіяхъ, учащихъ и учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, учреждается стипендія въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

§ 2. На основаніи вышеизложенныхъ правилъ стипендіи этой удостоивается ученикъ одного изъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа по выбору попечителя округа.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя, или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Виленскомъ гу-

бернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ управленія Виленскаго учебнаго округа.

§ 4. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, 300 рублей 20 копѣекъ выдаются, по третямъ года впередъ, стипендіату во время пребыванія его какъ въ среднемъ, такъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній до окончанія въ немъ полного курса ученія, остальные же деньги, по 30 рублей 40 копѣекъ въ годъ, сколько ихъ накопится ко времени окончанія стипендіатомъ курса, сперва въ среднемъ, а потомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, могутъ быть выдаваемы ему въ пособіе при окончаніи курса какъ въ среднемъ, такъ и въ высшемъ учебномъ заведеніи. Если же стипендіатъ не окончитъ почему нибудь курса въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, въ такомъ случаѣ стипендіальная сумма, имѣющая остаться неизрасходованной впредь до назначенія стипендіи другому ученику, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ капитальной суммы за то же время, можетъ быть выдаваема, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, въ единовременное пособіе ученику какого либо мужскаго средняго учебнаго заведенія Виленскаго учебнаго округа, исполнѣ того заслуживающему.

§ 5. Стипендіатъ имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра III избирается предпочтительно изъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей преимущественно православнаго вѣроисповѣданія. Онъ долженъ отличатся прилежаніемъ, исправностію, благоправіемъ, патриотическимъ настроеніемъ и оказывать хорошіе успѣхи, въ особенности по русскому языку и отечественной исторіи, и, вообще, быть юношей съ ясно опредѣлившимся нравственнымъ и религіознымъ направленіемъ. Почему стипендія можетъ быть назначаема только ученикамъ старшихъ классовъ, начиная съ V-го.

§ 6. Право назначенія стипендіи принадлежитъ попечителю Виленскаго учебнаго округа, который, по своему усмотрѣнію, избираетъ лучшаго изъ представленныхъ всѣми педагогическими совѣтами мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній округа кандидатовъ, и притомъ такъ, чтобы всѣ упомянутыя учебныя заведенія могли постепенно воспользоваться этой стипендіей.

§ 7. Стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи за неодобрительное поведеніе или малоуспѣшность, ежели таковая не зависѣла отъ болѣзни или какихъ-нибудь другихъ уважительныхъ причинъ. Право лишенія стипендіи во время пребыванія стипендіата въ сред-

немъ учебномъ заведеніи принадлежитъ педагогическому совѣту онаго съ утвержденія попечителя учебнаго округа; начальство же высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ будетъ обучаться стипендіатъ, ежегодно должно сообщать свѣдѣнія о его поведеніи и успѣхахъ попечителю Виленскаго учебнаго округа, по усмотрѣнію котораго стипендіату, въ случаѣ какихъ-нибудь уважительныхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшности его обученія, можетъ быть дозволено пробыть въ высшѣмъ учебномъ заведеніи еще одинъ годъ сверхъ установленнаго для полнаго окончанія курса срока.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (1-го августа 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго моголевскаго губернатора, сенатора, тайнаго совѣтника Александра Станиславовича Дембовецкаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, въ *шесть тысячъ шестьсотъ семьдесятъ четыре* рубля *пятьдесятъ одну* копѣйку, собраннаго по подпискѣ населеніемъ и служащими въ Могилевской губерніи, учреждаются при Могилевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени сенатора, тайнаго совѣтника Александра Станиславовича Дембовецкаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, находится на храненіи въ Могилевскомъ отдѣленіи Государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ Могилевскаго Александровскаго реальнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Означенныя стипендіи назначаются двумъ ученикамъ Могилевскаго реальнаго училища, одна—принадлежащему къ семействамъ чиновъ учреждений вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, состоящихъ въ Могилевской губерніи, а другая вообще уроженцу Могилевской губерніи.

§ 4. На выдачу означенныхъ двухъ стипендій, согласно § 3 сего положенія, обращаются проценты съ указаннаго капитала, въ количествѣ не болѣе 280 рублей, то-есть по 140 рублей каждому стипендіату, излишки же отъ приобрѣтенія процентныхъ бумагъ по биржевой цѣнѣ, а также остатки отъ процентовъ, за отпускомъ стипендіи, причисляются къ капиталу до тѣхъ поръ, пока не составитя

сумма, проценты съ которой будутъ равняться установленной въ Могилевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ платѣ за ученіе одного ученика; для сего назначенія тогда учреждается новая стипендія, выдача коей производится по правиламъ сего положенія.

§ 5. Если въ какомъ-либо году стипендія не будетъ производиться, то изъ процентовъ съ капитала за тотъ годъ можетъ быть выдано окончившему курсъ въ поименованномъ училищѣ ученику, изъ числа стипендіатовъ, единовременное пособіе на первоначальное обзаведеніе или на содержаніе.

§ 6. Права какъ на замѣщеніе стипендіи, такъ и на назначеніе упомянутого въ предыдущемъ § единовременнаго пособія, разсматриваются педагогическимъ совѣтомъ Могилевскаго реального училища; утвержденіе же заключеній совѣта предоставляется пожизненно А. С. Дембовецкому, а затѣмъ могилевскому губернатору.

§ 7. На совѣтъ Могилевскаго Александровскаго реального училища возлагаются всѣ распоряженія по сохраненію капитала стипендіи, за вѣдыванію онымъ и расходованію процентовъ по назначенію.

§ 8. Если бы впослѣдствіи Могилевское Александровское реальное училище преобразовано было въ другое учебное заведеніе, то весь капиталъ этой стипендіи передается въ преобразованное заведеніе, для употребленія согласно сему положенію. Если же Могилевское Александровское реальное училище почему либо будетъ закрыто, то капиталъ стипендіи для той же цѣли передается въ Могилевскую мужскую гимназію или то заведеніе, которое замѣнитъ оную.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (3-го августа 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы коллежскаго ассессора Матрены Васильевны Брыкиной при Московской 4-й гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго, по духовному завѣщанію, вдовою коллежскаго ассессора Матреною Васильевною Брыкиною, учреждается одна стипендія ея имени при Московской 4-й гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь непрікосновеннымъ, обращается въ государственныя процентныя бумаги, которыя и хранятся въ московскомъ

губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго учебнаго заведенія.

§ 3. Доходъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ оного 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, долженъ быть употребляемъ на плату за ученіе одного бѣднаго приходящаго ученика, могущій же оказаться засимъ остатокъ отъ упомянутаго дохода долженъ быть употребленъ на приобрѣтеніе для стипендіата необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 4. Проценты, не израсходованные вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Полученіе стипендіи не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (4-го августа 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Теодора Александровича Ласкина при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семьсотъ пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Целагеею Дмитриевною Ласкиною, учреждается при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени статскаго совѣтника Теодора Александровича Ласкина.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидетельствахъ государственной 5% золотой ренты за № 30072 въ 500 руб. и за № 1967 и 2588 въ 125 руб. каждое, и каждое съ двадцатью купонами на срокъ съ 1-го іюля 1895 года, составляетъ собственность Кронштадтскаго реальнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ кронштадтскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Въ случаѣ конверсіи или тиражнаго погашенія 5% золотой ренты хозяйственный комитетъ Кронштадтскаго реальнаго училища имѣетъ право обратить пожертвованныя свидетельства въ другія государственныя процентныя бумаги.

§ 4. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, вносятся какъ часть платы за ученіе за одного изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ означеннаго училища, русскаго подданнаго, проис-

ходящаго отъ родителей православнаго исповѣданія и пробывшаго въ училищѣ не менѣе одного учебнаго года. Право выбора стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Права на полученіе стипендіи ученикъ лишается: а) съ выходомъ изъ училища, б) вслѣдствіе малоуспѣшности въ учебныхъ занятіяхъ, при чемъ, если стипендіатъ останется на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендія сохраняется за нимъ только въ томъ случаѣ, когда оставленіе его въ томъ же классѣ на второй годъ вызвано болѣзнью его или другими, признанными педагогическимъ совѣтомъ уважительными причинами; в) вслѣдствіе дурнаго поведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала причисляются къ сему послѣднему и обращаются, по возможности, въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія размѣра, какъ стипендіальнаго капитала, такъ и стипендіи.

12. (9-го августа 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени астраханскаго мѣщанина Ивана Федоровича Недокунева при Астраханской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго умершимъ астраханскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Федоровичемъ Недокуневымъ капитала въ пятьсотъ рублей, учреждается при Астраханской гимназій одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханской гимназій и, оставаясь неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность названной гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, слѣдуемой по закону 20-го мая 1885 года, назначаются для уплаты за право ученія одного изъ бѣдныхъ учениковъ Астраханской гимназій, православнаго вѣроисповѣданія, изъ астраханскихъ мѣщанъ, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право назначенія стипендіата, а равно и лишеніе стипендіи ученика, оказавшагося недостойнымъ по поведенію и успѣхамъ, принадлежитъ педагогическому совѣту Астраханской гимназій, коему предоставляется въ случаѣ, если неуспѣшность стипендіата въ на-

укахъ произошла по причинамъ отъ него не зависящимъ и признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными, не лишать его стипендіи и въ случаѣ оставленія стипендіата на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незаѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не палагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Cours progressif de langue française divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases, par N. Koschikine, institutrice au gymnase Alexandre. Cinquième année. St. Pétersbourg. 1895. Стр. 195+II. Цѣна 90 к.“—одобрить какъ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ фразъ и статей для устныхъ и письменныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Составилъ Д. Дубовъ. Изд. 2-е, совершенно передѣланное и приспособленное къ учебнымъ планамъ 1890 года. М. 1895. Стр. VIII+247. Цѣна 1 р. 10 к.“—одобрить какъ учебное пособие для гимназій и прогимназій.

— Книжку: „Новый упрощенный способъ составленія всѣхъ формъ французскихъ правильныхъ глаголовъ съ помощью одного неопредѣленнаго наклоненія и французскіе неправильные глаголы, объясненные съ помощью латинскаго и старо-французскаго языковъ. Л. Парбутъ, учитель Кутаисской гимназіи. Кутаисъ. 1893. Стр. 115+IV“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америкскаго. Объяснилъ Августъ Гобманъ, директоръ С.-Петербургской VII гимназіи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Часть I: текстъ.

Часть II: комментарий. С.-Петербургъ. 1895. Стр. въ 8-ку VII + 43 + 166. Цѣна за обѣ части 1 руб.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Брошюру: „Россия—свѣточъ православія. А. Царевскаго. Казань, 1894. Стр. 56 въ 8-ку“ — допустить въ ученическія (старшаго возраста) библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1892“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Le Vocabulaire français, étude méthodique et progressive des mots de la langue usuelle considérés 1-о quant à leur orthographe; 2-о quant à leur sens; 3-о quant à la manière dont ils unissent pour former des phrases. Par I. Carré, agrégé de l'Université, Inspecteur général honoraire de l'enseignement primaire. I. Livre de l'élève: Paris. 1895. 4-ème édition. II. Livre du Maître. Paris. 1894“ — рекомендовать для начальнаго обученія въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній, а также одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ Е. Ѡ. Карскій, профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. 5-е изд., вновь пересмотрѣнное. Вильна, 1895. Стр. въ 8-ку IV + 112. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растеній) Ванъ-Тиема. Переводъ со 2-го изданія, подъ редакціею Ростовцева, съ предисловіемъ проф. Тимирязева“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: „Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемые Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ редакціею дѣйствительнаго члена А. В. Орфинникова“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Ирмосы воскресные, положенные для 4-хъ женскихъ или мужскихъ голосовъ В. Беневскимъ. Цѣна 1 рубль“ — одобрить какъ пособие при обученіи церковному пѣнію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

— Книгу: „Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ П. Мозеръ, преподаватель Сибирскаго кадетскаго корпуса. 4-е изданіе. М.

1893. Цѣна 1 рубль“—одобрить какъ пособіе для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Систематическое изложенеіе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Составилъ П. Мозеръ, преподаватель Сибирскаго кадетскаго корпуса. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. М. 1895. Цѣна 65 коп.“—одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданные потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Э. И. Маркусомъ: 1) поясной портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича и 2) доколѣнный портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Осодоровны—одобрить для учебныхъ заведеній.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

-- Книгу: „Краткая отечественная исторія въ очеркахъ и біографіяхъ. (Примѣнительно къ курсу народныхъ училищъ). Составилъ Константинъ Воскресенскій. Изд. 2-е. Рига. 1895. Въ 8-ку, 96 стр., съ удареніями на словахъ. Цѣна 30 коп.“—допустить въ народные училища, преимущественно инородческія.

-- Книгу: „И. Штеневъ. Учебникъ всеобщей географіи, составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 158 стр., съ рисунками. Цѣна 60 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки городскихъ училищъ.

— Брошюру: „Какъ уберечь себя отъ холеры? Наставленіе для народа, составленное врачомъ Я. Г. Раппенпортомъ. Изданіе Николаевскаго городского общественнаго управленія. Николаевъ. 1893. Въ 16-ю д. л., 16 стр. Цѣна не обозначена“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Копія съ отношенія управляющаго министерствомъ Императорскаго двора къ 1. министру народнаго просвѣщенія отъ 7-го іюня 1895 г. за № 8417.

Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть: взаимнѣ пинѣ дѣйствующихъ правилъ, опредѣляющихъ случаи, въ коихъ гражданскимъ чинамъ разрѣшается ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на представленіе Его Императорскому Величеству,—принять къ руководству на будущее время Высочайше утвержденныя въ 18-й день минувшаго мая правила.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, имѣя честь увѣдомить ваше сіятельство, считаю долгомъ препроводить экземпляръ упомянутыхъ правилъ и добавить, что циркулярныя отношенія министра Императорскаго двора 15-го февраля 1883 г. за № 304 и 5-го января 1884 г. за № 18, опредѣляющія порядокъ испрошенія разрѣшеній на представленіе Его Императорскому Величеству лицъ гражданского вѣдомства и доставленія свѣдѣній о представляющихся остаются въ прежней силѣ.

Высочайше утвержденныя 18-го мая 1895 г. правила, опредѣляющія случаи, въ коихъ гражданскимъ чинамъ разрѣшается ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на представленіе Его Императорскому Величеству.

1) Члены государственнаго совѣта, сенаторы, первые чины Высочайшаго двора, дѣйствительные тайные совѣтники, статсъ-секретари и почетные опекуны—представляются Его Императорскому Величеству по особо испрашиваемому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшему соизволенію.

2) Вторымъ чинамъ и въ должности вторыхъ чиновъ Высочайшаго двора разрѣшается ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на представленіе Его Императорскому Величеству:

а) по случаю пожалованія въ придворный чинъ или въ должность придворнаго чина;

б) по случаю назначенія на новую должность (не ниже IV класса);

в) по случаю пожалованія орденомъ (не ниже ордена Св. Александра Невскаго),

и г) при отправленіи, по Высочайшему повелѣнію, въ командировки и возвращеніи изъ оныхъ.

3) Гражданскимъ чинамъ III класса, не состоящимъ членами государственнаго совѣта, сенаторами, статсъ-секретарями и почетными опекунами и не имѣющими придворнаго чина:

а) по случаю производства въ чинъ третьяго класса;

б) по случаю назначенія на новую должность (не ниже IV класса);

в) по случаю пожалованія орденомъ (не ниже ордена Св. Александра Невскаго),

и г) при отправленіи, по Высочайшему повелѣнію, въ командировки и возвращеніи изъ оныхъ.

4) Церемоніймейстерамъ, въ должности церемоніймейстеровъ и придворнымъ кавалерамъ:

а) по случаю пожалованія въ придворное званіе;

б) по случаю назначенія на новую должность (не ниже IV класса),

и в) при отправленіи, по Высочайшему повелѣнію, въ командировки и возвращеніи изъ оныхъ.

5) Гражданскимъ чинамъ IV класса, не имѣющимъ придворнаго званія:

а) по случаю производства въ чинъ IV класса;

б) по случаю назначенія на новую должность (не ниже IV класса);

и в) при отправленіи, по Высочайшему повелѣнію, въ командировки и возвращеніи изъ оныхъ.

Примѣчаніе 1-е. Представленіе Его Императорскому Величеству, по случаю приѣзда по дѣламъ службы, гражданскихъ чиновъ III и IV классовъ, занимающихъ должности внѣ столицы, — испрашивается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ подлежащаго начальства.

Примѣчаніе 2-е. По случаю пожалованія орденами, ниже ордена святаго Александра Невскаго; по случаю пожалованія арендъ, Высочайшихъ подарковъ и другихъ денежныхъ воспоминаній; по случаю изъявленія Высочайшей благодарности и Монаршаго благоволенія и по случаю отъѣзда въ отпускъ или приѣзда изъ онаго, а также по случаю приѣзда въ отпускъ въ столицу представляются Его Императорскому Величеству не слѣдуетъ.

Примѣчаніе 3-е. Означенныя правила относятся какъ къ гражданскимъ чинамъ, состоящимъ на службѣ въ военномъ и морскомъ министерствахъ, такъ равно и къ военнымъ чинамъ, занимающимъ должности по гражданскому вѣдомству.

Копія съ циркулярнаго отношенія министра Императорскаго двора къ министру народнаго просвѣщенія отъ 15-го февраля 1883 года за № 304.

До настоящаго времени лица, просившія разрѣшенія представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ, должны были обращаться для сего къ оберъ-камергеру или его секретарю, которые вносили имена таковыхъ лицъ, ихъ званія, а равно и случай, вслѣдствіе котораго испрашивалось разрѣшеніе представиться, въ особо установленный списокъ. Засимъ лица, удостоивавшіяся получить разрѣшеніе представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ, извѣщались о семъ заблаговременно оберъ-камергеромъ Высочайшаго двора.

Нынѣ Государю Императору благоугодно всѣ дѣла о представляющихся сосредоточить въ экспедиціи церемоніальныхъ дѣлъ и распоряженія, исходящія прежде по сему предмету отъ оберъ-камергера, возложить на оберъ-церемоніймейстера двора Его Величества.

О таковой Высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство.

Копія съ циркулярнаго отношенія министра Императорскаго двора къ министру народнаго просвѣщенія отъ 5-го января 1884 года за № 18.

По имѣющимся въ министерствѣ Императорскаго двора свѣдѣніямъ, оказывается, что нѣкоторыя лица, желающія имѣть счастье представиться Государю Императору, заявляютъ о томъ квартирмейстеру главнаго дворцоваго управленія, а не экспедиціи церемоніальныхъ дѣлъ, въ которой, по Высочайшему повелѣнію, сосредоточены всѣ дѣла о представляющихся.

Принимая во вниманіе, что право испрашивать разрѣшеніе на представленіе Его Величеству, помимо непосредственнаго своего начальства, предоставлено только нѣкоторымъ высшимъ чинамъ, какъ то статсъ-секретарямъ и членамъ государственнаго совѣта, я, въ дополненіе къ циркулярному отношенію моему, отъ 13-го февраля минувшаго года за № 304, имѣю честь обратиться въ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы всѣ заявленія о лицахъ гражданскаго вѣдомства, кромѣ названныхъ высшихъ чиновъ, желающихъ представиться Государю Императору, были доставляемы въ экспедицію церемоніальныхъ дѣлъ.

Независимо отъ сего, имѣя въ виду, что списки лицъ, представляющихся Государю Императору по средамъ и пятницамъ, должны быть окончательно составлены и препровождены для представления Его Величеству наканунѣ приемныхъ дней, то-есть по вторникамъ и четвергамъ, я считаю долгомъ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, о зависящихъ распоряженіяхъ, чтобы увѣдомленія о лицахъ, представляющихся въ среду, были доставляемы въ экспедицію церемониальныхъ дѣлъ не позже понедѣльника вечеромъ, а о представляющихся по пятницамъ — въ среду вечеромъ.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что лица, о желаніи коихъ представиться Его Величеству заявлено экспедиціи церемониальныхъ дѣлъ, не должны представляться ранѣе полученія отъ означенной экспедиціи установлешаго пригласительнаго билета.

ОТЪ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

2-го мая (14-го по новому стилю) 1896 года исполнится столѣтіе со дня перваго научнаго опыта прививанія предохранительной оспы, произведеннаго докторомъ Дженнеромъ. Это замѣчательное событіе имѣло такое важное послѣдствіе для спасенія людей отъ страшной болѣзни человѣческой оспы и для развитія современнаго способа лѣченія многихъ болѣзней животныхъ и человѣка (бѣшенство, сибирская язва, дифтеритъ и т. п.), что во всѣхъ культурныхъ государствахъ сами правительства или ученые общества собираются торжественно праздновать открытіе Дженнера въ будущемъ году. Въ Россіи общество охраненія народнаго здравія постановило особенно ознаменовать это безцѣнное пріобрѣтеніе для человѣчества—учеными работами и составленіемъ историческаго обзора развитія оспопрививанія въ Россіи.

Совѣтъ общества черезъ своего Почетнаго Предсѣдателя Его Императорское Высочество Великаго Князя Павла Александровича ходатайствовалъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ о разрѣшеніи празднованія упомянутаго юбилея. 27-го апрѣля послѣдовало Высочайшее соизволеніе на ходатайство общества: 1) Назначить четыре преміи за лучшія сочиненія по оспопрививанію. 2) Собрать и издать при участіи правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ матеріалы по исторіи развитія оспопрививанія въ Россіи въ связи съ краткою исторіей этого дѣла въ Западной Европѣ. 3) Издать въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія Дженнера (съ его біографіей, портретомъ, рисунками оспы). 4) Устроить выставку относящихся къ оспопрививанію пред-

метовъ. 5) Созвать торжественное общее собраніе въ самый день столѣтія открытія Дженнера.

Совѣтъ Общества обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ учрежденіямъ, гг. врачамъ и частнымъ лицамъ не отказать придти на помощь обществу и доставить въ его канцелярію (Петербургъ, Дмитровскій переулокъ, 15) матеріалы, свѣдѣнія и вообще данныя или предметы, относящіеся къ оспопрививанію, какіе только имѣются, не стѣсняясь ни размѣрами посылаемыхъ матеріаловъ и свѣдѣній или ихъ неполнотою или неотдѣланностью. Все присланное будетъ принято съ благодарностью, причемъ имена учреждений и лицъ, доставившихъ тѣ или другіе матеріалы или предметы, будутъ напечатаны въ юбилейномъ изданіи. Желательно получить матеріалы къ декабрю сего 1895 года.

Условія конкурса, устраиваемаго обществомъ, слѣдующія:

I. Сочиненія по общимъ вопросамъ по оспѣ и оспопрививанію.

a) Руководство къ предохранительному оспопрививанію.

b) Работы историческія, медико-географическія и медико-статистическія по оспѣ и оспопрививанію.

c) Изслѣдованія клиническія, патолого-анатомическія, бактериологическія, химическія и т. п. по вопросамъ предохранительнаго оспопрививанія.

d) Популярныя сочиненія о пользѣ оспопрививанія.

II. По техникѣ оспопрививанія.

a) Статьи и работы объ усовершенствованіи въ техникѣ приготвленія предохранительной оспы, въ способѣ ея сохраненія, пересылки и т. п.

b) Новое предложеніе или усовершенствованіе инструментовъ, приборовъ и различныхъ принадлежностей, употребляемыхъ при оспопрививаніи людей и животныхъ.

c) Проектъ образцоваго устройства оспопрививательнаго заведенія (института).

Примѣчаніе. Означенная программа не обнимаетъ собою всѣхъ могущихъ быть представленными сочиненій или усовершенствованій техническихъ по оспопрививанію; авторамъ разрѣшается соединять отдѣльные параграфы вмѣстѣ, включать темы не перечисленныя, расширять отдѣльныя частности.

III. Сочиненія на конкурсѣ допускаются на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, въ рукописи или напечатан-

ными, но въ послѣднемъ случаѣ не ранѣе 2-го мая 1894 года. Срокъ доставленія сочиненій на конкурсъ назначается не позже 2-го марта 1896 года по адресу въ „Совѣтъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Петербургъ, Дмитровскій переулокъ, № 15“.

IV. Рассмотрѣніе и оцѣнка представляемыхъ на конкурсъ сочиненій будетъ возложена на особую экспертную комиссію, избранную совѣтомъ общества. О присужденныхъ преміяхъ будетъ объявлено въ самый день празднованія столѣтняго юбилея на торжественномъ общемъ собраніи общества 2-го мая 1896 года.

V. Сочиненія на конкурсъ можно присылать за подписью авторовъ или подъ избраннымъ девизомъ на запечатанныхъ конвертахъ, въ которыхъ вложены адресъ и фамилія автора.

VI. *Назначены четыре преміи.* Первая премія золотая медаль имени русскаго общества охраненія народнаго здравія и тысяча рублей. Вторая премія—золотая медаль. Третья премія—малая золотая медаль. Четвертая премія—серебряная медаль.

VII. Имена и фамиліи лицъ, удостоенныхъ преміи, будутъ напечатаны въ главнѣйшихъ газетахъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О БЮДЖЕТНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ РАЗНЫЕ ПЕРІОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Въ исторіи Юрьевскаго университета можно отличить два главныхъ періода: 1) латинско-шведскій отъ 1632 по 1710 г. и 2) нѣмецко-русскій, съ 1802 по настоящее время.

О бюджетныхъ отношеніяхъ латинско-шведскаго университета не имѣется ближайшихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что существовалъ земельный надѣлъ въ его пользу въ Ингерманландіи, на сумму 5333¹/₂ талеровъ въ годъ, доставшійся потомъ Петру Великому по праву завоеванія. Въ указѣ отъ 12-го октября 1710 г. Петра Великаго упоминается о согласіи императора на сохраненіе въ г. Перновѣ высшей школы, но о надѣлѣ въ ея пользу тутъ ничего не сказано.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что существованіе Юрьевскаго университета въ шведское время составляетъ совершенно законченный эпизодъ въ культурной исторіи Прибалтійскаго края, но находящійся ни въ какой связи съ послѣдующими ея событіями, въ частности же съ учрежденіемъ Юрьевскаго университета при Павлѣ I и Александрѣ I. Скорѣе можно бы констатировать такую внутреннюю связь между шведскою *Gustaviana-Carolina* и шведскимъ же донынѣ Гельсингфорскимъ университетомъ, хотя исторически послѣдній конечно является продолженіемъ Шведскаго университета въ Або, а не въ Юрьевѣ или Перновѣ¹⁾. Слабость историческихъ связей между Юрьевомъ XVII и XIX вѣковъ видна и изъ того, что при выборѣ

---

¹⁾ Ср. „Die deutsche Universität Dorpat.“ Leipzig. 1882, стр. 25.

мѣста для задуманнаго Павломъ I и учрежденнаго его сыномъ Александромъ I университета правительство склонялось первоначально къ Митавѣ, и лишь послѣ многихъ колебаній и продолжительной борьбы между дворянствомъ курляндскимъ съ одной стороны, и лифляндскимъ и эстляндскимъ съ другой, учрежденіе этого университета было окончательно приурочено указомъ 12-го апрѣля 1801 г. къ ливонскому Юрьеву.

Не находится указаній на связь новоучрежденнаго университета съ прежнимъ, шведскимъ (*Gustaviana-Carolina*) и въ учредительной грамотѣ 12-го декабря 1802 г., гдѣ только сказано, что въ пользу университета императоръ даритъ мѣсто бывшей крѣпости на Домѣ (Вышгородъ русскихъ князей) и мѣсто бывшей шведской Мариньской церкви, да сверхъ того изъ государственныхъ имуществъ 240 лифляндскихъ гакеновъ шведской мѣры, или — взамѣнъ этого надѣла — годичный бюджетъ въ 120.000 руб. асс., считая (съ 23-го апрѣля 1802 г.) по 500 руб. дохода съ cadaго гагена. Вскорѣ эта сумма была нѣсколько увеличена, такъ что по уставу 12-го сентября 1803 г. и приложенному къ нему штату университету была разрѣшена изъ казны ежегодная сумма 126.000 руб. асс. (въ томъ числѣ 6.000 руб. на проѣзды школьныхъ ревизоровъ). А такъ какъ на опытѣ оказалось, что ни университетъ, ни состоявшіе при немъ въ первое время (до 7-го января 1803 г.) кураторы изъ дворянства не въ состояніи были справиться съ хозяйствомъ въ указанномъ земельномъ надѣлѣ, то 19-го мая 1806 года Высочайше разрѣшено было, согласно ходатайству университета, взять надѣлъ въ казну, а изъ нея непосредственно отпускать впредь 126.000 руб. асс. ежегодно полностью. Сверхъ того на сооруженіе университетскихъ зданій было израсходовано въ первые же годы (до 1810 г.) 734.865 руб. 51¹/₂ коп. ассигн., не считая отпущенныхъ земствами Лифляндіи 44.781, Эстляндіи 22.388 и Курляндіи 2.447 руб. асс., то-есть, всего 69.611 руб. асс.

Когда же послѣ войны 1812 г. послѣдовало сильное измѣненіе курсовъ, то для Юрьевского университета были исходатайствованы 19-го марта 1818 года новые штаты, въ количествѣ 88.871 р. сер., съ уплатою ассигнаціями, назначаемой каждый разъ по среднему курсу предыдущаго года. Въ 1818 году эта сумма по курсу (рубль сер. = 3 р. 80 к. асс.) соотвѣтствовала 337.710 руб. асс. Затѣмъ въ 1827 году было еще разрѣшено изъ государственнаго казначейства 37.800 руб. ассигн. на медицинскій институтъ, да на помощ-

ника бібліотекаря 1.188 р. асс., на наблюдателя обсерваторіи 600 р. сер. и на богослововъ-стипендіатовъ 3.600 р. сер. ¹⁾). Въ 1842 году еще прибавлено было 23.370 р. сер. въ видѣ дополненія къ штату, такъ что къ 12-му декабря 1852 года, когда праздновалось 50-лѣтіе существованія Юрьевского университета, его бюджетъ — по отчету ректора Гаффнера—восходилъ до 126.539 руб. сер., не считая еще особаго кредита на содержаніе Домской горы, въ количествѣ 1.350 р. сер. въ годъ.

Что касается единовременныхъ ассигнованій на строительныя и научныя надобности университета, то въ теченіе только 12 лѣтъ ректорства Эверса (1818—1830 гг.) они восходили до 1.002.166 р. асс., въ томъ числѣ: на бібліотеку 55.491 руб., на обсерваторію 71.003 руб. и на ботаническій садъ 31.780 руб. Къ 1852 же году на строительныя надобности университета израсходовано, по расчету ректора Гаффнера, 469.947 руб. 13¹/₂ коп. сер. ²⁾.

Если сравнить указанныя бюджетныя цифры стараго Юрьевского университета съ прочими русскими того же времени, то оказывается, что первыя ничуть не уступаютъ послѣднимъ, а пожалуй еще превосходятъ оныя.

Въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ университета Виленскаго по уставу 1803 года не превышалъ 105.000 р. асс., то-есть, былъ на 21.000 р. асс. ниже бюджета Юрьевского университета по штату того же года, бюджетъ же университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго въ 1806 году не превышалъ 130.000 руб. асс., слѣдовательно приблизительно равнялся Юрьевскому.

По значительномъ увеличеніи съ 1818 года штата Юрьевского университета, до 88.871 руб. сер. или 337.710 руб. асс., а съ профессорскимъ институтомъ (съ 1827 г. по 37.800 р. асс.) и съ добавкою на бібліотекаря (1.188 р. асс.), на астронома-наблюдателя (600 р. сер.), на стипендіатовъ богословскаго факультета (3.600 р. сер.) и съ 1834 г. на сельско-хозяйственную ферму (5.000 р.), университетъ этотъ по бюджетнымъ средствамъ своимъ, восходившимъ къ 1835 г. до 396.658 р. асс. (по переводу руб. сер. на асс.), значительно обогналъ прочіе русскіе университеты, которые даже по

¹⁾ Ср. официальное юбилейное изданіе: Die Kaiserliche Universität zu Dorpat, 25 Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat, 1827, стр. I—XVI.

²⁾ Ср. официальное юбилейное изданіе: Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat, 1853 г., стр. 30 сл.

штатамъ 1835 г. лишь кое какъ съ нимъ сравнялись, но вовсе не превзошли (за исключеніемъ Московскаго университета), ибо по этимъ штатамъ положено было:

на С.-Петербургскій университетъ . . .	272.250 р. асс.
„ Московскій „ . . .	454.200 „ „
„ Харьковскій „ . . .	370.000 „ „
„ Казанскій „ . . .	370.000 „ „

Но вскорѣ, именно въ 1842 году, Юрьевскій университетъ опять обогналъ—если по Московскій, получившій въ 1845 г. прибавку въ 50.131 руб. сер. на содержаніе медицинскаго факультета, вмѣсто упраздненной Московской медицинской академіи, то три прочіе поименованные русскіе университеты въ бюджетныхъ средствахъ, получивъ, какъ выше упомянуто, въ означенномъ году новую прибавку къ штату въ количествѣ 23.370 руб. сер., то-есть, около 80.000 руб. асс.

Но затѣмъ наступилъ застой въ развитіи бюджетныхъ средствъ Юрьевскаго университета въ сравненіи съ прочими, вслѣдствіе чего къ 1863 г. бюджетъ перваго составляли всего 127.843 руб. 47 коп. сер., а съ вычетами на пенсіи всего 125.252 руб. сер., тогда какъ бюджеты прочихъ русскихъ университетовъ были уже нѣсколько выше—особенно Московскаго и Кіевскаго—составляя къ 1-му января 1863 г. (въ тысячахъ руб.):

по Московскому университету	255 т. р. сер.
„ Кіевскому „	192 „ „ „
„ Казанскому „	147 „ „ „
„ Харьковскому „	145 „ „ „
„ С.-Петербургскому „	136 „ „ „

Этотъ недочетъ въ бюджетныхъ средствахъ Юрьевскаго университета въ сравненіи съ прочими къ 1863 г. тѣмъ значительнѣе, что въ первомъ имѣется 5 факультетовъ (съ богословскимъ), тогда какъ во всѣхъ прочихъ было всего по 4 факультета и при томъ въ С.-Петербургскомъ безъ медицинскаго, содержаніе котораго конечно обходится значительно дороже, чѣмъ любого изъ прочихъ факультетовъ.

Но окончательно отсталъ Юрьевскій университетъ отъ прочихъ русскихъ съ 1863—1865 г. По новому общему уставу и штату Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденному 18-го іюня 1863 года, бюджетныя средства пяти вышеназванныхъ русскихъ

университетовъ почти удвоены, а именно: къ ассигнуемымъ до того 988 тыс. руб. сер. было прибавлено еще 884 тыс. руб. сер., такъ что по этому штату было впредь отпускаемо (въ тысячахъ рублей) на университеты:

Московскій	437 т. р.
Казанскій	369 " "
Кіевскій	360 " "
Харьковскій	360 " "
С.-Петербургскій (безъ медицинск. фак.)	337 " "

то-есть, приблизительно столько рублей серебромъ, сколько положено было по штату 1835 г. рублей ассигнаціямъ. Конечно, эта значительная надбавка, какъ это и доказано было въ объяснительной запискѣ къ штату 1863 г., обусловлена была отчасти измѣненіемъ цѣнностей, отчасти развитіемъ наукъ и необходимостію почти удвоить число каедръ. Такъ на историко-филологическомъ факультетѣ вмѣсто 9 каедръ по уставу 1835 г. положено 11 по уставу 1863 года; на физико-математическомъ вмѣсто 8—12; на юридическомъ вмѣсто 8—13; на медицинскомъ вмѣсто 10—17, вслѣдствіе чего ежегодный расходъ на новоучрежденныя каедры самъ по себѣ составилъ въ 5 университетехъ 367.000 руб. На прибавку же содержанія по существовавшимъ ранѣе каедрамъ разрѣшенъ новый отпускъ въ 326.000 руб., а на учебныя пособия и другіе расходы — 190.000 руб.

Само собою понятно, что всѣ тѣ причины, которыми обусловлено было столь значительное (почти вдвое) увеличеніе расходовъ на пять русскихъ университетовъ, въ полной мѣрѣ примѣнялись и къ Юрьевскому университету, вслѣдствіе чего при выработкѣ общаго устава и штатовъ російскихъ университетовъ, тянувшейся съ 1857 по 1863 г., предполагалось распространить его, *mutatis mutandis*, и на Юрьевскій университетъ.

Но нѣмецкій совѣтъ его, руководимый отчасти и тогдашними попечителями фонъ-Брадке и графомъ Кайзерлингомъ, опасаясь обрушенія этого нѣмецкаго университета по примѣненіи общерусскаго устава, занялъ по отношенію къ нему сепаратистическое положеніе, хотя во главѣ комиссіи по выработкѣ общаго устава и штатовъ (со включеніемъ Юрьевскаго) стоялъ юрьевскій попечитель фонъ-Брадке, а въ числѣ членовъ ея находился одинъ изъ юрьевскихъ Эттингеновъ.

Еще болѣе непонятнымъ, съ точки зрѣнія интересовъ науки, представляется нынѣ даже нѣмецкимъ членамъ Юрьевскаго универси-

тета то, что совѣтъ отклонилъ и предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 5-го іюля 1863 года воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ, Высочайше утвержденнаго 18-го іюня того же года. По объясненію—а вѣроятно и внушенію—гр. Кайзерлинга, это произошло для того, чтобы Юрьевскій университетъ имѣлъ возможность (въ частности по вопросу о гонорарѣ) „sich noch mehr den Einrichtungen anzuschliessen, die an den Universitäten Deutschlands mit so ausserordentlichem Erfolge in Geltung sind“ ¹⁾, и вообще, чтобы по прежнему стоять подальше отъ вліянія русскихъ университетскихъ порядковъ: „damit nicht die verschiedenen Gesichtspunkte, die bei der Beurtheilung des einen (устава юрьевскаго) und des anderen (общерусскаго) festzuhalten sind, wechselseitigen Störungen ausgesetzt würden“ ²⁾.

Какъ бы то ни было, совѣтъ не пожелалъ тогда ни уравнивать оклады жалованья профессоровъ Юрьевскаго университета съ прочими, ни учредить соотвѣтственное число дополнительныхъ кафедръ, ни обставить должнымъ образомъ университетскіе институты. Вслѣдствіе того ординарнымъ профессорамъ въ Юрьевѣ назначено и по новому штату 1865 года не 3.000 руб., а 2,400 руб., экстраординарнымъ не 2.000 р., а 1.700 р., доцентамъ не 1.200, а 900 р. и т. д.

Число же кафедръ оказалось въ Юрьевѣ по уставу и штату 1865 года:

на юридическомъ факультетѣ	6	вмѣсто	13	по общему уставу	1863 г.
„ медицинскомъ	11	„	17	„	„
„ историко-філол.	9	„	11	„	„
„ физико-математ.	9	„	12	„	„

Что касается наконецъ богословскаго факультета, то на немъ оставлено прѣжнее, очень малое число кафедръ, именно всего пять.

Въ такой же пропорціи оказались низшими, по уставу и штату 1865 года въ сравненіи съ общимъ уставомъ и штатами 1863 г., и бюджеты учебно-вспомогательныхъ учреждений, такъ что на содержаніе ихъ и разныя хозяйственныя надобности было ассигновано въ Юрьевскомъ университетѣ всего 71.650 руб. вмѣсто 100 тыс. руб. въ университетѣхъ Кіевскомъ и Харьковскомъ и 103 тыс. въ Казанскомъ по уставу и штатамъ 1863 г.

¹⁾ Предложеніе совѣту попечителя Кайзерлинга отъ 8-го августа 1863 года.

²⁾ Предложеніе того же попечителя совѣту отъ 4-го октября 1863 года.

Понятно, что при такихъ условіяхъ общій бюджетъ Юрьевского университета долженъ былъ оказаться значительно ниже бюджета пяти прочихъ русскихъ университетовъ, а именно—онъ былъ опредѣленъ въ 209.200 руб. с., вмѣсто 360 тыс. въ Харьковскомъ, 366 т. въ Киевскомъ и 369 т. въ Казанскомъ, которые между тѣмъ имѣютъ однимъ факультетомъ менѣе, чѣмъ Юрьевскій университетъ.

Не прошло однако и 10 лѣтъ со времени изданія устава и штатовъ 1865 г., которые нѣмецкій совѣтъ Юрьевского университета считалъ настолько достаточными, что отклонилъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія воспользоваться штатами 1863 г., на 130 тыс. превосходящими штаты 1865 г. въ университетахъ Киевскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ,—какъ тотъ же совѣтъ, подъ руководствомъ тѣхъ же ученыхъ и дѣятелей, вошелъ съ представленіемъ о крайней недостаточности своихъ штатовъ, и съ ходатайствомъ о восполненіи ихъ (сверхъ Высочайше разрѣшенныхъ 30-го января 1873 года 4.000 руб. въ годъ на хирургическую клинику) еще на 21.750 руб. Въ представленной ректоромъ Георгіемъ Эттингеномъ графу Толстому запискѣ по сему предмету отъ 2-го ноября 1873 г. было сказано, что штаты Юрьевского университета на 50% ниже штата прочихъ провинціальныхъ русскихъ университетовъ, что вслѣдствіе того число каедръ въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ послѣднихъ, и что даже на 40 назначенныхъ по штату профессоровъ не ассигнуется полнаго жалованья, ибо $40 \times 2400 = 96.000$, тогда какъ въ штатѣ, вѣроятно по ошибкѣ, стоитъ только 93.000 руб., то-есть, однимъ окладомъ меньше; что затѣмъ и спеціальныя средства университета весьма скудны, ибо студенты, обремененные платою гонорара профессорамъ, вносятъ въ пользу университета—и то не все—только по 20 руб. въ годъ, не считая единовременнаго взноса при поступленіи по 6 руб. за матрикуль; что все почти остатки уходятъ на доплаты за отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ; что число лаборантовъ и ассистентовъ крайне недостаточно, равно какъ и средства клиникъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Эта петиція, составленная на основаніи докладовъ всехъ факультетовъ и подробнаго обсужденія въ совѣтѣ, доказываетъ, какъ недалководны и пристрастны были дѣйствія тѣхъ же факультетовъ и совѣта въ 1863 г., когда они заявили, что вовсе не нуждаются въ уравненіи штатовъ Юрьевского университета съ прочими русскими и что первый можетъ обойтись почти вдвое меньшей штатной суммой.

Вслѣдствіе означеннаго ходатайства отъ 2-го ноября 1873 года

Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ государственнаго совѣта отъ 3-го іюля 1874 г. Юрьевскому университету разрѣшенъ былъ съ 1-го января 1875 г. дополнительный кредитъ въ испрашиваемомъ размѣрѣ, а именно 21.750 руб., въ томъ числѣ 4.800 руб. на двѣ новыя профессуры, 4.000 руб. на увеличеніе числа ассистентовъ, лаборантовъ и т. д., 4.000 на кабинеты и клиники и 9.000 руб. на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ.

По вслѣдъ за этимъ разрѣшеніемъ, по предложенію профессора А. Шмидта, совѣтъ Юрьевскаго университета въ собраніи 25-го ноября 1874 года образовалъ новую комиссію для обсужденія вопроса объ увеличеніи содержанія преподавателей и чиновниковъ Юрьевскаго университета до общей въ русскихъ университетахъ нормы. По ея докладу, совѣтъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи на этотъ предметъ дополнительнаго кредита въ суммѣ 44.850 руб. сер.; но ходатайство это было отклонено, по затрудненіямъ государственнаго казначейства, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го іюня 1875 года.

Обезнадеженный этою неудачею, совѣтъ не возбуждалъ съ тѣхъ поръ общихъ ходатайствъ объ уравненіи своего бюджета со штатнымъ бюджетомъ прочихъ русскихъ университетовъ, а ограничивался частными ходатайствами, которыя раза два имѣли успѣхъ, а именно: въ 1876 г. было разрѣшено 1.500 р. с. на преобразование должности перваго прозектора (окладъ 1.700 р.) въ ординатуру эмбриологін и гистологін (окладъ 2.400 р.) и учрежденіе должности втораго прозектора (окладъ 800 р.); въ томъ же году 1.200 р. на стипендіатовъ медицинскаго факультета; затѣмъ въ 1879 г. ассигновано 3.200 руб. на каедру нервныхъ и душевныхъ болѣзней съ ассистентами при оной и съ 1884 г. 2.000 руб. на клинику этихъ болѣзней, а въ 1881 году 2.400 руб. на каедру сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій. Вышеуказанныя частныя добавки съ 1876 года, составляющія въ совокупности 10.300 р. с., были однако на двѣ трети парализованы въ общихъ итогахъ штатнаго бюджета, значительнымъ сокращеніемъ съ 1879 г. положенной по штату 1865 г. суммы на стипендіи и пособія студентамъ, въ количествѣ 14.000 руб. с., а съ вышеупомянутою добавкою съ 1876 г. въ 1.200 р.,—15.200 р., отчисленіемъ изъ нея 8.400 руб. на стипендіатовъ медико-хирургической академіи, такъ что въ распоряженіи Юрьевскаго университета осталось всего 6.800 руб. штатной суммы на стипендіи и пособія студентамъ.

Отклонено было министерствомъ и ходатайство совѣта объ учрежденіи каедры теоретической хирургіи, причеъ г. министр народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 4-го ноября 1886 года сообщилъ совѣту, что онъ „былъ бы готовъ ходатайствовать объ отпускѣ на сей предметъ кредита, если бы, въ виду ежегодно увеличивающагося числа студентовъ изъ русскихъ, можно было ввести преподаваніе означеннаго предмета (теоретической хирургіи) на русскомъ языкѣ; но увеличеніе каедры съ нѣмецкимъ языкомъ не представляется возможнымъ“.

Годъ спустя, когда вслѣдствіе введенія въ Прибалтійскомъ краѣ судебныхъ учреждений императора Александра II, приступлено было къ преобразованію юридическаго факультета Юрьевскаго университета, внесено было въ государственный совѣтъ въ 1887 году ходатайство г. министра о предоставленіи ему права сдѣлать необходимыя измѣненія въ составѣ каедры для введенія русскаго преподаванія на юридическомъ факультетѣ, но съ отнесеніемъ потребнаго на сіе кредита на специальныя средства университета, что, хотя и было отклонено тогда государственнымъ совѣтомъ, въ виду возможности испросить означенныя полномочія въ порядкѣ, установленномъ для чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ, тѣмъ не менѣе года два спустя осуществлено по Высочайшему повелѣнію отъ 4-го февраля 1889 года. По этому повелѣнію преобразованіе юридическаго факультета въ указанномъ направленіи совершено было безъ ассигнованія необходимыхъ на сіе суммъ изъ государственнаго казначейства, съ возложеніемъ на специальныя средства содержанія одного новаго профессора и пяти доцентовъ, а также доплаты всѣмъ преподавателямъ за русское преподаваніе, на что потребовалось сначала до 15.000 руб. с., а впоследствии до 25.000 р. и болѣе въ годъ (со включеніемъ жалованья второму профессору всеобщей исторіи, которое съ 1880 г. производилось въ количествѣ 2.400 р. изъ специальныхъ средствъ).

Расходъ этотъ, конечно, легъ тяжелымъ бременемъ на бюджетъ очень скудныхъ специальныхъ средствъ Юрьевскаго университета, образуемыхъ изъ вноса платы въ его пользу, который до 1888 г. не превышалъ 20 руб. въ годъ, а затѣмъ со втораго семестра 1888 года увеличенъ былъ до 50 руб. для новопоступающихъ студентовъ.

12-го ноября 1891 г. ректоромъ Мейковымъ вновь возбуждено было ходатайство объ усиленіи штатныхъ средствъ Юрьевскаго университета на 49.500 руб. с. для уравненія окладовъ содержанія пре-

подавателей онаго съ общеперскими. Ходатайство это было затѣмъ повторено мною, результатомъ сего было Высочайше утвержденное опредѣленіе государственнаго совѣта объ ассигнованіи Юрьевскому университету съ 1-го января 1895 года дополнительнаго кредита въ 31.470 руб. на личный преподавательскій составъ и 5.000 р. на инспекцію. Нѣсколько же ранѣе (съ 1-го января 1893 г.) послѣдовало разрѣшеніе на отпускъ изъ казны 1.500 руб. въ годъ, въ видѣ квартирныхъ ректору.

Такимъ образомъ штатный бюджетъ Императорскаго Юрьевскаго университета, опредѣленный штатомъ 1865 г. въ 209.200 руб., составляетъ въ настоящее время 271.023 руб. 85 коп., въ томъ числѣ:

1) на личный составъ	188.838 р.	— к.
2) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	73.385 "	85 "
3) на стипендіи и пособія студентамъ	6.800 "	— "
4) на награды и пособія	2.000 "	— "

Сравнивая эти цифры съ разрѣшенными въ 1863 году провинціальнымъ университетамъ Харьковскому, Киевскому и Казанскому, мы находимъ, что Юрьевскій и понынѣ далеко еще не достигъ этихъ цифръ, а именно онъ отсталъ:

А) по содержанію личнаго состава (188 т.) отъ университета Харьковскаго (238 т.) на 50 тыс., Казанскаго (244 т.) на 56 т., Киевскаго (245 т.) на 57 т.;

Б) по содержанію учебно-вспомогательныхъ учрежденій и хозяйственнымъ расходамъ со включеніемъ стипендій и пособій (82 тыс.) отъ Харьковскаго (100 т.) на 18 т., отъ Киевскаго (100 т.) на 18 т. и отъ Казанскаго (103 т.) на 21 т. руб.; въ совокупности же недочетъ нынѣшняго Юрьевскаго бюджета по сравненію со штатами поименованныхъ провинціальныхъ русскихъ университетовъ 1863 г. составляетъ отъ 67 до 76 тыс. руб.

Если же принять во вниманіе, что въ Юрьевѣ имѣется еще пятый, именно богословскій факультетъ, котораго содержаніе обходится минимумъ въ 20 тыс. руб., то получаемъ бюджетный недочетъ Юрьевскаго университета, по сравненію со штатами прочихъ въ 1863 г., въ 87—96 тыс. руб. сер. въ годъ.

Но нужно принять во вниманіе, что прочіе русскіе университеты далеко уже ушли нынѣ отъ штатовъ 1863 г., что въ 1884 году къ нимъ примѣненъ новый уставъ и новые штаты, причемъ расходъ казны на пять русскихъ университетовъ (С.-Петербургскій, Москов-

скій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій) увеличенъ на 764 т. руб. въ годъ, а съ прибавленіемъ 232 тыс. на новоучрежденный Новороссійскій университетъ—на 994 тыс. руб., ибо вмѣсто 1.762 т. р. (на 5 университетовъ) по уставу 1863 г. на означенные 6 университетовъ по уставу 1884 г. разрѣшено выдавать 2.758 тыс. руб. Если же принять въ соображеніе, что по уставу 1884 года преподавателямъ предоставлено право получать со студентовъ гонораръ за лекціи и что получаемая этимъ путемъ въ пользу ихъ сумма должна быть не меньше 300 т. руб. въ годъ (полагая всего 10.000 студентовъ и 40 рублевый взносъ отъ $\frac{3}{4}$ этого числа), то мы найдемъ, что бюджетъ каждаго изъ преобразованныхъ уставомъ 1884 г. университетовъ, въ среднемъ на 200 тыс. руб. выше ихъ бюджетовъ по штату 1863 г., тогда какъ бюджетъ Юрьевскій, какъ выше показано, возросъ за это время всего на 62 тыс. руб.

Такимъ образомъ въ настоящее время, уже послѣ прибавки Юрьевскому университету 36.470 руб., недочетъ въ штатныхъ средствахъ Юрьевскаго университета (271 тыс. руб. сер.) отъ таковыхъ же по университетамъ: Кіевскому (379 т. руб. сер.), Харьковскому (391 т. руб.) и Казацкому (398 т. руб.) ¹⁾ восходитъ: до 108 тыс. по сравненію съ первымъ, 120 тыс. со вторымъ и 127 тыс. съ третьимъ. Но при этомъ еще не принята во вниманіе сумма, ассигнуемая тоже изъ казны, но распредѣляемая между 6-ю преобразованными университетами министерствомъ, на вознагражденіе приватдоцентовъ, въ количествѣ 60.000 руб. сер. въ годъ ²⁾, что составляетъ въ среднемъ по 10.000 руб. на каждый изъ шести преобразованныхъ университетовъ. Если прибавить эту сумму къ прежнимъ, то нынѣшній дефицитъ Юрьевскаго университета, по сравненію съ тремя вышеназванными провинціальными нашими университетами, возрастетъ до 118—137 тыс. руб. сер. въ годъ, а съ добавкою хотя бы 20.000 руб. на пятый, богословскій факультетъ до 138—157 т. руб. сер.

Благодаря этому недочету Юрьевскій университетъ лишенъ и нынѣ, какъ прежде, возможности:

- 1) уравнивать число кафедръ съ прочими преобразованными русскими университетами;
- 2) уравнивать содержаніе преподавателей и другихъ служащихъ съ нормальными ихъ окладами въ Россіи;

¹⁾ Цифры эти взяты изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія за 1896 г. Прилож. № 3, къ § 5-му, стр. 12—13.

²⁾ Тамъ же, стр. 5.

3) обставить должнымъ образомъ и въ нужномъ числѣ учебно-вспомогательныя учрежденія университета и

4) доставить юрьевскимъ студентамъ возможность въ такой же мѣрѣ, какъ въ прочихъ русскихъ университетахъ, пользоваться стипендіями и пособіями изъ суммъ государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ оказывается, что на историко-филологическомъ факультетѣ не достаетъ и теперь трехъ кафедръ: исторіи западно-европейскихъ литературъ, исторіи церкви и теоріи и исторіи искусства; на физико-математическомъ нѣтъ особой кафедры для технологіи и технической химіи, а равно кафедры географіи и этнографіи, каковая впрочемъ имѣется на историко-филологическомъ факультетѣ; на юридическомъ нѣтъ штатныхъ профессуръ по правамъ: 1) международному, 2) торговому, 3) финансовому, 4) церковному, а также по 5) энциклопедіи и философіи права, а взамѣнъ того имѣются доцентуры, лишь отчасти переименованныя уже въ сверхштатныя экстраординатуры (по 2, 4 и 5 предметамъ), содержимыя до 1-го января 1895 года на спеціальныя средства, а нынѣ на разрѣшенную съ этого числа добавку въ 31.470 руб. сер.; наконецъ, на медицинскомъ факультетѣ не имѣется десяти кафедръ: медицинской химіи, общей патологіи (соединена съ патологической анатоміей), врачебной діагностики съ пропедевтической клиникой, дерматологіи и сифилитистики, оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, хирургической патологіи съ десмургіей и учениемъ о вывихахъ и переломахъ, гігіены (соединена съ судебной медициной подъ названіемъ государственнаго врачебновѣдѣнія), энциклопедіи медицины, — словомъ вмѣсто 23 медицинскихъ кафедръ, по уставу 1884 г., въ Юрьевскомъ университетѣ имѣется нынѣ всего 13 кафедръ, то-есть, десятью кафедрами менѣе.

Эти недочеты стануть еще очевиднѣе, если сравнить число штатныхъ профессуръ въ университетахъ, положимъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, въ сравненіи съ ихъ числомъ въ Юрьевскомъ университетѣ.

	Въ первыхъ полагается: штатныхъ профессуръ	Въ Юрьевскомъ же:
по историко-филологическому факульт.	16	10
„ физико-математическому	18	9
„ юридическому	15	8
„ медицинскому	23	13
	<hr/>	<hr/>
	всего . 72	всего 40

Такимъ образомъ, недочетъ по этимъ 4 факультетамъ въ числѣ штатныхъ профессуръ достигаетъ 32, то-есть, почти половины общаго ихъ числа. Правда, въ Юрьевскомъ университетѣ имѣется 10 доцентуръ, изъ коихъ одна принадлежитъ богословскому факультету, а 9 прочимъ; имѣется затѣмъ 7 сверхштатныхъ профессуръ (по одной на историко-филологическомъ и физико-математическомъ, три на юридическомъ и двѣ на медицинскомъ факультетѣ). Но эти сверхштатныя должности содержатся лишь отчасти не на суммы государственнаго казначейства, а въ значительной мѣрѣ на спеціальныя средства, даже теперь, по ассигнованіи дополнительныхъ 31.470 руб. сер. Если игнорировать это послѣднее обстоятельство и вычесть указанное число доцентовъ (9) и сверхштатныхъ профессоровъ (7) изъ вышеуказаннаго недочета (32), то и въ такомъ случаѣ онъ не исчезнетъ, а только уменьшится до 16 ¹⁾.

Понятно, что при такомъ недочетѣ въ числѣ кафедръ и профессуръ, да еще при слабомъ развитіи въ Юрьевскомъ университетѣ привать-доцентуры (въ настоящее время число привать-доцентовъ не превышаетъ 10), при недостаточномъ числѣ прозекторовъ (всего 2), лаборантовъ, ассистентовъ, Юрьевскій университетъ лишенъ возможности доставлять своимъ слушателямъ всѣ тѣ теоретическія и практическія познанія, какія установлены положеніемъ объ испытаніяхъ въ государственныхъ комиссіяхъ. Это прямо и заявлено было министерству медицинскимъ факультетомъ Юрьевскаго университета отъ 21-го декабря 1891 г., въ отвѣтъ на запросъ о способахъ приращенія къ нему положенія о медицинской испытательной комиссіи.

---

¹⁾ Если же сравнить нынѣшнее число юрьевскихъ профессоровъ и доцентовъ (56) по 4-мъ означеннымъ факультетамъ съ московскимъ, по отчету за 1894 годъ восходящимъ до 92 профессоровъ, то получается недочетъ въ 36 чел. Военно-медицинская же академія, соответствующая одному медицинскому факультету, имѣя въ 1894 г. 37 профессоровъ, почти сравнялась въ этомъ отношеніи со штатнымъ числомъ юрьевскихъ профессоровъ (40), распределенныхъ между четырьмя факультетами. Если же принять еще въ соображеніе привать-доцентовъ, которыхъ въ 1894 году состояло въ Московскомъ университетѣ 120, да еще прозекторовъ, лекторовъ и т. д., всего 222 преподавателей, а въ военно-медицинской академіи 77 привать-доцентовъ (изъ нихъ 31 читали лекціи) и 11 прозекторовъ, тогда какъ въ Юрьевскомъ было къ концу 1894 года всѣхъ преподавателей на пяти факультетахъ (съ привать-доцентами, лекторами и т. д.) 75 чел., то оказывается, что преподавательскій персоналъ Московскаго университета (до 222 чел.) превышалъ Юрьевскій почти втрое, а учебный персоналъ военно-медицинской академіи (до 125 чел.) превышалъ его безъ малаго вдвое.

Указавъ на неудовлетворительную обстановку медицинскихъ институтовъ Юрьевского университета, на недостатокъ учебнаго матеріала, а именно больныхъ и труповъ, на отсутствіе клиникъ для дѣтскихъ, кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, на неудобную постановку кафедры гигиены и судебной медицины, факультетъ вышеозначеннымъ постановленіемъ своимъ возбудилъ ходатайство, чтобы впредь до устраненія означенныхъ недостатковъ, въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ, ему разрѣшено было при испытаніяхъ отдавать предпочтеніе познаніямъ теоретическимъ.

И историко-филологическій факультетъ, въ отвѣтъ по подобному запросу, указалъ на отсутствіе нѣкоторыхъ кафедръ и вслѣдствіе того невозможность организовать нѣкоторыя изъ установленныхъ положеніемъ объ испытаніяхъ въ историко-филологической государственной комиссіи отдѣленій, напр. отдѣленіе романо-германской филологіи.

Эти заявленія могли однако быть приняты въ соображеніе лишь условно и временно, вслѣдствіе чего студенты Юрьевского университета въ самомъ близкомъ будущемъ обязаны будутъ подвергаться испытаніямъ въ государственныхъ комиссіяхъ и по такимъ предметамъ, которые имъ не преподаются или преподаются лишь на половину, профессорами смежныхъ кафедръ.

Не меньшія неудобства и затрудненія вызываются недочетами штатныхъ средствъ по содержанію личнаго состава. Даже тѣ нѣмецкіе профессора, которые вызваны были въ прежнее время и приняли предложенныя имъ должности на условіяхъ платы по 2.400 руб. сер въ годъ ординарному профессору, по 1.700 руб. экстраординарному и по 900 руб. доценту, въ настоящее время крайне недовольны столь ограниченнымъ содержаніемъ, которое въ прежнее время болѣе или менѣе восполнялось на многолюдныхъ факультетахъ, до опредѣленной уставомъ 1863 года нормы, Collegiengeld'омъ и платою за *privatissima*, значительно оскудѣвшими нынѣ, по введеніи новыхъ „Правилъ для студентовъ Императорскаго Юрьевского университета“, примѣняемыхъ къ общеперскимъ нормамъ платы за слушаніе лекцій. Вслѣдствіе того 15 профессоровъ изъ заграничныхъ нѣмцевъ уже подавали въ началѣ 1894 года прошеніе на Высочайшее имя объ уравненіи ихъ окладовъ и пенсій съ общеперскими, что однако не послѣдовало по настоящее время. Но еще съ болѣшими неудобствами соединенъ столь существенный недочетъ въ содержаніи въ отношеніи къ ученымъ русскимъ, вызываемымъ изъ прочихъ русскихъ

университетовъ, гдѣ уже болѣе 30 лѣтъ (съ 1863 г.) установились для профессорскъ ординарныхъ и экстраординарныхъ оклады въ 3.000 и 2.000 руб., а для доцентовъ въ 1.200 руб., вмѣсто нынѣшнихъ юрьевскихъ въ 2.400, 1.700, 900 руб. Правда, по Высочайшимъ повелѣніямъ отъ 4-го февраля 1889 года и 9-го марта 1892 г. г. министру народнаго просвѣщенія предоставлено право дополнять содержаніе читающихъ на русскомъ языкѣ преподавателей до общерусской нормы. Но такъ какъ до 1-го января 1895 г. на эти добавки не было разрѣшено кредита изъ государственнаго казначейства, то онѣ могли быть производимы лишь изъ специальныхъ средствъ, по мѣрѣ возможности, вслѣдствіе чего далеко не всѣ русскіе преподаватели фактически пользовались этимъ правомъ. Да и теперь, послѣ разрѣшенія съ 1-го января 1895 года дополнительнаго кредита на преподавателей, въ количествѣ 31.470 руб., не всѣ полноправные русскіе преподаватели могутъ получать узаконенные уставами 1863 и 1884 гг. оклады, ибо прибавка эта рассчитана только на наличныхъ русскихъ профессорскъ ординарныхъ, экстраординарныхъ и доцентовъ. Съ увеличеніемъ же ихъ числа, или даже просто съ ихъ повышеніемъ по службѣ, означенной суммы не хватитъ, тѣмъ болѣе, что на нее по необходимости должно пасть содержаніе 6-ти юридическихъ дополнительныхъ кафедръ, учрежденныхъ, безъ занесенія въ штатъ, подъ именемъ то профессуры, то доцентуръ въ 1889 г. Вообще необходимо отмѣтить, что для уравненія окладовъ 46 штатныхъ ординарныхъ профессорскъ Юрьевского университета и 10 штатныхъ же доцентовъ нужно: $46 \times 600 = 27.600$ руб. да еще $10 \times 300 = 3.000$ руб., итого 30.600 руб. Если же къ этому прибавить 6 юридическихъ кафедръ, содержимыхъ до 1-го января 1895 г. на специальныя средства и требующихъ собственно (6×3.000) 18.000 руб., а затѣмъ еще одну сверхштатную кафедру по историко-филологическому факультету по всеобщей исторіи (3.000 руб.), и двѣ по медицинскому (судебной медицины и оперативной хирургіи, временно содержимыхъ на оклады штатныхъ доцентовъ, съ доплатою изъ специальныхъ средствъ), то получимъ болѣе 55.000 руб. (вмѣсто разрѣшенныхъ съ 1-го января 1895 г. 31.470 руб.) добавочнаго содержанія, безъ увеличенія столь недостаточнаго нынѣ числа кафедръ и безъ прибавленія къ очень скудному жалованью прозекторовъ (по 800 р.), лаборантовъ (по 500 руб.) и ассистентовъ (по 300—600 руб.), число которыхъ также совершенно недостаточно.

При этомъ вовсе не принято въ расчетъ и вознагражденіе при-

вать-доцентовъ, на что въ прочихъ университетахъ ассигнуется, какъ выше упомянуто, въ среднемъ по 10.000 руб. на университетъ.

Подобнымъ образомъ и значительный недочетъ (отъ 18 до 21 тысячи руб.) въ бюджетъ учебно-вспомогательныхъ учреждений и хозяйственныхъ расходовъ Юрьевского университета, въ сравненіи съ тремя вышеназванными провинціальными русскими университетами, не можетъ не отражаться вредными послѣдствіями на научныхъ его средствахъ,—тѣмъ болѣе, что по мѣстнымъ условіямъ недочеты въ университетской библіотекѣ, кабинетахъ, клиникахъ не могутъ быть восполнены другими аналогичными учреждениями въ городѣ, какъ это имѣетъ мѣсто напримѣръ въ столичныхъ или вообще въ большихъ университетскихъ городахъ. Наоборотъ, въ Юрьевѣ приходится всѣ даже клиники (кромѣ одной) содержать на счетъ университетскій, нерѣдко принимая на оный все содержаніе больныхъ, по бѣдности пользуемаго въ клиникахъ мѣстнаго населенія. Неудивительно, что въ этихъ клиникахъ не разъ уже накопились долги, которыхъ уплата переносилась изъ года въ годъ, по отсутствію потребныхъ для сего средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по неотложности текущихъ расходовъ на ихъ содержаніе и научную постановку преподаванія. Въ теченіе 1894 г. и въ началѣ 1895 года на уплату такихъ долговъ потребовалось со стороны правленія до 5.000 руб., но не исключена возможность, даже неизбежность новаго ихъ накопленія, если не увеличеніе будетъ бюджетъ клиникъ до должной нормы.

Крайне скудная бюджетная сумма на стипендіи и пособія студентамъ (всего 6.800 руб., вмѣсто назначенныхъ по Юрьевскому уставу 1865 года 14.000 руб. и вмѣсто 21—32.000 руб., ассигнуемыхъ нынѣ на этотъ предметъ въ университетахъ Киевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ),—также не могла не отражаться на положеніи и занятіяхъ студентовъ, между которыми недостаточныхъ нынѣ столь же много, какъ и въ любомъ другомъ изъ русскихъ университетовъ.

Для устраненія всѣхъ означенныхъ недочетовъ и пробѣловъ недостаточны палліативныя мѣры, даже столь важныя, какъ разрѣшенныя прибавкою къ штату съ 1-го января 1874 г. на 21.750 руб. и съ 1-го января 1895 г. на 36.470 руб. Всѣ эти прибавки, какъ выше упомянуто, возвысили, правда, штатный бюджетъ Юрьевского университета на $\frac{1}{3}$, но и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онъ все еще отстаетъ отъ бюджета прочихъ провинціальныхъ русскихъ университетовъ (съ медицинскимъ факультетомъ, но безъ богословскаго) болѣе чѣмъ на 120 тысячъ руб. въ годъ.

Правда, отстаютъ отъ ихъ бюджета и нѣкоторые другіе русскіе университеты, напр. Варшавскій (262 тыс. руб.), Одесскій (258 тыс.), Томскій (205 тыс. руб.), но тамъ эти недочеты вознаграждаются или объясняются другими условіями, на примѣръ, въ Варшавскомъ университетѣ отчисленіемъ въ спеціальныя средства всего сбора за слушаніе лекцій (до 100.000 руб.), при существованіи возможности вознаградить преподавателей—именно лицъ русскаго происхожденія—25% и 50%-ными прибавками къ жалованью, по выслугѣ 5 или 10 лѣтъ, а равно сокращенными сроками службы. Недочетъ же въ касседряхъ въ Варшавскомъ университетѣ менѣе чувствителенъ, потому что къ нему еще не примѣнено положеніе объ испытаніяхъ въ государственныхъ комиссіяхъ, какъ это сдѣлано уже съ 1892 г. въ Юрьевскомъ университетѣ. Что касается затѣмъ Одесскаго университета, то онъ отстаетъ, правда, нынѣ въ своемъ бюджетѣ отъ Юрьевскаго на 18 тыс. руб., а Томскій—на 66 тыс. руб.; но за то въ первомъ нѣтъ медицинскаго факультета, а равно и богословскаго, тогда какъ въ Томскомъ только и имѣлся донныи одинъ медицинскій факультетъ, да часть физико-математическаго, хотя его бюджетъ (205 тыс. руб.) почти равняется Юрьевскому бюджету по штату 1865 г. (209 т. р.),—расчитанному на пять факультетовъ, съ медицинскимъ во главѣ.

Къ тому же число студентовъ Одесскаго или Томскаго университетовъ не составляетъ и половины ихъ числа въ Юрьевскомъ университетѣ, который въ этомъ отношеніи и нынѣ, послѣ нѣкотораго уменьшенія числа слушателей въ послѣдніе годы (съ 1800—до 1500 челов.), все еще занимаетъ между другими русскими университетами довольно высокое, а именно 4-ое мѣсто (послѣ Московскаго, С.-Петербургскаго и Кіевскаго университетовъ).

Для устраненія всѣхъ изложенныхъ недочетовъ и обусловленной ими неполноты преподаванія, слѣдовательно и образованія молодежи въ Юрьевскомъ университетѣ, имѣется лишь одно дѣйствительное средство, именно то, которое было намѣчено министромъ народнаго просвѣщенія еще въ 1869 году, но отвергнуто по пристрастной недальновидности университетскаго совѣта того времени: примѣненіе къ Юрьевскому университету общаго устава и штатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Проектъ такого примѣненія былъ выработанъ и представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія еще весной 1893 года. Но такъ какъ по этому проекту бюджетъ Юрьевскаго университета, со включеніемъ богословскаго факультета восходить до 412.000 руб. с., то къ получавшейся въ ту пору штатной

суммѣ въ 236.000 руб. нужна была прибавка въ 176 т. руб., что и было, вѣроятно, причиною отсрочки этого дѣла, въ виду затрудненій государственнаго казначейства. Въ настоящее время, по послѣдовавшему уже разрѣшенію дополнительнаго кредита въ количествѣ 36.470 руб. с., нужная для примѣненія общаго устава и штатовъ прибавка сокращается до 140.000 руб., причѣмъ она могла бы быть распредѣлена на два или на три года, для облегченія государственнаго казначейства. Но доколѣ она не будетъ сдѣлана, Юрьевскій университетъ, выбитый изъ старой колеи, опредѣленной уставомъ 1865 года, но не вошедшій въ новую, согласно уставу и штатамъ 1884 года, по неволѣ будетъ все болѣе и болѣе отставать отъ прочихъ русскихъ университетовъ, снабженныхъ въ настоящее время все еще въ полтора раза большими бюджетами. Бюджетъ же Московскаго университета, достигающій нынѣ 937 т. руб. въ годъ, будучи вдвое выше бюджета провинціальныхъ означеннаго состава, превышаетъ Юрьевскій болѣе чѣмъ втрое.

Что суммы, отпускаемыя нынѣ на университеты: Кіевскій (379 т. руб.), Харьковскій (391 т. руб.) и Казанскій (398 т. руб.), въ среднемъ по 400.000 руб.¹⁾ на провинціальный университетъ четырехфакультетскаго состава, не превышаютъ нормальной стоимости годоваго содержанія университетовъ новѣйшаго времени, это можно доказать и сравненіемъ русскаго бюджета преобразованныхъ уставами 1884 года университетовъ съ германскими и французскими новѣйшаго времени.

По числу студентовъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій Юрьевскій университетъ (до 1.500 студентовъ) приблизительно равняется нынѣ съ германскими университетами:

Бреславскимъ	(въ 1894 г. 1.219 студ.),	располагающимъ въ годъ	964 т. мар.
Галльскимъ	" " " 1.472 "	" " "	1.257 " "
Боннскимъ	" " " 1.258 "	" " "	1.121 " "
Вюрцбургскимъ " " "	" " " 1.330 "	" " "	724 " "

и значительно многочислѣе университетовъ:

Геттингенскаго	" " " 715 "	располагающаго въ годъ	1.147 " "
Кенигсбергскаго " " "	" " " 660 "	" " "	928 " "

¹⁾ Даже нѣсколько болѣе, если принять въ соображеніе предоставленные штатами въ распоряженіе министерства 60.000 руб. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ для 6 преобразованныхъ уставомъ 1884 г. университетовъ, то-есть, по 10.000 руб. въ среднемъ на каждый изъ нихъ.

Тюбингенскаго .	"	"	"	1.185	"	"	"	"	881	"	"
Гейдельбергскаго	"	"	"	973	"	"	"	"	699	"	"
Страсбургскаго	"	"	"	969	"	"	"	"	995	"	"

Между тѣмъ по своему бюджету Юрьевскій университетъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, и нынѣ замѣчательно ниже каждаго изъ нихъ, ибо даже Гейдельбергскій получаетъ по переводу марокъ на рубли, болѣе 317 т. руб.

Вообще же въ Германіи въ 189²/₃, учебномъ году на 22 университета, съ 27.718 слушателями, было издержано по обыкновеннымъ расходамъ 19.912.913 мар., не считая расходовъ чрезвычайныхъ (4.768.173)¹⁾. Въ среднемъ приходится, слѣдовательно, въ Германіи на университетъ, при 1.250 слушателяхъ, болѣе 900.000 мар., то-есть, болѣе 409 тыс. руб. сер., не считая расходовъ чрезвычайныхъ, составлявшихъ въ среднемъ по 216 тыс. мар., то-есть, болѣе 90 тыс. руб. сер. въ годъ.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что въ указанные бюджеты германскихъ университетовъ уже включены и спеціальныя ихъ средства, составлявшія въ 1894 году до 7.850.000 мар., то-есть, приблизительно третью часть ихъ бюджетовъ.

То же приблизительно видимъ и во Франціи: въ 1892 г., напримѣръ, правительство издержало на 16 французскихъ университетовъ (върѣше 16 союзовъ факультетовъ, отчасти не полного состава) 14.911 тыс. фр. Если къ этому прибавить ихъ спеціальныя средства (5.875 тыс. фр.), то получимъ болѣе 20 мил. фр., то-есть, приблизительно, по 1.250.000 фр. на университетъ²⁾.

Но существуютъ еще частныя записи—отъ городовъ, обществъ, частныхъ лицъ, въ пользу университетовъ, на содержаніе въ нихъ особыхъ кафедръ и т. п.³⁾.

Въ Англій же и въ Америкѣ во многихъ университетахъ годичный бюджетъ восходитъ, какъ извѣстно, до милліона уже не марокъ, франковъ, шиллинговъ, а долларовъ.

Но если это такъ, если не 209.000 и даже не 271.000, а

¹⁾ *Lexis. Deutsche Universitäten. I, стр. 119, 157, 158.*

²⁾ Ср. *Louis Liard, L'enseignement supérieur en France. Paris. 1894. II, 372.* Отмѣтимъ, что на строительныя и хозяйственныя потребности французскихъ университетовъ ассигновано было съ 1870 по 1892 г. 45.718.000 фр. городами, 48.089.000 фр. государствомъ и 715.000 фр. департаментами, всего же до 100.000.000 фр. *Ibidem 371.*

³⁾ *Ibid. 410.*

400.000 руб. составляютъ въ настоящее время нормальный бюджетъ европейскаго университета 4—5 факультетскаго состава, то спрашивается: нельзя ли и въ Юрьевскомъ университетѣ существующій нынѣ недоборъ въ 140 тыс. руб. по штатнымъ суммамъ дополнить развитіемъ спеціальныхъ средствъ университета?

Къ сожалѣнію, и это оказывается невозможнымъ, ибо, во-первыхъ сумма пожертвованныхъ этому университету капиталовъ, главнымъ образомъ на стипендіи, несмотря на продолжительность его существованія, и теперь не достигаетъ даже 150.000 руб.¹⁾, такъ что процентнаго дохода съ этихъ капиталовъ получается 6—7.000 руб. въ годъ, которые и расходуются полностью на стипендіи студентамъ; во-вторыхъ, университетъ вовсе не располагаетъ такими учреждениями, какъ напримѣръ Морозовскія клиники Московскаго университета, построенныя, а отчасти и содержимыя на частныя пожертвованія: если подобныя учрежденія—конечно, въ миниатюрѣ—здѣсь иногда и возникаютъ (напримѣръ, въ недавнее время Рейхенбергъ-Меллиновская частная женская лѣчебница), то они имѣютъ цѣлью скорѣе мѣшать, чѣмъ содѣйствовать университетскому преподаванію, отысканію больныхъ, слѣдовательно учебный матеріалъ отъ университетскихъ клиникъ; въ-третьихъ, ничѣмъ не можетъ существенно помочь университету и городъ, отчасти по своей бѣдности, отчасти же, и именно въ послѣднее время,—и по несочувствію къ университетской реформѣ со стороны полуоцѣмеченной интеллигенціи этого города; въ-четвертыхъ, составъ студенчества настолько уже измѣнился въ послѣдніе годы, что вмѣсто прежняго обилія въ немъ людей состоятельныхъ, несшихъ нѣкогда значительную часть расходовъ по содержанію и преподавателей (Collegiengeld'омъ и высокими платами за privatissima) и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, чуть ли не большинство уже студентовъ затрудняется нынѣ своевременною уплатою и 50 руб. въ пользу университета, да такой же, въ среднемъ, суммы въ видѣ гонорара преподавателямъ.

Наконецъ, въ послѣднее время замѣтна и нѣкоторая убыль въ числѣ слушателей (съ 1890 года ихъ число понизилось съ 1.800 до 1.500), объясняемая главнымъ образомъ утратою ими прежнихъ льготъ (особенно при полученіи ученыхъ степеней, по чрезвычайно

¹⁾ Московскій университетъ располагаетъ 3.500.000 руб. стипендіальныхъ капиталовъ, Киевскій же сверхъ многихъ сотъ тысячъ рублей таковыхъ, еще обширными недвижимостями, перешедшими къ нему отъ Кременецкаго лицея.

узкимъ прежде специальностямъ, и докторатовъ медицины), отчасти же и трудностію для студентовъ русскихъ, польскихъ и т. д. слѣдить за тѣми лекціями, которыя еще доннынѣ читаются на нѣмецкомъ языкѣ.

При такихъ условіяхъ сборъ со студентовъ въ пользу университета въ послѣднее время понижается и едва ли остановится даже на нынѣшнемъ уровнѣ (52.000 руб. сер. въ годъ).

Но возможенъ вопросъ: если теперь на Юрьевскій университетъ потребно до 400—410.000 руб. сер. въ годъ, то почему этотъ университетъ могъ не только существовать, но и преуспѣвать прежде, въ нѣмецкое время, при болѣ скромныхъ средствахъ?

На это слѣдуетъ прежде всего отвѣтить, что бюджетъ Юрьевского университета по уставамъ и штатамъ 1803 и 1820 гг., какъ показано выше, былъ ничуть не ниже бюджета прочихъ русскихъ университетовъ, а скорѣе выше ихъ, равно какъ и экстраординарные кредиты на его постройки и учебно-вспомогательныя учрежденія. Достаточно отмѣтить, что юрьевскіе профессора уже по штату 1818 года получали содержаніе по 5.500 руб. асс. или по $1.447\frac{7}{19}$ руб. сер., не считая гонорара со студентовъ (по § 78 уст. 1820 г. по 10—15 руб. за предметъ), тогда какъ ординарные профессора С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ лишь по штату 1835 г., по увеличеніи ихъ прежняго содержанія въ два съ половиною раза, получили окладъ въ 5.500 руб. асс., но и то безъ гонорара; въ университетахъ же Харьковскомъ и Казанскомъ они получили съ 1835 г. только по 4.500 руб. асс., что вполнѣтвѣтствіи составило, по переводу на серебро, уже не 1.447 руб., а только 1.200 руб. сер., да 150 руб. квартирныхъ, слѣдовательно на 100 руб. мѣнѣе юрьевскихъ окладовъ 1817 года, и то безъ гонорара. Если къ этому прибавить, что въ ту пору матеріальное положеніе и германскихъ профессоровъ было не особенно блестящее, то легко понять, почему Юрьевскому университету тогда не трудно было и привлекать и удерживать у себя хорошія научныя силы какъ изъ Россіи, такъ и изъ Германіи.

Лишь со времени введенія въ русскихъ университетахъ новаго устава и штатовъ 1863 г., а въ Юрьевскомъ на половину почти низшихъ штатовъ 1865 г., послѣдній очутился по средствамъ позади прочихъ русскихъ и не могъ уже ихъ нагнать до настоящаго времени. Въ 60-хъ годахъ, когда число студентовъ въ Юрьевскомъ университетѣ еще не превышало 700 чел. и когда университетъ этотъ

широко пользовался возможностью (вопреки Высочайшей волѣ о назначеніи лишь русскихъ подданныхъ, выраженной еще 14-го августа 1851 г.) приглашать преподавателей изъ заграницы, гдѣ на научныя силы при обильномъ предложеніи имѣется меньшій спросъ, слѣдовательно меньшая и цѣнность, — бюджетный недочетъ какъ по личному составу, такъ и по содержанию учебно-вспомогательныхъ учреждений, не могъ еще сильно чувствоваться. Но впоследствии, когда число студентовъ въ 1880 году превысило тысячу, а послѣ изданія общаго устава 1884 года и процентныхъ ограниченій для евреевъ (съ 1888 г.) стало достигать 1.600—даже 1.800 студентовъ, — какъ наличный составъ преподавателей и ассистентовъ, такъ и средства учебно-вспомогательныхъ учреждений оказались совершенно недостаточными.

Этимъ обусловлено было въ немалой степени и замѣчаемое съ 60-хъ годовъ нѣкоторое ослабленіе научнаго значенія Юрьевского университета въ средѣ прочихъ и русскихъ и пѣмочскихъ университетовъ, которое было между прочимъ причиною перенесенія съ 1879 г. всѣхъ почти казенныхъ медицинскихъ стипендій изъ этого университета въ медико-хирургическую академію. Если въ первый, особенно Николаевскій періодъ своего существованія университетъ этотъ, имѣвшій на своихъ кафедрахъ такихъ ученыхъ, какъ богословъ Филиппи, юристы Эверсъ, Рейцъ, Фр. Бунге, медики Пироговъ, Фолькманъ, Биддеръ, филологи Нейе, Преллеръ, астрономъ В. Струве, химикъ Карлъ Шмидтъ, могъ воспитать столь извѣстныхъ ученыхъ, какъ Бэръ, Гельмерсенъ, Видеманъ, Биленштейнъ, Якоби, Миддендорфъ, Шренкъ, Штраухъ, А. и Фр. Шмидты, Ад. Гарнакъ, Е. Бергманъ и др., то во второй періодъ, слѣдовавшій за 1863—1865 гг., число выдающихся ученыхъ на кафедрахъ Юрьевского университета становится все меньше, причемъ они перѣдко во внутренней университетской жизни и по вліянію на молодежь оттѣспяются на задній планъ профессорами-политиками, въ родѣ Карла Ширрена и его единомышленниковъ. Не этимъ ли обусловлено было отчасти и переселеніе изъ Юрьова въ Германію цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ силъ, въ родѣ профессоровъ Зеберга, Бульмеринга, Лексиса, Штиды, Бергмана, Вагнера, Шлейдена, Оствальда и другихъ? Такъ какъ этотъ exodus начался собственно задолго до эпохи „обрусенія“ Юрьевского университета, то и объясняется онъ не этимъ „обрусеніемъ“, а отчасти и неблагоприятными для науки условіями университетской жизни 60-хъ—80-хъ годовъ.

Что дѣйствительно Юрьевскій университетъ уже до начала эпохи

„обрусенія“, то-есть, до конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, былъ нѣсколько разстроенъ, это видно изъ вышеприведеннаго отзыва отъ имени самаго извѣстнаго и многолюднаго изъ Юрьевскихъ факультетовъ, именно медицинскаго, отъ 21-го декабря 1891 г. о невозможности выполнить экзаменаціонныя требованія на лѣкаря медицины именно въ практической подготовкѣ,—что однако не мѣшало тому же факультету выпускать ежегодно по 60—70 докторовъ медицины, вплоть до воспрещенія этого по Высочайшему повелѣнію 25-го октября 1893 года. Сверхъ того въ дѣлахъ совѣта и правленія имѣется не мало заявленій о крайне неудовлетворительной поставкѣ многихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, напримѣръ библиотеки, помѣщающейся въ ветхомъ и крайне тѣсномъ зданіи и, при относительномъ богатствѣ нѣмецкими научными пособиями, весьма бѣдной книгами на языкахъ русскомъ, французскомъ, англійскомъ; затѣмъ клиникъ медицинской и женской, кабинетовъ физиологическаго, судебно-медицинскаго, гигиеническаго (почти отсутствуетъ), лабораторій органической и медицинской химіи (собственно отсутствующихъ), института фармацевтическаго, и наконецъ астрономической обсерваторіи, столь извѣстной въ 30-ые годы и совершенно заброшенной въ послѣднія десятилѣтія. Конечно, эта бѣдность многихъ важныхъ учреждений объясняется прямо недостаткомъ средствъ на ихъ содержаніе ¹⁾, но это не измѣняетъ самаго факта этой бѣдности и запущенности, особенно въ сравненіи съ эпохою Эверса и профессорскаго института, которая собственно и составляетъ время процвѣтанія этого университета.

Кромѣ того нельзя отрицать, что какъ возникновеніе устава 1865 г., такъ и довольно одностороннее развитіе его въ эпоху Кайзерлинга и Ширрена и непосредственно за нею слѣдующее время, въ не малой мѣрѣ обусловлено было усиленіемъ нѣмецко-сепаратистическихъ тенденцій въ средѣ и учащихся и учащихся.

Знаменательный эпизодъ съ профессоромъ русской исторіи (или, какъ онъ иронически выражался, *der russischen Historien*)—Ширреномъ, который столь увлекся остзейскимъ патриотизмомъ, что не стѣснялся на лекціяхъ и въ извѣстномъ политическомъ памфлетѣ: *Livlandische Antwort* (1869 г. въ отвѣтъ Ю. Самарину) грозитъ Россіи судьбою поляковъ и шведовъ въ Лифляндіи, и за это вынужденъ

¹⁾ Въ 1882 году совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи 25.000 руб. на переустройство астрономической обсерваторіи, но ему было въ этомъ отказано.

былъ перепести свою политическую дѣятельность изъ Юрьева въ Киль,—могъ бы конечно, считаться его личною виною или—съ нѣмецкой точки зрѣнія—подвигомъ; но оваціи, которыхъ онъ удостоился и отъ студентовъ и отъ товарищей за свои прямо мятежническія ученія, доказываютъ, что Ширреновскій духъ одушевлялъ тогда весьма многихъ „гражданъ“ этого университета ¹⁾). Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того является и замѣчательный эпизодъ въ отношеніяхъ совѣта къ попечителю Жервѣ, который первый началъ съ нимъ переписываться на языкѣ русскомъ. Не смотря на полную законность это распоряженія, основаннаго на указахъ 1-го іюля 1867 г. и 31-го октября 1869 г. и воплѣ одобреннаго Высочайше утвержденнымъ заключеніемъ особой комиссіи по сему предмету въ С.-Петербургѣ отъ 13-го марта 1870 г., совѣтъ заявилъ протестъ противъ оного и вотировалъ въ апрѣлѣ 1870 г. особую петицію на Высочайшее имя по сему предмету, а послѣ отказа попечителя Жервѣ дать ей дальнѣйшее движеніе, по явной незаконности этого акта,—составилъ вторую о томъ же петицію, имѣвшую впрочемъ ту же участь.

Сопоставляя эту демонстративную „дѣятельность“ совѣта съ только что законченнымъ передъ тѣмъ эпизодомъ Ширрена, нельзя не придти къ заключенію, что это были два параллельныя проявленія того же внутренняго настроенія, которое весьма трудно объяснить наукою, но легко—политикою. И эта „политика“ оказалась не безплодною, ибо нѣмецкій языкъ и послѣ означеннаго столкновенія съ законами продержался въ Юрьевскомъ университетѣ въ прежней силѣ еще лѣтъ 20, даже въ дѣлопроизводствѣ, такъ что и Высочайше утвержденныя 14-го сентября 1885 г. правила объ употребленіи русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній лишь съ конца 1892 года вступили въ полную силу въ Юрьевскомъ университетѣ.

Въ этотъ же главнѣйше періодъ времени, отмѣченный именами фонъ-Брадке и гр. Кайзерлинга, Ширрена и Брикнера, получила офиціальное признаніе и какъ бы освященіе корпоративная организація значительной части Юрьевскаго студенчества, которая во времена Николаевскія была лишь тернима, а съ эпохи гг. фонъ-Брадке и гр. Кайзерлинга пользовалась прямо покровительствомъ властей. Какъ бы ни смотрѣть на эти корпорации, все же нельзя отрицать,

¹⁾ Ср. „Die deutsche Universität Dorpat“, стр. 60.

что, во-первыхъ, онѣ скопированы съ нѣмецкихъ Burschenschaften, слѣдовательно несутъ національную окраску, и во-вторыхъ, что онѣ значительно отвлекали студентовъ отъ научныхъ занятій, нерѣдко содѣйствуя ихъ разгульной жизни, что, конечно, не могло не отражаться на здоровьѣ и силахъ учащейся молодежи. Изъ лѣтописей университетскихъ судовъ за послѣднія 30 лѣтъ можно бы привести не мало примѣровъ учащенныхъ коллизій корпоративнаго студенчества съ университетскими правилами, а иногда и съ уголовными законами (дѣла о дуэляхъ). Нерѣдко эти коллизіи возникали и на почвѣ національныхъ отношеній, въ видѣ на примѣръ столкновеній нѣмцевъ то съ эстонцами и латышами, то съ поляками, то съ русскими, то съ евреями (на примѣръ по дѣлу студента Зарина въ 1861 году). Если подобныя столкновения и не имѣли въ тѣсномъ смыслѣ политическаго характера, все же они не далеко отстояли отъ послѣдняго, если къ ихъ оцѣнкѣ примѣнить мѣрку общерусскихъ университетскихъ порядковъ.

Не этими ли неблагоприятными для научныхъ занятій студентовъ условіями слѣдуетъ объяснить и тотъ безспорный фактъ, что изъ ихъ среды съ 60-хъ годовъ не оказывается достаточнаго числа подготовленныхъ ученыхъ для замѣщенія въ этомъ университетѣ преподавательскихъ должностей? Вслѣдствіе сего съ этого времени вповъь возрастаетъ приливъ научныхъ силъ изъ заграницы ¹⁾, несмотря на Высочайше выраженную еще 14-го августа 1851 года Императоромъ Николаемъ I увѣренность, что Юрьевскій университетъ „можетъ обойтись безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, имѣя конечно въ числѣ своихъ воспитанниковъ достойныхъ кандидатовъ на ученые каедры“.

Нужно впрочемъ отмѣтить, что въ послѣдніе годы, особенно со времени упраздненія университетскаго суда и введенія общихъ мирныхъ судовъ, случаи студенческихъ безпорядковъ въ Юрьевѣ значительно поубавились, настроеніе въ средѣ молодежи стало гораздо серьезнѣе и научныя занятія пошли успешнѣе. Остальное будетъ

---

¹⁾ Такъ были вызваны: въ 1862 г. Фолькъ, въ 1864 г. Драгендорфъ, въ 1865 г. Л. Мейеръ, въ 1870 г. Мюлау, въ 1875 г. Вальтцъ, 1876 г. Мендельсонъ, въ 1879 г. Рельманъ и Кохъ, въ 1884 г. Тома и Мукке, въ 1886 г. Рауберъ и Кобертъ, въ 1887 г. Штадельманъ, въ 1888 г. Кюстнеръ, въ 1889 г. Барфуртъ, Кохъ (вторично) и Кнезеръ, въ 1891 г. Гауслейтеръ, т. е. 18 преподавателей въ 32 года. Въ прежнее же время, особенно съ 1836 по 1854 гг., каедры были замѣщаемы главнымъ образомъ воспитанниками этого же университета. Ср. Die deutsche Universität Dorpat, 48.

сдѣлано постепеннымъ измѣненіемъ университетскихъ порядковъ, по мѣрѣ преобразования Юрьевскаго университета, въ смыслъ сближенія его, и въ національномъ, и въ учебно-педагогическомъ отношеніяхъ, со строимъ прочихъ русскихъ университетовъ

Быть можетъ, при этомъ переходѣ, который, конечно, не всѣмъ по вкусу, еще нѣсколько сократится число студентовъ этого университета, что отчасти замѣтно уже въ настоящее время, когда ихъ насчитывается не болѣе 1.500, вмѣсто прежнихъ 1.700, даже (въ 1890 году) 1.800 чел.; но значеніе высшаго заведенія опредѣляется не однимъ числомъ студентовъ и даже не главнѣйше этимъ. Вспомнимъ, что въ 30-е и 40-е годы, когда Юрьевскій университетъ стоялъ всего выше въ научномъ отношеніи, число его воспитанниковъ не превышало 500—600 чел., что и впоследствии, до начала 70-хъ годовъ, оно держалось въ рамкахъ 600—700 студ., что собственно и соответствуетъ вмѣстимости его аудиторій, лабораторій, кабинетовъ, клиникъ. Лишь въ 80-хъ годахъ число этихъ студентовъ, вмѣстѣ съ фармацевтами, превысило 1.000 чел. и къ концу этого десятилѣтія достигло 1.800 чел.¹⁾, благодаря отчасти льготному положенію

¹⁾ А именно слушателей состоимо во II семестрѣ:

1802 года . . .	47	1878 года . . .	768
1804 " . . .	155	1874 " . . .	779
1807 " . . .	147	1877 " . . .	858
1810 " . . .	217	1878 " . . .	902
1813 " . . .	245	1879 " . . .	1.048 (къ 1 сент.).
1817 " . . .	142	1880 " . . .	1.105 (тоже).
1821 " . . .	309	1881 " . . .	1.222 (тоже).
1824 " . . .	834	1882 " . . .	1.366 (тоже).
1827 " . . .	452	1883 " . . .	1.484 (тоже).
1830 " . . .	619	1884 " . . .	1.595 (тоже).
1835 " . . .	581	1885 " . . .	1.704 (тоже).
1845 " . . .	564	1886 " . . .	1.734 (тоже).
1847 " . . .	568	1887 " . . .	1.695 (тоже).
1848 " . . .	604	1888 " . . .	1.743 (тоже).
1849 " . . .	544	1889 " . . .	1.741 (тоже).
1850 " . . .	554	1890 " . . .	1.812 (тоже).
1859 " . . .	598	1891 " . . .	1.723 (тоже).
1863 " . . .	601	1892 " . . .	1.670 (къ 1 окт.).
1866 " . . .	607	1893 " . . .	1.546 (къ 15 нбр.).
1869 " . . .	679	1894 " . . .	1.524 (къ 15 сент.).
1872 " . . .	728		

Ср. Die deutsche Universität Dorpat, 28 сл. Цифры за послѣднія 15 лѣтъ взяты изъ списковъ университета.

этого университета въ средѣ другихъ русскихъ, особенно по условіямъ промоцій на высшія ученныя степени, отчасти значительному наплыву евреевъ¹⁾ и иностранцевъ. Если, съ устраненіемъ этихъ льготъ, число юрьевскихъ студентовъ вновь испало бы до 1.000, то и это вовсе не было бы признакомъ упадка этого университета, а скорѣе — его подъема, обусловленнаго болѣе правильнымъ соотношеніемъ между вмѣстимостію и количествомъ научныхъ средствъ университетскихъ институтовъ и кабинетовъ съ одной стороны, и числомъ студентовъ — съ другой. Такъ и въ Германіи лишь университеты Берлинскій (въ 1892/3 г. 5.040 студ.), Мюнхенскій (3.580) и Лейпцигскій (3.307) значительно превышаютъ нынѣшнее число юрьевскихъ студентовъ; прочіе же или приблизительно равняются съ послѣднимъ (Галльскій въ 1894 г. 1.472, Бреславскій 1.219, Вюрцбургскій 1.330, Боннскій 1.258, Тюбингенскій 1.185, Эрлангенскій 1.099), или гораздо малочисленнѣе его (Страсбургскій 969, Фрейбургскій 998, Гейдельбергскій 973, Марбургскій 837, Грейфсвальдскій 778, Геттингенскій 715, Кенигсбергскій 660, Іенскій 631, Гиссенскій 515, Кильскій 488, Ростокскій 413)²⁾.

Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что необходимо и теперь, какъ въ 1849—50 гг., принимать какія-нибудь искусственныя мѣры для уменьшенія числа студентовъ въ Юрьевскомъ университетѣ; но если такое произойдетъ по естественнымъ внутреннимъ причинамъ, то отсюда никакъ нельзя сдѣлать вывода о неполноправности его въ Россіи, ибо въ противномъ случаѣ и въ Германіи пришлось бы ограничить права столь значительныхъ, хотя и не многочленныхъ университетовъ, какъ Гейдельбергскій, Геттингенскій, Іенскій.

И во Франціи изъ 16 университетовъ лишь Парижскій (въ 1893 г. 10.000 студ.), Ліонскій (1.800 студ.) и Бордосскій (1.950) превышаютъ по числу студентовъ Юрьевскій университетъ; остальные или равняются съ нимъ (Монпелье 1.300, Тулуза 1.300, Лилль 1.000), или значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи (всѣ прочіе университеты, гдѣ число студентовъ колеблется между 300—700)³⁾.

Изъ представленной исторической справки мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы:

¹⁾ Къ 1-му января 1881 года ихъ было 47, въ 1885 г. 176, въ 1889 г. 215 и въ 1890 г. 301.

²⁾ *Lexis*, Die deutschen Universitäten, I, 118 сл.

³⁾ *L. Liard*, L'enseignement supérieur en France. 1894. II, стр. 379 сл.

1) Въ бюджетной исторіи Юрьевского университета можно отличить 2 главных періода: до 1863 г. и послѣ онаго. Въ первый изъ нихъ Юрьевскій университетъ не только не отставалъ отъ прочихъ русскихъ по бюджетнымъ средствамъ, но даже превосходилъ ихъ въ этомъ отношеніи, особенно отъ 1820 по 1835 г. Лишь съ 1863—1865 гг. Юрьевскій университетъ остался позади прочихъ русскихъ по бюджету, причемъ разстояніе между тѣмъ и другими еще болѣе возросло съ 1884 г. и въ настоящее время, даже послѣ недавней прибавки въ 36.470 руб., все еще опредѣляется суммою до 130—140 тыс. руб. въ сравненіи съ прочими провинціальными русскими университетами, имѣющими притомъ не 5, а лишь 4 факультета.

2) Этими двумъ періодамъ бюджетнымъ вполне соответствуетъ и научная роль Юрьевского университета во время Николаевское съ одной стороны, а Александровское (II и III)—съ другой. Время наибольшаго процвѣтанія его относится къ 1827—1840 гг.¹⁾, когда въ Юрьевѣ существовалъ и профессорскій институтъ (1828—1838) на всю Россію; съ 60-хъ же годовъ въ немъ берутъ перевѣсъ національно-политическія соображенія и задачи, обусловившія какъ возникновеніе особаго устава и штата въ 1865 году, такъ и упорное охраненіе его, въ основныхъ чертахъ, до настоящаго времени.

3) Въ студенческой средѣ можно замѣтить существенное различіе въ настроеніи до 1860-хъ годовъ и съ оныхъ: оно особенно ярко отражается въ развитіи въ послѣднія 30 лѣтъ корпорацій, преслѣдующихъ болѣе нѣмецко-національныя, чѣмъ научно-воспитательныя задачи и цѣли.

4) Выходъ изъ положенія, созданнаго уставомъ 1865 г. въ научной постановкѣ Юрьевского университета, возможенъ лишь подъ условіемъ окончательнаго упраздненія этого устава и замѣны его общимъ уставомъ и штатами русскихъ университетовъ, которые одни могутъ послужить надежной основой дальнѣйшаго его развитія въ направленіи, сходящемся съ прочими русскими университетами, а не въ противоположномъ имъ.

5) Потребная для примѣненія общаго устава и штата доплата изъ государственнаго казначейства, до 140 тыс. руб. с. въ годъ, обусловлена необходимостію уравнивать содержаніе юрьевскихъ профессоровъ съ профессорами прочихъ русскихъ университетовъ, учре-

¹⁾ Ср. Die deutsche Universität Dorpat, 80; *Preussische Jahrbücher*, 1893. IV т., стр. 227.

дять недостающія кафедръ и организовать цѣлый рядъ новыхъ или расширить нѣсколько старыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, чтобы такимъ образомъ университетъ этотъ могъ стать на одномъ научномъ уровнѣ съ прочими русскими и заграничными университетами, бюджетъ коихъ въ настоящее время въ среднемъ не ниже 400.000 руб. сер.

6) Замѣчаемая въ послѣдніе годы нѣкоторая убыль въ числѣ слушателей Юрьевского университета въ сравненіи съ 80-ми годами вовсе не составляетъ тревожнаго признака, а наоборотъ является естественнымъ слѣдствіемъ устраненія прежнихъ неумѣстныхъ и искусственныхъ приманокъ этого университета, вызывавшихъ съ одной стороны чрезмѣрное накопленіе въ немъ студентовъ, съ другой же — справедливыя нареканія прочихъ русскихъ университетовъ на неравенство условій полученія тамъ и здѣсь ученыхъ степеней и званій. Льготы эти, дѣйствительно, отражались не совѣтъ благопріятно на научной подготовкѣ многихъ юрьевскихъ кандидатовъ, магистровъ, докторовъ, особенно-же докторовъ медицины, количество коихъ находилось въ полномъ противорѣчій съ недочетами въ числѣ кафедръ и неудовлетворительною постановкою въ послѣднія десятилѣтія большинства учебно-вспомогательныхъ учреждений Юрьевского университета.

7) Признанная необходимою и серьезно начатая въ послѣдніе годы реформа Юрьевского университета никакъ не можетъ быть проведена безъ примѣненія къ нему общаго устава и штата русскихъ университетовъ, а наоборотъ, она неизбежно будетъ искажена, если правительство будетъ рассчитывать при этой реформѣ на одни только спеціальныя средства университета, значительно уступающія спеціальнымъ средствамъ большинства коренныхъ русскихъ университетовъ.

8) Разрѣшенное недавно правительствомъ воспособленіе на преподавателей и на исполцію въ 36.470 руб. является лишь палліативной мѣрой, которая временно устраняетъ бюджетный дефицитъ университета, но вовсе не достаточна для полного проведенія реформы университета, ибо сумма эта въ сущности составляетъ не болѣе, какъ покрытіе — съ небольшимъ лишкомъ — потери на курсахъ при переложеніи 209 тыс. руб. сер. по штату 1865 г. на золотую валюту 1895 года. Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе, что кредитный рубль по среднему годовому курсу 1865 г. равнялся 3 фр. 30 сант., а въ 1895 году только 2 фр. 70 сант. (по среднему

курсу за ноябрь и декабрь 1894 г. и январь 1895 г.), то окажется, что 209 тыс. руб. кред. въ 1865 г. соотвѣтствовали 172.425 руб. метал., а въ 1895 году 271 тыс. руб. кред. равняются 182.750 руб. метал., то-есть, что нынѣшній бюджетъ Юрьевскаго университета, послѣ всѣхъ прибавокъ въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, со включеніемъ и разрѣшенныхъ нынѣ 36.470 руб. сер., при переложеніи на металлическую валюту лишь на 10.325 руб. сер. превышаетъ бюджетъ 1865 года ¹⁾).

Такимъ образомъ всѣ преобразованія, произведенныя съ 1865 г., то-есть, учрежденіе цѣлой дюжины новыхъ профессуръ ²⁾ и десятка новыхъ ассистентовъ ³⁾, выдѣленіе и обезпеченіе двухъ новыхъ клиникъ ⁴⁾, устройство новой обсерваторіи ⁵⁾, добавка жалованья за русское преподаваніе не менѣе какъ 39-ти уже преподавателямъ, вознагражденіе приватъ-доцентовъ ⁶⁾ за поручаемыя имъ факультетами лекціи—все это произведено за дѣйствительную доплату къ штатному бюджету 1865 г. (въ металлической валютѣ) всего 10.315 руб. сер. ⁷⁾, а если обратить еще вниманіе на пониженіе реальной цѣнности и металлическаго рубля на рынкѣ въ теченіе по-

---

¹⁾ Еще невыгоднѣе оказывается отношеніе бюджетовъ 1865 и 1895 г. при переложеніи обоихъ на металлическую валюту по тѣмъ курсамъ, какіе были приняты нашимъ министерствомъ финансовъ въ 1865 и въ 1895 гг. при платежахъ по металлическимъ нашимъ займамъ. По сдѣланному расчету выяснилось, что министерство финансовъ при названныхъ платежахъ принимало: въ 1865 г. 1 р. 13 коп. кредит. = 1 р. метал.; въ 1895 же г. 1 р. 60 коп. кредит. = 1 р. метал. По этому расчету выходитъ, что въ 1865 г. Юрьевскій университетъ получаетъ 209.200 р. кредитныхъ или 185.132 р. металич.; въ 1895 же году получаетъ: 271.023 р. кредитныхъ или 169.878 р. металич., то-есть, на 15.754 р. метал. меньше, чѣмъ въ 1865 г.

Столь значительная разность въ курсахъ 1865 и 1895 гг. имѣетъ особенную важность для бюджета Юрьевскаго университета потому, что значительная часть его расходовъ по снабженію учебно-вспомогательныхъ учрежденій необходимыми пособиями и предметами производится за-границей, по курсамъ на золото.

²⁾ Четыре на медицинскомъ факультетѣ (въ томъ числѣ 2 сверхштатныя), одна на физико-математическомъ, четыре на юридическомъ (да еще двѣ доцентуры) и три на историко-филологическомъ.

³⁾ 2 провектора и 8 ассистентовъ.

⁴⁾ Хирургической и психіатрической.

⁵⁾ Метеорологической.

⁶⁾ Нынѣ ихъ числится десять.

⁷⁾ По другому же расчету на чистую убыль въ 15.754 р. металич. Ср. примѣчаніе 1-е.

слѣднихъ 30 лѣтъ, то — даромъ, или вѣрнѣе на счетъ содержанія преподавателей и учебно-вспомогательныхъ учрежденій и на мѣдные гроши студентовъ.

Въ заключеніе, позволяю себѣ выразить убѣжденіе, что такъ какъ законы экономическихъ явленій, въ ихъ взаимодействіи съ прочими культурными факторами, имѣютъ не мѣстное лишь, но общее распространеніе и примѣненіе, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Юрьевъ составитъ въ этомъ отношеніи какое нибудь исключеніе на всю Россію или Европу; что если въ Киевѣ, Харьковѣ, Казани правильная постановка преподаванія на четырехъ факультетахъ стоитъ круглымъ счетомъ 400.000 руб. сер. въ годъ, чему приблизительно соотвѣтствуютъ нормальные бюджеты и нынѣшнихъ университетовъ Германіи или Франціи, то абсолютно невозможна такая же постановка преподаванія въ Юрьевскомъ университетѣ, съ его пятью факультетами, за 271 тыс. руб.; что слѣдовательно преподаваніе будетъ вестись въ немъ безъ должной полноты и правильности и достигаемые имъ результаты не могутъ быть вполне удовлетворительны, доколѣ этотъ бюджетный недочетъ будетъ существовать; что наконецъ Юрьевскій университетъ лишь тогда можетъ окрѣпнуть въ своей организаціи и стать еще болѣе могущественнымъ центромъ притяженія для студенчества, чѣмъ какимъ онъ безспорно является въ настоящее время (занимая въ этомъ отношеніи 4-е мѣсто между всѣми университетами Россіи, и одно изъ первыхъ мѣстъ, по числу студентовъ, между университетами германскими и французскими) — когда и онъ будетъ снабженъ тѣми же матеріальными средствами для своего укрѣпленія и развитія, какія предоставлены нынѣ всѣмъ безъ исключенія его собратамъ въ Россіи, Германіи и Франціи.

А. Будиловичъ.

ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ОБЪ ИНДУКЦИИ ВЪ ГЛАВНѢЙШЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ЕГО РАЗРАБОТКИ ¹⁾.

Б) ПЕРЕРАБОТКА БЕКОНОВСКАГО УЧЕНІЯ У ДЖОНА СТЮАРТА
МИЛЛЯ.

Непосредственные предшественники Милля ²⁾.

1. Джонъ Гершель.

Прошло болѣе двухъ столѣтій послѣ того, какъ Беконъ началъ проповѣдовать свои воззрѣнія. Естествознаніе сдѣлало въ этотъ періодъ большіе успѣхи,—что, быть можетъ, всего меньше объясняется

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. августскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Не смотря на то, что Гершель и Юэлль были современниками Джона Стюарта Милля, мы говоримъ о нихъ, какъ о его предшественникахъ, и останавливаемся притомъ на гершелевскомъ ученіи, прежде чѣмъ обратиться къ воззрѣніямъ Юэлла. Гершель знакомъ былъ съ идеями Юэлла и Джона Стюарта Милля, и равнымъ образомъ Юэлль—со взглядами Милля. Но, какъ извѣстно, „Система логики“ Джона Стюарта Милля вышла въ свѣтъ позже, чѣмъ сочиненія Юэлла „History of the Ind. Sciences“ и „The Philosophy of the Ind. Sciences“, а эти послѣднія изданы позднѣе, чѣмъ „Preliminary Discourse on the Study of Natural Philosophy“. Если же Гершель впоследствии (въ „Essays“) и обращаетъ свое вниманіе на Юэлла и Милля, въ свою очередь, далеко не игнорируетъ выдвинутыхъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ идей, то вновь вышедшія сочиненія лишь застаиваютъ обоихъ тщательнѣе обсудить и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—лучше развить и яснѣе и опредѣленнѣе формулировать прежніе взгляды, а не переработать ихъ и измѣнить въ существенныхъ чертахъ.

тѣмъ, будто представители опытныхъ наукъ выполняли систему беконовскихъ предписаній и, построивъ индуктивные выводы, примѣняли „исключеніе“. какъ его этотъ мыслитель считаетъ нужнымъ производить ¹⁾. Накопился богатый матеріалъ, изучая который, можно было намѣтить приемы, обезпечившіе въ исторіи наукъ удачные результаты изслѣдованія,—съ цѣлью такимъ образомъ выработать логическое ученіе объ индукціи. За подобную работу и принимается Джошъ Гершель. Но въ своемъ „Discourse“ онъ лишь описываетъ тотъ часто извилистый путь, по которому привыкли идти естествоиспытатели, и выставляетъ рядъ необходимыхъ при научныхъ изысканіяхъ руководящихъ основоположеній; послѣднія вытекаютъ или, по крайней мѣрѣ, стоятъ въ непосредственной связи съ ученіемъ о причинности, въ которомъ обыкновенно ищутъ себѣ опоры наши индуктивные заключенія. Гершель, можно сказать, не даетъ намъ комплекса готовыхъ логическихъ формулъ, съ которыми слѣдовало бы сообразоваться при выводахъ и которыми можно было бы пользоваться, какъ особаго рода мѣриломъ для опредѣленія достоинствъ обобщеній данныхъ, уже построенныхъ ²⁾. При этомъ въ трактатѣ его идетъ дѣло не спеціально о процессѣ индукціи, а вообще о методическихъ приемахъ, употребляемыхъ въ естествовѣдѣніи. Большой интересъ обнаруживаетъ авторъ постоянно и по отношенію къ вопросу о томъ, какъ приводятъ насъ факты къ общимъ положеніямъ и какъ открываемъ мы научныя истины.

Свое сочиненіе Гершель начинаетъ также, какъ и Беконъ,—этотъ мыслитель оказалъ, признаетъ Гершель, огромную услугу человѣчеству: онъ теоретически обсудилъ достоинства аристотелевскаго метода, не-

¹⁾ Мы видѣли, что „исключеніе“, какъ оно описано у Бекона, невозможно. Но при иной постановкѣ дѣла операція эта приводитъ къ цѣннымъ результатамъ, и указать вообще на подобный процессъ значило, быть можетъ, благотворно повліять на ходъ работъ въ области естественныхъ наукъ. Такимъ же образомъ и нѣкоторыя отдѣльныя беконовскія методическія указанія не лишены были практическаго значенія. Не говоримъ мы уже о томъ, какое впечатлѣніе должна была производить въ то время его настойчивая и полная вѣры пропаганда опытныхъ изслѣдованій вообще.

²⁾ Нашъ авторъ черпаетъ изъ матеріала, который для ученія объ индукціи представляютъ естественныя науки, по большей части лишь то, что въ немъ непосредственно содержится, и слишкомъ мало имъ пользуется, чтобы подняться до строго и систематически выработанной логической теоріи.

состоятельность котораго обнаружилась на практикѣ, правда, раньше, и замѣнилъ его новымъ, болѣе строгимъ и болѣе совершеннымъ ¹⁾—общими разсужденіями о томъ, что знаніе доставляетъ человѣку власть надъ природой ²⁾. Но науки достигли въ своемъ развитіи сравнительно высокаго уровня, и многія познанія получили практическое приложеніе; а потому мысль эта не могла уже такъ поражать человѣка, какъ во времена Бекона Веруламскаго. Гершель не могъ въ такой мѣрѣ, какъ его великій предшественникъ, проникнуться ею, и идея эта во всякомъ случаѣ не становится у него руководящей ³⁾.

Уже заглавіе трактата показываетъ, что въ основномъ изъ своихъ изслѣдованій, посвященныхъ области философіи ⁴⁾, Гершель задается лишь цѣлью разсмотрѣть операція мысли, къ которымъ прибѣгаютъ при разработкѣ естественныхъ наукъ. А отъ наукъ этой группы онъ отличаетъ—абстрактныя. Въ то время, какъ естествоиспытатель изу-

¹⁾ *John Herschel, A preliminary Discourse on the Study of Natural Philosophy.* New ed. Lond. 1851, § 105. Ср. §§ 64, 96—104, 106—107. *Essays from the Edinburgh and Quarterly Reviews, with Addresses and other Pieces.* Lond. 1857. Whewell on the Inductive Sciences, p. 142—147. An Address to the British Association for the Advancement of Science. June 19-th. 1845, p. 672. Ср., Disc., § 105.

²⁾ Ср. также, Disc., §§ 34—65. *Essays.* Whewell on the Induct. Sciences, p. 142—148. Исторія наукъ, говорятъ Гершель, показываетъ, что „speculations, apparently unprofitable, have, in innumerable instances, been those from which great practical applications have emanated (Disc., § 7). Онъ объявляетъ даже (§ 8): „The speculations of the natural philosopher, however remote they may for a time lead him from beaten tracks and every-day uses, being grounded in the realities of nature, have all, of necessity, a practical application, — nay more, such applications form the very criterions of their truth, they afford the readiest and completest verifications of his theories“. Рѣчь идетъ однако у него не о томъ, будто каждое изслѣдованіе можетъ и должно принести непосредственную пользу (§§ 2, 7—9. Ср. беконовскій взглядъ относительно этого). Да и мало того. Онъ признаетъ и цѣнить у человѣка также и чисто теоретическій научный интересъ (§§ 2, 7, 63. *Essays.* Whewell on the Induct. Sciences, p. 142—145, 157 — 158. Ср. Disc., § 64).

³⁾ Имѣя въ виду практическое приложеніе знаній нашихъ, Беконъ между прочимъ склоненъ разсматривать и самую науку, какъ нѣкотораго рода силу (см. выше). Подобнаго взгляда мы у Гершеля не встрѣчаемъ.

⁴⁾ Употребляемъ это слово въ его обычномъ значеніи, а не въ томъ, какое оно имѣетъ у самого Гершеля, когда тотъ говоритъ относительно „Natural Philosophy“.

часть причины явленій и законы природы, въ отвлеченномъ знаніи дѣло идетъ о логическихъ основаніяхъ и выводахъ, которые ими обусловливаются. Объектами его являются, во первыхъ, (первичныя) реальности и отношенія, отрицаніе которыхъ немислимо для насъ, пространство, время, число, порядокъ и пр., и, во вторыхъ, искусственно мыслью нашей выработанныя формы или символы. Комплексомъ такихъ условныхъ формъ является нашъ языкъ; ихъ обобщаетъ грамматика; особыя же правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться, пользуясь языкомъ при процессѣ доказательства, образуютъ школьную логику. Можно, далѣе, останавливаться на принятой у насъ системѣ обозначенія величинъ; сосредоточиваясь при этомъ на числахъ, мы будемъ трактовать ариметику, а обращаясь къ болѣе абстрактнымъ отношеніямъ количества и порядка, перейдемъ къ алгебрѣ. Наконецъ, въ этотъ второй отдѣлъ абстрактнаго знанія входитъ высшая или раціональная логика (въ отличіе отъ школьной, вербальной); она научаетъ насъ наивыгоднѣйшимъ образомъ пользоваться разумомъ для отысканія истины, указываетъ критеріи, прилагая которые можно удостовѣриться, что истина найдена, и, рассуждая о заблужденіяхъ, предохраняетъ насъ отъ нихъ. Проводя границу между отвлеченнымъ знаніемъ и естествовѣдѣніемъ, Гершель и говоритъ между прочимъ о томъ, какое значеніе имѣетъ при разработкѣ наукъ естественныхъ знакомство съ абстрактными. Правда, онъ, становясь на почву эмпиризма (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), полемизируетъ съ Юэлемъ, котораго вообще цѣнитъ очень высоко, приписываетъ даже въ математикѣ исходнымъ высшимъ положеніямъ — аксіомамъ эмпирическое происхожденіе и объявляетъ, что для нихъ можно искать опоры только въ опытѣ. Но въ математическомъ знаніи индуктивная часть исчерпывается, говоритъ онъ, установленіемъ аксіомъ. Вся работа и весь интересъ сосредоточиваются тутъ на дедуктивномъ отдѣлѣ. И нужно сказать, что на ряду съ этимъ Гершель признаетъ значеніе дедуктивнаго процесса и въ наукахъ естественныхъ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ противоположность Бекону, онъ не смотритъ на индукцію, какъ на методъ универсальный въ томъ смыслѣ, будто только введеніе можетъ считаться операцией плодотворной ²⁾.

¹⁾ См. ниже.

²⁾ §§ 13—24, 66, 86, 188. *Essays. Whewell on the Induct. Sciences*, p. 148—153, 189—190, 193—206 *seqq.*, 216, 219—227. *Cp. Addr. to the British Assoc.*,

Естественныя науки, въ отличіе отъ абстрактныхъ, обращаются къ явленіямъ окружающаго насъ міра и стремятся разсмотрѣть ихъ

1845, р. 669—670. Приведенныя разсужденія Гершеля объ абстрактномъ знаніи можно было бы комментаровать слѣдующимъ образомъ. Отвлеченная наука, въ противоположность естествовѣдѣнію, не стремится къ причиннымъ обобщеніямъ. Она ограничивается разсмотрѣніемъ основаній логическихъ и выводовъ, которые изъ нихъ вытекаютъ. Но необходимо даѣе указать, къ какой области принадлежатъ по содержанію своему эти основанія и выводы. Дѣло идетъ тутъ, говоритъ Гершель, во первыхъ, о реальностяхъ и отношеніяхъ, отрицаніе которыхъ немислимо для насъ и т. д. При подобномъ толкованіи становится понятнымъ не отличающееся полнотою и опредѣленностью замѣчаніе, которое мы встрѣчаемъ въ его рецензіи Whewell on the Induct. Sciences (р. 206): „Into the philosophy of the abstract sciences the notion of cause does not explicitly enter; relations, not events, being the subject of inquiry in these sciences“.—Говоря объ отвлеченномъ знаніи, Гершель не называетъ «наукъ, изучающихъ those primary existences and relations which we cannot even conceive not to be». — Объектомъ одного изъ отдѣловъ абстрактнаго знанія является пространство, время, число, порядокъ и пр., и въ то же время въ составъ другаго входятъ между прочимъ арифметика и алгебра. Камушаяся неослѣдовательность (логическая ошибка при раздѣленіи), насколько даютъ возможность судить краткія относящіяся сюда разсужденія, устраняется въ этомъ перечисленіи тѣмъ, что имѣются въ виду въ первомъ случаѣ общія математическія истины, не зависящія отъ какой бы то ни было системы обозначенія величинъ, а во второмъ — именно, то, что принимаемой системой обусловливается, иначе говоря, раскрытіе ея свойствъ.—Мы не находимъ у Гершеля болѣе подробныхъ указаній относительно того, что слѣдуетъ разумѣть подъ школьной логикой. Равнымъ образомъ остается недостаточно выясненнымъ, какъ высшую логику поднести подъ общее опредѣленіе абстрактной науки и утверждать, что она представляетъ „knowledge of reasons and their conclusions“.—Гершель не стоитъ на точкѣ зрѣнія грубаго эмпиризма: онъ признаетъ и опытъ внутренній, а также не отрицаетъ той роли, которую играетъ нашъ разумъ при переработкѣ данныхъ опыта.—Объявляя, что аксіомы черпаются изъ опыта, Гершель склоненъ, однако, приписывать нашему уму особую приспособленность къ ихъ познанію. См. стр. 152—153.—Когда дѣло идетъ о наиболѣе общихъ положеніяхъ, „either as respects number or any of those primary relations, as space, time, etc.“—Гершель разсуждаетъ объ опытѣ „including always... in our notion of experience, that which is gained by contemplation of the inward picture which the mind forms to itself in any proposed case, or which it arbitrarily selects as an example“. См. стр. 205—206. Ср. 198—200. Disc., § 86.—Положеніе, противорѣчащее аксіомѣ, оказывается для насъ немислимымъ. Въ этомъ видятъ часто доказательство апіорности аксіомъ. Признавая за послѣдними эмпирическое происхожденіе, Гершель, однако, не говоритъ о томъ, какимъ образомъ психологически объясняется наша неспособность мыслить отрицаніе аксіомы, и лишь ограничивается указаніемъ на фактъ, что опытъ выдѣляетъ намъ увѣренность въ истинности даннаго общаго положенія и мы потомъ уже не въ состояніи противорѣчить привычнымъ для насъ представленіямъ и идеямъ. Essays. Whewell

причины. Такова основная задача естествознания ¹⁾. Но действительность причинъ не только обуславливается (когда нѣтъ факторовъ, противо-

on the Induct. Sciences, p. 199 — 224. — По поводу обычныхъ разсужденій о томъ, что аксіомы мыслятъ, какъ истины *необходимыя*, Гершель обращаетъ вниманіе читателя на расплывчивое значеніе самаго термина „необходимость“ и замѣчаетъ, что, пользуясь послѣднимъ, мы, на самомъ дѣлѣ, лишь проводимъ неопредѣленную границу между „belief spontaneous and belief compelled“. А если опытъ вообще заставляетъ насъ приходить къ общимъ положеніямъ, то всего яснѣе, чаще и настойчивѣе внушаетъ онъ намъ положенія аксіоматическія, въ которыхъ дѣло идетъ о постоянныхъ его элементахъ (the elements of all our experience and all our knowledge) и истинность которыхъ обнаруживается всюду. P. 219—224. Впрочемъ, Гершель говоритъ также (p. 197): „All true propositions about realities are necessarily true, provided their subject-matter be necessarily such as it is, since every reality must be consistent with itself.... if it (sc. space) be a necessary reality, or a necessary condition, then are the expressions of its properties, in geometrical language, necessary truths“. — Становясь на точку зрѣнія эмпиризма и объявляя опытъ за единственный источникъ знанія, Гершель, подобно Бекону, много разсуждаетъ о томъ, что изслѣдователь прежде всего долженъ освободиться отъ всякаго рода предразсудковъ и ошибочныхъ представленій и идей. Disc., §§ 68 — 75. — Въ §§ 14, 66, 188 Гершель имѣетъ въ виду лишь дедуктивную часть математики. — Нашъ авторъ ничего не говоритъ о томъ, можно ли также въ грамматикѣ и въ низшей логикѣ улазить особую индуктивную часть. Что же касается логики высшей, то онъ, по видимому, склоненъ признать, что въ ней цѣлый рядъ положеній—если не истъ (при этомъ Гершель уже прямо противорѣчилъ бы своему общему опредѣленію абстрактнаго знанія)—устанавливаются чрезъ наведеніе, которое въ подобныхъ случаяхъ и опирается на прочія науки, какъ на матеріалъ для изученія. § 108. Essays. Whewell on the Induct. Sciences, p. 146—150. Addr. to the British Assoc., 1845, p. 668—669.—Ср. также Disc., § 65. Essays. Whewell on the Induct. Sciences, p. 142—143, 146—148, 225—226. Addr. to the British Assoc., 1845, p. 668—669, 672 seqq.—Если Гершель соглашается (Ess. Quetelet on Probabilities, p. 366—367) съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ, „that all reasoning (meaning thereby the investigation of truth as distinguished from the mere interpretation of a formula) is from particulars to particulars“..... то онъ также, какъ и послѣдній, еще не утверждаетъ, будто дедукцію слѣдуетъ признать за операцию вообще неплодотворную. Ср. ниже.

¹⁾ Мы стремимся передать истинный смыслъ гершелевского ученія, игнорируя въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что въ опредѣленіи естествознанія у него просто поставлены рядомъ „causes and their effects“, съ одной стороны, и, съ другой,—„the laws of nature“.—Разницей въ содержаніи между положеніями, устанавливаемыми естествовѣдѣніемъ, съ одной стороны, и овлеченными Науками,—съ другой, объясняется въ концѣ концовъ и то обстоятельство, что въ области абстрактнаго знанія господствующими являются методическіе приемы одного порядка, а въ „Natural Philosophy“—другаго.

дѣйствующихъ вліянію ихъ) возникновеніе отдѣльныхъ явленій, но и объясняются связи между ними ¹⁾). Наблюдая причины, мы вмѣстѣ съ тѣмъ знакомимся съ существующими единообразіями въ наступленіи явленій и формулируемъ правила, сюда относящіяся,—иначе говоря, устанавливаемъ законы природы. И нужно сказать, что весьма нерѣдко приходится приступать къ обобщеніямъ этого порядка, не зная, чѣмъ объясняются явленія, поставляемая въ связь ²⁾). Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ наведеніе, заставляя насъ утверждать нѣкотораго рода постоянныя соотношенія, обыкновенно все-же ведетъ къ опредѣленію причинъ ³⁾).

Изучая причины явленій, естествоиспытатель вынужденъ напередъ намѣтить для своихъ изслѣдованій извѣстныя границы. Въ его задачу не входитъ разсуждать о началѣ вещей и о созданіи міра ⁴⁾). Было-бы желательно уразумѣть основныя свойства, сообщенныя веществу Творцомъ, и понять, каковъ внѣдренный предметамъ нашего міра общій духъ законовъ, изъ котораго

---

¹⁾ Незамѣнныя соотношенія между явленіями могутъ обуславливаться дѣятельностью причинъ отдѣльныхъ, а также „сосуществованіемъ“ причинъ,—иначе говоря, тѣмъ, что двѣ или нѣсколько причинъ постоянно дѣйствуютъ вмѣстѣ. (Если причинами называть всѣ моменты, благодаря комплексу которыхъ возникаетъ данный феноменъ, то придется утверждать, что постоянныя связи между явленіями всегда возводятся къ сосуществованію причинъ. Эта мысль не выдвинута у Гершеля; но она вполне согласна съ его общимъ взглядомъ на мировое устройство, и—нечего и говорить—въ сочиненіяхъ его мы не встрѣчаемъ мѣстъ, которыя противорѣчили бы ей).

²⁾ Если бы имѣть въ виду причины послѣднія, то пришлось бы сказать, что онѣ вообще неизвѣстны намъ и знаніе законовъ природы, въ свою очередь, не приводитъ къ ихъ открытію. Ср. ниже.

³⁾ Disc., §§ 78, 80, 83, 86, 89—93, 111, 137, 144, 162. Essays. Whewell on the Induct. Scienc., p. 206, 245—246. Quetelet on Probabilities, p. 379—380, 414 seqq. Addr. to the British Assoc. for the Advanc. of Science, p. 674—677. Cp. Disc., §§ 11, 13, 26, 29, 47, 66, 81, 94—95, 172. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 161. Quetelet on Probab., p. 368, 371—373.—Та общія форма, въ какой понятіе о законѣ (law) охарактеризовано въ § 162-омъ, повидимому, всего лучше выражаетъ усвоенную Гершелемъ идею. Но мы часто встрѣчаемъ и формулировку, которая можетъ давать поводъ предполагать, будто авторъ этимъ терминомъ означаетъ лишь отношенія послѣдовательности (§ 89. Cp. §§ 26, 80 и др. мѣста сочиненій Гершеля). Съ другой стороны, въ §§ 91—93 (ср. 94—95, 144 и др. мѣста сочиненій Гершеля) понятіе о законѣ признается приложимымъ и къ связямъ сосуществованія.

⁴⁾ Disc., § 29. Cp. §§ 2—4.

объясняется теченіе явленій со всеми опредѣляющими его частными правилами. Но и этого достигнуть слишкомъ трудно ¹⁾. Мы познаемъ внѣшніе феномены, благодаря чувствамъ нашимъ. При разнаго рода процессахъ и операціяхъ, совершающихся въ матеріальномъ мірѣ, предметы вступаютъ во взаимодействіе съ организмомъ человѣка. Явленія и представляютъ по отношенію къ упомянутымъ операціямъ только ихъ результаты, какъ мы таковые воспринимаемъ, и впечатлѣнія наши слѣдуетъ признавать лишь за особые знаки, по которымъ мы должны судить о вещахъ. Правда, чувства иногда доставляютъ намъ свѣдѣнія и о внѣшнихъ процессахъ: мы какъ-бы анализируемъ послѣдніе и усматриваемъ, что сводится они, положимъ, къ движенію, или же къ чему-либо иному. Такъ, звукъ (издаваемый, напримѣръ, струною музыкальнаго инструмента или же колоколомъ) оказывается результатомъ процесса, заключающагося въ вибраторномъ движеніи звучащаго тѣла, передаваемомъ воздуху, а затѣмъ уху нашему. Однако, съ другой стороны, есть много примѣровъ, гдѣ разложеніе (по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи науки) невозможно. Какими предѣлами долженъ вообще ограничиться подобный анализъ, сказать трудно. Но надежды наши едва-ли могутъ быть велики, и едва-ли сколько-нибудь возможно рассчитывать дойти до первоначальныхъ причинъ. Для насъ покрытъ мракомъ даже тотъ единственный случай, въ которомъ человѣкъ самъ фигурируетъ въ качествѣ прямой причины явленія. Когда мы приводимъ въ движеніе челюсти нашего тѣла, а при помощи ихъ и внѣшніе предметы, мы непосредственно сознаемъ этотъ актъ, наблюдаемъ, что необходимо нѣкоторое усиліе, чтобы вызвать мускульное сокращеніе, и тѣмъ не менѣе для насъ остается неяснымъ, какой процессъ при этомъ внутри насъ совершается, какъ воля дѣйствуетъ на мускульную систему, откуда берется сила, которую мы развиваемъ, и изъ какой высшей физической причины ее слѣдуетъ объяснять. Несмотря на все это, естествоиспытатель не отказывается отъ изслѣдованія причинъ. Онъ трактуетъ о нихъ въ относительномъ смыслѣ. Дѣло идетъ у него о ближайшихъ причинахъ, а не о первоначальныхъ и основныхъ дѣятеляхъ въ природѣ. Онъ разлагаетъ сложныя явленія на болѣе простыя, принимаетъ феномены, которые не поддаются дальнѣйшему анализу, за элементар-

¹⁾ §§ 27—20. Ess. Whew. on the Ind. Scienc. p. 152.

ные и довольствуется тѣмъ, что поставяеть изслѣдуемыя явленія въ связь съ простѣйшими ¹⁾.

¹⁾ Disc., §§ 3, 74, 76—88, 92, 109, 137—141. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 181—182, 195, 244—246. Quet. on Probab., p. 372. Addr. to the British Ass. for the Advanc. of Science, p. 675—677. Sp. Disc., §§ 2, 4, 12, 27, 29—33, 71, 84—88, 144 seqq., 172. Ess. Whew. on the Ind. Scienc. 239. Quet. on Probab. p. 368.—При объясненіи явленій должны, говоритъ Гершель, фигурировать „veraе causae“. По мѣрѣ того, какъ развиваются науки, мы знакомимся съ рядомъ дѣйствующихъ въ природѣ причинъ. На такія известныя намъ уже причины (въ отличіе отъ неизвѣстныхъ, произвольно придуманныхъ) и надо останавливаться, когда мы принимаемъ за какое-либо изслѣдованіе. Лишь въ томъ случаѣ, если другого выхода нѣтъ, можно допустить (замѣчаетъ все-же Гершель вмѣстѣ съ Юллемъ) причины для насъ новыя. См. Disc., § 84. §§ 138—140 (хотя въ этихъ параграфахъ идетъ рѣчь о процессѣ дедукціи, но другія мѣста, на которыя мы ссылаемся, показываютъ, что Гершель считалъ важнымъ для представителя науки руководствоваться интересующимъ насъ правиломъ и при индуктивныхъ обобщеніяхъ. Ср. ниже). Ess. Whew. on the Ind. Scienc. p. 244—246 (надо при этомъ замѣтить, что, разсуждая о естественнонаучныхъ теоріяхъ, Гершель въ § 209-мъ говоритъ: „They—the agents, изъ которыхъ мы объяснимъ данное явленіе — must be verae causae, in short, which we can not only show to exist and to act, but the laws of whose action we can derive independently, by direct induction, from experiments purposely instituted; or at least make such suppositions respecting them as shall not be contrary to our experience, and which will remain to be verified by the coincidence of the conclusions we shall deduce from them, with facts).—Въ естественныхъ наукахъ изучаются дѣятели (при этомъ имѣются въ виду причины все же лишь ближайшія — такъ, напримѣръ, механическая сила — ибо первоначальныя свойства и силы вещества остаются для насъ недоступными), вліяніемъ которыхъ обуславливается возникновеніе наблюдаемыхъ явленій, причѣмъ представитель естествознанія стремится охарактеризовать и процессы, изъ которыхъ феномены объясняются. Но когда подобная задача оказывается невыполнимой, мы вынуждены довольствоваться тѣмъ, что указываемъ на явленіе (простѣйшее—тогда какъ въ соответствующемъ законѣ природы изучаемое явленіе могло-бы быть поставлено въ связь съ явленіемъ, сравнительно сложнымъ. Ср. John Stuart Mill, Syst. of Logic, book III, chart. V, § 6), необходимо связанное съ изслѣдуемымъ, и разсматриваемъ его, какъ причину послѣдняго. Такою общее понятіе о причинѣ, изъ котораго исходитъ Гершель въ своемъ ученіи о методическихъ приемахъ, употребляемыхъ при опытныхъ изслѣдованіяхъ. Подъ терминомъ „причина“ онъ разумѣетъ какъ дѣятельныя начала, такъ и свойства (то-есть, свойства такихъ или иныхъ дѣателей въ природѣ), такъ, назовемъ, явленія.—Нельзя дать предписаній относительно того, какъ производить химическій анализъ сложнаго тѣла въ случаѣ, если ни одинъ изъ его ингредиентов намъ неизвѣстенъ. Такимъ-же образомъ невозможно установить правилъ для разложенія феноменовъ на явленія простѣйшія. См. Disc., § 88.

Мы смотримъ на мiръ съ его феноменами, какъ на связанное цѣлое. Знакомство съ фактами съ ранняго дѣтства внушаетъ намъ идею о господствующемъ во вселенной порядкѣ. Каждое явленiе заставляетъ насъ переходить мыслью къ его причинѣ. И этого мало. Нельзя было бы рассчитывать въ естественнонаучныхъ изслѣдованiяхъ на успѣхъ, еслибы мы не были увѣрены въ томъ, что настолько въ мiрѣ царятъ вообще гармонiя, но и въ томъ—частиче—что схемы, по которымъ явленiя наступаютъ и которыя мы называемъ законами природы, представляютъ нѣчто постоянное. Быть можетъ, первоначальныя свойства тѣхъ дѣятелей въ природѣ, изъ которыхъ объясняются наблюдаемые феномены, сами со временемъ становятся иными; въ такомъ случаѣ и теченiе явленiй должно было-бы измѣняться. Доказать а priori неизмѣнность законовъ природы невозможно; но опытъ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, постоянно а posteriori подтверждаетъ эту мысль ¹⁾.

Пусть предметомъ индуктивнаго изслѣдованiя служить явленiе *A*. Мы собираемъ факты параллельные, сколько ихъ возможно найти, объединяемъ такимъ путемъ случаи, гдѣ данный феноменъ наблюдается, въ отдѣльный классъ и отмѣчаемъ затѣмъ особенности, какiя на ряду съ *A* принадлежатъ всѣмъ входящимъ въ его составъ инстанциямъ. Выполняется впрочемъ эта послѣдняя задача двойнымъ образомъ: можно исходить изъ разсмотрѣнiя единичныхъ случаевъ, или же сравнивать между собою классы низшия, подчиненныя вновь формируемому; когда инстанции многочисленны, когда онѣ однако тщательно изучены и методически расположены,—когда наука уже достигла въ своемъ развитiи сравнительно высокаго уровня, удобнѣе избрать послѣднiй способъ. При описанной работѣ мы устанавливаемъ „законъ природы“. Въ результатѣ, мы утверждаемъ, что извѣстныя условiя (или извѣстное условiе) всюду имѣются (или имѣется) на лицо, гдѣ наступаетъ *A*. А если такъ, то и причину

---

¹⁾ Disc., §§ 2, 4, 11, 26—27, 29—33. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 143, 193—195. Cp. Disc., §§ 10, 28. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 152, 171—173, 197—198.—Стремясь доказать неизмѣнность законовъ природы, Гершель между прочимъ говоритъ (§ 30): „The stature of mankind is just what it was three thousand years ago, as the specimens of mummies which have been examined at various times sufficiently show. The intellect of Newton, Laplace, or La Grange, may stand in fair competition with that of Archimedes, Aristotle, or Plato; and the virtue and patriotism of Washington with the brightest examples of ancient history“.—Относительно гершелевского law of continuity см. ниже.

явленія *A* слѣдуетъ искать среди выдвинутыхъ особенностей класса. Experimenta crucis могутъ намъ рѣшить, на которой изъ нихъ надо остановиться ¹⁾).

Когда мы имѣли цѣлый рядъ классовъ, мы можемъ, опираясь на какой-либо принадлежащій имъ признакъ, образовать уже изъ нихъ классъ новый, которому и будетъ соответствовать индуктивное положеніе вышшаго порядка, и продолжать подобную операцію, пока не дойдемъ до наиболѣе высокыхъ естественнонаучныхъ обобщеній ²⁾).

Указанія относительно того, какъ отыскивать причину, общую большому количеству явленій, принадлежащихъ къ данному классу, могутъ направить наши изслѣдованія и облегчить ихъ. Давая подобныя предписанія, естественно, приходится остановиться на особенностяхъ соотношенія между причиной и дѣйствіемъ вообще и принять въ

¹⁾ Disc., §§ 89—95, 144. Ср. §§ 79 seqq., 86, 88, 108—109, 129 seqq., 136—137, 145 seqq. Eas. Whew. on the Ind. Scienc., p. 150, 161, 166—167, 185—186, 253. — Встрѣчаясь съ какимъ-либо явленіемъ, естествоиспытатель старается объяснить его, то-есть дедуктивно вывести изъ прежде уже сдѣланныхъ причинныхъ обобщеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это дается ему легко. Онъ наблюдаетъ данный феноменъ и какъ-бы непосредственно усматриваетъ его причину. Иногда же онъ долженъ сопоставить данное (сложное) явленіе съ другими, аналогичными ему и уже рѣже объясненными (Disc., §§ 137—143). „But when the cause of a phenomenon neither presents itself obviously on the consideration of the phenomenon itself, nor is as it were forced on our attention by a sense of strong analogy... we have then no resource but...“ (§ 144). Неопредѣленная и недостаточно точная терминологія затеняетъ у Гершеля смыслъ всего это мѣста. — Сопоставляя § 95-ый съ 94-мъ, можно было бы думать, будто Гершель имѣетъ въ виду случаи, гдѣ мы отъ низшихъ индуктивныхъ обобщеній переходимъ къ высшимъ, когда говорить о томъ, что представители науки не всегда опираются на разсмотрѣніе отдѣльныхъ инстанцій и сравниваютъ нерѣдко просто рѣже установленныя низшіе классы между собой. Но дальнѣйшія разсужденія въ § 95-мъ показываютъ, что рѣчь идетъ тутъ вообще объ индуктивномъ процессѣ. Впрочемъ, тѣмъ низшимъ классамъ, на обзорѣнн которыхъ основывался бы выводъ, все-же, на самомъ дѣлѣ, могли бы (выходятъ у нашего автора) соответствовать особыя низшія индуктивныя заключенія. — Въ параграфѣ 144-мъ какъ бы предполагается, что среди особенностей, которыя неизмѣнно встрѣчаются тамъ, гдѣ наступаетъ изслѣдуемое явленіе, одна представляетъ его причину, остальные же лишь случайнымъ образомъ наблюдаются вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ въ § 92-мъ Гершель говоритъ: „whenever two phenomena are observed to be invariably connected together, we conclude them to be related to each other, either as cause and effect, or as common effects of a single cause“. Ср. также приводимыя ниже методическія его правила.

²⁾ § 91. Ср. §§ 85 seqq., 95—96, 126, 162. Eas. Whew. on the Ind. Scienc., p. 161, 198.

расчетъ слѣдующіе моменты: 1) Причина и дѣйствіе всегда связаны между собой и—частіе—первая оказывается по отношенію къ послѣднему чѣмъ-то предшествующимъ, а слѣдствіе неизмѣнно (если нѣтъ факторовъ препятствующихъ) наступаетъ послѣ появленія его причины. Впрочемъ, дѣйствіе часто вызывается лишь постепенно по мѣрѣ того, какъ увеличивается напряженность причины; съ другой стороны, оно нерѣдко слѣдуетъ за причиной такъ, что нельзя замѣтить промежутка между возникновеніемъ двухъ явленій. Поэтому во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, какое изъ двухъ сопровождающихъ другъ друга явленій слѣдуетъ признать за причину и какое— за слѣдствіе. 2) Если отсутствуетъ причина, нѣтъ и слѣдствія, за исключеніемъ развѣ случая, когда оно могло бы возникнуть и благодаря другой причинѣ. 3) Пусть увеличивается или уменьшается напряженность причины; соответственно тому и дѣйствіе должно (въ случаяхъ, гдѣ это вообще возможно) расти или же становиться меньшимъ. 4) Когда мы наблюдаемъ непосредственное влияніе данной причины и факторовъ, его нарушающихъ, не имѣется, дѣйствіе должно быть пропорціально ей. 5) Причинами противоположными обуславливаются и противоположныя слѣдствія ¹⁾.

¹⁾ Disc., § 145. Cp. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 210—211.—Въ статьѣ Whew. on the Ind. Scienc. Гершель гораздо рѣшительнѣе и определеннѣе высказывается противъ идеи, которую онъ въ Disc. все-же еще выдвигаетъ,—будто причина должна быть чѣмъ-то предшествующимъ, а дѣйствіе—послѣдующимъ. Возникающія вокругъ насъ явленія, говоритъ онъ, представляютъ развѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ непосредственный результатъ дѣятельности такихъ или иныхъ причинъ (аге cases of direct causation). Если линія разделена точкой на двѣ части, то одна изъ отрѣзковъ ея тянется въ одну сторону, а другой—въ другую; въ подобномъ же смыслѣ можно говорить о состояніи вѣдшихъ объектовъ передъ и послѣ (неразрѣнимаго) момента причиненія. Но трактуя въ этомъ случаѣ о преемственности, не слѣдуетъ думать, будто между дѣятельностью причины и наступленіемъ дѣйствія протекаетъ какой бы то ни было промежутокъ времени. Когда дѣло идетъ о силѣ механической, никто этого и не предполагаетъ. Лишь только сила приложена, начинается и ея дѣйствіе. Происходитъ тутъ просто какъ бы трансформированіе ея. Если же причина дѣйствуетъ не непосредственно, нѣкоторое время и можетъ уйти на то, чтобы совершился рядъ вѣдшихъ движеній, которыя должны имѣть мѣсто прежде, чѣмъ сила окажется примененной въ новомъ пунктѣ. Преемственность, быть можетъ, указываетъ всякій разъ на непрямое влияніе причины. Какъ бы то ни было, чѣмъ выше тѣ причины, которыя мы рассматриваемъ, тѣмъ менѣе замѣтно промежуточное время между причиненіемъ и наступленіемъ дѣйствія. См. стр. 206—208, 211.—Ср. беконовское понятіе объ отношеніи между вѣдшимъ свойствомъ и соответствующей ей формой.

Выставленныя положенія, уясняя наше общее понятіе о причинности, даютъ основаніе сдѣлать рядъ заключеній, которыя и могутъ играть роль методическихъ правилъ. Мы заключаемъ, что 1) за причину изслѣдуемаго явленія нельзя признавать особенность, которая въ какомъ-либо изъ наблюденныхъ случаевъ его наступленія отсутствуетъ или уступаетъ мѣсто другой, ей противоположной. 2) Но обстоятельство, встрѣчающееся во всѣхъ собранныхъ инстанціяхъ, можетъ оказаться искомой причиной или, по крайней мѣрѣ, слѣдствіемъ параллельнымъ. Когда пришлось намѣтить лишь одинъ такой пунктъ сходства, мы принимаемъ подобное предположеніе за достовѣрное; если-же сопровождающихъ явленій нѣскольکو, это могутъ быть совокупно дѣйствующія причины. 3) Мы не имѣемъ права отрицать причину, въ пользу которой говоритъ рядъ строгихъ аналогій, если намъ неясно, какъ она можетъ вызвать данное дѣйствіе, или—потому только, что трудно себѣ представить, чтобы она существовала при обстоятельствахъ, которыми характеризуется имѣющійся предъ нами случай; когда встрѣчается подобное затрудненіе, слѣдуетъ обращаться къ опыту, а не рѣшать вопросъ à priori. 4) Отрицательныя инстанціи столь-же важны при изслѣдованіи, какъ и положительныя. 5) Отыскиваемую причину часто можно обнаружить, расположивъ инстанціи въ опредѣленномъ порядкѣ и, именно, принявъ при этомъ въ расчетъ разныя степени напряженности даннаго свойства; неправильно было бы однако думать, будто подобный способъ необходимо ведетъ къ желаннымъ результатамъ: возможны случаи, гдѣ оказываютъ свое вліяніе причины, противодѣйствующія данной или видоизмѣняющія ея слѣдствіе. 6) Нерѣдко противоположныя или модифицирующіе факторы, оставаясь незамѣченными, уничтожаютъ дѣйствіе опредѣляемой причины. Такія инстанціи представляютъ, конечно, исключенія лишь кажущіяся. На это изслѣдователь особенно долженъ обратить вниманіе тогда, когда (какъ это часто и бываетъ) цѣлый рядъ фактовъ говоритъ въ пользу обобщенія и только одинъ ему прямо противорѣчить. 7) Пусть подобрано два случая (когда такія инстанціи не даны намъ въ природѣ, можно попытаться сдѣлать соответствующіе эксперименты), сходные во всемъ, кромѣ одной частности. Разсматривая ихъ, мы можемъ выяснитъ, какое значеніе имѣетъ для изслѣдуемаго явленія обстоятельство, въ которомъ они разнятся (если оно вообще какое-либо вліяніе оказываетъ). Когда въ одномъ случаѣ намѣченное условіе S есть на лицо, а въ другомъ его нѣтъ, наступленіе или неа наступленіе даннаго феномена M должно показать,

возможно-ли признать S за его (M) единственную причину; если-же вмѣсто выдвинутой частности имѣется во второй изъ инстанцій обстоятельство противоположнаго характера, то и слѣдствія должны получиться противоположныя. Иногда бываетъ, что присутствію и отсутствію одного изъ сопровождающихъ условій соответствуетъ лишь разная напряженность явленія; въ такомъ случаѣ мы только имѣемъ право сказать, что данная особенность представляетъ одну изъ совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. 8) Но положимъ, невозможно устранить интересующую насъ особенность или замѣнить ее противоположной. Чтобы выяснитъ вопросъ, остается тогда подыскать случаи, гдѣ ея интенсивность значительно измѣняется. Когда и это невыполнимо, слѣдуетъ уменьшить или увеличить значеніе намѣченнаго условія, вводя факторъ новый, который, а priori разсуждая, долженъ, повидимому, такъ дѣйствовать. При этомъ однако необходимо помнить, что мы получаемъ лишь косвенныя свидѣтельства, и вновь вводимое обстоятельство можетъ оказывать и иное вліяніе. 9) Большею частью мы имѣемъ предъ собою феномены сложные, которые обуславливаются дѣятельностью цѣлаго ряда причинъ (въ числѣ ихъ могутъ быть причины, совмѣстно одна съ другой дѣйствующія, противоположныя и, наконецъ, вліяющія независимо одна отъ другой). Прибѣгая къ дедукціи или обращаясь каждый разъ къ опыту, мы упрощаемъ комплексы явленій, отбрасываемъ все, что оказывается въ нихъ слѣдствіемъ извѣстныхъ уже намъ причинъ, и останавливаемся лишь на явленіяхъ остаточныхъ. Операция эта, прибавляетъ Гершель, нередко давала при современномъ состояніи науки блестящіе результаты. Остаточныя явленія часто представляютъ какъ-бы нѣчто совершенно новое и приводятъ къ весьма важнымъ заключеніямъ ¹⁾.

¹⁾ Disc., §§ 146—148, 150, 152, 154, 156—158. Ср. §§ 149, 151, 153, 155, 159—169, 174—175, 181.—Въ §§ 163—164 предполагается, что обстоятельство, въ которомъ сходны всѣ собранныя инстанціи, можетъ представлять также и слѣдствіе даннаго явленія (ср. правило 2-е).—Ср. также со вторымъ правиломъ дитированное нами выше въ примѣчаніяхъ мѣсто изъ параграфа 92-го.—Громадное значеніе имѣютъ, объявляетъ Гершель, естественнонаучныя обобщенія количественныя. Они даютъ намъ возможность примѣнять точную и строгую математическую дедукцію. Не безполезно поэтому остановиться и на вопросѣ, какъ протекаетъ индуктивный процессъ въ случаяхъ, когда онъ даетъ квантитативные выводы. Мы видѣли, что Гершель различаетъ, съ одной стороны, законы природы, которыми устанавливаются вообще неизмѣнимыя связи между явленіями, и съ другой,—причинныя обобщенія, въ строгомъ смыслѣ. Этому до нѣкоторой сте-

Но при опытныхъ изслѣдованіяхъ интересъ представителя науки естественно сосредоточивается не на процессъ обобщенія, самою же мыслью, а на томъ, чтобы открыть истину; неважно, какія операціи мысли привели къ даннымъ результатамъ, — лишь бы полученный выводъ былъ достовѣренъ. Руководимый постояннымъ стремленіемъ такъ или иначе объяснить себѣ окружающія явленія, человекъ вмѣстѣ того, чтобы методически разсматривать цѣлую группу фактовъ, обыкновенно восходитъ къ общему положенію, основываясь лишь на подмѣченной сколько-нибудь аналогіи между двумя, тремя случаями. Подобныя заключенія отличаются однако случайнымъ характеромъ. Они были бы несравненно болѣе цѣнными, если бы мы при обобщеніяхъ обращались съ самаго начала къ случаямъ особенно характернымъ, или — выражаясь языкомъ Бекона — къ инстанціямъ, которыя обладаютъ прерогативами. Въ этомъ намъ, повидимому, и могло бы помочь напередъ составленное раздѣленіе инстанцій на разряды. Но мы наталкивались бы на отдѣльные объекты и явленія раньше, чѣмъ стали бы руководствоваться подобнымъ дѣленіемъ и дѣлать выборъ. Да если бы и былъ предъ взоромъ нашимъ цѣлый рядъ случаевъ (хотябы распределенныхъ на особыя таблицы), мы все же не воспользовались бы классификаціей инстанцій. Нужно сначала познакомиться съ фактами, чтобы отвести каждому соответствующее мѣсто. Въ добавокъ для этого необходимо ихъ взвѣснить. А разъ мы уже признали за извѣстнымъ случаемъ большое значеніе, мы выставляемъ общее положеніе, не заботясь о томъ, откуда объясняются прерогативы встрѣтившейся инстанціи. Такимъ образомъ, имѣя предъ собою списокъ фактовъ, мы стали бы тщательно сравнивать ихъ одинъ съ

пени соответствуетъ и его взгляду на законы количественныя. Въ нихъ (если имѣть въ виду квантитативныя законы въ ихъ наиболѣе простой формѣ) опредѣляется, гоноритъ онъ, отношеніе между величинами, которыя представляютъ параллельныя слѣдствія одной и той-же причинъ или-же изъ которыхъ одна является причиною, а другая — слѣдствіемъ. Принимаясь за обобщеніе, надо составить изъ наблюденныхъ случаевъ особую таблицу, расположивъ ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы одна изъ величинъ (*datum*) постепенно уменьшалась или возрастала, и смотрѣть, какъ вмѣстѣ съ ней измѣняется другая (*quaesitum*). На этомъ замѣчаніи методическія указанія нашего автора однако обрываются и онъ продолжаетъ: „It will depend then entirely on our habit of treating mathematical subjects, how far we may be able to include such a table in the distinct statement of a mathematical law.“ § 185. Ср. §§ 19 seqq. 115—124, 186—187, 194. *Ess. Quet. on Probab.* p. 437. См. впрочемъ *Whew. on the Ind. Scienc.* p. 248—250. Ср. ниже.

другимъ и стремились бы оцѣнить ихъ, какъ вдругъ намъ бросился бы въ глаза одинъ какой-нибудь случай поучительный и мы непосредственно вывели бы индуктивное заключеніе. Итакъ, сами по себѣ, обобщенія, которыя мы дѣлаемъ, весьма шатки, и намъ не остается ничего больше, какъ стараться тщательно провѣрять ихъ ¹⁾). Логи-

¹⁾ Disc., §§ 169—171, 190—192. Ср. §§ 19—20, 124, 163—168, 172—189, 193—200, 220. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 148, 161—162, 168—169, 171—173, 193—195, 202—203, 208—210, 213, 222—223, 241, 248. По идеѣ Бекона, отысканіе особо поучительныхъ случаевъ является вспомогательнымъ приемомъ при индукціи. Ученіе о прерогативныхъ инстанціяхъ, выясняя значеніе разнаго рода отдѣльныхъ наблюденій нашихъ, и должно служить для насъ путеводною нитью, мы пользуемся подобнымъ приемомъ. Беконъ могъ бы при этомъ указать прежде всего на эксперименты (въ отличіе отъ наблюденій, въ тѣсномъ смыслѣ), ибо отъ насъ самихъ зависить производить такіе или иные опыты. Но и среди явленій, какъ они даны намъ въ природѣ, мы можемъ остановить наше вниманіе на такихъ, въ которыхъ соответствующія особенности имѣются на лицо.—Гершель какъ бы полагаетъ, будто беконское раздѣленіе инстанцій составлено, чтобы имъ руководствоваться при первомъ знакомствѣ съ фактами, когда мы смѣло и безъ права на то дѣлаемъ наши обобщенія. Между тѣмъ авторъ N. O. замѣчаетъ лишь по отношенію къ инстанціямъ немногихъ разрядовъ, что онѣ помогаютъ намъ при той работѣ разсудка, которая совершается до составленія таблицъ (и если сопоставить этотъ пунктъ ученія съ общимъ его понятіемъ объ особо поучительныхъ случаяхъ, то нельзя не признать у него туго непослѣдовательности), другимъ же замѣчаемымъ случаями соотвѣтствуетъ пользоваться при методически правильномъ индуктивномъ изслѣдованіи. Да и прерогативныя инстанціи, которыя не вносятся въ таблицы, онъ описываетъ не съ цѣлью помочь намъ при обобщеніяхъ, строящихся безъ систематическаго обзора матеріала.—Мы не можемъ сами избирать себѣ тѣ первоначальныя наблюденія, отъ которыхъ переходимъ къ обобщеніямъ. А если такъ, оставалось бы пользоваться классификаціей поучительныхъ случаевъ только для оцѣнки встрѣтившихся инстанцій. Но и о ихъ значеніи мы обыкновенно много не разсуждаемъ. Достаточно замѣтить ихъ важность, и мы тотчасъ же дѣлаемъ выводъ. Мы едва-ли обратились бы къ перечню, имѣя предъ собою *inst. ostensivas: „eae sunt, quae ostendunt naturam inquisitam nudam et substantivam, atque etiam in exaltatione sua aut summo gradu potentiae suae“* (N. O., II, 24). Но Гершель нѣсколько неожиданно для читателя замѣчаетъ: „No doubt, such instances as these are highly instructive; but the difficulty in physics is to find such, not to perceive their force when found (Disc., § 192).—Объ *inst. clandestinae* Гершель говоритъ, что онѣ помогаютъ не при самомъ обобщеніи, а при провѣркѣ индуктивнаго вывода. Подобное замѣчаніе становится понятнымъ, если обратитъ вниманіе на главную задачу N. O., съ одной стороны, и Disc.,—съ другой. Беконъ хочетъ указать, какъ долженъ протекать процессъ индукціи; Гершель описываетъ опытное изслѣдованіе, какъ оно, на самомъ дѣлѣ, обыкновенно происходитъ. При совершенной, съ точки зрѣнія логики, индукціи заключеніе не нуж-

чески совершенная индукція замѣняется, на дѣлѣ, построениемъ гипотезъ и ихъ провѣркой ¹⁾).

Когда мы хотимъ удостовѣриться въ истинности индуктивнаго заключенія, мы принимаемъ его за исходную посылку и пытаемся вывести изъ него наблюденныя явленія. При этомъ надо пересмотрѣть всѣ инстанціи, какія намъ удалось собрать, обращать вниманіе на случаи крайніе и вообще стараться видоизмѣнить условія, при которыхъ данная причина должна проявить свою дѣятельность. Провѣряя обобщеніе, мы какъ бы задаемъ цѣлью опровергнуть его и нарочно ищемъ контрадикторныхъ инстанцій. Наиболѣе благоприятнымъ нужно считать случай, когда факты подтверждающіе прямо бросаются намъ въ глаза и когда выводъ находитъ себѣ опору тамъ, гдѣ мы этого всего менѣе ожидали, или даже въ инстанціяхъ, которыя мы сначала считали противорѣчащими ему. Если встрѣчается исключеніе, его слѣдуетъ замѣтить себѣ, чтобы на немъ послѣ еще остановиться: быть можетъ, обнаружится его причина, и инстанція окажется, напротивъ, подкрѣпляющей обобщеніе. Но когда исклю-

---

дается въ провѣркѣ и случаи, методически важныя, а въ числѣ ихъ и *inst. clandestinae* (если вообще принимаются въ соображеніе) разсматриваются раньше, чѣмъ изслѣдователь выставляетъ общее положеніе. Но мы обыкновенно идемъ инымъ путемъ. Встрѣтивъ два, три характерныхъ факта, мы, пренебрегая предписаніями логики, смѣшимъ сдѣлать выводы, причемъ именно на такихъ случаяхъ, какъ *inst. clandestinae*, которыя намъ въ глаза не бросаются, не останавливаемся. Отсюда необходимость провѣрять обобщенія. А при этомъ послѣднемъ процессѣ важно обратиться къ случаямъ крайнимъ (ср. ниже), къ числу которыхъ названныя инстанціи и относятся.—Повидимому, Гершель склоненъ требовать провѣрки обобщенія и независимо отъ того, какъ мы въ выводѣ пришли (ср. *М. И. Владиславлевъ*, *Лог. Прилож.*, стр. 222). Мы не можемъ, говоритъ онъ (*Disc.*, § 19), быть убѣждены, что правильно установили законъ природы, пока не попробовали принять его за посылку для дедуктивныхъ заключеній и пока не обнаружилось, что соответствующія явленія логически необходимо изъ него выводятся (и притомъ выводятся и время ихъ наступленія, мѣсто и пр.).

¹⁾ Подобно большинству англійскихъ мыслителей и ученыхъ, Гершель, повидимому, специализируетъ значеніе термина „гипотеза“ и прилагаетъ его не ко всѣмъ обобщеніямъ, недостаточно обоснованнымъ, а потому и требующимъ провѣрки. Онъ склоненъ употреблять это слово лишь въ случаяхъ, гдѣ утверждается нечто такое, о чемъ вообще можно только догадываться или что, по крайней мѣрѣ пока предположеніе не было выставлено, оставалось невѣданнымъ (ср. *John Stuart Mill*, *book III*, *chart. XIV*, § 4). Вотъ почему мы и встрѣчаемъ у него этотъ терминъ, лишь когда заходитъ рѣчь о высшихъ индуктивныхъ заключеніяхъ и „теоріяхъ“.

ченія многочисленны и разнообразны, наша увѣренность въ истинности вывода въ соотвѣтственной мѣрѣ уменьшается и значеніе его во всякомъ случаѣ подрывается, ибо онъ теряетъ характеръ всеобщности. Гдѣ имѣется два или нѣсколько одинаково вѣроятныхъ заключенія, *inst. cunctis* могутъ рѣшить вопросъ. Особенно важное значеніе имѣютъ вообще при провѣркѣ оправдавшіяся предсказанія, — когда дедуктивные выводы изъ обобщенія распространяются на явленія, которыя еще должны наступить. Такимъ образомъ логически совершенная индукція представляетъ какъ бы путь вверхъ, отъ единичныхъ случаевъ къ общему положенію; обыкновенно же индукція и дедукція чередуются между собою, и мы, можно сказать, то поднимаемся, то опускаемся внизъ ¹⁾).

Опаясь на низшія индуктивныя обобщенія, мы восходимъ къ

---

¹⁾ *Disc.*, §§ 19, 124, 169—189, 193, 196—197. *Cp.* §§ 20, 208, 210—216, 288 *Ess.* *Whew.* on the *Ind. Scienc.*, p. 171—173, 222—223. § 173: „In the conduct of this verification, we are to consider whether the cause or law to which we are conducted be one already known and recognised as a more general one, whose nature is well understood, and of which the phenomenon in question is but one more case in addition to those already known, or whether it be one less general, less known, or altogether new. In the latter case, our verification will suffice, if it merely shows that all the cases considered are plainly cases in point. But in the former, the process of verification is of a much more severe and definite kind. We must trace the action of our cause with distinctness and precision as modified by all the circumstances of each case; we must estimate its effects, and show that nothing unexplained remains behind; at least, in so far as the presence of unknown modifying causes is not concerned“. Пусть даны два обобщенія, изъ которыхъ одно отличается неопредѣленностью, въ другомъ же соотношеніе между явленіями точно формулировано. Провѣряя первое, мы обращаемъ вниманіе лишь на общій характеръ фактовъ; когда же дѣло идетъ о второмъ, останавливаемся и на всякаго рода подробностяхъ. Вотъ на что, быть можетъ, хотѣлъ указать Гершель въ этомъ мѣстѣ. Но все же непонятно, почему только во второмъ случаѣ „we must trace the action of our cause..... as modified by all the circumstances of each case“. Да и вообще мысль, которую авторъ высказываетъ въ приведенномъ параграфѣ, остается недостаточно выясненной и неподтвержденной. — Если обобщеніе носитъ не только качественныя, но и количественныя черты, оно должно объяснять факты и въ количественномъ отношеніи. А потому при его провѣркѣ необходимо весьма тщательно производить соотвѣтствующія измѣренія. Между прочимъ Гершель говоритъ по этому поводу и о средствахъ, при помощи которыхъ можно подорвать значеніе незамѣжно все же связанныхъ съ разнаго рода измѣреніями погрѣшностей. Количественный законъ, полученный чрезъ индукцію, которую нельзя признать логически совершенной (см. выше), Гершель называетъ эмпирическимъ.

высшимъ и построимъ теоріи. Въ этомъ случаѣ мы пользуемся добытыми уже истинами такимъ же образомъ, какъ на первыхъ ступеняхъ опытнаго изслѣдованія — единичными фактами ¹⁾. Положенія, ранѣе установленныя, оказываются матеріаломъ, на который распространяется нашъ выводъ и въ которомъ онъ долженъ искать себѣ опоры, и разница въ матеріалѣ не заставляетъ насъ измѣнить методическаго пути. Обыкновенно мы, изучая обобщенія низшаго порядка, наталкиваемся на что-либо характерное и спѣшимъ выставить гипотезу, а тогда уже задача сводится къ тому, чтобы провѣрить ее и подтвердить ²⁾.

Когда мы въ опытныхъ обобщеніяхъ нашихъ поднялись достаточно высоко и достигли притомъ выводовъ, вполне обоснованныхъ, послѣдніе служатъ посылками для дедуктивныхъ заключеній ³⁾.

Естественнонаучныя изслѣдованія мы начинаемъ наблюдениемъ явленій, и — нечего и говорить — отъ имѣющагося подъ руками матеріала въ значительной мѣрѣ зависитъ вся наша работа. Обыкновенно различаютъ наблюденіе, въ тѣсномъ смыслѣ, и экспериментъ. Когда мы воспринимаемъ явленія, какъ они даны въ природѣ; не оказывая сами на нихъ вліянія и не стараясь вызывать ихъ наступленіе или видоизмѣнять условія, при которыхъ они имѣютъ мѣсто, — это называютъ наблюдениемъ; если же естествоиспытатель самъ приводитъ въ дѣйствіе силы природы, нарочно ихъ такъ или иначе комбинируетъ и затѣмъ старается замѣтить, что произойдетъ, мы говоримъ, что онъ дѣлаетъ опыты. Ошибочно было бы противопоставлять экспериментъ наблюдению и разсматривать его, какъ познавательную работу, генезисъ отъ послѣдняго отличную. Терминами, о которыхъ идетъ рѣчь, означаются въ сущности только различныя ступени интенсивности интеллектуаль-

¹⁾ Каждое изъ низшихъ обобщеній можно при этомъ разсматривать, какъ агрегатъ единичныхъ фактовъ.

²⁾ Disc., §§ 108, 126, 176, 187, 201—230. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 146—147, 160—162 seqq.—Въ виду сказаннаго понятно, что мы должны установить рядъ законовъ природы, прежде чѣмъ пытаться построить „теорію“. „Again—the research of causes, говоритъ Гершель (Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 249), is of necessity preceded by that of laws, which to be useful as tests of hypotheses must be quantitative“... (въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ такимъ образомъ не о первыхъ ступеняхъ опытнаго изслѣдованія).—Подробно разсуждаетъ Гершель и о (если можно такъ выразиться) количественныхъ указаціяхъ, которыя содержатся столь часто въ нашихъ высшихъ обобщеніяхъ.

³⁾ Disc., §§ 86—88, 96, 126, 138—141, 391. Cp. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 188—190.

ной работы, такъ что, быть можетъ, удобнѣе было бы замѣнить ихъ выраженіями „активное и пассивное наблюденіе“. Но нельзя не признать, что для разработки науки экспериментъ имѣетъ большое значеніе. При наблюденіяхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, изслѣдователь остается бездѣятельнымъ; значеніе подлежащей „инстанціи“ выясняется ему часто лишь впоследствии, и онъ мало обращаетъ вниманія на соотвѣтствующія ей стороны; природа, сама по себѣ, даетъ намъ, если можно такъ выразиться, показанія темныя. причемъ мы получаемъ необходимый для обобщеній матеріалъ въ продолженіи сравнительно большихъ періодовъ, по частямъ. При экспериментахъ же мы спѣшимъ сравнивать и вообще изучить явленія, пока они еще предъ нами протекаютъ; мы останавливаемся на случаяхъ, съ точки зрѣнія метода изслѣдованія, важныхъ. какъ бы ставимъ каждый разъ особаго рода вопросы и получаемъ на нихъ отвѣты ¹⁾).

Собранные при изслѣдованіи факты должны быть достаточно многочисленны. Въдѣ здравый смыслъ говорить намъ, чтобы мы всякій данный объектъ разсматривали съ разныхъ точекъ зрѣнія: чѣмъ больше отличаются наблюденные случаи одинъ отъ другаго во всемъ, кромѣ намѣченной для изученія особенноти, тѣмъ они поучительнѣе; благодаря пунктамъ различія ярче выступаютъ моменты сходства ²⁾). Но такъ какъ задача естествоиспытателя заключается въ томъ, чтобы установить неизмѣнную связь между явленіями, то для него имѣютъ значеніе лишь случаи, которые регулярно при одинаковыхъ условіяхъ наступаютъ. Если бы представились феномены иного рода, мы или должны были бы признать вышательство живаго существа, или же предположить, что у насъ остается незамѣченнымъ важное различіе въ обстоятельствахъ, сопровождающихъ наблюдаемые факты; какъ бы то ни было, мы не имѣли бы возможности воспользоваться инстанціями подобнаго рода для нашего обобщенія. Въ виду сказаннаго обыкновенно и стараются воспроизводить встрѣтившіяся явленія. Съ другой стороны, при научной работѣ безразлично, приходится-ли имѣть дѣло съ инстанціями простыми и чаще всего намъ попадающимися, или же съ фактами рѣдкими, которые, положимъ, поражаютъ изслѣдователя: истина едина, и законамъ природы одинаково подчинены всѣ явленія ³⁾).

¹⁾ Disc., §§ 67, 144, 156.

²⁾ § 109.

³⁾ См. слѣдующее примѣчаніе.

Каждое отдѣльное наблюденіе должно быть возможно полнымъ. Надо обращать вниманіе на все, что можетъ стоять въ связи съ изслѣдуемымъ явленіемъ, ибо, пока мы заняты трудомъ предварительнымъ, не можетъ быть опредѣлено значеніе разнаго рода моментовъ во встрѣтившейся инстанціи. Необходимо—частнѣе—заботиться, чтобы въ нашихъ воспріятіяхъ принимали участіе по возможности всѣ чувства наши и чтобы ни одно изъ получаемыхъ при этомъ показаній не было упущено изъ виду. Далѣе, когда дѣло идетъ о результатахъ наблюдений, слѣдуетъ быть безусловно точнымъ и утверждать все то и притомъ только то, что, на самомъ дѣлѣ, предъ нами происходило, отнюдь не принося ничего изъ ранѣе усвоенныхъ (быть можетъ, и ложныхъ) научныхъ теорій ¹⁾.

Мы наблюдаемъ въ природѣ столь большое количество разнообразныхъ явленій, что вниманіе человѣка, который принимается за какое-либо специальное изслѣдованіе, легко можетъ рассѣиваться. Въ этомъ случаѣ ему помогаетъ вводимая нами обыкновенно номенклатура. Каждое названіе объединяетъ цѣлую группу случаевъ, причѣмъ выдвигаются ихъ общія черты и мы какъ бы указываемъ, чѣмъ инстанціи намѣчаемаго разряда отличаются отъ другихъ. Но хорошая номенклатура возможна лишь тогда, когда наука достигла въ своемъ развитіи сравнительно высокаго уровня ²⁾.

Какъ сказано, Гершель не представилъ системы логическихъ фор-

¹⁾ §§ 10, 110 — 125. Ср. §§ 126 — 128, 221—230, 386 — 388. Ср. также *Ess. Quæst. on Probab.* p. 437 seqq.—Если явленіе протекаетъ скоро, надо его наблюдать нѣсколько разъ или, по крайней мѣрѣ, стараться припомнить во всей полнотѣ и точности, пока впечатлѣніе еще свѣжо. Когда же интересный для насъ случай попался на глаза человѣку необразованному или страдающему предразсудками, особенно важно поскорѣе заставить его воспроизвести изъ памяти все наблюденное.—Когда наука достаточно разработана, изслѣдователи примѣняютъ принципъ раздѣленія труда. Одни наблюдаютъ факты, другіе разсуждаютъ о ихъ причинахъ (такъ поставлено, напримѣръ, дѣло у астрономовъ). И особенно въ подобныхъ случаяхъ можно требовать, чтобы наблюдатель былъ знакомъ и съ другими науками и умѣлъ вывѣсить отличительныя черты каждаго встрѣчающагося ему явленія. Подробно разсуждаетъ Гершель о томъ, какъ производить „наблюденія количественныя“ и дѣлать соответствующія измѣренія. Ср. выше примѣч., стр.

²⁾ *Disc.*, §§ 129—136.—Номенклатура предполагаетъ классифицированіе явленій, а этотъ процессъ, по Гершелю, непосредственно уже ведетъ къ обобщеніямъ (Ср. выше. Ср. также *Ess. Whew. on the Ind. Scienc.* p. 166—167).

муль. Дѣло идетъ у него лишь о томъ, какъ обыкновенно протекаетъ правильное научное изслѣдованіе, причѣмъ онъ въ добавокъ интересуется процессомъ открытія научныхъ истинъ нерѣдко больше, чѣмъ операціями вывода въ смыслѣ доказыванія ¹⁾). Взглядъ на индукцію остается у него недостаточно выработаннымъ. Анализъ приводитъ Гершеля къ заключенію, что естествоиспытатели дѣлаютъ свои обобщенія поспѣшно, а потомъ провѣряютъ построенныя гипотезы и что подобный путь замѣняетъ у нихъ строгое наведеніе. Въ виду этого, казалось бы, и слѣдуетъ останавливаться только на основныхъ положеніяхъ, которыми мы при индукціи руководствуемся, и не вдаваться въ размышленія о разнаго рода частностяхъ. Но и общія замѣчанія относительно процесса наведенія едва-ли представляютъ въ Discourse стройное цѣлое.

Въ противоположность Бекону, Гершель ²⁾), желая дать предписанія относительно того, какъ дѣлать причинныя обобщенія, самъ говоритъ, что онъ долженъ въ этомъ случаѣ обратиться къ общему понятію о причинности ³⁾). вмѣстѣ съ тѣмъ и область, въ которой предлагаемыя имъ правила примѣняются, оказывается у него соотвѣтственно ограниченной: дѣло идетъ въ интересующемъ насъ трактатѣ вообще лишь о методическихъ приемахъ въ естествовѣдѣніи ⁴⁾). Опирается нашъ авторъ на понятіе о причинности, несравненно болѣе высокое, чѣмъ беконовская идея о формѣ. Въ его разсужденіяхъ о непознаваемости послѣднихъ причинъ бросается въ глаза одинъ частный пунктъ, который, быть можетъ, слишкомъ трудно объяснить прямымъ влияніемъ воззрѣній Бекона Веруламскаго, но въ которомъ Гершель все же сходится съ этимъ мыслителемъ. Беконъ склоненъ видѣть въ движеніи мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ (въ распредѣленіи и движеніи ихъ) нѣчто относящееся къ міру нумеральному и обуслов-

¹⁾ Ср. *Ueberweg*, 81. *Bain*, II, 409 — 411. *М. И. Владиславскъ*, Прилож., стр. 223—224.

²⁾ Стараясь выяснитъ, чѣмъ гершелевскій взглядъ на индуктивный процессъ отличается отъ беконовскаго, я вообще не утверждаю, будто ученіе Джона Стюарта Милля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственныхъ его предшественниковъ не подготовлялось исторически и будто все, что въ Discourse оказывается сравнительно съ воззрѣніями „основателя индуктивнаго метода“ новымъ, впервые выработано Гершелемъ.

³⁾ *Disc.*, § 145 (нач.).

⁴⁾ Ср. у Гершеля общее понятіе о естественныхъ наукахъ, въ отличіе отъ абстрактныхъ. Ср. ниже примѣч., стр.

ливающее собой внѣшнія, воспринимаемыя чувствами нашими свойства предметовъ; подобнымъ же образомъ Гершель рѣзко противопоставляетъ звукъ вибраторнымъ колебаніямъ звучащаго тѣла и какъ бы полагаетъ, будто первое изъ этихъ явленій мы знаемъ, благодаря чувственному воспріятію, почему и свѣдѣнія наши о немъ относительны, тогда какъ движеніе совершается въ предметѣ, самомъ по себѣ, и познается помимо чувствъ, дающихъ намъ неправильныя показанія ¹⁾. Но если Гершель и стремится вывести изъ ученія о причинности особыя предписанія, которыми при наведеніи можно было бы въ соответствующихъ случаяхъ руководствоваться, то съ цѣлью обосновывать индуктивныя заключенія онъ скорѣе склоненъ прибѣгать лишь къ высшему принципу—міроваго порядка или гармоніи. Подобное основоположеніе не можетъ однако достаточно подкрѣпить наши выводы. Утверждать единообразіе въ природѣ не значитъ отрицать въ ней *всѣмкое* разнообразіе. Между тѣмъ принципомъ гармоніи мы не опредѣляемъ частіе, что за единообразія въ мировомъ устройствѣ предполагаются. Какъ бы ни протекала индуктивный процессъ и какими бы приемами мы ни старались себя обезпечить, существованіе порядка въ мірѣ не исключаетъ возможности случая, когда мы при изслѣдованіи натолкнемся въ природѣ на отношенія непостоянныя и измѣнчивыя и когда выводъ, хотя и при большомъ количествѣ наблюденныхъ инстанцій, окажется ложнымъ въ приложеніи къ остальнымъ. Лишь въ позднѣйшихъ статьяхъ своихъ ²⁾ Гершель, быть можетъ, готовъ былъ бы измѣнить постановку дѣла: тутъ онъ иногда выдвигаетъ непосредственно принципъ причинности ³⁾. Ссылаясь при индуктивныхъ заключеніяхъ каждый разъ на выставленный напередъ отвлеченный принципъ, мы естественно приходимъ къ

---

¹⁾ Можно припомнить здѣсь между прочимъ высказанную Гершелемъ мысль, что при опытныхъ изслѣдованіяхъ важно наблюдать факты, которые постоянно при одинаковыхъ условіяхъ наступаютъ, ибо въ много рода случаяхъ необходимо предположить *внимательство живаго существа* или же какой-либо факторъ, который остается незамѣченнымъ и вплиемъ котораго иррегулярность объясняется.

²⁾ Изъ нихъ статья Quet. on Probab. появилась, какъ извѣстно, уже послѣ того, какъ „Система логики“ Джона Стюарта Милля вышла въ свѣтъ.

³⁾ Esa. Whew. on the Ind. Scienc., p. 208 — 211 seqq., 216. Quet. on Probab., p. 365 — 366. Правда, въ тѣхъ параграфахъ, на которые мы выше уже ссылались, Гершель, устанавливая свое понятіе о мировомъ порядкѣ, говоритъ о причинныхъ связяхъ; но рѣчь идетъ у него тутъ также и о соотношеніяхъ много рода.—Относительно гершелевскаго law of continuity см. ниже.

вопросу, достоверно ли самое положеніе, которое постоянно служить намъ исходной посылкой. Можно ли его вообще доказать или пѣтъ, во всякомъ случаѣ мы, признавая его шаткость, *eo ipso* подорвали бы довѣріе и къ результатамъ наведенія. Для Бекона, который не сознавалъ достаточно ясно, въ чемъ находить себѣ опору новое ученіе объ индукціи, подобный вопросъ не существовалъ. Гершель указываетъ на нашу безусловную увѣренность въ истинности принципа міроваго порядка, причемъ однако замѣчанія его скорѣе содержатъ попытку объяснить психологическій фактъ, чѣмъ рѣшить, насколько возможно доказательство этого основоположенія. Что же касается закона причинности, то Гершель разсматриваетъ его (въ рецензій Whewell on the Ind. Scienc.), какъ опытное обобщеніе, которое мы не перестаемъ провѣрять и которое постоянно находить себѣ оправданіе въ наблюдаемыхъ нами фактахъ ¹⁾. Онъ упускаетъ изъ виду, что подтверждающія инстанціи лишь въ томъ случаѣ имѣли бы для насъ серьезное значеніе, если бы при операциіи провѣрки мы могли искать опору въ самомъ законѣ причинности или же, по крайней мѣрѣ, стали бы основываться на высшемъ принципѣ міровой гармоніи, который остается въ Discourse не доказаннымъ. Впрочемъ, этотъ пунктъ стоитъ въ прямой связи съ гершелевскимъ ученіемъ о провѣркѣ гипотезъ вообще, о которомъ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Для изслѣдователя въ области естественныхъ наукъ, думаетъ Гершель, еще недостаточно быть увѣреннымъ, что въ мірѣ царитъ вообще порядокъ. Надо знать, что первичные дѣтели въ природѣ остаются неизмѣнными, а потому явленія правильно протекаютъ по одинаковымъ схемамъ. Иначе нельзя въ работѣ рассчитывать на успѣхъ. Но Гершелю естественно было бы предположить, что измѣненіе первоначальныхъ дѣтелей повлекло бы и измѣненіе характера самихъ явленій. А въ такомъ случаѣ новое теченіе явленій не противорѣчило бы выводамъ, которые касательно смѣны феноменовъ ранѣе были бы добыты: иныя явленія, конечно, должны были бы вкладываться въ иныя схемы. Сдѣланныя въ естествознаніи обобщенія оставались бы правильными; нельзя было бы указать инстанцій, по отношенію къ нимъ контрадикторныхъ. А неразрывно связано съ *B*.

¹⁾ Whew. on the Ind. Scienc., p. 208—211. Ср. стр. 216. Quet. on Probab., p. 365—366. Принципъ причинности Гершель относитъ въ разрядъ тѣхъ (согласныхъ съ объективной истиной) общихъ положеній, къ познанию которыхъ намъ умъ особенно приспособленъ (p. 208—209. Ср. выше).

подобный законъ нужно было бы признать истиннымъ въ томъ смыслѣ, что, гдѣ бы и когда бы ни наблюдалось *A*, оно возникало бы въ соотношеніи съ *B*. Только истина эта съ теченіемъ времени утратила бы свое значеніе ибо, на самомъ дѣлѣ, *A* послѣ соответствующей метаморфозы въ основныхъ физическихъ дѣятеляхъ уже больше не наступало бы ¹⁾).

Если однако разсужденія касательно отвлеченнаго принципа, который представляетъ основу индуктивныхъ заключеній, и склоняютъ читателя къ предположенію, что у Гершеля правильное общее понятіе о наведеніи (въ его „новой“ формѣ) ²⁾, все-же авторъ еще удерживаетъ въ Discourse много такого, что стоитъ въ связи съ прежнимъ, аристотелевскимъ, формальнымъ взглядомъ на индуктивный процессъ. Рѣчь идетъ у него часто о большомъ количествѣ фактовъ, опираясь на которые, мы построимъ наши выводы. А такъ какъ Гершель своего требованія не мотивируетъ, то приходится думать, что возможно полный перечень инстанцій имѣеть въ его глазахъ значеніе непосредственное. Перечисленіе же всѣхъ случаевъ даннаго разряда и онъ повидимому, готовъ, разсматривать, какъ пѣкотораго рода идеалъ, который, быть можетъ, и представляется ему недостижимымъ. Между тѣмъ подобный взглядъ вяжется только съ понятіемъ объ индукціи, какъ о процессѣ чисто формальной переработки обработываемаго матеріала ³⁾. При подготовительной для наведенія работъ

¹⁾ Выстъ съ другими законами природы положеніе „*A* связано съ *B*“ характеризовало бы однако извѣстный историческій моментъ въ жизни міровозданія.

²⁾ Возможно, что Гершель только недостаточно подробно и не совсемъ ясно развиваетъ свою мысль и что онъ ищетъ для строго причинныхъ наведеній опоры въ ученіи о причинности, а для законовъ природы—въ болѣе общемъ принципѣ міроваго порядка (ср. ниже).

³⁾ При аристотелевской неполной индукціи остается только стараться приблизиться къ этому идеалу, и шансы противъ достовѣрности вывода уменьшаются при этомъ процессѣ по мѣрѣ того, какъ растетъ матеріалъ, на который заключеніе опирается, ибо съ каждымъ вновь разсмотрѣннымъ фактомъ уменьшается количество инстанцій (если устанавливають адіористически-общее положеніе, количество это всегда остается неопредѣленнымъ), которыя могутъ оказаться контрдикторными. Обозначая вполне обоснованное заключеніе чрезъ единицу, можно было бы сказать, что степень достовѣрности вывода при неполной индукціи $= 1 - x - y - z - \dots - w$, причеъ $x, y, z, \dots, w$ представляли бы величины неизвѣстныя, изъ которыхъ каждая или равна нулю, или же уничтожаетъ собой единицу, то есть, въ свою очередь, равна единицѣ. Пусть мы разсмотрѣли новый фактъ x . Положимъ, онъ заключенія нашего не опровергаетъ, онъ равенъ нулю. Получаемъ формулу $1 - y - z - \dots - w$. Если отбросить y , формула еще упростится и т. д.—

слѣдуетъ, по Гершелю, сдѣлать длинный рядъ наблюдений ¹⁾). Это и предполагается первымъ, вторымъ и пятымъ методическимъ предписаніемъ, тогда какъ седьмое гершелевское правило можно было бы уже примѣнить, встрѣтивъ два подходящихъ случая. Когда Гершель говоритъ о томъ, что строгая индукція замѣняется обобщеніями поспѣшными—построеніемъ гипотезъ, онъ прямо противопоставляетъ наведеніе, какъ оно обыкновенно протекаетъ, пересмотру всѣхъ фактовъ соответствующей категоріи ²⁾). Провѣряя гипотезу, мы часто прибѣгаемъ къ приему болѣе совершенному, чѣмъ простое сравненіе дедуктивно изъ нея получаемыхъ заключеній (относительно тѣхъ частныхъ случаевъ, которые она должна объяснять) съ дѣйствительными фактами. Мы изучаемъ отдѣльныя инстанціи и смотримъ, не выводятся-ли изъ нихъ (индуктивно) обобщеніе, предположительно у насъ выставленное,—иначе говоря, поспѣшно сдѣлавъ заключеніе, мы вновь обращаемся къ процессу индукціи, чтобы этимъ путемъ его доказать. У Гершеля и замѣтно стремленіе поставить такъ дѣло ³⁾). Отсюда, повидимому, и вытекаетъ у него требованіе пересма-

---

Мы не говоримъ пока объ индуктивномъ процессѣ, какъ онъ описанъ у Гершеля ранѣе параграфа 145-го. Но во всякомъ случаѣ авторъ Discourse оставляетъ невыясненнымъ и вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ количество наблюденныхъ фактовъ, если мы при выводѣ ссылаемся только на болѣе общій принципъ—порядка въ мірѣ и не прибѣгаемъ къ ученію о причинности (а въ этомъ случаѣ обильный матеріалъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, значеніе несравненно менѣе отдаленное). Ср. ниже.

¹⁾ Это—единственное, касающееся возможно обширнаго матеріала при индукціи предписаніе, которое Гершель стремится обосновать. При большомъ количествѣ, полагаютъ онъ, факты будутъ отличаться большимъ разнообразіемъ; а тогда лучше выступили бы и черты, въ которыхъ они сходятся,—иначе говоря, обнаружилось бы рельефнѣе необходимое соотношеніе между данной для изученія особенностью *A* и, положимъ, *M*. Авторъ не поясняетъ намъ однако, нужно-ли было продолжать нагроможденіе инстанцій и послѣ того, какъ мы, дѣлая наблюденія, уже натолкнулись бы на случаи, которые являются достаточной опорой для вывода.—Ср. ниже.

²⁾ Disc., § 171.

³⁾ На это уже указывать столь часто у него (въ статьѣ Whew. on the Ind. Scienc.) попадающіяся выраженія въ родѣ „axioms inductively concluded from their verification“...—Мы увидимъ ниже, что у Гершеля нѣтъ опредѣленнаго понятія относительно различныхъ способовъ доказывать гипотезы. Между прочимъ онъ стремится примѣнять и тотъ несовершенный приемъ, на который мы только что указали. Пересмотръ большаго количества фактовъ при процессѣ провѣрки, быть можетъ, и объясняется у него отчасти и этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ.—Ср. ниже.

тривать при провѣркѣ матеріалъ по возможности разнородный и останавливаться съ особымъ вниманіемъ на случаяхъ крайнихъ. Но такимъ образомъ провѣрка гипотезы обращается въ обыкновенную операцию наведенія. Между тѣмъ Гершель настоятельно рекомендуетъ, чтобы мы, желая подтвердить необоснованный индуктивный выводъ, собирали какъ можно больше инстанцій. Надо при этомъ, продолжать оны, нарочно искать, не найдется-ли случай, противорѣчащій обобщенію. Подобную боязнь, что можетъ попасться контрадикторная инстанція — а опасенія такія Гершель обнаруживаетъ и въ своемъ шестомъ методическомъ предписаніи — тоже нетрудно объяснить вліяніемъ аристотелевско-схоластическихъ воззрѣній на индукцію. Какимъ бы способомъ ни было добыто общее положеніе, встрѣтившіяся противорѣчащій фактъ ¹⁾ его опровергаетъ. Но наше непріятное право считать контрадикторныя инстанціи возможными не остается одинаковымъ при различномъ характерѣ индуктивнаго процесса. Если выводъ только чисто формально вытекаетъ изъ разсмотрѣннаго матеріала и мы не опираемся ни на какой впередъ принятый отвлеченный принципъ, мы, строго говоря, ничего не можемъ утверждать касательно инстанцій, на которыхъ при индукціи не останавливались. Наблюденные аналогичные случаи лишь тогда даютъ основаніе говорить и о ненаблюденныхъ, когда мы рѣшились вѣрить, что существуетъ нѣкоторое единообразіе въ мировомъ устройствѣ. Выходить, при аристотелевской неполной индукціи относительно каждой инстанціи, не вошедшей въ перечисленіе, столь-же вѣроятно, что она окажется, контрадикторной, сколько, — что она подойдетъ подъ сдѣланное заключеніе. Но пусть мы прибѣгнемъ къ индукціи „новой“; мы въ точности выполнили какое-либо изъ правилъ для методовъ изслѣдованія: полученный выводъ безусловно достоверенъ; законъ причинности гарантируетъ намъ его истинность; нѣтъ повода бояться контрадикторныхъ инстанцій. Опасность, что мы все-же натолкнемся на фактъ, противорѣчащій обобщенію, можетъ въ этомъ случаѣ быть создана лишь несовершеннымъ примѣненіемъ метода. Гершель же, не вдаваясь ни въ какія дальнѣйшія разсужденія, постоянно ожидаетъ, что, быть можетъ, обнаружится исключеніе изъ

---

¹⁾ Мы, конечно, имѣемъ въ виду инстанціи, дѣйствительно противорѣчащія обобщенію, а не такія, которыя только кажутся контрадикторными (см. ниже).

индуктивно устанавливаемого общаго положенія ¹⁾). Между прочимъ онъ говоритъ, что при contraddикторныхъ инстанціяхъ выводъ теряетъ характеръ универсальности и его можно распространять (такое истинный смыслъ гершелевскаго замѣчанія) лишь на тѣ факты данной группы, которые отличаются, положимъ, особенностью *M* или *N* или *P*; иными словами,—мы тогда должны сдѣлать субъектомъ заключенія поятіе болѣе частное, въ объемъ котораго противорѣчащіе случаи не входятъ, что, какъ выше упоминалось, и совѣтовалъ Аристотель ²⁾). Правда, Гершель, видѣли мы, вообще не придаетъ рѣшающаго значенія фактамъ, которые при изслѣдованіи признаются за противорѣчащіе. Каждое исключеніе, объявляетъ онъ, нужно отмѣтить себѣ съ цѣлью подвергнуть впоследствии возможно тщательному разсмотрѣнію, и только когда ихъ много, увѣренность въ справедливости общаго положенія соотвѣтственно подрывается. Это однако далеко не доказываетъ, будто Гершелю чужда мысль, что возможно и по отношенію къ индуктивному обобщенію, согласно новымъ методическимъ предписаніямъ построенному, натолкнуться на случай, который ему дѣйствительно противорѣчитъ и его такимъ образомъ прямо опровергаетъ. Въ данномъ случаѣ нашъ авторъ имѣетъ въ

¹⁾ Дѣло принимаетъ нѣсколько иной характеръ, если имѣть въ виду индуктивный процессъ, какъ онъ описанъ въ параграфахъ, предшествующихъ 145-му (см. ниже). Но что во всякомъ случаѣ Гершель боится contraddикторныхъ инстанцій и при наведеніи строго причинномъ, доказывается шестымъ его правломъ.—Нетрудно замѣтить и у Бекона постоянную боязнь, чтобы индуктивные выводы наши не опровергались contraddикторными инстанціями. Но между Н. О. и *Discourse* въ этомъ отношеніи все-же существуетъ громадная разница. Опасаясь встрѣтить противорѣчащіе факты, Беконъ старается измѣнить самое „индуктивное изслѣдованіе“ и указать методическіе приемы, употребленіемъ которыхъ опасность устранялась бы (и лишь дѣлаетъ при этомъ иногда уступки въ пользу того-же прежняго ученія объ индуктивномъ процессѣ, которое хочетъ переработать). Онъ безусловно увѣренъ, что, примѣнивъ „новую формулу“, мы на contraddикторными инстанціи уже не натолкнемся. Между тѣмъ Гершель и при „новой индукціи“ ожидаетъ фактовъ противорѣчащихъ,—несмотря на то, что описываемое имъ наведеніе (если соотвѣтствующія требованія, дѣйствительно, строго выполнены и мы въ истинности принципа причинности безусловно убѣждены) не даетъ основаній для подобнаго страха.

²⁾ См. особ. конецъ § 172.—Мысли своей Гершель подробнѣе не выясняетъ. Но во всякомъ случаѣ слишкомъ трудно предположить, чтобы онъ подъ закономъ, котораго „importance is lessened by the destruction of its universality“ и который такимъ образомъ все-же сохраняетъ научное значеніе, разумѣлъ сужденіе типа „нѣкоторые *A* суть *B*“.

виду лишь то обстоятельство, что въ contradикторности встрѣтившейся инстанціи не такъ легко удостовѣриться и что случаи, которые мы принимаемъ за противорѣчающіе, часто представляютъ, на самомъ дѣлѣ, исключенія кажущіяся. Понятіе объ индукціи, какъ о процессѣ, при которомъ выводъ формально вытекаетъ изъ фактовъ, повидимому, укоренился у Гершеля довольно сильно. По крайней мѣрѣ въ статьѣ Whew. on the Ind. Scienc. мы встрѣчаемъ разсужденія о томъ, что опыты влѣдряютъ намъ мысль о господствующемъ въ природѣ законѣ непрерывности (the law of continuity), что къ принципу этому мы постоянно невольно прибѣгаемъ, предполагая непрерывность тамъ, гдѣ въ ея существованіи непосредственно убѣдиться нельзя. Когда длинный рядъ случаевъ говорить въ пользу обобщенія и нѣтъ инстанцій contradикторныхъ, мы какъ-бы исполняемъ пробѣлы, принимаемъ, что и остальные звенья цѣпи отличаются соответствующими особенностями, и смѣло дѣлаемъ заключеніе ¹⁾.

Итакъ, Гершель обнаруживаетъ въ своемъ ученіи, подобно Бекону, двѣ противоположныя тенденціи. Въ виду этого надо было бы

---

¹⁾ Ess. Whew. on the Ind Scienc., p. 171—173, 193—195, 197—198. Cp. Disc., §§ 198—200. Ess. Whew. on the Ind. Scienc., p. 227—228. Нечего и говорить, что законъ непрерывности можетъ быть подведенъ подъ болѣе общій принципъ мірлаго порядка; первый представляетъ какъ-бы модификацію послѣдняго.—Остается неяснымъ, насколько Гершель склоненъ пользоваться этимъ закономъ, какъ вышедшей, исходной для индуктивныхъ обобщеній посылкой. Правда, на стр. 195-ой нашъ авторъ говоритъ: ...,to the law of continuity... and, as one of the most important results of this law, to the perception and admission of general truths, on the ground of particular verifications". Но это—выраженіе все-же неопредѣленное. Гершель скорѣе выдвигаетъ интересующій насъ принципъ просто съ цѣлью психологически обрисовать процессъ наведенія, — какъ правило (которое, выраженное въ формѣ закона природы, остается истиннымъ), которому мы (сознательно или безсознательно) постоянно слѣдуемъ.—Гершель нигдѣ не оговаривается спеціально, что описываемый имъ процессъ имѣетъ мѣсто и при строго причинномъ наведеніи. Но, напримѣръ, на стр. 172-ой рѣчь у него, очевидно, идетъ о всякаго рода индуктивныхъ выводахъ.—Законъ непрерывности Гершель разсматриваетъ, какъ обобщеніе, добытое изъ опыта. Но на вопросъ о томъ, какое основаніе имѣемъ мы признавать его за истинное, онъ подробнѣе не останавливается.—Относительно the law of continuity Гершель говоритъ уже и въ Discourse (см. §§ 199, 217; ср. §§ 198, 200). Но у него тутъ нѣтъ рѣчи о томъ, какъ мы къ этому принципу при наведеніи постоянно обращаемся. Дѣло идетъ здѣсь о названномъ законѣ въ его примѣненіи къ случаямъ, гдѣ легче ожидать нарушенія непрерывности, и Гершель прямо и объявляетъ (§ 199), что ...,the law... of continuity... is expressed in the well known sentence, „Natura non agit per saltum“.

а priori ожидать, что предписанія его не составятъ стройнаго цѣлаго. Трудно говорить о томъ, насколько подобная двойственность могла сказаться уже на перечисленіи особенностей причиннаго соотношенія вообще. Но во всякомъ случаѣ и самый перечень этотъ оказывается страшнымъ. Когда у Бекона дѣло идетъ о зависимости внѣшнихъ качествъ вещей отъ соответствующихъ имъ формъ, онъ выдвигаетъ три основныхъ момента. Гершель въ своемъ анализѣ на этомъ не останавливается и называетъ пять особенностей, характеризующихъ связь между причиной и слѣдствіемъ; изъ нихъ, однако, третья ¹⁾ уже предполагается четвертой ²⁾, а пятую ³⁾ можно разсматривать, какъ дальнѣйшее развитіе второй ⁴⁾. Переходя далѣе, къ тѣмъ правиламъ, которыя должны находить себѣ опору въ ученіи о причинности, мы видимъ, что Гершель ихъ нагромождаетъ безъ системы. Онъ просто намѣчаетъ то, что при анализѣ операциі наведенія, какъ она, на дѣлѣ, примѣняется, привлекло его вниманіе. забывая какъ бы о лежащемъ въ основаніи „новаго“ ученія объ индукціи отвлеченномъ принципѣ, и идетъ въ этомъ случаѣ ощупью, безъ опредѣленнаго плана. Сколь бы ни было въ общемъ запутано ученіе Бекона Веруламскаго, таблицы присутствія, отсутствія и степеней прямо соответствуютъ тремъ отличительнымъ признакамъ, которыми охарактеризовано у этого мыслителя отношеніе между внѣшнимъ свойствомъ и формою. Между тѣмъ третье гершелевское предписаніе гласитъ, что нельзя отвергать такую или иную причину *S a priori*. А это предполагается не специально ученіемъ о причинности, а общимъ характеромъ индуктивнаго изслѣдованія, когда мы, принимая, правда, напередъ, что существуютъ постоянныя причинныя связи, рѣшаемся утверждать каждое данное неизмѣнное соотно-

¹⁾ Пусть увеличивается или уменьшается напряженность причины; соответственно тому и дѣйствіе должно (въ случаяхъ, гдѣ это вообще возможно) расти или же становиться меньшимъ.

²⁾ Когда мы наблюдаемъ непосредственное вліяніе данной причины и факторовъ, его нарушающихъ, нѣтъ, дѣйствіе должно быть пропорціонально ей.

³⁾ Причинами противоположными обусловливаются и противоположныя слѣдствія.

⁴⁾ Если отсутствуетъ причина, нѣтъ и слѣдствія, за исключеніемъ разнѣ случая, когда оно могло бы возникнуть и благодаря причинѣ другой.—Какъ мы видѣли, вліяніе аристотелевскаго формальнаго взгляда на индукцію весьма замѣтно у Бекона. Но въ тѣхъ пунктахъ его ученія, о которыхъ мы говоримъ, у него путаницы нѣтъ.

шеніе (а слѣдовательно, и отрицать) лишь на основаніи фактовъ. Въ четвертомъ правилѣ рѣчь идетъ не непосредственно о методическихъ приѣмахъ, а о томъ, что противоположныя инстанціи, вообще говоря, имѣють при изслѣдованіи большое значеніе, и подобнымъ же образомъ въ шестомъ авторъ предостерегаетъ насъ, чтобы мы не спѣшили признавать за дѣйствительныя исключенія инстанціи, которыя кажутся контрадикторными. Наконецъ, въ девятомъ своемъ положеніи Гершель объясняетъ, какъ пользоваться при новыхъ изслѣдованіяхъ добытыми уже обобщеніями и какъ, дѣлая изъ нихъ дедуктивные выводы, облегчать и упрощать наведеніе ¹⁾. Что касается остальныхъ предписаній, то въ нихъ, дѣйствительно, идетъ дѣло о томъ пути, какого при индукціи надо держаться, и Гершель при этомъ прямо обращается къ особенностямъ причиннаго соотношенія. Но на томъ, что выѣстъ съ слѣдствіемъ должна быть дапа и его причина, въ Discourse основано и второе положеніе, и первое. Авторъ не только говоритъ (2-е правило), что обстоятельство *S*, всюду сопровождающее данное явленіе *M*, можетъ оказаться его причиной, но и предлагаетъ еще особое правило (первое),—чтобы мы за причину явленія *M* не принимали *S*, если его (*S*) иногда нѣтъ, гдѣ есть *M*, или если его (*S*) въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ замѣняетъ противоположное ему свойство *S* ²⁾. Равнымъ образомъ въ восьмомъ положеніи своемъ Гершель лишь повторяетъ пятое (гдѣ принято въ расчетъ, что причина и слѣдствіе должны измѣнить свою напряженность выѣстъ), совѣтуя правиломъ этимъ (пятымъ) пользоваться, когда нельзя приложить седьмого. Онъ только указываетъ тутъ кромѣ того, къ какому приему можно прибѣгнуть, если имѣющійся подъ руками матеріалъ собственно не дозволяетъ намъ примѣнить и пятое предписаніе.

Но Гершель относится болѣе или менѣе сознательно къ тому, что индуктивные выводы „новаго типа“ основываются у него на ученіи о причинности и, развивая свой взглядъ на процессъ наведенія, пользуется ученіемъ этимъ все же гораздо лучше, чѣмъ Беконъ Веруламскій въ *N. O.*—понятіемъ о формѣ. Каждому данному выѣшнему ка-

¹⁾ Рѣчь идетъ у Гершеля въ § 158 не только о положеніяхъ, ранѣе выведенныхъ, но и о такихъ, которыя мы ad hoc лишь при самомъ изслѣдованіи устанавливаемъ. Очевидно, однако, что этимъ не измѣняется общій смыслъ названнаго параграфа.

²⁾ Какъ мы видѣли, второе правило Гершель высказываетъ съ оговорками. Ср. ниже.

честву вещи соответствует—особенность внутренняя. Пусть намъ пришлось наблюдать гдѣ-либо свойство *M*. Должна существовать и его форма *X*. Встрѣтившееся *M* даетъ намъ право утверждать, что *X* входитъ въ комплексъ имѣющихся вообще въ природѣ формъ. Но *X* относится къ числу внутреннихъ особенностей *того объекта*, которому принадлежитъ качество *M*. Можно было бы сказать также, что искому форму мы найдемъ въ кругу сравнительно ограниченномъ,—среди особенностей попавшейся намъ инстанціи *Q*. А потому, принимаясь за „исключение“, мы могли бы внутреннія свойства, не стоящія въ соответственной связи съ *M*, вычеркивать и не изъ общаго списка формъ, а изъ перечня особенностей, присущихъ *Q*. Полное исключеніе должно было бы и въ этомъ послѣднемъ случаѣ привести къ рѣшенію вопроса. Осталась бы, въ концѣ концовъ, не отброшенной только истинная форма свойства *M*. Бекону этого не приходитъ на мысль. Традиционный формальный взглядъ на индукцію оказываетъ на него свое вліяніе и, повидимому, даетъ его идеальное направленіе: Беконъ прямо останавливается на томъ, что предлагаетъ исключать формы одну за другой изъ полнаго ихъ каталога. Но тутъ онъ, какъ мы видѣли, и встрѣчаетъ непреодолимое затрудненіе. Общаго списка свойствъ вещей у насъ нѣтъ; составить его невозможно, и процессъ исключенія, на самомъ дѣлѣ, никогда не оказался бы у Бекона законченнымъ. Такъ какъ самый перечень представляетъ нѣчто неопредѣленное, то, вычеркивая въ немъ одно внутреннее свойство за другимъ, мы никогда не были бы увѣрены, что неустраненной остается дѣйствительно *только одна* изъ возможныхъ вообще формъ. Гершель едва-ли согласился бы на постановку дѣла, какою мы находимъ въ *N. O.* Прибѣгая къ беконскому приему исключенія, онъ вмѣсто того, чтобы блуждать каждый разъ въ большомъ лабиринтѣ (причинъ, въ природѣ вообще дѣйствующихъ), склоненъ искать причину даннаго явленія *M* среди обстоятельствъ сопровождающихъ это *M*. По крайней мѣрѣ, седьмое его правило прямо заставляетъ сдѣлать подобное предположеніе. Согласно, указаніямъ, которыя онъ здѣсь даетъ, мы, встрѣтивъ двѣ инстанціи типа: 1) *abcd...qrstS* (съ послѣдующимъ *M*); 2) *abcd...qrst* (безъ *M*), рѣшились бы установить между *M* и *S* причинное соотношеніе. Своей мысли Гершель дальше не развиваетъ и оставляетъ въ предписаніи многое какъ бы недосказаннымъ. Но можно было бы, отнюдь не противорѣча его воззрѣніямъ, охарактеризовать въ этомъ случаѣ операцію наведенія слѣдующимъ образомъ. Мы „исключаемъ“ тутъ свой-

ства или явленія не изъ общаго ихъ списка, а изъ того комплекса, который мы наблюдаемъ вмѣстѣ съ изслѣдуемымъ M , то-есть, изъ $abcd\dotsqrstS$. Сразу вычеркиваемъ $a, b, c, d\dots q, r, s, t$, ибо во второй инстанціи всѣ эти особенности имѣются на лицо и тѣмъ же менѣе M не наступаетъ. Остается S , которое и необходимо признать за истинную причину ¹⁾. Изслѣдованіе оказалось бы у насъ при этомъ во всѣхъ основныхъ моментахъ своихъ такимъ, какимъ оно должно быть, когда мы обращаемся къ миллерскому методу разницы. Принимая во вниманіе подобный характеръ седьмаго предписанія, можно было бы далѣе думать, что первое и второе правила собственно содержать въ себѣ ту мысль, которую мы находимъ впоследствии въ миллерскомъ ученіи о методѣ совпаденія, а правила пятое и восьмое соотвѣтствуютъ методу сопутствующихъ измѣненій ²⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Интересующія насъ гершелевскія указанія нѣсколько затемнены тѣмъ, что въ седьмомъ предписаніи авторъ говоритъ вообще, какъ при двухъ инстанціяхъ, которыя во всемъ сходны, кромѣ одного обстоятельства S , выяснитъ отношеніе этого S къ изслѣдуемому явленію M .—Пусть мы имѣемъ въ одной изъ инстанцій S , а въ другой—противоположное ему S_1 ; и слѣдствія, говоритъ Гершель, должны оказываться противоположными, чтобы мы могли признать S за причину явленія M . Дано $abcd\dotsqrst S(-M)$, ($abcd\dotsqrst S_1(-M_1)$). Такъ какъ $a, b, c, d\dots q, r, s, t$ присутствуютъ и во второй инстанціи, гдѣ M нѣтъ (а мѣсто его занимаетъ M_1), то можно изъ $abcd\dotsqrstS$ сразу „исключить“ $a, b, c, d\dots q, r, s, t$. А тогда заключаемъ, что S —причина явленія M . Но положимъ, присутствіе и отсутствіе S вліяетъ лишь на напряженность M . Имѣемъ: $abcd\dotsqrst S(-M$ съ интенсивностью w), $abcd\dotsqrst (-M$ съ интенсивностью v). Подвергнуть $a, b, c, d\dots q, r, s, t$ исключенію и объявить S за причину M нѣтъ основанія; мы и во второй инстанціи наблюдаемъ M (имѣющее тутъ, правда, напряженность v). Если же вопросъ будетъ идти объ иной интенсивности M въ первой инстанціи (w), то за причину этого обстоятельства мы должны будемъ признать S , ибо $a, b, c, d\dots q, r, s, t$ можно будетъ тогда исключить (во второй инстанціи M не имѣетъ напряженности w). Гершель и объявляетъ, что S въ подобныхъ случаяхъ входитъ въ составъ совокупно вліяющихъ причинъ или условій.

²⁾ Второе правило, само по себѣ, далеко не характерно. Такъ какъ здѣсь нѣтъ рѣчи объ инстанціяхъ, *во всемъ*, кромѣ изслѣдуемаго M , различныя, и такъ какъ предписаніе это предполагаетъ цѣлую таблицу случаевъ, что отнюдь не составляетъ *conditio sine qua non* для „исключенія“, то разсматривая параграфъ 147, отдѣльно взятой, можно было бы даже сказать, что Гершель тутъ, вопреки беконовскому афоризму патнадцатому (N. O., lib. II), предлагаетъ дѣлать индуктивныя выводы, не прибѣгая къ приему исключенія вовсе: если есть слѣдствіе, должна быть на лицо и его причина; S имѣется во всѣхъ случаяхъ, когда наступаетъ M ; слѣдовательно, S есть причина явленія M .—Правило первое, какъ сказано, совпадаетъ въ сущности со вторымъ.—То, что въ настоящемъ примѣчаніи ска-

зомъ, сообщая беконовскому процессу „исключенія“ совершенно иной характеръ, Гершель, повидимому, и замѣняетъ тотъ беконовскій сложный единый методъ индуктивнаго изслѣдованія, при которомъ берутся во вниманіе всѣ особенноти, характеризующія связь между вышнпимъ свойствомъ и его формою, — тремя методами. Намъ, обыкновенно, приходится дѣлать выборъ между ними, и въ каждомъ изъ нихъ принята въ расчетъ лишь одна соотвѣтствующая особеннотъ причиннаго соотношенія. Когда мы прибѣгаемъ къ методу совпаденія, мы производимъ „исключеніе“, имѣя въ виду то обстоятельство, что причина разсматриваемаго явленія M вездѣ должна быть на лицо, гдѣ есть это M (методъ совпаденія предполагается инстанціи 1) $abcd...qrst$ $S—M$, 2) $a_1b_1c_1d_1...q_1r_1s_1t_1$ $S—M$). Остановившись на методѣ разницы, изслѣдователь отбрасываетъ особенноты, которыя не исчезаютъ, въ случаѣ, когда M перестаетъ возникать (инстанціи: $abcd...qrst$ $S—M$, $abcd...qrst$). Наконецъ, пользуясь методомъ сопутствующихъ измѣненій, мы выключаемъ $a, b, c, d...q, r, s, t$, не мѣняющія своей напряженности вмѣстѣ съ M ($abcd...qrst$ S литера. α — M литера. α, $abcd...qrst$ S литера. β — M литера. β)¹⁾.

зано относительно втораго правила, остается въ силѣ и тогда, когда имѣть дѣло о предписаніяхъ пятомъ и восьмомъ, въ которыхъ лишь принять въ расчетъ другой необходимый моментъ причиннаго соотношенія, — что напряженнотъ причинъ должна оказаться измѣненной, если мѣняется напряженнотъ слѣдствія. Впрочемъ, иной характеръ носить имѣющееся въ § 157 описаніе случая, когда мы за невозможность устранить намѣченное обстоятельство S или подыскать инстанціи, гдѣ S измѣняетъ свою интенсивнотъ, вводимъ новый факторъ Q , который долженъ, положимъ, уменьшить вліаніе условія S . Здѣсь, повидимому, предполагается лишь двѣ инстанціи: $abcd...qrst$ S (съ интенсивнотъ α) ($—M$ съ интенсивнотъ ω), $abcd...qrst$ QS (съ интенсивнотъ β) ($—M$ съ интенсивнотъ ν). Изъ совокупныхъ условій $abcd...qrst$ S (съ интенсивнотъ α) выключаемъ $a, b, c, d...q, r, s, t$, ибо всѣ эти обстоятельства имѣются на лицо и во второй инстанціи, гдѣ M измѣняетъ свою напряженнотъ. Причиной измѣненія въ M надо считать (происшедшую подъ вліаніемъ Q) переимѣну въ S . А потому приходится вообще признать S за причину явленія M .

¹⁾ Ср. Bain, II, 409—411. Fowler, The El. of Ind. Log., p. 210. John Venn The Principles of Empirical or Inductive Logic. Lond. 1869, p. 58. L. Liard, Les logiciens anglais contemporains. 2-me éd. Par. 1883, p. 4. М. И. Владиславлевъ, Прилож., 223—224. Куринскій, 6, 191.—Ср. John Stuart Mill, b. III, chapt. IX, § 8.—Относительно перваго гершелевского предписанія Веньъ говоритъ (II, 410. См. также М. И. Владиславлевъ, Прилож., 224): „The first is a more precise statement of Bacon's main principle of Exclusion, the foundation of the methods of Agreement and of Difference“... Высказанное въ параграфѣ 146 замѣчаніе можно, конечно, при-

„Новая“ индукція примѣняется при причинныхъ обобщеніяхъ. Между тѣмъ мы изъ опыта черпаемъ и положенія инаго характера. Возникаетъ естественно вопросъ, какъ въ случаяхъ подобнаго рода долженъ протекать индуктивный процессъ. Беконъ намъ объ этомъ не говоритъ ничего, ибо полагаетъ даже, что его наведеніе представляетъ методъ универсальный. Гершель затрогиваетъ вопросъ, хотя и не выдвигаетъ его прямо. Мы видѣли, что въ *Discourse* между прочимъ описывается, какъ устанавливать вообще постоянныя соотношенія между явленіями или свойствами вещей. Правда, заклю-

чить за одно изъ правилъ, которыми необходимо руководствоваться при „исключеніи“,—за одно изъ правилъ, ибо мы, отыскивая причину явленія *M*, отбрасываемъ не только особенности, которыхъ нѣтъ тамъ, гдѣ есть *M*, но и такія, которыя присутствуютъ, когда *M* нѣтъ на лицо, или не измѣняютъ мѣстѣ съ послѣднимъ своей инприженности. Пужно пригомъ имѣть въ виду, что правила эти у Бекона точно формулированы (*N. O.*, II, 16) и гершелевское предписаніе едва ли представляетъ „*a more precise statement of Bacon's main principle of Exclusion*“. Но сопоставляя § 146 съ 147, естественно думать, что въ интересующемъ насъ мѣстѣ *Discourse* рѣчь идетъ о случаѣ, въ которомъ мы, обозрѣвая большое количество инстанцій и постоянно наталкиваясь въ нихъ на особенность *S*, готовы признать *S* за причину изслѣдуемаго явленія *M*. Гершель какъ бы советуетъ соблюдать при этомъ осторожность. Первое правило гласитъ: можетъ оказаться, что *S* все же отсутствуетъ въ какой-либо инстанціи, гдѣ *M* есть на лицо; тогда заключеніе было бы несостоятельнымъ. Но если—говоритъ авторъ во второмъ правилѣ—мы рядомъ съ *M*, дѣйствительно, всюду встрѣчаемъ *S*, возможно прийти къ извѣстному утвержденію. При подобномъ толкованіи первое правило оказывается лишь отрицательнымъ выраженіемъ втораго. Слѣдуетъ также принять въ расчетъ то обстоятельство, что, хотя исключеніе и играетъ у Гершеля весьма большую роль, мы особыхъ разсужденій объ этомъ процессѣ въ его сочиненіяхъ вообще не встрѣчаемъ.—На той же страницѣ читаемъ у Бена: „...he (sc. Herschel)... explains the nature of Empirical Laws, glancing at the fact that they are limited in their application to new cases, without stating more precisely what their limits are.“ Но мы ранѣе видѣли, что Гершель прилагаетъ это названіе только къ обобщеніямъ квантитативнымъ, недостаточно обоснованнымъ. Притомъ въ его понятіи объ эмпирическомъ законѣ не отведено первое мѣсто тому признаку, что это—a derivative law (ср. *John Stuart Mill*, book III, chart. XVI).—Девятое правило прямо напоминаетъ миллевскій методъ остатковъ (*Bain*, II, 409—410, *М. И. Владиславлевъ*, Прилож., 228—224. *М. М. Троицкій*, II, 218—219). Дѣло идетъ, однако, у Гершеля не объ особомъ методѣ, который можно было бы поставить на ряду съ методами совпаденія, разницы и сопутствующихъ измѣненій, а только о томъ, какъ пользоваться при опытныхъ изслѣдованіяхъ обобщеніями, ранѣе установленными. — Нельзя не поставить Гершелю въ заслугу, что онъ обращаетъ вниманіе и на то, какими образомъ мы получаемъ обобщенія квантитативныя.

ченія этого порядка, по мысли автора, составляют лишь подготовительную ступень къ обобщеніямъ причиннымъ, въ тѣсномъ смыслѣ. Но они все же содержаніемъ отличны отъ послѣднихъ и добываются инымъ путемъ. Разсуждая въ этомъ случаѣ о методическихъ приемахъ, Гершель, какъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, болѣе интересуется процессомъ открытія истинъ, чѣмъ способами доказательства. Въ относящихся сюда параграфахъ не говорится и о принципѣ, въ которомъ описываемая индукція должна находить себѣ опору. Какъ явствуетъ однако изъ другихъ мѣстъ трактата, авторъ хочетъ обосновывать даннаго рода заключенія принципомъ порядка въ міровомъ устройствѣ ¹⁾). Если такъ, онъ въ интересующихъ насъ случаяхъ не могъ воспользоваться для индукціи „исключеніемъ“, ибо понятіе о причинности при выводахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не играетъ никакой роли (также, какъ и при индукціи формальной), прилагая же названный приемъ, мы прямо обращаемся къ особенностямъ, которыми должно характеризоваться отношеніе между причиной и слѣдствіемъ. Сказанной постановкѣ дѣла вполне отвѣчаетъ и то обстоятельство, что заключенія не строго причинныя, повидимому, основываются у Гершеля каждый разъ на большомъ количествѣ фактовъ. Ничѣмъ не мотивированное пагромаженіе инстанцій при причинномъ наведеніи заставляетъ предположить влияніе аристотелевскаго взгляда на индукцію; но въ случаяхъ, когда изслѣдуются вообще связи между явленіями, Гершель могъ съ полнымъ правомъ требовать, чтобы мы дѣлали много наблюдений. Принципъ міровой гармоніи не можетъ, какъ сказано, вполне обезпечивать индуктивныя заключенія. Каждый новый благопріятствующій выводу фактъ и увеличиваетъ шансы за то, что данное отношеніе остается постояннымъ и мы не наткнулись на случай, гдѣ обнаруживается въ міровомъ устройствѣ *разнообразіе*, — на отношеніе измѣнчивое ²⁾).

¹⁾ Если бы заключенія въ интересующихъ насъ случаяхъ не опирались ни на какой общій принципъ, это, очевидно, была бы аристотелевская формальная индукція.

²⁾ Мы лишь указываемъ на то обстоятельство, что требованіе — накоплять много наблюдений оправдывается общимъ характеромъ интересующаго насъ процесса. На самомъ же дѣлѣ, Гершель къ подобному требованію, быть можетъ, и въ этомъ случаѣ пришелъ (всецѣло или частью) подъ влияніемъ аристотелевскихъ воззрѣній. — При индукціи, какъ она описывается у Гершеля ранѣе параграфа 145, мы прямо прибѣгаемъ къ процессу отвлеченія (на что Гершель и самъ указываетъ. См. § 89). Но наведеніе при этомъ все же не исчерпывается про-

Развивая ученіе объ индукціи, сравнительно съ беконовскимъ вообще болѣе совершенное, Гершель правильнѣе смотритъ и на подготовительную для наведенія работу, не стремится отдѣлится такъ рѣзко собираиіе матеріала отъ самаго процесса индукціи и далека отъ того, чтобы проповѣдывать „всеобщую естественную исторію“. При этомъ у него выяснено различіе между наблюденіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и опытомъ, и точно опредѣлено значеніе эксперимента.

Невольно останавливаетъ читатель свой интересъ и на широко разработанномъ въ Discourse ученіи о гипотезахъ и ихъ провѣркѣ. Оно однако не свободно отъ недостатковъ. Наиболѣе простой изъ способовъ, какіе примѣняются, когда нужно доказать гипотезу, заключается въ томъ, что изъ нея (какъ изъ положенія общаго, выставленнаго, правда, безъ достаточныхъ основаній) дѣлаютъ рядъ дедуктивныхъ выводовъ относительно частныхъ случаевъ, которые она должна объяснять, и смотрятъ, совпадаютъ-ли эти заключенія съ дѣйствительными фактами. Пусть мы предположили, что гдѣ есть M , присутствуетъ и N . Чтобы подтвердить гипотезу, мы свѣрили бы, дѣйствительно-ли имѣющійся предъ нами случай Q выражается полученной благодаря дедуктивному заключенію ¹⁾ формулой $MxyzqN...$, сравнили бы другой случай R съ $Mx_1y_1s_1rN...$, S съ $Mx_2y_2s_2rN...$ и т. д. Но подобная провѣрка даетъ результаты сомнительные. Истинность заключенія еще не доказываетъ истинности посылокъ, ибо справедливый выводъ можетъ вытекать и изъ посылокъ ложныхъ.

Возьмемъ формулу $\begin{matrix} M-P \\ S-M \\ S-P \end{matrix}$. Возможенъ даже случай, когда $S-P$ окажется истиннымъ, несмотря на ложность обѣихъ посылокъ $M-P$ и $S-M$. Положимъ, M , на самомъ дѣлѣ, не есть P , и S не есть M .

стой абстракціей. Ср. выше объ абстракціи у Бекона (а также у Сократа и Платона).—Едва ли можно говорить, будто Гершель, выставляя требованіе, чтобы мы при изслѣдованіяхъ собирали большое количество фактовъ, имѣетъ въ виду спеціально лишь наведеніе, которое описано у него въ Discourse прежде, чѣмъ онъ даетъ свои девять предписаній, и которое отлично отъ строго причиннаго. Это противорѣчиво бы уже его правиламъ первому, второму и пятому (настоящее замѣчаніе — *mutatis mutandis* — сохранять свою силу и тогда, когда дѣло идетъ относительно гершеленскаго ученія о провѣркѣ гипотезъ).

¹⁾ Выводъ этотъ гласилъ бы, положимъ:

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ есть M , есть и N .

Въ случаѣ Q есть M (иначе говоря, $Q = Mxyzq...$).

Слѣдовательно, въ случаѣ Q есть и N ($Q = MxyzqN...$).

Если въ то же время предикать P можно приписать субъекту N , а S есть N , получаемъ, вмѣсто даннаго, слѣдующій силлогизмъ, гдѣ

и посылки, и выводъ истинны: $\begin{matrix} N-P \\ S-N \\ S-P \end{matrix}$. Напримѣръ:

I. Схоластическія сочиненія отличаются глубиною мысли.

Сочиненія Аристотеля—схоластическія.

Ergo сочиненія Аристотеля отличаются глубиною мысли.

II. Истинно философскія сочиненія отличаются глубиною мысли.

Сочиненія Аристотеля—истинно философскія.

Слѣдовательно, они отличаются глубиною мысли ¹⁾. Примѣняя описанный способъ доказательства, нельзя быть увѣреннымъ въ истинности заключенія, если бы даже удалось обозрѣть всѣ инстанціи, на которыя гипотеза распространяется (а въ видѣ гипотезы выставляють обыкновенно положеніе адіористически-общее, такъ что полный пересмотръ инстанцій, на самомъ дѣлѣ, невозможенъ). Пусть мы встрѣтили явленіе, несогласное съ построеннымъ предположеніемъ; тѣмъ самымъ гипотеза опровергалась бы. Такимъ образомъ всякій разъ, когда мы свѣрлемъ выставленное общее положеніе со вновь наблюдаемымъ случаемъ, уменьшается у насъ на единицу число инстанцій, контрадикторность которыхъ можетъ быть обнаружена приложеніемъ интересующаго насъ приѣма провѣрки, и лишь постольку и увеличиваются съ каждымъ принятымъ во вниманіе явленіемъ шансы за достовѣрность обобщенія. Но всякая изъ инстанцій, которая мы подобному пересмотру подвергли, все же можетъ оказаться противорѣчащей сдѣланному предположенію. Указанный несовершенный способъ провѣрки, какъ мы выше упоминали, замѣняется тѣмъ, что изслѣдователь, выставивъ обобщеніе предположительно, съ цѣлью его доказать снова прибѣгаетъ къ индукціи. Ставя такъ дѣло, обращаются, конечно, всякій разъ къ фактамъ, которые гипотеза

¹⁾ Мы указываемъ лишь на случай, особенно характерный. Нечего и говорить, что можно подыскать силлогизмы, гдѣ заключеніе справедливо, несмотря на ложность одной изъ посылокъ. Пусть, напримѣръ, P составляетъ differentiam specificamъ объектовъ S , а M — понятіе, которому S подчинено. Тогда выводъ $S - P$ и меньшая посылка $S - M$ были бы истинны, а большая посылка $M - P$ оказалась бы ложной.

Всѣ существа въ мірѣ разумны.

Человѣкъ—существо.

Ergo человѣкъ существо разумное.

стремится объяснить. Самый индуктивный выводъ можетъ при этомъ носить различный характеръ ¹⁾, и этимъ опредѣляется между прочимъ и значеніе, какое въ отдѣльныхъ случаяхъ нужно придавать количеству обозрѣваемыхъ при провѣркѣ инстанцій. У Гершеля едва-ли возможно признать достаточно опредѣленное понятіе о способахъ, которыми гипотезы провѣряются. Какъ мы видѣли, онъ обнаруживаетъ тенденцію свести доказываніе къ операцин наведенія, причемъ однако не остается вѣрнымъ „новой“ точкѣ зрѣнія на индуктивный процессъ и дѣлаетъ уступки въ пользу индукціи формальной. Въ то же время онъ склоненъ прибѣгать къ приему несовершенному и просто свѣрять съ фактами тѣ выводы, которые можно получить, если принять построенное предположеніе за исходную посылку ²⁾. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на одно частное обстоятельство. Какъ выше упомянуто, Гершель придаетъ особое значеніе подтверждающимъ фактамъ, когда они заранѣе предсказываются. Но въ подобныхъ случаяхъ мы лишь дѣлаемъ изъ предположительно выставленнаго обобщенія дедуктивные выводы, прежде чѣмъ наступаютъ самыя явленія, съ которыми ихъ необходимо свѣрить. Такимъ образомъ тутъ примѣняется описанный несовершенный способъ провѣрки, и указываемыя условія не могутъ измѣнить результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ. Каково бы ни было содержаніе вывода, — идетъ ли въ немъ дѣло о прошедшемъ или настоящемъ, или же о будущемъ, истинность заключенія одинаково мало свидѣтельствуетъ объ истинности посылокъ.

Наконецъ, Гершель, въ противоположность Бекону, признаетъ значеніе дедукціи ³⁾. Въ девятомъ предписаніи у него прямо указы-

¹⁾ Индукція можетъ оставаться чисто формальной (чего обыкновенно не бываетъ) или опираться на напередъ выставленный отвлеченный принципъ. Въ послѣднемъ случаѣ наведеніе бываетъ строго причиннымъ или же основывается лишь на принципѣ міроваго порядка вообще и принадлежитъ къ иному типу.

²⁾ Когда примѣняется этотъ послѣдній способъ провѣрки, то можетъ сказаться „that we are compelled to admit one of two things; either that it is an actual statement of what really passes in nature, or that the reality, whatever it be, must run so close a parallel with it, as to admit of some mode of expression common to both, at least in so far as the phenomena actually known are concerned“ (Disc., § 208).—Ср. *John Stuart Mill*, b. III, chap. XIV.—Когда Гершель говоритъ объ индукціи въ абстрактныхъ наукахъ, онъ, быть можетъ, и имѣетъ въ виду обобщенія, послѣдшне построеныя, которыя мы потомъ постоянно продолжаемъ провѣрять чрезъ процессъ формальной индукціи.

³⁾ Ср. *Bain*, II, 409—411. *М. П. Владиславскіи*, Прилож. 224. Ср. Disc., § 96.

вается, какъ упрощать процессъ наведенія, дѣлая изъ обобщеній, уже установленныхъ, дедуктивныя выводы. При провѣркѣ гипотезъ онъ также хочетъ пользоваться дедукціей ¹⁾). Впрочемъ, относительно дедукціи въ широкомъ смыслѣ (когда она прилагается не въ видѣ приѣма, лишь вспомогательнаго при наведеніи или провѣркѣ гипотезъ, которыми строгая индукція обыкновенно замѣняется) необходимо замѣтить, что Гершель примѣненія ея отнюдь не отрицаетъ, но все же говоритъ о ней глухо, между тѣмъ какъ сочиненіе его посвящено не спеціально ученію объ индукціи, а вообще вопросу о методическихъ приѣмахъ, употребляемыхъ въ естествознаніи.

II. Лейбницъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Самая операція объясненія явленій изъ такой или иной гипотезы—лечего и говорить—представляетъ процессъ дедукціи.

ГИМНАЗІЯ ВЫСШИХЪ НАУКЪ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НЪЖИНЪ.

I.

Обстоятельства, предшествовавшія открытію гимназіи. — Первый почетный попечитель и его дѣятельность относительно гимназіи до ея открытія. — Уставъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко.

Первая половина царствованія императора Александра I была ознаменована усиленнымъ стремленіемъ правительства къ распространенію просвѣщенія. Министерство народнаго просвѣщенія, учрежденное въ 1802 году, одновременно съ семью другими министерствами, съ самаго же начала своего существованія привлекло къ себѣ особенное личное вниманіе молодого и благороднонастроеннаго Государя. Однимъ изъ главныхъ органовъ этого министерства было „главное управленіе училищъ“, замѣнившее собою существовавшую еще съ 1782 года „комиссію“ по народному образованію, которая въ первые годы новаго царствованія выработала общій планъ устройства учебнаго дѣла въ имперіи, Высочайше утвержденный 24-го января 1803 года. Глава министерства получилъ названіе „министра народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“, въ чемъ можно видѣть желаніе правительственной власти поставить дѣло „просвѣщенія“ на широкія основанія и дать ему характеръ и смыслъ такой общегосударственной потребности, которая вытекаетъ не изъ тѣсныхъ интересовъ того или инаго сословія, но изъ условій жизни и благоденствія всего русскаго народа. вмѣстѣ съ дѣятелями прежняго царствованія, графомъ П. В. Завадовскимъ и М. П. Муравьевымъ, изъ которыхъ первый былъ назначенъ на постъ министра, а второй—его товарища, Государемъ привлечены были къ

дѣлу народнаго просвѣщенія и ближайшіе друзья его—князь А. А. Чарторыжскій, графъ П. А. Строгановъ, Н. П. Новосильцевъ. Эти лица составляли интимный кружокъ Государя, который при его содѣйствіи приводилъ въ исполненіе свои смѣлые и энергическіе планы и начинанія касательно укрѣпленія и распространенія въ Россіи просвѣщенія ¹⁾). Ближайшимъ результатомъ дѣятельности „главнаго управленія училищъ“ было утвержденіе въ 1803 году, 18-го мая и 12-го сентября, уставовъ Виленскаго и Дерптскаго университетовъ, а 5-го ноября 1804 года былъ утвержденъ новый типъ университетскаго устава, по которому былъ преобразованъ Московскій университетъ, получившій новую внутреннюю организацію и увеличеніе матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ и то и другое самымъ выгоднымъ образомъ отразилось на жизни и характерѣ дѣятельности этого учрежденія. Въ 1805 году съ тѣмъ же уставомъ основано было два новыхъ университета, Харьковскій и Казанскій.

Чрезвычайныя усилія правительства, не жалѣвшаго средствъ для поднятія просвѣщенія въ государствѣ, послужили примѣромъ для подражанія частнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ, которыя спѣшили приносить огромныя денежныя и имущественныя жертвы для учрежденія учебныхъ заведеній. Въ виду того, что дѣятельность „главнаго управленія училищъ“ была направлена главнымъ образомъ на высшія учебныя заведенія, и наиболѣе крупныя пожертвованія также обращались всего скорѣе на этотъ предметъ: нельзя умолчать тутъ въ особенности о громадныхъ пожертвованіяхъ дворянства Харьковской и Екатеринославской губерній на Харьковскій университетъ и щедрыхъ дарахъ П. Д. Демидова въ пользу Московскаго университета и на основаніе „высшаго училища“ въ Ярославѣ ²⁾).

Къ этой же порѣ благородныхъ просвѣтительныхъ стремленій относится и весьма значительное пожертвованіе, давшее начало существованію въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія.

Знаменитый вельможа Екатерининской эпохи, ближайшее доверенное лицо императрицы Екатерины, любимецъ императора Павла,

¹⁾ *М. И. Сухомяковъ*. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I, С.-Пб. 1889, стр. 4—5, 7—13.

²⁾ *Богдановичъ*. Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Т. I, стр. 155—157; *Аристовъ*. Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко. Т. III, 1879, стр. 91—94.

государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ людей своего времени, въ „Запискѣ для моего духовнаго завѣщанія“, относящейся къ послѣднему (1799) году его жизни, въ пунктѣ 7-мъ, писалъ: „Изъ доходовъ моихъ отлагать въ первыя пять лѣтъ по десяти тысячъ, для того что тутъ надобно разные долги платить, а потомъ по двадцати тысячъ въ теченіе осьми лѣтъ, внося ихъ въ ломбардъ, а изъ суммы сей и составить доходы *на содержаніе богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ*, гдѣ угодно будетъ правительству приказать“¹⁾. По смерти князя А. А. Безбородка всѣ имуществы его унаслѣдовалъ его братъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко, такъ какъ князь Александръ Андреевичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Формальнаго духовнаго завѣщанія покойный не оставилъ, и потому желаніе касательно устройства богадѣленъ, выраженное въ приведенномъ пунктѣ „Записки“, по разнымъ личнымъ обстоятельствамъ графа Ильи Андреевича, не получило немедленнаго исполненія.

Добросердечный, щедрый и высокочтившій память знаменитаго брата, но много уступавшій ему въ энергіи и подвижности, графъ Илья Андреевичъ только черезъ шесть лѣтъ получилъ возможность ближайшимъ образомъ вникнуть въ дѣла и желанія покойнаго князя и сталъ обдумывать средства для приведенія въ исполненіе благотворительныхъ намѣреній брата. Въ этомъ онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ графа В. П. Кочубея, своего и князя Александра Андреевича племянника, воспитаннаго въ домѣ покойнаго канцлера и имъ облагодѣтельствованнаго, бывшаго впоследствии председателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ при императорѣ Николаѣ I и умершаго въ 1834 году въ званіи государственнаго канцлера по внутреннимъ дѣламъ. Въ совѣщаніяхъ принимали участіе еще князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и О. Ст. Судіенко, повѣренный въ завѣдываніи имѣніями графа Безбородко, другъ его дома и свѣтникъ. Графъ Илья Андреевичъ не только готовъ былъ исполнить желаніе брата относительно определенной имъ на благотворительную цѣль суммы, но пожелалъ и со своей стороны эту сумму увеличить; вопросъ былъ только въ томъ, въ какой именно формѣ эту цѣль осуществить. Такъ какъ воля покойнаго князя объ устройствѣ богадѣленъ была выражена не формально, а

¹⁾ *Н. Григорьевъ*. Канцлеръ князь А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. Т. II. С.-Иб. 1881, стр. 647.

лишь только въ частной „Запискѣ“, а между тѣмъ въ это время и умы правительственныхъ лицъ, во главѣ съ Государемъ, и частныхъ лицъ были обращены на вопросы народнаго просвѣщенія, и съ разныхъ сторонъ сыпались крупныя пожертвованія на высшія просвѣдательныя цѣли, то весьма естественно, что исполнителямъ воли князя Александра Андреевича, не выходя изъ рамки широко-благотворительныхъ предначертаній покойнаго, пришло на мысль послѣдовать въ данномъ случаѣ общему примѣру, и вотъ въ апрѣлѣ 1805 года графъ В. П. Кочубей такъ писалъ графу Ильѣ Андреевичу Безбородко: „Усердствуя съ ними (то-есть съ княземъ А. Б. Куракинскимъ и Судіенкомъ) виѣстѣ, чтобъ предположеніе Ваше наилучшимъ образомъ устроено быть могло, мы много разсуждали, какое бы именно общепользное заведеніе имени покойнаго князя посвящено быть могло. Призрѣнія бѣдныхъ, богадѣльни, больницы, малыя училища вездѣ или есть, или къ основанію назначены; итакъ, что было избрать для употребленія капитала вашего? Мы обратились на примѣръ г. Демидова, который въ Ярославлѣ учредилъ гимназію высшихъ наукъ, то-есть, училище нѣкоторымъ образомъ университету соотвѣтственное, и разсуждали, что какъ Малороссія университета не имѣетъ ¹⁾, да и дворянскія училища, на кои въ обѣихъ губерніяхъ до милліона дать хотѣли, состояться не могутъ, бывъ несообразны общей системѣ для училищъ принятой, то существенная польза для края сего быть можетъ, если вы соорудите подобное заведеніе“. Въ этомъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, графъ Кочубей касается и мѣста въ Малороссіи, предназначеннаго для устройства тамъ гимназіи высшихъ наукъ, причемъ присоединяетъ горячее свое желаніе, чтобы не только по содержанію, но и по размѣрамъ своимъ пожертвованіе было вполне достойно имени покойнаго князя: „Смѣю просить Васъ, чтобъ, если Вы на что-либо рѣшитесь, то чтобы уже по возможности не умалять назначеній вашихъ, и лучше уже ничего не предпринимать, нежели сдѣлать что-нибудь неполное. Городъ весь говоритъ уже о пожертвованіи вашемъ... Я осмѣливаюсь также припомнить, чтобы присланъ былъ при письмѣ Вашемъ и планъ дому вашего и саду въ Нѣжинѣ. Мѣсто сіе такъ хорошо, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ покажется оно раемъ небеснымъ. Я признаюсь, что и самъ я былъ прельщенъ онымъ въ про-

¹⁾ Харьковскій университетъ былъ тогда только еще накануне своего существованія.

ѣздъ въ чужіе края и теперь удивляюсь, какъ въ Малой Россіи такой садъ аглицкій есть¹⁾). Результатомъ добрыхъ намѣреній графа Илья Андреевича Безбородка, а также этихъ стараній и со-вѣтовъ близкихъ къ нему людей, была всеподданнѣйшая записка графа 19-го іюля 1805 года. Упомянувъ въ ней вначалѣ объ оставшейся „Запискѣ для составленія духовнаго завѣщанія“ князя Безбородка, въ которой покойный выразилъ желаніе употребить известную часть своихъ средствъ на дѣла благотворенія, графъ Безбородко пишетъ: „Получивъ въ наслѣдство имѣніе покойнаго брата моего, не могъ я до сихъ поръ, по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ, привести сего предположенія его въ дѣйствіе. Теперь, желая исполнить оное въ точности и обратить сіе пожертвованіе наиболѣе полезнѣйшимъ образомъ для общества, я купно разсуждалъ, что нигдѣ удобнѣе оно употреблено быть не можетъ, какъ въ Малороссіи, отчизнѣ покойнаго моего брата. Въ семъ предположеніи я изыскивалъ, на какое бы именно полезное заведеніе сумма сія, которую я взнести располагаюсь, обращена быть могла; и находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и еще предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества къ распространенію просвѣщенія сообразнѣе быть можетъ устроить въ Малороссіи на счетъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь еще не существуетъ, и отъ котораго можно ожидать великой пользы какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другаго состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя, и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества“. Далѣе исчисляются жертвуемые на это дѣло денежные средства: согласно „Запискѣ“ покойнаго канцлера, графъ Безбородко вноситъ за истекшія шесть лѣтъ сумму въ 70.000 р., а съ причитающимися на нее по 1805 годъ процентами—81.920 р.; въ послѣдующія семь лѣтъ даетъ обязательство вносить ежегодно по 20.000 р. Къ этому пожертвованію брата графъ Илья Андреевичъ присоединилъ отъ себя: мѣсто съ садомъ въ г. Нѣжинѣ для постройки зданія и заготовленный для строенія матеріалъ, а затѣмъ ежегодный взносъ „на вѣчныя времена“ по 15.000 р.; въ обезпеченіе чего представилъ свое недви-

¹⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 301—302.

жимое близъ Нѣжина имѣніе въ 3.000 душъ (Носовка и Беркіевка), на доходы съ котораго въ означенномъ размѣрѣ право навсегда отдавалось Нѣжинскому высшему училищу. Въ концѣ записки графъ Безбородко испрашивалъ, чтобы предполагаемое училище было устроено въ Нѣжинѣ и чтобы оно наименовано было „гимназія высшихъ наукъ“ ¹⁾. Записка шла къ государю черезъ графа Кочубея, который по этому поводу писалъ графу Ильѣ Андреевичу: „Преисполненный полного удовольствія я, не мѣшкая нимаю, поднесъ письмо ваше Его Величеству и имѣлъ также полную пріятность видѣть, что подвигъ вашъ былъ принятъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ“ ²⁾. Выраженіемъ этого благоволенія былъ императорскій указъ Сенату отъ 29-го іюля 1805 года, которымъ пожертвованіе графа Безбородко утверждалось по всѣмъ пунктамъ, выраженнымъ въ запискѣ жертвователя, графу Ильѣ Андреевичу пожалованъ орденъ Владиміра первой степени, и повелѣно было въ залѣ собраній будущей гимназіи поставить бюсты обоихъ братьевъ—жертвователей ³⁾. Учреждаемому учебному заведенію дано названіе „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко“ ⁴⁾, въ чемъ выражена скромная признательность и уваженіе къ памяти покойнаго канцлера какъ самого графа Ильи Андреевича, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, графа Кочубея и князя Куракина ⁵⁾.

Немедленно послѣ этого приступлено было къ постройкѣ зданія для гимназіи, стоимость котораго, при заготовленномъ ранѣе матеріалѣ, крѣпостномъ трудѣ и другихъ видахъ содѣйствія со стороны имѣній графа Безбородка „натурою“, достигла весьма солидной цифры 604.034 р. Постройка эта потребовала цѣлый рядъ лѣтъ, и графу Ильѣ Андреевичу, скончавшемуся 3-го іюня 1815 года, не пришлось увидать начала ученія. Послѣ него не осталось мужскаго потомства, а лишь — двѣ дочери, одна въ замужествѣ за княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая, Любовь Ильинична, за графомъ Г. Г. Кушелевымъ; отъ этого послѣдняго брака родился сынъ Александръ Григорьевичъ, которому позднѣе, но еще при жизни его отца, повелѣно было именованъ Высочайшимъ указомъ называться

¹⁾ П. С. З. т. XXVIII, № 21, 852.

²⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 303.

³⁾ П. С. З. т. XXVIII, стр. 1142.

⁴⁾ П. С. З. т. XXVIII, стр. 1144.

⁵⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 304.

впредь графомъ Кушелевымъ-Безбородко „во уваженіе къ отличному служенію покойнаго князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившаго, дабы знаменитая заслугами фамилія сія съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угасла, но, паки обновясь, пребыла навсегда въ незабвенной памяти російскаго дворянства“. Это и былъ первый почетный попечитель гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, при которомъ начала она свое дѣйствительное существованіе.

Личность графа А. Гр. Кушелева-Безбородка, кончившаго свое службное поприще въ должности государственнаго контролера, высоко замѣчательна. Старый графъ Г. Г. Кушелевъ употребилъ всѣ средства, чтобы дать своему сыну блестящее образованіе. По окончаніи въ 1816 году ученія въ благородномъ пансіонѣ при Царско-сельскомъ лицей, молодой графъ Кушелевъ-Безбородко немедленно подвергся экзамену въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, а затѣмъ вскорѣ былъ удостоенъ отъ Московскаго университета степени доктора этико-политическихъ наукъ; образованіе свое окончилъ онъ продолжительнымъ путешествіемъ за границу, въ которое отправился 8-го августа 1818 года съ исходатайствованнымъ ему отцомъ дипломатическимъ порученіемъ. Во время этого путешествія между отцомъ и сыномъ велась оживленная переписка, изъ которой видно, съ какою пользою для своего образованія проводилъ молодой графъ, слѣдуя наставленіямъ отца, свое заграничное время, знакомясь въ выдающимися писателями и учеными, усердно занимаясь въ библіотекахъ и музеяхъ, покупая книги. Переписка эта продолжалась и по возвращеніи молодаго путешественника, 22-го августа 1819 года, въ Петербургъ, такъ какъ отецъ его продолжалъ до самой смерти своей жить въ своемъ имѣніи Краснополцахъ, Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ этой перепискѣ весьма часто идетъ рѣчь о Нѣжинской гимназій высшихъ наукъ. Отецъ всячески побуждалъ графа Александра Григорьевича добиться позволенія фактически открыть это учебное заведеніе, да и сынъ не жалѣлъ усилій, идя къ той же цѣли. Участникомъ и вліятельнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ высшей властью опять былъ тутъ гр. В. П. Кочубей. Но окончанію дѣла мѣшали многія обстоятельства, изъ которыхъ главнымъ, кажется, было то, что вниманіе высшаго учебнаго начальства въ это время было отвлечено другими важными дѣлами: 19-го октября 1811 года былъ основанъ Царско-сельскій лицей, существованіе котораго вызвало въ послѣдующіе за-

тѣмъ годы много дополнительныхъ распоряженій касательно этого учебнаго заведенія, находившагося подъ особымъ покровительствомъ Государя; 2-го мая 1817 года утверждено было существованіе Ришельевского лицея въ Одессѣ; 18-го января 1819 года объявлено было о переименованіи Волынской гимназіи въ лицей; 8-го февраля 1819 г. учрежденъ С.-Петербургскій университетъ; мы не говоримъ уже объ естественныхъ и многообразныхъ заботахъ касательно недавно открытыхъ университетовъ въ Харьковѣ и Казани и получившихъ свое начало въ томъ же 1805 году училищъ правовѣдѣнія и Демидовскомъ Ярославскомъ „училищъ высшихъ наукъ“. Открытіе Нѣжинской гимназіи замедлялось отчасти и тѣмъ, что графъ Кушелевъ-Безбородко, сильно заинтересованный въ наилучшемъ устройствѣ этого учебнаго заведенія, принималъ самое дѣятельное личное участіе въ выработкѣ проекта устава и, недовольный проектомъ, который представилъ гр. Кочубей въ комитетъ министровъ, писалъ на него свои замѣчанія, мотивировка которыхъ требовала частыхъ свиданій и переговоровъ съ разными лицами, что сдѣлалось особенно затруднительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1819 г. гр. Кочубей призванъ былъ къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что въ декабрѣ этого года гр. А. Гр. Кушелевъ-Безбородко писалъ къ отцу: „Дѣло о гимназіи совѣмъ нейдетъ впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Кочубей принялъ министерство, онъ отговаривается дѣлами, а отстать отъ него теперь нельзя. Я все его понуждаю; не знаю, скоро ли окончится?“ ¹⁾. Наконецъ, благодаря связямъ и усиленнымъ стараніямъ, графъ А. Гр. Кушелевъ-Безбородко добился того, что до утвержденія устава гимназіи, по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. П. Голицына, Высочайшимъ рескриптомъ 19-го апрѣля 1820 года повелѣно было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свое дѣйствительное существованіе „на одинаковыхъ съ Ярославскимъ Демидовскимъ высшихъ наукъ училищемъ правахъ въ отношеніи къ чиновникамъ и воспитанникамъ онаго; въ разсужденіи же ученія—на основаніи, предположенномъ главнымъ правленіемъ училищъ“. Этими же рескриптомъ гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко былъ назначенъ почетнымъ попечителемъ новаго учебнаго заведенія, которому въ учебно-административномъ отношеніи назначено было состоять „подъ непосредственнымъ вѣдом-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко. Изд. 2-е. С.-Пб. 1881, стр. 173.

ством⁴ попечителя Харьковскаго учебнаго округа¹). Изъ доклада же министра видно, что гр. Кушелевъ-Безбородко первоначально хлопоталъ о наименованіи Нѣжинскаго учебнаго заведенія „лицеемъ“, но ходатайство это не было уважено какъ въ силу Высочайшаго указа 29-го іюля 1805 года, такъ и по той мотивировкѣ министерства, свидѣтельствующей о недавнемъ поворотѣ въ его взглядахъ, что „учрежденіе вновь лицеевъ гдѣ бы то ни было, не согласуется съ общепринятою главнымъ правленіемъ училищъ системою народнаго просвѣщенія въ государствѣ“²); касательно же учебнаго устройства гимназіи въ министерскомъ докладѣ, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, находится слѣдующій единственный пунктъ: „учебные предметы, приличные сего рода заведеніямъ, распредѣлить на три трехлѣтія такимъ образомъ, чтобы они продолжались постепенно въ трехъ разрядахъ по удобности, относя преподаваніе высшихъ наукъ къ послѣднему разряду или трехлѣтію“³).

Такъ предоставлено было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свою учебно-воспитательную дѣятельность безъ окончательно утвержденнаго устава—единственно по довѣрію власти къ личности высоко-просвѣщеннаго и заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ почетнаго попечителя, который въ свою очередь опирался на другую личность, къ тому времени пріобрѣтшую уже почетную извѣстность среди высшей учебной администраціи и предназначенную для занятія мѣста перваго директора гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко: это былъ В. Г. Кукольникъ, принимавшій дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта устава гимназіи, вмѣстѣ съ гр. Кушелевымъ-Безбородко и гр. Кочубеемъ⁴). Хотя уставъ гимназіи былъ утвержденъ лишь значительно позднѣе, 19-го февраля 1825 года, но въ виду того, что и первый директоръ ея и почетный попечитель уже гораздо раньше были знакомы съ его проектомъ, согласно которому было начато и ведено дѣло какъ В. Г. Кукольниковъ, такъ и его преемникомъ по директорству⁵), намъ кажется умѣстнымъ здѣсь же указать на главнѣйшія статьи этого устава, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію

¹) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. С.-Пб. 1864, ст. 1244.

²) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 1242.

³) Тамъ же, I, 1243.

⁴) Гимназія высшихъ наукъ, стр. 172.

⁵) Въ журналахъ конференціи и другихъ официальныхъ документахъ гимназіи прямо дѣлались ссылки на параграфы „проекта“.

самоѣ жизни вновь учрежденнаго учебнаго заведенія, для котораго этотъ уставъ долженъ былъ имѣть руководящее значеніе.

Положеніе гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко и цѣль ея основанія по уставу ¹⁾ опредѣляется такъ:

„Гимназія сія есть публичное учебное заведеніе. Она состоитъ между учебными заведеніями въ числѣ занимающихъ первую степень послѣ университетовъ, въ имперіи существующихъ, и отличается предъ губернскими гимназіями какъ высшею степенью преподаваемыхъ въ ней наукъ, такъ и особенными Нами ей дарованными правами и преимуществами“ (§ 3).

„Цѣль учрежденія сего заведенія, согласно съ благотворнымъ намѣреніемъ первыхъ основателей онаго, состоитъ въ томъ, чтобы въ Малороссійскомъ краю, мѣстѣ ихъ рожденія, доставить всѣмъ и особенно неимущимъ дворянамъ и другаго состоянія жителямъ удобность при воспитаніи ихъ дѣтей въ благочестивыхъ правилахъ, приобрѣсти свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ, полезныхъ для каждаго человѣка, и на послѣдокъ въ высшихъ наукахъ, служащихъ приуготовленіемъ юношества на службу государству“ (§ 4).

Составъ учащихся опредѣлялся: а) изъ 24 воспитанниковъ на счетъ доходовъ гимназіи, предоставленныхъ ей жертвователями, б) трехъ—изъ дѣтей военныхъ чиновниковъ на счетъ особо назначенной для того суммы, в) вольныхъ пансіонеровъ не свыше 150, г) приходящихъ лишь на уроки въ гимназію, но живущихъ въ городѣ: число послѣднихъ не опредѣлено (§ 7).

Продолженіе учебнаго курса въ гимназіи опредѣлено было въ девять лѣтъ, причемъ относительно предметовъ онъ раздѣлялся на три разряда или трехлѣтія (§ 6), но самое распределеніе предметовъ на годы и классы не установлено, а предоставлено на усмотрѣніе начальства и преподавателей, которые будутъ сообразоваться въ такомъ случаѣ „съ обстоятельствами и точною потребностію обучающихся“ (§ 16). Предметами обученія въ гимназіи должны быть: законъ Божій; языки и словесность руссійская, латинская, греческая, нѣмецкая и французская; географія и исторія; науки физико-математическія, политическія, военныя; танцованіе, рисованіе и черченіе (§ 10). „Правственное“ управленіе гимназіей возложено на дирек-

¹⁾ Напечатанъ въ „Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, 1-е изд. въ Дополненіи (С.-Пб. 1867), стр. 208—226, 2-е изд., т. I (С.-Пб. 1875), ст. 1817—1885.

тора, съ помощію инспектора и надзирателей (§ 30), „учебное“—на директора вмѣстѣ съ конференціею, состоящею изъ законоучителя и профессоровъ (§ 47), „хозяйственное“—на правленіе гимназіи, состоящее изъ директора, инспектора и одного изъ профессоровъ (§ 52). наконецъ, „полицейское“—на директора (§ 62). Права окончившихъ курсъ гимназіи опредѣлены такъ: „Воспитанники гимназіи и обучавшіеся въ оной, получивъ аттестаты о совершенномъ окончаніи полнаго курса, предписаннаго снмъ уставомъ, и съ показаніемъ въ ономъ отличныхъ успѣховъ въ благоправіи и наукахъ, поступаютъ въ гражданскую службу: удостоенные званія кандидатовъ—двѣнадцатымъ, званія же студента—четырнадцатымъ классомъ. Кандидаты и студенты, поступающіе изъ сей гимназіи въ службу военную, пользуются правомъ студентовъ университетскихъ. Аттестаты, полученные отъ сей гимназіи, имѣютъ равную силу съ аттестатами, выдаваемыми отъ россійскихъ университетовъ, и освобождаютъ получившихъ оныя отъ испытанія для производства въ высшіе чины“ (§ 72).

II.

Начало ученія въ гимназіи.—Директорство В. Г. Кукольника.

Василій Григорьевичъ Кукольникъ (род. въ 1765 г.), первый директоръ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, родомъ карпаторуссъ, профессоръ Замосцьскаго лицея, приобрѣтшій въ своемъ отечествѣ репутацію разносторонне-образованнаго и ученаго человѣка, вызванъ былъ на русскую службу попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцевымъ, по совѣту другаго карпаторусса И. С. Орлая, переселившагося въ Россію нѣсколько раньше, и бывшаго впоследствии преемникомъ Кукольника по директорству въ Нѣжинской гимназіи. По прибытіи въ Россію, В. Г. Кукольникъ вскорѣ, 6-го августа 1803 года, былъ назначенъ профессоромъ физики въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ; съ основаніемъ училища правовѣднія, въ 1805 году, онъ приглашенъ былъ читать тамъ римское право; былъ затѣмъ членомъ особаго комитета, учрежденнаго въ 1809 году при Педагогическомъ институтѣ для производства экзаменовъ на чины; въ 1813—1817 гг. преподавалъ римское и гражданское русское право великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ; въ 1819 году назначенъ онъ былъ пред-

сѣдателемъ временной конференціи только что основаннаго Петербургскаго университета, и общій голосъ называлъ его будущимъ первымъ ректоромъ этого учрежденія. Но болѣзненное состояніе его самого и любимой дочери побудили его пренебречь видами на почетное служебное положеніе въ столицѣ и склониться на приглашеніе гр. А. Г. Кушелева-Безбородко, желавшаго видѣть Кукольника первымъ директоромъ вновь основываемой гимназіи въ Нѣжинѣ. Мы уже знаемъ, что Василій Григорьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ гимназическаго устава, и, по назначеніи своемъ въ Нѣжинъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ почетнаго попечителя и высшаго начальства, еще до выѣзда изъ Петербурга приступилъ къ выполненію своихъ новыхъ обязанностей: выбиралъ по своему усмотрѣнію преподавателей и закупалъ все необходимое для первоначальнаго обзаведенія гимназіи. Уволенный отъ обязанностей при Петербургскомъ университетѣ 21-го іюля 1820 года, онъ уже 5-го августа съ семействомъ выѣхалъ изъ столицы, а въ концѣ того же мѣсяца былъ въ Нѣжинѣ.

Съ самаго же начала В. Г. Кукольнику пришлось взить на себя чрезвычайно много работы. Прежде всего, выѣшная сторона устройства новаго учебнаго заведенія всецѣло легла на директора; эконома вначалѣ не было, и только благодаря внимательности графа на эту должность вскорѣ было опредѣлено особое лицо; не было бухгалтера, и его обязанности, при весьма значительной официальной и полуофициальной перепискѣ, директоръ долженъ былъ исполнять самъ; самому нужно было заботиться о наймѣ прислуги, заказывать мебель и проч. Главное же—внутреннее устройство гимназіи, составъ преподавателей и учениковъ. Ранѣе приглашенные преподаватели медлили своимъ пріѣздомъ, а между тѣмъ еще въ сентябрѣ 1820 года въ гимназію явилось значительное количество молодыхъ людей, привезенныхъ родителями или родственниками изъ ближнихъ, а иногда и изъ дальнихъ мѣстъ. Нужно было спѣшить съ открытіемъ ученья, чтобы не оставлять эту молодежь въ бесполезной праздности, причемъ далеко не одинаковыя познанія явившихся представляли трудно одолжимыя препятствія для сколько-нибудь правильнаго распредѣленія учениковъ по классамъ: иные явились изъ дому почти безъ всякихъ познаній, а иные, прежде учась въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладали уже значительнымъ запасомъ знаний; кромѣ того, познанія въ языкахъ у однихъ и тѣхъ же учениковъ далеко несоотвѣтствовали ихъ познаніямъ въ предметахъ. Директоръ почелъ нужнымъ, при

помощи своихъ немногихъ помощниковъ, произвести сначала предварительное испытаніе всѣмъ явившимся, а потомъ—имѣя въ виду ихъ собственную пользу—распорядился до официального открытія гимназическихъ классовъ, чтобы наставники предварительно занялись съ нѣкоторыми, наиболѣе ревностными, учениками для уравнианія ихъ знаній съ знаніями другихъ и такимъ образомъ для болѣе правильнаго распредѣленія учащихся по классамъ; при этомъ негласномъ и такъ-сказать полудомашнемъ обученіи, предпринятомъ не по формальной обязанности, а лишь по чистѣйшему и вполнѣ бескорыстному убѣжденію въ пользу дѣла, только законъ Божій, французскій и нѣмецкій языки и рисованіе поручилъ онъ находившимся на лицо преподавателямъ; главнѣйшіе же предметы—латинскій языкъ, русскую грамматику, арифметику, исторію и географію—директоръ взялъ на себя ¹⁾. Наконецъ, чрезвычайнаго вниманія и энергическаго труда требовало устройство гимназическаго пансіона и надзоръ за нимъ. Отношеніе В. Г. Кукольника къ своимъ обязанностямъ было, можно сказать, идеальное, вполнѣ соотвѣтствовавшее тому высокому мнѣнію, которое имѣлъ о немъ не только почетный попечитель, но и попечитель Харьковскаго учебнаго округа Э. Я. Карпѣвъ, который въ отвѣтъ на извѣстіе Кукольника о своемъ пріѣздѣ въ Нѣжинъ, писалъ ему: „будучи удостовѣренъ въ отличныхъ вашихъ достоинствахъ, я сердечно радъ, что Богъ благословилъ имѣть мнѣ васъ помощникомъ въ устроеніи такого учебнаго заведенія, которое обѣщаетъ великую для малороссійскаго края пользу“ ²⁾.

Совершенно непосильные труды, принятые на себя Кукольниковъ въ должности директора гимназіи; многія крупныя и мелкія непріятности, неизбѣжныя при организаціи такого сложнаго и нелегкаго дѣла, какъ устройство новаго учебнаго заведенія; наконецъ, полная отчужденность отъ привычнаго круга ученыхъ и образованныхъ друзей, оставленныхъ въ Петербургѣ,—были достаточны для того, чтобы, при слабомъ здоровьи Кукольника, онъ впалъ въ тяжелое состояніе душевной тоски и отчаянія, которыя, по словамъ его сына Н. В. Кукольника, увлекли его, путемъ насильственной смерти въ при-

¹⁾ *Н. Лавровскій*, Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко, т. III, 1879, стр. 110—112.

²⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 108.

паджѣ ипохондріи, въ преждевременную могилу, 6-го февраля 1821 года ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ короткій періодъ своего директорства въ Нѣжинѣ (всего пять мѣсяцевъ съ небольшимъ) В. Г. Кукольникъ явился достойнѣйшимъ носителемъ своего труднаго и отвѣтственнаго званія, относясь къ нему съ самымъ живымъ интересомъ, сердечной теплотой и глубокимъ пониманіемъ опытнаго педагога. Своимъ задушевнымъ, истинно-педагогическимъ отношеніемъ къ воспитанникамъ онъ приобрѣлъ ихъ искреннюю привязанность и уваженіе и справедливо основалъ на этомъ свой авторитетъ. Вотъ отзывъ о немъ и его директорствѣ одного изъ самыхъ выдающихся воспитанниковъ Нѣжинской гимназій, перваго кандидата 1-го выпуска 1826 года, впоследствии знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, П. Г. Рѣдкина, бывшаго свидѣтелемъ-очевидцемъ первыхъ мѣсяцевъ существованія гимназій при Кукольникѣ: „Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ до смерти Кукольника первыми воспитанниками благороднаго пансіона, учрежденнаго при гимназій, не могутъ представляться ихъ воспоминанію иначе, какъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. В. Г. Кукольникъ приобщилъ ихъ къ собственному своему семейству, проводилъ съ ними почти неотлучно всѣ часы дня, далъ имъ въ первые наставники двухъ старшихъ своихъ сыновей, Павла и Платона Васильевичей, а въ товарищи — младшаго, Нестора Васильевича; а между тѣмъ старался съ разборомъ, безъ пристрастія и опрометчивости, выискивать въ профессора такихъ людей, которые... соединяли въ себѣ отчетливое и стоящее въ уровнѣ съ современностью знаніе своего предмета съ любовью къ нему, возбуждающею всегда любовь и въ ученикахъ. Онъ положилъ въ основу всего ученія классическое образованіе, постановивъ латинскій языкъ главнымъ предметомъ преподаванія въ такой степени, что сдѣлавшіе воспитанниками немовѣрно быстрые въ немъ усилія и теперь еще приводятъ въ изумленіе всѣхъ, въ комъ не изгладилась драгоценная память объ этой цвѣтущей эпохѣ зарождавшагося высшаго учебнаго заведенія. Частыми бесѣдами своими, исполненными отеческой внимательности, нѣжности, дружеской простоты, педагогической опытности, живой занимательности, обширной учености, плодотворной образованности, онъ очищалъ чувствованія, развивалъ умъ, смягчалъ сердце и укрѣплялъ волю питомцевъ своихъ, направляя ихъ ко всему прекрасному,

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 188.

истинному, высокому и доброму. Словомъ, В. Г. Кукольникъ сдѣлалъ, въ самомъ началѣ новаго своего педагогическаго поприща, столь много полезнаго для вѣранныхъ его попеченію дѣтей, что можно было питать несомнѣнную надежду на блестящую будущность этого новаго разсадника русскаго просвѣщенія¹⁾.

III.

Временное коллегіальное управленіе гимназій послѣ смерти В. Г. Кукольника.—Директорство И. С. Орлаа.

Съ внезапной смертію В. Г. Кукольника гимназія осталась безъ директора, и временное завѣдываніе ею, впредь до пріѣзда въ Нѣжилъ новаго директора 1-го ноября 1821 года, перешло въ руки коллегіи преподавателей, которые, „сбравшись для принятія мѣръ къ сохраненію порядка гимназіи, къ содержанію воспитанниковъ и къ продолженію преподаванія наукъ, съ общаго согласія, впредь до разрѣшенія высшаго начальства, составили общіе управленіе на таконныхъ правилахъ, какія, по необходимости внезапныхъ обстоятельствъ, сочли лучшими“²⁾). Временное управленіе, по самому характеру своему, не могло задаваться никакими широкими планами; ему оставалось держаться того направленія, которое было дано первымъ директоромъ учебному заведенію, въ ожиданіи втораго: „хотя г. директоръ—писало временное управленіе 18-го февраля 1821 г. отцу Гоголя, просившему объ опредѣленіи въ гимназію своего сына — истинный учредитель гимназіи, неожиданною своею смертію, оставилъ насъ, однако оставилъ насъ не въ какой-либо запутанности дѣлъ, но въ полномъ и ясномъ порядкѣ, каковой имъ предучрежденъ уже былъ касательно управленія гимназіей, содержанія воспитанниковъ и преподаванія имъ учебныхъ предметовъ. И сей порядокъ до времени опредѣленія новаго директора предприняли мы охранять въ совершенной своей цѣлости, продолжая вмѣстѣ ничѣмъ не прерываемое преподаваніе наукъ“³⁾). Однако, этотъ девятимѣсячный періодъ въ жизни гимназіи отмѣченъ нѣкоторыми печальными обстоятельствами, имѣвшими отчасти корень въ тѣхъ неожиданныхъ условіяхъ, въ которыхъ оказалось только что начавшее свое существованіе и еще

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 315—316.

²⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 118.

³⁾ Тамъ же, стр. 152.

не окрѣпшее учебное заведеніе. Вдова покойнаго Кукольника, братъ которой И. Н. Пилипкевичъ былъ младшимъ профессоромъ латинской словесности въ гимназіи (1820—1822), а сынъ Платонъ Васильевичъ Кукольникъ учителемъ того же предмета въ низшихъ классахъ (1820—1821), немедленно послѣ смерти мужа просила, черезъ правленіе гимназіи, почетнаго попечителя о предоставленіи ей казеннаго содержанія впредь до полученія вида на свободное жительство. Это ходатайство было уважено, но вслѣдъ затѣмъ между г-жею Кукольникъ и администраціей гимназіи начались неудовольствія, нашедшія себѣ выраженіе въ шумномъ засѣданіи правленія 25-го мая 1821 г. Именно, явившіеся въ это засѣданіе надзиратели Аманъ (преподававшій французскій языкъ) и Зельднеръ заявили, что „не желаютъ и не могутъ долѣе исправлять надзирательской должности, такъ какъ статская совѣтница г-жа Кукольникъ, по часту приглашая къ столу своему или на чай нѣкоторыхъ воспитанниковъ, неизвѣстно изъ какихъ видовъ или своекорыстныхъ интересовъ, внушаетъ имъ неприличный для юношества образъ мыслей противъ надлежащаго уваженія ихъ наставниковъ и надзирателей, вперяетъ имъ, что Аманъ не есть настоящій учитель, что онъ по состоянію своему происходитъ изъ мѣщанъ и несвѣдуецъ въ порученной ему должности, что будто покойный мужъ ея составилъ ему, Аману, счастье, извлекиши его изъ состоянія мѣщанства; что Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва-ли можетъ принадлежать къ благородному сословію; что Пилипкевичъ, проводя все время у своей сестры и во всемъ отъ нея интересуясь, а потому во всемъ потворствуя и угождая ей, не только не отклоняетъ дѣтей или сестру свою отъ выше изъясненныхъ внушеній, но въ угодность ей и какъ бы изъ собственныхъ личныхъ какихъ выгодъ, подтверждаетъ рѣчи ея и тѣмъ болѣе въ юношескихъ сердцахъ возжигаетъ искру неповиновенія и непослушанія, изъ чего слѣдствіемъ можетъ произойти одна не малая утрата и даже порча ихъ нравственности, особенно неминуемое уклоненіе отъ общихъ правилъ благоповеденія“.

Пилипкевичъ, присутствовавшій въ это время въ засѣданіи, „всталъ съ своего мѣста и, вмѣсто надлежащаго изъясненія дѣла, причинъ и обстоятельствъ его, сталъ поносить Амана и Зельднера, произносилъ на нихъ весьма неприличные и самыя оскорбительныя рѣчи, называя ихъ разными именами, одному ремесленному состоянію мѣщанства принадлежащими, причемъ не удержался въ дерзости своей изречь оскорбительную хулу даже на все собраніе, именуя оное ка-

кимъ-то скопищемъ и преунизительнымъ словомъ—шайкою, и такую сколь неприличную, столь же и явно нарушающую общій порядокъ дерзость свою заключилъ самымъ грубымъ выходомъ изъ собранія и крѣпкимъ при затвореніи дверей ударомъ съ неблагонамѣренными вѣщаніями и, что всего неприличнѣе, съ угрозами, ссылаясь особенно на сестру свою, что она дотолѣ здѣсь проживать и за всѣми профессорами, учителями и гувернерами согладательствовать будетъ, доколѣ не получитъ чего-то желаемого и доколѣ на своемъ не поставитъ того“. Собраніе взглянуло на эти выходы грубости и неуѣренной страстности очень сдержанно, оставаясь въ ожиданіи болѣе спокойнаго оборота дѣла и не желая подать поводъ къ скандалу въ стѣнахъ учебнаго заведенія, доброй репутаціей котораго оно не могло не дорожить. Однако, ожиданія эти не оправдались: вдова Кукольникъ, по полученіи вида на свободное жительство, обратилась съ просьбой къ окружному попечителю дозволить ей пользоваться казеннымъ содержаніемъ и далѣе—до назначенія пенсіи и до оставленія за нею арсенды, пожалованной ей мужу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно заключать изъ дописаній правленія обоимъ попечителямъ (10-го и 12-го сентября 1821 г.), продолжала прежнюю вредную для учебнаго заведенія тактику, что правленіемъ объяснялось главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что оно не согласилось на ея предложеніе представить почетному попечителю, будто бы все здѣшнее и окружныхъ мѣстъ дворянство на мѣсто покойнаго мужа ея желаетъ опредѣленія въ директоры старшаго сына ея Павла Кукольника“. Представляя о новыхъ случаяхъ соблазнительнаго въ педагогическомъ отношеніи поведенія семьи покойнаго директора, правленіе просило начальство объ удаленіи изъ гимназическаго дома этой семьи, мотивируя это тѣмъ, что „при дальнѣйшемъ ея здѣсь пребываніи и при ожесточенномъ ея озлобленіи на всѣхъ служащихъ, неминуемо произойти можетъ глубокое разстройство“. Въ отвѣтъ на это окружной попечитель предписалъ (отъ 19-го сентября) предложить г-жѣ Кукольникъ немедленно оставить гимназическое зданіе и избрать для себя частную квартиру, сына ея уволить отъ должности, а Плянкевичу сдѣлать выговоръ по службѣ. Все это было исполнено, и вскорѣ семейство Кукольника навсегда оставило Нѣжинъ, переселившись въ принадлежавшее вдовѣ небольшое имѣніе въ Виленской губерніи¹⁾. Эти грустныя событія, извѣстіе о которыхъ быстро переходило за

¹⁾ Н. Лауровскій, стр. 114—118.

стѣны учебнаго заведенія, особенно въ среду родителей и родственниковъ гимназистовъ, отнимали не мало энергіи и времени у преподавательскаго персонала гимназій и несомнѣнно задерживали и даже вредили ходу учебнаго дѣла, отвлекая въ сторону силы, которыя нужны и предназначены были на другое. Да и въ самой преподавательской средѣ, помимо дѣла съ семействомъ Кукольника, были крупныя недочеты, на что указываетъ, между прочимъ, дѣло съ младшимъ профессоромъ нѣмецкой словесности Миллеромъ (состоявшимъ на службѣ въ гимназій съ 15-го севтября 1820 года): злоупотребленіе спиртными напитками увлекло его къ крайне предосудительнымъ поступкамъ, слѣдствіемъ которыхъ было удаленіе его отъ службы еще до окончанія весенняго полугодія 1821 года ¹⁾. Слухи о подобныхъ событіяхъ, нерѣдко преувеличиваемые досужими и враждебными языками сторонниковъ той или другой партіи ²⁾, распространялись и могли бы повлечь за собой опасныя послѣдствія, лишивъ гимназію значительной доли довѣрія къ ней въ обществѣ, если бы этому тяжелому времени не былъ положенъ конецъ назначеніемъ въ директоры гимназій достойнѣйшаго преемника В. Г. Кукольника—его земляка и друга И. С. Орлая.

Карпато-руссъ по происхожденію, магистръ словесныхъ наукъ и философіи, докторъ медицины и хирургіи, Иванъ Семеновичъ Орлай (род. въ 1771 году), еще до выѣзда въ Россію получившій должность профессора въ Велико-Карловской высшихъ наукъ гимназій въ 1790 г., для преподаванія ариметики, географіи, исторіи, греческаго и латинскаго языковъ, въ слѣдующемъ 1791 отправился въ Вѣну, а отсюда въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ медико-хирургическое училище студентомъ; окончивъ въ 1793 году курсъ и проходя разныя медицинскія должности, онъ въ 1817 году занялъ мѣсто при лейб-медикѣ Вилье, а въ концѣ 1820 г. получилъ приглашеніе на одну изъ медицинскихъ кафедръ Московскаго университета. Около этого времени Орлай познакомился съ гр. А. Г. Кушелевымъ-Безбородко, и, когда сдѣлалась извѣстной внезапная смерть Кукольника, склонился на предложеніе графа относительно занятія мѣста директора въ Нѣжинѣ. Какъ и Кукольника, привлекалъ его сюда благодатный климатъ, въ которомъ нуждалось слабое здоровье Орлая. Съ В. Г. Кукольниковомъ знакомство у него было очень давнее, начавшееся еще

¹⁾ Н. Лавровскій, стр. 113—114.

²⁾ Н. Лавровскій, стр. 119.

на ихъ общей родинѣ: мы уже знаемъ, что Орлай былъ виновникомъ вызова Кукольника въ Россію ¹⁾). Нѣжинъ навѣстилъ овъ еще до своего назначенія туда. виѣсть съ семействомъ генерала Дорохова, въ качествѣ гостя г-жи Кукольникъ, лѣтомъ 1821 года ²⁾). Назначеніе Орлая въ Пѣжинскую гимназію состоялось 3-го сентября, а вступленіе въ должность 1-го ноября 1821 года.

Этотъ выборъ втораго директора гимназій былъ не менѣе удаченъ, чѣмъ выборъ перваго. „Если первому директору — говорить Н. А. Лавровскій — по кратковременности его управленія, гимназія обязана только первоначальными основаніями, то второму она обязана полнымъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ... Изъ внимательнаго пересмотра его распоряженій по дѣламъ архива выносишь убѣжденіе, что всѣ они отличались основательностью, строгою обдуманностью и живымъ стремленіемъ къ благоустройству ввѣреннаго ему заведенія“ ³⁾). Это былъ человекъ основательно и широко образованный, съ истиннымъ и сильнымъ педагогическимъ призваніемъ, явившійся къ своей новой должности съ настойчивымъ желаніемъ лишь пользы ввѣреннаго ему учебнаго заведенія и готовый принести въ жертву этой пользѣ свое личное самолюбіе и нѣкоторыя изъ преимуществъ своей власти. Конференція гимназій была при немъ дѣйствительнымъ органомъ управленія, гдѣ съ полной свободой членами ея обсуждались разные учебно-воспитательные вопросы, и гдѣ признаваемый всѣми авторитетъ директора, не насилуя ничьихъ мнѣній, давалъ лишь руководящее направленіе, безпрестанно вырабатываемое неослабнымъ наблюденіемъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла и согрѣваемое самымъ живымъ и сердечнымъ къ нему участіемъ. Въ одно изъ первыхъ засѣданій, состоявшихся подъ его предсѣдательствомъ, И. С. Орлай заявилъ всѣмъ членамъ конференціи, „чтобы каждый изъ присутствующихъ въ засѣданіяхъ на счетъ управленія гимназій объявлялъ свои мысли свободно и вольно, хотя бы случилось то противъ какой-либо мѣры, предлагаемой самими директоромъ, и чьи окажутся основательнѣйшими сужденія, записывать въ параграфахъ журналовъ“ ⁴⁾). Совершенно естественно, что такой взглядъ на вещи при-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 193.

²⁾ Тамъ же, стр. 189.

³⁾ Стр. 120.

⁴⁾ Журналъ засѣданія конференціи 17-го декабря 1821 года, § 14. Ср. *И. Лавровскій*, стр. 125.

влекъ къ И. С. Орлаю любовь и уваженіе лучшихъ членовъ преподавательской корпораціи, вызывая въ худшихъ недоумѣнія и напрасныя опасенія. Что же касается воспитанниковъ, то, по словамъ одного изъ нихъ, Н. В. Кукольника, „этотъ, повиднмому, слабый, раздражительный, странный начальникъ умѣлъ снискивать любовь къ себѣ дѣтей почти неограниченную. Никто въ присутствіи его никогда не забывался, но никто и не стѣснялся его присутствіемъ. Шалили напропалую, учились еще пуще и наблюдали только за тѣмъ, чтобы въ шалости тля подлости не залѣзла. Такое направленіе получило характеръ рыцарскій, въ особенности съ открытіемъ 7-го класса. Тогда Иванъ Семеновичъ останавливалъ молодежь, если больно шалила, словами: „неловко, господа! вѣдь вы уже офицеры“. И юношество ровнялось, укладывалось въ благородныя формы, лѣзло, рвалось быть образованнымъ, даже ученымъ“. Такое гуманное и истинное педагогическое отношеніе къ воспитанникамъ и создало при Орлаѣ въ Нѣжинской гимназіи, согласно тѣмъ же воспоминаніямъ, то „высокое, поэтическое и веселое направленіе, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ“¹⁾.

Первымъ и главнѣйшимъ дѣломъ И. С. Орлая въ его директорство въ Нѣжинѣ, продолжавшемся около пяти лѣтъ, была организація состава учениковъ по отдѣленіямъ и классамъ, въ чемъ до утвержденія устава второй директоръ, подобно первому, руководился его проектомъ. Утвержденный гораздо позже, уставъ гимназіи полученъ былъ въ Нѣжинѣ лишь за годъ до оставленія Орлаемъ должности директора, да и то немедленно былъ вытребованъ министерствомъ обратно вслѣдствіе какихъ то неисправностей въ его текстѣ²⁾. Ежегодно умножаясь новымъ классомъ, гимназія къ концу директорства Орлая имѣла всѣ 9 классовъ, и передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Нѣжина онъ могъ видѣть первый выпускъ, состоявшійся въ іюнѣ 1826 года, въ количествѣ 11 человекъ. Число учениковъ въ гимназіи при Орлаѣ съ каждымъ годомъ быстро возросло и, доходя въ 1821 году лишь до 41 по всемъ тремъ отдѣленіямъ³⁾, въ 1826 году выражалось уже почтенной цифрой до 250. Разумѣется, въ этомъ

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 198.

²⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Дополненіе. С.-Пб. 1867, стр. 208—209, прим. Ср. *Н. Лагровскій*, стр. 126—127.

³⁾ Архивъ гимназіи высшихъ наукъ. Дѣла 1821 года, рапортъ инспектора Ф. Чекиева отъ 29-го октября 1821 года.

играла сильную роль и возростающая потребность въ образованіи; но что увеличеніе количества учениковъ гимназіи при Орлаѣ основывалось также и на довѣрїи родителей къ личности директора заведенія. это видно изъ многихъ писемъ и прошеній, сохранившихся въ гимназическомъ архивѣ¹⁾. И. С. Орлаемъ былъ проведенъ въ конференціи и выполненъ на дѣлѣ цѣлый рядъ мѣръ учебно-воспитательнаго и административнаго характера²⁾; если нѣкоторыя изъ нихъ (преимущественно касавшіяся пансіонеровъ и ихъ быта) и носять на себѣ нѣсколько сантиментальный характеръ школы Ж. Ж. Руссо и сильно напоминаютъ педагогическія тенденціи императрицы Екатерины II, то нужно принять въ расчетъ, что эти идеи въ ту пору еще далеко не были отсталыми; другія же мѣры (напримѣръ, вытекавшія изъ взгляда директора на отношеніе новыхъ языковъ и предметовъ въ системѣ школьнаго обученія) даже и съ точки зрѣнія современныхъ педагогическихъ понятій могутъ вызывать лишь полное убѣжденіе въ опытности, дальновидности и гуманности И. С. Орлая.

Вторымъ, также чрезвычайно важнымъ дѣломъ Орлая было образованіе состава преподавателей гимназіи. Въ ту пору даже и университеты не могли похвалиться блестящимъ преподавательскимъ персоналомъ: тѣмъ труднѣе было подыскать соотвѣтствующія силы для не особенно привлекательной службы въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Нѣжинѣ. Какія требованія предъявлялъ Орлай къ кандидатамъ на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ ввѣренной ему гимназіи, это видно изъ слѣдующаго его мнѣнія, записаннаго въ журналѣ конференціи 30-го іюня 1822 года: „желательно, чтобы всѣ, имѣющіе вступить на поприще наставниковъ гимназіи высшихъ наукъ, имѣли: 1) достовѣрныя, за подписаніемъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, подъ которыми они учились, свидѣтельства о пройденныхъ ими съ похвалою не только предуготовительныхъ гимназическихъ наукъ, но и академическихъ; 2) чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата или магистра или доктора, которыя степени еще со временъ Карла Великаго учреждены для того, чтобы пріобрѣсть хорошихъ наставниковъ, для чего и въ дипломахъ, возведеннымъ въ таковыя достоинства выдаваемыхъ, помѣщается право преподавать науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то: въ университетахъ, академіяхъ и лицейхъ;

¹⁾ Н. Лагровскій, стр. 183.

²⁾ Н. Лагровскій, стр. 188—146.

3) чтобы тѣ, кои хотятъ быть профессорами, извѣстны были высшему начальству по долговременной ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ службѣ, способностію своею и усердіемъ въ наставленіи юношества, и при томъ имѣли бы столько другихъ ученыхъ познаній, чтобы въ случаѣ отлучки или болѣзни кого-либо изъ профессоровъ, могли на время занимать его мѣсто¹⁾). Нисколько не удивительно, что эти требованія не могли быть осуществлены Орлаемъ примѣнительно къ каждому изъ приглашенныхъ имъ на службу въ гимназію лицъ; между ними не всѣ оказались одинаковаго достоинства какъ по своимъ научнымъ познаніямъ и умѣнію преподавать, такъ и по своему характеру, направленію мыслей и нравственнымъ убѣжденіямъ. „По закону взаимнаго притяженія—говорить объ этомъ времени П. Г. Рѣдкинъ—профессора раздѣлились, не скажу на двѣ партіи, потому что ихъ не было и быть не могло, а на два кружка. Къ одному принадлежали люди благородные, умные и свѣдущіе, а къ другому — ихъ большая или меньшая противоположность. Сперва эти кружки уживались кое-какъ между собою; но съ того времени, когда Бѣлоусовъ, на окончательномъ экзаменѣ воспитанниковъ перваго выпуска, не получивъ на свои вопросы по юридическимъ предметамъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни отъ студентовъ, ни отъ профессора юридическихъ наукъ Билевича, объявилъ во всеуслышаніе съ запальчивостію и съ свойственною ему заносчивостію, въ присутствіи директора Орлая, что онъ находитъ недостаточными юридическія познанія окончившихъ курсъ юношей, долго таившаяся вражда между двумя кружками вспыхнула, и между ними началась открытая война. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ враждующихъ употребили не совсѣмъ рыцарское оружіе для пораженія своихъ противниковъ: доносы и клеветы²⁾). Но эта исторія во всемъ своемъ развитіи имѣла мѣсто уже послѣ Орлая.

Изъ профессоровъ первой, лучшей категоріи должно назвать: Бѣлоусова, Зингера, Ландражина, Соловьева, Андрущенко. Къ нимъ нужно присоединить и проф. Шапалинскаго, ноступившаго на службу въ гимназію еще до Орлая.

Н. Г. Бѣлоусовъ читалъ (1825—1830) въ гимназіи право естественное, государственное, народное и римское съ его исторіей. Н. В. Кукольникъ такъ вспоминаетъ о его преподаваніи: „Съ необычай-

¹⁾ *В. Лаврооскій*, стр. 164.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 816.

нымъ искусствомъ Николай Григорьевичъ изложилъ намъ всю исторію философіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнаго права, въ нѣсколько лекцій, такъ что въ головѣ каждаго изъ насъ установился прочно стройный систематическій скелетъ науки наукъ, который каждый изъ насъ могъ уже облекать въ тѣло по желанію, способностямъ и учебнымъ средствамъ. Не меньшую пользу доставило намъ въ нравственномъ отношеніи и то, что Орлай назначилъ Вѣлоусова нашимъ инспекторомъ... Справедливость, честность, доступность, добрый совѣтъ, въ приличныхъ случаяхъ необходимое одобреніе — все это благотѣльно дѣйствовало на кружокъ студентовъ¹⁾.

Не менѣе сочувственный отзывъ другого студента, П. Г. Рѣдкина, имѣемъ мы о профессорѣ математики и естественныхъ наукъ К. В. Шапалинскомъ (1820—1830): „Безукоризненная честность, неизмѣнная справедливость, правдолюбивое примодушіе, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго — вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и очень хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостію, безъ всякаго фразерства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ“²⁾.

Вторымъ достойнымъ представителемъ по кафедрѣ естествознанія въ гимназій былъ Н. Ѡ. Соловьевъ (1825—1837). Объ искусствѣ его преподаванія такъ говоритъ Н. В. Кукольникъ: „Наука въ томъ видѣ, какъ онъ преподавалъ ее, казалась полною, удовлетворительною; всѣ могли успѣвать приготовленіемъ уроковъ и успѣвали, и я ручаюсь, что большая часть воспитанниковъ, въ томъ числѣ и я, по выходѣ изъ заведенія были убѣждены, что они знаютъ ботанику, минералогію, зоологію и физику какъ слѣдуетъ. Впрочемъ я точно также убѣжденъ и въ томъ, что впослѣдствіи каждый изъ воспитанниковъ, не оставившихъ ученыхъ занятій, сознавался, что Соловьевъ преподавалъ превосходно; въ слушателей своихъ умѣлъ вложить о

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 242.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 317.

каждой наукѣ ясныя понятія и вѣрныя начала, и такимъ образомъ облегчалъ пути дальнѣйшаго изученія¹⁾.

Весьма образованными и знающими преподавателями двухъ новыхъ западно-европейскихъ языковъ и литературъ были Ѡ. О. Зингеръ (1824—1830), профессоръ нѣмецкой словесности, и И. Я. Ландражинъ (1822—1838), профессоръ французской словесности²⁾.

О профессорѣ латинской словесности С. М. Андрущенко (1822—1832) имѣемъ мы такой отзывъ одного изъ его слушателей, В. К. Каминскаго: „Семень Матвѣевичъ преподавалъ въ четырехъ высшихъ отдѣленіяхъ или курсахъ латинскую словесность, начиная съ синтаксиса и оканчивая переводомъ и разборомъ древнихъ классиковъ. Преподаваніе его отличалось замѣчательною точностію и ясностію изложенія, переводы — легкостью и пріятностію, а разборы классиковъ, особенно *Виргилія* — вкусомъ и вѣрностію взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличавшими въ немъ глубокаго знатока римскихъ древностей. Его воспитанники, прослушавъ два курса, свободно переводили съ русскаго на латинскій и обратно и даже составляли цѣлыя сочиненія на латинскомъ языкѣ“³⁾.

Къ другой категоріи принадлежали профессора Вилевичъ, Геропесь, Никольскій и Моисеевъ, изъ которыхъ два послѣдніе поступили на службу въ гимназію до Орлая.

Наиболѣе типичнымъ изъ нихъ былъ П. И. Никольскій, профессоръ россійской словесности (1820—1833). Объ этой своеобразной личности сохранились весьма живыя и интересныя воспоминанія П. В. Кукольника: „Несмотря на то, что въ литературѣ и философіи онъ былъ рѣшительный старовѣръ, намъ собственно оказалъ онъ много пользы своею доступностію, добросердечіемъ, наконецъ самою оппозиціей современнымъ эстетическимъ направленіямъ. Онъ спорилъ съ нами, что называется, до слезъ; заставлялъ насъ насильно восхищаться Ломоносовымъ, Херасковымъ, даже Сумароковымъ; проповѣдывалъ *ex cathedra* важность и значеніе эноненъ древнихъ формъ, а байроновскія поэмы тѣхъ временъ называлъ велегласно побасенками. Это заставило одного изъ учениковъ написать довольно пространную диссертацію о невозможности стараго эпоса въ наше время. Диссер-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 304.

²⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 171—172. Отзывы о томъ и о другомъ П. В. Кукольника см. въ „Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко“, стр. 262 и 277.

³⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 280.

тація съ умысломъ замедлилась, такъ что послѣла утрою того дня, когда назначенъ былъ годичный экзаменъ. Въ присутствіи почетнаго попечителя, директора и всѣхъ профессоровъ началось испытаніе. Всѣ удивлялись успѣхамъ воспитанниковъ, даже самъ профессоръ. Наконецъ, дошла очередь до онаго коварнаго сочинителя диссертаци. Добрѣйшій Парфеній Ивановичъ не подозрѣвалъ никогда никого ни въ чемъ и добродушно распространился въ похвалахъ этому воспитаннику, и вмѣсто того, чтобы экзаменовать его, просилъ позволенія прочесть написанную имъ диссертацию. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко охотно согласился. Можно себѣ представить изумленіе Парфенія Ивановича, когда началось чтеніе. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но принужденъ былъ дослушать до конца. Всѣ его литературныя вѣрованія были подвергнуты безпощадному анализу; приведенныя доказательства и примѣры были слишкомъ убѣдительны и блистательны. Диссертация удостоилась единогодушнаго одобренія, при чемъ графъ похвалялъ и поблагодарилъ автора, а кетати поздравилъ и профессора. Парфеній Ивановичъ, сначала совершенно смущенный, но похвалами графа нѣсколько успокоенный, хотѣлъ дать дѣлу личную благовидность и отозвался: „хотя сочиненіе противорѣчитъ правиламъ Батѣ (такъ произносилъ онъ фамилію французскаго эстетика), но я, для диспута, дозволяю имъ иногда защищать парадоксы“. — „Я тутъ не вижу никакого парадокса“, отвѣчалъ графъ сухо, догадываясь въ чемъ дѣло. Это уязвило Парфенія Ивановича, и на слѣдующій годъ мы стали учиться съ нимъ по методѣ взаимнаго обученія: онъ знакомилъ насъ съ такъ называвшимися русскими классиками, а мы на каждой лекціи подкладывали ему для исправленія, вмѣсто своихъ, стихи Пушкина, Козлова, Языкова и другихъ. Онъ маралъ ихъ нещадно, при чемъ мы не могли довольно надивиться изворотливости его отъ природы остраго ума¹⁾. Объ одной изъ такихъ шалостей, хорошо характеризующихъ и то время и личность наставника, разказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ сослуживецъ Никольскаго преподаватель латинскаго языка въ гимназіи И. Г. Кулжинскій (1825—1829), со словъ Е. В. Гребенки, воспитанника гимназіи выпуска 1831 года, впоследствии извѣстнаго писателя: „Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тему. Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и поправлены профессоромъ, вотъ Гребенка послѣ обѣда перелѣзъ черезъ плетень

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 294.

ко мнѣ и послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказалъ: „А показать вамъ штуку“? — „Покажи, другъ мой“. — „А никому не скажете“? — „Что-жь это такое? Разумѣется. если можно, никому не скажу“. — „Пожалуйста, не говорите, никому“. Съ этими словами Гребенка вынулъ изъ кармана и подаль мнѣ, смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ свое собственное сочиненіе: это были извѣстные стихи Козлова:

„Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Ахъ! сколько думъ наводитъ онъ! и проч.

Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почтя ихъ произведеніемъ ученика 5-го класса Гребенкина; не оставалось ни одной строчки не поправленной, и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: „изряднѣхонько“¹⁾). Впрочемъ, тотъ же Н. В. Кукольникъ, отдавая дань справедливости своему учителю, писалъ: „какъ бы то ни было, мы многимъ обязаны Парфенію Ивановичу. Онъ положительно заставилъ насъ изучить русскую литературу до Пушкина и отрицательно втянулъ насъ въ изученіе литературы новѣйшей. Во всякомъ случаѣ, онъ съ своими вѣроваціями, энергіей, одушевленіемъ и другими качествами, приохотилъ насъ всѣхъ къ литературнымъ занятіямъ“²⁾).

Достоиннымъ вниманія событіемъ въ жизни Нѣжинской гимназій высшихъ наукъ при И. С. Орлаѣ былъ приемъ въ 1822 году въ гимназическій пансіонъ, на средства почетнаго попечителя, нѣсколькихъ дѣтей изъ греческихъ семействъ, бѣжавшихъ съ родины въ Россію, главнымъ образомъ въ Одессу, во время національнаго возстанія противъ турокъ. Дѣти явились изъ Одессы безъ всякаго знанія русскаго языка, и это обстоятельство повело за собою введеніе необязательнаго обученія греческому языку въ гимназій, для чего и приглашенъ былъ преподаватель Нѣжинскаго греческаго училища Хр. Геропесь (1822—1833)³⁾). Эта прибавка къ гимназическому преподаванію, выдѣлявшая Нѣжинскую гимназію изъ другихъ подобныхъ ей учрежденій, должна быть отнесена къ положительнымъ приобрѣтеніямъ заведенія въ учебномъ отношеніи, такъ какъ уроки греческаго языка и литературы, посѣщавшіеся и нѣкоторыми изъ русскихъ воспитанниковъ, не могли быть лишены извѣстнаго общеобразовательнаго вліянія.

¹⁾ Воспоминанія учителя. *Московитянинъ*, 1854, № 21, смѣсь, стр. 8.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 296.

³⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 186—188, 181—183.

Ко времени директорства Орлая относится и учрежденіе домової гимназической церкви, освященной 22-го іюня 1824 года въ память священномученика Александра-пресвитера, празднуемую 14-го марта. Наконецъ, при Орлаѣ, въ 1822 году, по инициативѣ почетнаго попечителя была попытка учредить при гимназіи „ученое общество“; но директоръ и конференція, когда запрошено было ихъ мнѣніе, высказались противъ этого, указывая на то, что гимназія еще не окрѣпла въ своемъ составѣ, не имѣетъ надлежających средствъ (напр. бібліотеки) для успѣшныхъ дѣйствій „общества“, и немногочисленныя ея преподавательскія силы (а именно онѣ и имѣлись въ виду въ проектѣ почетнаго попечителя) желательнѣе было бы прежде всего употребить на прямыя учебныя цѣли только что начавшей свое существованіе гимназіи ¹⁾.

1-го августа 1826 года И. С. Орлай получилъ назначеніе директора Ришельевского лицея въ Одессѣ и вскорѣ оставилъ Нѣжинъ. Мы не знаемъ настоящихъ причинъ этого рѣшенія; на нихъ вскользь указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Г. Кулжинскій: „директоръ съ утра до ночи бился какъ рыба объ ледъ, и рѣдко въ комъ находилъ сочувствіе или пособіе... И. С. Орлай чрезвычайно тяготился своимъ положеніемъ въ Нѣжинѣ“ ²⁾; но, сколько извѣстно, Орлай въ свое директорство не былъ совершенно лишенъ сочувствія и поддержки со стороны наиболѣе достойныхъ членовъ конференціи, о которыхъ шла рѣчь выше, и, быть можетъ, въ причинахъ оставленія имъ Нѣжина лежали главнымъ образомъ личныя обстоятельства: Одесскій лицей, удовлетворяя внутреннимъ запросамъ педагогической дѣятельности Орлая, имѣлъ преимущество передъ Нѣжинской гимназіей и болѣе широкой постановкой учебнаго дѣла и нахожденіемъ въ болѣе обширномъ городѣ, представлявшемъ болѣе разнообразія для жизни.

IV.

Временное исправленіе должности директора К. В. Шапалевскимъ.—Директорство Д. Е. Ясновскаго.—Преобразование гимназіи въ лицей князя Безбородко.

По отъѣздѣ Орлая, оставшаяся вакантною должность директора гимназіи высшихъ наукъ была замѣщена не сразу: 28-го октября 1826 года временное управленіе гимназіей было поручено начальствомъ

¹⁾ См. у Н. Лавровскаго, стр. 191—193, 244—246.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 271.

профессору К. В. Шапалипскому и хотя 22-го января 1827 года состоялось назначеніе директоромъ гимназій Д. Е. Ясновокаго, но послѣдній, проживая въ Черниговѣ, фактически вступилъ въ должность лишь 6-го октября 1827 года, и такимъ образомъ временное управленіе гимназією Шапалипскимъ продолжалось въ дѣйствительности около года.

Уходъ Орлая, сдерживавшаго своимъ личнымъ авторитетомъ и опытностью неумѣренное проявленіе тѣхъ послѣдствій, какія могло повести за собою его весьма либеральное отношеніе какъ къ профессорской корпораціи, такъ и къ воспитанникамъ, не замедлилъ сдѣлаться причиною нѣкоторыхъ событій въ гимназій, нарушившихъ спокойное теченіе ея жизни. Дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о безпорядкахъ въ гимназическомъ пансіонѣ. Уже 25-го октября 1826 года профессоръ Бѣлоусовъ, назначенный на должность инспектора пансіона въ іюль 1826 года, доносилъ конференціи, что „нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности, и читаютъ ихъ между собою, читаютъ книги, не приличныя для ихъ возраста, держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ“. По предписанію почетнаго попечителя, это дѣло подвергнуто было строгому разслѣдованію, причемъ, какъ видно изъ рапорта инспектора отъ 14-го ноября того же года, у пансіонера Гребенкина былъ найденъ отрывокъ оды Пушкина „На свободу“¹⁾. Исправлявшій до Бѣлоусова должность инспектора (съ 30-го марта 1822 года) профессоръ К. А. Моисеевъ, поддерживаемый нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, доносилъ въ конференцію 16-го апрѣля 1827 года, что „пансіонеры начинаютъ читать непозволенные книги; въ классахъ, при задаваемыхъ имъ вопросахъ, оказываются занятыми не столько ученіемъ, сколько выучиваніемъ театральныя роли; что ученики въ городѣ проигрываютъ свое платье въ карты, изъ оконъ пансіона обидно кричатъ и свищутъ на проходящихъ мимо гимназій благородныхъ дамъ въ сопровожденіи офицеровъ, прохаживаются въ саду въ неблагопристойномъ и безобразномъ видѣ“ и т. д. Новый инспекторъ, Бѣлоусовъ, усматривая въ этомъ донесеніи упрекъ своей собственной инспекторской нерадивости, въ отвѣтномъ рапортѣ отъ 7-го мая 1827 года, разказавъ вначалѣ, съ какой неохотой соглашался онъ на приглаше-

¹⁾ *Н. Лаероскій*, стр. 149. Вѣроятно, тутъ слѣдуетъ разумѣть известное стихотвореніе „Андрей Шенье“, съ которымъ Пушкинъ имѣлъ столь печальное дѣло: см. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Лит. Фонда т. 1, стр. 348,

ніе Орлая принять инспекторство, далѣе говорить: „Богъ помогъ мнѣ въ семъ моемъ подвигѣ... И въ то время, когда подавлено ужаснѣйшее буйство пансіонеровъ; когда они не только потеряли навыкъ, но и не думаютъ, какъ прежде было, бродить толпами по трактирамъ для пьянства, по подозрительнымъ мѣстамъ для произведенія постыдныхъ безчинствъ; когда не видны болѣе въ музеяхъ ¹⁾ толпы юнкеровъ, извпѣ приносившихъ съ собою неопытнымъ дѣтѣмъ всякаго рода развратъ; когда вмѣсто прежняго занятія пуцаніемъ ракетъ въ саду и музеяхъ и стрѣльбою, бродя по Мачеркамъ ²⁾, они занимаются науками или забавляются приличными и дозволенными имъ играми; когда скромность и послушаніе отличаютъ пансіонеровъ передъ прочими—вздумали утверждать, что за пансіонерами нѣтъ надлежащаго смотрѣнія со стороны инспектора“ ³⁾. Въ томъ и другомъ донесеніи, несомнѣнно, слышится косвенно голосъ личности, позволяющей однако же заключать, что немедленно по оставленіи Орлаемъ гимназій, среди гимназическихъ пансіонеровъ стали обнаруживаться признаки броженія съ нехорошимъ отгѣнкомъ; напрасно оба инспектора сваливаютъ вину одинъ на другого: тутъ корни дѣла лежали глубже—и прежде всего въ самой системѣ Орлая, умѣвшаго руководить дѣломъ лично и не передававшего этого умѣнія гимназической корпораціи. Главнымъ источникомъ всякаго рода соблазновъ для пансіонеровъ, число которыхъ было сравнительно не велико ⁴⁾, являлся многочисленный контингентъ вольно-приходящихъ учениковъ ⁵⁾, жившихъ на квартирахъ безъ достаточнаго присмотра какъ со стороны родителей и родственниковъ, такъ и гимназическаго начальства ⁶⁾.

Ко времени исправленія должности директора К. В. Шапалинскимъ относится и начало занятій воспитанниковъ гимназій, особенно пансіонеровъ, театральными представленіями въ зданіи гимназій ⁷⁾. Конечно, при этомъ имѣлись въ виду у начальства добрыя воспитательныя цѣли, но, при ненормальныхъ отношеніяхъ, сложившихся

¹⁾ Музей—помѣщенія пансіонеровъ, соответствовавшія первоначально числу отдѣленій, а потомъ числу классовъ (*Н. Лагровскій*, стр. 139).

²⁾ Мачерки—предмѣстье Нѣжина, смежное съ гимназіей.

³⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 147—148.

⁴⁾ Къ 1-му января 1827 года ихъ было 50 (*Н. Лагровскій*, стр. 135).

⁵⁾ Къ тому же времени число ихъ 159.

⁶⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 151.

⁷⁾ Разрѣшеніе получено было отъ 28 декабря 1826 года (*Н. Лагровскій*, стр. 159).

въ это время между пансіонерами и ихъ руководителями, занятія театромъ повлекли за собой и нѣкоторыя весьма нежелательныя послѣдствія. Проф. Никольскій, въ рапортѣ своемъ конференціи отъ 16 апрѣля 1827 года, и проф. Билевичъ, въ рапортѣ отъ 2 октября того же года, представили дѣло злѣятія театромъ воспитанниковъ лишь со стороны упадка нравственности и развращенія вкуса ¹⁾). Назначено было разбирательство, къ которому привлечены были въ качествѣ обвиняемыхъ, нѣкоторые пансіонеры—и между ними Гоголь, принимавшій въ созданіи гимназическаго театра живѣйшее участіе ²⁾). Хотя дѣло это ни для кого не имѣло прямыхъ серьезныхъ послѣдствій, но по связи съ общимъ настроеніемъ и по тому смыслу, который пытались дать ему нѣкоторые изъ членовъ конференціи, оно должно было произвести на воспитанниковъ нехорошее въ педагогическомъ отношеніи впечатлѣніе и далеко не могло имѣть тѣхъ благотворно-воспитательныхъ результатовъ, которые можно было ожидать отъ него при иномъ къ нему отношеніи со стороны ближайшихъ руководителей.

Несмотря на свои почтенныя умственныя и нравственныя качества, которыми характеризуетъ его выше приведенный отзывъ П. Г. Рѣдкина, К. В. Шапалинскій, въ силу своего временнаго положенія во главѣ гимназіи, конечно, не могъ предпринять ничего существеннаго въ пользу этого учебнаго заведенія, ограничиваясь лишь сохраненіемъ по возможности того порядка вещей, который сложился при Орлаѣ.

Новый директоръ прибылъ въ Нѣжинъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей 6 октября 1827 года. Данило Емельяновичъ Ясновскій (род. между 1767—1769 г.), проведеншій до директорства въ Нѣжинѣ свою службу то въ канцеляріи у графа Румянцова-Задунайскаго, то въ управленіи имѣніями его сына графа Сергѣя Петровича, то въ должности генеральнаго судьи и предсѣдателя Уголовной палаты въ Черниговѣ, нисколько не былъ подготовленъ къ своей трудной обязанности руководителя—педагога, и явился въ этомъ отношеніи далеко не вровень двумъ своимъ заслуженнымъ предшественникамъ, В. Г. Кукольнику и И. С. Орлаю. Тогда какъ для этихъ послѣднихъ директорство вполне естественно вытекало изъ ихъ характера и подготовки, для Ясновскаго оно явилось случайной ступенью

¹⁾ Н. Лавровскій, стр. 159, 161.

²⁾ Н. Лавровскій, стр. 162.

на служебной лѣтницѣ. Хотя И. Г. Кулжинскій очень горячо отзы-
вается о научныхъ познаніяхъ и образованности Яновскаго ¹⁾, но
мы не находимъ оправданія этого мнѣнія въ дѣйствіяхъ его какъ
директора: быть можетъ качества эти выказывалъ онъ только въ
однихъ частныхъ отношеніяхъ. Сколько можно судить по журналамъ
конференціи гимназіи, въ засѣданіяхъ ея при Яновскомъ не было
поднято для обсужденія ни одного капитальнаго въ учебно-педагоги-
ческомъ отношеніи вопроса; напротивъ, члены конференціи много
занимались препирательствами совершенно формальнаго характера о
ревізій библіотеки ²⁾, о „фальшахъ“, будто бы допущенныхъ проф.
Никольскимъ въ счетныхъ книгахъ гимназіи времени директора Ку-
кольника ³⁾; пространно разсуждали о внѣшнихъ служебныхъ пре-
имуществахъ и проч. Важнѣйшимъ же, по своимъ печальнымъ по-
слѣдствіямъ, дѣломъ конференціи въ первые три года при Яновскомъ
было разбирательство извѣстной исторіи о вольнодумствахъ, внесшей
въ среду профессоровъ полнѣйшій разладъ и отразившейся самымъ
невыгоднымъ образомъ на внутреннемъ состояніи гимназіи п пансіона.
Исторія эта очень подробно разказана по документамъ Н. А. Лавров-
скимъ ⁴⁾. Будучи совершенно однородной съ подобными же исторіями
въ С.-Петербургскомъ ⁵⁾, Казанскомъ ⁶⁾ и Харьковскомъ ⁷⁾ универ-
ситетахъ, иѣжинская исторія вышла первоначально изъ обвиненія
профессоровъ Бѣлоусова, Шапалинскаго, Ландражина и Зингера въ
вольнодумствѣ и вредномъ вліяніи на юношество; обвиненіе шло изъ
самой же среды товарищей и сослуживцевъ обвиняемыхъ, особенно
проф. Билевича, который еще въ рапортѣ отъ 7-го мая 1827 года,
указывая на признаки дурнаго поведенія пансіонеровъ и вольнопри-
ходящихъ, говоритъ, что „примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣ-
которыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія
въ основаніяхъ права естественнаго“ (читавшагося проф. Бѣлоусовымъ),
и объясняетъ это тѣмъ, что естественное право читается въ гимназіи

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 208.

²⁾ Журналы конференціи за 1829 годъ, мартъ и апрѣль.

³⁾ Журналы конференціи за 1828 годъ, іюнь—декабрь, и 1829 годъ, январь,
мартъ, іюнь.

⁴⁾ Стр. 195—230.

⁵⁾ *Сухомлиновъ*. Статьи и изслѣдованія I, 254—397.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 229—231.

⁷⁾ *Лавровскій*, Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета. *Ученіа съ
общества исторіи и древностей Россійскихъ*, 1873, кн. 2.

не по системѣ де-Мартини, вопреки предписанію попечителя отъ 19-го мая 1824 года, а по основаніямъ философін Канта и Шада ¹⁾). Директоръ Яеновскій, сколько можно судить изъ документовъ, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы дать этой исторіи менѣе острый характеръ; изъ засѣданій гимназической конференціи разслѣдованіе дѣла (съ участіемъ въ немъ пансіонеровъ, напримѣръ Кукольника, Гоголя, Родзянки и другихъ) перенесено было къ высшему началству. Въ февралѣ 1830 года прибылъ въ Нѣжинъ изъ Петербурга командированный для этого дѣла и для ревизіи гимназій во всѣхъ частяхъ членъ главнаго правленія училищъ Э. В. Адеркасъ, а отъ 27 октября 1830 года министромъ было сообщено въ гимназію слѣдующее рѣшеніе: „Государь Императоръ, въ 26 день сего октября, высочайше повелѣть соизволилъ: профессоровъ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, Шапалинскаго и Бѣлоусова, за вредное на юношество вліяніе, а Лапдражина и Зингера, сверхъ того, и за дурное поведеніе, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорта, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы въ службѣ по учебному вѣдомству, и тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за границу, а русскихъ на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи“ ²⁾). Мы приведемъ здѣсь справедливыя заключительныя слова объ этой исторіи Н. А. Лавровскаго: „Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что исторія о вольнодумствѣ, поглотившая совершенно непроизводительнo столько труда и времени, принесшая столько вреда существу дѣла, надѣлавшая столько шума, тревогъ и волненій, въ дѣйствительности вовсе не имѣла тѣхъ размѣровъ и того вида, какіе она получила впоследствии въ процессѣ постепеннаго своего развитія. Возникши первоначально изъ личныхъ и мелкихъ неудовольствій, она поддерживалась, возбуждалась и возростала подъ вліяніемъ съ одной стороны все болѣе и болѣе оскорбляемаго самолюбія, искавшаго себѣ во что бы то ни стало удовлетворенія, и все болѣе и болѣе усиливавшихся самонадѣянности и заносчивости съ другой. Извѣстно, что первый рапортъ Билевича, направленный главнымъ образомъ противъ театральныя представленія и безпорядковъ пансіона, слегка и мимоходомъ касается преподаванія естественнаго права, указывая только на то, что преподаватель не руководствуется предписаннымъ сочиненіемъ

¹⁾ Н. Лавровскій, стр. 196.

²⁾ Н. Лавровскій, стр. 228.

де-Мартини. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что отобранныя отъ учениковъ записки потерпѣли сильныя искаженія отъ учениковъ, особенно при участіи Кукольника, и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя измѣненія въ интересахъ обвинявшей стороны; что и устныя показанія учениковъ также не были свободны отъ вліяній и внушеній съ той и другой стороны, какъ то и обнаружилось впоследствии. Страсти при продолжительномъ и непрерывномъ возбужденіи воспламенились наконецъ до той степени, на которой теряется равновѣсіе, исчезаетъ чувство мѣры и правды и не разбираются средства для достиженія цѣли. Нельзя не пожалѣть, что Шапалинскій, во время исправленія должности директора, излишнею снисходительностью къ одной сторонѣ, соединенною съ невниманіемъ къ установленнымъ закономъ порядкамъ и формамъ, и небрежнымъ отношеніемъ къ другой усиливалъ пражду и тѣмъ осложнял исторію. Болѣе всего пострадало заведеніе. Три года было парализовано обученіе: и учившіе, и учившіеся, находясь въ ненормальномъ состояніи, конечно относились и къ обученію ненормально. Самое преобразование гимназій, послѣдовавшее спустя два года послѣ слѣдствія, совершилось, должно полагать, подъ вліяніемъ той же исторіи¹⁾.

Такъ, естественно подходило къ концу существованіе гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко. Теряя довѣріе высшей власти, гимназія, однако же, не смотря на свои внутреннія неурядицы, не теряла довѣрія общества: къ 1-му января 1832 года въ ней было 358 человекъ, изъ которыхъ—26 пансіонеровъ и 332 вольноприходящихъ; такъ велика была потребность въ образованіи. Просуществовавъ, послѣ печальнаго окончанія исторіи о вольнодумствѣ, безъ особыхъ событій, еще два года, гимназія была преобразована, 7-го октября 1832 года, въ физико-математическій лицей князя Безбородко. Классы гимназій закрывались постепенно, съ постепеннымъ открытіемъ курсовъ лицея, и просуществовали такимъ образомъ до 1837 года.

Вотъ какъ позднѣе объясняла преобразование гимназій высшихъ наукъ въ лицей официальная историческая записка, читанная на торжественномъ актѣ лицея 18-го іюня 1855 года: „Воспитанники гимназій высшихъ наукъ могли получить въ ней образованіе довольно многостороннее, но за то энциклопедическое только. Въ послѣднемъ изъ разрядовъ гимназическаго курса, который долженъ былъ дать обучающимся въ гимназій высшее образованіе, въ теченіе трехъ лѣтъ

¹⁾ Стр. 230—231.

излагались: Законъ Божій, російская словесность, философія, науки историческія, науки математическія и физическія, науки политическія. науки военныя и сверхъ того языки: греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій и ихъ словесность. Въ три года такое множество предметовъ, преподаваніе коихъ при томъ было раздѣлено сравнительно между немногими, именно восемью профессорами, имѣвшими обязанность, сверхъ высшаго разряда, преподавать также въ разрядѣ среднемъ, могло натурально быть проходимо только въ общихъ чертахъ, а не въ такой глубинѣ, въ какой науки должны быть излагаемы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлю поставить своихъ слушателей вполне въ уровень съ современнымъ состояніемъ тѣхъ наукъ, которыя въ нихъ читаются. Къ этому недостатку устройства гимназіи высшихъ наукъ присоединился еще другой. Въ высшемъ трехлѣтніи ея курса проходились предметы самые разнородные. Между тѣмъ, по общему правилу, каждый изъ людей, занимающихся науками, имѣетъ способности и чувствуетъ, сообразно съ этимъ, склонность къ одному какому-нибудь разряду наукъ. Только этотъ разрядъ онъ въ состояніи изучать основательно, только въ этомъ разрядѣ онъ можетъ сдѣлаться со временемъ производительнымъ дѣятелемъ. Исключенія изъ сего правила очень рѣдки. Въ гимназіи высшихъ наукъ воспитанникъ не могъ слѣдовать влеченію своихъ дарованій—своему призванію. Онъ долженъ былъ заниматься многими предметами, которые ему были не по нутру, и такимъ образомъ съ одной стороны дѣлать себѣ духовное насиліе, а съ другой стороны — видѣть себя въ любимыхъ наукахъ успѣвающимъ меньше, чѣмъ сколько онъ могъ бы въ нихъ усилъ, если бы занимался ими исключительно и не раздѣлялъ своего времени и своихъ трудовъ между ими и другими предметами⁴ 1).

Говоря о лицахъ, руководившихъ гимназіей или вообще трудившихся надъ выполненіемъ ея учебно-воспитательныхъ цѣлей за весь періодъ недолгаго ея существованія, нельзя умолчать и о ея почетномъ попечителѣ. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко не только, какъ мы видѣли, положилъ много труда и хлопотъ на гимназію до ея открытія, но и послѣ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ ея жизни; на свои обязанности попечителя смотрѣлъ онъ очень широко и серьезно. Между администраціей гимназіи и имъ существовала

¹) Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи въ 1854—55 учебномъ году. Кіевъ, 1856, стр. 21—22.

постоянная и дѣятельная переписка по многимъ, часто очень мелкимъ вопросамъ, какъ учебно-воспитательнаго, такъ и хозяйственнаго характера. Даже уѣзжая за границу, онъ требовалъ доставлять себѣ свѣдѣнія о гимназіи въ извѣстные сроки. Ни одно важное дѣло въ гимназіи не получало движенія или осуществленія безъ вѣдома почетнаго попечителя, при чемъ онъ никогда не упускалъ возможности подать въ такихъ случаяхъ добрый совѣтъ или оказать содѣйствіе своимъ вліяніемъ, всегда обнаруживая величайшую внимательность къ жизни гимназіи. На нѣкоторыя торжества и публичныя испытанія учениковъ онъ пріѣзжалъ въ Пѣжицъ самъ, иногда производилъ общую ревизію, всячески стараясь вникать въ дѣло и изыскивать средства для его улучшенія. Словомъ, гимназія чрезвычайно многимъ была обязана графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, и его авторитетное имя, какъ покровителя гимназіи, безъ сомнѣнія, играло немалую роль въ томъ довѣріи, которое гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко быстро приобрѣла и все время удерживала среди мѣстнаго малороссійскаго общества.

V.

Выдающіеся воспитанники гимназіи; ихъ научная, литературная и общественная дѣятельность.

Несмотря на кратковременность своего существованія, гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко успѣла выпустить свыше ста „кандидатовъ“ и „дѣйствительныхъ студентовъ“, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными на поприщѣ науки, литературы и государственной службы. Намъ кажется вполне уместнымъ здѣсь вкратцѣ упомянуть о нихъ, такъ какъ это до нѣкоторой степени можетъ служить къ оцѣнкѣ и самого учебнаго заведенія.

Изъ воспитанниковъ гимназіи, посвятившихъ себя служенію наукъ и бывшихъ преподавателями въ русскихъ университетахъ, должно назвать здѣсь профессоровъ Рѣдкина, Рославскаго-Петровскаго и Домбровскаго.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ (1808 — 1891), первый кандидатъ перваго выпуска гимназіи 1826 года, удостоенный при окончаніи курса золотой медали, еще на ученической скамьѣ обнаружилъ, по словамъ одного изъ его биографовъ, замѣчательную любовь къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ: „проходя курсъ гимназическихъ наукъ—говоритъ В. Толбинъ—Рѣдкинъ независимо отъ общаго пре-

подаванія, много почерпалъ свѣдѣній въ гимназической библіотекѣ, состоявшей почти исключительно изъ французскихъ книгъ, въ особенности историческихъ. Доступъ въ эту библіотеку былъ тѣмъ болѣе свободенъ, что библіотекаръ, профессоръ Ландражинъ, взялъ его къ себѣ въ помощники. Въ особенности благотворно дѣйствовало на него литературное направленіе, господствовавшее между воспитанниками. Въ свободное отъ классныхъ занятій время, онъ вмѣстѣ съ другими тремя товарищами (Базили, Кукольникомъ и Тарновскимъ) предпринялъ огромный трудъ: возможно полное сокращеніе всеобщей исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ и состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ кварталонъ. Трудъ этотъ, хотя и не былъ оконченъ, много способствовалъ не только основательному изученію русскаго и французскаго языковъ, но и развитію историческаго смысла, а главное — приучалъ къ ученымъ занятіямъ. Независимо отъ этого, въ тѣсной комнаткѣ Рѣдкина, въ квартирѣ гувернера Мышковскаго, надзору котораго былъ онъ порученъ, постоянно собирався кружокъ товарищей-журналистовъ, издателей рукописныхъ журналовъ и альманаховъ для чтенія, и критической оцѣнки заключавшихся въ нихъ статей. Въ этихъ ученическихъ изданіяхъ впервые началось литературное поприще впоследствии извѣстныхъ нашихъ писателей: Гоголя, Кукольника, Базили, Прокоповича и другихъ, составившихъ себѣ имя въ литературѣ¹⁾. Мысль посвятить себя ученой дѣятельности и сдѣлаться профессоромъ зародилась и окрѣпла у Рѣдкина еще въ гимназій, и вотъ, немедленно по окончаніи въ ней курса, онъ, преодолевая значительныя семейныя препятствія, отправляется въ Московскій университетъ и, поступивъ въ число слушателей этико-политическаго отдѣленія, продолжаетъ здѣсь свои научныя занятія — главнымъ образомъ въ области историческихъ и юридическихъ предметовъ. Черезъ два года онъ является уже слушателемъ тѣхъ же наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, пользовавшемся тогда большою славой, а еще черезъ два года отправляется съ тою же цѣлью за границу, гдѣ до половины 1834 года усердно занимается у знаменитѣйшихъ профессоровъ Берлинскаго университета (Савиньи, Рудорфа, Эйхгорна, Гегеля и другихъ), а по лѣтамъ путешествуетъ по Италіи, Швейцаріи и Германіи. Возвратясь въ 1834 году въ Россію и приобретя степень доктора правъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ,

¹⁾ Лицей князя Безбородко. Издавъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко. С.-Пб. 1859 года, стр. 120. Ср. Гимназія высшихъ наукъ, стр. 329.

Рѣдкинъ въ слѣдующемъ году назначенъ былъ преподавателемъ, а вскорѣ и профессоромъ по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ Московскій университетъ. Выйдя въ 1848 году, по личнымъ убѣжденіямъ, вмѣстѣ съ оставленіемъ должности попечителя графомъ Строгановымъ, изъ Московскаго университета, Рѣдкинъ переселяется въ Петербургъ и занимаетъ въ 1849 году мѣсто секретаря и правителя канцеляріи товарища министра удѣловъ графа Перовскаго; въ 1851 году дѣлается членомъ общаго присутствія департамента удѣловъ, а въ 1876 году — его председателемъ, кончая свою административную службу въ званіи члена государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ, Рѣдкинъ въ 1863 году, при введеніи новаго университетскаго устава, вступивъ въ составъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи права, продолжаетъ работать на этомъ любимомъ для него поприщѣ до 1879 года, исполняя въ то же время должность декана, а потомъ ректора. Въ 1888 году, уже въ глубокой старости, 80-ти лѣтъ отъ роду, вѣрный своему юношескому девизу „ежедневно снова жить“, Рѣдкинъ принимается за опубликованіе своихъ университетскихъ курсовъ „по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“ и при жизни своей, менѣе чѣмъ въ три года, выпускаетъ 6 томовъ, а послѣ его смерти (7-го марта 1891 года) вышелъ и 7-й томъ этого капитальнѣйшаго изданія („Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“. Томы I—VII. С.-Пб. 1889—1891 г.), которымъ авторъ далъ рѣдкій примѣръ необыкновенной преданности своему дѣлу, свѣжести мысли въ столь преклонные годы и высокаго идеальнаго настроенія. Въ этомъ отношеніи глубоко назидательны слѣдующія слова изъ предисловія къ этому изданію старика-труженика, переступившаго въ девятый десятокъ своей жизни: „Я продолжаю чувствовать въ себѣ и непреодолимую потребность, и достаточную силу продолжать трудиться на разъ — какъ бы инстинктивно — избранномъ мною поприщѣ университетскаго профессора, какъ преподавателя той науки, которая названа была у насъ энциклопедіей права, и отъ которой я не отвлекался даже въ промежутокъ между занятіемъ мною кафедръ по этому предмету сперва въ Московскомъ, а потомъ и въ Петербургскомъ университетахъ. Я такъ свыкся съ моими профессорскими занятіями, что безъ нихъ чувствую въ своей жизни такую пустоту, которая лишаетъ меня и бодрости и свѣжести духа, погружая въ тоску и апатію. Да-

лѣе, я давно усвоилъ себѣ привычку начинать каждый день такъ, какъ будто я собираюсь жить снова¹⁾).

Говоря о Рѣдкинѣ даже самымъ бѣглымъ образомъ, нельзя умолчать о его педагогической дѣятельности, которую онъ началъ еще во время своего московскаго профессорства въ качествѣ инспектора надъ частными учебными заведеніями и инспектора классовъ Александринскаго сиротскаго института; къ этому же времени московской жизни Рѣдкина относится и дѣятельное сотрудничество его по вопросамъ воспитанія въ журналѣ *Библиотека для воспитанія*, издававшемся въ Москвѣ въ 1843—1846 годахъ Августомъ Семеновъ, и собственное изданіе журнала *Новая библиотека для воспитанія*, десять частей, Москва, 1847 года. Незадолго до того, въ 1842—1843 годахъ, командированный отъ правительства въ Германію, Францію и Англію для ближайшаго ознакомленія съ учебнымъ дѣломъ, Рѣдкинъ явился проповѣдникомъ педагогическихъ идей Песталоцци, Фребеля и Дистервега; съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Н. И. Пироговымъ, работаетъ надъ проведеніемъ въ практику русскаго воспитанія новыхъ жизненныхъ педагогическихъ идеаловъ и въ 1859 году основываетъ С.-Петербургское Педагогическое Общество, привлекая къ содѣйствію такихъ почтенныхъ впоследствии дѣятелей, какъ А. А. Чумиковъ, І. И. Паульсонъ, А. С. Вороновъ, К. И. Май, К. Я. Любевиль, Н. X. Вессель, В. И. Водозовъ, Д. Д. Семеновъ и другіе. При его ближайшемъ участіи возникли и издавались педагогическіе журналы: „*Воспитаніе*, руководство для родителей и воспитателей“ Чумикова и *Учитель* Паульсона и Весселя; онъ же былъ и убѣжденнѣйшимъ раторборцемъ образованія женщинъ, анонимно выпустивъ замѣчательный сборникъ статей подъ заглавіемъ: „Къ рѣшенію вопроса о женскомъ образованіи“. С.-Пб. 1888 года“. Словомъ, Рѣдкинъ былъ истиннымъ „педагогомъ по призванію, пролившимъ въ наше воспитаніе гуманныя христіанскія идеи, въ наше обученіе здравыя педагогическія начала“²⁾, и его выдающіяся заслуги въ этой области уже давно получили общепризнанную высокую оцѣнку.

Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій (1816—1871 г.), другой замѣчательный воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ, по

¹⁾ Томъ I, стр. VII.

²⁾ Д. Семеновъ. Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Очеркъ его педагогической дѣятельности. *Русская Старина*, 1891 года, августъ, стр. 326.

окончаніи курса въ 1833 году, продолжалъ свои занятія въ Харьковскомъ университетѣ, получивши тамъ въ 1837 году степень кандидата, въ 1839—магистра, а въ 1845—доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Ученикъ Кронеберга и Артемовскаго-Гулака, Рославскій-Петровскій и служебное поприще свое проходилъ въ томъ же университетѣ, который помогъ ему завершить свое научное образованіе, читая тамъ сначала статистику, а потомъ всеобщую исторію и политическую экономію. О его преподавательской дѣятельности Г. П. Данилевскій дѣлаетъ такой отзывъ: „Имѣя въ виду, что всеобщая исторія обладаетъ весьма богатою литературой, которой посвящали свою дѣятельность многіе отличные умы нашего и прежнихъ временъ, Рославскій не считалъ нужнымъ предлагать своимъ слушателямъ собственныя изслѣдованія и выработать новые взгляды, но постоянно заботился о томъ, чтобы передать имъ въ строгой систематической формѣ и съ юридическою точностью, избѣгая многословія, результаты, добытые другими и получившіе уже право гражданства въ наукѣ, а также обращалъ вниманіе на полноту содержанія излагаемаго имъ предмета, для чего, независимо отъ изложенія политической исторіи, посвящалъ значительную часть своихъ лекцій внутренней исторіи, изученію духовной жизни народовъ, какъ она отразилась въ нихъ религіи, государственномъ устройствѣ, въ наукѣ и искусствѣ, въ промышленной и частной жизни“¹⁾. Будучи профессоромъ, Рославскій-Петровскій одно время былъ деканомъ историко-филологическаго факультета и ректоромъ университета²⁾.

Третьимъ изъ воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ, посвятившихъ себя профессорской дѣятельности, былъ Василій Ѳеодоровичъ Домбровскій (1810—1845), окончившій курсъ въ 1831 году. Будучи въ гимназіи, онъ не остался въ сторонѣ отъ того литературнаго увлеченія, которое захватило собою всѣхъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ его времени: на школьной скамьѣ онъ издавалъ рукописный журналъ „Аматузія“, главнымъ вкладчикомъ котораго по литературной части былъ извѣстный впоследствии писатель Гребенка, а критикомъ — самъ редакторъ. Поступивши въ 1831 году, изъ

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 431.

²⁾ См. о Рославскомъ-Петровскомъ также воспоминанія проф. Н. Ѳ. Сушикова въ „Матеріалахъ для исторіи Харьковскаго университета“. *Записки Императорскаго Харьковскаго университета*, 1894, № 4, лѣтопись, стр. 1—4.

нужды, надзирателемъ при гимназическомъ пансіонѣ, онъ вскорѣ, однакоже, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, былъ замѣченъ начальствомъ и переведенъ учителемъ сначала въ Кіевское уѣздное училище, а затѣмъ въ Кіевскую 1-ю гимназію; въ 1838 году, замѣченный С. С. Уваровымъ и вызванный въ Петербургъ для ознакомленія съ новыми методами преподаванія исторіи, Домбровский назначенъ былъ въ Кіевскій университетъ на каедру русской исторіи, сначала адъюнктомъ, а потомъ (въ 1840 году) экстраординарнымъ профессоромъ. Кромѣ русской исторіи, читалъ онъ и политическую экономію, будучи въ то же время учителемъ географіи и исторіи въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и состоя членомъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Обладая даромъ краснорѣчиваго изложенія, Домбровский въ 1841 и 1842 годахъ выступалъ передъ кіевской публикой съ публичными лекціями по русской исторіи и имѣлъ значительный успѣхъ ¹⁾.

Первые годы существованія гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко рѣзко отмѣчены были чрезвычайнымъ развитіемъ среди воспитанниковъ литературныхъ званій и интересовъ, явившихся отраженіемъ общаго въ то время увлеченія изящной литературой среди русской интеллигенціи. Литература въ ту пору играла видную роль въ жизни; всѣ считали долгомъ ея интересоваться, заниматься или ей покровительствовать, и общественное ея значеніе далеко выходило за предѣлы простаго домашняго развлеченія. Школьная молодежь какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи жадно слѣдила за этимъ литературнымъ движеніемъ, усиленно читала статьи и книги литературнаго содержанія и старалась подражать; самостоятельные литературные опыты составлялись какъ въ классахъ, подъ руководствомъ наставниковъ, такъ еще болѣе внѣ класса, въ товарищеской средѣ, въ кружкахъ, объединявшихся страстью къ чтенію и попытками собственнаго творчества. Наилучшимъ образомъ страсть эта находила свое выраженіе въ рукописныхъ школьныхъ журналахъ, юные издатели и сотрудники которыхъ не щадили ни времени, ни труда, чтобы сдѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, похожими на журналы настоящіе. Нѣжинская гимназія находилась

¹⁾ Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра. Подъ редакціей профессора В. С. Иконникова. Кіевъ 1884, стр. 182—184. Ср. Воспоминанія И. Г. Кулжинскаго въ *Москвитинѣ*, 1864, № 21, Сибѣрь, стр. 10.

въ этомъ отношеніи въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, соединивъ подъ своєю кровлей значительную группу молодыхъ людей, обладавшихъ большою и горячей любовью къ литературнымъ занятіямъ. Мы уже упомянули выше Рѣдкина и Домбровскаго; сюда же должно отнести Гоголя, Кукольника, Гребенку, Тарновскаго, Базили, Любича-Романовича, Прокоповича и др., которые въ продолженіе почти всего существованія гимназій поддерживали въ ея стѣнахъ духъ увлеченія литературой; не малымъ подспорьемъ этому служилъ и гимназическій театръ, пробуждая въ наиболѣе даровитыхъ ученикахъ артистическій вкусъ, завлекая интересомъ къ искусству и поэтическому творчеству въ драматической формѣ ¹⁾. Если большая часть членовъ этой замѣчательной ученической среды, сохраняя и послѣ школы любовь къ литературѣ и занимаясь ею, посвятила себя однако же служебной дѣятельности, то по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ оказалось такихъ, которые сдѣлали литературу своимъ единственнымъ занятіемъ и, хотя далеко неодинаковые по своимъ дарованіямъ, завоевали себѣ болѣе или менѣе почетныя и извѣстныя имена въ русской литературѣ. Это были—Гоголь, Кукольникъ и Гребенка.

Здѣсь, конечно, нѣтъ нужды распространяться ни о жизни Гоголя (1809—1852), всѣмъ извѣстной, ни о его литературныхъ трудахъ, высокое историческое значеніе которыхъ никѣмъ не оспаривается. Считаемо умѣстнымъ сказать лишь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ школѣ и школьнымъ товарищамъ. П. А. Кулишъ, со словъ товарищей Гоголя Г. И. Высоцкаго и Н. Я. Прокоповича, передаетъ, что еще на школьной скамьѣ ²⁾ Гоголь проявилъ стремленіе къ поэтическому творчеству какъ въ стихахъ (эпиграмма на воспитанника Бороздина, баллада „Дрѣ рыбы“), такъ и въ прозѣ (сатира „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ законъ не писанъ“); сохранилось преданіе о стихотворной трагедіи „Разбойники“, также писанной Гоголемъ въ гимназій ³⁾; быть можетъ, что идеалія

¹⁾ В. Шенрокъ, „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“, *Вѣстникъ Европы*, 1890, № 1, стр. 79—82; А. Колловичъ, „Дѣтство и юность Гоголя“, *Московский Сборникъ*, подъ редакціей С. Шаранова. Москва 1887, стр. 213—214. Ср. *Гимназія высшихъ наукъ*, стр. 304, 337—338, 403, 429; В. Шенрокъ „Материалы для біографіи Гоголя“ т. I, стр. 91, 250—251.

²⁾ Въ гимназію Гоголь поступилъ въ маѣ 1821 года, а окончилъ курсъ въ іюні 1828 года.

³⁾ Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. Т. I. Спб. 1856, стр. 24—25.

„Гансъ Кюхельгартенъ“ также написана Гоголемъ въ школѣ ¹⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гоголь принималъ дѣятельное участіе въ гимназическихъ рукописныхъ журналахъ, изъ которыхъ сохранилась тетрадка, помѣченная январемъ 1826 года, подъ заглавіемъ „Метеоръ литературы“ и писанная, по свидѣтельству г. Пономарева ²⁾, сплошь рукою Гоголя. Что можетъ принадлежать въ этой тетрадкѣ Гоголю, опредѣлять трудно, но онъ былъ, вѣроятно, редакторомъ и велъ это свое дѣло съ большой любовью, прилежно работая надъ тѣмъ, чтобы придать тетрадкѣ видъ настоящаго „журнала“; помѣщенные въ немъ статьи довольно слабы по содержанію и пропикнуты моднымъ въ то время сантиментальнымъ и псевдоисторическимъ характеромъ. Г. Кулишъ, пользуясь успѣшными преданіями, указываетъ и на другія предпріятія Гоголя въ этомъ родѣ въ гимназій ³⁾. Еще болѣе видную роль въ школѣ игралъ Гоголь въ дѣлѣ устройства ученическаго театра: здѣсь онъ являлся и страстнымъ инициаторомъ, и опытнымъ режиссеромъ, и превосходнымъ актеромъ— въ комическихъ роляхъ, привлекая къ занятію театромъ многихъ изъ своихъ товарищей—Прокоповича ⁴⁾, Кукольника, Базиліи, Бородина ⁵⁾, Данилевскаго ⁶⁾. На сколько театръ занималъ Гоголя въ школѣ, это видно изъ его писемъ; такъ, въ письмѣ къ родителямъ, отъ 22-го января 1824 года, онъ настоятельно проситъ прислать ему изъ дому денегъ, полотна и другихъ матеріаловъ для устройства кулисъ и костюмовъ ⁷⁾, а 26-го февраля 1827 года пишетъ матери: „Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провести, какъ мы всю недѣлю веселились безъ усталости. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли все прекрасно. Двѣ французскія пьесы, соч. Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, соч. Коцебу;

¹⁾ В. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, стр. 158—161.

²⁾ „Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя“. *Кіевскія Страницы*, 1884 г., № 5, стр. 143.

³⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 26—27.

⁴⁾ Воспоминанія Т. Г. Пащенко „Гоголь въ Нѣжинѣ“, *Берегъ*, 1880, № 268 декабря 18; см. *Коллосичъ*, стр. 234.

⁵⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 341—342; *Коллосичъ*, стр. 233—235 В. Шенрокъ, Матеріалы I, стр. 76—77.

⁶⁾ В. Шенрокъ, въ *Вѣстникѣ Европы*, 1890, I, стр. 81—82.

⁷⁾ Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 11—12.

руссіа: „Недоросль“, соч. Фонвизина, „Неудачный примиритель“ Княжнина, „Лукавинъ“ Писарева и „Береговое право“, соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много и все пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка то же состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь“ ¹⁾. Въ гимназій же занимался Гоголь довольно усердно музыкой и живописью, очевидно, удовлетворяя тѣмъ же художественнымъ наклонностямъ своей артистической природы, которыя искали удовлетворенія въ занятіяхъ литературой и театромъ. Въ этомъ отношеніи школа представляла Гоголю довольно благоприятную обстановку, и, хотя позднѣе, Гоголь и въ письмѣ къ Высоцкому ²⁾ и въ письмѣ къ матери ³⁾ высказываетъ большое недовольство школой и желаніе приписать все пріобрѣтенное имъ въ школьные годы исключительно самому себѣ, но, какъ справедливо думаютъ біографы ⁴⁾, такіа сужденія являются сильно преувеличенными и страдаютъ субъективизмомъ, объясняемымъ какъ личными обстоятельствами Гоголя въ это время, такъ и его чрезмѣрной впечатлительностью и нервною, отличавшими его и въ болѣе зрѣлыя годы: „даже независимо отъ учебныхъ занятій въ тѣсномъ смыслѣ—справедливо говорить Н. А. Лавровскій ⁵⁾—нельзя утверждать, что семь лѣтъ, проведенныхъ въ гимназій Гоголемъ, были потерянными временемъ: общество товарищей, непрерывный обмѣнъ мыслей и чувствъ, удовлетвореніе возникавшимъ литературнымъ наклонностямъ, товарищеская оцѣнка его первоначальныхъ литературныхъ опытовъ—все это питало, возбуждало и укрѣпляло дарованія Гоголя и приготавливало ихъ къ послѣдующему блестящему выраженію безъ вѣдома самого обладателя дарованій“. Дружбу, завязанную съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по школѣ, Гоголь продолжалъ и позднѣе, часто и охотно вспоминая въ письмахъ къ нимъ о годахъ ученія въ Нѣ-

¹⁾ Сочиненія и письма, т. V, стр. 48. О томъ же и въ такомъ же восторженномъ тонѣ писалъ Гоголь 19-го марта того же года къ Высоцкому: см. *П. В. Владимірова*, Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Кіевъ. 1890, стр. 25—26.

²⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя т. I, стр. 45—46 (отъ 26-го іюня 1827 года).

³⁾ Тамъ же I, стр. 52—53 (отъ 1-го марта 1828 года).

⁴⁾ См., наприимѣръ, *Коллосича* стр. 255—259.

⁵⁾ Стр. 156.

жинѣ и разспрашивая о бывшихъ „одиокашникахъ“ ¹⁾; воспоминаніямъ о счастливыхъ школьныхъ годахъ давалъ мѣсто Гоголь и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, напримѣръ въ „Мертвыхъ душахъ“ ²⁾.

Евгеній Павловичъ Гребенка (1812—1848), окончившій курсъ гимназій въ 1831 году и еще въ томъ же году выступившій въ печати ³⁾, нѣкоторое время находился на военной службѣ въ казакахъ, но вскорѣ, въ 1834 году переселился въ Петербургъ, гдѣ и оставался до конца своей жизни, служа то въ комиссіи духовныхъ училищъ, то занимая мѣсто преподавателя русской словесности въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ столицы—Дворянскомъ Полку, Второмъ Кадетскомъ корпусѣ, Институтѣ горныхъ инженеровъ и офицерскихъ классахъ Морскаго кадетскаго корпуса. Но главнымъ занятіемъ его была не служба, а литература: Гребенка писалъ очень много (отчасти въ стихахъ, но главнымъ образомъ въ прозѣ) и принималъ участіе почти во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ журналахъ и альманахахъ того времени. Привлекательными чертами рисуетъ образъ Гребенки-гимназиста его учитель И. Г. Кулжинскій: „Вѣчно веселый, вѣчно смѣющійся, вѣчно любимый всѣми, и товарищами—и учителями, съ открытою умною и доброю фізіономіей, Евгеній Павловичъ (какъ его честили даже наставники—разумѣется, шутя) учился хорошо, даже притворялся, будто любитъ латинскій языкъ; старался всякому угодить, отъ всякаго заслужить благосклонность. Страсть къ русской литературѣ проявилась въ немъ очень рано, когда ему еще не было 14 лѣтъ. Ижницкій лицей ⁴⁾ построень въ предмѣстьи города. Эта патриархальная часть Ижнина, именующаяся Мачерки, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ большею частью подъ соломенною крышей. Отдѣляющихся одинъ отъ другаго плетневыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а черезъ плетень въ другомъ домѣ квартировалъ Гребенка. Не помню, какъ онъ сблизился со мною, но

¹⁾ См. напримѣръ *Русское Слово*, 1859, I, стр. 97—98, 109—110 (письмо къ Прокоповичу); *Кіевская Старина*, 1883 № 3, стр. 625 (письмо къ Тарновскому) и др.

²⁾ Записка о жизни Н. В. Гоголя т. I, стр. 19—20; *В. Шенрокъ*, Матеріалы I, стр. 79—80; III, стр. 427—428, 432, 439.

³⁾ Стихотвореніемъ „Росдаевъ кирь“, напечатаннымъ въ „Украинскомъ Альманахѣ“ 1831 года, и переводомъ на малороссійскій языкъ поэмъ Пушкина, „Полтава“ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ того же года.

⁴⁾ То-есть въ ту пору еще „гимназія высшихъ наукъ“.

это милое, веселое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не проходило того дня, чтобъ Гребенка чрезъ плетень не перелѣзалъ ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи; рассказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи. Я любовался этимъ кудрявымъ веселымъ мальчикомъ, и называлъ „попощенною юностью“ ¹⁾). Въ гимназіи Гребенка былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ рукописнаго журнала „Аматузія“, издававшася Домбровскимъ, какъ о томъ упомянуто было выше. Воспоминанію о гимназическихъ своихъ годахъ онъ далъ позднѣе мѣсто въ повѣсти 1841 года „Записки студента“ ²⁾); къ мѣсту его школьной жизни относятся стихотвореніе: „Нѣжинъ—озеро“ ³⁾), повѣсти „Водевиль въ частной жизни“ и „Нѣжинскій полковникъ Золотаренко“ ⁴⁾). Въ стихотвореніи 1840 года „Юность“ Гребенка такъ обращается къ этому „золотому времени“ своей жизни:

...Спасибо, дорогая,
Юность милая моя!
О тебѣ вспоминала,
Самъ собой доволенъ я,
Что изъ жаркой этой битвы
Грѣшныхъ мыслей и страстей
Выпосъ я въ душѣ моея
Жкажду истинной молитвы
И любовь къ толгѣ людей.
Хоть меня въ пути суровомъ
Не балуетъ строгій рокъ—
Ты въ вѣнѣхъ моихъ терновомъ
Раззолоченный цвѣтокъ! ⁵⁾

Въ первыхъ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ, начиная съ „Разказовъ Пирятинца“ (С.-Пб. 1837), положившихъ основаніе литературной извѣстности автора, Гребенка видимо подражалъ и въ содержаніи и въ манерѣ разказа Гоголю, чѣмъ вызвалъ даже неудовольствіе со стороны послѣдняго ⁶⁾); хотя позднѣе онъ мало-по-малу освободился отъ этого подражанія, но, обладая литературнымъ талантомъ лишь сред-

¹⁾ Воспоминанія учителя. *Москвитинъ*, 1854 г. № 21, смѣсь, стр. 7—8.

²⁾ Сочиненія Е. П. Гребенки, т. I. С.-Пб. 1862, стр. 301 и сл.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 90—92.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 31—62, 63—89.

⁵⁾ Тамъ же, т. V, стр. 127.

⁶⁾ Біографія Е. П. Гребенки, составленная *Мих. Михайловымъ*, при I т. „Сочиненій“, стр. XXI; *И. В. Аменковъ*, Воспоминанія и критическіе очерки, I. С.-Пб. 1877, стр. 175—176.

ней величины, никогда не проявилъ особой оригинальности творчества, и потому не могъ занять выдающагося положенія въ исторіи нашей литературы. Въ произведеніяхъ, посвященныхъ изображенію современной жизни, больше всего удѣлялъ вниманія Гребенка быту петербургскихъ чиновниковъ и вообще интеллигентныхъ людей средней руки; въ романахъ и повѣстяхъ историческаго содержанія всего охотнѣе обращался онъ къ прошлому своей родной Малороссіи, на языкѣ которой иногда писалъ какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Въ 1847 и 1848 годахъ Гребенка выпустилъ въ свѣтъ восемь частей перваго своего собранія „Романовъ, повѣстей и разказовъ“; это изданіе вызвало въ *Современникѣ* небольшую критическую статью, напечатанную лишь за мѣсяць до его смерти; мы приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мнѣніе тогдашней литературной критики о произведеніяхъ нашего автора. „Имя г. Гребенки—говорить анонимный критикъ—давно извѣстно въ нашей литературѣ; сначала онъ писалъ стихи, потомъ сталъ писать повѣсти. Повѣсти его, никогда не отличавшіяся ничѣмъ особенно оригинальнымъ, бывали прочитываемы съ удовольствіемъ... Что у г. Гребенки есть талантъ—съ этимъ всѣ согласны; иначе его произведенія, незапечатлѣнные ни особенной глубиною мысли, ни особеннымъ знаніемъ жизни, ничѣмъ не могли бы заинтересовать читателя, между тѣмъ онѣ читаются, и читаются легко и скоро... Чего же недостаетъ г-ну Гребенкѣ, чтобы поставить его разомъ въ число лучшихъ писателей? Замѣчательному таланту этого писателя недостаетъ самостоятельности: творчество его всегда находилось подъ вліяніемъ того вкуса, который господствовалъ въ извѣстное время. Успѣхъ нѣкоторыхъ писателей, изъ которыхъ многіе теперь уже давно сошли съ литературнаго поприща, мода, пожалуй, на нѣкоторые приемы, по извѣстному манеру, всегда находили отраженіе въ произведеніяхъ г. Гребенки; и смотря по тому, чѣмъ лучше было это направленіе, чѣмъ оно само собою уже открывало болѣе обширный горизонтъ, тѣмъ болѣе выигрывали его сочиненія... Г. Гребенка то острилъ и прикидывался скептикомъ съ голосу барона Брамбеуса, то описывалъ легкіе случаи и забавлялся происшествіями мѣщанской жизни, съ тою же легкостію и поверхностью взгляда, какъ великосвѣтскіе умолкнувшіе писатели, то поддѣлывался подъ юморъ Гоголя, то, по его указанію, обращался къ малороссійской старинѣ и воспроизводилъ впечатлѣнія своей юности, впечатлѣнія картинъ своей родины, то обращался къ дѣйствительности и подарилъ русской публикѣ прекрасную повѣсть

подъ названіемъ „Куликъ“, то наконецъ прикидывался челоѣкомъ бывалымъ и писалъ разказы и фізіологіи. Т. о., г. Гребенка искушался во всѣхъ родахъ литературы, господствовавшей въ послѣдніе годы, подвизался съ успѣхомъ неравнымъ, слѣдовательно, иногда попадалъ на истинную дорогу, гдѣ могъ развернуться и блеснуть его талантъ, и такъ же иногда хватаясь не за свое дѣло и насилуя свои настоящія способности¹⁾.

Третьимъ литераторомъ, по рѣшительному призванію, изъ воспитанниковъ гимназій высшихъ наукъ былъ Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809—1868), сынъ перваго ея директора. Съ этимъ именемъ мы уже встрѣчались на предшествующихъ страницахъ, приводя воспоминанія Нестора Кукольника о первыхъ годахъ воспитаннаго его учебнаго заведенія и о его наставникахъ. Кукольникъ вспоминалъ о гимназій всегда съ чувствомъ признательности и горделиваго удовлетворенія; онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ И. С. Орлая, какъ сынъ земляка и какъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ²⁾. „Передъ Кукольникомъ—разказывалъ одинъ изъ его сотоварищей, Н. Ю. Артыновъ—всѣ мы благоговѣли. Онъ, когда еще пріѣхалъ изъ Петербурга съ отцемъ своимъ, который былъ назначенъ директоромъ въ нашу гимназію, то уже зналъ отлично языки французскій, нѣмецкій, итальянскій... Кукольникъ былъ, можно сказать, ученый студентъ. Онъ бралъ изъ основной бібліотеки книги для чтенія на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, что было для насъ въ настоящую диковинку. Словомъ, онъ стоялъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою“³⁾. Кукольникъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе и въ гимназическихъ журналахъ, и въ театральныхъ представленіяхъ; учился онъ превосходно, и при выпускѣ въ 1829 году ему присуждена была золотая медаль и чинъ XII класса, но участіе его въ злополучной исторіи о вольнодумствѣ имѣло для него то послѣдствіе, что, по распоряженію министра, ни медали, ни чина онъ не получалъ; ему дано было „простое свидѣтельство о томъ, какииъ предметамъ и съ какииъ успѣхомъ онъ обучался, безъ назначенія класса“⁴⁾. По окончаніи курса, Кукольникъ около двухъ лѣтъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Виленской гимна-

¹⁾ *Современникъ*, 1848 г. № XI, стр. 78—80.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 189—190.

³⁾ *Лета Мамыгичъ*, Гоголь и Кукольникъ въ Пѣжинской гимназій. *Русскій Архивъ*, 1877, № 10, стр. 192.

⁴⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 216.

зін, въ августѣ 1832 года вышелъ въ отставку, а въ апрѣлѣ 1833 года снова поступилъ на службу въ министерство финансовъ и оставался тамъ до самой смерти, выполнивши, по порученію начальства, нѣсколько служебныхъ командировокъ въ разныя мѣста Россіи. Но центръ духовной жизни Кукольника лежалъ въ литературѣ. Еще въ Нѣжинской гимназіи набросалъ опъ свою стихотворную драму „Торквато Тассо“, которую, переселившись въ Петербургъ, окончательно передѣлалъ и издалъ отдѣльною книгой въ 1833 году. Это произведеніе имѣло блестящій успѣхъ и положило начало выдающейся литературной карьерѣ автора ¹⁾. За „Торквато Тассо“ послѣдовалъ цѣлый рядъ драмъ: „Джакомо Саназаръ“, „Рука Всевышняго отечество спасла“, „Князь Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій“, „Роксолана“, „Джуліо Мости“ и др.; еще болѣе плодovitости обнаружилъ Кукольникъ въ области повѣсти и романа: „Эвелина де-Вальероль“, „Альфъ и Альдона“, „Два Ивана, два Степановича, два Костылькова“ и многое множество другихъ произведеній непрерывно слѣдовали одно за другимъ, не мѣшая автору одновременно съ этимъ редактировать *Русскій Вѣстникъ* и *Дажерротинъ*, издавать отдѣльные сборники „Новогодникъ“ и „Сказка за сказкой“, участвовать въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ и наполнять современные альманахи своими стихотвореніями и статьями. Не довольствуясь собственно литературой, Кукольникъ, еще въ гимназіи серьезно интересовавшійся живописью, въ августѣ 1836 года основалъ въ Петербургѣ *Художественную Газету*, просуществовавшую до 1842 года и доставившую издателю званіе почетнаго вольнаго общника Императорской академіи художествъ и дѣйствительнаго члена Общества поощренія художествъ: въ 1845 — 1847 гг. онъ издавалъ другой художественный журналъ *Иллюстрація* съ весьма разнообразнымъ литературнымъ содержаніемъ; сюда же относится и роскошное изданіе Кукольника „Картины русской живописи“, выпущенное въ 1846 году. Словомъ литературная производительность Кукольника была необыкновенна и поражала своими размѣрами ²⁾; что же касается внутренней цѣпности этихъ трудовъ и ихъ значенія въ русской литературѣ, то мы позволимъ себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ статьи Бѣлинскаго, посвященной Кукольнику и напечатанной въ *Современникѣ* 1847 года. Указавъ вначалѣ на необыкновенную

¹⁾ И. И. Панаевъ, „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ“ С.-Пб. 1876, стр. 51 и сл.

²⁾ См. Гимназія мыслихъ наукъ, стр. XLVI—LV.

литературную плодовитость Кукольника и отмѣтивъ тотъ фактъ что его охотно читають, но не столь охотно перечитываютъ, критикъ говоритъ: „Персѣбая въ нашей памяти всѣхъ дѣятелей русской литературы, мы находимъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ г. Кукольникъ такъ много сходства какъ съ Сумароковымъ. Г. Кукольникъ рѣшительно Сумароковъ нашего времени. Знаемъ, что многіе въ нашемъ благонамѣренномъ сравненіи увидятъ желаніе унижить г. Кукольника, и потому спѣшимъ объясниться, чтобы отстранить отъ себя такое несправедливое обвиненіе. Сумароковъ былъ не въ мѣру превознесенъ своими современниками и не въ мѣру унижаемъ нашими современсами. Мы находимъ, что какъ ни сильно ошибались современники Сумарокова въ его гениальности и несомнѣнности его правъ на безсмертіе, но они были къ нему справедливыѣ, нежели потомство. Сумароковъ имѣлъ у своихъ современниковъ огромный успѣхъ, а безъ дарованія, воля ваша, нельзя имѣть никакого успѣха ни въ какое время... Сумароковъ больше другихъ былъ любимцемъ публики своего времени; поэтическія произведенія Ломоносова больше уважали, а Сумарокова— больше любили. Это понятно: онъ больше Ломоносова былъ беллетристъ, его сочиненія были легче, доступнѣе для понятія большинства, больше имѣли отношенія къ жизни. Онъ писалъ не однѣ трагедіи, но и комедіи, плохія конечно, но лучше которыхъ тогда не было... Сумароковъ имѣлъ огромное вліяніе на распространеніе на Руси любви къ чтенію, къ театру, слѣдовательно образованности. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не имѣлъ ни искры таланта, но какъ беллетристъ, онъ для своего времени имѣлъ довольно таланта... Мы сдѣлали бы большую несправедливость, если бы стали утверждать, что по таланту г. Кукольникъ не выше Сумарокова. Нѣтъ, въ наше время и для второстепеннаго успѣха нужно уже гораздо больше таланта, нежели сколько нужно было Сумарокову, чтобы попасть въ гени первой величины. Кромѣ несомнѣннаго и блестящаго беллетристическаго таланта, у г. Кукольника есть и поэтическое чувство и даръ изобрѣтенія въ извѣстной степени... У г. Кукольника есть талантъ для поэтическаго выраженія мыслей, но нѣтъ творческой силы для созданія чего-нибудь цѣлаго, гдѣ всѣ части соразмѣрны и все подчинено общей идеѣ. Нельзя также сказать, чтобы онъ особенно былъ богатъ идеями. Талантъ его неполный, ему недостасть чего-то... отъ того, въ его произведеніяхъ, даже не лишенныхъ частныхъ красотъ, всегда чувствуется какое-то усиленіе, которое въ этомъ случаѣ есть то же безсиліе, что-то утомляющее, скоро пано-

дящее скуку; чувствуется, что авторъ почти вездѣ становится выше своихъ средствъ. Онъ беллетристъ — и только, а ему хочется быть поэтомъ, творцомъ, и онъ всегда борется за произведенія, требующія не такого таланта, и нерѣдко обнаруживаетъ въ нихъ притязанія на такого рода нововведенія и замашки, которыя свойственны только гению¹⁾.

Подлѣ Кукольника, проявившаго большой интересъ къ искусству вообще и къ живописи въ особенности, умѣстно здѣсь назвать имя воспитанника гимназіи высшихъ наукъ, выпуска 1830 года, Аполлона Николаевича Мокрицкаго (род. въ 1811 году), академика Императорской академіи художествъ и профессора Московскаго училища живописи и ваянія. Съ большимъ трудомъ досталась Мокрицкому карьера художника, къ которой шелъ онъ по неодолимому никакими препятствіями призванію. Онъ былъ ученикомъ сначала академика Венеціанова, а затѣмъ Брюлова, передъ которыми восторженно преклонялся. Его кисти принадлежитъ немало историческихъ картинъ и портретовъ, между которыми былъ и портретъ его товарища по гимназіи Е. П. Гребенки. Не обладая особенно выдающимся дарованіемъ, но необыкновенно преданный своему дѣлу и трудолюбивый, Мокрицкій былъ весьма полезнымъ дѣятелемъ въ своей области. Но ограничиваясь живописью, онъ оставилъ свой слѣдъ и въ литературѣ нѣсколькими работами, между которыми слѣдуетъ назвать его воспоминапія о Венеціановѣ и Брюловѣ (въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 и 1857 гг.) и книжку о картинѣ Иванова „Явленіе Христа міру“ (М. 1858).

Немало воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ, сдѣлавшихся впоследствии болѣе или менѣе извѣстными, пошли на административную службу. Назовемъ изъ нихъ нѣкоторыхъ.

Константинъ Михайловичъ Базили (1809—1884) происходилъ изъ греческой семьи, эмигрировавшей въ 1821 году, во время греческаго возстанія, въ Одессу. Благодаря щедрости графа А. Г. Кушелева-Безбородко, онъ, въ числѣ другихъ шести дѣтей-эмигрантовъ, былъ помѣщенъ въ Нѣжинскую гимназію; скоро освоившись съ русскимъ языкомъ, Базили учился здѣсь превосходно²⁾, но до окончанія курса,

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго. Ч. XI, 2-е изд. М. 1876, стр. 153—158.

²⁾ Принимая самое живое участіе въ литературныхъ затѣяхъ своихъ товарищей, Базили былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ въ тотъ опытъ „полной всемірной исторіи“, предпринятый Ш. Г. Радкинскимъ, о которомъ мы упоминали выше: на долю Базили достались тутъ египтяне, ассирияне, персы и греки (Гимназія высшихъ наукъ, стр. 329).

при содѣйствіи переѣхавшаго въ Одессу И. С. Орлая, перешелъ въ Одесскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1830 году. Поступивъ скорѣе на дипломатическую службу при начальникѣ русской эскадры въ греческихъ водахъ адмиралѣ Рикордѣ, К. М. Базили постепенно и быстро пошелъ по служебной лѣстницѣ, какъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, какъ секретарь комиссіи для составленія положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ, какъ генеральный консулъ въ Сиріи и Палестинѣ, какъ русскій посланникъ на Вѣнской конференціи 1855 года и Парижскомъ конгрессѣ 1856 года, наконецъ какъ русскій комиссаръ на Константинопольской международной комиссіи для составленія новыхъ положеній политическаго и гражданскаго устройства Молдавіи и Валахіи. Съ 1860 года и до смерти Базили, поселившись въ Одессѣ, посвящалъ себя общественнымъ дѣламъ въ качествѣ члена херсонскаго земскаго банка, гласнаго одесской думы и предсѣдателя одесскаго уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей. К. М. Базили съ обязанностями дипломатической службы соединялъ и довольно обширную литературную дѣятельность. Изъ сочиненій его, получившихъ особую извѣстность, слѣдуетъ назвать: „Архипелагъ и Греція въ 1830—1831 годахъ. 2 части. С.-Пб. 1834“, „Очерки Константинополя. 2 части. С.-Пб. 1835“, „Босфоръ и новые очерки Константинополя. 2 части. С.-Пб. 1836“, „Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. 2 части. Одесса 1862“ (второе изд. С.-Пб. 1875), анонимно—„Questions du jour. Odessa 1878“. Ему же принадлежитъ и рядъ статей въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ по историческимъ, географическимъ и дипломатическимъ вопросамъ ¹⁾. По словамъ В. А. Яковлева ²⁾, „наиболѣе цѣнныя изъ сочиненій Базили — его описанія Востока, о которыхъ съ похвалою отзывался такой знатокъ этого края и вообще не охотникъ расточать похвалы какъ Сенковскій. Новизна для русскихъ читателей того времени предмета, нѣсколько поверхностный взглядъ на всѣ предметы, что также вполне согласовалось съ уровнемъ читающей публики, и живость изложенія дѣлаютъ то, что „взявшись за книгу — пишеть рецензентъ одной изъ нихъ — вы не выпустите ее изъ рукъ,

¹⁾ Списокъ сочиненій К. М. Базили см. въ „Гимназіи высшихъ наукъ“, стр. VIII—IX.

²⁾ Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгеровъ. Т. II. С.-Пб. 1891, стр. 54.

что въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень рѣдко случается“, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ Сенковскій замѣчаетъ въ сочиненіяхъ Базиліи „примѣтный отбѣнокъ франко-греческихъ повѣрій о турецкомъ обществѣ и образованіи оттомановъ и нѣкоторыхъ статьяяхъ ихъ религіи“. Одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ описаній Востока нашего автора — ихъ правдивость и отсутствіе всякихъ прикрасъ, засвидѣтельствованныя позднѣйшими нашими путешественниками“.

Имя Василя Васильевича Тарновскаго (1810—1866 г.) есть одно изъ тѣхъ скромныхъ, но многозначительныхъ именъ, записанныхъ въ лѣтописяхъ внутренней исторіи такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“ императора Александра II, которыхъ извѣстность и заслуги не бросаются ярко въ глаза, но всегда будутъ заявлять о себѣ всѣмъ истиннымъ друзьямъ упомянутаго великаго освободительнаго движенія. Кандидатъ перваго выпуска гимназіи (1826 года), товарищъ П. Г. Рѣдкина, другъ Гоголя, Тарновскій, по окончаніи курса, продолжалъ свое образованіе на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ также окончилъ курсъ и затѣмъ отправился на службу въ Петербургъ, по контрольному вѣдомству; но призваніе влекло его къ ученому поприщу, и, желая приготовиться къ университетской профессурѣ, онъ опредѣляется учителемъ русской исторіи въ Житомирскую гимназію. Однако неблагопріятно сложившіяся семейныя обстоятельства заставили Тарновскаго оставить учительскую службу и приняться за личное управленіе доставшимся на его долю имѣніемъ. Это новое дѣло привело Василя Васильевича въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ, дало ему возможность близко изучить его нужды—и вотъ любимой мечтой Тарновскаго является освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Онъ начинаетъ изучать крестьянскій вопросъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, изъ жизни и по книгамъ, и первымъ дѣйствительнымъ приложеніемъ этихъ его знаній было участіе въ выработкѣ „инвентарнаго положенія“ для юго-западнаго края, которымъ управлялъ въ то время Д. Г. Вибииковъ. Между тѣмъ чѣмъ далѣе, тѣмъ настойчивѣе носились слухи о предстоящемъ освобожденіи и получали уже свое оправданіе въ нѣкоторыхъ Высочайшихъ рескриптахъ; образовались въ провинціи комитеты для предварительныхъ обсужденій, и Тарновскій, какъ убѣжденнѣйшій сторонникъ идеи освобожденія, былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Черниговскій комитетъ. Вскорѣ его знанія, опытность и энергическое стремленіе къ цѣли обратили на него особое вниманіе высшаго начальства, и онъ выз-

Давно погасшихъ, въ поколѣнья—
 Казалось шлетъ благодаренья
 Свѣтилу, кониъ освѣщенъ
 Былъ этотъ царь степенъ—Мемнонь,

такъ говорилъ авторъ въ посвященіи.

Андрей Николаевичъ Бородинъ (1813—1865), выпущенный изъ гимназіи первымъ кандидатомъ въ 1831 году, проходилъ свое служебное поприще главнымъ образомъ въ министерствѣ путей сообщенія и въ канцеляріи комитета государственнаго коннозаводства, сдѣлавши свое имя весьма извѣстнымъ въ литературѣ по коннозаводскому дѣлу и по другимъ специальнымъ вопросамъ, касавшимся его службы. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ „Военно-энциклопедическаго лексикона“ и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1843 г. по 1855 г., редактировалъ *Журналъ Коннозаводства и Олота*, въ который самъ былъ весьма дѣятельнымъ вкладчикомъ ¹⁾. Независимо отъ того, и онъ, подобно многимъ изъ своихъ нѣжинскихъ товарищей, не чуждъ былъ общелитературныхъ интересовъ, сотрудничая въ журналахъ *Пантеонъ* 1840—1841 гг. и *Сынъ Отечества* 1848—1849 гг. переводами изъ Шекспира („Цимбелинъ“), Байрона („Манфредъ“), Томаса Мура, Шелли, а также и въ другихъ журналахъ стихами и прозой.

Наконецъ, нѣсколько воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко посвятили себя скромному педагогическому поприщу. Изъ нихъ назовемъ мы трехъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность и въ литературѣ.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ (1810—1857), одинъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ друзей Гоголя ²⁾, окончилъ курсъ въ гимназіи, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ 1829 году, и перешалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала принялся за литературныя занятія, потомъ пытался поступить на сцену, наконецъ, послѣ побѣдки въ Нѣжинѣ и женитьбы, по возвращеніи въ Петербургъ, лѣтомъ 1836 года назначенъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ I-ый кадетскій корпусъ, гдѣ и оставался до своей смерти. Среди однообразныхъ педагогическихъ обязанностей, Н. Я. Прокоповичъ находилъ время заниматься и литературой: его перу принадлежатъ нѣсколько балладъ, сказокъ и мелкихъ стихотвореній, на-

¹⁾ См. Гимназія высшихъ наукъ, стр. X—XVII.

²⁾ См. письма Гоголя къ Прокоповичу въ *Русскомъ Словѣ*, 1859, I.

печатанныхъ первоначально въ разныхъ журналахъ и альманахахъ ¹⁾ и собранныхъ потомъ Н. В. Гербелемъ въ особой книжкѣ „Стихотворенія Н. И. Прокоповича. С.-Пб. 1858“. Эти немногіе опыты пера Прокоповича не лишены по мѣстамъ поэтической граціозности и отличаются хорошимъ стихомъ. О личныхъ же свойствахъ Прокоповича такъ отзывается Гербель: „Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые въ отведенномъ имъ судьбою тѣсномъ кругѣ дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ, встрѣчающихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знаяшіе его коротко сохранять о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, способномъ къ самой преданной и безкорыстной дружбѣ; а мисія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимого учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма, преподаваніе“ ²⁾.

Въ другой столицѣ проходилъ свою педагогическую службу Николай Ивановичъ Билевичъ (род. въ 1812 году), окончившій курсъ гимназій въ 1830 году и продолжавшій свое образованіе на философскомъ и юридическомъ факультетахъ Московскаго университета. Здѣсь, въ Москвѣ, занявши мѣсто учителя исторіи и географіи въ Московской практической академіи, Билевичъ въ то же время сошелся съ Полевымъ, Надеждинымъ, Кирѣевскимъ и другими литераторами, что давало ему возможность пополнять свое литературное образованіе. Затѣмъ онъ былъ послѣдовательно учителемъ исторіи и статистики—въ старшемъ классѣ института оберъ-офицерскихъ дѣтей при Воспитательномъ домѣ, въ женскомъ Александровскомъ училищѣ, учителемъ словесности—въ разныхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 3-й Московской гимназій, въ Дворянскомъ институтѣ, въ Дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, по порученію начальства Воспитательнаго дома, составленіемъ учебника всеобщей исторіи: онъ уже успѣлъ составить курсъ древней исторіи, пользуясь совѣтами П. Г. Рѣдкина и профессора Московскаго университета Крюкова, какъ это дѣло начальствомъ было прекращено, и трудъ Билевича остался безъ употребленія. Въ московскій же періодъ своей жизни Билевичъ выступилъ и въ литературѣ сатирическимъ сочиненіемъ „Картинная галлерей свѣтской жизни или нравы XIX

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. LXII—LXIII.

²⁾ Стихотворенія Н. И. Прокоповича, стр. 56—57.

столѣтія“ (Москва, 1833 года, двѣ части), не имѣвшимъ, впрочемъ, большаго успѣха; гораздо лучше было принято другое сочиненіе Билевича „Святочныя вечера или разказы моей тетушки“ (два изданія; Москва, 1836 года, и С.-Пб. 1839 года) ¹⁾. Въ 1848 году Билевичъ временно покинулъ Москву, назначенный инспекторомъ въ Калужскую гимназію, но въ 1850 году онъ переведенъ былъ на ту же должность въ 1-ю Московскую гимназію. Получивъ въ 1853 году отставку отъ службы, Билевичъ переселился на свою родину въ Курскъ, гдѣ и продолжалъ свои любимыя занятія литературой, преимущественно какъ члѣвъ-корреспондентъ и какъ заведывающій Курскимъ статистическимъ комитетомъ. Изъ другихъ сочиненій Билевича, кромѣ названныхъ, особенно слѣдуетъ упомянуть „Николай Ивановичъ Новиковъ“, „Русскія писательницы XVIII вѣка“ и „Русскія писательницы XIX вѣка“, напечатанныя въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* 1847 года; изъ нихъ послѣднія два не утратили своего значенія и дониндѣ ²⁾.

Педагогическому поприщу посвятилъ себя и Викторъ Кирилловичъ Каминскій (1808—1865), окончившій гимназію въ 1831 году со степенію кандидата и въ 1834—1845 годахъ бывшій преподавателемъ математики и наставникомъ-наблюдателемъ въ Повгородскомъ кадетскомъ графа Аракчеева корпусѣ, а въ 1845—1850 годахъ служившій въ той же должности въ Полтавскомъ Петровскомъ корпусѣ. Поправивъ, по выходѣ въ отставку въ 1850 году, разстроенное здоровье на родинѣ (въ Черниговской губерніи), Каминскій, издавна исполненный высокаго религіознаго чувства, отправился путешествовать во Святую Землю, и литературнымъ результатомъ этого путешествія явилась книга „Воспоминанія поклонника Святой Земли“, выдержавшая три изданія (С.-Пб. 1855, 1856 и 1859 года). По свидѣтельству протоіерея А. О. Хайнацкаго ³⁾, эта книга „въ свое время имѣла не малое вліяніе на умы и сердца своихъ читателей“. Затѣмъ Каминскій предпринялъ второе путешествіе: побывалъ въ Аравіи, на Синаѣ и снова въ Палестинѣ, въ Сиріи и на Лопѣ; — и также думалъ надать описанію всего имъ видѣннаго, но, сколько мы знаемъ,

¹⁾ См. статью *Билевича* въ *Молотѣ* 1836 года: Сочиненія, часть II, изданіе 5-е, Москва, 1833 года, стр. 250—251.

²⁾ *Вестникъ*, Критико-біографическій словарь, III, С.-Пб. 1892 года, стр. 272—273.

³⁾ Къ исторіи философской науки въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. *Древняя и Новая Россія*, 1879 г., № 6, стр. 176.

не успѣлъ этого исполнить. Умеръ Каминскій въ Иерусалимѣ и похороненъ на Сионѣ.

Если прибавить къ названнымъ именамъ почтенныхъ военныхъ дѣятелей Александра Людвиговича Гинтовта и Леонида Платоновича Рудановскаго, изъ которыхъ первый окончилъ курсъ гимназій въ 1830 году, а второй — въ 1832 году, то можно видѣть, на какіе разнообразныя пути общественнаго служенія выходили ея питомцы. Причина этого лежала въ томъ энциклопедизмѣ гимназическаго обученія, который, давая общее образованіе, не подготовлялъ специально ни къ чему; онъ представлялъ и положительную сторону, отвѣчая требованіямъ большинства на запросы образованія, и отрицательную, указанную ему временемъ и послужившую однимъ изъ главнѣйшихъ основаній для преобразованія гимназій высшихъ наукъ въ физико-математическій лицей.

Е. Пѣтуховъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Филипповъ. Исторія сената въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Часть I. Сенатъ въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1896.

Предметъ изслѣдованія г. Филиппова составляетъ исторія сената всего за четыре года, съ 8-го февраля 1726 по 4-го марта 1730 года. Все значеніе этого кратковременнаго эпизода сводится всецѣло къ взаимнымъ отношеніямъ сената и верховнаго тайнаго совѣта. Только существованіе верховнаго тайнаго совѣта даетъ основаніе къ выдѣленію и обособленію этого четырехлѣтія въ исторіи сената; только учрежденіемъ и дѣятельностью верховнаго тайнаго совѣта обусловлены всѣ измѣненія, какія произошли за это время въ положеніи сената. Мѣсто, какое онъ занялъ, опредѣлялось тѣмъ, куда отгѣснилъ его совѣтъ; сохранившійся за сенатомъ кругъ дѣятельности зависѣлъ отъ того, во что не могъ или не хотѣлъ вмѣшиваться совѣтъ. Всѣ происшедшія тогда съ сенатомъ перемѣны имѣли исключительно отрицательный характеръ. Въ его устройство и дѣятельность не вносилось ничего новаго: онъ только терялъ и историкъ, рисующій намъ положеніе сената за это четырехлѣтіе, не можетъ дать ничего инаго, какъ изображенія того, что *осталось* за сенатомъ отъ прежняго его значенія.

Но если такъ, все изслѣдованіе неизбѣжно будетъ тяготѣть не къ сенату, а именно къ совѣту. Прежде всего окажется необходимымъ выяснитъ, чѣмъ былъ совѣтъ и что взялъ онъ у сената: сохраненное сенатомъ опредѣлится тогда само собой.

Такимъ именно и представляется изслѣдованіе г. Филиппова. Книга его прямо начинается съ главы, посвященной разсмотрѣнію верховнаго тайнаго совѣта и именно эта первая глава, вмѣстѣ со второй, выясняющей отношенія совѣта къ сенату, а не двѣ послѣднія главы, излагающія „устройство“ и „кругъ вѣдомства“ собственно сената, имѣютъ въ его книгѣ основное значеніе и представляются наиболѣе интересными. Выводами двухъ первыхъ главъ уже предрѣшены всѣ основные вопросы изслѣдованія.

Между тѣмъ, избравъ предметомъ своего изслѣдованія не совѣтъ, а сенатъ, авторъ естественно всѣ силы своей работы сосредоточилъ на изученіи матеріала для двухъ послѣднихъ главъ, относящихся собственно къ сенату, и по содержанию своему имѣющихъ второстепенное значеніе. Архивнымъ матеріаломъ авторъ пользовался только по отношенію къ сенату, а относительно совѣта и печатнымъ матеріаломъ воспользовался далеко не съ тою полнотою и обстоятельностью, какую бы, конечно, и самъ онъ счелъ бы необходимой, если бы неясредственнымъ предметомъ своего изслѣдованія считалъ не сенатъ, а совѣтъ.

Благодаря этому, между значеніемъ выставляемыхъ авторомъ положеній и степенью ихъ обоснованности нѣтъ строгаго соответствія. Второстепенныя частности подкрѣпляются въ изслѣдованіи г. Филиппова кропотливой архивной работой, потребовавшей отъ него много усидчиваго и тяжелаго труда, а главные тезисы имѣютъ за собой гораздо меньшій ученый аппаратъ и возбуждаютъ въ читателѣ не мало сомнѣній.

Останавливаясь, прежде всего, на условіяхъ возникновенія верховнаго тайнаго совѣта, г. Филипповъ утверждаетъ, что учрежденіе совѣта не обуславливалось одними только личными вліяніями, а было вызвано „причинами органическими“ (стр. 16). Установленная Петромъ I организація государственнаго управленія страдала двумя существенными недостатками: отсутствіемъ особаго учрежденія, призваннаго къ разрѣшенію вопросовъ политическихъ, и одностороннимъ преобладаніемъ коллегіальнаго пачала. Поэтому „идея созданія, рядомъ съ сенатомъ, *новой* высшаго учрежденія заслуживала вниманія и была жизненна: необходимо было дать просторъ болѣе живому дѣйствію *личнаго пачала* въ управленіи съ одной стороны, нужно было имѣть учрежденіе съ *политическими* задачами—съ другой“ (стр. 5). Въ подтвержденіе авторъ ссылается между прочимъ на то, что „административная практика, еще до формальнаго созданія такого учре-

жденія, знала совѣщанія высшихъ сановниковъ между собою, а равно и съ носителемъ верховной власти, совѣщанія, которыя *какъ-то сами собою* устраивались рядомъ съ сенатомъ и указывали на возможность образованія уже болѣе опредѣленнаго тайнаго совѣта“ (стр. 10). Учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта лишь „оформило *de jure* то, что ранѣе существовало, какъ фактъ, въ видѣ „тайныхъ совѣтовъ“ (стр. 20).

Это указаніе не совсѣмъ точно. Совѣщанія дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ не были созданіемъ только административной практики. Они были установлены *de jure*, прямымъ законодательнымъ опредѣленіемъ — указомъ 13-го февраля 1720 года¹⁾. Опредѣляя подробности устройства иностранной коллегіи, указъ этотъ предписываетъ между прочимъ въ случаѣ присутствія государя и вообще для обсужденія важныхъ дѣлъ призывать въ присутствіе коллегіи кромѣ канцлера и подканцлера „всѣхъ или нѣсколько, по важности дѣла, тайныхъ совѣтниковъ дѣйствительныхъ и отъ всѣхъ надлежитъ быть совѣту“. И въ самомъ указѣ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта весьма опредѣленно говорится о уже существующемъ „тайномъ совѣтѣ“: „Тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ и кромѣ сенатскаго правленія есть не малый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ *по должности своей*, яко первые министры, *тайные совѣты* о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ *въ тайномъ совѣтѣ* не мало имъ чинится помѣшательство“.

Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы въ установленной Петромъ I организаціи государственнаго управленія не было особаго учрежденія для обсужденія „важныхъ государственныхъ дѣлъ“. Учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта не восполнялся недостатокъ прежней организаціи, а измѣнился установленный Петромъ I вполне опредѣленный порядокъ обсужденія такихъ дѣлъ, и сравнивая между собой „тайный совѣтъ“, установленный указомъ 1720 г., съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, нельзя не отдать преимущество петровскому учрежденію. Составъ верховнаго совѣта опредѣлялся исключительно усмотрѣніемъ власти. Близость ко двору и личное вліяніе—

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 3158. И уже обращалъ вниманіе на этотъ указъ, почему-то игнорируемый нашими историками права, въ отзывѣ о книгѣ г. Петровскаго.

вотъ что открывало въ него доступъ. При этомъ не было вовсе обезпечено присутствіе въ совѣтѣ представителей всѣхъ важнѣйшихъ отраслей управленія, людей независимыхъ, приученныхъ своею дѣятельностью къ уваженію къ закону, дѣловыхъ. Между тѣмъ все это достигалось постановленіями указа 1720 года, призывавшаго къ обсужденію политическихъ дѣлъ *ex officio* всѣхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, значеніе которыхъ опредѣлялось не личными придворными отношеніями, а непосредственнымъ знакомствомъ съ дѣлами по сенатскому управленію.

Причинами, вызвавшими образованіе совѣта, объясняется у автора и самое его значеніе, какъ политическаго учрежденія, дававшего большій просторъ личному началу въ управленіи, которое было слишкомъ сдавлено коллегіальнымъ принципомъ (стр. 262), и „позволявшее найти то или иное мѣсто въ государствѣ политическимъ идеямъ“ (стр. 343, 462). Въ общемъ авторъ видитъ въ совѣтѣ учрежденіе совершенно однородное съ нынѣшнимъ комитетомъ министровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ за совѣтомъ и ограничивавшее монархическую власть значеніе. Совѣтъ, по его словамъ, пытался встать съ императрицею рядомъ „какъ величина съ равная“ (стр. 32) „Ограничительными тенденціи совѣта находятъ собѣ весьма яркое выраженіе въ длинномъ рядѣ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ совѣтѣ“ (стр. 103), такъ что „кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, въ сущности, не вносили фактически ничего новаго въ дѣятельность совѣта, который и раньше, отчасти уже при Екатеринѣ I, пользовался всѣмъ тѣмъ, что опъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны“ (стр. 136).

Отдѣльныя черты этой характеристики не представляютъ новизны, кромѣ уподобленія совѣта комитету министровъ. Авторъ придаетъ этому сравненію повидному очень большое значеніе. Оно повторяется у него много разъ, во всѣхъ частяхъ книги (стр. 22, 35, 42, 95, 99, 189, 262). Едва-ли, однако, можно признать его удачнымъ. Во-первыхъ, оно совершенно противорѣчитъ другимъ чертамъ характеристики совѣта. Комитетъ министровъ, правда, не принадлежитъ къ числу учреждений, значеніе и положеніе которыхъ точно опредѣлены, но, во всякомъ случаѣ, въ всякаго спора, что комитетъ не представляетъ и никогда не представлялъ собою политическаго учрежденія, ограничивающаго власть монарха. Напротивъ, развитіе и усиленіе дѣятельности комитета всегда знаменовало собою расширеніе непосредственнаго личнаго управленія монарха, въ отличіе отъ упра-

влєнія чрезъ посредство опредѣленной системы подчиненныхъ органовъ, дѣйствующихъ на основаніи общихъ законовъ. Съ другой стороны, по словамъ г. Филиппова, совѣтъ давалъ просторъ личному началу въ противовѣсъ коллегіальной организаціи петровскихъ учрежденій, а комитетъ министровъ, конечно, представляетъ собою не усиленіе, а ослабленіе единоличнаго начала, на которомъ покоится министерская система управленія. Во-вторыхъ, и по составу и по предметамъ вѣдѣній между комитетомъ и совѣтомъ больше разлічія, нежели сходства. Комитетъ есть собственно совѣщаніе представителей всѣхъ отдѣльныхъ отраслей администраціи. Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, напротивъ, не имѣли своихъ представителей всѣ тѣ отрасли управленія, которыя находились въ вѣдѣніи сената. Въ этомъ отношеніи очень характерно, что генераль-прокуроръ, по мѣткому замѣчанію Градовскаго, представлявшій собою какъ-бы зародышъ будущихъ министерствъ и личнаго, активнаго начала въ управленіи, не попалъ въ совѣтъ, а затѣмъ и вовсе болѣе не назначался. Въ кругу дѣлъ совѣта самыя важныя были дѣла международныя и законодательныя. Но обѣ эти категоріи дѣлъ не находятся вовсе въ вѣдѣніи комитета министровъ.

Едва-ли можно признать убѣдительными и тѣ доводы, которыми авторъ подтверждаетъ яко бы ограничительный въ отношеніи къ монархической власти характеръ верховнаго тайнаго совѣта. Доводы эти сводятся къ указаніямъ, что *именемъ* Екатерины I или Петра II совѣтъ на дѣлѣ во многомъ правилъ собственною властью. „Уже современники, говоритъ г. Филипповъ, отиѣтили, что учрежденіе дѣйствующее „подъ именемъ Царицы“, сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія. Это, въ дѣйствительности, и достигается верховнымъ тайнымъ совѣтомъ—сначала *именемъ* царицы, а затѣмъ Петра II—онъ править государствомъ“ (стр. 46). „На сколько, спрашиваетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, самостоятельна была эта дѣятельность по отношенію къ верховной власти? Былъ ли совѣтъ только учрежденіемъ, состоящимъ „при особѣ государя“ или, наоборотъ, *именемъ* его правилъ государствомъ? Изученіе громаднаго матеріала, заключающагося въ протоколахъ и журналахъ совѣта, не оставляетъ сомнѣній въ послѣднемъ не только для времени Петра II, до воцаренія Анны Иоанновны, но даже и для времени Екатерины I“ (стр. 55).

Мнѣ думается, всѣ эти разсужденія основаны на крупномъ недоразумѣніи. Править государствомъ „именемъ монарха“, то-есть, опи-

раясь на его собственную власть, и ограничивать власть монарха— это вещи не только совершенно различныя, но и несогласныя. Для ограниченія власти монарха необходимо противопоставить ему самостоятельную, независимую отъ него власть. Невозможно „отъ имени“ монарха ограничивать его. Когда верховники задумали ограничить власть Анны Иоанновны, они дѣлали это, конечно, не отъ ея имени.

Кто дѣйствуетъ отъ имени монарха, тотъ не ограничивается, а представляетъ его. И самъ г. Филипповъ въ одномъ мѣстѣ такъ именно и опредѣляетъ значеніе совѣта. „Совѣтъ ставить своею задачею прямое и непосредственное отношеніе къ верховной власти, съ попыткою полнаго *представительства* ¹⁾ этой власти передъ страпою“ (стр. 31). Такъ именно понималъ свое положеніе и совѣтъ. Во второмъ пунктѣ извѣстнаго „Мнѣнія не въ указъ“ прямо сказано: „понеже Ея Величество въ ономъ совѣтѣ первое президентство сама управляетъ и причина имѣется уповать, что она персонально часто присутствовать будетъ и того ради оной тайный совѣтъ толь наименше за особливое коллегіумъ или инако почтенъ быть можетъ“. Г. Филипповъ толкуетъ эти слова такъ, будто бы ими выражается нежеланіе членовъ совѣта „слиться въ одно коллегіальное учрежденіе“ (стр. 22). Не понимаю, на чемъ основано такое толкованіе. „Мнѣніе не въ указъ“ не говоритъ, что совѣтъ не есть коллегіумъ, а только указываетъ, что онъ не составляетъ *особио* коллегіума,— особаго отъ императрицы. Не будучи особымъ отъ императрицы коллегіумомъ, совѣтъ не имѣлъ и своей особой власти: онъ являлся непосредственнымъ органомъ власти самой императрицы. Сообразно съ этимъ всѣ доношенія, поступавшія въ совѣтъ, писались на высочайшее имя; всѣ постановленія (протоколы) совѣта излагались въ формы высочайшихъ указовъ. Всѣ формы дѣятельности совѣта основаны на предположеніи, что не самъ совѣтъ дѣйствуетъ, а чрезъ него дѣйствуетъ высочайшая власть.

Представительство верховной власти возможно въ двухъ формахъ. Оно можетъ быть необходимое, при дѣеспособности монарха, когда устанавливается регентство, и добровольное, когда дѣеспособный монархъ самъ передаетъ осуществленіе своей власти другому лицу. Такъ, въ началѣ царствованія Николая I предполагалось на время отсутствія государя учрежденіе временной правительственной

¹⁾ Курсивъ автора.

или верховной комиссіи. Существованіе этой комиссіи предполагалось даже сдѣлать *негласнымъ*, а рѣшенія комиссіи объявлялись бы отъ высочайшаго имени и исполнялись бы какъ собственные государя указы ¹⁾).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни въ той, ни въ другой формѣ представительство власти не приводитъ ни къ какому ограниченію монархической власти. Регентъ обыкновенно пользуется тою же самою властью, какъ и монархъ. Случаи добровольнаго представительства власти служатъ проявленіемъ высшей степени полноты монархической власти. Если монархъ по своему усмотрѣнію можетъ перенести на другаго осуществленіе всей своей власти, въ этомъ выражается, конечно, не ограниченность, а безусловность его власти.

Верховный тайный совѣтъ въ началѣ царствованія Петра II представлялъ собою регентство. Послѣ кончины Екатерины I, въ засѣданіи совѣта 7-го мая 1727 г. былъ прочтенъ „тестаментъ о наследствіи руссійскаго престола“, согласно ему присягнули Петру II и въ тотъ же день издавъ о томъ манифестъ ²⁾. А въ тестаментѣ, п. 4, на совѣтъ позлагалось регентство. Въ остальное время своего существованія, совѣтъ, насколько онъ дѣйствовалъ собственной властью, представлялъ собою примѣръ добровольнаго представительства власти. *Юридически* это было добровольное представительство; *фактически* оно обуславливалось личною неспособностью тогдашнихъ представителей власти. Самостоятельная власть совѣта не имѣла тогда за собой не только юридическаго основанія, но не имѣла и соціальнаго, а только, такъ-сказать, психологическое. Объясненіе значенія совѣта дается не юридическими началами и не соотношеніемъ общественныхъ силъ, а просто личными отношеніями.

Поэтому нельзя говорить о „собственномъ верховенствѣ“ совѣта. *Собственной* власти у него не было: онъ осуществлялъ чужую власть, дѣйствовалъ отъ имени монарха, прикрывался его именемъ.

Рѣшительность, съ какою авторъ, при неубѣдительности выставленныхъ имъ самимъ доводовъ, высказываетъ убѣжденіе въ ограниченномъ характерѣ верховнаго тайнаго совѣта, можетъ возбудить въ читателѣ сомнѣніе, не представляется ли это положеніе уже и такъ твердо установленнымъ въ литературѣ?

Съ наибольшимъ вниманіемъ на этомъ вопросѣ останавливается

¹⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXXIV, стр. 310—311.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 5007.

г. Корсаковъ, придающій особенное значеніе тому, что въ присягѣ членовъ тайнаго совѣта и сенаторовъ 1726 года, а также якобы въ указахъ совѣта императрица не называлась „самодержицей“¹⁾). И этотъ доводъ не убѣдительнъ. Пропускъ именованія самодержицей въ присягѣ едва-ли могъ имѣть то значеніе, какое думаетъ ему придать г. Корсаковъ. Императрица во всякомъ случаѣ сохранила титулъ самодержицы. Онъ употреблялся неуклонно во всѣхъ манифестахъ и указахъ, предназначавшихся къ обнародованію. Къ тому же хотя при Петрѣ I въ текстѣ присяги и содержалось наименованіе самодержцемъ, но въ той главѣ генеральнаго регламента, къ которой была приложена присяга и въ которой объяснялась „присяжная должность“, о самодержавіи точно также ничего не говорилось. Что же касается отсутствія именованія самодержицей въ указахъ совѣта — то это очевидное недоразумѣніе. Въ напечатанныхъ указахъ изъ совѣта во множествѣ встрѣчается наименованіе самодержицей²⁾). Наименованіе это не встрѣчается обыкновенно въ тѣхъ указахъ, которые написаны вообще безъ титула³⁾). Но въ такомъ случаѣ и некуда было бы включить наименованіе самодержицей. Указовъ съ титуломъ, но безъ именованія самодержицей очень немного. За все царствованіе Екатерины I ихъ напечатано девятнадцать⁴⁾). Всѣ они относятся къ марту, апрѣлю и маю 1726 года. Первый изъ нихъ 18-го марта. Затѣмъ, съ 30-го марта до 8-го апрѣля въ указахъ съ титуломъ вездѣ включено наименованіе самодержицей. Съ 12-го апрѣля до 30-го мая опять идутъ указы безъ наименованія самодержицей, за исключеніемъ одного только указа сенату 6-го мая⁵⁾). Изъ указовъ безъ „самодержицы“ нѣтъ ни одного указа сенату. Указы эти даны коллегіямъ (адмиралтейской—5 указовъ, военной—3, иностранной—1) и отдѣльнымъ лицамъ (Матѣеву, Голицыну, Волянекому, Долгорукому, Меншикову).

На первый взглядъ можетъ показаться, что во всемъ этомъ дѣй-

¹⁾ Воцареніе Анны Иоанновны. 1880, стр. VII.

²⁾ См. напримѣръ: Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 159, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 195, 197, 199, 200, 206, 329, 338, 389, 376, 385, 386, 400, 401, 461, 478, 481, 487, 488, 489; т. LVI, стр. 22, 39, 41, 44, 45, 260, 263, 265, 271, 292, 361, 617; т. LXIII, стр. 135, 144, 237, 245, 251.

³⁾ Напримѣръ, т. LV, стр. 43, 83, 91, 121, 134, 138, 141, 142, 488, 491.

⁴⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 119, 206, 214, 215, 226, 227, 251, 252, 254, 255, 271, 275, 295, 316, 317.

⁵⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 271.

ствительно выразилась попытка совѣта лишить императрицу титула самодержицы. Первый указъ съ титуломъ, но безъ именованія самодержицей данъ 18-го марта, то-есть на третій день послѣ того, какъ состоялось извѣстное „Миѣніе не въ указъ“, во второмъ пунктѣ котораго при опредѣленіи формы указовъ изъ совѣта также не включено въ титулъ именованіе самодержицей.

Но ближайшее разсмотрѣніе приводитъ къ иному заключенію. Въ указахъ, написанныхъ безъ именованія императрицы самодержицей, нельзя видѣть прежде всего примѣненія формы титула, установленной яко бы „Миѣніемъ не въ указъ“. Въ „Миѣніи“ говорится просто: въ началѣ писать: „Мы Божіею милостію“¹⁾ — и только. Очевидно, тутъ приводилась не полная форма, а сокращеніе уже извѣстной, установившейся. Не мыслимо, чтобы составители „Миѣнія не въ указъ“ думали въ самомъ дѣлѣ свести весь титулъ только къ словамъ „Мы Божіею милостію“. Невозможно было не означить въ титулѣ имени царствующаго и его ранга. Конечно, это предполагалось само собой. Но этимъ самымъ доказывается, что члены совѣта не имѣли намѣренія измѣнить установившійся привычный всѣмъ титулъ: иначе они это непременно отмѣтили бы такъ или иначе.

Точно также и самый указъ 18-го марта свидѣтельствуетъ прямо объ отсутствіи какого-либо намѣренія измѣнить титулъ. Онъ напечатанъ съ сокращеннымъ титуломъ „Божіею милостію мы Екатерина I и проч.“ Но уже самая форма сокращенія показываетъ, что сокращеніе это очевидно принадлежитъ не подлинному указу, а только тому канцелярскому отпуску, съ котораго напечаталъ его г. Дубровинъ. Едва-ли возможно, чтобы въ подлинномъ указѣ стояло въ титулѣ недописанное: „и проч.“.

Затѣмъ и самое содержаніе указа 18-го марта ясно показываетъ, что въ его подлинникѣ должно было находится именованіе самодержицею. Указъ этотъ самъ содержитъ опредѣленіе формы указовъ „въ сонатъ и въ другія всѣ мѣста“ и титулъ тамъ указанъ такой „Божіею милостію Императрица и самодержица Всероссийская“²⁾.

И такъ, если въ изданіи Русскаго Историческаго Общества нѣсколько указовъ напечатано безъ именованія въ титулѣ императрицы самодержицей, это указываетъ на отсутствіе такого именованія только въ сохранившихся въ архивѣ отпускахъ, а не въ подлинныхъ указахъ.

¹⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 94.

²⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 120.

Ко всему этому можно добавить, что весна 1726 года была вовсе неподходящимъ временемъ для какихъ-либо новшествъ въ титулѣ императрицы. Какъ разъ въ это время, въ апрѣлѣ, правительство было серьезно встревожено распространившимися подметными письмами, возбуждавшими вопросъ о правѣ престолонаслѣдія. По этому поводу Остерманъ подалъ особое письменное мнѣніе о необходимости установить твердый порядокъ престолонаслѣдія, при чемъ предлагалъ устроить бракъ Елизаветы Петровны съ Петромъ II ¹⁾). Предположенія Остермана не были приняты, и Екатерина ограничилась опубликованіемъ Правды воли монаршей, при манифестѣ, въ которомъ называетъ себя императрицей и самодержицей (апрѣля 21-го).

Двѣ послѣднія главы изслѣдованія г. Филиппова, посвященные собственно сенату, содержатъ массу извлеченныхъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи любопытныхъ подробностей относительно организаци и предметовъ вѣдѣнія сепата. Авторъ сообщаетъ тутъ данныя о составѣ самаго присутствія сената, его канцеляріи, конторы, о перемѣнахъ, происшедшихъ за изучаемое имъ время, въ должностяхъ генераль-прокурора, генераль-рекетмейстера, герольдмейстера, объ институтѣ фискаловъ. Переходя затѣмъ къ обзорѣнню круга вѣдомства сената г. Филипповъ раздѣляетъ всѣ дѣла, вѣдавшіяся сенатомъ на такія, которыя восходили на разрѣшеніе совѣта, и на разрѣшавшіяся самимъ сенатомъ. Вслѣдъ за выясненіемъ устройства и предметовъ вѣдомства слѣдовало бы ожидать выясненія порядка дѣлопроизводства. Но такой главы въ изслѣдованіи г. Филиппова нѣтъ. Пересказывать постановленія „Должности сената 1726 г.“, какъ всѣмъ извѣстной, авторъ счелъ излишнимъ. Что же касается архивныхъ данныхъ по этому вопросу, то по его словамъ, они „настолько скудны, что не представляется возможности дать сколько-нибудь обстоятельный очеркъ этого дѣлопроизводства. Отъ изучаемой эпохи не сохранилось ни входящихъ, ни исходящихъ журналовъ сената, ни реестровъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ, ни подробныхъ протоколовъ“ (стр. 303). По поводу этого заявленія автора нельзя не замѣтить, что онъ едва-ли тамъ, гдѣ слѣдовало, искалъ данныхъ для выясненія сенатскаго дѣлопроизводства. Входящіе и исходящіе журналы годны только для отыскиванія нужныхъ бумагъ и дѣлъ, но относительно формъ дѣлопроизводства никакихъ данныхъ содержать не могутъ. Да и прото-

---

¹⁾ См. у *Миллюновскаго*, Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, стр. 11 въ *Чтеніяхъ Общества Любителей Исторіи и Древностей*, 1858, книга III.

колы никогда почти не составляются съ такою подробностью, чтобы изъ нихъ можно было получить ясное и полное представленіе о порядкѣ дѣлопроизводства. Дѣлопроизводство можно изучить только по самымъ дѣламъ. Изученіе хотя бы нѣсколькихъ подлинныхъ, умѣло выбранныхъ, производствъ могло бы дать въ этомъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ всѣ входящія и исходящія журналы и настольные реестры въ совокупности.

Опредѣляя въ концѣ своего изслѣдованія положеніе, какое занялъ сенатъ во время существованія верховнаго совѣта, г. Филипповъ говоритъ, „что созданіе совѣта, въ качествѣ *политическаго* учрежденія не могло уничтожить сената, какъ чисто-дѣловаго, закономѣрно-поставленнаго и закономѣрно-дѣйствующаго правительственнаго мѣста.—Пужно было учрежденіе, которое дѣлало бы дѣло активнаго управленія“ (стр. 482—483); „учрежденіе коллегіальное, *дѣловое*, спокойно и внимательно дѣлавшее дѣло активнаго управленія“ (стр. 462), и въ изложеніи подробностей авторъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто все активное управленіе оставалось *попрежнему всецѣло* за сенатомъ. Между тѣмъ даже пользуется одними печатными источниками не трудно показать, что во многомъ совѣтъ присваивалъ себѣ и функціи непосредственнаго управленія. Остановимся на двухъ весьма характерныхъ примѣрахъ.

По словамъ г. Филиппова „и въ изучасную эпоху сенатъ издаетъ обширные указы о производствѣ рекрутскихъ наборовъ“ (стр. 452). Въ доказательство приводятся изъ Полнаго Собранія нѣсколько указовъ, но только два изъ нихъ содержатъ предписанія о производствѣ рекрутскихъ наборовъ: указъ 5-го марта 1726 г. и 3-го ноября 1727 года. Указъ 5-го марта, относящійся къ самому началу существованія верховнаго совѣта, дѣйствительно содержитъ самостоятельное распоряженіе сената о наборѣ по одному рекруту съ 250 душъ. Но уже 16-го марта совѣтъ предписалъ сенату измѣнить его распоряженіе и выѣсто одного на 250, взять одного на 200 душъ ¹⁾. Съ этого времени назначеніе рекрутскихъ наборовъ переходитъ всецѣло въ руки совѣта. Указъ 3-го ноября 1727 года изданъ сенатомъ просто въ исполненіе указа совѣта отъ 30-го сентября ²⁾. Затѣмъ въ Цѣломъ Собраніи за данное время сенатскихъ указовъ о назначеніи

¹⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 100. Полное Собраніе Законовъ, № 4859: указъ совѣта у г. Филиппова не приведенъ.

²⁾ Тамъ же, т. LXIX, стр. 380.

рекрутскихъ наборовъ болѣе нѣтъ, а между тѣмъ совѣтъ назначалъ наборы и позднѣе ¹⁾).

Относительно завѣдыванія дѣлами торговли и промышленности, г. Филипповъ утверждаетъ „что сенатъ продолжалъ быть главою центральныхъ торгово-промышленныхъ учреждений, обращавшихся къ нему за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ практики“ (стр. 444 и 469). Между тѣмъ изъ напечатанныхъ Протоколовъ совѣта, да и изъ Полнаго Собранія Законовъ, не трудно убѣдиться, что все завѣдываніе дѣлами торговли и промышленности перешло тогда къ учрежденной при совѣтѣ комиссіи о коммерціи.

Г. Филипповъ представляетъ дѣло такъ, будто бы комиссія о коммерціи была только подготовительной комиссіей, на которую по почину самого совѣта возлагалась первоначальная выработка законопроектовъ согласно даннымъ отъ совѣта указаніямъ (стр. 81) и доношеніямъ комиссіи приписываетъ значеніе личныхъ доношеній ея предсѣдателя Остермана (стр. 37). Но въ подлинныхъ документахъ доношенія эти всегда называются доношеніями комиссіи и это тѣмъ болѣе характерно, что доношенія по другимъ дѣламъ порученнымъ (Остерману, напримѣръ, по почтовому дѣлу, исходили отъ него лично ²⁾). Мало того и въ именныхъ указахъ, состоявшихся по предварительному обсужденію комиссіи, объ этомъ всегда особо упоминается ³⁾, чего не было бы, конечно, если бы на комиссію смотрѣли только какъ на подготовительную комиссію совѣта.

Изъ бумагъ верховнаго тайнаго совѣта не видно также, чтобы комиссія дѣйствовала по непосредственному почину и указаніямъ совѣта. Напротивъ, въ рѣшительномъ большинствѣ доношеній комиссіи прямо указано, что починъ возбужденія вопроса исходилъ отъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ, обращавшихся непосредственно въ комиссію съ своими заявленіями. Всего чаще вопросы возбуждались жалобами купечества, напримѣръ, о составленіи особаго „устава о судахъ“ ⁴⁾, объ отмѣнѣ существовавшаго въ Москвѣ поворотнаго сбора ⁵⁾, о канцелярскихъ пошлинахъ ⁶⁾. Въ другихъ случаяхъ ии-

1) Тамъ же, т. ХСІV, стр. 558. Протоколъ 13-го мая 1729 г.

2) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXIII, стр. 424.

3) Полное Собраніе Законовъ, №№ 5083, 5085, 5110, 5111, 5115, 5162, 5163, 5199, 5296, 5326, 5327, 5440, 2547.

4) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXII, стр. 548.

5) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXIX, стр. 87.

6) Тамъ же, стр. 249.

ціаторами являлись выборные люди, напимѣръ, выборный отъ посадскихъ Тобольской провинціи Василій Смирныхъ ¹⁾, или караванъ—баши Ядигеръ Самаркандли ²⁾). Иногда комиссія дѣйствуетъ и по собственному почину, напимѣръ, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей мануфактуръ-коллегии невыгодность казеннаго содержанія крупяныхъ и масляныхъ вѣтряныхъ мельницъ, она предлагаетъ сдать ихъ въ частное содержаніе ³⁾). Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, остановившись на извѣстномъ вопросѣ, комиссія предварительно его разработки испрашиваетъ на то чрезъ совѣтъ Высочайшее соизволеніе. Такъ было напимѣръ, съ выработкой „Аншталта о табакѣ“. 24-го іюля 1727 года комиссія представляла: „буде Ваше Императорское Величество повелитъ табачный торгъ отворить, то комиссія будетъ трудиться въ сочиненіи аншталта: какимъ образомъ оную съ табака пошлину брать и тайный провозъ предостерегать“. Императоръ соизволилъ на то 17-го августа, а 5-го сентября комиссія представила уже готовый проектъ „Аншталта“ ⁴⁾).

Видѣтъ съ тѣмъ и кругъ дѣятельности комиссіи вовсе не ограничивается одной только выработкой законопроектовъ. Комиссія постоянно разсматривала и чисто административныя дѣла, напимѣръ, сдачу казенныхъ фабрикъ въ частное содержаніе, выдачу привилегій и разрѣшеній на устройство частныхъ фабрикъ, облегченіе купцамъ, потерпѣвшимъ отъ пожара, платежа пошлины, о принятіи отъ купца Затранснаго 1.000 пудовъ мѣди на денежные дворы, отводъ мѣста къ бумажному заводу купца Короткаго, о постройкѣ амбаровъ и каменнаго мытнаго двора на Преображенскомъ островѣ, о заведеніи для поднятія вексельнаго курса особаго капитала въ Голландіи и т. д. ⁵⁾). Въ сферѣ такихъ вопросовъ комиссія дѣйствуетъ съ такою же самостоятельностью какъ коллегія и при томъ по своему положенію она ближе подходитъ къ тремъ первымъ коллегіямъ. Президентъ ея—членъ верховнаго совѣта, изъ ея членовъ двое, князь Черкасскій и Наумовъ—сенаторы. Съ сенатомъ комиссія сносится не доношеніями,

¹⁾ Тамъ же, стр. 305, 555.

²⁾ Тамъ же, стр. 312..

³⁾ Тамъ же, стр. 34, 36, 377.

⁴⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LXIX, стр. 250, 315.

⁵⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXIII, стр. 816; т. LXIX, стр. 33, 178, 263, 377, 552, 549; т. LXXIX, стр. 10, 374, 377, 378, 381, 383, 399 и др.

а вѣдѣніями, какъ равное мѣсто ¹⁾). Въ прочія коллегии она посылаетъ указы ²⁾). Наконецъ, комиссія и прямо издавала обще-обязательные указы, напримѣръ, объ избраніи браковщиковъ пеньки, юфти и другихъ товаровъ, о дѣланіи тонкой гербовой бумаги, о 3% пошлинѣ съ привознаго сыру ³⁾).

Всѣ эти сомнѣнія, возникающія при чтеніи новой книги г. Филиппова, нисколько не умаляютъ достоинствъ его серьезнаго, добросовѣстнаго труда. Ему пришлось работать надъ совершенно сырымъ, петронутымъ матеріаломъ, нелегко поддающимся теоретическому освѣщенію. Но каждый понимающій дѣло скажетъ автору большое спасибо уже за то, что богатое фактическимъ матеріаломъ содержаніе его книги возбуждаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ вопросовъ относительно строя нашего верховнаго управленія въ прошломъ столѣтіи.

Н. Корнуновъ.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ третій. Да—да. С.-Пб. 1895.

Третій выпускъ академическаго „Словаря русскаго языка“, обнимающій всю букву Д, вышелъ въ свѣтъ черезъ два года послѣ втораго, видимо, подъ другою редакціею. Онъ составленъ несравненно тщательнѣе двухъ предшествующихъ: объясненія словъ точнѣе, перечень ихъ значеній полнѣе, примѣровъ гораздо больше. Судя по этому выпуску, можно надѣяться, что „Словарь русскаго языка“ представитъ собою авторитетное изданіе, къ которому всѣ будутъ обращаться для справокъ съ полнымъ довѣріемъ.

При просмотрѣ послѣдняго выпуска мы остановились на нѣкоторыхъ мѣстахъ, вызывающихъ сомнѣніе ⁴⁾). Этихъ мѣсть сравнительно не много, меньше прежняго. Осмѣливаемся и теперь высказать по ихъ поводу свои замѣчанія, касающіяся неточности въ объясненіи словъ, пропусковъ, нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, немногихъ сомнительныхъ словъ и, наконецъ, корректурныхъ недосмотровъ. Въ

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 5136, 5036.

²⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXIX, стр. 540.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ, №№ 5108, 5118, 5178, 5182.

⁴⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892,, іюнь и 1893, май.

каждой группѣ замѣчаній мы будемъ держаться алфавитнаго порядка разбираемыхъ словъ.

1. *Двадцатипятилѣтіе* — „пространство времени, обнимающее 25 лѣтъ“. Нелогично объяснять слово, соединяя въ одномъ выраженіи попятіе разныхъ категорій. Лучше: періодъ времени, часть, промежутокъ.

Двое—„употребляется преимущественно при именахъ, означающихъ одушевленные предметы мужескаго рода... когда *двое* стоитъ подлежащимъ, то опредѣляемое имя ставится въ родительномъ множественнаго“. Но вѣдь нельзя сказать: двое воробьевъ, двое быковъ (одушевленные предметы); а съ другой стороны совершенно правильно: двое ножицъ, двое дрожекъ, двое воротъ (неодушевленные предметы). Въ объясненіи не принято во вниманіе двойное значеніе этого слова и его отлччіе отъ числительнаго два.

1) *Двое*, а также трое, четверо и т. д. имѣють, прежде всего, значеніе самостоятельныхъ *существительныхъ* и употребляются для обозначенія опредѣленной конкретной или отвлеченной пары, вообще группы лицъ (людей). Какъ существительныя, они или повсе не требуютъ опредѣленій въ родительномъ падежѣ, или эти опредѣленія ставятся въ видѣ приложений: *двое напало на одною; семеро одною не ждуть; онъ пѣтъ за двоихъ*.

Однажды лобедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись

И выѣстъ трое всѣ въ него выряглись:

(Крыловъ, „Лебедь, щука и ракъ“).

..... всего не много для троихъ.

(Крыловъ, „Три мужика“).

Насъ было двое: братъ и я.

(Пушкинъ, „Братья разбойника“).

2) *Двое*, трое, четверо и т. д. являются непремѣнною замѣною количественныхъ два, три, четыре и т. д. при *pluralla tantum* и существительныхъ общаго рода; эти имена ставятся, дѣйствительно, въ родительномъ множественномъ: *двое саней, двое щипцовъ, двое дѣтей, двое слугъ, трое сиротъ*.

Въ остальныхъ случаяхъ втораго значенія должны быть употребляемыя простые количественныя два, три и т. д. Приведенныя въ словарѣ примѣры: „съ двоими братьями; о двоихъ офицерахъ“—неправильны. Нужно сказать: съ двумя или обоими братьями; о двухъ

или обоихъ офицерахъ, смотря по тому, изъ какого количества беретса здѣсь два.

Детница. 2. „Утренняя звѣзда“. Слѣдуетъ прибавить: собственно планета Венера.

Дилемма. Толкованіе слова неточно въ первомъ значеніи и неясно во второмъ. Предлагаю поправку.

1) *Лог.* Видъ силлогизма, въ которомъ большая посылка есть сужденіе двучленно-раздѣлительное, содержащее въ себѣ два временно исключаютельныхъ предположенія, изъ которыхъ можетъ быть принято только одно, а другое должно быть рѣшительно отвергнуто. Истинное разрѣшеніе дилеммы часто бываетъ невозможно силлогистическимъ путемъ (умозрительно), безъ предварительныхъ изслѣдованій. Примѣръ: на Марсѣ или есть органическая жизнь или нѣтъ. День и ночь происходятъ или отъ движенія солнца вокругъ земли, или отъ осевого вращенія послѣдней.

2) Затруднительное положеніе при необходимости выбрать одно изъ двухъ исключаютельныхъ другъ друга рѣшеній.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже.

(Пушкинъ, „Полтава“).

Быть или не быть.

(Шекспиръ, „Гамлетъ“).

Добродѣтель—„нравственное превосходство,... добронравное расположеніе души,... уклоненіе отъ зла“. Въ этомъ объясненіи, повидимому, смѣшаны два понятія: нравственность и добродѣтель. Добродѣтель не есть расположеніе, настроеніе души, не есть основное ея начало, качество. Этимъ словомъ мы обозначаемъ различныя *проявленія нравственности*, одно какое-либо нравственное качество. Добродѣтель не одна, а ихъ много: любовь, щедрость, самоотверженіе, храбрость, вѣжливость.

„Какъ вообще назвать качество, или добродѣтель, которой требуетъ 5-я заповѣдь? Послушаніе.—Какія добродѣтели предписываются 8-ю заповѣдью? Безкорыстіе, вѣрность, правосудіе, милосердіе“.

(Филаретъ, „Православный катихизисъ“).

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко.

(Некрасовъ, „Современная ода“).

Добродѣтельный. На основаніи предыдущей поправки: нравственно совершенный, усвоившій себѣ многія добродѣтели.

Добѣгать—нужно исключить: это не русская форма. „Онъ до того добѣгалъ, что свалился съ ногъ“—можетъ сказать только иностранецъ или инородецъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ. Есть только форма *добѣгаться*, добѣгался.

То же нужно сдѣлать съ формами *долазить* до бѣды, *дофилософствовать* до чего вмѣсто долазиться, дофилософствоваться.

Довозиться. Не „расшалиться черезчуръ“, а дошалиться до бѣды.

Догадаться, догадываться о чемъ—„додумываться, домысляться“. Точнѣе: 1) быстро сообразить, смекнуть, открыть тайну какого-либо явленія, разрѣшить неопредѣленность; 2) предусмотрѣть; 3) дѣлать вѣроятныя предположенія. Приведенныя въ словарѣ примѣры вполнѣ подтверждаютъ нашу поправку; впрочемъ, одинъ изъ нихъ („я и не догадался, какъ ты вошелъ сюда“) слѣдуетъ исключить, какъ неправильный.

Дойный. Приведенъ примѣръ: „дойная корова, то-есть, стельная“. Стельною называется корова съ теленкомъ въ утробѣ, еще не телившаяся, слѣдовательно, еще не дающая молока.

Долгота. 2. географическая, „дуга параллели, заключенная между двумя ближайшими (?) меридіанами“. Слѣдуетъ поправить: разстояніе какого-либо мѣста на землѣ отъ извѣстнаго главнаго меридіана (Гринвичскаго, Парижскаго, Пулковскаго), считаемое по параллели даннаго мѣста.

Долото — „плоскій или округленный инструментъ“... Поляе: плоскій или желобчатый или цилиндриобразный, внутри полый, инструментъ...

Домовой... „домовой на тебѣ ѣздилъ“. Несомнѣнно, Тургеневъ неточно выразился: по народному повѣрью, домовые ѣздятъ только на лошадахъ въ конюшнѣ, а человѣка давятъ во снѣ, навалившись на грудь.

Достоинство. 1. Не просто „качество“, а непремѣнное доброе качество или совокупность нѣсколькихъ выдающихся добрыхъ качествъ, преимущество. 4. Четвертое значеніе лучше пояснить такъ: сознание своей важности (дѣйствительной или мнимой). Сюда слѣдуетъ прибавить выраженія: *держатъ себя съ достоинствомъ; унижатъ чело-вѣческаго достоинства*.

Дофинь. Историческое объясненіе невольнѣ точно. Слѣдуетъ: французское *dauphin* отъ латинскаго *delphinus*, первоначально названіе владѣтелей области Дофинэ, имѣвшихъ своимъ гербомъ изображеніе дельфина. См. Larousse, Dictionnaire.

Дуга. 3. „Распорка между оглоблями; изогнутая полукругомъ деревянная узкая пластина (?)“. Поясненіе раздѣлено точкой съ запятой, а потому можно думать, что здѣсь два значенія слова *дуга*. Точнѣе: изогнутая въ видѣ полу-эллипса деревянная распорка между оглоблями, которой концы и т. д.

Дуля. 2. „Поднести кому дулю въ носъ“. Говорятъ: подѣ носъ, что правильнѣй.

Духота. 2. „Сильный, противный запахъ“. Это значеніе слѣдуетъ исключить, какъ не существующее, дополнивши первое такимъ образомъ: спертый, испорченный воздухъ въ закрытомъ помѣщеніи, а также разрѣжающая и чистый воздухъ жара, затрудняющая дыханіе.

Душегубка. 2... „Вертялая, неустойчивая, легкая на ходу лодка“. Третье качество слѣдуетъ исключить по логическимъ соображеніямъ: легкій ходъ относится къ достоинствамъ лодки, каковыя въ душегубкѣ вообще отрицаются самымъ ея названіемъ. Точнѣе: названіе небольшой лодки первобытной формы, вертялой, неустойчивой, легко опрокидывающейся.

Душникъ. Въ объясненіи смѣшаны два понятія: калориферъ и вентиляторъ. Душникъ собственно значить: небольшое отверстіе въ печакъ для впуска изъ нихъ теплаго воздуха въ комнату.

Прозабли вы—согрѣемъ васъ:

Отдушничекъ отроемъ поскорѣе.

(Грибодовъ, „Горе отъ ума“)

Дѣвать, дѣтъ. 1. Первоначальное значеніе слова: класть, положить (надѣтъ, одѣтъ, поддѣтъ=положить, обложить, подложить); потомъ уже: запрятать, засунуть, заложить неизвѣстно куда. 2. Ко второму § (*дѣваться*) слѣдуетъ прибавить значеніе *исчезать*:

Ну, вумушка, куда его дѣвалась сила!

(Крыловъ, „Лисица и Осель“).

3. Къ третьему значенію хорошій примѣръ:

Куда дѣваться отъ князень!

(Грибодовъ, „Горе отъ ума“).

Дѣвчата—„собраніе дѣвушекъ“. Вѣрнѣе: собраніе дѣвочекъ (маленькихъ), дѣвченоекъ (отъ дѣвча). Назвать взрослыхъ дѣвушекъ дѣвчатами можно только въ шутовомъ или уничижительномъ тонѣ.

Дѣтина—„молодой человекъ мужскаго рода“. Вѣрнѣе: здоровый, рослый, сильный юноша и молодой мужчина.

Старшій—умный былъ дѣтина.

(*Ермошъ*, „Конекъ Горбунокъ“).

Да лихъ, схватился онъ не съ олухомъ—дѣтиной.

(*Кривошъ*, „Разбойникъ и извошникъ“).

II. Въ словарѣ *пропущены* нѣкоторыя слова и значенія.

Далматскій. Дополнить: далматскій порошокъ (противъ насѣкомыхъ).

Дбить, простонародное, употребительнѣе въ сложной формѣ: придбать, надбать=приготовить, скопить, запастись. Родители придбали дѣтямъ много всякаго добра. (На югѣ).

Держать. Къ десяти приведеннымъ значеніямъ этого слова нужно прибавить еще одно: имѣть женою, состоять въ супружествѣ. Въ первомъ бракѣ онъ держалъ Дарью, а теперь держитъ Матрену. (На Дону).

Дидъ. Слово, употребляемое въ припѣвѣ старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ.

А мы просо сѣяли
Ой дидъ ладо, сѣяли.

Добывать, добыть. Имѣеть еще 5-е значеніе: оставаться ждать до конца. Я не добылъ до конца вечеринки, ушелъ раньше.

Къ третьему значенію слѣдуетъ прибавить отгѣнокъ: *добыть* = достать что-нибудь поскорѣй, не работой, а путемъ займа, залога, продажи вещей, грабежемъ и т. п. Гдѣ бы мнѣ добыть денегъ? Донскіе козаки ходили на Волгу добывать зипуновъ. („Добывать зипуновъ“—историческая поговорка).

Доводиться. Пропущена взаимная форма этого глагола съ значеніемъ *додружиться* съ кѣмъ до бѣды, до неприятности. Не водись съ этими людьми: доводишься съ ними до грѣха.

Довольно. Имѣеть еще значеніе запрещенія: довольно! (перестаны!).

Довѣшивать въ отрицательной формѣ значить: 1) невѣрно отвѣшивать товаръ, уменьшать; 2) не имѣть установленнаго вѣса. Торговецъ недовѣшиваетъ, кладеть товару меньше. Французскія булки недовѣшиваютъ 3—4 золотника.

Дрогарь — ломовой извошникъ, перевозящій тяжести на дрогахъ. (На югѣ).

Дрохъ. Пропущено третье значеніе: игривое настроеніе, возбужденное состояніе (о животныхъ). Отъ жары или отъ оводовъ *нападаетъ на стадо дрохъ*, и оно неудержимо устремляется къ рѣкѣ, въ лѣсъ. въ хлѣбѣ.

Дротъ, а, м. Тонкая металлическая проволока (нѣм. Draht или Drath).

Дружка. 2. На югѣ вездѣ говорятъ *дружкò*, тоже и на сѣверѣ (Вологодской губерніи).

Дурно. Есть еще третье значеніе этого слова: *даромъ, бесплатно* (простонародное). Ловкіе люди ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ дурно. На народныя чтенія даютъ билеты дурно. Сравни: дурница, дурничка, надурничку.

Дыбки, овъ. На югѣ употребляется въ видѣ нарѣчія *дыбки*: ребенокъ уже становится *дыбки*; существительное же *дыбки* неизвѣстно.

Дыбать — ходить неплавною походкою, широко шагая и кивая головой.

Любать — клевать: рыба любаетъ, а не беретъ.

III. При просмотрѣ словаря бросились въ глаза нѣкоторыя *грамматическія формы*, необычныя въ чистомъ литературномъ языкѣ.

а) Творит. пад. един. ч. 3-го склоненія пишется въ словарь черезъ *ю* вм. русскаго окончанія *ю*: частію (въ предисловіи), тяжести (см. давать), неожиданностію (см. дурманить). Чѣмъ это объяснить?

б) Слѣдуетъ ли узаконять такія неправильныя новообразованія, какъ формы *деверинъ, мужнинъ*? Гдѣ нельзя образовать притяжательнаго прилагательнаго на *овъ, овъ, инъ*, тамъ вѣдь ставится родит. падежъ существительнаго.

в) *Деревицò*, мн. ч. *деревицѣ*. Здѣсь и окончаніе и удареніе во мн. числѣ неправильны: вездѣ говорятъ: деревца. Простой народъ, правда, выговариваетъ: деревцы: но вѣдь онъ такъ оканчиваетъ всѣ существит. средня на *о*, если на окончаніи нѣтъ ударенія: *òкны, озѣры*.

г) *Дешѣвка, дешѣвый*. Такое правописаніе необычно и иностранцевъ можетъ ввести въ заблужденіе. Если ужъ нужно указать произношеніе, то слѣдуетъ лучше пояснить, что дешѣвка выговаривается дешовка.

д) *Диктантъ*. Не слѣдовало узаконять бессмысленнаго въ этой формѣ слова. Французское *dictée* прекрасно передается формою *диктовка*.

е) Подъ словомъ *доводить* неправильный оборотъ: вести способствовать къ достиженію чего-либо. *Способствовать* требуетъ дат. пад. безъ предлога.

ж) *Допотчивать, ую, уютъ* — оканчивать *потчиванье*. Суффиксъ

ива поставленъ, очевидно, сознательно, хотя ему здѣсь не мѣсто въ виду приведеннаго въ словарь окончанія наст. вр. *ую*. Нужно исправить: *почтешать* вм. *почтовать* = *почтовать*, какъ и говорить еще народъ (почтить гостя угощеніемъ).

з) *Достославный, достоуважаемый* — „стоящій славы, стоящій уваженія“. На какомъ основаніи эта форма вм. *стоящій*? Вѣдь это причастная форма глагола 2-го спряженія, а не прилагательное отглагольное въ родѣ *горючій, колючій*; даже народъ признаетъ это слово, какъ причастіе (*стояшій*), а не какъ прилагательное (*стоячій*).

и) *Дрохва* — неправильно вм. *дрофа*: вѣдь только простонародье произноситъ *ф* какъ *хв*: *Хведоръ*. Другая приведенная въ словарь форма этого слова *драфа*, тоже неправильно: множественное число *дрофы, дрофъ*.

і) *Дручина, дручокъ*. На югѣ вездѣ говорятъ *дрюкъ, дручина, дручокъ*.

к) *Дѣвственый*. Усѣченное окончаніе неправильно дѣвствененъ вм. дѣвственъ. Вѣдь *им* въ причастіяхъ и нѣкоторыхъ прилагательныхъ — чисто механическое удвоеніе, поддерживаемое послѣдующимъ гласнымъ звукомъ; вставка бѣглаго *е* не имѣетъ здѣсь никакого этимологическаго основанія (вѣдь *дѣвствьнь*, а не *дѣв—ств—ьн—ьнь*). Мы пишемъ прилагательное: *умѣренный, — ронъ, ограниченный, — чень, свойственный, — венъ, нравственный, — венъ, двойственный, — венъ*.

л) *Дѣдинъ* прилагательное притяжательное не отъ слова *дѣдъ*, а отъ ласкательной (дѣтской) формы *дѣда* (дѣдушка).

м) *Дѣдинька* неправильно вм. *дѣденька* (*папа—папенька, мама—маменька, дѣда—дѣденька*).

IV. Въ словарь встрѣчаются сомнительныя слова:

Довлекить—доводить до чего, побуждать, склонять.

Доидить—сдѣлать кому непріятность, напортить. Есть слово *наидить* съ этимъ значеніемъ.

V. Наконецъ отмѣтимъ корректурныя недосмотры.

Депсти... „бумажникъ съ двумя стами рублями“. Слѣдуетъ: *двумя*стами.

Дрема... Онъ ходитъ по лавочкѣ. Слѣдуетъ: Сонъ ходитъ и т. д.

Дура... бесчетная (?).

Въ заключеніе еще нѣсколько замѣчаній о дополненіяхъ къ третьему выпуску („Пропущенныя слова, опечатки и поправки“).

Боотесъ—, созвѣздіе: Малая медвѣдица“(?!). Боотесъ, или Волопасъ—самостоятельное созвѣздіе, а не Малая медвѣдица.

Брухить никогда не значить лягать (ногами), а только бодать, колоть рогами.

Гомъть неправильно вм. гамѣть (гамъ).

И. Калмыковъ.

Им. П. Житскій. Къ вопросу объ Уніи и южно-русскихъ проповѣдникахъ.
(Д-ръ Ів. Франко, Іванъ Вишенскій и его твори. Львовъ, 1895 г.).

Въ 1896-мъ году исполняется 300 лѣтъ со времени введенія уніи въ южной и западной Россіи. Унія, какъ форма религіозной жизни, до сихъ поръ играетъ значительную роль въ Галиціи, придавая иногда особенный оттѣнокъ борьбѣ и политической, и національной. Извѣстно также, что важнѣйшіе представители уніи въ Галиціи цѣлымъ рядомъ общественныхъ и религіозныхъ торжествъ думаютъ отмѣтить этотъ юбилейный трехсотый годъ. Въ настоящей замѣткѣ мы предполагаемъ коснуться перваго момента религіозной борьбы южанъ противъ уніи, — времени конца XVI и начала XVII вѣковъ, — по поводу новаго солиднаго труда одного изъ галицкихъ ученыхъ.

Имя д-ра Франка почти неизвѣстно въ русской литературѣ. Въ Галиціи г. Франко извѣстенъ своими публицистическими и беллетристическими работами. Кроме того, изслѣдованія его въ области изученія южно-русской исторіи и литературы по научному методу и обширной эрудиціи имѣютъ цѣнность не только мѣстнаго, но и болѣе обширнаго характера. Последній трудъ г. Франко болѣе важенъ и интересенъ. Книга, заглавіе которой мы выписали выше, написана не по-русски; какъ галицкое изданіе, она въ Россіи почти неизвѣстна даже ученымъ занимающимся южно-русской исторіей; вотъ почему мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ содержаніемъ и основными выводами автора, остановившись обстоятельнѣе на нѣкоторыхъ вопросахъ, выдвинутыхъ имъ.

Іванъ Вишенскій родился между 1545 — 1550 гг. въ мѣст. Судовая Вишня (между Львовомъ и Перемышлемъ). учился въ приходской школѣ, затѣмъ, весьма вѣроятно, жилъ у кн. Острожскаго, гдѣ и окончилъ свое образованіе. Побывалъ онъ въ это время въ Луцкѣ, Люблинѣ и другихъ мѣстахъ. Причины удаленія Вишенскаго на

Аеоны—неизвѣстны, скорѣе всего это были неудачи личной жизни; во всякомъ случаѣ Вишенскій удалился на Аеоны лѣтъ 30-ти или 35-ти (въ 1576—1580 гг.). Тамъ онъ сталъ готовиться къ подвигу монашескому; прежде всего эта подготовка состояла въ прилежномъ чтеніи христіанскихъ богословскихъ книгъ (Василія Великаго, Григорія Синаита и др.). Такое направленіе труда и мысли отражается и въ первыхъ произведеніяхъ Вишенскаго (Новина, Обличеніе, Слѣдъ краткій). Вдали отъ родины аеонытъ-Вишенскій бродитъ изъ монастыря въ монастырь и опредѣленнаго скита, какъ постоянного мѣстожителства, не имѣетъ. Чутко прислушивается онъ ко всему, что происходитъ на родинѣ. Настаетъ время Уніи. Одно за другимъ передаются и пересылаются имъ на Русь посланія и разсужденія, въ которыхъ онъ является горячимъ защитникомъ православія и національныхъ южно-русскихъ интересовъ. Наконецъ, этотъ первый южно-русскій публицистъ лично является на Русь въ 1605 г. защищать правое дѣло, но проповѣдь Вишенскимъ аскетизма не понравилась его землякамъ; Вишенскій удалился опять на Аеоны, и продолжалъ оттуда посылать свои посланія, присоединяя къ нимъ сочиненія въ защиту аскетизма и монашескаго житія. Подъ конецъ жизни онъ заключилъ себя въ пещеру, дабы смирить окончательно свое все еще, по его мнѣнію, бунтующее тѣло и грѣшную душу. Умеръ Вишенскій около 1620 года. Такова вкратцѣ біографія проповѣдника, основанная на нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, добытыхъ г. Франкомъ.

На ряду съ этой работой д-ръ Франко устанавливаетъ и послѣдовательный порядокъ времени написанія Вишенскимъ сочиненій и тщательно изслѣдуетъ ихъ. Вотъ списокъ сочиненій проповѣдника въ хронологическомъ порядкѣ, установленномъ г. Франкомъ: 1) Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама, 2) Слѣдъ къ постиженію и изученію художества, 3) Обличеніе діавола міродержца, 4) Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестяхъ, 5) О еретикахъ, 6) Загадка философамъ латинскимъ, 7) Писаніе до всѣхъ обще въ лядской землѣ живущихъ, 8) Посланіе къ кв. Вас. Острожскому, 9) Писаніе къ утекшимъ отъ православной вѣры епископамъ, 10) Краткословный отвѣтъ Θεодула (псевд. Вишенскаго), 11) Посланіе къ старицѣ Домникѣ, 12) „Зачанка“, Христофора инока русина (псевд. Вишенскаго), 13) Порада о очищеніи церкви, 14) Терміна, то-есть, собраніе сочиненій Вишенскаго съ предисловіемъ, 15) Посланіе Юву Книгиницкому, 16) Посланіе до братства Ставропигійскаго, 17) Листъ

до кн. Мих. Вишневецкаго, какъ предисловіе къ 18) Позорищу Мысленному.

Остановимся на первыхъ частяхъ труда г. Франко, чтобы указать нѣсколько вѣрныхъ положеній, опровергающихъ мнѣнія, высказанныя раиѣ изслѣдователями южно-русской исторіи XVI—XVII вѣковъ. Не безъ основанія д-ръ Франко говоритъ, что утвержденія г. Завитневича, будто православнымъ второй половины XVI вѣка приходились по вкусу именно бранныя, возможно болѣе ругательныя рѣчи противъ римской церкви, удовлетворявшія ненависти между католиками и православными въ это время ¹⁾, не точны. Намъ думается, что такое утвержденіе страдаетъ излишествомъ обобщенія, а особенно—перенесеніемъ фактовъ и настроеній послѣдующей эпохи на болѣе раннее время. Г. Франко указываетъ на то, что вторая половина XVI вѣка въ Польшѣ отличалась еще толерантною и вѣротерпимостью въ религіозныхъ вопросахъ и приводитъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ это (стр. 45 и др.). Это время было временемъ распространенія въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси протестантизма, соцініанства и др. ученій, враждебныхъ католицизму. Вѣроисповѣдныя вопросы въ XVI вѣкѣ далеко не носятъ той обостренности, какъ во время религіозной борьбы XVII вѣка. Въ обществѣ еще нѣтъ религіозной ненависти, и прежде всего нѣтъ ея у православныхъ. Русинъ восточной вѣры и латинникъ встрѣчались на почвѣ вѣротерпимости и спокойнаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ. На этомъ общеніи, конечно, позднѣйшіе радѣтели уни строили свои надежды, а ужъ никакъ не на религіозной ненависти, которой не подмѣчали они въ православныхъ второй половины XVI вѣка, и о которой говорятъ нѣкоторые современные изслѣдователи этой эпохи. Въ дневникѣ Евлашевскаго, русскаго дворянина новгородскаго воеводства, проживавшаго издавна въ Слуцкомъ краѣ, человека искренне православнаго и глубоко-религіознаго, мы находимъ, наприпримѣръ, такой разказъ: „Бовемъ на онъ часъ (1565 г.) разность веры не чинила наимнейшой разности приятельской, для чого самого тамтотъ векъ золотымъ ми се видилъ отъ нинейшого веку, где южь и межъ одной веры людьми облуда все заступила, а покготовую межъ разными веры алисе пытай о милость, щирость и правдиве добре заховане, а павенцей межъ свецкими стапы. Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, когды дисейший папежь Клеменсъ еще кардина-

¹⁾ *Завитневичъ*, Памяодія Зах. Копыстенскаго, стр. 82—83.

ломъ былъ, у короля его милости Стефана въ Вилне, седлаемъ у столу князя Балтронея Недзвыцкаго, каноника виленскаго, зъ преднейшими слугами (влохами) его; тые же се кгда довели, же евангеликъ, дивовались барзо, яко не смелъ князь каноникъ на обѣдъ свой взывати, а кгда имъ оиъ преложилъ, же въ насъ зъ того жадна ненаність не быва и милуемось, яко зъ добрыми прыятлы, хвалили то влохи, мовечи, же ту Богъ живе, а ганили свои домовы права, а родни несаски¹⁾. Весьма справедливо г. Франко, останавливаясь на разказъ Вишенскаго (ок. 1590 г.) о преслѣдованіи православныхъ²⁾, указываетъ на преувеличеніе Вишенскимъ картины этого преслѣдованія. Еще только въ 1584 — 1585 гг. Стефанъ Баторій „выдалъ двѣ грамоты, обезпечивающія православнымъ всѣ гражданскія права, и запрещаая насильно ихъ обращать въ латинство (г. Франко, стр. 143)³⁾. Документы позднѣйшіе дѣйствительно сохранили многочисленныя указанія на ожесточенную борьбу въ послѣдующую эпоху уже съ первыхъ годовъ XVII вѣка. Въ указанномъ мѣстѣ Вишенскій свое описаніе о преслѣдованіи православныхъ, можно предполагать, вставлялъ въ позднѣйшую редакцію „Извѣщенія“, написаннаго впервые около 1590 г.,—поэтому пользоваться описаніемъ Вишенскаго и относить изображаемую имъ картину къ указанному времени (Кулишъ, Костомаровъ) нужно очень осторожно, во всякомъ случаѣ не ссылаясь на разказъ Вишенскаго, какъ на истинное изображеніе религиозныхъ отношеній въ южной Руси конца XVI вѣка. Наконецъ, и полемическая дѣятельность, какъ въ литературныхъ произведеніяхъ, такъ и личнымъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ самого Вишенскаго и другихъ защитниковъ православія, при достаточно сильномъ правительствѣ Сигизмунда III, доказываетъ противное. Обостренности борьбы въ послѣдней четверти XVI вѣка мы не видимъ, тѣмъ болѣе преслѣдованій, и польское правительство еще допускаетъ борьбу равнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ, религиозная борьба позже, особенно со второй четверти XVII вѣка, принимаетъ тотъ характеръ, который переносится многими изслѣдователями въ болѣе раннюю эпоху, благодаря спутыванію событій и малому критическому отношенію къ литературному, и даже документальному

¹⁾ *Кіевская Старина*, 1886 г., № 1, стр. 129.

²⁾ Извѣщ. крат. въ Акт. Южной и Западной Россіи, стр. 269.

³⁾ См. также по поводу уничтоженія православными книги Сварги, относящелуся къ 1585 г., у г. Франко, стр. 285—286.

материалу. Да и борьбу эту менѣ всего стремилось обострять все болѣе и болѣе слабѣвшее польское правительство, — ее вело общество, — и, во всякомъ случаѣ, на ряду съ несомнѣннымъ насиліемъ религіозной свободы, не доходило однако до костровъ, систематической инквизиціи и пытокъ въ исключительно религіозныхъ вопросахъ, какъ то мы видимъ хотя бы въ Западной Европѣ.

Перейдемъ еще къ одному любопытному вопросу, затронутому г. Франкомъ. Въ исторической литературѣ придавалось слишкомъ большое значеніе Аѳону въ дѣлѣ религіозной борьбы на югѣ Россіи (напримѣръ, у *Кулиша* „Исторія воссоединенія“, *Целевича*, „Исторія скита Манявскаго“, *С. Л—ва*, автора большой статьи о Вишенскомъ и др., а также въ нашей статьѣ о Вишенскомъ *Кіевская Старина*, т. XXIX). Франко не безъ основанія указываетъ на то, что такого значенія въ борьбѣ православія съ католицизмомъ Аѳонъ не имѣлъ (стр. 454). Въ борьбѣ этой аѳониты участія не принимали. Определенное участіе въ ней аѳониты выразили только въ 1598 г. посланіемъ аѳонскихъ монаховъ по поводу уни: его опубликовалъ кн. Конст. Острожскій. Отношенія Аѳона къ южной Руси, какъ и къ сѣверной, сводились главнымъ образомъ къ собранію добродетельныхъ даяній: домовою и поголовной сборъ съ Аѳона турецкими властями, взятки и посулы имъ были очень велики. Мы просмотрѣли нѣкоторыя данныя по этому вопросу и дѣйствительно убѣдились въ вѣрности замѣчанія г. Франко. Въ обстоятельномъ сочиненіи преосв. Порфирія (Успенскаго) — „Исторія Аѳона“¹⁾ мы нашли упоминаніе пр. Порфирія только о трехъ извѣстныхъ въ XVI — XVII вѣкахъ аѳонитахъ-южанахъ: Христофорѣ и Оеодулѣ, авторахъ отвѣта на книгу Скарги по предложенію Мелетія Пигаса и обѣ Иоаннѣ Вишенскомъ, авторѣ посланій. Пр. Порфирій ошибался: эти три имени носило одно лицо: Иоаннъ Вишенскій, — письмо же Пигаса къ Вишенскому по поводу книги Скарги мы помѣщаемъ ниже²⁾. Въ спискѣ крупныхъ жертвователей Аѳону, приводимомъ у пр. Порфирія въ III ч. его сочиненій — ни одного жертвователя изъ южной Руси. Мы знаемъ, такіа жертвованія были, но они были случайны и незначи-

¹⁾ Къ сожалѣнію г. Франко не могъ имѣть этой книги подъ руками.

²⁾ У пр. Порфирія Вишенскому отведены 527 — 530 стр., о чемъ не знали ни г. Франко, ни г. Сумцовъ, ни г. Житецкій и др.; тамъ же (стр. 1014) помѣщено посланіе Вишенскаго къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси по рукописи Императорской Публичной бібліотеки, Q, I, № 248.

тельны ¹⁾). Такимъ образомъ, главную, едва-ли не единственную. почти одинокую роль въ опредѣленномъ влияніи аеонскихъ воззрѣній на борьбу противъ уніи игралъ южно-русь—аеонитъ Вишенскій (стр. 455). Да къ тому же проповѣдь Вишенскаго, какъ аскета-аеонита, встрѣчена была на родинѣ очень недружелюбно, о чемъ мы уже упоминали. Особенно ясно видимъ это изъ защиты основъ аеонскаго міросозерцанія самимъ Вишенскимъ въ „Посланіи старицѣ Домникиѣ“: сблизившись съ Аеономъ, все же далекимъ для юга, Вишенскій, очевидно, не оправдалъ надеждъ своихъ братчиковъ (Франко. стр. 463). Итакъ, даже съ судьбѣ Вишенскаго мы имѣемъ возможность видѣть, что обобщать влияние Аеона на южно-русскую религиозную борьбу не приходится. Больше, конечно, но только больше. оказали влияния на эту борьбу восточные патріархи. Кстати, приводимъ ниже открытое г. Франкомъ письмо александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса къ Вишенскому,—оно является еще однимъ новымъ свидѣтельствомъ правильнаго, дружескаго общенія южно-русскихъ защитниковъ ираросланія съ восточною церковью. Подлинникъ письма Мелетія находится въ библиотекѣ монастыря Іоанна Крестителя на островѣ Патмосѣ; копія его предоставлена г. Франку аеонскимъ ученымъ г. Саккеліономъ. Печатаемъ греческій текстъ письма слово въ слово, такъ какъ въ русскомъ изданіи это интересное письмо еще напечатано не было:

„Ἰωάννη τῷ Βισσένσκῃ

Ἀνεχώρησε καὶ Μωσῆς ποτὲ τῶν ἐν ἄσται διατριβῶν, καὶ ὀψίως ἔτοχεν ἀναχώρησας ὑπερφυοὺς τε καὶ ξένης· ἀλλ' ἐμοῦτο ταῖς θείαις ἐμφάσεσιν ἐπανακάμψας, χειρωτονημένος μὲν ὢν αὐτὸς θεὸς Φαραώ, ἐλευθερώσων δὲ τῆς τῶν Αἰγυπτίων κακοῦ χίρας τοὺς υἱοὺς Ἰσραήλ. Παρακεκινδύνευκεν οὖν αὐτὸς, ἐβλάβη δ' οὐδέν· τέραθα δὲ ποιήσας οἷα θεὸς ἐξῆτα τοὺς ἀτίους ἐξ ἀναξίων.

Σύνες τὸ μυστήριον, θέκνον, καὶ μὴ κατάμενε ἐν ἐρήμῃ σοὶ μόνον καὶ τυχὸν οὐ πάνυ εὐαρέσθως βιοτεύσων· κοῦ χαρίζομεν τὰς ἐρήμους φιλέρημοι καὶ αὐτοὶ ὄντες, ἀλλὰ τῆς τῶν πέλας σωτηρίας φροντίζοντες εἰς τὴν τῶν υἱῶν θεοῦ παρὰ ταξιν παρακαλοῦμεν· οἱ σοὶ ἀθελοῖ, οἱ τῶν αὐτῶν σοὶ ὀδίων μετεσχηχότες τῶν ἱερῶν κινδυνεύθοι παρὰ Σαυρομάταις, Σχορομάται ὀρθόδοξοι παρὰ τοῖς μὴ φρονοῦσιν ὀρθὰ καὶ βοηθείας ἐστέρηνται. Οὐκ ἀρ-

¹⁾ Весьма небольшія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Аеона и юга Россіи, какъ и объ аеонитахъ-южанахъ, находимъ мы въ соч. г. Малмшескаго „Мелетій Пигасъ“ и г. Щурата „Аеонъ и его монастыри“.

κοῦμεν ἡμεῖς· δεῖ καὶ ὑμᾶς ζηλωσαὶ τῷ θεῷ παντοκράτορι. Καὶ Ἡλίας ὁ ἐρημοπολίτης ἐλίγχει τὸν Ἀχαάβ καὶ κτείνει τοὺς ἱερεῖς τῆς Ἰεζάβελ· καὶ δὴ τὸν τῆς χάριτος τῆς εὐαγγελικῆς πρόδρομον Ἡλίαν μετὰ τὰς ἐρημικὰς διατριβὰς ἐμφιλοχωροῦντα μανθάνομεν τοῖς δήμοις καὶ κηρύσσοντα σωτηρίας ὁδὸν καὶ τῇ ἀληθείᾳ ἐναποταθνηκότα. Οὕτως εὐαρεστεῖται θεός. Μιμοῦ τὰς πράξεις ὧν ἐπιθυμεῖς συμμετασχεῖν τῶν βραβείων. ἔρρωσο. Ἐν Ἀλεξανδρίᾳ“ „αἰϛ“¹⁾).

Рядъ вопросовъ, которые затрогиваетъ г. Франко въ излагаемомъ сочиненіи, не исчерпывается, конечно, положеніями, указанными нами. Исслѣдователь южно-русской полемической литературы найдетъ въ этомъ трудѣ характеристику національныхъ, религіозныхъ и полетическихкихъ взглядовъ Вишенскаго (стр. 288—294, 481—488), цѣнныя замѣчанія о характерѣ южно-русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ (стр. 212) и вѣрѣ въ чудеса (стр. 228—231), объ отношеніи къ наукѣ южно-русскихъ полемистовъ (стр. 310—316), о языкѣ Вишенскаго (стр. 381, 494) и т. п.

На предыдущихъ страницахъ мы, по возможности кратко, излагали содержаніе и нѣкоторыя интересныя положенія работы г. Франко, дополнивъ ихъ со своей стороны немногими замѣчаніями. Думаемъ, что читатель согласится съ нашимъ мнѣніемъ о работѣ галицкаго ученаго, какъ о серьезномъ, важномъ и любопытномъ изслѣдованіи не для однихъ галицкихъ ученыхъ. Особенную цѣнность приобретаетъ книга г. Франко именно теперь: наступило время строгой проверки историческихкихъ и литературныхъ мнѣній о религіозной и политической борьбѣ XVI—XVII вѣковъ на югѣ Россіи. Общія сочиненія по этимъ вопросамъ даютъ общія картины, едва-ли соответствующія дѣйствительности; спеціальныя монографіи даютъ много сбивчивыхъ, а что особенно печально, противорѣчащихъ одни другимъ положеній и выводовъ. Рядъ вопросовъ для серьезной научной постановки изслѣдованія о южно-русской борьбѣ XVII вѣка назрѣлъ,—работа г. Франко займетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ изслѣдованій.

И. ЗИТЦКІЙ.

¹⁾ Франко, стр. 457—458.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека, Ф. Палестова. — Пятьдесятъ три выпуска біографій русскихъ дѣятелей ¹⁾.

Біографическіе очерки о русскихъ писателяхъ, къ разбору которыхъ мы теперь переходимъ, въ общемъ болѣе удовлетворительны. Изъ нихъ слабѣе прочихъ біографія В. Г. Бѣлинскаго, составленная г. Протопоповымъ, и біографія Салтыкова, принадлежащая перу г. Кривенко. Первая носитъ характеръ какого-то философскаго трактата, наполнена всевозможными отступленіями (стр. 1 — 12 — все введеніе, 15, 19, 51, 52 и другія) и не даетъ полнаго и болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія о литературной дѣятельности нашего критика. Такъ, напримѣръ, на страницахъ 44 — 47, гдѣ говорится о „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, читатель вовсе не узнаетъ, что составляетъ главное ихъ содержаніе. Приведа изъ нихъ обширную выписку почти на 2 страницахъ о философскихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, біографъ и не упоминаетъ о томъ мѣстѣ въ „Мечтаніяхъ“, гдѣ критикъ горячо заявляетъ, что „у насъ нѣтъ литературы“ и требуетъ „ученья, ученья, ученья“. Нѣтъ затѣмъ упоминанія о томъ, что отрицательное направленіе идей Бѣлинскаго нѣсколько смягчилось при появленіи повѣстей Гоголя и стихотвореній Кольцова. Не упоминается и о крупныхъ критическихъ статьяхъ въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, который благодаря этимъ именно статьямъ считался какъ бы органомъ гегелевской философіи; и вообще изъ словъ г. Протопопова вовсе нельзя составить понятія о литературной дѣятельности критика въ бытность его въ Москвѣ. Сказавъ, что Бѣлинскій съ переѣздомъ въ Петербургъ мало по малу отказался отъ крайностей гегелевской философіи, біографъ почти вовсе не говоритъ о томъ, какъ это отразилось на статьяхъ его. Не указаны, наконецъ, главныя статьи критика въ *Отечественныхъ Запискахъ* и нигдѣ не говорится о собраніи его сочиненій. Что касается опредѣленія значенія Бѣлинскаго, какъ писателя, то ни изъ обширнаго введенія, начинающагося, по нашему мнѣнію, весьма некстати афоризмомъ: „Чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ больше начинаешь любить собакъ“, ни изъ заключительныхъ двухъ страницъ нельзя составить никакого представленія.

Пользуясь въ своемъ очеркѣ главнымъ образомъ Пыпинимъ и

¹⁾ *Окончаніе*. См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

отчасти воспоминаниями Панаева, авторъ излишне, кажется, въ общемъ очеркѣ то и дѣло вступаетъ въ полемику съ А. Н. Пыпинымъ, или по поводу біографическихъ данныхъ, или по поводу объясненій послѣднимъ литературныхъ воззрѣній Бѣлинскаго; при этомъ, конечно, дѣлаетъ это и не всегда удачно, а главное длинно, какъ, напримѣръ, на страницахъ 63—65, гдѣ отвергается мнѣніе Пыпина, — что переломъ во взглядахъ Бѣлинскаго произошелъ при болѣе широкомъ знакомствѣ его съ жизнью, начавшемся съ переѣздомъ въ Петербургъ, — и предлагается въ видѣ причины перелома „процессъ развитія“. Въ цѣляхъ полноты біографіи, по нашему мнѣнію, не мѣшало бы автору упомянуть о томъ, что на Бѣлинскаго въ Московскомъ университетѣ благотворно вліяли лекціи профессоровъ Н. И. Надеждина и М. Г. Павлова. Правда о первомъ и его вліяніи онъ говоритъ на страницахъ 43—44, но о Павловѣ, вводившемъ своихъ слушателей въ кругъ идей германской философіи (Шеллинга и Окена), нѣтъ ни слова. Что касается сообщеній, что Бѣлинскій „родился въ маѣ или въ февралѣ“ (13 стр.) вмѣсто 30-го мая, и что „во время французской революціи отрубили голову Людовику XV“ (стр. 75), то это, очевидно, недосмотры или даже опечатки. Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Протопоповъ лучше бы сдѣлалъ, если бы назвалъ въ „Источникахъ“ вмѣсто „Катковъ и его время“, *С. Невядьинскаго* и „Записокъ“, *К. А. Полеваго* статьи *Чернышевскаго* „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“ (*Современникъ*, 1855 — 1856 — и отдѣльно, 1892) „Воспоминанія“ *И. С. Тургенева*, да статьи *А. Григорьева* въ I томѣ его собранія сочиненій. Въ 1894 году эта біографія вышла вторымъ изданіемъ безъ всякаго измѣненія, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, на страницахъ 20 и 63, гдѣ г. Протопоповъ съ меньшимъ задоромъ отвергаетъ взгляды г. Пыпина на значеніе для Бѣлинскаго переѣзда изъ Петербурга въ Москву.

Г. Кривенко въ своемъ очеркѣ: „М. Е. Салтыковъ“ сообщаетъ лишь о вѣдншихъ фактахъ изъ жизни сатирика и не скупится на разныя мелкія подробности, указывающія на нѣсколько странный его характеръ. Что же касается роли его, какъ писателя, въ общественномъ и литературномъ отношеніи, то составитель очерка, сославшись въ началѣ первой главы на то, что „близость смерти не позволяетъ обыкновенно видѣть настоящей величины заслугъ человѣка“ (стр. 5), не говоритъ, что же именно изображалъ Салтыковъ въ своихъ сатирахъ и которыя изъ нихъ лучшія, не указываетъ и на его чуткость и отзывчивость малѣйшему измѣненію общественныхъ

настроеній и вѣяній и не даетъ даже опредѣленія, къ какому роду писателей слѣдуетъ относить Салтыкова. Въмѣсто этого въ очеркѣ встрѣчаемъ разказы на цѣлыхъ страницахъ, какъ сатирикъ кричалъ на сотрудниковъ, запрашивающихъ авансъ, на метранпажей, едва удерживавшихся отъ улыбки, на растерянныхъ чиновниковъ, какъ относился къ посѣщающимъ его знакомымъ, которые отрывали его отъ работы и т. п.

Биографическій очеркъ М. В. Ломоносова, составленный А. І. Львовичемъ-Кострицей, является однимъ изъ наиболее удовлетворяющихъ читателя, хотя авторъ, по видимому, не пользовался „Очеркомъ поэтической дѣятельности Ломоносова“ академика *Я. К. Грота*, биографіей, написанной *Буличемъ* (въ *Запискахъ Казанскаго университета* за 1865 годъ и отдѣльно), „Обзоромъ дѣятельности Ломоносова по новымъ источникамъ“ *Лавровскаго* и „Сочиненіями М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика *М. Н. Сухомятова*“, томы I — II (1891 — 1893 годовъ), весьма необходимыми пособіями. Картина жизни и кипучей дѣятельности нашего знаменитаго академика на пользу Россіи и русскаго просвѣщенія нарисована весьма живо, безъ лишнихъ подробностей или отступленій, безъ фактическихъ промаховъ и на основаніи точныхъ данныхъ. Позволимъ себѣ упрекнуть автора только въ томъ, что, упоминая о первыхъ стихотворныхъ опытахъ Ломоносова, онъ не указалъ на обстоятельства, натолкнувшія его на стихотворство; затѣмъ, отдавая справедливую дань научнымъ трудамъ Ломоносова, онъ напрасно не указалъ на общую ихъ заслугу, заключающуюся въ томъ, что ими Ломоносовъ первый положилъ основаніе для Россіи научныхъ изслѣдованій въ области естествознанія и первый популяризировалъ научно-философскія истины. Что касается поэтическихъ и литературныхъ произведеній Ломоносова, то здѣсь чѣтъ ничего, кромѣ названій нѣсколькихъ одъ и теоретическихъ трактатовъ, а между тѣмъ самъ авторъ склоненъ видѣть наибольшую заслугу Ломоносова для Россіи въ области русскаго языка и словесности, что было выражено и на празднованіи столѣтней годовщины. Не лишнимъ было бы въ данномъ случаѣ привести мнѣніе Пушкина о поэтическихъ трудахъ Ломоносова, указать наилучшіе изъ нихъ и взгляды въ нихъ выраженные, указать на его заслугу для русскаго языка и т. д. Особого мѣста для этого не потребовалось бы, если бы авторъ сократилъ представленную имъ во II главѣ исторію Академіи Наукъ, вовсе бы не упоминалъ о дракѣ Ломоносова со Шумахеромъ (стр. 38—40) и не такъ бы подробно излагалъ Шума-

херовское дѣло 1742 года. Мало воспользовался авторъ и книгою *Воскресенская* — „Ломоносовъ и Московская Славяно-Греко-Латинская академія“ (Москва, 1892 года), въ которой нашелъ бы болѣе подробныя свѣдѣнія о пребываніи Ломоносова въ названной академіи и точно сгруппированные его научно-философскіе взгляды по вопросамъ вѣры и знанія.

Биографія князя А. Д. Кантемира, принадлежащая перу Р. И. Сементковскаго, написана съ большимъ знаніемъ дѣла, систематично и живымъ, вполне правильнымъ языкомъ. Кромѣ того г. Сементковский не простой компиляторъ, подобно многимъ авторамъ разбираемыхъ биографій; онъ удачно исправляетъ нѣкоторые установившіеся въ учебникахъ и биографіяхъ факты изъ жизни сатирика. Къ такимъ удачнымъ исправленіямъ мы относимъ попытку его снять съ Кантемира обвиненіе въ иноземщинѣ и плохомъ знаніи русскаго языка (хотя это автору и не вполне удастся); затѣмъ укажемъ на справедливое отрицаніе важности произнесенія Кантемиромъ греческихъ стиховъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ (стр. 28—29), на болѣе правильное и опредѣленное установленіе философско-моральныхъ взглядовъ Кантемира и направленія его литературной дѣятельности съ первыхъ же шаговъ послѣдней, и наконецъ на вѣроятное объясненіе несостоявшагося брака Кантемира съ кн. Черкасской.

Но за всѣмъ тѣмъ находимъ въ этой биографіи и недостатки. Прежде всего, бросается въ глаза растянутость изложенія, повторенія, излишнія подробности о предметахъ, не требующихъ таковыхъ, какъ напримѣръ, о кн. Д. М. Голицынѣ, о событіяхъ при Петрѣ II и при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, о дипломатической карьерѣ сатирика, о любви его сестры Марьи къ кошкамъ и собакамъ, о „новомъ ковчегѣ“ послѣдней и т. п. (см. еще стр. 60 и 63). Затѣмъ мы считаемъ недостаткомъ очерка отсутствіе болѣе полной характеристики сатиры Кантемира, чѣмъ та, которая дана авторомъ на стр. 43—46 (съ перерывами). Онъ хорошо знаетъ, что эти сатиры опредѣляютъ и все значеніе литературной дѣятельности Кантемира, но не только не передаетъ ихъ содержанія и не дѣлаетъ выписокъ мѣстъ болѣе характерныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, но даже не перечисляетъ ихъ, не говоритъ о способѣ распространенія, и не останавливается ни на подражательности ихъ, ни на значеніи общественномъ.

Приведа нѣсколько выписокъ изъ первой сатиры, авторъ, по нашему мнѣнію, не совсемъ правъ, говоря, что всѣ остальные сатиры

„только дополненіе, развитіе мыслей, положенныхъ въ основаніе первой сатиры“ (стр. 44); неопредѣленно, а главное несправедливо, и его заявленіе, что первая сатира, послѣ одобренія ея Теофаномъ Прокоповичемъ, „пошла гулять по Россіи, будить русскую мысль и совершать великую свою службу предъ отечествомъ“ (стр. 44); кругъ вліянія какъ первой, такъ и остальныхъ сатиръ Кантемира, не могъ быть значительнымъ: не пужно забывать, что русскихъ печатныхъ изданій Кантемира до 1762 г. и не было; до этого времени русское общество знакомилось съ сатирами или въ рукописныхъ спискахъ или въ переводахъ (такъ въ 1749 г. явился французскій переводъ сатиръ Кантемира, а черезъ три года—нѣмецкій).

Къ числу невѣрностей или къ примѣрамъ увлеченія къ исправленію мыслей предшествующихъ біографовъ сатирика надо, повидимому, отнести толкованіе басни „Огонь и восковой болванъ“. Конечно, трудно согласиться съ Стоюнинымъ, что этою басней Кантемиръ намекалъ на необходимость удаленія Голицына, когда его судьба была уже рѣшена (1731), но трудно также усмотрѣть въ ней что либо иное, кромѣ указація, какою должна быть политика новаго правительства: нужно доводить дѣло до конца, безъ чего оно будетъ не на „долги вѣки“.

Изъ всѣхъ біографій нашихъ писателей болѣе отвѣчаютъ своимъ цѣлямъ біографіи, написанныя А. М. Скабичевскимъ. Его перу принадлежатъ: „А. Ф. Писемскій“, „А. С. Грибоѣдовъ“, „М. Ю. Лермонтовъ“, „Н. А. Добролюбовъ“ и „А. С. Пушкинъ“. Въ нихъ по крайней мѣрѣ на ряду съ біографическими данными читатель знакомится и съ умствешнымъ кругозоромъ писателя, и съ характеристикой его главнѣйшихъ произведеній, и съ значеніемъ, какое оны имѣютъ въ литературѣ; а отсутствіе ненужныхъ отступленій и объективное, но живое изложеніе, еще болѣе увеличиваютъ достоинство этихъ очерковъ. Наши замѣчанія по отношенію къ нимъ будутъ кратки и носить характеръ дополненій. Такъ по отношенію къ біографіи А. С. Грибоѣдова мы позволимъ себѣ исправить годъ окончанія университета Грибоѣдовымъ съ 1812 на 1808 г., основываясь на архивныхъ матеріалахъ, опубликованныхъ въ *Русскомъ Обзорѣ* за 1895 г. № 3, г. С. *Блокуровымъ*, и указать на помѣщенное тамъ же официальное допесеніе, которое нѣсколько измѣняетъ обычныя свѣдѣнія о дуэли гр. Завадовскаго съ Шереметевымъ изъ за Истоминной. По отношенію къ біографіи М. Ю. Лермонтова можно указать на новые труды: *Котляревскаго*, „Мих. Юр. Лермонтовъ. Лич-

ность поэта и его произведенія. Опыты историко-литературной оцѣнки". С.-Пб. 1891 г., и двѣ статьи о М. Ю. Лермонтовѣ въ *Извѣстіяхъ Общества любителей Истории* за 1892 г. (№ 6) и за 1893 г. (№ 7), которые во многомъ могли бы пополнить литературную характеристику поэта. Въ біографіи Добролюбова, мало, по нашему мнѣнію, говорится о той роли, какую сыгралъ въ умственной жизни Добролюбова Главный педагогическій институтъ; конечно, можно было сказать по этому поводу гораздо болѣе, чѣмъ авторъ, который ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 41): „Виродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ пребыванія въ Педагогическомъ институтѣ окончательно выработались убѣжденія Добролюбова, его стремленія, всѣ цѣликомъ направленныя къ общественнымъ идеаламъ, и при этомъ суровый, ригорическій характеръ, доходившій порою до аскетизма“. Мало говорится и о борьбѣ Добролюбова съ Давыдовымъ (указывается на одинъ случай въ 1857 г., стр. 40), и ничего—объ отношеніяхъ къ своему осиротѣлому семейству послѣ окончанія института. Разказъ о поискахъ Добролюбова за женскою любовью (стр. 57—58), напрасно, по нашему мнѣнію, не вызвалъ у автора невольнаго возникающаго въ читателѣ вопроса: отчего же Добролюбову не давала вышшаго душевнаго удовлетворенія литературная дѣятельность; тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на него былъ подсказанъ самимъ же критикомъ въ опубликованномъ въ „Матеріалахъ для біографіи Добролюбова“ письмѣ его къ Л. Н. Пещуровой. Изъ него видно, какъ часто люди истинно высокихъ дарованій не имѣютъ и приблизительнаго представленія о размѣрахъ своего таланта. Въ послѣдней главѣ очерка: „Характеристика литературной дѣятельности Добролюбова“ слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, остановиться на отношеніяхъ критика къ большинству писателей и болѣе ярко отгѣпнуть его главнѣйшіи произведенія, напримѣръ, „Темное царство“. Недостатокъ общій всѣмъ этимъ біографіямъ—отсутствіе какихъ-либо указаній на литературу объ этихъ писателяхъ.

„С. М. Соловьевъ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность“, очеркъ П. В. Безобразова, впервые знакомитъ публику съ массою подробностей изъ общественной и домашней жизни знаменитаго историка, и въ тоже время заключаетъ обстоятельную характеристику и оцѣнку, хотя нѣсколько преувеличенную, „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Къ сожалѣнію, очеркъ этотъ вообще производитъ впечатлѣніе сплошнаго напегирика, въ которомъ авторъ пользуется приводимыми имъ фактами лишь для восхваленія историка или для ума-

ленія его недруговъ. Особенно достается въ этомъ случаѣ М. П. Погодину. „Курсъ его, по словамъ г. Безобразова, былъ мало поучителенъ и еще меньше занимателенъ“ (стр. 14); „какъ заниматься, какъ работать надъ источниками, онъ не говорилъ“ (ib.); его „бесѣды только смѣшили студентовъ и возбуждали антипатію къ профессору“ (стр. 15); „Погодинъ находилъ, что стараться объяснить общій ходъ русской исторіи—безполезный трудъ, что историкъ долженъ ограничиваться выборкой изъ лѣтописей, не строя никакихъ системъ“... (стр. 38);—„за двадцать лѣтъ онъ ни одного вопроса не рѣшилъ“ (стр. 39); „просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ на кафедрѣ, приобрѣлъ авторитетъ, считался первымъ знатокомъ русской исторіи, и что-же онъ сдѣлалъ? Написалъ двѣ диссертациі о Варягахъ и Несторѣ“ (стр. 47), и т. п. Одного перваго тома „Русской исторіи“ *К. Н. Бестужева-Рюмина*, не говоря уже о трудѣ *Барсукова*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, достаточно для полнаго опроверженія большинства отзывовъ г. Безобразова о М. П. Погодинѣ.

Изъ очерковъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей наибольшее число посвящено дѣятелямъ XVIII и XIX вѣковъ; изъ дѣятелей XVII вѣка получили біографіи трое, изъ дѣятелей XVI вѣка—одинъ.

Одинъ изъ лучшихъ среди этихъ очерковъ и по полнотѣ (стр. 160), и по изложенію—очеркъ В. А. Мякотина — „Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность“. Задавшись цѣлю представить главнымъ образомъ, какъ наиболѣе важную и характерную сторону въ жизни Аввакума, ея идейную сторону, авторъ неизбѣжно коснулся и того умственнаго движенія, какое происходило въ Московской Руси XVII-го столѣтія, предварительно выяснивъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, происхожденіе этого движенія или, другими словами, происхожденіе тѣхъ воззрѣній, защитникомъ и распространителемъ которыхъ явился знаменитый протопопъ. Этому посвящена вся первая глава (стр. 1—28). Изъ біографическихъ фактовъ въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Мякотинъ останавливается болѣе подробно на тѣхъ, въ которыхъ выступаетъ занимающая его „идейная сторона движенія“; подробности бытовой обстановки отступаютъ на второй планъ. Особенно въ этомъ отношеніи интересны главы V — „Соборъ 1666 — 1667 г.“ и VI — „Жизнь въ Пустозерскѣ. Литературная дѣятельность Аввакума. Казнь его“. Языкъ очерка г. Мякотина страдает нѣкоторою сухостью и длинными періодами; фраза въ 8—10 строкъ — довольно частое явленіе. Къ тому же довольно много цитатъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

А. А. Быковъ въ своемъ очеркѣ: „Патріархъ Никонъ, его жизнь и общественная дѣятельность“ широко воспользовался данными литературы о Никонѣ, сообщая о немъ за весь періодъ его жизни всё, даже мелкія подробности: онъ останавливается на исторіи основанія, напримѣръ, Соловецкаго монастыря, Новоспасскаго; на составленіи и содержаніи „Уложенія“ Алексѣя Михайловича; приводитъ на двухъ страницахъ (49—51) письмо Панаіа, о которомъ достаточно сказать нѣсколько словъ, выписываетъ все „проклятіе“ на Бобарыкина, и т. п. и при всемъ этомъ почему-то мало коснулся главнѣйшаго дѣла Никона—исправленія книгъ: не отмѣтилъ отличія въ ходѣ исправленія до отреченія Никона и послѣ, не указалъ на дѣятельность и вліяніе противниковъ этого Никоновскаго дѣла—членовъ Вонифатьевскаго кружка, на отношеніе къ дѣлу исправленія членовъ собора 1666—1667 г., и, наконецъ, не резюмировалъ значенія Никона, какъ церковнаго и государственнаго дѣятеля. Во всемъ изложеніи замѣтно желаніе автора защитити Никона, а въ объясненіи такого важнаго вопроса, какъ разрывъ Никона съ царемъ, авторъ неожиданно обнаруживаетъ полную объективность, такъ что нельзя услѣдить, считаетъ-ли онъ болѣе правильнымъ объясненіе разрыва, данное С. М. Соловьевымъ и согласное съ его взглядомъ объясненіе преосвященнаго Макарія, или объясненіе г. Субботина и другихъ.

Нѣсколько лучшее впечатлѣніе, нежели литературный очеркъ г. Яковенка, производитъ его: „Богданъ Хмѣльницкій“, гдѣ, начиная съ 1647 г., главнымъ содержаніемъ являются политическія событія Малороссіи, въ которыхъ Хмѣльницкій былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Изъ всѣхъ главъ менѣе удовлетворительна первая, въ которой авторъ попытался объяснить возникновеніе въ Малороссіи казачества и Запорожья, не упомянувъ о самоуправленіи казаковъ, дарованномъ Стефаномъ Баторіемъ и т. д. Авторъ принадлежитъ къ сторонникамъ и почитателямъ Хмѣльницкаго.

Очеркъ С. Е. Усовой „Н. И. Новиковъ“, довольно обстоятельный, живо обрисовываетъ предъ читателемъ характеръ и дѣятельность Н. И. Новикова, основанъ на большомъ знакомствѣ съ пособіями и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ въ цѣлой серіи. Тѣмъ не менѣе считаемъ пужнымъ указать на недостаточное изложеніе вопроса о журналистикѣ XVIII вѣка, о масонствѣ, на отсутствіе объясненія связи между разными видами дѣятельности Н. И. Новикова, въ замиѣтъ чего г-жа Усова даетъ только изложеніе ихъ въ хронологической послѣдовательности, и, наконецъ, на отсутствіе опредѣленія зна-

ченія его дѣятельности для русскаго просвѣщенія и науки: нѣсколько строкъ объ этомъ въ „предисловіи“ весьма недостаточно.

Въ своемъ „предисловіи“ составительница жалуется на недостаточность свѣдѣній о жизни и дѣятельности Новикова; къ ея жалобѣ можно присоединиться и теперь: ни въ 1893 г., когда исполнилось 75 лѣтъ со дня смерти знаменитаго издателя, ни въ 1894 г., когда исполнилось 150 лѣтъ со дня его рожденія, не появилось въ печати ничего цѣннаго въ біографическомъ отношеніи, кромѣ мелкихъ замѣтокъ.

Г-жа Усова ошибается, сообщая, что домъ Новикова въ Авдотьино сохранился и до сихъ поръ: г. Ярцевъ бывшій тамъ въ 1894 году говоритъ, что много лѣтъ не существуетъ даже и слѣдовъ его (см. *Историческій Вѣстникъ*, 1894 г., № 11—„Село Авдотьино“).

Очерки всѣхъ остальныхъ дѣятелей XVIII вѣка и отчасти XIX-го принадлежать перу г. В. В. Огаркова. Первымъ по времени появился (въ 1891 г.) очеркъ „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“. Какъ и слѣдуетъ ожидать по заглавію, г. Огарковъ преимущественно останавливается на Никитѣ и Акинфіѣ Антуфьевыхъ (главы I—V), разказывая то вмѣстѣ о томъ и другомъ, то отдѣльно. Хотя потомки Демидова и не были основателями горнаго дѣла, а только расточителями основаннаго ихъ предками, тѣмъ не менѣе авторъ посвящаетъ и имъ двѣ главы: VI—„Не въ отцовъ дѣти“ и VII—„Демидовы-европейцы“. Въ первой изъ нихъ говоритъ о Никитѣ Акинфіевичѣ и Прокофіѣ Акинфіевичѣ, а во второй—о Павлѣ Григорьевичѣ, Николаѣ Никитичѣ, Анатоліѣ Николаевичѣ Санъ-Донато и Павлѣ Павловичѣ. Уже изъ указанія числа главъ видно, какъ подробно говорится о первыхъ двухъ Демидовыхъ, и какъ кратко объ остальныхъ; при этомъ совершенно не выяснена главная роль послѣднихъ, какъ благотворителей. По нашему мнѣнію, весь очеркъ слѣдовало-бы строго раздѣлить на двѣ половины: 1) Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи, и 2) Демидовы-благотворители, а на обложкѣ оставить обычное заглавіе—Демидовы, ихъ жизнь и общественная дѣятельность.

Разказывая на 68 стр. о Никитѣ и Акинфіѣ Антуфьевыхъ-Демидовыхъ, авторъ впадаетъ въ разныя отступленія о культурномъ состояніи Россіи до Петра, характерѣ его реформъ, жертвахъ „озлобленнаго протекціонизма“, о „кормленіи“, объ экспедиціи аргонавтовъ, о Кортцѣ и Пизарро, даже о Мефистофелѣ (стр. 61) и т. п.; и вмѣстѣ съ тѣмъ, можно указать кой-что, пропущенное авторомъ, но упоминаніе

чего было бы не лишнимъ. Такъ не сказано, что Акинфій Никитичъ принималъ мѣры для разработки асбеста или горнаго льна: онъ самъ, какъ извѣстно, дошелъ до способа его обработки и еще въ 1722 г. представилъ Петру образчики добытаго имъ полотна изъ асбеста. Въ теченіи XVIII вѣка и началъ XIX въ Сибири много готовилось изъ этого льна колпаковъ, кошелевъ, перчатокъ и т. п. Не сказано и того, что онъ вмѣстѣ съ отцемъ распространилъ добываніе и обработку малахита и магнита. Не безинтересно было-бы упомянуть и о гигантскомъ предложеніи казнь Акинфія Демидова—уплачивать всю подушную подать съ тѣмъ, чтобы ему были уступлены всѣ соловарни и чтобы продажная цѣна соли была повышена. Извѣстно, что его должникъ Биронъ отвергъ это предложеніе.

Переходя къ дѣятельности Демидовыхъ какъ благотворителей, и начавъ съ того, что „чудаки и чудачества были довольно распространенными явленіями на Руси. Эта разповидность психоза“ и т. д. (стр. 73, 74), авторъ перечисляетъ рядъ самодурствъ Прокофія Демидова на стр. 74—78, и только въ 9-ти строчкахъ на стр. 78 упоминаетъ о его пожертвованіяхъ. Указывая на благотворительныя дѣла, напримѣръ, Николая Никитича и Анатолія Никитича, онъ о многомъ даже совершенно умалчиваетъ. Не упомянуто о пожертвованіяхъ первого: въ 1819 г.—100.000 р. на инвалидовъ, въ 1824 г.—50.000 р. на потерпѣвшихъ по случаю наводненія въ С.-Петербургѣ, и въ 1825 г.—100.000 руб. и дома для „Дома Трудолюбія“, и о снаряженіи ученой экспедиціи второго въ 1837 г. Впрочемъ, на стр. 91 находимъ слѣдующія слова: „Издавалъ роскошно свои сочиненія: „La Crimée“ и др.“. Всякій ли читатель пойметъ изъ этого, что „La Crimée“ есть сводъ собраннаго ученою экспедиціею 1837 г., появившійся въ печати сначала на французскомъ языкѣ въ 1838 г., подъ заглавіемъ: „Esquisse d'un voyage dans la Russie meridionale et la Crimée“, а потомъ и въ русскомъ переводѣ, въ 1853 г.

Нечего и говорить, что вообще о потомкахъ Демидовыхъ имѣется въ очеркѣ очень мало свѣдѣній; далеко не всегда находится даже годъ рожденія или смерти описываемаго лица, пропускаются цѣлые эпизоды и событія и вмѣсто, напримѣръ, двухъ учебныхъ заведеній (Геттингенскаго университета и Фрейбургской академіи), въ которыхъ получилъ образованіе Павелъ Григорьевичъ, говорится: „учился въ Фрейбургѣ въ горной школѣ“ (стр. 81).

Хотя литература о Демидовыхъ и не обширна, но и въ ея ука-

заніяхъ у г. Огаркова есть кой-какіе пробѣлы, которые можно пополнить и изъ приведенной мною литературы въ статьѣ „Демидовы“ („Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона).

Въ очеркѣ „Воронцовы“, г. Огарковъ послѣ краткой, но весьма развязнаго тона, характеристики „феерическаго времени“ (XVIII вѣка) говоритъ о Михаилѣ Илларионовичѣ, очень кратко о Романѣ Илларионовичѣ, о сыновьяхъ послѣдняго, Александрѣ и Семенѣ, и Михаилѣ Семеновичѣ. Характеръ изложенія тотъ-же, что и выше рассмотрѣннаго очерка: тѣ же отступленія, громкія фразы, излишнія подробности на поправившуюся автору тему (напримѣръ о родственныхъ чувствахъ Михаила Илларионовича), молчаніе о важныхъ вопросахъ и т. д. Для примѣра отступленій укажемъ, напримѣръ, на стр. 23, гдѣ по поводу Семилѣтней войны читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Вспомнимъ хотя-бы планъ Екатерины II завоевать всю Турцію и посадить на византійскомъ престолѣ своего внука, которому съ этою цѣлію и было дано при рожденіи имя Константина. И тогда еще Турція считалась колоссомъ „на глиняныхъ ногахъ“, хотя этотъ колоссъ живетъ съ тѣхъ поръ уже болѣе сотни лѣтъ, проживетъ, вѣроятно, и еще не мало времени, а если и рухнетъ, то завалитъ своими обломками всю Европу. Вопреки пословицѣ: „у семи нянекъ — дитя безъ глазъ“, — европейскія няни не совѣмъ еще заняпчили этого живучаго младенца“. Изъ довольно подробнаго разказа о Михаилѣ Илларионовичѣ читатель, однако, не узнаетъ ни о характерѣ его политики при Петрѣ III, ни объ отношеніяхъ его къ Екатеринѣ II послѣ 28 іюня, ни, наконецъ, о значеніи всей его дѣятельности, которая, какъ извѣстно, оцѣнивалась различно и современниками и потомками. Нѣтъ затѣмъ ни слова о литературныхъ работахъ Семена и Александра, объ участіи послѣдняго въ дѣлахъ внутренняго управленія, хотя все это, безъ сомнѣнія, послужило бы къ возвеличенію „примѣрныхъ братьевъ“ Воронцовыхъ, какъ называетъ ихъ г. Огарковъ.

Встрѣчаются въ очеркѣ и фактическіе промахи. На стр. 35 сказано, что Александръ Романовичъ „состоялъ по 14 году прапорщикомъ Измайловскаго полка; въ 1758 г., 17 лѣтъ, былъ отправленъ въ школу „chevaux légers“, въ Версали“. На самомъ же дѣлѣ Александръ Романовичъ прапорщикомъ былъ 15-ти лѣтъ отъ роду, тогда и вступилъ въ дѣйствительную службу; учиться былъ отправленъ не въ 1758 г., а въ 1759 г., и не прямо въ Парижъ, а сначала въ Страсбургское военное училище. На стр. 68 сказано, что Михаилъ

Семеловичъ впервые участвовалъ въ европейской войнѣ въ 1806 г.; на самомъ же дѣлѣ онъ еще въ 1805 г. находился съ десантнымъ войскомъ генерала лейтенанта графа Толстаго при блокадѣ крѣпости Гамельнъ. Наконецъ и въ библиографическихъ указаніяхъ не слѣдовало ограничиваться припискою: „и многое другое“, но непременно должны быть указаны: *Щербининъ*, „Биографія Мих. Сем. Воронцова“ (1859 г.); *Лонтиновъ*, „Нѣсколько извѣстій о прямыхъ пособникахъ Екатерины II“; *II. Доморукій*, „Memoires“; *Хмыровъ*, „Биографія Мих. Илл. Воронцова“ (портретная галерея Мюнстера, т. I); рядъ матеріаловъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* и др.

Нѣсколько удовлетворительнѣе другіе два очерка г. Огаркова „Г. А. Потемкинъ“ и „Е. Р. Дашкова“, хотя и тутъ нельзя не упрекнуть автора въ излишнихъ подробностяхъ, напримѣръ, о любовныхъ приключеніяхъ Потемкина и не полное освѣщеніе дѣятельности послѣдняго въ Новороссійскомъ краѣ. Въ основу перваго очерка легла, почти исключительно, одна монографія проф. Брикнера, но тѣмъ не менѣе нельзя не похвалить на автора за излишнее довѣріе къ весьма пристрастнымъ разказамъ графа Самойлова. Въ очеркѣ же „Е. Р. Дашкова“ авторъ мало воспользовался такими трудами, какъ „Исторія Россійской Академіи“, *М. И. Сухомлинова*; статья *А. Д. Галахова* въ *Отечественныхъ Запискахъ*, за 1856 г., № 11 и 12 и ст. *Пекарскаго* „Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II“ въ VIII т. „Записокъ Академіи Наукъ“.

Изъ всѣхъ нашихъ дѣятелей XIX вѣка на пользу общества и государства получили биографіи пока только трое: М. М. Сперанскій, В. Н. Каразинъ и Е. Ф. Канкринъ. Въ довольно обстоятельномъ и содержательномъ очеркѣ г. Южаконъ подробно обрисовываетъ М. М. Сперанскаго и въ его личной жизни и государственной. Запутанному и до сихъ поръ неразъясненному вопросу о причинахъ гнѣва Александра I на Сперанскаго и ссылки послѣдняго безъ великаго суда авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ и далъ читателю сравнительно богатый матеріалъ для обсужденія причинъ этого страннаго факта, снимая при этомъ всякую вину съ этого великаго общественнаго дѣятеля, заботившаго только о пользѣ и благѣ дорогаго ему отечества.

Я. В. Абрамовъ очень живо и рельефно обрисовалъ симпатичный образъ много потрудившагося на общую пользу и рьянаго борца противъ всякой кривды, В. Н. Каразина, хотя и впадаетъ въ нѣ-

сколько приподнятый тонъ, заставляющій умалчивать объ отрицательныхъ чертахъ дѣятельности и характера Каразина и даже явиться несомнѣнно удачнымъ защитникомъ крѣпостническихъ воззрѣній послѣдняго. Г. Абрамовъ болѣе другихъ авторовъ разсматриваемыхъ очерковъ обнаруживаетъ знакомство съ литературой своего предмета, но и у него можно указать кой-какіе промахи.

— На стр. 6 читаемъ: „Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой личности“. Между тѣмъ самъ же г. Абрамовъ въ числѣ своихъ пособій называетъ „Украинскую Старину“ Г. П. Данилевскаго, гдѣ имѣется довольно полная и порядочная біографія Каразина. Правда, послѣ 1866 г., когда появилась въ свѣтъ „Украинская Старина“, накопился новый матеріалъ, но онъ однако не лишаетъ вовсе значенія упомянутой біографіи. Называя въ числѣ пособій нѣсколько №№ *Русской Старины* за четыре года, гдѣ помѣщены „разные документы и мелкія замѣтки, касающіеся жизни и дѣяній В. Н. Каразина“, авторъ напрасно пренебрегъ тѣмъ, что было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* за 1876 г., № 1 (гдѣ помѣщено письмо Александра I къ Салтыкову о Каразинѣ отъ 1801 г.) и за 1867 г. („Памятныя замѣтки“ Вологжанина, дающія матеріалъ для личной жизни Каразина, которой онъ вовсе не касается). Уже послѣ выхода въ свѣтъ разсматриваемаго очерка появились въ этомъ же журналѣ (1892 г., № 2) любопытныя статейки подъ заглавіемъ: „В. Н. Каразинъ и господство надъ природою. Проектъ о пользованіи атмосфернымъ электричествомъ“. Не мало бы дали матеріала для личной жизни Каразина и пропущенныя авторомъ „Записки“ *Прославскаго* и статья о *Н. Лащенкова* „В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручица“ (помѣщенныя въ „Харьковскомъ Календарѣ“ за 1887 г.). Наконецъ приведемъ поправку проф. Д. Багалѣ къ слѣдующимъ словамъ г. Абрамова: „въ „Украинской Старинѣ“ Г. П. Данилевскаго говорится о многотомныхъ „Запискахъ“ В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя доселѣ не появились въ свѣтъ“ (стр. 7); проф. Д. Багалѣ говоритъ, что „Записокъ“ никакихъ и не было, а была лишь обширная переписка, погибшая во время одного пожара (см. *Киевская Старина*, 1891, № 6, отдѣлъ бібліографіи).

Въ своемъ очеркѣ: „Е. Ф. Канкрипъ, его жизнь и государственная дѣятельность“, г. Р. И. Сементковскій является безусловнымъ защитникомъ всѣхъ идей и дѣятельности этого министра финансовъ,

хотя и по всегда съ успѣхомъ и не всегда достаточно убѣдительно; онъ оправдываетъ всецѣло практически и теоретически его пресловутый протекціонизмъ, отвращеніе къ желѣзнымъ дорогамъ, возстановленную имъ откупную систему и т. д.; личной жизни Канкрина онъ касается сравнительно очень мало.

О Канкрипѣ и до сихъ поръ мнѣнія далеко неустановились, и противниковъ его, пожалуй, больше, нежели панегиристовъ. Писалось о немъ довольно много, но, дѣйствительно, какъ и говорить г. Сементковскій, цѣльнаго очерка его жизни и дѣятельности нѣтъ; въ этомъ отношеніи рассматриваемая біографія до нѣкоторой степени пополняетъ пробѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ размѣрахъ, необходимыхъ для ознакомленія публики.

Безспорно къ самымъ неудачнымъ и слабымъ очеркамъ историческихъ дѣятелей долженъ быть отнесенъ очеркъ г. Е. Соловьева: „Иванъ IV Грозный, его жизнь и политическая дѣятельность“.

Не смотря на обширную литературу о Грозномъ, г. Е. Соловьевъ ограничился преимущественно „Исторіей“ Карамзина да статьею П. К. Михайловскаго. Хотя очеркъ озаглавленъ „Иванъ IV Грозный, его жизнь и государственная дѣятельность“, но говорится въ немъ, главнымъ образомъ, о жизни Грознаго, или лучше о „звѣрскихъ“ и „сумасбродныхъ“ выходкахъ и свойствахъ его, и только отчасти о государственной дѣятельности. Задавшись цѣлью не только развѣнчать „великость“ въ Иоаннѣ, признаваемую нѣкоторыми историками, но даже отвергнуть и „срединную“ точку зрѣнія на него, г. Е. Соловьевъ строитъ свои доводы, главнымъ образомъ, на IX томѣ Карамзина и приводимыхъ тамъ показаній Курбскаго. При этомъ онъ подбираетъ факты и отгѣняетъ ихъ такъ, какъ это необходимо для его главной задачи. Поэтому то въ его очеркѣ мы встрѣчаемся съ такими заявленіями: стр. 19—„не онасяя крупной исторической ошибки, можемъ сказать, что 13 лѣтъ царствованія Іоанна (1547—1560 г.) *носятъ лишь имя его*“. Всѣми дѣлами правленія, по мнѣнію г. Е. Соловьева, вѣдала избранная рада (стр. 18). Это произошло, по его словамъ, оттого, что 17-лѣтній Іоаннъ, не занимавшійся дотошъ государственными дѣлами, не могъ „вдругъ постичь всѣ тайны управленія государствомъ“ (стр. 18). Неужели же въ теченіе 13 лѣтъ подъ вліяніемъ „избранныхъ мужей“, онъ, охотно занимавшійся все это время дѣлами, не могъ набраться „мудрости“ и „опытности“ и благодѣтельно проявить хотя въ чемъ-либо свою инициативу?

Тамъ, гдѣ Іоаннъ IV проявлялъ свою личную волю, дѣло, по

утвержденію автора, оканчивалось чуть-ли не кризисомъ. Приведемъ для примѣра хотя-бы слѣдующее: стр. 22—„Послѣ взятія Казани, слѣдуя совѣтамъ братьевъ царицы, Іоаннъ поспѣшилъ отправиться въ Москву“... вопреки совѣтамъ рады, при чемъ на обратномъ пути „большая часть конницы погибла отъ скверной дороги“, по которой царь „самолично отправилъ ее“. Довѣрившись Карамзину, г. Е. Соловьевъ игнорируетъ давно принятое остроумное объясненіе по этому поводу С. М. Соловьева и преувеличилъ гибель конницы.

На стр. 29 находимъ, что Іоаннъ IV велѣ Ливонскую войну, „думая о томъ, какъ бы унижить враговъ своихъ“ и „по духу противорѣчій“; на стр. 39—прямо курьезныя разсужденія по поводу отъѣзда Іоанна въ Александровскую слободу.

Занятый, главнымъ образомъ, характеристикой „кровожаднаго звѣря“, авторъ о многихъ политическихъ фактахъ и дѣйствіяхъ Іоанна упоминаетъ пскользь. „Пропускаю“, говоритъ онъ, „дѣла крымскія и шведскія, какъ мало характерныя для біографіи“... (стр. 28). Изъ отношеній къ Англіи онъ указываетъ только на попытку царя найти тамъ убѣжище. О Судебникѣ сказано всего нѣсколько словъ (стр. 19). „Упомянувъ“, читаемъ на стр. 67, „о войнѣ и перемиріи со Швеціей (1582—1583), о завосованіи Сибири, о бунтахъ казанскихъ народностей и оставивъ въ сторонѣ эти факты, мы можемъ перейти къ описанію послѣднихъ дней жизни Іоанна“. Такъ-то описывается государственная дѣятельность.

Вмѣстѣ съ этимъ, не обошлось, конечно, дѣло безъ противорѣчій самому себѣ и безъ неточностей въ приводимыхъ фактахъ.

Такъ на стр. 18—19 читаемъ, что Іоаннъ не только въ началѣ не обладалъ никакими государственными способностями, но и „впослѣдствіи дѣйствовалъ наугадъ“. На стр. же 59, разбирая духовное завѣщаніе царя, г. Е. Соловьевъ приходитъ къ другому выводу: „Іоаннъ прекрасно понималъ, что значить быть хорошимъ государемъ“.

Порицая какую-бы то ни было опредѣленную, напередъ задуманную, программу, или планъ дѣйствій, у Іоанна во всемъ, даже въ Ливонской войнѣ, авторъ, однако, въ концѣ книжки говоритъ: „Его (Грознаго) виѣшней политикѣ нельзя отказать въ ширинѣ размаха и блескѣ замысловъ“ (стр. 86).

Свящ. Сильвестра г. Е. Соловьевъ положительно отправляетъ въ ссылку еще весною 1560 г. (стр. 30), хотя единственные источники по этому вопросу, показанія Курбскаго и самого царя противорѣ-

чать другъ другу. Большинство историковъ полагаютъ, что Сильвестръ удался послѣ смерти Анастасіи Романовны.

Стр. 61—Іоаннъ въ 1572 г. „*едругъ* (?) уничтожилъ опричнину“. Но послѣдняя, на самомъ дѣлѣ, продолжала существовать до самой смерти царя, только подъ новымъ именемъ „двора“ (см. *Соловьевъ*, VI, 236).

Окончательный выводъ автора о значеніи государственной дѣятельности Грознаго, предлагаемый учащимся и публикѣ, таковъ— „Какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе: онъ развратилъ народъ, уничтожая въ немъ все выдающееся, героическое, славное“ (стр. 87).

Въ приложеніи къ очерку находимъ главу „Литература объ Іоаннѣ Грозномъ“, въ которой бросаются въ глаза не совсѣмъ правильное отождествленіе характеристики Іоанна IV у К. Н. Бестужева-Рюмина и С. М. Соловьева, отсутствіе замѣчательной характеристики Ю. Самарина („Сообщенія“, т. V) и преклоненіе предъ взглядами П. Михайловскаго¹⁾

Остановимся теперь на очеркахъ художниковъ, принадлежащихъ перу гг. Цомакіюпа и Дитерихса.

Очерки перваго: „И. Н. Крамской“ и „А. А. Ивановъ“ вѣрно и подробно обрисовываютъ названныхъ художниковъ и ихъ дѣятельность и отличаются живымъ изложеніемъ. Жаль только, что въ первомъ очеркѣ кой-гдѣ встрѣчаются совершенно излишнія отступленія въ духѣ развязныхъ замѣчаній, которыми изобилуютъ многія другія біографіи.

Довольно удачныя біографіи: „В. Г. Перовъ, его жизнь и художественная дѣятельность“ и „П. А. Фодотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность“ — принадлежатъ Л. К. Дитерихсу, который, не вдаваясь въ отступленія и ненужныя подробности подробно изложилъ и біографическія данныя изъ жизни названныхъ художниковъ и ихъ дѣятельность. Помѣщенныя въ текстѣ рисунки въ обоихъ очеркахъ, правда не всегда на соответствующемъ мѣстѣ, даютъ понятіе о главнѣйшихъ произведеніяхъ этихъ художниковъ. Пополнимъ приведенную Дитерихсомъ литературу о Фодотовѣ указаніемъ на слѣдующій трудъ: „П. А. Фодотовъ и его произведенія. Фототипическое и автотипическое изданіе О. И. Булгакова“. С.-Пб. 1893 г.

¹⁾ Богѣ подробный мой отзывъ см. въ журналѣ *Филологическая Библиотека*, т. II, стр. 96—99.

Біографіи тронхъ композиторовъ написаны однимъ г. А. Базуповымъ. Изъ нихъ біографія М. И. Глинки принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ очеркамъ изъ всей серіи біографической бібліотеки. Въ ней подробно излагаются почти всѣ факты изъ жизни великаго композитора, дается правильная и всесторонняя его характеристика и перечислены почти всѣ его мелкія произведенія. Въ виду отсутствія какихъ-либо фактическихъ промаховъ, позволяемъ себѣ указать какъ на недостатокъ, на нѣкоторую вульгарность тона разказа или „балаганность“, по собственному выраженію г. Базупова, и на нѣкоторыя излишнія отступленія и разсужденія (см., напримѣръ, стр. 11, 23, 35 и др.). Удачно, кажется, сдѣланы г-жею Померанцевою и выборъ 11 произведеній М. И. Глинки для фортепіано въ концѣ очерка, въ видѣ приложенія.

Такими же свойствами отличаются и другіе два очерка того-же автора: „А. С. Даргомыжскій“ и „А. Н. Сѣровъ“ (см., впрочемъ, стр. 17, 30, 34 — 35, 55 и др.). Къ обомъ очеркамъ сдѣланы „музыкальныя приложенія“ — выборъ произведеній авторовъ упомянутою уже выше г-жею Померанцевою.

Изъ трехъ біографій ученыхъ людей лучшая та, которая написана г. Холодковскимъ — „Карлъ Бэръ, его жизнь и научная дѣятельность“. Въ сжатыхъ, но ясныхъ, чертахъ передаются здѣсь важнѣйшіе факты изъ жизни знаменитаго эмбриолога, дается обширная характеристика его ученыхъ заслугъ и живо обрисованы нашъ академикъ въ своей домашней жизни и въ отношеніяхъ къ обществу. Одно только не ладно: г. Холодковскій слишкомъ мало называетъ сочиненій К. Бэра — не болѣе четырехъ-пяти, и не говоритъ, на какомъ языкѣ писались эти сочиненія; заглавія же ихъ приводятъ на русскомъ языкѣ, даже первой докторской диссертациі.

Біографія другихъ двухъ ученыхъ въ области математическихъ наукъ: С. В. Ковалевской и В. И. Струве написаны г-жею Е. О. Литвиновой. Она, какъ лично знавшая Софью Васильевну Ковалевскую и высоко уважавшая ее, въ своемъ очеркѣ произноситъ всюду одинъ только панегирикъ по адресу послѣдней. О выставленіи какихъ-либо слабыхъ сторонъ не можетъ быть и рѣчи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ казалось-бы трудно найти оправдательное объясненіе, какъ напр. относительно страннаго замужества, увлеченія одно время свѣтскою жизнью, сильно потрясшаго ихъ небольшія средства, по меньшей мѣрѣ страннаго и несправедливаго отношенія къ мужу, въ чемъ Ковалевская сама же призналась, при извѣстіи о самоубійствѣ

послѣдняго (см. 56 стр. „Очерка“), далеко не материнскаго отношенія къ дочери и запоздалой страсти къ г. М., отвлекавшей отъ научной работы, — составительница пытается или совершенно обфлить свою пріятельницу или по крайней мѣрѣ коснуться самаго факта вскользь. Такъ она, на примѣръ, поступаетъ, говоря объ отношеніяхъ къ мужу. На счетъ фактовъ изъ частной жизни Софьи Васильевны недостатка въ очеркѣ нѣтъ. Изъ него читатель узнаетъ, какія когда платья посила Ковалевская, узнаетъ, что „личико у нея было блѣленькое, но тѣло смуглое“ (стр. 17), познакомится со всѣми случаями погопи жепщицы-математика за г. М., узнаетъ даже всю исторію жизни ея сестры Анны Васильевны, хотя и не убѣдится въ надобности ея, и т. п.; разказъ же о научной дѣятельности является придаткомъ: мало называется трудовъ Ковалевской, кратко опредѣляется значеніе ихъ и неубѣдительно отвергается обычное мнѣніе, что С. В. Ковалевская была строгой послѣдовательницей методовъ и взглядовъ своего постоянного учителя Вейерштрасса.

Нельзя сказать, чтобы и самое изложеніе отличалось особою безукоризненностью. Начавъ первую главу своего очерка съ разказа объ окружавшихъ С. В. Ковалевскую личностяхъ, г. Литвинова должна была упомянуть и объ учителѣ Малевичѣ, объ его способѣ преподаванія и педагогическихъ взглядахъ; когда же заговорила о періодѣ ея ученія, то, конечно, опять пришлось говорить о томъ же Малевичѣ. Не всегда удачны и заключенія составительницы. Поговоривъ о томъ, что Ковалевская полъ-жизни провела за границей, мало русскаго имѣла и по происхожденію и „погребена въ Стокгольмѣ“, она пишетъ: „не смотря на это, она получила *чисто русское* (?) воспитаніе и находясь въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Цицѣ, въ Стокгольмѣ, жила русскими (?) интересами, думала, чувствовала и поступала по-русски (?). *И какъ мы знаемъ, все это не помѣшало ей содѣлаться европейскою знаменитостью*“ (стр. 13). Или „Замѣчательно, что Ковалевская начала серьезно учиться въ тотъ годъ (1858), когда была открыта Вышнеградскимъ въ Петербургѣ первая женская гимназія“ (стр. 18). По нашему мнѣнію, это мало замѣчательно, тѣмъ болѣе, что Маринское училище, которое разумѣетъ составительница, открыто въ 1859 году и гимназіей стало называться съ 1862 года (см. *Осининъ*: „Историческія замѣтки о положеніи образованія женщины“, въ *Женскомъ Образованіи*, за 1876 годъ и мою статью: „Гимназія“ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона).

Болѣе сухо и съ меньшими подробностями изложена жизнь и дѣ-

тельность В. Я. Струве. Дѣло въ томъ, что составительницѣ пришлось ограничиться только двумя біографическими замѣтками: нашего академика Савича и боннскаго профессора Аргеландера, да „скудными свѣдѣніями лицъ, знавшихъ знаменитаго астронома“. Хотя, прибавимъ мы, кой-что говорится и въ газетныхъ и журнальныхъ некроляхъ ТРУ- (1864—1865 годовъ) и въ панегирической статьѣ англійскаго астронома Причарда (*Eloge of Struve by Rev. C. Pritschard. London. 1865 года*), но, конечно, всего этого для полнаго біографическаго очерка недостаточно. Однако, г-жѣ Литвиновой удалось довольно много сообщить въ своемъ очеркѣ и біографическихъ данныхъ и объ ученой дѣятельности знаменитаго астронома. Недостаткомъ очерка мы считаемъ во-первыхъ то, что въ немъ не называются даже главнѣйшія сочиненія В. Я. Струве, кромѣ одного „*Etudes d'astronomie stellaire*“, не выставлено съ достаточною ясностію того, какимъ великимъ мастеромъ по фундаментальной астрономіи считался В. Я. Струве, какой замѣтный слѣдъ оставилъ онъ въ звѣздной астрономіи, рассмотрѣвъ лично около 120,000 звѣздъ; не указываются въ должной мѣрѣ и заслуги его въ области географіи, геодезіи и гидрографіи. На страницахъ 54—56 есть кой-какія упоминанія объ этомъ, но все приписывается Пулковской обсерваторіи, а не лично В. Я. Струве. Между тѣмъ, какъ видно изъ брошюры генерала Тилло („О географическихъ заслугахъ В. Я. Струве“. С.-Пб. 1893 года), онѣ были весьма значительны.

Г. Песковскимъ составлены два біографическихъ очерка педагоговъ К. Д. Ушинскаго и барона Н. А. Корфа.

Въ этихъ очеркахъ, отличающихся сравнительною полнотою и достовѣрностію сообщаемыхъ фактовъ, весьма замѣтно прославленіе описываемыхъ лицъ, имъ какъ бы приписывается непогрѣшимость, недостижимая для другихъ умственная и нравственная высота, замѣтна и кака-то вызывающая критика дѣйствій окружавшихъ Ушинскаго и барона Корфа лицъ. Авторъ очерковъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается, напримѣръ, на „двоедушіи“ нѣкоторыхъ педагоговъ по отношенію къ „Нашему Другу“ барона Корфа, на забаллотировкѣ его землевладѣльцами Александровскаго уѣзда, что на звано въ оглавленіи „Черная неблагодарность“, на неудачахъ его же московской кандидатуры, на отставкѣ Ушинскаго отъ должности инспектора Смольнаго института, на отношеніи къ нему нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ и т. п., и, по нашему мнѣнію, накладываетъ слишкомъ черныя краски на несогласныхъ со взятыми имъ подѣ свою

защиту педагогами и на них „противниковъ“. Что г. Песковскимъ во многихъ случаяхъ руководило какое-то желаніе уколоть, это очень чувствуется.

~~Съ~~ Чѣмъ русскихъ врачей получали пока біографіи Н. И. Пироговъ и Боткинъ.

Біографія перваго принадлежитъ перу Ю. Г. Малиса, который въ живомъ, увлекательномъ изложеніи рисуетъ знаменитаго медика и педагога въ довольно выпуклыхъ чертахъ, касается всѣхъ сторонъ его дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ не страдаетъ преклоненіемъ предъ своимъ героемъ. Въ своемъ разказѣ онъ обильно цитируетъ „Посмертныя Записки“ самого Н. И. Пирогова и другіе лучшіе свои источники и этимъ придаетъ своимъ заключеніямъ большую достовѣрность.

Авторъ біографіи С. П. Боткина, д-ръ Вѣлголовый, хорошо его знавшій и бывшій съ дѣтства его другомъ, представилъ довольно живую и правильную характеристику знаменитаго медика и его врачебной дѣятельности, не вдаваясь въ большія подробности; для послѣднихъ, по заявленію самого автора очерка, у него не было даже необходимыхъ данныхъ. Краткость или что другое заставило автора говорить только объ однихъ прекрасныхъ сторонахъ характера и дѣятельности С. П. Боткина, но образъ послѣдняго представляется въ его описаніи какъ нѣчто идеальное. Даже о литературныхъ трудахъ Боткина, которые, по отзывамъ нѣкоторыхъ спеціалистовъ, не составляли научныхъ перловъ, авторъ отзывается съ высокой похвалой. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ изложеніи замѣчается нѣкоторая растянутасть и несоразмѣрно длинныя выписки изъ матеріаловъ; такъ извлечение изъ доклада В. И. Лихачева, представленнаго въ думу 29-го января 1890 года по поводу присвоенія городской барачной больницы названія Боткинской, занимаетъ четыре страницы.

Остается еще сказать о двухъ очеркахъ театральныхъ дѣятелей и біографіяхъ полководца и путешественника.

Дѣятельность нашихъ выдающихся артистовъ описана г. А. Ярцевымъ въ двухъ очеркахъ: „О. Г. Волковъ, его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины“ и „М. С. Щепкинъ, его жизнь и сценическая дѣятельность въ связи съ исторіей современнаго ему театра“. Въ первомъ очеркѣ авторъ говоритъ кромѣ Волкова еще и о И. А. Дмитревскомъ, П. А. Плавильщиковѣ, Я. Е. Шушеринѣ, А. С. Яковлевѣ, Т. М. Троепольской, Сандуновыхъ и Е. С. Семеновой, а во второмъ — о П. С. Мочаловѣ, В. А. Каратыгинѣ, А. Е. Мартыновѣ и П. М. Садовскомъ.

Такъ какъ Волковъ считается основателемъ русскаго театра, то г. Ярцевъ справедливо рѣшился посвятить нѣсколько страницъ историческому описанію зарожденія у насъ театра до Волкова. Эта часть его книжки (5 — 11 стр.) является болѣе слабой, написана сухо и не обнаруживаетъ знакомства автора даже съ такими именами, какъ „Мистеріи и старинный театръ Россіи“, *Цикарская* (въ „Современникѣ“ 1857 года, книга 1-я и слѣд.), его же „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, томъ I; „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра“, *Тихонравова* (Москва, 1872 года), „Очерки церковныхъ дѣйствій и мистерій въ древней Руси“ (въ „Тѣниахъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1880—1888 года) и „Исторія русскаго театра до половины XVIII вѣка“, *П. Морозова* (С.-Пб. 1889 года); ихъ авторъ даже не приводитъ въ списокъ главнѣйшихъ пособій къ своему очерку. Довольно живо за то изложена жизнь и дѣятельность какъ Волкова, такъ и Щепкина, хотя и не безъ разныхъ лишнихъ отступленій. Краткія біографіи другихъ актеровъ, сравнительно мало выдающихся, прибавлены, очевидно, въ видахъ заполнения предназначенныхъ 80—90 страницъ книжки.

По поводу біографическаго очерка М. М. Филиппова: „М. Д. Скобелевъ“ можно указать лишь на то, что авторъ съ излишнею полнотою для популярной брошюры останавливается на ухаживаньяхъ Скобелева за деревенскими красавицами и на выясненіи причинъ его смерти. Сколь ни велико желаніе г. Филиппова отстоять мнѣніе, что Скобелевъ былъ и государственнымъ дѣятелемъ, и выдающимся политическимъ ораторомъ, но это ему мало удается. Въ главѣ VII: „Скобелевъ, какъ полководецъ и администраторъ“ почти все время говорится о Скобелевѣ, какъ полководцѣ. Фактическая сторона очерка основана на большомъ знакомствѣ автора съ литературой предмета и умѣломъ отношеніи къ послѣдней.

М. А. Энгельгардтъ составилъ свой очеркъ „Н. М. Пржевальскій, его жизнь и путешествія“ исключительно на основаніи обстоятельной монографіи подъ тѣмъ же заглавіемъ академика Н. О. Дубровина. Экстрактъ сдѣланъ довольно удачно, безъ малѣйшихъ промаховъ, и самое изложеніе отличается большою живостью. Единственно, чѣмъ не воспользовался съ ущербомъ для очерка г. Энгельгардтъ, это указаніемъ на „строга-научныя изслѣдованія, состояція изъ военно-глазномѣрной съемки, астрономическаго опредѣленія широтъ главнѣйшихъ пунктовъ, барометрическихъ опредѣленій высотъ и метеорологическихъ наблюденій“. Въ своихъ „итогахъ“ всѣхъ четырехъ

путешествій Н. М. Пржевальскаго онъ приводитъ въ извѣстной градаціи его географическія открытія, изъ чего получается довольно сухой перечень однихъ именъ, и отчасти зоологическія наблюденія. Что г. Энгельгардтъ писалъ свой очеркъ исключительно на основаніи одной монографіи г. Дубровина, доказывается между прочимъ тѣмъ, что на него совершенно не повліяли извѣстныя статьи г. Весина въ *Вѣстникъ Европы* за 1889 годъ, хотя онъ и приводитъ ихъ въ перечень своихъ „матеріаловъ“. Въ заключеніе укажемъ, что въ послѣдніе два года Академія Наукъ приступила къ научной обработкѣ богатыхъ коллекцій Н. М. Пржевальскаго и по настоящее время издано уже 2 тома, подъ заглавіемъ: „Результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго. Отдѣлъ зоологическій“.

В. Рудановъ.

Книжныя новости.

Драматическія и оперныя произведенія императрицы Екатерины II.—Потопечное заведеніе П. Юргенсона въ Москвѣ выпустило слѣдующія любопытныя изданія: „Опера комическая Февей“, „Федуль съ дѣтьми, опера въ одномъ дѣйствіи“ и „Начальное управленіе Олега, подражаніе Шекспиру безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ“, при чемъ изданы не только либретто этихъ произведеній, но и фортепіанной аусцугъ къ нимъ съ голосами. Имени автора либретто нигдѣ не упоминаютъ, но извѣстно, что эти произведенія написаны были императрицею Екатериною II. Музыка къ первой изъ названныхъ оперъ написана В. Паскевичемъ, для клавиръ съ голосами переложена М. Прачемъ, ко второй—Мартиномъ и Паскевичемъ, къ третьей Кашубо и Сарти. Текстъ всѣхъ этихъ произведеній очень не обремененъ: текстъ „Олега“ занимаетъ всего 16 большихъ страницъ въ два столбца, текстъ „Февей“—10 такихъ же страницъ и текстъ „Федула“ всего 5; въ послѣдней оперѣ почему-то не помѣщенъ въ либретто заключительный хоръ, который находится только въ нотѣхъ; музыка къ „Олегу“ занимаетъ 58 стр., къ „Февею“ 80 и къ „Федулу“ 55. Въ типографскомъ отношеніи изданія прекрасны; для „Олега“ и „Февей“ заглавные листы воспроизводятъ въ чрезвычайно изящномъ уменьшеніи заглавные листы первыхъ изданій этихъ оперъ 1789—1791 г. Въ приложеніи къ оперѣ „Олегъ“ напечатано „Предувѣдомленіе“, заключающее краткое изложеніе содержанія пьесы и указанія—въ однихъ случаяхъ—на отступленія отъ исторіи, въ другихъ на вѣрность театральнаго представленія историческимъ даннымъ,—и „Объясненіе на музыку, господиномъ Сартіемъ сочиненную для историческаго представленія: „Начальное управленіе Олега“. Пьеса заключается сценою въ циркѣ, гдѣ предъ Олегомъ и императоромъ

греческимъ даются отрывки изъ трагедіи Еврипида „Алкиста“ (дѣйствіе 3, явленія 1, 2 и 3) и Сарта написалъ музыку въ хорахъ, modo mixo-ludio, modo dorio, modo hipo-ionio, modo huro-dorio и phrygio; въ объясненіяхъ своихъ Сарта приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія о музыкѣ грековъ изъ древнихъ писателей и говоритъ между прочимъ слѣдующее: „къ явленіямъ изъ Еврипида сочинилъ я музыку совершенно греческую въ пѣнію, сопровождая оную однако по образу нынѣшней гармоніи, чтобъ инструменты не затмевали пѣнія; ибо *столовая* музыка, каковая употреблялась у грековъ, несносна была бы слуху во времена наши“. Цѣна каждой оперѣ 2 рубля.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Каменскій, Г. П.*—Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства торъ 1887 — 1888 — 1892 — 1893 гг. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Тимошенко, И.*—Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ.—Оттискъ изъ „*Русскаго Филологическаго Вѣстника*“. Варшава. 1895.

— *Соловьевъ, Л. Ѡ.*—Краткая исторія города Углича. Съ рисунками. С.-Петербургъ. 1895. Цѣна 1 р.

— „Русская Библиотека“. Изданіе *Бейленсонъ* и *Юровскаго*. № 4. Проф. *Л. Комаровскій*. Война или миръ? Цѣна 15 коп.—№ 5. Проф. *В. Чижъ*. Криминальная антропология.—Цѣна 20 коп.—№ 6. *С. Южаковъ*. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Цѣна 20 к. Одесса. 1895.

— „Международная вивліотека“. № 31. Проф. *Мебиусъ*. Нервная система чловѣка. Цѣна 20 к.—№ 32. *Георгъ Брандесъ*: Эмиль Золя.—Цѣна 15 коп.—№ 33. *Г. Спенсеръ*. О нравственномъ воспитаніи.—Цѣна 20 коп.—№ 34. *А. Фулле*. Характеръ расъ и вудущность вѣлой расы.—Цѣна 15 к. Одесса. 1895.

— Изданіе „Международной вивліотеки“: Новѣйшая исторія Англіи. 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Цѣна 20 коп.—*Густавъ Ле-Бонъ*. Эволюція цивилизацій. Цѣна 50 коп. Одесса. 1895.

— *Богдановичъ, А. Е.*—Пережитки древняго міросозерцанія у вѣлорусовъ. Этнографическій очеркъ. Гродна. 1895.

— *Шевичъ, В. С.*—Проектъ руководства въ преподаванію музыки ученикамъ и ученицамъ въ періодъ времени курса среднихъ учебныхъ заведеній. Иркутскъ. 1895.

— Первая С.-Петербургская школа часоваго дѣла К. Щервинскаго. С.-Пб. 1895.

— Вѣлнорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ *А. И. Соболевскимъ*. Томъ I. С.-Петербургъ.

— *Александръ Никитскій*. Дельфійскіе эннграфическіе этюды. I—VI. Одесса. 1894—1895.

— *А. А. Дмитриевъ*. Къ исторіи сибирскаго вопроса (извлечено изъ III тома сборника „*Пермскій Край*“).

— *Дмитрій Дмитриевичъ Смышляевъ* (некрологъ—извлечено изъ III тома сборника „*Пермскій Край*“).

— *Паллаженцевъ, Н. И.*—Народное образование въ г. Ялуторовскъ и Ялуторовскомъ округѣ Тобольской губерніи. (Историко-статистическій очеркъ). Часть II. Современное состояніе народнаго образованія. Тобольскъ. 1895.

— Читанія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1895 годъ, книга 3, томъ 174—Объявленіе о четвертомъ соисканіи преміи Г. Э. Карпова.—Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси, сообщ. *А. Н. Зерцаловъ*.—Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда, *Д. Шепиша*.—Лѣтописецъ русскій 1552—1562, сообщ. *А. Лебедевъ*.—Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вѣковъ, сообщ. *Ф. Жорданія*.—Опись бібліотеки Московскаго Успенскаго собора, сообщ. *Г. Г. Истоминъ*.—Памфлетъ Г. П. Ермолова на М. М. Сперацкаго, съ предисловіемъ *М. И. Соколова*.—Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разиннымъ. Съ англійскаго, сообщ. *А. Станкевичъ*.—Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе *С. Шумакова*.—Смѣсь.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Для разворовъ и письменныхъ упражненій. Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ второй. Составлена П. Басистовымъ. Изданіе 14-е, исправленное примѣнительно къ учебному плану русскаго языка и словесности, утвержденному г. министромъ народнаго просвѣщенія. Москва. 1891. Стр. 330. Цѣна 75 коп.

14-е изданіе втораго курса хрестоматіи покойнаго Басистова названо изданіемъ „исправленнымъ“ и къ тому же „исправленнымъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія“.

Не взирая на указаніе предисловія, затруднительно понять — отчего это новое изданіе признается исправителями соответствующимъ учебнымъ планамъ болѣе, чѣмъ предыдущія изданія? Покойный составитель хрестоматіи—несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ преподавателей русскаго языка за послѣднее 25-лѣтіе—составилъ свою книгу самобытно, дѣльно, согласно хорошо продуманнымъ, ясно выступающимъ въ трудѣ цѣлямъ. Если цѣли эти и не сводились къ рабскому выполненію учебныхъ плановъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, не влекли за собою никакихъ уклоненій отъ постановки дѣла, рекомендуемой планами. Вдумываясь въ трудъ Басистова, молодой преподаватель несомнѣнно могъ найти въ немъ цѣнные указанія на приемы веденія письменныхъ упражненій и удобный матеріалъ для письменныхъ упражненій въ классахъ третьемъ, четвертомъ и даже пятомъ. Хрестоматія могъ быть сдѣланъ и дѣлался одинъ упрекъ: она недостаточно обширна для работы съ нею въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ; слышались желанія, чтобы составитель нѣсколько дополнилъ ее.

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

„Исправленіе“ хрестоматіи, повидимому, должно бы ограничиться дополненіями *въ духъ первоначальнаго плана* покойнаго Басистова.

Большинство, сдѣланныхъ въ 14-мъ изданіи дополненій, дѣйствительно, имѣеть такой характеръ; но есть дополненія, въ которыхъ сквозить школьная рутиня. Отъ нея Басистовъ былъ совершенно свободенъ. Напримѣръ, со свойственнымъ ему тактомъ, онъ, приглашая изучать въ школѣ прекрасныя описанія Гоголя одной манеры (садъ Плюшкина, усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ и проч.), не предлагалъ учащимся въ качествѣ образцовъ описаній, составленныхъ въ гиперболической, восклицательной манерѣ того же автора (Днѣпръ, Украинская ночь), манерѣ, напыщенности которой искупается мастерствомъ Гоголя, но подражаніе которой можетъ только вызвать въ учащихся приемы весьма не желательные. Басистовъ сумѣлъ бы найти для поясненія различія между прозаическимъ описаніемъ и изображеніемъ поэтическимъ что-нибудь болѣе пригодное и менѣе избитое, чѣмъ параллель между описаніемъ Днѣпра въ географіи Кузнецова и картиной Днѣпра у Гоголя.... Не мѣшало бы потрудиться надъ этимъ и дополнителямъ труда Басистова.

Очень прискорбно также видѣть, что въ новомъ изданіи исключена прекрасная и чрезвычайно поучительная, именно для учениковъ IV класса, статья „Какъ Шлецеръ учился русскому языку“. Исправители наши, будто она не имѣеть связи съ планомъ III-го отдѣла хрестоматіи... Это не дѣлаетъ чести ихъ проницательности. Какъ же они усматриваютъ связь этого плана со статьями о синонимахъ, съ задачами, имѣющими цѣлью развитіе въ учащихся пониманіе „образности“, изобразительности слова?

Книга г. Басистова — прекрасная въ основѣ, конечно, не могла значительно пострадать отъ школьной рутинны исправителей; ей и въ новомъ видѣ нельзя не пожелать возможно широкаго примѣненія въ школѣ. Но нельзя не пожелать также, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ дополненія были пересмотрѣны и приведены въ большее соотвѣтствіе съ цѣлями и воззрѣніями покойнаго составителя хрестоматіи.

Элементарная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ *А. Н. Глазовъ*, преподаватель Московской 6-й гимназіи, частной гимназіи Фр. Ив. Креймана и Московскаго коммерческаго училища. 1895. Стр. II + 416. Цѣна 1 р. 25 к.

Названная книга отличается полнотою изложенія, богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Она заключаетъ въ себѣ: 1) курсъ элементарной геометріи; 2) обширный сборникъ геометрическихъ за-

дачь, состоящій ихъ примѣровъ для упражненія въ доказательствахъ теоремъ и изъ такъ называемыхъ задачъ на вычисленіе и на построеніе и задачъ практической геометріи, и 3) разнаго рода дополнительные статьи, а именно: геометрическая квадратура площадей, о симметрическихъ фигурахъ и рѣшеніе задачъ по способу симметріи, способъ вращенія фигуръ, способъ параллельнаго перемѣщенія, методы подобія, объ углоѣрныхъ инструментахъ, о перерасовкѣ плановъ, приложеніе алгебры къ геометріи, сѣченія цилиндра и конуса плоскостью.

Большая часть книги напечатана мелкимъ шрифтомъ. Крупнымъ шрифтомъ напечатана только та часть курса элементарной геометріи, которая соотвѣтствуетъ указанному въ учебныхъ планахъ и примѣрныхъ программахъ объему преподаванія этого предмета въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ; она содержитъ менѣе 200 страницъ.

Простота и ясность изложенія, строгость доказательствъ, зрѣло обдуманная система составляютъ главные достоинства разсматриваемаго учебника и свидѣтельствуютъ о педагогической опытности автора и о его основательномъ знакомствѣ съ образцовыми сочиненіями по элементарной геометріи и съ ея методикою. Но тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы учебникъ А. Н. Глаголева былъ вполне тщательно обработанъ, такъ какъ въ немъ встрѣчается не малое число неудачныхъ выраженій и даже неточностей. Ограничимся указаніемъ лишь на нѣкоторыя изъ нихъ.

Весьма неудачно сказанное на стр. 26-й: „Всякая линія не горизонтальная и не отвѣсная называется *наклонной*“.

Невѣрно сказано на стр. 39-й, что уровень „состоитъ изъ стекляннаго *цилиндрическаго* сосуда, заключеннаго въ мѣдную оправу“.

На стр. 160-й говорится о *знаменатель отношенія* двухъ несоизмѣримыхъ величинъ, но термину этому [*знаменатель отношенія*] никакого разъясненія не дано и на предыдущей страницѣ было сказано, что „*отношеніемъ* двухъ однородныхъ величинъ называется число, выражающее *результатъ измѣренія* (?) одной изъ нихъ, если другая принята за мѣру для измѣренія“.

На стр. 226-й сказано, что „для опредѣленія длины окружности поступаютъ такъ же, какъ поступаютъ при опредѣленіи величины несоизмѣримаго числа, то-есть за длину окружности принимаютъ *длину переменныхъ величинъ*, которыя могли бы быть измѣрены прямой линіей“. Это невѣрно: за длину окружности нельзя принимать *длину переменныхъ величинъ*, (?), такъ какъ длина данной окружности есть

всегда величина постоянная; равнымъ образомъ и всякое данное не-соизмѣримое число не есть переменная величина. Ошибка автора заключается въ смѣшеніи терминовъ *переменная величина* и ея *предѣлъ*.

Весьма неудаченъ избранный авторомъ знакъ $\sphericalangle$ для изображенія угла, вмѣсто общепринятаго.

Промахи, подобные перечисленнымъ, значительно умаляютъ достоинства книги; но они легко поправимы, и, по всей вѣроятности, не повторятся въ слѣдующихъ ея изданіяхъ.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для учениковъ VIII класса гимназій Составилъ *И. Я. Бѣляевъ*, преподаватель Мариампольской мужской гимназій, согласно съ требованіями § 57 утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 года правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій. С.-Пб. 1894. Стр. 45. Цѣна 30 коп.

Сборникъ *И. Я. Бѣяева* содержитъ 170 задачъ, относящихся до примѣненія тригонометріи къ стереометріи, и почти исключительно—къ вычисленію поверхностей и объемовъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти задачи были рѣшены авторомъ правильно. Напримѣръ, на задачу 140-ю („Въ правильномъ семиугольникѣ со стороною a проведена прямая линія черезъ вершину одного изъ угловъ и центръ его. Определить поверхность тѣла, полученнаго отъ вращенія полумногоугольника около вышеупомянутой прямой линіи“) данъ невѣрный отвѣтъ:

$$S = \frac{\pi a^2}{2 \cos^2 \varphi}, \text{ при } \operatorname{tg} \varphi = 2 \sqrt{\frac{\sin \frac{8d}{7} \cos \frac{2d}{7}}{\cos \frac{5d}{7}}}; d = 90^\circ.$$

Правильный отвѣтъ былъ бы такой:

$$S = \frac{7 \pi a^2}{4 \cos^2 \varphi}, \text{ гдѣ } \operatorname{tg} \varphi = 4 \sin \frac{4d}{7} \sqrt{\frac{2}{7} \cos \frac{4d}{7}}.$$

Ошибка произошла, очевидно, отъ пропуска авторомъ въ выраженіи поверхности S члена $\frac{\pi a^2}{4}$. Подобнаго рода ошибки могутъ привести ученика, правильно рѣшающаго задачу, въ крайнее недоумѣніе. Притомъ, данная авторомъ формула свидѣтельствуетъ, что имъ былъ избранъ, безъ всякой надобности, вмѣсто прямого и краткаго пути, длинный рядъ замысловатыхъ преобразованій.

Не всѣ заданія выражены съ достаточною ясностью и опредѣленностью. Напримѣръ, задача 100-я дана въ такомъ видѣ: „Черезъ точку внутренняго касанія двухъ шаровъ, радіусы которыхъ суть

$R = 8$ д. и $R_1 = 3$ д., проведенъ діаметръ, принимаемый за осьъ конической поверхности, вершина которой въ точкѣ касанія шаровъ и образующая съ осью составляетъ уголъ $\epsilon = 20^\circ 15' 20''$. Коническая поверхность пересѣкается съ поверхностями шаровъ. Опредѣлить поверхность тѣла, ограниченнаго частями поверхностей шаровъ и частью конической поверхности". Но такихъ тѣлъ можетъ быть нѣсколько, и неизвѣстно, о которомъ изъ нихъ говорятъ авторъ. Изъ приведеннаго рѣшенія видно, что оно относится до усѣченного конуса, основаниями котораго служатъ поверхности шаровыхъ сегментовъ; рѣшенію этому предпосланы слова: „одно изъ рѣшеній". Слѣдовательно задание намѣренно выражено съ недостаточною опредѣленностью; но едва-ли такая загадочность задания можетъ считаться цѣлесообразною и заслуживающею одобренія.

Встрѣчаются и стилистическія неправильности. Онѣ особенно рѣзки въ „Предисловіи" и въ „Оглавленіи". На 1-й страницѣ предисловія сказано: „задачи на круглыя тѣла, отдѣльно взятыя, а также вмѣстѣ съ шаромъ"... (при томъ: развѣ шаръ не круглое тѣло?) — Далѣе на 2-й страницѣ предисловія: „Изъ всѣхъ 170 задачъ болѣе двухъ третей предлагается для рѣшенія съ вычисленіями, а въ остальныхъ задачахъ результаты рѣшеній (?) только въ общемъ видѣ (?)". Слѣдующее затѣмъ окончаніе предисловія можетъ служить примѣромъ неудачнаго согласованія частей длиннаго періода: „Хотя нѣкоторыя изъ задачъ перваго отдѣла могутъ показаться трудными для иныхъ среднихъ учениковъ, мало упражнявшихся... въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ, какъ задачи (?), требующія отъ нихъ" (— отъ кого? отъ геометрическихъ задачъ?—) „большей сообразительности" (— болѣе чего?—) „въ ясномъ представленіи (?) результатовъ пересѣченія данныхъ тѣлъ съ необходимыми для рѣшенія (?) плоскостями, тѣмъ же менѣе"...

Въ оглавленіи читаемъ: „Задачи третьяго отдѣла на *тѣла вращенія*: отъ прямоугольнаго треугольника, отъ равнобедреннаго треугольника, отъ треугольника"...

Несмотря на вышесказанное и на крайнюю односторонность содержанія сборника, онъ можетъ быть полезенъ ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, такъ какъ помѣщенные въ немъ задачи весьма поучительны: онѣ достаточно просты, а между тѣмъ для рѣшенія ихъ необходимы не только основательное знаніе геометріи и тригонометріи и навыкъ въ преобразованіяхъ формулъ, но и умѣніе примѣнять эти знанія къ несложнымъ вопросамъ.

Соврание стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометрій. Составилъ *Н. Рыбкинъ*, преподаватель Лазаревского института восточныхъ языковъ и частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга. 3-е изданіе, дополненное планиметрическими задачами и введешіемъ. Москва. 1894. Стр. IV+81. Цѣна 40 коп.

Новое, третье изданіе отличается отъ предъидущаго добавленіемъ болѣе 100 задачъ—а именно относящихся до примѣненія тригонометрій къ планиметрическимъ задачамъ,—и введешіемъ, въ которомъ помѣщены полныя рѣшенія 12-ти типичныхъ задачъ. Добавленія эти полезны и выдерживаютъ критику. Но не выдерживаютъ критики употребляемые авторомъ знаки *sn* и *cs*, вмѣсто общепринятыхъ *sin* и *cos*. Первый изъ этихъ знаковъ принятъ въ высшей математикѣ для изображенія не синуса, а эллиптической функціи [*sn* а значитъ синусъ амплитуды α], а потому смѣшенія этихъ знаковъ не должно допускать и желательно было бы, чтобы авторъ замѣнилъ въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги знаки *sn* и *cs* общепринятыми *sin* и *cos*.

По Студеному морю. Повѣдка на сѣверь. Составилъ „Русскій Странникъ“—*„Евгеній Львовъ“*. Москва. 1895. Стр. 247. Цѣна 3 рубля.

Трудъ этотъ принадлежитъ корреспонденту большихъ газетъ, извѣстному читающей публикѣ подъ псевдонимами „Русскій Странникъ“ или „Евгеній Львовъ“. Съ разрѣшенія министра финансовъ С. Ю. Витте, онъ участвовалъ въ поѣздкѣ по сѣверному краю, совершенной этимъ министромъ въ истекшемъ 1894 году. Главные пункты, которые были посѣщены министромъ и описаны Евгеніемъ Львовымъ, слѣдующіе: Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Трондгеймъ и Стокгольмъ. Почти половина корреспонденцій, именно до 21-й главы была напечатана въ „Новомъ Времени“, остальная половина появляется вновь. Книга эта имѣетъ большой интересъ уже потому, что она касается такой части Россіи, на которую въ настоящее время обращено особенное вниманіе правительства. Но и сама по себѣ она заключаетъ въ себѣ такія внутреннія достоинства, что появленію ея можно только радоваться. Популярными географико-историческими сочинешіями, касающимися европейскаго сѣвера, наша литература вообще не богата; относительно же Лапландіи и Мурманскаго берега такихъ популярныхъ сочинешій, которыя охватывали бы всѣ стороны края, мы почти не имѣемъ, такъ что для нашего образованнаго класса страна эта представляется

какъ-бы въ туманѣ. Евгений Львовъ главное вниманіе свое сосредоточилъ именно на этомъ забытомъ краѣ. Личныя наблюденія автора, разспросы на мѣстѣ, а равно разнаго рода свѣдѣнія, почерпнутыя изъ всего того, что у насъ было писано о Мурманѣ — все это дало автору возможность коснуться какъ физическихъ и климатическихъ особенностей края, такъ и бытовыхъ чертъ ея разноплеменныхъ обывателей, и все это онъ представилъ картинно и интересно. Стараюсь по мѣрѣ возможности разяснить причины, почему наши сѣверныя воды, обогащая иностранцевъ, едва даютъ пропитаніе русскимъ, авторъ часто вдается въ исторію и въ административныя распоряженія правительства и рельефно отмѣчаетъ, что въ отдаленномъ и въ ближайшемъ къ намъ прошедшемъ способствовало или мѣшало распространенію въ этомъ краѣ православія, усиленію русской колонизаціи и состоянію промысловъ. При этомъ надо отмѣтить, все это сдѣлано авторомъ спокойно, безпристрастно и въ духѣ благожелательномъ и патріотическомъ.

Книга издана вообще хорошо и снабжена 30-ю рисунками съ натуры, но къ сожалѣнію фототипически переданными не всегда изящно и ясно; сверхъ того, приложена карта Мурманскаго берега.

Рельефныя карты. Капитана *Иванова*.

Уже болѣе 10-ти лѣтъ у насъ существуетъ мастерская для изготовленія географическихъ рельефныхъ картъ, содержащая членомъ Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, капитаномъ Ивановымъ. Мастерская эта до 1893 года находилась въ Варшавской губерніи, а въ настоящее время находится въ Московской губерніи, въ городѣ Звенигородѣ.

Судя по каталогу, вышедшему въ 1893 году, мастерская эта изготовляетъ: 1) недорогія рельефныя карты и глобусы для народныхъ, сельскихъ и городскихъ школъ; 2) рельефы для гимназій, прогимназій и другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній; 3) спеціальныя рельефы, болѣе дорогой и мелкой работы, составленные на основаніи гипсометрическихъ картъ Тилло и другихъ подробныхъ русскихъ и заграничныхъ картъ. Почти всѣ виды рельефовъ пересмотрѣны постепенно предсѣдателемъ и членами Географическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ университетѣ, и, сверхъ того, они появлялись на выставкахъ, гдѣ удостоились полученія медалей.

Изъ большаго числа рельефовъ, изготовленныхъ въ этой мастер-

ской, мы рассмотримъ въ настоящей замѣткѣ слѣдующіе: Дельта Нила, Неаполитанскій заливъ, Европейская Россія, Крымъ, Кавказъ и Южная Америка. Наиболѣе удавшимися картами пужно признать Крымъ, Кавказъ и Дельту Нила.

Рельефъ карты Крыма сдѣланъ по изданію карты Главнаго штаба. Масштабъ ея 10 верстъ въ дюймѣ, а высоты увеличены на столько, на сколько обыкновенно ихъ увеличиваютъ рельефныхъ картахъ, именно въ 3 раза. Таврическія горы вмѣстѣ съ уступами и повышениями изображены удачно; остальной рельефъ также нагляденъ. Краевыя очертанія полуострова также болѣе или менѣе правдоподобны. Данныхъ на картѣ столько, сколько нужно для курса среднихъ учебныхъ заведеній. Жаль только, что авторъ не придержался обычныхъ названій, такъ вмѣсто Саки пишетъ Сакъ, вмѣсто Салгирь—Салагирь, вмѣсто Чатырь—Дагъ—Чатырдакъ, вмѣсто Керчь—Керчъ. Вообще же рельефная карта Крыма производитъ благоприятное впечатлѣніе. Цѣна ея отъ 13 до 20 рублей.

Рельефъ Кавказа изготовленъ съ 30-тиверстной карты Ильина. Масштабъ высотъ увеличенъ въ 3 раза. Карта специально физическая и поэтому на ней показаны только горы и рѣки, а изъ административныхъ данныхъ обозначены кружками только губернскіе и областные города и, кромѣ того, границы губерній. Горы съ главными высотами и пониженіями представлены хорошо и особенно система Большаго Кавказа. Но этого нельзя сказать о рѣкахъ. Побочныхъ горныхъ притоковъ нанесено столько, что они испещряютъ карту; у Куры эти побочныя рѣки даже большею частью съ дельтами; особенный же вредъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ препятствуютъ ученикамъ показывать истоки главныхъ рѣкъ. Карта безъ названій и только имѣетъ нѣсколько цифръ, обозначающихъ высоту горныхъ вершинъ или глубину озеръ, но названія эти, какъ видно изъ каталоговъ, могутъ быть прибавлены по требованію покупателя. Цѣна карты отъ 20 до 35 рублей.

Рельефъ Нила и Суэзскаго канала по масштабу 20 верстъ въ дюймѣ, нѣмой, но съ кружками для городовъ. Общій видъ карты нагляденъ и довольно изященъ. Цѣна 6 рублей.

Рельефъ физической карты Южной Америки также можетъ быть признанъ удачнымъ. Горы съ уступами и возвышеніями выдвигаются на столько, что оставляютъ впечатлѣніе. Цѣна 12 рублей.

Рельефъ Неаполитанскаго залива, хотя имѣетъ почти 1 аршинъ длины, но бѣденъ по содержанію и, повидимому, назначается только

для нагляднаго представленія Везувія во время изверженія. Но представленіе это ученикъ можетъ получить по обыкновеннымъ картинамъ, находящимся въ нашихъ учебникахъ, и имѣть для этого особую громоздкую карту, стоящую къ тому же 15 рублей, составляетъ уже роскошь. Впрочемъ, технически этотъ рельефъ выполненъ хорошо.

Карта Европейской Россіи прежде всего отличается недостатками, которые вытекаютъ изъ того обстоятельства, что рельефъ захватываетъ слишкомъ большое пространство, вслѣдствіе чего издателю пришлось увеличить (въ 10 разъ) вертикальныя формы передъ горизонтальными; но несмотря на это преувеличеніе карта, будучи повѣшена на стѣнѣ, не дастъ ученикамъ нагляднаго представленія о рельефѣ, такъ какъ возвышенности почти исчезаютъ, и только хорошо видны высокіе хребты горъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ карту можно разсматривать только тогда, когда она будетъ лежать. Но независимо отъ этихъ недостатковъ, такъ сказать невольныхъ, этой картѣ свойственны другія неточности. Такъ, напримѣръ. Средне-русская возвышенность представлена невѣрно: развѣтвленія ея особенно на западѣ и югѣ идутъ туда, гдѣ имъ не слѣдуетъ быть, при этомъ не соблюдена и постепенность пониженія; точно также невѣрно изображены Олонецкія горы, особенно въ своей сѣверо-западной части. Такъ же неправильно представлены Волга въ верхнемъ и среднемъ теченіи, Западная Двина, устье Дуная; при иныхъ рѣкахъ такъ много притоковъ, что главныя рѣки совершенно искажаются, какъ, напримѣръ, Вятка; рѣка Донъ недалеко отъ устья пересѣкается какою-то большою рѣкою и т. п. Изъ городовъ выставлены только нѣкоторые, очевидно случайно. Цѣна карты 17 рублей. Въ общемъ, эта карта менѣе принесетъ пользы при классномъ употребленіи, чѣмъ вышедшая въ прошедшемъ году физическая карта Ильина.

Во всякомъ случаѣ, предпріятіе капитана Иванова заслуживаетъ сочувственнаго отношенія и нельзя не пожелать распространенія его изданій, отчего, конечно, будетъ зависѣть и усовершенствованіе ихъ.

Schiller. EGMONT UND WILHELM VON ORANJEN. Auszug aus der Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung Эгмонтъ и Вильгельмъ Оранскій. Извлеченіе изъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ“ Фр. Шиллера. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Обработалъ Максъ Фишеръ. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Петербургъ. 1895. Стр. 66. Цѣна со словаремъ 30 коп.

Названная книжка „Эгмонтъ и Вильгельмъ Оранскій“ принадлежитъ къ коллекціи: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и француз-

скихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія“, пользующейся вполнѣ справедливо весьма хорошей репутаціей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Извлеченіе изъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ“, обработанное М. Фишеромъ, во всѣхъ отношеніяхъ издано прекрасно. Довольно подробное введеніе, заключающее въ себѣ всѣ тѣ историческія и біографическія данныя, которыхъ нельзя не признать необходимыми для полнаго пониманія предлагаемаго отрывка, написано довольно живо и интересно, и притомъ не по-нѣмецки, но хорошимъ русскимъ языкомъ, что составляетъ не малое преимущество этой книжки передъ многими другими изданіями нѣмецкихъ писателей, назначенныхъ для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ. Примѣчанія, помѣщенные подъ текстомъ, что представляется весьма удобнымъ для пользованія ими, составлены подробно, ясно и вообще очень дѣльно, такъ что свидѣтельствуютъ о прекрасномъ знаніи комментатора не только нѣмецкаго, но и русскаго языка. Приложенный къ книжкѣ словарь довольно полонъ. Въ примѣчаніяхъ и словарѣ ученикъ найдетъ все, что ему нужно не только для пониманія предлагаемаго текста, но также для точнаго перевода его на хорошій русскій языкъ.

Въ концѣ книжки, въ видѣ приложения, дается еще хорошо исполненная карта Нидерландовъ, которая, безъ сомнѣнія, окажется весьма цѣлесообразной при чтеніи сочиненія, почти исключительно историческаго содержанія. И типографская сторона книжки очень хороша. Однимъ словомъ, разбираемая книжка ничѣмъ не уступаетъ прежнимъ изданіямъ той же коллекціи, уже заслужившимъ извѣстность въ педагогическомъ мірѣ

1. *А. Шумм.* Иллюстрированная нѣмецкая азбука для совмѣстнаго обученія чтенію и письму въ школѣ и дома. *ILLUSTRIERTE FIBEL für Schule und Haus.* 1895. Стр. 54. Цѣна 30 коп.
2. *UEBER DEN ANFANGSUNTERRICHT IM DEUTSCHEN* mit besonderer Berücksichtigung der Aussprache. Ein Begleitwort zur Illustrierten Fibel für Schule und Haus von *Alfons Schults*, Lehrer der deutschen Sprache an der Michael-und Konstantin-Artillerieschule. 1895. Стр. 16. Цѣна 15 коп.

Первая изъ названныхъ книжекъ предназначается авторомъ для употребленія при совмѣстномъ обученіи дѣтей въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ чтенію и письму на нѣмецкомъ языкѣ. Книжка эта составлена весьма умѣло и безъ всякаго сомнѣнія принесетъ не мало пользы при первоначальномъ обученіи дѣтей чтенію и письму

на нѣмецкомъ языкѣ; картинки исполнены большею частью довольно хорошо, шрифтъ крупный и четкій; число упражненій для чтенія и письма можно признать вполне достаточнымъ, самыя упражненія составленными цѣлесообразно. Ко всѣмъ упражненіямъ дается значеніе нѣмецкихъ словъ, такъ что ученикъ вполне понимаетъ, что читаетъ. Отдѣльныхъ словъ для упражненія въ чтеніи дается немного; уже съ § 4 предлагаются особо составленныя для этой цѣли фразы. Въ концѣ книжки, на 4-хъ страницахъ, помѣщено довольно большое число картинокъ, и за ними цѣлый рядъ вопросовъ, раздѣленныхъ на нѣсколько категорій, подъ особыми заглавіями, какъ напримѣръ: „времена года“, „части человѣческаго тѣла“, „die Schule“, „das Haus“, „die Familie“ и т. п. Тѣ и другіе назначаются для повторенія пройденнаго и для устныхъ бесѣдъ на нѣмецкомъ языкѣ. Книжка эта вообще производитъ довольно пріятное впечатлѣніе и окажется вѣроятно весьма полезной при первоначальномъ обученіи маленькихъ дѣтей нѣмецкому языку, дѣтей въ возрастѣ именно отъ 8 до 10 лѣтъ, которыхъ имѣетъ въ виду и самъ авторъ книги.

Вторая книжка, въ которой авторъ не только излагаетъ тотъ методъ, по которому составлена его „Иллюстрированная Азбука“, но также даетъ различныя указанія, которыми преподаватель долженъ пользоваться при употребленіи „Азбуки“, является необходимымъ для преподавателя дополненіемъ къ первой.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1892 ГОДУ.

Въ отчетахъ Императорской Публичной Библиотеки, появлявшихся въ свѣтъ въ послѣдніе годы, неоднократно было упоминаемо о затруднительномъ положеніи, въ которое поставлено наше государственное книгохранилище какъ вслѣдствіе ограниченности средствъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на его содержаніе по штату 1874 года (80.007 руб. 76 коп.), такъ и вслѣдствіе тѣсноты своего помѣщенія, уже давно переполненнаго до крайнихъ предѣловъ. Послѣдовавшее 1-го іюня текущаго года Высочайшее утвержденіе новаго штата Библиотеки устраняетъ первое изъ этихъ затрудненій. Начиная съ 1-го января 1896 года, сумма на содержаніе Библиотеки имѣетъ быть увеличена до 133.470 руб., а съ 1-го января 1899 года она будетъ доведена до 142.470 руб., причѣмъ на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы будетъ отпускаемо 40.000 руб. въ годъ, на переплеты 9.000 руб., а на каталогизацію и на печатаніе каталоговъ и отчетовъ 5.000 руб.; въ общемъ же сумма на содержаніе Библиотеки имѣетъ увеличиться съ 1-го января 1899 года на 62.462 руб. 24 коп. Выстѣ съ тѣмъ предполагается и значительное расширеніе библиотечнаго зданія чрезъ возведеніе новаго корпуса на мѣстѣ, приобрѣтенномъ отъ министерства Императорскаго двора въ смежности съ нынѣшнимъ зданіемъ книгохранилища. Вслѣдствіе этихъ важныхъ измѣненій, ожидающихъ Библиотеку въ близкомъ будущемъ, отчетъ о ея состояніи въ 1892 году, вышедшій въ свѣтъ почти одновре-

менно съ Высочайшимъ утвержденіемъ новыхъ штатовъ, уже не касается вопроса о потребностяхъ Библіотеки и посвященъ исключительно изложенію свѣдѣній объ ея внутреннемъ устройствѣ, о новыхъ ея приобрѣтеніяхъ, о производившихся въ ней библіографическихъ работахъ и о пользованіи Библіотекой въ теченіе отчетнаго года.

Охраненіе библіотечнаго зданія отъ возможности пожаровъ всегда составляло одну изъ главныхъ заботъ ея управленія. Въ 1892 году въ этомъ отношеніи принята была слѣдующая мѣра: въ прежніе годы запасъ дровъ, потребныхъ для отопленія зданія, складывался въ подвалахъ его; въ 1892 году для дровъ отведены особые сараи. находящіеся на мѣстѣ, уступленномъ Библіотекѣ министерствомъ Императорскаго двора. Кромѣ того, призвано было необходимымъ обезпечить зданіе Библіотеки отъ случайностей, сопровождающихъ высокое поднятіе почвенной воды. Съ этою цѣлью во всѣхъ подвалахъ проведенъ двойной рядъ параллельныхъ каналовъ, вымощенныхъ булыжникомъ, накрытыхъ деревянными щитками и имѣющихъ общій наклонъ къ одному изъ концовъ зданія, гдѣ устроенъ водоемъ, а близъ дна послѣдняго устроенъ водоструйный кранъ, автоматически дѣйствующій напоромъ городского водопровода и могущій выкачивать до 80 ведеръ воды въ часъ. Дренажъ такого рода устраняетъ возможность залитія подваловъ, что именно случилось въ 1892 году.

Приобрѣтенія Библіотеки въ этомъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, поступали разными путями: либо чрезъ присылку въ нее, согласно существующему закону, произведеній печати, издаваемыхъ въ предѣлахъ Имперіи, либо чрезъ пожертвованія отъ разныхъ лицъ и учрежденій, либо, наконецъ, путемъ покупки. Притомъ приобретенія дѣлались либо цѣлыми коллекціями, либо отдѣльно. Изъ числа припошеій со стороны учреждений и частныхъ лицъ значительнѣйшія были: отъ Германскаго правительства (5.974 тт.), отъ Великобританскаго правительства (545 тт.), отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (415 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки А. Н. Неустроева (273 тт.), отъ Эрлангенскаго университета (217 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки Г. К. Рѣпинскаго (171 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки въ Лейпцигѣ К. Креля (141 тт.), отъ Французской комиссіи по международному обмѣну изданій (136 тт.), отъ Фрейбургскаго университета (111 тт.), отъ М. А. Мельникова (110 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки графа И. Д. Деялова (96 тт.), отъ Іенскаго университета (95 тт.) и отъ Кенигсбергскаго университета (94 тт.). Вообще.

въ пожертвованіи произведеній печати участвовало 118 лицъ въ Россіи, 46 лицъ за границей и 132 учрежденія русскихъ и заграничныхъ. Въ общемъ выводѣ приобрѣтенія 1892 года опредѣляются слѣдующими цифрами.

Поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 31.516 сочиненій въ 35.312 томахъ; въ томъ числѣ:

изъ цензурнаго вѣдомства, большею частью въ двухъ экземплярахъ	15.603	соч.	въ 16.700	тт.
по распоряженіямъ разныхъ учрежденій	2.701	" "	2.924	" "
истребовано Библиотекой отъ разныхъ учреждений и лицъ — не доставленныхъ въ нее	418	" "	422	" "
частныхъ приношеній	9.717	" "	10.330	" "
куплено самою Библиотекой	3.175	" "	4.974	" ¹⁾

б) рукописей, автографовъ и актовъ 8.062, въ томъ числѣ:

по Высочайшему повелѣнію	4
частныхъ приношеній (отъ 1 учрежденія и 32 лицъ)	4.007
куплено самою Библиотекой	4.051

в) эстамповъ и фотографій 965, въ томъ числѣ:

изъ цензурнаго вѣдомства	912
частныхъ приношеній (отъ 12 лицъ)	33
купленныхъ самою Библиотекой	20

г) географическихъ картъ и плановъ 75

д) нотъ 1.104

Въ видѣ цѣльныхъ коллекцій въ Библиотеку поступили собранія, состоящія преимущественно изъ рукописей.

1) По Высочайшему повелѣнію, согласно желанію камеръ-фрейлины Ея Императорскаго Величества Д. О. Тютчевой, передать въ Библиотеку на храненіе ящикъ съ бумагами, оставшимися послѣ И. С. Аксакова, съ представленіемъ Библиотекѣ права вскрыть этотъ ящикъ по истеченіи десяти лѣтъ со дня кончины И. С. Аксакова (послѣдовавшей 27-го января 1886 года) и затѣмъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи издать письма къ нему разныхъ лицъ.

¹⁾ У русскихъ книгопродавцевъ куплено 1.624 соч. въ 2.083 тт., а у заграничныхъ—1.551 соч. въ 2.891 тт.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Тютчева передала въ собственность Библиотеки принадлежащее ей право литературной собственности на всѣ рукописи, письма, изданія и сочиненія И. С. Аксакова, доставшееся ей по наслѣдству отъ ея сестры и вдовы послѣдняго Анны Федоровны Аксаковой. При этомъ г-жа Тютчева постановила слѣдующія условія: 1) чтобы въ теченіе остающагося установленнаго закономъ срока пользованія означеннымъ правомъ Библиотека имѣла попеченіе о перепечаткѣ сочиненій И. С. Аксакова въ случаѣ ихъ выхода изъ продажи, а равно объ изданіи въ свѣтъ не изданныхъ еще его сочиненій, писемъ и бумагъ; 2) чтобы Библиотека не уступала означеннаго права частнымъ лицамъ, но не отказывала бы имъ въ дозволениі издавать извѣстныя сочиненія или собранія писемъ И. С. Аксакова въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ и на извѣстное количество лѣтъ; 3) чтобы Библиотека всемѣрно заботилась о нахожденіи сочиненій И. С. Аксакова въ продажѣ по возможно доступной цѣнѣ, и чтобъ она ежегодно давала отчетъ въ пользованіи правомъ литературной собственности на произведенія И. С. Аксакова чрезъ обнародованіе свѣдѣній о томъ въ отчетахъ Библиотеки. Для осуществленія пожертвованнаго права г-жа Тютчева внесла въ Библиотеку капиталъ въ 2.092 руб. 55 коп., а также представила росписки и счета книгопродавцевъ, принявшихъ на себя продажу изданныхъ сочиненій И. С. Аксакова, и еще не сданные въ книжные магазины экземпляры этихъ изданій.

2) Академикъ Я. К. Гротъ (скончавшійся въ 1893 году) передалъ въ Библиотеку обширное собраніе бумагъ Г. Р. Державина, коимъ онъ пользовался при изданіи его сочиненій по порученію Академіи Наукъ. Собраніе это состоитъ изъ 40 томовъ, переплетенныхъ частью въ прежнее время, частью по распоряженію Я. К. Грота. Въ составъ этихъ томовъ входятъ: собственныя произведенія Державина частью въ его черновыхъ автографахъ, частью въ копіяхъ; официальные бумаги, имъ составленныя, начиная съ его рапортовъ во время Пугачевского бунта и въ продолженіе всей его дѣйствительной службы; черновые наброски и отпуски его писемъ; официальные бумаги, къ нему поступавшія; письма къ нему разныхъ лицъ; хозяйственныя его бумаги; матеріалы для его біографіи; мнѣнія и соображенія разныхъ лицъ по предметамъ государственнаго управленія; присланныя Державину стихотворенія, рѣчи и другія литературныя произведенія И. И. Богдановича, Н. И. Гнѣдича, И. И. Дмитріева, епископа Евгенія (Болховитниова), В. В. Капниста, Н. А.

Львова, В. А. Озерова, И. П. Пляца, В. Л. Пушкина, графа О. В. Ростопчина, А. В. Храповицкаго, А. С. Шишкова и многихъ другихъ писателей, менѣе извѣстныхъ, въ автографахъ, рукописныхъ копіяхъ или печатныхъ экземплярахъ. Всѣхъ печатныхъ брошюръ и листовъ насчитывается въ этомъ собраніи 213, и изъ нихъ 77 не имѣлось въ Библиотекѣ. Вообще, вся эта коллекція представляетъ значительный интересъ для исторіи русской литературы и частію общества въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Содержаніе ея не могло быть вполне исчерпано Я. К. Гротомъ по самому свойству труда, которымъ онъ занимался, а нѣкоторые документы, хотя и имѣвшіе отношеніе къ предмету его занятій, очевидно, случайно ускользнули отъ его вниманія; таковы, между прочимъ, два письма И. И. Хемницера и В. В. Капниста къ Державину съ критическими замѣчаніями на его произведенія; письма эти изданы нынѣ въ приложеніяхъ къ отчету Библиотеки за 1892 годъ.

3) Куплено Библиотекой собраніе рукописей извѣстнаго мемуариста прошлаго вѣка А. Т. Болотова. Многія рукописныя произведенія этого чрезвычайно плодовитаго автора уже давно разошлись по разнымъ рукамъ, а въ послѣднія восемь лѣтъ наследники Болотова распродали послѣднія изъ его рукописей, у нихъ находившіяся. Библиотека уже неоднократно имѣла случай въ прежнее время приобретать или получать въ даръ рукописныя книги и тетради Болотова. Въ 1892 году ею приобретено 36 такихъ рукописей, относящихся къ разнымъ періодамъ жизни автора, съ 1761 по 1824 годъ. Около половины этихъ рукописей содержатъ въ себѣ собственныя сочиненія Болотова въ стихахъ и прозѣ, большею частью правоучительнаго содержанія, а 18 томиковъ подъ заглавіемъ „Магазинъ достопамятныхъ и любопытныхъ бумагъ, носившихся въ народѣ“, составляютъ собраніе разнаго рода статей, извѣстій, стихотвореній и историческихъ документовъ, частію выписанныхъ изъ печатныхъ изданій, частію не существующихъ въ печати. Статьи, сюда включенныя, относятся ко времени съ 1789 по 1815 годъ, и нѣкоторые изъ находящихся здѣсь документовъ представляютъ историческій интересъ.

4) Дѣйствительный тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ, скончавшійся въ 1892 году, незадолго до своей смерти принесъ въ даръ Библиотекѣ автографы и копіи произведеній своего брата, извѣстнаго поэта К. Н. Батюшкова, а также рукописныя матеріалы для его біографіи. Въ числѣ автографовъ поэта въ этомъ собраніи имѣются его памятная записная книжка 1817 года, нѣсколько его стихотвореній

и до 90 его писемъ и замѣтокъ. Кромѣ того, тутъ же находятся нѣкоторыя стихотворенія К. Н. Батюшкова въ современныхъ ему коніяхъ и разныя біографическія о немъ свѣдѣнія, собранныя его братомъ, въ томъ числѣ письма Д. Н. Блудова, князя П. А. Вяземскаго и Н. И. Гнѣдича и записки о душевной болѣзни поэта, составленныя пользовавшимся его врачомъ докторомъ Антономъ Дитрихомъ. Это собраніе послужило важнымъ пособіемъ при изданіи сочиненій К. Н. Батюшкова, выпущенномъ въ 1885—1887 годахъ подъ редакціей Л. Н. Майкова, а въ біографіи поэта, приложенной къ этому изданію, помѣщены важнѣйшіе изъ упомянутыхъ выше біографическихъ матеріаловъ.

б) Изъ министерства народнаго просвѣщенія переданы въ Библиотеку нѣкоторыя бумаги и брошюры, хранившіяся до сего времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Бумаги эти касаются главнымъ образомъ цензурныхъ дѣлъ и содержатъ въ себѣ весьма любопытные матеріалы по исторіи цензуры въ то время, когда она находилась въ вѣдѣніи означеннаго министерства, главнымъ образомъ съ 1826 по 1862 годъ. Кромѣ официальной переписки, въ этомъ собраніи находятся и письма нѣкоторыхъ литераторовъ и журналистовъ съ объясненіями также по цензурнымъ дѣламъ; любопытнѣйшіе изъ таковыхъ документовъ, а именно: письмо князя В. О. Одоевскаго къ министру С. С. Уварову, письмо О. В. Булгарина къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа князю Г. П. Волконскому и письма къ цензору П. И. Гаевскому того же Булгарина, А. О. Воейкова, В. Д. Комовскаго и І. В. Семенова, напечатаны въ приложеніяхъ къ отчету Библиотеки за 1892 годъ. Въ томъ же собраніи находятя еще нѣсколько рукописей, подвергавшихся цензурному разсмотрѣнію, и большое количество диссертаций, рукописныхъ и печатныхъ, представленныхъ въ разные русскіе университеты для полученія степени кандидата или магистра.

б) Отъ наслѣдниковъ профессора Московскаго университета С. П. Шевырева Библиотекою пріобрѣтено обширное собраніе бумагъ этого почтеннаго ученаго. Здѣсь находятся, частію въ автографахъ, частію въ коніяхъ, нѣкоторые курсы по исторіи литературы, читанные Шевыревымъ, и нѣкоторыя его сочиненія, затѣмъ письма къ нему разныхъ лицъ съ 1828 по 1864 годъ, въ количествѣ 3437 (при обширности сношеній Шевырева литературныхъ и общественныхъ, этотъ отдѣлъ представляетъ большой интересъ), письма самого Шевырева и черновые наброски его писемъ, дневники его, веденные во время

заграничныхъ путешествій въ тридцатыхъ годахъ, бумаги, касающіяся предполагаемаго изданія сочиненій Гоголя въ 1852—1855 годахъ, литературныя произведенія разныхъ писателей, какъ напримѣръ, Н. В. Берга, князя П. А. Вяземскаго, графини Е. П. Растопчиной, Н. М. Языкова, частію въ автографахъ, и наконецъ, нѣкоторые матеріалы для біографіи князя Дм. Вл. Голицына, которою Шевыревъ занимался нѣкоторое время.

7) С. Н. Батюшкова принесла въ даръ Библиотекѣ собраніе автографовъ, составленное ея покойнымъ мужемъ П. Н. Батюшковымъ и переплетенное въ видѣ большаго альбома. Всѣхъ автографовъ въ этой коллекціи 250; здѣсь находятся письма Русскихъ государей и другихъ особъ Царствующаго дома, русскихъ и иностранныхъ государственныхъ дѣятелей, писателей и пр. Изъ числа писателей слѣдуетъ въ особенности упомянуть автографы Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина. Особый интересъ представляютъ письма императора Александра I къ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Менцерской, относящіяся къ 1816 и 1817 годамъ; они помѣщены въ приложеніяхъ къ отчету.

8) Тѣмъ же лицомъ подарена Библиотекѣ еще другая любопытная рукописная коллекція, въ которой заключаются письма разныхъ лицъ, извѣстныхъ на поприщѣ государственной дѣятельности или литературы, къ отцу дарительницы Н. И. Кривцову и къ супругу ея П. Н. Батюшкову, а также оставшіяся за смертью послѣдняго бумаги, касающіяся главнымъ образомъ его дѣятельности какъ лица, завѣдывавшаго церковно-строительнымъ дѣломъ въ Западно-Русскомъ краѣ, какъ попечителя Виленскаго учебнаго округа и какъ издателя трудовъ, посвященныхъ исторіи и древностямъ Западной Руси.

9) Однородный съ предшествующею коллекціей интересъ представляетъ принесенное въ даръ Библиотекѣ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ И. П. Корниловымъ собраніе писемъ къ нему разныхъ лицъ, преимущественно за время съ 1880 по 1891 годъ. Два такихъ же собранія уже были пожертвованы въ Библиотеку г. Корниловымъ въ прежнее время, и настоящее можетъ быть разсматриваемо какъ ихъ продолженіе.

Наконецъ, 10) Библиотекой куплено небольшое собраніе рукописей, составленное А. Н. Греномъ во время его неоднократныхъ путешествій по Закавказью. Всѣхъ рукописей въ этой коллекціи 18, и изъ нихъ 1—армянская, а прочія—грузинскія. Армянская рукопись, Четвероевангеліе, писана въ XIII вѣкѣ и украшена золотыми и цвѣт-

ными заглавными буквами. Рукописи грузинскія относятся къ XVI—XIX вѣкамъ и содержатъ въ себѣ разные памятники грузинской литературы духовной и свѣтской.

Отдѣльныя приобрѣтенія Библіотеки въ 1892 году также состояли изъ произведеній печати и рукописей. И въ томъ, и въ другомъ отдѣлѣ нѣкоторыя поступили въ качествѣ пожертвованій, но большинство приобрѣтено покупкой. Къ числу послѣднихъ относятся главнымъ образомъ изданія заграничныя, такъ какъ книги, выходящія въ Россіи, поступаютъ въ Библіотеку безмездно согласно существующему закону. Тѣмъ не менѣе, Библіотекѣ приходится покупать и русскія книги въ томъ случаѣ, если въ ней почему-либо не имѣлось какого-либо сочиненія, напечатаннаго въ Россіи въ прежнее время, или если имѣвшійся въ Библіотекѣ экземпляръ слишкомъ пострадалъ отъ употребленія. Такого рода приобрѣтенія дѣлались и въ 1892 году, а равнымъ образомъ прилагалось стараніе къ пополненію пробѣловъ въ отдѣлѣ книгъ церковной печати.

Что касается иностранной литературы, то Библіотекой, по мнрѣ средствъ си, были приобрѣтаемы важнѣйшія ученныя сочиненія на наиболѣе распространенныхъ иностранныхъ языкахъ; равнымъ образомъ выписывалось большое количество иностранныхъ періодическихъ изданій по всемъ отраслямъ знанія; постоянно пополнялся отдѣлъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи (Russica), а также отдѣлъ по изученію Святой Земли, достигшій нынѣ въ Библіотекѣ весьма значительныхъ размѣровъ и очень замѣчательный по своему богатству.

Между отдѣльными приобрѣтеніями по части рукописей нѣкоторыя заслуживаютъ особаго упоминанія.

Государю Императору Александру Александровичу благоугодно было пожаловать Библіотекѣ переплетенную тетрадь, заключающую въ себѣ: 1) рескриптъ императрицы Екатерины II на имя адмирала Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, 2) письмо къ нему цесаревича Павла Петровича, 3) письмо состоявшаго при цесаревичѣ адмирала Г. Г. Кушелева и 4) объяснительную записку къ этимъ документамъ, составленную флота генераль-лейтенантомъ Л. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Отъ частныхъ лицъ получены въ даръ Библіотекой между прочимъ: гадательная псалтырь, писанная въ первой половинѣ XVIII вѣка; собраніе курсовъ по разнымъ предметамъ, читанныхъ великимъ княземъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу О. П. Аделун-

гомъ; записка Н. А. Полевого о продажѣ хлѣбнаго вина; „Хитрости Бертольдovy“, рукопись 1747 года; автографы А. П. Ермолова, М. И. Глинки, И. С. Тургенева и разныхъ другихъ извѣстныхъ лицъ.

Изъ рукописей, купленныхъ Библиотекой, слѣдуетъ въ особенности назвать: служебникъ, писанный уставомъ конца XIII вѣка; Измарагдъ, XVI вѣка; нѣсколько польскихъ и латинскихъ рукописей XVII—XVIII вѣковъ, касающихся исторіи базилианскаго ордена въ Западной Руси (изъ библиотеки покойнаго профессора М. О. Колявича), и пр.

Въ заключеніе этого обзора пріобрѣтеній Библиотеки въ 1892 году слѣдуетъ сказать, что С. Н. Батюшкова принесла ей въ даръ писанный масляными красками портретъ поэта К. Н. Батюшкова. Онъ помѣщенъ въ залѣ императора Александра I, уже украшенной портретами многихъ русскихъ писателей и государственныхъ дѣятелей.

Библиографическія работы, производившіяся въ Библиотекѣ въ 1892 году, заключались въ каталогизація новыхъ пріобрѣтеній, въ провѣркѣ каталоговъ съ наличностью и въ выдѣленіи дублетовъ. Кроме того, библиотечарь Гаркави продолжалъ разборъ и описаніе еврейско-арабскихъ сочиненій, находящихся въ рукописномъ собраніи Фирковича, и въ теченіе 1892 года описалъ 381 рукопись, въ коихъ найдено имъ нѣсколько памятниковъ, интересныхъ для исторіи равнинской и караимской литературы.

О пользованіи Библиотекой свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

Въ 1892 году выдано было билетовъ для занятія въ Библиотекѣ 11.870 (въ 1891 г. 11.594), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1.864 (въ 1891 г. 1.808). Читателей было въ общей читальной залѣ 108.511 (1891 г. 108.373). Потребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицею и гражданскимъ шрифтомъ, 251 т. (въ 1891 г. 225 т.), на русскомъ языкѣ 47.990 томовъ (въ 1891 г. 48.845 тт.) и на иностранныхъ языкахъ 14.236 томовъ (въ 1891 г. 15.638 тт.)¹⁾; изъ библиотеки при читальной залѣ: 144.754 тома

¹⁾ Уменьшеніе числа томовъ, требовавшихся и выданныхъ въ читальную залу въ 1892 г. сравнительно съ 1891 г., объясняется тѣмъ, что въ 1892 г. многимъ лицамъ, занимающимся учеными трудами, было дозволено работать въ отдѣленіяхъ Библиотеки, а не въ читальной залѣ.

(въ 1891 г. 140.415 тт.), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 135.847 томовъ (въ 1891 г. 130.393 тт.) и на иностранныхъ языкахъ 8.907 томовъ (въ 1891 г. 10,022 тт.); поврежденныхъ изданій 41.396 номеровъ (въ 1891 г. 40.155 номеровъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 37.586 номеровъ (въ 1891 г. 36.630 номеровъ) и на иностранныхъ языкахъ 3.810 номеровъ (въ 1891 г. 3.525 номеровъ). Общее количество томовъ сочиненій и номеровъ поврежденныхъ изданій, бывшихъ въ обращеніи въ читальной залѣ, составляетъ 280.352 тома и номера (въ 1891 г. 274.931 томъ и номеръ).

Въ теченіе 1892 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 8.658 требованіямъ (въ 1891 г. по 9.383 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 31 требованію (въ 1891 г. по 92 требованіямъ); въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 3.998 требованіямъ (въ 1891 г. по 4.204 требованіямъ); въ отдѣленіяхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ по 4.629 требованіямъ (въ 1891 г. по 5.087 требованіямъ); изъ библіотеки при читальной залѣ по 8.904 требованіямъ (въ 1891 г. по 7.808 требованіямъ), въ томъ числѣ по 3.445 требованіямъ поврежденныхъ изданій (въ 1891 г. по 3.358 требованіямъ), и изъ нихъ по 3.130 требованіямъ русскихъ (въ 1891 г. по 3.021 требованію) по 315 требованіямъ иностранныхъ (въ 1891 г. по 337 требованіямъ) періодическихъ изданій.

Изъ отдѣленій было отказано: за неимѣніемъ сочиненій въ Библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ изъ цензурныхъ установленій въ моментъ ихъ спроса по 3.350 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 231 требованію (въ 1891 г. по 3.832 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 324 требованіямъ); по случаю спроса одной и той же книги по 811 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ по 619 требованіямъ (въ 1891 г. по 549 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 340 требованіямъ); за выдачею потребованныхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посетителямъ Библіотеки по 2.669 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 2.157 требованіямъ (въ 1891 г. по 2.711 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 2.235 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплетъ по 329 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ

языкъ по 159 требованіямъ (въ 1891 г. по 406 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 272 требованіямъ); по случаю спроса книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 366 требованіямъ (въ 1891 г. по 605 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій, заказанныхъ за границу, по 106 требованіямъ (въ 1891 г. по 129 требованіямъ); по разнымъ причинамъ (напримѣръ, требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, требованіе романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библиотеки, требованіи неопредѣленные, неточныя, неразборчиво написанныя, за нахожденіемъ требуемой книги въ библиотекѣ при читальной залѣ) по 1.026 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 687 требованіямъ (въ 1891 г. по 1.059 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 701 требованію).

Изъ 523 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ 3 были требованы болѣе 1.000 разъ, 5 болѣе 500 разъ, 10 болѣе 250 разъ, 7 болѣе 200 разъ, 31 болѣе 100 разъ, 60 болѣе 50 разъ, 88 болѣе 20 разъ, 59 болѣе 10 разъ, 213 менѣе 10 разъ, а 35 изданій вовсе не были требованы ¹⁾).

Изъ 184 повременныхъ изданій на иностранныхъ языкахъ 3 были требованы болѣе 200 разъ, 6 болѣе 100 разъ, 9 болѣе 50 разъ, 23 болѣе 20 разъ, 23 же болѣе 10 разъ, 85 менѣе 10 разъ, а 34 изданія вовсе не были требованы въ чтеніе.

Въ отдѣленіе рукописей было допущено къ занятіямъ 83 лица, и ими вытребовано въ чтеніе 1.279 рукописей (въ 1891 г. 91 лицу было выдано въ чтеніе 777 рукописей). Въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ кирилловской печати занималось 21 лицо вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій, не выдаваемыхъ въ читальную залу; имъ было выдано въ чтеніе 138 томовъ старопечатныхъ книгъ (въ 1891 г. 25 лицамъ было выдано въ чтеніе 128 такихъ же книгъ).

Въ 1892 году 30 принадлежащихъ Библиотекѣ рукописей были посланы, съ Высочайшаго разрѣшенія, для ученыхъ занятій 9 уче-

---

¹⁾ Позволимъ себѣ замѣтить, что въ ряду русскихъ періодическихъ изданій, требованныхъ въ чтеніе, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* занималъ въ 1892 году четырнадцатое мѣсто; за 1892 годъ онъ былъ требованъ 337 разъ, а за прежніе года—635 разъ.

нымъ учрежденіямъ въ Россіи и за границей. Кромѣ того, на устроенную дирекціей Императорскихъ театровъ 27-го ноября 1892 года выставку автографовъ и вещей М. И. Глинки Библіотека отправляла нѣсколько его музыкальныхъ рукописей и портретовъ, а также эскизы декорацій „Руслана и Людмилы“, работы художниковъ Роллера и Горностаева. Печатными книгами, принадлежащими Библіотекѣ, пользовались въ ея 12 учрежденій и 9 лицъ, большею частью живущихъ въ Петербурга.

Обозрѣвали Библіотеку 2.213 человекъ (въ 1891 г. 2.663 человекъ).

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ 1894, УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Въ концѣ прошлаго 1893/4 учебнаго года въ спискахъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института числилось 66 студентовъ. Окончило курсъ 15 человекъ; вышло въ теченіе каникулярнаго времени 6 человекъ.

Передъ началомъ 1894/5 учебнаго года заявили желаніе поступить въ число студентовъ института 35 молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ. Изъ нихъ на основаніи сравнительной оцѣнки аттестатовъ зрѣлости и отзывовъ директоровъ гимназій принято было въ институтъ 27 человекъ. Общее число студентовъ института въ сентябрѣ 1894 года было 72. Въ теченіе года выбылъ 1, умеръ 1. Къ концу мая 1895 года въ институтѣ числилось 70 студентовъ; одинъ изъ нихъ былъ стипендіатомъ Кавказскаго учебнаго округа; остальные занимали штатныя вакансіи.

По курсамъ студенты распредѣлялись такъ: на I курсѣ 28, на II—20, на III—12 (4 на разрядѣ древнихъ языковъ и 8 на разрядѣ исторіи и географіи), на IV—10 (5 на разрядѣ древнихъ языковъ и 5 на разрядѣ исторіи и географіи). Большая часть студентовъ двухъ высшихъ курсовъ, кромѣ предметовъ своей спеціальности, занимались также русскимъ языкомъ и русской словесностью, а именно 7 студентовъ IV курса и 8 студентовъ III курса.

Преподаваніе шло по установленному плану. Были прочитаны курсы слѣдующихъ предметовъ: богословія, исторіи философій, логики, исторіи греческой литературы, греческихъ государственныхъ древностей

и древностей культа, исторіи римской литературы, римскихъ древностей, исторической грамматики латинскаго языка и латинской эпиграфики, древне-церковно-славянскаго языка, русскаго языка, исторіи русской словесности, общіе курсы древней, средней и новой исторіи и спеціальныя курсы объ источникахъ древней исторіи и историографіи новой исторіи, общій курсъ исторіи Россіи и спеціальныя курсы о русской историографіи, общій курсъ географіи и спеціальныя курсы математической, физической и политической географіи. Студенты III и IV курсовъ, продолжавшіе занятія русскимъ языкомъ и словесностью, слушали спеціальныя курсы о русской литературѣ начала XIX вѣка и о языкѣ первоначальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку.

Изученіе древне-греческихъ авторовъ распредѣлено было такъ: въ I курсѣ объясняемы были Илиада (XVII рапсодія), рѣчь Лисія противъ Эратосоена и Анабазисъ Ксенофонта (VII кн.); во II курсѣ—Геродотъ (VI кн.). „Трахинянки“ Софокла, Панегирикъ Исократы и Плутархово жизнеописаніе Оемистокла; въ III курсѣ—студентамъ разряда древнихъ языковъ комедія Аристофана „Птицы“ и Фукидидъ (кн. VI и VII), студентамъ разряда исторіи и географіи Сонъ и Тимонъ Лукіана, студентамъ обоихъ разрядовъ: „Гипполитъ“ Еврипида; въ IV курсѣ студентамъ разряда древнихъ языковъ *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля; студентамъ разряда исторіи и географіи Фукидидъ (кн. VI), студентамъ обоихъ разрядовъ Идилліи Феокрита. Безъ руководства преподавателя студенты читали въ I курсѣ Илиаду (рапс. XVІІІ) и *Ἑλληνικά* Ксенофонта (кн. II), во II курсѣ—Плутарховы біографіи Филопемена и Тита Квинкція Фламиніана и VIII книгу Геродота, въ III курсѣ—трагедіи Софокла („Трахинянки“ и „Электра“) и діалоги Платона („Федонъ“ и „Симпосіонъ“), въ IV курсѣ „Антигону“ Софокла и рѣчь Демосфена противъ Лептинова закона.

Изъ произведеній римской литературы объясняемы были: въ I курсѣ *De bello civili* Цезаря, сатиры Горация (кн. I) и комедія Теренція „*Neauton timorumenos*“; во II курсѣ—Энеида Вергилія (кн. VI), *Tusculanae disputationes* (кн. III) Цицерона и стихотворенія Катутла; въ III курсѣ—оды и эподы Горация, *Annales* Тацита и письма Плинія Младшаго; въ IV курсѣ—сатиры и посланія Горация, стихотворенія Катутла и комедія Плавта „*Menaechmi*“. Безъ руководства преподавателя студенты читали: въ I курсѣ рѣчь Цицерона за Россію Америкскаго и Георгіки Вергилія (кн. II); во II курсѣ—

Tusculanae disputationes (кн. IV) Цицерона и Fasti Овидія; въ III курсѣ—22-ю книгу Тита Ливія и 1-ю книгу посланій Горация; въ IV курсѣ—De Psyche et Cupidine изъ Апулея и комедію Теренція „Andria“. Проверка домашнихъ чтеній произведена была въ декабрѣ и апрѣлѣ.

Практическія занятія студентовъ по древнимъ языкамъ состояли въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій и греческій. На стилистическихъ упражненіяхъ по латинскому языку въ I курсѣ переведена была на латинскій часть „Предисловія къ Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина съ экскурсами по топикѣ и синонимикѣ латинскаго языка; кромѣ того въ теченіе года было предложено студентамъ нѣсколько письменныхъ работъ (extemporalia). Подобныя же занятія продолжались и во II курсѣ. Въ двухъ высшихъ курсахъ упражненія въ переводахъ соединены были съ повтореніемъ синтаксиса и стилистики. Курсъ латинской эпитафики сопровождался упражненіями въ реставраціи фрагментовъ стихотворныхъ надписей и указаніемъ на опытѣ главнѣйшихъ приемовъ эстампированія. По греческому языку студенты I и II курсовъ упражнялись въ устномъ и письменномъ переводѣ связныхъ статей съ русскаго языка на греческій; студенты III и IV курсовъ разряда древнихъ языковъ переводили на греческій языкъ нѣкоторыя главы сочиненія Цицерона De oratore и исторію Тита Ливія.

При занятіяхъ новыми языками студенты дѣлились на два отдѣленія. Студенты перваго отдѣленія слушали курсъ грамматики языковъ французскаго и нѣмецкаго и занимались практическими упражненіями въ этихъ языкахъ; студенты втораго, высшаго отдѣленія продолжали изученіе грамматики и практическія занятія, сверхъ того переводили, подъ руководствомъ преподавателей, слѣдующія произведенія французской и нѣмецкой литературъ: комедію Мольера „Le Misanthrope“. Histoire de Charles XII Вольтера, Egmont Гёте, Исторію тридцатилѣтней войны Шиллера.

Студенты разряда исторіи и географіи въ концѣ полугодій давали отчетъ въ домашнихъ чтеніяхъ по всеобщей и русской исторіи, а въ концѣ учебнаго года они, равно какъ и студенты разряда древнихъ языковъ, представили сочиненія на темы, предложенныя профессорами.

Темы были слѣдующія: „Мемуары Филиппа де Коммина, какъ источникъ для исторіи XV вѣка“; „Пушкинъ, какъ литературный критикъ“, „И. И. Мартыновъ“, „Кн. М. М. Щербатовъ, какъ публи-

цствъ“, „Кн. Б. И. Куракинъ, какъ представитель переходнаго времени конца XVII и начала XVIII вѣковъ“; „Реформы Клісеена въ Аѳинахъ“; „Фирамень“; „Bellum Magjicum“; „Война римлянъ съ Антіохомъ“; „Психологическій акалицъ IV книги Энеиды“.

Студенты II курса представили сочиненія по русской словесности на слѣдующія темы, предложенныя проф. Ждановымъ: „Подблюдныя пѣсни“, „Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клубукѣ“ и „Вліяніе нѣмецкой литературы на творчество Державина“.

Студенты I курса исполнили письменныя работы, предложенныя проф. Некрасовымъ; работы состояли въ разборѣ отрывковъ изъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности.

Студенты IV курса принимали участіе въ преподаваніи исторіи, географіи, языковъ русскаго, греческаго и латинскаго въ гимназій, находящейся при институтѣ. Гимназическіе уроки давали матеріалъ для педагогическихъ бесѣдъ наставниковъ-руководителей и студентовъ.

По постановленію конференціи института, въ засѣданіи 8-го сего іюня удостоены аттестатовъ объ окончаніи курса въ институтѣ десять студентовъ двадцать пятаго выпуска.

Въ теченіе 1894/5 года конференціей института получены свѣдѣнія объ опредѣленіи на учительскія вакансіи четырнадцати студентовъ прошлаго выпуска.

Студентъ выпуска 1892 года Александръ Маленинъ командированъ съ ученою цѣлью за границу съ 1-го октября 1894 года, срокомъ на два года. Въ февралѣ 1895 года г. Маленинъ представилъ отчетъ о своихъ знятїяхъ въ Германіи въ зимній семестръ 1894/5 академическаго года. Проф. Шеборъ, разсматривавшій отчетъ г. Маленина, призналъ этотъ отчетъ вполне удовлетворительнымъ.

Магистръ филологіи Евгений Придикъ, командированный съ ученою цѣлью за границу, представилъ отчетъ о ходѣ занятій во время перваго полугодія пребыванія въ заграничной командировкѣ. Отчетъ г. Придика признанъ проф. Соколовымъ удовлетворительнымъ.

Въ гимназій при институтѣ къ 1-му іюня 1895 года общее число учениковъ было 176 (въ томъ числѣ въ приготовительномъ классѣ 18). Въ нынѣшнемъ году былъ XIX выпускъ воспитанниковъ гимназій; окончило курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 13 человекъ. Этимъ выпускомъ закончился 25 годъ существованія гимназій.

Въ библіотекѣ института къ 1-го января 1895 года значилось по инвентарному каталогу 11.292 номера названій книгъ въ 21.626

томахъ (включая и географическія карты). Въ 1894 году поступило въ бібліотеку всего 128 названій книгъ въ 224 томахъ; изъ нихъ 26 названій въ 37 томахъ пожертвованы разными лицами и учрежденіями, а 102 названія въ 187 томахъ приобрѣтены покупкою.

Ординарный профессоръ института Л. А. Миллеръ командированъ былъ съ ученою цѣлью въ Италію съ 1-го іюня 1894 года по 1-го января 1895 года. Эта командировка не нарушила общаго плана преподаванія: профессора Помяловскій, Шеборъ, Зѣлицскій и наставникъ-руководитель въ гимназій при институтѣ Гинтовтъ изъявили согласіе замѣнить проф. Миллера въ занятіяхъ со студентами въ первую половину истекшаго учебнаго года.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1894 ГОДУ.

Къ 1-му января 1895 г. въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра состояли: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ — 55 (въ томъ числѣ 44 штатныхъ и 11 сверхштатныхъ), экстраординарныхъ 20, привать-доцентовъ 40, прозекторовъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, помощниковъ прозекторовъ—8, лаборантовъ, ординаторовъ клиникъ, консерваторовъ и другихъ лицъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ 50,—всего 182; лицъ, занимающихъ должности по административной части—30; общее число служащихъ при университетѣ—212.

Въ теченіе 1894 г. читали лекціи, на историко-филологическомъ факультетѣ—23 человекъ, въ томъ числѣ 11 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 8 привать-доцентовъ; на юридическомъ — 17 человекъ, въ томъ числѣ 9 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 4 привать-доцента, на физико-математическомъ—23 человекъ, въ томъ числѣ 14 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ и 5 привать-доцентовъ,—изъ числа послѣднихъ одинъ читалъ и на историко-филологическомъ; наконецъ, на медицинскомъ факультетѣ — 45 человекъ, въ томъ числѣ 21 ординарный профессоръ, 11 экстраординарныхъ и 13 привать-доцентовъ; изъ числа ординарныхъ профессоровъ 3, и изъ числа экстраординарныхъ 2 состояли вмѣстѣ съ тѣмъ и на физико-математическомъ факультетѣ.

Вступили въ число преподавателей въ университетѣ св. Владиміра въ теченіе 1894 г.: А. М. Гуляевъ, изъ числа экстраординарныхъ профессоровъ Юрьевского университета, назначенный экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскаго права; С. Г.

Навашицъ, изъ числа привать-доцентовъ Петербургскаго университета, назначенный исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ ботаники, В. А. Удинцевъ, изъ числа привать-доцентовъ Демидовскаго юридическаго музея, перемѣщенный въ университетъ св. Владиміра на вакантную кафедру торговаго права; доктора медицины В. Г. Киселевъ, К. Леплинскій, М. А. Воскресенскій, И. И. Кіяницынъ, М. Г. Черняховскій и В. К. Боровскій приняты въ число привать-доцентовъ по медицинскому факультету. Изъ числа преподавателей университета св. Владиміра ординарный профессоръ П. П. Цитовичъ по Высочайшему соизволенію назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Скончались изъ числа преподавателей университета: ординарный профессоръ по кафедрѣ анатоміи В. А. Бецъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ ботаники И. О. Шмальгаузенъ и ординарный профессоръ по кафедрѣ химіи А. П. Эльтековъ. Изъ числа почетныхъ членовъ университета въ 1894 г. скончались: профессоръ Берлинскаго университета Германъ фонъ-Гельмгольцъ, директоръ физическаго института при томъ же университетѣ Августъ Кундтъ, профессоръ Вѣнскаго университета Теодоръ Билльротъ, профессоръ Юрьевскаго университета Карлъ Шмидтъ и члены Императорской Академіи Наукъ Александръ Фодоровичъ Миддендорфъ и Пафнутій Львовичъ Чебышевъ. Въ почетные члены университета избранъ въ 1894 г. профессоръ университета въ Галле-Виттенбергѣ, Эдгаръ Ленингъ.

Въ 1894 г. Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія ординарный профессоръ О. Я. Фортинскій вновь назначенъ ректоромъ университета св. Владиміра на слѣдующее четырехлѣтіе; деканами на слѣдующее четырехлѣтіе вновь утверждены ординарные профессора Т. Д. Флоринскій, Н. В. Бобрецкій и Э. Г. Гейбель, первый по историко-филологическому факультету, второй— по физико-математическому и третій— по медицинскому.

Въ теченіе 1894 г. совѣтъ университета св. Владиміра возвелъ въ степень доктора русской исторіи — одного, въ степень магистра русской исторіи — одного, въ степень доктора римскаго права — одного, въ степень магистра ботаники — одного и въ степень доктора медицины — трехъ человекъ. Для приготовленія къ профессорскому званію при университетѣ состояли въ 1894 г. 16 человекъ, изъ нихъ 4 получали стипендіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 4 изъ спеціальныхъ средствъ университета и 8 состояли безъ стипендій; при историко-филологическомъ факультетѣ состояли изъ

этого числа двое, при юридическомъ—восемь человекъ, при физико-математическомъ—трое и при медицинскомъ—трое.

Списокъ учебныхъ трудовъ профессоровъ и преподавателей университета св. Владимира, заключаетъ въ себѣ до 170 названій отдѣльныхъ книгъ, статей и рефератовъ, принадлежащихъ 61 человеку.

Еженедѣльно въ университетѣ св. Владимира читалось въ первое, весеннее полугодіе 570 лекцій, во второе, осеннее 671 лекція; не считая 3 лекцій богословія и 8 лекцій по двумъ новымъ языкамъ, на историко-филологическомъ факультетѣ читалось еженедѣльно 122 лекціи, на юридическомъ — въ весеннее полугодіе 72 и въ осеннее 78, на физико-математическомъ — 174 и 178, и на медицинскомъ въ весеннее 191 лекція и въ осеннее—282 лекціи. На каждый день недѣли приходилось въ весеннее полугодіе 95 лекцій, а въ осеннее — 112; если считать учебный день 7 часовъ, то выйдетъ, что въ теченіе каждаго часа въ весеннее полугодіе читалось лекцій или совершалось практическихъ занятій 13, а въ осеннее 16.

На историко-филологическомъ факультетѣ были изучаемы, частью въ теченіе одного полугодія, частью въ теченіе обоихъ, слѣдующія произведенія классической литературы: избранныя мѣста изъ „Исторіи“ Геродота, первая книга Фукидида, діалоги Платона „Горгій“ и „Государство“, Аристотеля „Метафизика“ и „De republica Atheniensium“, Плутарха—біографіи братьевъ Гракховъ, Гезіода „Θεογονία“, Эврипида „Ифигенія въ Тавридѣ“ и „Ипполитъ“, Аристофана „Ахарнине“. Оеокрита „Идилліи“ и фрагменты древнѣйшихъ греческихъ философовъ; Цицерона „Избранныя письма“, „Рѣчь за Милона“ и „Brutus“, Тацита „Агрикола“ и „Исторія“, Квинтилиана „О риторикѣ“, Плавта „Miles gloriosus“, Вергилія VI книга „Энеиды“ и „Буколики“, Горация „De arte poetica“, Ювенала „Сатиры“ и Петровія „Пиръ Тримальхиона“; кромѣ того, избранныя біографіи Корнелія Непота были переводимы студентами съ латинскаго языка на греческій, а рѣчь Антифонта объ убійствѣ Герода — съ греческаго на латинскій. Сверхъ общихъ, положенныхъ по программѣ, читаемы были еще слѣдующіе курсы, относящіеся къ изученію классической древности: „Греческія государственныя древности“, „Римскія государственныя древности“; „Греческая и латинская метрика“, „Латинская эпиграфика“; „Греческая палеографія“; „Бытовые сценки Герода съ введеніемъ объ Александрійской поэзіи“; „Аристоксенъ и его взглядъ на метрику и ритмику“. На историко-филологическомъ факультетѣ, кромѣ общихъ курсовъ, читаны были еще слѣдующіе курсы, при

чемъ одинъ изъ нихъ были разсчитаны на одно полугодіе, а другіе на оба полугодія: проф. Гирировъ читалъ: „Философія Канта“ и „Философія Шопенгауера и Гартмана“; приватъ-доцентъ Челпановъ—„Исторіи и критика-матеріализма“. Проф. Иконниковъ читалъ: „Очеркъ разработки русской исторіи“ и „Лѣтописи и историческія сказанія“; проф. Антоновичъ—„Исторію Западной Руси“ и „Русскія древности“; приватъ-доцентъ Голубовскій—„Источники русской исторіи“. Проф. Бубновъ читалъ спеціальныи курсъ о сочиненіи Аристотеля „De rebus Atheniensium“; проф. Лучицкій—„Исторію Скандинавскаго сѣвера“, „Исторію Арагона и Каталоніи“ и „Исторію экономическихъ отношеній во Франціи XVIII вѣка“; приватъ-доцентъ Ключинъ читалъ: „Исторію Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка“ и „Исторію реформаціи въ Германіи“; приватъ-доцентъ Пискорскій—„Эпоху возрожденія“; проф. Флоринскій—„Исторію чешскаго и польскаго народа“, „Исторію чешской и польской литературы“ и „Исторію южно-славянскихъ литературъ“. Приватъ-доцентъ Гренъ читалъ слѣдующіе курсы: „Исторія Востока“ и „Исторія Кавказа“—въ оба полугодія, и въ одно изъ двухъ: „Ассириологія“, „Исторія монголовъ и Золотой Орды“, „Доисторическая археологія“, „Исторія цивилизаціи Финикіи и Карфагена“, „Сравнительная грамматика картвельскихъ нарѣчій“, „Армянскій языкъ“ и на физико-математическомъ факультетѣ—„Общая этнографія“. Проф. Владиміровъ читалъ: „Исторію русскаго языка“, „Русскую діалектологию“, „Главнѣйшія явленія русской литературы отъ Пушкина до 50-хъ годовъ“; проф. Дашкевичъ—„Исторію литературной дѣятельности Шиллера“ и „Исторію эстетики и поэтики“. Проф. Голубевъ читалъ: „Исторію западной русской церкви“, „О рационалистическихъ сектахъ въ Россіи“, „Очеркъ полемики православныхъ южно-руссовъ съ протестантами“. Проф. Праховъ читалъ: „Обзоръ датированныхъ памятниковъ искусства въ Россіи въ христіанскую эпоху“ и приватъ-доцентъ Павлуцкій—„Искусство Европы XIX вѣка“, „Искусство Италіи въ эпоху возрожденія“ и „Исторію живописи фламандской и голландской школъ въ XVII вѣкѣ“. Практическія занятія студентовъ историко-филологическаго факультета происходили подъ руководствомъ и наблюденіемъ 12-ти профессоровъ и преподавателей и состояли: въ интерпретаціи классическихъ авторовъ, въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій, съ латинскаго на греческій и съ греческаго на латинскій, въ изученіи историческихъ источниковъ, въ разборѣ памятниковъ словесности и въ чтеніи рефератовъ по указаннымъ пре-

подавателямъ вопросамъ. На юридическомъ факультетѣ практическія занятія происходили подъ руководствомъ десяти профессоровъ и преподавателей, по римскому праву, русскому праву, уголовному, торговому, международному и финансовому праву, по политической экономіи и статистикѣ, по изученію судопроизводства и по исторіи философіи права въ XIX вѣкѣ. На математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, кромѣ практическихъ занятій по физикѣ и химіи, производились еще практическія упражненія по алгебранческому анализу—у проф. Ващенко-Захарченко, по аналитической геометріи—у него же и у проф. Ермакова, по дифференціальному исчисленію—у проф. Букрѣва, по интегрированію дифференціальныхъ уравненій—у проф. Покровскаго, по механикѣ точки—у проф. Сулова и по астрономіи—у проф. Хаандрикова и приватъ-доцента Фогеля. На естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета и на факультетѣ медицинскомъ преподаваніе всѣхъ предметовъ было соединено съ практическими занятіями, которыя и производились подъ наблюденіемъ профессоровъ и преподавателей, или ординаторовъ, ассистентовъ, хранителей музеевъ и кабинетовъ, лаборантовъ и т. д.

Къ 1-му января 1894 г. въ университетѣ св. Владиміра состояло 2.358 чел.; въ теченіе года окончили курсъ наукъ 326 чел., и были не окончивъ курса или не сдали еще испытаній въ испытательныхъ комиссіяхъ—414 чело.; въ началѣ 1894—1895 академическаго года въ студенты университета св. Владиміра поступило 695 человекъ; къ 1-му января 1895 г. состояло 2.313 человекъ. По факультетамъ учащіяся распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 53 студента, на юридическомъ—942, на физико-математическомъ—332 (212 на естественномъ разрядѣ и 120 на разрядѣ математическомъ), и на медицинскомъ 986; кромѣ того состояло постороннихъ слушателей 41 человекъ и фармацевтовъ 63; всего, слѣдовательно, получали образованіе въ университетѣ св. Владиміра 2.417 молодыхъ людей. Въ 1894 г. въ испытательныхъ комиссіяхъ выдержали испытанія: въ комиссіи историко-филологической—9 чел. (изъ нихъ 3 съ дипломомъ второй степени), въ комиссіи юридической—168 (51 чел. съ дипломомъ второй степени), въ комиссіи физико-математической—21 чел. (по разряду естественныхъ наукъ 6 съ дипломомъ первой степени и 4—съ дипломомъ второй и по разряду математическихъ наукъ 7 съ дипломомъ первой степени и 4 съ дипломомъ второй), наконецъ, въ комиссіи медицинской удостоены званія лѣкари

съ отличіемъ 17 чел., и лѣкаря—121; не получили дипломовъ, изъ числа подвергавшихся испытаніямъ: въ комиссіи физико-математической по разряду математическому 4 чел., въ комиссіи юридической—22 человекъ, и въ комиссіи медицинской—14 чел. Кромѣ того, университетъ выдалъ свидѣтельства на званіе: акушера—одному члену врачебной управы, на званіе уѣзднаго врача 4 человекамъ, на званіе лѣкаря—1, на званіе провизора—16-ти, на званіе аптекарскаго помощника—46-ти, зубнаго врача—16-ти, дантиста—26-ти лицамъ и 10 женщинамъ—на званіе повивальной бабки.

Въ 1894 г. были награждены медалями за сочиненія на предложенныя профессорами темы: золотыми—выдержавшіе въ 1893 г. испытаніе въ комиссіи историко-филологической и оставленные при университетѣ стипендіатами для прготовленія къ профессорскому званію Андрей Лобода и Константинъ Радченко, студенты VII семестра Василій Данилевичъ (историко-филологическаго факультета), Овсей Гесель Ашкинази (физико-математическаго факультета), Александръ Николаевъ и Левъ Рудневъ (юридическаго факультета); серебряными: студенты VII семестра Григорій Александровскій (историко-филологическаго факультета) и Николай Товстолѣсъ (юридическаго факультета); почетнаго отзыва удостоены студентъ VII семестра (юридическаго факультета) Александръ Янченко. Темами для награжденныхъ сочиненій послужили: „Критико-библиографическій обзоръ трудовъ по изученію русскаго богатырскаго эпоса“, „Сербскій писатель Доснѣей Обрадовичъ“, „Очеркъ исторіи Полоцкаго княжества“, „Приспособленіе степныхъ растений къ условіямъ климата и почвы“, „Исторія развитія горной обрабатывающей промышленности въ Россіи съ 1861 г.“ и „О залогѣ“. Сочиненіе А. Лободы на первую названную тему удостоено кромѣ того преміи имени П. И. Пирогова. На соисканіе медалей въ 1894—1895 академическомъ году предложены были слѣдующія темы: „Элементы философіи Канта въ эстетикѣ Шиллера“; „Станко Вразъ, его поэзія и значеніе въ исторіи національнаго и литературнаго возрожденія юго-западныхъ славянъ“; „Жизнь Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVІ вѣка“; „Новыя начала, внесенныя въ литературу Жанъ-Жакомъ Руссо“; „Романъ Гете Страданія молодого Вертера“; „Общая ответственность по русскому праву“; „Защита на предварительномъ слѣдствіи“; „Можно ли признать наличность совѣстнаго солидарнаго владѣнія (*compossessio plurium in solidum*) при произвольномъ владѣніи“; „Договоръ колоновъ“; „О формахъ и предѣлахъ государ-

ственного вмѣшательства въ экономическую жизнь народа“; „Элементы геометріи на поверхности постоянной кривизны“; „О способѣ и результатахъ опредѣленія элементовъ земнаго магнетизма“; „Историческое развитіе ученія о внутреннемъ строеніи кристалловъ“; „Этил-диметил-этиленмолочная кислота“; „Участіе лейкоцитовъ въ заживленіи раны и образованіи рубца“; „Вліяніе газовъ и лѣкарственныхъ средствъ съ положительнымъ и отрицательнымъ геміотаксисомъ на теченіе экспериментальной бугорчатки животныхъ“; „Исслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи продажнаго молока на кievскомъ рынкѣ“ и „Исслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи хлѣба, продаваемого на рынкахъ г. Кіева“.

Въ теченіе 1894 г. пользовались стипендіями 100 слушателей университета; наибольшій размѣръ стипендіи былъ 300 руб., наименьшій—45 р.; изъ числа 100 стипендій 39 были изъ суммъ государственнаго казначейства, 46—съ % на капиталы, пожертвованные съ этою цѣлью университету разными лицами и учрежденіями, и 15 на суммы попечительства о недостаточныхъ студентахъ; на первыя стипендіи было употреблено 21.220 р., на вторыя — 12.344 р. и на третьи — 3.753 р.—всего 37.317 руб.; выдано обществомъ вспомошествованія студентамъ пособій на сумму 10.291 руб. Въ теченіе 1894 г. поступили въ университетъ слѣдующія пожертвованія: отъ дворянъ Кіевской губерніи О. В. Флорковскаго, С. С. Сырочинскаго, С. О. Залѣскаго, П. С. Подгорскаго и М. И. Хелминскаго — 6.000 руб. на учрежденіе стипендіи имени Фаддея Осиповича Бобровскаго, для студентовъ польскаго происхожденія, римско-католическаго исповѣданія; отъ Елены Оскерко, по завѣщанію отца ея, глусскаго мѣщанина Н. Д. Бобака—2.450 руб., на учрежденіе стипендіи имени его, и отъ Л. И. Бродскаго—5.000 руб. на учрежденіе стипендіи имени Михаила Бродскаго, для студентовъ іудейскаго происхожденія.

Подъ редакціей проф. В. С. Иконникова выходилъ по прежнему ежемѣсячно органъ университета св. Владимира „Университетскія Извѣстія“; въ немъ помѣщаются ученныя работы профессоровъ, преподавателей и студентовъ и нѣкоторыя официальные свѣдѣнія, для ознакомленія публики съ состояніемъ и дѣятельностью университета; на изданіе „Извѣстій“ университетъ израсходовалъ въ 1894 г. изъ своихъ спеціальныхъ суммъ свыше 7.000 руб.

При университетѣ состоятъ 48 учебно-вспомогательныхъ учреждений: бібліотека основная и студонческій ея отдѣлъ, обсерваторіи астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскихъ клиники, 3

госпитальныхъ, 3 клиническія отдѣленія при Кіевской городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, патолого-анатомическій институтъ, ботаническій садъ, 9 лабораторій и 22 кабинета. На ихъ содержаніе, пополненіе приборами, коллекціями, книгами и т. д. въ 1894 г. израсходовано было 92.562 руб., въ томъ числѣ 51.436 р. отпущено было отъ казны и 41.126 р.—изъ специальныхъ средствъ университета. Библіотека университета получила два особенно цѣпныя пожертвованія: вдова Н. И. Костомарова пожертвовала всю библіотеку покойнаго своего мужа, — она составитъ особый отдѣлъ въ основной библіотекѣ, — и вдова бывшаго черниговскаго губернатора, г-жа Судіенко, согласно волѣ своего покойнаго мужа, передала университету его библіотеку.

При университетѣ св. Владимира состоятъ по прежнему слѣдующія ученыя общества: Историческое общество Нестора лѣтописца, Кіевское юридическое общество, Кіевское общество естествоиспытателей, Кіевское физико-математическое общество и Акушерское гинекологическое общество. Первое имѣло 24 почетныхъ членовъ и 111 дѣйствительныхъ, второе—3 почетныхъ и 204 дѣйствительныхъ, третье—33 почетныхъ, 136 дѣйствительныхъ и 7 членовъ сотрудниковъ, четвертое—79 членовъ и наконецъ, пятое—7 почетныхъ, 76 дѣйствительныхъ и 7 членовъ корреспондентовъ. Всѣ эти общества имѣли въ теченіе года свыше 50 засѣданій, въ которыхъ было сдѣлано свыше 120 научныхъ докладовъ и сообщеній; общество Нестора лѣтописца получало пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія 800 руб. въ годъ; остальные общества существовали на свои средства; общество Нестора лѣтописца выпустило въ 1894 г. VIII книгу своихъ „Чтеній“, общество естествоиспытателей — XX томъ „Указателя русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ“ и 1 выпускъ XIV тома своихъ „Записокъ“: общество физико-математическое организовало рядъ публичныхъ лекцій съ цѣлью пополненія фонда имени Н. И. Лобачевскаго, учрежденнаго при Казанскомъ университетѣ. Всѣ эти общества состояли подъ предсѣдательствомъ профессоровъ университета, но въ дѣятельности ихъ принимали самое живое участіе и многіе представители мѣстной интеллигенціи.

П. И. САВВАНТОВЪ.

(некрологъ).

12-го іюля скончался членъ археографической комиссіи Павелъ Ивановичъ Саввантовъ, извѣстный нѣсколькими капитальными трудами по русской археологіи, народной словесности и бытовой этнографіи, и въ его лицѣ сошелъ въ могилу замѣчательный въ свое время работникъ на поприщѣ русской исторической науки въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это не былъ, собственно, дѣятель, открывавшій новые горизонты или устанавливавшій новые взгляды; онъ даже слишкомъ осторожно двигался, въ теченіе своей жизни, вслѣдъ за новою разработкою близкихъ ему матеріаловъ; но тѣмъ характернѣе, тѣмъ устойчивѣе былъ однажды принятый имъ взглядъ и тѣмъ почтеннѣе, тѣмъ авторитетнѣе представлялось его полное преданности отношеніе къ избранной имъ научной области. По роду своихъ ученыхъ занятій, по своимъ научнымъ приемамъ и взглядамъ, П. И. Саввантовъ принадлежалъ сначала къ кругу, если можно такъ выразиться, Погодина, а выходящій въ настоящее время капитальный трудъ Н. П. Барсукова по біографіи этого знаменитаго дѣятеля такъ широко, разнообразно и живо изображаетъ этотъ циклъ главныхъ дѣятелей, славныхъ преемниковъ и второстепенныхъ работниковъ, что мы получаемъ въ восьми томахъ этой замѣчательной біографіи одну изъ наиболѣе ясныхъ и картинныхъ лѣтописей русскаго просвѣщенія. Въ книгахъ Н. П. Барсукова содержится разнообразное богатство всякаго рода свѣдѣній, указаній и даже объясненій устами самихъ современниковъ всего того знаменательнаго движенія русскаго самосознанія, которое заявило себя съ такою яркостью въ дѣятельности По-

година, равно какъ въ этихъ книгахъ достаточно прославлены блестящія стороны этого періода и живо описаны его тѣневныя стороны, а потому намъ нѣтъ нужды ослаблять повтореніемъ характерное содержаніе повѣствованія этой біографіи. Въ ней съ достаточною полнотою указано, какъ и когда покойный Саввантовъ примкнулъ къ кругу Погодина, и въ данномъ случаѣ память о недавно умершемъ труженикѣ должна ограничиться воспоминаніемъ объ его собственной самостоятельной роли въ дальнѣйшемъ развитіи того же направленія и самой дѣятельности.

П. И. Саввантовъ былъ сынъ священника, родился 15-го февраля 1815 года въ Вологдѣ и, по окончаніи курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1837 году, со степенью магистра богословія, былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Вологодскую семинарію. Уже тогда покойный Саввантовъ началъ изучать народную словесность и древнерусскую письменность и когда Погодинъ, во время своего путешествія по сѣверной Россіи въ 1841 году, познакомился въ Вологдѣ лично съ покойнымъ, этотъ послѣдній уже былъ тѣмъ страстнымъ собирателемъ и былинъ старыхъ временъ, пѣсень, сказокъ, притчей и поговорокъ, которымъ ошъ остался до конца своей жизни. Саввантовъ выступилъ на арену литературной дѣятельности въ журналѣ Погодина *Москвитининъ* при самомъ его появленіи: то были, изданныя вологодскимъ корреспондентомъ, собранныя имъ *пѣсни, дорожныя замѣтки изъ Вологды до Устюга, свидѣнія объ Усть-Сысольскомъ уездѣ, о вологодскихъ церковныхъ древностяхъ* и др. Погодинъ „взялъ съ него слово приготовить Вологодскій сборникъ“, съ тѣмъ чтобы помѣстить въ немъ грамоты, историческія извѣстія, народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Сборника этого не состоялось, но въ разное время П. И. Саввантовъ издалъ рядъ тщательно составленныхъ работъ по мѣстной древности и старинѣ, таковы: „Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря“ (С.-Пб. 1844), „Описаніе Великоустюжскаго Архангельскаго и Троицкаго Введенскаго монастырей“ (С.-Пб. 1848), „Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря“ (С.-Пб. 1850), „Грамматика зырянскаго языка и зыряно-русскій словарь“ (С.-Пб. 1850), „Описаніе Семигородской Успенской пустыни“ (С.-Пб. 1856), „Описаніе Вологодскаго Спасо-Каменнаго Духова монастыря“ (С.-Пб. 1860) и др.

Въ 1842 году П. И. Саввантовъ былъ переведенъ въ Петербургскую духовную семинарію и въ теченіи двадцати шести лѣтъ занимался преподаваніемъ, продолжая, лишь въ свободное время, рабо-

тать въ бібліотекахъ, и совершая поѣздки съ этою же цѣлью по губерніямъ: Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимірской. Въ 1868 году научныя занятія Саввантова установились болѣе систематично, со времени его избранія въ члены археографической комиссіи, для которой онъ выполнилъ цѣлый рядъ изданій, начиная съ наиболѣе капитальнаго изданія „Великихъ Миней Четивхъ“, которому положено образцовое начало, и кончая наблюденіемъ покойнаго археографа надъ изданіемъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ и воспроизведеніемъ свѣтонечатію лѣтописи новгородской и пр. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ занятіяхъ и работахъ Саввантова, въ виду ихъ второстепеннаго значенія въ дѣятельности его, а равно и на прохожденіи имъ служебнаго поприща со времени перехода покойнаго на службу въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ состоялъ, болѣе четверти столѣтія, правителемъ дѣлъ. Ими Саввантова связано по существу съ двумя учеными его трудами и, благодаря имъ, останется надолго, если не навсегда, въ нашей ученой литературѣ. То не были его прежнія, наскоро и въ извѣстномъ патетическомъ тонѣ составленныя описанія старинныхъ монастырей, историческихъ мѣстъ и святынь, или изложеніе всякаго рода преданій и мѣстныхъ легендъ, подъ общимъ наименованіемъ народной старины, или опубликованіе нѣсколькихъ образчиковъ устной словесности, въ сопровожденіи ряда подобранныхъ условныхъ возгласовъ и общихъ мѣстъ, направленныхъ къ прославленію всяческой старины. Подобными посильными трудами на пользу русскаго историческаго самопознанія наша книжная литература по завѣту сороковыхъ годовъ наполнялась еще въ теченіи пятидесятихъ и даже шестидесятихъ годовъ; но Саввантовъ съумѣлъ перейти отъ этой стадіи къ изученію матеріаловъ русскаго стариннаго и древности и хотя не былъ въ силахъ воспринять вполне научныя приемы, въ то время съ такимъ блескомъ примѣняемые къ исторіи политической, литературной и художественно-бытовой русскаго народа, однако шелъ, такъ сказать, въ уровень съ современными требованіями. Ранѣе накопленныя обширныя знанія помогли ему замѣтить недостатокъ спеціальнаго изученія и приемовъ детальностию его свѣдѣній историко-археологическаго содержанія и дать русскаго наукѣ трудъ замѣчательный.

Этимъ замѣчательнымъ трудомъ было изданное П. И. Саввантовымъ въ „Запискахъ Императорскаго археологическаго общества“ за 1865 г. (томъ XI), которыхъ онъ былъ въ то время редакторомъ,

извѣстное „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ досиѣховъ и конскаго прибора“, извлеченное изъ рукописей архива Московской оружейной палаты, съ *объяснительнымъ указателемъ*, иллюстрированное 12-ю таблицами рисунковъ, съ тремя приложеніями: отрывка описи и двухъ рядныхъ записей XVIII вѣка. Уже само заглавіе показываетъ, что и здѣсь дѣло шло объ изданіи матеріаловъ для русской археологіи, а не объ изслѣдованіи въ этой области; и самые изданные источники слѣдовало бы назвать точнѣе „описями“ въ значеніи краткихъ, формальныхъ списковъ, составленныхъ для служебной цѣли, а не *описаніемъ*, такъ какъ это выраженіе предполагаетъ опредѣленный смыслъ возможно полной, близкой къ научному археологическому изслѣдованію, характеристики избранныхъ бытовыхъ древностей. Ничего подобнаго не предполагалось, и противъ перваго опыта изданія подобныхъ матеріаловъ архива оружейной палаты, въ извѣстныхъ „Выходахъ государей“ 1844 г., здѣсь видимый шагъ впередъ заключался только въ приложеніи важнаго указателя, съ объясненіями древнихъ названій. Дѣйствительно, объясненія этого указателя и составили, собственно говоря, славу этого труда: подъ именемъ объясненій издатель выложилъ, такъ сказать, всѣ собранные имъ матеріалы по происхожденію того или другаго названія и термина изъ арабскаго, персидскаго, греческаго и пр. языковъ, по употребленію термина въ древней Руси, съ выписями древнихъ текстовъ, по вопросу о формѣ, роли и значеніи даннаго предмета въ русской древности и русской старинѣ, объ орнаментаціи и ея различныхъ способахъ, мастерствахъ и производствахъ и т. д. Все это разсматривается исключительно въ древнихъ текстахъ, но они расположены съ большимъ искусствомъ, сперва наиболѣе краткіе, единственно съ эпитетами, далѣе болѣе сложные, съ описаніями предмета и наконецъ, съ его детальнымъ описаніемъ въ связи съ орнаментаціею его. Особенно внимательно, подробно и точно представлены платья и разные матеріи, а также украшенія царскихъ, княжескихъ облаченій, Было бы излишне перечислять всѣ даже крупныя статьи о жемчугѣ, камняхъ драгоцѣнныхъ, камкѣ, ожерельяхъ, сукнахъ, шапкахъ и пр. и пр., излишне тѣмъ болѣе, что покойный авторъ въ теченіи тридцати лѣтъ, истекшихъ со времени появленія его драгоцѣнной книги въ свѣтъ, постоянно трудился надъ ея пополненіемъ и оставилъ почти готовую переработку этого труда. Мы не знаемъ, въ чемъ именно состоятъ эти дополненія, но врядъ ли ошибемся въ общемъ заключеніи, что они должны были идти въ прежнемъ направленіи, которое

мы назовемъ историко-филологическимъ, въ отличіе отъ собственно археологическаго. П. И. Савваитовъ настолько овладѣлъ интереснымъ дѣломъ подбора древнихъ текстовъ по обширной терминологіи русскихъ древностей, что любилъ и могъ даже приводить ихъ наизусть, перебирать одинъ текстъ за другимъ. ради самой характерности, звучности и яркой простоты выраженій. Это было, дѣйствительно, столь увлекательное занятіе, что остановившись на немъ, не хотѣлось покидать его и отъ поэзіи языка, дивнаго своею картинностью, переходить къ сухому археологическому анализу реального предмета. Правда, и здѣсь П. И. Савваитову можно было бы сдѣлать гораздо больше, если бы не затягивать въ долгій ящикъ изданія готового матеріала и не медлить работою, но будемъ благодарны и за то, что имѣемъ, и то, что можемъ получить съ посмертнымъ изданіемъ. Мы знаемъ, что покойный трудился долго надъ подысканіемъ ясныхъ текстовъ къ такимъ малозвѣстнымъ и вовсе неизвѣстнымъ терминамъ русской древности, которые составляютъ доселѣ пункты преткновенія для археолога. Если онъ будетъ имѣть въ этихъ текстахъ опору, его изслѣдованія откроютъ, наконецъ, источники того необозримо широкаго, могучаго, какъ сама страна, потока, котораго начало восходитъ въ глубину вѣковъ.

Второй замѣчательный трудъ П. И. Савваитова составляетъ изданіе въ свѣтъ „Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями“ (С.-Пб. 1872 г.)—путешествія, хотя извѣстнаго ранѣе въ спискѣ XV вѣка, но остававшася неизданнымъ. И. П. Сахаровъ подарилъ Савваитову эту рукопись, и тотъ имѣлъ счастье издать въ свѣтъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ русскаго паломничества. П. И. Савваитовъ снабдилъ текстъ этого паломничества обширными комментаріями историко-археологическаго содержанія, которые, для своего времени, представляютъ замѣчательную полноту и сообщаютъ издаваемому тексту характеръ „классическаго“ произведенія. Истолкователь черпалъ свои примѣчанія отовсюду: изъ монументальныхъ трудовъ Дюкашжа, изданій Бандури и византійскихъ историковъ, Четыхъ Миней и Твореній отеческихъ, путеводителей и паломниковъ. Правда, комментаторъ не былъ самъ въ Константинополѣ, равнодушно относился къ сохранившимся памятникамъ, и, очевидно, былъ далекъ, почти намѣренно, отъ требованій современной критики, какъ и древній паломникъ, чуждый сомнѣній, когда ему разные „вожи“ повѣтствовали о церквахъ, сооруженныхъ Константиномъ, такъ какъ

для благочестиваго паломника и его истолкователя, святыня и древности Цареграда были безразлично достойны высокаго почтенія и удивленія.

Итакъ, искренняя преданность избранной области, преклоненіе предъ мудростью вѣковъ и святынею народнаго чувства составляютъ въ этихъ трудахъ источникъ живаго и яснаго пониманія и показываютъ намъ, какую силу имѣеть духовно-нравственное отношеніе историка къ избираемой имъ области.

Н. Кендашевъ.

- Тутъ мнѣ причалить велѣлъ злой сѣверо-западный вѣтеръ,
 Дувшій такъ сильно, что онъ могъ бы сломать старый лѣсъ.
465. Только съ трудомъ мы спаслись отъ дождя въ близлежащую виллу,
 Гдѣ мой пріятель Альбинъ ¹⁾ въ лѣтнее время живетъ.
 Мой—онъ, котораго Римъ мнѣ преемникомъ въ санѣ назначилъ,
 Съ тѣмъ чтобы онъ послѣ меня судъ и расправу чинилъ.
 Юный еще по лѣтамъ, заслужилъ онъ великую славу
470. Тѣмъ, что въ серьезности онъ не уступалъ старикамъ.
 Дружбой взаимною насъ съединило характеровъ сходство,
 Въ устахъ же дружбы росла болѣ и болѣ любовь.
 Онъ побѣдить меня могъ, но онъ первепство мнѣ предоставилъ,
 Этой любовью ко мнѣ самъ лишь возвысивъ себя.
475. Тутъ на досугѣ я могъ осмотрѣть солончакъ возлѣ виллы;
 Славны подъ именемъ тѣмъ здѣсь соляные пруды.
 Море вливается въ нихъ по покатымъ и узкимъ каналамъ
 И орошаетъ кругомъ массу отдѣльныхъ болотъ.
 Но когда Сирій ²⁾ восходить и зной свой палящій приносить,
480. Такъ что вездѣ на поляхъ сохнетъ и вянетъ трава,
 Шлюзные створы тогда преграждаютъ приливу дорогу,
 Чтобы на почвѣ сухой соль осаждалась изъ водъ.
 Быстро подъ дѣйствіемъ солнца сгущается влага морская
 И образуетъ кору вслѣдствіе лѣтней жары,
485. Тѣмъ же путемъ, какъ въ Дунаѣ вода замерзаетъ зимою,
 Такъ что на ставшей рѣкѣ могутъ повозки стоять.
 Пусть испытатель естество разубнаетъ: какъ можетъ природа
 Мигомъ изъ сходныхъ началъ разныя вещи создать?
 Рѣки, замерзнувъ отъ стужи, то таютъ подъ дѣйствіемъ солища,
490. То цѣпецѣютъ опять вслѣдствіе зноя его.

Худа намъ нѣтъ безъ добра, и бѣдою рождается счастье;
 Бура, меня задержавъ, сладкій досугъ принесла:

¹⁾ Это былъ *Saecina Decius Acinatius Albinus*, который въ 414 году, какъ преемникъ Рутилія, былъ префектомъ города Рима.

²⁾ *Sirius*, или *Canicula maior* (Большой Песъ), самая яркая изъ неподвижныхъ звѣздъ, съ восходомъ которой (по однимъ, 18-го, а по другимъ, 25—26-го іюля) наступаетъ самое жаркое время года, каникулы.

Съ другомъ моимъ задушевнымъ я встрѣтился здѣсь, съ Викториномъ ¹⁾);

Все, что желали сердца, дало свиданіе намъ.

495. Онъ поселился въ Этрусской землѣ, послѣ взятія Толозы ²⁾).

Здѣсь на чужбинѣ нашелъ новую родину онъ.

Но не въ несчастіи только онъ мудрость свою обнаружилъ;

Также и въ счастья себя онъ одинаково велъ.

Доблесть его испыталъ океанъ, испытала и Оула,

500. Виѣсть съ страной, гдѣ живетъ дикій Британскій народъ-

Какъ замѣститель префекта ³⁾, онъ правилъ съ умѣренной властью;

Такъ приобрѣлъ онъ залогъ общей любви навсегда.

Правда, страна та лежитъ далеко, на краю всего свѣта;

Но, какъ бы въ Римѣ живя, правилъ онъ ею тогда.

505. Достопочтеннѣе тотъ, кто желаетъ стяжать популярность

Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ не такъ стыдно тираномъ прослыть.

Только недавно причисленъ онъ былъ къ государевой свитѣ ⁴⁾,

Но деревенскую жизнь почестямъ онъ предпочелъ.

Этого друга въ объятыхъ держа, я забылъ ненапугу,

510. И мнѣ казалось почти, что я въ отчизнѣ своей.

Ужъ появилась на небѣ Аврора въ пурпуровомъ цвѣтѣ;

Реи поднять намъ велѣлъ вѣтеръ, что съ берега дулъ.

Флагъ кормовой шевелится едва отъ его дуновенья,

И на канатахъ своихъ слабо дрожать паруса.

515. Тутъ средь открытаго моря, межъ берегомъ Пизы и Цирна ⁵⁾,

Горгона ⁶⁾ скалы торчатъ, мѣсто недавней бѣды.

¹⁾ Объ этомъ Victorinus, уроженецъ галльскаго города Tolosa (нынѣ Toulouse), упоминаетъ только Рутилій.

²⁾ Толоза была взята вестготскимъ царемъ Атаульфомъ къ концу 413 года.

³⁾ Викторинъ въ качествѣ намѣстника (vicarius) одной изъ діецезъ, составлявшихъ намѣстничество префекта (praefectus praetoric) Галліи, управлялъ провинцію Британнію. Къ послѣдней Рутилій съ политическою вольностью присоединялъ океанъ и полуостровный островъ Оулу.

⁴⁾ Викторинъ получилъ титулъ illustris comes aulae, который, со времени императора Константина, жаловался высокимъ сановникамъ самыхъ различныхъ вѣдомствъ.

⁵⁾ Сугнус (Κόρνος)—древне-греческое названіе острова Корсикн.

⁶⁾ Островъ Gorgon, называвшейся также Gorgonia, а первоначально Urgo или Orgo, есть нынѣшній островъ Gorgona.

- Ихъ ненавижу я всею душой, потому что—о ужасъ!
 Заживо здѣсь гражданинъ въ гробъ добровольно сошелъ.
 Именно юноша ¹⁾, намъ дорогой, изъ почтеннаго рода,
 520. Жившій въ избыткѣ досель вмѣстѣ со знатной женой,
 Вдругъ подѣ влияніемъ Фурій покинулъ людей и свѣтъ Вожій.
 Чтобы позорно отъ всѣхъ скрыться здѣсь съ вѣрой слѣпой.
 Жалкому мнится, что небу скорѣй онъ въ грязи угождаетъ;
 Злѣй оскорбленныхъ боговъ самъ онъ караетъ себя.
 525. Развѣ христьянская секта не хуже, чѣмъ Кирки ²⁾ отравы?
 Та обращаетъ сердца, эта же только тѣла.

- Къ видлѣ направлены мы, Тритурритѣ ³⁾, открыто лежащей,
 Какъ островокъ, среди волнъ на побережѣ морскомъ.
 Ибо она выступаетъ впередъ на искусственномъ молѣ;
 530. Тотъ, кто воздвигъ этотъ домъ, раньше здѣсь создалъ и
 грунтъ.
 Дальше меня поразилъ, по сосѣдству съ той виллой,
 Пизанцевъ
 Славный коммерческій портъ, полный заморскихъ богатствъ ⁴⁾.
 Чуденъ видъ этого мѣста: отъ моря, открытаго всюду,
 Какъ и отъ всякихъ вѣтровъ, берегъ здѣсь не защищенъ.
 535. Нѣтъ уголка никакого, который за моломъ надежнымъ
 Смѣло бы могъ устоять противъ Эольскихъ угрозъ ⁵⁾.

¹⁾ Не лишено нѣкотораго вѣроятія предположеніе, что подѣ этимъ знатнымъ и дружественнымъ поэту юношей, удалившимся на островъ Горгонъ, чтобы тамъ вести христьянски-монашескую жизнь, подразумѣвается братъ упомянутого въ 213 стихѣ Эксуперанція, по имени Квинтиліанъ, котораго блаженный Геронимъ (въ 99-мъ письмѣ) называетъ „святымъ“ (sanctus) христьяниномъ.

²⁾ Кирка или Цирцея (Circe)—извѣстная изъ Одиссеи Гомера (10, 133 вѣ.) волшебница, которая на островѣ Эвѣ обратила часть спутниковъ Одиссея въ свиней.

³⁾ Эта villa Triturrita, какъ показываютъ ея названіе (означающее „Трехбашенную Виллу“) и начальствовавшій, повидимому, въ ней военный трибунъ (tribunus, упомянутый ниже въ 561 стихѣ), служила укрѣпленіемъ сосѣднаго порта Пизанцевъ.

⁴⁾ Мѣстоположеніе этого portus Pisanus въ точности намъ неизвѣстно; но несомнѣнно, что его нужно искать на югъ отъ устья рѣки Арно, вблизи пынѣшняго города Livorno.

⁵⁾ То-есть, угрозъ Эола (Aeolus), божества-управителя вѣтровъ.

Только высокая водоросль тутъ покрываетъ дно моря,
Слабой задержкой служа и не вредя кораблю;
Но, поддаваясь, она разсѣкаетъ свирѣпыя волны
540. И не дасть имъ нестись издали съ силой большой.

Ведренный Эвръ ¹⁾ между тѣмъ для поѣздки поправилъ погоду;
Раньше однако хотѣлъ видѣть Протадія ²⁾ я.
Если по вѣрнымъ примѣтамъ его кто узнать пожелаесть,
Пусть онъ представить себѣ высшій добра идеаль.
545. Болѣ похожимъ его не покажетъ картина намъ въ краскахъ,
Чѣмъ изъ духовныхъ заслугъ смѣшанный образъ его.
Издали виденъ уже его умъ по спокойному взгляду;
Въ немъ справедливость блеститъ дивно и явно для всѣхъ.
Менѣе важно, что Галлія вся земляка похваляетъ;
550. Славы главы своего служить порукой самъ Римъ.
Маленькимъ домомъ ему замѣнила имѣніе дѣдовъ
Умбрія; доблестью онъ обѣ судьбы уравниалъ.
Духомъ не падая, бѣдность теперь онъ считаетъ богатствомъ
Также, какъ прежде ему бѣднымъ казался весь блескъ.
555. Встарь побѣдители мощныхъ царей выходили изъ хижины ³⁾,
И Цинциннатовъ рождать югеръ убогой земли ⁴⁾.

¹⁾ Эвръ (Eugus)—восточный или юго-восточный вѣтеръ, приносящій съ собою обыкновенно сухую погоду.

²⁾ Этотъ Protadius, происходившій изъ Галліи (изъ города Трира), былъ префектомъ города Рима, вѣроятно въ концѣ IV вѣка. Вернувшись затѣмъ на родину, онъ долженъ былъ покинуть послѣднюю, вѣроятно, вслѣдствіе нападенія франковъ на городъ Триръ, и тогда поселился въ Италію, купивъ себѣ „маленькій домъ“ (mediocres sedes) въ „Умбрію“ (подъ которой Рутилій, повидямому, подразумѣваетъ здѣсь также Этрурію, составявшую съ Умбріею одну провинцію, provincia Tusciae et Umbriae), а именно въ городѣ Пизѣ, куда Рутилій и поѣхалъ навѣстить его.

³⁾ Поэтъ намекаетъ на Манія Курія Дентата, побѣдившаго эпирскаго царя Пирра при Беневентѣ въ 275 г. до Р. Хр., и на Гая Фабриція, оказавшагося недоступнымъ золоту этого врага. Какъ Курій, такъ и Фабрицій отличались своей бѣдностью и простотою жизни.

⁴⁾ L. Quinctius Cincinnatus во время войны съ эквами въ 458 г. до Р. Хр. былъ избранъ диктаторомъ. Посланные къ нему послы, которые должны были объявить этотъ выборъ, застали его за обработкою его маленькаго поля, состоявшаго изъ немногихъ югеровъ (jugerum—квадратная мѣра, имѣющая 240 ф. въ длину и 120 ф. въ ширину).

Славную бѣдность и нынѣ еще мы не менѣ цѣнимъ,
Нежели Регула плугъ или Фабриція кровь ¹⁾).

- Въ портѣ надежномъ оставивъ корабль, пѣшеходной дорогой
560. Въ Пизы ²⁾ поѣхалъ я самъ на лошадахъ торопясь.
Ихъ получилъ я, совместно съ возкомъ отъ трибуна ³⁾, который
Сталъ дорогимъ мнѣ, когда, вмѣстѣ съ нимъ службу нося,
Я какъ министръ государя завѣдывалъ штатомъ придворнымъ
И подъ командой своей царскую стражу имѣлъ.
565. Городъ старинный Алфея ⁴⁾ я вижу: его обтекають
Авзуръ и Арнъ ⁵⁾, двѣ рѣки, съ той и съ другой стороны.
Дальше, сливаясь, онѣ образуютъ конецъ пирамиды,
Съ узкой полоской земли, передъ вѣвжающимъ въ нихъ.
Въ общемъ же руслѣ потоковъ хранить только Арнъ свое имя:
570. Онъ лишь вливается въ понтъ, воды удвоивъ свои.
Здѣсь ужъ давно передъ тѣмъ, какъ благая судьба съединила
Съ домомъ Лаврентскихъ царей славныхъ пенатовъ Троянъ ⁶⁾,
Тусковъ земля приняла изъ Элиды колонію въ Пизахъ,
Именемъ этимъ явивъ происхожденіе ихъ.

¹⁾ Знаменитый полководецъ римлянъ въ первой войнѣ съ карфагенянами, С. Atilius Regulus, получилъ, какъ разказываютъ, свое прозвище Serranus вслѣдствіе того, что послы отъ сената, которые пришли извѣстить его о его избраніи въ консулы, застали его сѣющимъ (*Plin. Nat. Hist. 18, 4: serentem invenerunt*). Какъ плугъ этого Регула, такъ и бѣдный „кровь“ (собственно: „очагъ“ focus) Гая Фабриція (смотри о немъ стр. 84, прим. 3) вошли въ пословицу для обозначенія бѣдной и простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, славной жизни.

²⁾ На мѣстѣ дренаго этрусского города Pisaе находится нынѣ городъ Pisa.

³⁾ Этотъ трибунъ, котораго Рутилій не называетъ по имени, былъ, вѣроятно, начальникомъ военного гарнизона въ упомянутой выше villa Triturrina (сравни стр. 88, прим. 3). Раньше онъ служилъ въ императорской стражѣ подъ начальствомъ Рутилія, когда этотъ послѣдній былъ magister officiorum, то-есть, въ качествѣ „министра двора“, управлялъ придворнымъ штатомъ.

⁴⁾ То-есть городъ Pisaе, который, по преданію, былъ основанъ выходцами изъ греческого города Пизы (Pisa, въ Элидѣ), расположеннаго вблизи рѣки Алфея (Alpheus), и, поэтому, и самъ называется здѣсь городомъ Алфея.

⁵⁾ Это—нынѣшнія рѣки Serchio и Arno, соединяющіяся за городомъ Пизою, на западѣ отъ него.

⁶⁾ По римской традиціи троянецъ Эней, спасши пенатовъ (то-есть, отечественныхъ боговъ-покровителей) изъ разрушенной греками Троя, послѣ долгихъ скитаній прибылъ съ ними въ Лацию въ царю Латину, царствовавшему въ городѣ Laurentum, и, заскоро принятый имъ, женился на его дочери Лавиніи.

575. Здѣсь я увидѣлъ статую отца моего дорогаго ¹⁾,
 Что на своей площади Пизы воздвигла ему.
 Плакать я долженъ былъ тутъ, созерцая покойнаго славу:
 Слезы текли по щекамъ, скорби и радости дань.
 Нѣкогда вѣдь мой отецъ былъ намѣстникомъ области Тусковъ:
580. Ликторовъ шесть онъ имѣлъ, судъ и расправу чиня.
 Помню: онъ, много занявъ должностей, говорилъ, что правленье
 Тусской землею ему правилось болѣе всѣхъ.
 Не были больше по сердцу ему ни квестура въ столицѣ,
 Ни управленье казной, какъ бы ни важно оно.
585. Даже префекта высокую власть, не колеблясь, онъ ставилъ
 Ниже сердечной любви къ жителямъ Тусской земли.
 Не ошибался онъ въ этомъ: любимыми самъ онъ любимъ былъ,
 И съ благодарностью пѣснь славить взаимность ихъ чувствъ ²⁾.
 Помня его, старики съ наставленьемъ твердятъ своимъ дѣтямъ,
590. Что постояненъ онъ былъ, также какъ кротокъ всегда.
 Что въ должностяхъ и я самъ не отсталъ отъ отца, они рады
 И неуклонно меня нѣжатъ съ любовью двойной.
 Эту же память о славномъ отцѣ, по Фламинской дорогѣ ³⁾
 Вдучи, я находилъ часто у жителей здѣсь.
595. Лидія ⁴⁾ вся почитается, въ числѣ своихъ тибрскихъ пенатовъ ⁵⁾,
 Имя Лаханія ввѣкъ словно свое божество.

¹⁾ Отецъ Рутилія, по имени Claudius Lachanius, управлялъ въ 389 г., въ качествѣ консулара, провинціею Этруріею и Умбриею (consularis Tusciae et Umbriae), затѣмъ, какъ comes sacrarum largitionum, государственнымъ казначействомъ (см. стихъ 584), а потомъ, какъ quaestor, императорскою канцеляріею (см. стихъ 583); наконецъ, вѣроятно въ 392 г., онъ былъ префектомъ города Рима (см. стихъ 585).

²⁾ Этими словами поэтъ, по всей вѣроятности, намекаетъ на (стихотворную) надпись, которая находилась на воздвигнутомъ Лаханію въ Пизахъ памятникѣ и краснорѣчиво свидѣтельствовала о любви пизанцевъ къ ихъ благодѣтелю.

³⁾ Слова Рутилія „cum Flaminiae regionibus item“, какъ доказалъ Цумитъ, могутъ относиться только къ предпринятой поэтому когда-то, до 416 г., поѣздкѣ по мѣстностямъ Фламинской дороги, проходившей вблизи границъ провинцій Этруріи и Умбріи, которой управлялъ его отецъ Лаханій въ 389 году.

⁴⁾ Лидіею (Ludia) поэтъ называетъ здѣсь Этрурію, потому что этрусски, по одной традиціи, переселились въ Италію изъ малоазійской области Лидіи.

⁵⁾ Въместо рукописнаго terrigenas suos я читаю, вмѣстѣ съ Л. Мюллеромъ, Thybrigenas suos. Тибръ считался преимущественно этрусскою рѣкою (ср. Vergil. Aen. II, 781 sq.: Lydius Thybris).

- Древніе нравы храня, благодарная область достойна
 Быть подъ начальствомъ всегда добрыхъ и честныхъ вождей,
 Въ родѣ такихъ, каковъ Децій ¹⁾, Луцилла сынъ знатный,
 который
600. Нынѣ стоитъ во главѣ счастливыхъ Корита ²⁾ нивъ.
 Неудивительно, если отецъ, въ славѣ сына воскреснувъ,
 Счастливъ, что тотъ на него правомъ настолько похожъ.
 Самъ же онъ пишетъ сатиры, столь ѣдкія, что вдохно-
 веньемъ
- Не превзойдетъ его Турнъ, ни Ювеналь даже самъ ³⁾.
605. Строгой цензурой своей возвращаетъ онъ древнюю скромность
 И, порицая дурныхъ, учить добру всѣхъ людей.
 Не отогналъ онъ однажды, когда былъ министромъ финан-
 совъ ⁴⁾,
- Строго законы блюдя, Гарпій ⁵⁾, приставшихъ къ казнѣ,
 Гарпій тѣхъ хищныхъ, которыя все разрываютъ на части,
610. Въ липкихъ когтяхъ унося то, что встрѣчается имъ?
 Аргусъ—кривой черезъ нихъ, а Линкея онѣ ослѣпляютъ ⁶⁾,
 Мчась среди стражи, что здѣсь грабить открыто сама.

¹⁾ Decius, слѣдовательно, былъ consularis Tusciae et Umbriae въ 416 году.

²⁾ Corytus (или Corythus) былъ, по легендѣ, царь древне-этрускаго города Кортоны. Нивы Корита, поэтому, означаютъ здѣсь провинцію Этрурію (и Умбрію).

³⁾ Рутилій единственный писатель, который упоминаетъ о сатирикѣ Луциллѣ. Онъ несомнѣнно преувеличиваетъ его литературный талантъ, называя его поэтомъ, не уступающимъ во вдохновеніи ни знаменитому сатирику конца I и начала II вѣка по Р. Хр., Ювеналу, ни извѣстному намъ только по имени сатирику конца I вѣка по Р. Хр., Турну.

⁴⁾ Луцилла—неизвѣстно когда—управлялъ государственнымъ казначействомъ, будучи comes aссатіum largitionum.

⁵⁾ Финансовыхъ чиновниковъ, которые были подвѣдомственны Луциллу, какъ „министру финансовъ“, поэтъ сравниваетъ здѣсь за ихъ хищность съ Гарпіями, которыя въ мифическихъ сказаніяхъ древнихъ представлялись похищающими все крылатыми чудовищами или птицами съ дѣвичьимъ лицомъ и съ длинными, липкими когтями.

⁶⁾ Хищность и быстрота, съ которой дѣйствовали Гарпіи при своихъ грабежахъ, была, по словамъ поэта, столь велика, что даже самъ Аргусъ, этотъ мифическій силачъ, тѣло котораго представляли себѣ усѣяннымъ сотнею глазъ, или аргонавтъ Линкея, который своими зоркими глазами, согласно мѣу, могъ видѣть съвозъ землю и камни, не были бы въ состояніи услѣдить за ихъ движеніями, и первый оказался бы передъ ними кривымъ, а второй даже совсѣмъ слѣпымъ.

Но отъ Луцілла не могъ ускользнуть тотъ грабежъ Бриарей-
скій ¹⁾:

Вмигъ онъ отбилъ столько рукъ честной рукою одной.

615. Вотъ наконецъ я вернулся изъ Пизъ въ Тритурриту и
началъ

Ужъ распускать паруса, чувствуя ведренный Ночь ²⁾:

Какъ неожиданно небо стемнѣло, и черныя тучи,

Сразу разверзшись кругомъ, молніи стали метать.

Такъ мы остались еще. Ибо кто бы подъ грозную бурю

620. Въ море пуститься посмѣлъ супротивъ бѣшеныхъ волнъ?

Въ ближнихъ лѣсахъ мы проводимъ досугъ, по задержкѣ
отхода,

Рады при травлѣ звѣрей члены расправить свои.

Виллы хозяинъ даетъ намъ снарядъ, для охоты потребный,

Также какъ стаю собакъ, чуютъ умбюющихъ дичь.

625. Вскорѣ убить былъ въ засадѣ кабанъ, окруженный сѣтями;

Страшенъ, какъ молнія тучъ, клыкъ смертоносный его.

Встрѣтиться съ звѣремъ такимъ Мелеагръ ³⁾ побоялся бы,
вѣрно;

Изъ Геркулесовыхъ рукъ ⁴⁾ вырвался-бъ этотъ кабанъ.

Тутъ вызываетъ въ горахъ нашъ охотничій рогъ отголоски;

630. Съ пѣсней легко намъ нести нашу добычу домой.

Съ Африки вѣтръ влажнокрылый ⁵⁾ межъ тѣмъ продолжаетъ.
вседневно

Прятать за сумракомъ тучъ солнца благаго лучи.

¹⁾ То-есть, грабежъ, совершающійся людьми, подобными извѣстному изъ греческой мифологіи исполнну Бриарей, который имѣлъ сто рукъ.

²⁾ Notus—порывистый южный вѣтеръ, присящій то дождливую, то ясную погоду.

³⁾ Мелеагръ—миѣнчскій герой, участвовавшій, по сказаніямъ, въ походѣ аргонатовъ и убившій страшнаго вепря, опустошавшаго Калидонскія нивы.

⁴⁾ Одинъ изъ двѣнадцати подвиговъ, которые греческій мѣлъ приписываетъ Гераклу, состоялъ въ томъ, что Эрманескій вепрь, опустошавшій Аркадію, былъ загнанъ имъ въ глубокій снѣгъ и пойманъ живьемъ.

⁵⁾ Africus, у италіанцовъ еще нынѣ Africo, юго-западный или западно-юго-западный вѣтеръ, бурно и порывисто дующій отъ Африки.

- Звѣзды дождливыхъ Гладъ ¹⁾ уже сходятъ на утреннемъ небѣ;
- Зайца ²⁾ уже заволокъ ливень суровой зимы.
635. Блѣдно лучами созвѣдіе то, но дождями богато;
 Не покидаютъ при немъ мокрой земли моряки.
 Ибо вблизи отъ него—причинающій бури Оріонъ ³⁾,
 А далеко отстоитъ Песъ ⁴⁾, приносящій намъ зной.
 Море на нашихъ глазахъ пожелтѣло, песокъ воздымая,
640. И затопило вокругъ берегъ пучиною волнъ.
 Такъ океанъ въ середину полей проникаетъ на время
 И, затопивъ ихъ водой, вновь отступастъ назадъ,
 Иль потому что луна его къ нашей землѣ отгоняетъ,
 Иль потому что водой звѣзды онъ долженъ питать ⁵⁾.

Вторая книга.

Не отличался мой свертокъ еще изобиліемъ полосокъ ⁶⁾,
 Такъ что по праву бы могъ даже длиннѣе онъ быть.

¹⁾ Hyades (Υάδες, то-есть, „Дождящія“) — семь звѣздъ въ головѣ Тельца, съ заходомъ которыхъ въ раннее утро 21-го ноября обыкновенно начиналось дождливое время.

²⁾ Созвѣдіе зайца (Lepus), находящееся вблизи Оріона (подъ лѣвой ногою этого „Ловчаго“ — см. примѣчаніе 3), заходитъ около того же времени, какъ и созвѣдіе Гладъ, а именно (по *Колумеллѣ* 11, 2) 22-го ноября.

³⁾ Orion—созвѣдіе, котораго въ позднюю осень наносило бурю и дождь. По сказанію, это—ловчій, перемѣщенный на небо.

⁴⁾ Песъ (Canis или Sirius)—звѣзда, находящаяся къ востоку подъ Оріономъ, самая яркая изъ неподвижныхъ звѣздъ, съ восхожденіемъ которой (18-го или 25-го—26-го іюля) наступаетъ самое жаркое время года.

⁵⁾ Изъ приведенныхъ Рутіліемъ объясненій прилива и отлива видно, что уже древніе догадывались о связи этихъ явленій съ притягательной силою луны и солнца.

⁶⁾ Книги (libri) древнихъ представляли собою свертки (volumina), состоявше изъ нѣсколькихъ приклеенныхъ одна къ другой папирусовыхъ полосъ, которыя послѣ окончанія письма наворачивались на цилиндръ (обыкновенно деревянный) и при чтеніи снова разворачивались. Въ стихѣ Рутілія „Nondum longus erat nec multa volumina parvus—liber“ слово volumina означаетъ не цѣлые свертки, какъ обыкновенно, но только отдѣльныя части одного свертка, т. е. (папирусовыя) „полоски“ его.

Но непрерывная пѣсня скучна, и читателю страшно
Книгу громадную брать—такъ я, боясь, разсуждалъ.

5. Часто ѣдой пресыщаемся мы на пирахъ безконечныхъ;
Жажду скорѣй утолишь, если немного лишь пьешь.

Въ камняхъ дорогъ, указателяхъ миль ¹⁾, видитъ странникъ
усталый

Какъ бы пути перерывъ и предстоящій покой.

Такъ, хотя лучше бы было, заразъ превозмочь свою робость,

10. Ею смогу овладѣть, пѣснь на двѣ книги дѣля.

Вотъ, наконецъ, перестали дожди осаждать насъ и море,
Такъ что изъ гавани Пиэъ выбраться въ портъ мы могли.
Въ блескѣ кружась, намъ поверхность воды улыбается кротко,
И подъ килемъ корабля слышится нѣжный плескъ волнъ.

15. Тутъ Апеннинскіе скаты уже начинаютъ видѣться;
Море, бушуя, тутъ бьетъ въ выступъ высокой горы.

Кто пожелаетъ обнять всю Италію, міра царицу,
Взоромъ однимъ и ее живо представить въ умъ,
Вѣрно найдетъ ее сходной съ дубовымъ листомъ, на которомъ

20. Сужены оба бока сильнымъ изгибомъ двойнымъ.

Тысячъ сто миль надо ѣхать въ длину, начиная съ Лигурской
Области, внизъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ Сицилійскій проливъ.
Множество бухтъ въ ширину полуострова врѣзали силой
Море Тирренское здѣсь, бурная Адрія тамъ.

25. Въ мѣстѣ же томъ, гдѣ земля наиболѣе сужена ими,
Все разстоянье межъ нихъ—миль только тридцать и сто ²⁾.

Горы съ середины спускаются вкось въ обѣ стороны къ водамъ,
Гдѣ появляется день, гдѣ онъ заходитъ потомъ.

Высю восточной онѣ отѣсняютъ Далматское море,

30. Тусскихъ же волнъ синеу западной цѣпью своей.

¹⁾ Римляне употребляли каменные столбы (lapides или miliaria) для обозначенія своихъ миль (равныхъ 1000 шаговъ или $\frac{1}{2}$, географической мили).

²⁾ При этомъ, не совсѣмъ точною, опредѣленіи ширины лежащаго между Тирренскимъ (Тусскимъ) и Адриатическимъ (Далматскимъ) морями итальянскаго полуострова Рутіліи, повидимому, слѣдуетъ указаніямъ Плінія Старшаго (Nat. Hist. 3, 5), который разстояніе между устьемъ рѣки Тибра (у Тирренскаго моря) и устьемъ рѣки Атерпа (у Адриатическаго моря) опредѣлялъ въ 136 римскихъ миль.

Если мы вѣримъ, что міръ по разумнымъ законамъ былъ созданъ,
 Если вселенная намъ мудрость являетъ Творца,
 Ясно, что Богъ Апеннинномъ прикрылъ, словно стражею, Лаціи,
 Доступъ къ странѣ оградивъ трудностью горныхъ дорогъ.
 35. Ибо природа боялась враговъ ¹⁾ и казалось ей мало,
 Противъ угрозъ сѣверянъ Альпы воздвигнуть въ отпоръ,
 Также какъ множествомъ члоновъ она окружала нутро въ насъ
 И ограждала не разъ цѣнность твореній своихъ.
 Римъ, не возникши еще, заслужилъ ужъ заботы всевышнихъ,
 40. И отовсюду они валомъ его обвели.

Тѣмъ ненавистнѣй проступокъ зловреднаго намъ Стилихона ²⁾,
 Тотъ, что ³⁾ измѣнникъ врагамъ предалъ имперіи центръ.
 Онъ, домогаясь самъ пережить народъ Римлянъ, коварно,
 Все опрокинулъ вверхъ дномъ, бѣшенствомъ лютымъ горя.
 45. Полный боязни предъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ насъ привести хотѣлъ
 въ ужасъ,
 Полчища варваровъ онъ Риму на гибель призвалъ.
 Въ центрѣ страны беззащитномъ онъ принялъ враговъ бране-
 носныхъ,
 Чтобы при общей бѣдѣ строить свободнѣе кознь.
 Даже самъ Римъ былъ открытъ всѣмъ друзьямъ его, въ шкуры
 одѣтымъ ⁴⁾,
 50. И находился въ плѣну прежде, чѣмъ взяли его.

¹⁾ Т. е. враговъ Италиі, именно жившихъ за Альпами варварскихъ народовъ сѣвера, какъ Германцевъ и др.

²⁾ Въ словахъ Рутілія выражается непримиримая ненависть, съ которой національно-римская, преимущественно языческая, придворная партія относилась къ Флавію Стилихону, который, несмотря на свое вандалское происхождение, достигъ наивысшей власти какъ онекунъ и тесть императора Гоноріи и какъ правитель западной римской имперіи. Добившись, въ интересахъ этой имперіи, того, что въ 408 г. при вторичномъ вторженіи царя Вестготовъ, Алариха, въ Италию, сенатъ заключилъ съ нимъ договоръ и миръ цѣною громаднаго выкупа, Стилихонъ вскорѣ послѣ того сдѣлался жертвой придворныхъ интригъ враждебной ему національной партіи, обвинявшей его въ государственной измѣнѣ и домогающейся кесарской власти, и по приказанію Гоноріи былъ убитъ во дворцѣ Равенскомъ.

³⁾ Вмѣсто рукописнаго „quod“ я читаю „quo“ (а. не „qui“, какъ читаетъ Л. Мюллеръ).

⁴⁾ Т. е. Вестготамъ Алариха.

Но не оружіемъ готскимъ однимъ онъ свирѣпствовалъ; раньше Книги Сивиллы онъ сжегъ, помощь сулившей всегда ¹⁾.
 Ненависть въ насъ возбуждаетъ Алѳея, сжигая полѳно ²⁾;
 Волосы Ниса царя вызвали жалобу птицъ ³⁾.

55. Но Стилихонъ, сокрушая залогъ долговѣчности Рима,
 Полныя прялки богинь ⁴⁾ въ пропасть низвергнуть хотѣлъ.
 Пусть прекратятся всѣ муки сошедшаго въ Тартаръ Нерона ⁵⁾,
 Пусть испытаетъ огни Стигскіе худшая тѣнь ⁶⁾.
 Противъ безсмертной одинъ согрѣшилъ, а другой противъ
 смертной:

60. Мать всего міра убилъ первый, второй же свою.

¹⁾ Одинъ лишь Рутилій упоминаетъ о сожженіи Стилихономъ Сивиллинныхъ книгъ. Это случилось между 402 и 408 годами н. повидимому, было вызвано тѣмъ, что Стилихонъ, какъ сторонникъ христіанства, хотѣлъ подорвать основы языческой религіи, въ числѣ которыхъ предсказанія Сивиллы, этой матери всего міра, какъ ее называетъ Рутилій (ниже, въ 60 стихѣ), играли весьма выдающуюся роль, такъ какъ римляно-язычники во всѣхъ случаяхъ грозящей имъ государству опасности прибѣгали къ нимъ, ища у нихъ совѣта и помощи.

²⁾ Согласно древне-греческому мнѳу, Алѳея на седьмой день послѣ рожденія ея сына Мелеагра узнала отъ мойръ (богинь судьбы), что онъ умретъ, когда сгоритъ на очагѣ горящее полѳно, и поэтому стащила полѳно съ очага и положила его въ ящикъ. Но когда въ послѣдствіи Мелеагръ убилъ братьевъ своей матери за то, что тѣ отняли у любимой имъ дѣвушки, Аталанты, переданную ей имъ шкуру Каллидопскаго вепря, котораго онъ убилъ, то Алѳея, раздраженная смертью братьевъ, зажгла спрятанное полѳно и Мелеагръ тотчасъ же умеръ.

³⁾ Греческій мнѳ рассказываетъ, что, когда критскій царь Миносъ во время похода противъ Фивъ овладѣлъ также Мегарой и осадилъ ея гавань Нисею, куда убѣжалъ мегарскій царь Нисъ, то дочь Ниса, Скилла, полюбившая Миноса, выдернула у отца золотой волосъ, отъ котораго зависѣла его жизнь; въслѣдствіе этого Нисъ умеръ, и городъ былъ взятъ. Но, отвергнутая Миносомъ, Скилла бросилась въ море и въ то время, какъ отецъ ея, обращенный въ морскаго орла, устремился на нее, была обращена въ птицу Цирисъ. Въ псевдо-вергилиевомъ стихотвореніи Сігіс (ст. 404 и сл.) описывается, какъ она послѣ этого оплакивала свое преступленіе, и на этотъ жалобный плачъ намекаетъ Рутилій.

⁴⁾ Т. е. неистощимыя, но мнѳно поэта, прялки прядущихъ судьбу „вѣчнаго“ Рима Паркъ.

⁵⁾ По представленію Рутилія, императоръ Неронъ за совершенныя имъ при жизни преступленія, въ особенности за убійство своей матери Агриппины, приговоренъ къ пребыванію въ Тартарѣ.

⁶⁾ Т. е. тѣнь или душа Стилихона, которая еще богѣе, чѣмъ душа Нерона, является достойною, исмѣтатъ всѣ наказанія („Стигскіе огни“, Stygiæ faces), которымъ преступники подвергаются въ аду мучительницами-фуріями, преслѣдующими ихъ у Стигской рѣчи своими факелами. •

Но, отступивъ отъ предмета, я, можетъ быть, слишкомъ бол-
тливъ былъ,

И продолжать мнѣ пора въ пѣснѣ намѣченный путь.

Быстро поплывши на суднѣ, мы прибыли къ стѣнамъ блестя-
щимъ:

Имя дала имъ Луна, свѣтлаго солнца сестра ¹⁾.

65. Мраморъ туземный своей бѣлизной превосходить лилеи;

Гладкія плиты его, съ жилками, ярко блестятъ.

Мраморомъ здѣшняя почва настолько богата, что въ пышномъ

Блескѣ лишь дѣвственный снѣгъ можетъ соперничать съ ней.

Конца недостаетъ.

Ф. Базинеръ.

---

¹⁾ Рутилій указываетъ здѣсь на древній этрусскій городъ Luna. Названіе его, бывшее, по всей вѣроятности, этрусскаго происхожденія, Греки и Римляне производили отъ латинскаго обозначенія луны, „сестры солнца“, такъ такъ находящіяся еще нынѣ вблизи руинъ этого города (нынѣ Lunі, близъ г. Sargaza) богатые мраморныя залежи (нынѣ „Каррарекія“) своимъ блескомъ напоминали имъ блескъ лунны.

ЛЕГЕНДА О РИМСКИХ ЦАРЯХЪ.

Ея происхождение и развитие ¹⁾.

Образъ Анка Марція, возникшій, по нашему заключенію, въ духовной легендѣ о началѣ феціаловъ и ихъ права, изъ нея былъ перенесенъ въ исторію начальнаго развитія римскаго государства. Роль царя-основателя изъ духовной сферы была распространена на государственно-политическую. Эта переработка, безъ сомнѣнія, состоялась уже при первой редакціи царской исторіи древнѣйшимъ составителемъ лѣтописи. Не сомнѣваемся, поэтому, что всѣ сообщенія о дѣяніяхъ Анка Марція должно отнести къ области историческаго вымысла, руководимаго соображеніями о вѣроятномъ развитіи города Рима и римскаго государства. Немного иначе на исторію Анка смотрѣлъ Шwegлеръ (R. G. 1, 604). „Исторія Анка Марція“, говоритъ онъ, „есть произведеніе исторической конструкціи“. „Конечно, возможно“, продолжаетъ онъ, „что царь съ такимъ именемъ дѣйствительно когда-нибудь управлялъ Римомъ, но чтобы этотъ царь былъ именно по очереди четвертымъ и исполнялъ ту самую роль, которая ему приписывается въ римскомъ преданіи, какъ мнимому четвертому царю, въ этомъ рѣшительно слѣдуетъ сомнѣваться“. Съ колебаніемъ Шwegлера предъ полнымъ отрицаніемъ истины традиціонной исторіи встрѣтились мы уже при исторіи Тулла Гостилія. Изученіе источниковъ царской исторіи не даетъ намъ никакого основанія думать, чтобы была другая, болѣе правдивая исторія Анка Марція, чѣмъ та, изъ которой сложи-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. юньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

лось дошедшее до насъ преданіе. Предположеніе Шwegлера о двоякомъ образѣ Анка Марція или Тулла Гостилия, одного историческаго. отъ котораго осталось одно имя царя, безъ всякихъ достовѣрныхъ сообщеній о его дѣяніяхъ, и другаго легендарнаго, исторія котораго отъ начала до конца вымышлена, кромѣ одного имени героя, намъ кажется, совершенно излишнимъ осложненіемъ вопроса. Этотъ вопросъ сводится къ одной только цѣли,—генетическому объясненію дошедшаго до насъ единственнаго преданія о царяхъ. Это преданіе имѣетъ рѣшительно всѣ признаки вымысла. Въ отдѣльности во многихъ случаяхъ не видно и не извѣстно, по какимъ мотивамъ тѣ или другіе факты могли быть вымышлены. Одна кажущаяся непонятность такихъ сообщеній не даетъ однако права считать ихъ дѣйствительно историческими, то-есть, частями преданія совершенно разнороднаго характера сравнительно съ общей традиціонной исторіей о царяхъ. Мы не говоримъ о томъ, что передъ нами тотчасъ-же встанетъ новый, неразрѣшимый вопросъ, изъ какихъ источниковъ могли происходить дѣйствительно историческія сообщенія и какимъ загадочнымъ путемъ они могли сочетаться съ общимъ вымысломъ въ одно неразрывное цѣлое, даже, если вѣрить Нибуру и Шwegлеру, измѣниться почти до неузнаваемости. Не менѣе важно другое соображеніе, о которомъ мы уже говорили въ введеніи, при общемъ обсужденіи задачи новаго изслѣдованія царской исторіи послѣ Шwegлера. Мы указывали на неоконченность этиологическаго разбора многихъ частей преданія. Многія сообщенія намъ представляются вовсе неподозрительными и невымышленными по той простой причинѣ, что мотивы къ измышленію (*αἰτία*) покрыты мракомъ неизвѣстности. Выясненіе причинной связи трудно или даже невозможно вслѣдствіе очень неполнаго знакомства нашего съ тѣми старинными порядками и бытовыми древностями, поясненіе которыхъ могло лечь въ основаніе пояснительныхъ или этиологическихъ разказовъ. Во многихъ случаяхъ однако надежда на болѣе или менѣе удачное выясненіе происхожденія легендъ для насъ не потеряна. Остроумныя догадки Шwegлера не вездѣ достигли цѣли; много есть также легендъ, оставленныхъ имъ безъ всякаго объясненія. Къ числу преданій, нуждающихся въ новомъ и дополнительномъ разборѣ, принадлежатъ преданія о четырехъ послѣднихъ царяхъ. Здѣсь особенно сказывается та неоконченность труда Шwegлера, о которой мы говорили неоднократно. Въ литературѣ сорока лѣтъ, прошедшихъ послѣ Шwegлера, насколько намъ извѣстно, не было ни одной попытки къ новому этиологическому разбору этихъ преданій. Неудави-

тельно, что объ этихъ царяхъ установился въ современной исторической наукѣ взглядъ нерѣшительный: въ противоположность къ первымъ „мигическимъ“ царямъ, преданія о послѣднихъ признаются смѣсю изъ дѣйствительной исторіи съ вымысломъ, при чемъ доля каждаго изъ двухъ элементовъ остается вполнѣ неопредѣленною.

Традиционную исторію царя Анка Марціа Швеглеръ называетъ историческою конструкціею. Государственно-политическою конструкціею, по соображеніямъ Швеглера, оказалась также исторія Ромула и Нумы Помпиля, насколько она относилась къ государственно-политической сферѣ. Авторъ этой послѣдней исторической конструкціи построилъ ее на одной главной идеѣ, желая представить въ правдоподобномъ видѣ, какъ были положены первыя основы политическихъ и военныхъ учреждений Рима—Ромуломъ, а духовныхъ—Нумою Помпилиемъ. Затѣмъ мы видѣли, что тотъ же авторъ первой исторической переработки духовной легенды изобразилъ Тита Тація основателемъ пригороднаго или „сабинскаго“ селенія, а Тулла Гостилія—„албанскаго“ селенія на Целии. Мы въ правѣ ожидать, что при конструкціи исторіи Анка Марціа авторъ исторической легенды руководился подобною же общемою мыслью. Если бы удалось открыть такую мысль, то, въ свою очередь, она могла бы служить лучшимъ доказательствомъ искусственнаго характера преданія, вѣрнѣйшимъ признакомъ исторической конструкціи. У Швеглера мы дѣйствительно находимъ попытку группировки сообщений объ Анкѣ Марціи вокругъ одного общаго центра: „Анкъ Марцій“, говоритъ онъ (R. G. 1, 602), „въ качествѣ четвертаго царя, основатель плебса“. Изъ этого представленія, думалъ Швеглеръ, объясняется сообщеніе царской исторіи о завоеваніи Анкомъ нѣсколькихъ сосѣднихъ латинскихъ городовъ, Фиканы, Телленъ, Политорія и Медуллиі, и переселеніи ихъ жителей въ Римъ, на Авентинскую гору и въ долину Мурціи, лежавшую между Авентиномъ и Палатиномъ. Населеніе Авентинской горы и долины Мурціи состояло преимущественно изъ плебеевъ; въ смутныя времена, какъ напримѣръ уже при первой *secessio plebis* и еще во время Гракховъ, гора служила однимъ изъ центровъ и очаговъ плебейскаго движенія. Въ окрестностяхъ црка, къ которымъ принадлежала долина Мурціи, кромѣ того, находился храмъ Цереры, служившій присутственнымъ мѣстомъ и архивомъ плебейскихъ эдиловъ. Заселеніе этихъ двухъ плебейскихъ кварталовъ; по мнѣнію Швеглера, приписывалось Анку Марцію оттого, что онъ считался первымъ учредителемъ и патрономъ плебса. Эту послѣднюю роль ему давали „какъ четвертому царю“, по немного неясному

выраженію Швеглера. Повидимому, Швеглеръ предполагалъ, что къ одному изъ трехъ первыхъ царей почему-то невозможно или неудобно было отнести основаніе плебса; поэтому его приурочили къ ближайшему по очереди четвертому царю. Содѣйствовало этому, по мнѣнію Швеглера, еще толкованіе имени Аписъ, которому возможно было придать значеніе „слуги“, представителя служилаго люда, простаго народа.

Противъ объясненія Швеглера напрашивается нѣсколько возраженій. Прежде всего, въ нашихъ источникахъ ничего не сказано объ образованіи плебса при Анкѣ Марціѣ. Мы, конечно, допускаемъ возможность, что авторъ царской исторіи, не называя Анка учредителемъ плебса, все-таки руководился этою мыслью при сообщеніи своемъ о заселеніи Анкомъ Авентинской горы и долины Мурціи. Дѣло однако въ томъ, что ему, вѣроятно, даже и на умъ не пришло задуматься о началѣ плебса. Моммзенъ констатируетъ, какъ несомнѣнный общій фактъ, что вся древняя наука воздержалась отъ всякихъ догадокъ о происхожденіи плебса¹⁾, въ противоположность, прибавимъ, современной наукѣ, въ которой, какъ извѣстно, этотъ вопросъ сдѣлался любимымъ прищемъ для догадокъ. Равнодушіе римской анналистики и антикварной науки къ вопросу о происхожденіи плебса, намъ кажется, вполне понятно. Если подъ plebs разумѣть толпу, простой народъ, то существованіе такового въ Римѣ разумѣлось само собою и не нуждалось ни въ какомъ особомъ объясненіи. Не было вѣдь города, въ которомъ бы не имѣлось какъ знатныхъ людей, такъ и простаго народа. Другое дѣло, конечно, если смотрѣть на plebs какъ на политическую корпорацію. Въ этомъ смыслѣ плебсъ впервые организовался, по установленному гѣтописному разказу, не ранѣе чѣмъ въ 494 г. до Р. Х., въ шестнадцатый годъ республики. Пуститься въ догадки, кѣмъ изъ царей было положено начало римскаго плебса, по всему вѣроятію, никому въ голову не могло прийти; тѣмъ менѣе, конечно, вѣроятно, чтобы на этой мысли могли построить цѣлую историческую конструкцію, какъ это предполагалъ Швеглеръ.

¹⁾ R. St.-R. 3, 144: eine Vorgeschichte des Plebs liegt in unserer Ueberlieferung nicht vor. Sicher ist sie als Sonderkörper so wenig im Jahre 260 auf dem heiligen Berg oder dem Aventin erschaffen worden wie Pallas Athene aus dem Haupt des Zeus entsprungen ist; aber über ihre Genesis haben schon die alten Meister sich der staatsrechtlichen Combination enthalten und wir werden wohl thun ihrem Beispiel zu folgen.

Формула, предлагаемая Швеглеромъ для объясненія генезиса лженсторического разказа объ Анкѣ Марціѣ, не только сама по себѣ очень невѣроятна, но кромѣ того она совсѣмъ не вяжется съ большинствомъ фактовъ, сообщаемыхъ объ Анкѣ Марціѣ. Допустимъ, что Анку, какъ воображаемому патрону и учредителю плебса, было бы вполне естественно приписывать основаніе плебейскаго квартала на Авентинѣ и въ долину Мурціи; но какое же, спрашивается, отношеніе къ плебсу могли имѣть, напрямѣръ, основаніе Остіи, приобрѣтеніе лѣса Мези, постройка моста на Тибрѣ и тому подобныя факты? Они никоимъ образомъ не подходятъ подъ формулу Швеглера и исторія четвертаго царя остается при ней по прежнему сводомъ безсвязныхъ сообщеній, въ которомъ не видно ни малѣйшаго слѣда сознательной исторической конструкціи. Итакъ, одно изъ двухъ: или мы должны отказаться отъ мысли разобратъ въ извѣстіяхъ объ Анкѣ Марціѣ, или же мы должны подвести ихъ подъ другой общій генетическій знаменатель. Съ этою послѣднею цѣлью мы занялись новымъ разсмотрѣніемъ вопроса, результаты котораго сводятся къ слѣдующимъ заключеніямъ. Сообщенія объ Анкѣ Марціѣ можно раздѣлить на три группы. Первая изъ нихъ извлечена изъ первоначальной духовной легенды, въ которой *Ancus Marcius*, „принеситель захваченныхъ вещей“, являлся легендарнымъ учредителемъ и первообразомъ феціаловъ. Въ связи съ этимъ представленіемъ находятся слѣдующія о немъ историческія сообщенія: 1) Анкъ Марцій установилъ правила священнодѣйствія феціаловъ (*ius fetiale*); 2) онъ перестроилъ и увеличилъ храмъ Юпитера Феретрія, основанный уже Ромуломъ ¹⁾. Въ этомъ храмѣ феціалы сохраняли свои священные принадлежности, скипетръ Юпитера и камни (*silices*), служившіе для скрѣпленія союзовъ ²⁾. 3) Какъ мы уже сказали, Анкъ своимъ миролюбіемъ и справедливостью представлялъ олицетвореніе тѣхъ принциповъ, которые легли въ основу дѣятельности феціаловъ. Онъ не уклонялся отъ войнъ, но рѣшался на объявленіе ихъ не раниво, чѣмъ приняты были все мѣры къ примиренію, и только по самымъ справедливымъ причинамъ. Такимъ образомъ, по разсужденію Ливія, характеръ Анка представлялъ собою нѣчто среднее между

¹⁾ *Livii*, 1, 33, 9: *rebus bello gestis aedis Jovis Feretrii amplificata.*

²⁾ *Pauli* Epit., p. 92. *Feretrius Juppiter dictus a ferendo, quod pacem terre putaretur; ex cuius templo sumebant sceptrum, per quod iurarent, et lapidem silicem, quo foedus ferirent.*

Ромуломъ и Нумою. Въ этой характеристикѣ его царства сказывается вліяніе первоначальнаго образа Анка Марція, заимствованнаго изъ духовной легенды.

Совсѣмъ другаго происхожденія вторая группа сообщеній, принадлежащая къ чисто историческому слою вымысла. Въ этотъ разрядъ сообщеній мы ставимъ слѣдующія дѣянія: 1) основаніе Остіи, римскаго морскаго порта (см. цитаты, собранныя Швеглеромъ 1, 600); 2) постройку перваго моста чрезъ Тибръ и укрѣпленіе Яникула для защиты моста (1, 601); 3) приобрѣтеніе отъ вейенцевъ лѣса Мезіи (*silva Maesia* или *Messia*) и другихъ корабельныхъ лѣсовъ римской общины (Ливій, 1, 53 *silva Maesia Veientibus adempta*; Цицеронъ, *Rep.* 2, 18, 33 *silvas maritimas omnes publicavit quas sererat*; Авр. Викт. *Vir.* III. 5, 2 *silvas ad usum navium publicavit*); 4) приобрѣтеніе или устройство соляныхъ копей (*salinae*), принадлежавшихъ съ тѣхъ поръ къ имуществу римскаго народа (Швеглеръ 1, 600). Эти четыре „дѣянія“ между собою связаны одною общею мыслью, которая, по видимому, исполнѣ ускользнула отъ вниманія Швеглера. Четыре вещи, прибавленныя Анкомъ Марціемъ къ имуществу римскаго народа: морской портъ, мостъ, корабельные лѣса и соляныя копи, очевидно, соотвѣтствуютъ четыремъ источникамъ государственныхъ доходовъ (*vectigalia*): 1) съ кораблей, входящихъ въ портъ, вималась плата въ пользу римскаго государства, а также со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ или провозимыхъ черезъ морской портъ (*portorium maritimum*)¹⁾; 2) *portoria*, мостовые сборы, брались также за проѣздъ черезъ мосты²⁾; 3) собственностью римскаго государства были лѣса (*silvae caeduae*), изъ которыхъ продавались строительные матеріалы, особенно для постройки кораблей; за право устройства въ государственныхъ лѣсахъ смолокурень, кромѣ того, вимался извѣстный сборъ (*vectigal piscarium*)³⁾; 4) эксплуатация соляныхъ копей принадлежала государству; оно получало отъ нихъ *vectigal salinarum*, отдавая копи въ аренду откупщикамъ (*salinatores*). Государство при этомъ заботилось о томъ, чтобы соль, какъ предметъ самаго общаго и необходимаго потребленія, не вздорожала не въ мѣру. Исторія солянаго сбора въ Римѣ вопросъ довольно запутанный, рѣшаемый различнымъ образомъ у Марквардта (*R. St.-V.* 2,

¹⁾ *Марквардтъ*, *R. St.-V.*, 2-е изд., 2, 151.

²⁾ *Марквардтъ*, тамъ же, стр. 151, прим. 3.

³⁾ *Марквардтъ*, тамъ же, стр. 158.

160) и у Моммзена (R. St.-R., 2, 440, 3-е изд.). По мнѣнію второго, *vestigal salinarum* государство брало съ древнѣйшихъ временъ, а упомянутое у Ливія (29, 37, 3) введение этого сбора въ 204 г. до Р. X. было только повышеіемъ номинальной платы до дѣйствительной. Съ этимъ предположеніемъ согласно показаніе Аврелія Виктора (*Vir. ill. 5 salinarum vestigal instituit*) о введеніи сбора уже при Анкѣ Марціѣ. Марквардтъ, опираясь на слова Ливія *vestigal novum*, считаетъ слова Виктора лишь неточною передачею факта, сообщаемого Плиніемъ (N. II. 31, 41, 89 *Ancus Marcius rex salis modios VI in congiario dedit populo et salinas primas instituit*). Но даровая раздача соли и введеніе государственнаго сбора съ эксплуатаціи соляныхъ копей — вещи различныя, которыя едва ли бы кто-нибудь могъ смѣшать. За то онѣ прекрасно согласуются между собою. Царь могъ раздавать народу извѣстное количество даровой соли, остальное же, добываемое изъ копей, отдавать въ аренду за извѣстную, хотя бы и небольшую плату. Какъ ни судить объ этихъ подробностяхъ, отъ этого не измѣнится общій фактъ, засвидѣтельствованный тѣмъ же Ливіемъ (1, 33, 9), что въ лѣтописномъ преданіи приписывалось Анку Марцію приобрѣтеніе соляныхъ копей близъ Остіи; эти копи составляли одну часть доходнаго государственнаго имущества Рима. Итакъ мы полагаемъ, что авторъ царской легенды при конструкціи исторіи четвертаго царя руководился намѣреніемъ отнести къ этому царю начало государственнаго хозяйства Рима, или, говоря точнѣе, древнѣйшаго доходнаго имущества римскаго государства. Съ этой точки зрѣнія вымышленная исторія Анка Марціа не лишена нѣкотораго историческаго интереса. Она представляетъ собою сравнительно очень древній памятникъ по исторіи римскаго государственнаго хозяйства, очень небогатаго извѣстіями, памятникъ древнѣе втораго столѣтія до Р. X. Затѣмъ ею проливается немного свѣта на сферу интересовъ, а потому и на личность древнѣйшаго римскаго лѣтописца. Намъ думается, что не всякій, скажемъ, напримѣръ, какой-нибудь анналистъ изъ понтифексовъ, заинтересовался бы вопросомъ, кѣмъ впервые введены государственные сборы, портовый, мостовой, лѣсной и соляной. Думаемъ, что этимъ вопросомъ всего скорѣе могъ заняться специалистъ по части государственнаго хозяйства, напри- мѣръ, человекъ причастный къ обязанностямъ цензора, квестора или эдила. Надѣясь возвратиться къ этому вопросу въ другомъ мѣстѣ, мы снова обращаемся къ разбору исторіи Анка Марціа.

Къ происхожденію государственнаго имущества относились, мо-

жетъ быть, еще другія дѣянія Анка Марціа, о чемъ судить труднѣе при недостаточномъ знакомствѣ нашемъ съ болѣе древнимъ состояніемъ этого имущества. Такъ, напримѣръ, считаемъ возможнымъ, что отсюда произошло сообщеніе о присоединеніи къ городу при Анкѣ Марціѣ Авентина и долины Мурціи. Въ римской лѣтописи упоминалось о томъ, что Авентинская гора еще въ историческія времена находилась во владѣніи общины. Въ 455 г. до Р. Хр., по предложенію трибуна Ицилія, изданъ былъ законъ de Aventino publicando (Лив., 3, 31, 1; 32, 7), подробности о которомъ сообщаются Діонисіемъ (10, 31 и 32). Гора до тѣхъ поръ была общинной землею (ager publicus), а отчасти ее успѣли захватить патриціи для постройки на ней домовъ. Законъ Ицилія уничтожилъ эти незаконные захваты и востановилъ право собственности общины съ тѣмъ, чтобы раздавать землю плебеямъ на постройку домовъ. Хотя въ разказѣ Діонисія замѣчается прикраска временъ Гракховъ и вызваннаго послѣдними аграрнаго движенія, общій фактъ принадлежности Авентина къ древнимъ *lota publica* остается внѣ сомнѣнія. Подобныя *lota publica*, принадлежавшія къ имуществу римскаго государства, отдавались на постройку домовъ частнымъ лицамъ за извѣстную плату ¹⁾. Этой подати (*vectigal solarium*) подлежали также тѣ, которые застроили домами общественныя мѣста безъ разрѣшенія, но и безъ опредѣленнаго запрета (*nemine prohibente*); магистратъ, завѣдующій общественными работами, былъ обязанъ, если мѣста попадали въ государство, сломать дома, а въ случаѣ непадобности или неудобства столь рѣзкой мѣры взыскивать *vectigal solarium* ²⁾. Изъ сообщенія Діонисія явствуетъ, что одна часть домовладѣльцевъ на Авентинѣ была оставлена въ своихъ правахъ и изъята изъ конфискаціи, какъ *bona fide possidentes* (ἐκ δίκαιου κτησάμενοι); позволительно думать, что такое право владѣнія выражалось въ платѣ законной почвенной подати (*solarium*). Начало этой законной застройки одаой части горы и начало почвен-

¹⁾ Марквардтъ, R. St.—V. 2, 150.

²⁾ Сл. приведенныя Марквардтомъ слова Улліани Dig. 43, 8, 2, § 17: si quis nemine prohibente in publico aedificaverit, non esse eum cogendum tollere, ne ruinis urbs deformatetur... si tamen obstat id aedificium publico usui, utique is, qui operibus publicis procurat, debet id deponere, aut, si non obstat, solarium ei imponere: vectigal enim hoc sic appellatur solarium ex eo, quod pro solo pendatur.

ной подати, вѣроятно, имѣлось въ виду при сообщеніи о застройкѣ Авентина Анкомъ Марціемъ.

Къ регулярнымъ доходамъ римскаго государства принадлежали еще сборы съ частныхъ лицъ за пользованіе клоаками и водопроводами (*vestigal cloacarium, pro aquae forma*)¹⁾. Въ дошедшей до насъ царской исторіи устройство клоакъ приписывается двумъ Тарквиніямъ, но, кажется, была также версія преданія, согласно которой въ этомъ дѣлѣ участвовалъ уже Анкъ Марцій. Ливій считаетъ, что его дѣломъ былъ „ровъ квинитовъ“ (*Quiritium fossa*)²⁾. О *Quiritium fossa* или *fossae* въ позднѣйшемъ Римѣ, очевидно, имѣлись лишь самыя смутныя понятія. Ливій считаетъ ихъ крѣпостнымъ ровомъ Рима, хотя о крѣпостныхъ постройкахъ Анка нѣтъ вовсе рѣчи во всемъ преданіи. По мнѣнію Феста, *Quiritium fossae* вообще не находились въ Римѣ, а въ Остіи³⁾: Аврелій Викторъ, у котораго уцѣлѣли нѣкоторыя анналистическія сообщенія сравнительно древняго происхожденія—черезъ посредство, вѣроятно, эпиграфическихъ евлогій—подъ *Quiritium fossae* прямо разумѣетъ римскія клоаки⁴⁾. Можетъ быть, это дѣйствительно было старинное названіе, если не всѣхъ, то одной части клоакъ. Громадныя сооруженія, вродѣ клоакъ или городскихъ укрѣпленій, казалось, не могли быть окончены въ одно царствованіе. Поэтому, думаемъ, укрѣпленіе Рима, дѣло царя Сервія, отчасти было перенесено на Тарквинія Гордаго, постройка же клоакъ, первоначально приписываемая Анку Марцію, распространена на преемника его, Тарквинія Старшаго. Впослѣдствіи возникла мысль, что столь громадное и трудное дѣло, какъ сооруженіе клоакъ, особенно самой большой, могло быть совершено только привлеченіемъ всего народа къ барщинѣ, на что указывало и названіе *Quiritium fossae*. Постройку *cloacae maximae*, слѣдовательно, перенесли на Тарквинія Гордаго и причислили къ его притѣснительнымъ мѣрамъ.

Первый акведуктъ Рима, какъ извѣстно, построенъ былъ въ 312 до Р. Хр. цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ. До этого времени городъ

¹⁾ *Марквардтъ*, R. St.—V. 2, 151.

²⁾ *Ливій*, 1, 33, 7: *Quiritium quoque fossa, haud parvum munimentum a plancioribus aditu locis, Ancii regis opus est.*

³⁾ *Феста*, p. 254: *Quiritium fossae dicuntur, quibus Ancus Marcius circumdedit urbem, quam secundum ostium Tiberis posuit, ex quo etiam Ostiam. et quia populi opera eas fecerat, appellavit Quiritium.*

⁴⁾ *De vir. ill.* 8, 3: *Tarquinius Superbus—cloacam maximam fecit, ubi totius populi viribus usus est, unde illae fossae Quiritium sunt dictae.*

снабжался водою изъ общихъ ключей и колодезь. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ городского водоснабженія въ древнѣйшій періодъ былъ такъ называемый Tullianum. По остроумной догадкѣ Форхгамера, сдѣлавшейся теперь общимъ достояніемъ науки, это зданіе получило названіе отъ слова tullius, ключъ, бьющій фонтаномъ. Изъ этого tullius вода бьетъ ключемъ еще понижѣ, и остались также слѣды идущаго отъ него подземнаго канала или водопровода ¹⁾. Надъ ключемъ построенъ низкій сводъ, а надъ этимъ сводомъ еще другой, позднѣйшей постройки. Послѣ устройства акведуковъ Tullianum, вѣроятно, потерялъ свое значеніе для водоснабженія Рима и ему дали другое назначеніе, темницы. Заключенные обыкновенно содержались въ верхнемъ зданіи, для этого, вѣроятно, построенномъ и поэтому преимущественно носившемъ названіе carcer. Постройка послѣдняго приписывалась Анку Марцію, а постройка собственнаго, нижняго Tullianum, Сервію Туллію. Это основано на простой комбинаціи именъ Tullianum и Tullius, комбинаціи впрочемъ довольно негѣпой, такъ какъ Tullianum не моложе, а наоборотъ, какъ по назначенію, такъ и по особенностямъ архитектуры, древнѣе карцера. Дѣло, вѣроятно, въ томъ, что въ первоначальномъ преданіи Анку приписывалась вся постройка, позднѣйшіе же анналисты отдѣляли отъ нея Tullianum для Туллія. Достаточно будетъ указать на эти оставшіеся слѣды, сближающіе Анка Марція съ дѣломъ устройства клоакъ и древнѣйшаго водоснабженія, чтобы найти въ нихъ лишнее подтвержденіе тому, что древнѣйшій авторъ царской исторіи считалъ нужнымъ относить къ этому царю приобрѣтеніе или устройство доходнаго имущества римскаго государства.

Третью группу сообщеній объ Анкѣ Марціѣ составляютъ его завоеванія. По разказу Ливія (1, 33) и Діонисія (3, 38), имъ были взяты латинскіе города Politorium, Tellenae, Ficana и Medulla. Сами города отчасти были разрушены, а жители переселены въ Римъ и присоединены къ римскому населенію. Не смотря на завоеваніе Анкомъ, Медуллія второй разъ является у Ливія (1, 38) въ числѣ латинскихъ городовъ, взятыхъ Тарквиніемъ Старшимъ. У послѣднихъ есть одно общее свойство съ городами, взятыми Анкомъ. Большинство тѣхъ и другихъ упоминаются въ исторіи только этотъ единственный разъ, по поводу завоеванія и присоединенія къ Риму. Даже мѣстоположеніе ихъ было большею частью неизвѣстно уже позд-

¹⁾ См. *Jordan*, Topographie, 1, 1, 453 сл.

нѣйшимъ римскимъ авторамъ. По всему вѣроятію, они лежали въ части Лаціума, окружавшей древнѣйшую римскую область. Недалеко отъ Рима лежали и города, завоеваніе которыхъ приписывалось Ромулу. Завоеваніе всѣхъ этихъ сосѣднихъ, впоследствии полузабытыхъ или вполнѣ забытыхъ городовъ, начинается съ Ромула и прекращается при Тарквиніѣ Старшемъ. Оно прерывается въ мирное царствованіе Нумы Помпилія и при Туллѣ Гостиліѣ, безъ того уже занятомъ завоеваніемъ Альбы Лонги. Соединяя всѣ эти города, мы получаемъ списокъ двѣнадцати городовъ завоеванныхъ тремя царями: Caenina, Antemnae, Crustumerium — Ромуломъ, Politorium, Tellenae, Ficana [Medullia] — Анкомъ, Corniculum, Ficulea vetus, Cameria, [Crustumerium], Ameriola, Medullia, Nomentum — Тарквиніемъ. Въ общемъ позволительно предположить, что авторъ этихъ сообщеній руководился тѣмъ или другимъ домысломъ, распредѣляя присоединеніе этихъ двѣнадцати городовъ между царями, предшествовавшими Сервію Туллію. Какимъ именно домысломъ, это конечно трудно отгадать при полной неизвѣстности того политическаго и правоваго отношенія, въ какомъ находились эти древнѣйшіе подданные Рима. Мы можемъ только утверждать, что показаніе преданія о присоединеніи населенія городовъ, завоеванныхъ Ромуломъ и Анкомъ, къ числу римскихъ гражданъ, вѣроятно, имѣло какую нибудь реальную подкладку. Между приобрѣтеніями Тарквинія Старшаго встрѣчается городъ Nomentum (Ливій, 1, 38, 4; Діонисій, 3, 50). Въ 338 году, послѣ латинской войны, жители Номента приняты были въ число римскихъ гражданъ, на тѣхъ же правахъ, какъ ланувійцы ¹⁾. Ливій не опредѣлилъ въ точности характера права гражданства (*civitas*), дарованнаго послѣднимъ. Такъ какъ онъ нѣсколькими строками ниже право, дарованное Капуѣ, Фундамъ и т. д., прямо называетъ *civitas sine suffragio*, то простое *civitas* въ первомъ мѣстѣ могло бы имѣть значеніе полноправнаго гражданства, что признается и Моммзеномъ (*R. St.-R.* 3, 177). Съ другой стороны въ эпитомѣ изъ Феста (стр. 127) Lanuvini и Tusculani поставлены

¹⁾ Лив. 8, 14: Lanuvinis civitas data sacraque sua reddita cum eo ut aedes lucusque Sospitae Junonis communis Lanuvinis municipibus cum populo Romano esset. Aricini Nomentanique et Pedani eodem iure quo Lanuvini in civitatem accepti. Tusculanis servata civitas, quam habebant — in Veliternos, veteres cives Romanos, quod totiens rebellassent, graviter saevitum — Campanis — Fundanisque et Formianis — civitas sine suffragio data. Cumanos Suessulanosque eiusdem uris condicionisque, cuius Capuam, esse placuit.

въ одну категорію съ Fundani, Formiani, Cumani, которые у Ливія названы *cives sine suffragio*. Моммзенъ (1, 573) остановился на томъ, что *civitas* у Ливія слѣдовало бы замѣнить терминомъ *civitas sine suffragio*, съ чѣмъ нельзя не согласиться и намъ. Этимъ, однако, думается, не рѣшенъ весь вопросъ, не дано въ особенности объясненія только-что упомянутой глоссы Феста ¹⁾).

¹⁾ *Festi Epit.*, p. 127: *municipium id genus hominum dicitur, qui cum Romam venissent, neque cives Romani essent, participes tamen fuerunt omnium rerum ad munus fungendum una cum Romanis civibus, praeterquam de suffragio ferendo aut magistratu capiendo; sicut fuerunt Fundani Formiani Cumanii Acerrani Lanuvini Tusculani, qui post aliquot annos cives Romani effecti sunt. Alio modo, cum id genus hominum definitur, quorum civitas universa in civitatem Romanam venit, uti Aricini, Caerites, Anagnini. Сюда относятся еще слѣд. мѣста: Festi Epit. p. 142 s. v. municeps: At Servius filius aiebat initio fuisse, qui ea conditione fuissent, ut semper rempublicam separatim a populo Ro. haberent, Cumanos Acerranos Atellanos. Epit., p. 131 s. v. municeps: Item municipes; erant [qui ex aliis civitatibus Romam venissent], quibus non licebat magistratum capere, sed tantum muneris partem, ut fuerunt Cumanii Acerrani Atellani, qui et cives Romani erant et in legione merebant, sed dignitates non capiebant. Слова qui — venissent не подходящая сюда вставка изъ первой глоссы. Эту первую глоссу (стр. 127) Моммзенъ (I, 232, 235) толкуетъ такимъ образомъ: эпитоматоръ смѣшалъ общины полугражданъ (*cives sine suffragio*) съ латинскими гражданами, которые, какъ известно, имѣли всѣ права римскихъ гражданъ, не исключая права голоса, какъ только они поселились въ Римъ и были записаны цензоромъ. Отсюда объясняется не подходящее къ полугражданамъ опредѣленіе *cum Romam venissent neque cives Romani essent*, тѣмъ болѣе не подходящее, что *cives sine suffragio* во всякомъ случаѣ были *cives Romani*, а такими же и названы Cumanii Acerrani Atellani въ самой эпитомѣ (стр. 131). Если выбросить эти неподходящія слова, а считать испорченнымъ также и соответствующее опредѣленіе *quorum civitas universa in civitatem Romanam venit*, то выходитъ, по мнѣнію Моммзена, совершенно ясное раздѣленіе полугражданскихъ общинъ на двѣ категоріи: общины, пользовавшіяся и не пользовавшіяся самоуправленіемъ. Намъ думается, что въ пропускаемыхъ Моммзеномъ „испорченныхъ опредѣленіяхъ“ содержится, напротивъ, самая суть драгоценнаго сообщенія. Изъ противоположенія словъ *quorum civitas universa in civitatem Romanam venit* словамъ *qui cum Romam venissent neque cives Romani essent* вытекаетъ, что въ однихъ общинахъ всѣ жители имѣли право римскаго гражданства, хотя бы *sine suffragio*, а въ другихъ сначала только тѣ, которые переселились въ Римъ. Эткихъ *cives sine suffragio* авторъ не могъ, конечно, смѣшать съ позднѣйшими латинскими гражданами, получившими послѣ переселенія въ Римъ полное право голоса въ римскихъ народныхъ собраніяхъ. Важны затѣмъ слова *qui post aliquot annos cives Romani effecti sunt*. Они, вѣроятно, относятся къ однимъ Tusculani. Остававшіеся въ Tusculum жители сначала не имѣли римскаго права гражданства, а спустя нѣсколько лѣтъ они были уравнианы въ правахъ со своими согражданами, переселившимися въ Римъ,*

Если взглянуть на слова Феста безъ всякой предвзятой мысли, то въ нихъ сказано, что первоначально было два разряда муниципій или общинъ, пользовавшихся римскимъ правомъ гражданства безъ права голоса. Въ однихъ общинахъ это право распространялось не на всѣхъ жителей, а только на тѣхъ, которые изъ своего роднаго города переселились въ Римъ. Вторыя же общины поголовно получали гражданское право. Въ числѣ первыхъ находились, по свидѣтельству Феста, между прочимъ Тускулумъ и Ланувій. Слѣдовательно, дарованіе права гражданства первому городу вскорѣ послѣ 381 года, а второму въ 338 году состояло въ распространеніи на все населеніе городовъ тѣхъ правъ, которыми до тѣхъ поръ пользовались одни переселенцы изъ Тускулума и Ланувія. Смѣемъ думать, что и *civitas*, дарованная Номентуму въ 338 году по примѣру Ланувія, имѣло то же самое значеніе, а еще ранѣе городъ Номентумъ пользовался равными правами съ Ланувіемъ, то-есть жители его, переселявшіеся въ Римъ, принимались въ число римскихъ гражданъ. Отсюда проливается не мало свѣта на положеніе также другихъ городовъ, въ древнѣйшія времена будто бы присоединенныхъ къ Риму. Въ особенности освѣщается сообщеніе, что жители городовъ, присоединенныхъ Ромуломъ и Анкомъ Марціемъ, были переселены въ Римъ и приняты въ число римскихъ гражданъ. Это очень похоже на этиологическій разказъ съ цѣлью пояснить происхожденіе именно того рода права гражданства, о которомъ свидѣтельствуешь Фестъ, то-есть получаемого путемъ переселенія въ Римъ. Автору, полагаемъ, было извѣстно, что переселенцы изъ двѣнадцати латинскихъ городовъ имѣли право записаться въ число римскихъ гражданъ. Извѣстно, что при производствѣ ценза римскимъ гражданамъ *cives sine suffragio* записывались въ отдѣльныхъ спискахъ, такъ называемыхъ *tabulae Caeritum* ¹⁾). Авторъ царской

и съ тѣми конечно общинами, которыя съ самаго начала *universae in civitatem Romanam venerunt*. Дѣйствительно, *Ливій* (6, 26, 8) сообщаетъ, что въ 381 году *Tusculani*—расем *in praesentia nec ita multo post civitatem etiam impetraverunt*. Примкнувъ къ Риму, городъ только черезъ нѣкоторое время получилъ право гражданства. Подобные случаи распространенія права гражданства на всѣхъ жителей бывали, вѣроятно, и кромѣ Тускулума. Также нельзя считать полнымъ и общій списокъ городовъ, сообщаемый Фестомъ. Нелишне будетъ замѣтить, что мы не думаемъ оспаривать разницу между *civitates sine suffragio* съ самоуправленіемъ и безъ него, но только отрицаемъ, чтобы изложеніе Феста относилось къ этимъ категоріямъ.

¹⁾ О нихъ см. *Моммзена* R. St.-R. 3, 586.

исторіи о правѣ двѣнадцати латинскихъ общинъ могъ узнать изъ старинныхъ списковъ или цензорской инструкціи или тому подобнаго документа. Такъ какъ о дарованіи права гражданства этимъ городамъ не имѣлось помѣтокъ въ лѣтописи, какъ, напримѣръ, о дарованіи этого права Тускулуму и т. д., онъ заключилъ, что присоединеніе ихъ къ Риму совершилось въ древнѣйшія времена, то-есть въ царскія. Завоеваніе городовъ онъ раздѣлил на три періода и отнесъ ихъ къ тѣмъ тремъ царямъ, до Сервія Туллія, которые нуждались въ воинственныхъ дѣяніяхъ, то-есть ко всѣмъ, кромѣ миролюбиваго Нумы и Туллы Гостилія, на долю котораго выпало завоеваніе Альбы Лонги. При дальнѣйшихъ обработкахъ апшалъ военная исторія царей потомъ обогатилась однообразными безрезультатными войнами съ сабинянами, этрусками и т. д. Завоеваніе латинскихъ городовъ прекратилось, по домыслу автора, съ воцареніемъ Сервія Туллія для того, вѣроятно, чтобы возможно было причислить вновь присоединенныхъ римскихъ гражданъ или полугражданъ при первомъ цензѣ. Завоеванія же послѣдняго царя, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣли уже совершенно другую подкладку.

Итакъ, мы приходимъ къ общему заключенію, что вся государственно-политическая исторія царствованія Анка Марція построена на догадкахъ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства. Авторъ ихъ задался главною цѣлью — связать съ однимъ изъ записанныхъ въ жреческой легендѣ царскихъ именъ начало римскаго государственнаго хозяйства. Искусственность его соображеній не нуждается въ особомъ доказательствѣ. Съ одной стороны, государство не могло существовать цѣлое столѣтіе, при трехъ царяхъ, безъ доходовъ или безъ государственнаго имущества. Съ другой стороны, совершенно искусственнымъ является и то предположеніе, что изъ числа царей только одинъ предавался заботѣ о государственномъ хозяйствѣ, да, сверхъ того, въ продолжительное время царствованія ничѣмъ другимъ почти не занимался, кромѣ приобрѣтенія доходнаго имущества. Построенную на такой искусственной конструкціи исторію авторъ прибавилъ вторымъ слоємъ къ древнѣйшей легендѣ о царѣ—основателѣ духовной коллегіи феціаловъ.

Сервій Туллій. На развитіе легенды о Сервіѣ Тулліѣ немало важное вліяніе имѣла этимологія имени Servius, на что должное вниманіе обращено уже Швеглеромъ (R. G. 1, 714). Производство имени отъ *servus*, невольникъ, или *serva*, невольница, подало поводъ къ измышленію слѣдующихъ фактовъ: 1) Сервій родился отъ не-

вольницы, а поэтому въ дѣтствѣ самъ былъ невольникомъ. По самому распространенному разказу, мать его Окрисія или Окресія была взята въ плѣнъ при завоеваніи города Корникула Тарквиніемъ Старшимъ. Сдѣлавшись невольницею царицы, она во дворцѣ родила сына, который по матери-невольницѣ (serva) получилъ имя Servius¹⁾. 2) Сервій Туллій устроилъ престонародное празднество компиталій въ честь ларовъ (Lares compitales). При этомъ онъ постановилъ, чтобы распорядители празднества, смотрители участковъ (magistri vicorum), не брали въ услуженіе людей свободныхъ, а невольниковъ, которые съ тѣхъ поръ для этого богослуженія составляли особыя коллегии²⁾. 3) Кромѣ компиталій возводилось къ Сервію устройство еще другаго празднества невольниковъ. Въ 13 день августа всѣ римскіе невольники и невольницы въ храмѣ Діаны на Авентинѣ справляли празднество, прямо называемое въ народѣ праздникомъ невольниковъ (servorum dies). Основаніе праздника приписывалось Сервію Туллію, такъ какъ онъ самъ родился невольникомъ. Иды августа, день праздника невольниковъ, совпадали съ днемъ празднества годовщины основанія авентинскаго храма Діаны. Изъ этого совпаденія заключали, что Сервій Туллій былъ основателемъ самаго храма³⁾.

¹⁾ *Дионисій* 4, 1: ἐκ ταύτης γίνεται τῆς Ὀκρυσίας ἐτι δουλευούσης παιδίον, ᾧ τίθειαι τραφέντι ἢ μήτηρ τὸ μὲν ἰδίον τε καὶ συγγενικὸν ὄνομα Τόλλιον ἐπὶ τοῦ πατρὸς, τὸ δὲ κοινὸν καὶ προσηγορικὸν Σερούϊον ἐπὶ τῆς ἰδίας τύχης, ὅτι δουλεύουσα ἐτέλεν αὐτὸν εἶη δ' ἂν ὁ Σερούϊος εἰς τὴν Ἑλληνικὴν διάλεκτον μεταβιβασόμενος Δούλιος. *Валерій Максимъ* 3, 4, 3 servili cognomine. Родиною матери другими авторами считался городъ Тарквиніи (Cic. De re publ. 2, 21, 37 quem ferunt ex serva Tarquiniense natum, cum esset ex quodam regis cliente conceptus) или Тибуръ (*Фестъ* стр. 174). Тому или другому аналисту показалось неправдоподобнымъ, чтобы сынъ невольницы могъ сдѣлаться царемъ, откуда явился натянутый разказъ *Ливіа* (1, 39). Въ противорѣчіе самому себѣ *Ливіи* въ другомъ мѣстѣ (4, 3, 12) называетъ Сервія сирѣтима Corniculana natum, patre nullo, matre serva. *Юстинъ* (38, 6, 7) Сервія называетъ servus vernique Tuscorum, невольникомъ этрусковъ, то-есть этруска Тарквиніи.

²⁾ *Дионисій* 4, 14. *Ливіи* N. H. 36, 70, 204: ita Ser. Tullium—creditumque Laris familiaris filium ob id Compitalia ludos Laribus primum instituisse; см. *Марк-аврѣта* R. St.—V. 3, 294, *Шевьера* R. G. 1, 716.

³⁾ *Фестъ* стр. 343: Servorum dies vulgo existimatur Idus Aug., quod eo die Ser. Tullius, natus servus, aedem Dianae aedificaverit in Aventino, cuius tutelae sint cervi, a quo celeritate fugitivos vocant cervos. Діана считалась покровительницею какъ бѣгающей дичи, такъ и бѣглыхъ невольниковъ. *Дионисій* (4, 26) сообщаетъ, что авентинскій храмъ былъ священнымъ убѣжищемъ (ἱερὸν ἄσολον), можетъ быть, для бѣглыхъ невольниковъ. Въ этой роли Діаны и ея храма заключалось

4) Въ авентинскомъ храмѣ Діаны хранился еще во время царствованія Августа мѣдный столбъ, на которомъ была вырѣзана древняя надпись. Діонисій Аликарнасскій, самъ, кажется, видѣвшій этотъ памятникъ, даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о содержаніи надписи, такъ и объ историческомъ происхожденіи памятника (Археол. 4, 25, 26). Сервій Туллій, рассказываетъ онъ, задумалъ увѣковѣчить свою память славнымъ и прочнымъ дѣломъ. Всего достойнѣе хвалы и удивленія ему показался примѣръ царя Амфиктіона, соединившаго въ одинъ могучій союзъ разрозненныя до тѣхъ поръ и несильныя государства. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе на примѣръ Іонійцевъ и Дорійцевъ Малой Азіи, сплотившихся между собою благодаря заключенію союзовъ и устройству общихъ союзныхъ храмовъ Эфесской Артемиды и Триопійскаго Аполлона. Въ этихъ храмахъ они стали собираться въ извѣстные сроки для приношенія общихъ жертвъ и справленія празднествъ и игръ, а также для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ и производства суда въ случаѣ возникновенія споровъ между союзными городами. Сервій Туллій рѣшилъ, по примѣру этихъ греческихъ союзовъ, соединить въ одно цѣлое латинскія общины и, пригласивъ представителей всѣхъ городовъ собраться въ Римъ, онъ предложилъ имъ заключить союзъ и построить на общій счетъ союзный храмъ съ азиломъ въ Римѣ, такъ какъ римляне занимали первое мѣсто въ Лаціѣ. Въ этомъ храмѣ было положено латинамъ собираться ежегодно для приношенія общихъ и частныхъ жертвъ и справленія празднествъ. Въ случаѣ же возникновенія между союзными городами какихъ-нибудь споровъ, предполагалось прекращать ихъ общимъ судомъ на основаніи священныхъ законовъ (*ισερί νόμοι, leges sacrae*). Предложеніе царя было принято общимъ рѣшеніемъ. Храмъ былъ построенъ на Авентинѣ и, по примѣру эфесскаго, посвященъ Артемидѣ-Діанѣ. Послѣ этого царь озаботился объ увѣковѣченіи союзнаго рѣшенія. Онъ письменно составилъ правила взаимныхъ отношеній городовъ, то-есть, вѣроятно, священные за-

---

конечно настоящее происхожденіе праздника невольниковъ, срокъ котораго зависѣлъ отъ случайнаго факта, что иды августа считались днемъ основанія храмовъ Діаны вообще (ср. *Gilbert*, *Topographie* 2, 24) и днемъ рожденія богини (*Марк.* 12, 67). По одной ученой теоріи, вѣроятно Варрона, этотъ день былъ днемъ рожденія самого Сервія Туллія (*Плут.* Римск. вопр. 100: *διὰ τί ταῖς Αὐγούστας εἴβοις—ἐορτάζουσιν αἱ τε θεοὶαι καὶ οἱ δοῦλοι πάντες;—ἢ διὰ τὸ Σερούϊον τὸν βασιλέα κατὰ ταύτην τὴν ἡμέραν ἐξ αἰχμαλώτου γενέσθαι θεραπανίδος, ἀδελφῶν ἔργων ἔχουσιν οἱ θεράποντες*).

коны, на основаніи которыхъ надлежало прекращать междоусобія, затѣмъ постановленія объ образѣ совершенія общихъ жертвоприношеній и торжествъ. Всѣ эти постановленія, вмѣстѣ съ именами союзныхъ городовъ, онъ велѣлъ вырѣзать на мѣдномъ столбѣ, воздвигнутомъ въ храмѣ Діаны. Разказъ Діонисія въ болѣе краткомъ видѣ сообщается у Ливія (1, 45), съ тою только небольшою разницею, что еще болѣе подчеркнута подражаніе Сервіемъ іоническому союзному храму Эфесской Артемиды. Авентинскій храмъ Ливій прямо называетъ общимъ храмомъ народовъ латинскаго и римскаго. Въ постройкѣ союзаго храма въ Римѣ онъ видитъ признаніе, что Римъ сталъ главою союза. Наконецъ, также Варрону (L. L. 5, 43) было извѣстно, что храмъ Діаны на Авентинѣ былъ *commune Latinorum templum*.

Очевидно, Ливій, Діонисій и Варронъ пользовались однимъ общимъ источникомъ. Авторъ его относительно происхожденія авентинскаго храма держался другаго объясненія чѣмъ Фестъ или Веррій Флаккъ. По мнѣнію послѣдняго, храмъ былъ основанъ Сервіемъ одновременно съ установленіемъ праздника невольниковъ, въ память собственнаго происхожденія царя отъ невольницы. По мнѣнію неизвѣстнаго намъ анналиста, которому слѣдуютъ наши три автора, храмъ Діаны былъ основанъ по общему рѣшенію латинскаго союза, вызванному предложеніемъ Сервія Туллія. Это мнѣніе опиралось на документальное свидѣтельство древней надписи, хранившейся въ храмѣ. Насколько авторитетно это свидѣтельство, объ этомъ судить дѣло критики. Критическій вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой принципиальной важности; съ нимъ связанъ другой, болѣе общій вопросъ: на сколько заслуживаютъ вѣры эпиграфическіе памятники царей, на которые ссылаются римскіе историки. Швеглеръ не отказывался относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Въ достовѣрности древнѣйшихъ договоровъ, говоритъ онъ (R. G. 1, 21), Сервія Туллія съ латинами, Тарквинія Гордаго съ жителями города Габій, первыхъ консуловъ съ Карфагеномъ и т. д. не будетъ сомнѣваться ни одинъ осторожный изслѣдователь исторіи. Разказъ римскихъ анналистовъ о заключеніи договора съ латинскими городами, въ которомъ изложены были постановленія о празднованіи союзаго праздника и о взаимныхъ правахъ участниковъ союза, также и по мнѣнію Моммзена (R. St.-R. 3, 614) въ общемъ засвидѣтельствованъ достаточно хорошо, да и самъ по себѣ вѣроятенъ. Только та надпись, которая сохранилась до временъ имперіи, думаетъ онъ, не представляла собою самаго подлинника договора,

а редакцію, составленную послѣ уничтоженія латинскаго союза въ 338 г. до Р. X. Съ полнымъ отрицаніемъ достовѣрности разказа Діонисія выступилъ наконецъ въ 1878 г. Цёллеръ, авторъ сочиненія *Latium und Rom*. По его мнѣнію (стр. 156), Діонисій самъ не читалъ надписи, ни даже видѣлъ ее своими глазами. Все сообщенія его не болѣе какъ личныя догадки его или римскихъ жрецовъ, сообщившихъ ему свои мысли о памятникѣ. Въ авентинскомъ храмѣ находилась деревянная статуя Эфесской Артемиды. Изъ этого факта было сдѣлано заключеніе, что самый культъ Авентинской Діаны когда-то въ латинскомъ союзѣ игралъ такую же роль, какъ эфесскій культъ въ іонійскомъ союзѣ. Основаніе мнимаго союзнаго храма было приписано Сервію Туллію потому, что онъ раньше уже считался основателемъ, хотя на другомъ основаніи; годовщина дедикаціи храма совпадала съ праздникомъ невольниковъ; начало празднованія возводило къ бывшему невольнику *Servius*. Итакъ, изъ двухъ воображаемыхъ фактовъ, основанія храма Сервіемъ Тулліемъ и признанія его общимъ храмомъ латинскаго союза, по мнѣнію Цёллера, сложилось вполне фантастичное толкованіе непонятнаго текста старинной авентинской надписи.

Разсужденія Цёллера написаны какъ бы нарочно для оправданія рѣзкаго сужденія Швеглера: они отличаются особенною неосторожностью. Авторъ страннымъ образомъ совершенно опустилъ изъ вида прежде всего то, что тѣ же приблизительно свѣдѣнія о договорѣ имѣли предъ собою не только Діонисій, но и Ливій и Варронъ. Общимъ источникомъ ихъ, должно быть, былъ одинъ изъ анналистическихъ пересказовъ древнѣйшей исторіи. Затѣмъ текстъ авентинскаго закона хорошо былъ извѣстенъ римскимъ археологамъ, такъ какъ цитата изъ него встрѣчается у Феста ¹⁾. Слѣдовательно, утверждать, будто Діонисій или жреческіе авторитеты его сочинили все содержаніе надписи, догадка очень неосторожная. Вопросъ, видѣлъ ли самъ Діонисій надпись и разбиралъ ли онъ ее самъ или нѣтъ, нисколько не важенъ. Вѣроятно, онъ передалъ содержаніе ея по разказу того анналиста, который воспользовался ею для обогащенія исторіи Сервія Туллія. Критическая задача, неправильно понятая Цёллеромъ, заключается въ вопросѣ, сколько въ лѣтописномъ разказѣ документальной истины и сколько отъ себя прибавилъ авторъ. Главнымъ

¹⁾ Стр. 165: *nesi pro sine positum [est in foedere Latino aedis] Dianae Aventinen[sis]*; дополненіе *Моммзена* (R. St.-R. 3, 614).

критеріемъ для насъ должны служить краткія сообщенія Діонисія о содержаніи надписи, несправедливо забракованныя Цёллеромъ. Сервій Туллій, пишетъ Діонисій, предалъ письму правила взаимныхъ отношений союзниковъ, затѣмъ постановленія о томъ, какимъ образомъ въ будущемъ совершать ежегодныя жертвоприношенія и торжественныя собранія (παινήσεις), а эти правила онъ на вѣчную память велѣлъ вырѣзать на мѣдномъ столбѣ, воздвигнутомъ въ храмѣ. Кроме того Діонисій сообщаетъ, что въ надписи читался списокъ городовъ, участвовавшихъ въ латинскомъ союзѣ. Итакъ, вся надпись распалась на три главные статьи: 1) объ отношеніяхъ союзныхъ городовъ между собою; этотъ пунктъ опредѣляется точнѣе изъ рѣчи царя у Діонисія, обращенной къ латинамъ. Между прочими преимуществами, ожидаемыми отъ предлагаемаго заключенія союза и построенія общаго храма, царь указываетъ и на возможность прекращенія споровъ между союзниками при помощи общаго суда членовъ союза. Рѣшеніе споровъ должно было происходить на основаніи священныхъ законовъ. Позволительно будетъ думать, что именно эти *ισοὶ νόμοι, leges sacrae*, составляли главное содержаніе первой части надписи. 2) Вторая часть содержала въ себѣ ритуаль жертвоприношеній, и 3) третья— ритуаль „панигяръ“, торжественныхъ собраній для справленія игръ или торговъ (*mercatus*). На характеръ всего документа проливается не мало свѣта изъ слѣдующаго факта. Въ провинціальныхъ надписяхъ временъ имперіи неоднократно встрѣчаются ссылки на *lex aegae Dianae in Aventino*, ритуаль этого жертвенника ставится примѣромъ вновь освящаемымъ жертвенникамъ ¹⁾. По предположенію Моммзена (*R. St.-R.* 3, 614), думаемъ, очень правдоподобно, уставъ авентинскаго жертвенника Діаны былъ частью именно того стариннаго сакральнаго документа, который имѣли въ виду Діонисій и другіе авторы подъ названіемъ латинскаго договора. Такъ какъ въ надписи, судя по сообщеніямъ Діонисія, преимущественно заключались ритуальныя предписанія, спеціально относившіяся къ одному мѣстному культу Діаны, то можно, кажется, безъ ошибки сказать, что „латинскій договоръ“ всего скорѣе заслуживаетъ названіе ритуальнаго закона союзаго культа Діаны. Подобнаго рода *leges* обыкновенно давались при самомъ основаніи или посвященіи храмовъ. Увѣренность римскихъ ученыхъ въ томъ, что авентинская надпись была

¹⁾ См. напримѣръ, *Corp. I. I.* 12, 4383.

начертана при устройствѣ союзнаго культа Діаны, выводъ во всякомъ случаѣ близкій къ истинѣ. Не ограничиваясь такимъ заключеніемъ, римскіе ученые далѣе старались придать старинному сакральному документу особенное значеніе для исторіи основанія латинскаго союза. Племенной союзъ Лация вполне соответствовалъ общему типу политической организаціи всѣхъ италійскихъ племенъ. Начало его слѣдовательно коренилось въ древнѣйшемъ общеталійскомъ бытѣ. Разказъ же Діонисія и Ливія отправляется отъ наивнаго представленія, что основаніе латинскаго союза состоялось по личной идеѣ одного царственнаго законодателя, въ добавокъ еще въ подражаніе союзамъ греческихъ племенъ, особенно іонійскаго. Доказательствомъ послѣдняго факта признавалось сходство деревяннаго идола авентинской Діаны съ изображеніемъ Эфесской Артемиды, общей богини іонійскаго союза. По свидѣтельству Страбона ¹⁾, авентинская статуя была копія массалійской, въ Массалии же Артемиду изображали на подобіе эфесской, такъ какъ массаліоты происходили изъ малоазіатской Іоніи. Въ формѣ авентинскаго идола слѣдовательно сказывалось вліяніе греческаго культа Артемиды на внѣшній видъ поклоненія римской Діанѣ ²⁾. Съ другой стороны, по вѣрному замѣчанію Страбона, она служитъ однимъ изъ доказательствъ древнихъ сношеній между Римомъ и Массалією. Но никакого, понятно, отношенія она не имѣла къ вопросу о происхожденіи союзнаго культа авентинской Діаны. Авторъ нашего разказа о началахъ латинскаго союза увлекся, очевидно, еще и другимъ ложнымъ выводомъ. Авентинская надпись, какъ мы замѣтили, была или считалась древнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ латинскаго союза. Стоило только видѣть въ немъ древнѣйшее рѣшеніе союзнаго совѣта, чтобы строить на немъ заманчивый выводъ объ основаніи союза въ связи съ устройствомъ необходимаго сакрального центра по примѣру эфесскаго храма.

Повторяемъ: авентинскій документъ не имѣлъ никакого отношенія къ основанію латинскаго союза. Существованіе послѣдняго,

¹⁾ *Страбонъ*, IV, p. 180: Περὶ τὴν πρὸς Ῥωμαίους φίλιαν ἢ πολλὰ ἂν τις λάβοι σημεῖα καὶ δὴ καὶ τὸ ἔθρονον τῆς Ἀρτέμιδος τῆς ἐν τῷ Ἀβεντίνῳ τὴν αὐτὴν διάθεσιν ἔχον τῆ παρὰ τοῖς Μασσαλιώταις ἀνέθεσσαν. О поклоненіи въ Массалии Эфесской Артемидѣ см. *Страбона* III, p. 159; IV, p. 180, 184.

²⁾ На другой фактъ, свидѣтельствующій о такомъ вліяніи, указывается *Дионисіемъ* 2, 22. Вѣнки, надѣваемые римскими жрицами, походили на головной уборъ Эфесской Артемиды.

напротивъ, является необходимымъ предположеніемъ для происхожденія этого закона, состоявшагося по общему рѣшенію членовъ союза. Изъ сообщеній Діонисія не вытекаетъ, чтобы въ законѣ имѣлись какія-либо постановленія о политическихъ, не сакральныхъ порядкахъ союза. Правда, по намеку Діонисія, въ надписи излагались правила о прекращеніи споровъ между союзными городами третейскимъ судомъ другихъ городовъ, при чемъ этотъ судъ производился по извѣстнымъ священнымъ законамъ (*leges sacratae*). Невозможно однако, чтобы договорныя постановленія объ обязанностяхъ и правахъ членовъ какого-бы то ни было политическаго союза ограничивались однимъ этимъ пунктомъ. Сравнивъ, напримѣръ, содержаніе латинскаго договора Спурія Кассія (Діонисій 6, 95), всякій, думаетъ, легко убѣдится въ томъ, что документъ храма Діаны былъ совершенно непохожъ на политическій договоръ. Упоминаемые Діонисіемъ *leges sacratae* и порядокъ примѣненія ихъ къ нарушителямъ міра и согласія между союзниками, за то, близко касались установленнаго въ главныхъ статьяхъ документа сакрального порядка. Нарушеніе законовъ, освященныхъ общею клятвою, первымъ послѣдствіемъ имѣло проклятіе виновныхъ и исключеніе ихъ отъ общихъ асга. Очень можетъ быть, поэтому, что постановленія о взаимныхъ отношеніяхъ городовъ были включены въ авентинскую надпись только съ цѣлью установить въ связи съ ними сакральныя или ритуальныя послѣдствія, вытекавшія изъ ихъ нарушенія.

Итакъ, документъ, хранившійся въ авентинскомъ храмѣ Діаны, содержалъ въ себѣ ритуалъ одного культа Діаны, общаго союзу латинскихъ городовъ и Риму. Сообщенія Діонисія Аликкарнасскаго объ этомъ документѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія, за исключеніемъ свѣдѣній о происхожденіи и политическомъ характерѣ такъ-называемаго договора. Эти свѣдѣнія оказались основанными на домыслѣ одного изъ позднихъ анналистовъ. Теперь спрашивается: къ какому культу Діаны относились постановленія совѣта латинскихъ городовъ? Постановка такого вопроса можетъ показаться странною. Намъ скажутъ, безъ сомнѣнія, что въ ритуальномъ законѣ или законѣ объ установленіи культа Діаны, если онъ хранился въ храмѣ авентинской Діаны, могла быть рѣчь только объ авентинскомъ культѣ. Кроме того, мы сами только-что согласились съ мнѣніемъ Моммзена, что ритуальный законъ авентинскаго жертвенника составлялъ одну часть общаго закона. Мы вполне согласны, что одна часть указываемыхъ въ законѣ священнодѣйствій дѣйствительно состояла изъ

жертвоприношеній въ авентинскомъ храмѣ. Отнести же къ этому храму весь ритуаль, по нашему мнѣнію, невозможно по слѣдующимъ причинамъ. Въ законѣ, по показанію Діонисія, было положено устраивать общія торжества латинскаго союза. Такое союзное празднество представляло бы собою нѣчто очень похожее на празднества, справляемые латинскимъ союзомъ въ Альбѣ Лонгѣ и Лавиніѣ. Мѣста празднованія послѣднихъ, какъ и слѣдовало, лежали въ территоріи латинскаго союза. Справленіе же союзнаго празднества Діаны на одномъ изъ римскихъ холмовъ, виѣ предѣловъ союзнаго Лація, фактъ, необычайность котораго, очевидно, чувствовалась уже римскими историками. По ихъ объясненію, латинцы мѣстомъ союзнаго культа Діаны выбрали Римъ, признавая этимъ верховенство Рима надъ Лаціемъ. Въ этомъ объясненіи сказывается тотъ невѣрный взглядъ на древнѣйшія отношенія между Римомъ и Лаціемъ, который раздѣлялся всею позднѣйшею римскою историографіею. Гегемонія Рима надъ Лаціемъ, результатъ латинской войны конца четвертаго столѣтія, переносилась анахронизмомъ въ древнѣйшія времена. На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, Римъ до того времени занималъ положеніе, обособленное отъ латинскаго союза, хотя между нимъ и Лаціемъ съ 471 г. до Р. Х., а можетъ быть уже и раиѣе, существовалъ особый союзъ на условіяхъ полнаго равенства. Устройство въ древнія времена латинскаго союзнаго празднества въ Римѣ очень невѣроятно, не болѣе вѣроятно, чѣмъ мнимое верховное положеніе Рима въ древнѣйшемъ Лаціѣ. Еслибъ когда-либо дѣйствительно союзный праздникъ латинскій праздновался на Авентинѣ, и Римъ такимъ образомъ былъ однимъ изъ сакральныхъ центровъ Лація, тогда римское государство несомнѣнно приложило бы всѣ старанія къ непрерывному продолженію этого праздника, столь явно свидѣтельствовавшаго о гегемоніи надъ Лаціемъ. Мы замѣтили бы хотя часть той заботы, которая прилагалась Римомъ къ тщательному сохраненію обрядовъ латинскаго праздника (*feriae Latinae*) на Албанской горѣ, справляемаго послѣ уничтоженія латинскаго союза подъ руководствомъ римскихъ магистратовъ. О латинскомъ празднествѣ на Авентинѣ, между тѣмъ, царствуетъ полное молчаніе во всей римской литературѣ, за исключеніемъ сомнительнаго показанія, передаваемого Діонисіемъ и Ливіемъ. Это молчаніе позволяетъ дѣлать только одно, въ сущности, заключеніе. Или показаніе неизвѣстнаго анналиста исполнѣ выдуманно, или же въ него вкралось то или другое недоразумѣніе. Противъ первой возможности говорить то, что, по сообще-

нію Діонисія, въ самой надписи не только упоминалось о празднествахъ (πανηγύρις), но былъ установленъ для нихъ извѣстный ритуаль. Слѣдовательно, остается только одинъ выводъ. Ритуальныя предписанія авентинскаго закона относились къ союзному празднеству латинскому, справляемому въ честь Діаны, но это празднество не совершалось ни на Авентинѣ, ни даже въ Римѣ, за исключеніемъ извѣстныхъ обрядовъ, исполняемыхъ на авентинскомъ жертвенникѣ Діаны. О мѣстѣ, гдѣ происходила главная часть празднества, дошло до насъ косвенное свидѣтельство въ одномъ мѣстѣ Тацита, до сихъ поръ, намъ кажется, не совсѣмъ вѣрно понимаемомъ комментаторами. Въ 49 г. по Р. Хр., сообщаетъ Тацитъ, императоръ Клавдій „прибавилъ по законамъ *regis Tullii* жертвоприношенія и очистительныя обряды, исполняемые понтифексами при священной рощѣ Діаны. Всѣ издѣвались надъ тѣмъ, что какъ разъ въ это время (когда самъ императоръ вступилъ въ преступную связь) изыскивались наказанія и очищенія преступныхъ связей“¹⁾. Слова *piacula danda*, точнѣе объясняемая послѣдующими *poenae procurationesque incesti*, обыкновенно связываютъ логически со словами *ex legibus Tullii regis*, а въ послѣднихъ видятъ „царскіе законы“ (*leges regiae*) Тулла Гостилія, въ которыхъ специально запрещались инцесты подъ угрозой извѣстныхъ наказаній, *poenae*. Но эти наказанія въ законѣ, очевидно, играли второстепенную роль, такъ какъ въ первомъ предложеніи у Тацита вмѣсто *poenae procurationesque* сказано только *piacula*. Установлены или возобновлены были не столько наказанія провинившихся въ инцестѣ, сколько очистительныя обряды для отвращенія гнѣва боговъ отъ общины, исполняемые понтифексами въ случаѣ инцестовъ, а можетъ быть и другихъ подобнаго рода грѣховъ. Эти обряды должны были быть исполняемы въ рощѣ Діаны. Въ томъ-же священномъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, совершались, кромѣ очистительныхъ обрядовъ, также и жертвоприношенія, прибавленныя или возобновленныя Клавдіемъ по законамъ *regis Tullii*. Комментаторы этого мѣста Тацита совершенно справедливо въ *lucus Dianae* признаютъ извѣстную священную рощу, *lucus Dianus* или *nemus* близъ Ариціи. Менѣе справедливымъ считаемъ обыкновенное мнѣніе, что царь, издавшій законы о жертвоприношеніяхъ Діанѣ, о которомъ говорится у Тацита, Туллъ Гос-

¹⁾ *Annal.* 12, 8: *addidit Claudius sacra ex legibus Tullii regis piaculaque apud lucum Dianae per pontifices danda, irridentibus cunctis, quod poenae procurationesque incesti id temporis exquirentur.*

тилий. Въ преданіи нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы этотъ царь тѣмъ или другимъ образомъ заботился о культѣ Діаны. Ничто не мѣшаетъ видѣть въ Tullii родительный падежъ имени Tullius и подъ законодателемъ разумѣть Сервія Туллія, извѣстнаго своимъ радѣніемъ объ устройствѣ поклоненія Діанѣ. Мы не осмѣливаемся прямо утверждать, что *leges regis Tullii*, относившіяся къ жертвоприношеніямъ въ рошѣ Діаны *Nemorensis*, были тождественны съ авентинскимъ закономъ. За то, намъ кажется, вполне возможно предположить, что главное содержаніе авентинскаго договорнаго закона относилось именно къ ариційской Діанѣ. Этимъ, по крайней мѣрѣ, были бы устранены всѣ затрудненія, не позволяющія отнести съ довѣріемъ къ сообщеніямъ Діонисія о содержаніи авентинскаго документа. Мы замѣтили, что фактическая сторона культа, устанавливаемого въ этомъ документѣ, не подходитъ къ Авентину. Вся остальная литература умалчиваетъ о совершеніи на Авентинѣ или вообще въ Римѣ общихъ латинскихъ празднествъ. Союзныя торжества Латинцевъ естественнымъ образомъ праздновались на территоріи союза. Культъ въ священной рошѣ Діаны близъ Ариціи какъ нельзя лучше подходитъ къ требуемымъ условіямъ. Рошца Діаны, какъ и вся область Ариціи, принадлежала къ латинскому союзу. Особенно же важно, что *lucus Dianius in nemore Aricino*, по свидѣтельству Катона, дѣйствительно былъ одинъ изъ религиозныхъ центровъ латинскаго союза. По преданію этотъ культъ былъ посвященъ латинскимъ диктаторомъ Эгеріемъ, въ немъ участвовало извѣстное (или, лучше сказать, неизвѣстное) число латинскихъ союзныхъ городовъ, изъ которыхъ восемь перечисляются въ цитатѣ Присціана изъ Катона¹⁾. Напомнимъ, что и въ авентинской надписи былъ перечень союзныхъ городовъ, участвовавшихъ въ культѣ Діаны.

Считая вѣроятнымъ, что общее празднество латинскаго союза, о которомъ была рѣчь въ авентинскомъ документѣ, праздновалось въ священной рошѣ Діаны близъ Ариціи, а не въ Римѣ, какъ утверждаютъ Діонисій и Ливій, мы должны отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ могло произойти недоразумѣніе относительно мѣста празднованія. Одна причина возможна — плохое чтеніе стариннаго письма

¹⁾ *Присціанъ* 4 p. 129; 7 p. 337 N. *Lucum Dianium in nemore Aricino Egerius Laevius Tusculanus dedicavit dictator Latinus, hi populi communiter: Tusculanus, Aricinus, Lanuvinus, Laurens, Coranus, Tiburtis, Pometinus, Ardeatis Rutilus.*

или поверхностное толкованіе надписи со стороны автора, сдѣлавшаго первыя сообщенія о надписи, которая заимствована была Діонисіемъ и Ливіемъ. Если задаться вопросомъ о личности этого автора, ни одинъ, кажется, такъ не подходитъ, какъ извѣстный авторъ аннала, современникъ Суллы и Цицерона, Лициній Мацеръ. Извѣстно, что онъ изъ анналистовъ выдавался особеннымъ вниманіемъ къ надписямъ и другимъ древнимъ документамъ ¹⁾. Ливій неоднократно заимствовалъ у Мацера сообщенія изъ такихъ документовъ, а для Діонисія его анналы вообще служили однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ. Точность и добросовѣстность Лицинія Мацера по отношенію къ изучаемымъ имъ надписямъ и документамъ не цѣнится высоко въ современной критической наукѣ ²⁾. Не будетъ, думается, съ нашей стороны несправедливымъ, если мы поставимъ ему въ счетъ невѣрное толкованіе авентинскаго документа. Очень возможно, что въ текстѣ надписи священная роща, которая служила религіознымъ центромъ латинскаго союза, была обозначена не совсемъ точными выраженіями, въ родѣ *lucus* или *nemus Dianae*. Другую возможную причину недоразумѣнія мы усматриваемъ въ томъ, что, вѣроятно, одна часть священнодѣйствій, упомянутыхъ въ надписи, совершалась въ римскомъ храмѣ Діаны на Авентинѣ. Союзныя отношенія между Римомъ и Лациемъ не могли не сказываться въ извѣстной сакральной общности. Послѣ уничтоженія латинскаго союза верховная власть Рима надъ Лациемъ выражается въ томъ, что празднества латинскаго союза, напримѣръ албанское, справляются въ прежнемъ видѣ и въ прежнихъ мѣстахъ, однако подъ руководствомъ римскихъ жрецовъ и магистратовъ. Какого рода была сакральная взаимность Рима и Лациа до этого, въ періодъ политической равноправности, о томъ у насъ нѣтъ почти никакихъ точныхъ извѣстій. По предположенію Швеглера, оба союзника обмѣнивались своими празднествами такимъ образомъ, что римляне принимали участіе въ албанскомъ праздникѣ, а латины за то въ авентинскомъ. Трудно однако повѣрить, чтобы два столь разнovidныхъ культа, какъ культы латинскаго Юпитера и авентинской Діаны, когда-либо находились во взаимной связи и живомъ обмѣнѣ. Швеглеръ упустилъ изъ вида, что на самомъ дѣлѣ поклоненіе высшему латинскому Юпитеру (*Jupiter Latiaris*), чтимому въ Альбѣ Лонгѣ, было приведено въ опредѣленную связь не съ культомъ Діаны,

¹⁾ Швеглеръ, R. G. 1, 92.

²⁾ Сл. въ особенности *Моммзена R. Chron.*, стр. 92—98, R. Forsch. 1, 315.

а съ поклоненіемъ высшему римскому Юпитеру, capitoлийскому. Албанскія *feriae Latinae*, въ видѣ вступленія, начинались жертвоприношеніями на Капитоліѣ и играми въ римскомъ циркѣ, затѣмъ слѣдовало главное дѣйствіе на албанской горѣ. Намъ думается, что подобнымъ раздѣленіемъ сцены священнодѣйствій между capitoлийскою и албанскою горами выражалась также и въ древнѣйшія времена сакральная общность двухъ союзниковъ, Рима и Лация. Представители латинскаго союза являлись въ Римъ для участія въ жертвоприношеніяхъ римскому Юпитеру. Мѣстоположеніе capitoлийскаго храма, внѣ городскаго померія, позволяло имъ свободно участвовать въ римскомъ богослуженіи, такъ какъ и Альба Лонга не лежала въ предѣлахъ ни одной изъ городскихъ территорій Лация, и римскіе представители слѣдовательно могли участвовать въ албанскомъ культѣ. За померіемъ Рима лежала также авентинская гора. При разборѣ легенды о Титѣ Таціѣ намъ выяснилось, что на Авентинѣ, по всей вѣроятности, совершались обряды, соединенные съ латинскимъ богослуженіемъ въ Лавиніѣ. Въ совершенно аналогичной связи, полагаемъ, находился культъ авентинской Діаны съ союзнымъ латинскимъ празднествомъ въ честь Діаны *Nemorensis*. Одна часть дѣйствія совершалась на Авентинѣ, при участіи представителей Лация, другая, главная, въ роцѣ Діаны близъ Ариціи съ участіемъ Рима. Ритуаль общаго богослуженія, по нашему предположенію, составлялъ содержаніе авентинской надписи. Помѣщеніе ея въ римскомъ храмѣ неудивительно, такъ какъ ничто не мѣшаетъ предположить существованіе другаго экземпляра въ латинскомъ храма. Время начертанія надписи угадать невозможно, однако нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что она была значительно древнѣе 338 года, времени уничтоженія латинскаго союза, хотя, съ другой стороны, можетъ быть, вѣрно предположеніе Моммзена, считающаго эту надпись не подлинникомъ. Авторство Сервія Туллія, безъ сомнѣнія, выдуманно, какъ мы полагаемъ, Лициніемъ Мацеромъ. Можно согласиться съ мнѣніемъ Цёллера, что въ основаніе датировки легъ установившійся уже въ преданіи воображаемый фактъ основанія храма Діаны Сервіемъ, бывшимъ невольникомъ. Если бы имя Сервія Туллія читалось въ надписи, Діонисій не преминулъ бы сообщить объ этомъ интереснѣйшемъ фактѣ, такъ какъ онъ сообщаетъ объ именахъ латинскихъ городовъ, читаемыхъ въ документѣ.

А. Эшманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТКРЫТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРИИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Физика въ XVII вѣкѣ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Великая эпоха опыта и механической философіи.

Книга первая.

Эпоха опыта и механической философіи въ XVII вѣкѣ
въ Италіи.

Глава I. Наука въ Италіи къ началу XVII вѣка. Галилей.

I. *Духовный авторитетъ и науки въ Италіи къ началу XVII вѣка.*
Знаменитый историкъ папства, Ранке называетъ конецъ XVI вѣка эпохою возстановленія католицизма. Католицизмъ пережилъ великое испытаніе и при количественныхъ утратахъ, причиненныхъ реформаціей, качественно вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы. Духовный авторитетъ Рима среди оставшейся вѣрною папствы поднялся на новую высоту и проявлялъ себя сурово и властно. Въ далекое воспоминаніе отошла эпоха, когда, до грозныхъ напоминаній реформаціи, жизнь для наслажденія была девизомъ представителей духовной власти и сановниковъ

церкви, эпоха такъ охарактеризованная Маколеемъ: ¹⁾ „Утонченный столъ, превосходныя вина, прелестныя женщины, собаки, соколы, вновь открытыя рукописи классиковъ, сонеты и шуточные романсы на нѣжномъ нарѣчїи Тосканы, — безнравственные на столько, на сколько допускало тонкое чувство изящнаго, — серебряная утварь Бенвенуто, планы дворцовъ, начертанныя рукою Мивель-Анджело, фрески Рафаеля, бюсты, мозаики, драгоценныя камни, только что вырытыя изъ-подъ развалинъ древнихъ храмовъ и виллъ: вотъ предметы наслажденїя и даже серьезнаго занятїя ихъ жизни... То были люди, — прибавляетъ Маколей о видныхъ представителяхъ эпохи, — подобные Льву X, люди которые вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ нѣка Августа усвоили атенстическій и насмѣшливый духъ своего времени. Они смотрѣли на совершаемыя ими же христіанскїя таинства, подобно тому какъ авгуръ Цицеронъ и первосвященникъ Цезарь смотрѣли на сивиллины книги и на клевь священныхъ цыплятъ... Ихъ годы протекали въ сладостномъ снѣ чувственной и умственной нѣги“.

Въ началѣ XVI вѣка, при Львѣ X (о которомъ современникъ, Marco Minio ²⁾ говорилъ: онъ ученъ, другъ ученыхъ, религиозенъ, но хочетъ жить — *e docto e amator di docti, ben religioso, ma vol viver*) Помпонацій въ Падуа училъ, что по философіи и мнѣнію Аристотеля разумная душа смертна (*quod anima rationalis secundum propria philosophiae et mentem Aristotelis sit seu videtur mortalis*) и догматы безсмертїя можетъ быть принять лишь вѣрою. Папа ограничился предписанїемъ Помпонацію отказаться отъ такого ученїя: иначе будетъ возбуждено преслѣдованіе. Папа *mandat ut dictus Petrus revocet: alias contra ipsum procedatur* (13 junii 1518). Кардиналъ Вембо защищалъ Помпонація. Ученому Niphus поручено было написать возраженіе. Эразмъ Ротердамскій, будучи въ Италїи, удивлялся, когда ему, чужеземцу, на основанїи Плинія доказывали, что между душою чело-

---

¹⁾ *Macaulay, Essays: „Ranke's History of the Popes“.* Маколей. „Собр. соч.“ изд. Тяблена. 1862. Т. IV, 112.

²⁾ *Ranke, Sämmtl. W., 1874; t. XXXVII, 47.*

вѣка и душою животныхъ нѣтъ никакой разницы. Молодой Лютеръ былъ пораженъ, слыша какъ священникъ, когда свершалось таинство евхаристіи, говорилъ кощунственныя слова, которыми отрицалъ таинство. Въ Римѣ было признакомъ хорошаго тона опровергать основы христіанства. При папскомъ дворѣ о постановленіяхъ католической церкви, о текстахъ изъ писанія говорили лишь въ шутовскомъ тонѣ. Тайны вѣры были въ презрѣніи.

Иныя настроенія были въ Римѣ къ началу XVII вѣка. Уже съ середины XVI вѣка во главѣ римской церкви стали люди строгаго благочестія. Руководитель Лойолы, Павелъ IV отличается монашескою ревностію и набожностію. Пій V носитъ подъ папскими одеждами власяницу простаго монаха и отличается догматическою строгостію, Григорій XIII старается превзойти его въ суровой добродѣтели священнаго сана. Громадное значеніе получило основаніе ордена іезуитовъ. „Духъ, столь рѣзко выразившійся въ этомъ орднѣ, замѣчаетъ Маколей, одушевлялъ весь католическій міръ. Даже римскій дворъ былъ очищенъ. Въ вѣкъ, предшествовавшій реформаціи, дворъ этотъ былъ позоромъ для христіанскаго міра. Его лѣтописи на каждой страницѣ запятнаны измѣнами, убійствами, кровосмѣшеніями. Даже наиболѣе почтенные изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ не были достойными служителями церкви“. Поднялись требованія духовной дисциплины. Истребленіе ересей во всякой ихъ формѣ, и богословскихъ и философскихъ, сдѣлалось задачей времени. Всякая терпимость исчезла.

Наступила эпоха крайне неблагоприятная для философскаго свободомыслія. Преслѣдованіе ересей распространялось не только на вопросы вѣрованій, но и на вопросы знанія. Сожженіе въ Римѣ въ февралѣ 1600 года Джордано Бруно за его философскія ученія (см. „Истор. Физики“ ч. II) было фактомъ знаменательнымъ и крайне важнымъ. Жестокосердное осужденіе непокорившагося авторитету духовной власти философа было предвѣстіемъ столкновенія авторитета богослововъ съ аргументами точной науки, разыгравшагося въ преслѣдованіи и процессѣ Галилея.

Но состояніе знаній въ Италиі въ эту эпоху именно научные аргументы выдвинуло на первый планъ. Къ началу XVII вѣка въ Ита-

ліи гуманістическое образованіе, ученость въ смыслѣ знакомства съ писателями древности склонились къ упадку. Въ началѣ XVI вѣка все исходило отъ изученія древнихъ. Теперь изученіе это отошло безконечно далеко. Былъ, какъ и прежде, въ Римѣ профессоръ краснорѣчія¹⁾; но ни для греческаго его языка, ни даже для его латини не находилось любителей. Въ часы чтеній его видѣли ходящимъ съ однимъ, двумя слушателями предъ портикомъ университета. Въ концѣ XVI вѣка въ Италиіи не было ни одного извѣстнаго эллиниста. „Это, прибавляетъ Ранке, можно признать паденіемъ; но въ извѣстной мѣрѣ это было въ связи съ развитіемъ иныхъ научныхъ знаній. Прежде научное знаніе почерпалось цѣликомъ изъ древнихъ. Теперь это стало невозможнымъ. Научный матеріалъ чрезвычайно возросъ. Какую массу естествонаучныхъ свѣдѣній, неизвѣстныхъ древнимъ, собралъ, на примѣръ, Улиссъ Альдрованди трудами длинной жизни, во множествѣ путешествій! Въ своемъ музеѣ онъ особенно старался соблюсти полноту; когда не было самихъ предметовъ, замѣнялъ ихъ изображеніями. Каждая вещь имѣла описаніе. Какъ расширилось сравнительно съ представленіями древнихъ землѣвѣдѣніе! Съ другой стороны начинались идущія въ глубь изысканія. Въ началѣ математики старались лишь пополнять пробѣлы, оставленные древними. Коммандинъ, на примѣръ, пришелъ къ убѣжденію, что Архимедъ училъ и даже излагалъ о центрѣ тяжести многое, что затѣмъ утратилось. Это подало ему поводъ самому изслѣдовать предметъ. Такимъ образомъ онъ пошелъ далѣе Архимеда: изъ-подъ руки древнихъ отъ нихъ освобождались. Дѣлали открытія за кругомъ, очерченнымъ древними, и пролагали пути къ новымъ изысканіямъ; особенно ревностно предавались самостоятельному изученію природы. Нѣкоторое время было колебаніе между признаніемъ чудеснаго въ вещахъ и смѣлымъ въ нихъ проникновеніемъ путемъ изслѣдованія явленій. Но послѣднее, научное направленіе немедленно восторжествовало. Былъ сдѣ-

---

¹⁾ Ранке XXXVII, 315. „Auch jetzt erschien wieder ein Aldus Manutius zu Rom und wurde professor des Beredsamkeit“.

ланъ опытъ рациональной классификаціи растительнаго царства. Въ Падуа жилъ профессоръ, названный Колумбомъ человѣческаго тѣла. Со всѣхъ сторонъ стремились дальше: творенія древнихъ не обнимали уже науку". Колумбомъ человѣческаго тѣла, о которомъ упоминаетъ Ранке, былъ Андрей Вазали въ Венеціи (Andre Vasali 1514—1564), составитель знаменитыхъ анатомическихъ таблицъ. Иеронимъ Аквапенденте (Ierome Fabrice Aquapendente) продолжалъ дѣло Вазали въ Падуа. Гарвей, открывшій кровообращеніе, былъ его ученикомъ. Наконецъ, появленіе Галилея на научномъ поприщѣ открыло собою новую эпоху науки. Сосредоточимъ вниманіе наше на Галилея. Его открытія и творенія имѣютъ капитальное значеніе въ исторіи наукъ о природѣ. Въ „Разговорахъ о двухъ новыхъ наукахъ“ онъ заложилъ фундаментъ механическихъ ученій новаго времени. Его „Диалогъ о системахъ міра“ наилучшій источникъ для того, чтобы прослѣдить переходъ отъ средневѣковыхъ понятій о строеніи міра и о дѣйствующихъ въ немъ причинахъ къ понятіямъ новаго времени, опирающимся на строгіе научные аргументы. Съ „Разговорами“ мы познакомимся во второмъ отдѣлѣ этой части, когда будемъ говорить о приращеніяхъ капитала физическихъ знаній въ XVII вѣкѣ. Здѣсь остановился главнымъ образомъ на „Диалогѣ“, подавшемъ поводъ къ процессу, имѣющему важное значеніе въ исторіи цивилизаціи.

II. *Краткій библиографическій очеркъ сочиненій Галилея и о Галилея.* Первое полное изданіе сочиненій Галилея, въ 16 томахъ, сдѣлано во Флоренціи подъ дирекціей профессора Альбери (Albèri) въ 1842—1856 годахъ. Первые пять томовъ посвящены астрономическимъ трудамъ Галилея; томы отъ VI до X содержатъ переписку Галилея; XI—XIV заключаютъ въ себѣ труды Галилея по механикѣ; въ XV томѣ и въ Supplemento помѣщены: письма, не вошедшія въ предъидущія части, жизнь Галилея, написанная Вивіани, и другія дополнительныя статьи ¹⁾.

---

¹⁾ Хронологическій порядокъ главныхъ сочиненій Галилея слѣдующій:

1) *Bilancetta* (о гидростатическихъ вѣсахъ)—1586, издано въ 1655 г.

Съ эпохи изданія Альбери возросъ интересъ къ Галилею, оживленный празднованіемъ въ 1864 году трехсотлѣтія со дня рожденія великаго ученаго. Съ тѣхъ поръ о процессѣ Галилея возникла цѣлая литература. Всѣ существенные документы опубликованы; всѣ подробности преслѣдованія тщательно изучены.

Появились обширные труды Геблера, Вольвила, Рейша. Трудъ послѣдняго „Процессъ Галилея и иезуиты“ обращаетъ на себя особое вниманіе разборомъ подробностей (Reusch, „Der Process Galilei's und die Iesuiten“, Bonn, 1879.). Свѣдѣнія о судьбѣ документовъ обстоятельно изложены въ сочиненіи Анри Мартена—„Galilée, les droits de la science et la méthode des sciences physiques“, (Paris,

---

2) *Theoremata circa centrum gravitatis solidorum* (о центрѣ тяжести нѣкоторыхъ твердыхъ тѣлъ)—1587; изд. въ 1688 въ прибавленіи къ *Discorsi*.

3) Описаніе Дантова ада. 1588.

4) *Sermones de motu gravium* (о паденіи тѣлъ). 1590.

5) *Della scienza meccanica*— 1593; трудъ, распространенный первоначально въ рукописи, переведенный и изданный по французски отцомъ Мерсенномъ въ 1634 году. Изданъ въ подлинникѣ въ 1649.

6) *Trattato de fortificatione*. 1593. Изд. 1818.

7) *Trattato delle sfera a cosmografia*. 1600. Изд. въ Римѣ 1656.

8) *Lesioni sulle stella nuova*. 1604.

9) *De operatione del campasso geom. et milit.*—1606. Первый печатный трудъ Галилея.

10) *Difesa contra B. Carpo*. 1607.

11) *Sidereus Nuncius*. 1610.

12) *Istoria e demonstrazioni delle macchie solari*. 1613.

13) *Discorso de flusso e reflusso*. 1616. Изд. 1780.

14) *Il Saggiatore*. 1623. Издапо членами Академіи dei Lincei и посвящено папѣ Урбану VIII.

15) Письмо къ Инголи. 1624. Изд. 1814.

16) *Dialogo sopra i due massimi sistemi dell' mundo*, знаменитая книга изданная въ 1632 году.

17) *Discorsii e demonstrazioni matematiche intorno a due nuove scienze attenenti alla meccanica ed ai movimenti locali*. 1638 у Эльзевировъ въ Лейденѣ, важнѣйшій механическій трактатъ Галилея.

1868). Документы, относящиеся къ двумъ процессамъ Галилея (1616 года и 1633), находятся въ Римѣ, соединенные въ одинъ рукописный томъ. Въ 1812—1813 гг. документы эти были изъ Рима доставлены въ Парижъ и, по распоряженію правительства Наполеона I, было приступлено къ печатанію ихъ французскаго перевода. Послѣ паденія Наполеона и событій ста дней рукописи затерялись. По крайней мѣрѣ такъ отвѣчало правительство эпохи реставраціи папскому двору, ходатайствовавшему о возвращеніи документовъ: было обѣщано доставить рукописи, когда найдутся. Делабръ при составленіи своей исторіи астрономіи имѣлъ документы въ рукахъ. Въ 1820 году библиофилъ Барбье заявлялъ, что имѣлъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ своихъ рукахъ собраніе документовъ процесса. Въ 1845 году рукописи разыскались и возвращены въ Римъ (1846) папѣ Григорію XVI съ условіемъ, что будутъ вполне напечатаны. Условіе не было исполнено папскимъ правительствомъ и монсиньоръ Марини опубликовалъ лишь нѣкоторые документы вполне и нѣсколько отрывковъ изъ остальныхъ. Въ 1867 году г. Эпинуа (de l'Épinois) въ сочиненіи „Galilée, son procès, sa condamnation d'après les documents inédits“ привелъ вполне всѣ главные документы. Между документами этими нѣтъ приговора и отреченія, такъ какъ, по объясненію Эпинуа, въ инквизиціи велись два реестра—одинъ документовъ процесса, другой приговоровъ и отреченій. Текстъ приговора и отреченія былъ опубликованъ и распространенъ въ годъ процесса. Онъ помѣщенъ между прочимъ въ „Almagestum novum“ астрономомъ Riccioli (Т. I, р. 496, 1651).

Въ прошломъ вѣкѣ процессъ Галилея не привлекалъ къ себѣ особеннаго вниманія. О несправедливости надъ Галилеемъ совершенной упоминалось конечно, иногда въ громкихъ фразахъ, но какъ бы мимоходомъ. Энциклопедисты,—быть можетъ потому что Галилей оставался искреннимъ католикомъ, или потому что произнесъ отреченіе, а не вошелъ какъ Бруно на костеръ,—отвели въ своихъ изданіяхъ процессу Галилея очень незначительное мѣсто. Иезуиты, ихъ приверженцы и вообще католическіе писатели имѣли болѣе основаній молчать о процессѣ Галилея, чѣмъ говорить о немъ. Въ восьмидесятихъ годахъ

прошлаго вѣка даже протестантъ—извѣстный журналистъ Малле-дю-Панъ старался (въ „*Mercur de France*“, 1784, juillet; перепечатано въ „*Journal encyclopédiqua*“) доказать, что Галилей былъ осужденъ не какъ знаменитый астрономъ, а какъ дурной богословъ и что въ начальномъ эпизодѣ многое произошло по винѣ самого Галилея.

Между біографическими трудами о Галилеѣ упомянемъ:

Nelli. „*Vita e commercio letterario di Galileo Galilei*. 1793. Firenze.

Targioni Torretti „*Notizie degli aggrandimenti delle scienze fisiche in Toscana*“ 1780, 3 vol. Въ сочиненіи въ числѣ документовъ помѣщены біографическія свѣдѣнія о Галилеѣ его современника Gherardini.

Biot въ „*Biographie Universelle*“. Нѣкоторые заключенія онъ основалъ, какъ и нѣкоторые другіе біографы, на оказавшемся фальшивымъ письмѣ Галилея къ Renieri. Въ 1858 году Біо въ „*Journal des Savants*“ напечаталъ свой разговоръ объ осужденіи Галилея съ отцомъ Olivieri, комиссаромъ инквизиціи и ея апологистомъ, въ Римѣ въ 1825 году.

Libri. Въ „*Histoire des sciences mathématiques en Italie*“, т. IV, является горячимъ обличителемъ судей Галилея и самой католической церкви. Paris, 1841.

Purchappe. „*Galilee, sa vie, ses decouvertes, ses travaux*. Paris 1866. Съ прибавленіемъ подробнаго „*Analyse du Dialogue sur les systèmes du monde*“.

Henri Martin. „*Galilée, les droits de la science et la méthode des sciences physiques*. Paris 1868.

Gebler. „*Galileo Galilei und die Römische Curie*“. Stuttgart. 1876.

Grisar. Статьи въ „*Zeitschrift f. Cathol. Theologie*“. 1878.

Wohlwill. *Der Inquisitionprocess des Galileo Galilei*. Berlin 1870. „*Ist Galilei gefoltert worden?*“ 1877.

Reusch. „*Der Process Galilei's und die Jesuiten*“. Bonn. 1879.

Ant. Favaro. *Galileo Galilei e lo studio di Padova*. 1883.

Между авторами, писавшими о Галилеѣ и его процессѣ, назовемъ еще: Madden, Brewster, Whewell, Philarète Chasles, Bertrand, Cantor, Truessart, Berti. Объ изданіи д'Эпинуса было упомянуто выше.

Въ новѣйшее время въ Италиі приступлено къ новому „націо-

нальному⁶ изданію твореній Галилея, подъ покровительствомъ короля, подъ дирекцію профессора Favago, въ сотрудничествѣ съ Is. del Lungo, V. Cerruti, G. Govi, G. V. Schiaparelli, U. Marchisini. Изданіе озаглавлено *Le opera di Galileo Galilei. Edizione nazionale, Firenze 1890—1892*. Въ Императорской Публичной Библиотекѣ имѣются нынѣ три тома этого роскошнаго изданія¹⁾.

III. *Очеркъ жизни и дѣятельности Галилея до изобрѣтенія зрительной трубы*. Галилей родился въ Пизѣ 18 февраля 1564 года (по юліанскому календарю²⁾ въ годъ когда въ Римѣ скончался Микель Анджело Буонаротти. Родители Галилея были флорентинцы: отецъ Винченцо Галилей небогатый дворянинъ, мать Юлія (Giulia) изъ стараго рода Амманоти. Винченцо Галилей былъ человѣкъ весьма образованный, знатокъ математики и еще болѣе музыки. Благодаря урокамъ отца Галилей имѣлъ хорошее музыкальное образованіе. Послѣ ученія дома и въ одной монастырской школѣ семнадцатилѣтній Галилео Галилей былъ отправленъ отцемъ въ университетъ въ Пизу (родители жили тогда уже во Флоренціи) для изученія медицины.

Но склонность влекла его къ наукамъ физико-математическимъ. По свидѣтельству Герардини (Gherardini; Op. XV, 387) онъ уходилъ съ курсовъ медицины, чтобы украдкой слушать уроки математики, какіе профессоръ Риччи давалъ пажамъ герцога тосканскаго во время пре-

---

¹⁾ Въ первомъ помѣщены: *Iuvenilia*, трактатъ о сочиненіи Аристотеля *De coelo*, о центрѣ тяжести твердыхъ тѣлъ, *La Bilancetta*, *De Motu*. Во второмъ: *All' Architettura militare*; *Trattate de Fortificatione*, *Le Mecaniche*, *Overo Cosmografia*, *De motu naturaliter accelerato*, *De nuove Stella 1604*; *Il compasso geom. et mil.*, *Usus et fabrica circini*, *Difesa di Galil. contra calomnie di B. Capra 1607*. Въ третьемъ (р. I) факсимиле цѣлой рукописи „*Sidereus Nuncius*“ и различныя писанія, вызванныя появленіемъ этого сочиненія.

²⁾ По тосканскому календарю того времени это было 18 февраля 1563 года, ибо годъ начинался считаться съ празднива Благовѣщенія 25 марта. По грегорианскому календарю, введенному въ Римъ Григоріемъ XIII съ 1582 года это было 28 февраля 1564 года (H. Martin, „Galilée“, 2).

быванія двора въ Пизѣ. Удивленный способностями молодого студента, который одинъ изучилъ Эвклида и Архимеда, Риччи убѣдилъ отца Галилея позволить сыну оставить медицинскія занятія, чтобы отдаться наукамъ математическимъ.

Галилей былъ прирожденный экспериментаторъ. „Еще въ ранніе годы своей юности,—пишетъ старѣйшій биографъ Галилея, Вивіани (Viviani), составившій жизнеописаніе великаго ученаго ¹⁾,—онъ проявлялъ живость ума. Въ часы досуга онъ по большей части упражнялся въ приготовленіи, собственными руками, разныхъ инструментовъ и маленькихъ машинъ, подражая замысловатымъ предметамъ, какіе видѣлъ, и дѣлая модели мельницъ, кораблей и другихъ, болѣе обыкновенныхъ произведеній искусства. Если не хватало какой либо необходимой части въ его дѣтскихъ сооруженіяхъ, онъ пополнялъ ее собственною изобрѣтательностію. Пользовался китовымъ усомъ вмѣсто желѣзныхъ пружинъ или иными способами, смотря по надобности, прибавляя къ машинкѣ новыя выдумки лишь бы добиться усовершенствованія и видѣть ее въ движеніи“.

Тотъ же биографъ повѣтствуетъ какъ юный Галилей будучи студентомъ въ Пизѣ открылъ исохонность качаній маятника.

„Благодаря, говоритъ Вивіани (Op. XV, 332),—остротѣ своего ума, онъ изобрѣлъ простѣйшій и вѣрный способъ измѣренія времени помощію маятника, никѣмъ прежде него не усмотрѣнный. Для сего воспользовался случайнымъ наблюденіемъ качаній люстры (lampada), когда находился въ Пизанскомъ соборѣ, сдѣлалъ точный опытъ, убѣдился въ равной продолжительности колебаній и ему тогда же пришла мысль приспособить ее въ медицинѣ для измѣренія біенія пульса, къ удивленію и восторгу врачей и въ томъ видѣ, какъ это и нынѣ употребляется. Этимъ открытіемъ онъ потомъ пользовался во многихъ опытахъ для измѣренія времени и движеній и первый примѣнилъ его

---

¹⁾ Viviani, Racconto storico della vita di Galileo Galilei; включено въ XV томъ Ореге, стр. 328. Тамъ уже помѣщены биографическія замѣтки о Галилеѣ современника и друга его Gherardini.

къ наблюденію небесныхъ тѣлъ, чѣмъ достигъ небывалыхъ результатовъ въ астрономіи и географіи. Отсюда онъ вывелъ, что явленія природы, какъ бы незначительны, какъ бы во всѣхъ отношеніяхъ маловажны ни казались, не должны быть презираемы философомъ, но всѣ должны быть въ одинаковой мѣрѣ почитаемы. Природа, имѣлъ онъ обыкновеніе говорить, достигаетъ большаго малыми средствами и всѣ проявленія ея одинаково удивительны“.

Въ 1586 году Галилей придумалъ гидростатическіе вѣсы, которые описалъ въ небольшомъ сочиненіи „La Bilancetta“ Сочиненіе въ рукописи было извѣстно друзьямъ и ученикамъ Галилея, напечатано же впервые, по смерти его, въ 1655 году.

Въ 1587 году Галилей былъ въ первый разъ въ Римѣ, гдѣ вошелъ въ сношеніе съ іезуитомъ математикомъ германскаго происхожденія Клавіусомъ (Clavius) и съ маркизомъ Гуидабальдо дель Монте (Guidabaldo del Monte). По протекціи маркиза и его брата, кардинала дель Монте, Галилей получилъ въ 1589 году мѣсто профессора математики въ университетѣ въ Пизѣ съ низшимъ окладомъ жалованья. Приглашеніе въ 1592 году въ Падуанскій университетъ улучшило его матеріальное положеніе. Черезъ шесть лѣтъ профессорства въ Падуа, венеціанское правительство возобновило контрактъ и увеличило жалованье Галилея въ уваженіе его научныхъ заслугъ.

На Галилея оправдывается указаніе академика Бера, что въ періодъ около двадцати пяти лѣтъ намѣчаются характеристическія черты генія, получающія развитіе въ дальнѣйшей его дѣятельности. Двѣ великія задачи генія Галилея, — положить начала новой механики и ввести въ научное сознаніе новое міровоззрѣніе, имѣющее основу въ ученіи Коперника, — были именно въ этомъ періодѣ его жизни предметомъ его проникательныхъ размышленій. Къ этой эпохѣ относятся первые его опыты надъ паденіемъ тѣлъ и первыя механическія соображенія о движеніи естественно ускорительномъ *de motu naturaliter accelerato*. А изъ письма къ Сарини отъ 4 августа 1597 года, когда Галилею было 33 года (Op. VI, 11)—и изъ другаго изъ Падуа къ Кеплеру, — видно, что онъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ при-

нялъ систему Коперника и нашелъ новые аргументы въ ея пользу. „Къ мнѣнію Коперника, пишетъ онъ Кеплеру, я пришелъ много лѣтъ предъ симъ, и выходя отъ него, нашелъ причины многихъ естественныхъ явленій, далеко не объяснимыхъ помощію обычныхъ гипотезъ. Написалъ многія соображенія и опроверженія противныхъ аргументовъ, которыя, впрочемъ, пустить въ свѣтъ не рѣшался, уstraшенный судьбою учителя нашего Коперника. У немпогихъ стяжалъ онъ безсмертную славу, и безкопечнымъ множествомъ — ибо таково число глупцовъ, — осмѣялъ и освиставъ“. „Жалости подобно какъ мало, замѣчаетъ Галилей въ началѣ письма, заботящихся объ исканіи истины и не слѣдующихъ превратному способу философствованія“. (Ор. VI, 11). Лекціи Галилея въ Падуанскомъ университетѣ пользовались большою славой. Многія знатныя особы были въ числѣ его слушателей. Сочиненія его распространялись въ рукописныхъ экземплярахъ. Въ 1593 онъ составилъ трактатъ о механикѣ *Della scienza meccanica* (напечатанъ въ 1649 году, въ переводѣ изданъ отцемъ Мерсенномъ въ 1634); „Трактатъ о фортификаціи“. Былъ также „Трактатъ о сферѣ или космографіи“, изложенный согласно общепринятой системѣ.

Въ 1604 году появленіе новой звѣзды въ созвѣздіи Змѣеносца (Orionus) подало поводъ къ тремъ публичнымъ лекціямъ Галилея, въ которыхъ онъ предъ многочисленною аудиторіею выступилъ противъ перипатетическаго ученія о неизмѣнности небесъ. Лекція вызвала возраженіе со стороны профессора Кремопини и другихъ приверженцевъ школьной философіи.

IV. *Изобрѣтеніе зрительной трубы*. „*Nuncius Siderius*“. 1609 годъ важная эпоха въ жизни и дѣятельности Галилея. Это была эпоха изобрѣтенія зрительной трубы. Галилей въ своемъ сочиненіи „*Il Saggiatore*“ (1623 г.) такъ рассказываетъ исторію своего изобрѣтенія. Находясь въ Венеціи, онъ услышалъ, что какой-то голландецъ поднесъ Морису Нассаускому трубку, которая позволяетъ ясно видѣть отдаленные предметы, какъ еслибы были они приближены. Вернувшись въ Падуа, Галилей сталъ размышлять, какъ можетъ быть устроенъ такой снарядъ, о которомъ никакихъ подробностей не сооб-

палось. „Вотъ, — говоритъ онъ, — какое было мое разсужденіе. Въ устройство снаряда должны входить стекла, одно или многія. Нельзя, чтобы было одно. Стекло можетъ быть или выпуклое, то-есть болѣе толстое въ срединѣ, или вогнутое, то есть болѣе тонкое въ срединѣ, или, наконецъ, съ параллельными поверхностями. Стекло послѣдней формы не увеличиваетъ и не уменьшаетъ видимыхъ предметовъ; вогнутое ихъ уменьшаетъ, выпуклое увеличиваетъ, но кажутся смутными и неясными. Значитъ, одно стекло дѣйствія произвести не можетъ. Перехождая къ соединенію двухъ стеколъ и зная, что стекла съ параллельными поверхностями ничего не измѣняютъ, и заключилъ, что отъ соединенія его съ тѣмъ или другимъ изъ остальныхъ родовъ стеколъ также нельзя ждать дѣйствія. Потому я сосредоточилъ опыты на томъ, чтобы изслѣдовать, что произойдетъ отъ соединенія этихъ двухъ родовъ стеколъ, то-есть выпуклаго и вогнутаго, и достигъ результата, котораго искалъ“.

Въ августѣ 1609 года Галилей принесть въ даръ Венеціанской республикѣ одинъ изъ первыхъ построенныхъ имъ телескоповъ, какъ инструментъ полезный для употребленія на сушѣ и на морѣ. А въ мартѣ 1610 года уже выпустилъ „Звѣздный Вѣстникъ“, „Nuncius Sideraus“, въ которомъ описалъ великія астрономическія открытія, произведенныя помощію новаго инструмента. „Вѣстникъ“ былъ посвященъ великому герцогу Тосканскому. Герцогъ пригласилъ Галилея перейти во Флоренцію съ званіемъ перваго математика и философа, съ содержаніемъ 100 экю, и подарилъ ему золотую цѣпь въ 1200 экю цѣною.

Галилей оставилъ Падуанскій университетъ послѣ восемнадцати лѣтъ преподаванія и вернулся въ отечество. Новымъ мѣстомъ жительства Галилея была Флоренція, въ вильѣ принадлежавшей его другу и ученику Сальвиати.

„Предлагаю, — говоритъ Галилей въ „Звѣздномъ Вѣстникѣ“, — въ этомъ маломъ сочиненіи пѣчто великое для разсмотрѣнія и размышленія каждому изучающему природу; говорю „великое“, основываясь на важности предмета, на новизнѣ его, отъ вѣка несмысленной, а также и на томъ, что дѣло идетъ объ орудіи, дѣлающемъ весьма

многое доступнымъ нашему глазу. Великое, конечно, есть дѣло узнать о существованіи безчисленнаго множества новыхъ, невидѣнныхъ до сихъ поръ неподвижныхъ звѣздъ, далеко превосходящихъ численностью тѣ, которыя до настоящаго времени могли быть усмотрѣны невооруженнымъ зрѣніемъ. Приятно и восхитительно смотрѣть на луну, удаленную отъ насъ почти на 60 земныхъ радіусовъ, какъ будто бы она отстояла только на 2 такіе радіуса, такъ что діаметръ ея кажется почти въ 30 разъ, поверхность въ 900 разъ, объемъ же въ 2,700 разъ большимъ противъ того, какъ видимъ мы ихъ обыкновенно. Смотри на луну при такихъ условіяхъ, всякій замѣтитъ, что она, какъ это съ достовѣрностью будетъ доказано ниже, не имѣетъ гладкой полированной поверхности, но представляетъ неровности и возвышенія подобно земной поверхности, покрыта огромными горами, глубокими пропастями и обрывами. Прекратить всѣ споры о млечномъ пути и обнаружить чувству и разумѣнію его истинный составъ,—не за малое, полагаю, должно быть почитаемо. Приятно кромѣ того показать, что строеніе звѣздъ, которыя астрономы называютъ туманными, далеко не то, какъ до нынѣ полагали. Но что всего удивительнѣе, и въ достовѣрности чего мы весьма желали бы убѣдить всѣхъ астрономовъ и философовъ,—есть открытіе четырехъ блуждающихъ звѣздъ, которыхъ никто не наблюдалъ еще до насъ: эти свѣтила обращаются въ опредѣленные періоды времени около одной изъ числа извѣстныхъ планетъ, подобно тому какъ Венера и Меркурій обращаются вокругъ солнца; упомянутыя четыре планеты, то предшествуютъ центральному свѣтилу, то слѣдуютъ за нимъ, но никогда не уходятъ отъ него далѣе извѣстныхъ предѣловъ разстоянія. Все это я, напутствуемый Божиимъ благословеніемъ, открылъ нѣсколько дней тому назадъ, при помощи придуманнаго мною зрительнаго снаряда.

„Я увѣренъ, что въ скоромъ времени мною или кѣмъ-нибудь другимъ будетъ открыто многое еще болѣе замѣчательное, помощію инструментовъ подобныхъ новозобрѣтенному, форму и устройство котораго, а также и поводъ къ его изобрѣтенію я сейчасъ опишу

и затѣмъ представляю отчетъ о сдѣланныхъ мною посредствомъ его наблюденіяхъ.

„Тому назадъ около десяти мѣсяцевъ дошелъ до насъ слухъ, что какимъ-то голландцемъ устроенъ инструментъ, благодаря которому предметы, находящіеся на далекомъ разстояніи, кажутся какъ бы близь насъ помѣщенными и могутъ быть разсматриваемы съ ясностію. Дѣйствіе этого удивительнаго снаряда подвергнуто было многимъ опытамъ, достовѣрности которыхъ одни вѣрили, другіе нѣтъ. О томъ же самомъ нѣсколько дней спустя извѣстилъ меня письмомъ благородный галлъ Яковъ Бадоверъ, изъ Лютеціи. Все это такъ заинтересовало меня, что я посвятилъ всѣ свои труды на изысканіе научныхъ началъ и средствъ, которыя дѣлали бы возможныхъ устройство инструмента подобнаго рода, и скоро нашелъ желаемое, основываясь на законахъ преломленія свѣта.

„Прежде всего я приготовилъ себѣ свинцовую трубку, въ оконечности которой вставилъ по стеклу, изъ которыхъ одно было плоско-выпуклое, другое плосковогнутое. Приближая затѣмъ глазъ къ вогнутому стеклу, я нашелъ, что предметы, на которые была направлена труба, увеличиваются и какъ бы приближаются; именно, всѣ предметы казались въ три раза ближайшими и слѣдовательно въ девять ¹⁾ разъ большими, чѣмъ какъ они представляются намъ, когда смотримъ на нихъ невооруженнымъ глазомъ. Послѣ этого я устроилъ другую, болѣе совершенную трубку, увеличивавшую отдаленные предметы болѣе чѣмъ въ 60 разъ. Наконецъ, не щадя труда и издержекъ, я дошелъ до того, что приготовилъ себѣ такую трубу, которая увеличивала предметы въ 1000 разъ и, такимъ образомъ, приближала ихъ на разстояніе болѣе чѣмъ въ 30 разъ ближайшее дѣйствительнаго. Было бы совершенно бесполезнымъ говорить какія выгоды представляетъ такой снарядъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Но оставивъ земные предметы, я съ моимъ орудіемъ обратился къ небеснымъ и прежде всего взглянулъ на луну, приблизившуюся ко мнѣ на раз-

---

¹⁾ Подразумѣвается поверхность предметовъ.

стояніе лишь двухъ земныхъ радіусовъ. Затѣмъ, съ неописаннымъ наслажденіемъ я много разъ наблюдалъ неподвижныя и блуждающія звѣзды. Замѣчу для тѣхъ, которые пожелають сами производить такого рода наблюденія, что труба должна быть приготовлена съ возможною точностію, дабы передаваемое ею изображеніе представлялось совершенно явственнымъ и не имѣло туманныхъ очертаній; необходимо также, чтобы поверхности предметовъ были увеличиваемы трубою не менѣе какъ въ 400 разъ, то есть чтобы предметы приближались въ 20 разъ къ глазу наблюдателя. Безъ выполненія этихъ условій всѣ попытки увидать что-либо изъ того, что, какъ было сказано, мы видѣли на небѣ и о чемъ мы будемъ говорить ниже, останутся тщетными. Въ томъ, обладаетъ-ли труба сказанною степенью увеличенія, каждый легко можетъ убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Нужно взять два картонные кружка или квадрата такихъ размѣровъ, чтобы площадь одного изъ нихъ была въ 400 разъ больше площади другого, чего очевидно достигнемъ, когда діаметръ большаго круга будетъ относиться къ діаметру меньшаго какъ 20:1. Помѣстивъ рядомъ такіе кружки и ставъ отъ нихъ на довольно значительное разстояніе, будемъ въ одно и то же время смотрѣть однимъ глазомъ черезъ трубку на меньшій кругъ, другимъ же, невооруженнымъ, на большій; приближаясь затѣмъ понемногу къ мѣсту гдѣ находятся круги и не переставая смотрѣть на нихъ, какъ сейчасъ было сказано, мы вскорѣ замѣтимъ,—если только труба обладаетъ способностію увеличивать предметы въ желаемой степени,—что оба круга имѣютъ одинаковую кажущуюся величину.

Достойно замѣчанія различіе въ видѣ планетъ и неподвижныхъ звѣздъ при наблюденіи черезъ трубу. Планеты представляются маленькими кружками, рѣзко очерченными, какъ бы малыми лунами; неподвижныя же звѣзды не имѣютъ опредѣленныхъ очертаній, но бываютъ окружены, какъ бы дрожащими лучами, искрающимися подобно молніи. Труба увеличиваетъ только ихъ блескъ, такъ что звѣзды пятой и шестой величины дѣлаются по яркости равными Сиріусу, самой блестящей изъ неподвижныхъ звѣздъ. Вслѣдствіе этого труба открыв-

вааетъ намъ почти невѣроятное количество свѣтилъ, укрывавшихся доселѣ отъ невооруженнаго зрѣнія.

„Третій предметъ, обратившій наше вниманіе, былъ млечный путь, составъ котораго, благодаря зрительной трубѣ, обнаружился до того ясно, что теперь можно всѣ споры, мучившіе философовъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ, считать разрѣшенными осязательною очевидностью, освободившею насъ отъ голословныхъ преній. Млечный путь есть не что иное, какъ тѣсное собраніе безчисленнаго множества звѣздъ; въ какое бы мѣсто млечнаго пути ни была направлена труба, вездѣ намъ представляется громадное множество звѣздъ; многія довольно велики и явственно видны, а съ ними необозримое множество мельчайшихъ.

„Остается,—что за главное въ нашемъ дѣлѣ почитаю,—сообщить объ открытіи и наблюденіи четырехъ планетъ, отъ начала міра до нашихъ временъ никогда невиданныхъ. 7-го января 1610 года, въ первомъ часу ночи, наблюдая небесныя свѣтила, я, между прочимъ, направилъ на Юпитера мою трубу, и благодаря ея совершенству, увидѣлъ недалеко отъ планеты три маленькія блестящія звѣздочки, которыхъ прежде не замѣчалъ, вслѣдствіе слабаго увеличенія, бывшей въ то время, у меня трубы. Эти свѣтлыя точки были приняты мною за неподвижныя звѣзды, онѣ обратили на себя мое вниманіе только потому, что всѣ три находились на совершенно прямой линіи, параллельной эклиптикѣ, и были нѣсколько ярче звѣздъ одинаковой съ ними величны. Расположеніе ихъ относительно Юпитера было слѣдующее: двѣ находились на восточной сторонѣ планеты, третья же—на западной. Крайняя восточная звѣздочка и западная казались немного большими третьей. Я тогда не опредѣлялъ точнымъ образомъ ихъ взаимныхъ разстояній, ибо, какъ сказано, онѣ были сочтены мною за неподвижныя звѣзды. Черезъ восемь дней, ведомый не знаю какою судьбою, я опять направилъ трубу на Юпитера, и увидѣлъ, что расположеніе звѣздочекъ значительно измѣнилось: именно, всѣ три помѣщались на западѣ отъ планеты и ближе одна къ другой, чѣмъ въ предшествовавшее наблюденіе. Онѣ по прежнему стояли на прямой

линій, но уже были раздѣлены между собою равными промежутками. Хотя я былъ далекъ отъ мысли приписать это собственному движенію звѣздочекъ, но тѣмъ не менѣ сомнѣвался, чтобы такое измѣненіе въ ихъ положеніи могло произойти отъ перемѣщенія Юпитера, за нѣсколько дней находившагося на западѣ отъ двухъ изъ звѣздочекъ. Съ величайшемъ нетерпѣніемъ ожидалъ я слѣдующей ночи, чтобы разсѣять свои сомнѣнія, но былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ: небо въ эту ночь было со всѣхъ сторонъ покрыто облаками. На десятый день я снова увидѣлъ звѣздочки...“ (Галилей описываетъ далѣе новое расположеніе звѣздочекъ и дальнѣйшія свои надъ ними наблюденія; число звѣздочекъ оказалось четыре). „Вслѣдствіе всего этого я уже безъ малѣйшаго колебанія рѣшилъ, что существуютъ четыре свѣтила, вращающіяся около Юпитера, подобно тому, какъ Венера или Меркурій вращаются около солнца. Нынѣ имѣемъ очевидный аргументъ, чтобы разсѣять сомнѣніе тѣхъ, кои, склоняясь допустить, что планеты обращаются вокругъ солнца, смущаются однако, какимъ образомъ луна несетя вокругъ земли и въ то же время вмѣстѣ съ нею совершаетъ годичный кругъ около солнца... Мы знаемъ теперь, что есть планеты, обращающіяся одна около другой и въ то же время вмѣстѣ несущіяся вокругъ солнца; мы знаемъ, что и около Юпитера движутся, и не одна, но четыре луны, слѣдующія за нимъ во все продолженіе его двѣнадцатилѣтняго обращенія около солнца“.

Открытіе фазъ Венеры и наблюденіе солнечныхъ пятенъ слѣдовали за первыми открытіями Галилея. Открытіе Галилея было встрѣчено одними съ энтузіазомъ, другими съ недовѣріемъ и враждою. Ученые, властители и правительства обращались къ Галилею за его трубами, несравненно превосходившія инструменты изготовленные въ Голландіи. Школьные философы отрицали самые факты. О нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ Галилей такъ писалъ Кеплеру въ письмѣ отъ 19-го августа 1610 года: „Посмѣемся, мой Кеплеръ, великой глупости людской. Что сказать о первыхъ философахъ здѣшней гимназій, которые съ какимъ-то упорствомъ аспіда, не смотря на тысячекратное приглашеніе, не хотѣли даже взглянуть ни на планеты, ни на луну,

ни на телескопъ. По истинѣ, какъ у того нѣтъ ушей, такъ у этихъ глаза закрыты для свѣта истины. Замѣчательно, но меня не дивить. Этотъ родъ людей думаетъ, что философія какая-то книга, какъ „Энеида“ или „Одиссея“, истину же надо искать не въ мірѣ, не въ природѣ, а въ сличеніи текстовъ. Почему не могу посмѣяться вмѣстѣ съ тобою? Какъ громко расхохотался бы ты, если бы слышалъ, что толковалъ противъ меня, въ присутствіи великаго герцога Пизанскаго, первый ученый этой гимназіи, какъ усиливался онъ логическими аргументами, какъ бы магическими прельщеніями, отозвать и удалить съ неба новыя планеты“!

Не только въ эпоху перваго изобрѣтенія, но и долго послѣ было не мало утверждавшихъ, что зрѣніе чрезъ зрительную трубу есть иллюзія, порождаемая инструментомъ, а не наблюденіе дѣйствительныхъ предметовъ. Астрономъ Гевелій, въ сочиненіи „Machina Coelestis“, изданномъ въ 1673 году, писалъ: „Хотя зрительныя трубы изобрѣтены и усовершенствованы, но не мало есть невѣрующихъ, утверждающихъ, что нельзя довѣряться этимъ трубамъ, ибо онѣ, порождая иллюзіи, обманываютъ“.

V. Первая столкновенія Галилея съ богословами. Письмо къ Кастелли. Ученіе о двухъ книгахъ: книгъ откровенія и книгъ природы. Въ 1611 году Галилей предпринялъ поѣздку въ Римъ чтобы ознакомиться тамошнихъ ученыхъ съ новыми открытіями. Поѣздка была его триумфомъ. Астрономы римской коллегіи убѣдились въ истинѣ и важности наблюдений. Кардиналъ Монти писалъ великому герцогу Космѣ, что открытія Галилея „признаны столь же дѣйствительными, какъ и удивительными для людей, понимающихъ дѣло. Если бы мы жили въ древней римской республикѣ, то не приминули бы воздвигнуть Галилею статую въ Кипитоліи“. Кардиналъ Белларминъ, принадлежавшій къ ордену іезуитовъ, обращался къ римскимъ математикамъ, спрашивая, справедливы ли открытія Галилея, извѣстія о которыхъ до него дошли, — что поверхность луны представляетъ неровности, — возвышенія и углубленія, что около Юпитера движутся четыре звѣздочки, что Венера имѣетъ фазы, что млечный

путь есть скопленіе звѣздъ и т. д. Іезуиты-математики отвѣчали утвердительно. Во время пребыванія въ Римѣ Галилей близко сошелся съ молодымъ княземъ Чези (Cesi), основателемъ Academia dei Lincei, которой членомъ былъ Галилей. Такимъ образомъ въ образованнѣйшихъ кругахъ римско-католическаго міра и между прелатами, болѣе или менѣе либерально интересовавшимися наукой и искусствомъ, открытія Галилея нашли признаніе и оцѣнку. Не то было въ средѣ приверженцевъ школьной философіи, въ толпѣ, чуждой научному движенію, и въ бдительныхъ инквизиціонныхъ кругахъ, усматривавшихъ опасности для духовнаго авторитета въ возникающемъ новомъ міровоззрѣніи и въ смѣломъ притязаніи ученыхъ новаго направленія быть богословами книги природы, истолкователями начертанныхъ въ ней божественныхъ письменъ. Открытія Галилея приносили громадное подтвержденіе новому міровоззрѣнію. Отсюда враждебное къ нимъ отношеніе, доходившее до стріцанія очевидности.

Въ Римѣ, гдѣ папа Павелъ V ласково принялъ Галилея, враждебность явственно не обнаружилась. Галилей оставилъ Римъ съ надеждою, что система Коперника будетъ признана не противною ученію церкви. А между тѣмъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ инквизиціи имя Галилея было уже упомянуто. Въ протоколѣ засѣданія 17 мая 1611 г. было записано: „Справиться, былъ ли въ процессѣ доктора Цезаря Кремонини, поименованъ профессоръ философіи и математики Галилей“. Поводъ къ справкѣ остается неизвѣстнымъ. Кремонини былъ ярый перипатетикъ и противникъ Галилея, насмѣхавшійся надъ его наблюденіями.

Во Флоренціи въ концѣ 1611 года было собраніе монаховъ у архіепископа флорентинскаго, Марка Медичи (Mazzi Medici). Говорили о необходимости противодѣйствовать новымъ ученіямъ о строеніи вселенной путемъ церковной проповѣди. Галилей, встревоженный извѣстіемъ о такомъ собраніи, писалъ кардиналу Конти (Conti), спрашивая его, насколько священное писаніе благопріятно началамъ Аристотеля касательно строенія міра. Кардиналъ—въ іюль 1612 года,—отвѣтилъ, что писаніе скорѣе противорѣчитъ, чѣмъ благопріятствуетъ

ученію перипатетиковъ о неподверженности небесъ порчѣ; „не то относительно движенія земли: круговращеніе земли нельзя согласить съ мѣстами писанія, приписывающими движеніе солнцу и небесамъ; или уже слѣдуетъ допустить, что въ этихъ мѣстахъ употребленъ способъ выраженія, приноровленный къ народному пониманію — приемъ истолкованія, допустимый лишь въ случаѣ абсолютной необходимости“.

Около того же времени разнесся слухъ, что отецъ Лорини—тотъ, который потомъ сдѣлалъ доносъ въ инквизицію на Галилея,—въ проповѣди обличалъ Галилея. Галилей негодовалъ и жаловался. 5 ноября 1612 года Лорини писалъ ему, отрицая этотъ слухъ, признавая, впрочемъ, что въ разговорѣ о движеніи земли высказался противъ этого ученія. „Я сказалъ, какъ говорю и теперь, что это мнѣніе Иперника, или какъ тамъ угодно его назвать, кажется мнѣ противнымъ св. писанію“. „Этотъ возражатель, писалъ Галилей въ Римъ къ князю Чези, оказывается такъ знакомымъ съ ученіемъ, что зоветъ его творца Иперникомъ. Видите, гдѣ и кѣмъ оскорбляется философія!“

Въ исходѣ лѣта 1614 года, въ одно изъ воскресеній, доминиканскій монахъ Каччини (Caccini) говорилъ во Флоренціи проповѣдь о чудѣ Иисуса Навина. Кстати привелъ слова писанія:—„что стоите, мужи галилейскіе, зряще на небо“ („Viri Galilaei, quid statis aspicientes in coelum“) и, обративъ слова эти въ намекъ на Галилея, громилъ математику, какъ изобрѣтеніе дьявола, и требовалъ изгнанія математиковъ изъ всѣхъ христіанскихъ государствъ. Галилей жаловался генералу ордена доминиканцевъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и получилъ извинительное письмо. Каччини былъ переведенъ въ Римъ, впрочемъ, съ повышеніемъ.

Интересъ къ новому ученію проникалъ въ образованные круги; оно стало предметомъ свѣтскихъ разговоровъ. 14 декабря 1613 года ученикъ Галилея, математикъ Кастелли, писалъ своему учителю изъ Пизы, что въ его присутствіи за велико-герцогскимъ столомъ шелъ разговоръ о планетахъ Медичиса (спутникахъ Юпитера). При

этомъ профессоръ физики Босалиа (Boscaglia), признавая открытія Галилея неоспоримыми, выразился однако, что движеніе земли невѣроятно и невозможно, такъ какъ противорѣчитъ Библии. На вопросъ герцогини-матери, вступившей въ разговоръ, Кастелли старался пояснить, что ученіе о движеніи земли не находится въ противорѣчій съ писаніемъ. Великій герцогъ, великая герцогиня и другіе присутствовавшіе согласились съ нимъ, Босалиа молчалъ, герцогиня-мать оспаривала, но, по мнѣнію Кастелли, для того только, чтобы вызвать отвѣты. Между прочимъ герцогиня приводила извѣстное мѣсто изъ Иисуса Навина.

Письмо Кастелли подало Галилею поводъ написать отвѣтъ, въ которомъ онъ говоритъ вообще о ссылкахъ на священное писаніе въ научныхъ естественно-историческихъ спорахъ. Отвѣтъ назначался, повидимому, не для одного Кастелли. Письмо впоследствии играло нѣкоторую роль въ процессѣ Галилея, и о немъ упоминается въ приговорѣ. Оно было въ копіи доставлено въ инквизицію доносчикомъ Галилея.

„Священное писаніе, говоритъ между прочимъ Галилей въ своемъ письмѣ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни говорить лжи, ни ошибаться; изреченія его (decreti) абсолютно и неприкосновенно истинны. Но если Библия ошибаться не можетъ, то истолкователи ея могутъ впасть въ различныя ошибки. Въ такое заблужденіе мы необходимо впали бы, если бы пожелали оставаться при буквальномъ значеніи словъ. Черезъ это мы не только впали бы во многія противорѣчія, но и породили бы злокачественныя ереси и оскорбленія божества. Нбо тогда мы должны бы были придать Богу руки, ноги, уши, а также тѣлесныя и человѣческія чувствованія, какъ чувствованія гнѣва, раскаянія, ненависти; кромѣ того, забвеніе прошедшаго и незнаніе будущаго. И такъ какъ Библия во многихъ мѣстахъ не только подлежитъ истолкованію, отличному отъ буквального значенія словъ, но и необходимо въ такомъ истолкованіи нуждается, то въ математическихъ преніяхъ, кажется мнѣ, принадлежитъ ей послѣднее мѣсто. И священное писаніе, и природа проистекаютъ отъ того же бже-

ственного слова, первое, какъ внушеніе Святаго Духа, вторая—какъ исполнительница божественныхъ велѣній. А такъ какъ признано, что Библия, дабы приноровиться къ пониманію толпы, высказываетъ многое такое, что, по видимости, при буквальномъ пониманіи словъ, отступаетъ отъ абсолютной истины, тогда такъ, съ другой стороны, природа дѣйствуетъ неумолимо, неизмѣнно, не озабочиваясь тѣмъ, доступны или недоступны ея скрытыя причины и способы дѣйствія человѣческому пониманію, для котораго она не отступаетъ отъ предписанныхъ ей законовъ: то кажется мнѣ, что естественныя дѣйствія, которыя узнаемъ разумнымъ наблюденіемъ или о которыхъ заключаемъ на основаніи неотразимыхъ доказательствъ, никакъ не должны подвергаться вопросу вслѣдствіе мѣстъ писанія, которыя, по буквальному смыслу словъ, кажутся высказывающими иное, ибо не каждое изреченіе писанія имѣетъ такую строгую норму, какъ каждое дѣйствіе природы. Библия, дабы приноровиться къ грубымъ, необразованнымъ людямъ, не останавливается предъ тѣмъ, чтобы прикрыть важнѣйшія ученія, приписывая Богу состоянія, чуждыя и противорѣчачія его существу. Когда въ ней къ случаю говорится о землѣ, солнцѣ или другихъ созданіяхъ, кто съ увѣренностью станетъ утверждать, что она всегда держится точнаго значенія словъ, особенно, когда о созданіи этомъ высказываются вещи, далеко лежащія отъ главной цѣли писанія, и даже вещи, которыя, будь онѣ высказаны въ ихъ истинѣ, повредили бы главной цѣли, такъ какъ сдѣлали бы простыхъ людей менѣе способными къ пріятію вѣроу положеній, касающихся ихъ спасенія? При такомъ положеніи дѣла и такъ какъ, очевидно, двѣ истины не могутъ одна другой противорѣчить, задача разумнаго истолкователя въ томъ, чтобы найти истинный смыслъ мѣста Библии, согласуемый съ тѣмъ, въ справедливости чего мы убѣждаемся помощью точныхъ наблюденій и неоспоримыхъ доказательствъ. И такъ какъ Библия, хотя преподанная отъ Святаго Духа, по упомянутымъ причинамъ, во многихъ мѣстахъ допускаетъ толкованія, удаляющіяся отъ буквального смысла, и такъ какъ мы не можемъ съ достовѣрностью утверждать, что всѣ ея истолкователи боговдохновенны, то

разумно, полагаю, было бы, еслибы никто не дозволялъ себѣ прибѣгать къ мѣстамъ писанія и нѣкоторымъ образомъ насиловать ихъ съ цѣлью подтвердить то или другое научное заключеніе, которое позже, вслѣдствіе наблюденія и безспорныхъ аргументовъ, придется, быть можетъ, измѣнить въ противоположное. И кто возьметъ на себя поставить предѣлъ человѣческому духу? Кто рѣшится утверждать, что мы знаемъ все, что можетъ быть познано въ мірѣ? Потому наиблагоразумнѣйше было бы къ положеніямъ, касающимся спасенія души и основаній вѣры, коихъ истинѣ не можетъ повредить никакое ученіе, доказанное и вѣрное, не присоединять безъ надобности и другія. А если такъ, то еще менѣе въ порядкѣ прибавлять таковыя по требованію лицъ (истолкователей Библии), о которыхъ, во-первыхъ мы не знаемъ, говорятъ ли они по небесному внушенію, а во-вторыхъ, ясно видимъ, что они не обладаютъ тою проникательностью, какая требуется, чтобы, не говоря уже опровергать, а чтобы понять доказательства, на какихъ высшія науки строятъ свои заключенія. Съ своей стороны, полагаю, что авторитетъ св. писанія имѣетъ цѣлью внушить людямъ вѣру въ тѣ положенія, кои необходимы для спасенія души, и кои, превосходя человѣческое разумѣніе, не могутъ быть внушены чрезъ иное знаніе или иной путь, кромѣ глаголовъ самаго Духа Святаго. По мнѣнію моему, нѣтъ необходимости вѣрить, что Богъ, даровавъ намъ чувства, способность познанія и разумъ, восхотѣлъ еще, унижая эти достоинства, дать намъ и другимъ путемъ знаніе, достижимое помощью этихъ дарованій, и именно по отношенію къ тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ лишь очень малая часть встрѣчается въ Библии, въ нѣсколькихъ выраженіяхъ. Такъ относительно астрономіи, о которой такъ мало говорится въ Библии, что даже ни разу не названы всѣ планеты. Еслибы первые святые составители писанія имѣли въ виду научить людей знанію положеній и движеній небесныхъ свѣтилъ, то не ограничались бы сообщеніемъ такого ничтожнаго количества свѣдѣній, почти равнаго нулю, сравнительно, съ богатствомъ возвышенныхъ и удивительныхъ положеній, составляющихъ содержаніе астрономіи.

„Вы видите, какъ превратно, если не ошибаюсь, поступаютъ тѣ, кои въ научныхъ спорахъ, прямо не связанныхъ съ вѣрою, выдвигаютъ впередъ мѣста Библии, очень часто ложно понятыя. Если эти люди дѣйствительно вѣрятъ, что знаютъ истинный смыслъ каждаго мѣста Библии, и потому убѣждены, что имѣютъ въ рукахъ абсолютную истину, то пусть открыто скажутъ: думаютъ ли они, что тотъ, кто въ научномъ спорѣ держится истиннаго воззрѣнія, имѣетъ преимущество предъ тѣми, кто держится ложнаго. Знаю, что они отвѣтятъ: да; тотъ, кто является представителемъ истиннаго воззрѣнія, имѣетъ за собой тысячу наблюденій и неотразимыя доказательства, другой же—только софизмы, паралогизмы и заблужденія. Но если они могутъ побѣдить противника, оставаясь въ границахъ естествознанія и пользуясь лишь философскимъ оружіемъ, то зачѣмъ же, когда дойдетъ до борьбы, хотятъ внезапно братья за неодолимое и страшное орудіе, котораго одинъ видъ способенъ устрашить искуснѣйшаго и опитнѣйшаго борца? Если сказать правду, то я полагаю: первые пугаются они сами и ищутъ какого-либо средства защитить себя, не будучи въ состояніи противостоять нападенію противника. И такъ какъ имѣющій на своей сторонѣ истину имѣетъ, какъ сказано, большое, даже громадное преимущество, а двѣ истины не могутъ быть между собою въ противорѣчій, то намъ нечего бояться нападеній, если только дастся намъ возможность говорить и быть услышанными людьми, могущими насъ понять, и которыми не совсѣмъ завладѣли превратныя страсти и интересы“.

Въ первые мѣсяцы 1615 года Галилей еще подробнѣе развилъ свои мысли объ обращеніи къ мѣстамъ писанія въ научныхъ спорахъ. „Можетъ ли,—спрашиваетъ онъ между прочимъ,—быть еретическимъ мнѣніе, которое совсѣмъ не касается спасенія души? И можно ли допустить, чтобы Св. Духъ не хотѣлъ намъ передать чего-либо, касающагося спасенія? Повторю, что слышалъ отъ одного высокопоставленнаго духовнаго лица (кардинала Цезаря Баронія—Caesar Baronius): намѣреніе Духа Святаго — научить насъ тому, какъ войти на небо, а не тому, какъ небо ходить. Spiritus Sancti mentem

fuisse nos docere quomodo ad coelum eatur, non quomodo coelum gradiatur“.

Указываемое Галилеемъ различеніе двухъ книгъ: книги природы, изучаемой помощію дарованнаго человѣку разума, и книги спасенія, каковою является священное писаніе, истины котораго принимаются вѣрою, получило, при дальнѣйшихъ успѣхахъ натуральной философіи въ XVII вѣкѣ, капитальное значеніе. Его встрѣчаемъ у главнѣйшихъ естествоиспытателей вѣка. Природа, подчиненная вложеннымъ въ нее неизмѣннымъ законамъ, представляетъ собою нѣкоторый *естественный* порядокъ вещей, раскрывающійся человѣку при свѣтѣ его разума. Понятіе „естественный“ становится однимъ изъ употребительнѣйшихъ терминовъ. Ньютонъ свою книгу, составляющую фундаментъ современной механики, назвалъ началами естественной философіи „Principia philosophiae naturalis“. Увлечение книгой природы съ ея естественными порядками въ умахъ великихъ естествоиспытателей XVII вѣка—и у большинства съ полною искренностью—соединялось съ глубоко религіознымъ отношеніемъ къ другой божественной книгѣ, указывающей путь къ спасенію и въ міръ сверхъестественнаго. Глубоко-вѣрующій Паскаль въ восемнадцатомъ письмѣ къ іезуитамъ (Lettres Provinciales, Oeuv. I, 211, ed. de Lahure, 1858). разсуждая о томъ, какъ познаемъ мы истинность внѣшнихъ фактовъ, говоритъ: „Черезъ глаза, мой отецъ, которые ихъ законный судья, какъ разумъ въ области вещей естественныхъ и доступныхъ разумѣнію, какъ вѣра въ области вещей сверхъестественныхъ и откровенныхъ. Ибо,—скажу вамъ это, отецъ, такъ какъ вы меня принуждаете,—согласно мнѣнію двухъ великихъ учителей церкви, св. Августина и св. Θомы, три начала нашего знанія: чувства, разумъ и вѣра имѣютъ каждое свою отдѣльную область и свою въ ней достовѣрность. И такъ какъ Богъ пожелалъ воспользоваться посредствомъ чувствъ, чтобы дать доступъ вѣрѣ, fides ex auditu, то не требуется, чтобы вѣра разрушала достовѣрность чувствъ; напротивъ, подвергать сомнѣнію вѣрное свидѣтельство чувствъ значило бы разрушать вѣру. Вотъ почему св. Θома нарочито замѣчаетъ, что Богъ хотѣлъ, чтобы чувственные качества сохранялись

въ евхаристіи, дабы чувства, судящія по внѣшнимъ качествамъ, не были обмануты, *ut sensus a deceptione reddantur immunes*.

„Закljučаемъ, что если намъ дано на разсужденіе какое-либо предположеніе, мы прежде всего должны опредѣлить его природу, чтобы знать, къ какому изъ трехъ началъ его отнести. Если дѣло идетъ о вещи сверхъестественной, не будемъ судить ее ни по чувствамъ, ни по разуму, а по писанію и рѣшеніямъ церкви. Если дѣло идетъ о вещи не откровенной, доступной естественному разуму, пусть онъ будетъ ея судьей. Наконецъ, если дѣло идетъ о внѣшнемъ фактѣ, довѣрimsя чувствамъ, коимъ естественно его познавать. Правило это столь общее, что, согласно св. Августину и св. Томѣ, когда въ самомъ писаніи встрѣчаемъ мѣсто, буквальный смыслъ котораго противорѣчитъ тому что съ достовѣрностью узнано помощью чувства или разума, не должно въ этой встрѣчѣ отвергать ихъ показанія съ тѣмъ, чтобы подчинить буквальному смыслу писанія. Но надо истолковать писаніе и искать смысла, который бы согласовался съ этою ощутимой истиною (*avec cette vérité sensible*). Такъ какъ, съ одной стороны, слово Божіе непогрѣшимо и во внѣшнихъ фактахъ, съ другой — показанія чувствъ и разума въ предѣлахъ ихъ областей также достовѣрны, то необходимо, чтобы двѣ истины были согласны между собою. А такъ какъ писанія могутъ быть истолкуемы различнымъ образомъ, тогда какъ показаніе чувства единично (*le rapport des sens est unique*), то въ подобныхъ случаяхъ надлежитъ за истинное толкованіе принимать то, которое соответствуетъ вѣрному показанію чувствъ“. Вообще въ сужденіи объ отношеніи св. писанія къ вопросамъ естествознанія Паскаль совпадаетъ съ Галилеемъ ¹⁾.

---

¹⁾ Позволимъ себѣ припомнить сужденіе по тому же предмету Ломоносова. „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величіе, въ другой свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человекъ смотрѣлъ на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное могущество по мѣрѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—священное писаніе. Въ ней показано создателево благословеніе къ нашему спасенію.

Двѣ книги различаѣтъ и Веконъ. Въ первой книгѣ своего сочиненія „De dignitate et augmentis scientiarum“ (изд. 1623 г.) говоря о значеніи наукъ и ихъ отношеніи къ откровенному знанію, онъ приводитъ евангельское изреченіе: „заблуждаетесь, не зная писаній, ни силы Божіей“ (Матѳ. XXII, 29) и даетъ ему такое толкованіе: „Философія даетъ намъ противъ заблужденій и недостатковъ вѣры самое дѣйствительное средство и противоядіе. Ибо самъ Спаситель сказалъ: „заблуждаетесь, не зная писаній, ни силы Божіей“ — слово коимъ Онъ приглашаетъ насъ листовать двѣ книги, дабы не впасть въ заблужденіе. Одна есть книга писанія, открывающая волю Божию, другая книга природы, объявляющая Его могущество. Двѣ книги, изъ коихъ послѣдняя есть ключъ къ первой. Она не только открываетъ разумѣнію нашему доступъ къ истинному смыслу писанія, согласно общимъ правиламъ разума и законамъ рѣчи, но и укрѣпляетъ нашу вѣру, вводя насъ въ размышленія о могуществѣ Божіемъ, черты коего глубоко врѣзаны въ его твореніяхъ“ („The Works of Lord Bacon“, изданіе въ двухъ томахъ, London, 1879; Т. II, 303).

VI. *Осужденіе системы Коперника.* Въ декабрѣ 1615 года Галилей отпранился въ Римъ. Есть основаніе полагать, что онъ былъ вы-

---

Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ боговдохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учителя. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, ежели онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи.

„Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законо-преступныхъ и благопоучіе житія съ волею Божіею согласною. Астрономы открываютъ храмы Божіей силы, великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обоимъ обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ исѣвять между ими плесели и раздоры“.

званъ приглашеніемъ, державшимся въ тайнѣ. Монсиньоръ Кверенги (Quegenghi) писалъ къ кардиналу Александру д'Эсте (1-го января 1616 г.): „Повѣдка Галилея въ Римъ не совсѣмъ произвольная, какъ думали; хотятъ заставить его объясниться, какъ согласуеть онъ движеніе земли съ совершенно противнымъ сему ученіемъ священнаго писанія“. Доносъ Лорини былъ уже въ эту эпоху въ инквизиціи. Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ духовному авторитету отнестись ко новому ученію, занималъ уже инквизиторовъ. Лично Галилей встрѣтилъ почетный пріемъ, по крайней мѣрѣ, со стороны наиболѣе образованныхъ прелатовъ. 6-го февраля 1616 г. Галилей писалъ во Флоренцію (къ статсъ-секретарю Cuzzio Picchena): „Часть моего дѣла, лично меня касающаяся, совершенно окончена, какъ увѣрили меня высокопоставленные особы, вѣдающія дѣлами этого рода“... „Съ моимъ дѣломъ связано другое, касающееся не только меня, но и всѣхъ, кто въ послѣднія восемьдесятъ лѣтъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, въ рукописяхъ, въ публичномъ преподаваніи, проповѣдахъ, наконецъ въ частныхъ разговорахъ защищали извѣстное вамъ ученіе или мнѣніе, о которомъ теперь идетъ дѣло и хотятъ придти къ нѣкоторому рѣшенію. При этомъ я полагалъ, что могу оказать содѣйствіе по отношенію къ той части вопроса, которая зависитъ отъ знанія истинъ, доставляемыхъ науками, мною представляемыми. Какъ ревностный христіанинъ и католикъ, считаю долгомъ совѣсти не отказаться отъ этого содѣйствія. Это дѣло требуетъ отъ меня много заботы, но охотно понесу великій трудъ, служащій для справедливой и религіозной цѣли, какъ скоро увижу, что не безъ пользы стараюсь о дѣлѣ, сильно затрудненномъ впечатлѣніемъ, причиненнымъ съ давняго времени людьми, преслѣдованными своекорыстными цѣли,—впечатлѣніемъ, устранить которое можно только медленно“.

Галилея принимали, приглашали, ласкали, какъ ученую знаменитость, но онъ былъ въ сильной иллюзіи, полагая, что его блестящія научные аргументы будутъ поняты и приняты въ ихъ силѣ. Время было неблагопріятно для научныхъ аргументовъ. Папа Павелъ V не былъ покровителемъ наукъ и художествъ и къ успѣхамъ

знанія относились съ равнодушіемъ, пока они свершались внѣ области, вѣдуемой духовнымъ авторитетомъ, и сурово, какъ скоро прикасались къ этой области. Просвѣщенные прелаты, ласкавшіе Галилея, могли привлекать къ нему нѣкоторую благосклонность папы, но ввести папу въ кругъ научныхъ аргументовъ были безсильны. Въ кругу инквизиторовъ и іезуитовъ и наивные обскуранты, и обскуранты провидательные, усматривавшіе въ новой астрономической системѣ наступленіе новаго міровоззрѣнія, были крайне враждебны къ ученію, главнымъ представителемъ котораго являлся Галилей, и въ тайнѣ готовились ученію этому нанести рѣшительный ударъ. Подтвердимъ сказанное нѣкоторыми свидѣтельствами.

„Вы испытали бы большое удовольствіе, — читаемъ въ письмѣ отъ 20-го января 1616 года, монсиньора Кверенги къ кардиналу д'Эсте,—если бы слышали Галилея разсуждающимъ въ кружкѣ 15 или 20 человекъ, насѣдающихъ на него то въ томъ, то въ другомъ домѣ. Онъ такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что всѣхъ ихъ высмѣиваетъ, и если не убѣдитъ въ справедливости своего мнѣнія, то, во всякомъ случаѣ, докажетъ ничтожество аргументовъ, какими противники хотятъ повергнуть его на землю. Въ понедѣльникъ, въ домѣ синьора Федерико Гизиліера, приводилъ онъ удивительныя доказательства. Мнѣ особенно понравилось то, что онъ, прежде чѣмъ отвѣтитъ на приводимые противъ него аргументы, начинаетъ ихъ еще подкрѣплять новыми, повидимому, сильными, чтобы потомъ чрезъ опроверженіе поставить противника въ еще болѣе смѣшное положеніе“. (Op. VIII, 383). „Я пригласилъ,—пишетъ онъ чрезъ нѣсколько дней,—Галилея и трехъ, четырехъ противниковъ на поединокъ между бокалами, *inter rosula*“.

Но скоро (5-го марта) пришлось написать иное. „Диспуты синьора Галилея улетѣли какъ въ алхимическомъ дыму. Священное судилище объявило, что держаться этого мнѣнія значитъ явственно отступать отъ непогрѣшимыхъ догматовъ церкви. Мы можемъ, значитъ, быть увѣрены, что хотя мозгомъ нашимъ и пишемъ всяческіе круги, однако можемъ твердо стоять на нашемъ постѣ и не принуждены летѣть

съ землю, какъ муравьи на шарѣ, плавающимъ въ воздухѣ. Любопытно донесеніе герцогу Тосканскому его посланника Гуичіардини, не особенно дружественнаго съ Галилеемъ. „Кардиналъ дель-Монте, я—по мѣрѣ моихъ малыхъ силъ—и многіе кардиналы священнаго судилища уговаривали его, чтобы успокоился и не форсировалъ обстоятельствъ и если хочеть держаться того мнѣнія, держался бы въ тишинѣ, не очень стараясь привлечь къ нему другихъ. Всѣ боятся, не повредилъ бы ему его прїездъ сюда и чтобы, въ результатѣ, вмѣсто того, чтобы очистить себя, не ушелъ бы пораненымъ. А онъ, находя, что другіе недовольно горячо входятъ въ его намѣренія и желанія, насѣлъ—послѣ того, какъ многимъ кардиналамъ излагалъ свое дѣло и успѣлъ надобѣсть,—на кардинала Орсини, къ которому съумѣлъ добыть горячее рекомендательное письмо отъ вашего высочества. Въ среду въ конвисторіи этотъ кардиналъ,—не знаю, на сколько убѣдительно и благоразумно,—говорилъ папѣ въ пользу Галилея. Папа отвѣтилъ ему, что хорошо бы онъ сдѣлалъ, убѣдивъ Галилея оставить это мнѣніе. Орсини отвѣтилъ что-то раздражившее папу, который и сказалъ, что передалъ дѣло кардиналамъ священнаго судилища. Когда Орсини ушелъ, его святѣйшество призвалъ кардинала Беллармина, и когда они переговорили о дѣлѣ, рѣшили, что мнѣніе Галилея есть заблужденіе и притомъ еретическое. Вчера была собрана конгрегация, чтобы объявить мнѣніе ложнымъ и еретическимъ. Коперникъ и другіе авторы, о томъ писавшіе, будутъ или подвергнуты исправленію, или запрещены. Лично Галилей, полагаю, не пострадаетъ, если будетъ достаточно благоразуменъ, чтобы хотѣть и мыслить такъ, какъ святая церковь хочеть и мыслить. Но онъ слишкомъ горячится, безмѣрно страстенъ и слишкомъ мало имѣетъ благоразумія, чтобы поборотъ себя. При такихъ обстоятельствахъ римскій воздухъ ему очень вреденъ, особенно въ наше время, когда здѣшній владыка, который ненавидитъ изящныя знанія и изящныя умы, слышать не можетъ объ этихъ новизнахъ и тонкостяхъ, и когда каждый принаравляетъ свой мозгъ и свою природу къ мозгу и природѣ папы, такъ, что и тѣ, которые кое-что знаютъ и интересуются дѣломъ, если достаточно

благоразумны, показываютъ себя иначе, чтобы не быть заподозрѣнными и не навлечь на себя неприятностей. Здѣсь есть монахи и иные, которые зложелательны къ Галилею и преслѣдуютъ его; а онъ находится, какъ я сказалъ, въ настроеніи, совсѣмъ не подходящемъ для здѣшной земли, и можетъ себѣ и другимъ накликать большія огорченія. Не вижу, зачѣмъ онъ сюда прибылъ и что выиграетъ, если здѣсь останется“. Далѣе въ письмѣ Гунчіардини предостерегаетъ кардинала Карла Медичи, котораго ждали тогда въ Римъ, отъ какой-либо оппозиціи церковнымъ рѣшеніямъ и совѣтуетъ быть въ строжайшемъ согласіи съ волею папы, и священнаго судилыща, „которое есть фундаментъ и базисъ религіи и важнѣйшее въ Римѣ“.

„Если кардиналъ, пишетъ Гунчіардини, будетъ привлекать въ свою приемную и въ свой кругъ людей, увлекающихся страстію и съ горячію защищающихъ и напоказъ выставляющихъ свои мнѣнія въ астрологическихъ и философскихъ вещахъ, то отъ него всякій будетъ отдаляться. Ибо папѣ, какъ я говорилъ, такого рода вещи въ такой мѣрѣ чужды, что здѣсь всякій старается показать себя и глупымъ и несвѣдущимъ“.

5-го марта 1616 г. состоялся декретъ конгрегаціи кардиналовъ, во второй половинѣ котораго—въ первой говорилось о пяти запрещенныхъ книгахъ, не имѣвшихъ отношенія къ ученію о движеніи земли—значилось: „Дошло до свѣдѣнія конгрегаціи, что ложное пнеогорейское ученіе, совершенно противное священному писанію о движеніи земли и неподвижности солнца, которому учатъ Николай Коперникъ въ сочиненіи „*De revolutionibus orbium coelestium*“ и Дидакусъ Астуника въ толкованіи „на Іова“, обнаруживается и многими принимается, какъ явствуетъ изъ печатнаго посланія одного кармелита, отца Кормелино Фоскарино (*Foscarini*) (приведено полное заглавіе), который тщится показать, будто упомянутое ученіе согласно съ истинною и не противно священному писанію. Дабы такого рода мнѣніе не распространилось на пагубу католической истины (*ne in reipublicam catholicam veritatis serpat*), конгрегація постановила: „сочиненія Николая Коперника „*De revolutionibus orbium*“ и Дидака Астуника „къ

Гову^о воспретить, пока не будут исправлены (*suspendendos esse donec corrigantur*), а книгу Фоскарини осудить и воспретить совсѣмъ^а. Декретъ состоялся на основаніи представленнаго въ конгрегацію рѣшительнаго мнѣнія богослововъ-консультантовъ, текстуально въ декретъ не включеннаго. Кардиналу Беллармину поручено было передать Галилею о мнѣніи и рѣшеніи конгрегаціи и сдѣлать внушеніе, чтобы оставилъ осужденное ученіе. Впослѣдствіи при процессѣ Галилея большое значеніе имѣлъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ получилъ Галилей это внушеніе. При этомъ Галилей могъ представить собственноручное свидѣтельство Беллармина. Свидѣтельство было дано 26 мая 1616 года по просьбѣ Галилея, жаловавшагося на то, что во Флоренціи стали распускать слухъ, будто Галилей былъ подвергнутъ церковному наказанію. Въ свидѣтельствѣ сказано: „Мы, Робертъ кардиналъ Белларминъ, услышавъ, что на синьора Галилея клеветуютъ и утверждаютъ, будто онъ произнесъ предъ нами отреченіе (*di avere abbiurato in mano nostro*) и будто на него положена была спасительная эпитимія, и желая утвердить истину, симъ заявляемъ, что сказанный синьоръ Галилей ни предъ нами, ни предъ кѣмъ-либо другимъ въ Римѣ, или другомъ какомъ мѣстѣ, сколько намъ извѣстно, не отрекался отъ своего мнѣнія и ученія и никакой эпитиміи или чего либо подобнаго на него наложено не было. Было только ему предъявлено господиномъ нашимъ (папою) сдѣланное и конгрегаціей индекса опубликованное объявленіе, что ученіе, приписываемое Копернику, будто земля движется вокругъ солнца, солнце же стоитъ въ центрѣ міра, не имѣя движенія съ востока на западъ, противно св. писанію и потому не можетъ быть ни защищено, ни раздѣляемо (*non si posse diffendere nec tenere*)^а“.

Вскорѣ послѣ того, какъ состоялся декретъ, Галилей 12 марта представлялся папѣ. „Вчера, пишетъ онъ, я цѣловалъ ногу его святѣйшества. Благосклонная аудіенція, въ которой я разговаривалъ съ папою, ходя взадъ и впередъ, длилась три четверти часа... Я говорилъ его святѣйшеству о злыхъ козняхъ моихъ враговъ и указалъ нѣкоторыя изъ ихъ клеветъ. Папа отвѣтилъ мнѣ, что онъ знаетъ мою

непорочность и чистоту моихъ намѣреній и когда я выразилъ въкоторое опасеніе, что злоба ихъ и далѣе можетъ меня преслѣдовать, онъ утѣшалъ меня, говоря, что могу быть совершенно спокоенъ, ибо онъ и вся конгрегация такого обо мнѣ мнѣнія, что клеветѣ не легко приобрѣсть себѣ вѣру. Пока онъ живъ, я могу быть спокоенъ. Когда я уходилъ, онъ повторилъ о своей готовности на дѣлѣ при каждомъ случаѣ доказать мнѣ свое расположеніе". Въ письмѣ къ своему другу Сагрето Галилей писалъ, что вообще дѣло приняло другой совсѣмъ оборотъ, чѣмъ какого ждали его враги. Изъ Рима Галилей уѣхалъ въ концѣ мая 1616 года.

Въ началѣ 1616 года извѣстный философъ Кампанелла (Tomasso Campanella, доминиканскій монахъ) прислалъ кардиналу Гаetano, члену инквизиціи, „Апологию“ въ пользу Галилея. Апология была писана по вызову Гаetano, обратившагося къ Кампанелла за разъясненіемъ возможно ли согласить съ св. писаніемъ систему Коперника и Галилея. Послѣ осужденія сочиненія Фоскарини „Апология“ не могла появиться въ Италиі; она была издана во Франкфуртѣ, безъ вѣдома автора, какъ по крайней мѣрѣ заявилъ Кампанелла. Сочиненіе Кеплера „Сокращеніе астрономіи Коперника“, первая часть котораго издана была въ 1618 году, запрещено конгрегацией индекса 10 марта 1619 года.

Осенью 1618 года три появившіяся кометы привлекли вниманіе ученыхъ. Иезуитъ Грасси, профессоръ математики въ Римской коллегіи, читалъ лекцію объ этихъ кометахъ. Лекція распространилась въ рукописи. Ученикъ Галилея Гвидуччи (Gviducci) издалъ въ 1619 г. во Флоренціи, при участіи Галилея, опроверженіе взглядовъ Грасси. Грасси отвѣчалъ сочиненіемъ: „Libra astronomica et philosophica“ „Вѣсы астрономическіе и философскіе“, подъ псевдонимомъ Лотаріо Сарзи (Lotario Sarsi). Грасси затрогивалъ Галилея. Галилей отвѣтилъ (1623 г.) замѣчательнымъ въ полемическомъ отношеніи трактатомъ „Saggiatore“ („Пробирные вѣсы“; Trutinator, по переводу, Кеплера; то же что латинское Collybista, по объясненію самого Галилея). Изданіе „Saggiatore“ приняла на себя Академія del Lincei.

Папа Павел V въ это время уже скончался, января 28-го 1621 года. На престолъ былъ Григорій XV. Цензоромъ былъ Риккарди (котораго король испанскій прозвалъ Padre Monstro, по однимъ—за громадную ученость, по другимъ—за толщину), имѣвшій о Галилеѣ высокое мнѣніе. Риккарди 2 февраля 1623 г. далъ о книгѣ самый похвальный отзывъ: „Не только не нахожу въ книгѣ чего-либо противнаго добрымъ нравамъ или удаляющаго отъ сверхъестественной истины нашей вѣры, но встрѣчаю такое множество прекрасныхъ, къ философіи природы относящихся разсужденій, что, полагаю, столѣтіе наше въ будущихъ вѣкахъ славиться будетъ не только какъ наслѣдникъ трудовъ прежнихъ философовъ, но и какъ изобрѣтатель, раскрывшій многія тайны природы, тѣмъ не извѣстныя,—благодари остроумнымъ и основательнымъ соображеніямъ автора книги. Считаю себя счастливымъ, что родился въ вѣкъ, когда золото истины взвѣшивается не на обыкновенныхъ вѣсахъ и приблизительно, а на тонкихъ пробирныхъ вѣсахъ“ (Reusch, 165).

Когда „Saggiatore“ печаталось, свершилось важное событіе. На папскій престолъ избранъ былъ, 6 августа 1623 года, кардиналъ Барберини подъ именемъ Урбана VIII. Академики dei Lincei порѣшили ему посвятить книгу Галилея.

Въ „Saggiatore“ по необходимости приходилось говорить о системѣ Коперника. Вотъ какъ выражался Галилей. „Что касается Коперниковой системы, то мы, католики, имѣемъ счастье высшею мудростію быть спасены отъ заблужденія и исцѣлены отъ слѣпоты. Иначе не полагаю, чтобы такое благодѣяніе выпало на нашу долю чрезъ приводимые Тихо аргументы и наблюденія. А такъ какъ обѣ системы (Птолемея и Коперникова) ложны, система Тихо ничтожна, то Сарси не долженъ меня порицать, если я вмѣстѣ съ Сенекою признаю, что истинное строеніе вселенной мнѣ неизвѣстно“. „Было бы не дурно, говорилъ Галилей въ другомъ мѣстѣ, еслибы постарались естественнoисторическими аргументами доказать невѣрность тѣхъ положеній, которыя объявлены противными св. писанію“.

Кардиналъ Барберини былъ давно знакомъ съ Галилеемъ и съ

1611 года находился съ нимъ въ перепискѣ. Въ іюнѣ 1619 года Галилей послалъ ему писанное имъ и Гуидуччи о кометахъ. Въ августѣ 1620 года кардиналъ прислалъ Галилею латинскую оду на его астрономическія открытія.

Въ 1624 года Галилей ѣздилъ въ Римъ и былъ благосклонно принятъ папою. „Я шесть разъ былъ у него, пишетъ Галилей 8 іюня 1624 года, и имѣлъ съ нимъ долгіе разговоры. Когда я вчера прощался съ нимъ, онъ общалъ мнѣ пансіонъ для сына“. Въ томъ же письмѣ Галилей упоминаетъ о разговорѣ кардинала Цоллера (Zoller) съ папою—разговоръ передавалъ Галилею самъ кардиналъ. Кардиналъ сдѣлалъ замѣчаніе, что еретики всѣ держатся мнѣнія Коперника, и потому надо быть очень смотрительнымъ, если желаемъ придти къ какому-либо рѣшенію. Папа отвѣтилъ: „святая церковь осудила это мнѣніе не какъ еретическое, а лишь какъ дерзкое. Но нечего бояться, чтобы кому-нибудь удалось сдѣлать его достовѣрнымъ“.

Глава II. Діалогъ Галилея о двухъ системахъ міра и его осужденіе.

1. *Появленіе „Діалоговъ“.* Общія замѣчанія о книгѣ. Оживившіяся надежды, что осужденіе 1616 года будетъ снято съ ученія Коперника, побудили Галилея усердно заняться своимъ многолѣтнимъ трудомъ, посвященнымъ разбору ученій о строеніи вселенной и установленія истинной ея механики. Въ 1630 году сочиненіе въ рукописи было уже готово и Галилей повезъ его въ Римъ. Главный цензоръ—Magister Sacri Palatii, Риккарди (Nicolaus Riccardius), имѣвшій о Галилеѣ чрезвычайно высокое мнѣніе, далъ, не безъ вѣдома, по видимому, и папы, разрѣшеніе къ печати, обусловивъ его присоединеніемъ предисловія, гдѣ было бы высказано, что авторъ, излагая аргументы въ пользу и противъ системы Коперника, никакъ не выдаетъ ее за истинную, а напротивъ, отвергаетъ согласно указанію духовнаго авторитета. Галилей первоначально предполагалъ, или по крайней мѣрѣ говорилъ что предполагаетъ, печатать книгу въ Римѣ; но потомъ, найдя издателя во Флоренціи—Ландини, предпочелъ пе-

печатать Діалогъ въ своемъ городѣ. Здѣсь Галилей заручился разрѣшеніемъ генераль-викарія Николини, инквизитора Эгидіо и цензора Альтелло. Съ разрѣшеніи Риккарди, Галилей выставилъ на книгъ—чего не требовалось—и его дозволеніе. Предисловіе было, по желанію Риккарди, особо послано въ Римъ для его утвержденія.

Книга вышла въ свѣтъ въ августѣ 1682 года. Вотъ полное ея заглавіе:

„Dialogo di Galileo Galilei Linceo mathematico supraordinario dello studio di Pisa. E filosofo, e mathematico primario del serenissimo Gr. Duca di Toscana. Doue ne i congressi di quattro giornate si discorre sopra i due massimi sistemi del mondo Tolemaico e Copernicano. Proponendo indeterminatamente le ragioni filosofiche e naturali tanto per l'una, quanto per l'altra parte. Con privilegi. In Firenze. Per Gio: Batista Landini. MDCXXXII. Con licenza de superiori. Книга снабжена рядомъ цензурныхъ разрѣшеній ¹⁾.

Предисловіе, которое должно было облегчить появленіе книги послѣ декрета 1616 года, начинается такъ: *„Къ благосклонному читателю.* Въ послѣдніе годы въ Римѣ изданъ спасительный декретъ, направленный противъ соблазновъ нашихъ дней и своевременно налагающій молчаніе на пифагорейское мнѣніе, будто земля движется. Были голоса тогда утверждавшіе, что рѣшеніе это обязано происхожденіемъ своимъ не испытанію, основанному на знаніи дѣла, а вышло изъ партійнаго пристрастія безъ достаточнаго знанія. Были сѣтованія, громко выражавшія, что совѣтчики, вовсе не знакомые съ состояніемъ астрономической науки, не должны были внезапно

---

¹⁾ Три года тому назадъ ординарный учитель реальнаго училища „Филантропичъ“ во Франкфуртѣ сдѣлалъ богатый подарокъ научной литературѣ. Онъ издалъ полный переводъ на нѣмецкій языкъ „Діалога“ Галилея, снабдивъ изданіе замѣчательнымъ введеньемъ и превосходными примѣчаніями. *„Dialog über die beiden hauptsächlichsten Weltsysteme, das Ptolomäische und Kopernikanische, von Galileo Galilei. Aus dem italienischen übersetzt und erläutert“* Leipzig. 1891. При распространенности нѣмецкаго языка твореніе Галилея дѣлается нынѣ доступнымъ широкому кругу читателей.

воспрещеніемъ подсѣкать крылья пытливымъ умамъ. Усердіе мое не могло оставаться въ безмолвіи, слыша столь легкомысленныя обвиненія. Посвященный въ мудрое заключеніе, я рѣшился выступить на арену свѣта, какъ свидѣтель настоящей истины. Я тогда находился въ Римѣ. Не только имѣлъ слушателями высшихъ духовныхъ сановниковъ тамошняго двора, но и встрѣчалъ въ нихъ одобреніе. Обнародованіе декрета послѣдовало не безъ того, чтобы я былъ предварительно поставленъ въ нѣкоторую о томъ извѣстность. Потому намѣреніе мое въ настоящемъ нелегкомъ трудѣ доказать чужимъ націямъ, что въ Италиі и особенно въ Римѣ объ этомъ предметѣ знаютъ не менѣе того, что добыто иностранними изслѣдованіями. Чрезъ соединеніе всѣхъ собственныхъ изысканій о Коперниковой системѣ я хочу показать, что римская цензура обо всемъ этомъ освѣдомлена и что страна здѣшняя не есть только отечество душеспасительныхъ догматовъ, но и проникательныхъ открытій для услажденія умовъ. Съ этою цѣлью я въ теченіе разговора принимаю сторону Коперника, причѣмъ по чисто математическому способу выхожу отъ его системы, какъ отъ предположенія, и стараюсь всѣми приѣмами искусства доказать, что система эта стоитъ выше, если и не системы неподвижности земли, то по крайней мѣрѣ тѣхъ возраженій, какія дѣлаются цеховыми перипатетиками. Эти люди въ противорѣчій съ своимъ именемъ (перипатетики—странствующіе), не дѣлая шагу, удовлетворяются почитаніемъ фантомовъ; не стараются искать истину путемъ собственнаго размышленія и руководятся памятованіемъ четырехъ дурно понятыхъ началъ (форма, матерія, движущая причина, цѣль)“...

Сочиненіе изложено въ формѣ четырехдневнаго разговора трехъ лицъ: Сальвіати, Сагредо и Симпличіо. Первые два не вымышленныя лица, пріятели Галилея. „Много лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Галилей въ предисловіи,—я часто бывалъ въ дивномъ городѣ Венеціи и былъ въ сношеніяхъ съ синьоромъ Сагредо (Giovanni Francesco Sagredo), человѣкомъ знатнаго происхожденія и выдающейся проникаемости. Туда же пріѣзжалъ изъ Флоренціи синьоръ Сальвіати (Filippo Salviati). Благородная кровь и блестящее богатство были

меньшими изъ его достоинствъ. Онъ обладалъ возвышеннымъ духомъ и почиталъ изслѣдованіе и размышленіе высшимъ изъ наслажденій. Съ ними обоими я часто разговаривалъ объ упомянутыхъ вопросахъ и притомъ въ присутствіи одного философа-перипатетика, которому ничто такъ не препятствовало въ познаніи истины, какъ слава, которую онъ приобрѣлъ чрезъ свое изложеніе Аристотеля. Теперь, когда жестокая смерть похитила ихъ въ цвѣтѣ лѣтъ у Венеціи и Флоренціи, я старался, насколько позволяли слабыя силы, оживить ихъ, къ ихъ славѣ, на этихъ листахъ, гдѣ вывожу ихъ участниками бесѣды. Не отсутствуетъ и бойкій перипатетикъ. По его чрезмѣрной любви къ комментаріямъ Симплиція, казалось подходящимъ, не называя его настоящимъ его именемъ, придать ему имя его любимаго автора“. Сальвіати, родившійся въ 1583 году, умеръ въ 1614 г. Сагрето, особенно близкій къ Галилею, родился въ 1571 г., умеръ въ 1620 году. Свои мысли Галилей влагаеть по преимуществу въ уста Сальвіати. Но когда упоминается объ оригинальныхъ изслѣдованіяхъ Галилея, Сальвіати говоритъ о „нашемъ другѣ академикѣ“, подъ которымъ подразумѣвается самъ Галилей, членъ академіи dei Lincei.

Книга обширна; въ изданіи Альбери ей посвященъ первый объемистый томъ въ 540 страницъ, въ переводѣ Штрауса она занимаетъ около 500 страницъ большаго формата. Она раздѣлена на четыре дня. Первый посвященъ вопросу о раздѣленіи матеріи вселенной на элементную и небесную; второй — движенію земли; около оси третій— движенію ея около солнца; четвертый—явленію прилива и отлива, въ которомъ Галилей усматривалъ физическое доказательство движенія земли.

Хотя „Діалогъ“ есть трактатъ астрономическій, я счелъ однако полезнымъ включить подробное его изложеніе въ исторію физики въ виду капитальнаго значенія, принадлежащаго ему въ исторіи философіи природы вообще. Сочиненіе это, принадлежащее къ числу первоклассныхъ произведеній ума человѣческаго, лучше чѣмъ какое либо иное, знакомитъ насъ съ переходомъ отъ средневѣковыхъ понятій и ученій къ міровоззрѣнію новаго времени. Въ Діалогѣ мы знакомимся

въ ясномъ и изящномъ изложеніи какъ съ подлежащими смѣнѣ ученіями и идеями вѣка, такъ и съ горизонтами, какіе открывались поному міровоззрѣнію, основанному на системѣ Коперника, въ существѣ измѣнявшея представленія о мѣстѣ, значеніи, міровой судьбѣ земли, какъ спутника солнца, и человѣка, какъ обитателя этой планеты. Въ общедоступномъ изложеніи раскрывая тайны новой космографіи, „Діалогъ“ Галилея есть вмѣстѣ съ тѣмъ трактатъ новой, „механической“ философіи природы. Это сочиненіе новаго времени; чтеніе его поучительно и въ XIX вѣкѣ. Замѣчательная литературная форма ставитъ его наравнѣ съ изящными произведеніями художественной мысли. Еслибы естественно-историческое образованіе не было нынѣ еще въ жалкомъ состояніи, каждый образованный человѣкъ незнакомство съ „Діалогомъ“ Галилея счелъ бы такимъ же пробѣломъ, какъ незнакомство съ Сервантесомъ и другими геніями того же порядка. Къ сожалѣнію, наука наблюденія и опыта, въ смыслѣ такой же основы общаго образованія, какъ языки и математика, есть еще наука будущаго. Можно ли даже сказать, что система Коперника и Галилея сдѣлалась сознательно усвоеннымъ достояніемъ современнаго образованнаго человѣка? Коперниканцы ли мы? Грубое чувственное различеніе верха и низа, неба и земли не остается ли и нынѣ регуляторомъ нашихъ обычныхъ всѣдневныхъ соображеній. Ребенкомъ десяти лѣтъ на вѣру заучиваемъ мы, что находимся на нѣкоторомъ большомъ шарѣ, вертящемся и летящемъ, представляющимъ собою малую пылинку въ безпредѣльномъ пространствѣ; и въ зрѣломъ возрастѣ повторяемъ заученное, не усвоивъ аргументовъ и не сознавая всей важности и силы построенія дѣйствительности на основаніи научныхъ заключеній, исправляющихъ непосредственныя показанія чувствъ.

Бесѣда перваго дня.

II. *Предметы первой бесѣды. Характеръ приводимыхъ аргументовъ; аргументы метафизическіе, этическіе и научные. Въ началѣ*

второго дня Сагрето такъ припоминаеть, въ краткихъ словахъ, содержание первой продолжительной бесѣды пріятелей. „Насколько не обманываетъ меня память, — говоритъ онъ, — главнымъ предметомъ нашей вчерашней бесѣды было разобрать обстоятельно, какое изъ двухъ мнѣній вѣроятнѣе и основательнѣе: то ли, согласно которому матерія небесныхъ тѣлъ ненарождаема, неразрушима, неизмѣнна, неопутима, словомъ, кромѣ движенія, никакой перемѣнѣ не подлежитъ и потому представляетъ собою нятый элементъ, совершенно отличный отъ нашихъ элементныхъ тѣлъ, нарождающихся, разрушимыхъ, измѣчивыхъ; или другое, согласно которому нѣтъ такой разпородности между частями вселенной и земля пользуется тѣмъ же преимуществомъ, какъ остальные тѣла, изъ которыхъ слагается вселенная. словомъ, есть такой же свободно движимый шаръ, какъ Луна, Юпитеръ, Венера и другія планеты. Въ заключеніе мы въ частности обнаружили черты соответствія земли съ Луною и именно съ Луною болѣе, чѣмъ съ другими планетами, такъ какъ Луна, по сравнительной близости ея, болѣе доступна нашему чувственному наблюденію и лучше намъ знакома“.

Допущеніе разнородности и противоположности небеснаго и элементнаго во вселенной было основаніемъ міровоззрѣнія, разрушеннаго системою Коперника. Потому понятно, что именно вопросу объ этой разнородности посвящена главнымъ образомъ поучительная бесѣда перваго дня. Она знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ аргументовъ и въ пользу и противъ разнородности частей вселенной. Споры составляли жизнь среднелѣковой науки. Побѣда оставалась за тѣми, кто имѣлъ запасъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ, или по крайней мѣрѣ почитавшихся наиболѣе сильными, и умѣлъ ими пользоваться. Смѣна міровоззрѣній сопровождалась измѣненіемъ пріемовъ въ исканіи и утверженіи научныхъ истинъ. Измѣнился характеръ научныхъ доказательствъ, и образовалось иное, чѣмъ какое было прежде, понятіе о силѣ аргументаціи. На первый планъ выступаетъ аргументаціи научная: отчасти математическая, отчасти основанная на наблюденіи и опытѣ. Творенія Галилея открываютъ собою новую эру.

Діалогъ, котораго задача есть сопоставленіе аргументовъ, какіе можно выставить въ пользу того или другаго міровоззрѣнія, въ особенности удобенъ, чтобы прослѣдить переходъ отъ схоластической методы къ приемамъ науки новаго времени.

Аргументы, употребляемые въ научномъ изложеніи и касающіеся натуральной филозофіи, въ обиліи разсыпанные въ Діалогъ, можно свести къ тремъ рубрикамъ. Во-первыхъ, аргументы *метафизическіе*, утверждающіе то или другое въ силу логической необходимости, подчиняющей себѣ одинаково всяческія понятія, и отвлеченныя, и конкретныя. Если данное положеніе необходимо, оно должно быть осуществлено природою, какія бы тамъ средства, нами неусматриваемыя и намъ неизвѣстныя, она ни употребила. Вся сила аргумента въ томъ — высказываемое положеніе есть ли дѣйствительно необходимо. Говоримъ о метафизической аргументаціи въ тѣсномъ смыслѣ. И въ точной наукѣ такъ называемые законы природы нерѣдко представляютъ собою такіе налагаемые на природу императивы. Явленіе совершается, какъ если бы былъ такой императивъ (напримѣръ, старое, не выдержавшее проверки опыта правило: природа не терпитъ пустоты; великій законъ Ньютона о взаимномъ притяженіи вѣсомыхъ частицъ). Но тамъ истинность положенія опредѣляется не апіорнымъ діалектическимъ сопоставленіемъ его съ другими отвлеченными положеніями, — какъ въ метафизическихъ аргументахъ въ тѣсномъ смыслѣ, — а выходомъ во вѣншній міръ и проверкою положенія а *posteriori*, путемъ наблюденія и опыта. Найденный законъ явленія не устраиваетъ изысканія его физическихъ причинъ, то-есть, усмотрѣнія, — насколько таковое доступно или по крайней мѣрѣ съ достаточною вѣроятностію вообразимо, — физическаго процесса, какимъ явленіе свершается. Прибавимъ, что аргументы математическіе суть аргументы совершенно того же порядка, какъ метафизическіе. Но въ нихъ мысль работаетъ надъ условными понятіями волюнѣ строго опредѣленными, и развиваетъ положенія, утвержденныя обыкновенно на почвѣ наблюденія и опыта.

Второй обширный разрядъ аргументовъ — *этическій*. Этическіе

аргументы — тѣ, въ которыхъ утверждается что-либо въ силу *цѣлей* и *намѣреній*, признаваемыхъ, главнѣйше по отношенію къ человѣку, присутствующими въ вещахъ, причемъ источникъ этихъ цѣлей и намѣреній или полагается въ идеѣ о природѣ, какъ о чемъ-то разумномъ, или возводится къ соображеніямъ провидѣнія и божества. Знаніе наше, приобретаемое естественными силами ума, представляетъ собою нѣсколько ступеней, слагается изъ нѣсколькихъ частей: знаніе положительное, обнимающее собою то, что можно считать доподлинно извѣстнымъ, доказаннымъ и потому безспорнымъ; знаніе вѣроятное, состоящее изъ заключеній, имѣющихъ много шансовъ за свою достовѣрность; знаніе гадательное, состоящее изъ заключеній возможныхъ, къ которымъ принимающій ихъ склоняется тѣмъ или другимъ внутреннимъ расположеніемъ — область вымышленнаго, принимаемаго за реальное тѣми, къ которымъ вымыселъ раздѣляется, область, которая съ расширеніемъ знанія должна сокращаться болѣе и болѣе. Наконецъ, область неизвѣстнаго и непостижимаго, бездонный рудникъ, изъ котораго знаніе неустанно извлекаетъ приращающія его сокровища, сознавая, что онъ ведетъ въ безконечность. Этические аргументы имѣютъ мѣсто на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ областяхъ знанія. Съ содержаніемъ положительнаго знанія они должны примириться; въ остальныхъ областяхъ имѣютъ болѣе или менѣе властное значеніе и, когда есть поводъ къ колебанію въ заключеніяхъ, имъ принадлежитъ рѣшеніе. Чѣмъ меньше капиталъ положительнаго знанія, тѣмъ могущественнѣе участіе этическихъ аргументовъ. Всѣ тревожные вопросы бытія рѣшаются такъ или иначе въ силу главнымъ образомъ этическихъ аргументовъ. Система мірозданія принадлежитъ къ вопросамъ этого рода.

Въ-третьихъ, аргументы *научные*, основанные на приобретенныхъ и вновь приобретаемыхъ данныхъ наблюденія и опыта или представляющіе собою математическое развитіе принятыхъ положеній (объ аргументахъ математическихъ уже сказано выше). Эпоха, открывающаяся твореніями Галилея, возвела на первую ступень аргументы этого рода, и Діалогъ имѣетъ особенно важное значеніе въ этомъ

отношеніи. Борьба аргументовъ научныхъ и математическихъ съ аргументами метафизическими и этическими эпохи составляютъ главное содержаніе и интересъ книги. Пройти въ ея фазахъ и извилинахъ эту историческую борьбу поучительно и современному уму.

III. *Миръ въ трехъ измѣреніяхъ ея пространства. Составъ міра, соответствующій двумъ родамъ движенія.*

„Сальвиати. Вчера мы порѣшили разобрать сегодня со стороны ихъ доказательной силы тѣ аргументы естественнаго разума (*ragioni naturali*), которые въ пользу ихъ мнѣній выставляются съ одной стороны почитателями аристотелево-птоломеевскаго ученія, съ другой — приверженцами системы Коперника. Такъ какъ Коперникъ причисляетъ землю къ движущимся небеснымъ тѣламъ и согласно тому рассматриваетъ ее какъ шаръ подобный планетамъ, то мы должны прежде всего заняться разборомъ, на сколько основательны и убѣдительно перипатетическія заключенія, утверждающія, что такое мнѣніе невозможно, такъ какъ въ природѣ надлежитъ разлагать два разные рода субстанцій: одну небесную, другую элементную, изъ коихъ первая неизмѣнна и неразрушима, а вторая измѣнчива и преходяща. Предметъ этотъ Аристотель рассматриваетъ въ сочиненіи „О небѣ“. Онъ старается прежде всего представить возрѣніе свое вѣроятнымъ, выходя отъ нѣкоторыхъ общихъ положеній, и подтверждаетъ его затѣмъ частными знаніями и доказательствами. Я хочу разобрать предметъ въ такомъ же порядкѣ и свободно выразить мое мнѣніе. Охотно подвергаюсь вашей критикѣ, особенно критикѣ синьора Симпличіо, горячаго борца и защитника ученія Аристотеля.

„Первый членъ въ цѣпи заключеній перипатетиковъ состоитъ въ томъ, что Аристотель признаетъ полноту и совершенство міра, который не есть простая линія или плоскость, а тѣло, имѣющее длину, ширину и глубину. А такъ какъ протяженій только три и міръ ими обладаетъ всѣми, то онъ совершенъ по этой причинѣ“.

Симпличіо пополняетъ Сальвиати указаніемъ, что по Аристотелю нѣтъ протяженій иныхъ, кромѣ упомянутыхъ трехъ, такъ какъ „число три означаетъ всецѣльность, и троичность всесторонна“. Мысль под-

тверждается авторитетомъ Пифагора, указывающаго, что все опредѣляется тринчностію— началомъ, серединою и концомъ.

„*Сальвати*. Никакого не имѣю побужденія изъ того, что начало, середина и конецъ образуютъ троицу, заключать, что число три есть нѣчто совершенное, способное это совершенство переносить на каждую тринчность въ вещахъ. Не могу понять, почему, напримѣръ, относительно ногъ число три было бы совершеннѣе четырехъ или двухъ; и почему число четыре, какъ число элементовъ, несовершенно, а числу три принадлежитъ высшее совершенство. Лучше бы бросить эти пустяки и это краснбайство, а основывать утвержденія на строгомъ доказательствѣ, какъ приличествуетъ дедуктивнымъ наукамъ.

„*Симплиціо*. Вы не признаете эти аргументы серьезными; но такого рода соображенія восходятъ къ Пифагору, приписывающему числамъ такое высокое значеніе. Вы математикъ и во многихъ вопросахъ, полагаю, приверженецъ пифагорейской школы, но въ то же время такъ невысоко, повидимому, цѣните мистеріи пифагорейцевъ.

„*Сальвати*. Что у пифагорейцевъ наука чиселъ была въ великомъ почетѣ и что даже Платонъ дивился уму человѣка и усматривалъ въ немъ подобіе ума божественнаго именно потому, что онъ уразумѣваетъ существо чиселъ, это мнѣ хорошо извѣстно, и я самъ склонялся къ такому же воззрѣнію. Но я далекъ отъ мысли, чтобы таинственныя свойства чиселъ, такъ высоко чтимыя Пифагоромъ и его школой, были именно тѣ вздоры, которые можно услышать въ людской болтовнѣ и встрѣтить въ ходячихъ книгахъ. Знаю, напротивъ, что Пифагоръ не желалъ выносить эти чудеса чиселъ на позорище толпы, запрещалъ, какъ профанацію науки, обнародывать глубоко скрытыя свойства чиселъ и открытыхъ имъ несоизмѣримыхъ и ирраціональныхъ величинъ, и училъ, что тотъ, кто сообщитъ ихъ непосвященнымъ, понесетъ наказаніе въ будущей жизни. Потому, можетъ быть, кто-нибудь изъ пифагорейцевъ, чтобы отвязаться отъ вопросовъ профановъ, и сказалъ, что тайны чиселъ состоятъ въ той забавѣ числами, какая потомъ распространилась въ толпѣ. Онъ поступилъ, какъ тотъ предусмотрительный молодой человѣкъ, который, чтобы

отдѣлаться отъ любопытства матери или жены—не припомню хорошенько—разспрашивавшихъ его о тайныхъ занятіяхъ сената, придумалъ сказку, вслѣдствіе которой онѣ вмѣстѣ съ другими женщинами были жестоко осмѣяны сенатомъ“¹⁾).

Сальвиати съ своей стороны поясняетъ идею о трехъ измѣреніяхъ геометрическими соображеніями, въ которыхъ можно усматривать зародышъ ученія о координатахъ. Онѣ проводятъ прямую линію, какъ кратчайшее разстояніе двухъ точекъ, строятъ другую прямую линію, перпендикулярную къ первой. Получаются два протяженія, опредѣляющія плоскость—длина и ширина. „Какъ поступить, чтобы опредѣлить высоту, найти, на примѣръ, высоту потолка комнаты надъ поломъ“?..

Сиредо. Я опущу отъ потолка нить съ привязаннымъ свинцовымъ шаромъ. Длина этой линіи, какъ прямой и притомъ кратчайшей изъ всѣхъ, какія можно провести отъ данной точки потолка до пола, представитъ истинную высоту комнаты...

Сальвиати. Такимъ образомъ, отъ данной точки проведенныя три перпендикулярныя между собою линіи опредѣляютъ три протяженія: одна длину, другая ширину, третья высоту. А такъ какъ чрезъ данную точку можно провести только три перпендикулярныя между собою линіи и ими опредѣляются протяженія, то протяженій не можетъ быть болѣе трехъ. Вещь, имѣющая три протяженія, имѣетъ ихъ всѣ...“

„Но оставимъ, продолжаетъ Сальвиати, разсмотрѣніе вселенной въ цѣломъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію частей ея. Аристотель принимаетъ ихъ двѣ, очень различныя между собою, а именно: одну небесную, а другую элементную. Та ненарождающаяся, неразрушимая, неизмѣняемая, не воспринимающая вліяній; другая—подверженная постоянной смѣнѣ

---

¹⁾ Штраусъ поясняетъ, что рѣчь идетъ объ анекдотѣ, встрѣчающемся у Макробія, Saturn. I, 6. Молодой человѣкъ сказалъ, будто сенатъ занятъ вопросомъ: что предпочтительнѣе—чтобы мужъ имѣлъ двухъ жень или чтобы жена имѣла двухъ мужей. Женщины обратились въ сенатъ съ прошеніемъ, чтобы вопросъ рѣшенъ былъ въ послѣднемъ смыслѣ.

и непрерывнымъ измѣненіямъ. Такое различіе Аристотель выводитъ изъ своего основнаго начала: различія движеній, имѣющихъ мѣсто въ пространствахъ. Выходя изъ чувственнаго міра въ міръ идеальный, онъ предпринимаетъ набросать планъ строенія вселенной и рассматриваетъ природу, какъ причину движенія, а тѣла—способными къ перемѣщеніямъ. Изъясняетъ далѣе, что движеніе бываетъ троеклаго рода: круговое, прямолинейное и смѣшанное. Круговое и прямолинейное онъ называетъ простыми, ибо изъ всѣхъ линій только кругъ и прямая—суть линіи простыя... Круговое движеніе происходитъ около центра, прямолинейное двояко—или вверхъ отъ центра или внизъ къ центру. Этими тремя родами исчерпываются простыя движенія... Всѣмъ извѣстно, что движенія, направленныя вверхъ и внизъ, свойственны огню и землѣ. Необходимо, чтобы кромѣ этихъ, доступныхъ намъ тѣлъ, были въ природѣ иныя, которымъ причислуется круговое движеніе. И они должны быть настолько совершеннѣе первыхъ, насколько круговое движеніе совершеннѣе прямолинейнаго. О превосходствѣ этомъ Аристотель многократно говоритъ, основывая его на превосходствѣ круга надъ прямою линією. Кругъ зоветъ онъ—совершенною, прямую—несовершенною линіями. Прямая несовершенна, ибо въ случаѣ безконечнаго протяженія она не заключена и не имѣетъ границы, въ случаѣ же конечной длины можетъ быть продолжена къ пункту внѣ ея лежащему. Въ этомъ краеугольный камень, основа, фундаментъ всего аристотелева построенія вселенной. На немъ зиждутся всѣ прочіе признаки того что не имѣетъ ни легкости, ни тяжести, не нарождается, не претерпѣваетъ, кромѣ движенія, никакой перемѣны. Всѣ эти свойства, утверждаетъ Аристотель, принадлежатъ простому, по кругу движущемуся тѣлу, тогда какъ свойства тяжести, легкости, разрушимости и т. д. принадлежатъ тѣламъ, движущимся прямолинейно... Но оставимъ на минуту Аристотеля. Объявимъ себи согласными съ его утвержденіемъ, что вселенная имѣетъ всѣ протяженія и потому въ высокой степени совершенна. Прибавимъ, что въ ней все съ этимъ совершенствомъ сообразно, то-есть, что она состоитъ изъ частей, устроенныхъ по высшимъ и совершеннѣйшимъ законамъ.

„*Симпличио*. Кто может съ этимъ спорить! Это идетъ отъ са-
мого Аристотеля и самое имя „Космосъ“ происходитъ отъ царствующа-
го во вселенной порядка“ ¹⁾).

IV. *Круговое и прямолинейное движениа по Галилею*. Въ дальнѣй-
шемъ разговорѣ Галилей устами Сальвиати эпизодически развиваетъ
весьма оригинальное ученіе о круговомъ и прямолинейномъ движеніи. И
по Галилею въ природѣ два рода движенія—круговое и прямолинейное
существенно разнятся между собою. Круговое движеніе въ природѣ ха-
рактеризуется тѣмъ, что оно равномерно и разъ установившееся про-
должается непрерывно, ибо нѣтъ причинъ, чтобъ прекратилось. Дви-
женіе прямолинейное въ природѣ характеризуется тѣмъ, что скорость
его не есть постоянная, оно ускорительно или замедлительно. Круго-
вое приличествуетъ благоустройству міра. Прямолинейнымъ же
возстановляется нарушаемый въ природѣ порядокъ, какъ скоро тѣло
находится на несоотвѣтственномъ ему мѣстѣ. Таково ученіе, вла-
гаемое въ уста Сальвиати. Оно значительно разнится отъ позднѣй-
шей динамики, основанной на началѣ косности. Ученіе о косности не
приведено еще у Галилея къ полной ясности. Понятіе о силѣ какъ
причинѣ ускоренія совсѣмъ еще отсутствуетъ,—хотя понятіе о томъ,
что нынѣ именуется энергіей, есть. Штраусъ замѣчаетъ, что Га-
лилей ввелъ въ Діалогъ многое составленное имъ въ разное время,
задолго до окончательной редакціи сочиненія, и причисляетъ рассу-
жденіе о двухъ родахъ движенія къ старѣйшимъ. Но какъ увидимъ во
второмъ отдѣлѣ, гдѣ будемъ говорить о приращеніи капитала физи-
ческомъ знаній въ XVII вѣкѣ, Галилей и въ позднѣйшемъ своемъ,
главномъ механическомъ трактатѣ о двухъ новыхъ наукахъ не форму-
лировалъ еще закона косности въ томъ видѣ, какъ онъ сталъ потомъ
основнымъ закономъ динамики.

„*Сальвиати*. Установивъ такой принципъ (совершенство устрой-

---

¹⁾ По замѣчанію Штрауса слово «Космосъ», какъ и латинское *mundus*, пер-
воначально обозначало порядокъ, убрывство. Объ этомъ Гумбольдтъ („*Cosmos*“,
I, 49 Stuttgart, 1870).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

(6-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Содержаніе только что вышедшей іюльской—августовской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Принципы экономіи силъ и теорія воспитанія Платона. (Окончаніе). Евгень Соловьева; 3) Сочиненія и педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго Д. Д. Семенова; 4) Изъ воспоминаній стараго учителя воскресной школы. (Съ англійскаго) Н. К.; 5) Замѣтки сельской учительницы Л. Гусевой; 6) Взглядъ проф. Моссо на физическое воспитаніе юношества А. С. Верениуса; 7) Къ вопросу о школьной мнемоникѣ А. А. Дмитревскаго; 8) Основы дидактики. (Окончаніе) Д. И. Тихомирова; 9) Замѣтки о женской школѣ во Франціи А. Алферовой; 10) По поводу участія женщинъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго П. Г. Минюева; 11) Исправительное воспитаніе въ Россіи Н. Ф. Арельева; 12) Вопросы сельско-хозяйственнаго образованія на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ В. В. Бирюковича; 13) Образованіе—какъ созидательная сила М. Л. Песковскаго; 14) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію Д. Д. Лобанова; 15) Замѣтки по теоріи словесности А. В. Наміялы; 15) Критика и библиографія: а) Сорокинъ, В. М. Охрана дѣтства. С.-Пб. Ц. 1 р. 50 коп. М. М.; б) Вертоградскій. Практическій курсъ элементарной грамматики. Изд. 3-е. М. 1895 г. Ц. 20 коп.; Его-же. Сборникъ диктантовъ. Пособіе къ „Практическому курсу элементарной грамматики“. Изд. 3-е. М. 1894 г. Ц. 20 коп. А. Налимова; в) П. Троцкий-Семіотовичъ. Начальное обученіе русской грамотѣ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1895 г. Ц. 25 коп. А. Н.; д) Хвольсонъ, А. В. Ручески. Разказы для дѣтей изъ естественной исторіи и дѣтской жизни, съ 60-ю рисунками. Ц. 2 руб.; е) Кругловъ, А. В. Превращенія зимы. Для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1894 г. Ц. 30 к.; ф) Диккенсъ. Рождественскій сочельникъ. Переводъ А. Н. Валуевой (Муитъ). Рисунки барона М. П. Клодта. Изд. Ледерле и К°. С.-Пб. 1894 г. Ц. 50 коп. г) Женевръ. Маленькій разносчикъ. Переводъ съ французскаго языка Гранстрема. Одобрена французской академіей. Ц. 2 руб.; 17) Наши журналы для дѣтей Н. И. Познякова; 18) Обзорніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ П. Г. Минюева; 19) Педагогическая хроника. (Около 20 статей и замѣтокъ); 20) Памяти В. Д. Синовскаго. Я. Г.; 21) Разныя извѣстія и сообщенія; 22) Предполагаемый уставъ „Союза ревнителей русскаго слова“.

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками по шесть восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна въ Петербургѣ—съ доставкой—ШЕСТЬ р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—СЕМЬ рублей; съ пересылкою за границу—ДЕВЯТЬ рублей. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовка 1, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣльныхъ конторахъ: въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Карбасякова и „Новаго Времени“, въ Москвѣ—въ кн. маг. К. И. Тихомирова.

За 1891, 1892, 1893 и 1894 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое, 1895 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія съ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ спарціальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Е. и И. Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе пятое, безъ перемѣнъ. 1895 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое дополненное, 1894 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Востѣ починнаго Императора Александра Николаевича

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

5000

Клар 20. 6

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

Pages 33-48
D. M. M. M.

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІ.

1895.

ОКТАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 76

Н. Д. Чечулинъ. Забѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II 183
В. Ѳ. Андреевъ. Знаменательныя и служебныя слова въ русской рѣчи 238
В. И. Курдюновскій. Губныя учрежденія Московскаго гоударства. 280

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. Н. Майковъ. Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ I. С.-Пб. 1895 319
Н. Я. Марръ. „Мосе Хонели да миса амиран-дареджаніани, цѣрили м. джанашвили“. Монсей Хонскій и его [романъ] „Амирандареджаніани“, сочиненію М. Джанашвили. Тифльсь. 1895 324
А. Е. Прѣсняковъ. *Adolf Pawiński. Sejmiki Ziomskie. Warszawa. 1895* 328
А. И. Соболевскій. *Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ Исслѣдованія и матеріалы. I—V. С.-Пб. 1895* 354
И. А. Тихомировъ. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895 363
Н. А. Бобровниковъ. Калмыцкія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества 374
— Книжныя новости 386
М. Столярвъ. Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. 13
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ) 38

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Императорскій Харьковскій университетъ въ 1894 году 33
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 42
— Н. Х. Вунге (*мекрологъ*) 61

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. П. Никоновъ. Къ исторіи отхожихъ промысловъ въ Римѣ: *Leges de oleo Satonis.* 1
С. Лавровъ. Эпиграфическія замѣтки 14
А. Ѳ. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (*продолженіе*) 18

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики 49

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІ.

1895.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

PSlav 318.10

~~Slav 20.6~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

21-32
112

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

23. (19-го мая 1895 года). *Объ учрежденіи при Нарвскомъ городскомъ училищѣ четырехъ стипендій съ присвоеніемъ имъ наименованія „Александровскія“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день мая 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ четырехъ стипендій на проценты съ капитала въ 1,100 рублей, пожертвованнаго Нарвскою городскою думою въ 1880 году въ ознаменованіе дня 25-ти лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованія „Александровскія“.

24. (19-го мая 1895 года). *Объ учрежденіи при Нарвскомъ городскомъ училищѣ двухъ стипендій съ присвоеніемъ одной изъ нихъ наименованія „Николаевская“, а другой „Александринская“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день мая 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ двухъ стипендій на проценты съ капитала въ 700 рублей, пожертвованнаго Нарвскою городскою думою въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Тео-

доровны съ присвоеніемъ одной изъ сихъ стипендій наименованія „Николаевская“, а другой „Александринская“.

25. (19-го мая 1895 года). *Объ учрежденіи четырехъ стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Петрозаводскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 19-й день мая 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе четырехъ стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Петрозаводскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ *четыреста* рублей, пожертвованнаго для сего Петрозаводскимъ благотворительнымъ обществомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го августа 1895 года. *Опредѣленъ* на службу изъ отставныхъ, инженеръ-механикъ, губернской секретарь *Кротковъ*—учителемъ техники школы ремесленныхъ учениковъ товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры, въ Москвѣ, съ 25-го января.

Опредѣлены на службу: кандидатъ филологическихъ наукъ *Климъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка Архангельской мужской гимназіи, съ 16-го іюня; лѣкарь *Ивсенъ*—сверхштатнымъ ординаторомъ при хирургическомъ отдѣленіи Императорской Екатерининской больницы, съ 12-го іюля; инженеръ-технологъ *Ледневъ*—инспекторомъ Златоустовскаго ремесленнаго училища; дворянинъ *Урановъ*—исправляющимъ должность помощника смотрителя Императорской Екатерининской больницы, съ 1-го іюня; окончившіе курсъ наукъ въ учительскихъ институтахъ: *Иваницкий* и *Бондаревъ*—учителями городскихъ училищъ: первый—Петроковского Александровскаго (сверхштатнымъ), а второй—Осипскаго, имѣющій званіе домашняго учителя *Наумовъ*—помощникомъ классныхъ наставниковъ Елецкой гимназіи, съ 1-го апрѣля; окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Дядуловъ*—учителемъ русскаго языка Бакинской Маріинской женской гимназіи; окончившій курсъ наукъ въ реальномъ училищѣ *Глинчи-*

ковъ—учителемъ Саратовскаго 3-го городского мужскаго приходскаго училища, съ 15-го октября 1894 года; окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи *Зарницынъ*—вторымъ учителемъ Ветлужскаго приходскаго училища, съ 1-го марта.

Назначены: учитель древнихъ языковъ Московской 3-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Адольфъ*—исполняющимъ обязанности инспектора Московской 7-й гимназіи, съ 1-го іюля; сверхштатный учитель исторіи и географіи частнаго реального училища Воскресенскаго, въ Москвѣ, и помощникъ инспектора классовъ Московскаго Николаевскаго сиротскаго института, коллежскій совѣтникъ *Зубовъ*—штатнымъ учителемъ того же училища, съ оставленіемъ во второй изъ упомянутыхъ должностей, съ 20-го іюля; учитель русскаго языка и словесности Моршанскаго реального училища, коллежскій ассессоръ *Штандель*—исполняющимъ обязанности инспектора названнаго училища, съ 1-го августа; помощникъ классныхъ наставниковъ Воронежской гимназіи, коллежскій секретарь *Германовскій*—письмоводителемъ и бухгалтеромъ той же гимназіи, съ 1-го сентября 1894 года; сверхштатный преподаватель географіи С.-Петербургской 1-й гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Павловъ*—хранилищемъ кабинета географіи и антропологіи С.-Петербургскаго университета, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, съ 1-го декабря 1894 года; преподаватель исторіи 5-й Московской женской гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Хитровъ*—преподавателемъ того же предмета Усачевско-Чернявскаго женскаго училища, въ Москвѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, съ 15-го сентября 1894 года; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Харьковскаго университета, лѣкарь *Еленевскій*—помощникомъ прозектора при той же кафедрѣ, съ 1-го мая; сверхштатные учителя: Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, окончившій курсъ наукъ въ русскомъ институтѣ при Лейпцигскомъ университетѣ *Нарбековъ*; Московской 1-й гимназіи, кандидатъ филологическихъ наукъ *Ланговой* и Московской 2-й гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Савеловъ*—штатными учителями древнихъ языковъ мужскихъ гимназій: Нарбековъ—Варшавской 2-й, съ 1-го августа; Ланговой—Московской 3-й, съ 1-го іюля; и Савеловъ—Московской 2-й, съ 1-го іюля; завѣдывающимъ Конгазскимъ 2-хъ-класснымъ училищемъ, имѣю-

щій званіе городского учителя *Скульскій* — помощникомъ классныхъ наставниковъ Херсонской мужской гимназіи; учитель Холмскаго, Псковской губерніи, уѣзднаго училища, окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Шастовскій* — учителемъ Новоржевскаго, той же губерніи, городского училища, съ 1-го іюля.

Утвержденъ, Мелитопольскій уѣздный предводитель дворянства, председатель Мелитопольской уѣздной земской управы, статскій совѣтникъ *Рыковъ*—согласно избранію, почетнымъ попечителемъ Мелитопольскаго реальнаго училища, на три года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, секретарь директора Николаевской Измайловской военной богадѣльни, надворный совѣтникъ *Шерстониновъ*—учителемъ Карачевскаго, Орловской губерніи, городского училища, съ 18-го ноября 1894 года.

Перемѣщены: смотритель-учитель Цхинвальскаго сельскаго нормальнаго училища, титулярный совѣтникъ *Кобахидзе* и учитель Сацхенискаго двухкласснаго начальнаго училища, титулярный совѣтникъ *Джанаридзе*—одинъ на мѣсто другаго.

Уволены, согласно прошеніямъ: почетный попечитель Мелитопольскаго реальнаго училища, сверхштатный чиновникъ особыхъ порученій при его императорскомъ высочествѣ московскомъ генералъ-губернаторѣ, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ *Иваненко*, учитель исторіи и географіи частнаго реальнаго училища Воскресенскаго, въ Москвѣ, и учитель исторіи училища ордена св. Екатерины, статскій совѣтникъ *Беркутъ*—съ 20-го іюля, преподаватель Турьинскаго горнаго училища, состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, надворный совѣтникъ *Иларіоновъ*—съ 1-го іюля, всѣ трое отъ первыхъ изъ упомянутыхъ должностей.

Уволены отъ службы: исправляющій должность инспектора Моршанскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Степановъ*—за выслугою срока, съ 1-го августа; учитель черченія, чистописанія и рисованія Сергачскаго, Нижегородской губерніи, уѣзднаго училища, губернский секретарь *Дмитріевъ*, съ 4-го марта; согласно прошеніямъ: врачъ при Закавказской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Сааковъ*, съ 1-го іюля; штатный преподаватель русскаго языка и словесности С.-Петербургской 6-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Булаковъ*, съ 1-го іюля, учитель Сѣпницкой учительской семинаріи, титулярный совѣтникъ *Адамецъ*, съ 1-го августа, съ мун-

диромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; учитель-завѣдывающій Коксуйскимъ приходскимъ училищемъ, губернской секретарь *Болховитяновъ*, съ 1-го іюля; согласно прошеніямъ, по болѣзни: учитель математики Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гринбергъ*, съ 16-го іюля; помощникъ смотрителя Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ, титулярный совѣтникъ *Каневскій*, съ 1-го іюня.

Умершій исключенъ изъ списковъ, почетный смотритель Луцкаго городского училища *Олизаръ*, съ 12-го февраля.

15-го августа 1895 года. *Опредѣленъ* на службу крестьянинъ *Дашковъ*—экономомъ Бирской инородческой учительской школы.

Причисленъ къ министерству заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, дѣствительный статскій совѣтникъ *Гвоздевъ*, согласно прошенію.

Назначени: директоръ народныхъ училищъ Псковской губерніи, дѣствительный статскій совѣтникъ *Скляръ*—директоромъ Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища; директоръ Новозыбковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Жукъ*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго университета св. Владимира; инспекторъ Ефремовской прогимназіи, надворный совѣтникъ *Станкевичъ*—директоромъ Новинской учительской семинаріи, съ 1-го іюля: ассистентъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета, лѣкаръ *Воиновъ*—врачемъ Новочеркаскаго атаманскаго техническаго училища, съ 13-го іюня; учитель Ставропольскаго городского училища, окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Леденевъ*—смотрителемъ-учителемъ Прасковейскаго сельскаго нормальнаго училища, съ 1-го іюля.

Утверждены: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и литературы, докторъ русской словесности, коллежскій совѣтникъ *Халанскій*—въ исправляемой имъ должности; въ званіи камергера Высочайшаго Двора статскій совѣтникъ *Себряковъ*, отставной полковникъ *Васильевъ*, отставной надворный совѣтникъ Митрофанъ *Леоновъ*, отставной подъесаулъ Александръ *Леоновъ* и дворянинъ *Ефремовъ*—согласно избранію, почетными попечителями; Себряковъ—Усть-медвѣдцкаго реальнаго училища, Митрофанъ *Леоновъ*—Новочеркаскаго реальнаго училища, Александръ *Леоновъ*—Новочеркасской учительской семинаріи и Ефремовъ—Новочеркасской гимназіи, всѣ пятеро—на три года.

Уволенъ отъ должности учитель Балашовскаго 1-го мужскаго городского приходскаго училища, губернской секретарь *Тихомировъ*—съ 7-го марта, за назначеніемъ учителемъ церковно-приходской школы.

Уволены отъ службы: наставникъ Кутанской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Зетревъ*—за выслугою срока; согласно прошенію, инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Латоріо*.

Предоставлено уволенному отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, бывшему помощнику классныхъ наставниковъ Сувалкской мужской гимназіи, надворному совѣтнику *Коссаковскому*—носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный.

22-го августа 1895 года. *Опредѣлены* на службу: окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Петровский*—преподавателемъ русскаго языка Астраханскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля; окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Грюнбергъ*—учителемъ Казалинскаго городского училища; окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Блатовъ*—сверхштатнымъ учителемъ Гатчинскаго городского училища, съ 15-го августа; окончившій курсъ наукъ въ учительской семинаріи *Санаковъ*—учителемъ Баралетскаго сельскаго нормальнаго училища, съ 1-го іюля; окончившій курсъ наукъ въ учительской семинаріи *Ревельской*—помощникомъ классныхъ наставниковъ Костромскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля.

Назначены: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ всеобщей исторіи *Бузескулъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ всеобщей исторіи; помощникъ классныхъ наставниковъ, письмоводитель и бухгалтеръ Костромскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Жадовскій*—помощникомъ столоначальника канцеляріи попечителя рижскаго учебнаго округа, съ 1-го іюля.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: канцелярскій служитель щипюрнской таможни, окончившій курсъ наукъ въ двухклассномъ городскомъ училищѣ *Пронскій*—исправляющимъ должность помощника классныхъ наставниковъ Калишской мужской гимназіи, съ 1-го августа.

Уволены отъ службы, согласно прошеніямъ: воспитатель пансіона при Владикавказскомъ реальномъ училищѣ, статскій, совѣтникъ *Зоченко*, съ 1-го іюля; ассистентъ при клиникѣ для нервныхъ и душев-

ныхъ болѣзней Императорскаго Юрьевскаго университета, лѣкаръ *Свенсонъ*, съ 1-го августа.

29-го августа 1895 года. *Назначены*: инспекторъ гимназій Императорскаго челоѣколюбиваго общества, въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Карповъ*—директоромъ той же гимназій, съ 19-го августа; канцелярскій служитель Новозыбковскаго реальнаго училища, коллежскій регистраторъ *Присовскій*—письмоводителемъ того же училища, съ 20-го октября 1894 года.

Утвержденъ Вѣльскій уѣздный предводитель дворянства, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени графъ *Уваровъ*—почетнымъ попечителемъ Вѣльской прогимназій, на три года, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

Уволенъ преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, инспекторъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго института, статскій совѣтникъ *Прейсъ*, согласно прошенію—отъ первой изъ означенныхъ должностей, съ 23-го августа.

Уволены отъ службы: сверхштатный учитель Московской 2-й гимназій, коллежскій ассессоръ *Якиминскій*—за закрытіемъ параллельныхъ классовъ, съ 1-го іюля; согласно прошеніямъ: директоръ гимназій Императорскаго челоѣколюбиваго общества, въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ *Голицынскій*, съ 19-го августа; учитель Нижнекундрюческаго, Донской области, приходскаго училища *Болдыревъ*.

4-го сентября 1895 года. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: окружный инспекторъ западно-сибирскаго учебнаго округа *Караодинъ*—съ 1-го января 1895 г.; директоръ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Барсуковъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Вильковъ*—съ 23-го апрѣля 1895 г.; экстраординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: *Лапто-Данилевскій* и *Введенскій*, оба съ 4-го апрѣля 1895 г.; директоръ Аренбургской гимназій *Быстровъ*—съ 1-го января 1895 г.; причисленный къ мнѣи стертству *Страусъ*—со 2-го іюня 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: директоръ Ревельскаго реальнаго училища *Петерсонъ*—съ 1-го января 1893 г.; чиновники особыхъ порученій при министрѣ: V класса, *фонъ-Бенкендорфъ*—съ 30-го марта 1895 г. и VI класса, *Новицкій*—съ 1-го мая 1895 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Сипоженниковъ*—съ 20-го ноября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣт-*

ники: причисленные къ министерству; *Мошковъ*—съ 12-го мая 1894 г.; *Монаховъ*—съ 16-го мая 1894 г. и *Степановъ*—съ 21-го апрѣля 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: чиновникъ особыхъ порученій VI класса, при министрѣ *Ковалевскій*—съ 11-го февраля 1895 г. и дѣлопроизводитель VI класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами *Ишерскій*—съ 9-го января 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: завѣдывающій аптекою клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, провизоръ *Сарапикъ*—съ 16-го ноября 1892 г.; причисленные къ министерству: *Васильевъ*—съ 11-го января 1895 г. *Генкель*—съ 31-го января 1895 г. и *Аверкиевъ*—съ 15-го февраля 1895 г. и исправляющій должность прозектора Императорскаго Томскаго университета *Кулябко*—съ 10-го мая 1893 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго, *Афанасьевъ*—съ 10-го апрѣля 1894 г. и Казанскаго, *Штеръ*—съ 23-го октября 1894 г., *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, *Дьяконовъ*—съ 1-го октября 1893 г.; Юрьевскаго: *Поповъ*—съ 12-го іюня 1894 г. и *Красноженъ*—съ 3-го октября 1893 г.; *коллежскаго ассессора*: сверхштатный ассистентъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Рачинскій*—съ 20-го сентября 1888 г. и причисленный къ министерству *Дмитриевскій*—съ 30-го марта 1895 г., оба по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: сверхштатный ассистентъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Путинеръ*—съ 24-го марта 1888 г., по степени дѣкара; *коллежскаго секретаря*: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Панковъ*—съ 13-го декабря 1894 г.; причисленный къ министерству: *Евануловъ*—съ 12-го іюля 1894 г., *Борзовъ*—съ 11-го февраля 1895 г., *Саканцевъ*—съ 15-го іюня 1891 г., всѣ четверо по диплому первой степени Императорскихъ университетовъ, *Видеманъ*—съ 25-го августа 1893 г. по аттестату Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и *Бодановъ*—съ 18-го января 1895 г., по степени кандидата Казанской духовной академіи.

С.-Петербургскій учебный округъ. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватель жепскаго училища принцессы Терезин Ольденбургской Со-

Коловъ—съ 3-го марта 1894 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Архангельской губерніи *Ломбергъ*—съ 11-го января 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: учитель приготовительнаго класса Тотешской учительской семинаріи *Людсковъ*—съ 1-го августа 1893 г.; исправляющій должность воспитателя при пансіонѣ С.-Петербургской гимназіи Гуревича, *Филоновъ*—съ 20-го января 1890 г.; преподаватели: Покровской женской гимназіи, *Розовскій*—съ 1-го сентября 1894 г., С.-Петербургскаго реального училища Гуревича, *Гаршинъ*—съ 1-го февраля 1895 г., С.-Петербургскаго технологическаго института, *Соколовъ*—съ 15-го октября 1894 г. и *Дешевой*—съ 13-го ноября 1894 г., С.-Петербургской 5-й гимназіи, *Михайловскій*—съ 20-го августа 1884 г., С.-Петербургскаго 2-го реального училища, *Шенбергъ*—съ 15-го октября 1894 г., С.-Петербургской 6-й гимназіи, *Новиковъ*—съ 12-го декабря 1894 г. и женской гимназіи княгини Оболенской, *Фидлеръ*—съ 6-го ноября 1892 г.; училища при реформатскихъ церквахъ, *Рустъ*—съ 1-го октября 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели: Царско-сельской гимназіи, *Покотило*—съ 1-го марта 1893 г., женской гимназіи княгини Оболенской, *Щукаревъ*—съ 1-го августа 1893 г., Вологодскаго реального училища, *Зборомірскій*—съ 1-го августа 1894 г., С.-Петербургской 10-й гимназіи; *Форизъ* съ 1-го августа 1894 г. и *Халлевъ*—съ 1-го сентября 1894 г., С.-Петербургской 5-й гимназіи, *Архательскій*—съ 12-го января 1895 г., С.-Петербургской 6-й гимназіи, *Пльницкій*—съ 1-го іюля 1894 г., Выборскаго реального училища: *Тетенборнъ*—съ 1-го августа 1894 г. и *Рыбинскій*—съ 1-го октября 1894 г.; хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ангенко*—съ 1-го апрѣля 1895 г.; хранитель геологическаго кабинета того же университета *Полъновъ*—съ 1-го апрѣля 1895 г.; врачи: Ораніенбаумскаго городского училища *Котовъ*—съ 27-го марта 1888 г. и Самсоніевскаго городского училища, *Зворыкинъ*—съ 23-го октября 1892 г.; учителя: Петрозаводскаго городского училища, *Святковъ*—съ 1-го іюля 1894 г. и Вологодской гимназіи: *Скрипичинъ*—съ 18-го ноября 1891 г.; бывший преподаватель частной женской гимназіи Гедда, *Рудаковъ*—съ 19-го сентября 1894 г.; преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Бастень*—съ 1-го января 1892 г.; изъ татулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель училища при лютеранской церкви св. Петра, *Линде*—съ 1-го іюня 1893 г., учитель С.-Петербургскаго Андреевскаго го-

родскаго училища *Өомина*—съ 3-го ноября 1898 г.; помощник инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Барановскій*—съ 1-го октября 1894 г.; хранитель геологическаго кабинета того же университета *Каракашъ*—съ 10-го февраля 1895 г.; домашній наставникъ *Тетеро*—съ 15-го января 1892 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: почетный смотритель Царскосельскаго городского училища *Струбинскій*—съ 1-го декабря 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новгородской гимназій, *Олимпіевъ*—съ 7-го сентября 1894 г.; учителя: Петергофскаго городского училища *Карасевъ*—съ 1-го августа 1892 г., Устьысольскаго городского училища, *Малышевъ*—съ 16-го іюля 1893 г. и училища при лютеранской церкви св. Екатерины, *Аре*—съ 29-го апрѣля 1895 г.; лаборантъ ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Половцевъ*—съ 1-го февраля 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ бібліотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Аменде*—съ 1-го ноября 1894 г.; помощникъ бухгалтера¹ (онъ же комиссаръ при механическихъ мастерскихъ) С.-Петербургскаго технологическаго института *Петровъ*—со 2-го марта 1895 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподавателя С.-Петербургской 6-й гимназій: *Шубинъ*—съ 1-го августа 1888 г. и *Бузовъ*—съ 1-го мая 1890 г., училища при реформатскихъ церквахъ, *Кротъ*—съ 1-го января 1891 г. и Архангельской гимназій, *Мазюкевичъ*—съ 15-го августа 1890 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Вильде*—съ 1-го декабря 1894 г., *Гиппъ*—съ 15-го ноября 1894 г. и *Іозефовичъ*—съ 15-го января 1895 г.; учителя приходскихъ училищъ: Шенкурскаго, *Ежеевъ*—съ 27-го января 1895 г. и Боровичскаго, *Дьячковъ*—съ 28-го августа 1883 г.

Харьковскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя: Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища: *Овсянниковъ*—со 2-го сентября 1881 г., *Фрейбергъ*—съ 21-го ноября 1891 г., *Колтошовскій*—съ 1-го іюля 1892 г., *Батицкий*—съ 1-го августа 1892 г., *Кундіусъ*—съ 24-го сентября 1893 г. и *Гусаковскій*—съ 1-го іюля 1894 г., Азовской прогимназій: *Балакикинъ*—съ 22-го октября 1889 г. и *Деметъевъ*—съ 5-го декабря 1893 г., Харьковской прогимназій, *Шиллеръ*—съ 27-го іюля 1891 г., Таганрогской гимназій, *Чикилевскій*—съ 1-го іюля 1894 г., Донской Маріинской жен-

ской гимназіи, *Филипповъ*—съ 5-го августа 1894 г. и Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи, *Роцаховскій*—съ 28-го августа 1894 г.; исполняющій обязанности инспектора Изюмскаго реального училища, учитель *Самецкій*—съ 1-го августа 1893 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Бѣгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго гимназіи, *Аврамовъ*—съ 1-го іюля 1891 г., Александровской Борисоглѣбской прогимназіи, *Гедрихъ*—съ 18-го января 1892 г., Елатомской гимназіи: *Вьдинъ*—съ 17-го апрѣля 1892 г., *Фруктовъ*—съ 1-го сентября 1894 г. и *Гвоздиковъ*—съ 14-го сентября 1894 г., Петровскаго, Ростовскаго-на-Дону, реального училища, *Прасоловъ*—съ 25-го апрѣля 1892 г., Азовской прогимназіи, *Боборыкинъ*—съ 1-го сентября 1892 г., Корочанской Александровской гимназіи, *Проскурниковъ*—съ 12-го августа 1893 г., Тамбовской гимназіи; *Шрейбергъ*—съ 20-го іюня 1894 г., *Протасовъ*—съ 14-го августа 1894 г., Ахтырской прогимназіи, *Маринскій*—съ 30-го октября 1894 г.; наставникъ Пензенской учительской семинаріи *Никольскій*—съ 30-го апрѣля 1892 г.; врачи реальныхъ училищъ: Моршанскаго, *Сокольскій*—съ 30-го апрѣля 1893 г. и Изюмскаго, *Разумовскій*—съ 7-го октября 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Изюмскаго реального училища: *Поповъ*—съ 5-го августа 1887 г. и *Чугуевецъ*—съ 1-го августа 1888 г., Моршанскаго реального училища: *Штандель*—съ 12-го сентября 1887 г. и *Лейтень*—съ 3-го октября 1889 г., Елатомской гимназіи, *Студитскій*—съ 1-го ноября 1888 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи: *Шеферъ*—съ 17-го августа 1891 г. и *Литовъ*—съ 28-го мая 1894 г., Александровской Сумской гимназіи, *Горкевичъ*—съ 18-го ноября 1892 г., Ростовской-на-Дону гимназіи: *Балагуровъ*—съ 10-го августа 1892 г. и *Эжъ*—съ 16-го декабря 1892 г., Тагаронгской гимназіи, *Танковъ*—съ 16-го августа 1893 г.; учитель-инспекторъ Нижнедѣвицакаго городского трехкласснаго училища, Воронежской губерніи, *Ткачевъ*—съ 20-го января 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Изюмскаго реального училища *Кобчевскій*—съ 1-го февраля 1893 г.; оставленный за штатомъ учитель Краснослободской прогимназіи *Шостенко*—съ 16-го сентября 1893 г.; воспитатель пансіона при Александровской Сумской гимназіи *Иванченко*—съ 6-го октября 1893 г.; учитель Нижнедѣвицакаго городского трехкласснаго училища, Воронежской губерніи, *Дмитриевъ*—съ 11-го сентября 1894 г.; стародональчикъ канцеляріи попечителя *Зимовновъ*—съ 18-го апрѣля 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ

коллежскіе ассессоры: исправляющій должность штатнаго смотрителя Усть-медвѣдичкаго окружнаго училища, Донской области, *Шевченко*—съ 9-го сентября 1887 г.; учителя городскихъ училищъ: Новохоперскаго трехкласснаго Воронежской губ., *Скорородъ*—съ 10-го ноября 1889 г., Ростовскаго пятикласснаго, Донской области, *Рудневъ*—съ 1-го іюля 1891 г., Ростовскаго-на-Дону пятикласснаго, той же области, *Иванъ Хохловъ*—съ 1-го іюля 1892 г., Бирюченскаго трехкласснаго, Воронежской губерніи, *Кожихинъ*—съ 1-го августа 1892 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Воронежскаго, *Одотовъ*—съ 12-го мая 1886 г., Обоянскаго, Курской губерніи, *Куликовъ*—съ 1-го августа 1892 г., Новооскольскаго, той же губерніи, *Плетневъ*—съ 1-го августа 1892 г., Тимскаго, той же губерніи, *Тимоновъ*—съ 26-го ноября 1892 г., Суджанскаго, той же губерніи, *Лашкаревъ*—съ 10-го декабря 1892 г., Воронежскаго, *Ткаченко*—съ 15-го іюля 1894 г., Задонскаго, Воронежской губерніи, *Набока*—съ 15-го августа 1894 г. и Лебединскаго, Харьковской губерніи, *Лощаковъ*—съ 15-го августа 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Александровской Борисоглѣбской прогимназіи *Свѣтозаровъ*—съ 15-го сентября 1890 г.; штатный смотритель 2-го Донскаго окружнаго училища *Ястребовъ*—съ 3-го октября 1890 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Изюмскаго реальнаго училища *Василій Хвостовъ*—съ 12-го августа 1891 г.; учитель Изюмскаго реальнаго училища *Степанекъ*—съ 16-го октября 1891 г.; лаборантъ при эпизоотической лабораторіи Харьковскаго ветеринарнаго института *Рязанцевъ*—съ 10-го сентября 1891 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новочеркаскаго реальнаго училища *Ротовъ*—съ 20-го января 1893 г.; почетный смотритель Лебединскаго уѣзднаго училища, Харьковской губерніи, *Мокшицкий*—съ 21-го мая 1894 г.; сверхштатный помощникъ классныхъ наставниковъ Тамбовской гимназіи *Михаилъ Ивановъ*—съ 31-го іюля 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Харьковской 1-ой гимназіи *Багровъ*—съ 26-го августа 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: учителя уѣздныхъ училищъ: Павловскаго, Воронежской губерніи, *Губинъ*—съ 31-го декабря 1889 г., Дмитриевскаго, Курской губерніи, *Иванъ Ивановъ*—съ 3-го октября 1892 г., Суджанскаго, той же губерніи, *Коробка*—съ 14-го февраля 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Новохоперскаго трехкласснаго, Воронежской губерніи, *Мерцкій*—съ 19-го августа 1891 г., Нижнедѣвничкаго трехкласснаго, той же губерніи, *Муравлевъ*—съ 20-го января 1892 г., Зміевскаго

двухкласснаго, Харьковской губерніи, *Желдаковъ*—съ 1-го марта 1892 г.: письмоводитель Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища *Мусященко*—съ 1-го мая 1891 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новочеркаскаго реальнаго училища *Щепетковъ*—съ 6-го сентября 1891 г.; учитель приготовительнаго класса Изюмскаго реальнаго училища *Михухинъ*—съ 1-го юля 1893 г.; писмонодатель Пензенскаго реальнаго училища *Алонзовъ*—съ 19-го августа 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводитель Моршанскаго реальнаго училища *Вильконскій*—съ 4-го іюня 1892 г.; учитель приготовительнаго класса Тамбовскаго реальнаго училища *Касименковъ*—съ 6-го сентября 1892 г., почетный смотритель Купянскаго реальнаго училища, Харьковской губерніи, *Темницкій*—съ 8-го февраля 1884 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя приходскихъ училищъ Донской области: Ново-александровскаго, *Захаровъ*—съ 11-го мая 1886 г., Акишевскаго, *Субботинъ*—съ 5-го сентября 1887 г., Арженовскаго, *Мишаевъ*—съ 12-го сентября 1888 г., Верхне-соинскаго, *Воронковъ*—съ 25-го іюня 1889 г., Сергіевскаго, *Поповъ*—съ 28-го марта 1890 г., Заполянскаго, *Себряковъ*—съ 10-го августа 1890 г., Федосѣевскаго, *Данилевскій*—съ 10-го января 1892 г., Кузнецовскаго, *Савельевъ*—съ 18-го августа 1893 г. и Урюпинскаго, *Пономаревъ*—съ 20-го сентября 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: Корочанскаго городского приходскаго училища, *Копоненковъ*—съ 23-го ноября 1891 г. и Рыльскаго 1-го городского приходскаго училища, Курской губерніи, *Васильковъ*—съ 16-го сентября 1894 г.

Утверждены въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Бобровской гимназіи, *Вольфъ*—съ 27-го ноября 1884 г., Александровской Сумской гимназіи: *Безсоновъ*—съ 20-го сентября 1885 г. и *Гроссетъ*—съ 1-го августа 1886 г., Азовской прогимназіи, *Меттъ*—съ 20-го октября 1887 г., Острогожскій прогимназіи, *Колмаевъ*—съ 5-го апрѣля 1889 г., Пензенской 2-ой гимназіи, *Фроловъ*—съ 9-го августа 1889 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи, *Яковичъ*—съ 26-го августа 1889 г., Корочанской Александровской гимназіи, *Шираевскій*—съ 29-го октября 1889 г., Александровской Старобѣльской гимназіи, *Липемакъ*—съ 17-го августа 1890 г., Бѣгородской ево королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназіи, *Алферовъ*—съ 4-го января 1894 г., Воронежской гимназіи, *Николаевъ*—съ 26-го января 1891 г. и Моршанскаго реальнаго училища, *Дейнеке*—съ 11-го сентября 1890 г.; *ти-*

тулярнаго советника, врачъ Таганрогскаго городского четырехкласснаго училища *Гордонъ*—съ 13-го іюля 1890 г., по степени *лѣбаря-уберискаго секретаря*: учителя уѣздныхъ училищъ: Грайпоропскаго, Курской губерніи, *Медведевъ*—съ 31-го августа 1889 г. и Харьковскаго, *Попудренко*—съ 31-го августа 1890 г.

Одесскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя гимназій: Николаевской, *Григоровичъ*—съ 15-го сентября 1893 г. и Херсонской, *Волянский*—съ 1-го сентября 1894 г.; наставникъ Преславской учительской семинаріи *Цытковъ*—съ 25-го января 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: учитель Николаевской гимназій *Токмаковъ*—съ 1-го августа 1894 г. и врачъ Евпаторійскаго уѣзднаго училища *Крицъ*—съ 9-го февраля 1891 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учителя: мужскихъ гимназій: Елисаветградской, *Красавченко*—съ 1-го января 1893 г. и Симферопольской, *Черногоровъ*—съ 1-го сентября 1893 г., Николаевской женской гимназій, *Гавришовъ*—съ 7-го сентября 1892 г.; городскихъ училищъ: Одесскаго пятикласснаго ефруссия, *Осиповъ*—съ 1-го января 1895 г. и Кирилійскаго трехкласснаго, *Голынский*—съ 21-го сентября 1891 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: учитель завѣдывающій Славяносербскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Остерманъ*—съ 15-го ноября 1894 г.; учитель Одесскаго городского шестикласснаго училища *Кестнеръ*—съ 1-го іюля 1892 г.; исправляющій должность учителя Одесскаго городского шестикласснаго училища *Пашкевичъ*—съ 20-го октября 1892 г.; учитель Измаильскаго городского четырехкласснаго училища *Гагриловъ*—съ 22-го августа 1882 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, экономъ пансіона при Симферопольской гимназій *Яновскій*—съ 20-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *уберискіе секретари*: учитель Сорокскаго городского приходскаго училища *Приорянъ*—съ 1-го января 1895 г.; помощники учителя Одесскаго городского шестикласснаго училища: *Жуванъ*—съ 1-го августа 1891 г. и *Сетраковъ*—съ 1-го августа 1892 г.; въ *коллежскіе регистраторы* почетный смотритель Феодосійскаго городского трехкласснаго училища *Кобецъ*—съ 17-го сентября 1893 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Симферопольской женской гимназій, *Щиченковъ*—съ 14-го октября 1890 г. и реальныхъ училищъ: Комратскаго, *Донатъ*—съ 15-го августа 1888 г. и Херсонскаго, *Мюллеръ*—съ 1-го августа

1888 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Симферопольской гимназіи *Аретинскій*—съ 1-го марта 1891 г.; учитель-завѣдующій Старо-крымскимъ городскимъ однокласснымъ училищемъ *Мырза*—съ 19-го октября 1890 г.; исправляющій должность учителя Одесскаго городского шестикласснаго училища *Караченцовъ* и учитель Бобринецкаго городского трехкласснаго училища *Михальчукъ*, оба—съ 1-го августа 1890 г.: *губернскаго секретаря*, учитель Евпаторійскаго уѣзднаго училища *Василій Ивановъ*—съ 1-го августа 1890 г.

5-го сентября 1895 года. *Определены* на службу: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ: *Забѣжкинъ*—преподавателемъ древнихъ языковъ Тифлисской 1-й гимназіи, *Залдкинъ*—преподавателемъ русскаго и древнихъ языковъ Тифлисской 3-й гимназіи, *Француло*—преподавателемъ русской словесности и всеобщей исторіи Ставропольской гимназіи, всѣ трое—съ 1-го сентября; имѣющій званіе учителя нѣмецкаго языка гимназіи и прогимназіи *Висманъ*—учителемъ нѣмецкаго языка Острогской прогимназіи.

Причисленъ сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Барташевъ*, согласно прошенію—къ министерству.

Назначены: по Императорскому Томскому университету: ординарный профессоръ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Судаковъ*—ректоромъ на четыре года, и прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Смирновъ*—экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ философіи *Гилларовъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ философіи.

Уволены отъ службы, согласно прошеніямъ: учитель Сувалкской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Щука*, съ 1-го сентября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; почетный смотритель Бендерскаго уѣзднаго училища, неимѣющій чина *Миклозь*.

Умершій исключенъ изъ списковъ, учитель Борисоглябскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Перода*, съ 13-го іюля.

16-го сентября 1895 года. *Определенъ* на службу, изъ отставныхъ, капитанъ гвардіи *Кетменъ*, съ назначеніемъ помощникомъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія Императорской академіи наукъ, съ 15-го марта.

Назначены: сверхштатный лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Сергеевъ* и приватъ-доцентъ того же университета, докторъ прикладной математики *Зейлигеръ*—экстраординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: первый—фармаціи и фармакогнозіи и второй—механики, оба съ 1-го сентября; инспекторъ Черниговской гимназіи, статскій совѣтникъ *Антонюкъ*—директоромъ сей гимназіи.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, прозекторъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Тимосевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по кафедрѣ общей паталогіи.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, директоръ главной физической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вильдъ*, съ 1-го сентября.

18-го сентября 1895 года. *Назначены:* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ химіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Потылицынъ*—директоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, съ 18-го августа; директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ *Свирилинъ*—согласно прошенію, директоромъ Гомельской прогимназіи; исполняющій обязанности инспектора Виленской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Рубцовъ*—директоромъ Шавельской гимназіи; инспекторъ Пензенской 1-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Бялковъ*—директоромъ Старобѣльской Александровской гимназіи; инспекторъ Харьковской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Максимовичъ*—директоромъ той же прогимназіи, съ 1-го іюля; преподаватель Енисейской мужской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ленартовичъ*—инспекторомъ Иркутской мужской гимназіи, съ 1-го іюля; Александровскій уѣздный врачъ, лѣкарь, надворный совѣтникъ *Соколовъ*—врачемъ Александровской женской прогимназіи, съ 7-го іюля, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

Утвержденъ, отставной надворный совѣтникъ *Готовицкій*—почетнымъ почетителемъ Камышинскаго реальнаго училища, на три года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, состоящій при второмъ департаментѣ министерства юстиціи, коллежскій ассессоръ *фонъ-Бодуменъ*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ.

Уволенъ, согласно прошенію, сверхштатный учитель рисованія частной женской гимназіи Калайдовичъ, въ Москвѣ, учитель того же предмета Суцеевскаго казеннаго, города Москвы, начальнаго училища, ученый рисовальщикъ *Какоринъ*—отъ первой изъ названныхъ должностей, съ 17-го іюля.

Уволены отъ службы: преподаватель Иркутской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Делеско*—за выслугою срока, съ 1-го августа; согласно прошенію, инспекторъ Иркутской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Симановичъ*—съ 26-го іюня, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Покровский*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Рижскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учитель Либавскаго реальнаго училища *Нагнерскій*—съ 10-го февраля 1895 г. доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Грофе*—съ 7-го марта 1895 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Видавскихъ мореходныхъ классовъ, *Лаксъ*—съ 18-го августа 1894 года, Ревельскаго реальнаго училища *Жемчужинъ*—со 2-го декабря 1894 года, завѣдывающій Магнусгофскими мореходными классами, *Брейкингъ*—съ 15-го января 1895 года и Прибалтійской учительской семинаріи, *Торашевъ*—съ 24-го января 1895 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: ассистентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Крупецкій*—съ 4-го февраля 1892 года; старшій учитель Аренбургской гимназіи *Вильде*—съ 1-го января 1894 года; учитель Ревельской гимназіи Императора Николая I, *Сokolовскій*—съ 23-го октября 1894 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: завѣдывающіе мореходными классами, Либавскими, *Даль*—съ 28-го мая 1879 года, Феликсбергскимъ, *Дампель*—съ 15-го апрѣля 1881 года и Ангерскимъ, *Зандбергъ*—съ 12-го октября 1886 года; учитель Ангерскаго мореходнаго класса *Лена* (онъ же Ленинъ)—съ 14-го октября 1892 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: завѣдывающій Дондангенскимъ мореходнымъ классомъ *Ревальдъ*—съ 12-го ноября 1876 года; учителя: мореходныхъ классовъ: Магнусгофскихъ, *Тодѣ*—со 2-го декабря 1884 года, Лубъ-Эзерскаго, *Фрейманъ*—съ 7-го іюля 1889 г., Баускаго городского училища, *Шакъ*—съ 1-го августа 1892 года, Аренбургской гимназіи, *Лазуринъ*—съ 15-го августа 1893 года, исправляющій должность доцента Императорскаго Юрьевскаго универси-

тета *Бялявскій* — съ 3-го октября 1894 года; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Дондангенскаго мореходнаго класса *Шульцъ* (онъ же Шульманъ) — съ 8-го марта 1885 года; исправляющій должность бухгалтера канцеляріи попечителя *Лозайтисъ* — съ 11-го апрѣля 1895 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя гимназій: Юрьевской, *Роше* — съ 28-го августа 1874 года; Митавской, *Мареръ* — съ 29-го октября 1888 года, Рижскаго городского реального училища, *Кунфбергъ* — съ 1-го января 1890 года и Ревельской гимназіи Императора Николая I, *Калминъ* — съ 1-го іюля 1890 года; *титулярнаго совѣтника*, старшій учитель Рижской городской гимназіи *фонъ-Эльцъ* — съ 1-го августа 1888 года; *коллежскаго секретаря*, учитель Ревельскаго четырехкласснаго городского училища Императрицы Екатерины II *Рижсовъ* — съ 1-го марта 1891 года.

Варшавскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя: мужскихъ гимназій, Сувалкской, *Юрашкевичъ* — съ 9-го апрѣля 1895 года, Ченстоховской, *Виурскій* — съ 17-го октября 1887 года, *Грабовскій* — съ 14-го октября 1878 года и *Верцинскій* — съ 5-го сентября 1889 года, Прагской, *Ламовскій* — съ 8-го октября 1894 года и Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, *Семеновскій* — съ 23-го августа 1894 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, учитель Сѣдлецкой мужской гимназіи *Манулевичъ-Мелайно-улу* — съ 1-го декабря 1894 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя Ченстоховской мужской гимназіи: *Михальскій* — съ 15-го сентября 1893 года и *Яворскій* — съ 26-го августа 1886 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Ченстоховской мужской гимназіи *Влодарскій* — съ 31-го мая 1889 года; лаборантъ при кафедрѣ химіи Императорскаго Варшавскаго университета *Семеновъ* — съ 1-го января 1895 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ органической химіи Императорскаго Варшавскаго университета *Маріуца* — съ 16-го февраля 1893 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя мужскихъ гимназій: Ченстоховской, *Флегонтовъ* — съ 1-го февраля 1895 года и Прагской, *Чехъ* — съ 1-го октября 1893 года; письмоводитель Сувалкской мужской гимназіи *Енчиликъ* — съ 30-го января 1895 года, писецъ и смотритель зданій Сѣдлецкой женской гимназіи *Сценуро* — съ 1-го января

1895 года; въ *коллежскіе регистраторы*, бухгалтеръ канцеляріи Варшавской учебной дирекціи *Кристошикъ*—съ 1-го марта 1895 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: мужскихъ гимназій: Ченстоховской, *Пацкевичъ*—съ 24-го іюня 1887 года, Холмской, *Свидерскій*—съ 1-го октября 1889 года и Варшавской I мужской прогимназіи, *Аксельротъ*—съ 1-го февраля 1891 года; *титულлярнаго советника*, врачъ Варшавской I мужской прогимназіи и ординаторъ при гинекологической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Ануфриевъ*—съ 1-го мая 1889 года, по степени лекаря; *убернскаго секретаря*: сверхштатный помощникъ библиотекари Императорскаго Варшавскаго университета *Худзинскій*—съ 1-го октября 1891 года; учитель Варшавскаго реального училища *Крамаревскій*—съ 1-го октября 1890 года и сверхштатный учитель Варшавской II женской гимназіи *Конокотинъ*—съ 17-го іюня 1891 года, всё трое—по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Варшавскаго университета.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13. (27-го мая 1895 г.), *Положеніе о стипендіяхъ Августѣйшихъ Именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го мая 1895 года учреждаются при Нарвскомъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи Августѣйшихъ Именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ рублей, пожертвованнаго Нарвскою городскою думою, въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ наименованіемъ одной изъ этихъ стипендій „Николаевскою“ и другою „Александринскою“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ $\%$ бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранит-

ся въ Имбургскомъ уѣздномъ казначействѣ, вмѣстѣ съ специальными средствами училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ по закону 20-го мая 1886 г. 5%, поступаютъ на уплату за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища кандидатовъ—бѣдныхъ и отличающихся хорошими успѣхами и благопріемъ учениковъ, принадлежить Нарвской городской управѣ.

§ 5. Могущіе образоваться по какой либо причинѣ остатки отъ ежегодныхъ процентовъ выдаются стипендіатамъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

14. (27-го мая 1895 г.). *Положеніе о стипендіяхъ Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Величества Государя Императора Александра II при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го мая 1895 г., при Нарвскомъ городскомъ училищѣ учреждаются четыре стипендіи Августѣйшаго Имени Ея Величества Государя Императора Александра II, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу сто рублей, пожертвованнаго Нарвскою городекою душою въ ознаменованіе дня 25-ти лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, съ наименованіемъ этихъ стипендій „Александровскими“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ Имбургскомъ уѣздномъ казначействѣ, вмѣстѣ со специальными средствами училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ по закону 20-го мая 1885 г. 5% въ казну, поступаютъ на уплату за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища кандидатовъ—бѣдныхъ и отличающихся хорошими успѣхами и благопріемъ учениковъ изъ нарвскихъ гражданъ и мѣщанъ принадлежитъ Нарвской городской управѣ.

§ 4. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ ежегодныхъ процентовъ выдаются стипендіатамъ на приобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

15. (9-го іюня 1895 г.). *Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой и ея покойнаго мужа Андрея Алексѣевича Алексѣева при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Московскомъ учительскомъ институтѣ учреждаются пять стипендій имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой на счетъ процентовъ съ капитала въ двадцать пять тысячъ рублей, завѣщаннаго для сего покойною В. А. Алексѣевой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, остается на всегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Московскаго учительскаго института, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на пять стипендій для воспитанниковъ Московскаго учительскаго института.

§ 4. Размѣръ каждой стипендіи, согласно положенію о своекоштныхъ воспитанникахъ Московскаго учительскаго института, опредѣляется въ сто шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ семь коп. (166 р. 67 коп.) ежегодно.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если плата за своекоштныхъ воспитанниковъ института будетъ увеличена, увеличивается и размѣръ учреждаемыхъ стипендій.

§ 5. Избраніе стипендіатовъ изъ лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ Московскій учительскій институтъ или состоящихъ воспитанниками онаго, предоставляется пожизненно племянникамъ покойной жертвовательницы Ивану и Алексію Гавриловичамъ Алексѣевымъ.

§ 6. Изъ остатковъ отъ получаемыхъ ежегодно процентовъ съ

капитала, за покрытіемъ расходовъ по пяти учреждаемымъ стипендіямъ (согласно § 4 сего положенія) ежегодно выдаются пособія наиболѣе нуждающимся воспитанникамъ изъ окончившихъ въ томъ году курсъ института, при чемъ право назначенія таковыхъ пособій пожизненно принадлежитъ упомянутымъ выше Ивану и Алексѣю Гавриловичамъ Алексѣевымъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

16. (16-го іюня 1895 года). *Положеніе о капиталѣ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой и ея покойнаго мужа Андрея Алексѣевича Алексѣева при церкви Московскаго учительскаго института.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го іюня 1895 г., при церкви Московскаго учительскаго института учреждается капиталъ въ шесть тысячъ рублей, завѣщанный вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Варварою Андреевною Алексѣевою на украшеніе упомянутой церкви и причту оной на вѣчное поминовеніе жертвовательницы и ея покойнаго мужа Андрея Алексѣевича Алексѣева, съ присвоеніемъ сему капиталу наименованія „капиталъ Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ“.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, остается на всегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московскаго учительскаго института, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Половина процентовъ съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., ежегодно выдается причту институтской церкви на вѣчное поминовеніе жертвовательницы и ея покойнаго мужа. Другая же половина процентовъ расходуется на украшеніе церкви при институтѣ, по усмотрѣнію совѣта института.

17. (18-го іюня 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Павла Петровича Алексѣева при Ржевскомъ юродскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на проценты съ капитала въ двѣ тысячи рублей, завѣщаннаго губер-

скимъ секретаремъ Павломъ Петровичемъ Алексѣевымъ, учреждается при Ржевскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% облигаціяхъ внутренняго займа, хранится въ Ржевскомъ уѣздномъ казначействѣ и, составляя специальныя средства Ржевскаго городского училища, остается на всегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія означенныхъ процентныхъ бумагъ, послѣднія обмѣниваются училищемъ на другія государственныя или гарантірованные правительствомъ процентныя бумаги, какія окажутся наиболѣе выгодными.

§ 3. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Ржевскаго городского училища.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., назначаются въ пособіе бѣдному ученику училища, отличающемуся хорошими поведеніемъ и успѣхами, исключительно православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Ржевскаго городского училища въ какое либо учебное заведеніе другаго типа, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

18. (18-го іюня 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени Любови Тимофеевны Семенової при Тверскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ капитала въ сто рублей, пожертвованнаго С.-Петербургской купеческой женой Ольгою Ѳедоровною Вагановою учреждается при Тверскомъ городскомъ училищѣ стипендія имени Любови Тимофеевны Семенової.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціи 4% внутренняго займа 1891 года, составляя неотъемлемую собственность Тверскаго городского училища, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей вычету въ казну на основаніи закона 20-го

мая 1885 года, выдаются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, въ пособіе одному изъ немущихъ учениковъ.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Тверскаго городского училища въ какое либо учебное заведеніе другаго типа стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

19. (25-го іюня 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Нахичеванскаго на Дону второй гильдіи купца Никиты Михайловича Дьячкова при Ставропольскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*
(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго Ставропольскимъ 2-й гильдіи купцомъ Карпомъ Михайловичемъ Дьячковымъ, учреждаются при Ставропольскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ стипендіи имени Нахичеванскаго на Дону 2-й гильдіи купца Никиты Михайловича Дьячкова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, составляя неотъемлемую собственность Ставропольскаго городского училища, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ суммы подлежащей вычету въ казну по закону 20-го мая 1885 года, употребляются для взноса платы за право ученія стипендіатовъ, избранныхъ изъ числа нуждающихся лучшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ училища, безъ различія національностей.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Ставропольскаго городского училища.

§ 5. Остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій или по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Ставропольскаго городского училища, стипендіальный капиталъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ г. Ставрополѣ взамиѣ существующаго городского училища.

20. (6-го сентября 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Василя Александровича Калмыкова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго Московскому университету вдовою губернскаго секретаря Анною Александровною Тулубевой и заключающагося въ $4\frac{1}{2}\%$ государственныхъ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка, учреждается при семъ университетѣ стипендія имени покойнаго брата завѣщательницы генералъ-лейтенанта Василя Александровича Калмыкова.

§ 2. Ежегодный размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога.

§ 3. Стипендія должна быть назначена студенту медицинскаго факультета русскаго дворянскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, бѣднѣйшему и лучшему по успѣхамъ въ наукахъ, со втораго курса, по усмотрѣнію правленія университета съ соблюденіемъ общихъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ для студентовъ университетовъ Имперіи.

§ 4. Могущіе оказаться по какимъ либо причинамъ свободные остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (22-го марта 1895 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о принятіи къ руководству новыхъ учебныхъ плановъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ.*

Циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 4-го сентября 1893 года, за № 15840, было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ доставить заключеніе по выработанному состоявшему при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра, тайнаго совѣтника Анопова комиссіею, проекту новаго распредѣленія времени и учебнаго матеріала для преподаванія математики и физики по классамъ въ реальныхъ училищахъ.

Изъ приложеннаго къ циркуляру за № 15840 журнала засѣданій

этой комиссіи вашему превосходительству уже извѣстны главные основанія, по которымъ признано было необходимымъ пересмотрѣть таблицу числа недѣльныхъ уроковъ, учебные планы и программы преподаванія сихъ предметовъ.

Полученные вслѣдствіе сего отзывы попечителей учебныхъ округовъ съ соображеніями объ измѣненіяхъ въ таблицѣ и учебныхъ планахъ были переданы на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Ученый комитетъ, принявъ во вниманіе мнѣнія попечителей округовъ и руководствуясь ст. 15 дѣйствующаго устава реальныхъ училищъ, по которому общее число уроковъ по каждому предмету должно оставаться неизмѣннымъ, составилъ нынѣ проекты новыхъ таблицъ числа недѣльныхъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ съ двумя отдѣленіями и съ дополнительнымъ классомъ и учебныхъ плановъ и программъ преподаванія и объяснительныхъ къ нимъ программъ записокъ.

Видѣть съ тѣмъ, ученый комитетъ полагалъ:

1) оплачивать изъ специальныхъ средствъ реальныхъ училищъ введенные въ V классѣ коммерческаго отдѣленія отдѣльные два урока математики (см. учебн. план. и прогр. и пр. 87) съ цѣлю сохраненія условій § 15 устава и для лучшаго усвоенія физики учениками коммерческаго отдѣленія.

2) Разрѣшить тѣмъ реальнымъ училищамъ, кои признали-бы необходимымъ введеніе одного лишняго урока математики въ дополнительномъ классѣ, въ которомъ число уроковъ равно 29, съ цѣлю лучшаго приготовленія учениковъ этого класса къ предстоящимъ конкурснымъ испытаніямъ для поступленія въ высшія техническія училища, ввести этотъ урокъ и оплачивать его изъ специальныхъ средствъ училища.

Утвердивъ составленные имъ, при семъ прилагаемые, въ количествѣ 5-ти экземпляровъ, проекты новыхъ таблицъ числа недѣльныхъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ и учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить таковыя реальнымъ училищамъ [.....] учебнаго округа къ руководству съ начала 189⁵/₆ учебнаго года.

Въ объяснительныхъ запискахъ къ программамъ сдѣланы подробныя, по возможности, указанія для правильнаго выполненія программъ. Посему я не считаю нужнымъ входить въ дальнѣйшія разъясненія того, что педагогическіе совѣты реальныхъ училищъ въ общемъ со-

ставѣ, и каждый преподаватель въ отдѣльности, достаточно ясно усмотрять изъ означенной объяснительной записки при внимательномъ чтеніи оной.

Въ виду соединенія уроковъ геометрическаго черченія съ геометрией (см. учеб. пл. стр. 82), каковыя уроки будутъ поручены преподавателю математики, можно выдавать, въ добавокъ къ положеннымъ по уст. реал. уч. 48 руб., въ видѣ особаго вознагражденія въ концѣ года по 12 руб. за каждый урокъ геометрическаго черченія въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, въ коихъ этотъ расходъ можетъ быть отнесенъ безъ особаго обремененія на спеціальныя средства реального училища.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что по краткости времени, остающагося до начала учебнаго курса, я сдѣлалъ распоряженіе о препровожденіи департаментомъ народнаго просвѣщенія непосредственно къ директорамъ реальныхъ училищъ означенныхъ таблицъ и учебныхъ плановъ и программъ съ объяснительными къ нимъ записками.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ постановлено:

— Книгу: „Мысли объ основахъ житейской нравственности и человѣческаго счастья“. *Н. В. Соколовскаго*. Ирбитъ. 1895. Стр. II+100. Цѣна 60 коп. съ пересылкою—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для народныхъ читаленъ, а также для раздачи въ видѣ награды оканчивающимъ курсъ ученикамъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: „Cours complet de langue française“ par *A. Challandes*, изданіе 1895 года, въ 4-хъ частяхъ (годъ I, изд. 4-е, ц. 35 коп.; годъ II, изд. 4-е, ц. 50 к.; годъ III, изд. 3-е, ц. 50 коп. и годъ IV, изд. 1-е. ц. 50 коп.)—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ и женскихъ средне-учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Grammaire française élémentaire à l'usage des classes inférieures et moyennes des établissements d'éducation“, par *A. Challandes*. Часть I, изд. 6-е, 1895 года. Цѣна 40 коп.—одобрить въ

качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ и женскихъ средне учебныхъ заведеній.

— Книгу: *А. В. Елисеевъ*. „По Бѣлу Свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта“. Т. I. С.-Пб. 1894. Стр. 374, въ 4-ку. Цѣна 3 рубля. Т. II. С.-Пб. 1895. Стр. 359, въ 4-ку. Цѣна 3 рубля. Изданіе редакціи журнала „Природа и люди“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи воспитанникамъ старшихъ классовъ сихъ заведеній въ видѣ награды.

— Книжку: „Объ ариметическихъ уравненіяхъ. Приложение къ ариметикѣ. Составилъ *В. Даценко*. Николаевъ. 1895. Стр. VI + 58, въ 16-ю д. л.—допустить въ качествѣ приложенія къ ариметикѣ для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ не преподается алгебра, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы цѣна книжки (40 коп.) была значительно понижена.

Книгу: *Q. Nogatii carmina*. „Оды и эподы Горация. Съ примѣчаніями *Лукиана Миллера*. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1895. Части I и II. Стр. 123 + VII + 155. Цѣна 1 р. 25 к.—рекомендовать какъ учебное пособіе для гимназій.

— Изданіе: „Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ началѣ VI столѣтія. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель. Могилевской губерніи, 1895 года—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Историческая Хрестоматія по русской исторіи“. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составлена *Я. Г. Гуревичемъ*. Часть третья. Цѣна 2 р. 25 к. С.-Пб. 1889. Стр. XII + 718—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Нѣмецкая грамматика“. Составилъ *Г. Гессау*, преподаватель нѣмецкаго языка въ Московской земледѣльческой школѣ. Часть I. Этимологія. М. 1894. Стр. II + 101. Цѣна 35 коп.—рекомендовать какъ руководство по нѣмецкому языку для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Deutsche Sprachlehre und Uebungsstoffe in vier konzentrischen Kreisen. Für die unteren Klassen der mittleren Lehranstalten. Von *E. Hesse*, Lehrerin zu St. Annen. Erstes und zweites Heft“. St.-Petersburg. 1895. Стр. 31 + 27. Цѣна не обозначена—одобрить въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія“. Moliere. L' Avare, comédie en cinq actes. „Скупой“, комедія Мольера. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *К. Л. Фелли*. Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1895. Стр. въ 16-ю д. л. 114 + 30. Цѣна съ отдѣльнымъ словаремъ 40 коп.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Ученіе о богослуженіи православной церкви“. Примѣнительно къ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ законоучитель Дома Анатолія Демидова священникъ *Никаноръ Темномыровъ*. С.-Пб. 1895. Стр. 102. Цѣна 40 коп.—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги составитель исправилъ всѣ указанные ему недосмотры.

— Книгу: D-r *Юліи Ротфуксъ*. „Воспитывающее обученіе. Bekanntnisse aus der Arbeit des erziehenden Unterrichtes. Das Uebersetzen in das Deutsche und manches Andere. Von D-r *Julius Rothfuchs*“. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова*. М. 1894. Стр. 156. Цѣна 80 коп.—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Учебная карта Кавказа“. Составилъ полковникъ *Даниловскій*. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой—допустить какъ учебное пособіе для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи эта карта была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Очеркъ методики и дидактики учебной географіи“. Составилъ *А. Соколовъ*. Съ двумя таблицами чертежей. С.-Пб. 1894. Стр. VI + 172. Цѣна 1 р. 50 к.—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Книгу: *С. И. Шохоръ-Троцкій*. „Методическій сборникъ ариометическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній“. Часть II. Задачи и упражненія для первыхъ трехъ классовъ. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Стр. 1 + 214. Цѣна 50 к. С.-Пб. 1895—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго пособия при преподаваніи ариометики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ постановлено:

— Книгу: „Краткая русская исторія. Составилъ *В. Сумскій*. Изданіе 2-е. М. 1895. Въ 8-ку, 181 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищахъ.

— Книгу: „Краткая зоологія. Составилъ *Н. И. Раевскій*. Съ 194-ю рисунками. С.-Пб. 1895. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебника для городскихъ училищъ.

— „Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ *А. Гусевъ*. Изданіе 3-е. М. 1895. Въ 8-ку, 172 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа 16-го августа сего года послѣдовало открытіе Орловской прогимназій, въ которую принято 73 ученика, въ томъ числѣ въ I классъ 13 чело-вѣкъ, во II—23, въ III—19 и въ IV—18.

По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, имъ разрѣшено открыть на желѣзно-дорожной станціи Ревель, на средства Балтійской и Псково-Рижской желѣзныхъ дорогъ, одноклассное начальное училище для дѣтей служащихъ на означенныхъ дорогахъ, по программамъ, установленнымъ для таковыхъ же училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, разрѣшено преобразовать начальное училище при Балинской фабрикѣ въ селѣ Южѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, въ двухклассное министерства народнаго просвѣщенія училище, съ отпускомъ необходимой суммы на его содержаніе отъ правленія Высочайше утвержденаго товарищества мануфактуры А. Я. Балина.

ЗАМѢТКИ О ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

I.

Въ тотъ моментъ, когда престолъ русскій былъ занятъ Екатериною II, внѣшнія отношенія Россіи были чрезвычайно запутаны. Петръ Θεодоровичъ во всемъ, что только могъ онъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, шелъ на переکورъ сдѣланному въ царствованіе Елизаветы, особенно въ послѣдніе его годы. Тѣсный союзъ съ Австріею и Франціей, сообща съ которыми Россія боролась противъ Пруссіи, былъ порванъ; съ Пруссіей и Англіей былъ заключенъ миръ; русскій посланникъ въ Константинополѣ получилъ предписаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ посланникомъ прусскимъ и поднимать Порту противъ Австріи; новая война грозила Россіи, такъ какъ отношенія къ Даніи быстро обострились до послѣдней степени, благодаря спорамъ изъ-за наслѣдственныхъ голштинскихъ владѣній Петра Θεодоровича. Этотъ крутой переворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ былъ основанъ на личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ тогдашняго императора; принимаемыя имъ рѣшенія, какъ и въ какую сторону направить русскія силы въ области иностранной политики, были, конечно, исполняемы, но не пользовались ни малѣйшею популярностью и никакимъ сочувствіемъ даже среди самыхъ близкихъ къ императору русскихъ людей¹⁾. Отношенія къ иностраннымъ госу-

---

¹⁾ Баронъ Гольцъ, посланникъ Фридриха при Петрѣ III, доносилъ, что Мельгуновъ кажется ему особенно опаснымъ; по словамъ Фридриха Д. В. Волковъ неутомимо интриговалъ противъ прусскихъ интересовъ при Петрѣ Θεодоровичѣ— см. *Щебальскій*, Политическая система Петра III, 155, 156; *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества*, т. XXII, 182.

дарствамъ, опредѣленные единственно произволомъ, капризомъ, конечно, не могли быть усвоены и продолжаемы при новомъ правительствѣ, самое появленіе котораго было вызвано именно ошибками прежняго; нѣкоторая перемѣна въ нихъ была неизбежна и необходима; изъ европейскихъ державъ однѣ очень желали этой перемѣны, другія очень ея опасались; но ни тѣ, ни другія не были увѣрены, что ожиданія ихъ сбудутся: событія въ Россіи за послѣдніе шесть мѣсяцевъ давали, казалось, полное основаніе ожидать и какихъ либо новыхъ перемѣнъ; къ тому же послѣднее царствованіе успѣло серьезно испортить отношенія Россіи къ ея прежнимъ союзникамъ, по не установило сколько-нибудь твердыхъ дружескихъ связей съ новыми. И вотъ король прусскій, страстно желавшій, чтобы миръ не былъ Россіей нарушенъ, но не увѣренный въ томъ, что усиліемъ его сохранить, на неблагоприятный случай, подъ рукою подготавливалъ Россіи затрудненія со стороны Турціи, искалъ заключить съ ней союзъ и старался заранѣе дискредитировать заявленія русскаго посла, если бы они стали явно невыгодны Пруссіи, внушая турецкому министерству, что вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ нимало не ослабѣло, что и впродѣ, какъ при Петрѣ III, Пруссія будетъ руководить политикой Россіи ¹⁾. Австрійскій посолъ въ Петербургѣ настаивалъ, что Россія должна возобновить нарушенный союзъ съ имперією и снова вступить въ войну съ Пруссією; но въ то же время, опасаясь, что не достигнувъ этого, онъ предлагалъ своему правительству поднимать Турцію противъ Россіи и не упускалъ случая, гдѣ было можно, дать Россіи почувствовать недовольство своего двора; устраненіемъ ея отъ участія въ заключеніи Губертсбургскаго мира Пруссія и Австрія доказали, какъ мало они обращаютъ вниманія на желанія Россіи. Осторожно, неуступчиво въ переговорахъ держалась и Англія, понимая что ни въ какомъ случаѣ не сохранить ей того вліянія, какое началъ приобретать въ Петербургѣ ея посолъ при Петрѣ Θεодоровичѣ; Франція открыто выражала недружелюбіе и даже прямо неуваженіе къ русскому правительству; Данія, уже нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ стало почти несомнѣннымъ, что войны у насъ съ Россією не будетъ, не захотѣла упустить случая причинить Россіи хотя маленькое затрудненіе по дѣлу объ опеку надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ; явно не-

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. XLVIII, 28—29, 230.

дружелюбно держалась, наконецъ, и Польша... Новому правительству предстояло устроиться среди этой путаницы.

Въ самый первый моментъ тѣ люди, которые были ближе другихъ къ Екатеринѣ, не избѣгли нѣкоторой ошибки: чувствуя необходимость какъ можно яснѣе указать отличіе новаго правительства отъ прежняго, столь непопулярнаго, они громко заявили свое неодобреніе его внѣшней политики, особенно мира съ Пруссією, который лишилъ Россію всѣхъ плодовъ тяжелой войны. Въ манифестѣ 28-го іюня въ числѣ винъ Петра Феодоровича, наряду съ опасностью, какой подвергалъ онъ вѣру, и наряду съ невниманіемъ его къ государственному правленію, указано было и то, что „слава російская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ черезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“¹⁾. Эти слова, слишкомъ подчеркивавшія недружбу къ Пруссіи, сочтены были затѣмъ неудобными; ихъ уже нѣтъ въ знаменитомъ, обстоятельномъ манифестѣ о возшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссийскій престолъ, изданномъ черезъ недѣлю послѣ перваго (6 іюля 1762 г.)²⁾. Это было замѣчено тогда въ Петербургѣ: австрійскій посолъ обращалъ на это вниманіе своего правительства и писалъ даже, что князю Реннину поручено объяснить королю прусскому „оскорбительное“ для него выраженіе въ манифестѣ 28 іюня „тревогами и смятеніями первыхъ дней“ и увѣрить его, что русская Государыня „вовсе не смотритъ на него, какъ на естественнаго или злѣйшаго врага Россіи“³⁾. Самъ австрійскій посолъ, графъ Мерси д'Аржанто, хотѣлъ воспользоваться нѣкоторою неловкостью, которая возникала изъ этого для русскаго министерства, и на конференціи съ канцлеромъ 20-го августа 1762 г. настаивалъ, что поведеніе рус-

¹⁾ Такъ читается эта часть манифеста въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 11.582 и въ книгѣ: „Указы Всепресвѣтлѣйшей Государыни Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны“, напечатанной (in-8°) въ 1765 г. по Высочайшему повелѣнію въ Сенацкой типографіи; въ IV т. „Восемнадцатого тома“, стр. 216, въ перепечаткѣ этого манифеста, повидимому съ подлинника изданія 28-го іюня 1762 г., читаемъ: „съ самымъ ея злодѣемъ“.

²⁾ Перепечатанъ съ рѣдкаго экземпляра въ IV т. „Восемнадцатого тома“, 216—223.

³⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, стр. 71. Въ напечатанной перепискѣ русскаго министерства о такомъ порученіи кн. Реннину не говорится; это, впрочемъ не даетъ намъ права отрицать сообщенія графа Мерси; оно, впрочемъ, цѣнно уже какъ свидѣтельство, что упомянутое выраженіе манифеста привлекло вниманіе.

скаго правительства относительно Пруссіи съ одной стороны и Австріи съ другой, стоитъ въ противорѣчій со взглядами, высказанными незадолго предъ тѣмъ русскимъ министерствомъ; съ неудовольствиемъ и очень рѣшительно этотъ пунктъ былъ изъятъ изъ обсуждения съ австрійскимъ посломъ ¹⁾.—Какъ только въ Петербургѣ успокоился, какъ только дѣла приняли болѣе спокойное теченіе—правительство Екатерины немедленно же начало устанавливать отношенія Россіи къ другимъ государствамъ на новыхъ основаніяхъ.

Русская политика XVIII в. не изложена въ какомъ либо русскомъ сочиненіи, которое представляло бы нѣчто подобное сочиненіямъ Фридриха II (*Histoire de mon temps* и др.)—для политики прусской, или сочиненіямъ Флассана (*Histoire de la diplomatie*) и Фавье (*Conjectures raisonnées*)—для французской. Если эти и имъ подобные труды не заключаютъ свѣдѣній совершенно полныхъ, если они представляютъ иногда данныя не совсѣмъ точныя и достовѣрныя ²⁾, то все-таки они

¹⁾ Денеша графа Мерса отъ 21-го августа (2-го сентября) 1762 г., въ которой, очевидно, изложена конференція 20-го августа, не была сообщена изъ Вѣнскаго архива въ Императорское Русское Историческое общество (*Сборникъ*, т. XLVI, 123, прим.); о конференціи этой узнаемъ изъ рескрипта графу Воронцову въ Лондонъ отъ 21-го августа 1762 г. (*Сборникъ*, т. XLVIII, 80) и изъ изложенія ея у *Соловьева*, *Исторія Россіи*, т. XXV, изд. 224—225.

²⁾ Особенно осторожно надо относиться къ сообщеніямъ Фридриха II. Довольно сказать, что предисловіе къ своимъ „*Mémoires depuis la paix de Hubertbourg jusqu'à la fin du partage de la Pologne*“ онъ кончаетъ такими словами: „*Je n'ai jamais trompé personne durant ma vie; encore moins tromperai-je la postérité*“ (*Oeuvres de Frédéric le Grand*, 1847, t. VI, 8). Повѣрять показанія прусскаго короля, который, повидимому подражая Юлію Цезарю, хотѣлъ писать свою исторію, съ подлинными документами, мы постоянно наталкиваемся на неточности очень значительныя. Въ другомъ мѣстѣ намъ придется отмѣтить очень много ошибочныхъ утвержденій въ сочиненіяхъ и перепискѣ Фридриха; ограничимся здѣсь пѣ-которыми. Такъ, Фридрихъ говоритъ совершенно точно и утвердительно (*Oeuvres*, VI, 12), что о необходимости посадить на польскій престолъ Пяста заговорили въ Петербургѣ и Берлинѣ лишь послѣ смерти Августа III и его старшаго сына (умеръ въ декабрѣ 1763 г.); онъ не однократно утверждаетъ (тамъ же, 22, и того же изданія т. XXVI, 812), что война была начата Турціей совершенно неожиданно для Россіи; онъ говоритъ, что онъ именно возбудилъ въ Польшѣ диссидентское дѣло и т. д. Съ документами въ рукахъ можно доказать, что всѣ эти показанія ошибочны: о Пястѣ переписка шла по крайней мѣрѣ съ февраля 1763 г., войны съ Турками ожидали постоянно, о диссидентахъ предписанія Кейзерлингу и Ренину были даны изъ Петербурга за 1½ года предъ тѣмъ, когда Фридрихъ поручалъ своему послу „разузнать“ намѣренія русскаго правительства по этому дѣлу и затѣмъ выражалъ удовольствіе по поводу сдѣланныхъ уже и предположенныхъ шаговъ и т. д. — Вообще критическая провѣрка „*Исторіи*“ и „*Мемуаровъ*“ по новымъ документамъ Фридриха была бы очень полезна и любопытна.

способствовали тому, что даже у читателей специалистов—не говоря уже о читающей публикѣ, которая черпаетъ свои свѣдѣнія изъ комплятивныхъ грудовъ, особенно охотно повторяющихъ слова именно такихъ источниковъ, какъ мемуары Фридриха,—складывается довольно опредѣленное, хотя иногда и не совсѣмъ вѣрное, представление о характерѣ, цѣляхъ, приемахъ и результатахъ политики того или другаго государства. Но цѣли, планы и приемы политической дѣятельности Екатерины и Панина можно узнать только изучивъ ихъ политическую переписку, которая за послѣднее время сдѣлалась вполне доступна. Опубликованная переписка Петербурскаго кабинета за первые десять лѣтъ Екатерининскаго царствованія и донесенія изъ Петербурга иностранныхъ представителей о словахъ и дѣйствіяхъ русскихъ министровъ, отчеты пословъ о ихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ отъ сношеній съ русскими дѣятелями—представляютъ матеріалъ весьма обширный, въ высшей степени любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ—совершенно достаточный для того, чтобы выяснить политическую систему правительства Екатерины II. Изъ этихъ документовъ политика его раскрывается вполне, и нерѣдко въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представлялась она, пока о дѣйствіяхъ и даже цѣляхъ и планахъ русскихъ дипломатовъ судили почти исключительно по разказамъ иностранцевъ.

Обращаясь къ этому матеріалу мы знаемъ заранее, что будемъ имѣть дѣло и съ преувеличеніями, и съ умолчаніями, что встрѣтимъ страстную оцѣнку событій и лицъ. Это и понятно: всѣ эти бумаги были оставлены подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ событій или съ несомиѣнною и явною цѣлью въ чемъ нибудь убѣдить, къ чему нибудь склонить, отъ чего нибудь удержать; часто чѣмъ рѣшительнѣе какое либо утвержденіе дипломата, — а тѣмъ болѣе, какое нибудь порицаніе неуступчиваго противника, обвиненіе его въ непониманіи, въ неосмысленномъ упрямствѣ—тѣмъ съ болѣею осторожностью къ такому показанію надо относиться; иногда примирить противорѣчія различныхъ показаній оказывается положительно невозможнымъ. Но за то получаютъ особенную цѣну согласныя показанія, которыя мы можемъ иногда извлечь изъ совершенно различныхъ документовъ, относящихся къ какому нибудь событію, тѣмъ болѣе, если лица, сообщающія намъ объ этихъ событіяхъ или фактахъ, и не скрываютъ, что эти факты вызываютъ съ ихъ стороны совершенно различную оцѣнку. Если одинъ изъ участниковъ дипломатической переписки хвалить, а другой порицаетъ нѣкоторыя дѣйствія третьяго, если одинъ гово-

рять, что онъ старался чему либо противодѣйствовать, а другой— что онъ этому самому дѣлу оказывалъ поддержку, если, наконецъ, третій говоритъ самъ о томъ, какъ онъ именно дѣлалъ это, порицаемое однимъ и восхваляемое другимъ, дѣло, при чемъ въ объясненіи причинъ своего поступка расходятся и съ тѣмъ и другимъ свидѣтелемъ, а выставляете свою собственную точку зрѣнія—то мы можемъ вполне ясно и точно опредѣлить представляющееся намъ явленіе, его причины и значеніе.

Совершенно понятно также, что желая указать въ дипломатической перепискѣ петербургскаго кабинета тѣ начала, которыми онъ руководился съ первыхъ же лѣтъ Екатерининскаго царствованія, мы не можемъ ограничиться исключительно только документами, самыми близкими по времени къ воцаренію императрицы; изучаемая нами политическая система не сразу раскрылась, не сразу, конечно и создалась; она вырабатывалась и обнаруживалась постепенно, по мѣрѣ того, какъ возникали тѣ или другія обстоятельства, въ примѣненіи къ которымъ и раскрывались идеи, какими руководились Екатерина и П. И. Панинъ, направлявшіе въ Петербургѣ все дѣла; впрочемъ, для насъ достаточно будетъ документовъ всего первыхъ пяти-шести лѣтъ, такъ какъ въ это время русская политика приняла уже совершенно опредѣленное направленіе, а изъ переписки ближайшихъ слѣдующихъ годовъ мы возьмемъ всего лишь нѣсколько указаній, которыя особенно сильно и ясно выражаютъ именно то самое, что высказывалось уже и въ предшествовавшее время.

Свидѣтельство того, что съ началомъ Екатерининскаго царствованія измѣнилась политическая система русскаго правительства, у насъ не мало.

Прежде всего заговорилъ объ этомъ графъ Мерси д'Аржанто, австрійскій посланникъ, искусный дипломатъ, прославившійся впоследствии во время французской революціи. Едва прошелъ мѣсяць съ воцаренія Екатерины, какъ онъ уже пишетъ, что среди вліятельнѣйшихъ при ней лицъ начинаютъ преобладать мнѣнія, или „политическіе софизмы“, какъ выражается онъ въ другой депешѣ, будто Россія, по положенію и внутреннему устройству своему, вовсе не нуждается въ союзахъ съ иностранными державами. Черезъ какія-нибудь три недѣли онъ снова жалуется на Н. И. Панина и графа Кейзерлинга, которые громко провозглашаютъ, что для русскаго двора совершенно безразлично, французамъ или англичанамъ достанется вестъ-индская торговля, и за кѣмъ останется Силезія, и что тратить русскія деньги

и русскую кровь на разрѣшеніе такого рода вопросовъ, значить пожертвовать собою безъ нужды и доставить пользу только чужимъ государствамъ, которыя впоследствии сами не прочь будутъ сдѣлать Россіи вредъ. Гр. Мерси выражаетъ удивленіе, какъ такія „неосновательныя“ и „злобныя“ идеи получаютъ значеніе въ глазахъ „такой вообще дальновидной государыни“, какова русская императрица; но онъ не можетъ скрыть, что Панинъ и гр. Кейзерлингъ пользуются большимъ довѣріемъ ея, чѣмъ всѣ остальные министры. Еще черезъ два мѣсяца онъ сообщаетъ, что „надменные“ мысли о томъ, будто Россія менѣе нуждается въ союзѣ съ Австріей, чѣмъ Австрія въ русскомъ союзѣ, „составляютъ основныя правила новой русской политики“ и на этотъ разъ онъ объясняетъ это тѣмъ, что „Ея Величество не обладаетъ въ государственныхъ дѣлахъ достаточнымъ разумніемъ, чтобы обсудить разницу между представляющимися ея государству хорошими и дурными послѣдствіями“¹⁾. Гр. Мерси утѣшался въ своихъ безуспѣшныхъ попыткахъ вернуть Россію къ союзу съ Австріей бесѣдами съ бывшимъ канцлеромъ, гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этотъ блестящій умъ явно клонился къ упадку; годы, напряженные труды и печали брали свое. Въ свое время онъ первый изъ министровъ послѣ-петровской эпохи громко провозгласилъ, что Россія должна въ своей внешней политикѣ преслѣдовать свои собственные интересы, а не подчиняться слѣпо чужимъ влияніямъ, и оказалъ Россіи громадные услуги своею самостоятельною политикою²⁾; теперь онъ былъ уже не въ силахъ примѣняться къ тѣмъ выводамъ, какіе дѣлали его достойные ученики и продолжатели изъ его же уроковъ и изъ примѣровъ его дѣятельности; онъ упрямо стоялъ за союзъ съ Австріей, съ помощью котораго онъ икогда доставилъ Россіи большую самостоятельность, и не замѣчалъ, что новые руководители Россіи находятъ возможнымъ дѣйствовать уже совершенно самостоятельно, независимо и отъ Австрии. Впрочемъ, гр. Мерси даже и въ его рѣчахъ съ удивленіемъ и печалью замѣчалъ нѣкоторое влияніе столь враждебныхъ ему идей Панина³⁾. Бестужевъ не хотѣлъ примириться со второстепенною ролью при дворѣ; онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ попы-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 36, 44—46, 186, 375, 718 и др.

²⁾ Прекрасная характеристика гр. А. П. Бестужева-Рюмина составляетъ едва ли не лучшую часть въ книгѣ В. А. Бильбасова, „Исторія Екатерины II“, т. I, 67—72.

³⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 98, 109, 182—184, 578, 664.

токъ вернуть себѣ преобладающее значеніе: онъ и смѣло говорилъ противъ программы Панина, и старался устроить бракъ Екатерины и Г. Г. Орлова, и выхлопоталъ для фаворита отъ императора римскаго дипломъ на княжеское достоинство ¹⁾—все напрасно; преобладающаго вліянія въ новомъ правительствѣ онъ не получилъ. Раздосадованный, онъ оставилъ, наконецъ, свои старанія и искалъ себѣ утѣшенія только въ перепискѣ съ гр. Мерси, переведеннымъ въ 1764 г. въ Варшаву, продолжая, конечно, высказывать свое неодобреніе тому, какой ходъ приняли дѣла; существованіе этой переписки сдѣлалось извѣстно императрицѣ; положеніе Бестужева стало очень неловко; онъ удалился въ свои деревни и тамъ черезъ полтора года умеръ ²⁾).

Гр. Мерси съ негодованіемъ говоритъ о намѣреніи Панина вести совершенно самостоятельную политику, не придерживаясь вовсе союза съ Австріей, союза, бывшаго для русской политики XVIII вѣка традиционнымъ; и негодованіе его понятно: Австрія не могла не чувствовать, что она многого лишалась, теряя союзъ съ Россіей. Въ другомъ положеніи находился посоль Пруссіи; Россія была давно уже въ числѣ враговъ его отечества; совершенно неестественное направленіе, приданное на очень короткое время русской политикѣ Петромъ Теодоровичемъ, не успѣло, конечно, приучить прусскихъ дипломатовъ смотрѣть на Россію такъ, какъ имѣли въ которое основаніе смотрѣть на нее дипломаты австрійскіе. И вотъ, гр. Сольмсъ видитъ стремленіе Россіи вести политику самостоятельную, ни мало этимъ не раздражаясь. Онъ совершенно спокойно сообщаетъ въ ноябрѣ 1763 г. о стремленіи русскаго министерства показать свѣту, что Россія можетъ слѣдовать своей собственной системѣ, согласованной съ ея интересами, не находясь въ зависимости отъ желаній какого-либо иностраннаго двора; въ августѣ 1766 г. онъ пишетъ Фридриху: „я сознаю, что тошъ, принимаемый русскимъ дворомъ по отношенію къ Польшѣ, представляется немного суровымъ и, по выраженію вашего величества, даже нѣсколько деспотическимъ; но мнѣ кажется, что тонъ этотъ есть естественное слѣдствіе сознанія своей собственной силы. Въ Россіи начинаютъ узнавать себѣ цѣну, чувствуя превосходство своихъ силъ надъ многими другими государствами Европы.

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 419, 439, 496, 509—513, 536—539, 592, 601, 618; т. XXII, 75, 77.

²⁾ 10-го апрѣля 1766 г.; онъ родился въ 1692 г.; *Сборникъ*, т. XII, 141; т. XXII, 9, 162, 222—223;—т. LI, 136, 243.

Но настоящая система здѣшняго двора отнюдь не корыстолюбива... Съ подобными чувствами, при поддержкѣ хорошей арміи и при solidномъ положеніи финансовъ, мнѣ не кажется, чтобы здѣсь опасались послѣдствій, какія могли бы произойти въ случаѣ, если бы поляки стали искать покровительства австрійцевъ¹⁾. Передавая доходившія до него свѣдѣнія о переговорахъ съ Англіею относительно торговаго или даже союзнаго трактата, гр. Сольмсъ вполне раздѣляетъ, повидимому, взгляды русскаго министерства, что Россія имѣетъ полное право преслѣдовать свои собственные интересы и устраивать свои дѣла на принципѣ независимости отъ вліянія другихъ великихъ державъ; записка русскаго министерства въ отвѣтъ англійскому, съ изложеніемъ такихъ взглядовъ, кажется графу Сольмсу „въ особенности замѣчательною по своей силѣ“; гр. Сольмсъ сообщаетъ слова Панина, что если бы даже ему и не удалось заключить договоръ съ Англіею на основаніи полнаго равенства, къ чему онъ стремится, то ему всегда будутъ признательны за то, что онъ сдѣлалъ такія усилія для поддержанія чести и славы своего народа²⁾.

Въ теченіе 1762—1769 гг. перебивало въ Петербургѣ пять англійскихъ представителей; ихъ донесенія заключаютъ очень цѣнныя данныя для характеристики императрицы и Панина; общія же замѣчанія о русской внѣшней политикѣ въ нихъ встрѣчаются довольно рѣдко³⁾; тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, какое производитъ переписка и англійскихъ дипломатовъ, довольно близко къ тому, какое мы выносимъ изъ переписки пословъ австрійскаго и прусскаго: они постоянно жалуются, что русскіе слишкомъ твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ, хотя и направленныхъ, по словамъ русскихъ дипломатовъ, единственно къ тому, чтобы заключить договоръ на основаніи полной взаимности, но заключающихъ такія условія, на которыя согласиться англійское министерство не находило возможнымъ. На возраженія пословъ, что одно предложеніе несогласно съ выгодами Англіи и даже съ выгодами Россіи, Панинъ отвѣчалъ, что безъ принятія

¹⁾ Сборникъ, т. XXII, 171, 397, 471.

²⁾ Сборникъ, т. XXII, 425—428.

³⁾ Можетъ быть оттого, что всѣ эти посланники имѣли специальную цѣль—заключить съ Россіею союзный и, особенно, торговый договоръ, такъ что почти исключительно этотъ вопросъ и трактуется въ ихъ донесеніяхъ, можетъ быть, благодаря тому, что англійское министерство съ особенною внимательностью отнеслось къ тому, чтобы обнаружены были лишь тѣ части донесеній пословъ, которыя имѣютъ чисто дѣловой характеръ.

его переговоры о соглашеніи продолжаться не могутъ; на попытку посла увѣрить, что предлагаемыя Англіею условія клонятся къ выгодѣ Россіи, онъ отвѣтилъ: „вы, конечно, лучше судья въ вашихъ дѣлахъ; но надѣюсь, что вы и намъ позволите судить о нашихъ дѣлахъ“. Панинъ не разъ прямо высказывалъ англійскимъ дипломатамъ, что Россія не можетъ подчиняться зависимости отъ какой-либо иностранной державы; и англійскіе посланники должны были доносить своему министерству, что вести успѣшно переговоры въ Петербургѣ очень трудно, потому что русскіе государственные дѣтели очень избалованы за первыя 5—6 лѣтъ новаго царствованія успѣхами въ политическихъ сношеніяхъ и отлично сознаютъ выгоду независимаго положенія, занятаго Россіею и имѣющаго слѣдствіемъ, что она „владычествуетъ во время глубокаго мира болѣе существенно, чѣмъ при самой успѣшной войнѣ“¹⁾.

Вотъ слова представителей Австріи, Пруссіи и Англии о направленіи, какое начала принимать русская политика со вступленія на престолъ Екатерины²⁾. Они относятся къ этому направленію различно, различно оцѣниваютъ его, но они согласно указываютъ фактъ: всѣ они свидѣлствуютъ, что русское министерство держало себя независимо и прямо выставляло, какъ цѣль своихъ дѣйствій—самостоятельность въ политикѣ. Посмотримъ теперь—сами русскіе дѣтели говорили ли въ своей перепискѣ о такихъ цѣляхъ, сознавали ли они сами то новое, что находили въ ихъ поступкахъ иностранные дипломаты, дѣйствительно ли они стремились придать русской политикѣ эту самостоятельность, или, быть можетъ, представители за-

¹⁾ Сборникъ, т. XII, 221, 259, 274 и др.

²⁾ Совершенно въ томъ же духѣ говорятъ о настроеніи петербургскихъ иностранныхъ сферъ и саксонскій уполномоченный Сакенъ—см. *Herrmann, Geschichte des Russischen Staates*, V, 570—573, april 1765. Сакенъ замѣчаетъ, что Панинъ вполне усвоилъ взгляды гр. Остермана (отца), ознакомившись съ ними по бумагамъ министерства; эти слова указываютъ, что въ кругахъ, гдѣ вращался Сакенъ, принятую русскимъ правительствомъ систему объясняли возвращеніемъ ея къ взглядамъ, господствовавшимъ въ Россіи въ первой трети XVIII вѣка—мы должны, конечно, имѣть въ виду тутъ Петра Великаго.—Донесенія французскихъ представителей еще не изданы; впрочемъ, съ 1762 г. по 1772 г. только въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ были въ Петербургѣ послы—сначала баронъ Бретейль, затѣмъ маркизъ де-Воссетъ, 1765—1767; остальное время въ Петербургѣ были только повѣренные въ дѣлахъ Беранже, Россиоль, донесенія которыхъ не замѣчательны и часто неосновательны. Отрывки изъ нихъ у *Rimbaud, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France*, IX. La Russie.

падноевропейскихъ державъ сами влагали эту объединяющую идею въ наблюдаемыя ими дѣйствія русскаго правительства?

Уже въ концѣ 1764 г. Н. И. Панинъ говорилъ гр. Сольмсу, что Россія желаетъ слѣдовать своей собственной политикѣ, а не быть въ зависимости отъ союза съ какимъ-либо иностраннымъ дворомъ; въ 1765 г. онъ поручалъ русскому министру въ Лондонѣ, Ф. И. Гроссу, дать понятя английскому министерству, что Россія не допустить въ договорѣ съ Англіею никакого условія, которое бы могло показать, будто бы „мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько, по признанію нашему, нашъ собственный имъ нуженъ и полезенъ быть можетъ“¹⁾. Панинъ требовалъ при переговорахъ непремѣнно полного равенства условій, и, какъ мы видѣли со словъ англійскихъ посланниковъ, требовалъ бѣльшого, чѣмъ считали справедливымъ тѣ; на замѣчаніе же, что „націи англійской и парламенту дико покажется, когда въ новомъ трактатѣ Россіи бѣльшія предъ прежнимъ выгоды дозволены будутъ“, предписывалъ „дать замѣтить, что натурально и россійской имперіи дико покажется, если бы при такомъ о пользѣ и славѣ отечества попечительномъ царствованіи здѣшній дворъ не съ лучшими и справедливейшими годами заключалъ союзы свои“²⁾; онъ говорилъ, что прежде заключенные Россіею съ другими державами трактаты не настолько выгодны, чтобы при возобновленіи ихъ довольствоваться просто прежними условіями³⁾. Такое общее направленіе во вѣншней политикѣ стоитъ въ полномъ согласіи съ заявленіями самыхъ первыхъ дней Екатерининскаго царствованія. Въ ноябрѣ 1763 г. австрійскій посоль въ Берлинѣ говорилъ русскому послу при Фридрихѣ, кн. Долгорукову, что Россія какъ будто бы подчиняется прусскому вліанію, но что въ Вѣнѣ смотрятъ на это сближеніе совершенно спокойно, увѣренные въ добромъ расположеніи къ Австріи петербургскаго двора. Представляя это донесеніе кн. Долгорукова императрицѣ, Панинъ сдѣлалъ замѣтку, что кн. Кауницъ, очевидно, самъ „этому дѣлу въ существѣ вѣрить“, „его боится и нашего содѣйствія хочетъ, и подъ видомъ надежды и успокоенія на нашу дружбу съ Берлиномъ насъ ею попрекаетъ и тѣмъ же ищетъ, чтобы мы нѣсколько болѣе раздѣлили съ нимъ то, чего онъ внутренне опасается“. Екатерина со своей стороны приписала: „все сіе не иное, какъ одна ревность, а

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXII, 172; т. LVII, 383 и слѣд.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 187.

³⁾ Тамъ же, 406.

время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся". Въ другой разъ она предписывала „дать почувствовать“ австрійскому послу, который обращался съ разными разпросами по польскимъ дѣламъ, что русскому правительству „весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ на допросъ ведутъ“¹⁾ Еще 1-го ноября 1762 г., на докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ по вопросу объ участіи Россіи въ мирныхъ переговорахъ между Пруссією и Австрією, Екатерина написала между прочимъ: „какъ тѣ, такъ и другіе (дворы) еще привыкнуть не могутъ къ нашей инфлюенціи въ общихъ дѣлахъ и каждый ищетъ только пользоваться нами“²⁾. Въ наставленіи гр. Кейзерлингу и кн. Н. В. Репнину 9-го ноября 1763 г., одобренномъ императрицею и отправленномъ за подписью одного только Панина, высказано, что Россіи такъ долго не удавалось получить со стороны Польши удовлетворенія за обиды русскимъ подданнымъ главнымъ образомъ потому, что король польскій какъ курфирстъ саксонскій участвовалъ въ тѣхъ же союзахъ, которыми связана была и Россія, и Россія нерѣдко поступалась своими интересами въ его пользу; новое правительство выражаетъ рѣшимость устранить на будущее время подобныя уступки³⁾. Петербургское министерство видѣло неудовольствіе дворовъ версальскаго и вѣнскаго за то, что

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 124, 296.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 474.

³⁾ „Мы не находимъ другихъ причинъ, для чего продолжающіеся столь чувствительныя обиды подданнымъ и границамъ нашимъ оставались столько дѣтъ безъ исправленія, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ сопряженія дѣлъ политической системы нашей имперіи съ другими посторонними державами, между которыми находился бывшій король польскій, яко курфирстъ саксонскій. Какъ видно, наша политика тогда принуждена была раздѣлиться на два правила: между нашихъ собственныхъ и непосредственныхъ дѣлъ съ польскою республикою и между особенныхъ интересовъ короля польскаго, соединяющаго въ своей персонѣ курфирста саксонскаго, относительныхъ до Польши и до его собственныхъ земель, которыя составили знатную часть той системы, и для того нужно было въ предпочтеніе имъ спускаться къ дѣламъ польскаго короля и ихъ поддерживать, свои же собственные откладывать“; такой опытъ научаетъ насъ по словамъ наставленія, что „когда Польша меньше имѣетъ привязаннаго къ себѣ посторонняго интереса, тогда Россія можетъ свободнѣе свои въ ней (интересы) производить въ дѣйство“—*Сборникъ*, т. LI, 93—94. Въ переговорахъ съ англійскими посланниками Панинъ гонорилъ такъ же, что въ прежнихъ договорахъ между Россією и Англією въ пользу послѣдней сдѣланы были многочисленныя уступки вслѣдствіе того, что тогда Англія была въ союзѣ съ Австрією, а въ Россіи тогда считали пужнымъ Австрію по всемъ уступать; онъ говорилъ, что теперь подобными соображеніями Россія руководствоваться не будетъ.—*Сборникъ*, т. XII, 143—144, 416.

„мы систему зависимости нашей отъ нихъ вовсе перемѣнили и вмѣсто того установили другую, непосредственно нашего собою въ дѣлахъ дѣйствования“ и доказываемъ, что „Россія и независимо отъ другихъ державъ собою весьма дѣйствовать можетъ“¹⁾. Оно видѣло негодованіе католическихъ державъ, что „мы затвердѣлому въ дѣлахъ австрійскому самовластію и волѣ слѣдовать не хотимъ и во взаимныхъ интересахъ нашихъ съ онымъ домогъ вѣдаемъ опредѣлять истинное равновѣсіе и всему настоящую цѣну“. Въ Петербургѣ понимали, что вѣнскій дворъ „не можетъ намъ простить, что система наша выведена изъ зависимости, въ которой онъ ее содержать обыкъ“, видѣли и стремленіе Франціи „уничтожить Россію въ ея новой и никогда не бывалой политической системѣ, въ независимости отъ постороннихъ ей интересовъ, и обратить ее въ прежнее неопредѣленное политическое положеніе, быть по временамъ наравнѣ съ другими втораго класса державами“ и старались всемірно поддержать свое дѣло въ Польшѣ противъ французскихъ интригъ, чтобы Франція не могла показать свѣту, будто „первое одною Россією непосредственно сооруженное дѣло не могло быть прочно и не могло устоять противъ ея коварства, за недостаткомъ внутреннихъ силъ Россіи“²⁾. Въ инструкціи князю М. Н. Волконскому, назначенному въ 1769 г. посломъ въ Варшаву, Панинъ совершенно ясно высказывается, что цѣль всей русской политики за послѣдніе годы состояла именно въ томъ, чтобы вести свои внѣшнія дѣла совершенно самостоятельно, направлять ихъ главнымъ образомъ въ интересахъ Россіи и съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ, что благодаря этой политикѣ международное положеніе Россіи существенно улучшилось³⁾. Панинъ не разъ говорилъ, что выступать только вслѣдъ за своими союзниками есть удѣлъ державъ второстепенныхъ; онъ сознавался, что недавно еще Россія, даже „при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ“, играла именно только второстепенную роль; но скоро, по его словамъ, „свѣтъ увидалъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—и первенствующую“⁴⁾; черезъ 10

¹⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 151, 162.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 317, 430; т. LXXXVII, 394—395, 516 и др.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 395.

⁴⁾ *Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, т. XXIХ, изд. I, 74—76; *Сборникъ*, т. LXXXVII, 359, 462. И дѣйствительно, именно таковымъ вліяніе Россіи на сѣверѣ признавалъ съ неудовольствіемъ кн. Кауницъ въ 1770 г.—см. *Beer*, *Die erste Theilung Polens*, I, 307.

лѣтъ послѣ воцаренія Екатерины гр. Панинъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ, какихъ крупныхъ успѣховъ достигла Россія во внѣшней политикѣ, порвавши прежнюю, 35-тилѣтнюю связь свою съ Австріей ¹⁾.

На основаніи всего вышеприведеннаго мы можемъ, кажется съ полнымъ основаніемъ сказать, что русское правительство постоянно и сознательно стремилось къ самостоятельности во внѣшней политикѣ.— Что же ставило оно себѣ цѣлью этой своей политики?

Въ перепискѣ своей съ представителями Россіи за границей петербургское министерство постоянно высказываетъ совершенно прямо, что „всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ“ ²⁾. Русскому кандидату на польскій тронъ графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ должны были внушать, что за оказываемую ему поддержку, за хлопоты и расходы русскаго правительства „требуется самая его честность и благодарность, чтобъ онъ наши справедливые интересы и притязанія взялъ искренно на сердце и насъ бы теперь точно обнадежилъ, что онъ по возвышеніи на престолъ стараться будетъ, дабы всѣ между нами и Польшею пограничныя дѣла по справедливости и къ нашему совершенному удовольствію окончились, какъ и во все время своего государствования интересы нашей имперіи собственными своими почитать, ихъ остерегать и имъ всѣми силами по возможности послѣшествовать будетъ, нелицемѣрною и непремѣнною сохранить къ намъ преданность и во всякомъ случаѣ наши справедливыя намѣренія поддерживать не отречется“ ³⁾. Черезъ шесть лѣтъ, въ инструкціи князю М. Н. Волконскому, который ѣхалъ въ Варшаву на смѣну Репнича, повторено, что при возведеніи Станислава Понятовскаго на престолъ имѣлось въ виду „способомъ и содѣйствіемъ его... пользоваться для устройства нашихъ съ Польшею многообразныхъ дѣлъ“ ⁴⁾—а русское правительство требовало отъ Польши исправленія границъ, выдачи бѣглыхъ, удовлетворенія наслѣдниковъ лицъ, умершихъ въ Польшѣ, возстановленія диссидентовъ въ ихъ правахъ. Выгоды Россіи постоянно имѣли въ виду и постоянно ихъ преслѣдовали во внѣшней политикѣ Екатерина и ея ближайшій помощникъ, Н. И. Панинъ — и въ вопросахъ и объ отношеніяхъ къ Курляндіи и объ

¹⁾ Сборникъ, т. LXXII, 59.

²⁾ Сборникъ, т. XLVIII, 304.

³⁾ Сборникъ, т. LI, стр. 96—97.

⁴⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 373.

отношеніяхъ къ Швеціи, и въ замѣнѣ союза австрійскаго прусскимъ, и въ проектѣ Сѣверной системы, и въ дѣлѣ диссидентовъ. Въ этомъ послѣднемъ руководители русской политики были очень далеки какъ отъ цѣли защищать православіе въ его угнетенномъ положеніи, такъ и отъ цѣли доставить торжество принципу вѣротерпимости: они имѣли въ виду составить себѣ въ Польшѣ партію изъ людей, всѣмъ обязанныхъ русской поддержкѣ, и ихъ вліяніемъ, ихъ голосами всегда, когда только это понадобится, направлять силы Польши сообразно съ видами Россіи ¹⁾). Что Екатерина и Панинъ руководствовались заботами о дѣйствительныхъ, прямыхъ выгодахъ Россіи, а не преслѣдовали какія-то отвлеченныя идеи—это доказывается тѣмъ, что русскимъ представителямъ за границей очень часто предписывалось объяснять дѣйствія Россіи совершенно не тѣми побужденіями и цѣлями, какими руководствовалось русское правительство и какія были сообщаемы въ наставленіяхъ, предназначенныхъ только для посланниковъ. Предъ иностранными правительствами Панинъ объяснялъ свои дѣйствія обязанностью для Россіи соблюдать трактаты, которыми она гарантировала неприкосновенность польскаго и шведскаго государственнаго устройства, стремленіемъ защитить блестящія черты вольности, такъ ярко выраженныя въ польскомъ устройствѣ, желаніемъ противодѣйствовать фанатизму католическаго духовенства, позорящему тотъ просвѣщенный вѣкъ и т. д.; въ Петербургѣ онъ говорилъ посламъ—и иногда, кажется, успѣвалъ ихъ въ этомъ увѣрить,—что Россія хочетъ усилиться главнымъ образомъ

¹⁾ Во всей своей дипломатической перепискѣ Панинъ разсматриваетъ вопросъ о диссидентахъ исключительно съ политической точки зрѣнія; всего лучше это можно видѣть въ денешнѣ его Рескрипту отъ 14-го августа 1767 г. „Главное правило, говоритъ тутъ Панинъ, которое какъ сначала было, такъ и теперь есть, да и впредь должно быть непремѣннымъ руководствомъ всѣхъ нашихъ намѣреній и подвиговъ—чтобы совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣры, но для приобритенія себѣ онымъ черезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ единожды навсегда твердой и надежной партіи, съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ“, при чемъ по мысли Панина диссиденты всегда, какъ слабѣйшая часть, должны получать поддержку именно отъ Россіи. Панинъ не скрываетъ, что онъ находитъ опаснымъ дальнѣйшее распространеніе правъ диссидентовъ и достиженіе для нихъ слишкомъ многихъ правъ и выгодъ, такъ чтобы они не нуждались болѣе въ помощи Россіи и могли бы своими собственными силами совершенно хорошо устроиваться, потому что это повлекло бы непремѣнно значительное усиленіе побѣговъ въ Польшу.—*Сборникъ*, т. I.XV^{II}, 409—410.

для того, чтобъ быть полезною своимъ друзьямъ, и что прославиться она хочетъ только тою пользою, какую она принесетъ имъ¹⁾ и т. д. Но съ тѣми же курьерами, которые везли подобныя инструкціи для объявленія ихъ въ слухъ, изъ Петербурга секретными наставленіями разъясняли посламъ, что истинныя цѣли русскаго правительства—добиться вотъ того-то и того-то, прямо выгоднаго для Россіи. Среди дипломатовъ XVIII вѣка, постоянно прибѣгавшихъ къ коварству и обманамъ довольно безцеремоннымъ, дипломаты русскіе вовсе не были такими простодушными, или даже прямо простаками, какими ихъ иногда представляютъ, принимая то, что они говорили предъ иностранными дипломатами, за выраженіе ихъ дѣйствительныхъ плановъ и взглядовъ; русскіе дипломаты хитрили не менѣе всѣхъ другихъ, съ которыми приходилось имъ вести дѣло. Не станемъ вдаваться въ разсужденія о коварствѣ такихъ приемовъ; различіе министеріальной и частной переписки берлинскаго кабинета съ его представителями въ лучшемъ случаѣ не меньше, чѣмъ различіе въ русской перепискѣ; французское министерство въ то время, когда Франція состояла въ союзѣ съ Россіей, старалось вредить этой самой своей союзницѣ; австрійскій представитель въ Константинополѣ, когда увидѣлъ, что русское правительство не возобновляетъ прежнихъ отношеній къ вѣнскому, сообщилъ Портѣ, черезъ кого Обрѣзковъ получаетъ разныя секретныя свѣдѣнія и кто вообще съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, о чемъ ему самому было извѣстно по прежнимъ отношеніямъ Россіи и Австріи²⁾. Празнѣемъ за дипломатами XVIII вѣка право дѣйствовать тѣмъ оружіемъ, которымъ они всѣ были вооружены; равенство оружія—принципъ правильной борьбы; по меньшей мѣрѣ равнымъ, если ужъ не сильнѣйшимъ, оружіемъ долженъ вооружить себя тотъ, кто защищаетъ не себя только, а и другихъ; было бы преступно, если бы тѣ, кому ввѣрено было соблюдать интересы миллионовъ простыхъ русскихъ людей отъ многихъ, почти постоянно безцеремонныхъ постороннихъ притязаній, если бы тѣ не позаботились быть съ оружіемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ тому, съ какимъ на нихъ нападали. Дипломаты екатерининскаго времени не

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 718; т. XXII, 471—донесенія Сольмса: „Шанинъ ничего не ищетъ, ничѣмъ другимъ прославиться не хочетъ, какъ только пользою, которую онъ можетъ принести своимъ друзьямъ“.

²⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 272—278; см. вообще *Сорель*, Европа и французская революція, I, 16—24.

совершили этого преступленія; хитростямъ они противопоставляли хитрости; тайные ковы разстраивали интригами, гдѣ было можно—дѣйствовали подкупами; своекорыстной политикѣ своихъ соперницъ и даже своихъ союзницъ—они противопоставляли столь же исключительное преслѣдованіе только выгодъ Россіи. Постоянная и преимущественная забота о выгодахъ Россіи составляетъ характерную черту правленія Екатерины почти во все его продолженіе. Въ первые дни своего царствованія она сказала: „Мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ“¹⁾, она неоднократно выражала признаніе за собою обязанностей заботиться прежде всего о выгодахъ Россіи и въ манифестахъ и въ разговорахъ съ иностранными послами; подобныя же идеи внушала и Панинъ своему воспитаннику, наслѣднику престола²⁾. Если не всегда эти выгоды были вѣрно поняты, если иногда даже и отъ понятнаго были допущены нѣкоторыя уклоненія—много значило уже и то, что снова, какъ было при Петрѣ Великомъ, былъ громко заявляемъ такой принципъ, на мѣсто, конечно, болѣе соблазнительнаго: „L'etat—c'est moi!“.

Стремленіемъ приобрести выгоды для Россіи объясняется и пресловутая „сѣверная система“, проектъ которой относится также къ первымъ годамъ царствованія Екатерины и управленія дѣлами Панина. Нѣкоторые думаютъ, что мысль о необходимости этой „системы“ была внушена Панину существованіемъ на югѣ Европы союза державъ католическихъ—Франціи, Австріи и Испаніи, и въ этомъ проектѣ видятъ яркое доказательство „того доктринерства въ политикѣ, котораго придерживался графъ Панинъ и которое совершенно не выдерживало критики передъ практическимъ и глубокимъ умомъ“³⁾. Но такой приговоръ надъ „сѣверною системою“ совершенно невѣренъ; онъ не можетъ не возбуждать подозрѣнія въ своей справедли-

¹⁾ Въ манифестѣ 6-го іюля 1762 г.—„*Восемнадцатый вѣкъ*“, IV, 222.

²⁾ Въ запискѣ, поданной имъ въ 1760 г. о воспитаніи великаго князя, высказывается между прочимъ мысль, которую часто повторила впоследствии и Екатерина: „добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинныя славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ произволеніемъ вѣршенныхъ народомъ“—*Русская Старина*, 1882, т. XXXVI, 314. Какъ ни проста и естественна, новидному, эта мысль, но извѣстно, что нерѣдко ее забывали.

³⁾ *Мартенса*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, VI, 39.

востя хотя бы по одному тому, что до сихъ поръ свѣдѣнія наши объ этомъ планѣ Панина были еще слишкомъ недостаточны: донесенія Сальдерна изъ Берлина о его разговорахъ по этому поводу съ Фридрихомъ въ 1766 году ¹⁾ были главнымъ источникомъ, откуда эти свѣдѣнія почерпались. По этимъ донесеніямъ идея „сѣверной системы“, дѣйствительно, представляется нѣсколько странною ²⁾; но все, известное намъ изъ политической переписки Панина, мнѣ кажется, налагаетъ на насъ прямо обязанность искать въ его предпріятіяхъ болѣе разумныхъ причинъ, болѣе серьезныхъ основаній, чѣмъ мысль, что необходимо устроить союзъ на сѣверѣ Европы, разъ существуетъ союзъ на югѣ ея. Въ донесеніяхъ Сальдерна „сѣверная система“ является предъ нами чѣмъ-то очень несостоятельнымъ, слабымъ потому, что Сальдернъ принялъ на себя задачу, совершенно невыполнимую: убѣдить Фридриха, что эта система полезна для Пруссіи, тогда какъ по планамъ Панина система эта должна была быть прежде всего и болѣе всего полезна для Россіи; понятно, что доказательства Сальдерна въ пользу его мнѣнія являлись недостаточными. Неблагопріятное впечатлѣніе, производимое этимъ проектомъ, усиливалось еще оттого, что до сихъ поръ обращали вниманіе только на возраженія Фридриха, возраженія, высказанныя имъ съ его обычною самоувѣренностью, и Сальдерномъ, дѣйствительно, не опровергнутыя. Но напечатаны давно и отвѣты Панина на разсужденія Фридриха о разныхъ державахъ, какъ возможныхъ членахъ союза ³⁾. Отвѣты эти во всякомъ случаѣ не слабѣе возраженій Фридриха и нельзя не признать, что для дальнѣйшихъ дѣйствій въ политикѣ можно было съ совершенно одинаковымъ основаніемъ принять за исходную точку какъ соображенія Фридриха, такъ и соображенія Панина. Планы Панина въ его собственномъ изложеніи не казались странными и обыкновенно убѣждали его собесѣдниковъ ⁴⁾. Теперь можемъ и мы видѣть по подлиннымъ бумагамъ Панина, какъ представлялъ онъ

¹⁾ *Мартенсъ*, VI, 40—43; *Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, т. XXVII, 198—207.

²⁾ Сальдернъ не успѣлъ въ порученіи, принятомъ имъ на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на Фридриха, который чрезвычайно рѣзко отзывался объ этомъ его посѣщеніи въ своихъ „*Мемуарахъ*“. *Осичговъ*, VI, 15.

³⁾ *Сборникъ*, т. XXII, 439—444. Странно, что проф. Мартенсъ, налагая бесѣду Сальдерна съ Фридрихомъ въ VI томѣ своего „*Собранія трактатовъ*“, вышедшемъ въ 1888 году, ничего не упоминаетъ объ этихъ отвѣтахъ, хотя 22 томъ *Сборника*, гдѣ они напечатаны, вышелъ еще въ 1878 году.

⁴⁾ *Сборникъ*, томъ XXII, 168, 220, 281.

себѣ самъ эту пресловутую систему, чего хотѣлъ ею достигнуть и какъ хотѣлъ ее осуществить.

Мысль о необходимости обезопасить себя союзами въ виду возможности агрессивныхъ предпріятій трехъ католическихъ державъ, связанныхъ между собою союзами—и семейнымъ, и политическимъ—возникла и въ Англии, и въ Пруссіи. Фридрихъ настойчиво добивался союза съ Россіей именно изъ опасенія, какъ бы Австрія, опираясь на Францію, снова не поднялась на него. Въ 1766 году англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ представителю Англии въ Петербургѣ, подъ строжайшимъ секретомъ, что „Его Величество давно уже искалъ составить на сѣверѣ союзъ, достаточно сильный для того, чтобы имѣть противовѣсъ опаснымъ замысламъ южныхъ державъ; главныя препятствія къ выполненію этого плана возникали при Петербургскомъ дворѣ,.... въ настойчивости на статьѣ о турецкомъ casus foederis“¹⁾. Панинъ пришелъ къ мысли о сѣверной системѣ мало по малу. Первоначально, въ февралѣ 1764 года, предложилъ соединить въ одинъ союзъ всѣ сѣверныя державы русскій посоль въ Копенгагенѣ, баронъ І. А. Корфъ²⁾; Панинъ заговорилъ о ней съ Сольмсомъ въ апрѣлѣ 1764 года, когда уже заключенъ былъ союзъ съ Пруссіей и съ польскимъ сеймомъ, достигнуты значительные успѣхи на шведскомъ сеймѣ, приходили къ концу переговоры о союзѣ съ Даніей, Англія настойчиво предлагала свой союзъ. Среди всѣхъ этихъ переговоровъ Панинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому, чтобы установленное уже у Россіи съ тремя державами соглашеніе распространить и на другія менѣе значительныя сѣверныя государства.

По современнымъ документамъ, говорящимъ намъ о сѣверной системѣ и исходящимъ преимущественно изъ канцеляріи Панина, мы видимъ, что Панинъ хотѣлъ путемъ переговоровъ достигнуть между сѣверными державами полного соглашенія объ ихъ интересахъ и устранить изъ Швеціи и Даніи давно уже утвердившееся тамъ вліяніе Франціи; Франція привязывала къ себѣ эти государства уплатою щедрыхъ субсидій, еще болѣе щедрыми обѣщаніями, а равнымъ образомъ и угрозами не заплатить вовсе не выплаченныхъ еще за нѣкоторые годы субсидій, если Швеція и Данія откажутся слѣдовать политикѣ Франціи. Панинъ хотѣлъ, заключая съ Англіей союзъ и торговый договоръ, склонить ее къ принятію на себя уплаты этихъ

¹⁾ См. также, *Ульяницкій*, Дарданеллы, Босфоръ и Черное море, 307.

²⁾ *Соловьевъ*, т. XXVI, 110.

субсидій Швеціи; кромѣ того, участіе Англій въ этомъ дѣлѣ нужно было ему еще и потому, что онъ отлично видѣлъ—и не разъ прямо это высказывалъ,—что Россія въ Швеціи не можетъ приобрести себѣ довѣріе никакой значительной партіи, не можетъ непосредственно съ Швеціей сговориться, въ силу взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ съ начала XVIII вѣка, и что на соглашеніе съ Англіею охотно войдутъ многіе, которые и слышать не захотятъ о соглашеніи съ Россіей. Онъ и желалъ дѣйствовать тутъ черезъ Англію, надѣясь, что, договариваясь съ Англіей, шведы легче откажутся отъ союза съ Франціей, чѣмъ договариваясь непосредственно съ Россіей. Панинъ хотѣлъ добиться относительно Швеціи того, чего онъ хотѣлъ избѣжать для Россіи: онъ отказывался возобновить договоръ съ Англіею на прежнихъ основаніяхъ, говоря, что въ томъ договорѣ Россія сдѣлала разныя уступки въ пользу Англій потому, что тогда у нихъ былъ общій союзникъ, Австрія,—теперь онъ желалъ, чтобы Швеція сдѣлала уступки Россіи потому, что между ними будетъ общій союзникъ, Англія. Однажды, подъ величайшимъ секретомъ, Панинъ поручалъ русскому послу въ Швеціи, графу И. А. Остерману, испробовать, не удастся-ли склонить Швецію хотя бы къ тому, чтобы ея обязательства къ Франціи были ограничены помощью Франціи кораблями, а не сухопутными войсками,—это дѣлало бы союзъ Швеціи съ Франціей болѣе опаснымъ для Англій, чѣмъ для Россіи. Для Россіи же устранить вліяніе Франціи изъ Швеціи было очень важно, потому что безъ французскихъ субсидій Швеціи Россія оставалась бы совершенно спокойною на сѣверѣ и приобрѣтала значительно больше свободы на югѣ и западѣ. Несомнѣнно, что всего болѣе отъ такой перемѣны въ зависимости шведской политики выигрывала Россія; конечно, не англійскимъ представителямъ, а русскимъ, Панинъ прямо и открывалъ, что его цѣль—чтобы степень вліянія Англій на сѣверѣ была поставлена въ зависимость отъ болѣе или менѣе искренняго соединенія ея съ Россіею; и совершенно естественно, что Панину не удалось склонить Англію къ такой энергичной борьбѣ съ французскою партіей въ Швеціи, какой ему хотѣлось бы, какъ ни старался онъ убѣдить Англію, что ей вообще выгодно одержать успѣхъ надъ Франціей, гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, Англія все-таки давала деньги на борьбу въ Швеціи съ французскимъ вліяніемъ, давала и Данія.

Въ переговорахъ Сальдерна съ Фридрихомъ много разъ встрѣчается выраженіе „державы активныя“, „державы пассивныя“. Фридрихъ говорилъ, что онъ не понимаетъ значенія этихъ терминовъ и Саль-

дѣру такъ и не удалось разъяснить ему ихъ. Но изъ переписки Панина значеніе ихъ совершенно ясно. Къ числу державъ „активныхъ“ Панинъ относилъ Россію, Пруссію, Англію и отчасти Данію; къ числу „пассивныхъ“—Польшу, Швецію и всѣ другія государства, которыя удалось бы привлечь къ союзу. Со стороны этихъ, пассивныхъ, державъ Панинъ предполагалъ довольствоваться лишь тѣмъ, что онѣ будутъ оставаться въ покоѣ, не бросятся на кого-либо изъ сосѣдей, потому что Франція дастъ имъ за это денегъ; предполагалось связать ихъ съ главными государствами союза такъ, чтобы имъ выгоднѣе было остаться въ бездѣйствіи, чѣмъ рисковать, рѣшаясь на какую-нибудь активную роль. Активными державами Панинъ называлъ тѣ, которыя могли рѣшиться вступить въ прямую, открытую борьбу съ державами южнаго союза, тѣ, которыя, имѣли споры съ державами католическими и которыя, по его мысли, имѣли силу и право добиваться удовлетворенія своихъ интересовъ. Не говори, конечно, этого иностраннымъ дипломатамъ, Панинъ разсчитывалъ—что онъ и высказалъ въ письмѣ къ одному русскому дипломату — „поставить Россію способомъ общаго сѣвернаго союза на такой степени, чтобы она, какъ въ общихъ дѣлахъ знатную часть руководства имѣла, такъ, особливо, въ сѣверѣ тишину и покой ненарушимо сохранять могла“. Во всемъ этомъ трудно видѣть какое-либо доктринерство; мы видимъ стремленіе къ совершенно опредѣленнымъ практическимъ выгодамъ для Россіи, причемъ, если представлялось какое-либо столкновеніе выгодъ какого-либо другаго государства съ выгодами Россіи, то на первомъ планѣ у Панина, какъ и всегда стояли, конечно, интересы Россіи.

Какъ проектъ „сѣверной системы“ возникъ при обстоятельствахъ дѣлавшихъ совершенно возможною такую мысль, такъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, совершенно спокойно былъ онъ и оставленъ. Когда на югѣ вспыхнула у Россіи война съ Турціей, а въ Швеціи снова одержала полный перевѣсъ партія французская, стало ясно, что эти обстоятельства не благоприятствуютъ довольно сложнымъ переговорамъ, имѣвшимъ цѣлью установить на сѣверѣ соглашеніе и поддерживать миръ въ Европѣ; и Панинъ сразу же прекратилъ всякіе переговоры о „сѣверной системѣ“ и она совершенно не упоминается больше въ политическихъ его комбинаціяхъ ¹⁾). Несомнѣнно,

¹⁾ Важнѣйшія мѣста изъ дипломатической переписки о „сѣверной системѣ“ см. *Сборникъ*, т. LVII, 10, 57, 62—64, 91—93, 110, 117, 121, 131, 200, 207,

что союзъ державъ на сѣверѣ былъ, въ глазахъ Панина, только средствомъ въ рукахъ русской политики, а никакъ не ея цѣлью; онъ обсуждалъ его, думалъ его осуществить, пока обстоятельства дѣлали весьма вѣроятнымъ, что Россіи удастся воспользоваться этимъ союзомъ для ея выгодъ; но какъ только исчезла вѣроятность легкаго осуществленія этого союза — Панинъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать ни одного шага, чтобы этого союза добиться, и легкость, съ какою онъ отказался отъ этой мысли, представляетъ еще одно доказательство того, что онъ видѣлъ въ этой сѣверной системѣ не цѣль, а средство, орудіе, которымъ не лишнее владѣть, но особенно добиваться котораго вовсе не стоить.

II.

Свою самостоятельную политику Панинъ велъ не безъ противо-дѣйствія сосѣднихъ державъ.

Мы видѣли слова Панина о неудовольствіи католическихъ державъ за принятую Россіею политику; онъ, вѣроятно, точно зналъ о ихъ чувствахъ, а если не зналъ, то догадывался; и догадка его была вполне основательна. Князь Кауницъ, дѣйствительно, долго лелѣялъ надежду вернуть Россію къ австрійскому союзу¹⁾ и находилъ принятое Россіею направленіе несоотвѣтствующимъ интересамъ Австріи, конечно, хотя онъ говорилъ объ интересахъ Россіи; но если онъ такъ много объ этомъ старался, то очень позволительно сомнѣваться, чтобы онъ имѣлъ въ виду интересы Россіи; съ тѣмъ, что Россія дѣйствуетъ во вредъ себѣ, онъ, вѣроятно, примирился бы скорѣе. Однако Россія оставалась вѣрна принятому пути по крайней мѣрѣ до 1780 года, то-есть, до того времени, когда вліяніе Панина начало ослабѣвать—и вслѣдствіе того, что съ годами ослабѣло его здоровье, и вслѣдствіе того, что у престола явились новые люди,—Потемкинъ, Безбородко—тоже талантливые, но сверхъ того лучше умѣвшіе, да и болѣе желавшіе примѣняться къ настроенію и желаніямъ императрицы, какою она стала послѣ 20-ти лѣтъ царствованія, наполненнаго успѣ-

---

209, 267, 306, 307, 369, 397, 421, 422, 436; т. LXVII, 26, 72, 193, 327, 516; т. LXXXVII, 81, 178; т. XII, 188, 267, 273, 274, 284, 286, 294, 378—380, 393, 416, 417, 444; т. XXII, 168, 220, 221, 241—246, 281, 317, 381, 430, 439—444; т. XXXVII, 126; *Соловьевъ*, т. XXVI, 110; т. XXVIII, 81, 83, 91.

¹⁾ *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 13 и др.

хами и славой. Только тогда послѣдовало сближеніе съ Австріей, но и то еще вопросъ, былъ ли союзъ съ Австріей слѣдствіемъ настояннй вѣнскаго правительства, или въ Петербургѣ рѣшили переменить союзника, потому что новой цѣлью русской политики стала Турція; а это было вызвано тѣмъ, что исчезла надежда на скорое рѣшеніе польскаго вопроса, такъ какъ въ него вмѣшивалась Турція, которую легко поднимала всякая держава, желавшая создать затрудненія для Россіи. Кромѣ того, едва ли осталось безъ вліянія и поведеніе Фридриха: въ моментъ, когда ему казалось положеніе Россіи особенно затруднительнымъ, онъ собрался сдѣлать особенно сильныя попытки включить въ свою часть отъ Польши и Данцигъ; онъ подѣлился съ братомъ Генрихомъ надеждами, что ему удастся эта попытка ¹⁾; но она не удалась и, вѣроятно, не была забыта. Что касается Франціи, то недоброжелательство къ Россіи правительства Людовика XV есть несомнѣнный фактъ. Въ то самое время, когда являлась надежда, что Россіи снова вступить въ союзъ съ Австріей и Франціей, Людовикъ XV писалъ своему послу въ Россію: „вы знаете, что единственный предметъ моей политики по отношенію къ Россіи—это удалить ее насколько возможно отъ евронеискихъ дѣлъ ²⁾“⁴⁾. По вопросу объ отношеніяхъ къ Россіи секретная политика самого короля находилась въ полнѣйшемъ согласіи съ политикою французскаго министерства. Въ 1768 году Шуазель писалъ французскому резиденту въ Данцигѣ: „въ настоящихъ обстоятельствахъ самый главный предметъ—это дѣлать всевозможное зло русскимъ, не стѣсняясь какими-либо временными неудобствами, могущими отъ этого произойти. Эта политика составляетъ часть великихъ видовъ, входящихъ въ настоящую систему короля“ ³⁾. Со стороны французскаго министерства это не были только фразы; оно, дѣйствительно, не упускало случая создавать Россіи непріятности всюду, гдѣ только могло: оно затѣвало столкновения по дѣламъ церемоніальнымъ и въ Петербургѣ, и при другихъ дворахъ съ русскими представителями ⁴⁾, съ еще большимъ стараніемъ противодѣйствовало оно серьезнымъ

¹⁾ *Oeuvres de Frédéric le Grand*, v. XXVI, 355, октябрь 1771.

²⁾ *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX, 213, деноша 10 сентября 1762 г., см. еще 215—216, 230, 275 и др.

³⁾ *Соловьевъ*, т. XXVIII, 87—88.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 459, 465—467, 496; см. также *Безобразовъ*, О сношеніяхъ Россіи съ Франціей, 266—299.—Какъ странно писать такіа слова о Франціи теперь!

начинаніямъ Россіи въ Польшѣ, въ Швеци; оно, наконецъ, болѣе всего содѣйствовало нарушенію турками мира. Но русское министерство не смущалось всѣми этими препятствіями и твердо держалось той самостоятельной политики, о которой согласно свидѣлствуютъ намъ и иностранцы—очевидцы событій и русскіе дѣятели. Имѣя указаніе на такое направленіе русской политики и отъ лицъ, ему сочувствовавшихъ, и отъ лицъ, ему несочувствовавшихъ, и отъ самихъ русскихъ дѣятелей, видя, наконецъ, какія преодолевали они препятствія на этомъ пути, мы должны признать за несомнѣнный фактъ, что русскіе дѣятели того времени почитали своимъ долгомъ преслѣдовать преимущественно, почти исключительно, интересы и выгоды Россіи. Конечно, это не устраняетъ вопросовъ—вѣрно ли они эти интересы понимали, насколько успѣли въ своихъ стремленіяхъ имъ служить и ихъ удовлетворять, насколько сумѣли они, наконецъ, сохранить ту самостоятельность, которую хотѣли сохранить, не обошли ли ихъ союзники и не заставили ли ихъ силами Россіи служить, не сознавая этого, соперникамъ и недругамъ Россіи, — на эти вопросы основательный отвѣтъ можетъ дать только основательное изученіе исторіи Россіи за промя Екатерины; но во всякомъ случаѣ невозможно говорить о сознательномъ подчиненіи петербургскаго министерства какимъ-либо чужимъ интересамъ и объ искренней готовности его слѣдовать указаніямъ и внушеніямъ другихъ правительствъ.

Между тѣмъ, очень распространено мнѣніе, что въ Петербургѣ безусловно господствовало прусское вліяніе и что Екатерина и Панинъ очень часто поддавались внушеніямъ Фридриха II ¹⁾). Разсмотрѣніе источниковъ, откуда это мнѣніе пошло и ознакомленіе съ тѣми, которыми, сюда относящимся, документами русской дипломатической переписки, дастъ намъ возможность уяснить себѣ вопросъ объ этомъ.

Прежде всѣхъ прямо приписалъ себѣ руководящую роль въ переговорахъ, общихъ у него съ Петербургскимъ дворомъ, самъ Фридрихъ II. Въ описаніи однихъ событій онъ говоритъ, что онъ „ухватилъ обстоятельства за волосы и неутомимо переговаривался и интригуя“ довелъ дѣло до желаннаго ему конца; по другому случаю онъ разказываетъ, что только онъ постоянно предупреждалъ Панина

---

¹⁾ Не говоря уже о статьѣ вл. Вяземскаго, *Смитъ*, въ своемъ трудѣ „Суворовъ и паденіе Польши“, *Hermann*, въ своей „Geschichte des russischen Staates“, *Kurd von Schlöser*, въ сочиненіи „Friedrich der Grosse und Katharina II“, наконецъ *Соловьевъ* и другіе говорятъ о сильномъ вліяніи въ Петербургѣ Фридриха.

о разныхъ хитростяхъ Кауница и что „безъ внимательнаго пристрастія“ его, Фридриха, „князь Кауницъ игралъ бы Панинымъ, какъ мячикомъ“¹⁾). На первый взглядъ свидѣтельство Фридриха имѣетъ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы ему вѣрить²⁾). Но это лишь на первый взглядъ. Мы уже замѣчали выше, что показанія Фридриха вовсе не отличаются особенною точностію. Если прослѣдить его дѣйствія по современной имъ перепискѣ его съ гр. Сольмсомъ, то они представляются намъ далеко не такъ проникнутыми одною, ясно сознанною идеею, далеко не такъ спокойно и прямо направленными къ одной цѣли, какъ изображаетъ ихъ самъ король прусскій; ко времени написанія *Histoire de mon temps* изъ памяти короля несомнѣнно исчезли многія, нерѣдко очень существенныя частности. Къ тому же, несомнѣнно, что Фридрихъ II въ очень сильной степени страдалъ тѣмъ недостаткомъ, которому болѣе или менѣе подвержены всѣ люди, всегда высоко стоявшіе и не привыкшіе видѣть рядомъ съ собою равноправныхъ мнѣній: не встрѣчая возраженій очень часто лишь потому, что по ихъ положенію спорить съ ними неудобно, они мало по малу начинаютъ думать, что на ихъ слова и не существуетъ возраженій и наконецъ начинаютъ считать мнѣнія и домыслы столь же несомнѣнными, какъ доказанныя истины; только исключительно высокія качества ума или сердца предохраняютъ отъ такого заблужденія. Наконецъ, не очевидно ли, что утвержденіе одного лица, хотя бы даже и короля прусскаго, будто онъ пользовался большимъ влияніемъ надъ кѣмъ-либо и руководилъ его дѣятельностію, есть одно изъ самыхъ слабыхъ доказательствъ подобнаго влиянія? Въ виду всего этого мы должны, кажется, признать, что и въ настоящемъ случаѣ утвержденіе Фридриха вовсе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія.

Но въ подтвержденіе словъ Фридриха указываютъ на слова дру-

¹⁾ *Oeuvres*, VI, 12, 165.

²⁾ Безусловно довѣряетъ Фридриху кн. II. *Вяземскій*, который въ своей статьѣ „Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г.“ (*„Восемнадцатый столѣтіе“*, II, 163—256) и старается изобразить событія эпохи согласно съ разказомъ короля. Хотя въ то время, когда писалась эта статья, оставались еще совершенно неизвѣстны многіе документы изъ переписки Панина, совершенно опровергающіе многія показанія Фридриха, но все-таки нельзя не удивляться, какъ это кн. Вяземскій вполне довѣряетъ разказу того человека, который, только что заявивши, что „онъ никогда нѣмого не обманывалъ“, немедленно же приступаетъ къ изложенію, какъ, онъ „неутомимо интриговалъ“, и какъ не является подозрѣніе, имѣть ли у него обмана и въ разказѣ о его обманахъ.

того современника и близкаго участника событій, гр. Мерси: онъ въ своихъ донесеніяхъ, въ теченіе всего 1763 г., постоянно сообщаетъ въ Вѣну, что въ Петербургѣ совершенно увлечены прусскимъ королемъ, что вліяніе его тамъ безусловно преобладаетъ и т. д. ¹⁾). Но вотъ что говорить по этому же поводу тожо современникъ, стоявшій совершенно въ такомъ же отношеніи къ петербургскому кабинету и къ Пруссіи, англійскій посолъ Макартней: въ 1766 г. онъ досадуетъ, что Россія „относится презрительно къ прочимъ дворамъ“ какъ первое доказательство самовластія, какое позволяетъ себѣ русскій дворъ въ сношеніяхъ съ другими державами указываетъ его поведеніе относительно короля прусскаго: Россія, пишетъ онъ, „принудила его ратификовать статью относительно Турціи, хотя всѣмъ извѣстно, что это было совершенно несогласно съ его желаніемъ и противорѣчило его интересамъ“ ²⁾). Разъ по вопросу такого рода, какъ насъ теперь занимающій, существуютъ такіа діаметрально противоположныя показанія, показанія эти очевидно, теряютъ цѣну: ими доказывать или опровергать что-либо невозможно. Въ приведенномъ нами случаѣ съ особенною ясностью видно, какъ подъ вліяніемъ неудачъ участники переговоровъ начинаютъ—и быть можетъ вполне искренно—видѣть нѣкоторые факты въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ и въ то же время рѣшительно и чрезвычайно авторитетнымъ тономъ указываютъ объясненія ихъ, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ ошибочныя. Графу Мерси не удавались переговоры, Россія была въ мирѣ съ врагомъ Австріи,—очевидно, заключаетъ онъ, Россія подчиняется вліянію этого врага; серу Макартнею не удавались переговоры, Россія требовала, чтобы Англія приняла на себя такіа же обязательства, какими связана была съ Россіей Пруссія — очевидно, заключаетъ онъ, Пруссію Россія заставила признать эту статью, только для Россіи выгодную. И къ такимъ авторитетнымъ, и въ то же время ошибочнымъ, утвержденіямъ дипломаты прибѣгали тѣмъ легче и тѣмъ охотнѣе, что утвержденія эти, заключаая не искаженіе очевиднаго факта, а невѣрное его толкованіе, не легко могли быть съ несомнѣвностію и ясностію опровергнуты ³⁾).

¹⁾ Сборникъ, т. XLVI, 643, 644, 647, 682, 687 и др.

²⁾ Сборникъ, т. XII, 270—271.

³⁾ Приведемъ еще два-три примѣра. Лордъ Букингамъ писалъ въ февралѣ 1763 г.: „Нашия совершенно въ рукахъ французовъ (!) и составляетъ лишь орудіе въ рукахъ ихъ министра“, а въ мартѣ 1764 г.: „по мѣрѣ того, какъ я,

Наконецъ, прусскій посолъ гр. Сольмсъ, отъ себя замѣчая, что въ Петербургѣ одобреніе его короля „цѣнится безгранично“ и что въ 1771—1772 гг.) въ Петербургѣ господствуетъ „прусская эра“¹⁾, передаетъ и нѣсколько заявленій Панина, что онъ чрезвычайно преданъ его прусскому величеству, что онъ готовъ ему во всемъ слѣдовать, сочтетъ себя счастливымъ, если удостоится его одобренія и ничего больше не желаетъ и т. д.; въ іюль 1764 г. гр. Сольмсъ передаетъ „почтительнѣйшую просьбу“ Панина „помочь въ данномъ случаѣ императрицѣ“; черезъ годъ онъ пишетъ: „гр. Панинъ былъ въ восторгѣ, узнавъ о милостивомъ воззрѣніи вашего величества на дѣла Польши. Онъ льститъ себя надеждою, что ваша умѣренность и дружба къ русской императрицѣ побудятъ васъ, государь, изыскать средства къ скорѣйшему и совершенному окончанію ихъ съ выгодою для себя и ко всеобщему удовольствію“; далѣе прусскій посолъ такъ передаетъ своему государю слова русскаго министра: „онъ убѣжденъ, что при вашей глубокой проницательности... ваше величество одобрите этотъ планъ и, вслѣдствіе превосходства ума вашего, пожелаете помочь вашими совѣтами и содѣйствіемъ“; „дружба русской императрицы и ея министра“. продолжаетъ онъ въ той же депешѣ, „и забота ихъ о поддержаніи вашего величія такъ сильны, что я могу поручиться, что они выдвинутъ всѣ войска имперіи противъ того, кто осмѣлится ополчиться на васъ“; можно привести и еще много подобныхъ выраженій²⁾. И мы не имѣемъ никакихъ осно-

---

сближаюсь со здѣшнимъ народомъ и узнаю его политическія мнѣнія и симпатіи, для меня становится очевиднымъ, что окончательное вліяніе надъ Россіей будетъ принадлежать австрійскому (!) двору“—*Сборникъ*, т. XII, 80, 161. Любопытно, что въ 1772 г., потерѣвъ неудачу въ попыткахъ получить Данцигъ, Фридрихъ съ полною увѣренностью приписывалъ это вліянію Англіи—*Сборникъ*, т. XXXVII, 608;—замѣчательное, но истиннѣе, положеніе: противъ Австріи Россія дѣйствуетъ вполне подъ вліяніемъ Пруссіи, противъ Пруссіи—подъ вліяніемъ Англіи, противъ Англіи—подъ вліяніемъ своихъ успѣховъ надъ Пруссіей и т. д. до безконечности!

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXXVII, 594—хотя именно въ это время Фридриху не дали Данцига.

²⁾ *Сборникъ*, т. XXII, 18, 120, 284, 375, 379, 435, 439 и др., т. XXXVII, 199, 454, 644, т. LXXII, 121 и т. д. Последнее увѣреніе гр. Сольмса неполно приводитъ на память инцидентъ 1775 г., происшедшій съ англійскомъ посломъ Гуннингомъ, который тоже убѣдилъ себя и свое министерство, что Екатерина въ своей дружбѣ къ королю англійскому готова дойти до того, чтобы дать Англіи въ наемъ русскіхъ солдатъ для усмиренія сѣверо-американскихъ колоній; но, конечно, англичане испытали самое жестокое разочарованіе, какъ только

ваній полагать, чтобы гр. Сольмсъ приписывалъ Панину, то, чего онъ не говорилъ; слова такія или имъ подобныя были почти навѣрно сказаны. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что гр. Сольмсъ придавалъ имъ несравненно больше значенія, чѣмъ они имѣли. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ говорить русскій министръ послу чужаго государя объ этомъ самомъ государѣ, какъ не самыя любезныя вещи? а когда этотъ посолъ передавалъ своему государю отзывы о немъ, не очевидно-ли, что самыя обычныя фразы вѣжливости должны были получить видъ особенно лестныхъ и почтительныхъ выраженій. Вся личная переписка Екатерины и Фридриха состоитъ изъ самыхъ преувеличенныхъ похвалъ одного корреспондента другому, изъ самыхъ льстивыхъ комплиментовъ, и если бы можно было сдѣлать заключенія объ истинныхъ чувствахъ ихъ другъ къ другу на основаніи подобныхъ заявленій, то выводъ, что Фридрихъ былъ совершенно преданъ Екатеринѣ, что онъ преклонялся предъ нею, безконечно изумлялся всѣмъ ея дѣйствіямъ и распоряженіямъ—былъ бы ни чуть не менѣе основателенъ, чѣмъ выводъ, что „гр. Панинъ былъ искренній приверженецъ прусскаго союза“¹⁾. Но по другимъ отзывамъ Фридриха, не предназначеннымъ для того, чтобы быть немедленно доведенными до свѣдѣнія его высокой союзницы, мы знаемъ съ несомнѣнностью, что въ интимной ихъ перепискѣ ихъ истинныя чувства и настоящія мнѣнія выражались менѣе всего. Посмотримъ же, каковы отзывы о Фридрихѣ въ перепискѣ русскихъ руководящихъ дѣятелей того времени, точно также не предназначенной для сообщенія прусскому королю; очевидно, что тамъ мы найдемъ болѣе вѣрное выраженіе ихъ взглядовъ и мнѣній о прусскомъ королѣ и его политикѣ, чѣмъ въ томъ, что они говорили объ этомъ съ представителемъ Пруссіи.

Не будемъ останавливаться на двухъ заявленіяхъ Екатерины принцу де-Линю, что она никогда не прочитала сочиненій Фридриха II далѣе 17-ой страницы, потому что нашла въ нихъ одну „отъявленную ложь“²⁾ и что въ перепискѣ императрицы съ Грим-

---

пытались дѣйствительно получить согласіе Екатерины на такой необычный для Россіи и вообще недостойный поступокъ. Этотъ поступокъ императрицы Екатерины произвелъ, конечно, самое благопріятное впечатлѣніе во Франціи; тамъ оцѣнили не только выгоду этого поступка для Франціи, но и благородство государя, который не пожелалъ продавать своихъ подданныхъ. См. *Сборникъ т. XIX, 476—502; Rambaud, Rescueil, IX, 329—332.*

¹⁾ *Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, II, 6.*

²⁾ *Сборникъ, т. XLII, 98, 185, 1790 и 1791 годы.*

момъ, въ которой почти все упоминаемые лица называются разными вымышленными, навсегда приданными имъ, прозваніями, Фридрихъ носить имя Ирода; не будемъ останавливаться и на томъ, что когда Дидро, на вопросъ Екатерины, почему онъ не любитъ Фридриха, отвѣтилъ: „онъ хорошій государь, но дурной человекъ и фальшивый монетчикъ“, Екатерина улыбнулась и сказала: „да, и на мою долю досталось нѣсколько его фальшивой монеты“¹⁾—оставимъ, въ сторонѣ сообщеніе лорда Каскарта, что однажды, въ 1772 году, императрица за обѣдомъ разсуждала на тему, что король прусскій не придерживается въ политикѣ правилъ честиости²⁾—это были уже тѣ годы, когда Екатерина начала, быть можетъ, подумывать о необходимости новой борьбы съ Турціей, для которой союзъ съ Фридрихомъ былъ менѣе важенъ, чѣмъ союзъ съ Австріей—и къ тому же, нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній, идутъ изъ вторыхъ рукъ; возьмемъ отзывы о Фридрихѣ только за первые годы, когда Россія была съ ними въ союзѣ, и по возможности — изъ первыхъ рукъ. Въ концѣ 1762 г. Екатерина писала гр. Кейзерлингу: „не знаю, чего онъ (Фридрихъ) ожидаетъ себѣ отъ такого образа дѣйствій, но признаюсь, что какъ онъ самъ, такъ и его поведеніе претятъ мнѣ ужасно“; въ это же время, отправляя къ вице-канцлеру письмо для Фридриха, Екатерина приложила къ нему такую записочку: „пусть прусскій посоль передастъ это письмо своему хозяину“; въ декабрѣ того же года она собственноручною запискою поручала заявить англійскому послу, что удивляется неблагодарности прусскаго короля по отношенію къ Англии; въ январѣ 1763 г. она поручила написать къ послу нашему при Фридрихѣ, что сообщенія, которыя онъ передалъ въ Петербургъ по личному приказанію Фридриха, „есть ложь и только показываютъ охоту короля прусскаго ссорить насъ съ этимъ (саксонскимъ) дворомъ“; немного ранѣе совершенно въ такомъ же смыслѣ писали Обрѣзкову въ Константинополь о другихъ сообщеніяхъ, тоже исходившихъ отъ Фридриха³⁾. Въ концѣ декабря 1762 г. только что прибывшій въ Россію посоль Фридриха, гр. Сольмсъ, объяснялся съ Панинымъ по слѣдующему поводу: въ англійскихъ газетахъ появилась статья, очень сочувствен-

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1877, II. 291.

²⁾ *Сборникъ*, т. XIX, 285.

³⁾ *Сборникъ*. т. XLVIII, 177, 187, 231, 240, 250, 256; см. еще т. LVII, 364—365.

ная Петру Теодоровичу и очень непочтительная по отношенію къ Екатеринѣ; статья эта была названа извлеченіемъ изъ письма Фридриха къ Финкенштейну. Фридрихъ черезъ русскаго посла въ Берлинѣ увѣрялъ, что не онъ авторъ этихъ отзывовъ. И вотъ Паницъ говорилъ Сольмсу, что „государыня была по истинѣ тронута, тѣмъ прямодушіемъ (du ton de droiture), которое проглядываетъ въ деклараціи, сдѣланной по приказанію короля кн. Репнину по поводу появившейся въ Англіи подъ его именемъ пасквили противъ императрицы; она слишкомъ увѣрена въ добрыхъ чувствахъ его величества къ ней, чтобы подобная клевета сколько нибудь могла заставить ее думать иначе“¹⁾. Конечно, на основаніи этихъ словъ трудно рѣшить, насколько въ Петербургѣ повѣрили или не повѣрили этимъ объясненіямъ Фридриха; несомнѣнно, что выраженія, подобныя выраженіямъ этого „пасквиля“, Фридрихъ о Екатеринѣ употреблялъ²⁾. Въ это время, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ господствовало очень недружелюбное настроеніе къ Фридриху; и не только англійскій посолъ въ это время доносилъ: „король прусскій поступилъ весьма неблагоприятно, стараясь оправдаться отъ обвиненія (будто упомянутая статья извлечена изъ его письма): извиненія его только подтвердили общее мнѣніе, что именно онъ, и никто другой, авторъ этой статьи. Вообще ея величество крайне недовольна этимъ государемъ“, — но и спустя полтора мѣсяца, послѣ того, какъ Сольмсу сказано было, что Екатерина вѣрить заявленіямъ Фридриха, англійскому послу говорили еще объ этой статьѣ и повторяли, что она произвела впечатлѣніе самое неблагоприятное для того, кого считаютъ ея авторомъ³⁾. И такое отношеніе къ Фридриху вовсе не было мимолетнымъ. Спустя три года вотъ что приписалъ Паницъ въ постскриптумѣ официальной депеши къ кн. Н. В. Репнину: „для содержанія его (короля прусскаго) въ предѣлахъ, выгодныхъ сѣверной системѣ... необходимо нужно, чтобы явныхъ его дѣлъ и настояній въ негоціяхъ не настояло, ибо, покамѣстъ оныя продолжать онъ будетъ, онъ при всѣхъ тѣхъ объясненіяхъ стаетъ себя поставлять драгоцѣннѣе; мы же съ другой стороны будемъ безпрестанно упражняемы каверзами малыхъ его дѣлъ и тѣмъ безпрестанно же отвращаемы отъ большихъ, общей си-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXII, 12.

²⁾ *La Cour de Russie il y a cent ans*, 186, 220.

³⁾ *Сборникъ*, т. XII, 67, 84.

стемъ полезныхъ дѣлъ“¹⁾ Совершенно несомнѣнные доказательства глубокаго недовѣрія къ политикѣ Фридриха въ изобиліи находятся въ интимной перепискѣ Панина. Въ октябрѣ 1762 г. Обрѣзкову предписано было заявить Портѣ, „что король прусскій уже всѣми державами признается всенароднымъ возмутителемъ“; и въ 1763 и въ 1764 годахъ, предписано было внимательно наблюдать за дѣйствіями его агентовъ и въ Швеціи и въ Турціи, наружно оказывая имъ, однако, полнѣйшее довѣріе²⁾. Въ іюнѣ 1765 г. Панинъ, обсуждая въ шифрованной депешѣ къ Обрѣзкову мѣры, какими можно бороться въ Константинополѣ противъ интригъ вѣнскаго правительства, разсуждаетъ, не удастся ли Обрѣзкову поднять Турцію на Австрію; при этомъ онъ высказываетъ слѣдующія соображенія: „по настоящему между нами и его прусскимъ величествомъ тѣсному союзу мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскому двору; турки же одни, конечно, не много оному принесутъ существительнаго ущерба, по рогу гордости и высокомѣрія его чаятельно довольно посломаютъ“³⁾. И такъ, безъ всякой аффектаціи, какъ бы мимоходомъ, Панинъ высказывается, что, на случай серьезныхъ затрудненій Австріи, Россія не дастъ прусскому королю еще усилить эти затрудненія, но удержать его. Это ли слова безусловнаго сторонника прусской системы, это ли слова человѣка, вполне находящагося подъ вліяніемъ Фридриха!?

Любопытенъ инцидентъ съ прусскимъ представителемъ въ Константинополѣ, Рексиномъ. Уже въ 1762 г. въ Петербургѣ имѣли свѣдѣнія, что Рексинъ интригуетъ противъ Россіи; за нимъ стали слѣдить, и къ августу 1765 г. Панинъ имѣлъ несомнѣнные доказательства враждебныхъ Россіи происковъ Рексина. Онъ выразилъ по этому поводу гр. Сольмсу свое неудовольствіе и желаніе, чтобы Рексинъ былъ отозванъ; онъ не дѣлалъ изъ этого секрета и въ Петербургѣ многіе въ дипломатическихъ кругахъ знали объ этомъ⁴⁾. Фридрихъ немедленно поручилъ Сольмсу отвѣтить отъ его имени, что онъ, король, увѣренъ въ лживости обвиненій, и представлялъ свои объясне-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 394; т. LXVII, 17—Панинъ точно также предписываетъ Репанину внушать полякамъ недовѣріе и опасеніе по отношенію къ Фридриху.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 467—468; т. LXVII, 356.

³⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 278.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. XII, 209, 215.

нія—надо признаться, довольно натянутыя—откуда пошла эта, по его словамъ, клевета. Выслушавши отъ Сольмса это заявленіе отъ имени короля, Панинъ ему прочелъ, а затѣмъ, „для облегченія памяти“, прислалъ и на письмѣ обстоятельное доказательство справедливости своихъ обвиненій; по словамъ Панина (въ письмѣ къ Обрѣзкову) Сольмсъ „и самъ, яко человекъ по собственному его характеру отличной честности, безмолственъ остался“; этотъ свой отвѣтъ Панинъ просилъ посла сообщить Фридриху и продолжалъ настаивать на виновности Рексина деликатно, но очень твердо. Четыре раза писалъ Фридрихъ Сольмсу, защищая своего представителя и увѣряя, что русское правительство введено въ заблужденіе, вопросъ этотъ не сходилъ съ очереди полгода—и въ концѣ концовъ Фридрихъ уступилъ и отозвалъ Рексина; а Панинъ предписалъ Обрѣзкову тщательно слѣдить и за новымъ представителемъ Пруссіи, Цегелиномъ. Въ письмахъ къ Обрѣзкову Панинъ высказывалъ полную увѣренность, что король прусскій далъ Рексину какія нибудь предписанія дѣйствовать противъ Россіи и, допуская вмѣстѣ съ тѣмъ, что Рексинъ, вѣроятно, нѣсколько превысилъ эти инструкціи, не находилъ нужнымъ уступать, замять это дѣло, не смотря на неоднократное личное вмѣшательство Фридриха ¹⁾. Въ 1768 г., когда Панинъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ вторичное назначеніе въ Петербургъ Макартнея, въ дипломатическихъ кругахъ Стокгольма прошелъ слухъ, что это сдѣлано подъ влияніемъ Фридриха, недовольнаго Англією. Трудно, конечно, сказать, имѣлъ ли Фридрихъ участіе въ распространеніи этого слуха; но нельзя не замѣтить, что тутъ является опять то же мнѣніе о господствѣ въ Россіи прусскаго влияния, какое Рексинъ, по инструкціямъ Фридриха, когда то поддерживалъ въ Константинополѣ. Но какъ бы то ни было, а Панинъ поспѣшилъ и на этотъ разъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть такое мнѣніе ²⁾; и онъ говорилъ сущую правду, утверждая что „король прусскій ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ конечно въ томъ участія не имѣлъ“; Макартнея не приняли въ Петербургъ потому, что въ первое пребываніе онъ былъ участникомъ одного слишкомъ громкаго романческаго происшествія ³⁾.

¹⁾ См. *Сборникъ*, т. XLVIII, 230; т. LVII, 310—313, 325—327, 337, 338, 353—355, 475; т. XXII, 388, 391, 396, 421 и др.; т. XII, 205, 215—216, 227—228.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 60.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 546—551; т. LXXXVII, 11—12; *Русская Старина*, т. IV, 64 и т. IX, 540.

Совершенно такое же отношеніе къ королю Фридриху и Пруссіи видимъ мы и въ перепискѣ о нашихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нимъ въ Польшѣ. Въ мартѣ 1767 года Панинъ писалъ Репнину: „наши окрестныя державы, натурально, кипятъ завистію къ нашему произвожденію съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ дѣлъ самоизвольныхъ и до нихъ самихъ касающихся. Таковы неоспоримо должны быть внутреннія импрессіи безъ исключенія у всѣхъ сосѣдей, яко то у вѣнскаго двора, у Порты и у самого короля прусскаго“¹⁾. Панинъ настаивалъ на принятыхъ имъ рѣшеніяхъ по польскимъ дѣламъ и въ декабрѣ 1767 года писалъ въ Берлинъ посланнику князю Долгорукову: „нельзя намъ поступить на желаніе прусскаго двора, ибо инако дѣло все надлежало бы съ самаго начала вновь передѣлывать“²⁾; въ тотъ же, кажется, день³⁾ онъ писалъ Репнину: „нѣтъ нашего намѣренія допускать г. Бенуа (прусскаго резидента въ Варшавѣ) до раздѣленія съ вами нашихъ негодіацій; но надобно, чтобы сіе недопущеніе происходило видимымъ образомъ не отъ насъ, а отъ делегаціи польской, яко не имѣющей отъ республики полной мочи трактовать съ кѣмъ другимъ, кромѣ вашего сіятельства. Не сомнѣваюсь я, что король прусскій не весьма будетъ доволенъ такимъ его министра недопущеніемъ; но когда съ нашей стороны сохранится вся благопристойная наружность, я не думаю опять, чтобы онъ дальше сталъ настоять въ своемъ требованіи, а удовольствуется уже по необходимости тѣмъ, что ваше сіятельство продолжите откровенное ваше сношеніе съ министромъ его“⁴⁾. И король прусскій, дѣйствительно, поступилъ такъ, какъ ожидалъ Панинъ. По этому поводу Панинъ писалъ Репнину: „можно смѣло положить, что зависть его къ нашей инфлюенціи останется скрыта во внутренности сердца его“, что онъ непремѣнно будетъ вести противъ насъ какіе нибудь потаенные происки, которыхъ, впрочемъ, нечего особенно опасаться, но которые надо постоянно имѣть въ виду⁵⁾. Еще болѣе общую характеристику и оцѣнку дѣйствій Фридриха въ польскомъ вопросѣ далъ Панинъ

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 517.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 555.

³⁾ Предыдущая депеша помѣчена 12 декабря, депеша, изъ которой сейчасъ будетъ приведена выдержка—22-го декабря; но Панинъ въ ней сообщаетъ, что отправляетъ депешу сразу за нѣсколько дней, потому что предъ этимъ временемъ за его болѣзнь отправка депешъ задержалась.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 555, 556.

⁵⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 556, 557.

28-го января 1768 года. Внимательное изученіе событій убѣждаетъ насъ, что общій взглядъ его на поведеніе Фридриха вѣренъ; но и помимо того, ошибался или не ошибался графъ Панинъ въ своей оцѣнкѣ, его отзывъ исключаетъ всякую возможность допустить руководство русскою политикою со стороны Фридриха. „Не удивляетъ меня,—пишетъ Панинъ Репнину,—последній къ вамъ отзывъ прусскаго министра, что дворъ его не желаетъ уже теперь, дабы сила трактата его въ новомъ нашемъ оговорена и охранена была. Сей отзывъ есть слѣдствіемъ того негодованія, въ которомъ нынѣ находится его прусское величество, завидуя внутренно успѣху и славѣ нашихъ дѣлъ. Сначала изъ робости, или же изъ недоувѣрки къ одержанію толь полныхъ успѣховъ безъ всякихъ помѣшательствъ отъ постороннихъ державъ, не хотѣлъ сей государь самъ входить много въ наши подвиги, опасаясь зайти по онымъ въ хлопоты, а можетъ быть остаться по неудачѣ и въ стыдѣ; почему содѣйствіе его по онымъ было, такъ сказать, приневоленное и такое только, отъ какого онъ по обязательствамъ своимъ съ нами пристойно отдѣлаться не могъ; а послѣ, когда увидалъ, что все его опасенія были напрасныя и что все трудности изъяты уже изъ среды нами одними, вздумалъ дѣлать славу и плоды наши, въ которомъ видѣ и чины были какъ здѣсь, такъ и у васъ разныя попытки; но когда опять увидѣлъ, что мы, сдѣлавъ главное дѣло, не склонны и не намѣрены допустить его до желаемого имъ раздѣленія, то и почувствовалъ внутренно зависть, которая теперь и наружно уже открывается. Но сіе обстоятельство, будучи временное и не равновѣсящее другимъ уваженіямъ, кои его прусское величество къ системѣ и союзу нашему привязываютъ, не долженствуетъ васъ останавливать, ни беспокоивать“¹⁾). Болѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1769 года, въ наставленіи князю Волконскому, повторено въ главныхъ чертахъ то же самое. Панинъ прямо высказываетъ тутъ, что въ 1764 году, при заключеніи союза съ Пруссіей, „мы, судя по заботливому состоянію, въ какомъ находился тогда прусскій король, по неимѣнію ни съ кѣмъ никакого союза, могли со мною вѣроподобностью предполагать, что онъ въ замѣну обезпеченія своего нашимъ союзомъ, а наипаче по пункту Силезіи, охотно

¹⁾ Сборникъ, томъ LXXXVII, стр. 18. — Беръ точно такъ же замѣтить, что Фридрихъ опасался рѣшительныхъ дѣйствій въ Польшѣ, чтобы не быть вынужденнымъ, въ силу союзныхъ своихъ обязательствъ съ Россією, принимать активное участіе.—Die erste Theilung Polens, I, 146, 148.

уступить намъ въ общихъ дѣлахъ первое мѣсто и свободное пело. Время оправдало уже тогдашнее наше гаданіе и мы имѣемъ удовольствіе видѣть, что его прусское величество, буде не безъ внутренней зависти, по крайней мѣрѣ со всею наружною искренностію и податливостію, содѣйствовалъ вездѣ успѣху дѣлъ нашихъ, а особливо въ Польшѣ“... „Хотя затѣмъ,—продолжаетъ Панинъ,—мы и отвратили всѣ двора его покушенія вмѣстить себя съ нами вообще въ гарантію новыхъ узаконеній, но, кромѣ сего содѣйствія, которое, сколь иногда ни слабо бывало, не можемъ мы однако не признаться, чтобъ не облегчало собственныхъ нашихъ подвиговъ, не усумнился его прусское величество жертвовать пріобрѣтенію дружбы и союза нашего любимую свою идею пріобрѣтенія себѣ дружбы и союза Порты Оттоманской“¹⁾.

Приведенныя выписки даютъ намъ, кажется, право утверждать, что—по крайней мѣрѣ сознательно—графъ Панинъ ни на одну милу не подчинился вліянію прусскаго короля, и совершенно не склоненъ былъ уступать ему тамъ, гдѣ это затрагивало интересы Россіи, какъ онъ ихъ понималъ. Съ полнымъ основаніемъ можно приписать къ политикѣ Екатерины и Панина слова, которыми профессоръ Ф. Ф. Мартенсъ характеризуетъ политику Фридриха: „впрочемъ, нельзя не сказать, что при всей угодливости и уступчивости русская императрица и ея министр (у профессора Мартенса стоитъ: „прусскій король“) никогда не забывали пользы своего собственнаго народа и, если послѣдняя того требовала, они противодѣйствовали, открыто или подъ рукою, видамъ прусской (у профессора Мартенса „русской“) политики“²⁾. Изученіе дипломатическихъ сношеній Россіи и Пруссіи раскрываетъ съ полною несомнѣнностію, кто былъ болѣе правъ въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ о ходѣ сообща совершенныхъ дѣлъ — русскій-ли министр, который оставилъ только свою дѣловую переписку, или прусскій король, который ечелъ нужнымъ оставить потомству изображеніе событій своего времени въ имъ самимъ написанной его исторіи. Многие изъ этого потомства ему и повѣрили вполнѣ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ современниковъ судили о современныхъ событіяхъ самостоятельно и совершенно не такъ, какъ король прусскій; такъ и русское министерство далеко не смотрѣло

¹⁾ *Оборникъ*, т. LXXXVII, стр. 396.

²⁾ *Мартенсъ*, *Собраніе трактатовъ и договоровъ*, VI, 38.

его глазами на изложенные имъ факты ¹⁾; не удавалось обмануть Фридриху и многихъ другихъ дипломатовъ; англійскій посолъ при русскомъ дворѣ писалъ въ 1768 году: „стоитъ внимательно прослѣдить дѣйствія короля прусскаго въ Константинополѣ, въ Польшѣ, въ Даніи и при здѣшнемъ дворѣ, чтобы убѣдиться, что онъ болѣе опасается Россіи, чѣмъ питаетъ преданности къ ея интересамъ и что, хотя онъ не смѣетъ открыто заявить свои намѣренія и дѣйствуетъ только подъ рукой, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, съ цѣлью не допустить до выполнения системы Панина“ ²⁾).

И такъ, въ началѣ царствованія Екатерины II русское правительство въ своей внѣшней политикѣ стремилось совершенно сознательно къ самостоятельности и преслѣдовало исключительно выгоды Россіи, не смущаясь неудовольствіемъ своихъ и прежнихъ, и тогдашнихъ союзниковъ, но стараясь, сколько возможно, ему противодѣйствовать; вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ не можетъ быть признаваемо сколько нибудь значительнымъ. Таково убѣжденіе, которое выносится изъ изученія внѣшней политики Россіи за этотъ періодъ. Не излагая здѣсь подробно ея хода, остановимся еще на одномъ спорномъ вопросѣ—именно на вопросѣ, кого именно надо считать руководителемъ этой политики и въ какихъ отношеніяхъ находились между собою императрица Екатерина и графъ Н. И. Панинъ.

III.

Первые полтора года при Екатеринѣ оставались прежніе канцлеръ гр. М. Ил. Воронцовъ и вице-канцлеръ, кн. А. М. Голицынъ; но ни тотъ, ни другой не пользовались ея расположеніемъ и не имѣли особеннаго вліянія. Князь Голицынъ, по согласнымъ отзывамъ нѣсколькихъ дипломатовъ, былъ человѣкъ незначительный и интересовался

¹⁾ Укажемъ любопытный документъ изъ эпохи, когда Фридрихъ очень старался убѣдить въ Петербургѣ въ необходимости уступить ему Данцигъ: графъ Сольмсъ сообщаетъ королю одинъ разговоръ свой по этому поводу съ Панинымъ, отчасти даже извинился предъ королемъ, что почти дословно передаетъ разговоръ частный, а не министерскій, гдѣ, поэтому, не такъ уже осторожно взвѣшено каждое выраженіе. Неужели кто либо, прочитавъ эту дѣшепу, останется въ убѣжденіи, что Панинъ находился подъ вліяніемъ Фридриха?... *Оборники*, т. LXXII, 583—585.

²⁾ *Сборникъ*, т. XII, 324.

преимущественно церемониальною стороною сношеній съ иностранными представителями ¹⁾; гр. М. Ил. Воронцовъ не былъ пріятель и потому, что былъ выдвинутъ партіей Шуваловыхъ, съ которыми Екатерина никогда не ладила, и потому, что занималъ мѣсто гр. А. П. Бестужева-Рюмина, пострадавшаго за сношенія съ Екатериною; къ тому же гр. Воронцовъ, дѣйствительно, не отличался особыми дарованіями. И по донесеніямъ иностранныхъ представителей, и по перепискѣ русскаго министерства, совершенно очевидно, что въ дѣлахъ иностранной политики главную роль играли другіе совѣтники императрицы, именно: Н. И. Панинъ, гр. Бестужевъ-Рюминъ и гр. Кейзерлингъ. Изъ нихъ двое послѣднихъ были уже очень стары, и почти одновременно первый потерялъ всякое вліяніе, второй умеръ. При императрицѣ остался одинъ Н. И. Панинъ; онъ преимущественно и велъ переговоры съ представителями иностранныхъ державъ при русскомъ дворѣ, съ нимъ постоянно совѣтовалась императрица, онъ, наконецъ, 27-го октября 1763 г. черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ гр. Воронцова за границу, былъ назначенъ первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на этомъ мѣстѣ, не нося званія канцлера, но поставленный выше вице-канцлера кн. Голицына, онъ оставался 20 лѣтъ, до самой смерти, и являлся—по наружности уже несомнѣнно—руководителемъ русской внѣшней политики. Но относительно того, какъ велико было въ дѣйствительности вліяніе его на ходъ дѣлъ, существуетъ сильное разномысліе. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей императрица Екатерина „страстно любила дипломатическія интриги“ и принимала непосредственное участіе въ переговорахъ, такъ что иногда ея министры узнавали о принятыхъ ею рѣшеніяхъ уже послѣ того, какъ она окончательно улаживалась съ иностранными представителями въ Петербургѣ ²⁾. По мнѣнію другихъ изслѣдователей императрица вовсе не довѣряла Панину и вовсе не расположена была слѣдовать его совѣтамъ. — Остановимся нѣсколько на этихъ вопросахъ, потому что разрѣшеніе ихъ представляетъ интересъ не только для выясненія біографической подробности о жизни и дѣятельности Екатерины и Панина, но и для правильнаго представленія о петербургскомъ правительствѣ того времени вообще.

¹⁾ *Сборникъ*, т. XII, 134, 167, 182; т. XXII, 118 и др.

²⁾ *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, VI, 89—40; *Брикмеръ*, Исторія Екатерины II, 262, 267.

Обращаясь къ вопросу о личномъ участіи императрицы Екатерины въ политикѣ, мы должны сказать, что въ перепискѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ безусловное, положительно подавляющее большинство составляютъ документы, написанные въ коллегіи; императрица ихъ просматривала, просматривала обыкновенно очень внимательно, снабжала замѣтками, вносила поправки; но эти именно документы вполнѣ объясняютъ все дѣйствія петербургскаго министерства; положительно нельзя указать случая, когда бы какое либо серьезное рѣшеніе было предписано императрицею коллегіи, а не выработано государынею сообща съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, преимущественно съ Панинымъ. Обыкновенно на его докладъ о какомъ либо вопросѣ—письменный, хотя не рѣдко очень краткій—императрица полагала свою утвердительную резолюцію и по этой резолюціи въ коллегіи составлялся указъ, или рескриптъ и т. п., которые затѣмъ снова просматривались и утверждались или императрицею или высшими чинами коллегіи. За первую, большую половину царствованія Екатерины, то-есть какъ разъ за время министерства Панина, Екатерина если и вмѣшивалась въ переговоры лично, то лишь для того, чтобы прямо, безапелляціонно высказать рѣшенія, совершенно согласныя со всеми предшествовавшими дѣйствіями коллегіи, но сообщить которыя могла съ наибольшимъ удобствомъ именно императрица, — особенно рельефно выступаетъ это въ двухъ случаяхъ отказа Екатерины англійскимъ посланникамъ, Макартнею и Гуннингу. Гр. Сольмесъ, пробывшій при русскомъ дворѣ представителемъ едва ли не долѣе всѣхъ другихъ членовъ дипломатическаго корпуса, сообщаетъ вотъ какое наблюденіе относительно занимающаго насъ вопроса: „Извѣстіе о субсидномъ трактатѣ (заключенномъ Австріею съ Турціею) произвело очень большое впечатлѣніе на императрицу. Эта государыня, которая никогда не говоритъ о дѣлахъ съ иностранными министрами, не могла удержаться, чтобы не заговорить со мною объ этомъ третьяго дня на вечернемъ собраніи“¹⁾. Правда, съ иными посланниками императрица находила большое удовольствіе разговаривать и говорила съ ними много; но это опредѣлялось не дипломатическими соображеніями, а личностью посла; такъ съ французскимъ посломъ Бретейлемъ, возбуждавшимъ разные непріятныя для петербургскаго двора вопросы, императрица тѣмъ не менѣе разговаривала охотно и настолько много, что это обращало даже на себя вниманіе.

¹⁾ Сборникъ, т. XXXVII, 622, 626.

Въ числѣ другихъ и англійскій посолъ лордъ Букингамъ сталъ безпокоиться, чтобы изъ этихъ разговоровъ не произошли какія нибудь важныя рѣшенія; узнавъ о его тревожныхъ сообщеніяхъ по этому поводу отъ русскаго посла въ Лондонѣ, Екатерина приказала сообщить Букингаму, что „ласковость, съ какою Бретейль принимается, нимало ко внутренности дѣлъ не касается“, а въ другой разъ велѣла ему сказать: „тѣмъ болѣе учтивости, оказанныя Бретейлю, не могутъ подозрѣнія подать, что онѣ были послѣ отпускной аудіенціи... Весьма ошибутся, если по персональнымъ приѣмамъ будутъ судить о дѣлахъ“¹⁾. И мы знаемъ, дѣйствительно, что никакихъ дѣлъ императрица и не думала начинать съ Бретейлемъ. Правда, англійскій посолъ лордъ Каскартъ сообщаетъ намъ замѣчаніе, прямо противоположное замѣчанію гр. Сольмса: именно, описывая пребываніе принца Генриха прусскаго въ Петербургѣ въ 1770 г., онъ говоритъ между прочимъ: „императрица очень охотно говоритъ и дѣйствуетъ независимо отъ своихъ министровъ“²⁾; но во-первыхъ, это замѣчаніе относится можетъ быть, только къ сношеніямъ Екатерины съ принцемъ Генрихомъ, самое положеніе котораго дѣлало чуть ли неизбежными разговоры съ нимъ Екатерины помимо министровъ; во-вторыхъ же, если Каскартъ хотѣлъ сказать вообще о привычномъ способѣ дѣйствій Екатерины, то для насъ нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наблюденіе прусскаго посланника болѣе вѣрно, такъ какъ изученіе бумагъ иностранной коллегіи доказываетъ намъ, что ни одно важное дипломатическое дѣло этой коллегіи не миновало. Ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей о степени в характерѣ личнаго участія императрицы въ рѣшенія вопросовъ иностранной политики возникло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что придана была излишняя вѣра нѣкоторымъ заявленіямъ русскіхъ дипломатовъ, когда они выставляли свои дѣйствія какъ исполненіе непосредственныхъ прямыхъ повелѣній императрицы; но такъ какъ изъ бумагъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ несомнѣнно, что императрица частью прямо принимала предложенныя ей мѣры, частью же выработывала ихъ сообща со своими министрами, то заявленія дипломатовъ, подобныя выше приведеннымъ, надо объяснять тѣмъ, что осторожно и умѣренно употребляя ихъ, они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранять всякія возраженія. Точно также намъ кажется совершенно невѣрнымъ утвержденіе, будто императрица

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 489, 561.

²⁾ *Сборникъ*, т. XIX, 136—137.

Екатерина „страстно любила“ интриги и участіе въ нихъ ¹⁾; по нашему мнѣнію было какъ разъ наоборотъ. Немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина прекратила интриганскую переписку, которую завела императрица Елизавета, уступая желанію Людовика XV, дѣйствительно любившаго интриги и посвящавшаго имъ всю свою дѣятельность; Екатерина прекратила эту переписку и не замѣнила ее ничѣмъ другимъ подобнымъ ²⁾. Можно сказать, что императрица Екатерина не отказывалась дѣйствовать даже и интригами, гдѣ ими можно было получить что либо существенно важное и выгодное для Россіи; но чтобы она „страстно любила“ интриги — этого доказать, конечно, невозможно.

Въ силу этихъ данныхъ мы и утверждаемъ положительно, что мнѣніе, будто императрица Екатерина лично руководила внѣшней политикою, часто помимо своихъ министровъ, неправильно ³⁾; ближайшаго, непосредственнаго участія въ ней гр. Панина отрицать невозможно. Разсмотримъ теперь вопросъ о взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ Екатерины и Н. И. Панина.

Графъ Мерси въ августѣ 1763 г. доносилъ, что Панинъ „въ совершенной немилости у русской императрицы, и ея величество ничего не желаетъ болѣе, какъ отдѣлаться отъ него и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“; въ ноябрѣ того же года онъ писалъ, что „нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣшняя государыня питала такую ненависть къ Панину, что тогда ничего такъ страстно не желала, какъ подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ отъ него отдѣлаться“; на-

¹⁾ *Мартенсъ*, VI, 40.

²⁾ *Архивъ кн. Воронцова*, т. VII, 647 и 610.

³⁾ „Екатерина именно въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась исключительно своими собственными соображеніями. Не было никого, кто могъ бы заставить ее слѣдовать какой-либо сложной системѣ или политической доктринѣ. Она въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовала по своему собственному усмотрѣнію. Эстергази игралъ довольно важную роль при Елизаветѣ, Гольцъ и Шверинъ были совѣтчиками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссіи, и относительно Австріи была вполнѣ независима и этимъ самымъ Россія приобрѣла гораздо болѣе важное значеніе въ общеевропейской политикѣ“—говоритъ Бриннеръ, *Исторія Екатерины II*, 141. Последнее замѣчаніе, конечно, совершенно правильно, но только, справедливо указывая полнѣйшую независимость Екатерины II отъ какихъ-либо вліяній иностранныхъ министровъ, никакъ нельзя этимъ доказывать того, будто бы императрица также относилась и къ русскимъ министрамъ: вѣдь дѣй въ пощѣ совершенно различныя—подчиняться вліянію чужаго министра или совѣтоваться со своимъ!

конецъ въ декабрѣ того же года онъ пишетъ, что императрица „ненавидитъ“ Панина, „по пользуется имъ и допускаетъ большое вліяніе его на дѣла“¹⁾. Въ известномъ сборникѣ наиболѣе пикантныхъ выдержекъ изъ донесеній французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, *La Cour de Russie il y a cent ans*, высказывается совершенно такой же взглядъ на отношенія Екатерины и Панина и объясняются они тѣмъ, что Екатерина не забыла намѣренія Панина возвести на престолъ не ее, а Павла Петровича. Люди, излишне склонные приписывать высоко стоящимъ дѣятелямъ одни личныя, и непремѣнно—какія нибудь особенныя, необыкновенныя побужденія, охотно вѣрятъ такому, дѣйствительно, оригинальному положенію, какъ совмѣстная двадцатилѣтняя дѣятельность императрицы и министра, которые другъ другу не довѣряютъ и даже ненавидятъ другъ друга; подтвержденіе словамъ графа Мерси и сборника *La Cour de Russie* находятъ въ исторіи съ учрежденіемъ императорскаго совѣта, въ запискѣ Екатерины къ Потемкину и письмѣ П. И. Панина къ брату, написанныхъ послѣ одного засѣданія совѣта, въ легендѣ о заговорѣ Паниныхъ въ 1772 году и въ двухъ—трехъ отдѣльныхъ выраженіяхъ Панина и Екатерины. — Остановимся на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ доказательствъ подробнѣе.

Сообщенія графа Мерси о неудовольствіи императрицы противъ Панина въ 1763 году, находятъ себѣ поддержку въ донесеніяхъ и другихъ дипломатовъ; поэтому, отрицать этого факта нельзя; но именно тѣ самыя донесенія, которыя подтверждаютъ этотъ фактъ, съ несомнѣнностью обличаютъ крайнія преувеличенія въ словахъ гр. Мерси и даютъ возможность ввести его разказъ въ должныя границы. Гр. Мерси пишетъ въ теченіи августа—декабря 1763 г. о „ненависти“ императрицы къ Панину, о „полномъ почти низверженіи его“—гр. Сольмсъ и лордъ Букингамъ говорятъ только о „нѣкоторомъ охлажденіи“²⁾. Слова гр. Мерси звучатъ страннымъ диссонансомъ съ его-же жалобами на преобладающее вліяніе Панина и съ его же сообщеніемъ, что Екатерина хотя и ненавидитъ Панина, но даетъ ему большое вліяніе въ дѣлахъ, совершенно отказавшись отъ совѣтовъ главнаго соперника Панина, знаменитаго гр. Бестужева-Рюмина. Разказы Сольмса и Букингама рисуютъ намъ только такую размовку, которая вовсе не представляется невѣроятною при прежнихъ хо-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 581, 692, 719; см. еще 482, 510, 567.

²⁾ *Сборникъ*, т. XII, 99; т. XXII, 49, 63, 68.

рошихъ отношеніяхъ и которая нимаю не дѣлала невозможнымъ ихъ возстановленіе. Что касается причинъ недовѣрія Екатерины къ Панину, то только завѣдомыя недруги Панина и въ большинствѣ случаевъ люди не особенно серьезные и достовѣрные объясняютъ его тѣмъ, что императрица не забывала намѣренія Панина возвести на престолъ ея сына помимо ея самой и какими то его республиканскими тенденціями¹⁾. Совершенно возможно и даже вполне вѣроятно, что тогда когда было еще вопросомъ, кѣмъ замѣнить Петра Ѳедоровича на престолѣ, занимать который онъ былъ очевидно неспособенъ, Панинъ думалъ о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, какъ наиболѣе вѣроятномъ и законномъ преемникѣ Петра²⁾; но когда прежнее правительство устранено было совершенно другими людьми и престолъ заняла Екатерина, Панинъ конечно съ полною искренностью и совершенно безспорно примирился съ совершившимся

¹⁾ Конечно, не рисуютъ серьезными дѣятелями французскихъ дипломатовъ такія замѣчанія, какъ характеристика Н. И. Панина въ инструкціи Боссету, заключающая между прочимъ такое мѣсто: „Le comte (sic) Panin et ses amis, qui joueroient sûrement le principale rôle dans la révolution, si elle avoit lieu en faveur du grand-duc, sont imbus de la nécessité de resserrer les droits abusifs de l'autorité czarienne, et personne n'est dans les sentiments plus républicains, que ce ministre, qui les a sucés en Suede“,—*Vambaud*, Recueil, IX, 236; такія слова доказываютъ только, что на французской дипломатической службѣ было въ то время не мало поверхностныхъ, но бойкихъ говоруновъ, въ родѣ Бретеяла,—а о достовѣрности его разказовъ кѣмъ очень неблагоприятный и доказательный отзывъ Сегюра—*Русскій Архивъ*, 1890, № 12, 550; впрочемъ, дипломатія Людовика XV за то и потерпѣла множество серьезныхъ поражений. Въ донесеніи Гунинга отъ 28-го іюля 1772 г. говорится тоже о недовѣрїи Екатерины къ Панину изъ за вопроса о престолѣ; но тамъ возникновеніе вопроса отнесено къ эпохѣ предполагавшагося брака императрицы съ Орловымъ; объясненіе затѣмъ отношеній Екатерины къ Панину очень натянутое — *Сборникъ*, т. XIX, 297—298. Гр. Сольмсъ сообщаетъ, что ему разказывали о намѣренїи нѣкоторыхъ въ томъ числѣ будтобы и Н. И. Панина, провозгласить Екатерину лишь регентшей, но ничего не говорятъ о подозрѣніяхъ императрицы противъ Панина послѣ того — *Сборникъ*, т. XXII, 74.

²⁾ Книгиня Дашкова разказываетъ въ своихъ „Mémoires“: „mon oncle aimait beaucoup à imaginer que son pupille gouvernerait selon les loix et la forme de la monarchie suédoise“—*Архивъ кн. Воронцова*, XXI, 57; но для того, чтобы можно было повѣрить въ такія предположенія Панина нужно, конечно, свидѣтельство болѣе убѣдительное и серьезное, чѣмъ показаніе кн. Дашковой. Переписка Панина съ Остерманомъ, не говоря уже о постоянныхъ подкупахъ, какіе онъ производилъ въ Швецію, дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, что Панинъ отягчало видѣлъ, насколько предно для Швеціи ея государственное устройство.

другъ къ другу? Они написаны очевидно въ минуту раздраженія, и кому же не случалось въ подобныя минуты, обращаясь къ наиболѣе близкимъ людямъ, произносить о другихъ людяхъ отзывы и сужденія такія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ обычнымъ, постояннымъ чувствамъ къ тѣмъ же самымъ лицамъ?!

Всѣ эти указанія на характеръ взаимныхъ отношеній Екатерины и Панина должно признать частью далеко недостаточными для опредѣленія этихъ отношеній, частью — недостоверными, а толкованія ихъ болѣею частью ошибочными или по крайней мѣрѣ натянутыми. Надежнымъ основаніемъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса можетъ послужить только переписка Екатерины и Панина, въ которой считается нѣсколько сотъ писемъ и записокъ, которая не предназначалась никогда для общаго свѣдѣнія и велась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самыхъ различныхъ положеній и вопросовъ. Насколько вѣрно передавала эта переписка настроеніе корреспондентовъ—видно, между прочимъ, изъ того, что въ ней отразилось и то непродолжительное охлажденіе между ними, о которомъ мы говорили выше. Ознакомленіе съ этимъ эпизодомъ изъ первыхъ рукъ для насъ чрезвычайно важно.

По донесеніямъ иностранныхъ посланниковъ начало охлажденія Екатерины къ Панину относится къ лѣту 1763 года; и дѣйствительно, за это время, послѣ 24-го мая, въ перепискѣ Екатерины только одна записка къ Панину; въ дипломатическихъ бумагахъ, до осени, тоже—только одно или два упоминанія о немъ—официально мѣста въ иностранной коллегіи Панинъ не занималъ до 27-го октября 1763 года. Это были мѣсяцы очень тревожные для придворныхъ сферъ: въ это именно время шла борьба изъ-за вопроса о бракѣ Екатерины съ Орловымъ; только что въ концѣ 1762 г. въ Петербургѣ раскрылся заговоръ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, а въ 20-хъ числахъ іюня обнаружился замыслъ Хитрово. Несомнѣнно, Панинъ былъ противъ брака; Хитрово говорилъ, что Екатерина давала Панину слово быть лишь регентшею при сынѣ, а не императрицею... ¹⁾ При такихъ обстоятельствахъ, въ первый годъ царствованія, которое началось сверженіемъ прежняго правительства, удивительна-ли осторожность относительно такого виднаго человѣка, какъ Панинъ, человѣка, имѣвшаго къ тому же не мало враговъ и завистниковъ, которые, конечно, старались возбудить у императрицы недовѣріе къ нему. Ека-

¹⁾ Сборникъ, томъ VII, 292, 293.

терина сама совершила *coup d'état*, подготавливала его, — очень естественно, что она опасалась чего либо подобнаго и противъ себя самой, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ Хрущова замѣшаны были все болѣе или менѣе приближенные къ ней люди; нѣтъ ничего удивительнаго, что она усумнилась на минуту и въ Панинѣ. Но изъ дальнѣйшаго изученія документовъ нельзя не видѣть, что Панинъ вышелъ безусловно чистымъ изъ этого — въ такое время во всякомъ случаѣ не вполне безопаснаго—вниманія къ его поведенію, ибо подозрительными могли показаться даже и совершенно невинныя слова: послѣ этого дѣла императрица вернула Панину свое полное довѣріе, вернула его, можетъ быть, въ еще усиленныхъ размѣрахъ. Послѣ того перерыва въ перепискѣ, о которомъ мы упомянули, первую, дошедшею до насъ, запискою Екатерины къ Панину, уже въ октябрѣ 1763 году, является слѣдующая извѣстная: „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго, — король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ“¹⁾; 27-го того же октября, именно въ трудное, хлопотливое время, Панинъ назначенъ былъ первенствующимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; дальнѣйшая дипломатическая переписка, а также и записки Екатерины къ Панину, и донесенія пословъ, одинаково свидѣтельствуютъ о полномъ, твердомъ согласіи императрицы и министра, и полномъ взаимномъ ихъ довѣріи. Опять, какъ прежде, какъ въ началѣ 1763 года, Екатерина въ перепискѣ съ Кейзерлингомъ называетъ „совершенно секретными“, „никому неизвѣстными“ тѣ письма, которыя знаютъ она и Панинъ; совершенно согласно съ пунктами, проектированными въ записочкѣ Панина, она пишетъ даже собственноручныя письма²⁾; очень секретная переписка по поводу слуховъ о злоумышленіяхъ на жизнь императрицы идетъ непосредственно и единственно черезъ Панина³⁾; въ 1764 году Екатерина Панину поручила возвратитъ англійскому послу 44,000 рублей, которые когда-то еще будучи великою княгиней, она получила отъ англійскаго посла Вилліамса; это было дѣло совершенно интимное⁴⁾, и Екатерина, имѣвшая подлѣ себя такихъ людей, какъ И. П. Елагинъ, А. В. Олсуфьевъ, добраго отно-

¹⁾ *Сборникъ*, т. VII, 321.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 407, 414—415, 595—596; т. LI, 281, 311.

³⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 36.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. XII, 162—164; заемъ былъ сдѣланъ, кажется, въ ноябрѣ 1756 г.—см. *Сборникъ*, т. VII, 73.

шенія ея къ которымъ никакъ нельзя подвергнуть сомнѣнію; не поручила бы этого дѣла Панину, если бы и къ нему не относилась совершенно дружески. Во время отсутствій императрицы—когда она ѣздила въ Прибалтійскія губерніи въ 1764 году, когда она путешествовала по Волгѣ въ 1767 году, а также и въ то время, когда все вниманіе свое посвящала она комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія — всѣ дѣла идутъ черезъ Панина и переписка его съ посланниками не дѣлается менѣе обстоятельною или распоряженія менѣе опредѣленными; Екатерина писала Кейзерлингу, что во время ея отсутствія въ Петербургѣ будутъ составляться отвѣты на донесенія изъ-за границы, по распоряженіямъ министровъ, „согласно даннымъ имъ указаніямъ“, и что только затѣмъ уже эти отвѣты будутъ пересылаемы къ ней, а она ихъ будетъ подписывать и отправлять прямо далѣе, или измѣнять ¹⁾); никакой задержки въ перепискѣ не произошло. Во время поѣздки Екатерины въ Ригу въ Петербургѣ произведена была Мировичемъ безумная попытка возвести на престолъ Іоанна Антоновича; конечно, это было нѣчто аналогичное съ заговоромъ Гурьевыхъ и Хрущова, только посерьезнѣе—но въ это время Екатерина не имѣла уже ни малѣйшаго недоувѣрія къ Панину: подъ его наблюденіемъ шло слѣдствіе по дѣлу Мировича. Въ 1767 г., во время разновременныхъ переѣздовъ изъ Москвы въ Петербургъ Екатерины и Панина, послѣдній писалъ Реннину: „хотя за отсутствіемъ Ея Императорскаго Величества и не могъ я помянутыхъ депешей представить къ высочайшей апробаціи, но имѣя, однако же, отъ всемилостивѣйшей государыни достаточныя на всѣ повелѣнія, могу я теперь самъ для выигрыанія столь драгоцѣннаго времени рѣшительно уже сказать вамъ, чтобъ смѣло изволили вы приступать къ подписанію трактата“; въ другомъ письмѣ, къ А. М. Обрѣзкову, Панинъ говоритъ: „вотъ все, что я теперь въ отсутствіе Ея Императорскаго Величества на послѣднее Ваше письмо предварительно сказать могу; но какъ я, однако же, имѣю счастье достаточно знать высочайшія Ея Величества намѣренія, то и могу ваше превосходительство увѣрить, что настоящія мои изъясненія согласуютъ онымъ, слѣдовательно же и могутъ вамъ служить надежнымъ руководствомъ“ ²⁾). Совѣтъ, созданный императрицею при дворѣ въ самомъ началѣ турецкой войны, былъ ре-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 398—399, 517.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 12, 81.

зультатомъ предварительнаго совѣщанія съ Панинымъ ¹⁾); за первые 8 дней по полученія въ Петербургѣ извѣстій о началѣ со стороны Турціи враждебныхъ дѣйствій мы не имѣемъ бумагъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—несомнѣнно, что Панинъ принималъ ближайшее непосредственное участіе въ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ, какъ это и видно по его протоколамъ. Если бы не было между императрицей и ея министромъ искренняго довѣрія—какъ легко можно было, съ сохраненіемъ всѣхъ приличій, отстранить министра иностранныхъ дѣлъ отъ обсуждения мѣръ для войны, уже начавшейся. Графъ Сольмсъ говоритъ объ этомъ времени такъ: публика и даже друзья обвиняютъ Панина въ томъ, что онъ способомъ дѣйствій своихъ въ Польшѣ вызвалъ войну; императрицѣ извѣстно это мнѣніе публики, но она по прежнему отдаетъ предпочтеніе совѣтамъ Панина и его мнѣніямъ и въ совѣщаніи министровъ и генераловъ, которыхъ она собираетъ три раза въ недѣлю, разбирается только то, что уже подготовлено ею съ Панинымъ ²⁾). Затѣмъ въ резолюціяхъ Екатерины на разные бумаги, исходящія отъ Панина, мы постоянно встрѣчаемъ совершенно дружескія, интимныя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, разъ она приписала въ письмѣ къ кн. Репнину: „едва не забыла вамъ сказать, что я совершенно не причемъ въ раздраженіи вашего любезнаго дядюшки (то-есть Панина) и что онъ повѣдалъ мнѣ о немъ лишь показывая вамъ отвѣтъ. Тогда я въ свою очередь побранила его (je l'ai grondé) за нерасположеніе къ шуткамъ“. Въ другой разъ, на замѣткѣ Панина по поводу одного донесенія Кейзерлинга, она приписала: „я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и прочитавъ промеморію почти всѣ тѣ же рефлексіи дѣлала“; въ февралѣ 1765 г. она приписала на одномъ докладѣ Панина: „А я, Екатерина, говорю, что Панину бояться нечего“, и затѣмъ, тѣми самыми мыслями, какія онъ тутъ высказывалъ, воспользовалась для собственноручнаго письма въ маѣ 1765 г. Въ одной собственноручной записочкѣ къ Панину, въ апрѣлѣ 1765 г., Екатерина говоритъ въ концѣ такъ: „если вы сіе не апробуете, то раздерите сей билетъ“, а въ другой разъ, на предложенное Панинымъ рѣшеніе, она начала свой отвѣтъ, содержащій полное согласіе съ нимъ, такими словами: „Сейчасъ прикажу“ и т. д. ³⁾).

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893 г., мартъ, наша статья „Проектъ императорскаго совѣта“.

²⁾ *Сборникъ*, т. XXXVII, 184, 194.

³⁾ *Сборникъ*, т. LI, 171, 182; т. LVII, 181, 182, 232, 259, 430.

Въ свою очередь и Панинъ говоритъ съ императрицею тономъ человѣка вполне близкаго и довѣреннаго; такъ, изложивъ письменно вкратцѣ свое мнѣніе по поводу одного донесенія Остермана, онъ закончилъ его такими простыми словами: „я предоставляю себѣ счастье объ этомъ ближе на словахъ изъясниться“¹⁾). Можно безъ труда указать не одинъ случай, гдѣ Екатерина, высказывая свое мнѣніе по поводу какого-нибудь неуспѣха или неполнаго успѣха принятыхъ по предписаніямъ Панина мѣръ, или разрѣшая Панину употребить довольно крупныя суммы на поправленіе такихъ неудачъ въ дѣлахъ, которыя, пожалуй, можно было предвидѣть и заблаговременно предотвратить,—не пользовалась случаемъ уколоть Панина, доставить ему нѣсколько неприятныхъ минутъ; напротивъ, ко всѣмъ такимъ случаямъ она относилась самымъ простымъ, благожелательнымъ образомъ²⁾). Наконецъ, вотъ знаменитое письмо Екатерины послѣ избранія Станислава Августа Понятовскаго королемъ: „Никита Ивановичъ! Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наивяще умножаетъ къ вамъ мою довѣренность; понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ ваши взятыя мѣры, о чемъ я не хотѣла обойтись показать вамъ мое удовольствіе. У меня такъ чрезвычайно спина болитъ, что я никакъ не въ состояніи долго перо держать и для того, сказавъ причину, извольте вмѣсто меня на сей разъ написать къ гр. Кейзерлингу и къ кн. Репнину мое удовольствіе за ихъ труды и радѣніе, которыми они не мало себѣ и намъ славы приобрѣли; и къ новому королю прикажите къ подписанію моему заготовить письмо въ отвѣтъ на его. Если у меня не ревматизмъ въ спинѣ, то умираю—боюсь, чтобъ не камень былъ; только то, что послѣ бани первый разъ мнѣ легче было, нѣсколько обнадеживаетъ, что простуда. Князя Шаховскаго, скажите Захару Чернышеву, что я жалую подполковникомъ. Екатерина“³⁾). Этого письма нельзя не признать самымъ сердечнымъ, дружественнымъ. И если такія отношенія, какія сейчасъ мы видѣли, существовали между Екатериной и Панинымъ послѣ того, какъ въ теченіи нѣкотораго времени между ними отношенія были довольно холодны, то можно съ полною увѣренностью утверждать, что между ними согласіе было искренно возстановлено. Императрица говоритъ со своимъ министромъ въ тонѣ совершенно дружескомъ и вполне

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 208.

²⁾ См. напримѣръ, *Сборникъ*, т. LI, 478; т. LVII, 480; т. LXVII, 221, 222 и др.

³⁾ *Сборникъ*, т. VII, 873—874.

соотвѣтствующемъ мнѣнію о своихъ министрахъ, высказанному ею въ одномъ изъ первыхъ, по восшествіи ея на престолъ, писемъ ея къ Полятовскому, въ октябрѣ 1763 г., когда она писала: „Не знаю, что говорятъ о людяхъ, окружающихъ меня, но знаю, что они не подлые льстецы и не презрѣнныя и низкія души. Я знаю за ними лишь патріотическія чувства, знаю, что они любятъ и дѣлаютъ добро, никого не обманываютъ и не берутъ денегъ за то, что по своему кредиту они могутъ совершить. Если съ этими качествами они не имѣютъ счастья правиться тѣмъ, кто желалъ бы видѣть ихъ порочными, то по совѣсти и они, и я, мы обйдѣмся безъ ихъ одобренія“¹⁾. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ письмѣ этомъ Екатерина подразумѣвала и Н. И. Панина, о неподкупности котораго вообще ходила громкая слава.

И такъ, необходимо признать, что между императрицей и министромъ ея существовало полное довѣріе и господствовало полное согласіе; несомнѣнно, что работая надъ одними и тѣми же вопросами они иногда спорили, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что сообще принималось какое-нибудь одно рѣшеніе и ему уже слѣдовали обѣ стороны вполне искренно и со всѣмъ стараніемъ. Мы не можемъ указать ни одного случая, гдѣ бы мы видѣли ясно слѣды различной политики государыни и министра; они всегда дѣйствовали по взаимному соглашенію и кто бы между ними ни доминировалъ чаще, чье бы мнѣніе ни одерживало верхъ чаще—можно утверждать, что обѣ стороны одинаково были проникнуты тѣми заботами о выгодахъ и пользѣ Россіи, которыми такъ благопріятно отличается царствованіе Екатерины II. Внимательное изученіе документовъ о дѣятельности Панина раскрываетъ съ несомнѣнностью, что онъ былъ достойнымъ сотрудникомъ своей государыни и вполне достойнымъ представителемъ чести и значенія Россіи въ сношеніяхъ съ другими державами.

Гр. Никита Ивановичъ Панинъ до сихъ поръ еще не оцѣненъ у насъ по заслугамъ. Внимательное изученіе обильныхъ и весьма важныхъ данныхъ о его дѣятельности, заключающихся въ допесеніяхъ изъ Петербурга иностранныхъ министровъ и особенно—въ дипломатической перепискѣ русской коллегіи иностранныхъ дѣлъ, даетъ

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 286. Графъ Сольмыс, сообщая Фридриху о нѣкоторыхъ несогласіяхъ между Панинымъ и Чернышовыми въ первое время турецкой войны, прибавляетъ: „я однако считаю долгомъ увѣрить наше величество, что недоразумѣнія происходящія время отъ времени между ними, не дойдутъ до интригъ, которыя могли бы имѣть печальныя послѣдствія“—*Сборникъ*, т. XXXVII, 193.

намъ полное основаніе сказать, что взгляды на качества Панина и его дѣятельность, высказывавшіеся прежде, въ значительной своей части совершенно невѣрны. Полная оцѣнка дѣятельности гр. Н. И. Панина неразрывно связана съ подробною исторіей всей внѣшней политики Россіи за первые 20 лѣтъ Екатерининскаго царствованія; поэтому здѣсь мы и не думаемъ дать такую оцѣнку этого знаменитаго министра; мы приведемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о его дѣятельности, замѣчаній, которыя намъ кажутся необходимыми для того, чтобы правильно понимать внѣшнюю политику Россіи за первые годы Екатерининскаго царствованія.

Отзывы иностранныхъ дипломатовъ о Н. И. Панинѣ очень разнорѣчивы: одни говорятъ о немъ съ большими похвалами, другіе — даютъ недружелюбные отзывы. Изъ свидѣтелямъ второй категоріи относятся гр. Мерси и французскіе дипломаты; но и изъ нихъ гр. Мерси не отзывается дурно, а тѣмъ болѣе пренебрежительно, объ умѣ или честности Панина; онъ только недоволенъ его направленіемъ и на основаніи донесеній гр. Мерси надо, скорѣе, заключить, что его главный противникъ Н. И. Панинъ человекъ замѣчательный, потому что графъ Мерси никакъ не можетъ одержать надъ нимъ верхъ, и не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обвинить его въ какихъ нибудь неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, съ помощію которыхъ онъ даетъ торжество своимъ взглядамъ. Гораздо рѣже даютъ неодобрительные отзывы о Панинѣ англійскіе посланники; разъ Букингамъ пишетъ, что способности Панина оказываются меньше, чѣмъ онъ нашелъ ихъ при первомъ знакомствѣ, затѣмъ Макартней и Гуннингъ жалуются, что увлеченіе Панина одною дамою отвлекаетъ его отъ дѣла¹⁾,—но обыкновенно эти неодобрительные отзывы являются непосредственно вслѣдъ за тѣмъ какъ посламъ приходилось доносить о неуспѣхѣ своихъ переговоровъ съ Панинымъ. Постоянно дурно говорятъ о Панинѣ французскіе дипломаты; но и въ ихъ словахъ мы видимъ недружелюбныя объясненія его поступковъ, стремленіе истолковать его дѣйствія въ дурную сторону—и не находимъ ни одного факта, который бы говорилъ во вредъ Панину и былъ бы доказателъ. Довольно полныя характеристики Панина дали намъ французскій уполномоченный Корберонъ и англійскій посолъ Гаррисъ; но объ онѣ не заслуживаютъ, кажется, особеннаго вниманія, потому что въ нихъ замѣчается болѣе стремленія дать характеристику красивую, оригинальную, чѣмъ указаній на

¹⁾ *Сборникъ*, т. XII, 80, 257, 258; т. XIX, 163, 326.

такія качества Панина, которыя мы сами видимъ въ дѣлахъ его. Такъ, Корберонъ говоритъ, что слова *нѣтъ* на языкѣ Панина не существуютъ, что онъ охотно обѣщаетъ свое согласіе на что угодно, но потомъ не исполняетъ обѣщаннаго ¹⁾—между тѣмъ подлинныя донесенія Макартнея, Букингама, переписка съ Сольмсомъ и т. д. представляютъ намъ очень много случаевъ, когда Панинъ весьма твердо отстаивалъ свои желанія и отказывалъ иностраннымъ посламъ въ ихъ очень настойчивыхъ просьбахъ; безъ основанія также приписываетъ Корберонъ Панину мелочную хитрость—мы совершенно не видимъ ея въ его дѣйствіяхъ. Но во всякомъ случаѣ неблагопріятнымъ отзывамъ о Панинѣ можно противопоставить значительно большее количество отзывовъ чрезвычайно хорошихъ. Прямо почти восторженно отзываются о немъ англійскій посолъ лордъ Каскартъ (въ 1768—1769 гг.): „я рѣдко видалъ челоуѣка, съ которымъ такъ пріятно было бы вести дѣло; это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось знать“, говоритъ онъ; „могу увѣрить“, пишетъ онъ въ другой депешѣ, „что репутація откровенности, искренности и способностей этого министра отнюдь не преувеличена“; по его словамъ, онъ вполне можетъ ручаться, что Панинъ не преслѣдуетъ другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, какія соотвѣтствуютъ пользѣ и чести его государыни и упроченію въ Россіи правительства ²⁾; твердость убѣжденій, пріятное обращеніе, правдивость Н. И. Панина, исключавшую съ его стороны всякое лукавство, всякую возможность интриги для интриги ³⁾ единогласно признають за нимъ и всѣ другіе посланники, единогласно свидѣтельствуютъ и они о его неподкупной честности ⁴⁾. Вообще же Н. И. Панинъ представлялъ изъ себя полный типъ дипломата XVIII вѣка: Лябрюйеръ въ своихъ *Les caractères* даетъ положительно его портретъ ⁵⁾.

Но мы вообще не придаемъ рѣшающаго значенія отзывамъ людей, настроенію которыхъ слишкомъ легко мѣнилось подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и которые нисколько не скупились на самые опредѣленные,

¹⁾ *La cour de Russie*, 246—248.

²⁾ *Сборникъ*, т. XII, 844, 862, 898, 428—430; т. XIX, 14.

³⁾ *Сборникъ*, т. XII, 174, 274, 175; т. XXII, 387 и др.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. XLVI, 286; т. XXII, 18; *La cour de Russie*, 247 и др.

⁵⁾ *La Bruyère, Les caractères*, Paris, 1843, 214—216. Сорель совершенно справедливо замѣчаетъ: „дѣлая выписки изъ писемъ дипломатовъ стараго порядка, замѣчаешь, что это не что иное, какъ превосходная характеристика Лябрюйера, раздробленная на мелкіе факты“—Европа и Французская революція, I, 17, пр. 3.

увѣренные отзывы, отчасти искренно увлекаясь, отчасти зная, что опровергнуть и даже провѣрить ихъ совершенно невозможно для тѣхъ, кому они писали. Несравненно болѣе важныя и къ тому же болѣе достовѣрныя данныя для характеристики Панина мы извлекаемъ изъ его дѣловой корреспонденціи.

Не желая вовсе преувеличивать заслуги и значеніе Н. И. Панина, нельзя не признать его во всякомъ случаѣ человѣкомъ замѣчательнымъ. Онъ не высказалъ идеи, которая бы наполнила умственную дѣятельность многихъ поколѣній, онъ не наложилъ своего отпечатка на всю государственную жизнь и на дѣятельность миллионѡвъ; но въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди какихъ пришлось ему дѣйствовать, онъ доставилъ Россіи блестящіе успѣхи и несомнѣнную пользу. Онъ явился достойнымъ ученикомъ и преемникомъ графа А. П. Бестужева-Рюмина и не часто, конечно, высокоцѣнная идея была воспринята отъ лучшаго учителя болѣе достойнымъ ученикомъ. Бестужевъ, безъ сомнѣнія, самый талантливый изъ людей, уже при Петрѣ сложившихся и имъ выдвинутыхъ, посвятилъ свои высокія дарованія тому, чтобы усилить политическое значеніе Россіи, поднять его до того уровня, на которомъ имѣлъ право видѣть свое государство русскій народъ. Много труда и энергіи вложилъ въ свою дѣятельность Бестужевъ и достигъ въ своихъ стремленіяхъ весьма значительныхъ успѣховъ; онъ сумѣлъ заставить западно-европейскія государства обращать на интересы Россіи вниманія несравненно больше, чѣмъ они это дѣлали прежде. Но по свойству ли своей природы, по тѣмъ ли обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось ему работать—онъ не всегда выбиралъ средства, достойныя его ума и даже его положенія: въ немъ замѣчается склонность къ придворнымъ интригамъ, стремленіе опираться на людей, случайно вліятельныхъ у царствующаго государя, слишкомъ большая даже для того времени готовность допускать вліяніе на дѣла государственныхъ фаворитовъ. Послѣ паденія Бестужева его дѣло продолжалось его преемникомъ, но безъ такой энергіи и безъ такой ловкости; когда же послѣ короткаго перерыва завѣдываніе иностранными сношеніями Россіи перешло къ Панину, онъ, цѣликомъ воспринявъ главную идею Бестужева, положивъ ее въ основаніе своей политической системы, пошелъ своимъ путемъ снова съ умѣньемъ, не уступавшимъ умѣнью Бестужева, но пожалуй съ еще бѣльшимъ успѣхомъ. Панинъ не вынесъ за эту идею такой тяжелой борьбы, какую выдержалъ Бестужевъ; онъ не пережилъ, какъ Бестужевъ, того униженія всего русскаго, которое господствовало во время Виршовщины; Панинъ не

обладалъ той желѣзной волей, которая, кажется, не только не страшилась препятствій и борьбы, но ихъ искала, но Панинъ заимствовалъ у спосого великаго учителя всѣ приемы тонкаго и остраго ума, выработалъ замѣчательное умѣнье вліять на людей и на дѣла; въ прекрасной школѣ, работая подъ руководствомъ замѣчательнаго государственнаго мужа, Панинъ развилъ свои блестящія дарованія и, припавъ важную идею съ яснымъ пониманіемъ ея значенія, проводилъ ее со всѣмъ спокойствіемъ, со всею увѣренностью ничѣмъ не запятаннаго человѣка и съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ; но онъ не прибѣгалъ никогда и къ такимъ приемамъ, которые Бестужеву казались вполнѣ позволительными. Можно утверждать положительно, что среди всѣхъ современныхъ Панину дипломатовъ не было никого, кто стоялъ бы выше Панина по личной честности,— но въ сношеніяхъ дипломатическихъ онъ остался вѣренъ своему вѣку и въ искусствѣ хитрить не уступалъ никому изъ своихъ современниковъ. Преслѣдуя одну, дорогую для насъ, русскихъ главную цѣль — усиленіе Россіи и увеличеніе ея значенія—Панинъ обнаруживалъ многократно и въ самыхъ различныхъ случаяхъ превосходство своего ума надъ дарованіями своихъ соперниковъ. Особо замѣчательно въ немъ умѣнье подыскивать новыя и по существу своему симпатичныя точки зрѣнія, съ которыхъ онъ и умѣлъ представлять свои дѣйствія настолько убѣдительно и обстоятельно, что нерѣдко убѣждалъ и своихъ противниковъ и заставлялъ ихъ смотрѣть такъ, какъ представлялъ дѣло онъ; и многія идеи, высказанныя Панинымъ, не могли остаться безъ благотворнаго вліянія на расширеніе умственнаго кругозора его ближайшихъ сотрудниковъ и на созданіе у нихъ болѣе правильныхъ понятій о государственной дѣятельности, хотя его истинныя цѣли обыкновенно были гораздо практичнѣе и гораздо уже, чѣмъ его постановка вопроса. При Елизаветѣ Петровнѣ, напримѣръ, задержаніе Бирона объясняли „статскими резонами“, дѣлающими для Россіи невозможнымъ его освобожденіе,—и болѣе ничего не представляли въ объясненіе; диссидентовъ поддерживали съ той точки зрѣнія, что они принадлежать къ религіи истинной и къ тому-же исповѣдуемой императрицею—возможно ли сравнивать съ этимъ ту постановку, какую придавалъ тѣмъ же вопросамъ Панинъ!? Онъ выставилъ нѣсколько общихъ положеній, которыя, по его словамъ, заставляли Россію принимать участіе въ этихъ дѣлахъ; и хотя мы отлично знаемъ, по перепискѣ самого Панина, что онъ вступался во все это единственно изъ желанія усилить Россію, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что

общія соображенія, выдвигаемыя Панинымъ въ объясненіе его дѣйствій, очень убѣдительно и что опровергать ихъ необыкновенно трудно. Читая его переписку съ иностранными дипломатами нельзя не видѣть, что и помимо того, кто былъ правъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по существу, онъ обыкновенно превосходилъ своихъ противниковъ умственною силою и необыкновеннымъ умѣньемъ находить слабые пункты въ аргументаціи противника и наносить имъ совершенно неожиданные удары въ то самое время, когда имъ, повидимому, удавалось поставить въ затруднительное положеніе его самого; переписка его съ герцогомъ Шуазелемъ по вопросу объ императорскомъ титулѣ русскихъ государей и съ польско-саксонскимъ правительствомъ по поводу Курляндіи представляетъ блестящія доказательства его ума и широты его взгляда. Внимательно вчитываясь въ донесенія изъ Петербурга иностранныхъ пословъ и сравнивая ихъ депеши съ перепискою Панина, мы замѣтимъ безъ труда, что почти всѣ эти послы довольно быстро поддавались подъ его вліяніе; самъ Панинъ въ перепискѣ съ гр. Остерманомъ и Чернышовымъ указываетъ на то, что Каскартъ относится очень внимательно къ его словамъ и разсужденіямъ и что—какъ видно изъ иллюстраціи его депешъ—иногда даже въ донесеніяхъ своихъ излагаетъ дѣло почти словами Панина; Панинъ подсмѣивается, что депеши Каскарта выходятъ поэтому слишкомъ длинными и обстоятельными¹⁾; впрочемъ, Панинъ самъ никогда особенно своимъ вліяніемъ на иностранныхъ представителей не хвастался. Но что онъ имъ пользовался въ очень высокой степени—доказывается депешами пословъ: нерѣдко они начинали сами, предъ своимъ правительствомъ, защищать точку зрѣнія Панина, такъ что ихъ собственное министерство принуждено было дѣлать имъ внушенія, чтобы они не слишкомъ ужъ поддавались этому вліянію²⁾.

Результаты 20-ти лѣтняго управленія Панина министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Екатеринѣ вполне доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ высоко замѣчательный. Онъ получилъ въ управленіе коллегію иностранныхъ дѣлъ черезъ полтора года послѣ того, какъ Австрія и Пруссія не допустили участія Россіи на переговорахъ о мирѣ, которымъ заканчивалась Семилѣтняя война, не смотря на то,

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 195, 259, 299, 461.

²⁾ См. напримѣръ, *Сборникъ*, т. XII, 280, 365—366, 394, 401—402, 438—440—донесенія Макартниа и Каскарта; т. XXII, 162, 168, 426, 471; т. XXXVII, 28 и др.—донесенія Сольмса.

что Россія принимала въ ней участіе—, хотя, правда, она вышла изъ войны ранѣе—и не смотря на сильное желаніе Екатерины принять участіе въ общемъ замиреніи. Совершенно въ другомъ разбѣрѣ представляется намъ значеніе Россіи въ 1779 г. на Тешенскомъ конгрессѣ. Въ 1780 г., императоръ Іосифъ во время пребыванія въ Россіи въ разговорѣ съ А. А. Безбородкомъ „вступилъ въ похвалы графу Никитѣ Ивановичу (Панину), говоря, что онъ очень радъ приобрѣсть его знакомство“, и высказывался, что впоследствии его еще болѣе оцѣнять; на замѣчаніе Безбородка, „что и они имѣютъ министра, великую славу приобрѣвшаго благоразумнымъ управленіемъ дѣлъ, ему порученныхъ“, императоръ сказалъ, „что онъ отдаетъ всю справедливость достоинствамъ князя Кауница, но не находитъ, чтобы ему было столько случаевъ и обстоятельствъ показать себя, какъ графу Никитѣ Ивановичу, который по сіе время имѣлъ репутацію министра въ дѣлахъ¹⁾, всю Европу интересующихъ, и такую силу, что можно приписать ему, какъ девизъ *fiat et fit*“²⁾. Черезъ три года послѣ этого, въ годъ смерти Н. И. Панина, гр. Сегюръ въ запискѣ, поданной имъ гр. Верженію, послѣ чего Сегюръ и былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, писалъ между прочимъ: „*Pétersbourg est donc le point, où la politique doit porter toute son activité. C'est de la promptitude et du succès des négociations, qui vont s'y entamer, que dépend le sort de l'Europe*“³⁾.—Такъ возрасло международное значеніе Россіи за время министерства Панина. Россія обнаружила за это время и огромныя матеріальныя силы, и вела блестящія войны; но навсегда останется заслугою Екатерины и Панина, что усилія русскаго народа были направлены такъ, что принесли огромную пользу Россіи. Извѣстно, къ сожалѣнію, что послѣ нихъ далеко не всегда такъ заботились объ интересахъ Россіи, какъ заботилась Екатерина II, и не часто умѣли дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствовалъ гр. Н. И. Панинъ.

ИИ. Чечулинъ.

¹⁾ Эту фразу надо, конечно, понимать такъ: „имѣлъ репутацію главнаго дѣятеля“....

²⁾ Сборникъ, т. XXVI, 70.

³⁾ *Rambaud*, Recueil, IX, 388.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЯ И СЛУЖЕБНЫЯ СЛОВА ВЪ РУССКОЙ РЪЧИ.

Школьная грамматика, какъ извѣстно, дѣлитъ всѣ части рѣчи на „знаменательныя“ и „служебныя“. Къ числу знаменательныхъ одни относятъ—существительное, прилагательное и глаголь, другіе, кромѣ того,—имя числительное, иные къ разряду знаменательныхъ, помимо всѣхъ названныхъ частей рѣчи, относятъ многія нарѣчія, напримѣръ, тѣ, которыя происходятъ отъ окончѣвшихъ косвенныхъ падежей именъ существительныхъ. Точно такой же неопредѣленный взглядъ существуетъ и на служебныя части рѣчи. Причина разногласія въ дѣленіи частей рѣчи зависитъ отъ различнаго взгляда на то,—что нужно понимать подъ „знаменательностью“ и „служебностью“ слова въ цѣлой рѣчи. Профессоръ Буслаевъ, по поводу поднятаго нами вопроса, говоритъ слѣдующее („Историческая Грамматика“ § 138, стр. 44): „Разматривая отдѣльныя слова, составляющія рѣчь, замѣчаемъ между ними слѣдующее различіе: одними говорящій выражаетъ все разнообразное содержаніе рѣчи; другими же этотъ разрозненный матеріалъ связываетъ въ стройное цѣлое для передачи своей мысли лицу слушающему: первыми означаетъ предметы, ихъ свойства и дѣйствія; послѣдними—логическіе приемы, употребляемые въ составѣ предложенія, и отношенія къ себѣ, какъ къ лицу говорящему,—къ лицу слушающему и къ предмету рѣчи. Слова перваго разряда именуются частями рѣчи знаменательными, кои суть: имя существительное, имя прилагательное и глаголь (за исключеніемъ вспомогательнаго); послѣдняго—служебными, а именно: мѣстоименіе, имя числительное, предлогъ, союзъ и глаголь вспомогательный“.

„Нарѣчія, отрицательное „не“ и произведенныя отъ мѣстоименій

и другихъ служебныхъ частей рѣчи принадлежать къ служебнымъ, напримѣръ „здѣсь“, „тамъ“, „дважды“, произведенныя же отъ знаменательныхъ, напримѣръ „вновь“, „паяскось“ и другіе, къ знаменательнымъ. Междометіе, по значенію своему, составляетъ особый отдѣлъ, потому что выражаетъ не логическія отношенія и не разнообразіе предметовъ рѣчи, а ощущенія говорящаго; по образованію же относится либо къ знаменательнымъ, напримѣръ „о горе“, „спасибо“; либо къ служебнымъ, напримѣръ „и“, „а“, „ну“ и проч.“.

По мнѣнію Буслаева, слѣдовательно, знаменательныя слова суть тѣ, которыя выражаютъ „содержаніе рѣчи“, а служебныя—тѣ, которыя „связываютъ“ знаменательныя слова. Такъ какъ имя числительное и вспомогательный глаголъ, по приведеннымъ цитатамъ, отнесены къ служебнымъ частямъ рѣчи, то они, слѣдовательно, содержанія рѣчи не выражаютъ, а служатъ только связью знаменательныхъ словъ. При такомъ взглядѣ на части рѣчи любопытно было бы знать: какія именно слова связываются именами числительными, а также вспомогательнымъ глаголомъ? Еслиже, кромѣ того, имя прилагательное есть знаменательная часть рѣчи, а не служебная, то что нужно разумѣть подъ „содержаніемъ рѣчи“, которое можетъ выражаться также прилагательнымъ именемъ? Выше приведенное дѣленіе словъ Буслаевымъ далѣе („Историческая Грамматика“, § 138, стр. 45) объясняется такъ: „Знаменательными словами языкъ выражаетъ разнообразіе впечатлѣній, производимыхъ природою и жизнію на человѣка; служебными—отвлеченныя понятія и отношенія лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи“. — Если сопоставить вышеприведенныя цитаты съ только что выписанными словами, то получается слѣдующій выводъ: „содержаніе рѣчи“, выражаемое знаменательными словами, есть совокупность „впечатлѣній“, а „связь“ знаменательныхъ словъ, выражаемая служебными частями рѣчи, есть—„отвлеченныя понятія“ и „отношенія лицъ“. Здѣсь обнаруживается слѣдующая непоследовательность: если какое-нибудь слово предназначено служить исключительно формальною связью, то оно не можетъ выразить „отвлеченное понятіе“; точно также отвлеченное понятіе не можетъ быть исключительно формальною связью. Дѣленіе словъ на знаменательныя и служебныя, какъ оно дано у Буслаева, неясно во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, нигдѣ не дается опредѣленнаго понятія о знаменательности и служебности слова, во-вторыхъ, ниоткуда не видно, чтобы „содержаніе рѣчи“ выражалось только существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ; въ-третьихъ, формальной

связи присвояются непринлежащіе и несвойственные ей признаки. Лучшимъ и наиболѣ безошибочнымъ средствомъ дѣленія словъ на знаменательныя и служебныя можетъ служить семасіологическое разсмотрѣніе или, что то же, разсмотрѣніе значенія, соединяемаго съ каждою частью рѣчи.

I.

Всѣ слова языка грамматикою распредѣляются на разряды, соотвѣтственно своему значенію, а также и формѣ. Такихъ разрядовъ или частей рѣчи—девять: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, мѣстоименіе, глаголь, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе. Какое значеніе имѣетъ имя существительное? Школьное опредѣленіе этой части рѣчи, какъ названія предмета, нынѣ оспаривается, потому что оказываются такія существительныя, которыя несомнѣнно показываютъ дѣйствіе, а не предметъ; таковы: „ходъ“, „бѣготня“, „возня“, „ѣзда“, „приближеніе“ „выступленіе“ и проч. Признакъ-же дѣйствія доселѣ приписывался исключительно глаголу. Такимъ образомъ, смѣшиваются два главнѣйшихъ разряда словъ, несомнѣнно имѣющіе свои отличительные признаки. Общность въ значеніяхъ имени существительнаго и глагола наблюдается тогда, когда слова обѣихъ этихъ частей рѣчи сохраняютъ свой общій корень, напримѣръ, слова: „ходъ“ — „ходить“ — „походка“ имѣютъ корнемъ звуки „ход“; слова: „бѣгъ“ — „бѣжить“ — „бѣжалъ“ — „бѣготня“ имѣютъ корнемъ звуки — „бѣг“. Такихъ словъ, сохраняющихъ доселѣ свой корень, весьма много. Корни этихъ словъ воспроизводятъ тѣ общіе признаки или то общее матеріальное значеніе, которое соединяется со всѣми происходящими отъ одного корня словами. Что есть много общаго въ значеніяхъ существительныхъ и глаголовъ: „видъ“ — „видитъ“, „показъ“ — „показываетъ“, „слава“ — „славись“, „ходъ“ — „ходятъ“ и проч., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если число признаковъ, составляющихъ объемъ понятія каждаго изъ существительныхъ: „умъ“, „мѣта“, „родъ“, „садъ“, „любовь“, „видъ“ мы обозначимъ чрезъ α , то столько же, но не болѣе и не менѣе окажется ихъ, то-есть признаковъ, въ соотвѣтствующихъ существительнымъ глаголахъ: „умѣть“, „мѣтимъ“, „родишь“, „садить“, „любимъ“, „видѣть“. Изъ этого слѣдуетъ, что различія въ значеніяхъ вменъ существительныхъ и глаголовъ нужно искать въ томъ, какъ воспроизводитъ общее понятіе или значеніе корня оба эти разряда

словъ. Если мы сравнимъ два слѣдующія предложенія: а) „часы ходятъ вѣрно“, б) „ходъ часовъ—вѣренъ“, то замѣтимъ, что слова: „ходятъ“ и „ходъ“, имѣя тождество въ значеніи и выражая одно и то же понятіе, воспроизводятъ его различно: именно—глаголь „ходятъ“ наглядно или конкретно изображаетъ ходъ часовъ, иначе говоря—представляетъ ходъ часовъ въ актѣ дѣйствія, тогда какъ существительное „ходъ“ изображаетъ то же самое отвлеченно, абстрактно. Конкретности изображенія дѣйствія словомъ „ходятъ“ способствуетъ время и лицо, абстрактности же понятія „ходъ“ способствуетъ падежная форма. Таково отличіе существительнаго отъ глагола въ томъ случаѣ, когда оба эти разряда словъ сохраняютъ свои корни и ихъ матеріальное значеніе. Если-же существительное имя имѣетъ такой корень, глагольное выраженіе котораго уже не существуетъ, то мы и не затрудняемся опредѣлить это имя, какъ предметъ, ибо актовъ дѣйствій таковыя существительныя изображать не могутъ; напримѣръ, слова: „дерево“, „дубъ“, „домъ“, „игъ“ безъ колебаній нами опредѣляются, какъ предметы, ибо глагольныхъ корней эти слова уже не имѣютъ.

Изъ предыдущаго видно, что въ цѣлой категоріи существительныхъ явственно различаются два рода именъ: первый родъ—это имена существительныя, имѣющія такой корень, который можетъ имѣть глагольное выраженіе; таковы слова: „ходъ“, „бѣгъ“, „любовь“, „выступъ“, „показъ“, „пріѣздъ“, „слава“, „садъ“, „видъ“ и проч.; второй родъ—это существительныя, корень которыхъ въ глагольной формѣ уже не воспроизводимъ; таковы: „столь“, „домъ“, „мужъ“, „игъ“ и проч. Если существительныя втораго рода суть названія предметовъ, то можно-ли названіями же предметовъ считать существительныя перваго рода, показывающія дѣйствія, напримѣръ слова: „ходъ“, „возня“, „полеть“ и проч.?—Мы уже выше сказали, что существительныя, корень которыхъ можетъ имѣть вербальную форму, тѣмъ отличаются отъ глаголовъ, что они (sc. существительныя) показываютъ дѣйствіе абстрактно, отвлеченно; эта абстрактность достигается формою падежа („ходъ часовъ“). Абстрактность изображенія дѣйствія въ словахъ: „полеть“, „пріѣздъ“ и проч. показываетъ, что вербальныхъ свойствъ въ этихъ словахъ искать невозможно, потому что глаголу присуща конкретность изображенія даже въ такихъ словахъ, которыя показываютъ не дѣйствіе, а состояніе, напримѣръ, „сидитъ“, „молчитъ“.—Далѣе, названіями предметовъ, какъ вещественныя имена: „жена“, „столь“, такъ и умственные:

„воля“, „мысль“ считаются по слѣдующему признаку: они выражаютъ предметно самостоятельныя понятія, а не зависимыя. Объяснимъ это. Если бы терминъ „существительное“ предполагалъ только имена вещественныя, то въ грамматикѣ никогда не были бы отнесены къ существительному имени названія отвлеченныя и вообще умственные. Это показываетъ, что при составленіи термина—„существительное“ предполагался объемъ его весьма широкимъ. Въ „Грамматикѣ доброглаголиваго еллино-словенскаго языка“, изданной въ Львовѣ въ 1591 году, говорится: „Имя есть часть слова склоняема, существо свойственно или общее знаменуема (ὄνομα ἐστὶ μέρος λόγου κλιτὸν, ὀνομα ἰδίαν ἢ κοινῆν σημαῖνον)“. Терминъ „имя существительное“ есть буквальный переводъ латинскаго выраженія— „nomen substantivum“. Греческое „ὄνομα“ и латинское „substantia“ (откуда прилагательное substantivum) означаютъ одно и то же: сущность, существо, бытіе. Терминъ—„имя существительное“ показываетъ, что онъ предполагаетъ не всякое имя или названіе, а только такое, которое означаетъ сущность или бытіе. По нашему глубокому убѣжденію, терминъ—„имя существительное“ (nomen substantivum) есть весьма удачный и самый вѣрный изъ всѣхъ грамматическихъ терминовъ, потому что онъ въ самомъ себѣ заключаетъ или содержитъ то внутреннее значеніе или ту духовную сущность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ частей рѣчи. Если существительное есть „имя“, означающее существо, бытіе, или, выражаясь вещественнымъ языкомъ,—предметъ, то оно, слѣдовательно, есть понятіе самостоятельное, независимое, имѣющее свою жизнь, бытіе. Таково значеніе всѣхъ именъ существительныхъ: вещественныхъ и умственныхъ. Глаголь есть также понятіе самостоятельное; но, какъ мы уже выше сказали, отличіе его отъ существительнаго состоитъ въ способѣ представлять или изображать общее матеріальное значеніе корня, именно—глаголь выражаетъ значеніе корня наглядно, конкретно; имя же существительное выражаетъ то же самое абстрактно, отвлеченно.

Имена существительныя чувственныя, по степени вещественности своего значенія, могутъ быть распредѣлены на нѣсколько категорій. Здѣсь достаточно указать, что наибольшую вещественностью значенія обладаютъ существительныя имена, постигаемыя осязаніемъ, вкусомъ, зрѣніемъ, обонаніемъ, меньшею—постигаемыя слухомъ. Между умственными предметами также различаются нѣсколько категорій. Такіе предметы, какъ: „душа“, „умъ“, будучи умственными, по своему

значенію представляются болѣе матеріальными, чѣмъ существительныя: „воля“, „намѣреніе“, чувство“; еще меньшею предметностью обладаютъ имена существительныя: „истина“, „вѣра“, „надежда“ и проч. Всѣ названныя категоріи существительныхъ умственныхъ съ наименьшимъ правомъ могутъ носить названіе „предметовъ“, чѣмъ имена вещественныя или чувственныя, то-есть такія, которыя постигаются пятью внѣшними чувствами человѣка. Школьное опредѣленіе имени существительнаго, какъ названія „предмета“, понимается именно такъ, что этою частью рѣчи именуется существо, бытіе, то-есть такія самостоятельныя понятія, которыя на вещественномъ языкѣ называются „предметами“. Названіями предметовъ могутъ также считаться выше поименованныя нами имена существительныя, корень которыхъ можетъ имѣть вербальное выраженіе, то-есть слова: „ѣзда“, „ходъ“, „полетъ“, „бѣгъ“ и проч. Эти существительныя, во-первыхъ, изображаютъ дѣйствіе абстрактно, что отличаетъ ихъ отъ глаголовъ: „ѣздить“, „ходимъ“, „летитъ“, „бѣжалъ“, во-вторыхъ, они выражаютъ самостоятельное понятіе вещественно; поэтому и могутъ называться предметами.

II.

Выше мы сказали, что имя существительное и глаголъ выражаютъ самостоятельное или независимое понятіе. Что такое самостоятельное понятіе? — Если сравнимъ выраженіе — а) „деревянный домъ“ съ предложеніемъ б) „домъ построенъ изъ дерева“, то замѣтимъ слѣдующую разницу между понятіями: „дерево“ и „деревянный“: первое понятіе (sc. „дерево“) имѣетъ свое собственное, опредѣленное значеніе, иначе—въ совокупности признаковъ оно мыслится, какъ субстанція, имѣющая реальное значеніе; второе понятіе (sc. „деревянный“) имѣетъ не собственное, а принадлежащее другому понятію значеніе, то-есть его значеніе есть заимствованное отъ самостоятельнаго понятія, безъ котораго оно не имѣетъ смысла и не можетъ мыслиться. Отсутствие самостоятельности въ значеніи и повлекло къ названію или термину—„имя прилагательное“. Но этотъ терминъ крайне неудаченъ, ибо онъ указываетъ на внѣшній признакъ, но не на внутреннюю сущность. Терминъ „имя существительное“ потому вѣренъ и характеренъ, что онъ самъ указываетъ внутреннее значеніе цѣлаго разряда словъ; терминъ же—„имя прилагательное“, указывая внѣшнее свойство словъ, а не внутреннее, съ наименьшимъ

правомъ можетъ относиться къ причастіямъ¹⁾, многимъ именамъ числительнымъ и мѣстоименіямъ, чѣмъ собственно къ именамъ прилагательнымъ. Разсматриваемый терминъ, будучи переводомъ латинскаго выраженія—*„poenep adjectivum“*. лучше бы считать общимъ для нѣсколькихъ частей рѣчи. Имя прилагательное въ собственномъ смыслѣ есть такое зависимое понятіе, которое показываеъ — или 1) качество, или 2) свойство, или 3) принадлежность, какъ признаки предмета, точнѣе — грамматической субстанціи. Понятіе „качество“ — шире понятій: „свойство“, „принадлежность“. Если слово „добрый“ въ выраженіи „добрый отецъ“ означаетъ качество, то слово „черный“ въ выраженіи—„черный столъ“ показываеъ цвѣтъ. Однако грамматика называеъ слово „черный“ качественнымъ прилагательнымъ наравнѣ съ словомъ „добрый“. Изъ этого явствуетъ, что понятіе „качество“ должно понимать не въ духовномъ только значеніи („добрый“, „злой“, „справедливый“ и проч.), но и въ вещественномъ („черный“, „широкій“, „большой“, „сильный“). Сравнивая далѣе по значенію прилагательныя: „круглый“ и „деревянный“, изъ которыхъ первое грамматикою признаеъ качественнымъ, а второе — относительнымъ, то увидимъ, что оба они вещественны: „круглый“ указываетъ на понятіе „кругъ“, а „деревянный“ на понятіе „дерево“. Если же слово „круглый“ означаеъ качество, то слово „деревянный“ также указываетъ на качество. Такъ какъ понятіе „качество“ шире понятій: „свойство“, „принадлежность“, то мы считаеъ болѣе соответственнымъ дѣлу замѣнить терминъ—*„имя прилагательное“* терминомъ—*„имя качественное“*, понимая послѣдній въ широкомъ значеніи. Предлагаемый нами терминъ самъ въ себѣ содержитъ то внутреннее значеніе, которое отличаеъ разсматриваемый разрядъ словъ отъ всѣхъ другихъ частей рѣчи.

Если имя прилагательное образуется отъ такихъ существительныхъ, корень которыхъ можетъ имѣть и вербальную форму, каковы: „громъ“—„громить“, „любовь“—„любить“ и проч., то образуются имена прилагательныя непрѣнно качественные: „громкій“, „круглый“, „свѣтлый“, „любовный“ и проч. Если же корень имени существительнаго не воспроизводимъ въ глагольной формѣ, то имя прилагательное, происходящее отъ такого корня, есть относительное или притяжательное: а) „деревянный“, „желѣзный“, б) „отцовъ“.

¹⁾ Гречъ, Русская грамматика (изд. 1827 г.): „прилагательныя, концы выражаеъ качество дѣйствующее, именуется причастіями“.

„сестринъ“. Прилагательныя притяжательныя образуются отъ существительныхъ одушевленныхъ или собственныхъ: „дочернинъ“, „сестринъ“, „отцовъ“, „Іорданскій“, „Виолемскій“, „Московскій“, а прилагательныя относительныя—отъ неодушевленныхъ предметовъ: „книжный“, „стѣнной“, „дверной“ и проч.

Обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: существительныя: „близна“, „доброта“, „смиреніе“, и проч. показываютъ качество, какъ и прилагательныя: „блѣый“, „добрый“, „смирный“. Понятія: „добрый“ и „доброта“, оба означая качество (въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія), выражаютъ его различно: слово „добрый“ представляетъ качество зависимымъ понятіемъ, слово же „доброта“ самостоятельнымъ понятіемъ. Итакъ, зависимое понятіе есть такое, которое совокупностью признаковъ всецѣло относится къ самостоятельному понятію. Изъ нашего объясненія явствуетъ, что имя прилагательное означаетъ зависимое понятіе. Различіе въ значеніи между выраженіями: а) „домъ отца“ и „отцовскій домъ“, б) „милость Бога“ и „милость Божья“, в) „судъ царя“ и „судъ царевъ“—слѣдующая: понятіе „отцовскій“, какъ зависимое, всецѣло заключается въ понятіи „домъ“, то-есть, въ выраженіи „отцовскій домъ“ изъ признаковъ понятія „домъ“ выдвинутъ на сцену признаковъ „отцовскій“; значеніе же выраженія: „домъ отца“ есть слѣдующее: самостоятельное понятіе „домъ“ выражено по отношенію къ самостоятельному же понятію „отца“, какъ тѣсно соприкасающееся съ послѣднимъ, и оба они являются функционирующими на степени полной другъ отъ друга независимости и несущими такую служебную роль въ предложеніи („домъ отца великъ“), какая обусловлена ихъ положеніемъ и значеніемъ.

Имена существительныя, какъ независимыя понятія, и имена прилагательныя, какъ понятія зависимыя или несамостоятельныя, имѣютъ различныя язычныя формы. Падежныя окончанія этихъ частей рѣчи, какъ словъ склопаемыхъ, различны: существительныя имѣютъ слѣдующія флексіи въ именительномъ падежѣ единственнаго числа: 1) ъ, ь, й—въ мужскомъ родѣ, 2) а, я, ь—въ женскомъ родѣ, 3) о, е—въ среднемъ; имена прилагательныя въ именительномъ падежѣ единственнаго числа оканчиваются: 1) на—ый, ая, ое—въ твердомъ склоненіи, 2) ій, яя, ее (рѣже—ій, љя, ље) въ мягкомъ склоненіи. Слово, какъ особую часть рѣчи, нельзя разсматривать лишь съ одной формальной стороны, то-есть, нельзя, напримѣръ, слово „добрый“ считать прилагательнымъ только по его окончанію, равно какъ нельзя

извѣстное слово относить къ той или другой части только по его значенію; напримѣръ, нельзя то же слово „добрый“ считать прилагательнымъ только потому, что оно показываетъ зависимое понятіе. Полное сужденіе о словѣ должно указывать 1) на внутреннее его значеніе, 2) на внѣшнюю форму. Это—общее правило, которое всегда нужно принимать въ соображеніе о словѣ, какъ язычномъ атрибутѣ. Въ живомъ языкѣ каждаго народа наблюдается слѣдующее явленіе: слово, специализируясь по значенію и опредѣляясь по формѣ, оказывается иногда способнымъ перейти изъ зависимаго или несамостоятельнаго понятія въ понятіе самостоятельное, хотя форма его остается прежняя. Такія слова, какъ: „подушное“, „животное“, „столовая“, „часовой“, „становой“ и проч. показываютъ, что прилагательныя, съ теченіемъ времени, пріобрѣтаютъ способность быть по значенію именами существительными, хотя склоненіе ихъ остается прежнимъ, то-есть, они не перестаютъ измѣняться по образцамъ именъ прилагательныхъ. Когда мы говоримъ, что имена существительныя выражаютъ самостоятельныя понятія, то при этомъ имѣемъ въ виду, какъ исконныя существительныя, такъ и тѣ, которыя лишь впоследствии стали именами существительными, перейдя въ этотъ разрядъ словъ а) изъ прилагательныхъ именъ: „животное“, „становой“ или б) изъ другихъ частей рѣчи: „итогъ“ (изъ словъ: „и+того“), „тоже-ство“, „одинаковость“. Въ настоящее время въ литературной рѣчи, а также въ языкѣ простаго народа замѣчается значительное количество такихъ прилагательныхъ, которымъ въ скоромъ времени предстоитъ быть именами существительными. Таковы слова: „ученый“, „жадный“, „скупой“, „богатый“, „бѣдный“. Здѣсь стоитъ вспомнить, что въ такихъ предложеніяхъ, какъ: „богатый и въ будни пируетъ, а бѣдный и въ праздникъ горюетъ“, „жадный боится воровъ“ и теперь уже весьма многіе считаютъ слова: „богатый“, „бѣдный“, „жадный“ именами существительными. Процессъ, который приводитъ къ полному переходу прилагательнаго въ категорію имени существительнаго, состоитъ въ слѣдующемъ: прежде бывшее значеніе прилагательнаго, какъ понятія зависимаго или несамостоятельнаго, постепенно видоизмѣняется отъ частаго употребленія прилагательнаго безъ того имени существительнаго, съ которымъ оно обыкновенно соединялось прежде. Напримѣръ, когда прилагательное „столовая“ прежде употреблявшееся въ рѣчи въ соединеніи съ существительнымъ „комната“ („столовая комната“) стало по-немногу употребляться одно, то оно уже оказалось на переходѣ въ категорію имени суще-

ствительнаго. Окончательный же переходъ этого слова въ народномъ языкѣ, а также въ литературной рѣчи въ категорію существительнаго совершился такъ: молодое поколѣніе, слыша слово: „столовая“ весьма часто безъ имени существительнаго, самымъ чувствомъ языка воспринимаетъ это слово, какъ понятіе самостоятельное, предметное, хотя родители молодого поколѣнія еще не вполне отрѣшились отъ привычки соединять съ словомъ „столовая“ зависимое понятіе. Здѣсь, конечно, немаловажную роль играетъ, такъ сказать, специализація понятія, то-есть, простой народъ или образованное общество, начинающая употреблять прилагательное безъ имени существительнаго, съ которымъ оно обыкновенно соединялось прежде, переноситъ на это прилагательное значеніе опускаемаго имени существительнаго, личное присутствіе котораго въ рѣчи дѣлается современемъ совершенно ненужнымъ. Когда прилагательное, употребляемое безъ имени существительнаго, въ рѣчи чувствуется самостоятельнымъ понятіемъ, тогда оно по значенію и становится именемъ существительнымъ, хотя склоненіе его остается прежнимъ.

III.

Какія понятія выражаютъ имена числительныя?—Грамматиккою всё числительныя распредѣляются на четыре разряда: а) имена количественныя: „одинъ“, „два“, „три“, „четыре“, „пять“, „десять“, „двадцать“, „сто“ и проч.; б) имена порядковыя: „первый“, „второй“, „пятый“, „седьмой“, „девятый“, „двадцатый“, „сотый“ и проч.; в) числительныя собирательныя: „двое“, „трое“, „четверо“, „пятеро“, „шестеро“, „семеро“, „восьмеро“, „девятеро“, „десятеро“; г) числительныя дробныя: „половина“, „треть“, „четверть“, „осьмуха“. Изъ этихъ категорій имена числительныя порядковыя, наравнѣ съ именами прилагательными, показываютъ понятіе зависимое: „пятый день“, „шестой разъ“ и проч. Выраженіе—„вторая недѣля“ заключаетъ въ себѣ самостоятельное понятіе „недѣля“ и зависимое—„вторая“, то-есть, въ понятіи „недѣля“ выдвинуть признакъ „вторая“.

Изъ количественныхъ числительныхъ зависимымъ понятіемъ является только числительное „одинъ“: „одинъ день“, „одна недѣля“, „одно окно“. Выраженіе „одинъ домъ“ имѣетъ въ себѣ самостоятельное понятіе „домъ“ и зависимое — „одинъ“, то-есть, въ понятіи „домъ“ выдвинуть признакъ „одинъ“. Другія же числительныя количественныя: „два“, „три“, „четыре“ и проч. въ русскомъ языкѣ

являются понятіями самостоятельными. Выраженія: „два стола“, „три всадника“, „четыре казака“, „пять дней“, „шесть часовъ“, „десять яблоковъ“, „сто рублей“ и проч. содержатъ въ себѣ самостоятельныя понятія числа: „два“, „три“, „четыре“ и т. д. Историческое разсмотрѣніе сочетанія числительныхъ количественныхъ съ именами существительными показываетъ, что синтаксическая роль ихъ (то-есть числительныхъ) въ предложеніи не всегда была одинакова. Въ старо-славянскомъ и древне-русскомъ языкѣ такія сочетанія, какъ: „два человѣка“, „три воина“ иначе являлись чувству языка, чѣмъ въ настоящее время. Выраженіе: „два человѣка“ заключало въ себѣ именительный падежъ двойственнаго числа обоихъ названныхъ словъ (1, („два“, 2,) „человѣка“); въ нынѣшнемъ же русскомъ языкѣ, не имѣющемъ двойственнаго числа, то же выраженіе (то-есть „два человѣка“) содержитъ въ себѣ: 1) именительный падежъ множественнаго числа слова „два“ и 2) родительный падежъ слова „человѣка“. Тогда какъ въ старомъ русскомъ языкѣ слово „два“ было только опредѣленіемъ слова „человѣка“, въ современномъ русскомъ языкѣ именительный падежъ слова „два“, какъ самостоятельнаго понятія, можетъ быть въ предложеніи или подлежащимъ или атрибутомъ сказуемаго. Въ настоящее время грамматикой совсѣмъ не различаются два слѣдующіе оборота: 1) „два казака пришли“ и 2) „два казака пришло“. Почему въ первомъ предложеніи въ сказуемомъ является форма множественнаго числа („пришли“), а во второмъ — единственнаго („пришло“), на это отвѣта нынѣ нѣтъ потому, что оба оборота считаются синтаксически тождественными, между тѣмъ какъ оба они совершенно различны по синтаксическому строю и значенію. Предложеніе „два казака пришли“ есть личное; подлежащее его—„два“, сказуемое — „пришли“; предложеніе: „два казака пришло“ есть безличное, сказуемое его—„пришло два“. Что первое предложеніе („два казака пришли“) есть личное, это видно изъ согласованія сказуемаго („пришли“) съ подлежащимъ; на безличность же втораго предложенія („два казака пришло“) указываетъ средній родъ сказуемаго („пришло“), атрибутомъ котораго является слово „два“. Вотъ еще доказательство вѣрности нашего синтаксическаго разбора: возможно только сказать: „два дюжіе казака пришли“ (но не „пришло“), то-есть сказуемое обязательно стоитъ во множественномъ числѣ („пришли“), если прилагательное („дюжіе“) въ предложеніи является въ формѣ именительнаго падежа. Именительный падежъ имени прилагательнаго („дюжіе“) стоитъ въ предложеніи атрибутомъ не слова:

„казака“, стоящаго въ родительномъ падежѣ, а слова „два“, стоящаго въ именительномъ падежѣ. Если же предложеніе принимаетъ слѣдующій видъ: „два казака пришло“, то прилагательное въ немъ можетъ принять только форму родительнаго падежа, именно — возможно только сказать: „два дюжихъ (но не „дюжіе“) казака пришло“. Имя прилагательное „дюжихъ“ въ предложеніи: „два дюжихъ казака пришло“ служитъ опредѣленіемъ слова „казака“, какъ дополненія, стоящаго въ родительномъ падежѣ, но не слова „два“, которое опредѣленія для себя могло бы потребовать только въ именительномъ падежѣ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что предложеніе: „два (дюжіе) казака пришли“ есть личное; субъектъ его—„два“, атрибутъ субъекта—„дюжіе“, предикатъ—„пришли“; предложеніе же „два (дюжихъ) казака пришло“ есть безличное; сказуемое его—„пришло“, „казака“—дополненіе слова „два“, само-же слово „два“ есть опредѣленіе предиката, а слово „дюжихъ“ есть опредѣленіе слова—„казака“.

Имена числительныя: „два“, „три“, „четыре“, „пять“, „шесть“ и проч. въ современномъ русскомъ языкѣ являются самостоятельными понятіями только тогда, когда они стоятъ въ формѣ именительнаго падежа. Если же имена числительныя, начиная съ словъ „два“ и т. д., стоятъ въ косвенныхъ падежахъ („двухъ казаковъ“, „тремъ братьямъ“, „четыремъ столамъ“, „пятью фунтами“ и т. д.), то они являются зависимыми понятіями. Независимость или зависимость понятія, выражаемаго числительными количественными въ косвенныхъ падежахъ, выражается формою согласованія ихъ съ опредѣляемыми словами, именно—въ выраженіяхъ: „двухъ книгъ“, „тремъ перьямъ“, „четырьмя столами“ и проч. числительныя: „двухъ“, „тремъ“, „четырьмя“ суть атрибуты къ стоящимъ съ ними именамъ существительнымъ. Выраженіе: „трехъ казаковъ“ заключаетъ въ себѣ независимое понятіе „казаковъ“ и зависимое „трехъ“, то-есть въ самостоятельномъ понятіи „казаковъ“ выдвинутъ признакъ „трехъ“.

Имя существительное есть такое самостоятельное понятіе, которое означаетъ субстанцію, реальную или отвлеченную; слѣдовательно, оно (то-есть существительное) можетъ означать и число, но неопредѣленное: „количество“, „сумма“, „итогъ“ и проч.; на вещественномъ языкѣ существительное есть названіе предмета; упомянутыя же имена числительныя: „два“, „три“ и проч. суть такія независимыя понятія, которыя означаютъ опредѣленное число. Изъ этого видно, что въ цѣлой совокупности разнообразныхъ субстанцій жизнь сама выдѣлила въ особую категорію субстанцію опредѣленнаго числа, а рус-

скій языкъ даже вѣшнимъ образомъ выразилъ это выдѣленіе, усвоивъ числительнымъ количественнымъ форму управленія: „два окна“, „три человекъ“, „четыре книги“, гдѣ существительныя стоятъ въ родительномъ падежѣ по требованію исключительно числительныхъ имей. Числительныхъ собирательныхъ въ русскомъ языкѣ всего — девять: „двое“, „трое“, „четверо“, „пятеро“, „шестеро“, „семеро“, „восьмеро“, „девятеро“, „десятеро“. Они, какъ и количественныя числительныя, суть самостоятельныя понятія числа и требуютъ послѣ себя родительнаго падежа именъ существительныхъ: „двое мальчиковъ“, „трое рабочихъ“, „четверо мастеровыхъ“ и проч. Въ косвенныхъ же падежахъ собирательныя числительныя являются зависимыми понятіями: „двоихъ рабочихъ“, „двоимъ рабочимъ“ и т. д. Намъ остается разсмотрѣть еще числительныя дробныя: „треть“, „осьмуха“ и проч. Самостоятельность понятій, выражаемыхъ этими числительными, видна 1) по требованію ими родительнаго падежа именъ: „треть аршина“, „четверть часа“, 2) по близости ихъ въ значеніи и формѣ съ именами существительными; стоитъ сравнить выраженія: а) „четверть года“ и „часть года“, б) „треть дня“ и „небольшое количество днѣ“, чтобы убѣдиться въ близости названныхъ числительныхъ по значенію съ именами существительными. Близость же ихъ въ формѣ видна изъ склоненія числительныхъ, какъ настоящихъ именъ существительныхъ; напримѣръ, числительное „осьмуха“ склоняется, какъ существительное женскаго рода съ окончаніемъ „а“.

Терминъ „имя числительное“ есть буквальный переводъ латинскаго выраженія — *numeralis* (греческ. — ἀριθμητικὸν ὄνομα). Онъ выражаетъ сущность обозначаемого имъ разряда словъ вѣрно и потому можетъ считаться удачнымъ. Мы уже говорили, что многія имена числительныя въ русскомъ языкѣ выражаютъ самостоятельныя понятія, подобно именамъ существительнымъ. По нашему мнѣнію, имена числительныя количественныя (исключая — „одинъ“), собирательныя и дробныя означаютъ грамматическія субстанціи, близкія къ существительнымъ умственнымъ. Имя числительное въ указанныхъ случаяхъ есть, поэтому, видъ именъ существительныхъ. Мы уже указывали на случаи особенной близости по значенію и формѣ именъ числительныхъ съ именами существительными. Здѣсь считаемъ нужнымъ сказать, что есть много такихъ именъ существительныхъ, которыя, несомнѣнно, выражаютъ самостоятельныя понятія числа или счета; таковы имена существительныя: „количество“, „часть“, „сум-

ма“, „число“, „множество“, „итогъ“, „счетъ“, „тьма“ (то-есть безчисленное множество) и проч. Всѣ эти слова, будучи понятіями числа, потому не считаются числительными, что они число выражаютъ неопредѣленно: „число“—какое?—неизвѣстно. Весьма близки къ только что перечисленнымъ существительнымъ по значенію и формѣ слѣдующія настоящія числительныя: „милліардъ“, „милліонъ“, „тысяча“, „сотня“, „десятокъ“, „единица“ и проч. Всѣ эти числительныя склоняются буквально такъ, какъ имена существительныя. Итакъ, изъ категорій именъ существительныхъ выдѣлились въ особый разрядъ словъ имена, означающія опредѣленное число (30, 40, 85 и проч.); слова же съ неопредѣленнымъ значеніемъ числа („количество“, „часть“) остались въ категоріи именъ существительныхъ.

Аксаковъ („Сочиненія филологическія“, стр. 540), опредѣляя значеніе частей рѣчи, совершенно осповательно указываетъ, что „въ языкѣ важно то, что въ языкѣ же самоъ получило форму, форму язычную“. Онъ находитъ, что имя числительное не составляетъ особой части рѣчи, ибо оно „выражается или формою прилагательнаго: одинъ, два, три, четыре, или формою существительнаго: пять, шесть“ и т. д. Здѣсь общія основанія указаны вѣрно, но въ частности должно быть особо сказано 1) о числительномъ „одинъ“, какъ вполне зависимомъ понятіи, 2) о числительныхъ: „два“, „три“, „четыре“, „пять“, „шесть“ и проч., какъ выражающихъ а) самостоятельныя понятія лишь въ именительномъ падежѣ, б) несамостоятельныя — въ косвенныхъ падежахъ. Въ школьныхъ грамматикахъ въ большинствѣ случаевъ имя числительное есть особая часть рѣчи; по есть такіе школьные учебники, въ которыхъ имя числительное рассматривается, какъ дополнительный отдѣлъ къ двумъ частямъ рѣчи: имени существительному и имени прилагательному. По нашему мнѣнію, въ видахъ точности, слѣдуетъ указывать учащимся: какія имена числительныя выражаютъ самостоятельныя понятія и какія—несамостоятельныя. Вышнимъ признакомъ для этого служатъ формы управленія и согласованія. Если числительное имя сочетается съ существительнымъ формою управленія, напримѣръ: „два брата“, то оно — понятіе самостоятельное, если же числительное согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, напримѣръ: „одинъ домъ“, „первый ученикъ“, „двухъ стульевъ“. то оно есть зависимое понятіе.

Нашъ взглядъ на значеніе числительныхъ именъ мы заключимъ вопросомъ: какая часть рѣчи есть слово „нуль?“ Что это слово содержитъ въ себѣ понятіе числа, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Если считать его числительнымъ количественнымъ, то и форму „нулевой“ придется считать числительнымъ порядковымъ; если же слово „нуль“ есть существительное имя, то слово „нулевой“ есть имя прилагательное. Мы считаемъ слово „нуль“ понятиемъ, стоящимъ на рубежѣ между существительнымъ и числительнымъ; а такъ какъ это слово (то-есть, „нуль“) означаетъ болѣе опредѣленное понятіе числа, чѣмъ слова: „количество“, „масса“, „сумма“, „число“, то точнѣе считать его именемъ числительнымъ ¹⁾.

IV.

Перейдемъ къ мѣстоименіямъ. Въ славянской грамматикѣ Лаврентія Зизанія мѣстоименіе называется „мѣстоимя“. Терминъ этотъ есть буквальный переводъ латинскаго термина *pronomen* (греч. *ἄτωνορία*). Опредѣленіе его у Смотрицкаго такое: „мѣстоименіе есть часть слова склопяемая, вмѣсто имени приеваемая“. Между разнообразными видами мѣстоименій нѣтъ такихъ, которыя выражали бы самостоятельное или зависимое понятіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не служили бы замѣняющими другія понятія. Изъ этого слѣдуетъ, что мѣстоименіе есть исключительно замѣняющая часть рѣчи, то-есть, его назначеніе — стоять вмѣсто другихъ разрядовъ словъ, а потому самый терминъ можетъ быть названъ точнымъ. Между различными видами мѣстоименій мы видимъ, что одни изъ нихъ ставятся вмѣсто именъ существительныхъ; таковы: я, ты, онъ, себя, кто, что, нѣчто, ничто; другія — вмѣсто именъ прилагательныхъ: какой, чей, каждый, иной, мой, нашъ, тотъ, такой; иныя служатъ замѣною именъ числительныхъ; таковы: сколько, столько, весь, нѣсколько, нисколько, сколько-нибудь. Мѣстоименія служатъ въ предложеніи только вмѣсто трехъ частей рѣчи: существительнаго, прилагательнаго (съ причастіемъ) и числительнаго имени.

Относительно мѣстоименій, замѣняющихъ имена существительныя, надлежитъ сказать слѣдующее: они, какъ мы выше сказали, выражаютъ самостоятельныя или независимыя понятія, подобно тѣмъ именамъ существительнымъ, вмѣсто которыхъ стоятъ. Таковыя мѣстоименія суть: 1) личныя: я, ты, онъ-она-оно; мы, вы, они-онѣ-они; 2) вопросительно-относительныя: кто, что, сколько; 3) неопредѣлен-

¹⁾ Въ академическомъ словарѣ слово „нуль“ считается именемъ существительнымъ.

ныя: никто-нѣкто, ничто-нѣчто, нисколько-нѣсколько, кто-то, кто-либо, кто-нибудь; что-то, что-либо, что-нибудь. Мѣстоименія перваго разряда названы личными потому, что они преимущественно замѣняютъ собою лица (*personalia*) или одушевленные предметы; слѣдующій разрядъ мѣстоименій, замѣняющихъ имена существительныя, называется вопросительно-относительнымъ по выраженію имъ вопроса—прямаго или косвеннаго; третій разрядъ—это мѣстоименія неопредѣленныя (*indefinita*), названныя такъ, очевидно, потому, что они на лица указываютъ неопредѣленно. Эти виды мѣстоименій лучше бы вообще назвать личными, потому что всѣ они указываютъ на лица или одушевленные предметы, при чемъ первый видъ слѣдуетъ назвать собственно-личными, второй — вопросительно (или относительно)-личными, третій — неопредѣленно-личными. Всѣ эти мѣстоименія замѣняютъ собою имена существительныя, и въ этомъ ихъ сходство между собою по значенію. Относительно мѣстоименій собственно-личныхъ важно замѣтить слѣдующее: грамматикою они раздѣляются на три категоріи: 1) личные мѣстоименія перваго лица: я, мы, 2) личные мѣстоименія втораго лица: ты, вы, 3) личные мѣстоименія третьяго лица: онъ-она-оно, они-онѣ-они. Внѣ всякаго сомнѣнія, что вышеупомянутыя мѣстоименія вопросительно-относительныя и неопредѣленныя, замѣняющія собою имена существительныя, должны быть отнесены къ третьему лицу. Личное мѣстоименіе: онъ-она-оно, они-онѣ-они, какъ и мѣстоименія вопросительно-относительныя и неопредѣленныя, употребляющіяся вмѣсто имени существительныхъ, относятся къ третьему лицу по слѣдующей причинѣ: всѣми ими обозначается лицо объективное, постороннее въ отношеніи лица говорящаго. Личныя мѣстоименія: я, мы; ты, вы также замѣняютъ собою имена существительныя, но они не принадлежатъ къ третьему лицу потому, что слова: я, мы означаютъ лицъ субъективныхъ или говорящихъ, а слова: ты, вы—лицъ, ближайшихъ къ предмету рѣчи, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ лицомъ говорящимъ. Личныя мѣстоименія перваго и втораго лица нѣкоторыми грамматиками не считаются даже мѣстоименіями (Аксаковъ, „Филологическія сочиненія“, стр. 541). Несомнѣнно, что слова: я, мы; ты, вы ничуть не менѣе имѣютъ права на названіе мѣстоименій, чѣмъ всякое другое мѣстоименіе. Отличіе въ употребленіи и значеніи личныхъ мѣстоименій перваго и втораго лица отъ личнаго мѣстоименія третьяго лица заключается въ слѣдующемъ: тогда какъ слова: онъ-она-оно, они-онѣ-они въ прямыхъ и косвенныхъ падежахъ замѣняютъ и оду-

шевленные и неодушевленные предметы, личные мѣстоименія пер-
 ваго и втораго лица могутъ стоять только вмѣсто одушевленныхъ
 предметовъ ¹⁾). Изъ сказаннаго явствуетъ, что мѣстоименія: „я, ты“
 по преимуществу должны называться личными, мѣстоименіе же „онъ“
 личнымъ должно называться въ томъ только случаѣ, когда оно за-
 мѣняетъ собою лицо или одушевленный предметъ. Если же слово—
 „онъ“ замѣняетъ собою неодушевленный предметъ, то оно не личное
 мѣстоименіе; мы бы назвали его въ послѣднемъ случаѣ опредѣли-
 тельнымъ мѣстоименіемъ. Изъ трехъ категорій мѣстоименій первая,
 то-есть, замѣняющая имена существительныя, выражаетъ самосто-
 ятельныя или независимыя понятія, вторая, то-есть, замѣняющая
 прилагательныя, выражаетъ зависимыя понятія, третья категорія,
 то-есть, замѣняющая имена числительныя, выражаетъ частію само-
 стоятельныя понятія („столько“, то-есть 25, 80, 94), частію зави-
 симыя („который“? то-есть, двадцатый, сотый, тысячный, миллион-
 ный). Изъ сказаннаго явствуетъ, что мѣстоименія бываютъ какъ са-
 мостоятельными, такъ и зависимыми понятіями, но въ томъ и дру-
 гомъ случаѣ они суть понятія, замѣняющія другія.

V.

Выше мы говорили, что глаголь, взятый въ личной формѣ, какъ
 и имя существительное, выражаетъ самостоятельное понятіе. Отли-
 чіе его отъ имени существительнаго состоитъ въ томъ, что личный
 глаголь выражаетъ самостоятельное понятіе наглядно, конкретно,
 чему способствуетъ 1) время, 2) лицо: „ѣдимъ“, „заѣдешь“, „ѣхалъ“;
 имя же существительное, сохраняя такой корень, который можетъ
 имѣть вербальное выраженіе, означаетъ самостоятельное понятіе от-
 влеченно,—абстрактно, чему способствуетъ надежная форма: „ѣзда“,
 „ѣзды“. Если сравнить два предложенія: 1) „бѣгъ коня есть быстро“,
 2) „конь бѣжитъ быстро“, то замѣтимъ слѣдующую разницу между
 понятіями: „бѣгъ“ и „бѣжить“: тогда какъ форма „бѣжить“ изобра-
 жаетъ дѣйствіе коня наглядно, форма „бѣгъ“ выражаетъ то-же
 дѣйствіе абстрактно. Глаголу личному присуща конкретность даже

¹⁾ Отсюда, конечно, исключаются случаи употребленія личныхъ мѣстоиме-
 ній: я, ты въ выраженіяхъ метафорическихъ и фигуральныхъ; напримѣръ, въ
 басняхъ, сказкахъ и проч. и неодушевленные предметы разговариваютъ, говоря
 о себѣ: „я“, о ближайшемъ предметѣ—„ты“.

въ такихъ понятіяхъ, которыя выражаютъ состояніе, а не дѣйствіе, наприѣръ: „братъ спитъ“, „ты молчишь“, „онъ лежитъ“ и проч. Терминъ „глаголь“ есть переводъ латинскаго слова „verbum“ (греч. τὸ ῥῆμα); вмѣсто славянскаго слова „глаголь“ по-русски слѣдовало бы употреблять реченіе—„слово“. Реченіе — „глаголь“ (verbum) показываетъ, что онъ есть главное слово въ рѣчи или предложеніи, то-есть, какъ бы онъ преимущественно сказываетъ или говоритъ мысль предложенія. Названіе „глаголь“ употребляется, очевидно, въ соотвѣтствіе термину „сказуемое“ (praedicatum). По нашему мнѣнію терминъ „глаголь“ неудаченъ и его лучше бы замѣнить какимъ-нибудь болѣе подходящимъ терминомъ, потому что онъ не содержитъ въ себѣ такого внутренняго значенія, которое выдѣляло бы его изъ другихъ разрядовъ словъ. По значенію глаголы раздѣляются на двѣ категоріи, къ первой относятся такіе, которые показываютъ дѣйствіе: „ходимъ“, „ѣхали“, „нашеть“, „везешь“ и проч.; къ другой категоріи относятся такіе глаголы, которые означаютъ состояніе: „лежитъ“, „молчалъ“ и проч. Какъ тѣ, такъ и другіе являются въ предложеніи въ конкретной формѣ, то-есть. личные глаголы обѣихъ категорій такъ выражаютъ самостоятельныя понятія, что они являются въ актахъ дѣйствій. Глаголь „ходить“ выражаетъ активность дѣйствія, существительное же „ходъ“—пассивность или, какъ мы выше сказали, абстрактность. Слово „глаголь“ (отъ „глаголати“—говорить, сказывать) лучше бы считать терминомъ для предложенія вообще; терминъ же „глаголь“ въ современномъ значеніи, какъ названіе для особаго разряда словъ, лучше бы замѣнить терминомъ — „имя дѣйствія“ или — „имя дѣйственное“ (nomen agens), при чемъ словомъ „дѣйствіе“ мы будемъ характеризовать не одни только глаголы съ понятіемъ дѣйствія („возить“, „несетъ“), но и глаголы съ понятіемъ состоянія („лежитъ“, „спитъ“, „молчитъ“); терминъ — „имя дѣйствія“ или — „имя дѣйственное“ будетъ лишь показывать, что отличительный признакъ разсматриваемаго разряда словъ состоитъ въ томъ, чтобы самостоятельныя понятія выражать въ дѣйствіяхъ. Имя существительное есть названіе „сущности“, „существа“, „бытія“ или, на вещественномъ языкѣ,—названіе предмета; имя же дѣйственное (то-есть, глаголь) есть названіе „дѣйствія“, „дѣятельности“. Типичная форма простаго предложенія заключаетъ въ себѣ какъ подлежащее, такъ и сказуемое. Возьмемъ двучленное предложеніе: „мальчики поютъ“. Здѣсь два самостоятельныя понятія: 1) „мальчики“, 2) „поютъ“. Первое понятіе есть имя „предмета“

(мальчики), второе есть имя „дѣйствіа“ (поють). Въ приведенномъ двучленномъ предложеніи два понятія поставлены въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, то-есть, они, взаимодействуя въ предложеніи и взаимно согласуясь по формѣ, чувству челоуѣка являются какъ бы сливающимися понятіями. Здѣсь есть одинъ нераздѣльный актъ жизнедѣятельности. Но глаголь „поють“, выражая дѣйствіе, въ предложеніи не есть выше по своему значенію понятія „ученики“, а равно ему. Совмѣстная роль двухъ самостоятельныхъ понятій (существительнаго и личнаго глагола) въ рѣчи образуетъ „предложеніе“ или, какъ бы мы сказали, „глаголь“, то-есть, сильное, разумное и дѣльное слово. По нашему мнѣнію, терминъ „глаголь“ гораздо удачнѣе и цѣлесообразнѣе былъ бы вмѣсто термина „предложеніе“, ничего собою не говорящаго уму челоуѣка, между тѣмъ какъ терминъ „глаголь“ способенъ выражать именно то, что нынѣ принято въ грамматикахъ называть именемъ—„предложеніе“.

Обыкновенно въ грамматикѣ наряду съ глаголомъ разсматриваются причастія и дѣепричастія; они считаются происходящими отъ глаголовъ. Съ этимологической точки зрѣнія обѣ упомянутыя формы—одинаковы: русскія дѣепричастія суть не что иное, какъ старинныя краткія причастія, съ теченіемъ времени утратившія способность къ склоненію. Пынѣшнія дѣепричастія, будучи прежде способными къ склоненію причастіями, служили атрибутами въ предложеніи, ближе опредѣляя имена, при которыхъ они стояли. Потомъ, утративъ способность къ склоненію, они стали ближе опредѣлять *verbum finitum*. Въ настоящее время дѣепричастіе имѣетъ одни только глагольные свойства: время, видъ, залогъ. Именныя свойства въ немъ соеѣтъ нѣтъ. Въ причастіи же, помимо глагольныхъ свойствъ: времени, вида и залога, есть еще именное свойство—способность къ склоненію по всѣмъ родамъ, подобно имени прилагательному. Такимъ образомъ причастіе заключаетъ въ себѣ именныя и глагольныя свойства. Такъ какъ причастіе есть форма, соединяющая въ себѣ именныя и вербальныя признаки, то оно и имѣетъ двойное согласованіе въ предложеніи: съ личнымъ глаголомъ оно согласуется своими глагольными свойствами, съ ближайшимъ именемъ—именными.

Какія понятія выражаютъ собою разсмотрѣнныя формы причастій и дѣепричастій? Выше мы говорили, что глаголь, взятый въ личной формѣ, выражаетъ самостоятельное понятіе и при томъ конкретно, образно; имя существительное также выражаетъ самостоятельное понятіе, но абстрактно или, какъ мы выше сказали, отвлеченно; имя

прилагательное означаетъ зависимое или самостоятельное понятіе. Для рѣшенія вопроса: какое понятіе выражаютъ причастія и дѣепричастія, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: глаголь, взятый въ личной формѣ и служащій въ предложеніи сказуемымъ, имѣеть слѣдующіе формальные признаки: 1)лицо и число, 2) время, видъ, залогъ.

Въ предложеніи: „копѣ бѣжить“ сказуемое „бѣжить“ стоитъ въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, настоящаго времени, несовершеннаго вида, дѣйствительнаго залога. Личный глаголь выражаетъ независимое понятіе конкретно, наглядно. Изъ всѣхъ формальныхъ признаковъ *verbi finiti*, наиболѣе способствующій конкретности или наглядности, есть обозначеніе лица и числа. Въ выше приведенномъ предложеніи слово „бѣжить“ служитъ сказуемымъ не потому, что оно имѣеть время, видъ и залогъ, а главнѣйше потому, что оно способно указывать лицо; словомъ, въ глаголь, служащемъ въ предложеніи сказуемымъ, мы считаемъ главнѣйшимъ признакомъ лицо; благодаря, главнымъ образомъ, этому-то признаку форма „бѣжить“ и играетъ роль сказуемаго. Что изъ двухъ глагольныхъ признаковъ: времени и лица второй (то-есть, лицо) есть важнѣйшій въ формѣ и значеніи *verbi finiti*, это видно изъ того, что дѣепричастіе, имѣющее признакъ времени, не служитъ въ предложеніи сказуемымъ и при томъ единственно потому, что дѣепричастію не достаетъ признака лица. Изъ сказаннаго вполне явствуетъ, что причастія и дѣепричастія не могутъ выражать въ конкретной формѣ какого-либо понятія. Въ причастіяхъ замѣчается 1) способность къ согласованію посредствомъ флексіи съ ближайшимъ именемъ: „учащееся юношество“, 2) согласованіе съ личнымъ глаголомъ во времени, видѣ и залогѣ: „мы видимъ играющихъ мальчиковъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ форма: „играющихъ“ имѣеть настоящее время, несовершенный видъ, дѣйствительный залогъ и этими тремя признаками причастіе „играющихъ“ согласуется съ *verbum finitum*—„видимъ“, а формами падежа и числа съ словомъ — „мальчиковъ“. Если отъ причастія отнять признаки падежа и числа, то-есть, лишитъ его способности согласоваться флексивно съ опредѣляемымъ имъ именемъ, то у него останется способность согласоваться только съ личнымъ глаголомъ признаками: временемъ, видомъ и залогомъ. А по отнятіи отъ причастія признаковъ: числа и падежа, у него останутся признаки: время, видъ и залогъ, съ каковыми признаками является дѣепричастіе, то-есть, дѣепричастіе согласуется только съ личнымъ глаголомъ. Въ

предложеніи: „прочитавши книгу, онъ сказалъ“... дѣепричастіе имѣетъ согласованіе только съ личнымъ глаголомъ „сказалъ“ и притомъ признакамъ: временемъ, видомъ и залогомъ. Самое согласованіе: причастія—1) съ *verbum finitum*, 2) съ опредѣляемымъ имъ именемъ существительнымъ, а дѣепричастія—только съ *verbum finitum* показываетъ, что понятія, выражаемыя этими формами (то-есть, причастіями и дѣепричастіями), суть зависимыя или несамостоятельныя.

Причастія по своему согласованію весьма близки съ именами прилагательными. Синтаксическое различіе между ними слѣдующее: имя прилагательное, означая зависимое понятіе, въ качествѣ опредѣленія согласуется только съ именемъ существительнымъ („умнаго мальчика“, „каменные дома“, „большими толпами“), причастіе же, означая также зависимое понятіе, согласуется, во-первыхъ, съ именемъ существительнымъ („онъ встрѣтилъ бѣгающихъ дѣтей“; причастіе: „бѣгающихъ“ въ родѣ, числѣ и падежѣ согласовано съ существительнымъ „дѣтей“), во-вторыхъ, съ личнымъ глаголомъ (причастіе „бѣгающихъ“ согласовано съ *verbum finitum* „встрѣтилъ“ во времени, видѣ, залогѣ). Когда мы говоримъ, что причастіе согласуется съ *verbum finitum* во времени, видѣ, залогѣ, то подъ этимъ должно разумѣть не то, что причастіе имѣетъ въ предложеніи то-же время, тотъ-же залогъ, тотъ-же видъ, что и личный глаголь, а то, что причастіе приспособляется къ личному глаголу и для показанія, что оно изображаетъ зависимое глагольное понятіе одновременнымъ съ самостоятельнымъ глагольнымъ понятіемъ или предшествовавшимъ, продолжавшимся или мгновеннымъ, активнымъ или пассивнымъ, принимаетъ, сообразно этому, ту или другую форму, то-есть ставится въ настоящемъ или прошедшемъ времени, совершенномъ или несовершенномъ видѣ, дѣйствительномъ или страдательномъ залогѣ. Дѣепричастія же, означая зависимыя понятія, согласуются только съ *verbum finitum* и притомъ буквально такъ же, какъ и причастія. Такимъ образомъ причастіе въ предложеніи согласуется съ личнымъ глаголомъ и опредѣляемымъ имъ именемъ существительнымъ, имя прилагательное—только съ именемъ существительнымъ, къ которому оно относится, дѣепричастіе—только съ личнымъ глаголомъ. Причастія и дѣепричастія мы считаемъ самостоятельными разрядами словъ.

Нашъ взглядъ на значеніе глагола мы завершимъ вопросомъ: какое понятіе выражаетъ неопредѣленное наклоненіе? Синтаксическій разборъ предложеній показываетъ, что инфинитивъ имѣетъ только одинъ залогъ при формальномъ личномъ глаголѣ: „буду считать“,

„буду считаться“, но нельзя сказать: „буду счесть“, „буду счесться“, залогъ и видъ—при вещественномъ личномъ глаголѣ: „пришелъ купить“, „пришелъ выкупать“, „пришелъ купаться“, „пришелъ выкупаться“. Такимъ образомъ, *infinitivus* не всегда является съ одними и тѣми же формальными признаками въ предложениі. Но во всякомъ случаѣ въ немъ нѣтъ признака времени, и въ этомъ отношеніи дѣе-причастіе въ предложениі важнѣе неопредѣленнаго наклоненія. Если причастіе и дѣе-причастіе выражаютъ зависимыя понятія, то инфинитивъ, благодаря двумъ, а иногда—одному формальному признаку, тѣмъ болѣе выражаетъ зависимое понятіе. Въ предложениі: „хотѣлъ видѣть“ инфинитивъ „видѣть“ согласованъ съ *verbum finitum* „хотѣлъ“ посредствомъ вида и залога. Согласованіе неопредѣленнаго наклоненія съ личнымъ вещественнымъ глаголомъ посредствомъ вида и залога означаютъ не то, что неопредѣленное наклоненіе имѣетъ тотъ-же видъ и тотъ-же залогъ, что и личный глаголъ, а то, что оно (то-есть неопредѣленное наклоненіе) приспосаблиется къ личному глаголу для выраженія зависимаго понятія; инфинитивъ изображаетъ зависимое понятіе мгновеннымъ или продолжающимся по отношенію къ независимому глагольному понятію, выражаемому формою *verbi finiti*, а также—пассивнымъ или активнымъ. Во многихъ глаголахъ форма инфинитива является тождественною съ формою имени существительнаго женскаго рода; таковы: инфинитивъ—„течь“ и существительное имя „течь“; инфинитивы: „печь“, „мочь“, „напасть“ и проч. и существительныя: „печь“, „мочь“, „напасть“ и проч. тождественны по формѣ, но не по значенію. Неопредѣленное наклоненіе „печь“ имѣетъ окончаніе „ть“ и глагольные (а не именныя) признаки: видъ и залогъ при вещественномъ личномъ глаголѣ и одинъ только залогъ при формальномъ личномъ глаголѣ; существительное имя—„печь“ имѣетъ окончаніе „ь“ и способность къ склоненію. Изъ сказаннаго видно, что ходячее школьное названіе инфинитива, какъ существительной формы глагола, есть крупное заблужденіе. Существительное „печь“ есть самостоятельное или независимое понятіе или, выражаясь вещественнымъ языкомъ, оно обозначаетъ предметъ; въ предложениі: „печь топится“ самостоятельность понятія выражается предметно. Инфинитивъ „печь“ есть зависимое вербальное понятіе, заключающее въ себѣ признаки продолжительности или мгновенности и активности или пассивности при вещественномъ личномъ глаголѣ, то-есть, имѣющее въ себѣ видъ и залогъ: „она собралась печь хлѣбъ“. Неопредѣленное наклоненіе „печь“ есть не предметъ и не самостоятельное понятіе,

же относится къ слову „толкъ“ и отвѣчаетъ на вопросъ: какъ? (какъ толкнула?—тихохонько). Хотя слова: „медвѣдя“, „ногой“ суть не главныя, а второстепенныя части предложенія, однако они выражаютъ самостоятельныя понятія. Во всякомъ предложеніи подлежащее и сказуемое взаимодействуютъ, какъ по формѣ, именно—по флексивному согласованію, такъ и по значенію, образуя собою творческій актъ мышленія. Въ предложеніи, какъ подлежащее относится къ сказуемому, такъ и сказуемое относится къ подлежащему, иначе говоря—подлежащее и сказуемое взаимно согласуются. Нельзя того же сказать про дополненіе. Въ предложеніи: „мартышка толкнула медвѣдя“ дополненіе „медвѣдя“ играетъ слѣдующую роль: оно относится къ сказуемому, точнѣе опредѣляя—а) содержаніе его—своимъ значеніемъ, б) форму его—формой винительнаго падежа; словомъ, дополненіе „медвѣдя“ играетъ служебную роль въ отношеніи сказуемаго, само же сказуемое ни формою, ни значеніемъ не согласуется съ дополненіемъ. Таково синтаксическое значеніе всякаго дополненія. Обстоятельное же слово или нарѣчіе хотя также относится къ сказуемому, но служебная роль его иная. Въ предложеніи: „мартышка тихохонько толкнула ногою медвѣдя“ обстоятельное слово „тихохонько“ точнѣе опредѣляетъ сказуемое лишь въ отношеніи содержанія, именно—оно опредѣляетъ содержаніе сказуемаго своимъ значеніемъ, но не опредѣляетъ формы сказуемаго своею формою. Въ этомъ все различіе въ синтаксическомъ значеніи между дополненіемъ и обстоятельнымъ словомъ. Если дополненіе опредѣляетъ сказуемое 1) со стороны содержанія—своимъ собственнымъ значеніемъ, 2) со стороны формы—формою своего косвеннаго падежа, то ему и надлежитъ называться опредѣленіемъ. Но это опредѣленіе управляемое, какъ мы выше сказали, должно отличать отъ опредѣленія согласуемаго, относящагося къ имени существительному. Обстоятельное же слово или нарѣчіе, опредѣляющее сказуемое лишь значеніемъ, но не формою, въ отличіе отъ опредѣленія въ истинномъ значеніи этого слова, точнѣе называть не опредѣленіемъ (ибо въ немъ нѣтъ формальнаго опредѣленія), а дополнительнымъ словомъ, какое названіе и будетъ показывать, что рассматриваемое слово не опредѣляетъ сказуемаго по формѣ, а лишь дополняетъ или объясняетъ его содержаніе. Впрочемъ, наша цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы отыскать болѣе удачныя грамматическія термины, а въ томъ, чтобы по возможности раскрыть истинное значеніе, соединяемое съ каждымъ разрядомъ словъ. По нашему

мнѣнію, нарѣчіе есть синтаксическое, но не этимологическое понятіе. Далѣе объ этомъ будетъ говоритья особо.

VII.

Терминъ „предлогъ“ (латинское — *praepositio*, греческое *πρόθεσις*) въ самомъ себѣ содержитъ слѣдующее значеніе: онъ указываетъ, что разсматриваемый разрядъ словъ полагается предъ именами. Дѣйствительно, мѣсто предлоговъ — предъ именами: предлоги „предлежать“ имъ. Но терминъ этотъ внутренняго значенія предлоговъ не указываетъ, а потому подходящимъ считаться не можетъ. Значеніе предлога лучше выяснитъ изъ примѣра. Возьмемъ предложеніе: „книга лежитъ на столѣ“. Здѣсь предлогъ „на“ связываетъ два самостоятельныя понятія: 1) „лежитъ“, 2) „столѣ“. Разнообразные примѣры на употребленіе предлоговъ показываютъ, что они соединяютъ преимущественно глагольное понятіе съ существительнымъ. Если таково значеніе предлога въ предложеніи, то лучше бы ему именоваться внѣшней связью или союзомъ, причемъ терминъ „союзъ“ былъ бы общимъ какъ для предлога, такъ и для союза въ собственномъ смыслѣ. Различіе въ значеніи между предлогомъ и союзомъ—слѣдующее: предлогъ, какъ мы уже говорили, соединяетъ вербальное понятіе съ существительнымъ, союзъ же служитъ связью или нѣсколькихъ существительныхъ, или нѣсколькихъ глаголовъ. Лучшее всего видно это на примѣрахъ. 1) „И пращъ, и стрѣла, и лукавый князь падаютъ побѣдителя годы“. „И радость, и горе они дѣлили пополамъ“. „И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой внимали той пѣснѣ святой“. „Казакъ не хочетъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ни при опасной переправѣ“. „Однажды лебедь, ракъ да щука взяли съ поклажей возъ вози“.—Здѣсь союзы соединяютъ между собою имена существительныя. 2) „Купчина выстроилъ амбары и въ нихъ поклазъ съѣстные всѣ товары“. „Паду-ли я, стрѣлой пронзенный, иль мимо пролетитъ она“. „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“. „Птичка Бога гласу внимлетъ, встрепенется и поетъ“. „Надежды сердца оживи иль сонъ тяжелый перерви“.—Въ приведенныхъ примѣрахъ союзы соединяютъ между собою глаголы. Примѣръ на предлогъ мы уже приводили. Возьмемъ еще слѣдующее предложеніе: „по тропиночкѣ лѣсной ѣхалъ всадникъ“. Здѣсь предлогъ „по“ соединяетъ понятія: 1) „ѣхалъ“, 2) „тропиночкѣ“.

По школьному опредѣленію предлогъ есть такая часть рѣчи, ко-

торая показываетъ отношеніе между предметами. Въ предложеніи: „возъ катится съ горы“ по школьному ученію предлогъ „съ“ показываетъ отношеніе, въ которомъ находится возъ къ горѣ. Въ приведенномъ опредѣленіи крайне неясенъ признакъ „отношеніе“. По нашему мнѣнію, предлогъ „съ“ въ томъ же предложеніи („возъ катится съ горы“) соединяетъ не слово „возъ“ съ словомъ „горы“, а слово „катится“ съ словомъ „горы“. Доказательства истинности такого взгляда на предлогъ суть слѣдующія. Синтаксически слово „горы“, какъ отвѣчающее на вопросъ: съ чего? должно считаться, по принятому ученію грамматики, дополненіемъ къ сказуемому „катится“ или, какъ бы мы сказали, опредѣленіемъ къ этому сказуемому. Косвенный падежъ существительнаго („съ горы“) управляется въ приведенномъ предложеніи глаголомъ „катится“ не непосредственно, а посредствомъ предлога „съ“. Самая зависимость по значенію и формѣ имени существительнаго „горы“ отъ глагола „катится“ показываетъ, что предлогъ „съ“ соединяетъ здѣсь глаголъ съ именемъ существительнымъ. Если бы форма „горы“ зависѣла отъ именительнаго падежа слова „возъ“, тогда возможно было бы сказать, что предлогъ „съ“ соединяетъ понятіе „возъ“ съ понятіемъ „горы“ или что предлогъ „съ“ показываетъ отношеніе между предметами. Предлоги, какъ мы выше сказали, обыкновенно соединяютъ вербальное понятіе съ существительнымъ, рѣже существительное съ существительнымъ: „Полканъ съ барбосомъ лежа грѣлись“, „братъ съ сестрой отправились гулять“, „человѣкъ въ ливреѣ подошелъ къ нему и сказалъ“... Изъ трехъ только что приведенныхъ предложеній въ первыхъ двухъ перевести предлогъ „съ“ на другіе языки, напримѣръ, классическіе, должно союзами: „et“, „καί“, то-есть предлогъ „съ“ въ обоихъ предложеніяхъ равенъ союзу „и“. Въ третьемъ примѣрѣ („человѣкъ въ ливреѣ подошелъ къ нему и сказалъ“) предлогъ „въ“ соединяетъ существительныя: „человѣкъ“, „ливреѣ“.—Изъ смыслѣ предлоговъ, какъ извѣстно, употребляются многія нарѣчія; таковы: „прежде“, „поперекъ“, „мимо“, „подлѣ“, „позади“ и проч. Когда эти слова употребляются безъ существительныхъ („онъ прошелъ мимо“), то они сохраняютъ значеніе нарѣчій; когда же они соединяются съ существительными („онъ прошелъ мимо дома“), то становятся предлогами или, точнѣе,—употребляются предлогамъ. Подобно кореннымъ предлогамъ нарѣчія—предлоги соединяютъ также вербальное понятіе съ существительнымъ, рѣже — существительное съ существительнымъ. Въ выше приведенномъ предложеніи („онъ прошелъ мимо дома“) нарѣчіе - предлогъ

„мимо“ соединяетъ слѣдующія два слова: „прошелъ“, „дома“.—Если предлоги служатъ для соединенія понятій, то лучше и называть ихъ, какъ мы выше сказали, союзами.

VIII.

Относительно союзовъ должно сказать слѣдующее. Въ настоящее время грамматикою они дѣлятся по происхожденію на первообразные, производные и сложные. Первообразные—это союзы въ собственномъ смыслѣ: „а“, „но“; „да“, „же“; „и“, „и“ и проч. Большая же часть союзовъ суть производные, то-есть происходящіе отъ другихъ частей рѣчи; таковы: „лишь“, „пусть“, „пускай“, „хотя“ и т. д.; сложные союзы суть: „потому-что“, „такъ какъ“ и проч. Союзы соединяютъ либо члены одного и того же предложенія („По небу полуночи ангелъ летѣлъ и тихую нѣсню онъ пѣлъ“, „И горе, и радость они дѣлали пододамъ“), либо цѣлыя простыя предложенія между собою („такъ какъ человекъ медвѣдя послабѣ, то и пустынный нашъ скорбѣ, чѣмъ Мишенька, усталъ“). Переходъ въ категорію союзовъ другихъ частей рѣчи сопровождается слѣдующимъ измѣненіемъ ихъ: прежде бывшее значеніе слова уничтожается и оно перестаетъ показывать самостоятельное понятіе; съ внѣшней стороны—слово застываетъ въ извѣстной формѣ. Слова: „хотя“, „пусть“ потому суть союзы, что они 1) не выражаютъ понятій, соединившихся прежде съ глаголами: „хотѣть“, „пустятъ“, 2) заоченѣли въ формахъ: слово „пусть“ въ формѣ повелительнаго наклоненія, слово „хотя“—въ формѣ дѣепричастія. Если сравнить два слова: „стоя“ (но не „стой“) и „хотя“, оба застывшія въ дѣепричастныхъ формахъ, то замѣтимъ слѣдующую разницу между нарѣчіями и союзами, происшедшими отъ другихъ частей рѣчи: нарѣчіе—„стоя“, застывшее въ дѣепричастной формѣ, не перестаетъ выражать понятія, соединяемаго съ глаголомъ „стоять“, союзъ же „хотя“, также застывшій въ дѣепричастной формѣ, уже не воспроизводитъ того понятія, которое прежде соединялось съ глаголомъ „хотѣть“ и съ дѣепричастіемъ „хотя“. Отсюда самъ собою получается слѣдующій важный выводъ: чтобы не смѣшивать нарѣчіи съ союзами, нужно всякій разъ смотрѣть, продолжаетъ ли застывшее слово выражать понятіе или нѣтъ; если съ словомъ, служащимъ для соединенія другихъ словъ, никакого понятія не соединяется, то-есть, если оно не воспроизводитъ никакого понятія, то оно, несомнѣнно, есть союзъ. Въ силу этого обстоятельства непременно должно считать,

союзами слѣдующія слова: „лишь“, „хотя“, „пусть“, „однако“, „что“ (въ отличіе отъ мѣстоименія „что“), „то“, „чтобы“, „впрочемъ“, „потому-что“, „такъ-какъ“, „ежели“, „будто“, „не только—но и“, „дабы“, „напротивъ“, „итакъ“, „если“, „коль“, „такъ-что“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать союзами слѣдующихъ словъ, почти всѣми школьными грамматиками принимаемыхъ за союзы: сперва, во-первыхъ, во-вторыхъ, когда, тогда, потому, посему, какъ-такъ, сколько-столько, прежде-чѣмъ, сначала, послѣ, потомъ, наконецъ. Всѣ эти слова суть нарѣчія. По выше высказанной причинѣ непременно должны считаться союзами слѣдующія слова, всѣми учебниками принимаемыя за нарѣчія: не, де, дескать, молъ, бишь, вѣдь. Слѣдующія слова въ настоящее время стоятъ на переходѣ ихъ изъ нарѣчій въ категорію союзовъ: слѣдовательно, несмотря, притомъ, частью—частію, вишь. Относительно нѣкоторыхъ союзовъ должно сказать особо. Школьною грамматикою рекумендуется правописаніе слова „также“—двойное: 1) „также“, 2) „такъ-же“. Второе правописаніе соблюдается тогда, когда слову „такъ-же“ въ другомъ предложеніи соотвѣтствуетъ слово „какъ“. „Народъ отъ времени такъ-же перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ“. „Ты жилъ,—я также могъ бы жить“. Въ первомъ примѣрѣ—правописаніе „такъ-же“, во второмъ „также“. Правописаніе въ указанныхъ случаяхъ различается совершенно основательно. Ошибка же школьной грамматики въ данномъ случаѣ заключается въ слѣдующемъ: слово: „такъ-же“ есть нарѣчіе, а слово „также“—союзъ, между тѣмъ какъ по общепринятому мнѣнію слово „также“ въ обоихъ правописаніяхъ считается союзомъ. Слово „такъ-же“ выражаетъ понятіе (такъ-же“, то-есть, такъ именно), слово же „также“ понятіи не выражаетъ. Союзы: „потому-что“, „такъ-что“, „такъ-какъ“ суть двойные. Иногда они раздѣляются, то-есть первое слово („потому“) ставится въ одномъ предложеніи, второе (—„что“) — въ другомъ. Можно сказать двойко: „онъ не былъ потому, что былъ боленъ“, или-же: „онъ не былъ, потому-что былъ боленъ“. Въ первомъ случаѣ („потому, что“) слово „потому“ есть нарѣчіе, а во второмъ („потому-что“) слово „потому“ вмѣстѣ съ словомъ „что“ есть сложный союзъ. Подобнымъ образомъ, если союзы: „такъ-что“, „такъ-какъ“ раздѣляются по предложеніямъ, то-есть, если въ первомъ предложеніи находится слово „такъ“, а во второмъ слово—„что“ или слово—„какъ“, то слово „такъ“, какъ выражающее понятіе, должно считаться нарѣчіемъ. Двойко должны писаться слѣдующія слова: „тоже“, „зато“. При слитномъ правописаніи они суть союзы, ибо не

выражаютъ понятій, при раздѣльномъ („то же“, „за то“) слово „то“ есть мѣстоименіе. „Въ одно слово! я самъ то же думалъ“. „Всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ“. Въ первомъ изъ приведенныхъ примѣровъ слово „то“ („то же“) есть мѣстоименіе, во второмъ—слово „тоже“ есть союзъ. „Хоть лишнихъ денегъ не бываетъ, зато нѣтъ лишнихъ и затѣй“. „Бога и за то, что есть, благодарю“. Въ первомъ примѣрѣ слово—„зато“ есть союзъ, а во второмъ—слово „то“ есть мѣстоименіе, стоящее въ винительномъ надежѣ единственнаго числа средняго рода. Выше мы приводили такіе примѣры, гдѣ союзы, въ одномъ слитномъ предложеніи, соединяють 1) существительныя съ существительными, 2) глаголы съ глаголами. Союзы, происходящіе отъ другихъ частей рѣчи: „чтобы“, „хотя“, „пусть“, „лишь“, „однако“ и проч. обыкновенно соединяють между собою два предложенія: „Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ“. Въ этомъ сложно-составномъ предложеніи главное съ придаточнымъ связано союзомъ „чтобы“. Но этотъ союзъ, находясь въ придаточномъ предложеніи, тѣсно соединенъ также съ словомъ „сообщить“. „Пусть такъ, но все признаться должно, что огурецъ не грѣхъ за диво счесть, въ которомъ двумъ усѣться можно“. Здѣсь первое предложеніе со вторымъ связано союзами: „пусть“, „но“; но союзъ „пусть“ въ первомъ предложеніи, кромѣ того, тѣсно связанъ съ опущеннымъ словомъ „есть“, а союзъ „но“ во второмъ предложеніи съ словами: „должно есть“.

IX.

Намъ остается рассмотретьъ послѣднюю часть рѣчи, именно—междометіе. По школьному опредѣленію междометіе есть слово, означающее восклицаніе и выражающее чувства и вообще движенія души. Терминъ этотъ есть переводъ латинскаго слова—*interjectio*. Междометія въ предложеніи не имѣютъ никакой грамматической связи съ другими словами; служба ихъ обыкновенно состоитъ въ томъ, чтобы или усиливать восклицаніе или придавать оттѣнокъ личнаго чувства тѣмъ словамъ, къ которымъ они относятся. „Ахъ ты, обжора! Ахъ—злудѣй!“ „Ахти какой позоръ!“ „О дружба, это ты!“ Въ приведенныхъ примѣрахъ междометія, стоя при восклицательныхъ словахъ, лишь усиливаютъ восклицаніе; безъ междометій восклицанія были бы менѣе сильны. „Ушица, ей-же-ей, на славу сварена“. „Да, чу, я поронъ прокричалъ“. Въ этихъ примѣрахъ междометія замѣняютъ со-

бою слѣдующія слова: „право“ или „увѣряю“ въ первомъ примѣрѣ, „слушай“— во второмъ. Въ обоихъ предложеніяхъ междометія придаютъ смыслу оттѣнокъ чувства. Такъ какъ междометія не выражаютъ понятій и не имѣютъ никакой грамматической связи съ другими словами предложенія, конечно, за исключеніемъ междометій отглагольныхъ, то они, какъ матеріалъ въ рѣчи, являются самымъ малозначительнымъ разрядомъ словъ.

Что такое значеніе слова въ предложеніи? Живая рѣчь, соответствуя мысли, служитъ ей формою. Но эта форма обнаруживаетъ жизнь не грамматическими только свойствами, но и внутреннимъ значеніемъ, соединяемымъ съ каждымъ отдѣльнымъ словомъ или съ комбинаціей словъ въ цѣлой рѣчи. Слово обнаруживаетъ жизнь въ цѣлой рѣчи. Есть слова, не выражающія никакого понятія,—таковы предлоги и союзы: они въ предложеніи все-таки имѣютъ значеніе. Когда мы хотимъ опредѣлить значеніе слова въ предложеніи, то должны разумѣть не только такое слово, которое выражаетъ понятіе, но и такое, которое не можетъ выразить понятія. Значеніе слова въ предложеніи есть отношеніе этого слова къ другому или другимъ словамъ. Вънѣ этого отношенія нѣтъ значенія слова. Форма слова въ такъ называемыхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи есть наружное выраженіе этого отношенія. Въ двучленномъ предложеніи: „вода течетъ“ каждое изъ словъ по своему значенію въ предложеніи можетъ быть опредѣлено только отношеніемъ этого слова къ другому; форма же этихъ словъ есть внѣшнее выраженіе этого отношенія. Знаменательность словъ порознь („вода течетъ“) заключается въ воспроизведеніи каждымъ изъ нихъ соответствующаго самостоятельнаго понятія, служебность же ихъ состоитъ, во-первыхъ, во внутреннемъ взаимномъ отношеніи, во-вторыхъ, во флексивномъ согласованіи. Изъ сколькихъ бы отдѣльныхъ словъ ни состояло простое предложеніе, значеніе всѣхъ ихъ (то-есть словъ) непремѣнно опредѣляется ихъ взаимнымъ отношеніемъ—какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что части рѣчи, какъ измѣняемая, такъ и неизмѣняемая имѣютъ въ предложеніи значеніе и несутъ соответственную службу. Этимологически, какъ мы видѣли, части рѣчи выражаютъ: однѣ—независимыя понятія, другія—зависимыя понятія, третьи—служатъ связью независимыхъ и зависимыхъ понятій; синтаксически же части рѣчи выражаютъ отношеніе однихъ понятій къ другимъ, комбинацію или ассоціацію ихъ. Грамматика имѣетъ термины только для такихъ чле-

новъ предложеній, которыя выражаютъ какія-нибудь понятія. Термины: „знаменательная“, „служебная“ часть рѣчи указываютъ преимущественно на этимологическое значеніе ихъ.

Мы разсмотрѣли значеніе—а) частей рѣчи, б) словъ въ предложеніи. Теперь спрашивается: какія слова суть знаменательныя и какія суть служебныя части рѣчи?—Слово „знаменуемый“ впервые встрѣчается въ „Грамматикѣ доброглаголиваго еллино-словенскаго языка“, изданной въ Львовѣ въ 1591 году; въ ней говорится, что существительное „имя есть часть слова склоняема, существо свойственно или общее знаменуема (σημαῖνον)“. Здѣсь понятіе „знаменуема“ совершенно равнозначительно современному русскому понятію „означающая“; поэтому знаменательное слово есть такая часть рѣчи, которая имѣетъ значеніе. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ частей рѣчи видно, что онѣ непремѣнно имѣютъ какое-нибудь значеніе; безъ значенія частей рѣчи совсѣмъ нѣтъ: однѣ части рѣчи выражаютъ понятія, другія служатъ связью, третьи (междометіе) означаютъ восклицаніе. На ряду съ терминомъ „знаменательный“ въ современныхъ ¹⁾ грамматикахъ стоитъ терминъ „служебный“. Служебныя части рѣчи, очевидно, суть противоположныя знаменательнымъ. Но такъ какъ опредѣленно никѣмъ не указывается, какія именно слова—знаменательныя, то также трудно опредѣлить, какія слова въ рѣчи суть служебныя. Мы уже говорили, что всѣ части рѣчи имѣютъ значеніе и въ этомъ смыслѣ всѣ онѣ знаменательны. А такъ какъ въ рѣчи нѣтъ и быть не можетъ такихъ словъ, которыя бы не несли соотвѣтствующей ихъ значенію службы, то справедливо, повидимому, всѣ части рѣчи считать и служебными. Затрудненіе въ раздѣленіи словъ на двѣ категоріи происходитъ именно потому, что понятія: „знаменательная“ и „служебная“ часть рѣчи недостаточно опредѣленны, ибо сами по себѣ они не указываютъ той внутренней или духовной сущности, которая бы отличала ихъ другъ отъ друга.

При дѣленіи понятій на соподчиненныя всегда берется во вниманіе признакъ или основаніе дѣленія. Что же служить признакомъ или основаніемъ для дѣленія словъ на „знаменательныя“ и „служебныя“? Мы уже говорили, что понятіе „знаменательный“ касается значенія, содержащагося въ словѣ; понятіе же „служебный“ касается, какъ формы, такъ и значенія. Если подъ знаменательностью слова разу-

¹⁾ Въ грамматикѣ Востокова (С.-Пб. 1831 г.) дѣленія частей рѣчи на знаменательныя и служебныя нѣтъ.

мѣтъ способность его выражать понятіе вообще, то служебными словами должно считать такія, которыя понятій выражать не могутъ. Спрашивается: какія части рѣчи могутъ выражать понятіе вообще и какія не могутъ?—Такъ какъ предлогамъ (напр. въ, съ, отъ, до, къ) и союзамъ (но, а, и, же, да, если) не соответствуютъ никакія понятія, которыя бы ими выражались, то эти двѣ части рѣчи, по-видимому, и должно считать служебными. Тогда остальные части рѣчи будутъ относиться къ знаменательнымъ и признакомъ дѣленія словъ будетъ служить способность или неспособность словъ къ выраженію понятій.

Мы говорили, что однѣ части рѣчи выражаютъ понятія, другія нѣтъ. Къ первой категоріи относятся: существительное, прилагательное, числительное, мѣстоименіе, личный глаголъ, причастіе, дѣе-причастіе, инфинитивъ, нарѣчіе; ко второй—предлоги и союзы. Мы не упоминаемъ о междометіяхъ, ибо они стоятъ внѣ грамматической связи съ другими словами предложенія. Выше мы говорили, что мѣстоименія способны выражать понятія, какъ независимыя, такъ и зависимыя; но въ томъ и другомъ случаѣ мѣстоименія служатъ замѣною другихъ частей рѣчи: существительнаго, прилагательнаго, причастія, числительнаго. Что бы ни служило основаніемъ для дѣленія словъ, на знаменательныя и служебныя, мѣстоименія не должны подлежать этому дѣленію, какъ часть рѣчи, исключительно служащая замѣною другихъ частей рѣчи. Мѣстоименія есть самостоятельный разрядъ словъ и ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать особою частью рѣчи. Гораздо точнѣе было бы разсматривать въ школьныхъ учебникахъ мѣстоименія, во-первыхъ, послѣ имени существительнаго, именно, тѣ мѣстоименія, которыя замѣняютъ имена существительныя, во-вторыхъ, послѣ прилагательныхъ и причастій—мѣстоименія, замѣняющія имена прилагательныя и причастія, въ-третьихъ, послѣ числительныхъ—мѣстоименія, ставящіяся вмѣсто числительныхъ. Если же въ школьныхъ грамматикахъ мѣстоименія разсматриваются особо отъ другихъ разрядовъ словъ, то это дѣлается только для удобства учащихся, но въ ущербъ точности. Считать мѣстоименія самостоятельной частью рѣчи и вводить ихъ, при дѣленіи всѣхъ частей рѣчи на знаменательныя и служебныя, въ одну изъ этихъ категорій, это—все равно, что считать всякаго помощника равнымъ лицу независимому или самостоятельному, а не исполняющимъ только временно обязанности послѣдняго или помогающимъ ему.

Относительно нарѣчій должно сказать слѣдующее: всѣ они (то-есть

нарѣчія) образовались изъ окоченѣвшихъ падежей: 1) именъ существительныхъ, 2) прилагательныхъ, 3) числительныхъ, 4) мѣстоименій, 5) дѣепричастій. Нарѣчія представляютъ собою смѣшанный разрядъ словъ; они показываютъ, какъ самостоятельныя, такъ и зависимыя понятія, но въ застывшей словесной формѣ. Такъ какъ понятія, выражаемыя нарѣчіями, принадлежать другимъ, только что перечисленнымъ частямъ рѣчи, порознь уже рассмотрѣннымъ нами выше, то въ силу одного этого обстоятельства относить нарѣчіе ни къ знаменательнымъ, ни къ служебнымъ частямъ рѣчи не слѣдуетъ. Далѣе, мы уже видѣли, что нарѣчіе есть понятіе синтаксическое, а не этимологическое. Объяснимъ это. Нарѣчіе въ предложеніи функционируетъ, такъ какъ оно непосредственно относится къ глаголу. Дѣятельность нарѣчія въ предложеніи совершается, не смотря на застывшую или окоченѣвшую его форму. Съ этимологической же точки зрѣнія всякое нарѣчіе и его корень суть заимствованные и застывшая форма нарѣчія есть признакъ не какой-либо его синтаксической роли, а этимологической несамостоятельности и безжизненности. Нарѣчіе составляетъ въ предложеніи особый членъ, то-есть имѣетъ самостоятельное синтаксическое значеніе; но этимологически нарѣчія не составляютъ самостоятельнаго разряда словъ: ихъ природа не своя, но наследованная отъ другихъ частей рѣчи. Въ предложеніи: „онъ сидитъ дома“ послѣднее слово (то-есть „дома“) имѣетъ синтаксическое значеніе, какъ обстоятельственное слово или, какъ бы мы сказали, дополнительное слово къ глаголу „сидитъ“; этимологически же слово „дома“ есть застывшая форма, выражающая существительное понятіе „домъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что нарѣчіе есть синтаксическое, но не этимологическое понятіе. — Остальныя части рѣчи: имя существительное, личный глаголь, прилагательное, причастіе, дѣепричастіе, инфинитивъ, числительное 1) способны выражать синтаксическое понятіе, 2) имѣютъ свою собственную этимологическую природу. Если мѣстоименіе и нарѣчіе должны быть изъяты изъ дѣленія словъ на знаменательныя и служебныя, то частями рѣчи, выражающими понятія, останутся: имя существительное, личный глаголь, прилагательное, числительное, причастіе, дѣепричастіе и инфинитивъ, а частями рѣчи, не выражающими понятій, будутъ: предлогъ и союзъ.

Возможность такого дѣленія словъ предвидѣлъ еще Гречъ. Въ своей „Русской грамматикѣ“, изд. 1827 года, онъ говоритъ (стр. 24): „Всѣ слова русскаго языка могутъ быть раздѣлены слѣдующимъ образомъ:

I. *Части рѣчи*: 1) имена существительныя.

2) Имена качественныя.

а) Имена прилагательныя.

б) Причастія.

в) Нарѣчія.

г) Дѣепричастія.

3) Глаголы.

а) Самостоятельныя.

б) Совокупныя.

II. *Частицы рѣчи*.

1) Предлоги.

2) Союзы.

III. *Часть и частица рѣчи*: мѣстоименіе“.

Таково дѣленіе словъ у Греча. Раздѣляя всѣ части рѣчи на три категоріи, онъ не называетъ ихъ ни знаменательными, ни служебными. Находя характернымъ приведенное дѣленіе, мы признаемъ ошибочнымъ взглядъ Греча 1) на предлоги и союзы: они, по его мнѣнію („Русск. грам.“, стр. 25), выражаютъ понятіе, подобно другимъ частямъ рѣчи; между тѣмъ изъ нашего разсмотрѣнія значенія частей рѣчи ясно видно, что предлоги и союзы служатъ лишь для соединенія самостоятельныхъ и зависящихъ понятій; 2) на мѣстоименія и нарѣчія, которыя по Гречу составляютъ самостоятельныя разряды словъ.

Мы говорили, что мѣстоименія и нарѣчія должны быть исключены изъ дѣленія частей рѣчи на знаменательныя и служебныя. Въ большинствѣ школьныхъ грамматикъ причастія и дѣепричастія разсматриваются, какъ дополнительный отдѣлъ къ глаголу, а инфинитивъ считается началомъ глагола. Мы уже сказали, что причастія имѣютъ глагольныя и именныя свойства, дѣепричастія же и инфинитивъ — только глагольныя свойства. Хотя въ причастіяхъ флексивное согласованіе съ именемъ существительнымъ значительно сближаетъ ихъ съ именами прилагательными, а дѣепричастія и неопредѣленное наклоненіе имѣютъ одни только глагольныя свойства, по точнѣе ихъ разсматривать, какъ особыя части рѣчи.

Цельзя-ли признакомъ дѣленія словъ на категоріи взять самостоятельность или независимость понятій? — Тогда одиѣ части рѣчи будутъ составлять категорію словъ, выражающихъ самостоятельное понятіе, другія — категорію словъ, не имѣющихъ самостоятельнаго понятія. Къ первому разряду будутъ принадлежать лишь имя суще-

ствительное, личный глаголь, многія числительныя количественныя, ко второму остальные части рѣчи. Во многихъ современныхъ школьныхъ грамматикахъ къ знаменательнымъ частямъ рѣчи отнесены упомянутые три разряда (существительное, глаголь, числительное), выражающіе самостоятельныя понятія. Къ служебнымъ же частямъ рѣчи относятся остальные разряды, преимущественно: предлогъ, союзъ и имя прилагательное. При такомъ дѣленіи соединяются въ одну категорию служебныхъ частей рѣчи, съ одной стороны, слова, имѣющія записныя понятія (прилагательныя, причастія, дѣепричастія, инфинитивъ и числительныя порядковыя), съ другой—слова, не выражающія никакого понятія, но служащія единственно для соединенія другихъ словъ; таковы: предлогъ и союзъ. Такъ какъ при приведенномъ дѣленіи служебный разрядъ словъ не имѣетъ единства въ значеніи, а представляетъ собою смѣшанную категорию словъ, то мы предпочитаемъ первое, вышеприведенное нами дѣленіе словъ по признаку „понятіе“.

Мы привели два примѣрныхъ дѣленія частей рѣчи на знаменательныя и служебныя: по первому дѣленію знаменательными называются части рѣчи, выражающія понятіе вообще, по второму — знаменательныя суть слова, выражающія лишь самостоятельныя или независимыя понятія; точно также служебными, по первому дѣленію, называются такія части рѣчи, которыя не выражаютъ понятій, а по второму—такія, которыя не выражаютъ самостоятельныхъ понятій.

Внѣшнимъ признакомъ дѣленія можетъ служить способность или неспособность словъ къ измѣненію. По такому дѣленію къ знаменательнымъ должно отнести измѣняемыя части рѣчи, то-есть существительное, прилагательное, причастіе, дѣепричастіе, инфинитивъ, числительное, личный глаголь, къ служебнымъ же — неизмѣняемыя: предлогъ, союзъ.

Которое изъ приведенныхъ нами дѣленій болѣе соответствуетъ понятіямъ: 1) „знаменательныя“ и 2) „служебныя“ части рѣчи? — Другими словами: какое значеніе соединять съ знаменательными и какое — съ служебными словами въ рѣчи? — Прежде, чѣмъ отвѣчать окончательно на этотъ вопросъ, повторимъ коротко о значеніяхъ частей рѣчи. Мы уже говорили, что существительныя имена выражаютъ самостоятельныя или независимыя понятія; но выраженіе самостоятельныхъ понятій посредствомъ существительныхъ иное, чѣмъ посредствомъ глаголовъ, а также многихъ числительныхъ: глаголь изображаетъ самостоятельное понятіе конкретно или наглядно, то-есть

въ видѣ актовъ дѣйствій, тогда какъ существительное изображаетъ то же самое абстрактно или отвлеченно, или, выражаясь вещественнымъ языкомъ, предметно; отличие же существительныхъ отъ именъ числительныхъ—такое: тогда какъ первыя (то-есть существительныя) показываютъ или выражаютъ понятія предметно, причемъ существительныя могутъ выражать предметно и понятія числа, но только неопредѣленнаго (сумма, масса, множество, число, количество, часть), имена же числительныя, именно — количественныя, означаютъ число или количество—только опредѣленное (3, 7, 9, 15, 25, 47, 50 и проч.). Имена прилагательныя, причастія, дѣепричастія, инфинитивъ, а также числительныя порядковыя и количественныя (исключая слово „одинъ“) въ косвенныхъ падежахъ выражаютъ зависимыя или несамостоятельныя понятія, то-есть такія, которыя относятся къ самостоятельнымъ понятіямъ и служатъ для нихъ только признакомъ. Мѣстоименія, какъ мы уже видѣли, служатъ замѣною для существительныхъ, прилагательныхъ, причастій и числительныхъ; поэтому въ разсматриваемой части рѣчи есть слова съ самостоятельнымъ и зависимымъ понятіемъ. Мѣстоименія, при дѣленіи частей рѣчи по значенію на категоріи, не должно принимать въ соображеніе, потому что эта часть рѣчи исключительно замѣняетъ или стоитъ вмѣсто другихъ. Нарѣчія, происходящія отъ прилагательныхъ и числительныхъ, выражаютъ понятія, соответствующія этимъ частямъ рѣчи; происходящія же отъ мѣстоименныхъ корней, подобно самимъ мѣстоименіямъ, служатъ замѣною другихъ словъ. Какъ и мѣстоименія, нарѣчія, при дѣленіи словъ по значенію на категоріи, принимать въ соображеніе также не слѣдуетъ.—Предлоги и союзы служатъ для соединенія самостоятельныхъ понятій.—Дѣленію на категорію, какъ мы уже говорили, по значенію могутъ подлежать слѣдующія части рѣчи: 1) имя существительное, 2) прилагательное, 3) причастіе, 4) имя числительное, 5) личный глаголъ, 6) дѣепричастіе, 7) инфинитивъ, 8) предлогъ, 9) союзъ. Изъ этихъ разрядовъ словъ два послѣдніе, то-есть предлогъ и союзъ, понятій совсѣмъ не выражаютъ. Мы называемъ ихъ соединительными или союзными словами. Изъ остальныхъ же разрядовъ словъ явственно выдѣляются по своему значенію 1) имена существительныя, 2) личные глаголы и 3) числительныя количественныя (исключая числительное—„одинъ“) вмѣстѣ съ дробными и собирательными; эти слова выражаютъ самостоятельныя или независимыя понятія; остальные же части рѣчи выражаютъ зависимыя понятія. Такимъ образомъ мы дѣлимъ всѣ части рѣчи на три категоріи: первая и главнѣйшая кате-

горія — это части рѣчи съ самостоятельными понятіями, вторая—это слова, выражающія зависимыя понятія, третья категория—это союзныя слова. Подобно тому, какъ въ предложеніи различаются главные и второстепенные члены, также точно слѣдуетъ называть и части рѣчи — главными и второстепенными; главные части рѣчи суть тѣ, которыя выражаютъ самостоятельныя понятія, второстепенныя — тѣ, которыя выражаютъ зависимыя понятія. Подобно тому, какъ въ синтаксическомъ отношеніи предлоги и союзы не именуется никакими частями предложенія—ни главными, ни второстепенными, также точно этимологически предлоги и союзы не принадлежатъ ни къ главнымъ, ни къ второстепеннымъ частямъ рѣчи: они суть соединительныя или союзныя слова. Мы называемъ знаменательными тѣ части рѣчи, которыя выражаютъ самостоятельное понятіе, служебными же (то-есть незнаменательными) тѣ, которыя выражаютъ зависимое понятіе; предлогъ и союзъ и при этихъ терминахъ должны составить особую категорию—соединительныхъ словъ. Вводя термины: „знаменательный“, „служебный“ для названія частей рѣчи, непременно должно и части предложенія, вмѣсто главныхъ и второстепенныхъ, называть также знаменательными и служебными. Мы не отождествляемъ, но лишь уподобляемъ, насколько возможно, части рѣчи частямъ предложенія, по семасіологическому значенію тѣхъ и другихъ.

Здѣсь надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: изъ частей рѣчи, выражающихъ самостоятельное или независимое понятіе: имени существительнаго, личнаго глагола и числительныхъ количественныхъ, первые два разряда, то-есть существительное и глаголъ, способны, какъ мы видѣли, переходить въ другія части рѣчи. Такъ, существительныя, теряя способность къ флексивному измѣненію и застывая въ какомъ-нибудь косвенномъ надежѣ, переходятъ въ категорию нарѣчій. Таковы нарѣчія: дома, внаймы, сзади, сначала, напримѣръ, впотьмахъ и прочія. Глаголы же съ потерю способности къ измѣненію, переходятъ преимущественно въ союзы. Таковы союзы: дабы, вѣдь, хотя, если, бы и прочіе. Если сравнить два предложенія: а) онъ сидитъ дома, б) онъ находится около дома, то замѣтимъ слѣдующую разницу между нарѣчіемъ „дома“ въ первомъ предложеніи и существительнымъ „дома“ во второмъ предложеніи: тогда какъ нарѣчіе выражаетъ самостоятельное понятіе въ застывшей словесной формѣ, существительное имя выражаетъ то же самое въ измѣняемой или активной формѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что нарѣчія, образовавшіяся изъ косвенныхъ надежъ именъ существительныхъ,

не перестаютъ выражать самостоятельныхъ или независимыхъ понятій; но зато способъ выраженія этихъ понятій посредствомъ существительныхъ—иной, чѣмъ посредствомъ нарѣчій.

Обратимся къ глаголу. Мы говорили, что съ потерю способности къ измѣненію глаголы переходятъ въ союзы, напримѣръ, — „бы, дабы, вѣдь“ и прочіе. Если изъ семасіологическаго разсмотрѣнія союзовъ ¹⁾ вообще видно, что они, какъ и предлоги, служатъ только для соединенія словъ, но не выражаютъ ни самостоятельнаго, ни зависимаго понятія, то справедливо то же самое заключить и о союзахъ, имѣющихъ глагольный корень. Сравнивая дѣепричастіе „хотя“ и союзъ „хотя“ по значенію ихъ въ предложеніи [а] „хотя видѣть Іисуса, онъ забѣжалъ впередъ“, б) „хотя онъ зналъ о происшедшемъ, но не говорилъ никому“], мы увидимъ, что дѣепричастіе сохраняетъ значеніе глагольнаго корня, по союзъ нѣтъ. Мало того, союзъ „хотя“ можетъ быть часто замѣняемъ союзомъ „если“.

Части рѣчи, подлежащія дѣленію на „знаменательныя“ и „служебныя“, мы называемъ глагольными и именными. Именные части рѣчи суть слѣдующія: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагольныя части рѣчи — слѣдующія: личный глаголъ, дѣепричастіе и инфинитивъ. Часть рѣчи, сближающая или соединяющая именное понятіе съ глагольнымъ, есть причастіе.

Мы разсмотрѣли значеніе всѣхъ частей рѣчи; остается сказать только о корняхъ словъ. Изъ предыдущаго видно, что въ русскомъ языкѣ есть много такихъ существительныхъ, корень которыхъ можетъ имѣть и вербальное выраженіе, напримѣръ: видъ — видеть, гость — гостимъ, (по)казъ — показываю, любовь — любилъ, мѣсто — (по)мѣстимъ, мѣта — мѣтите и проч. Съ другой стороны, есть такія существительныя, корень которыхъ уже не имѣетъ глагольной формы, напримѣръ: иго, мужъ, домъ, дерево и проч. Морфологическій анализъ именъ прилагательныхъ показываетъ, что корни ихъ—тѣ же, что и именъ существительныхъ и глаголовъ. Лучше всего это видѣть на примѣрахъ:

громъ—громкій—громить,
мѣта—мѣткій—мѣтишь,
вредъ—вредный—вредилъ,
бой—бойкій—бьемъ,

¹⁾ См. выше о значеніи предлоговъ и союзовъ.

искусъ—искуеный—искуеяся,
 брань—бранный—браниль,
 (по)мощь—мощный—помогаю,
 слава—славный—славимъ,
 вѣра—вѣрный—вѣрю,
 умъ—умный—умѣть,
 миръ—мирный—миришь,
 глубь(яна)—глубокій—углубился,
 темь—темный—(за)тмилъ,
 (с)водь—(с)водный—(с)водилъ,
 (вы)нось—(вы)носливый—(вы)носишь,
 близость—близкій—(с)ближаю,
 знакъ—(дву)значный—значить,
 видъ—видный—вижу,
 судъ—(под)судный—сужу,
 (о)храна—(со)хранный—хранимъ,
 вѣсть—(из)вѣстный—(из)вѣстилъ,
 слѣдъ—(по)слѣдній—(вы)слѣдить и проч.

А такъ какъ весьма многія нарѣчія и союзы заключаютъ въ себѣ тѣ-же самые корни:

- I. ходъ—ходкій—хожу—ходя (нарѣчіе)
 тьма—темный—(за)тмилъ—(в)потьмахъ,
 (за)емъ—(за)емный—(за)нялъ—(вза)имы,
 (у)прекъ—(безу)пречный—упрекнетъ—(во)преки.
 конецъ—(ис)конный—(до)конаетъ—(ис)кони,
 (у)даль—(у)далой—(от)далишь—(на)удалую,
 II. (по)хоть—(о)хотный—хотѣлъ—хотя (союзъ)
 даръ—данный—дасмъ—дабы
 (от)пускъ—(от)пусковой—пустить—пустъ
 (из)лишекъ—лишний—лишялъ—лишь и проч.,

то это обстоятельство приводитъ къ предположенію, что корни языка, давая отъ себя разнородныя части рѣчи, по своему значенію могутъ быть сведены къ немногимъ видамъ. Признаютъ два вида корней въ русскомъ языкѣ: вещественные и формальные, или, какъ нѣкоторые называютъ, глагольные и мѣстоименные. Потехина о корняхъ говоритъ слѣдующее („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, стр. 83): „Устранивши сбивчивое названіе „глагольные корни“, слѣдуетъ назвать такіе (то-есть, глагольные) корни безотносительными, каче-

ственными или объективными, а мѣстоименные—относительными, указательными или субъективными. Различіе корней качественныхъ отъ указательныхъ относится къ глубочайшей древности; но если судить по позднѣйшимъ языкамъ, оно можетъ быть не первобытно. Именно, известны въ разныхъ языкахъ случаи образованія мѣстоименій отъ именъ съ качественными корнями, напримѣръ, нѣмецкое „man“ въ „man spricht“, французское „on“ въ „on parle“; хорутанское „isti“ тотъ, тотъ самый, откуда „taj-isti“, „tist“ тотъ самый. При разсмотрѣніи значенія именъ существительныхъ мы видѣли, что они могутъ выражать и понятіе числа, но только неопредѣленнаго, напримѣръ: количество, сумма, число, счетъ и проч.; названія же опредѣленныхъ чиселъ составляютъ особую категорію словъ—имя числительное. Мы предполагаемъ, что имя числительное составляетъ видъ имени существительнаго, выдѣлившійся въ категорію словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ числа. А такъ какъ корни мѣстоименій отличны отъ глагольно-существительныхъ корней, то вѣроятнымъ становится упомянутое предположеніе, что по значенію корни дѣлятся на двѣ категоріи, изъ которыхъ первую называютъ глагольною или знаменательною, другую—мѣстоименною или служебною. Но каково бы ни было дѣленіе, а также названіе корней словъ, оно (то-есть, дѣленіе и названіе корней) не освобождаетъ изслѣдователя отъ анализа семасіологии каждой части рѣчи. Старинное дѣленіе словъ рѣчи на девять разрядовъ основано на значеніи и формѣ, которыя даютъ жизнь слову. Задачей настоящей статьи было—разсмотрѣть разряды словъ на основаніи ихъ значенія. Какъ мы уже выяснили, части рѣчи слѣдуетъ дѣлить по значенію на три категоріи; первая—это главные части рѣчи (имя существительное, личный глаголь и числительныя количественныя, исключая числительное „одинъ“), вторая—это второстепенныя части рѣчи (имя прилагательное, числительное порядковое, причастіе, дѣепричастіе и неопредѣленное наклоненіе); третья—это такъ называемыя соединительныя или союзныя слова (предлогъ и союзъ). Главныя и второстепенныя части рѣчи можно назвать также знаменательными и служебными.

В. Андреевъ.

ГУБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Въ Московскомъ государствѣ въ XV и XVI вѣкахъ развились до невѣроятной степени разбой. Шайки разбойниковъ бродили по всему пространству Московскаго государства, отмѣчая свой путь грабежами, убійствами и поджогами. Можно сказать, не было уѣзда, волости, въ которые не заглянули бы эти нежеланные гости и не оставили бы десятокъ-другой семействъ обездоленными. Набѣги разбойниковъ производились организованными шайками, по опредѣленному плану; у разбойниковъ были свои власти, были напередъ условленные притоны: станы, пріѣзды; имѣлись подводчики и понаровщики, перекупщики и пріемщики въ поклажу завѣдомо добытаго грабежомъ и разбоемъ имущества и т. п.

Съ этими врагами правоваго порядка во весь московскій періодъ вело борьбу и общество, и государство, но борьбу часто малоуспѣшную. Мѣры, имѣвшія въ виду устраненіе зла, были слишкомъ слабы и въ большинствѣ случаевъ оказывались недѣйствительными, потому что эти мѣры никогда не затрогивали его сущности, не касались корней, причинъ, вызвавшихъ эту общественную болѣзнь. Тяжелыя войны, большіе налоги, состояніе тогдашняго суда и управленія, построенныхъ на системѣ кормленія, наконецъ, развитіе закрѣпощенія крестьянъ—заставляли многихъ „брести розно“, то-есть, бѣжать въ степи или дремучіе лѣса и тамъ, внѣ условій гражданственности, строить собственное благополучіе. Брели розно не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя семьи, деревни, села. Эти то бродяги, отыскивая средства къ жизни и вымещая злобу на своихъ сограж-

данахъ, обязанныхъ ихъ ловить и представлять на судъ, и занимались грабежами и разбоями. Борьба съ бродяжничествомъ и разбоемъ оказывалась часто бесплодной, устранить-же причины бродяжничества и разбойничества Московское государство было не въ силахъ, такъ какъ оно вело борьбу собственно не съ разбоемъ, а съ разбойниками. И эта борьба была продолжительной и упорной, правительство издавало множество указовъ, угрожало страшными муками разбойникамъ, казнило ихъ и гноило въ тюрьмахъ, посылало для поимки ихъ сыщиковъ, создало, наконецъ, цѣлую систему учреждений, извѣстныхъ подъ именемъ губныхъ, но разбойничества все-таки не уничтожило. Это социальное бѣдствіе исчезало постепенно само собою и лишь въ настоящемъ столѣтїи, послѣ цѣлаго ряда великихъ реформъ, съ отмѣной крѣпостнаго права, оно стало достояніемъ исторїи; теперь разбойничество встрѣчается весьма рѣдко, представляя собой уже не организованные походы на мирныхъ гражданъ, а отдѣльные посягательства на имущественную и физическую личность обывателя.

Среди мѣръ, которыя примѣнялись правительствомъ въ борьбѣ съ разбойниками, особый интересъ представляютъ губныя учрежденія. Впервые они были введены въ Московскомъ государствѣ бѣлозерскою и каргопольскою грамотами 23-го октября 1539 года.

Разсмотрѣніе того, при какихъ условїяхъ и какимъ образомъ возникли эти учрежденія, какъ, затѣмъ, институтъ самоуправленія съ системой круговой поруки, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ причинъ и главнымъ образомъ развитія и усиленія центральной власти и параллельно съ этимъ развитія основныхъ началъ уголовного права, измѣнился и пришелъ въ упадокъ,—и составляетъ задачу настоящаго очерка.

По господствующему въ нашей исторической литературѣ мнѣнію, русскій народъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой сохранилось очень мало и при томъ весьма темныхъ извѣстій, жилъ въ союзномъ строю, то-есть представлялъ собою совокупность не отдѣльныхъ физическихъ личностей—индивидовъ, а совокупность автономныхъ родовыхъ союзовъ. Характерныя особенности этого строя заключаются въ томъ, что отдѣльная личность—индивидъ—здѣсь не играетъ никакой роли, стоитъ на заднемъ планѣ; она не имѣетъ никакихъ правъ и не несетъ никакихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого, при господствѣ родового строя, нѣтъ ни индивидуальной собственности, ни индивидуальныхъ обязательствъ, ни даже индивидуальныхъ пре-

ступлений или индивидуальной ответственности. „Одинъ только родовой союзъ, говоритъ г. Собѣстіанскій, является здѣсь носителемъ извѣстныхъ правъ и извѣстныхъ обязанностей“¹⁾. Ирче всего основныя начала родового строя выступаютъ въ кровной мести, направленной обыкновенно противъ цѣлаго родового союза виновника. Если одинъ изъ родичей совершалъ преступленіе противъ чужеродца, то въ такомъ случаѣ лицомъ, отвѣтственнымъ за это преступленіе, былъ не самъ преступникъ, а весь его родъ. Воздаяніе за это преступленіе выражалось въ кровной мести или въ открытой войнѣ одного рода противъ другаго, въ которой уже не было различія между правымъ и виноватымъ; съ теченіемъ времени она должна была уступить мѣсто денежнымъ выкупамъ, которые ложились опять таки на цѣлыя родовые союзы²⁾.

Съ развитіемъ общественной жизни, подъ вліяніемъ наплыва постороннихъ элементовъ въ родовые союзы, послѣдніе теряютъ свой первоначальный характеръ и обращаются въ общины, союзы территориальные, гдѣ связующимъ элементомъ являются уже не узы родства, а отношенія сосѣдства и общинное землевладѣніе³⁾. Однако, съ измѣненіемъ существа союзовъ не измѣнились начала общественной жизни; по прежнему въ юридическихъ отношеніяхъ субъектомъ являлась не отдѣльная личность, а союзъ, конечно, общинный. Общины, подобно родовымъ союзамъ, были союзами свободными, съ самоуправленіемъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая и дѣлъ уголовныхъ⁴⁾. Характерная особенность ихъ заключалась въ институтѣ круговой поруки, разившейся изъ кровной мести, господствовавшей въ родовыхъ союзахъ. Институтъ круговой поруки состоялъ въ общинной отвѣтственности за преступленія, совершенныя членами данной общины по отношенію къ членамъ другой общины: если община не выдавала находящагося въ ея предѣлахъ преступника, она уплачивала въ такомъ случаѣ выкупъ, носившій по всей вѣроятности, какъ и въ эпоху Русской правды, названіе виры.

Съ появленіемъ княжеской власти на Руси, стремившейся подворить, по словамъ лѣтописца, порядокъ въ землѣ Русской, самостоятельность общинъ мало по малу падаетъ⁵⁾. Прежде всего падаетъ самоуправ-

¹⁾ „О круговой поруки“, стр. 61.

²⁾ Ibid. стр. 61.

³⁾ Ibid. стр. 62.

⁴⁾ Соколовскій, *Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, № 5, стр. 7—8.

⁵⁾ Соколовскій, *ibid.*, 1871, № 5, стр. 8.

ство общинъ по дѣламъ уголовнымъ. Княжеская власть признала нѣкоторыя дѣянiя особенно опасными для общественнаго порядка и обложила ихъ уголовными наказанiями (потокъ и разграбленіе). Но такъ какъ въ то время не было института полиціи, то князья и обязали общины ловить и выдавать виновниковъ тѣхъ преступленій, которыя были опредѣлены закономъ того времени. Выдача преступниковъ была не правомъ общинъ, а обязанностью¹⁾, неисполненіе которой влекло за собою дикую виру или продажу, то-есть общинный штрафъ, равнявшійся при убійствѣ 40—80 гривнамъ. Князья обратились къ этой мѣрѣ преслѣдованiя преступленій потому, что она была, какъ мы видѣли, хорошо знакома общинамъ.

Община, несшая во времена Русской правды полицейскія обязанности на началахъ круговой поруки, носила названіе верви²⁾.

Вервь обязана была отыскивать и выдавать преступниковъ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) при предумышленномъ убійствѣ или убійствѣ „на разбон безо всякія свады“, б) при коневой татьбѣ, в) при кражѣ бобровъ и, наконецъ, д) при поджогѣ³⁾. Въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей, вервь, при убійствѣ, отвѣчала передъ княземъ вирой въ 40—80 гривенъ. Какъ великъ былъ штрафъ въ другихъ случаяхъ, изъ постановленій Русской правды не видно.

Вводя намѣстниковъ и волостелей на Руси, князья не создавали при этомъ особыхъ административныхъ округовъ для управленія, а обращались къ существовавшимъ уже естественнымъ территориальнымъ союзамъ. Города съ посадами и тянувшими къ нимъ селами отдавались обыкновенно въ управленіе намѣстниковъ⁴⁾, волости—въ управленіе волостелей⁵⁾. Иногда, впрочемъ, власть намѣстниковъ простиралась и на приписанныя къ городу волости, которыя въ такомъ случаѣ получали названіе стана⁶⁾, потому что въ нихъ стояли тѣмъ и праветчикъ или доводчикъ намѣстника.

Какъ городскія общины, такъ и волости и отдѣльныя села, которыя издавна пользовались самостоятельностью, и въ эпоху намѣст-

¹⁾ Сокольскій, *Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, № 5, стр. 10.

²⁾ Событинскій, О круговой поруцѣ, стр. 117.

³⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія; „Русская Правда“, Карамзинскій списокъ, стр. 5, 31, 80, 97.

⁴⁾ А. А. Э. I, 111, 119, 242.

⁵⁾ А. А. Э. I, 4, 9, 20, 23, 46, 56, 53, 55, 60, 72, 75, 81, 111 и др.

⁶⁾ *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, I. 262—263; ср. А. А. Э. I, 84, 165, 123.

никовъ и волостелей несли тѣ полицейскія обязанности, которыя возложены были на нихъ еще постановленіями Русской правды, и на обязанности общинъ лежали поимка душегубцевъ и доставка ихъ на судъ приказныхъ органовъ, такъ какъ преступленіе убійства въ то время обращало на себя преимущественное вниманіе законодателя; въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей, община отвѣчала передъ намѣстникомъ или волостелемъ денежнымъ штрафомъ или вирой, по величинѣ равнявшейся иногда вирь Русской правды. Эта отвѣтственность общинъ продолжается во весь періодъ намѣстниковъ и волостелей, встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже во второй половинѣ XVI вѣка ¹⁾.

Замѣчательно при этомъ то, что центральная власть, въ интересахъ правосудія, старалась сохранить цѣлость территоріальныхъ общинъ именно относительно ихъ отвѣтственности по дѣламъ уголовнымъ, такъ какъ въ этой отвѣтственности она видѣла мѣру къ пресѣченію преступленій. Вслѣдствіе этого жалованныя грамоты, разрушавшія обыкновенно цѣлость территоріальныхъ союзовъ въ несеніи повинностей частнаго характера, сохраняли цѣлость ихъ въ несеніи повинностей уголовного характера: отдѣльныя села, отдаваемые въ частныя руки, въ большинствѣ случаевъ обязаны были совместно съ другими селами данной общины ловить преступниковъ и отвѣчать предъ приказными органами той долей общиннаго штрафа, которая приходилась имъ по мірской раскладкѣ ²⁾.

Вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ со стороны населенія на злоупотребленія намѣстниковъ и волостелей, объемъ власти ихъ съ теченіемъ времени постепенно ограничивался, но уголовныя дѣла оставались въ ихъ вѣдомствѣ до послѣдняго момента ихъ существованія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ особой привилегіи, центральная власть отдавала уголовный судъ (какъ онъ тогда понимался) въ частныя руки и то преимущественно въ руки духовенства ³⁾.

Въ этомъ стремленіи правительства удержатъ уголовный судъ исключительно въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей нельзя видѣть чисто финансовый взглядъ центральной власти на преступленія, желаніе облагодѣтельствовать кормленщиковъ, какъ это думаютъ гг.

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Хрестоматія, I, 125; А. А. Э. I, 58, 87, 128, 134, 144, 150, 156, 157, 183, 240, 278, 324.

²⁾ А. А. Э. I. 18, 19, 23, 28, 41, 44, 46, 47, 52, 53, 56, 60, 75 и др.

³⁾ *Шалфневъ*. Объ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, 14.

Дмитріевъ и Чичеринъ¹⁾. По справедливому замѣчанію Шалфѣва, изъ того, что намѣстники имѣли исключительно финансовый взглядъ на преступления, вовсе не слѣдуетъ, чтобы и центральная власть относилась къ нимъ такъ-же. Князья ясно сознавали всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія, „чему доказательствомъ служить длинный рядъ жалованныхъ и уставныхъ грамотъ, къ половинѣ XVI вѣка, ограничившихъ намѣстниковъ до того, что въ ихъ рукахъ почти ничего не оставалось. Далѣе, за татьбу, разбой и смертоубійство въ памятникахъ положено высшее наказаніе, чѣмъ за всѣ другія правонарушенія, изъ чего уже видна ихъ важность, а потому о большей или меньшей доходности ихъ не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, сознаніе опасности татьбы разбоя и душегубства для общественнаго спокойствія является изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже въ XIV вѣкѣ судъ по нимъ принадлежалъ самому князю“²⁾. Такимъ образомъ, на сосредоточеніе въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей уголовной юрисдикціи надо смотрѣть, какъ на одну изъ мѣръ правительства въ борьбѣ съ экстензивностью преступленій.

Однако, эта мѣра не дала никакихъ результатовъ, или вѣрнѣе — привела къ печальнымъ результатамъ. Кормленщики не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нихъ правительствомъ, ибо видѣли въ своей должности источникъ наживы, кормленій, отчего и заботы ихъ по охраненію ввѣренной имъ области отъ лихихъ людей были недостаточны. Между тѣмъ преступления и особенно разбой усилились. Правительство, изыскивая мѣры для борьбы съ ними и не надѣясь больше на намѣстниковъ и волостелей, посылало отъ себя время отъ времени сыщиковъ, съ которыми крестьяне обязаны были ходить на обыскъ. Но и эта мѣра не привела къ хорошимъ результатамъ — съ одной стороны потому, что сыщики не находились въ данной мѣстности постоянно, а посылались туда лишь временно, когда это находило нужнымъ правительство, вслѣдствіе усилившихся грабежей и разбоевъ, и съ другой стороны потому, что сами сыщики были не лучше любаго кормленщика, такъ какъ населеніе въ своихъ челобитныхъ жалуется, что „отъ обыщиковъ чинится ему великіе убытки“ и что оно не ходитъ на обыскъ съ ними „для того, что волокита велика“³⁾. И на сыщиковъ посылались со всѣхъ сторонъ

¹⁾ См. *Дмитріевъ*. Исторія судебныхъ инстанцій, 50; *Чичеринъ*, Областные учрежденія въ Россіи XVII вѣка, 20.

²⁾ *Шалфѣвъ*, Объ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, 15—16.

³⁾ *Владимірскій - Будановъ*, Хрестоматія, II. Вѣловская губная грамота.

тѣхъ люд
 вдвое^а 1).
 первыхъ
 губное д
 вешиемъ
 ное учр
 рому гу

На

просит
 надо с
 не пов
 дарст.
 отдат
 ясно
 влас'
 мѣри
 скна
 ціа'
 стн
 этс
 ка
 ра
 в
 р

такъ какъ названное учрежденіе въ это время еще только организовалось. Дѣятельность Разбойнаго приказа проявляется лишь въ томъ, что онъ разсматриваетъ списки избранныхъ губныхъ властей, да разрѣшаетъ сомнительные казусы, встрѣчавшіеся въ судебной практикѣ губныхъ учреждений ¹⁾).

Но такой порядокъ продержался не долго. Онъ возможенъ былъ лишь при началѣ существованія губныхъ учреждений, когда характеръ дѣятельности ихъ не вполне опредѣлился. вмѣстѣ съ развитіемъ законодательства, развивается и губный институтъ въ томъ именно направленіи, какое желательно было для правительства. Подъ вліяніемъ измѣненія основныхъ началъ уголовного права, исчезаетъ мало по малу коллективная отвѣтственность общинъ и въ XVII вѣкѣ окончательно обращается въ личную ²⁾). Полицейскія и судебныя обязанности, лежавшія прежде непосредственно на общинахъ, постепенно закрѣпляются законодательствомъ за губными органами ³⁾). Рядомъ съ этимъ идетъ и болѣе подробное опредѣленіе дѣятельности этихъ органовъ и ихъ отвѣтственности, и совершенная потеря ими, подъ вліяніемъ усиливающейся централизаціи, земскаго значенія. Въ XVII вѣкѣ губныя власти превращаются окончательно въ приказные органы, по крайней мѣрѣ—такое измѣненіе произошло съ представителями губнаго института—губными старостами ⁴⁾). Значеніе и дѣятельность губныхъ цѣловальниковъ, этихъ представителей „мира“ въ уголовной юстиціи, мало по малу суживается и во второй половинѣ XVII вѣка сводится къ нулю, вслѣдствіе чего самое существованіе этихъ органовъ оказывается излишнимъ; они окончательно исчезаютъ въ 1669 г. ⁵⁾). Разбойный приказъ къ концу XVI вѣка окончательно организуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе и яснѣе опредѣляется и его дѣятельность. Онъ стоитъ во главѣ губнаго управленія, наблюдаетъ за правильнымъ отправленіемъ службы губнымъ начальствомъ, вѣдаетъ губныхъ старостъ судомъ и докладываетъ государю дѣла, почему-либо не рѣшенныя губными старостами ⁶⁾).

¹⁾ Бѣлоз. губ. грамота. А. А. Э. I. 194, II.

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія, III. 54—55, пр. 37.

³⁾ А. А. Э. I. 224, 281; Улож. XXI, 5; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія III, стр. 58, пр. 50. *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 110.

⁴⁾ *Ичеришъ*, Областныя учрежденія въ XVII вѣкѣ, 482; *Градовскій*, 108—109; *Дмитрісовъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 54.

⁵⁾ А. А. Э. I. 196, II; 224, 281, 330; Уложение, XXI, 4, 5; Новоулож. статья, 3.

⁶⁾ *Шалфеевъ*, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, стр. 38.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію губныхъ учреждений.

II.

О губномъ округѣ.

Коренной вопросъ въ исторіи губныхъ учреждений есть вопросъ о характерѣ и величинѣ губнаго округа. Какъ великъ былъ этотъ округъ? Что онъ собою представлялъ? Былъ ли онъ естественною единицей, выработанной историческою жизнью русскаго народа, или же представлялъ собою искусственную единицу, созданную административною политикою московскаго правительства? На эти вопросы памятники не даютъ прямого отвѣта. Отличаясь вообще скудостью указаній по всеѣмъ вопросамъ губнаго вѣдомства, они обходятъ и этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ, оставляя широкій просторъ для разнообразныхъ гипотезъ, предлагаемыхъ нашими изслѣдователями по исторіи русскаго права.

Къ опредѣленію характерныхъ особенностей губнаго округа или губы наши изслѣдователи идутъ двумя путями: одни—путемъ филологическимъ, другіе—путемъ чисто историческимъ¹⁾.

До сихъ поръ еще вопросъ этотъ не разрѣшенъ сколько-нибудь удовлетворительно. Но, во всякомъ случаѣ, на вопросъ—что представляла собою эта общественная единица, конечно, никакія филологи-

---

¹⁾ По мнѣнію митрополита Евгенія, слово „губа“ не русскаго, а нѣмецкаго происхожденія, родственно слову „Hufe“, „Hube“, „Huba“, обозначающему „усадебу“, „дворъ“, то-есть небольшую общину, выработанную жизнью народа, и само обозначаетъ территориальную общину—волость, находившуюся въ вѣдомствѣ губныхъ старостъ. Татищевъ производитъ слово „губа“ отъ „губленія“, такъ какъ губные старосты занимались уголовными дѣлами. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на слова Двинской грамоты 1571 г.: „обыскивати многими людьми, кто у нихъ въ губѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ“. „Исно, говоритъ онъ, что сймъ именовъ означалось вѣдомство или мѣста подсудныя одному начальству“. (*Дарамзинъ, Исторія государства Россійскаго, т. IX стр. 456 и нр. 818*). Но на основаніи приведенныхъ словъ можно сказать только, что губой назывались „мѣста“, подсудныя одному губному начальству, и ничего больше. Вопросъ о томъ, что представляли собою эти „мѣста“, были ли они цѣлымъ, выработаннымъ историческою жизнью народа, или же административною единицей, составленною изъ частей этого цѣлаго,—остается безъ разрѣшенія. Позволимъ себѣ предложить одну догадку: слово „губа“ не родственно ли по корню словамъ *сугубый, тrespубый*, гдѣ корень „губ“ выражаетъ, очевидно, понятіе о единицѣ.

знаменательнымъ въ исторіи губныхъ учрежденій. Съ этого момента взглядъ правительства на губныя учрежденія окончательно опредѣлился. „Они сдѣлались, говорить г. Чичеринъ, государственнымъ установленіемъ, которое основывалось на государственныхъ законахъ и исправлялось повинностью земскихъ людей“¹⁾). Такъ какъ община и вмѣстѣ съ ней и общинные порядки пали, то и общинной отвѣтственности въ древне-русскомъ смыслѣ, то-есть отвѣтственности, основанной на системѣ круговой поруки, въ это время не существуетъ. Отъ губныхъ органовъ непосредственно правительство требуетъ исполненія губныхъ обязанностей и, какъ приказныхъ людей, судить ихъ за преступленія по должности. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оно привлекаетъ къ отвѣтственности земство, то-есть избирателей губныхъ властей, данныхъ при ихъ выборахъ порученныя записи²⁾). Правда, и въ это время сохраняется коллективная отвѣтственность, то-есть отвѣтственность деревень и селеній, но она не имѣетъ уже общиннаго характера. Здѣсь отвѣчаютъ жители даннаго села или деревни, какъ соучастники въ преступленіи.

III.

Организація губныхъ учрежденій.

Губный институтъ состоялъ изъ выборныхъ органовъ, которые, по характеру лежавшихъ на нихъ обязанностей или присвоенной имъ власти, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: органовъ чисто полицейскаго характера и органовъ съ властью не только полицейской, но и судебной. Къ первой группѣ относятся низшія губныя власти: старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе; ко второй—губные старосты и губные цѣловальники. Къ послѣдней группѣ можно отнести также и губнаго дьяка, который, хотя de jure и не владѣлъ никакой властью, однако, несомнѣнно имѣлъ громадное вліяніе на все губное дѣлопроизводство. Особую группу образуютъ еще низшіе служители въ губныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: тюремные цѣловальники и тюремные сторожа, палачи, бирючи и сторожа въ губной избѣ. Правда, они не давали особой окраски разсматриваемому нами институту, но заслуживаютъ упоминанія, какъ дополненіе къ картинѣ тѣхъ повинностей, которая въ то время несла русская община. Сотскіе, пяти-

¹⁾ Чичеринъ, Областныя учрежденія, 453.

²⁾ А. А. Э. I. 224.

десятскіе и десятскіе не были новою властью, дотолѣ неизвѣстною на Руси; они составляли исконное явленіе въ русской жизни и были приведены лишь въ связь съ вновь возникшимъ учрежденіемъ ¹⁾.

1. *Губные старосты и губные головы.* Губные старосты въ первое время по введеніи губныхъ учреждений носили имя головъ. Но такая переменна въ названіи представителей губнаго института не соответствовала тѣмъ измѣненіямъ, которыя произошли съ теченіемъ времени въ объемѣ и характерѣ ихъ власти.

Терминъ „голова“ приурочивался обыкновенно къ старшимъ общиннымъ властямъ, которыя избирались низшими сословіями по служебной обязанности; таковы, напримѣръ, таможенные и кабацкіе головы. Къ термину же „староста“ приурочивалось обыкновенно понятіе о старшей выборной земской власти. Между тѣмъ губные начальники собственно въ то время, когда они были земской властью, носили имя головъ ²⁾; когда же земское значеніе ихъ пало, когда они получили приказный характеръ, измѣнилось и ихъ названіе: они стали именоваться старостами, въ смыслѣ старшихъ начальниковъ въ данномъ губномъ округѣ.

Губные старосты были обыкновенно выборными; но иногда назначались самимъ правительствомъ. Такъ бывало, напримѣръ, въ городѣ Шуѣ ³⁾. Дмитріевъ приводитъ даже примѣръ назначенія губнаго старосты, которое походитъ на пожалованіе: въ 1643 году въ Воронежѣ былъ назначенъ губнымъ старостой Петръ Толмачевъ, но онъ вскорѣ взять былъ въ плѣнъ татарами; уйдя въ слѣдующемъ году изъ плѣна и явившись въ Москву, онъ получилъ приказаніе: „быть на Воронежѣ за прежнимъ городовымъ выборомъ, по прежнему, за его службишку и за полонское терпѣніе, въ губныхъ старостишкахъ“ ⁴⁾. Въ частныхъ владѣніяхъ назначеніе того или другого лица губнымъ старостой зависѣло отъ владѣльца: „кого велить выбрать бояринъ нашъ Дмитрій Ивановичъ (Годуновъ“); „быти въ губныхъ старостахъ троцкому служкѣ Измирѣ Аммосову“ ⁵⁾.

Выборы были, по господствующему мнѣнію, во весь періодъ существованія губныхъ учреждений всесословными, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ *Владимірскій-Будинговъ*, Хрестоматія, II, стр. 111, прим. 4.

²⁾ *Владимірскій-Будинговъ*, Хрестоматія, II, стр. 109.

³⁾ *Чичеринъ*, Областные учрежденія въ XVII вѣкѣ, 453.

⁴⁾ *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 51.

⁵⁾ *Владимірскій-Будинговъ*, Хрестоматія, II, стр. 111, прим. 4.

таково было требованіе закона¹⁾. Въ подтвержденіе этому изслѣдователи ссылаются на грамоту Новоторжскому воеводѣ князю Крапоткину 1627 г. (А. А. Э. III 171) и затѣмъ на постановленія Уложенія (XXI гл. 4 ст.) и Новоуказныхъ статей (ст. 3). Но между постановленіями грамоты князю Крапоткину и постановленіями Уложенія и Новоуказныхъ статей есть существенная разница; въ грамотѣ Крапоткину призываются для выбора губныхъ старостъ всѣ сословія, даже крестьяне, живущіе на частновладѣльческихъ земляхъ. Въ Уложеніи же и въ Новоуказныхъ статьяхъ въ числѣ избирателей не упоминается духовенство. Постановленія Уложенія и Новоуказныхъ статей ясны и не допускаютъ никакихъ сомнѣній. Быть не можетъ, чтобы составители Уложенія занесли духовенство въ категорію „всякихъ чиновъ жилацкихъ людей“. Это не согласно ни съ языкомъ Уложенія, ни съ порядкомъ перечисленія сословій, принятымъ въ Московскомъ государствѣ. Очевидно, въ эпоху Уложенія духовенство получило по закону право не участвовать въ совмѣстномъ съ другими сословіями исееніи губныхъ повинностей и, слѣдовательно, и въ избраніи губныхъ старостъ. Впрочемъ, *de facto* духовенство не принимало участія на выборахъ губныхъ старостъ и гораздо раньше Уложенія. Уже въ 1612 г. мы встрѣчаемся съ выборами губныхъ старостъ въ Новгородскихъ пятинахъ одними дворянами и дѣтьми боярскими²⁾. Что касается крестьянъ, то, хотя они *de jure* и пользовались правомъ участія въ выборахъ губныхъ старостъ, однако, со времени всеобщаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, это право обратилось для нихъ въ фикцію, и едва-ли они пользовались имъ не только до Уложенія, но и послѣ него³⁾.

Такимъ образомъ, лишь въ XVI вѣкѣ и первой четверти XVII вѣка законъ и общими постановленіями⁴⁾, и частными грамотами (вышеприведенная грамота князю Крапоткину) требовалъ всесословности выборовъ губныхъ старостъ. Со второй же четверти XVII вѣка всесословность выборовъ губныхъ старостъ не требуется даже,

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія II, 111, пр. 4. А. Ю. № 279. II, мѣсяцъ г. Шалфѣва (стр. 42) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губные старосты назначались воеводами. Но ссылка, сдѣланная имъ на А. А. Э. II 19, не подтверждаетъ его мысли.

²⁾ Доп. къ А. И. I 176.

³⁾ См. Доп. къ А. И. I, 176 и А. А. Э. IV, 72.

⁴⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія, III. *Шалфѣвъ*, Уставная книга Разбойнаго приказа, стр. 56.

какъ мы видимъ, и общимъ закономъ, а *de facto* она исчезаетъ еще въ первой четверти XVII вѣка, вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Во вторую половину XVII вѣка, поэтому, губные старосты должны были обратиться изъ сословныхъ органовъ въ сословныхъ, избираемыхъ лишь дворянами и дѣтьми боярскими.

Губные старосты выбираются всегда изъ высшаго сословія, то-есть, дворянъ и дѣтой боярскихъ. Это потому, что должность губнаго старосты, по замѣчанію г. Чичерина, „имѣла не только земскій, но и государственный характеръ; она дѣлала выборнаго распорядителемъ и начальникомъ надъ всѣми уѣздными людьми, вслѣдствіе чего низшія сословія—посадскіе люди и крестьяне не могли быть избираемы въ эту должность“¹⁾. Правительство требовало также, чтобы губные старосты избирались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ своего, а не чужаго города; но требованіе это, вѣроятно, не строго соблюдалось, такъ какъ въ грамотѣ отъ 1642 г. іюля 8-го предписывается—выбрать въ Воронежѣ губнаго старосту изъ своихъ горожанъ, а „изъ иныхъ городовъ никого не выбирать“²⁾.

Предписывается также выбрать въ должность губнаго старосты дворянъ и дѣтей боярскихъ—„добрыхъ, по спискамъ лучшихъ людей, которые бы были душою прями и животомъ прожиточны и грамотѣ бѣ умѣли, кому бѣ можно было въ нашихъ дѣлахъ вѣрить и съ губное дѣло кого бѣ стало“³⁾; правительство грозило даже поставить губнаго старосту безъ выборовъ въ томъ случаѣ, если „дворяне и дѣти боярскіе учнутъ выбирать губнаго старосту изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ среднихъ и меньшихъ статей, а лучшихъ людей не учнутъ выбирать и выборовъ на нихъ не дадутъ“⁴⁾.

Въ Уложеніи и затѣмъ въ Новоуказныхъ статьяхъ, кромѣ вышеприведенныхъ условій, предписывается выбрать въ губные старосты дворянъ и дѣтей боярскихъ, „которые за старость или за раны отъ службы отставлены, или за которыхъ служатъ ихъ дѣти и племянники“⁵⁾. Это требованіе вело также къ уменьшенію земскаго значенія губныхъ старостъ.

Выборы губныхъ старостъ производились каждый разъ по пред-

¹⁾ Чичеринъ, Областныя учрежденія въ XVII вѣкѣ, 456.

²⁾ Дмитриевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, 54.

³⁾ А. А. Э., III, 171.

⁴⁾ А. А. Э. III 171.

⁵⁾ Уложеніе, XXI, 4; Нов. Ст. 3.

писанію органовъ центральной власти¹⁾, вслѣдствіе чего должность губнаго старосты извѣстное время могла оставаться вакантною. Руководство и наблюденіе за правильностью выборовъ поручалось обыкновенно правительственнымъ властямъ (воеводамъ, гдѣ они были, а съ 1669 года сыщикамъ), на имя которыхъ писались и царскія грамоты о производствѣ выборовъ. Впрочемъ, въ первыхъ губныхъ грамотахъ правительство обращается прямо къ населенію извѣстнаго губнаго округа и непосредственно ему велитъ „учинить въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре“²⁾. Въ это время руководили выборами, вѣроятно, мѣстные волостныя власти. Въ частныхъ владѣніяхъ, имѣвшихъ право самостоятельной расправы съ вѣдомыми лихими людьми, губные старосты избирались по распоряженію и подъ руководствомъ мѣстныхъ владѣльцевъ³⁾.

Воеводы или сыщики, получивъ грамоту о производствѣ выборовъ, должны были разослать во всѣ стороны „приставовъ многихъ людей“ съ предписаніемъ, чтобы всѣ, обязанные участвовать въ выборѣ губныхъ старостъ, въ одинъ день явились къ нимъ „на сѣздъ“; если дворяне и дѣти боярскіе начнутъ ослушаться, то „воеводѣ предписывалось, у дворянъ большихъ статей брать людей и крестьянъ и сажать въ тюрьму, пока они не объявятся сами; менѣе же знатныхъ и монастырскихъ служекъ самихъ сажать въ тюрьму на день или на два“⁴⁾.

Когда избиратели сѣзжались, воевода объявлялъ имъ тѣ условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять губный староста, и распорядился о производствѣ самихъ выборовъ. Послѣ того какъ выборъ падалъ на то или другое лицо, воевода отбиралъ у избирателей выборные списки за руками ихъ самихъ или же за руками ихъ отцевъ духовныхъ; при этомъ онъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ,

¹⁾ Напримѣръ А. Ю. 279: „дѣта 7125 іюля въ 30 день, по Государевой Царевой и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси грамотѣ, и по приказу воеводи Ивана Ивановича Хлопова да дѣака Семена Собакина, ... выбрали есмь и ялюбилъ ко Государеву губному дѣлу въ губные старосты...“.

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія II, 110.

³⁾ „Кого велитъ выбрать бояринъ нашъ Дмитрей Ивановичъ“ (Годуновъ). *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія II, стр. 111, пр. 4. „Всемилюбовѣйшаго Спаса Каменнаго монастыря архимаритъ Петриръ да Келарь выбрали есмь и ялюбилъ, по Государевой грамотѣ, ко Государеву губному дѣлу въ губные старосты“..... А. Ю. 279 и т. д.

⁴⁾ *Чичеринъ*, Областныя учрежденія въ XVII вѣкѣ, 456.

чтобы выборные списки были даны всѣми „на одного губнаго старосту, а не врозь, чтобы впредь въ губномъ старостѣ спору не было“¹⁾, то-есть требовалось единогласіе выборовъ.

Въ случаѣ разногласія въ выборахъ разрѣшеніе разногласія центральная власть брала на себя. Такъ, въ 1627 году въ Новоторжскомъ уѣздѣ посадскіе люди на мѣсто прежняго губнаго старосты выбрали другихъ, остальные же классы избрали прежняго и дали на него „выборы“, но Борисоглѣбскій архимандритъ не хотѣлъ его избрать, и вслѣдствіе этого у избирателей произошелъ споръ. На донесеніе воеводы правительство отвѣчало, что „если дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе люди и крестьяне хотятъ избрать стараго губнаго старосту, то взять на него выборы, если даже архимандритъ на него выборовъ не дастъ“²⁾.

По окончаніи выборовъ, воевода составлялъ „отписку“ о производствѣ выборовъ, которую вмѣстѣ съ выборными списками и вновь избраннымъ старостой отсылалъ въ Москвѣ въ Разбойный приказъ. Въ Разбойномъ приказѣ повѣряли правильность выборовъ и освѣдомлялись о томъ, годенъ ли вновь избранный къ той должности, которую долженъ занять. Если онъ оказывался почему-либо негоднымъ, то назначались новые выборы; въ противномъ же случаѣ избранный приводился къ присягѣ по особой записи, хранившейся въ Разбойномъ приказѣ, и получалъ грамоту объ утвержденіи его въ должности, при чемъ вималось печатныхъ пошлинъ по рублю съ человѣка³⁾—и наказъ⁴⁾. Наказъ содержалъ въ себѣ тѣ постановленія, которыми губные старосты должны были руководствоваться при отправленіи своей должности. Съ 1669 г. губные старосты приводятся къ присягѣ на мѣстѣ сыщиками и не по особымъ записямъ, а по Чиновой книгѣ, причемъ съ нихъ вимается „крестопроводныхъ пошлинъ“ по рублю съ человѣка⁵⁾.

Число губныхъ старостъ было не одинаково. Въ первое время

¹⁾ А. А. Э. III, 171; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія II, стр. 110.

²⁾ А. И. III, 150.

³⁾ Уложение XVIII, 66.

⁴⁾ Весьма вѣроятно, что вмѣстѣ съ наказомъ выдавались губнымъ старостамъ и списки съ уставной книги Разбойнаго приказа, по крайней мѣрѣ это бывало въ нѣкоторыхъ случаяхъ. *Шалфетъ*, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, 5—6; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія III, стр. 43.

⁵⁾ Этими имѣлось въ виду устранить „мѣшкоту“ въ губномъ дѣлѣ.—Новоуказныя статьи, 3.

послѣ появленія губныхъ учреждений въ каждой волости было по три или четыре губныхъ старосты (головы)¹⁾; при всеуѣздной же организаціи губныхъ учреждений, въ каждой губѣ встрѣчается то одинъ, то два губныхъ старостъ; чаще, впрочемъ, встрѣчается одинъ²⁾. Если въ извѣстномъ округѣ было двое губныхъ старостъ, то они могли быть смѣщены и не въ одно время. Такъ, напримѣръ, въ Муромѣ въ 1625 году губными старостами были Осорьинъ и Аристовъ, а въ 1632 году одинъ Осорьинъ³⁾.

Что касается законнаго срока службы губныхъ старостъ, то онъ также не былъ опредѣленъ—вѣроятно потому, что дворяне и дѣти боярскіе были обязаны пожизненною службой государству. Вслѣдствіе этого, губный староста могъ оставаться въ своей должности или пожизненно, или же до смѣщенія.—одни изъ губныхъ старостъ оставались, поэтому, въ должности по 11 и 13 лѣтъ, другіе лишь по 3 или 4 года.

Съ должностію губныхъ старостъ не соединялось ни жалованья, ни какихъ-либо привилегій и преимуществъ. Наравнѣ съ другими дворянами и дѣтьми боярскими, состоявшими на „службѣ“, они, какъ землевладѣльцы, несли въ пользу государства всѣ натуральные повинности и налоги. Такъ, между прочимъ, въ 1653 и 1656 годахъ и съ губныхъ старостъ, вмѣстѣ съ другими чиновниками, велено взять на государеву службу даточныхъ людей⁴⁾.

Въ случаѣ надобности правительство привлекало къ „службѣ“ и самихъ губныхъ старостъ, не смотря на занимаемую уже ими должность⁵⁾. Это привлеченіе губныхъ старостъ къ „службѣ“, по всей вѣроятности, продолжалось вплоть до Уложенія, когда въ губные старосты выбирались уже люди неспособные къ государственной службѣ, дворяне и дѣти боярскіе, „которые за старость или за рану отъ службы отставлены⁶⁾“.

2. *Губные цѣловальники.* Губные цѣловальники появляются вмѣстѣ съ губными старостами; поэтому, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ губныя обязанности оставались возложенными на старыхъ органахъ (приказчикахъ, напримѣръ, въ монастырскихъ селахъ), не было и судебныхъ

¹⁾ *Владимирскій-Будановъ*, Хрестоматія, II, стр. 110.

²⁾ А. А. Э. III, 168, 210, 271, 272, 295.

³⁾ А. А. Э. III. 168 и 210.

⁴⁾ *Карновичъ*, Собраніе Указовъ Россійскаго Государства, №№ 96 и 177.

⁵⁾ См. напримѣръ А. А. Э. I, 224, 1549.

⁶⁾ Уложеніе XXI, 4.

цѣловальниковъ, какъ особой должности¹⁾). Уже въ первыхъ губныхъ грамотахъ упоминаются „лучіе люди“, обязанные вмѣстѣ съ губными головами ловить и судить лихихъ людей — разбойниковъ. Впослѣдствіи они, подобно земскимъ цѣловальникамъ, получаютъ имя губныхъ цѣловальниковъ²⁾, такъ какъ при вступленіи въ должность они должны были цѣловать крестъ на томъ, что свято, „безо всякія хитрости“, будутъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности³⁾.

Исторія губныхъ цѣловальниковъ, какъ и исторія губныхъ старость, распадается на два періода, соотвѣтствующіе общинной и всеуѣздной организаціи губныхъ учреждений. Пока власть губныхъ старость ограничивалась предѣлами общины, пока эти представители губнаго института имѣли болѣе земскій характеръ, до тѣхъ поръ и губные цѣловальники были ихъ товарищами, участвовавшими не только въ поимкѣ лихихъ людей, но и въ судѣ надъ ними⁴⁾; и ихъ значеніе на судѣ выражалось именно въ томъ, что они должны были „на судѣ беречи всякаго дѣла вправду, по крестному цѣлованію, безо всякія хитрости“. Грамотные изъ нихъ при этомъ „къ разбойнымъ и татинымъ дѣламъ руки свои прикладываютъ“. Весьма вѣроятно, что въ это же время губные цѣловальники (по крайней мѣрѣ грамотные изъ нихъ) исправляли должность губныхъ старость, когда послѣдніе отзывались въ Москву на „службу⁵⁾“. Кроме этого, губные старосты и губные цѣловальники обязаны были взаимнымъ контролемъ въ видахъ предупрежденія злоупотребленій по должности: „а межъ себя, говорится въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 года, старостамъ и цѣловальникамъ другу надъ другомъ того смотрѣти, чтобъ посуловъ и поминковъ никто ни у кого одноконечно не имали, по сему крестному цѣлованію; а который староста или цѣловальникъ учнетъ посулы и поминки имати въ разбойныхъ и татевныхъ дѣлахъ, и имъ на то сказати Царю и Великому Князю или его бояромъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла, а дѣлати имъ вправду, безо всякія хитрости, по сему крестному

¹⁾ А. А. Э. I, 194 I.

²⁾ *Владимірскій-Будановъ* въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ говоритъ между прочимъ: „впослѣдствіи лучшіе люди замѣнены цѣловальниками“ (Вып. I, стр. 162). Но очевидно, никакой замѣны въ данномъ случаѣ не было; была лишь перемѣна одного имени на другое.

³⁾ А. А. Э. I, 196 II.

⁴⁾ *Шалфмейеръ*, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, 40.

⁵⁾ А. А. Э. I, 196 II, 390, 224.

цѣлованію ¹⁾». Наказы въ это время пишутся на имя губныхъ старость и губныхъ цѣловальниковъ ²⁾.

При общинной организаціи губныхъ учреждений, губные цѣловальники выбираются всею общиной изъ тяглыхъ людей, какъ и впоследствии. Условія выбора ихъ общіе для всѣхъ губныхъ властей: предписывается выбирать лучшихъ людей, „которые бѣ были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи ³⁾». Грамотность, очевидно, не требовалась. Къ присягѣ они приводились на мѣстѣ и о выборѣ ихъ дѣлалась отписка въ Москву. Число губныхъ цѣловальниковъ простиралось въ это время отъ двухъ до шести ⁴⁾. Должность они исправляли обыкновенно по очереди, „перемѣняясь по трое по мѣсяцемъ ⁵⁾». Что касается законнаго срока службы губныхъ цѣловальниковъ, то можно лишь предполагать, что онъ не былъ годовымъ, какъ впоследствии. Грамота въ Вышковскій станъ Русскаго уѣзда, относящаяся къ 1565 году, требуетъ, чтобы сошныя люди дали губному цѣловальнику подмогу „на сесь годъ“, „да и впредь давали, доколѣ онъ (цѣловальникъ) у нашихъ татяныхъ и разбойныхъ дѣлъ въ новыхъ губныхъ цѣловальникѣхъ побудеть ⁶⁾». Подмоги, жалованья или вообще какого-либо вознагражденія за свои труды въ это время они не получали ⁷⁾. Впрочемъ, это правило иногда и нарушалось, какъ видно изъ вышеприведенной грамоты въ Вышковскій станъ. Въ этомъ обстоятельствѣ проявляется, впрочемъ, уже вѣяніе новой эпохи въ исторіи губныхъ учреждений.

Иногда правительство, въ интересахъ населенія, не требовало выбора особыхъ цѣловальниковъ для губнаго дѣла, а возлагало губныя обязанности на земскихъ цѣловальниковъ; это дѣлалось по просьбѣ самого населенія ⁸⁾.

Паденіе значенія губныхъ цѣловальниковъ, превращеніе ихъ изъ товарищей губныхъ старость въ подчиненные этимъ послѣднимъ органы, совершилось не сразу, почему и не можетъ быть приурочено къ опредѣленному времени; оно совершилось постепенно, въ

¹⁾ А. А. Э. I, 224.

²⁾ А. А. Э. I, 281.

³⁾ А. А. Э. I, 194 II.

⁴⁾ А. А. Э. I, 196 II, 224, 242, 243, 250, 257.

⁵⁾ А. А. Э. I, 196 II.

⁶⁾ А. И. I, 175.

⁷⁾ А. А. Э. II, 19.

⁸⁾ А. А. Э. I, 196 II.

связи съ потерей старостами ихъ земскаго значенія, и начинается очень рано, въ теченіе второй половины XVI вѣка. Окончательное исчезновеніе прежняго значенія губныхъ цѣловальниковъ относится ко времени преобразованія губныхъ учреждений изъ общинныхъ во всеуѣздныя. Съ этого времени губные цѣловальники обращаются окончательно въ подчиненные губнымъ старостамъ органы, исполняющіе тѣ или другія ихъ порученія, и несомнѣнно уже не имѣютъ прежней власти; грамоты пишутся на имя однихъ губныхъ старостъ. Теряется и судебная власть и значеніе губныхъ цѣловальниковъ; они обращаются въ чисто полицейскіе органы. Исчезаютъ они въ 1669 году вслѣдствіе совершенной ненужности въ послѣднемъ періодѣ существованія губныхъ учреждений, какъ бремя для населенія.

Въ этомъ періодѣ, какъ и раньше, губные цѣловальники избирались низшими классами населенія—сошными людьми всѣхъ земель, иногда—за исключеніемъ дворовыхъ и посадовъ¹⁾, но уже со всего уѣзда, при чемъ населеніе уѣзда, для выборовъ цѣловальниковъ, распределяется по группамъ, „костямъ“; основаніемъ такому распределенію служила большая или меньшая имущественная состоятельность тягловцовъ. Такимъ образомъ, уѣздъ раздѣлялся на большія, середнія и малыя кости²⁾, или же на большія, середнія и малыя вотчины и помѣстья³⁾, что одно и то же. Порядокъ выборовъ губныхъ цѣловальниковъ при этомъ былъ таковъ: предписывалось „имати губныхъ цѣловальниковъ сперва съ большихъ помѣстей и вотчинъ, а послѣ того съ середнихъ, а затѣмъ имати съ меньшихъ, смѣчая въ нихъ земли противъ большихъ помѣстей и вотчинъ; а впредь большихъ съ среднихъ и съ меньшихъ помѣстей и вотчинъ цѣловальниковъ имати не велено“⁴⁾. Этой разметкой земель имѣлось въ виду достигнуть равномѣрности въ распределеніи губныхъ повинностей. Понятное дѣло, что этотъ нормальный порядокъ не всегда соблюдался на практикѣ—во-первыхъ потому, что невозможно было установить правильнаго раздѣленія уѣзда на кости, во-вторыхъ—потому, что даже и при относительно правильномъ раздѣленіи уѣзда на кости, кости или части костей не всегда соглашались ставить губныхъ цѣловальниковъ.

¹⁾ А. А. Э. II, 19.

²⁾ А. А. Э. III, 163.

³⁾ А. А. Э. II, 19.

⁴⁾ А. А. Э. II, 19.

Такъ, напримѣръ, въ 1625 году посадскіе г. Шуи жаловались, что уѣздные люди, списанные съ ними въ одной кости, не хотятъ участвовать въ выборахъ губныхъ цѣловальниковъ¹⁾; въ томъ же году муромскіе мелкопомѣстные дворяне и дѣти боярскіе и вотчинники жаловались царю, что у нихъ цѣловальники выбираются лишь „съ середнихъ и малыхъ костей“ и, слѣдовательно, большія кости обходятся. На такія жалобы правительство послало обыкновенно предписаніе или участвовать всѣмъ въ выборахъ губныхъ цѣловальниковъ, или же—„съ большихъ костей имѣній и вотчинъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ—имать цѣловальниковъ, а съ меньшихъ и съ середнихъ—имъ подмогу²⁾“. Иногда правительству приходилось прибѣгать къ болѣе серьезнымъ, репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы осуществить свои рѣшенія; такъ, напримѣръ, въ 1647 году Суздальскіе губные старосты доносили въ Москву, что игуменья Покровскаго монастыря и Сергѣй Горяиновъ не даютъ своихъ крестьянъ, выбранныхъ въ губные цѣловальники. Правительство предписало суздальскому воеводѣ дать пристава, который бы „на ослушниковъ доправилъ“: изъ дѣвичья монастыря взять-бы „служу, который за дѣлы ходитъ“, и посадилъ въ тюрьму пока цѣловальника выберутъ, а у Сергѣя Горяинова взять-бы крестьянина и посадилъ въ тюрьму, пока Горяиновъ не выдастъ того избраннаго цѣловальника³⁾.

Эти факты указываютъ, что [поставка губныхъ цѣловальниковъ была, повидимому, слишкомъ тяжелою повинностью для населенія; оттого и старались ускользнуть отъ несенія ея. Особенно часто это стало повторяться, вѣроятно, со времени „Московского разоренія“. Къ этому времени, вѣроятно, относятся нѣкоторыя жалованныя грамоты, выданныя изъ приказа сыскныхъ дѣлъ, которыми монастыри и частно-владѣльческіе крестьяне освобождались отъ обязанности ставить губныхъ цѣловальниковъ⁴⁾. Впослѣдствіи, Уложеніемъ (гл. XXI, 98) постановлено, что помѣстья и вотчины, имѣющія менѣе „двадцати крестьянъ“ и составлявшія, вѣроятно, самостоятельныя кости, освобождаются отъ обязанности ставить губныхъ цѣловальниковъ, „а имати цѣловальниковъ къ губнымъ дѣламъ“ предписывается, лишь съ большихъ помѣстей и вотчинъ.

¹⁾ Чичеринъ, Областные учрежденія въ XVII вѣкѣ, стр. 468.

²⁾ А. А. Э. III, 168.

³⁾ А. А. Э. IV, 22.

⁴⁾ А. А. Э. III, 168. Доп. къ А. И. I, 176.

Впрочемъ, едва-ли раздѣленіе уѣзда на кости для выборовъ губныхъ цѣловальниковъ было повсемѣстнымъ въ Московскомъ государствѣ и даже постояннымъ въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ. Такъ, въ Муромѣ въ 1625 году губные цѣловальники выбраны были съ костей, а въ 1632 году предписывается „нынѣ, да и впредь, въ Муромѣ же сошнымъ людямъ съ посаду и съ уѣзду съ сохъ избирати новыхъ губныхъ цѣловальниковъ ежегодно“; въ Новгородскомъ уѣздѣ губные цѣловальники выбираются также не съ костей, а „съ посадовъ и уѣздовъ съ сохъ¹⁾“.

Что касается условій, которымъ должны были удовлетворять кандидаты въ должность губнаго цѣловальника, то они тѣ же, что и въ предыдущемъ періодѣ, но выражены опредѣленнѣе²⁾; существовала для нихъ своего рода цензъ, хотя и неопредѣленный въ подробностяхъ. Но и съ этой стороны бывали злоупотребленія. Иногда въ должность губнаго цѣловальника выбирались девяностолѣтніе старики, которые, конечно, не годились для губнаго дѣла³⁾.

Выборы губныхъ цѣловальниковъ производились каждый разъ по распоряженію губныхъ старостъ, какъ главныхъ начальниковъ въ губныхъ учрежденіяхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда поступали въ Москву челобитныя отъ губныхъ старостъ или населенія даннаго округа, выборы производились по непосредственному предписанію верховной власти⁴⁾. Судя по выборамъ другихъ должностныхъ лицъ, можно думать, что и при выборахъ губныхъ цѣловальниковъ требовалось единогласіе. Къ присягѣ губные цѣловальники приводились на мѣстѣ губными старостами⁵⁾. По Уложенію губные цѣловальники приводятся къ присягѣ воеводами въ присутствіи губныхъ старостъ, по особой записи, присылаемой изъ Разбойнаго Приказа „за дьячьими приписьми“⁶⁾. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда правительство распоряжалось о выборахъ губныхъ цѣловальниковъ именно съ извѣстныхъ костей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, въ видѣ полицейской мѣры, съ цѣлью удостовѣриться, дѣйствительно ли выбрали данныя кости губныхъ цѣловальниковъ, требовало присылки

¹⁾ А. А. Э. III, 163, 210; А. Ю. 352.

²⁾ А. А. Э. III, 216.

³⁾ *Чисеринъ*, Областныя учрежденія, 464.

⁴⁾ А. А. Э. III, 163, 210; IV, 22.

⁵⁾ А. А. Э. III, 210.

⁶⁾ Улож. XXI, 4.

нововыборныхъ въ Москву для привода къ присягѣ¹⁾. По окончаніи выборовъ губные старосты должны были отобрать у избирателей, „выборные списки, за ихъ выборныхъ людей и за отцовъ ихъ духовныхъ рукою“, и, приложивъ къ нимъ свою руку, отослать ихъ вмѣстѣ съ отпиской о выборахъ въ московскій Разбойный приказъ²⁾; изъ Новгородскихъ пятинъ выборные списки и отписка о выборахъ отсылались къ новгородскому воеводѣ³⁾.

Что касается числа губныхъ цѣловальниковъ, то обыкновенно правительство требуетъ выбирать „столькихъ же человекъ, сколько было напередъ сего“ по „сколько ихъ было напередъ сего“ правительству не было извѣстно, такъ какъ оно требуетъ присылки свѣдѣній объ этомъ въ Разбойный приказъ⁴⁾. Бывало на уѣздъ 2 и 3 или 4 цѣловальника⁵⁾.

Срокъ службы губныхъ цѣловальниковъ былъ годовой. Центральная власть очень настойчиво требовала, въ интересахъ самого населенія, именно такого срока службы для губныхъ цѣловальниковъ. Правда, бывали случаи, что губные цѣловальники оставались въ своей должности „по пяти и по шти и по десяти лѣтъ и больше безъ перемѣнъ“, но это было отступленіемъ отъ общаго правила и обыкновенно, какъ только правительство узнавало о такихъ отступленіяхъ, оно тотчасъ же слало отъ себя предписаніе—отставить немедленно отъ должности старыхъ губныхъ цѣловальниковъ и на мѣсто ихъ выбрать новыхъ, „да и впредь же выбирать каждагодно“⁶⁾. Иногда срокъ службы губныхъ цѣловальниковъ опредѣлялся совершенно точно:

---

¹⁾ А. А. Э., IV, 22. По мѣнію г. Чичерина, „изъ Новгородскихъ пятинъ цѣловальники отсылались для приведенія къ присягѣ къ новгородскому воеводѣ, а изъ нѣкоторыхъ городовъ они отправлялись даже въ Москву“ (стр. 464, *ibid.*). Едва ли возможно признать это за общее правило. Что касается Новгородскихъ пятинъ, мы имѣемъ намятъ губному старостѣ Деревской пятинны, въ которой требуется присылка въ Новгородъ лишь списковъ о выборахъ губныхъ цѣловальниковъ за руками избирателей—А. Ю. 352. Не была также постояннымъ правиломъ для нѣкоторыхъ городовъ и присылка губныхъ цѣловальниковъ въ Москву для привода къ присягѣ. Случай, изложенный въ А. А. Э. IV, 22, на который между прочимъ ссылается г. Чичеринъ, по своей исключительности, кажется, можетъ быть истолкованъ лишь въ смыслѣ особой полицейской мѣры.

²⁾ А. А. Э., III, 210.

³⁾ А. Ю., 852.

⁴⁾ А. А. Э., III, 210; IV, 22.

⁵⁾ А. А. Э., II, 19; III, 163; Чичеринъ, Областные учрежденія, 464.

⁶⁾ А. А. Э., II, 19; IV, 210; ср. Чичеринъ, 465.

„губнымъ цѣловальникамъ быти у нашего губнаго дѣла, говорится въ одной грамотѣ, по годамъ съ Семеня дни съ сентября съ перваго числа да сентября по первое жъ число“¹⁾). Въ этомъ періодѣ губные цѣловальники получаютъ подмогу деньгами отъ своихъ избирателей, по уговору съ ними; величина ея простиралась отъ двухъ до пяти рублей каждому²⁾). Нужно при этомъ замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда губные цѣловальники ставились большими костями, среднія и меньшія кости давали имъ отъ себя подмогу³⁾; въ тѣхъ же случаяхъ, когда губные цѣловальники ставились всѣми костями, всѣ кости платили и подмогу по сохамъ, причемъ разверстка этой подмоги, вмѣстѣ съ другими денежными оброками, производилась губнымъ старостой по сошному письму— „съ живущего съ чети пашни поровну“⁴⁾).

Но не вездѣ и не всегда губные цѣловальники были выборными; иногда они прямо нанимались сошными людьми, причемъ составлялась рядная запись, по которой нанимаемый обязывался—не чинить никакой хитрости и не доводить нанимателя до убытка подѣ страхомъ наисканія ого идное⁵⁾). Въ некоторыхъ мѣстахъ въ извѣстное время рядомъ съ выборными губными цѣловальниками существовали и наемные. Такъ было, напримеръ, въ Суздаль въ 1647 году, гдѣ наемная плата губнымъ цѣловальникамъ простиралась до 10 рублей⁶⁾).

3) *Губные дяки.* Губные дяки или подъячіе до Уложенія избирались всѣми сословіями⁷⁾ и обыкновенно изъ волостныхъ крестьянъ⁸⁾). Въ это же время грамоты пишутся иногда вмѣстѣ съ губными старостами и на ихъ имя. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и до Уложенія губные дяки не всегда были выборными; иногда они прямо нанимались губными цѣловальниками⁹⁾). Съ Уложенія губные дяки избираются уже одними сошными людьми¹⁰⁾). Къ присягѣ они приводились вмѣстѣ съ другими губными властями и, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними

¹⁾ А. А. Э. III, 210.

²⁾ Уложеніе, XXI, 97; А. И. I, 175; А. А. Э. III, 163.

³⁾ А. А. Э. III, 163.

⁴⁾ А. А. Э., II, 19. А. А. Э., III, 271.

⁵⁾ *Учереиъ*, стр. 485.

⁶⁾ А. А. Э., IV, 22; А. Ю. 223, IV.

⁷⁾ *Владимирскій-Будановъ*, Хрест. III, 61.

⁸⁾ А. А. Э. II, 19.

⁹⁾ А. А. Э., III, 163.

¹⁰⁾ Улож. XXI, 4.

иногда посылались даже въ Москву для крестнаго цѣлованія. По Уложенію они приводятся къ присягѣ воеводами ¹⁾ въ присутствіи губныхъ старостъ, а съ 1669 года—сыщиками, при чемъ съ нихъ взимается крестопроводныхъ пошлинъ по полтинѣ съ человѣка ²⁾).

Условія для выбора губныхъ дьяковъ были тѣ же, что и для другихъ губныхъ властей, при чемъ, конечно, отъ нихъ требовалась грамотность. О срокѣ службы губныхъ дьяковъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; обыкновенно былъ одинъ дьякъ ³⁾, но, когда посылались сыщики, число дьяковъ увеличивалось. Въ Великомъ Устюгѣ, напри- мѣръ, въ 1653—1654 годахъ при сыщикѣ было 8 выборныхъ дьяковъ, которые получали отъ посадскихъ и волостныхъ людей жало- ванья по 1 рублю въ мѣсяцъ ⁴⁾. Обыкновенно губные дьяки полу- чали подмогу отъ своихъ избирателей, которая собиралась губными старостами съ сошныхъ людей вмѣстѣ съ другими оброками ⁵⁾. Въ 1679 году, когда губныя учрежденія временно были закрыты, и губ- ные дьяки переведены были въ сѣзжую избу, при чемъ они уже не получали подмоги ⁶⁾, а опредѣлено было „на годовое жалованье и на свѣчи, и на бумагу, и на чернила, и на дрова и на иные всякіе мелкіе расходы давать имъ изъ пошлинныхъ денегъ съ судебныхъ дѣлъ изъ всякихъ денежныхъ неокладныхъ доходовъ“ ⁷⁾—сколько— неизвѣстно.

4) *Сотскіе, десятскіе и пятидесятскіе.* Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе были полицейскими властями. Во весь періодъ существованія губныхъ учреждений они избирались исключительно тяглыми сосло- віями и изъ ихъ же среды. Условія для выбора этихъ органовъ въ общихъ чертахъ тѣ же, что и для другихъ властей, то-есть, прави- тельство требуетъ, чтобы выбирались „лучшіе люди, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи“ ⁸⁾. Въ Новоуказныхъ статьяхъ ⁹⁾ и для этихъ властей требуется имущественный цензъ. Здѣсь предписывается „выбирать сотскихъ, десятскихъ и пятидесят-

¹⁾ Улож. XXI, 4.

²⁾ Новоук. Ст. 8.

³⁾ Напр., А. А. Э., I, 194, I; II, 19.

⁴⁾ *Умчеринъ*, Областныхъ учрежденія, стр. 468—469.

⁵⁾ А. А. Э., III, 271.

⁶⁾ А. А. Э., IV, 237.

⁷⁾ П. С. В. № 751.

⁸⁾ А. А. Э., I, 194.

⁹⁾ Ст. 116.

скихъ добрыхъ людей и прожиточныхъ, а не воровъ, и взять на нихъ выборы за руками“. „Выборы“ эти подписывались обыкновенно духовными отцами и отсылались въ Москву ¹⁾. Къ присягѣ эти органы приводились на мѣстѣ выборовъ съ другими властями ²⁾. Что касается числа ихъ, оно опредѣлялось количествомъ дворовъ. По закону сотскій завѣдывалъ полиціей въ сотнѣ дворовъ, пятидесятскій—въ пятидесяти дворахъ, десятскій—въ десяти дворахъ. Очень можетъ быть, что въ первое время существованія губныхъ учреждений этотъ законъ и соблюдался, по крайней мѣрѣ въ памятникахъ онъ категорически проводится. Обыкновенно предписывается—„учинить промежъ себя у десяти дворовъ десятскаго, у пятидесяти дворовъ пятидесятскаго, у ста дворовъ сотскаго“ ³⁾. Но впоследствии, съ усложненіемъ губныхъ повинностей, встрѣчаются (и очень часто) отступленія отъ изложеннаго выше закона. Такъ, напримѣръ, въ Шуѣ въ 1665 году было всего четыре человѣка сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Впрочемъ, когда въ томъ же году посланъ былъ сюда сыщикъ, то число ихъ сразу увеличилось до 20 ⁴⁾. Однако, неизвѣстно, соответствовало ли и это число въ данномъ случаѣ количеству дворовъ въ гор. Шуѣ.

Срокъ службы десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ не былъ опредѣленъ закономъ; можно думать, что онъ былъ годовой: такого срока службы для этихъ органовъ требуютъ и шуяне въ своей челобитной, поданной царю въ 1665 году. Но на практикѣ и отъ этого правила были отступленія: иногда сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе оставались въ своей должности по нѣскольку лѣтъ ⁵⁾. За отправленіе своей должности сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе не получали никакого вознагражденія и именно потому, что они сами представляли собой одинъ изъ видовъ губной повинности. Какъ члены тяглої единицы (сохи) они не освобождались даже отъ исеенія въ пользу государства различныхъ оброковъ ⁶⁾.

б) *Тюремные цѣловальники, палачи, биричи и сторожа въ губной избѣ.* Тюремные цѣловальники и сторожа были тоже выборными орга-

¹⁾ А. А. Э., I, 194, II, Доп. къ А. И., 176.

²⁾ А. А. Э., I, 194, II.

³⁾ А. А. Э., I, 192, 194 I и II, 244; IV, 92.

⁴⁾ *Чичеринъ*, Областные учрежденія, стр. 470.

⁵⁾ *Чичеринъ*, тамъ-же.

⁶⁾ См. А. И. I. 175.

нами. Избирались они обыкновенно сошными людьми изъ тяглыхъ же сословій ¹⁾. Выборы этихъ органовъ были также повинностью населения и по Уложенію вотчины и помѣстья, имѣвшія меньше двадцати душъ крестьянъ, были освобождены отъ обязанности выбирать тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей ²⁾. Самые выборы происходили по непосредственному распоряженію и подъ руководствомъ губныхъ старостъ и о нихъ посылалась отписка въ Москву ³⁾. Въ первый періодъ существованія губныхъ учреждений тюремные цѣловальники и тюремные сторожа приводились къ присягѣ, вѣроятно, на мѣстѣ выборовъ губными старостами ⁴⁾, но по Уложенію они приводятся къ присягѣ воеводами въ присутствіи губныхъ старостъ ⁵⁾. Число тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей, и срокъ ихъ службы не были опредѣлены общимъ постановленіемъ. Тюремные цѣловальники и сторожа получали обыкновенно, по взаимному уговору съ избирателями, подмогу, которая собиралась или вмѣстѣ съ другими губными оброками и въ такомъ случаѣ выдавалась губнымъ старостамъ ⁶⁾, или же отдѣльно отъ другихъ оброковъ и въ такомъ случаѣ вручалась непосредственно избирателямъ тюремнымъ цѣловальникамъ или сторожамъ ⁷⁾. Въ этомъ случаѣ подмога имѣла характеръ наемной платы. Если тюремные цѣловальники и сторожа состояли въ наличности, въ такомъ случаѣ послѣдніе находились въ зависимости отъ первыхъ ⁸⁾. Но обыкновенно при тюрьмахъ были только сторожа ⁹⁾. Впрочемъ, иногда случалось, что и сторожей не было; въ такомъ случаѣ завѣдываніе тюрьмами и караулъ въ нихъ возлагался на губныхъ цѣловальниковъ ¹⁰⁾.

По указу 1666 года марта 6-го дня постановлено: „сотскимъ и чернослободцамъ въ Московскихъ большихъ тюрьмахъ вмѣсто цѣловальниковъ наймывать сторожей по восьми человекъ на годъ, добрыхъ

¹⁾ Уложеніе, XXI, 4; А. А. Э. I. 380.

²⁾ Уложеніе, XXI, 98.

³⁾ А. А. Э. II. 19.

⁴⁾ А. А. Э. I. 380.

⁵⁾ Уложеніе, XXI, 4.

⁶⁾ Напримѣръ, А. А. Э. II. 19; А. К. 223, II, IV, V; А. А. Э. III. 271; Уложеніе, XXI, 97.

⁷⁾ А. Ю. 223. VII.

⁸⁾ *Учеремиъ*, Областныхъ учрежденія, стр. 467.

⁹⁾ А. А. Э. II. 19; III. 271; А. Ю. 223, II. IV. V. Уложеніе, XXI, 3, 97, 98.

¹⁰⁾ А. А. Э. III. 163.

людей, съ крѣпкими поруками по вся годы; цѣловальникомъ и сторожемъ впредь по выборомъ не быть ¹⁾“. Въ 1669 году это постановленіе получаетъ общій характеръ. Новоуказныя статьи предписываютъ: „да у тюремъ быть сторожамъ по два человекъ съ поруками изъ найму“, при чемъ жалованье имъ отпускается „изъ государевы казны, изъ тамошнихъ доходовъ, которые собираются въ губную избу“ (ст. 3). Такимъ образомъ, указами 1666 и 1669 года были отмѣнены выборные тюремные цѣловальники и сторожа. Но въ 1679 году, когда губныя дѣла были отданы въ вѣдомство воеводъ, выборные тюремные цѣловальники и сторожа снова возстановляются ²⁾. Исчезаютъ они вмѣстѣ съ уничтоженіемъ губнаго института.

Палачи. Въ Москвѣ палачи нанимались изъ вольныхъ людей „съ поруками“; жалованье имъ отпускалось „изъ государевы казны, изъ Разбойнаго приказу“ ³⁾; но въ провинціяхъ палачи были обыкновенно выборными. Избирались они сошными людьми изъ волостныхъ крестьянъ и получали отъ своихъ избирателей подмогу ⁴⁾. По закону 1680 года предписано: „въ городѣхъ давать палачомъ великаго государева годоваго жалованья по 4 руб. человекъ изъ губныхъ неокладныхъ сборовъ“ ⁵⁾, то-есть съ этого времени всюду и палачи перестали быть выборными. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и раньше они прямо нанимались губными цѣловальниками. Такъ было, напримеръ, въ Муромѣ въ первой четверти XVII столѣтія ⁶⁾.

Биричи или „публичные чтецы, обнародовавшіе указы и постановленія правительства на площадяхъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ“ ⁷⁾, были или выборными или вольнонаемными. Въ первомъ случаѣ они получали подмогу, во второмъ жалованье, которое (какъ и подмога) собиралось вмѣстѣ съ другими губными денежными оброками „по сошному письму, съ живущего съ чети пашни поровну“ ⁸⁾. Иногда должность бирича соединялась съ должностью палача ⁹⁾.

Наконецъ, *сторожа въ губной избѣ* были или выборными или

¹⁾ Карновичъ, Собраніе узаконеній Росс. Госуд., № 884.

²⁾ П. С. З. № 751.

³⁾ Уложеніе, XXI, 96.

⁴⁾ А. Ю. 228. VII; А. А. Э. II. 19; III. 271; Уложеніе, XXI, 97.

⁵⁾ П. С. З. 886.

⁶⁾ А. А. Э. III. 163.

⁷⁾ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка., I, стр. 98.

⁸⁾ А. А. Э. II. 19; III. 163. 271.

⁹⁾ А. Ю. 228. VII.

наемными; чаще, впрочемъ наемными ¹⁾). Они такъ же, какъ и другія низшія губныя власти, были повинностью населенія, возложенной на него вмѣстѣ съ введеніемъ губныхъ учреждений.

Кромѣ этихъ областныхъ учреждений, въ Московскомъ государствѣ было и центральное учрежденіе, завѣдывавшее также разбойными дѣлами. Это Разбойный приказъ. Онъ возникъ вмѣстѣ съ губными учреждениями для искоренія разбоевъ и „долженъ былъ существовать, замѣчаетъ Шалфѣвъ, до выполнения своей миссіи. Въ смутное время онъ самъ собою упразднился, безъ всякаго законодательнаго распоряженія, и, хотя земскою думой въ 1611 году повелѣно было, вслѣдствіе увеличенія грабежей и разбоевъ, возстановить его, но нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы это повелѣніе было исполнено. Во всякомъ случаѣ, есть основаніе думать, что до Михаила Федоровича Разбойный приказъ не возстановлялся“ ²⁾). Въ Разбойномъ приказѣ засѣдалъ бояринъ, облеченный преимущественно административной властью. Для содержанія своего приказъ имѣлъ нѣсколько городовъ, которыми и управлялъ ³⁾). Первые губныя грамоты говорятъ о боярахъ, „которымъ разбойныя дѣла приказаны“ ⁴⁾); но въ 1571 году появляется названіе: Разбойная изба или Разбойный приказъ ⁵⁾). Къ 1682 году названіе это измѣняется. Съ этого времени Разбойный приказъ сталъ называться Разбойнымъ сыскнымъ приказомъ ⁶⁾).

В. Курдюмовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ А. А. Э. II. 19; III. 168. 271.

²⁾ Шалфѣвъ, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, стр. 6.

³⁾ Шалфѣвъ, стр. 38.

⁴⁾ Владимірскій-Будановъ, Хр. II. Бѣлоз. губ. грам. А. А. Э. I. 192, 194, 224.

⁵⁾ А. А. Э. I. 281.

⁶⁾ Шалфѣвъ, *ibid.* стр. 38.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ *А. И. Соболевскимъ*.
Томъ I. С.-Пб. 1895.

Изданіе, заглавіе котораго здѣсь выписано, удовлетворяетъ одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей русской науки и литературы. У насъ есть обширные сводные сборники народныхъ пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, и не было до сихъ поръ такого же собранія произведеній великорусскаго народнаго творчества. Старинный сборникъ *И. П. Сахарова* далеко не соответствуетъ извѣстному нынѣ запасу матеріаловъ и, кромѣ того, давно вышелъ изъ продажи, а научными достоинствами никогда не отличался. Многолѣтніе труды *П. В. Кирѣевскаго* изданы не вполне, и остается даже неизвѣстнымъ, какъ великъ объемъ не напечатанной части его собранія; знаменитые сборники *П. Н. Рыбникова* и *А. Э. Гильфердинга* содержатъ въ себѣ большею частію только былины и историческія пѣсни, а обширный, но оставшійся безъ окончанія сборникъ *П. А. Безсонова* „Калѣки переходже“ посвященъ исключительно духовнымъ стихамъ. Между тѣмъ, великорусскихъ пѣсенъ много содержанія записано и напечатано огромное количество, изъ разныхъ мѣстностей, но онѣ разбросаны по множеству изданій, изъ коихъ нѣкоторыя сдѣлались уже рѣдкими. Вслѣдствіе того, такъ-называемая бытовая великорусская пѣсня остается мало изслѣдованною, не смотря на то, что ея изученіе составляетъ одну изъ насущнѣйшихъ задачъ нашего народовѣдѣнія и литературы. Изданіе, предпринятое подъ редакціей профессора *А. И. Соболевскаго*, предназначено дать возможно полный сводъ матеріала для изслѣдованій этого рода.

О происхожденіи сборника г. Соболевскій, въ своемъ предисловіи, сообщаетъ слѣдующее: „Его Императорское Высочество, великій князь Георгій Михайловичъ, принимая къ сердцу нужды русской этнографіи, изволилъ обратить свое просвѣщенное вниманіе на отсутствіе у насъ большаго и общедоступнаго сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, могущаго удовлетворять требованіямъ науки, и изъявилъ желаніе даровать средства на изданіе подобнаго труда, когда таковой будетъ составленъ мною“. Исполняя мысль высокопросвѣщеннаго жертвователя, г. Соболевскій предпринялъ составленіе сборника тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которыя не относятся ни къ разряду былинъ, пѣсенъ историческимъ и духовныхъ стиховъ, ни къ числу пѣсенъ обрядовыхъ; такимъ образомъ, при приготовленіи сборника г. Соболевскій—говоря его собственными словами—„ограничился пѣснями—по обычной терминологіи — низшими эпическими (?), семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими“. По правдѣ сказать, эта терминологія не отличается большою точностью, и обозначаемыя ею категоріи еще нуждаются въ научной провѣркѣ; но можно согласиться съ тѣмъ, что отчетливое указаніе отдѣловъ пѣсеннаго творчества, не включенныхъ въ составъ сборника, достаточно ясно обозначаетъ кругъ его содержанія. Не смотря на указанное ограниченіе, матеріалъ, вошедшій въ сборникъ, представляется весьма обширнымъ и разнообразнымъ, и его изслѣдованіе въ литературномъ и бытовомъ отношеніяхъ можетъ повести къ любопытнымъ и важнымъ результатамъ.

Сборникъ не содержитъ въ себѣ никакихъ новыхъ записей, впервые появляющихся въ печати: добываніе ихъ и не входило въ задачи собирателя. Источниками для его труда служили печатныя книги, и прежде всего старыя печатныя „пѣсенники“ (самый ранній изъ нихъ—1780 года, самый поздній—1829), затѣмъ разнаго рода собранія пѣсенъ, вышедшія изъ продажи или вовсе въ нее не поступавшія, далѣе различныя ученые труды филологическія и музыкальныя, назначенныя лишь для небольшого числа специалистовъ, и наконецъ, разныя провинціальныя изданія, періодическія и неперіодическія, мало кому доступныя по своей рѣдкости; только двѣ пѣсни заимствованы изъ рукописей XVIII вѣка. Составитель сознается самъ, что онъ не могъ однако вполне исчерпать весь запасъ даже однихъ печатныхъ источниковъ, и прибавляетъ къ этому, что въ виду обилія собраннаго имъ изъ книгъ, ему „пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться рукописными матеріалами“.

На сколько можно судить по вышедшему нынѣ I-му тому, разыски въ печатныхъ источникахъ были произведены г. Соболевскимъ тщательно: въ ссылкахъ его указано до сотни книгъ и журналовъ, и очевидно, эта цифра должна еще увеличиться въ слѣдующихъ томахъ сборника. Въ особенности слѣдуетъ благодарить собирателя за внимательную выборку текстовъ изъ рѣдкихъ теперь старыхъ „пѣсенниковъ“, а также изъ сборниковъ, составленныхъ въ цѣляхъ музыкальныхъ, и потому мало обращавшихъ на себя вниманіе историковъ народной поэзіи. Недосмотры г. Соболевскаго въ изданіяхъ, которыми онъ несомнѣнно пользовался, незначительны и во всякомъ случаѣ могутъ быть объяснены случайностью; намъ, по крайней мѣрѣ, удалось отмѣтить только одинъ такой пропускъ, а именно: въ числѣ 16 вариантовъ пѣсни о „морянинѣ“ и его женѣ (№№ 178—194 сборника) мы не нашли одного хорошаго варианта изъ Новгородской губерніи, изданнаго въ *Москвитинѣ* 1851 года (кн. 24, отд. II, стр. 277 и 278). Разумѣется, было бы излишнею придирчивостью осуждать собирателя за подобные мелкіе недосмотры, особенно въ виду недостаточности и неудовлетворительности нашихъ библиографическихъ пособій.

Съ бѣльшимъ правомъ можно упрекнуть г. Соболевскаго за то, что онъ вовсе не воспользовался нѣкоторыми книгами, въ коихъ могъ бы найти пригодный для себя матеріалъ. Для примѣра укажемъ три такія книги: 1) Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго російскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина со всѣми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его пѣснями и портретомъ его; втораго французскаго мошенника Картуша и его сотоварищѣй. С.-Пб. 1779. 2) Народныя русскія пѣсни, собранныя М. М. Москва. 1837. 3) Пѣсни народныя, собранныя изъ устъ простаго народа. Изданы М. Сулгановымъ. Книжка I. С.-Пб. 1840. Въ первой изъ этихъ книгъ изданы 46 пѣсенъ, которыя, судя по ея заглавію, издатель („житель города Москвы Матвѣй Комаровъ“) приписывалъ Ванькѣ Каину, но онѣ почти всѣ несомнѣнно народнаго происхожденія, а нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо оказываются вариантами къ текстамъ, напечатаннымъ въ сборникѣ г. Соболевскаго. Въ остальныхъ двухъ книгахъ мы находимъ рядомъ какъ стихотворенія личныхъ авторовъ, такъ и произведенія народной поэзіи, и между сими послѣдними опять встрѣчаемъ варианты къ пѣснямъ, изданнымъ г. Соболевскимъ. Очевидно, еслибъ онъ обратилъ вниманіе на вышеука-

занныя книги, то нашелъ бы что извлечь изъ нихъ для своего сборника.

Но въ особенности слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что г. Соболевскій не призналъ удобнымъ воспользоваться рукописными сборниками пѣсенъ, составленными въ XVIII вѣкѣ. Долгое время у насъ вовсе не обращали вниманія на рукописи этого рода, и только покойный московскій библіофилъ С. А. Соболевскій хранилъ въ своей библіотекѣ два старинныхъ рукописныхъ „пѣсенника“; въ концѣ двадцатыхъ годовъ онъ даже помышлялъ объ ихъ изданіи, но почему-то не привелъ своего намѣренія въ исполненіе. По смерти С. А. Соболевскаго его „пѣсенники“ были, въ 1879 году, приобрѣтены Императорскою Публичною Библіотекой, а затѣмъ въ нее поступило еще нѣсколько подобныхъ же рукописей. Встрѣчаются такого же рода писанные сборники пѣсенъ и въ другихъ книжныхъ собраніяхъ, общественныхъ и частныхъ. Составъ такихъ сборниковъ—довольно однородный: обыкновенно подлинныя народныя пѣсни перемѣшаны въ нихъ съ силлабическими виршами и духовными кантами семинарскаго происхожденія, а также со „свѣтскими стиходѣйствами“ разныхъ авторовъ XVIII вѣка, писанными уже тоническимъ размѣромъ. Вотъ эти-то рукописи—кажется намъ—и слѣдовало бы просмотрѣть профессору Соболевскому. Выдѣлать изъ нихъ чисто народныя пѣсни не составило бы большаго труда, а между тѣмъ его сборникъ обогатился бы еще нѣкоторымъ количествомъ старинныхъ пѣсенныхъ текстовъ.

Почерпая свой матеріалъ изъ разнообразныхъ источниковъ, очень различнаго достоинства, редакторъ сборника долженъ былъ выработать опредѣленную систему печатанія пѣсенъ. Онъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи слѣдующими словами: „При перепечаткѣ пѣсеннаго матеріала я заботился сохранить все варианты, даже сильно искаженные, даже отрывки, если они представляютъ свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указанія на территориальное распространеніе пѣсни. Затѣмъ я старался удерживать раздѣленіе пѣсенъ на стихи, находящееся въ моихъ источникахъ, такъ какъ оно часто болѣе ясно при пѣніи пѣсенъ, чѣмъ при чтеніи, впрочемъ съ исключеніями, въ виду небрежности или неопытности нѣкоторыхъ собирателей. Но въ томъ, что касается обычныхъ діалектическихъ особенностей, я позволилъ себѣ отступить отъ источниковъ. Пѣсенъ, записанныхъ вполне фонетически, въ источникахъ оказалось крайне мало; пѣсенъ, записанныхъ съ кое-какими діалек-

тическими особенностями, приведенными однако безъ послѣдовательности,—болше, но вообще сравнительно немного; огромное большинство пѣсенъ было издано съ обыкновенною нашею орфографіей. Въ виду этого я нашелся вынужденнымъ, сохранивъ вполнѣ словарныя и синтаксическія особенности языка пѣсенъ, а также тѣ діалектическія особенности, которыя важны для правильнаго чтенія пѣсенъ (*у* вмѣсто *в*, и на оборотъ, формы творительнаго падежа множественнаго числа на *мъ* и т. д.), ввести въ настоящемъ сборникѣ однообразную орфографію“.

Строгіе лингвисты, быть можетъ, осудятъ редактора сборника за объединеніе орфографіи пѣсенъ. Но мы не рѣшились бы присоединиться къ такому приговору. Соображенія, которыми руководствовался г. Соболевскій, кажутся намъ вполнѣ убѣдительными. Если, вслѣдствіе объединенія орфографіи, сборникъ его не можетъ служить для лингвистическихъ изысканій, то вѣдь лингвисты найдутъ перепечатанныя имъ пѣсни въ фонетической ихъ записи тамъ, гдѣ онѣ были изданы первоначально (*Извѣстія II-го отдѣленія Академіи наукъ*, „Онежскія былины“ Гильфердинга). Не слѣдуетъ забывать, что цѣль изданія г. Соболевскаго—представить матеріалъ для изслѣдованій историко-литературныхъ; и если оно ихъ вызоветъ, ужъ и то будетъ большою заслугой со стороны редактора,

Самъ г. Соболевскій не присоединилъ къ изданнымъ имъ текстамъ никакихъ объяснительныхъ примѣчаній, кромѣ библиографическихъ ссылокъ и изрѣдка отмѣтокъ, что тотъ или другой приведенный текстъ онъ считаетъ сомнительнымъ. Такъ какъ отмѣтки эти ничѣмъ не мотивированы, то смыслъ ихъ не всегда ясенъ (например, при заимствованіяхъ изъ „Древнихъ русскихъ стихотвореній“ М. Суханова); но во всякомъ случаѣ казалось бы, что число подобныхъ отмѣтокъ могло бы быть увеличено; такъ, напримеръ, пѣсни, напечатанныя подъ №№ 451 и 457, даны, по нашему мнѣнію, въ редакціи крайне сомнительной, то-есть, не чисто народной, а между тѣмъ въ сборникѣ г. Соболевскаго онѣ являются безъ всякой оговорки относительно подлинности ихъ текста.

Всѣхъ пѣсенъ напечатано въ I-мъ томѣ 503 (считая въ томъ числѣ варианты), и и всѣ онѣ отнесены къ разряду „низшихъ эпическихъ“: этимъ, далеко не „обычнымъ“, терминомъ г. Соболевскій называетъ пѣсни повѣствовательнаго характера, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются не личности исторически извѣстныя и не герои былеваго эпоса, а разные, болшею частью безыменные

„добрыя молодцы“, „красныя дѣвицы“, „молодыя вдовы“, „молодыя монашенки“ и т. п. Впрочемъ, разрядъ „низшихъ эпическихъ“ пѣсенъ г. Соболевскій разумѣетъ очень широко: онъ отнесъ сюда и пѣсню о князѣ Михаилѣ, въ которой другіе изслѣдователи допускаютъ историческую основу, и тѣ варианты былины о Дунаѣ Ивановичѣ, гдѣ утратилось имя героя, и пѣсню о хмель, и даже пѣсни, состоящія изъ загадокъ. Если такъ, то казалось бы, что къ этому же разряду слѣдовало отнести и пѣсни разбойничьи, въ которыхъ присутствіе повѣствовательнаго элемента вообще очень значительно,—однако этого не сдѣлано. По самой сущности пѣсенъ, включенныхъ въ настоящій томъ, данныя для историческаго или мѣстнаго ихъ приуроченія встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко, и слѣдовательно, не могли служить руководящимъ началомъ для ихъ классификаціи. Въмѣсто того, пѣсни разбиты на группы по ихъ основнымъ темамъ: „мужъ губить не любимую жену“, „братъ женится по невѣдѣнью на сестрѣ“ и т. п. Это очень хорошо, но приложенный въ концѣ книги „указатель пѣсенныхъ сюжетовъ“, къ сожалѣнію, далеко не исчерпываетъ предмета.

Сборникъ изданъ очень красиво, и изъ предисловія редактора видно, что матеріалы для его продолженія заготовлены въ большемъ количествѣ. Надобно надѣяться, что остальные томы его не замедлятъ выходомъ въ свѣтъ.

Л. Майковъ.

„МОСѢ ХОНКІИ ДА МИСИ АМИРАН-ДАРЕДЖАНІАНИ, ДЕРИЛИ И ДЖАНАШВИЛИСА“.
 МОКСЕИ ХОНСКІИ И ЕГО [РОМАНЪ] „АМИРАНДАРЕДЖАНІАНИ“, СОЧИНЕНІЕ
 М. ДЖАНАШВИЛИ. Тифлисъ. 1895. Стр. 1—58.

Если бы не эниграфъ, о которомъ рѣчь ниже, то мы затруднились бы рѣшить, какое было намѣреніе у автора, когда онъ писалъ предлагающую брошюру, доказать ли что-либо въ статьѣ о древне-грузинскомъ романѣ персидскаго происхожденія „Амирандареджаніани“ (см. *Н. Марр*, „Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895, іюнь. стр. 352—365)¹⁾, или по поводу того же романа составить сборникъ забавныхъ курьезовъ.

---

¹⁾ Вислѣдствіемъ мы получили возможность познакомиться съ трудомъ *А. С. Хачанова* „Очерки по исторіи грузинской словесности“. Выпускъ первый. На-

Положительная сторона слишком слабо представлена: дается краткое, в семи строках, описание рукописи № 1119 библиотеки Общества распространения грамотности среди грузин и сообщается о нахождении в той же библиотеке *до шести* рукописей „Амирандареджаніани“ (стр. 3 и прим. 1); затѣмъ по поводу возможной, но рискованной этимологии грузинскаго слова „макари“ сообщается объ обычаяхъ въ Сангило осыпать новобрачныхъ орѣхами вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ монетъ (стр. 7—8); указываются совпаденія въ поэмахъ Руставели и Шавтели (стр. 26—26: объясненіе этому факту нами дано будетъ въ этюдѣ, посвященномъ поэту Шавтели); предлагается остроумное толкованіе легенды объ Амиранѣ, къ сожалѣнію, мало мотивированное и особенно неудачное потому, что этотъ типическій представитель обширнаго района обращенъ въ маленькаго грузинскаго героя (стр. 32—34); наконецъ, выражается обычное *wish desiderium*—желательность изданія и изученія какъ романа „Амирандареджаніани“, такъ и легендъ, имѣющихъ къ нему отношеніе, и вообще памятниковъ грузинской литературы. Заслуживаетъ, пожалуй, вниманія параллель, проводимая между „Амирандареджаніани“ и „Юношею въ барсовой кожѣ“ (стр. 17—25), хотя, конечно, параллель эта имѣетъ значеніе не для грузинской литературы, какъ желалъ бы М. Джанашвили, а для персидской, въ которой и возникли оригиналы обоихъ произведеній. Затѣмъ въ брошюрѣ все сплошь заблужденія и курьезы.

Въ заблужденіи находится авторъ (стр. 6—7), когда дѣлаетъ заключеніе, что Моисей Хонскій свой романъ построилъ на древнѣйшемъ сказаніи о Промееѣ. Посылки М. Джанашвили слѣдующія: 1) грузинская легенда объ Амиранѣ и сказаніе о Промееѣ родственны [правда, но только въ одномъ эпизодѣ], 2) грузинская ле-

---

родный эпосъ и апокрифы. Москва. 1895. in 8°, II + 364 + II. Въ качествѣ приложенія къ страницамъ 20—43 Очерковъ помѣщенъ довольно подробный пересказъ (стр. 330—351) романа Амирандареджаніани, по рукописи 1825 г. (№ ?) Общества распространения грамотности среди грузинъ (стр. 351). Судя по исковерканнымъ формамъ именъ, рукопись не изъ лучшихъ, и относится къ типу урѣзанныхъ. Подробный разборъ романа А. С. Халанова оставляетъ для втораго выпуска Очерковъ; пока дается лишь два-три замѣчанія (стр. 351—352), между прочимъ то, что „слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ, и слово „аминь“ въ концѣ ея, *съроятно*, является позднѣйшимъ прибавленіемъ переносчика“. Это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Статья на грузинскомъ языкѣ (Иверія, 1895, № 161 30-го іюля, стр. 8). С. Павліашвили, видимо огорченнаго персидскимъ происхожденіемъ нашего романа, не представляетъ никакого научнаго интереса

генда объ Амيرانѣ и „грузинскій“ романъ „Амирандареджаніани“ родственны [правда, но только въ нѣкоторыхъ эпизодахъ и какъ разъ не въ той части, которая роднитъ грузинскую легенду съ греческой]. Очевидно, заключеніе автора брошюры имѣеть лишь силу частнаго мнѣнія, изъ сущности дѣла не вытекающаго.

Въ заблужденіи находится М. Джанашвили, когда общность нѣкоторыхъ эпизодовъ у романа „Амирандареджаніани“ съ легендою объ Амيرانѣ ститаетъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отождествить всю легенду съ романомъ и производить безъ всякихъ специальныхъ доводовъ книжное произведение отъ устныхъ разказовъ (стр. 9—13, а также 27—28, 31, 40).

Въ заблужденіи находится М. Джанашвили, когда въ пользу популярности романа „тогда“, то-есть въ XII вѣкѣ, указываетъ онъ на знакомство съ романомъ тѣхъ редакторовъ Грузинскихъ Лѣтописей, которые болѣе близки къ намъ, чѣмъ ко времени Моисея Хонсаго, „автора“ романа (стр. 13—14). Но тутъ мы незамѣтно переходимъ въ область наивнаго.

„Царь! во вѣки живи“, выраженіе обычное въ романѣ „Амирандареджаніани“, Моисею Джанашвили напоминаетъ такое же выраженіе въ сказаніи о грузинскомъ царѣ Вахтангѣ Гургасарѣ, и оно кажется ему характернымъ грузинскимъ оборотомъ (стр. 14), между тѣмъ его сплошь и рядомъ встрѣчаемъ у персовъ, и не у персовъ только; достаточно напомнить изъ Даниила 2, а. „И отвѣчали халдеи по сирски: *царь! во вѣки живи*; скажи сонъ и т. д.“. Наивно въ подчеркнутомъ выраженіи видѣть доказательство грузинскаго происхожденія романа.

Еще болѣе наивно со стороны М. Джанашвили, когда онъ указываетъ на то, что „у витязя араба Амбра, въ романѣ „Амирандареджаніани“ есть лошадь „Зердак“, купленная за 3000 динарiевъ, а съ другой стороны лошадь грузинскаго царя Давида Сослана, купленная имъ за крѣпость и село, называлась такъ же „Зердак“: по мнѣнію М. Джанашвили, между указанными фактами есть связь; конечно, но связь эта не имѣеть вовсе значенія въ смыслѣ выясненія „національнаго“ характера романа: дѣло въ томъ, что „зердак“ персидское слово, въ примѣненіи къ лошади и вообще означающее *рыжий золотистый цвѣтъ*. Рыжая лошадь была у героя *араба* Амбра, рыжая же лошадь была у *грузинскаго* царя, и это, пожалуй, показываетъ, что рыжія лошади особенно цѣнились на востокѣ, а не исключительно въ Грузіи, гдѣ въ высшемъ обществѣ XII вѣка, по крайней мѣрѣ въ лите-

ратуръ, даже не знали вовсе грузинскаго названія подобной масти. Неужели можно вѣрить въ доказательность этихъ доводовъ въ пользу грузинскаго происхожденія романа? Другіе доводы совѣмъ ужъ курьезны. Ограничусь двумя-тремя образчиками изъ области такихъ курьезовъ.

Въ романѣ встрѣчаются имена Саварсами-дзе и Бадри-дзе: это оказываются древнія грузинскія фамиліи, потому-де романъ съ этими именами—грузинское произведение; на какомъ же основаніи? А на томъ, что „такія фамиліи и теперь существуютъ въ Грузіи. Одинъ Саварсамидзе былъ даже генераломъ“ (стр. 5, прим. 2). Авторъ брошюры, очевидно, не сознаетъ, что въ позднѣйшей Грузіи персидскія имена распространялись частью изъ популярныхъ переводныхъ съ персидскаго романовъ, частью вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшагося вліянія Персіи: такіе имена одно время совѣмъ было вытѣснили у грузинъ въ высшихъ кругахъ христіанскія календарныя имена.

Романъ, по мнѣнію М. Джанашвили, написанъ въ христіанскомъ духѣ, доказательствомъ¹⁾ чего служитъ упоминаніе Бога (sic) и не разъ (стр. 26—27).

Въ романѣ встрѣчается даже названіе грузинской области; такъ зпитеть вина „хош гур—ули“, представляющій въ искаженіи персидское слово „хош-гувѣр“ *удобоваримый, пріятный, вкусный*, съ грузинскимъ окончаніемъ „ули“, для М. Джанашвили означаетъ „хорошее Гурійское вино“! (стр. 11—12).

Герои романа, увѣряетъ насъ М. Джанашвили (стр. 35—36), дѣйствуютъ на Кавказѣ и въ сосѣднихъ странахъ! А Аравія? Багдадъ? Абиссинія? Индія? Китай? Неужели эти страны также прилегаютъ къ Кавказу? Оказывается, это все аллегорія (стр. 40—44)! По сказаннаго достаточно по существу.

Книжка украшена четверостишіемъ грузинскаго поэта:

Братья, обратимъ свои взоры
Къ старшимъ, почтимъ вѣка минувшіе:
Тамъ видны свѣтлыя образы
Героевъ, возвеличившихъ отечество!

Авторъ брошюры, судя по этому эпитафю, хотѣлъ почтить романъ „Амирандареджаніани“, обративъ свои взоры къ древней гру-

¹⁾ Другіе доводы (стр. 27—28), относящіеся къ христіанской редакціи народной легенды, совѣмъ бесполезны для вопроса о книжномъ романѣ, не зависящемъ отъ легенды.

зинской литературѣ, но престижъ Моисея Хонскаго, „автора“ „Амирандареджаніани“, конечно, мало выигралъ отъ того, что по поводу его романа въ одной маленькой брошюрѣ сумѣли совмѣстить столько наивностей. Вина тутъ не одинъ недостатокъ специальныхъ познаній; гораздо больше содѣйствуетъ появленію въ печати такихъ „научныхъ“ трудовъ неумѣстный въ научныхъ вопросахъ патріотизмъ. На Кавказѣ далеко не всѣ знакомы или не желаютъ считаться съ тою истиною, которая выражена въ извѣстной фразѣ Jonckbloet'a въ *Étude sur le roman de Renart*, 1863, стр. 48: „прекрасная вещь любовь къ отечеству (въ нашемъ случаѣ—къ родинѣ), но слѣдуетъ остерегаться преувеличенія, особенно если это преувеличеніе приводитъ къ извращенію нашего сужденія“.

Ш. Марръ.

Adolf Pawlowski. *Szkizy Ziemskie*. Warszawa. 1895.

Польская историографія не можетъ пожаловаться на недостатокъ даровитыхъ представителей науки, разрабатывающихъ ея область. Тѣмъ не менѣе, многое мѣшало правильному развитію польской исторической науки. Судьба польскаго государства и общества сложилась такъ, что польскіе ученые, вольно и невольно, вносили въ изученіе родной стороны свои современныя, новыя настроенія, будучи не въ силахъ взглянуть на стоявшія передъ ними задачи вполне объективно. Въ результатѣ получилась нѣкоторая односторонность разработки исторіи Польши. Какъ ни богата польская историческая литература выдающимися трудами, внутренняя исторія польскаго народа сравнительно мало выяснена. Вниманіе изслѣдователей сосредоточилось на особенностяхъ польскаго политическаго быта. Зато лежащій въ основѣ этого быта своеобразный социальный строй остается въ тѣни. До сихъ поръ нѣтъ исторіи сословій въ Польшѣ, и причины, создавшія польскіе сословные порядки, могутъ быть указаны лишь въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ. Вопросъ объ экономическихъ отношеніяхъ, опредѣлившихъ сословную организацію и раннюю государственную дезорганизацію—едва намѣченъ.

На сколько трудно было, не сдѣлавъ этого перваго шага, сдѣлать второй и прослѣдить генезисъ политическихъ учреждений, легко видѣть на литературѣ, посвященной польскимъ сеймикамъ и только что обогащенной повымъ, мастерски написаннымъ трудомъ проф. Па-

винскаго. Проф. Павинскій не впервые выступаетъ въ качествѣ изслѣдователя исторіи сеймиковъ. Его капитальный трудъ: „Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków wojewódstw kujawskich“ давно занялъ почетное мѣсто въ исторической литературѣ. По этотъ трудъ обнимаетъ лишь позднѣйшую эпоху—съ 1572 по 1795 годъ и посвященъ изображенію вполнѣ развитаго политическаго быта, во всѣхъ его особенностяхъ и недостаткахъ. Теперь проф. Павинскій обратился къ вопросу о происхожденіи сеймиковъ, о началѣ и постепенномъ развитіи сеймикованія до установленія вальнаго сейма. Въ трудѣ проф. Павинскаго столько новаго, что подробный отчетъ о немъ едва-ли будетъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что трактуется имъ вопросъ, коренной для польской исторіи, полный общаго интереса и какъ нельзя лучше выясняющій основныя методологическія нужды (если можно такъ выразиться) польской исторіографіи.

Обширный трудъ проф. Павинскаго распадается на 4 отдѣла: 1) зарожденіе и ростъ сеймиковой организаци; 2) независимость сеймиковъ и провинціальныя сеймы; 3) начало вальнаго сейма и 4) земскіе послы въ вальномъ сеймѣ.

I.

Вопросъ о зарожденіи сеймиковой организаци получаетъ въ разбираемомъ трудѣ совершенно новую постановку. Авторъ прямо начинаетъ съ протеста противъ нерѣдко высказывавшагося мнѣнія, что возникновеніе сеймиковъ надо относить къ серединѣ XV вѣка, и колыбелью ихъ—считать нешавскіе привилеи 1454 года. Противъ такого утвержденія авторъ выставляетъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи сеймиковъ въ первой половинѣ XV вѣка, и пытается прослѣдить постепенное развитіе этого учрежденія, которому нешавскіе привилеи дали только юридическую санкцію и формальное признаніе пріобрѣтеннаго уже ранѣе политическаго значенія. Вопросъ, поднятый проф. Павинскимъ, имѣетъ большое значеніе: это вопросъ о политической роли шляхетства, землянъ, въ тотъ періодъ, о которомъ утвердилось мнѣніе, что это періодъ полнаго господства пановъ и столь же полнаго безгласія шляхты, еще недоросшей до политической жизни. Картина, воспроизведенная въ трудѣ проф. Павинскаго, идетъ въ разрѣзъ съ такимъ мнѣніемъ. Къ сожалѣнію, она не отличается достаточною полнотой, отчасти по недостатку источниковъ, но отчасти, можетъ быть, и по винѣ автора. Исходнымъ пунктомъ

своего изслѣдованія проф. Павинскій избралъ 1374 годъ, годъ кошицкаго привилея. Кошицкій привилей короля Людовика Венгерскаго, ставшій „краеугольнымъ камнемъ высокаго положенія шляхты“, освободилъ шляхту отъ всѣхъ платежей и повинностей, кромѣ военной службы, городского дѣла и ежегодной уплаты двухъ грошей съ каждаго лана. По мнѣнію проф. Павинскаго, этотъ привилей „далъ“ шляхтѣ ту силу, которая, развиваясь дальше въ благоприятныхъ условіяхъ, создала государственное значеніе шляхетскихъ сеймиковъ. Кошицкій привилей ограничилъ право центральной власти распоряжаться платежными силами страны. При незначительности прямого обложенія, въ распоряженіи королевской власти остались только средства, доставляемый коронными имуществами, рудниками и таможенными сборами. Средства эти были слишкомъ незначительны, и всѣ серьезныя затрудненія приходилось разрѣшать, обращаясь къ шляхтѣ за добровольной денежной помощью. Получивъ самое сильное средство давленія на правительство—право соглашаться на денежный взносъ или отказываться въ немъ, шляхта стала на путь быстрого развитія своей политической роли. Надо, однако, замѣтить, что кошицкій привилей едва-ли создавалъ много новаго. Онъ былъ только болѣе опредѣленною редакціей привилея, даннаго Людовику въ 1355 г. и содержавшаго обязательство уважать права сословій. Оба привилея санкціонировали установившіяся отношенія землянъ и королевской власти. Указывая на кошицкій привилей 1374 года, какъ на исходный пунктъ процесса, создававшего политическую роль шляхты, проф. Павинскій правъ только отчасти: упомянутый привилей завершилъ цѣлый періодъ развитія шляхетства, и безъ обстоятельнаго изученія этого періода, когда шляхетство вырабатывалось, какъ сословіе, приобрѣтая политическое значеніе въ государствѣ, — указаніе на кошицкій привилей мертво и недостаточно для объясненія генезиса политической силы, которой проявленіемъ была дѣятельность сеймиковъ. Проф. Павинскій, излагая исторію сеймиковъ, постоянно говоритъ о „жизненныхъ сокахъ“, наполнявшихъ реальнымъ содержаніемъ политическія формы. Но безъ отчетливой, выясненной генетически характеристики главнаго дѣйствующаго лица—шляхты эти „жизненные соки“—только намекъ на историческія силы, по существу невыясненные. Исторія сеймиковъ—исторія дѣятельности шляхетства; но въ трудѣ проф. Павинскаго шляхетство—таинственный незнакомецъ, который все дѣлаетъ на изучаемой исторической сценѣ, оставаясь за кулисами, невидимый для зрителя.

Первое, послѣ 1374 г., появленіе, шляхетства на исторической сценѣ, какъ *communis*, какъ организованной силы, относится къ смутнымъ 1382—1384 годамъ. Смуты, поднявшіяся по смерти Людовика Венгерскаго, вызвали необходимость экстренныхъ мѣръ для поддержанія порядка. Въ 1382 г. составилаь радомская конфедерация, результатомъ которой явилась организація управленія въ 1384 году. Конфедерация обнимала не только сановниковъ и вельможныхъ пановъ, но и всю шляхту. Проф. Павинскій признаетъ, что роль шляхты была подчиненная, что руководили всѣмъ паны, но въ актахъ того времени находятъ указанія, что, призванная къ участію шляхта собиралась не сплошною массой, а по землямъ; по землямъ же дѣлалось управленіе, при чемъ часть должностныхъ лицъ была выборная. Это даетъ автору право признать существованіе организаціи мѣстныхъ шляхетскихъ обществъ, которая могла выражаться только въ формѣ сеймиковъ. Начавъ изслѣдованіе съ этихъ данныхъ, авторъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ сеймикованія, но едва-ли разрѣшенъ имъ вопросъ о зарожденіи сеймиковъ.

Указавъ на существованіе сеймиковъ въ концѣ XIV вѣка и на силу, какую давали имъ права, освященныя кошницкимъ привилеемъ, проф. Павинскій тщательно собираетъ свѣдѣнія о сеймикахъ „отъ Кошицъ до Нешава“, отмѣчая постепенный ростъ ихъ значенія, завершившійся нешавскими постановленіями. Какъ только что было указано, проф. Павинскій только косвенно могъ вывести свидѣтельство о сеймикахъ изъ актовъ 1382—1384 г. Сеймиками считаетъ онъ съѣзды въ Сѣрадзѣ въ 1399 г. и въ землѣ куявской въ 1402 г., на томъ основаніи, что въ документахъ упомянуты, какъ участники, наряду съ сановниками „*alii nobiles terrae ejusdem*“ въ первомъ случаѣ и „*omnes terrigenae*“ во второмъ.

Поводъ къ съѣзду въ Брестѣ (1402 г.) неизвѣстенъ, а сѣрадзскій съѣздъ (*consilium generale*) постановилъ сборъ по полъ гроша съ cadaго кмета въ земскую казну. Въ ряду другихъ собраныхъ авторомъ свидѣтельствъ о сеймикахъ, его пониманіе упомянутыхъ извѣстій представляется фронтнымъ, хотя о характерѣ и степени участія рядоваго шляхетства въ этихъ сеймикахъ сказать ничего нельзя, кромѣ того, что едва-ли оно было значительнымъ. Первый примѣръ самообложенія шляхты въ пользу государства относится къ 1404 г. Въ этомъ году заключенъ былъ миръ съ тевтонами, по которому Польша приобрѣтала Добржинскую землю за большой выкупъ. Король повелѣлъ „собраніе сеймиковъ, какъ передаетъ Длугошъ,

чтобы на нихъ шляхта постановила дать денежную помощь изъ своихъ доходовъ". Осенью того-же года состоялся вальный сеймъ въ Корчинѣ, назначившій сборъ по 12 грошей съ лана. Актъ этого сейма подтверждаетъ извѣстіе Длугоша, но не разрѣшаетъ недоумѣнія, чѣмъ былъ „вальный сеймъ“ 1404 года и въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ „сеймикамъ“. Нѣкоторый анахронизмъ примѣненія этихъ терминовъ къ столь ранней эпохѣ несомнѣненъ. Вальный съѣздъ начала XV вѣка былъ только собраніемъ должностныхъ лицъ. Исслѣдователю, выдвигающему значеніе неслужившихъ шляхетскихъ элементовъ въ эту эпоху и справедливо обратившему вниманіе на извѣстія 1404 г., слѣдовало бы выяснитъ, чѣмъ могли быть шляхетскія собранія, о которыхъ идетъ рѣчь. Проф. Павинскій не находитъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, имѣли ли шляхетскія общества какой-нибудь вѣсь на вальныхъ съѣздахъ, а по поводу сеймиковъ говоритъ: „То были, несомнѣнно, такіе же сеймики, какіе отбывались 50 или 100 лѣтъ позднѣе, съ той только разницей, что, можетъ быть, въ тогдашнихъ отношеніяхъ, собраніе совокупности шляхты въ данной землѣ еще рѣшительнѣе опредѣлялось названіемъ *communitas*—община земли куявской, сѣрадзкой“ и т. д. Если бы проф. Павинскій имѣлъ возможность опираться въ изученіи ранней исторіи сеймиковъ на предварительный анализъ социальныхъ отношеній той же эпохи, онъ, вѣроятно, далъ бы болѣе отчетливое опредѣленіе заинтересовавшимъ его явленіямъ. „Сеймики, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — или собранія рыцарской шляхты, принимаютъ форму мѣстныхъ сходокъ (*zgomadzeń*), обнимающихъ единицу (*sałocis*), созданную давними историко-политическими и административными отношеніями“. Это такъ, и потому то въ основѣ исторіи сеймиковъ должно лежать изученіе этой *sałocis* и создавшихъ ее отношеній. Мало сказать, что „сеймикъ земскій появляется въ концѣ XIV, въ началѣ XV вѣка; его исконный признакъ—участіе всей совокупности шляхты безъ различія“—надо знать происхожденіе, составъ и внутренній строй этой совокупности.

Проф. Павинскій не выясняетъ намъ происхожденія сеймиковъ, ни факторовъ, вызвавшихъ ихъ на свѣтъ. Онъ беретъ первыя извѣстія о сеймикахъ, какъ явленіи, уже существующемъ, и слѣдитъ затѣмъ за дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ значенія и расширеніемъ ихъ компетенціи. Кошицкій привилей опредѣлилъ финансовую роль сеймиковъ. Судебное дѣло, разбиравшееся въ 1412 г. передъ ленчицкимъ старостой, позволяеть исслѣдователю глубже заглянуть въ

мѣстное управленіе сборами. Это дѣло, подробно изложенное авторомъ, указываетъ на существованіе земскихъ сборщиковъ, на контроль мѣстныхъ должностныхъ лицъ и всей земли, на участіе всего шляхетства во взисканіи общественныхъ денегъ со сборщиковъ, не представившихъ полного отчета,—словомъ, рисуетъ картину выработанныхъ уже формъ мѣстнаго самоуправленія. Оно — въ рукахъ пановъ и сановниковъ. Шляхта не участвуетъ въ управленіи текущими дѣлами, но является на сѣзды, собираемые лицами, поставленными во главѣ управленія отдѣльными землями, повидимому, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ надобности. Проф. Павинскій слѣдитъ за постепеннымъ усиленіемъ значенія такихъ общихъ сеймиковъ на счетъ сѣздовъ однихъ должностныхъ лицъ. Онъ отмѣчаетъ въ 1418—1419 гг. участіе всей ленчицкой шляхты въ кодификаціи мѣстнаго обычнаго права, сводившееся, конечно, къ одобренію работъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ земскіе суды.

Дальнѣйшіе успѣхи шляхетскаго самоуправленія вызваны были разложеніемъ королевской администраціи и королевскихъ судовъ. Еще въ 1406 г., задолго до нешавскаго привилея, въ ленчицкой землѣ староста съ панами шляхтой выбираетъ кандидатовъ на должности судьи и подсудка. Смуты, парализовавшія всякую возможность сильной централизаціи управленія въ XV вѣкѣ, потребовали гарантировать частныя права и регулировать правовыя и экономическія отношенія помимо королевской власти, съ каждымъ поколѣніемъ вызвали мѣстные шляхетскіе міры на все болѣе и болѣе широкую административно-политическую дѣятельность. Сеймики стали опорнымъ пунктомъ центробѣжной дѣятельности, отвлекавшей средства управленія отъ высшей власти въ руки мѣстныхъ обществъ. Процессъ, который привелъ къ образованію этихъ обществъ, не вполне еще выясненъ. Связью вошедшихъ въ ихъ составъ элементовъ служила административная іерархія, отдѣльная для каждой земли, отъ воеводы до войскаго; этой административной особенностью опредѣлилась и индивидуальность каждаго мѣстнаго общества, составившаго съ іерархіей своей земли одно цѣлое — земскій сеймикъ. Сеймикъ оказался организованною и дѣеспособною единицей раньше, чѣмъ успѣла выработаться обще-государственная организація. Это придавало сеймикамъ значеніе большее, чѣмъ имѣли бы они, какъ органы мѣстнаго самоуправленія. Они еще въ началѣ XV вѣка самими историческими условіями были призваны къ разрѣшенію обще-государственныхъ задачъ первостепенной важности. Такими задачами были опредѣленіе

отношеній къ церкви и духовенству, упорядоченіе финансовъ, администраціи и суда. Администрація должностныхъ лицъ, съ властью, делегированною королемъ, но мѣрѣ ослабленія центра, оказывалась несостоятельною передъ новыми, усложнившимися задачами управления. Безъ поддержки изъ центра мѣстнымъ управителямъ пришлось искать опоры въ мѣстныхъ силахъ: „рада пановъ сановниковъ, земская рада сливается въ одно тѣло съ совокупностью шляхты и создаетъ земскій сеймикъ“.

Вторая четверть XV вѣка окончательно выявила несостоятельность центральной власти, захваченной можновладствомъ, въ дѣлѣ управления. Требования шляхты, выраженные въ лагерномъ кружѣ подъ Червенскомъ, въ 1422 г., вартскія постановленія 1423 г., брестскій привилей 1425 г. и едлинско-краковскія постановленія 1430 г.—таковъ рядъ попытокъ опредѣлить и гарантировать права шляхетскаго общества въ смутную эпоху. Со стороны центрального правительства—это были только уступки, съ цѣлью успокоить безпокойную шляхту. Исполненіе постановленій, дѣйствительное возрожденіе порядка, созданнаго законами Казимира Великаго, не могло быть достигнуто одними привилеями. Проф. Павинскій въ IV-й главѣ перваго отдѣла своего труда изображаетъ энергичный подъемъ мѣстной дѣятельности на пользу возстановленія законнаго порядка, хозяйства и государственной обороны. Это было дѣломъ третьяго поколѣнія, выступившаго на сцену, со времени кошицкаго привилея. Ему пришлось пережить двѣ элекціи—Владислава Варненчика и Казимира Ягеллончика—и поль-жизни провести въ „безкоролеви“. Обществу, беззащитному передъ надвигавшеюся анархіей, необходимо было самому организовать свою защиту и оно болѣе или менѣе, справилось съ этой задачей, закончивъ свою дѣятельность на Пешавскихъ поляхъ въ 1454 г. формулировкой и законной санкціей своихъ правъ въ рядѣ привилеевъ отдѣльнымъ землямъ, окончательно опредѣлившей сеймикovou организацію страны.

Въ 1433—1434 г. шляхетскія привилегіи распространились и на Русь. Шляхта Подола, львовской, галицкой и другихъ земель русскихъ, составила въ 1436 г. конфедерацію, съ цѣлью осуществить на дѣлѣ привилегіи, признанныя за нею королемъ и королевскою радой. Постановленія этой конфедераціи чрезвычайно характерны. Шляхетство русскихъ земель составило союзъ, чтобы взаимною поддержкой гарантировать осуществленіе и неприкосновенность правъ, освященныхъ законодательною властью, и при этомъ поста-

новила, что участие въ общественных дѣлахъ, приеутствие на сеймикахъ—обязательно для всякаго шляхтича, а въ случаѣ отсутствія по уважительной причинѣ, не явившіяся обязаны, подъ страхомъ высшей кары, подчиниться состоявшимся рѣшеніямъ. „Письменный актъ закрѣпленъ приложеніемъ нѣсколькихъ десятковъ печатей шляхты изъ разныхъ земель Руси и Подола, — замѣчаетъ при этомъ проф. Лавинскій, между нею нѣтъ ни одного сановника“. Такъ, для осуществленія постановленій законодательной власти, потребовалась конфедерация мѣстнаго общества, повиднмому, даже безъ участія должностныхъ лицъ. Этотъ рѣзкій примѣръ, объяснимый отчасти исключительностью положенія русскихъ земель, все-таки характеренъ для общаго движенія въ сферѣ управленія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV вѣка. Мѣстныя судебно-административныя учрежденія повсюду приходятъ въ упадокъ. Земскіе суды и sądy więcowy — бездѣйствуютъ „по разнымъ причинамъ, между прочимъ по поводу неявки тѣхъ, кто принадлежалъ къ ихъ личному составу“. Земская рада, вѣдавшая административныя, полицейскія, а также и судебныя дѣла соединявшаяся и ранѣе, по временамъ, съ сеймиками, все болѣе сливается съ ними. Терминологія актовъ становится неопредѣленной: *convencio*, *colloquium*—означаетъ то съѣздъ должностныхъ лицъ, то сеймикъ, съ участіемъ всей шляхты.

Сеймики дѣлають рядъ усилій возстановить правильное дѣйствіе судовъ. Въ то же время развивается и ихъ собственная судебная дѣятельность: они начинаютъ играть роль апелляціонной инстанціи, замѣняя пеликіе роки, или судебныя вѣча. Трудно, конечно, прослѣдить съ полной отчетливостью этотъ процессъ постояннаго роста сеймиковъ: онъ проходилъ одновременно разные стадіи своего развитія въ разныхъ земляхъ. Но сильный толчокъ данъ былъ элекціей по смерти Ягайлы-Владислава. На элекціонномъ сеймѣ—были послы отдѣльныхъ земель, избранные, очевидно, на сеймикахъ. Съ элекціей Владислава III соединилась другая задача: учрежденія опеки до совершеннолѣтія короля. Запутанное состояніе финансовъ вынудило на новую мѣру: для каждой земли выбрали „провизора“, главнымъ образомъ, для управленія доходами. Выбрали ихъ паны, помимо сеймиковъ, но не изъ должностныхъ лицъ, а изъ шляхты. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ неудовлетворительное веденіе дѣлъ провизорами вызвало передачу финансовъ въ руки воеводъ. На Руси, сильно потерпѣвшей въ это время отъ татаръ, это постановленіе сѣрадскаго сейма привело къ рѣшенію общаго сеймика русскихъ земель въ

Львовѣ—поручить финансовое управленіе воеводѣ и подкоморію, съ полномочіемъ расходовать сборы на благо русскихъ земель, подъ вѣдѣніемъ и по совѣту всего сеймика, охраняя ихъ отъ всякихъ вымогательствъ со стороны короля. Трудно сказать, на сколько такая полная децентрализація финансовъ охватила остальные земли, но несомнѣнно значительное усиленіе роли сеймиковъ на счетъ дезорганизованнаго центрального управленія. Попытки возстановить расшатанный порядокъ, шедшія снизу, отъ мѣстныхъ мировъ, оставались все-таки неполными. Не смотря на сдѣланные успѣхи, сеймики, разрозненные, лишенные способовъ правильно сноситься другъ съ другомъ и съ центральнымъ правительствомъ, оставались безсильными передъ общественнымъ неустройствомъ. Объединеніе сеймиковъ въ одну систему было задачей неразрѣшенной. Лишивъ королевскую власть средствъ возродить свою силу, сеймики должны были создать новую систему центрального управленія.

II.

Новое царствованіе, Казимира Ягеллончика, началось рядомъ сеймовъ, постановленія которыхъ имѣли цѣлью возстановить правильное теченіе дѣлъ въ судахъ, административномъ и финансовомъ управленіи. Но переходъ отъ рѣшенія къ его выполненію по прежнему былъ труденъ. Казна была пуста, средства для ея пополненія истощены хищническимъ управленіемъ можновладства, вліяніе короля на мѣстное управленіе подорвано. Сеймики ассигновали сборъ по 12 грошей съ лана на выкупъ заложенныхъ коронныхъ имуществъ, не выговоривъ себѣ даже подтвержденія привилегій. Изъ-за этого подтвержденія и поднялась борьба, обезоружившая короля въ его реформаціонныхъ планахъ. Положеніе короля было безвыходнымъ. Ясно сознавая необходимость реформъ, король видѣлъ и необходимость сосредоточить въ своихъ рукахъ средства управленія, безъ которыхъ онъ не могъ вести энергичной политики внѣ страны и внутри ея. Еще сильнѣе чувствовала всю тяжесть неурядицы шляхты, но купленное дорогимъ опытомъ недовѣріе къ центральному правительству мѣшало ей оказать королю полную поддержку. Недолго продолжалось согласіе короля и шляхты, когда онъ попытался уклониться отъ подтвержденія привилегій. Семь лѣтъ ушло на эту борьбу—и королю пришлось уступить. На Петроковскомъ вальномъ сеймѣ 1453 года Казимиръ принесъ присягу шляхетскимъ вольностямъ въ

присутствіи своей рады и двухсотъ шляхтичей, повидимому, бывшихъ представителями разныхъ земель. Это частный примѣръ непосредственнаго сношенія шляхты съ королемъ, примѣръ случайный, не предсказывавшій еще легальной формы такихъ сношеній...

Борьба за привилегіи, парализовавшая дѣятельность правительства на семь лѣтъ, еще больше сплотила шляхетскіе сеймики, придала имъ энергіи и самоувѣренности, не увеличивъ, конечно, довѣрія къ королевской власти. Результатомъ явились событія 1454 года.

Въ предшествовавшемъ году шляхта заручилась подтвержденіемъ правъ своихъ въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ началѣ 1454 года, 14 марта, король выдалъ привилей, подтверждающій податныя льготы, — но и этого казалось мало. Шляхта воспользовалась прусскимъ походомъ, чтобы, обративъ лагерный кругъ въ сеймикъ, предъявить королю свои требованія. Первая подала примѣръ великопольская шляхта, собравшаяся, въ сентябрѣ, подъ Цереквицей. Король, явившійся въ лагерь, чтобы вести посполитое рушеніе подъ Хойницу, вынужденъ былъ подписать поданный ему актъ, въ которомъ перечислены были старыя права шляхты съ прибавленіемъ новыхъ привилегій. Такой же документъ подписанъ былъ для малопольской шляхты подъ Опоками, а подъ Нешавомъ получили отдѣльные привилеи остальные земли. Только подъ этимъ условіемъ соглашалась шляхта идти въ походъ. Но помощь ея, купленная цѣною новаго ограниченія королевской власти, не спасла короля отъ стыднаго пораженія подъ Хойницей и отъ безрезультатной тринадцатилѣтней борьбы, которую проф. Павинскій справедливо сравниваетъ съ работой Сизифа.

Привилеи, выданные подъ Нешавомъ, не составляютъ одного цѣлага. Рѣзко выраженная индивидуальность отдѣльныхъ земель выразилась въ разнохарактерности ихъ требованій. Впрочемъ, привилеи могутъ быть подведены, какъ указываетъ проф. Павинскій, подъ два типа: великопольскій, — сюда относятся, кромѣ великопольскаго, также привилеи земли сѣрадзской и, вѣроятно, ленчицкой и куявской, — и малопольскій (Малая Польша съ землями краковской, сандомирской, любянской и холмской). Въ различіи этихъ типовъ выразилась „удивительная и невыясненная“, какъ выражается проф. Павинскій, разница двухъ частей Польши. Дуализмъ Великой и Малой Польши былъ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій польской исторіи, и пока онъ останется „удивительнымъ и невыясненнымъ“, трудно будетъ разобратъся въ основныхъ вопросахъ исторіи Польши и дать содержа-

тельную общую схему ея судебъ. А гдѣ искать объясненія, если не въ исторіи польскаго общества, польскаго социальнаго строя?

Первое мѣсто по значенію, среди нешавскихъ привилеевъ, занимаетъ привилей великопольскій. Онъ состоитъ изъ 35 параграфовъ и вноситъ существенныя измѣненія въ польское государственное право. Главная цѣль великопольской шляхты: „чтобы республика на будущее время управлялась разумнѣе“. Средствомъ для этого должно служить сеймикъ, какъ „органъ жизни шляхотства въ каждой отдѣльной землѣ“ и какъ учрежденіе, охраняющее права шляхотства и контролирующее всю внѣшнюю и внутреннюю политику государства, поскольку она касается каждой отдѣльной земли. Такое значеніе получаетъ сеймикъ, благодаря 33 параграфу привилей: „Объявляемъ (это слова короля), что не будемъ издавать никакихъ новыхъ конституцій, ни призывать землянъ къ посполитому рушенью безъ земскаго сеймика“. Проф. Павинскій указываетъ, что слово „конституція“ значитъ то же, что *institutio* первой (церковницкой) редакціи того-же привилея, и означаетъ постановленія, издаваемыя королемъ лично отъ себя (*rex rex se*). Приведенный параграфъ ограничивалъ законодательную дѣятельность короля, поскольку она касалась правъ и интересовъ шляхотства; „то—говоритъ проф. Павинскій,—что лежало за кругомъ правъ и дѣятельности сеймика каждой отдѣльной земли, осталось въ распоряженіи королевской власти“. Еще существеннѣе было ограниченіе военной власти короля. Разъ отъ доброй воли сеймика зависѣло предоставить въ распоряженіе короля военныя и платежныя силы земли, то онъ получалъ возможность парализовать всякую дѣятельность высшей власти, и каждая земля была гарантирована отъ ея внѣшательства въ свои дѣла, хотя-бы въ случаѣ крайней необходимости.... Остальныя привилегіи, внесенныя въ великопольскій привилей, только полнѣе опредѣляли права, на дѣлѣ существовавшія и раньше. Общая черта ихъ: развитіе самоуправленія, болѣе прочная организація и обособленіе каждой земли. Опредѣлялся выборъ однихъ должностныхъ лицъ сеймикомъ, назначеніе остальныхъ изъ мѣстныхъ старожилловъ и т. п.

Малопольская шляхта не приобрѣла подъ Нешавомъ новыхъ правъ: ея привилей содержитъ только подтвержденіе старыхъ привилегій. Но черезъ два года, въ 1456 году, она добилась уравненія своихъ правъ съ правами шляхты великопольской.

Чѣмъ дальше шло развитіе внутренней организаціи мѣстныхъ шляхотскихъ мировъ, чѣмъ больше они спланивались, возвышаясь до

значенія главнаго фактора, опредѣлявшаго ходъ польской государственной и общественной жизни, тѣмъ яснѣе становилось, что въ нихъ сосредоточена сила, повидимому, способная возстановить въ новыхъ формахъ распатанный строй Польши. Какіе это дало результаты для мѣстной жизни, мы почти не знаемъ; насколько достигнута была цѣль возрожденія общественной безопасности и правильного развитія мѣстной общественно-экономической дѣятельности,—на это нѣтъ опредѣленнаго, точнаго отвѣта; будущее не говоритъ въ пользу особенныхъ успѣховъ... Но каковы были результаты для общегосударственныхъ задачъ,—это видно на судьбахъ прусской войны.

Тринадцатилѣтняя борьба съ орденомъ за прусскія земли, за устья Вислы, потребовала большаго напряженія народныхъ силъ, усиленной дѣятельности правительства. Механизмъ этой дѣятельности вырабатывался подъ давленіемъ настоятельныхъ нуждъ, вызванныхъ войной. Инициатива принадлежала королю, который, съ согласія своей рады, обращался за средствами исполненія своихъ плановъ къ сеймикамъ. Если-бы сеймики оставались не связанными между собой, если-бы каждый сеймикъ давалъ свой отвѣтъ королю и его радѣ, получилось бы, при разногласіи земель, невозможное положеніе. Сеймики приходятъ къ необходимости соглашаться между собою на общемъ собраніи. Но, благодаря дуализму Великой и Малой Польши, такихъ общихъ сеймовъ возникаетъ два: великопольскій въ Коляцѣ, малопольскій и русскій въ Новомъ Корчинѣ.

Провинціальныя сеймы только отчасти разрѣшаютъ задачу упрощенія и ускоренія сношеній королевской власти съ шляхетствомъ. Постоянныя разногласія обоихъ сеймовъ сильно тормозятъ дѣло. Необходимыя для успѣшнаго веденія войны средства добываются съ трудомъ, не во-время, не въ полной мѣрѣ. Потраченные силы пропадаютъ даромъ, достигнутые успѣхи теряются, требуя поддержки для завершенія дѣла. Война ведется преимущественно наемными войсками, которымъ жалованье выплачивается неаккуратно. Непривычное къ войнѣ, недисциплинированное и непригодное къ осадѣ укрѣпленныхъ мѣстъ шляхетское ополченіе уходитъ изъ-подъ выкупа деннаго и опять потеряннаго Мальборга, клянись, „что никогда ужъ не станетъ служить подъ управленіемъ короля за свой счетъ, безъ жалованья“. Первое серьезное испытаніе польскихъ силъ доказало „неудовлетворительность общей организаціи сеймиковаго управленія“; несостоятельность польскихъ военныхъ и финансовыхъ порядковъ. Война кончилась Торнскимъ миромъ, половиннымъ успѣхомъ, не-

прочнымъ и неоправдавшимъ потраченныхъ средствъ; да в тѣмъ Польша обязана была не столько своимъ силамъ, сколько безсилію врага.

Корень зла лежалъ въ томъ, что сеймики „разбили прежде всего единство политической организаціи, подкопали энергію и дѣятельность высшей военной власти короля“. Разбивъ единство управленія, сеймики не выработали новой формы центрального правительства. Эта неспособность къ объединенію усилій, къ дѣятельности въ одномъ направленіи объясняется обособленностью обоихъ провинціальныхъ центровъ. Тяжелые уроки прусской войны принесли свою пользу. „Въ концѣ концовъ, самыя формы сеймикованія, отношеніе сеймиковъ къ сейму начали выработываться подъ давленіемъ потребностей государственной жизни, пробивая путь идеѣ представительства, способной сблизить и объединить раздвоенный центръ дѣятельности законодательнаго корпуса“. Правда, процессъ этотъ происходитъ слишкомъ медленно. Великопольскій и малопольскій сеймы различно относятся къ требованіямъ короля; первый чаще поддерживаетъ ихъ, оппозиція втораго рѣзче и настойчивѣе. Но постепенно они сходятся въ стремленіи замѣнить посполитое рушенье возможно меньшими денежными взносами. Отвѣты на предложенія короля даются съ общаго согласія. Послы великопольской шляхты появляются въ Корчинѣ, въ 1465 году, послы сеймиковъ являются на вальныхъ сеймахъ. Профессоръ Павинскій справедливо предостерегаетъ противъ преувеличенной оцѣнки значенія этихъ посольствъ. Если въ провинціальныхъ сеймахъ пробудилось стремленіе соглашать свои дѣйствія, то отсюда далеко еще до объединенія политической программы; они сходились, главнымъ образомъ, въ оппозиціи, не умѣя возвыситься до яснаго понятія объ обще-государственныхъ задачахъ, до умѣнія жертвовать частными интересами ради настоятельныхъ, жизненныхъ потребностей цѣлаго. Сообщая другъ другу свои рѣшенія, они выработывали ихъ порознь. До выработки органа, который, развивая и поддерживая общую солидарность, служилъ бы опорой энергичной и послѣдовательной государственной политики, было еще очень далеко. Задача эта осталась неразрѣшенною за все время существованія Польши, но появленіе на сцену сеймиковыхъ пословъ уже указывало, въ какомъ направленіи сдѣланы будутъ попытки разрѣшить ее. Съ тѣхъ поръ, какъ центръ тяжести управленія перешелъ въ сеймики, сношенія ихъ съ вальнымъ сеймомъ были неизбѣжны. Мы имѣемъ указанія на участіе сеймиковой шляхты въ сеймахъ съ первыхъ лѣтъ

правленія Казимира Ягеллончика. Но это фактъ, еще не отлившійся въ правовую норму и не вліявшій сколько-нибудь существенно на ходъ дѣлъ. Проф. Павинскій, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, предполагаетъ, что это появленіе шляхты на сеймахъ происходило въ формѣ съѣзда шляхты, составлявшей сеймикъ, безъ особаго порядка. Первые сеймиковые послы были либо должностными лицами, которые являлись одновременно членами королевской рады и членами сеймика, либо лицами, уполномоченными передать королю постановленіе сеймика, безъ права участвовать въ какихъ-либо дебатахъ или рѣшеніяхъ. Проф. Павинскій обстоятельно разъясняетъ, что упоминать о „посольской избѣ“ въ 1468 году преждевременно, и что такія упоминанія основаны на искаженіи извѣстія, сообщеннаго Длугошемъ.

III.

Четыре года пришлось королю хлопотать и убѣждать сеймики, чтобы добиться средствъ для расплаты съ наемными войсками за прусскіе походы. Въ 1470 г. дѣло было улажено, но Казиміръ долженъ былъ еще разъ общимъ привилеемъ подтвердить права шляхты. Это хорошо рисуетъ положеніе главы польскаго государства, лишеннаго средствъ, войска, сохранившаго власть, почти мнимую. И тѣмъ не менѣе Казиміръ отважился на широкую, по замыслу, династическую политику. Наученный горькимъ опытомъ, онъ не обращался къ сеймикамъ за помощью. Закладывая все, что можно было заложить, отъ коронныхъ имуществъ до атласнаго, шитаго жемчугомъ платья жены, занимая на всевозможныхъ условіяхъ, Казиміръ тщетно пытался обойтись безъ поддержки строптивыхъ сеймиковъ, не отступаясь отъ своихъ плановъ. Династическая политика не удалась, какъ извѣстно. Польскій королевичъ удержался на чешскомъ престолѣ безъ помощи отца, слишкомъ ничтожной, занялъ венгерскій престолъ противъ его воли, и политическое значеніе Польши не выиграло отъ этого. Интересно сравнить преувеличенное изображеніе политики Казимира у Бобржинскаго („Очеркъ исторіи Польши“, т. I, стр. 256 sq.) съ основаннымъ на документахъ разказомъ проф. Павинскаго. Славянская, будто бы, идея Казимира, которая, по словамъ Бобржинскаго, „глубоко вкоренившись въ умахъ всего народа, представляла самый сильный рычагъ его могущества“, на самомъ дѣлѣ, не нашла никакой поддержки у шляхты, не желавшей даже помочь королю въ

расплатѣ съ долгами, — единственнымъ результатомъ его „великаго предпріятія“. Прекрасно характеризуетъ положеніе короля то, что ему пришлось въ долгъ устроить даже свадьбу дочери съ курфюрстомъ баварскимъ... При установившихся отношеніяхъ сеймиковъ къ королю, никакая дѣятельность не была возможна... Страшно запутанныя финансы, разбой и безчинства наемниковъ, не получающихъ жалованья, „легли, какъ тяжкій камень, на изнемогающее тѣло Польши...“ Попытки реформъ не удавались. Планъ созданія государственной казны, поваго фонда для обороны страны, — предложенный на сеймѣ 1477 г., — отвергнуть. А съ юга надвигалась новая гроза. Въ 1484 г. Килія и Бѣлградъ были уже въ рукахъ турокъ. „Главная артерія польской торговли съ Востокомъ по Днѣстру, перестала существовать“. Надо было готовиться къ борьбѣ. Между тѣмъ шляхта, съ трудомъ согласившаяся на сборъ денегъ, необходимыхъ для защиты русскихъ областей Польши, выговорила вознагражденіе изъ этого сбора своимъ сеймиковымъ посламъ и всѣмъ, потерпѣвшимъ отъ разбоевъ наемнаго войска. „Трудно сказать, — замѣчаетъ проф. Павинскій, получили-ли русскія земли какую-нибудь выгоду отъ подати, установленной съ такими ограниченіями, или нѣтъ“. — „Главныя артеріи“ польской торговли были засорены — и на сѣверѣ, и на югѣ; предстояла тяжелая борьба за существованіе; къ то же время внутри страны все усложнялось безпорядки. Необходима была энергичная дѣятельность, твердое управленіе дѣлами. А внутренняя организація слишкомъ медленно подвигалась впередъ отъ крайней разрозненности враждующихъ элементовъ къ единству направленных на общее дѣло силъ. „Подъ конецъ правленія Казимира, говоритъ проф. Павинскій, — уже опредѣленно выступаютъ признаки сближенія двухъ половинъ, на которыя распалась сеймиковавшая Польша, и выясняется направленіе пути, по которому сеймики пойдутъ къ занятію прочнаго положенія въ великой радѣ или въ вальномъ сеймѣ объединеннаго государства“.

Сеймиковый строй въ концѣ правленія Казимира Ягелончика представляется въ такомъ видѣ.

Въ случаѣ обращенія короля къ шляхтѣ, собираются сеймики по всѣмъ повѣтамъ и воеводствамъ. Послы, или представители сеймиковъ, вмѣстѣ съ свѣтскими и духовными сановниками цѣлой провинціи съѣзжаются затѣмъ на провинціальныя, или главныя сеймы; сюда собирается и шляхта, иногда въ значительномъ числѣ. Послы являютъ съ постановленіями сеймиковъ, передаютъ ихъ, по всей вѣроят-

ности, устно (о писанных наказах ить известий). Затѣмъ провинціальный сеймъ обсуждаетъ стоящее на очереди дѣло и вырабатываетъ общее постановленіе всей провинціи. „Вѣроятно, тѣ-же самыя послы, если то былъ главный сеймъ предсеймовый, отправлялись изъ Кола или Корчина на вальный сеймъ“. Случалось также отправлять въ известныхъ случаяхъ „такихъ пословъ, въ меньшемъ, можетъ быть, количествѣ, изъ одной провинціи въ другую для взаимнаго выясненія желанія и мнѣнія братьевъ шляхты...“.

„Участіе тѣхъ же пословъ,—продолжаетъ проф. Павинскій,—въ вальномъ сеймѣ несомнѣнно, хотя, по недостатку известій, трудно опредѣлить, присутствовали-ли они на каждомъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сеймовъ, которые отбывались подъ конецъ правленія Казимира почти ежегодно“. Получали-ли послы вознагражденіе, или вышеприведенный случай 1489 года и подобное же известіе 1485 г.—были исключительными—мы не знаемъ. Какъ бы то ни было, присутствіе пословъ на сеймѣ не создаетъ еще „посольской избы“.—„Сеймовое посольство..... не составляетъ еще постояннаго органа сеймовой жизни. Оно появляется въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ потребность добыть разрѣшеніе сеймиковъ на собраніе податей и призывъ общаго военнаго ополченія“. Роль пословъ сводится къ тому, что они выражаютъ волю шляхетства передъ собраніемъ саношниковъ съ королемъ во главѣ, причѣмъ послы соединяютъ въ лицѣ своемъ „характеръ представителей каждаго отдѣльнаго сеймика и объединеннаго провинціального сейма“. Послы приносили рѣшеніе шляхты по одному, опредѣленному вопросу. Но мотивы и условія, сопровождавшія эти рѣшенія, требовали иногда разъясненія и вызывали пословъ на роль ораторовъ-защитниковъ общаго дѣла, какъ оно понималось шляхтой. Въ такой роли видимъ еще въ 1459 г. Рывянскаго, представителя малопольской шляхты, поставившаго въ сильной рѣчи на видъ королю общіе недостатки его управленія. Вообще, оговорки и условія, которыми сеймики сопровождали свое согласіе на требованія короля, пробивали сеймикамъ дорогу къ законодательной инициативѣ, а послаамъ ихъ къ участію въ высшемъ законодательномъ собраніи. Дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи привело къ установленію общей законодательной власти. Но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, такой власти вовсе не было, и законодательная дѣятельность сеймиковъ распространялась лишь на отдѣльныя земли или на одну провинцію. Общихъ статутовъ для всей страны еще нѣтъ. Но и провинціальное законодательство крайне скудно. Сейми-

ки, сосредоточивши свои усилія на политической борьбѣ, немного сдѣлали для установленія законнаго порядка, хотя бы въ границахъ отдѣльныхъ территоріальныхъ единицъ, которыхъ они были представителями. Отъ великопольскаго провинціального сейма осталось всего три статута, или, вѣрнѣе два, потому что статуть 1488 года содержитъ только повтореніе, съ незначительными добавленіями, статута 1476 г. Первые два статута 1472 и 1476 годовъ направлены къ упрядоченію судебно-правовыхъ отношеній, согласно желаніямъ шляхты и по ея инициативѣ. Они содержатъ ограниченіе права короля вмѣшиваться въ дѣятельность земскихъ судовъ, отсрочивая на неопредѣленный срокъ появленіе на судѣ сторонъ, ограниченіе судебной власти старостъ и бургграфовъ, разрѣшеніе воеводѣ съ судьей и подсудкомъ отбывать великіе роки или вѣчевые суды, не смотря на отсутствіе другихъ должностныхъ лицъ, опредѣленіе сроковъ для этихъ судовъ и т. п. Эти постановленія мало вносили новаго: ихъ цѣлью было устранить злоупотребленія, вкравшіяся въ отправленіе правосудія, а источникомъ ихъ были, вѣроятно, шляхетскія петиціи. Только одно постановленіе статута 1472 г., создавшее временно экстраординарный судъ для преслѣдованія разбоевъ, свидѣтельствуетъ о королевской инициативѣ. Малопольскій провинціальный сеймъ оставилъ еще меньше слѣдовъ въ законодательствѣ; одинъ статуть опредѣляетъ права духовенства на судебные иски, другой—1474 г. содержитъ опредѣленія, касающіяся семейнаго права и судопроизводства.

Русскія земли занимали самостоятельное положеніе; участвуя въ малопольскомъ провинціальномъ сеймѣ, ихъ сеймики, въ опредѣленіи законодательнымъ порядкомъ внутреннихъ отношеній, шли своимъ путемъ. Въ приложеніяхъ къ своему труду, № 184, проф. Павинскій издалъ чрезвычайно важный документъ—статуть холмской земли, опредѣлявшій отношенія землянъ и кметовъ. Земляне холмской земли, собравшись въ 1477 году на сеймикъ въ Красный Ставъ, опредѣлили условія, на которыхъ каждый землевладѣлецъ холмской земли, будь онъ вельможный панъ или мелкій шляхтичъ, сановникъ или нѣтъ, обязанъ принимать и держать своихъ кметовъ, подъ страхомъ судебной отвѣтственности и штрафа.

„Прежде всего—такъ гласитъ статуть—желая вмѣнѣнныя и наследственныя владѣнія всѣхъ землянъ и братьевъ нашихъ въ холмской землѣ, дѣла которыхъ разстроены (*male habentium*), улучшить трудами кметовъ и поселицъ и привести къ большей производительности

сти, постановляемъ, чтобы никакой кметъ, человекъ или поселенинъ, каковы бы ни были его положеніе (*conditio*) или званіе (*status*), не могъ покидать наслѣдственную землю или держаніе господина своего простымъ заявленіемъ своего отказа*, но обязанъ, если хочетъ уйти, передать другому кмету, такому же надежному, какъ и онъ, или же продать, съ разрѣшенія господина, свой участокъ.—Затѣмъ идетъ подробное опредѣленіе повинностей кметовъ, ихъ барщинныхъ работъ и платежей, какъ натурой, такъ и деньгами. Единственное отступленіе отъ этихъ условій, какое допущено,—это замѣна вышнимъ чиншемъ барщинныхъ работъ. Подъ угрозой штрафа запрещалось принимать бѣглыхъ, опредѣленъ былъ порядокъ суда о бѣглыхъ, запрещено землянамъ отбирать наслѣдственные участки, но опредѣлена доля ихъ при раздѣлѣ наслѣдства кмета и т. п. Красновоставскій статутъ, такъ туго затягивавшій петлю крѣпостнаго права, стоитъ особнякомъ въ концѣ XV вѣка. Проф. Павинскій указываетъ, что въ то время въ Мазоніи поручительство давало возможность выхода (вывозъ); въ коронныхъ земляхъ, какъ напримѣръ въ ленчицкой, переходъ обуславливался только расплатой съ долгами... Холмская шляхта внесла новыя начала въ свою власть надъ народнымъ трудомъ и, повидимому, не нуждалась, для приданія законной силы своимъ постановленіямъ, въ санкціи короля. Таковъ наиболѣе рѣзкій примѣръ законодательной власти сеймика въ концѣ XV вѣка.

IV.

Назрѣвшая потребность въ объединеніи законодательной власти сказала въ ясной и опредѣленной формѣ при новой смѣнѣ правителя. Преемникъ Казимира, Альбрехтъ, не пытался противиться подтвержденію привилеевъ, какъ дѣлалъ это его отецъ. Подтверженіе произошло на вальномъ сеймѣ 1493 г., первомъ, какъ говоритъ проф. Павинскій, сеймѣ съ опредѣленными чертами законодательнаго собранія, состоящаго изъ трехъ элементовъ: короля, сената и представителей шляхетскихъ общинъ. Конечно, и до этого, въ послѣдніе годы Казимира Ягеллончика, надо допустить существованіе подобныхъ сеймовъ, но они почти не оставили слѣда и не проявили той общей законодательной дѣятельности, которая отличаетъ сеймъ 1493 г. Стремленіе обихъ провинціальныхъ сеймовъ дѣйствовать солидарно, проявившееся въ дѣлѣ установленія податей, тѣмъ естественнѣе сблизило ихъ въ вопросѣ о гарантіи шляхетскихъ правъ и привилегій.

Король, нуждаясь въ деньгахъ, разослалъ по сеймикамъ своихъ пословъ, которые читали передъ шляхтой королевскія посланія. Обсудивъ ихъ, сеймики отправили пословъ своихъ на провинціальные сеймы, съ которыхъ послы явились на вальный сеймъ въ Петроковъ. Задачей сейма было обсудить средства для предстоявшей борьбы съ татарами и турками, для выкупа коронныхъ имѣній на содержаніе двора, для освобожденія страны отъ общаго разстройства и беспорядковъ. Малопольская шляхта на предсеймовомъ провинціальномъ сеймѣ выработала проектъ необходимыхъ постановленій, перечисливъ въ 21 параграфѣ права, утвержденныя за шляхтой со времени нешавскихъ событій. Общая мысль этого проекта—гарантія личныхъ, имущественныхъ и политическихъ правъ шляхетства. Сущность этихъ правъ опредѣлена была еще чешавскими привилегіями. Но въ 1454 году польскія земли дѣйствовали врозь, добываясь своихъ цѣлей каждая для себя. Съ тѣхъ поръ „сама публичная жизнь сложилась въ болѣе общихъ формахъ, объединенныхъ и однородныхъ“. Проектъ требований, однородныхъ малопольскимъ, былъ, вѣроятно, представленъ и послами Великой Польши. Но шляхетскія права и привилегіи не были подтверждены отдѣльно для каждой провинціи. Статутъ вальнаго сейма 1493 г. распространяется на всю страну, одинъ для всей Польши. Вотъ почему проф. Павицкій признаетъ его „началомъ новаго развитія въ государственной жизни Польши, завершеніемъ одного періода и началомъ другаго“.—„Въ 1493 году говоритъ онъ, оканчивается провинціальное законодательство, возникаютъ общіе сеймы, обнимающіе обѣ великія части, на которыя распалась тогдашняя Польша“.—„Возникаютъ сеймы съ объединенными въ нихъ представителями шляхетскихъ общинъ или сеймиковъ со всего государства, и открывается организующая дѣятельность законодательнаго корпуса, распространяющаяся на всѣ земли, которыя составляютъ польское государство въ его цѣломъ“.

Подчеркивая значеніе сейма 1493 г. въ исторіи польской конституціи, проф. Павицкій считаетъ нужнымъ объяснить, отчего оно осталось незамѣченнымъ ни современниками, ни изслѣдователями... Дѣло въ томъ, что сеймъ 1493 г. былъ только первымъ проявленіемъ въ опредѣленной, полной формѣ отношеній, слагавшихся издавна и постепенно. Къ тому же, объединеніе не было полнымъ. Сеймиковые послы сохранили свое значеніе представителей отдѣльныхъ земель; сеймики сохранили рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ политической жизни и не обратились въ избирательныя собранія, опредѣляю-

щія только составъ законодательнаго корпуса, а не его дѣятельность. На пословъ сеймики не переносили всей власти своей, а давали имъ опредѣленные, то большія, то меньшія полномочія, и притомъ не на продолжительный срокъ, а только на одинъ сеймъ. Повидимому, письменныя инструкціи не вошли въ обычай сразу; но это не мѣшало опредѣленности и ограниченности полномочій, на что жаловался уже Сигизмундъ I съ первыхъ лѣтъ своего правленія. Мало того, отдѣльныя сеймики сохранили свою законодательную власть, и рядомъ съ общими сеймовыми узаконеніями, продолжаютъ возникать частныя сеймиковые статуты, обязательныя только для отдѣльныхъ земель.

На первомъ общемъ сеймѣ король не только подтвердилъ старыя привилегіи, но обѣщалъ расширить и умножить ихъ. Слишкомъ зависимый отъ сеймиковъ, онъ рѣшилъ пойти къ нимъ на встрѣчу. За нимъ была слава хорошаго полководца, успѣшно боровшагося съ татарами и турками еще въ правленіе отца; онъ могъ рассчитывать на довѣріе шляхты. Союзъ съ нею былъ необходимъ; за невозможностью подчинять сеймики, приходилось идти съ ними рука объ руку. Король не могъ помѣшать дальнѣйшему развитію господствующаго положенія сеймиковой шляхты; дальнѣйшее должно было показать, что дастъ объединеніе дѣятельности сеймиковъ въ вальномъ сеймѣ для удовлетворенія настоятельныхъ государственныхъ потребностей. Объединеніе въ вальномъ сеймѣ, какъ ни было оно неполно, сдѣлало свое дѣло, но едва-ли на пользу политическаго развитія Польши. Въ разрозненныхъ шляхетскихъ обществахъ окрѣпло сознаніе единства интересовъ, и „шляхетство (*szlachectwo*), какъ общее ихъ знамя, выступило яснѣе“. „Сознаніе, говоритъ дальше проф. Павинскій, — единства интересовъ достигло высшей степени, исключительность набралась силы и энергіи, словомъ дошелъ до яснаго сознанія сословный духъ, духъ шляхетскаго сословія“. Въ какомъ направленіи повліяетъ этотъ „всешляхетскій духъ“ на польское законодательство, выяснилось на слѣдующемъ сеймѣ Альбрехта, въ мартѣ 1496 года. Подтвержденіе правъ шляхетства въ 1493 г. было сдѣлано на три года, въ виду обѣщанія короля расширить ихъ и необходимости пересмотра законодательства. Этимъ опредѣлялся срокъ для новаго сейма, тѣмъ болѣе, что король нуждался въ деньгахъ для защиты Подола. Законодательная дѣятельность сейма 1496 года посвящена была исключительно опредѣленію правъ шляхты, какъ сословія. Изданныя постановленія проникнуты крайней сословной исключительностью.

Въ основѣ ихъ лежатъ все тѣ же нешавскія привилегіи, но дополненные новыми. Подтверждая свободу шляхты отъ всякихъ мытныхъ сборовъ, статуть 1496 г. расширяеть ее на всѣ товары и издѣлія, вывозимые изъ шляхетскихъ имѣній или ввозимые въ нихъ. Этими сильно уменьшалась цифра косвенныхъ налоговъ, и въ корень подрывалась торговля мѣщанъ, оплачиваемая немалыми поборами. 34-й параграфъ статута призналъ за шляхтой монополію на владѣніе земель, предписывая обязательное отчужденіе всѣхъ земскихъ имѣній, попавшихъ въ руки не-шляхтичей. Мѣщанамъ запрещено принимать въ закладъ шляхетскія имѣнія; запрещеніе — вредное для самой шляхты и объяснимое только сословно-политическими мотивами. Запрещено не-шляхтичамъ занимать высшія духовныя должности; этимъ закрывался доступъ въ высшія сферы интеллигентнымъ силамъ. Наконецъ, не забыли и крестьянъ. Статуть 1496 г. усилилъ ограниченія крестьянскихъ переходовъ, установленныя Вислицкимъ статутомъ, предписывая, чтобы кметы пользовались правомъ выхода не больше какъ по одному въ годъ, причеиъ одинокіе вовсе лишены были этого права, а допускалось оно только для многосемейныхъ (могъ уходить одинъ изъ братьевъ). Для удешевленія наемныхъ рабочихъ рукъ мѣщанамъ запрещено было держать батраковъ иначе, какъ нанимая ихъ на весь годъ, и вообще ограничены были отхожіе промыслы крестьянъ.

Всѣ эти мѣропріятія въ конецъ подрывали правильное развитіе народнаго хозяйства и общественныхъ отношеній. Если нешавскіе статуты заложили основанія для политическаго значенія сеймиковъ, то статуты 1496 г. создали крайній перевѣсъ шляхты, какъ сословія, надъ остальными общественными элементами. Не смотря на эти „потоки существенныхъ уступокъ и привилегій“, шляхта опредѣлила подати въ крайне незначительномъ размѣрѣ. Между тѣмъ въ слѣдующемъ году предстоялъ большой походъ въ Молдавію. Королю пришлось опять собирать деньги въ долгъ. Самый походъ 1497 г., который у Бобржинскаго названъ „великимъ народнымъ предпріятіемъ“, кончился страшнымъ пораженіемъ въ буковинскихъ лѣсахъ, главнымъ образомъ, благодаря полной дезорганизаціи посполитаго ружья, состоявшаго изъ неспособныхъ къ дисциплинѣ и порядку общественныхъ элементовъ. Проф. Павинскій называетъ несчастія этой войны дѣломъ „карающей справедливости за медленность шляхты въ сборахъ послѣ изданія окончательныхъ приказовъ (wici), за непокорность въ строю, за непослушаніе на полѣ битвы, за самоволь-

ное нарушение боевого порядка, за позорное бѣгство⁴. Къ виновнымъ примѣнона была вся строгость законовъ, имѣнія были конфискованы сотнями и розданы заслуженнымъ, но, конечно, не такими средствами можно было возродить военныя силы Польши.

На сеймѣ 1501 г., рядомъ съ новымъ усиленіемъ преобладанія шляхетства (такъ, напримѣръ, не-шляхтичи, занимавшіе уже церковныя должности до 1496 г., должны были сложить ихъ), королю удалось добиться расширенія своей военной власти: права собирать посполитое рущенъе безъ обращенія къ сеймикамъ, въ случаѣ нужды. Но Альбрехтъ не успѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, такъ какъ умеръ въ томъ же году, сломленный невзгодами.

Въ правленіе Александра, соединившаго личною унией Литву съ Польшей, организація центрального правительства и гарантія шляхетскихъ привилегій были подвинуты еще дальше. Существенно новою чертой является опредѣленіе контролирующей власти сената надъ исполнительною властью короля. Мельницкая униа, договорныя пункты которой признавали, между прочимъ, за сенатомъ право не повиноваться королю, если онъ выходитъ изъ границъ своей власти, не была признана сеймомъ 1502 г. Но общая мысль этихъ пунктовъ нашла свое осуществленіе. Подъ контроль пановъ перешло управленіе монетнымъ дворомъ. Позднѣе, раздача и закладъ королевскихъ имѣній также отдана подъ контроль сената. Если король, до 1504 г., придавали своему отчужденію имѣній видъ законности, заручившись согласіемъ немногихъ пановъ (обыкновенно заинтересованныхъ въ дѣлѣ), то съ этого года отчужденіе могло происходить только съ согласія пановъ *in conspectu*, сената, собраннаго на вальномъ сеймѣ, и не иначе, какъ съ погашеніемъ долга въ опредѣленный срокъ. Съ того же 1504 г. ведетъ свое начало „институтъ постоянныхъ совѣтниковъ при королѣ, въ родѣ сокращеннаго сената, въ лицѣ нѣсколькихъ, выбранныхъ изъ числа сановниковъ, представителей королевской рады“. Какъ извѣстно, позднѣе установился обычай назначать на каждомъ сеймѣ четырехъ такихъ королевскихъ совѣтниковъ.

Въ то же время все финансовое управленіе перешло подъ контроль *aeris publici depositorum*, которые прежде назначались только на время отсутствія короля, изъ членовъ сената и сеймиковой шляхты. Съ 1504 г. всѣ выдаваемые королемъ обязательства подлежали контролю этихъ управителей. Самое назначеніе на высшія должности подверглось ограниченію: канцлеръ и подканцлеръ должны быть назначаемы на вальномъ сеймѣ по совѣту королевской рады.

Всѣ эти установленія опредѣлили правительствующую роль сена-та и усилили его значеніе.

На вальномъ сеймѣ 1504 г. возникла и новая санкція мѣстнаго характера должностныхъ лицъ: если король назначалъ на админи-стративный постъ не мѣстнаго сторожила, то шляхта получаетъ право отказывать неправильно назначенному сановнику въ повиновеніи.

Развитіе участія сеймиковыхъ пословъ въ общей законодательной дѣятельности сеймовъ завершается конституціей радомскаго сейма 1505 г. — „Nihil novi“. Король обязуется на будущее время не дѣ-лать никакихъ новыхъ постановленій безъ совѣта сенаторовъ и по-словъ земскихъ. Установившаяся практика получаетъ тутъ юриди-ческое опредѣленіе и силу основнаго государственнаго закона. Проф. Павинскій настаиваетъ на томъ, что послѣ конституціи „Nihil novi“ возвращеніе къ законодательной дѣятельности провинціальныхъ сей-мовъ — было бы нарушеніемъ обязательнаго постановленія, что эта конституція сводила роль провинціальныхъ сеймовъ къ посредниче-ству между сеймиками и сеймомъ вальнымъ. Этимъ было бы достиг-нуто дѣйствительное единство законодательной дѣятельности, если бы представители провинціальныхъ сеймовъ не продолжали дѣйствовать врозь. На томъ же сеймѣ 1505 г. великопольскіе послы отклонили требованіе новыхъ податей, не желая участвовать въ защитѣ южныхъ областей; то же повторилось позднѣе въ 1512—1513 гг. Пока шла борьба на сѣверѣ, великопольская шляхта энергичнѣе помогала ко-ролю, чѣмъ шляхта малопольская. Борьба перенеслась на югъ — и роли перемѣнились. Интересы обѣихъ провинцій были различны, въ силу ихъ географическаго положенія; различно было и поведеніе ихъ представителей на сеймѣ. Сознаніе общности государственныхъ инте-ресовъ было слишкомъ слабо, чтобы одолѣть провинціальный сепаратизмъ. Проф. Павинскій прекрасно характеризуетъ всю неустойчи-вость центральной роли вальнаго сейма. Конституція 1505 года „отнюдь не уничтожила тѣхъ тяжелыхъ препятствій, какія стѣсняли развитіе сейма. Надъ постепенною выработкой идеи сеймованія свин-цовой тяжестью нависла самостоятельность сеймиковъ, самостоя-тельность провинціальныхъ сеймовъ, черпавшая живую силу изъ наказовъ или сеймиковыхъ инструкцій“. Нерѣдко отдѣльныя группы пословъ не могли выработать соглашенія, связанные инструкціями. Въ такихъ случаяхъ, возникавшихъ преимущественно при обсужденіи наиболѣе важныхъ дѣлъ, сеймъ терялъ почву, подчинялся провин-циальнымъ сеймамъ, падалъ до роли совѣтъ второстепенной.

Посольская изба представляла собою сборный пункт для эlementовъ, неспособныхъ къ полному соглашенію, и не могла образовывать учрежденія съ цѣльною, энергичною, послѣдовательною дѣятельностью, направленною на благо всей страны. Разногласія въ инструкціяхъ не могли быть разрѣшены безъ поваго обращенія къ сеймикамъ. Этимъ парализовалась дѣятельность вальнаго сейма.

Мало того, сеймики, какъ выше было уже упомянуто, сохранили свою законодательную власть, независимую отъ вальнаго сейма. Проф. Павинскій указываетъ на рядъ статутотъ ленчицкаго, гостыньскаго, плотцакаго сеймиковъ, содержавшихъ законодательныя опредѣленія разнороднаго характера. Такъ завершенное конституціей 1505 года стремленіе къ объединенію въ одномъ органѣ законодательной дѣятельности короля, сената и шляхетскихъ сеймиковъ осталось неполнымъ, недостаточнымъ, и вальный сеймъ по прежнему стоялъ безсиленнымъ передъ внутреннимъ разстройствомъ страны и тяжелыми политическими бурями, ожидавшими ее изниѣ.

Анализомъ положенія, санкціонированнаго конституціей „Nihil novi“, заканчивается трудъ Павинскаго. Обратившись много лѣтъ тому назадъ къ изученію польскаго парламентаризма, проф. Павинскій обогатилъ польскую исторіюграфію изслѣдованіями, которыя, несомнѣнно, имѣютъ первостепенное значеніе для уясненія судьбы Польши. Они во многомъ радикально исправляютъ то, нерѣдко поверхностное и ошибочное, изображеніе внутренняго развитія Польши, какое находимъ въ извѣстномъ трудѣ Бобржинскаго. Семь лѣтъ тому назадъ проф. Павинскій издалъ обширный трудъ „Rzady sejmikowe w Polsce“, въ которомъ далъ опредѣленіе сеймика на основаніи детального изученія жизни куявской земли, и затѣмъ—исторію развитія сеймиковаго правленія съ 1572 года до паденія Рѣчи Посполитой¹⁾. Тогда же общаны были имъ двѣ другія части того же труда; одна, посвященная вопросу о происхожденіи сеймиковъ и развитіи ихъ до образованія вальнаго сейма,—теперь появилась на свѣтъ; другая, изображающая судьбы сеймиковаго строя при послѣднихъ Ягеллонахъ, будемъ надѣяться, не заставитъ себя ждать. Этимъ послѣднимъ трудомъ завершится задача проф. Павинскаго—дать полную исторію сеймиковой конституціи. Но и теперь эта исторія выступаетъ въ его трудахъ достаточно опредѣленно. Ростъ польской

---

¹⁾ Этотъ трудъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ, является уже устарѣвшимъ послѣ книги „Sejmiki Ziemske“.

конституціи изображенъ въ этихъ трудахъ, какъ медленный, естественный процессъ, не испытавшій на себѣ вліянія реформатора, который могъ бы его ускорить, углубить и довести до необходимой законченности, не подчинившійся сознательно выработанному плану. То подвигаемый впередъ, то надолго задерживаемый внѣшними условіями, процессъ этотъ, затянувшись на цѣлые вѣка, такъ и остался не законченнымъ, выродившись раньше, чѣмъ успѣли получить удовлетвореніе вызвавшія его потребности.

Причинапаго истолкованія грустныхъ особенностей польской государственной жизни приходится искать въ характеръ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя двигали и направляли процессъ, постепенно вырабатывавшій своеобразныя формы политическаго устройства. Проф. Павинскій первый обратилъ вниманіе на списокъ земскихъ пословъ нетроковского сейма 1504 г., какъ на источникъ для рѣшенія вопроса, какіе общественные слои руководили политикой сеймиковъ. Составъ посольской избы носятъ рѣзко выраженный аристократическій характеръ. О шляхетской массѣ въ ея рядахъ и рѣчи быть не можетъ. „Изба посольская представляетъ собраніе элементовъ, господствующихъ экономически надъ обществомъ въ землѣ или воеводствахъ“. Земскіе послы—или должностныя лица земскаго управленія, отъ кастеляновъ до хорунжихъ, или крупныя землевладѣльцы. При такомъ составѣ посольская изба съ королевскою радой напоминаетъ „великій сеймъ временъ Владислава Ягайла, на который призывались должностныя лица всѣхъ ступеней и нерѣдко въ полномъ составѣ“. „Видно,—замѣчаетъ проф. Павинскій,—что, по большей части, шляхетское общество на земскихъ сеймикахъ не высвободилось еще изъ-подъ давленія земской служебной іерархіи, которая господствуетъ, руководитъ и не выпускаетъ изъ своихъ рукъ функціи пословъ“. Только вельможные паны конкурировали другъ съ другомъ при выборѣ пословъ. Позднѣе, при Сигизмундѣ I, начинается движеніе противъ пановъ на сеймикахъ; но долго еще демократическое движеніе тщетно стремилось уравнивать права на посольскую должность низшей и высшей шляхты. Аристократическіе элементы руководили сеймиками, служили посредниками между ними и вальнымъ сеймомъ. „При такихъ условіяхъ и самые указы или инструкціи были, по необходимости, выраженіемъ желаній и стремленій тѣхъ же руководящихъ элементовъ сеймиковой аристократіи“. Проф. Павинскій справедливо указываетъ, что такой составъ посольской избы въ 1504 г. ставитъ насъ на точку зрѣнія, съ которой не только падаетъ новый

свѣтъ на возникновеніе и развитіе сеймиковъ до вальнаго сейма, но самая сущность сеймика, какъ политическаго фактора, выступаетъ яснѣе и понятнѣе.

Если бы были данныя, чтобы тщательнѣе изучить съ этой точки зрѣнія шляхетскія общества, дѣйствовавшія на сеймикахъ съ конца XIV вѣка, если бы удалось выяснитъ ихъ внутреннюю организацію,— это пролило бы яркій, новый свѣтъ на польскую исторію, дало бы ключъ къ ея вѣрному пониманію. Ясно одно, что подъ неопредѣленнымъ именемъ шляхты надо разумѣть „не однородную шляхетскую толпу, оживленную демократическимъ духомъ, но цѣлое, расчлененное въ экономическомъ и социальномъ отношеніи“. Вышнимъ, дѣятельнымъ слоемъ была аристократія, не родовая, а служилая, осѣвшая въ земляхъ, ставшая экономической силой. Пока не выяснена будетъ исторія образованія этого слоя шляхты и его роль въ шляхетской общинѣ, пока не изученъ детально составъ и происхожденіе всѣхъ элементовъ шляхетскихъ общинъ,— до тѣхъ поръ сужденія о внутреннемъ развитіи Польши останутся столь шаткими и разнорѣчивыми, какъ теперь. Проф. Павинскій счастливо намѣтилъ истинное значеніе этой задачи. Не найдя возможности предварительно разрѣшить ее, онъ все-таки руководился правильнымъ пониманіемъ ея, работая надъ родственною и связанною съ нею задачей изученія дѣятельности сеймиковъ. Это придало его труду высокую цѣнность, его сужденіямъ большую трезвость и осторожность. Общій характеръ польскаго общественнаго и политическаго строя, не удовлетворявшаго существеннымъ, новымъ задачамъ здороваго національнаго и государственнаго развитія, онъ въ заключительныхъ строкахъ изображаетъ слѣдующими словами: „Независимость территориальныхъ единицъ—продуктъ средневѣковаго міра. На почвѣ отношеній той эпохи выросли раздробленные и раздѣленные формы верховной власти, воплощаемыя магнатами, панами, вотчинниками или владѣльцами большихъ или меньшихъ земельныхъ имуществъ. Политическій организмъ Польши, въ составъ котораго входили подобныя земскіе элементы, былъ, благодаря этому, средневѣковою формаціей и сохранилъ свой средневѣковой складъ почти до конца своей жизни“.

А. Ирѣмаковъ.

Ис. Ждановъ. Русскій вылевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. С.-Пб. 1895.

Изъ пяти статей, составляющихъ настоящую книгу, четыре первыя хорошо извѣстны читателямъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, такъ какъ появились въ свѣтъ впервые на его страницахъ; что до пятой статьи: „Пѣсни о князѣ Михаилѣ“, то она была впервые напечатана въ „*Живой Старинѣ*“.

Первая статья: „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“, на нашъ взглядъ самая цѣнная въ книгѣ, посвящена тѣмъ памятникамъ старой русской литературы, которые разказываютъ о происхожденіи Рюрика отъ кесаря Августа и о полученіи Владимиромъ Мономахомъ царскаго вѣнца и другихъ вещей отъ греческаго цари. Авторъ вполне удачно доказываетъ, что всѣ эти памятники—и Сказаніе о князехъ Владимирскихъ, и посланіе Спиридона-Саввы, и связанные съ ними разказы царскаго Родословца и Степенной книги—поздняго происхожденія, не ранѣе конца XV вѣка; онъ высказываетъ мнѣніе, что тѣ части этихъ памятниковъ, которыя говорятъ о войнѣ Мономаха съ греческимъ царемъ и о полученіи имъ отъ царя вѣнца, основаны на существовавшихъ нѣкогда у насъ былинахъ о походѣ русскихъ на Царьградъ. Но намъ кажется, разборъ памятниковъ произведенъ г. Ждановымъ слишкомъ неполно, чтобы можно было дѣлать какія либо-заключенія объ одной ихъ части. Авторъ не разъяснилъ происхожденія египетско-греко-римской части Сказанія о князехъ Владимирскихъ, и находящіяся въ ней подробности и собственныя имена Фарисъ, Гундаварій, Филіксъ ждутъ еще объясненія. Онъ ограничился немногими словами относительно другой части Сказанія, говорящей о Прусѣ, сродникѣ Августа кесаря, который поселился на берегу Вислы, гдѣ города Марборокъ, Турнъ, Хвойница и пресловуцій Гданескъ¹⁾, и о воеводѣ новгородскомъ Гостомыслѣ. У него почти ничего не говорится о происхожденіи такихъ частности въ разказѣ Сказанія о Мономахѣ, какъ упоминаніе о „сердоликовой крабійцѣ“ между дарами греческаго царя, для которой, повидимому, не было реальнаго основанія въ видѣ какой-нибудь вещи у московскихъ великихъ князей и которая едва-ли могла играть роль въ былинахъ;—какъ имена ефесскаго митрополита

¹⁾ Эти названія городовъ польскаго побережья Балтійскаго моря сближаютъ нашу повѣсть о Прусѣ съ польскою повѣстью о Палемонѣ, родоначальникѣ литовскихъ князей.

Неофита, игемона іерусалимскаго Евстафія, епископовъ Митуплинскаго ꙗ Милитинскаго, навѣрное не находившіяся въ былипахъ. Сверхъ того, едва-ли полезно производить изслѣдованіе такихъ памятниковъ, какъ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ, самихъ по себѣ, не связывая ихъ съ однородными сказаніями о Гостомыслѣ и новгородскихъ событіяхъ до Рюрика и при Рюрикѣ, о Кучкѣ и основаніи Москвы, и т. п.

Нѣкоторые списки Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ имѣютъ дополнительную замѣтку о переходѣ драгоценностей, добытыхъ въ Вавилонѣ, къ русскому князю Владимиру. Это даетъ поводъ автору предварить изслѣдованіе Сказанія о князехъ Владимірскихъ изслѣдованіемъ Повѣсти. Онъ указываетъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ, говорящихъ о знакомствѣ средневѣковаго Запада съ содержаніемъ нашей Повѣсти; но особенно долго останавливается на вліяніи Повѣсти на наши народные разказы, главнымъ образомъ на разказы о Бормѣ или Бурмѣ, записанные въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Разборъ этихъ разказовъ приводитъ г. Жданова къ заключенію, что они основаны не на извѣстной намъ редакціи Повѣсти о Вавилонѣ, а на другой, до насъ не дошедшей, имѣвшей тѣ же подробности, что и поэма объ Аполлоніи Тирскомъ, Генриха Нейштатскаго (стр. 30—31). Но неполнота этого разбора разказовъ о Бормѣ такъ велика, что на основаніи его едва-ли можно дѣлать какія-нибудь заключенія. Книжный элементъ въ разказахъ силенъ, многія ихъ подробности близки къ подробностямъ нашихъ переводныхъ романовъ XVII вѣка (особенно романа о Брунцвикѣ), имя Борма, Бурма стоитъ въ нашемъ повѣствовательномъ матеріалѣ совершенно одиноко. Въ виду этого позволительно видѣть въ этихъ разказахъ отзвуки какой-то позднѣйшей повѣсти, такъ или иначе связанной съ Повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ, но отнюдь не заслуживающей названія „редакціи“ этой послѣдней.

Вторая статья въ книгѣ г. Жданова — „Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразказанный сонъ“. Авторъ въ ней устанавливаетъ зависимость былины отъ повѣсти, одной изъ составныхъ частей нашего переводнаго романа о семи мудрецахъ, не пряму, черезъ посредство народнаго пересказа. По его мнѣнію, эта былина и другая, о подсолнечномъ царствѣ, „даютъ замѣчательные образцы проникновенія завожнихъ сказокъ въ область нашего историческаго эпоса“ (стр. 192). Мы здѣсь вполне согласимся бы съ авторомъ, если бы имѣли основаніе думать, что былина о неразказанномъ

снѣ и о подсолнечномъ царствѣ существуютъ. Обѣ эти былины записаны Рыбниковымъ (томъ III, №№ 57, 58) отъ одного и того же пѣвца — отъ крестьянина Бутылки. Ихъ нѣтъ и ничего похожего на нихъ нѣтъ въ сборникѣ Гильфердинга, который былъ хорошо знакомъ съ Бутылкою, который записалъ многое изъ того, что было уже записано Рыбниковымъ, который наконецъ имѣлъ передъ собою чуть не 100 пѣвцовъ. Точно также ничего похожего на эти былины нѣтъ ни въ одномъ другомъ изъ нашихъ пѣсенныхъ сборниковъ. Если мы припомнимъ слова Гильфердинга: „другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинь, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось“ (Онежскія былины, стр. XXIII), то придемъ къ заключенію, что въ былинахъ о неразказанномъ снѣ и о подсолнечномъ царствѣ передъ нами — опыты переложенія сказки въ былину, сдѣланные пѣвцомъ Бутылкою, вещи въ своемъ родѣ единственныя и замѣчательныя, но не заслуживающія названія былинь въ собственномъ смыслѣ этого слова.

О третьей статьѣ: „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ“, очень большой, мы не будемъ распространяться. Авторъ при помощи своеобразнаго толкованія былинь о Васильѣ и произвольнаго ¹⁾ подбора вариантовъ изъ нихъ представляетъ новгородскаго удалца какимъ-то извергомъ человѣческаго рода, рожденнымъ если не отъ дьявола, то при помощи дьявола, образцомъ жестокости и безчеловѣчія. Всѣ событія въ жизни Василья освѣщаются имъ однимъ и тѣмъ же мрачнымъ свѣтомъ. Разказъ пѣвца объ отцѣ Василья, какъ Буславъ кручинился, не имѣя дѣтей, и какъ какал-то „бабища матерая“ велѣла ему поиграть съ женой, разказъ съ недостаточно яснымъ содержаніемъ, даетъ ему основаніе заявить, что „бабища“ — чародѣйка, а Василій — „плодь чародѣйства“ (стр. 283). Та подробность былины, что мальчикъ Василій, уже силачъ, шутитъ шутки свойственныя многимъ эпическимъ дѣтямъ-силачамъ, даже самымъ добродѣтельнымъ, — выдергиваетъ руки и ноги сверстникамъ и т. п., —

¹⁾ Пѣсенные варианты подлежатъ такой же сравнительной оцѣнкѣ, какъ и варианты старыхъ текстовъ. Вариантъ, напримѣръ, былины о Васильѣ со старичищемъ — пелегримцемъ, одѣтымъ въ колоколъ, несомнѣнно древнѣе вариантовъ съ старцемъ, крестовымъ батюшкой и т. п.; позднѣйшіе пѣвцы могли замѣнять пелегримца — старцемъ и проч., но не могли произвести обратной замѣны.

приводит автора къ заключенію: „но привлекательны были задатки нравственнаго характера Василья: онъ рано сталъ обнаруживать дурной задоръ, жестокость, наклонность къ буйству и насилію“ (стр. 200). Сборъ Васильемъ товарищей, „добрыхъ молодцовъ“, объясняется имъ какъ составленіе „шайки сорванцевъ“ (стр. 202). Кулачный бой, происшедшій у Василья и его дружины съ „мужиками новгородскими“ на основаніи предварительнаго соглашенія, по автору, долженъ былъ имѣть лишь значеніе молодецкой потѣхи, но „бѣшенный задоръ Василья придалъ игрищу видъ кровавой свалки“ (стр. 259); Василій „безопасно бьетъ новгородцевъ на кулачномъ бою“ (стр. 395). Темный эпизодъ встрѣчи Василья съ какимъ-то старцемъ для г. Жданова ясець: Василій „убиваетъ стараго монаха, своего наставника и крестнаго отца“ (стр. 395). Подобное освѣщеніе пужно г. Жданову для того, чтобы сблизить былины о Васильѣ съ средневѣковыми западными сказаніями о Робертѣ-дьяволѣ и указать на ихъ „несомнѣнное сходство“ (стр. 291). Само собою разумѣется, полное различіе типовъ симпатичнаго пѣвца Василья, широкой русской природы, и дьявольскаго отродья Роберта авторомъ игнорируется.

Былины о Волхѣ соединены авторомъ съ былинами о Васильѣ въ одно изслѣдованіе единственно, кажется, потому, что, по его мнѣнію, „въ сознаніи народныхъ пѣвцовъ Василій и Волхъ-Вольга обнаруживаютъ несомнѣнную склонность къ взаимному сближенію“ (стр. 424).

Двѣ послѣднія статьи: „Пѣсни о князѣ Романѣ“ и „Пѣсни о князѣ Михайлѣ“, составляютъ въ общемъ одно цѣлое. Авторъ изслѣдуетъ въ нихъ разнообразныя пѣсни, связанныя между собою лишь тѣмъ, что въ нихъ играетъ роль „князь Романъ“, „князь Михайло“, оставляя при этомъ въ сторонѣ пѣсни съ Романомъ, Михайломъ безъ княжескаго титула¹⁾ и даже не пытался найти въ „князѣ Романѣ“ и „князѣ Михайлѣ“ что-нибудь похожее на типы.

Г. Ждановъ смотритъ на пѣсни о князѣ Романѣ какъ на историческія, и его изслѣдованіе имѣетъ своей задачей опредѣлить историческіе элементы въ этихъ пѣсняхъ. Онъ начинается съ того, что приводитъ извѣстные запѣвы былины, гдѣ упоминается о выѣздѣ богатырей изъ „Волынца-города-Галича“, и спрашиваетъ: „могли ли

¹⁾ Вотъ нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ съ именемъ Романа: 1) *Чубинскій*, V, стр. 929; *Головацкій*, т. III, ч. I, стр. 28; 2) *Кунчанко*, стр. 120; *Головацкій*, т. III, ч. I, стр. 180; 3) *Чубинскій*, III, стр. 68; *Zbiór wiadomości*, XII, стр. 298. Первая имѣетъ кое-что общее съ пѣсней объ убійствѣ жены княземъ Романомъ.

сѣверно-русскіе пѣвцы, поэты московской эпохи, имѣть достаточный поводъ и интересъ перенести мѣсто дѣйствія (?) передававшихся ими сказаній въ далекій, забытый ими Галичъ, если бы для этого не представлялось какихъ-либо основаній въ эпическомъ запасѣ болѣе ранняго времени?" (стр. 426). Читатель уже можетъ догадаться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи автора Галичъ играетъ значительную роль.

Изъ четырехъ группъ пѣсенъ съ именемъ „князя Романа“, пѣсни первой и второй группъ признаются всѣми за историческія; это — пѣсни о набѣгѣ литовцевъ на волость Романа и пѣсни о похищеніи жены Романа государемъ сосѣдней земли (Мануйломъ сыномъ Ягайловымъ, Батышомъ Батурьевичемъ и т. п.). Споръ по поводу этихъ пѣсенъ можетъ быть лишь относительно воспѣваемой въ нихъ эпохи. Авторъ настаиваетъ, что Романъ данныхъ пѣсенъ — князь волынский и галицкій Романъ Мстиславичъ, отецъ знаменитаго Данила Галицкаго, жившій въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Онъ указываетъ, что Романъ ходилъ на половцевъ, воевалъ съ Литвою и наконецъ былъ убитъ въ несчастной войнѣ съ двумя польскими князьями-братьями Лешкомъ и Кондратомъ, что у поляковъ въ XV вѣкѣ были пѣсни и сказанія о побѣдѣ ихъ надъ Романомъ и о самомъ Романѣ (стр. 439—441). Но данныя пѣсенъ ни мало не оправдываютъ настойчивости автора. Единственное важное его основаніе — имя князя „Романъ“; но это имя — если не самое распространенное христіанское имя князей удѣльнаго періода, то во всякомъ случаѣ одно изъ самыхъ распространенныхъ (въ указателѣ къ книгѣ г. Жданова князей съ этимъ именемъ указано восемь; въ указателѣ къ Ипатскому списку лѣтописи — десять; въ указателѣ къ Лаврентьевскому списку — одиннадцать); разнообразныя великорусскія пѣсни охотно пользуются этимъ именемъ; оно въ нихъ — какъ-бы общее имя удѣльныхъ князей послѣ-Владимировой и до-московской эпохи; и уже поэтому невозможно прикрѣплять его къ какому-либо одному лицу. Что до другихъ основаній, то они не представляютъ никакой цѣнности. Какъ бы то ни было, наименованіе въ пѣсняхъ враговъ князя Романа литовцами и упоминаніе о набѣгѣ литовцевъ на землю ливонскую, о Москвѣ, о Березинѣ, указываютъ не на XII—XIII, а на XIV вѣкъ.

Пѣсни о князѣ Романѣ третьей группы, пѣсни объ убійствѣ княземъ Романомъ жены, въ виду полного отсутствія въ нихъ какихъ бы то ни было историческихъ данныхъ, не могутъ быть называемы исто-

рическими. Г. Ждановъ дѣлаеть разныя предположенія: о старшинствѣ пѣсенъ объ убійствѣ жены безъ имени героя („допской казакъ“, „молодой майоръ“ и т. п.) сравнительно съ пѣснями съ именемъ Романа, объ опущеніи въ послѣднихъ вступительной сцены, объ истинномъ мотивѣ убійства, но всѣ они даютъ такъ мало основаній сближать пѣсни этой группы съ пѣснями двухъ первыхъ группъ, что ему самому приходится оговориться: „если эти былины (объ похищеніи жены Романа) и пѣсни о женоубійствѣ Романа по представляютъ лишь случайнаго сходства въ имени героя, а дѣйствительно относятся къ одному и тому же эпическому лицу...“ (стр. 497).

Пѣсни о князѣ Ромацѣ четвертой группы—малорусскія игровыя пѣсни „Воротаръ“. Четыре изъ нихъ, записанныя въ одной и той же мѣстности — въ Бѣльскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи, говорятъ о князѣ Романѣ, который уѣхалъ во Львовъ на торгъ, о его слугахъ, которые желаютъ войти въ его городъ и наконецъ о какомъ-то ребенкѣ, котораго жители города обѣщаютъ дать въ даръ слугамъ. Что до другихъ пѣсенъ, очень многочисленныхъ, записанныхъ въ разное время въ разныхъ мѣстностяхъ, то въ нихъ вмѣсто имени князя Романа стоитъ имя царя („царя Александра“) или ближайшаго къ мѣсту игры помѣщика („пана“ такого-то). Это не мѣшаетъ автору видѣть въ князѣ Романѣ не помѣщика Бѣльскаго уѣзда, а отца Давиіла Галицкаго (ребенокъ—самъ Давиілъ) и вслѣдъ за Антоновичемъ и Драгомановымъ сопоставлять пѣсни четвертой группы съ однимъ разказомъ галицко-волинской лѣтописи. Не входя въ подробности, мы позволимъ себѣ ограничиться приведеніемъ словъ Костомарова по поводу сборника Антоновича и Драгоманова: „При охотѣ отыскивать въ пѣсняхъ извѣстныя по лѣтописямъ лица княжескаго происхожденія, издатели наши тамъ и Романа Галицкаго.... Изъ этихъ варіантовъ (пѣсни о Воротарѣ) можно удостовѣриться, что имя Ромаца, вставленное въ подляскій варіантъ, не есть необходимая принадлежность пѣсни.... Почему бы ни поставленъ былъ въ подляскомъ варіантѣ Романъ, по имени ли владѣльца того села, гдѣ пѣлась пѣсня, или по какому-нибудь воспоминанію, во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать здѣсь знаменитаго князя XII вѣка“ (*Вѣстникъ Европы*, 1874 года, № 12, стр. 586—587).

Пѣсни о князѣ Михайлѣ представляютъ три группы. Пѣсни первой группы—довольно распространенныя великорусскія на тему объ

убійствѣ невѣстки свекровью, болѣе или менѣе близкія къ западно-славянскимъ и западно-европейскимъ пѣснямъ на ту же тему и находящіяся въ тѣсной связи съ послѣдними. Они почти всѣ начинаются указаніемъ на отъѣздъ князя Михайла „на царскую, государеву службу“, что переноситъ насъ прямо въ позднѣйшую эпоху. Все это нисколько не мѣшаетъ г. Жданову заявить, что имя князя Михайла въ великорусскихъ пѣсняхъ, „безспорно, имя историческое“ (стр. 564), и сдѣлать предположеніе, что пѣсенный князь Михайло не кто иной, какъ Михайлъ, сынъ Романа Брянскаго, жившій въ XIII вѣкѣ, можетъ быть, предокъ князей Друцкихъ, о которыхъ, впрочемъ, исторія почти ничего не знаетъ.

Пѣсни второй группы записаны въ Минской губерніи. Ихъ двѣ и онѣ обѣ пинскія; одна впервые изданная Зенкевичемъ, потомъ перепечатанная у Антоновича и Драгоманова, начинается такъ:

Мати дочку карала:
„Гдѣ жъ ты, доню, вѣнчикъ дѣла?“—
— „Вхалъ, мамко, князь Михайло,
И зналъ, мамко, вѣнчикъ въ мене,
Повесь, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Черезъ село Луинское...“

Съ пѣснями этой группы вполне сходна безымянная пѣсня, оставшаяся неизвѣстною автору; она находится въ сборникѣ Безсонова (стр. 19) и принадлежитъ къ числу „весеннихъ“, то-есть игровыхъ:

- 1) За горою, за горою громъ загремѣлъ
За другою за горою дождикъ пошелъ.
Ой, тамъ matka донью била,
Ой тамъ била, научала:
„Да гдѣ, донька, вѣнчикъ дѣла?“—
— „Да ишолъ, matka, ... дитюкъ,
Зналъ же мой перловъ вѣнчикъ
Да повесь . . . . дѣвкамъ“.
- 2) За горою, за горсю.....
. . . . .
— „Да ишолъ, matka, красный дитюкъ,
Сорвалъ вѣнчикъ, краснымъ дѣвкамъ повесь“.

Послѣдняя пѣсня показываетъ, что имя князя Михайла и названіе села Луинскаго¹⁾ пѣсенъ второй группы—нѣчто случайное, не

¹⁾ Это село (въ Пинскомъ уѣздѣ) упоминается въ пѣснѣ повидному потому, что она въ немъ записана. Сравни соображенія г. Жданова на стр. 564 слѣд.

имѣющее значенія, и что эта группа не можетъ быть связываема въ какомъ бы то ни было отношеніи съ великорусскою группою¹⁾.

Пѣсня третьей группы одна, также пинская, впервые изданная Зенкевичемъ. Она слѣдующая:

Въ темнумъ гѣсѣ на орѣсѣ
Зовзуленька гнѣздо звила,
Звивши гнѣздо заковала,
Заковавши поленула
Въ тее село Лунискее,
Въ тее мѣсто боярское.
А въ тимъ селѣ удовонька дворъ буде,
А збудовавши да ѣ малюе,
А помалѣвавши да ѣ говорить:
„Кто въ гетимъ дворѣ паномъ буде?
Кто моимъ дѣткамъ батькомъ буде?
Кто въ гетимъ двору панею буде?
Кто моимъ дѣткамъ маткою буде?“
Вхаль селомъ князь Михайло, да каже:
„Я въ гетомъ дворѣ паномъ буду,
Твоимъ дѣткамъ батькомъ буду,
А моя жинка панею буде,
Твоимъ дѣткамъ маткою буде“.

Она не богата смысломъ. Послѣдній становится яснымъ изъ опущенныхъ авторомъ изъ виду довольно многочисленныхъ великорусскихъ пѣсень о вдовѣ, содержаніе которыхъ видно изъ одной изъ нихъ, находящейся въ сборникѣ П. В. Шейна:

Какъ по лугу, лугу, лужечку,
Лугу зеленому,
Тутъ ходила-гуляла вдовушка, вдова,
Вдова, баеть, молодая;
Она плакала-рыдала,
Сама слезно причитала:
„Хоромы ли вы, мои хоромушки,
Развысоки новы теремы!
Ай, что же вы, мои хоромушки,
Не покрыты новы стоите?
Аль у васъ, мои хоромушки,

¹⁾ *Науероцкій* („Твори“, I, 121) въ разборѣ сборника Антоновича и Драгоманова говорятъ о пинской пѣснѣ Зенкевича слѣдующее: „Пѣсня про князя Михайла вводитъ насъ за однимъ разомъ въ нову эпоху політичної исторіи и соціального побуту южно-русского народу, поетичнимъ и дуже оглядимымъ пред- ставленямъ акту магнатской самоволіи и розпусты“.

У васъ хозяйна нѣту?
 Аль у меня то ли, у меня,
 У меня, вдовы молодой,
 Нѣту милаго дружечка?
 А монимъ то ли, монимъ,
 Монимъ милымъ дѣтушкамъ,
 Нѣту батюшки родного?“
 Ахъ, да вотъ какъ на встрѣчу то ли мнѣ,
 На встрѣчу вдовѣ молодой,
 Идутъ два младыхъ кунчика.
 Кунчинушки бають молодые,
 Ахъ, да и бають-то они,
 Бають вдовѣ молодой:
 „Что слезно вдова больно плачешь?
 И что ты, вдова, жалобно причитаешь?
 Твоимъ-то ли я, твоимъ хоромушкамъ,
 Ахъ, да буду-де хозяйномъ,
 А тебѣ-то, вдовѣ молодой,
 Буду миленькимъ дружечкомъ,
 А дѣточкамъ-де твоимъ.
 Батюшкой буду роднымъ“.—
 — „Нѣтъ, ужъ не быть-то ли, не быть калинушкѣ,
 Но быть супротивъ ягодки, бають, малипушки;
 Да ужъ не быть-то тебѣ, не быть, кунчинушка,
 Хозяиномъ не быть въ домѣ,
 Не быть-то, не быть, тебѣ милымъ мнѣ дружечкомъ,
 А монимъ ли дѣтушкамъ батюшкой роднымъ“.—

Всѣ великорусскія пѣсни безыменные; это показываетъ, что имя князя Михаила второй пинской пѣсни—нѣчто случайное и лишнее значенія.

Конечно, выводъ г. Жданова: „сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о князѣ Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя родственныя черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоятъ въ генеологической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначальнаго сказанія“, и соображенія о „составѣ“ этого сказанія (стр. 563) намъ кажутся произвольными.

Книга г. Жданова оканчивается приложениями. Здѣсь изданы: 1) повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ по списку проф. Соколова; 2) разказъ о Соломонѣ и южской царицѣ по списку Московскаго Публичнаго Музея; 3) посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя по рукописи Тверскаго Музея; 4) сказаніе о князехъ Владимірскихъ по списку Публичной Библіотеки XVI вѣка съ вариантами изъ трехъ другихъ списковъ той же библіотеки; 5) посланіе

Спиридона-Саввы по рукописи Публичной Библиотеки; 6) рассказ о походе Владимира Мономаха на Царьградъ по рукописи Синодальной Библиотеки; 7) рассказ о новгородскихъ разбойникахъ Кин, Щекъ и Хоривъ по рукописи Публичной Библиотеки; 8) легенда о человѣкѣ обреченномъ дьяволу по рукописи той же библиотеки; 9) отрывокъ изъ „Сужденія дьяволя противу рода человѣча“ по рукописи той же библиотеки.

По поводу этихъ приложений мы можемъ сказать, что Сказаніе о князехъ Владимірскихъ сверхъ списковъ, бывшихъ въ виду г. Жданова, находится, еще въ началѣ родословнаго сборника XVII вѣка библиотеки московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, № 67—90. Мы можемъ также сообщить, что „Сужденіе дьяволе противу рода человѣча“, упоминавшееся раньше И. А. Шляпкинымъ „Димитрій Ростовскій“, стр. 91, 97) и недавно изданное въ извлеченіяхъ А. И. Кирпичниковымъ („Памятники древней письменности, № CV, 1894 года) представляетъ собою переводъ польскаго текста, очень близкаго къ тексту „Postępek p̄gawa szartowskiego p̄zeciw narodowi ludzkiemu“, изданному въ Брестѣ Литовскомъ, въ типографіи Cypryana Basylika, въ 1570 году, и перепечатанному въ „Biblioteka pisarzyw polskich“ № 22, 1892 года.

А. Соболевскій.

Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Монографія *И. В. Голубовскаго*. Кіевъ. 1895.

Нѣтъ надобности говорить о важности изученія исторіи отдѣльныхъ княжествъ: подобное изученіе уясняетъ типичныя стороны cadaго княжества, его роль въ общей исторіи Россіи; такимъ образомъ чрезъ подробное изученіе частей мы доходимъ до яснаго представленія всего хода русской исторической жизни. Значеніе этого изученія понято давно и русская историческая наука по исторіи отдѣльныхъ княжествъ уже имѣетъ труды Иловайскаго, Корсакова, Борзаконскаго, Никитскаго и др., сочиненія которыхъ приобрѣли себѣ почетную извѣстность. Нѣтъ сомнѣнія, что такую же почетную извѣстность приобрететъ своими выдающимися достоинствами и сочиненіе, заглавіе котораго нами поставлено впереди. Дѣйствительно, въ своей „Исторіи Смоленской земли“ г. Голубовскій обнаружилъ громадную эрудицію, обширную начитанность въ первоисточникахъ, ши-

рокое знакомство съ литературой предмета, такъ что его сочиненіе представляетъ выдающійся интересъ для всякаго занимающагося исторіей своего отечества, а по своему легкому и живому изложенію оно съ удовольствіемъ прочтется и не специалистомъ.

Все сочиненіе раздѣляется на пять главъ. Въ первой главѣ описывается природа страны, первобытные ея обитатели, славянская колонизація и политическія границы княжества. Мѣстность, занимаемая древнимъ Смоленскимъ княжествомъ, была покрыта дѣственными лѣсами и по всѣмъ направленіямъ перерѣзывалась рѣками, текущими въ разныя стороны. Эти-то рѣки и облегчали колонизацію страны, такъ какъ онѣ сближались своими верховьями, а проходящія между ними волокни не настолько велики, чтобы представлять какія-либо серьезныя препятствія къ передвиженію. Колонизаціонное движеніе славянскаго племени шло въ сѣверо-восточномъ направленіи — съ днѣпровской системы къ великой волжской системѣ. На территоріи Смоленской земли сталкивались, впрочемъ, не одни славянскія племена. На основаніи историческихъ и археологическихъ данныхъ—г. Голубовскій въ широкихъ размѣрахъ пользуется результатами раскопокъ, сдѣланныхъ въ предѣлахъ не только бывшаго княжества, но и всей западной Россіи—авторъ доказываетъ, что кромѣ Кривичей Смоленскую землю занимали Радимичи, а рагѣ славяны угро-финны и на р. Протвѣ Голядь, народъ литовскаго племени. Въ связи съ этими народностями авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій: гдѣ славяне смѣшались съ угро-финнами, тамъ великорусское нарѣчіе, а гдѣ смѣшеніе произошло на почвѣ литовской—тамъ бѣлорусское.

Указавъ, какіе народы и племена населяли Смоленскую землю, авторъ переходитъ къ обзору населенныхъ мѣстъ княжества. Здѣсь онъ находитъ себѣ важное пособіе въ такъ называемой Ростиславовой грамотѣ, данной княземъ Ростиславомъ первому епископу Мануилу. Къ сожалѣнію, большинство упомянутыхъ здѣсь мѣстностей далѣе въ исторіи Смоленскаго княжества не встрѣчаются, а потому является затрудненіе въ точномъ приуроченіи ихъ къ надлежащему мѣсту; часто приурочиваютъ по созвучію съ тѣмъ или другимъ племенемъ въ настоящей топографической номенклатурѣ, и нерѣдко наблюдаютъ при опредѣленіи большіе контрасты—что одинъ изслѣдователь помѣщаетъ на югъ, то другой на сѣверѣ и пр. Заслуга г. Голубовскаго въ данномъ случаѣ та, что онъ многіе населенные пункты приурочилъ къ рѣкамъ: Басѣя къ р. Баси, Мирятичи къ р. Мирѣѣ,

Вержавляне къ р. Вержѣ. Но и при всемъ томъ противъ опредѣленія нѣкоторыхъ мѣстностей можно кое-что возразить; наприѣръ Роденъ авторъ помѣщаетъ на правомъ берегу Днѣпра и приурочиваетъ къ Рудѣ, мѣстечку Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи на р. Березинѣ ¹⁾). По нашему мнѣнію, мѣстечко Роденъ слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ и Ховрачъ, рядомъ съ которымъ оно упоминается въ лѣтописи. Изъ лѣтописнаго извѣстія видно, что эти двѣ мѣстности подверглись нападению князя Андря Ольгердовича одновременно, а не въ два похода, какъ это должно было быть, если бы Роденъ находился далеко отъ Ховрача. Дѣйствительно, въ 32^{1/2} в. отъ уѣзднаго г. Вязьмы на Вазузѣ существуетъ и теперь Родено или Родино ²⁾)—это и есть древній *Родме*. Мѣстоположеніе Былева авторъ опредѣляетъ, хотя и нерѣшительно, между рр. Вазузой и Гжатию. Не нынѣшніе ли Быльники въ 8 в. отъ Смоленска ³⁾)? Ження Великая помѣщается авторомъ въ восточной части княжества и отождествляется съ с. Жуйной въ Калужской губерніи. Не слѣдуетъ ли тутъ разумѣть двѣ мѣстности, носящія названіе Шейнова, въ 113 и 115 в. отъ Порѣчья и недалеко отъ нихъ Путянки при р. Межѣ въ 90 в. отъ Порѣчья и далѣе Путное при оз. Путномъ въ 109 в. отъ того же города; подъ однимъ изъ послѣднихъ названій можно подразумѣвать Путтино Ростиславовой грамоты, и тогда эти мѣстности стояли бы на волокѣ, на которомъ находятся два озера: Высогорть и Путное, уменьшающія дорогу между Межой и Зап. Двиной до 10 верстѣ ⁴⁾). На мѣстоположеніе волости Погоновичи указываетъ слц. Погоново при рч. Погоновнѣ въ 40 в. отъ уѣзднаго гор. Краснаго ⁵⁾). Кромѣ того не слишкомъ ли далеко — за среднее теченіе р. Москвы, восточнѣе г. Москвы—авторъ выдвигаетъ восточную границу княжества.

Во второй главѣ авторъ трактуетъ о торговлѣ и промышленности Смоленской земли. Отличный матеріалъ по этому вопросу находится въ договорѣ, заключенномъ кн. Мстиславомъ Давидовичемъ съ пѣмцами въ 1229 г., но кромѣ писанныхъ источниковъ авторъ, какъ и въ

¹⁾ Исторія Смоленской земли, стр. 83.

²⁾ Спис. населен. м. Смоленск. г., № 3632.

³⁾ Тамъ же, № 474.

⁴⁾ Тамъ же, №№ 9321, 9323, 9320, 2168. Вблизи деревни Шейновой открыта подъ курганомъ подземная церковь, что указываетъ на древность поселенія этой мѣстности.

⁵⁾ Сп. нас. м. См. г., № 7944.

первой главѣ, въ обиліи пользуется археологическими находками, опредѣляющими какъ страны, съ которыми производилась торговля, такъ и предметы торговли. Въ этой же главѣ находится подробный анализъ Мстиславовой грамоты; изъ сличенія разныхъ ея списковъ авторъ приходитъ къ выводу, что экземпляръ, отиѣченный въ изданіи археографической комиссіи лѣт. А, есть подлинный трактатъ Мстислава Давидовича съ Ригой и Ганзой, что онъ былъ переведенъ съ нѣмецкаго текста, который въ свою очередь переведенъ съ латинскаго языка. Но съ послѣднимъ мы не можемъ согласиться. Самъ авторъ говоритъ, что многіе купцы латинскаго языка не понимали; а если такъ, то зачѣмъ было и составлять договоръ на непонятномъ языкѣ; и дѣйствительно, большинство изданныхъ договоровъ русскихъ съ лѣидами, писаны на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Лингвистическія соображенія автора, по нашему мнѣнію, тоже не состоятельны. Они основаны на двухъ-трехъ фразахъ, якобы латинскаго построенія; такъ въ началѣ договора находится слѣдующая фраза: „*коли Альбрахтъ... оумьрлз* (въ др. сп. *мьртвз*)“ — и въ томъ и другомъ случаѣ безъ вспомоgetельнаго глагола—это будто бы передача лат. *abl. abs.* Но кромѣ Мстиславова договора мы находимъ массу подобныхъ пропусковъ вспомоgetельнаго глагола въ другихъ памятникахъ; такъ въ Ип. сп. лѣт.: „аже уже братъ нашъ *убитъ*, а *пошлз* къ Богови“; „что же *хотѣли* учинити“ и рядомъ съ этимъ дважды: „што *есте хотѣли* учинити“; „стрый ти *умерлз*“... „Олеги ти еще не *въгхалз*“¹⁾; въ синодальномъ спискѣ. Новг. I лѣт.: „татарове... *приступили*“; „оже *пустилз*“, „*вымолился*“²⁾; въ Лавр. сп. „*изтънилося*“, „*почернтло*“, „*отолстѣли*“³⁾. Изъ этихъ примѣровъ видно, что пропускъ вспомоgetельнаго глагола при причастіяхъ прошедшаго времени сталъ замѣчаться въ русскомъ языкѣ еще въ XII вѣкѣ. Другое мѣсто въ договорѣ латинской копструкціи—это его датировка. Въ одномъ спискѣ договора (А) она слѣдующая: „коли с грамота писана, нмлз былъ Ѡ ржства Гѣя до сего лѣта, А' лѣто и С лѣто и И лѣто и К“...; въ другомъ спискѣ (Д): „А' лѣто и С лѣто и Л лѣто *безъ лѣто*“. Первая датировка, по мнѣнію автора, нѣмецкая, вторая—латинская. Въ первомъ случаѣ, дѣйствительно, видно вліяніе западное: лѣтосчисле-

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп., 256, 257, 358.

²⁾ Нов. лѣт. по свн. сп., 134, 248, 136.

³⁾ Лавр. сп., 429.

ніе ведется отъ Р. Хр. ¹⁾, но во второмъ датировка чисто русская, встрѣчающаяся не только въ древнихъ памятникахъ письменности, но сохранившаяся и до настоящаго времени среди простаго народа; и теперь никто изъ крестьянъ на вопросъ, сколько ему лѣтъ, не скажетъ, что ему, положимъ, 57 лѣтъ, а непременно 60 безъ трехъ; то же самое мы видимъ, напримѣръ, въ Ип. лѣт.: „а всихъ лѣтъ отъ рождества 60 безъ трехъ“ ²⁾. Слово „*боготъ*“ перваго списка (А) передано во второмъ сп. (Д') словомъ „судья“, очевидно, не съ латинскаго *judeh*, какъ думаетъ авторъ, а съ нѣмецкаго *Vogt*. Наконецъ, городъ Сестъ и въ нѣмецкомъ языкѣ могъ называться по латыни *Susatium*; вѣдь всѣмъ извѣстна страсть нѣмцевъ къ латинскимъ названіямъ; такъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ до послѣдняго времени представители городовъ назывались *patres, consules*, а въ Юрьевскомъ университетѣ корпораціи были *Rigensis, Dorpatensis, Rutenica, Livonia* и т. д.—Думаемъ, что несостоятельность предположенія автора о латинскомъ прототипѣ договора мы достаточнo доказали.

Авторъ не дѣлаетъ попытки опредѣлить, какія статьи договора были предложены русскими и какія нѣмцами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сдѣлать было бы легко. Возьмемъ для сравненія нѣсколько статей: русскій не долженъ ставить при тяжбѣ одного свидѣтели, но долженъ имѣть двухъ свидѣтелей — одного нѣмца, другого русскаго. Такъ же и нѣмецъ долженъ поступать въ Ригѣ и на Готландѣ (8 ст.). Если русскій застанетъ нѣмца съ своей женой, то послѣдній платитъ за это 10 гривенъ. Также и русскій платитъ за это въ Ригѣ и на Готландѣ (11 ст.). Уже при простомъ чтеніи этихъ статей видно, что въ первой статьѣ на первый планъ выдвигается, чего не должны дѣлать русскіе, и слѣдовательно можно предположить, что эта статья предложена нѣмцами; во второй статьѣ на первомъ планѣ выставляется, какъ нужно поступать съ нѣмцами при извѣстномъ преступленіи; изъ этого можно заключить, что она предложена русскими. Что эта статья дѣйствительно предложена русскими, кромѣ формы, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣмецкіе купцы ѣздили въ чужія страны безъ жонъ и потому легко могли

¹⁾ Но самый счетъ чисто русскій—черезъ сложеніе; ср. „отъ рождества 80 и 4 гѣта“; „Мученикъ 40 и 5“; „100 бо и 11 лѣтъ“. (Лѣт. по Ип. сп., 388, 475).

²⁾ Лѣт. по Ип. сп. 478. „8 лѣтъ безъ мѣсяца“. (Тамъ же, 364).

впадать въ прелюбодѣяніе, а Ганза запрещала браки съ чужеземными женщинами. Итакъ, вторая половина каждой статьи есть только подтвержденіе того же самаго для стороны, которой сдѣлано предложеніе; эта сторона выговариваетъ для себя тѣ же самыя права, которыхъ у нея требуетъ противная сторона, или предлагаетъ тѣ же самыя ограниченія, которыя ей дѣлаетъ противная сторона. Что это такъ, на это есть фактическое подтвержденіе; въ сп. Мстиславова договора подъ лит. В. отдѣлы b и c 10-й ст. читаются такъ: „b. Аже латинскій гость бѣтѣся межю собою в Роускомъ земли любо мечемъ, или деревомъ, князю то не надобѣ, межю собою соудятѣся“. c. „Такоже и Росскій гость бѣтѣся въ *вашихъ* городѣхъ, нѣмцѣмъ не надобѣ“.. Здѣсь, очевидно, Русскіе выговариваютъ для себя то же, что требовали у нихъ нѣмцы для своихъ купцовъ. Въ томъ же спискѣ В. 31-я ст. читается такъ: а) „Всякому латиньскомуу языкоу из Риги, из Готьскаго берега до Смоленьска без мыта“. b) „Тако правда есть а Руси и Смоленьска до *вашихъ* городов“¹⁾. Разсатривая статьи съ этой точки зрѣнія, мы можемъ заключить, что со стороны нѣмцевъ предложены слѣдующія статьи: 5—10, какъ касающіяся исключительно интересовъ нѣмецкихъ купцовъ, 14, 15, 18—23, 30—32, 35, 36 и 37. Русскими предложены слѣдующія статьи: 1—4, 11, 12 и 17 и кромѣ того цѣлый рядъ статей, въ которыхъ опредѣляются пошлины съ нѣмецкихъ торговцевъ при покупкѣ и плавленіи металловъ, именно: 24—29 и 34 ст.; сообща выработани постановленія объ исправленіи вѣсовъ (29) и о расправѣ съ ворани (33). Такимъ образомъ большинство статей были предложены нѣмцами; статьи, предложенныя русскими, касаются финансовой стороны (собственно пошлинъ) да обезпеченія личности; изъ этого можно заключать, что нѣмцы, торговавшіе въ Смоленскѣ, позволяли себѣ слишкомъ безцеремонное обращеніе съ русскими; вѣроятно, изъ-за этого-то и происходили между ними частыя ссоры.

Чтобы покончить со статьей о торговлѣ, сдѣлаемъ еще два замѣчанія: 1) было бы желательно имѣть нѣсколько указаній на монету и вѣсъ; въ Мстиславовой грамотѣ упоминаются „коуна Смольнеская“ и „ногата Смольнеская“. Эти монетныя единицы были ли одинаковы съ таковыми въ остальной Руси или отличныя, и въ послѣднемъ случаѣ, въ какомъ отношеніи смоленская монета стояла къ монетнымъ единицамъ другихъ русскихъ княжествъ; 2) въ числѣ то-

¹⁾ Русск. лив. акт., 428, 436.

варовъ, привозившихся изъ Византіи, названы плитусы—не слишкомъ ли громоздкій товаръ для такой далекой перевозки? (стр. 105).

Въ третьей главѣ авторъ старается распутать запутанную родословную смоленскихъ князей. Эта глава введена въ данномъ мѣстѣ во избѣжаніе обширныхъ и частыхъ примѣчаній въ послѣдующемъ изложеніи. Мы помѣстили бы ее предъ пятой главой, къ которой она по содержанію непосредственно примыкаетъ. Къ концу главы прибавлены два списка смоленскихъ князей—одинъ по колѣнамъ, а другой по времени княженія ихъ въ Смоленскѣ. Оба списка вполне необходимы.

Въ четвертой главѣ авторъ изображаетъ общественный и политическій бытъ Смоленской земли: прежде всего указываетъ на господство понятій Русской правды въ жизни смоленской общины, выразившееся въ наложеніи штрафовъ за разныя преступленія, положенныхъ по Мстиславову договору въ одинаковой суммѣ, какъ по Русской правдѣ,—въ судѣ послуховъ, въ значеніи общины въ судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ; говоритъ о значеніи вѣча, при чемъ собраны все имѣющіяся указанія въ памятникахъ на его значеніе, о власти князя, объ имущественныхъ правахъ и доходахъ его, о должностныхъ лицахъ, существовавшихъ въ княжествѣ, о боярахъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ упомянутыхъ въ источникахъ лицъ, о купечествѣ, духовенствѣ и значеніи его, образованности и литературныхъ памятникахъ, появившихся на почвѣ Смоленской земли. Здѣсь мы замѣтили нѣсколько пропусковъ: въ числѣ должностныхъ лицъ не названъ мечникъ, упоминаемый въ житіи Авраамія Смоленскаго, въ родѣ простаго стражника; изъ числа лицъ, подвизавшихся въ Смоленскѣ, не названы Яволодь, посланный въ Ростовъ вести переговоры съ Константиномъ Всеволодовичемъ ¹⁾, Мирославъ, упоминаемый въ договорѣ съ нѣмцами 1284 г. Между заѣзжими боярами не упомянуты князь Иванъ Берладникъ, служившій Ростиславу ²⁾,

¹⁾ Лѣт. по ак. сп., 468. Упоминаются еще Вияздъ подъ 1159 и 1168 г. (Лѣт. по Ил. сп., 340, 362), Михалко тысмцкій подъ 1195 г. (Тамъ же, 464).

²⁾ Лѣт. по Ил. сп., 239. На какомъ основаніи причисляется къ иностранцамъ бояринъ Якувъ, остается неизвѣстнымъ; равно не извѣстно, изъ какого источника взято авторомъ извѣстіе о построеніи Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1146 г. церкви во имя св. апостоловъ Петра и Павла (стр. 239). Не введенъ ли авторъ въ заблужденіе Ник. лѣт. (П. С. Р. Л., IX, 172), въ которой извѣстіе о построеніи 4 церквей взято изъ Новг. I лѣт. (стр. 186), но съ прибавкой словъ: „въ Смоленскѣ“ и „на Смедывѣ“, которыя въ послѣдней относятся къ извѣстію о построеніи церкви Бориса и Глѣба, подъ 6608 г.

и Лука Прусинъ, упоминаемый въ житіи Авраамія Смоленскаго; въ числѣ доходовъ князя прпущенъ *уздъ, передмѣръ, истужници* — всё упоминаются въ Ростиславовой грамотѣ.

Въ пятой и послѣдней главѣ излагается очеркъ политической исторіи Смоленской земли. Исторія ея можетъ быть раздѣлена на два періода: первый—переходный, когда въ Смоленскѣ княжила не одна линія, и второй—самостоятельный—со вступленія на столъ Ростислава Мстиславича. Начало самостоятельности княжества было и временемъ высшаго его процвѣтанія и значенія. Уже ближайшіе его пресмники потеряли весь престижъ и сами подпали подъ вліяніе суздальскихъ князей: Романъ — Андрея Боголюбскаго, а Давидъ — Всеволода III; подъ вліяніемъ послѣдняго находился и Мстиславъ Романовичъ, пославшій къ нему пословъ съ просьбой о мирѣ ¹⁾. Значеніе Смоленска, принявшаго дѣятельное участіе въ Липецкой битвѣ, нѣсколько возстановилось, но не такъ много, какъ думаетъ авторъ, выражаясь: „Суздальская земля теряетъ свое первенствующее значеніе, которое теперь переходитъ къ Смоленску“. Но въ чемъ выразилось первенствующее значеніе Смоленска, авторъ не объяснилъ; по нашему мнѣнію, основанному на изложеніи автора, наоборотъ, вскорѣ послѣ Липецкой битвы, со вступленіемъ на Смоленскій столъ Мстислава Давидовича (1219 г.), Смоленскъ обособляется, князей его не интересуютъ дѣла другихъ земель, никогда и нигде они не стремятся, а потому и значеніе ихъ на Руси сильно падаетъ. Съ Ростислава Мстиславича начинается паденіе княжества: смоленскіе князья теряютъ всякую политическую связь съ Кіевомъ, въ Новгородѣ сидятъ князья изъ суздальскаго дома, Полоцкъ обособляется, въ самомъ Смоленскомъ княжествѣ появляются двѣ княжескихъ линіи—Романовичи и Давидовичи—и, какъ всегда, враждуютъ между собою, чего мы раньше не видѣли, а въ срединѣ XIII вѣка появляются и удѣлы ²⁾, которые, стремясь къ автопоміи, ослабляютъ великое княжество. Съ князя Александра Глѣбовича (1297 — 1313) начинается разложеніе княжества: выступившія на историческое поприще Москва и Литва стараются поживиться на счетъ слабого сосѣда: въ 1308 г. Юрій Даниловичъ занялъ Можайскъ, а въ 1258 г. литовцы завоевали Вошцину, укрѣпленіе, находившееся недалеко

¹⁾ Этотъ фактъ опущенъ авторомъ. (Лавр., 404. Воскр., VII, 112. Твер., XV, 302).

²⁾ Въ исторіи Смоленской земли было бы естественно видѣть указанія на историческія судьбы ея удѣльныхъ княжествъ, а они даже не всё и перечислены.

отъ Смоленска, и въ 1355 г. Ржевъ; въ ихъ же рукахъ находились Орша на западѣ, Бѣлой на сѣверѣ и Ховрачъ и Роденъ на востокѣ отъ Смоленска — такъ что къ послѣдней четверти XIV вѣка онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ литовскими владѣніями и, не смотря на энергію своихъ послѣднихъ князей, неминуемо долженъ былъ сдѣлаться жертвою алчнаго западнаго сосѣда. И вотъ 26-го іюня 1404 года окончилась самостоятельная политическая жизнь Смоленской земли.

Причины, почему Смоленское княжество, не смотря на свое выгодное положеніе въ центрѣ Русской земли, не могло объединить подъ своею властію другія русскія княжества, заключались 1) въ томъ, что до нашествія татаръ оно постоянно истощалось, участвуя въ дѣлахъ кievскихъ, и за кievскими дѣлами смоленскіе князья не успѣли обратить надлежащаго вниманія на интересы своего княжества, 2) самое географическое положеніе Смоленскаго княжества на верховьяхъ трехъ большихъ рѣкъ мѣшало его усилению, постоянно втягивая смоленскихъ князей въ дѣла всей Руси; расширить же свои владѣнія по всѣмъ тремъ направленіямъ смоленскимъ князьямъ было не по плечу, такъ какъ ихъ сосѣди образовали уже прочные союзы и отторгнуть отъ каждаго изъ нихъ, что-либо для смоленскихъ князей было немыслимо, 3) въ эпоху татарскаго ига, то-есть въ XIII и XIV вѣкахъ у Смоленскаго княжества появились новые враги въ лицѣ Литвы и Москвы, и Смоленскъ долженъ былъ напрягать всѣ усилія къ удержанію своей самостоятельности, къ лавированію между двумя сильными врагами; въ XIII и XIV вѣкахъ присоединяются еще двѣ причины слабости княжества: многочисленность княжеской фамиліи — отсюда дробленіе княжества — и вражда между ея членами.

Но все-таки Смоленскъ 350 лѣтъ просуществовалъ не безслѣдно; для Руси Смоленскъ въ иностранной торговлѣ игралъ почти такую же роль, какъ и Новгородъ; чрезъ него русскіе получали заграничные товары и спускали по Двинѣ свои сырыя произведенія; чрезъ него русскіе хоть нѣсколько могли сообщаться съ Западной Европой—Смоленскъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ окномъ въ Европу. Въ частности для Москвы Смоленскъ былъ передовымъ бастиономъ, о грозныя твердыни котораго долго сокрушались завоевательныя стремленія литовскихъ князей; такимъ образомъ Смоленскъ защищалъ Москву отъ литовскихъ завоевателей и давалъ ей время усилиться, округлиться, такъ что, когда пала эта передавая стѣна Москвы, по-

слѣдняя была уже настолько сильна, что Литва не могла подчинить ее.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу послѣдней главы. Переходъ князя Ивана Александровича подъ зависимость Литвы авторъ объясняетъ нападеніемъ Товлубія, вмѣшательствомъ московскихъ князей въ дѣла смоленскія и боязнью за свои восточныя владѣнія. Намъ представляется дѣло не такъ: походъ Товлубія, къ войскамъ котораго было приказано, между прочимъ, присоединить свои войска и Калитѣ, былъ слѣдствіемъ перехода Ивана Александровича подъ зависимость Литвы. Припомнимъ, что княжества, находившіяся подъ ея зависимоію, выхода въ Орду не платили, слѣдовательно, татары лишались извѣстной суммы съ Смоленскаго княжества, отсюда и походъ Товлубія на Смоленскъ. Хотя до насъ не дошелъ договоръ, заключенный Гедиминомъ съ смоленскимъ княземъ, но изъ договора послѣдняго съ нѣмцами видно, что онъ докончалъ по тому докончанью, „какъ братъ его старѣйшій Гедиминъ“; а послѣдній заключилъ съ нѣмцами договоръ въ 1338 г. ¹⁾; слѣдовательно зависимость смоленскаго князя отъ Гедимина произошла между этимъ годомъ и 1340, годомъ похода Товлубія. Такимъ образомъ этотъ походъ былъ предпринятъ въ отмщеніе за переходъ подъ зависимость Литвы. Въ свою очередь и литовцы мстятъ за Смоленскъ походомъ въ 1341 г. на Можайскъ. Далѣе мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Голубовскаго о защитѣ московскими князьями смоленскихъ удѣльныхъ и литовскими смоленскихъ великихъ князей — и тѣ и другіе имѣли въ виду свои эгоистическія побужденія: поживиться на счетъ слабаго сосѣда; эта мысль подтверждается дальнѣйшими захватами Ольгердомъ Ржева, Мстиславля ²⁾ и походомъ Симеона Гордаго въ 1351 г. Да, кажется, ни Ольгерда, ни Симеона Гордаго нельзя заподозрить въ платоническихъ чувствахъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать нѣсколько словъ по поводу предисловія. Въ немъ авторъ, между прочимъ, заявляетъ, что онъ не излагаетъ и не разбираетъ взглядовъ, существующихъ по тому или другому вопросу, считая это совершенно излишнимъ балластомъ. Но и догматическое изложеніе не всегда удобно, такъ какъ

¹⁾ Русск. Лив. акт., № 83.

²⁾ „Исторія Смоленской земли“, 815, 317. Укажемъ одну неточность. Про походъ Ольгерда 1358 г. сказано, что онъ самъ двинулся въ походъ, *но не къ Смоленску* (стр. 819); а въ Након. лѣт. „приходилъ ратью къ Смоленску“. (И. С. Р. Л. X, 231).

оно не всегда помогает читателю разобраться среди противоположных иногда мнѣній. По нашему мнѣнію, дѣло автора ученаго сочиненія указать существующія теории, разобрать ихъ достоинство и недостатки и такимъ образомъ фундаментальнѣе обосновать свое собственное мнѣніе; въ противномъ случаѣ является для читателя многое непонятнымъ; не понятно, почему авторъ принимаетъ одно, а другое отвергаетъ; не видно мотивировки. Пояснимъ это примѣромъ; на стр. 146 мы читаемъ „только по обоюдному согласію тяжущіея стороны могли пойти на *общій* судъ“; при чемъ ссылка на § 21 ст. с. и д. Мстиславовой грамоты. Но въ древнѣйшемъ спискѣ грамоты вм. словъ „на общи соудъ“ стоитъ „на иного князя соудъ“. На какомъ основаніи авторъ не принялъ чтенія древнѣйшаго списка, современнаго самому договору, а принявъ чтеніе позднѣйшаго списка, почему онъ оставилъ безъ вниманія объясненіе слова *общи*, сдѣланное проф. Владимірскимъ—Будановымъ¹⁾—этого изъ текста не видно; а потому не видно и мотивовъ къ пониманію этой статьи такъ, какъ ее понимаетъ авторъ. Возьмемъ еще второй примѣръ: при Романѣ Мстиславичѣ былъ заключенъ какой-то „рядъ“ между смоленскимъ и черниговскимъ князьями; въ 1190 г. произошли какіе-то споры, „тяжа“, между Святославомъ Всеволодовичемъ, Давидомъ Ростиславичемъ и Смоленскою землею. Авторъ, слѣдуя Карамзину, объясняетъ ихъ пограничными недоразумѣніями; но проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что это былъ споръ о раздѣлѣ русской земли между Мономаховичами и Ольговичами,—требованіе, чтобы Ольговичи отказались отъ Смоленска и Кіева; подобное требованіе было предложено и въ 1195 г.²⁾ Авторъ для подтвержденія своего мнѣнія не далъ никакихъ основаній. Мы раздѣляемъ мнѣніе проф. Сергѣевича, а если бы и авторъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ источникамъ, то ему не пришлось бы недоумѣвать, „почему тутъ поднять вопросъ о Смоленскѣ“. Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что знакомство съ существующими рѣшеніями того или другого вопроса необходимо для болѣе осмысленнаго его пониманія.

Къ книгѣ приложена родословная таблица смоленскихъ князей и карта Смоленской земли. Было бы желательнѣе имѣть указатели личныхъ именъ и географическій.

¹⁾ Проф. Будановъ сближаетъ слово „общи“ съ польск. *obcy*, чужой, то есть, въ сущности принимаетъ чтеніе древнѣйшаго списка. Христ. по Р. Пр. 15, 116. Нѣкоторые изслѣдователи общій судъ принимаютъ за судъ вѣча.

²⁾ Дѣт. по Ип. сп., 462, 451. Карамзинъ, III, 50. Вѣче и князь, 134, 208.

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ свою рецензію. Въ заключеніе повторимъ еще разъ, что „Исторія Смоленской земли“ по своимъ научнымъ достоинствамъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія къ себѣ.

Ив. Тихомировъ.

Калмыцкія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества.
(По поводу рецензіи А. М. Позднѣва).

Въ мартовской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечатана статья профессора А. М. Позднѣва подъ заглавіемъ: „последнія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ“. Статья эта, не смотря на скромное заглавіе, затрогиваетъ нѣкоторые общіе вопросы просвѣщенія инородцевъ и съ этой точки зрѣнія весьма интересна.

Взгляды г. Позднѣва значительно отличаются отъ взглядовъ дѣятелей школы, созданной въ Казани покойнымъ Н. И. Ильминскимъ. Остановлюсь сначала на вопросѣ о транскрипціи инородческихъ языковъ. Г. Позднѣвъ стоитъ за калмыцкій шрифтъ, въ Казани же предпочитаютъ русскій. Г. Позднѣвъ уподобляетъ русскую транскрипцію калмыцкаго языка слѣдующему французскому примѣру.

„Dieu crea au commencement les sieux et la terre“.

Этотъ самый примѣръ я слышалъ лично отъ г. Позднѣва года три назадъ, когда онъ проѣздомъ черезъ Казань посѣтилъ Учительскую семинарію. Тогда же я замѣтилъ ему, что сравненіе не доказательство. Если бы французы были маленькое племя, входящее въ составъ русскаго государства, если бы единственнымъ средствомъ для умственнаго и матеріальнаго развитія ихъ было возможно полное сближеніе ихъ съ русскими и если бы они, (какъ это несомнѣнно въ отношеніи калмыковъ и татаръ) въ случаѣ ихъ дальнѣйшей изолированности отъ русскіихъ, осуждены были на невѣжество и бѣдность, то конечно нужно бы и для французскаго языка ввести русскую транскрипцію, хотя бы для того только, чтобы сдѣлать для массы молодаго поколѣнія французовъ непонятными ихъ старыя національныя книги. Но, конечно, пришлось бы транскрибировать его не тѣмъ смѣхотворнымъ способомъ, какъ это сдѣлано въ примѣрѣ г. Позднѣва. Разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы сблизить инородцевъ съ русскими.

нѣтъ необходимости транскрибировать, придерживаясь прежняго правописанія инородцевъ. Французскія слова можно написать русскими буквами такъ, что ихъ пойметъ всякій, знающій французскій языкъ. Напримѣръ та же фраза сдѣлается понятной, если написать ее напримѣръ такъ: Дѣ креа о комансеман лѣ съѣ е ла терр.

Чтобы изобразить русскими буквами французскія слова нужно разумѣется придумать особые значки для нѣкоторыхъ звуковъ. Вообще транскрибировать языкъ дѣло трудное. Оно сдѣлано въ Казани почти для всѣхъ инородческихъ языковъ и въ значительномъ большинствѣ удовлетворительно. Такъ г. Позднѣевъ пишетъ о транскрипціи калмыцкаго языка:

„Сознавая, что „звуки инородческихъ языковъ чужды русскимъ звукамъ“, переводческой комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, обратившись къ обученію калмычатъ, долженъ былъ нѣсколько видоизмѣнить русскую азбуку въ примѣненіи къ калмыцкому языку. Измѣненій этихъ не потребовалось много. Калмыцкій языкъ отличается отъ русскаго главнымъ образомъ обиліемъ въ словахъ, во-первыхъ, мягкихъ, а во-вторыхъ долгихъ гласныхъ звуковъ, которыхъ совершенно нѣтъ въ русскомъ языкѣ, и которые потому не имѣютъ для себя соответствующихъ знаковъ въ русской азбукѣ. Просматривая „Букварь для калмыцкихъ улусныхъ школъ“, изданный обществомъ въ 1892 году, мы видимъ, что оно довольно удовлетворительно справилось съ своей задачей. Не мудрствуя лукаво, оно выразило смягченныя гласныя по образцу показанія смягченія гласныхъ вообще въ европейскихъ азбукахъ, то-есть, постановкою надъ гласною двухъ точекъ (а + ä, о + ö, у + ü). Точно также оно выразило и долготу гласныхъ постановкою надъ ними довольно обыкновеннаго знака долготы, въ видѣ черточки надъ простою гласною (ā, ē, ō, ū, и т. д.). Мы могли бы отмѣтить, конечно, что такая гласная какъ „я“, будучи сама по себѣ долгою, не требуетъ и обозначенія ея долготы, можно было бы и еще говорить многое объ этомъ новоизобрѣтенномъ алфавитѣ, но входитъ здѣсь въ лингвистическіе разборы нѣтъ нужды. Въ томъ же достаточно удовлетворительномъ видѣ издало общество и второй свой трудъ, именно: „Первоначальный учебникъ русскаго языка для калмыковъ“¹⁾.

Возраженія, на возможность которыхъ намекаетъ г. Позднѣевъ, устраняются тѣмъ соображеніемъ, что инородческій букварь есть сту-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1895 г., III, стр. 204.

пень для перехода къ русскому букварю, поэтому онъ не имѣетъ въ виду вполне точной передачи звуковъ инородческаго языка, а изображаетъ ихъ такъ, чтобы затѣмъ легко было перейти къ чтенію по-русски. Кроме того, народный языкъ всегда имѣетъ оттѣнки въ выговорѣ и произношеніи по мѣстностямъ, такъ что въ одномъ уѣздѣ бываетъ по нѣскольку говоровъ. Если изображать звуки какого-нибудь языка вполне точно, какъ это дѣлается въ лингвистическихъ работахъ, то сдѣлается необходимымъ составлять особый букварь для каждой деревни. Поэтому при изданіи букварей инородческихъ языковъ всегда берется только нѣкоторое приближеніе къ точному фонетическому изображенію звуковъ языка. Букварь предназначается для чтенія лицъ, которыя говорятъ по инородчески, и которыя чутьемъ угадываютъ оттѣнки звуковъ. Французскую фразу въ моей транскрипціи каждый французъ прочитаетъ такъ, какъ онъ говоритъ. Когда возникла мысль о возобновеніи изданій на калмыцкомъ языкѣ, прежде всего настояла надобность установить русскую транскрипцію калмыцкаго языка. Это и было сдѣлано магистрантомъ Казанской духовной академіи И. И. Ястребовымъ при сотрудничествѣ природнаго калмыка, бывшаго практиканта калмыцкаго языка при Казанской духовной академіи М. В. Бадмаева. Но не было средствъ испытать сдѣланное на опытѣ,—не было подъ руками правильно поставленной начальной калмыцкой школы. Чтобы дать полную возможность оцѣнить попытку, напечатаны были три книги: букварь для улусныхъ школъ, первоначальный учебникъ русскаго языка для калмыковъ и огласительное поученіе готовящимся ко св. крещенію язычникамъ—Веніамина, архіепископа Иркутскаго. Всѣ эти книги разошлись въ 1200 экземпляровъ каждая, и потребовалось новое изданіе. Въ общемъ изданія были приняты и обществомъ и критикой снисходительно. Такъ въ Православномъ Благовѣстникѣ была напечатана большая статья лицомъ, знающимъ калмыцкій языкъ, въ похвалу нашихъ изданій ¹⁾. Одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ помянутыхъ 3 книжекъ я напечаталъ въ Журналѣ Миссіонерскаго Общества статью въ поясненіе общаго плана работъ комиссіи ²⁾; въ приведенной цитатѣ фраза въ ковычкахъ взята изъ этой статьи. Я очень радъ, что г. Позднѣевъ снисходительно одобрилъ эту часть работы, но почему-то умалчалъ вовсе о третьей изданной одновременно книжкѣ. Отъ

¹⁾ *Православный Благовѣстникъ*. 1894 г. № 1, 2.

²⁾ *Православный Благовѣстникъ*. 1893 г. № 3.

другихъ знающихъ калмыцкій языкъ лицъ, лично читавшихъ эту книжку калмыкамъ, я слышалъ, что она имъ очень нравится.

Такимъ образомъ первая часть работы—русская транскрипція калмыцкаго языка—должна быть признана удовлетворительной; способъ изображать калмыцкіе звуки русскими буквами найденъ и испробованъ на опытѣ въ трехъ изданіяхъ, которыя разошлись цѣликомъ. Калмычата получили возможность учиться читать по звуковому способу на своемъ родномъ языкѣ; затѣмъ они получили возможность легко переходить къ русскому чтенію и нѣкоторый матеріалъ для изученія русскаго языка; такимъ образомъ была облегчена и работа миссіонера, который всегда есть и школьный учитель: миссіонеру не нужно теперь ни учить калмычатъ калмыцкому шрифту, ни мучить ихъ науками по учебнымъ книгамъ, которыя вовсе не приспособлены для тѣхъ захолустій, въ которыхъ никто не говоритъ по-русски.

Перейдемъ къ вопросу о языкѣ. Г. Позднѣевъ находитъ страннымъ, что миссіонеры не хотятъ пользоваться литературнымъ языкомъ, на которомъ издаются книги въ Монголіи. Здѣсь мы тоже кореннымъ образомъ расходимся съ почтеннымъ монголистомъ.

Для народнаго учителя и миссіонера чужна книга, которая развивала бы дѣтей, пока они еще не научились по-русски, а также просвѣщала бы ту часть населенія, которая осуждена умереть безъ ученія и русскаго языка. Это вторая задача и задача весьма трудная. Что миссіонерское общество дѣлаетъ для разрѣшенія оя, скажу ниже.

Г. Позднѣевъ пишетъ: „Теперь на очереди у него (переводческаго комитета Православнаго миссіонскаго общества) стоялъ третій выпускъ учебника, по которому дѣти должны читать что-либо религіозное и церковное на своемъ языкѣ, и съ этою цѣлію Общество предположило издать „Толковый молитвословъ“ на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ. Нынѣ изданіе это окончено и выпущено за установленной цензурой, но просмотрѣвъ его, мы были поражены имъ до глубины души“¹⁾.

Г. Позднѣевъ ополчается далѣе противъ этого молитвослова на двухъ печатныхъ листахъ, заканчивая свою статью пожеланіемъ, чтобы книжка эта была изъята изъ обращенія.

Во-первыхъ замѣтимъ, что г. Позднѣевъ напрасно не прочиталъ всю мою статью, которую онъ цитуетъ; онъ бы тамъ увидѣлъ, что проэктируемый третій выпускъ учебника русскаго языка есть сбор-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1895 г., III, стр. 204.

никъ статей *на русскомъ языкѣ* для чтенія въ старшемъ отдѣленіи школы и что молитвословъ на калмыцкомъ языкѣ отнюдь не можетъ быть третьимъ выпускомъ учебника русскаго языка.

Во-вторыхъ успокоимъ почтеннаго профессора: молитвословъ, который онъ критикуетъ, не смотря на цензурное разрѣшеніе, которое нужно для набора, *никогда не былъ выпущенъ въ свѣтъ*, мы полагаемъ, что если бы онъ это зналъ, то не сталъ бы такъ рѣзко обличать это изданіе и критиковать молитвословъ, *какъ выпущенную въ свѣтъ книгу*.

Покойный Н. И. Ильминскій почти никогда не составлялъ самъ переводовъ. Онъ толковалъ русскій текстъ инородцу, и тотъ уже дѣлалъ переводъ. Затѣмъ переводъ этотъ многократно прочитывался ученикамъ школы и исправлялся по ихъ указаніямъ. Когда являлась надобность перевести какое-нибудь слово, для котораго не было соответствующаго въ языкѣ малограмотныхъ, хотя и взрослыхъ учениковъ школы, Н. И. Ильминскій никогда не обращался къ литературному татарскому языку, а или бралъ русское слово, или подходящее инородческое и объяснялъ ученикамъ значеніе, въ которомъ слово это употреблено въ данномъ мѣстѣ.

Всѣ языки обогащаются двояко: или чрезъ заимствованіе словъ изъ другихъ языковъ, или чрезъ увеличеніе числа значеній словъ. На ревизіи одной русской сельской школы, желая показать учителю, что языкъ, которымъ онъ говоритъ, не понятенъ дѣтямъ, я предложилъ старшему отдѣленію объяснить фразу: камень, брошенный мною, описалъ дугу. Послѣ порядочной заминки ученики отвѣчали, что камень сшибъ дугу. Для учениковъ были непонятны значенія двухъ словъ: дуга и описать. Первое имъ представлялось, какъ нѣкоторый матеріальный предметъ, а второе, какъ одно изъ занятій въ школѣ. Дѣти, развиваясь, привыкаютъ придавать разный смыслъ словамъ, которыя для нихъ имѣли сначала одно значеніе. Тотъ же процессъ совершается и съ инородческими языками, когда инородцы, начинаютъ развиваться. Есть люди, русскій патриотизмъ которыхъ опасается, что миссіонерское общество создаетъ инородческіе языки. Они, я полагаю, имѣютъ въ виду именно это внутреннее обогащеніе языка, которое неизбежно сопутствуетъ умственному развитію племени. Опасеніе это въ нѣкоторой степени справедливо, но мы не останавливаемся передъ нимъ, потому что это незначительное развитіе языка, при школьной системѣ, созданной Н. И. Ильминскимъ, сопровождается уничтоженіемъ разобщенности инородцевъ отъ русскихъ

и установленіемъ прочныхъ духовныхъ и матеріальныхъ отношеній между ними. Совсѣмъ другое дѣло установленный и разрабатываемый изданіями за границей инородческой литературный языкъ. Всякій школьный учитель знаетъ, что ученикамъ школы и крестьянамъ непонятны безъ предварительнаго объясненія статьи въ учебной хрестоматіи, и что выучить дѣтей читать, это не значить только научить ихъ бойко разбирать слова. Дѣти калмыковъ и простой калмыцкій народъ, конечно, нисколько въ этомъ отношеніи не отличаются отъ русскихъ. Калмыцкій литературный языкъ и калмыцкія слова, пріобрѣтшія въ литературномъ языкѣ новыя значенія или вошедшія въ него изъ тибетскаго, столь же мало понятны калмыкамъ, какъ европейскимъ крестьянамъ соотвѣтствующіе литературные языки; для пониманія ихъ всюду нужно довольно продолжительное ученіе. Зачѣмъ мы будемъ утомлять дѣтей инородцевъ тѣхъ племенъ, которыя имѣютъ свою quasi литературу, какъ напримѣръ татаръ или калмыковъ, усвоеніемъ этого ихъ литературнаго языка. Мы въ нашихъ школахъ не учимъ дѣтей инородческому языку,—мы пользуемся тѣмъ инородческимъ языкомъ, на которомъ дѣти уже говорятъ, для сообщенія имъ и народу христіанскихъ и культурныхъ понятій, для сближенія ихъ такимъ образомъ съ нами. Разъ наши изданія будутъ на такъ называемомъ литературномъ языкѣ татаръ или калмыковъ, нужно будетъ учить дѣтей этому языку, а въ этомъ дѣлѣ не обойтись безъ инородческой интеллигенціи. Система, которую съ такимъ жаромъ защищаетъ почтенный монголистъ, отдастъ инородческую массу въ руки инородческой интеллигенціи. А какова эта интеллигенція, и что она дастъ народу, не говоря уже о насъ, русскихъ? Интеллигенція эта у татаръ держится магометанства и татарской разобщенности, у калмыковъ—это ихъ ламайское духовенство, безобразно эксплуатирующее народъ. Татарская интеллигенція не хочетъ знать нашихъ изданій, считаетъ ихъ мужицкими, малограмотными, но народъ, простой народъ разбираетъ ихъ тысячами, зачитывается ими и входитъ по-маленьку въ наши русскіе понятія и интересы. Интеллигентные татары, не рѣшаясь печатно выступить противъ нашихъ изданій, замалчиваютъ ихъ. Г. Позднѣвъ, по понятной ревности его къ изяществу калмыцкаго языка, красоты котораго онъ, вѣроятно, вполне понимаетъ, развилъ, въ данномъ случаѣ, тѣ взгляды, которые могли бы развить образованные татары и калмыки.

Отчетъ переводческой комиссіи за 1892—1893 миссіонерскій годъ, перечисливъ сдѣланное за тотъ годъ, выражается такъ:

„Выше мы замѣтили, что вопросъ о калмыцкихъ изданіяхъ имѣетъ отношеніе къ изданіямъ для монголовъ и бурятъ.

Да позволить намъ совѣтъ миссіонерскаго общества откровенно высказать всю нашу мысль: прочная и обдуманная постановка этого дѣла въ астраханской степи можешь отозваться и на Великой Монголіи.

Нѣсколько калмыковъ астраханской степи ежегодно ѣдутъ по Волгѣ и Камѣ, мимо множества русскихъ городовъ съ десятками русскихъ учебныхъ заведеній, въ Сибирь и черезъ нее за Байкаль— въ Ургу—учиться тамъ медицинѣ и буддѣйскимъ мудростямъ, подобно тому, какъ въ недавнее еще время десятки татаръ отправлялись изъ Казани въ Бухару тоже за высшимъ образованіемъ.

Теперь въ отношеніи татаръ замѣчается обратное: у насъ въ Казани есть ученики изъ Азіи—татары и киргизы, и тамъ есть учителя изъ крещеныхъ татаръ; въ нынѣшнемъ году по требованію учебнаго начальства киргизской степи туда отправляется разомъ цѣлый десятокъ *крещеныхъ* татаръ, учениковъ Казанской крещено-татарской школы, чтобы сдѣлаться въ степи учителями русскихъ школъ: выше было замѣчено, что киргизы, вмѣсто напечатанныхъ въ Казани магометанскихъ книгъ, начинаютъ читать православныя книги частію на томъ же татарскомъ языкѣ, который они считаютъ за языкъ высшаго общества, частью на киргизскомъ.

Если бы удалось въ какомъ нибудь глухомъ улусѣ калмыцкой степи, при одномъ изъ миссіонерскихъ станцовъ, создать миссіонерскую школу для калмыковъ, типа Казанской крещено-татарской, съ церковью при ней и богослуженіемъ на калмыцкомъ языкѣ, то быть можетъ эта школа, какъ и Казанская крещено-татарская, стала бы воспитывать инопородцевъ, проникнутыхъ христіанствомъ и любовью ко всему русскому и жаждущихъ работать для христіанскаго просвѣщенія своихъ соплеменниковъ; крещеные татары изъ Казанскихъ учебныхъ заведеній десятками съ величайшимъ самоотверженіемъ и преданностью идеѣ православія трудятся въ киргизской степи и на Алтаѣ. Отчего бы подобно этому и калмыкамъ, если согрѣтъ ихъ душу истинно христіанскою любовью къ ихъ темнымъ собратьямъ, не понести въ отдаленнѣйшія страны Азіи православіе и чувство глубокой благодарности къ великому русскому народу, который, имѣя возможность потоптать ихъ въ прахъ, заботится о ихъ духовномъ развитіи, отнюдь не дѣлаетъ изъ религіи политическаго орудія, а позволяетъ каждому славить и благодарить Бога на своемъ родномъ языкѣ.

Казанская крещено-татарская школа началась съ тремя учениками; теперь—черезъ 25 лѣтъ—она дала уже болѣе 50 священниковъ изъ татаръ и сотни учителей.

Если бы намъ дожить до подобнаго въ отношеніи калмыковъ!

Силами Астрахани такая школа не можетъ осуществиться, а безъ нея же ничего прочаго создать нельзя¹⁾.

Скоро на помощь Астрахани пришелъ совѣтъ миссіонерскаго общества и школа открыта въ концѣ прошлаго 1894 г. Я лично, основываясь на данныхъ, любезно сообщенныхъ мнѣ И. И. Истребовымъ, предлагалъ устроить поминутую миссіонерскую школу въ калмыцкой степи, въ мѣстности, называемой Вороньимъ Бугромъ, но астраханскій миссіонерскій комитетъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ открыть ее сначала при архіерейскомъ домѣ въ г. Астрахани; есть впрочемъ предположеніе впоследствии перенести ее въ степь²⁾.

Имѣя въ виду проектируемую школу я рекомендовалъ Высокопреосвященнѣйшему Владиміру, архіепископу казанскому двухъ бывшихъ воспитанниковъ Казанской учительской семинаріи, аттестованныхъ учебнымъ начальствомъ за лучшихъ учителей, для опредѣленія на двухлѣтніе миссіонерскіе курсы при Казанской духовной академіи въ видахъ изученія ими калмыцкаго языка. Оба они во время обученія на курсахъ провели на счетъ миссіонерскаго общества лѣто въ калмыцкой степи, занимаясь калмыцкимъ языкомъ, и представили въ общество, въ качествѣ отчетовъ о занятіяхъ, переводы сочиненій съ калмыцкаго языка.

По окончаніи курса весною 1894 г. они были предназначены: одинъ (г. Лобановъ) въ Сарканскую миссію Семирѣченской области, гдѣ и началъ свою дѣятельность въ санѣ священника. Другой (г. Красильниковъ) тоже въ санѣ священника сдѣлался учителемъ вновь открытой миссіонерской школы въ Астрахани. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и астраханская школа, надо надѣяться, сдѣлается важнымъ миссіонерскимъ органомъ, и въ ней для калмыковъ будетъ сдѣлана та работа, которую свящ. В. Т. Тимофеевъ, подъ руководствомъ Н. И. Ильминскаго, сдѣлалъ для татаръ, создадутся калмыцкіе переводы и богослуженіе на калмыцкомъ языкѣ; пока же можно

¹⁾ Отчетъ переводч. комиссіи. Казань. 1893 г. стр. 26—27.

²⁾ Интересныя свѣдѣнія объ этой школѣ напечатаны г. Сиваскинымъ въ *Праславномъ Благочестивикѣ* за 1894 г. №№ 4, 5, 6, 7 въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Образованіе калмыковъ астраханской губерніи и мѣры къ его улучшенію“.

подготовлять лишь нѣкоторый предварительный матеріалъ, пригото- влять учителей изъ калмыковъ и учиться намъ самимъ. Для осуществленія первой цѣли министерство народнаго просвѣщенія, столь заботливо относящееся къ христіанскому образованію инородцевъ, испросило въ законодательномъ порядкѣ разрѣшеніе принимать въ Казанскую учительскую семинарію инородцевъ—язычниковъ¹⁾, и въ прошломъ году въ Казанской семинаріи воспитывалось уже 4 калмыка *ламами*, стипендіаты Управленія калмыцкимъ народомъ²⁾.

Ученое руководство калмыцкими заданиями должно безспорно принадлежать Казанской духовной академіи, гдѣ есть кафедр калмыцкаго языка. За предвидимымъ освобожденіемъ этой кафедры совѣтъ академіи въ 1892 г. избралъ для замѣщенія ея магистранта Н. И. Ястребова, уроженца Астраханской губерніи, практически знающаго калмыцкій языкъ, и, командировавъ его на полгода въ астраханскія калмыцкія степи, далъ ему порученіе заниматься переводами. Въ отчетѣ, представленномъ совѣту академіи, который г. Ястребовъ любезно далъ мнѣ прочесть, сказано, что онъ работалъ главнымъ образомъ при помощи одного переводчика и составилъ значительное количество переводовъ, а именно:

1) Молитвы утреннія, дневныя и вечернія съ объясненіями и съ присовокупленіемъ понятія о молитвѣ въ началѣ и краткаго поученія въ концѣ.

2) Великіе христіанскіе праздники (пасха и двенадцатые), гдѣ помѣщается: а) подробныя исторіи праздниковъ, б) тронари и нѣкоторые кондаки съ объясненіями, в) чтенія изъ Апостола и Евангелія на литургіи. Сверхъ того во второй части помѣщено понятіе о постахъ православной церкви, ихъ установленіи и значеніи.

3) Притчи Спасителя съ объясненіями со 2-го изданія преосвященнаго Іосифа, епископа байтскаго.

4) Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта съ 4-го изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

5) Ученіе предъ св. крещеніемъ Макарія, алтайскаго миссіонера.

¹⁾ Высочайшее повелѣніе 20-го декабря 1894 года.

²⁾ При помощи ихъ бывшій доцентъ Казанской Духовной Академіи, нынѣ священникъ Казанскаго Богородицкаго монастыря О. М. С. Педько съ составилъ и напечаталъ брошюру: *Болѣнь и смерть Императора Александра III и восшествіе на престолъ Императора Николая II*. Брошюра эта, какъ предназначенная для калмыцкой интеллигенціи, напечатана калмыцкимъ шрифтомъ.

6) Житіе и чудеса святителя и чудотворца Николая Мирликійскаго.

7) Краткій катехизисъ.

8) Извлеченія изъ „Училища благочестія“.

9) Евангеліе отъ Луки¹⁾.

Рукописи этихъ переводовъ были представлены г. Ястребовымъ въ совѣтъ академіи; я, какъ, незанимающійся калмыцкимъ языкомъ, не интересовался ими, но опытнѣйшій въ переводческомъ дѣлѣ членъ переводческой комиссіи, ближайшій сотрудникъ Н. И. Ильминскаго по татарскимъ изданіямъ свящ. В. Т. Тимофеевъ тогда же говорилъ мнѣ, что эти рукописи, свидѣтельствующія о чрезвычайной усидчивости и трудолюбіи И. И. Ястребова, есть черновая работа, и что ихъ нужно перечитывать съ группою калмыковъ, лучше всего съ учениками какой-нибудь школы; самъ переводчикъ тоже не торопился печатаніемъ и повидимому считалъ не излишнимъ помянутый пересмотръ его переводовъ. Лѣтомъ 1894 г. г. Красильниковъ, которому предстояло съ осени учить калмычатъ, сталъ побуждать меня напечатать что-нибудь; я болѣе склонялся напечатать священную исторію Ветхаго Заветъа, такъ какъ тамъ всего менѣе могло быть погрѣшностей въ переводѣ, но онъ представилъ мнѣ рукопись, написанную русскими буквами, списокъ съ рукописи г. Ястребова, написанной калмыцкимъ шрифтомъ, болѣе г. Ястребову привычнымъ. Къ сожалѣнію, г. Ястребовъ, по отсутствію изъ Казани, не могъ просмотрѣть на сколько удачно переписана его рукопись русскими буквами, г. Красильниковымъ, который корректировалъ брошюру. Очевидно эта работа г. Красильникову не удалась. Когда въ августѣ пріѣхали поступать въ семинарію калмыки, я прочиталъ съ ними часть работы г. Красильникова и, увидѣвъ, что она неудовлетворительна, остановилъ ея выпускъ въ свѣтъ; лишь небольшое количество экземпляровъ было взято г. Красильниковымъ съ собою въ Астрахань и о. Лобановымъ—въ Саркандь. Признавая работу о. Красильникова²⁾ неудовлетворительною, я не могу его самого признать вовсе незнающимъ калмыцкаго языка. Такимъ образомъ громы г. Позднѣева въ нѣкоторой степени направлены противъ несуществующаго зла.

Я, какъ незнающій калмыцкаго языка, не могу входить въ обсуж-

¹⁾ Отчетъ Переводческой Комиссіи. Казань. 1893 г. стр. 26.

²⁾ Гг. Лобановъ и Красильниковъ рукоположены во священники осенью: первый въ Казани до отъѣзда въ Саркандь, а второй въ Астрахани.

деніе частностей, да онѣ меня и не интересуютъ; я остановлюсь еще только на основной мысли г. Позднѣва о необходимости брать для выраженія христіанскихъ понятій буддійскіе, а не ламайскіе термины. Съ этой мыслью я рѣшительно не могу согласиться. Г. Позднѣвъ, высказавшись за объединеніе калмыцкихъ нарѣчій въ одномъ общемъ для всѣхъ ихъ литературномъ языкѣ ¹⁾ относительно выбора терминовъ для выраженія христіанскихъ понятій выражается такъ: „Каждый народъ, исповѣдуя какое-либо вѣроученіе, всегда воспринимаетъ въ свой языкъ основные термины этого вѣроученія, съ которыми соединяетъ онъ и опредѣленное, усвоиваемое этимъ терминамъ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ понятіе. Изучая языкъ древней монголо-калмыцкой литературы, мы встрѣчаемъ въ немъ массу отдѣльныхъ выраженій, составившихся исключительно подъ вліяніемъ шаманства. Впослѣдствіи ламы, пропагандируя буддизмъ и составляя переводы на калмыцкій языкъ буддійскихъ сочиненій, строго слѣдили за выборомъ словъ для этихъ переводовъ и изгоняли изъ своего лексикона все, что могло бы повредить въ народномъ пониманіи чистотѣ буддійскаго ученія, сообщеніемъ буддійскимъ терминамъ шаманскихъ представленій. Такимъ образомъ терминологія шаманства всецѣло исчезла изъ литературнаго языка, и изъ всего ея богатаго лексикона теперь едва уцѣлѣло нѣсколько словъ въ языкѣ живомъ, народномъ, который также забылъ ее въ общей массѣ и, съ принятіемъ новаго вѣроученія, замѣнилъ новою, буддійскою терминологіею. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ живомъ калмыцкомъ языкѣ существуютъ теперь о-бокъ два рода терминологіи для выраженія народныхъ вѣрованій, — шаманская и буддійская. Понятія, выражаемыя первою изъ нихъ, какъ принадлежащія религій уже отвергнутой, не только не пользуются уваженіемъ, а напротивъ, способны возбудить въ народномъ представленіи лишь презрѣніе и насмѣшку; имена, обозначавшія прежде понятія о священныхъ предметахъ чествованія, почитаются теперь недостойными никакого вниманія; это то же самое, что для современнаго русскаго человѣка слова: домовый, идолъ,

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895 года, III, стр. 198—примѣчаніе, въ которомъ г. Позднѣвъ выражается такъ: „Еслибъ высокопросвѣщенный Нилъ захотѣлъ удовлетворять своими изданіями нарѣчіямъ, онъ долженъ бы былъ пятьдесятъ разъ перенести одно и то же и все-таки не удовлетворилъ бы всѣхъ. Да и какая была нужда въ такой массѣ изданій, разъ мы знаемъ, что все разнообразіе этихъ нарѣчій объединяется между собою въ одномъ, общемъ для всѣхъ ихъ литературномъ языкѣ“.

жрецъ, требище и другія. Ко второй терминологіи, относящейся до буддизма, калмыки относятся, конечно, съ благоговѣніемъ, но за то они и изучаютъ смыслъ ея, стараясь вникнуть въ ея значеніе и усвоить себѣ мельчайшія подробности каждаго понятія. Такое отношеніе народа къ словамъ, относящимся до предметовъ его вѣрованій, естественно должно побуждать насъ къ заботѣ о передачѣ христіанскихъ истинъ, не прибѣгая къ языческимъ (?) терминамъ. Переводчикъ Комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества держится, повидимому, другаго взгляда и однаково пользуется каждымъ народнымъ словомъ, не разбирая, будетъ-ли оно терминомъ шаманскимъ или буддійскимъ¹⁾.

Мы напротивъ думаемъ, что нужно отрѣшиться отъ словъ, которымъ буддизмъ придадо особое спеціальное значеніе, что надо взять простѣйшія народныя слова и имъ придать новое, христіанское значеніе. Слова домовою и другія, конечно, теперь не имѣютъ высокаго значенія, но есть много словъ изъ языческой терминологіи, которыя получили въ церковномъ языкѣ возвышенное значеніе. Это вещь общепзвѣстная. Мы думаемъ, что христіанскому миссіонеру не слѣдуетъ являться такъ сказать въ одеждѣ магометанства и буддизма и стараться заслужить отъ магометанскихъ и буддійскихъ грамотѣвъ похвалу за знаніе тонкостей ихъ религій и литературы. Миссіонеръ является съ новымъ словомъ, которое онъ предлагаетъ жаждущимъ истины темнымъ людямъ, оставляя въ покоѣ гордыхъ своимъ магометанствомъ или буддизмомъ ученыхъ и литераторовъ. На какомъ литературномъ языкѣ ни пиши, хотя организуи для этого комиссію изъ классическихъ калмыцкихъ или татарскихъ писателей, тѣхъ мудрецовъ не убѣдишь, потому что имъ дорого невѣжество народа, обеспечивающее имъ почетъ и матеріальныя выгоды. Для воспринятія христіанства нужны чистота сердца, искреннее исканіе истины, вещь рѣдкая въ организованномъ магометанскомъ и буддійскомъ духовенствѣхъ.

Я взялся за перо не для спора и полемики и не хочу опровергать мнѣній г. Позднѣва; я позволилъ себѣ только высказать наши мнѣнія; пусть читатель разсудитъ насъ.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что напрасно г. Позднѣвъ такъ рѣзко караетъ переводчика. Переводъ и изданіе вѣроучительныхъ книгъ есть дѣло христіанской благотворительности; всѣ припи-

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895 года, III, стр. 211.

мающіе участіе въ этомъ дѣлѣ работаютъ бесплатно и печатаютъ свои труды безъ имени переводчика или автора. Трудъ людей, которые по усердію къ дѣлу безкорыстно пожертвовали нѣсколько дней или мѣсяцевъ своего времени, надо критиковать съ мягкостью: гдѣ возьмешь работниковъ, если при каждой неудачѣ мы будемъ бранить ихъ. Статья г. Позднѣева можетъ у многихъ отбить охоту заниматься дѣломъ; было бы лучше, если бы г. Позднѣевъ, сказавъ, что переводъ въ *пробномъ* оттискѣ неудовлетворителенъ и термины выбраны неудачно, указалъ, какъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, перевести хотя одинъ или два термина. Онъ тогда бы болѣе принесъ пользы дѣлу, но и теперь я искренне благодаренъ А. М. Позднѣеву за его статью: она ускоритъ выработку христіанской терминологіи для калмыковъ, хотя, конечно, это дѣло не близкаго будущаго.

И. Вобровицковъ.

Книжныя новости.

М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. С.-Пб. 1895 г., ц. 60 коп. (перев. съ франц. *Толкина*; изд. *Павленкова*).— Матеріаломъ для постояннаго очерка послужили лекціи, читанныя проф. Ковалевскимъ въ Стокгольмскомъ университетѣ; лекціи эти заключаютъ въ себѣ, по заявленію самого автора, не столько анализъ фактовъ, сколько синтезъ выводовъ, уже сдѣланныхъ этнографіей, и критику господствующихъ теорій по даннымъ вопросамъ. Позволимъ, однако, прибавить отъ себя, что такое заявленіе грѣшитъ излишнею скромностью: не довольствуясь критикою теорій, проф. Ковалевскій даетъ и свою собственную теорію развитія семьи и собственности и для подтвержденія этой теоріи перѣдко прибѣгаетъ къ указанію на факты, имъ же самимъ впервые собранные и проанализированные въ болѣе раннихъ его трудахъ. Отмѣтимъ основныя черты теоріи проф. Ковалевскаго и позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя возникающія по поводу ея соображенія. Вопросъ о происхожденіи и развитіи семьи и собственности порождаетъ не мало споровъ и пререканій. Данныя этнографіи, казалось, благоприятствовали самымъ различнымъ взглядамъ, такъ какъ перѣдко обнаруживали у однихъ народностей одно, а у другихъ совершенно противоположное. Исслѣдователи приходили къ тому заключенію, что видоизмѣненіе семьи и собственности у однихъ расъ шло однимъ путемъ, а у другихъ другимъ; принимая ученіе о коренныхъ расовыхъ различіяхъ и о различныхъ свойствахъ народнаго духа у отдѣльныхъ народовъ, нѣкоторые исслѣдователи говорили, на примѣръ, о матриархатѣ у краснокожихъ и океанійцевъ и о его отсутствіи у арійцевъ и семитовъ, о семейной общинѣ у южныхъ

славянъ и сѣвѣдской у русскихъ и т. п.,—выходъ изъ затрудненія довольно легкій, но не достаточно основательный. Умѣлое пользованіе сравнительнымъ методомъ устраняетъ, однако, многія недоразумѣнія, протекающія изъ противорѣчивыхъ данныхъ этнографіи и въ то же время окончательно упраздняетъ возможность говорить о различныхъ путяхъ, пройденныхъ семьей и собственностью у различныхъ народовъ; мѣстные различія сравнительный методъ рекомендуетъ замѣнить различіями временными и смотрѣть на нихъ какъ на отдѣльныя стадіи одного и того же пути, пройденнаго всѣми народами. Удачнымъ примѣненіемъ сравнительнаго метода къ спорнымъ вопросамъ развитія семьи и собственности и является теорія проф. Ковалевскаго. Широкое примѣненіе сравнительнаго метода и пользованіе данными изъ жизни и исторіи разныхъ народностей даетъ нашему автору возможность дѣлать рѣшительные и опредѣленные выводы и избѣгать эклектизма. Онъ является противникомъ существованія безпорядочнаго полового сожителства въ болѣе отдаленныя времена человѣческой жизни и горячимъ защитникомъ матриархата. „Вмѣсто нашей индивидуальной семьи, говоритъ онъ, съ ея системой супружескихъ и родственныхъ отношеній въ началѣ человѣческаго общежитія существовала *материнская* или матриархальная семья, не признававшая никакихъ другихъ связей кромѣ какъ между ребенкомъ, его матерью и родственниками по женской линіи“. Особенно вѣскимъ доказательствомъ существованія матриархата является указаніе на экзогамію, то есть, запрещеніе входить въ половую связь другъ съ другомъ членами одной соціальной группы, носящимъ одно имя—знакъ ихъ родства (и при томъ въ данномъ случаѣ родства по матери). Открытіе слѣдовъ экзогаміи у всѣхъ расъ не исключая и семитовъ и арійцевъ даетъ возможность проф. Ковалевскому предполагать, что эти послѣдніе въ своемъ развитіи слѣдовали по тому же пути какъ и другіе расы, и также начали съ матриархата. Переходъ матриархата въ слѣдующую стадію—патріархальное состояніе нашъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „самопроизвольно развиваясь, супружескія отношенія должны были поемногу стать болѣе прочными; мужъ началъ затѣмъ пріобрѣтать власть надъ женою и входить въ роль ея покровителя, принадлежавшую до тѣхъ поръ ея брату; наконецъ, власть отца надъ дѣтьми утѣчала новое зданіе патріархальной семьи“. Одною изъ первыхъ причинъ этого перехода является естественный приростъ населенія и разселеніе данной народности на болѣе обширной территоріи, причемъ братья женщины не могутъ уже оказывать ей прежняго покровительства и она начинаетъ видѣть въ мужѣ своего единственнаго защитника и помощника; главную же причину перехода матриархата въ патріархатъ проф. Ковалевскій видитъ, какъ намъ кажется, въ другомъ; этотъ переходъ онъ ставитъ въ связь съ другимъ явленіемъ—разложеніемъ первобытнаго коммунизма и зарожденіемъ частной собственности. „Частная собственность, говоритъ проф. Ковалевскій, возникаетъ и развивается по мѣрѣ раздѣленія труда. Она можетъ относиться къ тѣмъ только предметамъ, которые добыты личными усиліями отдѣльнаго человѣка... Съ самаго своего зарожденія она начала постепенно вытѣснять одну черту первобытнаго коммунизма за другой... Послѣ перехода народа къ скотоводству и земледѣлію движимость становится если

не индивидуальнымъ, то семейнымъ имуществомъ. Этотъ фактъ совпадаетъ съ установленіемъ патриархальной семьи. Мы отнюдь не ошибаемся, утверждая, что ея развитіе начинается съ того момента, когда одна только земля остается въ нераздѣльности⁴. Итакъ частная собственность (пока еще въ формѣ семейнаго владѣнія)—явленіе болѣе позднее, чѣмъ семья: она является однимъ изъ главныхъ факторовъ перехода матриархата въ патриархатъ. Подобная попытка установить связь между двумя различными эволюціями крайне заманчива; къ сожалѣнію, проф. Ковалевскій не приводитъ какихъ-либо фактическихъ доказательствъ именно этого пункта своей теоріи. Есть ли примѣры совмѣстнаго существованія патриархата и общаго владѣнія движимостями или, наоборотъ, матриархата и частной собственности? эти вопросы остаются открытыми и потому попытка установить связь между эволюціями семьи и собственности остается лишь гипотезой, хотя и очень заманчивой и правдоподобной. Перехода къ характеристикѣ патриархальной семьи, проф. Ковалевскій наставляетъ на ея религіозномъ характерѣ: каждая семья имѣетъ свой особый культъ предковъ, и только тѣ усопшіе блаженствуютъ послѣ смерти, которыхъ на землѣ продолжаютъ чтить ихъ ярые потомки; въ этомъ вѣрованіи находятъ себѣ объясненіе почти всѣ характерныя особенности патриархальной семьи: та неохота, съ которою она допускаетъ усыновленіе, строгость ея къ женщинамъ, совершившей прелюбодѣіаніе и т. п. Патриархальное состояніе не связано неразрывно съ единоженствомъ; въ началѣ господствуетъ многоженство и лишь позднѣе подъ вліяніемъ эконоимическихъ причинъ (трудности содержать значительное количество женъ) оно уступаетъ мѣсто моногаміи. Безграничная власть мужа и отца въ патриархальной семьѣ оспаривается проф. Ковалевскимъ; власть отца ограничиваетъ семейный совѣтъ, власти мужа противопоставляется все возрастающее значеніе жены, возрастающее главнымъ образомъ, но мѣрѣ того, какъ брачный союзъ изъ полигамическаго превращается въ моногамическій. Безграничная власть главы семейства была бы къ тому же въ противорѣчіи съ семейною формою собственности; формою, присущею патриархальной семьѣ; имущество (по крайней мѣрѣ, недвижимое) въ патриархальной семьѣ принадлежитъ всѣмъ ея членамъ сообща, индивидуальная собственность отсутствуетъ, а глава семьи является лишь ея уполномоченнымъ распорядителемъ. Причины разложенія патриархальной семьи и семейной общины, кроются, по мнѣнію проф. Ковалевскаго, въ самой семьѣ; отсутствіе индивидуальной свободы и полное поглощеніе личности общиною, при томъ общиною, не произвольно выбранною, а навязанною извнѣ, не могло, конечно, способствовать поддержанію этой формы общности. Патриархальная семья переходитъ постепенно въ современную, индивидуальную, въ которой мужъ, жена и дѣти (начиная съ извѣстнаго возраста) являются полноправными членами ея, со-единенными между собою, главнымъ образомъ, нравственными связями. Что касается собственности, то она, прежде чѣмъ достигнуть крайняго индивидуализма и обратиться въ личную, проходитъ форму сосѣдско-общинной формы. Отдѣльные члены семьи, получивъ въ свое владѣніе опредѣленные надѣлы, продолжаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на отданные имъ въ простое пользованіе, соединяются сначала съ своими родственниками, а позднѣе и

съ чужими для достиженія большихъ результатовъ въ трудѣ, периодически дѣлать между собою свои надѣлы для достиженія возможно большаго равенства и т. п. Главною причиною разложенія сосѣдской общины являются болѣе зажиточные крупные собственники, которые терпятъ отъ передѣловъ ущербъ, неохотно, поэтому, соглашаются на нихъ и, концентрируя собственность въ своихъ рукахъ, споспосбствуютъ развитію пролетаріата и превращенію своихъ менѣе состоятельныхъ сосѣдей въ простыхъ батраковъ. По поводу послѣдняго позволимъ себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Сосѣдская община предохраняетъ отъ пролетаріата, пока она въ силѣ; исторія показываетъ, однако, какъ видно, что далеко не всегда эта община имѣетъ достаточно силы, чтобы сопротивляться крупной собственности. Очевидно, что для борьбы съ пролетаріатомъ недостаточно заботиться о сохраненіи общины, возникшей при условіяхъ очень отличныхъ отъ современныхъ, но надо стараться объ обновленіи и улучшеніи этой общины, пользуясь тѣми указаніями, какія даетъ по этому вопросу социальная наука.—Изъ нашего краткаго изложенія теоріи проф. Ковалевскаго видно уже, какъ много интересныхъ и важныхъ данныхъ сообщаетъ его новый трудъ.

Anton Randa. Der Besitz nach österröichischem Rechte mit Vergleichung des gemeinen Rechtes, des preussischen, französischen und italienischen, des sächsischen und zürcherischen Gesetzbuches. Vierte, durchgesehene und vermehrte Auflage, Leipzig. 1895.— Настоящее, четвертое изданіе сочиненія доктора Антона Ранды, появляется черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ предыдущаго и черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ перваго появленія означеннаго труда. За этотъ большой періодъ времени, какъ заявляетъ и самъ авторъ въ предисловіи, появилось нѣсколько капитальныхъ трудовъ, посвященныхъ тому же стирому, но доселѣ не вносили рѣшенію вопросу о сущности владѣнія, кромѣ того, появились два проекта германскаго гражданскаго уложенія, которые повлекли за собою весьма обширную литературу; въ ней значительное мѣсто отведено и вопросу о владѣніи, такъ какъ въ самыхъ проектахъ ему посвящены: въ первомъ (1888 г.) §§ 797—825 и во второмъ (1894 г.) §§ 777—793. Среди ученыхъ, которыхъ мнѣнія подлежатъ бытъ приняты авторъ въ настоящемъ изданіи во вниманіе и подвергнуть разсмотрѣнію, надо назвать столь извѣстныхъ имена, какъ Игерингъ, Кунце, Баронъ, Беккеръ, Бэръ, Штрохаль, Вендтъ, Гирке. Понятно, поэтому какой интересъ представляетъ это новое изданіе труда доктора Ранды. Названный авторъ—представитель абсолютной теоріи владѣнія, основывающій защиту его на томъ основаніи, что владѣніе есть воплощенная воля (с. 361 sqq.). Отсюда вытекаетъ его отрицательное отношеніе какъ къ теоріямъ относительнымъ, ищущимъ защиту владѣнія въ основаніяхъ, внѣ его лежащихъ, такъ и къ другимъ абсолютнымъ теоріямъ, напримѣръ, къ теоріи защиты владѣнія по основаніямъ экономическимъ. Д-ръ Ранда съ большей основательностью возражаетъ противъ теоріи Игеринга (с. 37—58) и указываетъ всю односторонность его рьяныхъ послѣдователей, какъ напримѣръ, графъ Шиницкій (с. 58 sqq.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время появленіе книги Антона Ранды должно принести положительную пользу: конечно, значеніе воли въ сферѣ гражданскихъ отношеній въ значительной степени неизменно повѣл-

инни исследователями, но совершенно отрицать его они не могутъ, такъ какъ иначе попадутъ въ безсмысленный кругъ, вывода правовыя отношенія изъ нормъ положительнаго права. Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не можемъ вдаваться въ подробности, но позволимъ себѣ замѣтить, что до сихъ поръ не обращено вниманія на двойственное значеніе владѣнія: если вопросъ касается защиты владѣнія, интердикта, то значеніе воли владѣльца весьма ничтожно и въ этомъ смыслѣ правъ Игерингъ, указывая, что между владѣн- (possessio) и удержаніемъ (detentio) нѣтъ разницы („Besitzwille“ 1839). Но владѣніе существуетъ и помимо иска: владѣлецъ производитъ хозяйственныя операціи, заключаетъ сдѣлки по ипѣцию и т. п. И здѣсь-то выступаетъ вполнѣ отчетливо тотъ *animus possidendi*, который отличаетъ его отъ *detentio*. Только принимая во вниманіе волю владѣльца мы можемъ установить разницу между добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ владѣніемъ, разницу не формальную, какъ въ Римѣ (32, 1 D (de usurp.) XXXXI, 3) или во Франціи (Code civ. art. 2229), но согласную съ требованиями времени, которая, напротивъ, отчасти по условіямъ быта, отчасти по неопредѣленности нашихъ законовъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества, существуетъ у насъ (Касс. рѣш. 1872, № 261). Для выясненія понятія владѣнія во всей его полнотѣ необходимо основательно обдумать ученіе о волентъ-явленіи и новое изданіе книги Ранды, опять повторяемъ, должно быть признано весьма отряднымъ явленіемъ.

— *С. И. Писаревъ.* — Смоленскъ и его исторія. Смоленскъ 1894 г. Цѣна 2 руб. — Исторія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, тѣмъ болѣе мѣстностей, игравшихъ важную роль въ ту или другую эпоху, заслуживаетъ, конечно, полнаго вниманія и самостоятельнаго изученія. Лишь послѣ основательной разработки прошлаго отдѣльныхъ мѣстностей мы будемъ въ состояніи возсоздать исторію русской провинціи, подмѣтитъ проявленіе самостоятельной общественной жизни не въ центрѣ, проявленія, рѣдки и тѣмъ не менѣе имѣющія не мало значенія, опредѣлить вліяніе провинціальной жизни на общій характеръ исторіи. Къ сожавленію, далеко не всѣ труды, относящіеся къ этой категоріи историческихъ исследованийъ, удовлетворяютъ современнымъ научнымъ требованіямъ какъ по подбору матерьяла, такъ и по своему методу и выбору тѣхъ или другихъ фактовъ изъ прошлаго. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить трудъ г. Писарева, посвященный одной изъ наиболѣе выдающихся въ историческомъ отношеніи областей и удовлетворяющій въ значительной степени научнымъ требованіямъ. Въ предисловіи къ своему труду г. Писаревъ заявляетъ, что „исторія Смоленска, не будучи уяснима топографически, безъ знанія древняго расположенія города, является во многихъ случаяхъ темпою“, и что „въ предлагаемомъ сочиненіи опредѣляется княжеская мѣстность въ означенномъ городѣ: сгруппированы историческія и археологическія свѣдѣнія о ней, въ связи съ исторіей всего города; исследованъ также уцѣлѣвшій храмъ смоленскихъ князей“. Содержаніе труда оказывается, однако, нѣсколько шире, чѣмъ самъ авторъ объ этомъ заявляетъ. Правда, исторія древняго храма „Чуда архистратига Михаила“ и мѣстности, гдѣ жили смоленскіе князья — Спирскаго предмѣстья, занимаютъ въ „Исторіи Смоленска“ г. Писарева главное мѣсто; тѣмъ не менѣе онъ очень умѣло соеди-

нить исторію двухъ этихъ пунктовъ съ исторіей всего города и Смоленской области и даже съ общею исторіей Россіи. Исторія Смоленска въ различные, столь непохожіе другъ на друга періоды его существованія, очерчена авторомъ живо и рельефно съ яснѣмъ обозначеніемъ характерныхъ особенностей каждаго періода. Внутренней исторіи города отведено достаточное мѣсто наряду съ описаніемъ фактовъ военнаго и дипломатическаго характера. Характеръ общественнаго строя въ древнемъ смоленскомъ княжествѣ, смоленская торговля въ кievскій періодъ, раннее развитіе западнаго предіѣстья, искусственное перенесеніе торговли въ крѣпость при польскихъ короляхъ, измѣненія въ составѣ городского населенія—все это отмѣчено и оцѣнено авторомъ. — Указаны имъ и нѣкоторыя особенности мѣстной жизни, обусловленныя предыдущей исторіей города и сохранявшіяся почти до нашихъ дней, какъ напримѣръ, существованіе въ Смоленскѣ оригинальнаго сословія „мѣщанъ-господъ“, надѣленныхъ при Сигизмундѣ III магдебургскимъ правомъ и кромѣ того, правомъ владѣнія крѣпостными и существовавшихъ до самаго освобожденія крестьянъ. Археолого-топографическія изысканія автора очень любопытны. Онъ слѣдитъ не только за исторіей главнаго храма, но и за исторіей другихъ смоленскихъ церквей, изъ коихъ нѣкоторыя претерпѣвали не малыя измѣненія и служили мѣстомъ то православнаго, то католическаго богослуженія. Замѣчанія автора о характерѣ построекъ и строительномъ матеріалѣ разныхъ временъ также интересны и могутъ быть полезны для исторіи русской архитектуры даже за предѣлами смоленской области; не менѣе цѣнны ссылки и указанія на древніе карты и планы, часть которыхъ въ настоящее время или не уцѣлѣла, или мало доступна. Накоонецъ можно сказать въ похвалу автору и то, что его трудъ достаточно безпристрастенъ и чуждъ излишняго мѣстнаго патриотизма, что является качествомъ особенно драгоценнымъ для занимающагося исторіей окраинныхъ русскихъ областей. Къ пробѣламъ въ работѣ г. Писарева, которые мы рѣшаемся указать, относится, прежде всего, почти полное отсутствіе какихъ бы то ни было картъ и плановъ, уясняющихъ положеніе данной мѣстности въ различныхъ эпохи; приложенъ всего одинъ рисунокъ города, относящійся въ 1627 году, хотя самъ авторъ говоритъ, что исторія Смоленска—темна, „не будучи уясняема топографически“. Слѣдитъ за его топографическими изысканіями безъ карты порою бываетъ очень трудно, а его ссылки на современныя названія улицъ и на различныя зданія можетъ быть понятно лишь знающему Смоленскъ. Если авторъ имѣетъ въ виду однихъ только смолянъ—то это совершенно излишнимъ скромность съ его стороны. Далѣе, можно упрекнуть автора въ неравномѣрной обработкѣ и неоднородномъ подборѣ матерьяла въ различныхъ частяхъ его труда.—Въ первой половинѣ „Исторіи Смоленска“ выбраны факты, имѣющіе дѣйствительно историческое значеніе, и факты эти достаточно проанализованы; напротивъ, чѣмъ ближе подходимъ къ современности, тѣмъ чаще встрѣчаемся мы въ этомъ трудѣ съ описаніемъ событій, крайне незначительныхъ, вродѣ устройства новаго городского сада и т. п.; одновременно съ этимъ и анализъ фактовъ слабѣе, изслѣдованіе постепенно превращается въ лѣтопись. Мы указываемъ на этотъ недостатокъ, главнымъ образомъ, въ виду того, что онъ присущъ не одной „Исторіи Смоленска“, но составляетъ

слабое мѣсто многихъ нашихъ историческихъ провинціальныхъ изслѣдованій. Въ заключеніе мы можемъ пожелать, чтобы авторъ не останавливался на этомъ трудѣ и отъ исторіи *города* Смоленска, перешелъ къ исторіи Смоленской *области*, на что въ его трудѣ обращено лишь второстепенное вниманіе. Задача эта достойна изученія, а что у г. Писарева есть даннныя исполнить ее удовлетворительно, это доказываетъ только что разобранное нами сочиненіе.

— Краткая исторія города Углича. Составилъ почетный гражданинъ *Л. Ѡ. Соловьевъ*. С.-Пб. 1895. 117 стр. Цѣна 1 руб. Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, что онъ приводитъ „всѣ факты прошедшихъ событій, начиная таковыя съ появленія на сѣверѣ племенъ (?) и заканчивая эпоху (?) XIX столѣтіемъ“. Изъ 117 страницъ текста 72 посвящены собственно исторіи города, остальные—его современному состоянію. Авторъ начинаетъ „съ самой отдаленной эпохи, которая такъ бѣдна и отрывочна историческими свѣдѣніями *о появленіи славянъ на Русь (?)*. Когда появились на мѣстѣ нынѣшняго Углича славяне, авторъ такъ и не рѣшилъ: онъ говоритъ лишь о заселеніи этого мѣста Мерею, племенемъ, по словамъ самого автора-финскимъ. Кто основалъ самый городъ Угличъ, это также „доселѣ остается невысслѣпнымъ“. Древній бытъ угличанъ авторъ характеризуетъ такъ „во время язычества и идолопоклонства бытъ угличанъ не представлялъ собою ничего выдающагося, за отсутствіемъ въ немъ законныхъ порядковъ, наукъ и христіанской религіи“, обзоръ исторіи Углича до конца XVIII вѣка сводится къ перечню княжившихъ въ Угличѣ князей. Особенное вниманіе обращено конечно на смерть царевича Дмитрія. Вопросъ о причинахъ смерти царевича рѣшается авторомъ безъ всякаго колебанія не въ пользу Бориса Годунова. Историческій обзоръ заканчивается такими словами: „съ тѣхъ поръ (со второй половины XVIII вѣка) древній Угличъ лишился прежняго значенія... по съ теченіемъ времени ученый міръ обратилъ достойное вниманіе на историческія событія въ немъ прошлыхъ вѣковъ, и Угличъ вновь *сталъ постепенно процветать и съ XIX столѣтіи достигъ исторической славы*“. Въ книгѣ находимъ, однако, и нѣкоторые неизслѣпные интереса свѣдѣнія,—такъ въ главѣ „Угличъ въ удѣльное время“ помѣщено довольно подробное описаніе города въ этотъ періодъ; къ сожалѣнію почти нигдѣ не указаны его источники, но, какъ можно судить на основаніи страницъ 93 и 94, авторъ пользовался не одними печатными, но и рукописными матерьялами.

BYZANTINA CHRONIKA. Τόμος δεύτερος. Τεύχος α καί β'. Византійскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей ординарнаго академика *В. Г. Васильевскаго* и приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета *В. Э. Ревеля*. Томъ II, вып. 1 и 2. С.-Пб. 1895. Содержаніе: Отдѣлъ I. *И. М. Дринова*, О нѣкоторыхъ трудахъ Дмитрія Хоматиана.—*Б. Панченко*, О тайной исторіи Провонія.—*Г. Хаджидакиса*, О названіяхъ Мизнора, Мизнорасъ, Мистрасъ.—*В. Васильевскаго*, Хроника Логовета на славянскомъ и греческомъ.—*А. Павлова*, Синодальное постановленіе Сисніи.—*Ею-же*, Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита ираклійскаго.—*Д. Бяллева*, Внѣшній и внутренній видъ храма св. Ирины.—*В. Ламитшевъ*, Этюды по византійской эпиграфикѣ.—*Ю. Кулаковскаго*, Къ объясненію над-

иои съ именемъ императора Юстиніана. Отдѣлъ II. Критика—рецензіи книгъ: *Robert Crampe, Philopatris*; *И. Соколова*, Состояніе монашества въ Византійской церкви; *Alb. Jahnius, Anecdota graeca theologica*; *Iohannis Damasceni canonis jambici, А. Науск*; *Звенигородскаго*, Византійскія эмали; *Mädler, Theodora, Michael Straticoticos, Isaak Komnenos* и др.—Отвѣтъ рецензенту *С. Шестакова*. Библиографія.—Отдѣлъ III.—Мелкія замѣтки извѣстія.

То же, томъ II, вып. III. Содержаніе. Отдѣлъ I. *Е. Ридима*, Половая мозаика церкви св. епископа Іоанна въ Равеннѣ.—*В. Паченка*, О тайной исторіи Проконія (продолженіе).—*С. Шестакова*, Прибавленіе къ статьѣ „О значеніи славянскаго перевода Мамалы“.—*А. Павлова*, Капоническіе отвѣты Пикиты митрополита солунскаго.—*Его же*, Синодальный актъ коопстантинопольскаго патріарха Михаила Анхіала.—*Х. Пападопому*, Акты такъ-называемаго послѣдняго Софійскаго собора.—*М. Крашенинникови*, О рукописномъ преданіи „Тайной Исторіи“ Проконія.—Отдѣлъ II. Критика—рецензіи книгъ: *I. B. Card. Pitra, Analecta sacra et classica, t. VII*; *H. Usener, Acta martyris Anastasii Persae*; *Const. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi t. VII*; *E. Legrand, Bibliographie hellénique hagiographique graeca*; Библиографія.—Отд. III. Мелкія замѣтки и извѣстія.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *А. Трачевскій*.—Русская исторія. Часть II. Второе, исправленное и расширенное изданіе, съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинками. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Пб., 1895.

— *Георгъ Бузольтъ*.—Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей.—Переводъ съ немецкаго студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета А. (М.+В.). Одобренъ и рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Харьковъ. 1894.

— *А. Е. Мерцаловъ*. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Историческій чтенія. С.-Пб. 1895.

— Материалы для южнославянской диалектологии и этнографіи. I. Резьянскіе тексты, собралъ въ 1872, 1873 и 1877 гг., упорядочилъ и перевелъ Н. А. Бодуэнъ-де-Куртенеъ.—Съ приложеніями Элли фонъ Шульцъ-Адаевской.—С.-Пб. 1895.

— *Н. Я. Никифоровскій*.—Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлорусіи и описаніе предметовъ оихоходности (этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ.—Витебскъ. 1895.

— *Н. И. Лихачевъ*.—Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій.—Обстоятельный каталогъ книгъ и листовъ казанской печати изъ коллекціи Н. Лихачева, выставленныхъ на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ.—С.-Пб. 1895.

— *П. И. Ивановъ.*—Историческія судьбы Волинской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка.—Одесса. 1895.

— *Сергій Шумаковъ.*—Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Исслѣдованіе.—Мо. ква. 1895.

— *Д. В. Айноловъ.*—Мозаики IV и V вѣковъ. Исслѣдованія въ области иконографіи и стѣля древне-христіанскаго искусства.—С.-Пб. 1895.

— *Ө. Д. Батюшковъ.*—Корнеліевъ „Сидъ“. — Историко-литературный анализъ пьесы. (По поводу новѣйшихъ отзывовъ критики).—С.-Пб. 1895.

— *Е. Рихтеръ.*—Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній.—С.-Пб. 1895.

— *Ф. Фредо.*—Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Перевелъ и дополнилъ Н. Ляминъ (съ 37-ю рисунками).—(Полезная бібліотека). С.-Пб. 1895.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ VII. подъ редакціей *Н. Дубровина.* С.-Пб 1895.

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ ¹⁾.

Въ 1838—1840 гг. въ Лифляндской губерніи былъ большой неурожай, послѣдствіемъ котораго былъ страшный голодъ и повальные болѣзни, причинившія усиленную смертность среди латышей и эстовъ. Крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ, но тѣ никакой помощи не оказывали, потому что законъ снялъ съ нихъ обязанность заботиться о крестьянахъ; а если нѣкоторые помѣщики и желали помочь бѣднякамъ, то не могли этого сдѣлать, потому что неурожай охватилъ и помѣщичьи земли. Не получая помощи отъ помѣщиковъ, крестьяне обратились къ своему ближайшему начальству съ прось-

¹⁾ При составленіи предлагаемой статьи въ распоряженіи автора были слѣдующія изданія:

1. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія.
2. Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода графа Толстаго.
3. Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго.
4. Отчеты о православныхъ училищахъ Прибалтійскаго края.
5. „*Рижскія Епархіальныя Вѣдомости*“.
6. Вѣдомости о православныхъ народныхъ училищахъ Прибалтійскаго края.
7. Сборникъ статей и матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края. Тома III и IV.
8. *Диницъ*, Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинарій. Часть III.
9. Циркуляры по Рижскому учебному округу.
10. *Самаринъ*, Сочиненія. Тома VII и VIII.
11. *Самаринъ*, Окраины Россіи. Выпуски IV и V.
12. *Василевскій*, Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Прибалтійскихъ губерній. Часть III.
13. Разныя журнальныя и газетныя статьи.

бами о спасеніи отъ голодной смерти. Начальство не имѣло въ своемъ распоряженіи никакихъ хлѣбныхъ запасовъ и сдѣлало только то, что могло, то-есть, донесло въ Петербургъ о бѣдственномъ положеніи латышей и эстовъ. Пока происходила переписка, подошла весна 1841 года и разрушила надежды на новый урожай. Въ это безотрадное для Лифляндіи время между крестьянами разнесся слухъ о высочайшемъ указѣ, повелѣвающимъ раздавать даромъ участки земли на югѣ всѣмъ желающимъ переселиться туда. Слухи эти находили подкрѣпленіе въ только что состоявшемся распоряженіи правительства о переселеніи 2.530 курляндскихъ евреевъ въ Херсонскую губернію. И вотъ цѣлыя толпы крестьянъ направлялись въ Ригу и стали слоняться по переднимъ генераль-губернатора, гражданскаго губернатора, жаңдармскаго штабъ-офицера и другихъ важныхъ губернскихъ чиновниковъ. Вездѣ крестьяне жаловались на помѣщиковъ, которые ихъ прятѣсняють и не кормятъ, указывали на свою нищету и въ заключеніи просили выселить ихъ на „теплыя земли“. Ни генераль-губернатору барону Палену, ни гражданскому губернатору барону Фелькерзаму не могли нравиться крестьянскія жалобы на помѣщиковъ; а что касается просьбъ о переселеніи, то онѣ были прямо незаконны, такъ какъ на основаніи крестьянскаго положенія 1819 г. лифляндскіе крестьяне не имѣли права выселяться за предѣлы своей губерніи. Не смотря на категорическіе отказы въ переселеніи, въ Ригу прибывали все новыя и новыя толпы крестьянъ съ тою же просьбою; просителей собралось такъ много, что они переполнили всѣ постоянные дворы, и за недостаткомъ пріюта часть ихъ расположилась на улицахъ и площадяхъ. Тогда губернское начальство рѣшилось прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости: настойчивыхъ просителей стали бить палками и отсылать домой съ обритыми головами.—9-го іюня 1841 г. толпа высѣченныхъ и обритыхъ латышей проходила мимо архіерейскаго дома и вздумала попросить у русскаго епископа милостыни. Преосвященный Иривархъ выслушалъ крестьянскія жалобы, далъ каждому изъ просителей по куску хлѣба, по нѣскольку копеекъ денегъ и по православному катехизису, глубоко пожалѣлъ объ ихъ несчастіяхъ, но въ заключеніе сказалъ, что жалобъ и просьбъ ихъ принять не можетъ, и сверхъ всего этого посоветовалъ бѣднякамъ вернуться домой, приняться за работу и слушаться помѣщиковъ (все это засвидѣтельствовано барономъ Фелькерзамомъ). Слухъ о ласковомъ пріемѣ на архіерейскомъ подворьѣ распространился между крестьянами, и къ преосвященному Ириварху стали

приходить цѣлыя толпы новыхъ просителей. Они просили архіерея ходатайствовать о переселеніи ихъ въ теплый край и заявляли при этомъ о желаніи перейти въ православіе, въ надеждѣ, можетъ быть, ускорить этимъ исполненіе своихъ желаній. Съ 9-го іюля до 2-го августа было приято до 30 такихъ просьбъ отъ имени нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Просьбы эти были пересылаемы оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, а отъ него постунали въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Намѣреніе крестьянъ присоединиться къ православію страшно встревожило нѣмецкихъ помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ. Баронъ Паленъ приказалъ не пускать въ Ригу крестьянъ, идущихъ съ просьбами о присоединеніи къ православію; губернскому правленію предложено было не только брить задержаннымъ крестьянамъ головы, но заковывать ихъ въ кандалы, отправлять подъ конвоемъ на мѣсто жительства и тамъ публично наказывать розгами, чтобы другимъ не повадно было идти въ Ригу. Когда эти мѣры не уменьшили стремленій крестьянъ, тогда по приказанію генераль-губернатора на дорогахъ около Риги были разставлены полицейскіе чиновники съ солдатами внутренней стражи для того, чтобы не пускать крестьянъ въ городъ, а не соглашающихся вернуться наказывать на мѣстѣ плетями и розгами. Крестьянъ сѣкли даже за одно намѣреніе отправиться въ Ригу. Но не одни крестьяне пострадали: епископу Иринуарху сначала запретили принимать какія бы то ни было просьбы отъ крестьянъ, а 12-го октября 1841 года онъ былъ вывезенъ изъ Риги, „почти какъ арестантъ“, по выраженію Самарина. Былъ удаленъ изъ Риги также и жандармскій подполковникъ Киришъ за то, что съ состраданіемъ принималъ латышей, записывалъ ихъ имена и обѣщалъ помочь чѣмъ можетъ. Въ это смутное для Лифляндіи время пострадали и частныя лица: по разказу священника Полякова, „одинъ изъ рижскихъ купеческихъ прикащиковъ, по просьбѣ латышей, показалъ имъ домъ епископа и за это былъ предъ сѣзжимъ домоу на улицѣ публично раздѣтъ и жестоко наказанъ розгами“. Корчмарь Фѣдоръ Бычковскій, жившій въ Венденскомъ уѣздѣ, былъ посаженъ въ рижскую тюрьму, а потомъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе за то только, что совѣтовалъ латышамъ обратиться за помощью къ рижскому епископу. Бѣдный „агитаторъ“ вернулся домой, только благодаря заступничеству епископа Филарета и цоваго генераль-губернатора Головина¹⁾.

¹⁾ Прибалтійскій сборникъ. III, 520.

Разказываютъ, что преосвященный Иринархъ на границѣ Лифляндіи сказалъ, что черезъ десять лѣтъ весь край будетъ православнымъ; это и случилось бы, говорить Самаринъ, если бы не было поставлено препятствій со стороны нѣмцевъ, и если бы правительство сразу поняло истинныя причины народнаго движенія. „Только розгами и палками удалось удержать латышей въ лютеранствѣ“, говорить одинъ православный латышъ, объясняющій движеніе 1841 г. „голодомъ плотскимъ и духовнымъ“¹⁾.

Въ результатѣ такихъ строгихъ мѣропріятій было то, что въ теченіе 1841 г. не присоединилось къ православію ни одного человѣка, хотя въ душѣ народа возникло убѣжденіе, что если это дѣло непрятно помѣщику и пастору, то значить оно выгодно для крестьянина, и нѣкоторые изъ латышей прямо заявляли: „какой Государь вѣры, такой и мы будемъ; можетъ быть, тогда для насъ будетъ лучше“. Эти народныя надежды сдерживались въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ и только изрѣдка прорывались въ отдѣльныхъ просьбахъ о присоединеніи къ православію, но въ 1845 году стремленіе къ православію обнаружилось во всемъ краѣ и вслѣдъ за присоединеніемъ гернгутеровъ стали проситься въ православіе крестьяне во всей Лифляндіи, не исключая обитателей острововъ Эзеля и Моона. Императоръ Николай I отнесся къ этому движенію сочувственно: въ Высочайше утвержденной 26-го апрѣля 1845 г. инструкціи генералъ-губернатору Головину говорится: „Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе“. Далѣе инструкція предписывала „наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было доускаемо понудительныхъ средствъ и чтобы такимъ образомъ и повѣрцы могли свободно присоединиться къ православію“. Крестьянамъ и помѣщикамъ, на основаніи этой инструкціи, было объявлено, что „никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому-либо принятія господствующаго въ имперіи исповѣданія“, что „присоединенный къ православію... освобождается отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенству повинностей“. Кроме того инструкція обязывала генералъ-губернатора „имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было

¹⁾ Записки Индрика Страумита. См. *Самаринъ*, Сочиненія, т. VIII.

препятствуемо присутствовать всѣмъ желающимъ *безъ различія строгостовданій*“, а также „не допускать принужденій и насилія со стороны иновѣрцевъ для удержанія кого-либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ, если онъ пожелаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія“. Изъ этой инструкціи видно, что императоръ Николай I сочувственно относился къ движенію латышей и эстовъ въ православіе и нисколько не хотѣлъ ограничивать его размѣры. Дѣйствительно, стремленіе къ православію охватило почти все крестьянское населеніе Лифляндіи. Въ Венденскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи желающіе перейти въ православіе являлись къ православному священнику такими массами, что начальникъ уѣзда баронъ Кампенаузенъ сказалъ: „если число желающихъ не уменьшится, то до ноября 1846 г. три четверти населенія Лифляндіи присоединятся къ православію“ (Записки священника Полякова). Опасенія барона не оправдались: по всеподданнѣйшему отчету генераль-губернатора Голловина, къ февралю 1848 г. перешло въ православіе всего только сто тысячъ съ небольшимъ латышей и эстовъ, а вскорѣ потомъ это движеніе не только прекратилось, но приняло даже обратное направленіе. Причины такого неуспѣха кроются въ томъ прискорбномъ явленіи, что, не смотря на сочувствіе императора къ обращенію латышей и эстовъ, переходъ въ православіе сопрягался съ массой всякаго рода затрудненій. Прежде всего каждый желающій перейти въ православіе долженъ былъ заявить объ этомъ лично православному священнику, но не во время его объѣздовъ по приходу, а на мѣстѣ его постоянного мѣстопробыванія; для того, чтобы записаться въ число желающихъ, крестьянинъ долженъ былъ получить въ вотчинной конторѣ разрѣшеніе на отлучку; если же крестьянинъ являлся безъ такого вида, его наказывали розгами и возвращали назадъ. Прежде чѣмъ выдать видъ, вотчинная контора отсылала крестьянина къ пастору, который внушалъ желающему перейти въ православіе, что этимъ поступкомъ онъ погубитъ свою душу. Если убѣжденія пастора не достигали цѣли, вотчинная контора объявляла упорному крестьянину, что онъ лишится аренды и работы, если перейдетъ въ русскую вѣру. Кончались мытарства у пастора и въ вотчинной конторѣ, начинались они у православнаго священника, который въ присутствіи полицейскаго чиновника спрашивалъ пришедшаго, чистосердечно ли онъ желаетъ перейти въ православіе, не связываетъ ли съ этимъ надежду на мірскія выгоды, знаетъ ли, что переходъ въ пра-

вославіе не измѣнить отношеній крестьянина къ помѣщику и т. д. Если отвѣты крестьянина были удовлетворительны, ему вручали свидѣтельство, дававшее право явиться къ миропомазанію не ранѣе, какъ черезъ *шесть мѣсяцевъ*. Въ эти шесть мѣсяцевъ будущій членъ господствующей церкви „подвергался новымъ увѣщаніямъ, упрекамъ, угрозамъ и нерѣдко истязаніямъ всякаго рода, превращавшимъ данный ему на спокойное размышленіе срокъ въ шестимѣсячную пытку“¹⁾.

Если всѣ предварительныя испытанія латышъ или эстовъ переносилъ твердо и присоединялся, наконецъ, къ православію, на него воздвигались новыя гоненія. „Помѣщики—писалъ Головинъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ—явно недоброжелательствовали къ переимчившимъ вѣру, даже угнетали ихъ барщиною, удаленіемъ отъ усадьбы, невыдачею продовольствія въ неурожайные годы“ и т. д. Всѣ эти препятствія сильно задерживали движеніе въ православіе: въ 1864 г., по отчету графа Бобринскаго, въ Лифляндіи было 140 тысячъ православныхъ, но изъ нихъ девять десятыхъ желали вернуться въ лютеранство, чтобы избавиться отъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ.

Мы остановились на исторіи движенія латышей и эстовъ въ православіе, потому что это движеніе вызвало къ жизни и православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. Императоръ Николай I не хотѣлъ, чтобы дѣти новообращенныхъ православныхъ христіанъ остались безъ воспитанія въ духѣ православія, и въ Высочайше утвержденной 25-го апрѣля 1845 г. инструкціи епископу Филарету было сказано: „Священникамъ латышскихъ и эстскихъ православныхъ церквей немедленно озаботиться открытіемъ у себя приходскихъ школъ, чтобы дѣти повоприсоодиноившихся не были лишены тѣхъ средствъ къ изученію закона Божія, коими они уже пользовались, состоя въ лютеранствѣ. Въ сихъ школахъ обучать безмездно закону Божію, русскому и латышскому или эстскому языкамъ, чтенію и письму, первымъ правиламъ ариметики и, сверхъ того, непременно церковному пѣнію“. Кромѣ того инструкція эта предписывала „дозволять посѣщать сіи школы дѣтямъ всякаго исповѣданія“. Эта инструкція вѣрно угадывала народныя желанія: новообращенные уже беспокоились и спрашивали у священниковъ, будутъ ли у нихъ школы, и нѣкоторые священники стали уже обучать дѣтей на своихъ

¹⁾ Самаринъ, „Окраины Россіи“. Выпускъ IV. Приложение II.

квартирахъ, чтобы опровергнуть пророчества пасторовъ о томъ, что дѣти православныхъ „останутся навсегда безграмотными дураками“.

Но квартиры священниковъ были тѣсны и неудобны для школьныхъ занятій; и вотъ при самомъ своемъ возникновеніи православная школа встрѣтилась съ большими затрудненіями относительно школьныхъ помѣщеній, затрудненіями, не вездѣ устранимыми и понынѣ. Въ ноябрѣ 1845 г. было предписано прискивать для школъ такія же временныя помѣщенія, какъ и для церквей, впредь до построения школьныхъ зданій на казенный счетъ. Озаботиться присканіемъ временныхъ помѣщеній, а также выработать проектъ о предметахъ обученія и средствахъ для содержанія школъ было поручено остзейскому генералъ-губернатору и рижскому архіерею. Преосвященный Филаретъ и князь Суворовъ выработали проектъ, въ силу котораго въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ всѣ или болѣе половины крестьянъ перешли въ православіе, школьныя зданія поступаютъ подъ православныя школы, а лютеранамъ уплачивается соотвѣтствующее вознагражденіе; въ остальныхъ же имѣніяхъ школьныя помѣщенія остаются въ распоряженіи лютеранъ, а православные получаютъ соотвѣтствующее вознагражденіе за труды по сооруженію школы. Мѣры эти въ 1847 г. были одобрены особымъ комитетомъ по устройству православной паствы въ Лифляндіи, но не были утверждены императоромъ Николаемъ I.

Пока выработывался новый проектъ, необходимо было озаботиться о присканіи хотя бы временныхъ помѣщеній для православныхъ школъ. Тутъ пришлось встрѣтиться съ такимъ же сопротивленіемъ лютеранскаго населенія, какое было оказано при отысканіи временныхъ помѣщеній подъ церкви. Вотчинныя конторы на всѣ предложенія, увѣщанія и указы отвѣчали, что свободныхъ помѣщеній нѣтъ; если же гдѣ-нибудь они оказывались, то за нихъ запрашивали баснословныя цѣны, 100 и 150 р. въ полгода за наемъ помѣщенія, стоящаго всего какихъ-нибудь 300 руб. ¹⁾.

Помѣщенія подъ церкви нашлись, хотя и въ домахъ для воинскаго поста, только тогда, когда императоръ Николай I 25-го января 1846 г. приказалъ: „чтобы временныя помѣщенія непремѣнно наняты были въ городахъ въ теченіе двухъ недѣль, а въ селеніяхъ въ теченіе одного мѣсяца подъ особымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора и подъ отвѣтственностью мѣстныхъ полицій“. Относительно

---

¹⁾ Письмо преосвященнаго Филарета оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову 1847 г.

школъ такого грознаго указа не послѣдовало, а авторитета одного князя Суворова, не смотря на всю его популярность въ Остзейскомъ краѣ, было не достаточно. Въ официальномъ предложеніи, отъ 16-го февраля 1851 г., генералъ-губернаторъ жалуется, что въ четырехъ приходдахъ „всѣ старанія земской полиціи къ присканію помѣщеній для школъ остались безуспѣшными“, что въ нѣсколькихъ приходдахъ „не прискано никакого помѣщенія для школъ кромѣ крестьянскихъ дворовъ, и по устройству своему для того неудобныхъ“. Изъ всего этого въ той же официальной бумагѣ князь Суворовъ пришелъ къ заключенію, что „вотчинныя управленія не содѣйствовали къ присканію“ школьныхъ помѣщеній „или даже не желали, чтобы оныя были присканы“.

Помѣщеній для школъ не находилось, между тѣмъ существованіе самихъ школъ было санкціонировано законодательной властью. 1-го мая 1850 г. были утверждены правила для православныхъ приходскихъ школъ въ Лифляндіи. При составленіи проекта этихъ правилъ епископъ Филаретъ и генералъ Головинъ, а впослѣдствіи заступившій его мѣсто князь Суворовъ, руководились положеніемъ о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 г. По правиламъ 1850 г. въ каждомъ приходѣ учреждается приходская школа, а для обществъ, отдаленныхъ отъ церквей, въ наемныхъ помѣщеніяхъ открываются *вспомогательныя* школы по одной на 500 душъ мужскаго пола. (По положенію 1819 г. на такое же число душъ мужскаго пола должно быть по одной волостной школъ). Въ школъ вспомогательной дѣти должны обучаться чтенію и письму на русскомъ и латышскомъ или эстонскомъ языкахъ, пѣнію употребительнѣйшихъ молитвъ и первымъ четыремъ правиламъ ариметики; а въ приходскихъ школахъ кромѣ того—краткому катехизису, краткой Священной исторіи, первой части ариметики, чистописанію и церковному пѣнію. Программы православныхъ школъ были гораздо шире, чѣмъ программы лютеранскихъ школъ: по положенію 1819 г. въ волостныхъ школахъ обучали только чтенію¹⁾ на родномъ языкѣ, катехизису и пѣнію употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ; въ приходской школъ обучали и письму, кромѣ того давали ясное понятіе о катехизисѣ, учили ариметикѣ и сообщали „такія познанія, которыя служатъ къ истребленію суевѣрія, къ предупрежденію опасностей и способствуютъ къ благоразумному отправленію должностей

---

¹⁾ „Письму не обучали, чтобы крестьяне не писали жалобъ на помѣщиков“, по ѣдкому замѣчанію Самарина.

по своему званію". Къ этимъ различіямъ въ программахъ православныхъ и лютеранскихъ школъ присоединялось еще одно различіе, имѣвшее для православной школы очень важное значеніе въ будущемъ.

Дѣло въ томъ, что въ силу правилъ 1850 г., въ православныхъ школахъ, какъ приходскихъ, такъ и вспомогательныхъ, указано было обучать „практическому живому упражненію въ разговорахъ на русскомъ языкѣ, для чего опредѣлялись два дня въ недѣлю, въ которые ученики непремѣнно должны были какъ съ учителемъ, такъ и между собою, какъ въ школѣ, такъ и въ свободное отъ занятій время, подъ опасеніемъ неотпуска домой или оставленія безъ обѣда, говорить по-русски". Далѣе, по правиламъ 1850 г., въ приходскихъ школахъ обучаютъ безвозмездно священники и причетники, а въ вспомогательныхъ школахъ — сельскіе учителя, получающіе жалованье отъ общества и избавляющіеся на время учительства отъ рекрутской повинности, платежа податей и тѣлесныхъ наказаній. Избираются эти учителя самими обществами, и если послѣ испытанія у священника избранный обнаруживалъ удовлетворительныя познанія въ катехизисѣ и кое-какія, „по возможности", познанія въ русскомъ языкѣ, то епископъ утверждалъ его въ званіи учителя. Обучение для православныхъ такъ же, какъ и для лютеранъ по положенію 1819 г., было обязательное: всѣ дѣти, за исключеніемъ больныхъ и обучаемыхъ на дому православными священниками, должны съ десятилѣтняго возраста учиться въ школѣ четыре зимы, отъ 1-го октября до 15-го марта, или три года безъ каникулъ. Такъ какъ при разбросанности крестьянскихъ дворовъ въ Лифляндіи дѣти не могли каждый день приходиться въ школу изъ дому, поэтому и при православныхъ школахъ такъ же какъ и при лютеранскихъ, устраиваются пріюты для дѣтей, гдѣ они ночуютъ и кормятся на счетъ родителей, а сироты и дѣти бѣдняковъ — на счетъ общества. Высшій надзоръ за школами предоставлялся рижскому архіерею, а ближайшее завѣдываніе ими, производство экзаменовъ, выдача свидѣтельствъ и т. п. лежали на обязанности благочинныхъ. Существенныя различія между православными школами по положенію 1850 г. и лютеранскими школами по закону 1819 г. сводились къ слѣдующему: 1) въ программы православныхъ школъ было введено теоретическое и практическое изученіе русскаго языка; 2) помѣщики были устранены отъ завѣдыванія православными школами, не смотря на то, что въ проектѣ, составленномъ княземъ Суворовымъ и епископомъ Платономъ, было сказано: „какъ для лучшаго устройства и содержанія православныхъ школъ, такъ и

для устраненія жалобъ со стороны ливляндскаго дворянства на нарушение правъ его, не должно устранять помѣщиковъ отъ завѣдыванія православными школами, но надлежитъ предоставить имъ тѣ же права и обязанности по отношенію къ онымъ, какія присвоены имъ въ положеніи 1819 г. касательно лютеранскихъ волостныхъ и приходскихъ школъ, только съ нѣкоторыми ограниченіями¹⁾. Положеніе же 1819 г. предоставляло помѣщику выборъ учителей и вліяніе на ходъ обученія въ школѣ.

Православныя школы по положенію 1850 года существовали до 1870 года, когда были изданы новыя „Правила для православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ“. Первое двадцатипятилѣтіе въ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ такъ же, какъ и въ исторіи православной школы, было самое тяжелое. Школѣ, какъ и церкви, пришлось бороться со всякаго рода естественными и искусственными препятствіями. Мы уже видѣли, какъ, благодаря оппозиціи помѣщиковъ, не находилось временныхъ помѣщеній для школъ. Послѣ изданія правилъ 1850 года приходилось позаботиться и о постоянныхъ школьныхъ помѣщеніяхъ для всѣхъ приходскихъ школъ, потому что въ томъ же 1850 году дозволено было занять школьныя помѣщенія подъ православныя школы только тамъ, гдѣ всѣ крестьяне волости или прихода перешли въ православіе, при чемъ занять эти помѣщенія можно было только временно. На дѣлѣ „оказалось, что не было ни одной волости, въ которой бы всѣ до единого крестьяне перешли въ православіе“¹⁾, вслѣдствіе этого всѣ училищныя дома остались въ распоряженіи лютеранъ, а православные не получили даже никакого вознагражденія за участіе въ работахъ по постройкѣ этихъ зданій. Итакъ, нужно было строить новыя зданія и отыскивать временныя помѣщенія для школъ. И то и другое дѣло подвигалось впередъ крайне медленно, и неудивительно: наблюденіе за скорѣйшимъ и прочнѣйшимъ устройствомъ церквей и школъ не было поручено священникамъ, не смотря на то, что они болѣе кого-бы то ни было были заинтересованы въ этомъ. А тутъ еще на каждомъ шагѣ воздвигались искусственныя препятствія. „Каждую лофштель помѣщичьей земли (нѣсколько болѣе трети десятины), предназначавшурся подъ православную школу, приходилось — писалъ въ 1874 году Самаринъ — брать, какъ крѣпость, правильною осадюю, длывшеюся по нѣскольку лѣтъ, иногда до восьми, а о наймѣ помѣщеній у крестьянъ

¹⁾ Самаринъ, „Окраины Россіи“, IV, 180.

кое-гдѣ уступавшихъ свободныя избы по соглашенію со священниками, нельзя было и помышлять собственно потому, что помѣщики, за рѣдкими исключеніями, строго запрещали хозяевамъ заводить православныя школы на своихъ дворахъ¹⁾.

Въ приложеніяхъ къ IV выпуску „Окраины Россіи“ приведено нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ шестидесятымъ годамъ и свидѣтельствующихъ о враждебныхъ отношеніяхъ лютеранъ къ православнымъ школамъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Баронесса Мейерсъ (кажется—православная) обѣщала отвести бесплатно на мызѣ Лаудонѣ мѣсто подъ православную школу и дать лѣсу на постройку, но, къ сожалѣнію, умерла, не оформивъ на бумагѣ своего пожертвованія. Когда священникъ напомнилъ наслѣдницѣ обѣщаніи матери, то получилъ увѣдомленіе, что „баронесса не считаетъ долгомъ исполнить всѣ словесныя обѣщанія покойной матери“, а если православнымъ нужна школа, то они могутъ купить мѣсто по 150 руб. за десятину и лѣсъ по обычной цѣнѣ, при чемъ мѣсто подъ православную школу будетъ отведено повѣреннымъ помѣщичи не ближе версты отъ лютеранской школы. Въ 1865 году венденскій благочинный нашель необходимымъ открыть школу на мызѣ Клейнъ-Роопъ и сталъ пріискивать помѣщеніе у крестьянъ; но его поиски были напрасны, потому что „мѣстные помѣщики баронъ Розенъ и г. фонъ-Богенбахъ оповѣстили своихъ крестьянъ-домохозяевъ, чтобы никто изъ нихъ подъ страхомъ отнятія у него двора не смѣлъ отводить у себя помѣщенія подъ школу“. Послѣ того стали пріискивать мѣсто для постройки школьнаго дома. Когда обратились къ барону Розену, жена и дѣти котораго исповѣдывали православіе, съ просьбою продать участокъ подъ молитвенно-школьный домъ, то получили отвѣтъ, что въ его имѣніи нѣтъ ни клочка земли для продажи. Другой помѣщикъ баронъ Мейндорфъ согласился продать шесть лофштелей, но по 100 руб. за каждую (300 руб. за десятину). Эрласкій священникъ въ 1864 году захотѣлъ открыть пять вспомогательныхъ школъ въ своемъ приходѣ и сталъ искать помѣщеній у крестьянъ. Хотя крестьянскія жилища были тѣсны и грязны, и крестьянъ не легко было уговорить сдать свободныя помѣщенія въ аренду, однако же энергичному священнику удалось найти помѣщенія для четырехъ школъ и заключить съ крестьянами арендныя контракты. Контракты эти поступили на утвержденіе въ мирскіе суды, и тамъ

¹⁾ „Окраины Россіи“, IV, 193.

встрѣтились новыя затрудненія. Одинъ контрактъ не былъ утвержденъ, потому что помѣщикъ не дозволилъ крестьянину дать въ своемъ доиѣ мѣсто для школы. Другія дѣи школы также не могли быть открыты вслѣдствіе препятствій, созданныхъ вотчинными которами.

При такомъ отношеніи помѣщиковъ къ православнымъ школамъ неудивительно, что въ 1865 году генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ во всей Лифляндіи могъ насчитать только семь школъ, построенныхъ на мѣстахъ, уступленныхъ помѣщиками, а не купленныхъ за такія деньги, что 300 руб. за десятину считались уиѣренной цѣною. Если и находились люди, которые по душевной добротѣ или по какимъ-либо другимъ причинамъ уступали бесплатно землю и лѣсъ для православныхъ школъ, то такіе благодѣтели сами приходилось плохо, потому что они подвергались нареканіямъ дворянства и духовенства и трактовались, какъ измѣнники своему „фатерланду“ и лютеранской религіи. Этимъ только можно объяснить немногочисленность случаевъ безвозмездной уступки земли и лѣса подъ школы; эти же соображенія помогутъ понять и нижеприводимые факты. Въ 1863 году феллинскій помѣщикъ фонъ-Вааль бесплатно отвелъ мѣсто для православной школы и бесплатно далъ лѣсу для ея постройки. Этотъ экстраординарный случай доставилъ помѣщику письменную глубочайшую благодарность отъ епископа Платова, который кромѣ того довелъ объ этомъ пожертвованіи до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода. Крестьяне построили школу, и въ ней началось ученіе. Но черезъ четыре года совершенно неожиданно помѣщикъ отобралъ школьное зданіе въ свое распоряженіе, и ученіе прекратилось. Крестьяне хотѣли купить школу, но помѣщикъ сказалъ, что онъ ни за какую цѣну не продастъ помѣщенія подъ православную школу; судъ отказалъ православнымъ даже въ вознагражденіи за труды при постройкѣ школы. Вмѣшательство губернскихъ властей нисколько не поправило дѣла. Когда завели рѣчь объ отводѣ земли подъ постоянную школу, „помѣщикъ указалъ мѣсто на горѣ, гдѣ ломаютъ плиту и гдѣ нѣтъ возможности добыть воды, заявивъ при этомъ, что онъ отведетъ его лишь въ томъ случаѣ, если начальство напередъ обижется о цѣнѣ съ нимъ не спорить“.

Правительство съ самаго начала пришло на помощь распространяющемуся въ Прибалтійскомъ краѣ православію, и самая существенная помощь выразилась въ томъ, что постройка церковныхъ и училищныхъ зданій, а также наемъ временныхъ помѣщеній подъ церкви

и школы производились на казенный счетъ. Къ сожалѣнію, въ силу вышеупомянутаго распоряженія 1850 года, православное духовенство было устранено отъ ближайшаго надзора за постройкою зданій, а дѣло это было предоставлено мѣстной строительной комиссіи, состоявшей изъ нѣмцевъ-лютеранъ, которые нисколько не были заинтересованы въ скорѣйшемъ и прочнѣйшемъ сооруженіи зданій для православныхъ крестьянъ. „Строили такъ скверно,—говоритъ Самаринъ—что есть основаніе предполагать со стороны исполнителей обманъ и воровство, а со стороны надзиравшихъ и контролировавшихъ—потворство и послабленіе или, по крайней мѣрѣ, крайнее невниманіе къ дѣлу“¹⁾. Эти слова находятъ официальное подтвержденіе во всеподданѣйшей запискѣ бывшаго остзейскаго генералъ-губернатора Альбединскаго, въ которой также сказано: „церкви строились небрежно, суммы расходовались непроизводительно“. Что было послѣдствіемъ такого порядка сооруженія церковныхъ зданій, можно видѣть изъ сообщенія „*Правительственнаго Вѣстника*“ за 1871 годъ, изъ коего видно, что при обзорѣни 51 прихода только въ трехъ изъ нихъ церквя были найдены въ исправности, въ остальныхъ же церковныя зданія были крайне ветхи, такъ что совершать въ нихъ богослуженіе было дѣломъ крайне опаснымъ или даже и вовсе невозможнымъ. Если такъ строились на казенный счетъ церкви, то на школы обращали еще меньше вниманія, и школьныя зданія приходили въ ветхость еще скорѣе, чѣмъ храмы. До какого положенія доходили школьныя помѣщенія, можно судить по состоянію Зербенской школы въ 1868 году. Въ зербенскомъ приходѣ—писалъ тамошній священникъ—школьная будка (она дѣйствительно была не больше будки) совершенно разваливается, такъ что, напримѣръ, потолокъ уже провалился въ одномъ мѣстѣ, крыша ни отъ чего не охраняется, ни отъ снѣга, ни отъ дождя; печи болѣе топить нельзя, а поставить новую стоило бы дороже всей будки. Понятно, что въ такой школѣ обученіе было невозможно.

Правительство не ожидало такого быстрого разрушенія построенныхъ на казенныя деньги зданій и пришло на помощь для обновленія старыхъ и сооруженія новыхъ церковныхъ и школьныхъ помѣщеній только тогда, когда православная школа въ Прибалтійскомъ краѣ вступила уже во второе 25-лѣтіе своего существованія. Въ 1870 году было ассигновано для этой цѣли 800 тысячъ рублей, и

¹⁾ „Окраины Россіи“, IV, 94.

было приступлено къ постройкѣ церквей и помѣщеній для школъ и причтовъ въ 33 приходахъ, при чемъ вся хозяйственная часть построекъ была предоставлена прибалтійскому генералъ-губернатору.

Православной школѣ приходилось вести тяжелую борьбу съ недостаткомъ помѣщеній; не менѣе тяжело было ей бороться и съ недостаткомъ учителей. Къ первому января 1848 г. въ Прибалтійскомъ краѣ существовало уже 72 эстскихъ и латышскихъ прихода, въ 1870 г. число ихъ приблизилось къ 150; отыскать даже необходимое число священниковъ, знающихъ мѣстные языки (богослуженіе въ прибалтійскихъ сельскихъ приходахъ совершается на эстскомъ или латышскомъ языкахъ), на первыхъ порахъ было крайне трудно, такъ какъ духовная семинарія въ Ригѣ открылась только съ 1-го сентября 1847 г., а первый выпускъ семинаристовъ послѣдовалъ 15-го іюня 1857 г. ¹⁾.

Въ приходской школѣ ученіе все-таки могло идти, если только было помѣщеніе, потому что въ каждомъ приходѣ былъ священникъ и причетники, на обязанности которыхъ лежало обученіе православныхъ дѣтей. Но откуда можно было взять крестьянамъ учителей для вспомогательныхъ школъ за то нищенское вознагражденіе, какое они могли имъ назначить вслѣдствіе своей бѣдности? Учительская семинарія для приготовленія православныхъ учителей открыта была только въ 1870 году; предложенія нѣкоторыхъ священниковъ готовить за умѣренное вознагражденіе учителей вспомогательныхъ школъ не были приняты. При такихъ условіяхъ приходилось довольствоваться всякаго рода грамотными людьми, даже такими, которые совершенно не знали русскаго языка и, слѣдовательно, не могли обучать этому языку, какъ того требовали правила 1850 г. (§ 5). Приходилось поступиться этимъ важнымъ отличіемъ православныхъ школъ отъ лютеранскихъ, чтобы не оставить дѣтей православныхъ латышей и эстовъ безъ всякаго школьнаго образованія.

Если обратить вниманіе на матеріальное положеніе учителей вспомогательныхъ училищъ, то намъ станетъ понятно, что православнымъ крестьянамъ почти невозможно было найти хоть сколько-нибудь сносныхъ педагоговъ. Православныя общества, состоявшія большею частью изъ бѣдныхъ батраковъ и бобылей, могли назначить учителю

¹⁾ До учрежденія семинаріи въ Ригѣ существовали духовное училище при Петропавловскомъ соборѣ и такъ называемое архіерейское училище, основанное епископомъ Филаретомъ въ 1843 г. и закрытое въ 1852 г. (Прибалт. сб. IV, 592—598).

въ годъ въ среднемъ 15—20 рублей, а иногда и менѣе 10 рублей, да и эти деньги приходилось получать съ большими затрудненіями. „Обыкновенно православный учитель—говорить Самарникъ—ставился въ необходимость по нѣскольку разъ обходить нищихъ батраковъ и бобылей, собирая грошевую милостыню себѣ на жалованье и на содержаніе школы и выслушивая при этомъ въ каждой избѣ ропотъ неудовольствій“. Если учитель обращался въ мірской судъ, надъ нимъ тамъ издѣвались, а если по приказанію свыше слѣдовало распоряженіе о взысканіи съ крестьянъ денегъ въ пользу учителя или школы, то это производилось съ такими жестокостями, что православные проклинали и учителя и школу. Вотъ какую картину учительскаго существованія нарисовалъ учитель Яковъ Лисманъ въ своемъ прошеніи: „Честнѣйшему священнику приношу покорнѣйшую свою жалобу касательно прохожденія моей должности. Съ удовольствіемъ исполняю я свою обязанность и впредь исполнялъ бы ее такъ же, какъ и доселѣ, но невыносимо намъ, православнымъ учителямъ, проходить свою должность особенно относительно жалованья. Оно положено очень малое, 16 рублей, но и того не можемъ мы получать въ свое время. Приходится ходить за нимъ разъ десять и болѣе въ волостной судъ и раза три-четыре въ приходскій судъ, какъ это случилось нынче со мною, а и за всѣмъ тѣмъ еще неизвѣстно, когда я получу свое жалованье за прошедшее время. Годъ нынче плохой, мнѣ недостаетъ насущнаго хлѣба на зимнее время ученія дѣтей. Даже 16 рублей неохотно уплачиваются. Такой хлѣбъ очень тяжело ѣсть. Меня считаютъ ядущимъ хлѣбъ нищихъ, прибрѣтенный ихъ трудомъ и потомъ, меня укоряютъ и трезвонятъ, что я звѣрь. Какъ Вамъ уже извѣстно, мірскія правленія и суды не хотятъ оказывать намъ никакой справедливости и помощи, даже сами побуждаютъ, чтобы православные не платили учителю и не водили дѣтей своихъ въ школу“¹⁾.

Учителямъ вспомогательныхъ школъ приходилось вымаливать свое нищенское жалованье у православныхъ крестьянъ, а протестантскія власти посягали на ихъ законныя права и привилегіи относительно свободы отъ платежа податей и отъ рекрутской повинности. Не смотря на прямое указаніе § 7 правилъ 1850 г., волостныя правленія требовали подушныхъ денегъ отъ учителя или съ православныхъ крестьянъ, его избравшихъ. Подобныя незаконныя требованія были обычнымъ

¹⁾ Самарникъ, „Окраины Россіи“. IV, 339.

явленіемъ и составляли предметъ безконечной перениски между духовнымъ и губернскимъ начальствомъ. Что касается свободы отъ рекрутской повинности, очень важной привилегіи, доставившей, можетъ быть ¹⁾, православнымъ школамъ главный контингентъ учащихся—то и здѣсь бывали примѣры, что православныхъ учителей отдавали въ военную службу, будто бы по незначію, что они занимаютъ мѣста учителей ²⁾. Всѣ эти неблагопріятныя условія крайне затрудняли насъ учителей въ вспомогательныя школы и вели къ тому, что и нанятые учителя покидали свои мѣста или вслѣдствіе неполученія жалованья, или вслѣдствіе притѣсненій отъ враждебныхъ школъ лютеранъ.

Трудно было собирать съ бѣдныхъ православныхъ крестьянъ деньги на жалованье учителю, не легче было получать отъ нихъ и опредѣленные за каждого ученика 95 коп. на учебныя пособія, а также продовольствіе натурою на содержаніе учащихся въ школахъ. Вслѣдствіе бѣдности православныхъ крестьянъ денежный сборъ, по свидѣтельству Самарина, „нигдѣ не взымался“, а сборъ натурою „установленъ былъ въ немногихъ лишь мѣстностяхъ, да и тамъ поступалъ крайне несправно“, потому что волостныя правленія, въ большинствѣ случаевъ объ этомъ нисколько не заботились. Кромя того по общему для православныхъ и лютеранскихъ школъ закону взносы деньгами и натурою за сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей были возложены на крестьянскія общества. Но законъ этотъ приводился въ исполненіе неодинаково: въ то время, какъ лютеранскія сироты и бѣдныя дѣти получали на счетъ волостныхъ кассъ готовый столъ и одежду, учащіеся въ православныхъ школахъ въ большинствѣ случаевъ не получали ничего. Когда священники хлопотали объ исполненіи этихъ обязанностей общества относительно своихъ членовъ, то волостные суды ничего не дѣлали въ пользу православныхъ сиротъ, но „тайно и явно уговаривали ихъ ходить въ лютеранскія школы, гдѣ они будутъ получать все нужное наравнѣ съ прочими учениками“ ³⁾.

Несправедливое отношеніе къ православнымъ школамъ проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ, напримѣръ, въ 1867 г.

¹⁾ Плата учителямъ вспомогательныхъ школъ—сказано въ одной запискѣ генералъ-губернатора—такъ ничтожна, что въ учителя идутъ почти исключительно лица, желающія освободиться отъ рекрутства. (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, IV, 1514).

²⁾ „Окраины Россіи“. IV, 196.

³⁾ „Окраины Россіи“. IV, 333.

одинъ священникъ изъ Юрьевского уѣзда жаловался, что управленіе государственныхъ имуществъ распорядилось о выдачѣ двухъ кубиковъ дровъ на отопленіе православной школы, но волостной судъ обнаружилъ намѣреніе воспользоваться этими дровами для лютеранской школы и, не смотря на всѣ просьбы и жалобы священника въ низшихъ инстанціяхъ, не выдавалъ билета на полученіе казенныхъ дровъ.

Мѣстные власти считали своимъ долгомъ ставить всякія законныя и незаконныя препятствія православнымъ школамъ въ частности и всему православному вообще. Эта постоянная и настойчивая оппозиція доминирующихъ классовъ прибалтійскаго общества происходила главнымъ образомъ изъ боязни обрусѣнія простого народа, который православную вѣру называлъ не иначе, какъ *русскою* вѣрою. Противодѣйствуя обрусѣнію въ интересахъ собственнаго самосохраненія, прибалтійскіе нѣмцы оправдывали себя слѣдующими разсужденіями, которыя православному священнику пришлось выслушать отъ чиновника особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ графѣ Шуваловѣ. „Къ чему здѣсь православіе? Развѣ здѣсь не было водворено христіанства; развѣ народъ не былъ воспитанъ лучше, нежели въ Россіи? Вы жаждете цивилизаціи, жаждете миссіонерства, прошу покорно обратиться въ Сибирь. Тамъ вамъ огромнѣйшее поле дѣятельности. Провѣщайте черемисовъ, тунгусовъ, татаръ, башкиръ и прочихъ; распространяйте цивилизацію и христіанство въ Азіи подвластнымъ вамъ народамъ, но оставьте этотъ край въ покоѣ, онъ цивилизованъ достаточно и безъ васъ“¹⁾. Враждебное отношеніе къ православной школѣ не ограничивалось тѣми затрудненіями, которыя мѣшали ея развитію и тормозили ея дѣятельность; лютеранскія власти хотѣли стереть съ лица земли тѣ школы, возникновенію которыхъ они не были въ состояніи помѣшать. Для достиженія этой цѣли мѣстные власти не ограничивались безучастнымъ отношеніемъ къ сбору школьныхъ денегъ и жалованья учителямъ, онѣ не только не заботились объ аккуратномъ и обязательномъ посѣщеніи школъ православными дѣтьми, но, какъ упомянуто было раньше, старались оставить православныя школы не только безъ учителей, но и безъ учениковъ, переманивая послѣднихъ въ лютеранскія школы. Нѣкоторые приходскіе суды издавали циркуляры, въ которыхъ объясняли населенію, что оно въ правѣ посылать своихъ дѣтей въ какую угодно школу; кромѣ того употреблялись

¹⁾ Прибалтійскій сборникъ. III. 528.

и болѣе существенныя мѣры для привлеченія православныхъ дѣтей въ лютеранскія школы. Нерѣдко православные крестьяне ставились въ необходимость нести повинности и въ пользу православныхъ, и въ пользу лютеранскихъ церквей и школъ, и эти обязательства вносились въ контракты, иначе помѣщики не сдавали земель въ аренду православнымъ латышамъ и эстамъ. Вслѣдствіе этого случалось, что православные участвовали въ постройкѣ общественныхъ зданій, въ которыхъ потомъ помѣщалась лютеранская школа, тогда какъ православное училище попрежнему оставалось въ какой-нибудь невзрачной лачугѣ. Независимо отъ этого, волостныя власти иногда прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ для того, чтобы поселить въ православныхъ крестьянахъ ненависть къ православнымъ школамъ. Было упомянуто, что школьныя деньги взимались съ православныхъ крестьянъ иногда съ такими жестокостями, что подвергалась проклятіямъ и православная школа въ частности, и все православіе вообще, и самъ православный переходилъ въ лютеранство. Были и такіе случаи, что волостныя правленія собирали жалованье для учителей не со всѣхъ православныхъ крестьянъ, а только съ тѣхъ изъ нихъ, которые посылали дѣтей въ православныя школы. Вслѣдствіе этого, доносилъ одинъ священникъ: „иному отцу семейства вмѣсто прежнихъ 30 коп. пришлось платить учителю жалованья отъ 2 до 3 рублей“. „Ясно,—продолжалъ священникъ—что при такомъ распоряженіи всѣ будутъ посѣщать школы лютеранскія, ибо бобылю и работнику, каковы мои прихожане, гораздо выгоднѣе посылать дѣтей въ ту школу, въ которой не берутъ съ него ничего на жалованье учителю. Распоряженіе это, кажется, сдѣлано съ цѣлью уничтожить православныя школы въ моемъ приходѣ“¹⁾.

Результатомъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ для православной школы условій былъ тотъ печальный фактъ, что православные латыши и эсты не платили денегъ учителю, а дѣтей своихъ нерѣдко посылали въ лютеранскія школы. Принимая во вниманіе, что православные въ Прибалтійскомъ краѣ принадлежали къ бѣднѣйшему слою крестьянскаго населенія, нельзя отнестись къ нимъ со словомъ осужденія. Не смотря на то, что лютеранскія волостныя школы въ отношеніи учительскаго персонала, школьныхъ помѣщеній и учебныхъ пособій стояли гораздо выше православныхъ вспомогательныхъ школъ,—только нужда загоняла православныхъ дѣтей въ лютеранскія школы.

¹⁾ „Окраины Россіи“. IV, 266.

Далѣе мы увидимъ, что рядомъ съ посѣщеніемъ православными дѣтскими лютеранскихъ школъ, вынуждаемымъ бѣдностью послѣдователей господствующаго вѣроисповѣданія, существовало и обратное теченіе: лютеранскія дѣти посѣщали православныя школы, чтобы научиться русскому языку. Стремленіе это, не смотря на всѣ противо-дѣйствія господствующихъ классовъ, было бы еще сильнѣе и интен-сивнѣе, если бы православныя школы находились въ удовлетвори-тельномъ состояніи и имѣли такихъ же покровителей, какъ школы лютеранскія. Правда, прибалтійская православная школа находилась подъ особеннымъ покровительствомъ русскаго правительства, которое оказывало ей не только нравственную, но и матеріальную поддержку. Къ сожалѣнію, матеріальная поддержка была такъ же незначительна, какъ и нравственная. Въ первое 25-лѣтіе существованія православной школы изъ государственнаго казначейства отпускались деньги на постройку зданій для приходскихъ школъ и наемъ помѣщеній подъ вспомоگательныя школы, при чемъ изъ десяти тысячнаго капи- тала, ежегодно ассигнуемаго для послѣдней цѣли изъ суммъ Св. Си- нода, часть расходовалась на жалованье учителямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда православное населеніе волости не могло содержать учителя на свои средства. Сумма эта была такъ незначительна, что не могла обезпечить вспомогательныя школы болѣе или менѣе сносными помѣ- щеніями и не могла устранить всѣхъ тѣхъ печальныхъ случаевъ, когда школы оставались безъ учителей. Нѣкоторыя улучшенія въ матеріальномъ положеніи школъ послѣдовали только въ концѣ 1860-ыхъ годовъ. Такъ, съ 1867 г. начался надѣлъ школъ участками казенной земли, и къ началу 1870-ыхъ годовъ было уже отведено 925 деся- тинъ, доходность которыхъ простиралась до 2150 руб. ¹⁾; далѣе, на помощь православнымъ школамъ съ 1865 г. явились православныя братства, подъ попеченіемъ которыхъ въ 1870—1871 учеб. году было уже семь училищъ, и, наконецъ, съ 1868 г. православнымъ школамъ было назначено ежегодное пособіе въ 10.000 рублей, исходатай- ствованное генераль-губернаторомъ Альбедискимъ. Что касается по- кровительства новымъ школамъ со стороны мѣстныхъ властей, то главные представители правительства, „остзейскіе генераль-губерна- торы—но словамъ Самарина—всѣ безъ исключенія смотрѣли на пра- вославныя школы довольно равнодушно, нѣсколько свысока и исклю-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. IV, с. 1871.

чительно въ качествѣ блюстителей закона“, который нарушался, какъ мы видѣли, при всякомъ удобномъ случаѣ. „Ихъ дѣятельность по этой части—продолжаетъ авторъ „Окраины Россіи“—ограничивалась тѣмъ, что непремѣнно отъ нихъ требовалось ихъ служебными обязанностями, и возбуждалась единственно обращеніемъ къ нимъ епархіальнаго начальства съ ходатайствами и жалобами“¹⁾). Они поручали земской полиціи или чиновникамъ особыхъ порученій изслѣдованіе дошедшихъ до нихъ жалобъ, но земская полиція была послушнымъ орудіемъ дворянства, генераль-губернаторскіе чиновники были представителями того же дворянства; отсюда можно заранѣе заключить, что самыя справедливыя жалобы останутся безъ существенныхъ послѣдствій, да иначе и быть не могло, если даже приказанія генераль-губернатора не всегда исполнялись. Такимъ образомъ вся тяжесть борьбы „русской“ школы съ неблагоприятными условіями существованія пала на плечи православныхъ крестьянъ, принадлежащихъ къ самымъ бѣднымъ представителямъ этого сословія въ Прибалтійскомъ краѣ, и на плечи православнаго духовенства, изъ среды коего по своимъ заслугамъ особенно выдаются нѣсколько вышедшихъ изъ простаго парода священниковъ и причетниковъ, которыми, по выраженію Самарина, „выплакана и выстрадана большая часть православныхъ школъ“²⁾). Православное духовенство вкладывало въ дѣло обученія своей паствы не только свой личный трудъ, но и свои матеріальныя средства: за неимѣніемъ школъ и учителей священникамъ часто приходилось учить православныхъ дѣтей на своихъ квартирахъ и не только учить, но и кормить бѣднѣйшихъ изъ своихъ учениковъ. Далѣе, особые вычеты изъ жалованья духовныхъ лицъ положили основаніе училищному капиталу, который къ 1867 г. достигъ 12 т. руб. Изъ этого капитала производились расходы на покупку и изданіе книгъ, на пріобрѣтеніе школьныхъ принадлежностей и на удовлетвореніе другихъ мелкихъ расходовъ по школамъ. Среди учителей вспомогательныхъ школъ также находились самоотверженные дѣятели, которые за неимѣніемъ постояннаго помѣщенія для школы ходили въ зимнее время по крестьянскимъ дворамъ и учили православныхъ дѣтей, не всегда получая и тѣ гроши, которые имъ слѣдовало получить за свой трудъ. Благодаря такимъ усиліямъ отдѣльныхъ лицъ и стремленіямъ народной массы къ образованію, число православныхъ

---

¹⁾ „Окраины Россіи“. IV, 197.

²⁾ „Окраины Россіи“. IV, 201.

школъ быстро увеличивалось: въ февралѣ 1848 г. въ Лифляндіи было 15 православныхъ школъ на 72 прихода; въ 1850 г.—28 школъ на 108 приходовъ, а въ 1870 г. уже 107 приходскихъ и 252 вспомогательныхъ школы съ 9500 дѣтьми ¹⁾). Къ сожалѣнію, положеніе многихъ изъ этихъ школъ было таково, что онѣ, по словамъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, своимъ жалкимъ видомъ дѣйствовали на лютеранъ, какъ пугало. Отзывъ этотъ былъ вѣренъ относительно очень многихъ вспомогательныхъ школъ, ютившихся въ кое-какихъ наемныхъ помѣщеніяхъ. Что касается внутренняго состоянія православныхъ школъ, то о немъ мы имѣемъ еще болѣе безотрадные отзывы, притомъ не со стороны враждебно настроенныхъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, а изъ официальныхъ источниковъ. Въ постановленіи возникшаго въ 1870 г. Совѣта по дѣламъ православныхъ школъ Прибалтійскаго края отъ 16-го іюля 1871 г. сказано, что „въ большей части училищъ не выполняются установленныя для нихъ программы, что не только въ вспомогательныхъ, но и въ приходскихъ училищахъ преподаваніе производится по устарѣлымъ неосновательнымъ способамъ, нисколько не содѣйствующимъ развитію учащихся и уясненію имъ примѣнимости передаваемыхъ свѣдѣній, и что степень познаній, приобретаемыхъ учащимися въ русскомъ языкѣ, слишкомъ недостаточна“. Отзывъ этотъ окажется чрезчуръ мягкимъ, если мы познакоимся съ педагогическою частью въ православныхъ прибалтійскихъ школахъ на основаніи отчета о состояніи этихъ школъ въ 1870—71 учебномъ году. „Изъ вспомогательныхъ школъ—читаемъ мы въ „Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“ за 1873 г.—только въ нѣкоторыхъ занимаются откомандированные священники и причетники, въ большинствѣ же обучаютъ особые школьмейстеры, общій уровень познаній и пригодность коихъ можно опредѣлять слѣдующими чертами: читаютъ на мѣстномъ нарѣчій правильно и толково, пишутъ нѣкоторые не безъ ошибокъ, но безъ особенно грубыхъ; катехизисъ знаютъ не весь и только буквально, по напечатаннымъ вопросамъ и отвѣтамъ, и ни о чемъ по катехизису ни спросить, ни объяснить своими словами не могутъ. Нѣкоторые вовсе не знаютъ ариметики, большинство знаетъ только сложеніе и вычитаніе; по-русски многіе или совѣмъ не знаютъ, или читаютъ съ трудомъ, вяло, останавливаясь послѣ двухъ-трехъ

¹⁾ Прибалтійскій сборникъ, IV, 581—582, 595; *Самаринъ*, „Охраны Россіи“, IV, 199; *Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія*, V, 1870.

словъ, съ крайне неправильнымъ произношеніемъ, и почти вовсе не понимая того, что читаютъ. Пишутъ по-русски безъ всякаго навыка, знаютъ только нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ, но и изъ этихъ словъ ни одного сколько-нибудь грамматически правильного выраженія составить не могутъ. Не понимаютъ самаго обыкновеннаго русскаго выраженія, если оно не подходитъ подъ складъ мѣстнаго нарѣчія. Большинство вовсе не развито, ничего изъ прочитаннаго даже изъ Священной исторіи безъ помощи священника разказать не могутъ, ни о какомъ сколько-нибудь разумномъ способѣ преподаванія ни одинъ понятія не имѣетъ. Способъ обученія чтенію у нихъ такой: каждому ученику задается урокъ по особому учебнику, и всѣ мальчики учатъ вмѣстѣ и громко. Такое чтеніе производитъ одуряющее дѣйствіе на посетителя. Попятно, какъ должно оно дѣйствовать на учащихся. Мальчики учатся писать, но крайне неправильнымъ почеркомъ. Писать подъ диктовку въ вспомогательныхъ школахъ, за исключеніемъ не многихъ, не учатъ. Молитвы изучаются по большей части такъ безсознательно, что мальчики, которымъ предлагалось прочесть ту или другую молитву, читали всѣ слѣдующія за нею по молитвослову. Пѣнію учатъ только въ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ школахъ по слуху⁴. Немного лучше обстояло учебное дѣло и въ приходскихъ училищахъ. — „Преподаваніемъ въ приходскихъ училищахъ — говорится въ томъ же официальном изданіи — занимаются священники и причетники. Съ педагогическими приемами священники вовсе незнакомы; большинство изъ нихъ не имѣютъ никакого понятія объ умственномъ ариметическомъ счисленіи; есть и такіе, которые отрицаютъ его пользу. Нѣкоторые не признаютъ необходимости въ классныхъ доскахъ. Обученіемъ въ приходскихъ училищахъ священники почти вовсе не занимаются. Законъ Божій лежитъ преимущественно на обязанности причетниковъ, хотя и говорится, что они только помогаютъ священникамъ. За ходомъ преподаванія священники также почти вовсе не слѣдятъ. Въ томъ и другомъ священники сознаются сами, ссылаясь на то, что отрываются отъ школъ требами“.

„Учителей-причетниковъ нельзя назвать неграмотными. Почти всѣ удовлетворительно читаютъ и пишутъ безъ особыхъ ошибокъ на родномъ языкѣ, но не всѣ достаточно владѣютъ тѣмъ языкомъ, которому должны обучать. Уровень же развитія и познаній причетниковъ крайне низкій. Большинство изъ нихъ, даже тѣ, на которыхъ лежитъ преподаваніе арифметики, не знаютъ дѣленія и обученіемъ почти во-

все не занимаются. Многіе причетники, вышедшіе изъ приходскихъ сельскихъ училищъ, вовсе не пригодны къ дѣлу обученія, плохо знаютъ по-русски и пичѣмъ не выказали своего усердія. Обученіе Заѣону Божію въ приходскихъ училищахъ вообще крайне неудовлетворительно. Ни въ одной школѣ ни одинъ ученикъ не можетъ разказать послѣдовательно ни одного событія изъ Священной исторіи. По русскому языку успѣхи учениковъ могутъ быть опредѣлены такъ же, какъ опредѣленъ выше уровень знаній школьмейстеровъ. То же вялое съ неправильнымъ произношеніемъ чтеніе, то же отсутствіе навыка къ правописанію, то же незнакомство съ складомъ русской рѣчи и то же неумѣніе составить грамматически правильное предложеніе. Грамматически русскій языкъ нигдѣ не преподается, ни въ одной школѣ онъ не сдѣланъ языкомъ преподавательскимъ. Удовлетворительнѣе другихъ предметовъ обучаются въ нѣкоторыхъ приходскихъ училищахъ пѣнію, которому, впрочемъ, обучаются, за исключеніемъ одной школы, по слуху. Совершенное непониманіе преподавателями педагогическихъ цѣлей и приѣмовъ, которыми объясняется безуспѣшность обученія и въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ причтами прилагается нѣкоторое стараніе, лишаетъ его и всякаго развивающаго дѣйствія. Разосланныя совѣтомъ картины Священной исторіи ученики видѣли только въ двухъ школахъ; счеты употребляются также только въ двухъ. Первоначальное обученіе чтенію по разосланнымъ совѣтомъ таблицамъ едва-ли не единственный, употребляемый въ нѣкоторыхъ приходскихъ училищахъ, осмысленный методъ обученія чтенію. Подучившіеся нѣсколько разбирать русскія буквы и читающіе затѣмъ по книгамъ, учатся читать по тому же патриархальному способу, какой употребляется въ вспомогательныхъ училищахъ, то-есть каждый про себя и для себя, и всѣ вмѣстѣ по разнымъ учебникамъ, оттого и читаютъ такъ неудовлетворительно по-русски. Встрѣчаются нерѣдко случаи, что мальчики на выпускѣ, читавшіе кое-какъ по учебнику, почти вовсе не могутъ разбирать русской печати въ другой книгѣ; учатся читать собственно для изученія процесса чтенія, не вынося изъ школы сознанія, для чего оно нужно, такъ какъ ни въ одной школѣ ни одному мальчику ничего кромѣ учебника, по которому учится читать, то-есть азбуки или Священной исторіи, ничего для чтенія не дается, нигдѣ учащіяся не заставляютъ отдавать отчета въ прочитанномъ. Умственнымъ ариѣметическимъ численіемъ, которое въ сельской школѣ представляется едва-ли не единственнымъ способомъ къ развитію въ маль-

чицахъ соображенія, занимаются только въ одной школѣ, и вотъ почему дѣленіе составляетъ пунктъ преткновенія, который можетъ перешагнуть рѣдкій изъ мальчиковъ. Наконецъ, ни въ одной школѣ не усваивается учащимися приложимость ариѳметическихъ дѣйствій, ни въ одной школѣ мальчиковъ не занимаютъ практическими ариѳметическими задачами. Поэтому даже болѣе усѣбшіе не знаютъ, когда слѣдуетъ употребить умноженіе или дѣленіе, и въ мальчикахъ замѣчается мало склонности къ изученію ариѳметики".

Общее впечатлѣніе получается самое безотрадное, а конечный выводъ еще безотраднѣе. „Характеризуя однимъ словомъ обученіе въ лучшихъ православныхъ сельскихъ училищахъ, его можно назвать безцѣльнымъ, такъ какъ оно не развиваетъ учащихся, не уясняетъ имъ приѣмливости сообщаемыхъ свѣдѣній, и вся польза его для населенія въ образовательномъ отношеніи сводится къ безсознательной грамотности, а познанія, приобретаемыя собственно по русскому языку, рѣшительно недостаточны для этой цѣли, которая главнымъ образомъ обуславливаетъ потребность сельскаго населенія въ его изученіи. Непрочно и неправильно усвоенный русскій языкъ будетъ забываться по выходѣ изъ школы, да и учившіеся ему въ православныхъ сельскихъ училищахъ едва-ли будутъ въ состояніи понимать простую разговорную рѣчь“¹⁾.

Вѣдственное положеніе православныхъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ гармонировало съ печальнымъ состояніемъ православныхъ церквей въ частности и всего православнаго вообще. „Православіе въ этомъ краѣ—писалъ прибалтійскій генералъ-губернаторъ Альбединскій во всеподданнѣйшей запискѣ 1868 г.—служить не столько символомъ русской народности, сколько признакомъ бѣдности и невежества“. Нѣкоторыя изъ православныхъ церквей, по свидѣтельству того же авторитетнаго лица, были „до такой степени бѣдны и непрочны, что въ нихъ въ иную пору вовсе нельзя совершать богослуженія“²⁾. Рижскіе преосвященные въ своихъ отчетахъ также не замалчивали печальнаго положенія „господствующаго вѣроисповѣданія“ въ Остзейскомъ краѣ.

Русская печать, въ свою очередь, указывала на приниженное положеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ, сообщая о такихъ, на-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, V, стр. 1869—1875.

²⁾ Самаринъ, „Окраины Россіи“. V, 85—86.

примѣръ, фактахъ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ вовсе нѣтъ церквей, а богослуженіе совершается въ сараяхъ и избахъ, иногда же и подъ открытымъ небомъ, на улицѣ и въ полѣ, что есть мѣстности гдѣ вмѣсто брачныхъ вѣнцовъ употребляются простые обручи изъ драги¹⁾ и т. д.

Выдающееся значеніе въ дѣлѣ ознакомленія русской публики съ остзейскимъ вопросомъ вообще и съ положеніемъ православія въ частности—имѣли первые выпуски изданныхъ за границей „Окраинъ Россіи“ Самарина, появленіе которыхъ Ив. Аксаковъ привѣтствовалъ, какъ „гражданскій поступокъ, заслугу передъ всею Россіею и ея государемъ“, и съ содержаніемъ которыхъ онъ ознакомилъ русскихъ читателей на страницахъ „Москвы“²⁾. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ русское правительство и общество обратили серьезное вниманіе на положеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ, и для православной школы въ остзейскихъ губерніяхъ второе 25-лѣтіе ея существованія началось при значительно измѣнившихся условіяхъ: 26-го января 1870 г. были Высочайше утверждены новыя „Правила для православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній“, 2-го февраля того же года было ассигновано 800 тысячъ рублей для сооруженія новыхъ и обновленія старыхъ церковныхъ и школьныхъ зданій, въ сентябрѣ того же года была открыта въ Ригѣ учительская семинарія; далѣе, увеличены были пособія отъ правительства, какъ деньгами, такъ и земельными участками. Въ самомъ управленіи прибалтійскими православными школами произошло крупное измѣненіе: по закону 24-го апрѣля 1873 г. всѣ онѣ въ учебномъ отношеніи были подчинены министерству народнаго просвѣщенія.

М. Столяръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ „Голосъ“ 1873 г.

²⁾ И. С. Аксаковъ, Сочиненія, VI, 64.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Краткій курсъ прямолинейной тригонометрии. Составилъ *К. Торпозъ*, преподаватель Пермскаго Алексѣевскаго реальнаго училища. Пермь. 1894. Стр. 115. Цѣна 75 коп.

Въ названной книгѣ курсъ тригонометрии основанъ на началахъ существенно отличающихся отъ общепринятыхъ, хотя и не содержащихъ въ себѣ ничего новаго, а именно: „въ основу курса“ — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи — „поставлена теорема синусовъ“, то-есть, пропорціональность сторонъ треугольника синусамъ противолежащихъ имъ угловъ. Синусамъ дано такое опредѣленіе: „числа K_a , K_b , K_c , представляющія собою *отношеніе перпендикуляра изъ какой либо точки стороны угла на другую къ разстоянію этой точки до вершины угла, опредѣляютъ углы треугольника*. Эти отношенія называются *синусами* соответствующихъ угловъ“. Затѣмъ, послѣ указанія возможности вычисленія синусовъ, съ нѣкоторымъ приближеніемъ, и изслѣдованія измѣненій синуса съ измѣненіемъ угла отъ 0° до 180° , дано понятіе объ остальныхъ тригонометрическихъ числахъ, какъ о выражаемыхъ формулами:

$$\sqrt{1-\sin^2 A}, \quad \frac{\sin A}{\sqrt{1-\sin^2 A}}, \quad \frac{\sqrt{1-\sin^2 A}}{\sin A}, \quad \frac{1}{\sqrt{1-\sin^2 A}}, \quad \frac{1}{\sin A}.$$

Лишь въ одной изъ заключительныхъ главъ курса (въ главѣ 12-й) обобщается понятіе о тригонометрическихъ числахъ и распространяется на углы превышающіе 180° .

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ учебной практикѣ было весьма распространено опредѣленіе тригонометрическихъ чиселъ, сходное съ принятымъ авторомъ рассматриваемой книги, но несравненно болѣе простое и ясное. А именно: числа эти рассматривались какъ отношенія между сторонами прямоугольнаго треугольника и, затѣмъ, понятіе объ этихъ отношеніяхъ обобщалось, то-есть, имъ присвоивался знакъ $+$ или $-$, для примѣненія ихъ ко всевозможнымъ угламъ.

Особенности рассматриваемой книги не ограничиваются вышесказанными основами, а состоятъ также въ примѣненіи этихъ основъ къ рѣшенію треугольниковъ и въ дополнительныхъ главахъ о тригонометрическихъ уравненіяхъ и наибольшихъ и наименьшихъ значеніяхъ тригонометрическихъ функций. Въ этихъ особенностяхъ весьма многое заслуживаетъ полнаго вниманія преподавателей тригонометріи. А именно:

Во-первыхъ, какъ уже было упомянуто выше, указанъ способъ вычисленія синусовъ, а слѣдовательно и остальныхъ тригонометрическихъ чиселъ, съ нѣкоторымъ приближеніемъ (до $\frac{1}{10000}$; для угловъ меньшихъ $4^{\circ}, 22'$ —непосредственно, а для большихъ—по формулѣ, выражающей зависимость между хордою данной дуги даннаго радіуса и хордою дуги вдвое большей того же радіуса). Помѣщена таблица такихъ чиселъ (синусовъ, косинусовъ, тангенсовъ и котангенсовъ) для угловъ, содержащихъ цѣлое число градусовъ, отъ 0° до 45° , и указанъ способъ рѣшенія треугольниковъ (въ простѣйшихъ случаяхъ) при помощи этой таблицы.

Во-вторыхъ, послѣ такъ-называемой авторомъ *теоремы сложения* и основаннаго на ней приведенія формулъ къ виду удобному для логарифмированія, изложена *теорія рѣшенія треугольниковъ* (стр. 41—61), въ которой всѣ выводы и преобразованія формулъ основаны главнымъ образомъ на свойствахъ равныхъ отношеній, а именно—отношеній сторонъ треугольника къ синусамъ противолежащихъ имъ угловъ. Наибольшаго вниманіе заслуживаетъ та общность, которая придана всѣмъ выводамъ этой теоріи, а именно указано рѣшеніе треугольника въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

1. Когда даны два угла и какой нибудь *линейный элементъ* (сторона, или высота, или медиана и т. п.), или вообще какой нибудь *однородный многочленъ* относительно a , b и c .

2. Когда данъ одинъ уголъ и два какихъ либо однородныхъ многочлена относительно a , b и c .

3. Когда въ число данныхъ не входитъ ни одного углового эле-

мента и, слѣдовательно, даны три однородныя многочлена относительно *a*, *b* и *c*.

Въ-третьихъ, весьма полезны для упражненій учениковъ, въ особенноти наиболѣе талантливыхъ и любознательныхъ, послѣднія двѣ главы книги (тригонометрическія уравненія и наибольшія и наименьшія значенія тригонометрическихъ функций).

Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений) *Ванъ-Тигема*.
Переводъ со 2-го изданія, подъ редакціею *Ростовцева*, съ предисловіемъ проф. *Тимирязева*. Москва, 1895 года.

Книга эта, по мысли переводчиковъ, должна быть дополненіемъ или вступленіемъ къ книгѣ *Вармина* (которая недавно появилась въ русскомъ переводѣ), такъ что эти двѣ книги должны составить полный курсъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Конечно, нельзя не одобрить и выборъ книги, основанный на ея новизнѣ и полнотѣ, и переводъ, сдѣланный со всяческимъ стараніемъ. Редакторъ сверхъ того снабдилъ переводъ своими „примѣчаніями и дополненіями“, о которыхъ обстоятельно говорятъ въ особомъ предисловіи *отъ редактора*.

Замѣтимъ, однако, что книга Ванъ-Тигема едва-ли можетъ быть названа образцовою. Она отличается смутностью въ постановкѣ научныхъ задачъ, неточностью въ изложеніи общихъ понятій, подраздѣленій и т. п. Проф. Тимирязевъ въ своемъ предисловіи признаетъ за книгою „ясность и простоту изложенія, эти общепризнанныя достоинства французскихъ научныхъ произведеній“ (стр. II); но по складу ума Ванъ-Тигемъ едва-ли французъ, или принадлежитъ къ тѣмъ французамъ, которые пишутъ тяжелѣе и многословнѣе всякихъ нѣмцевъ. Приведемъ одинъ маленькій примѣръ.

„Вліяніе условій среды на сохраненіе и развитіе разновидностей *бываетъ двоякое*: 1) неживая среда, то-есть, пища, свѣтъ, теплота и т. п. оказываетъ вліяніе на сохраненіе и развитіе разновидностей; 2) живая среда, то-есть, растенія и животныя также оказываютъ вліяніе“ (524).

Неужели это можно назвать простымъ и яснымъ?

Самъ редакторъ и г. Тимирязевъ указываютъ на то, что у Ванъ-Тигема вопросы морфологическіе перемѣшаны съ физиологическими, и стараются оправдать такое смѣшеніе. Но если бы это оправданіе и было вполнѣ убѣдительно, то можно бы указать у этого автора другія смѣшенія, которыя всѣ оправдать трудно.

Но, помимо этихъ недостатковъ, книга содержитъ обильное изложеніе фактовъ по всѣмъ частямъ общей ботаники, снабжена множественномъ поучительныхъ рисунковъ, переведена старательно, и слѣдовательно вполне достойна любознательности учащихся.

Краткій очеркъ химическихъ явленій, съ полнѣйшими въ текстѣ. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ *Ө. Ө. Клау*. VIII + 104 стр.

Очеркъ г-на Клау вполне соответствуетъ своему назначенію, служитъ въ качествѣ учебнаго пособия, какъ дополненіе къ учебникамъ физики при прохожденіи этого предмета въ реальныхъ училищахъ. Авторъ довольно точно держался соответствующей части учебной программы. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ дано понятіе о химическихъ явленіяхъ, о тѣлахъ простыхъ и сложныхъ, авторъ разсматриваетъ важнѣйшіе металлоиды: кислородъ, водородъ, азотъ, хлоръ, сѣру, фосфоръ и углеродъ и ихъ соединенія, мимоходомъ вкратцѣ указывая еще на іодъ, бромъ, мышьякъ и кремній.

Далѣе слѣдуетъ обзоръ важнѣйшихъ металловъ и ихъ соединеній и, наконецъ, въ отдѣльной статьѣ собраны „главнѣйшіе законы химическихъ явленій“, въ которой не упущена и періодическая система Д. И. Менделѣева.

Изложеніе правильное, для учащихся вполне доступное и достаточно послѣдовательное. Въ концѣ книги имѣется обзоръ элементовъ и алфавитный указатель.

Въ статьѣ о воздухѣ, къ сожалѣнію упущено указаніе на аргонъ, открытый въ то время, какъ книга печаталась. Ему слѣдовало посвятить страничку въ особомъ добавленіи.

Книга написана языкомъ правильнымъ, если не считать нѣкоторыхъ мѣстъ предисловія. Въ типографскомъ отношеніи она издана вполне опрятно.

Cours progressif de langue française divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases, par N. Koschikine, institutrice au gymnase Alexandre. Cinquième année. St.-Petersbourg. 1895. Стр. 195 + II. Цѣна 90 к.

Пятая часть учебника французскаго языка г-жи Кошкиной соответствуетъ курсу 5-го класса институтовъ и гимназій и въ теоретическомъ отношеніи представляетъ окончаніе этимологій въ соединеніи съ изложеніемъ главнѣйшихъ положеній и чаще примѣняющихся

правиль синтаксиса измѣняемыхъ частей рѣчи; изученіе болѣе трудныхъ правилъ синтаксиса и его особенностей г. Кошкина предполагаетъ предложить въ послѣдующихъ частяхъ своего руководства, которое, по заявленію, выраженному въ предисловіи къ первой книжкѣ, будетъ состоять изъ столькихъ частей, сколько имѣется классовъ въ курсѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Разсматриваемая часть заключаетъ въ себѣ 26 параграфовъ методическихъ упражненій съ грамматическими къ нимъ объясненіями, одинадцать статей, для класснаго чтенія и перевода (*Morceaux en prose*), семь прозаическихъ статей и восемь стихотвореній, для изученія наизусть (*Exercices de mémoire en prose et Morceaux en vers*), наконецъ, три довольно длинныя статьи, для прочтенія во время лѣтнихъ каникулъ и для устнаго пересказа ихъ содержанія по возобновленіи классныхъ занятій. Методическая часть по количеству и качеству предложеннаго матеріала разумно сообразована съ числомъ уроковъ и силами учащихся 5-го класса: она можетъ быть основательно проработана и усвоена этими послѣдними. Упражненія въ параграфахъ состоятъ частью изъ отдѣльныхъ фразъ, частью изъ связнаго текста; какъ фразы, такъ и статьи для перевода съ французскаго языка на русскій, и на оборотъ, составлены хорошо, вполнѣ цѣлесообразно. Во второй половинѣ этой книги статьи, назначенныя для чтенія и перевода въ классѣ, а равно статьи и стихотворенія для заучиванія и пересказа, подобраны также хорошо и осмотрительно. Приложенныя къ методической части курса вокабуларіи составлены удовлетворительно; въ нихъ обращено вниманіе на словопроизводство и такой приемъ г-жи Кошкиной принесетъ не малую пользу учащимся. Вообще эта, пятая часть учебника г-жи Кошкиной всей своей совокупностью производитъ хорошее впечатлѣніе, особенно тѣмъ, что не заключаетъ такой безобразной какографіи, какую довольно щедро надѣлены предшествовавшія части этого руководства; съ тѣмъ, что г-жа Кошкина въ упражненіяхъ, назначенныхъ для изученія правильнаго употребленія временъ и наклоненій, ставитъ глаголы въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, можно мириться, такъ какъ глаголы эти выдѣлены крупнымъ шрифтомъ и въ заголовкѣ параграфа указано, что учащійся долженъ, при чтеніи текста, ставить ихъ въ томъ или другомъ времени и наклоненіи; при такомъ приемѣ текстъ не имѣетъ той уродливости, какую онъ пріобрѣтаетъ, когда въ немъ надѣланы умышленныя ошибки, для исправленія ихъ учащимися. При этомъ случаѣ мы еще разъ повто-

римъ наше пожеланіе, чтобы г-жа Кошкина, при слѣдующемъ воспроизведеніи своего руководства, отрѣшилась отъ испещренія своихъ текстовъ умышленными ошибками, на что было указано при разсмотрѣніи каждой изъ предшествовавшихъ частей ея курса. При исполненіи этого пожеланія, можно бы считать учебникъ г-жи Кошкиной хорошимъ пособіемъ для изученія французскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ виду хорошо составленныхъ и подобранныхъ текстовъ, а также въ виду многихъ указанныхъ составительницею приемовъ пользованія въ преподаваніи предложеннымъ матеріаломъ, приемовъ существенно полезныхъ въ практическомъ отношеніи. Жаль только, что учебникъ г-жи Кошкиной составляетъ очень дорогое пособіе: вышедшія до сихъ поръ изъ печати пять частей его и сборничекъ дополнительныхъ къ нему статей стоятъ 4 р. 30 к., а если прибавить еще обѣщанныя послѣдующія части, сборникъ статей для старшихъ классовъ и алфавитный словарь, то составитъ сумма слишкомъ большая для одного предмета обученія.

Считаемъ не бесполезнымъ сдѣлать нѣсколько указаній относительно исправленія нѣкоторыхъ незначительныхъ погрѣшностей и также относительно желательнаго дополненія нѣкоторыхъ правилъ при слѣдующемъ изданіи учебника.

На стр. 14, § 11 фраза—*она ѣдетъ на своей рыжей кобылѣ* звучитъ не особенно пріятно въ классѣ въ устахъ дѣвицъ; намъ кажется, приличнѣе было бы сказать *на своей рыжей лошади*, такъ какъ при томъ изъ текста не видно, чтобы необходимо было обогатить лексику ученицъ французскимъ словомъ *la jument*, котораго въ вокабуларіѣ § 11-го даже и нѣтъ.

На стр. 20, въ § 16, буква b) во фразѣ—*у васъ проклятая привѣтка мнѣ прекословить*, приличнѣе было бы слово *проклятая* замѣнить другимъ эпитетомъ.

На стр. 25 внизу, въ русскомъ переводѣ отрывка изъ Шатобріана *Les Catacombes*, вмѣсто выраженія *до Анниенской дороги* слѣдовало бы сказать *до Анниевой дороги (via Arria)*.

На стр. 60 ничего не говорится о *passé du conditionnel*, какъ будто оно и не существуетъ; затѣмъ изъ замѣтки о томъ, что при второй формѣ *conditionnel*'а не бываетъ замѣны ея посредствомъ *imparfait* при употребленіи условнаго *si*, можно подумать, что эта вторая форма ставится вмѣсто *conditionnel présent*, а не *condit. passé*. Вообще объясненіе объ условномъ наклоненіи не совсемъ ясно и точно.

На стр. 61 въ правилѣ подъ № 1 перечислено девять глаголовъ, требующихъ наклоненія *subjonctif*, изъ чего можно заключить, что *subjonctif* употребляется въ зависимости отъ этихъ только девяти глаголовъ; указаніе, что требуютъ этого наклоненія глаголы, означающіе проявленіе воли, желанія, чувства радости, печали, удивленія, боязни, сомнѣнія, и проч. охватывало бы гораздо большее число фактовъ, весьма часто употребительныхъ въ разговорномъ языкѣ.

Въ правилѣ № 3 не оговорено, что безличныя глаголы и выраженія, означающіе нѣчто несомнѣнное, достовѣрное, какъ *il est sûr*, *il est certain*, *il est clair*, *il est évident* и проч. требуютъ послѣ себя глагола въ *indicatif*, а не въ *subjonctif*.

Въ правилѣ № 4 также не сдѣлано надлежащей оговорки, а между тѣмъ въ зависимости отъ словъ *le seul*, *l'unique*, *le premier*, *le dernier* и проч., глаголъ можетъ быть иногда поставленъ и въ *indicatif*.

Въ правилѣ № 5 по слѣдовало бы сложные союзы *de manière que*, *de sorte que*, *en sorte que*, *de façon que* помѣщать въ числѣ требующихъ всегда *subjonctif*, такъ какъ они часто сочетаются съ *indicatif*.

На стр. 62 въ правилахъ объ употребленіи временъ сослагательнаго наклоненія, логичнѣе было бы сначала говорить о временахъ, употребляемыхъ при *indicatif présent*, *futur simple* и *impératif* въ главномъ предложеніи, а потомъ уже о тѣхъ, которыя берутся въ зависимости отъ глаголовъ въ формахъ прошедшихъ временъ и обоихъ *conditionnels*. Вообще редакцію этихъ правилъ слѣдуетъ измѣнить и выразить ее болѣе опредѣленною, ясною и точною.

На той же страницѣ, въ правилѣ № 1 слова *ou participe verbe*, производящія неточность, слѣдуетъ выбросить. Въ правилѣ № 2, на 63 стр., гдѣ говорится о формѣ съ окончаніемъ *ant*, имѣющей дополненіе прямое, даны три примѣра, не заключающіе такого дополненія и, слѣдовательно, не относящіеся прямо къ предложенному правилу.

На стр. 68, подъ № 1 французскій грамматическій терминъ *la dérivation* слѣдуетъ перевести русскимъ же терминомъ *словопроизводство* или *словопроизведение*, а не просто словомъ *произведение*, которое безъ указанія отношенія его къ образованію словъ, имѣетъ совершенно иное значеніе.

LE VOCABULAIRE FRANÇAIS, ÉTUDE MÉTHODIQUE ET PROGRESSIVE DES MOTS DE LA LANGUE USUELLE considérés 1-о quant à leur orthographe; 2-о quant à leur sens; 3-о quant à la manière dont ils s'unissent pour former des phrases. Par I. Carré, agrégé de l'Université, Inspecteur général honoraire de l'Enseignement primaire. I, Livre de l'Élève. Paris. 1896. quatrième édition.—II, Livre du Maître. Paris. 1894.

Учебникъ г. Ириныя Каррэ состоитъ изъ двухъ частей: первая небольшая, заключающая 96 страницъ, назначена для учащагося, вторая, въ 330 слишкомъ страницъ, служить пособіемъ для преподающаго. Это собственно приготовительный курсъ первоначальныхъ французскихъ школъ, назначенный самимъ авторомъ для дѣтей 7—9 лѣтняго возраста. Онъ заключаетъ 94 урока, помѣщающіеся каждый на одной страницѣ въ книжкѣ ученика; въ заголовкѣ урока или параграфа дается рядъ отдѣльныхъ словъ, а затѣмъ слѣдуетъ столько же фразъ, сколько дано словъ, съ заданіемъ для ученика—выбрать изъ указаннаго матеріала подходящее пропущенное слово, или дать отвѣтъ на фразу по указанному вопросу, или подобрать слово, качество, дѣйствіе и проч. съ противоположнымъ значеніемъ данному во фразѣ. По мѣрѣ развитія умственныхъ силъ учащихся и расширенія ихъ знаній и лексики, эти заданія видоизмѣняются, осложняются, становятся труднѣе и замысловатѣе. Выѣстъ съ упражненіемъ въ чтеніи и дополненіи предложенныхъ въ параграфѣ фразъ, въ составленіи отвѣтныхъ предложеній и въ рѣшеніи всякаго рода другихъ заданій, идетъ объясненіе каждаго изъ поставленныхъ въ заголовкѣ словъ; объясненіе это дѣлаетъ, конечно, преподающій, пользуясь матеріаломъ второй части учебника (livre du maître), расположеннымъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ книжкѣ учащагося. Сюжеты отдѣльныхъ уроковъ весьма разнообразны, относятся, преимущественно, къ житейской сферѣ, представляютъ подборъ названій предметовъ, качествъ, дѣйствій и проч., принадлежащихъ къ одной какой-нибудь категоріи или имѣющихъ между собою какое-либо соотношение, какъ напримѣръ: *les métiers, fabricants et marchands, les professions, les arbres et les fruits, service de table, les différentes pièces d'un logement, les vêtements, l'église, les couleurs, adjectifs—les contraires, verbes—les contraires, noms—les contraires* и проч. и проч. Объясненія въ книжкѣ преподающаго касаются не только значенія словъ, свойства и назначенія предметовъ и проч., но также затрогиваютъ лексику и со стороны грамматической, хотя только чисто практическимъ путемъ, безъ всякихъ теоретическихъ толкованій: такъ

постепенно вводится образованіе производныхъ словъ отъ даннаго въ заголовкѣ параграфа, или подыскивается для него коренное, если само оно производное, или прибавляются суффиксы къ прилагательнымъ и существительнымъ, измѣняющіе ихъ значеніе, или представляющіе ихъ уменьшительными, ласкательными или же увеличительными и проч. Вообще учебникъ г. Каррэ составленъ для развитія въ дѣтяхъ мысленія, сообразительности, наблюдательности и для общенія имъ въ то же время весьма многихъ полезныхъ свѣдѣній, расширяющихъ ихъ умственный кругозоръ. Для французскихъ элементарныхъ школъ—это превосходное пособіе и оно должно имѣть на родинѣ широкое распространеніе. Оно во всѣхъ своихъ частяхъ обработано превосходно, мастерски, но, для пользованія имъ въ школѣ, требуетъ отъ учащихся свободнаго владѣнія французскимъ языкомъ. Въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ оно не примѣнимо, какъ не соотвѣтствующее ни возрасту и развитію учащихся, начинающихъ обучаться французскому языку со 2-го класса, ни теоретико-практическому методу преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ, установленному учебнымъ планомъ, ни примѣрнымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, опредѣляющимъ распределеніе теоретическаго матеріала языка по классамъ. Но въ частной практикѣ преподаванія въ отдѣльныхъ семействахъ и даже въ нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ, гдѣ начинающія обучаться дѣти уже владѣютъ до нѣкоторой степени французскимъ языкомъ, трудъ г. Каррэ могъ бы служить превосходнымъ пособіемъ какъ для расширенія практическаго владѣнія французскимъ языкомъ, такъ и для развитія умственныхъ способностей и кругозора учащихся. Мы даже думаемъ, что многимъ изъ этого учебника можно бы попользоваться и для первыхъ двухъ низшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній и потому полезно было бы преподавательницамъ элементарнаго курса этихъ заведеній имѣть рассматриваемое руководство подъ рукою.

Новый упрощенный способъ составленія всѣхъ формъ французскихъ правильныхъ глаголовъ съ помощью одного неопредѣленнаго наклоненія и французскіе неправильные глаголы, объясненные съ помощью латинскаго и старо-французскаго языковъ. *Е. Нарбутъ*, учитель Кутаисской гимназіи. Кутаисъ. 1893 стр. 115+IV.

Упрощенный способъ образованія формъ французскихъ временъ, придуманный г. Нарбутомъ, заключается въ томъ, что вмѣсто общепринятаго образованія временъ производныхъ изъ первообразныхъ

посредствомъ измѣненія окончаній этихъ послѣднихъ на окончанія производимыхъ изъ ихъ темы формъ, онъ даетъ сразу для каждаго глагола въ каждомъ изъ 4-хъ спряженій по три готовыя темы, къ которымъ остается только прибавлять личныя окончанія. Такъ, на-примѣръ, въ глаголѣ *planter* нужно знать три темы *plant*, *planter*, *plantass*, при чемъ необходимо запомнить, что въ 1-мъ спряженіи чистая тема *plant* участвуетъ въ образованіи 30 формъ, что осложненная окончаніемъ *er* она является составною частью 12 формъ, а въ соединеніи со слогомъ *ass* встрѣчается въ 6-ти формахъ; число формъ съ чистою основой и съ осложненной суффиксами *ir*, *oir*, *re*, *iss*, *uss* въ каждомъ изъ остальныхъ спряженій различно. Кромѣ трехъ темъ въ каждомъ спряженіи и количества формъ, въ которыя онѣ входятъ, учащемуся нужно все-таки заучить личныя окончанія каждаго времени съ ихъ особенностями; поэтому новый способъ, предложенный г. Нарбутомъ, едва-ли въ чемъ либо упрощаетъ и облегчаетъ изученіе французскихъ спряженій. По отношенію къ правильнымъ глаголамъ этимъ способомъ можно, однако, пользоваться на равнѣ съ общепринятымъ приемомъ образованія временъ однихъ изъ другихъ; но по отношенію къ неправильнымъ глаголамъ онъ оказывается мало состоятельнымъ; самъ изобрѣтатель этого способа говоритъ, что большая половина неправильныхъ глаголовъ имѣетъ также по три основы, въ остальныхъ же число основъ болѣе трехъ, но онѣ легко могутъ быть найдены въ архаическомъ инфинитивѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ основы надобно искать въ латинскомъ корнѣ. Мы согласны съ тѣмъ, что требуемыя темы могутъ быть найдены въ архаическихъ формахъ спряженія и даже въ латинскихъ корняхъ, но полагаемъ, что тѣ, которые знаютъ историческую грамматику французскаго языка, не нуждаются въ упрощенномъ и облегченномъ способѣ образованія формъ французскихъ временъ. Г. Нарбутъ вездѣ, гдѣ нужно, приводитъ архаическія формы и даетъ объясненія происшедшихъ видоизмѣненій вслѣдствіе фонетическихъ переходовъ. Все это очень и очень хорошо въ смыслѣ раскрытія причины и слѣдствій въ образованіи многихъ странныхъ на первый взглядъ формъ французскихъ неправильныхъ глаголовъ, но все это могло быть сдѣлано и помимо новаго упрощеннаго способа образованія французскихъ формъ временъ, который въ вопросѣ о формахъ неправильныхъ глаголовъ не играетъ никакой выдающейся роли.

Г. Нарбутъ иллюстрируетъ свой новый способъ восемью таблицами, въ которыя ввелъ нѣкоторыя измѣненія общепринятой термино-

логін: *passé défini* у него называется *prétérit*, а *passé indéfini* получило названіе *parfait*; вмѣсто *participe passé* онъ говоритъ *participe parfait* и кромѣ того различаетъ *participe* (то есть *participe présent*) и *gérondif*, такъ какъ, по синтаксическому значенію, первая форма есть отглагольное прилагательное, а вторая нарѣчіе. Эти нововведенія существа дѣла ни въ чемъ не измѣняютъ, а только укорачиваютъ самыя названія формъ и въ этомъ ихъ единственная заслуга.

Впрочемъ, въ книгѣ г. Нарбута правильные глаголы съ относящимися къ нимъ таблицами составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ только подготовленіе къ главной задачѣ его труда—къ изученію французскихъ неправильныхъ глаголовъ, объясненныхъ съ помощью латинскаго и старо-французскаго языковъ. Объясненія этого рода требовали, естественно, предварительнаго изложенія необходимыхъ фонетическихъ свѣдѣній, для пониманія процесса переработки латинскихъ словъ и формъ во французскія: г. Нарбутъ, пользуясь исторической грамматикой Огюста Браше и его этимологическимъ словаремъ, излагаетъ въ своемъ введеніи слѣдующіе отдѣлы изъ французской фонетики: 1) тоническіе и атонные слоги; 2) замѣны латинскихъ гласныхъ и двугласныхъ во французскихъ глаголахъ; 3) замѣны въ нихъ латинскихъ согласныхъ; 4) вставки и пропуски латинскихъ согласныхъ во французскихъ глаголахъ; 5) выпаденіе буквъ, находящихся въ латинскихъ глаголахъ; 6) перестановка латинскихъ согласныхъ во французскихъ глаголахъ и перемѣщеніе ударенія въ латинскихъ; 7) замѣны, пропуски и вставки гласныхъ и согласныхъ въ предѣлахъ одного французскаго языка безъ отношенія къ латинскимъ глаголамъ; 8) гіатусъ, ассимиляція и удвоеніе согласныхъ.

Послѣ этого введенія, изложеннаго въ краткомъ видѣ, безъ лишнихъ подробностей, г. Нарбутъ разсматриваетъ формы 330-ти французскихъ неправильныхъ глаголовъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ, съ объясненіемъ всѣхъ измѣненій и особенностей на основаніи указанныхъ въ словарѣ Литтре историческихъ данныхъ. Задачу свою г. Нарбутъ исполнилъ очень старательно, съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и умѣlostью разбираться въ сложной массѣ фактовъ старо-французскаго языка. Монографія его по своей обработкѣ матеріала близко подходитъ къ однородному съ ней труду г. Пашалери, появившемуся въ печати года два тому назадъ, но уступаетъ ему, во-первыхъ, въ томъ, что г. Пашалери объясняетъ не только формацию неправильныхъ французскихъ глаголовъ, но показываетъ и осо-

бенности ихъ употребленія въ рѣчи въ прямыхъ и переносныхъ значеніяхъ, и во-вторыхъ, въ томъ, что г. Пашалери, относительно этимологической стороны глаголовъ, не основывался исключительно на указаніяхъ Литтре, какъ это сдѣлалъ г. Нарбутъ, а пользовался результатами позднѣйшихъ изслѣдованій въ области историческаго изученія французскаго языка и его фонетики. Эта послѣдняя получила особенно широкое развитіе, уже послѣ выхода въ свѣтъ словаря Литтре, въ трудахъ Браше, Кошерн, Говелака, Мейера, Париса, Дармстеттера, Стаппера и другихъ французскихъ филологовъ ближайшаго къ намъ времени и уже многія прежнія этимологическія догадки и предположенія замѣнены указаніями, имѣющими научную достовѣрность. Возьмемъ лишь два-три примѣра въ этомъ родѣ: Литтре, а за нимъ и г. Нарбутъ указываютъ, что гл. *aller* (№ 13 стр. 41) происходитъ отъ латин. *amare*, между тѣмъ ученѣйшіи знатоки романскихъ языковъ Гоблеръ производитъ его отъ латинскаго глагола *ambularé*, который вслѣдствіе выпаденія атональной гласной и ассимиляціи группы *mb* въ *ll* естественно переходитъ въ форму *aller*, тогда какъ переходъ двухъ носовыхъ *nn* въ двѣ плавныя *ll* не можетъ быть ничѣмъ объясненъ, ни подтвержденъ ни однимъ примѣромъ. Точно также глаголь *aveindre* (№ 24 стр. 46—45) по указаніямъ Литтре и г. Нарбута происходитъ отъ латинскаго *advenire* съ перемѣщеніемъ ударенія на слогъ *ve*; между тѣмъ Дармстеттеромъ доказано, что *aveindre* происходитъ отъ латинскаго *abemere*, а латинскій глаголь *advenire* далъ существующій во французскомъ языкѣ глаголь *avenir*, употребляющійся рѣдко и то только безлично, чаще же встрѣчающійся въ формѣ существительнаго (*l'avenir*—будущность) образованнаго изъ *infinitif* такъ, какъ образованы *le dîner*, *le souper*, *le boire*, *le manger*, *le dormir* и проч. Глаголь *construire* (№ 60 стран. 58) не происходитъ отъ латинскаго *construere*, какъ указываетъ г. Нарбутъ, ссылаясь на Литтре, а отъ старо-французскаго *construcere*, смлгченнаго изъ *construere*, такъ какъ при переходѣ изъ старо-французскаго во французскій буквы *с* и *g* передъ согласной давали *i*, а передъ гласной—*s* (*construi-s-ons*—*constru-c-imus*). Независимо отъ нѣкоторыхъ неточностей въ родѣ указанныхъ, трудъ г. Нарбута заключаетъ очень много хорошихъ указаній и объясненій и можетъ принести большую пользу какъ справочная книга для того, кто пожелалъ бы уяснить себѣ всѣ особенности и отступленія отъ общей нормы въ формахъ французскихъ неправильныхъ глаголовъ. Самъ авторъ не даетъ своей монографіи значенія учебнаго руководства и смотритъ

на нее также какъ на справочную книгу, какъ видно изъ предисловія на стрн. 28.

Нѣмецкая грамматика. Составилъ *G. Gessa*, преподаватель нѣмецкаго языка въ Московской земледѣльческой школѣ. Часть I. Этимологія. Москва. 1894 г. Стр. 11—101. Цѣна 35 коп.

Въ предисловіи къ названной книжкѣ авторъ между прочимъ объясняетъ, что причина, по которой онъ рѣшился прибавить настоящей учебникъ къ цѣлому ряду существующихъ уже нѣмецкихъ грамматикъ—та, что появившіяся въ послѣднее время руководства почти все написаны на нѣмецкомъ языкѣ. „Между тѣмъ, говоритъ авторъ далѣе, грамматика чужаго языка должна быть объясняема учителемъ и изучаема ученикомъ на родномъ ему языкѣ“, такъ какъ въ противномъ случаѣ слишкомъ много усилій нужно ученику, чтобы запомнить грамматическое правило, данное ему на чужомъ языкѣ. „Дѣло ограничивается при этомъ большею частію буквальнымъ неосмысленнымъ заучиваніемъ наизусть. Польза, которая извлекается ученикомъ изъ ученія правилъ по нѣмецки, для усвоенія живаго языка, такъ мала (повторяются обыкновенно однѣ и тѣ же фразы), что не можетъ соответствовать потраченному труду, но съ другой стороны влечетъ за собою значительный ущербъ въ пониманіи правилъ“. Мы вполне раздѣляемъ взглядъ автора и считаемъ немаловажнымъ достоинствомъ сего грамматики именно то обстоятельство, что она написана на русскомъ языкѣ.

Слѣдуетъ указать еще на другое преимущество руководства г. Гесса, которымъ оно весьма выгодно отличается предъ многими другими грамматиками нѣмецкаго языка, появившимися въ послѣднее время. На это преимущество также указано въ предисловіи въ разбираемой книжкѣ, гдѣ авторъ говоритъ: „Объясненіе отдѣльныхъ частей рѣчи и грамматическихъ терминовъ я считалъ ненужнымъ, имѣя въ виду, что обученію грамматики чужаго языка должно предшествовать знакомство съ грамматикой родной рѣчи, и уясненіе грамматическихъ понятій—дѣло русскаго класса“.

Вообще книжка составлена очень умѣло и безъ сомнѣнія принесетъ не мало пользы ученикамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній при изученіи ими этимологіи нѣмецкаго языка. Типографская сторона также вполне удовлетворительна: опечатокъ очень немного; мы замѣтили только слѣдующія: стр. 2, пунктъ 3, число ви. числа; стр. 4—die Schaden ви. die Schäden; стр. 5, пунктъ 7,—

произошла маленькая путаница въ знакахъ преемнанія; стр. 41 егер
vm. eueg.

DEUTSCHE SPRACHLEHRE UND ÜBUNGSTOFFEN IN VIER KONZENTRISCHEN KURSERN.
Für die unteren Klassen der mittleren Lehranstalten. Von E. Hesse,
Lehrerin zu St. Annen. Erstes Heft u. zweites Heft. St.-Petersburg, 1895.
Стр. 31+27. Цѣна не обозначена.

Оба выпуска составлены очень хорошо: какъ содержаніе, такъ и форма изложенія, отличающаяся большою ясностью и точностью, хорошій нѣмецкій языкъ, богатый и, большею частію, весьма удачный выборъ примѣровъ, упражненій и задачъ, все это свидѣтельствуетъ не только о прекрасномъ знаніи нѣмецкаго языка и большой педагогической опытности автора, но также о хорошемъ знакомствѣ его съ методикою своего предмета.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ три отдѣла:

1) „Wortlehre“, въ которомъ объясняются всѣ части рѣчи, какъ имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, числительное, глаголъ и т. д. При этомъ ученикамъ сообщаются и самыя необходимыя свѣдѣнія о склоненіяхъ, спряженіяхъ, степеняхъ сравненія, управленіи предлоговъ, значеніи союзовъ и т. д. Все это изложено коротко, ясно и точно. Каждой статьѣ предшествуютъ хорошо составленные примѣры, наводящіе на излагаемое правило, и затѣмъ дается большое число прекрасныхъ упражненій и легко рѣшаемыхъ задачъ.

2) „Wortbildung“. Этотъ отдѣлъ представляетъ собою ученіе о звукахъ и слогахъ съ присоединеніемъ самыхъ главныхъ правилъ орфографіи. И здѣсь все изложено коротко и ясно.

3) „Satzlehre“. Всѣ лишнія въ низшихъ классахъ средней школы научныя объясненія и опредѣленія опущены, а гдѣ послѣднія оказались необходимыми, тамъ они даны въ формѣ, вполне доступной пониманію учащихся. Образцомъ такого прекраснаго изложенія можетъ служить 22 лекція: Der Satz. Das Subject, въ первомъ выпускѣ, на стр. 28.

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на нѣкоторыя мѣста, — число ихъ очень не велико, — нуждающіяся въ пересмотрѣ. Въ I выпускѣ на стр. 27, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Aufgaben—2, слово angegriffen слѣдуетъ замѣнить другимъ словомъ; на стр. 24, въ статьѣ: „Der blinde Mann“—союзъ aber и глаголъ starb въ фразѣ: aber sein Hündlein trauerte und starb — едва ли умѣстны; на стр. 26

статью: „Mops und Spitz“ слѣдуетъ перефразировать, такъ какъ въ ней встрѣчаются нѣкоторыя неправильности какъ противъ логики, такъ и противъ нѣмецкаго языка. Во II выпускѣ, на стр. 6, въ статьѣ: „Das Recht des Starken“, въ предпоследней строкѣ, передъ глаголомъ *will* пропущенъ другой глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи,— такъ напримѣръ, *haben* или *erhalten*. На стр. 20, въ статьѣ: „Die Tanne und die Eiche“ слишкомъ часто повторяется личное мѣстоименіе *sie*, причемъ не всегда ясно, къ какому слову собственно оно относится: къ *Menschen* или *Tannen und Eichen*.

На стр. 27 того же выпуска (Regel № 2) сказано: *ein Satz, der für sich allein bestehen kann, heisst ein Hauptsatz*. Это невярно: слово *Hauptsatz* слѣдуетъ замѣнить другимъ терминомъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

Въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ состояли къ 1-му января 1895 года: 1 профессоръ богословія, 57 ординарныхъ профессоровъ—въ томъ числѣ 15 сверхштатныхъ, 7 экстраординарныхъ и 9 исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора, 50 привать-доцентовъ и 4 лектора иностранныхъ языковъ,—всего 128 чел.; прозекторовъ, ординаторовъ клиникъ, ассистентовъ, лаборантовъ и т. д. было 61 человекъ; служащихъ по инспекціи, по библиотецѣ, канцеляріи и пр.—36 чел.; всего, слѣдовательно, въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ служащихъ 225 чел. По факультетамъ преподаватели распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ было 23 преподавателя, въ томъ числѣ 11 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 2 уже выслужившіе срокъ, 5 исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора и 7 привать-доцентовъ; на факультетѣ юридическомъ 14 преподавателей, въ томъ числѣ 10 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 3 уже въ штатѣ, 1 исправляющій должность экстраординарнаго профессора и 3 привать-доцента; на факультетѣ физико-математическомъ—31 преподаватель, въ томъ числѣ 17 ординарныхъ профессоровъ—изъ нихъ 4 въ штатѣ и 1 сверхштатный,—1 экстраординарный профессоръ, 2 исправляющихъ должность экстраординарнаго и 11 привать-доцентовъ; наконецъ на факультетѣ медицинскомъ—55 преподавателей: 19 ординарныхъ про-

Фоссоровъ—въ числѣ ихъ 4 внѣ штата и 1 сверхъ штата, — 6 экстраординарныхъ, 1 исправляющій должность экстраординарнаго и 29 привать-доцентовъ. Въ теченіе 1894 года назначены въ число преподавателей университета: ключарь Харьковскаго кафедральнаго собора протоіерей Т. И. Буткевичъ на кафедре богословія; врачъ А. В. Орловъ—экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ хирургической патологіи, астрономъ—наблюдатель Юрьевскаго университета Л. О. Струве экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ астрономіи и геодезіи и ординарный профессоръ Томскаго университета по кафедрѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней Я. А. Анфимовъ тѣмъ же званіемъ и на ту же кафедру; приняты въ число привать-доцентовъ 13 человекъ: по историко-филологическому факультету магистранты: В. Савва по кафедрѣ русской исторіи и А. Вязигинъ—по кафедрѣ всеобщей исторіи; по юридическому факультету—магистранты Н. Гродескуль по кафедрѣ гражданского права и судопроизводства и А. Киселевъ—по кафедрѣ уголовного права и судопроизводства; по физико-математическому: магистръ Д. Турбаба по кафедрѣ химіи и магистранты: Н. Бѣлоусовъ по кафедрѣ зоологіи и Н. Евдокимовъ—по кафедрѣ астрономіи и геодезіи: по факультету медицинскому—доктора медицины И. А. Чуевскій, А. М. Черевковъ, М. А. Трахтенбергъ, К. М. Леплинскій, С. Т. Бертошевичъ и Н. А. Алексенко. Изъ числа преподавателей Харьковскаго университета ординарный профессоръ и деканъ медицинскаго факультета П. И. Ковалевскій назначенъ ректоромъ Варшавскаго университета; вмѣсто него деканомъ медицинскаго факультета назначенъ въ Харьковскомъ университетѣ ординарный профессоръ А. Я. Бруевъ; экстраординарный профессоръ по кафедрѣ астрономіи и геодезіи Г. В. Левицкій и исполняющій должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ физики и физической географіи Н. Д. Пильчиковъ перемѣщены тѣми же званіями и на тѣ же кафедры. первый въ Юрьевскій, второй въ Новороссійскій университетъ. Заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ госпитальной клиники И. К. Зарубинъ вышелъ въ отставку, и привать-доцентъ по кафедрѣ зоологіи Я. Лебединскій прекратилъ чтеніе лекцій. Умерли въ 1894 г.—профессоръ богословія протоіерей В. И. Добротворскій и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ фармакологіи Д. К. Родзаевскій; изъ числа почетныхъ членовъ университета умеръ академикъ Гельмгольцъ; вновь избраны въ почетные члены профессоръ университета св. Владиміра К. М. Теофилактовъ, профессоръ Московской духовной академіи Е. Е.

Голубинскій и профессоръ Іѣнскаго университета Эрнестъ Геккель. Въ теченіе 1894 г. совѣтъ Харьковскаго университета возвелъ въ степень доктора медицины двухъ лѣкарей, въ степень доктора по другимъ факультетамъ—трехъ, изъ нихъ К. Д. Хрущова и А. С. Лебедева, ординарнаго профессора Харьковскаго же университета—безъ представленія диссертаций. Степень магистра получили 3 чело-вѣка по физико-математическому факультету. Стипендіатами для при-готовленія къ профессорскому званію состояли: по кафедрѣ всеобщей исторіи Андрей Вязигинъ; по кафедрѣ астрономіи и геодезіи Іосифъ Сикора; по кафедрѣ международнаго права Владимиръ Істржембскій; по кафедрѣ энциклопедіи правъ и исторіи философіи права Сергій Ризниковъ и по кафедрѣ хирургической университетской клиники Михаилъ Кузнецовъ. Списокъ ученыхъ трудовъ профессоровъ и пре-подавателей Харьковскаго университета обнимаетъ до 150 книгъ, статей, рефератовъ и пр., принадлежащихъ 61 чело-вѣку.

Въ недѣлю въ Харьковскомъ университетѣ читалось 605 лекцій; считая по 7 учебныхъ часовъ въ день получаемъ, что одновременно читалось въ немъ по 14 лекцій; практическія занятія сосчитаны вмѣ-стѣ съ лекціями. На историко-филологическомъ факультетѣ въ 1894 году были изучаемы слѣдующія произведенія классической литера-туры: Гомера „Иліада“, Аристотеля—„Трактатъ о душѣ“, „Первая аналитика“ и „Аѣннская политія“; Платона—„Протагоръ“ и „Федонъ“; Полюбія—1 книга „Исторіи“, Пиндара „Олимпийскія и пивійскія оды“, Софокла — „Электра“, Еврипида „Алкестиды“, Аристофана „Птицы“ и „Лягушки“, Овидія „Фасты“, Горация „Оды“, Цицерона „Orator“, Тацита „Анналы“, Квинтиллиана „О риторикѣ“, Плавта „Trinummus“ и „Miles gloriosus“, Теренція „Adelphoe“, Лукреція „De rerum natura“, и „Monumentum ancyranum“. Кромѣ общихъ, обязательныхъ по программѣ курсовъ, читаны были слѣдующіе спеціальныя, рассчитанныя частью на одинъ семестръ, частью на два: по классической филологіи и древней исторіи: „греческая и латинская метрика“ (исправляющій должность экстраординарнаго профессора Денисовъ), „Римскія богослужебныя древности“ (проф. Нетушилъ); по русской и всеобщей исторіи читаны были спеціаль-ные курсы: „О русскихъ лѣтописяхъ“ и „Русская историческая гео-графія“ (проф. Багалъй), „Исторія царствованія Александра I и Ни-колая I“ (проф. Буцинскій); „Древняя географія“ (приватъ-доцентъ Ланичъ); по исторіи литературы читали: проф. Сумцовъ—„Литера-тура при Александрѣ I“, „Схоластическая литература XVII вѣка“,

„О древнихъ русскихъ пѣсняхъ“; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Халанскій—„О былинахъ“ и „Словообразование“, проф. Шепелевичъ: „Кудруна“ и „Фаустъ“; приватъ-доцентъ Соловьевъ: „Чосеръ“, „Дидактическая поэзія XII вѣка“, „Chanson de Roland“, „Нибелунги“ и „Французская литература XIX вѣка“; по славяновѣднію профессора Безсоновъ и Дриновъ и приватъ-доцентъ Ляпуновъ читали языки польскій, чешскій, сербскій и хорватскій; проф. Безсоновъ читалъ еще „Славянское народописаніе“; проф. Овсяннико-Куликовскій читалъ слѣдующіе курсы: „Введеніе въ сравнительное языковѣдніе“, „Сравнительная грамматика“, „Санскритская грамматика“, Ведійскіе гимны“, „Религія индусовъ въ эпоху ведъ“, „Ригъ-веда“, „Авеста“ и „Философскіе тексты“. Практическія занятія на факультетѣ историко-филологическомъ въ 1894 году происходили подъ руководствомъ двѣнадцати профессоровъ и преподавателей и состояли въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, въ переводахъ и толкованіяхъ произведеній классической литературы, въ упражненіяхъ по греческой діалектологіи, изученіи русской лѣтописи и важнѣйшихъ юридическихъ русскихъ памятниковъ, въ переводѣ и толкованіи сочиненій Декарта и Бэкона, разборѣ балладъ Жуковскаго, изученіи матеріаловъ для исторіи Екатерининской комиссіи 1767 г., въ чтеніи западнославянскихъ текстовъ и въ чтеніи текстовъ Ригъ-веды. На факультетѣ юридическомъ спеціальныхъ необязательныхъ курсовъ читано не было; нѣкоторые профессора должны были соединять чтенія двухъ и даже трехъ предметовъ. Такъ, проф. Загурскій читалъ систему римскаго права (9 часовъ) и гражданское право (7 часовъ), проф. Далевскій—гражданское судопроизводство (3 часа), уголовное право (8 часовъ) и международное право (4 часа), проф. Цѣхановецкій—полицейское право (4 часа) и политическую экономію (6 часовъ), проф. Сокольскій—торговое право (3 часа) и статистику (6 часовъ). На юридическомъ факультетѣ практическія занятія состояли: въ чтеніи и объясненіи „De republica“ Цицерона, важнѣйшихъ мѣстъ изъ *Cogrus juris civilis*, и X т. 1 ч. Свода Законовъ, въ обзорѣ торговыхъ уложеній Германіи, Франціи, Итали и Швейцаріи, въ чтеніи и толкованіи договоровъ съ греками, Русской правды и Уложенія 1649 г., въ чтеніи и комментированіи трактатовъ Вестфальскаго, Вѣнскаго и Борлинскаго, въ чтеніи и комментированіи „Коричней книги“, сочиненій Адама Смита и въ разсмотрѣніи изданій центрального статистическаго комитета. На физико-математическомъ факультетѣ были чи-

таны слѣдующіе спеціальные курсы: привать-доцентомъ Альбицкимъ—„Гидравлическія машины“, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Пильчиковымъ „Метеорологія“, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора А. Н. Красновымъ „Физическая географія“, „Антропологія и этнографія“ и „Географія Сѣверной Америки“; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Зайкевичъ читалъ курсы „Почвовѣдѣніе“, „Скотоводство“ и „Земледѣліе“. Практическія занятія на факультетѣ физикоматематическомъ происходили подъ руководствомъ 16-ти профессоровъ и преподавателей; на факультетѣ медицинскомъ преподаваніе шло постоянно въ связи съ практическими занятіями; подъ руководствомъ проф. А. Н. Краснова 17 студентовъ совершили учебную экскурсію на Кавказъ и въ теченіе двухъ недѣль, частью въ линейкахъ и верхомахъ, частью пѣшкомъ, прошли военно-осетинскую дорогу, произвоя маршрутную съемку и составляя коллекціи геологическія и ботаническія; они собрали болѣе 1.000 видовъ растеній, до 300 образцовъ горныхъ породъ. Подъ руководствомъ привать-доцента Пятницкаго совершена была экскурсія въ Кривой Рогъ, для ознакомленія студентовъ съ практическими методами стратиграфическаго и петрографическаго изученія горныхъ породъ.

Къ 1-му января 1894 года въ Харьковскомъ университетѣ состояло 1203 студента; въ теченіе года выбыло, окончивъ курсъ, 163 чел. и до окончанія курса—84, всего 247; къ началу учебнаго года въ 1894 г. поступило 303 чел., и къ 1-му января 1895 г. состояло 1275 чел. Постороннихъ слушателей состояло къ 1-му января 1895 г. 35 чел. и ученицъ въ повивальномъ институтѣ—29. По факультетамъ студенты распределялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 43 чел. на юридическомъ—330, на физико-математическаго факультетѣ 132 чел., изъ нихъ на разрядѣ математическихъ наукъ 76 чел. и на разрядѣ естественныхъ—56 чел., на медицинскомъ—770 чел. Въ теченіи 1894 г. Харьковскій университетъ выдалъ дипломы: по историко-филологическому факультету 8 чел., по юридическому—55 чел. по физико-математическому—17 (10 по математическому отдѣленію и 7 по естественному), и 91 по медицинскому.

Въ 1894 г. за сочиненія, предложенныя факультетами, удостоены награды: золотыми медалями: студентъ И. Порошинъ за сочиненіе „О надгробныхъ рѣчахъ у грековъ“, студентъ В. Вихерскій за сочиненіе на тему: „Изложить современное состояніе ученія о диффузии жидкостей и сдѣлать попытку къ опредѣленію связи между ве-

личною коэффиціента диффузіи и тепловыми измѣненіями, сопровождающими диффузію“, студентъ А. Скориковъ за сочиненіе „Rotatoria окрестностей Харькова“, студентъ Г. Сочинскій за сочиненіе „Теченіе и заживленіе ранъ по антисептическому и асептическому способу лѣченія“, студенты А. Гальперинъ и П. Кудинъ, оба за сочиненія на тему „Достоинство различныхъ видовъ шва желудка-кишечнаго канала на основаніи опытовъ надъ животными“ и студентъ Б. Кирерманъ за сочиненіе „Микроскопическое изслѣдованіе отдѣлений полости рта у грудныхъ дѣтей“. Серебряныя медали получили: студентъ Б. Ризниковъ, за сочиненіе: „Судъ присяжныхъ въ древнихъ Аѳинахъ, его исторія, значеніе и организація“; студентъ Г. Герцфельдъ за сочиненіе „О сельско-хозяйственныхъ кризисахъ“, студенты М. Кучинскій и Б. Гейлеръ за сочиненія „Достоинство различныхъ видовъ шва желудка-кишечнаго канала“ и студентъ Ч. Цеміонтовскій—за сочиненіе „Микроскопическое изслѣдованіе отдѣлений полости рта у грудныхъ дѣтей“; студентъ Г. Тарановскій удостоенъ почетнаго отзыва за сочиненіе „О сельско-хозяйственныхъ кризисахъ“. Для соисканія наградъ медалями въ 1895 году, объявлены темы: „О языкѣ ипатъевской лѣтописи“; „Общественные взгляды русскихъ людей, насколько они выразились въ преніяхъ депутатовъ во время засѣданій Екатерининской комиссіи и въ депутатскихъ наказахъ“; „Исторія греческой комедіи до Аристофана включительно“; „Очеркъ исторіи англійской повѣствовательной литературы съ XIV до XVI вѣка“; „О квартирномъ налогѣ“; „Объ интегралахъ дифференціальныхъ уравненій равновѣсія гибкой нерастяжимой нити“; „Рогово-обмашковыя и авгитовыя горныя породы Днѣпровской гранито-гнейсовой площади“; „Рѣки и рѣчныя долины ближайшихъ окрестностей Харькова“; „Опредѣленіе превращеній желчнаго пигмента (въ трехъ указанныхъ случаяхъ)“; „Значеніе гипертерміи при различныхъ видахъ голоданія“ и „Измѣненія состава крови при различныхъ острыхъ и хроническихъ заболѣваніяхъ (по существующему клиническому матеріалу)“. Кроме того юридическимъ факультетомъ объявлены слѣдующія темы на преміи: на премію имени Д. И. Каченовскаго „О военной контрабандѣ“; имени Заруднаго: „Исторія смертной казни въ Россіи“ и имени Палюмбецкаго: „Три момента въ развитіи утилитаризма (Взаимное отношеніе ученій Бентама, Милля и Спенсера)“, и физико-математическимъ факультетомъ— на премію имени Павловскаго „Объ алгебраическихъ непрерывныхъ дробяхъ и ихъ главнѣйшихъ приложеніяхъ“.

Въ теченіе 1894 г. пользовались стипендіями 213 студентовъ, получившіе 45.068 руб.; изъ этого числа 53 стипендіи были казенныя, съ обязательствомъ служить опредѣленное число лѣтъ по назначенію отъ правительства, 2 стипендіи имени императора Александра II и императора Александра III, 18 стипендій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Харитоненка; на проценты съ капиталовъ, пожертвованныхъ частными лицами, при Харьковскомъ университетѣ 129 стипендій, на сумму 20.730 р. и 11 стипендій для уроженцевъ войска Донскаго, каждая въ 420 р. Кроме того въ видѣ единовременныхъ или продолжительныхъ пособій правленіе университета выдало въ 1894 г. 11.408 р. Въ теченіе года капиталы университета увеличились на 5107 р., полученіемъ многихъ, въ отдѣльности мелкихъ, пожертвованій отъ разныхъ лицъ изъ 15 городовъ.

Штатной суммы на Харьковскій университетъ ассигновано было въ 1894 г. 394.913 р.; спеціальныя средства университета составили 87.707 р., въ томъ числѣ остатковъ отъ предыдущаго года 31.907 р., сбора за слушаніе лекцій—51.170 и т. д. Изъ суммъ штатныхъ израсходовано 382.713 р., изъ спеціальныхъ—53.656 р., всего слѣдовательно 436.369 р.

Въ библиотекѣ Харьковскаго университета состояло къ 1-му января 1895 г. 59.933 названій въ 110.696 томахъ, періодическихъ изданій 604 названія въ 17.399 томахъ, рукописей 233, картъ, рисунковъ, плановъ и пр. 3028 листовъ, всего на сумму до 404.000 рублей. Кроме того, съ 1879 г. существуетъ при библиотекѣ особый отдѣлъ студенческой, на содержаніе котораго отпускается особая сумма изъ спеціальныхъ средствъ университета; въ немъ состоитъ 5566 сочиненій въ 7753 томахъ, на сумму до 14.700 р. Различныхъ вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій состоитъ при университетѣ 37, преимущественно, конечно, при факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ, а именно: 6 клиникъ (2 терапевтическія и 2 хирургическія—госпитальная и факультетская, акушерская и офтальмологическая), Маньковское электролечебное заведеніе, 4 лабораторіи (химическая, медицинской химіи, фармацевтическая и сравнительной физиологіи), 21 кабинетъ (физическій, практической механики, техническій, зоологическій, зоотомическій, ботанический, геологическій, минералогическій, агрономическій, физической географіи, судебной медицины, гігіены, физиологическій, анатоміи физиологической, анатоміи патологической, общей патологіи, гистологіи, фармакологіи, дерматологіи и кабинеты при каедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней

и при кафедрѣ хирургіи), 2 обсерваторіи—астрономическая и метеорологическая, наконецъ—музей изящныхъ искусствъ и собраніе монетъ и медалей. Стоимость имущества во всѣхъ этихъ лабораторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ и т. д. оцѣнивается приблизительно въ 360.000 р.

Съ 1893 г. возобновлено было при Харьковскомъ университетѣ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, изданіе „Записокъ“; въ 1894 г. издаво было 4 книги „Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета“; въ приложеніи къ нимъ напечатаны 30 листовъ сочиненія проф. Тихомандритскаго: „Теорія эллиптическихъ интеграловъ и эллиптическихъ функций“ и 8 листовъ нумизматическаго каталога проф. Шерцля; все вмѣстѣ составило 144 печатныхъ листа; на изданіе это университетъ ассигновалъ 5600 р., израсходовано 5048 р. Въ обмѣнъ на „Записки“ университетъ получалъ 52 русскихъ и иностранныхъ изданія; „Записки“ высылались безплатно въ 16 учрежденій и 27 экземпляровъ по подпискѣ.

При Харьковскомъ университетѣ въ 1894 г. состояло пять ученыхъ обществъ: 1) историко-филологическое, 2) математическое, 3) физико-химическое, 4) испытателей природы и 5) научной гигиены и медицины. Историко-филологическое состояло изъ 51 члена, имѣло 12 засѣданій, на которыхъ прочтаны были 20 рефератовъ, большею частью напечатанныхъ потомъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ и въ „Кіевской Старинѣ“; оно издало VI и VII томы своего „Сборника“, причѣмъ послѣдній заключаетъ сочиненія Г. С. Сковороды; по случаю столѣтія со дня кончины мѣстнаго философа Г. С. Сковороды общество имѣло засѣданіе, посвященное его памяти. Состоящій при обществѣ архивъ находился въ завѣдываніи проф. Д. И. Багалъя и подъ его руководствомъ архиваріусъ кандидатъ М. М. Плохинскій продолжалъ описаніе архива. Общество математическое имѣло 3 почетныхъ члена, 48 дѣйствительныхъ и 10 членовъ-корреспондентовъ; оно имѣло 6 очередныхъ собраній, на которыхъ сдѣлано было 12 научныхъ сообщеній, и одно публичное, посвященное памяти Н. И. Лобачевскаго; общество выпустило 3 и 4-ую книжки IV тома второй серіи своихъ Сообщеній и печатало сочиненіе проф. М. А. Тихомандритскаго „Основы теоріи Абелевыхъ интеграловъ“. Общество физико-химическихъ наукъ состояло изъ 50-ти дѣйствительныхъ членовъ и одного почетнаго; оно имѣло 8 очередныхъ засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 19 научныхъ сообщеній. Совмѣстно съ Обществомъ научной гигиены и медицины оно чествовало

26-го апрѣля 1894 года столѣтіе памяти Лавуазье торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ. Общество испытателей природы имѣло въ 1894 году 8 почетныхъ членовъ, 45 дѣйствительныхъ и 55 сотрудниковъ. Оно имѣло 7 засѣданій, на которыхъ сдѣлано было 10 научныхъ сообщеній. Оно выдало денежные пособія на ученые экскурсіи семи лицамъ на сумму 1350 руб., издало XXVII т. своихъ „Трудовъ“, приступило къ печатанію XXVIII тома и сочиненія Сомова „Орнитологическая фауна Харьковской губерніи“; общество это обладало наиболѣе крупными средствами изъ всѣхъ обществъ, состоящихъ при Харьковскомъ университетѣ, именно располагало въ годъ суммою въ 4.800 руб. Общество научной гигиены и медицины имѣло 9 почетныхъ членовъ, 93 дѣйствительныхъ, 3 корреспондента и 8 соревнователей; въ немъ было 7 очередныхъ засѣданій и 3 научнопопулярныхъ бесѣды; доложено было 17 научныхъ сообщеній; общество приступило съ 1894 года къ изданію „Журнала медицины и гигиены“.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Августъ 1895 года.

I.

Со времени моего послѣдняго письма главнымъ событіемъ въ нашемъ учебномъ мѣрѣ было открытіе факультетовъ въ Лиллѣ. Городъ Лилль, насчитывающій болѣе 200,000 жителей, образуетъ вмѣстѣ съ городами Рубэ, Туркуэномъ и промышленными пригородами, ихъ окружающими, группу въ 500,000 жителей. Онъ долгое время оставался безъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1560 году испанцы основали въ Дуэ университетъ, никогда впрочемъ не процвѣтавшій и исчезнувшій во времена революціи. Въ 1852 году въ Лиллѣ основаны были физико-математическій и медицинскій факультеты, а въ Дуэ—словесный и юридическій. Когда обрисовалось движеніе въ пользу образованія полныхъ университетовъ, рѣшено было перевести въ Лилль факультеты, существовавшіе въ Дуэ. Этотъ послѣдній городъ, называющій себя Сѣверными Аениами, противился этому всѣми силами; одинъ изъ его профессоровъ дрался даже по этому поводу на дуэли. Однако Лилль восторжествовалъ. Желая показать себя достойнымъ оказанной ему чести, городъ этотъ принесъ большія жертвы. Смета по постройкѣ университетскихъ зданій достигла 3.000,000 франковъ, при чемъ правительство взяло на себя только половину издержекъ, а городъ—другую. Возведены были красивыя и удобныя зданія: физическій институтъ и химическая лабораторія могутъ считаться образцовыми. Особенное стараніе приложено было къ тому, чтобы сдѣлать зданія обширными, такъ какъ въ Лиллѣ существуетъ уже католическій университетъ, построенный по

добровольной подпискѣ и составляющей сильную конкуренцію съ правительственными учрежденіями. На новыхъ зданіяхъ красуется надпись: „Лилльскій университетъ“, хотя закошь объ университетахъ все еще и не потировалъ палатами. Приглашенія разосланы были во всѣ большія учебныя заведенія Европы (кромѣ Германіи). Десять иностранныхъ державъ имѣли своихъ представителей; такъ, отъ Россіи присутствовалъ кievскій профессоръ Лучицкій. Министра народнаго просвѣщенія, по болѣзни, замѣнялъ товарищъ его Лебонъ, профессоръ школы политическихъ наукъ, отличный ораторъ и публицистъ. Празднества были прекрасныя: костюмы профессоровъ и студентовъ, знамена ученыхъ корпорацій, все это восхищало жителей Лилля, которые видѣли мало подобныхъ процессій. Они оказали своимъ гостямъ широкое гостепріимство, повторившееся и въ городѣ Дюнкирхенѣ. Жители сѣвера считаются флегматиками, но студенты Лилля не оправдали этого мнѣнія. Они принимали своихъ иностранныхъ товарищей съ шумною радостью, изумлявшею нѣкоторыхъ прїѣзжихъ. Делегатъ университета св. Владиміра былъ предметомъ восторженныхъ овацій.

Городъ Лилль желалъ сохранить воспоминаніе о своихъ торжествахъ; приглашеннымъ раздавали весьма любопытную брошюру подъ названіемъ: „Лилльскіе факультеты“, содержащую въ себѣ статистическія свѣдѣнія о мѣстныхъ факультетахъ, весьма красивыя фотогравюры и 14 плановъ новыхъ зданій. Средства факультетовъ идутъ не только отъ правительства: городъ Лилль и сосѣдніе департаменты считаютъ для себя за честь поддерживать областное учрежденіе; они жертвуютъ деньги на основаніе особыхъ каедръ, на стипендіи и преміи для присужденія студентамъ. Образовалось общество друзей и бывшихъ студентовъ университета въ Лиллѣ. Оно насчитываетъ уже около тысячи членовъ. Число студентовъ университета доходитъ въ данное время до 343 человекъ на юридическомъ факультетѣ, до 558 на медицинскомъ и фармацевтическомъ, до 129 на физико-математическомъ и до 305 на словесномъ. Библіотека имѣетъ около 100,000 сочиненій. Наконецъ, существуетъ общество студентовъ, состоящее подъ покровительствомъ муниципалитета.

Любопытно, что на празднествѣ всѣ говорили о Лилльскомъ университетѣ; хотя онъ еще не существуетъ, но во всякомъ случаѣ будетъ скоро существовать. Министръ только-что внесъ въ палаты законопроектъ, въ силу котораго всякой группѣ факультетовъ (2, 3 или 4), существующей въ одномъ городѣ, присвоивается названіе

университета. Согласно этому проекту Безансонъ, имѣющій только два факультета, могъ бы имѣть университетъ, какъ и Лиль, имѣющій всѣ четыре. Это рѣшеніе можетъ удовлетворить провинціальную обидчивость, о которой я вамъ не разъ писалъ.

Лиль первый изъ провинціальныхъ городовъ ввелъ у себя преподаваніе русскаго языка въ университетѣ. Я имѣлъ случай принимать участіе въ экзаменахъ этого года и могу дать вамъ о нихъ очень точныя подробности: на лекціи русскаго языка записалось 12 слушателей, но изъ нихъ только 8 явилось на экзамены, 7 было допущено, и въ томъ числѣ двѣ молодыя дѣвушки. При открытіи курса явилось сто учениковъ; но они быстро оставили занятія. Легче кричать: „vive la Russie!“, нежели спрягать глаголъ *жечь*, *жсти*, *жсез*. Мысль о введеніи общаго преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ проводилась у насъ тѣми, кто желалъ жить на счетъ этого преподаванія. Каѳедры раздавались всѣмъ просившимъ ихъ, и конечно, число учащихся грозило быть больше числа учащихся.

Я уже не разъ сообщалъ вамъ о союзѣ для распространенія французскаго языка (или просто объ Alliance française). Это общество, но довольствуясь выдачей денежныхъ пособій французскимъ школамъ за границей, подумало также о томъ, чтобы дать возможность иностранцамъ, пріѣзжающимъ во Францію, усовершенствоваться во французскомъ языкѣ. Оно организовало въ теченіе іюля мѣсяца, когда наплывъ пріѣзжихъ всего значительнѣе, рядъ лекцій для этихъ временныхъ посѣтителей. За 80 франковъ иностранцы пользуются 3 или 4 лекціями въ день. Отличные профессора и актеры Французскаго театра обучаютъ ихъ грамматикѣ, классической литературѣ, современной литературѣ, декламаци, разговорной рѣчи и знакомятъ ихъ съ учрежденіями Франціи. Кромѣ того, пріѣзжіе посѣщаютъ музеи, осматриваютъ памятники и художественныя произведенія Парижа, слушая общій курсъ исторіи искусства во Франціи. Это нововведеніе заслуживаетъ извѣстности во всѣхъ странахъ, гдѣ интересуются французскимъ языкомъ. Лекціи этого года закончились обѣдомъ, въ которомъ принимали участіе ученики и учителя, провозглашавшіе поочередно горячіе тосты.

II.

Я уже сообщалъ вамъ, съ какимъ интересомъ относятся теперь ко временамъ Наполеона I. Интересъ этотъ послужилъ поводомъ къ изданію множества книгъ; одно перечисленіе заглавій ихъ заняло бы цѣлое мое письмо. Упомяну объ одной изъ нихъ, такъ какъ авторъ ея имѣлъ выдающееся значеніе во время революціи, это именно „Мемуары Барраса“ (Mémoires de Barras), изданные Жоржемъ Дюрюи (2 тома въ 8-ку). Баррасъ игралъ видную роль во время революціи; онъ былъ однимъ изъ разрушителей Бастиліи и членомъ конвента, подалъ голосъ за казнь Людовика XVI, боролся противъ англичанъ при обратномъ взятіи Тулона, вступилъ въ сношенія съ Бонапартомъ, военный геній котораго предугадалъ, и ввѣрилъ ему командованіе арміей въ Италиі; Баррасъ былъ однимъ изъ пяти членовъ директоріи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда Бонапартъ сталъ императоромъ, онъ обязалъ Барраса жить въ 40 лье отъ Парижа. Такимъ образомъ кончилась его политическая дѣятельность, и онъ никогда не могъ этого простить своему бывшему подчиненному. Совершенно случайно мемуары его, долго остававшіеся не изданными, попали въ руки Жоржа Дюрюи, талантливаго историка, такого же убѣжденнаго бонапартиста, какъ и его отецъ. Жоржъ Дюрюи ничего не выпустилъ изъ текста мемуаровъ, но приложилъ къ каждому тому подробныя примѣчанія, въ которыхъ провѣряетъ и иногда опровергаетъ сообщенія Барраса. Мемуары Барраса повѣствуютъ о его жизни до революціи и о его поѣздкахъ въ Индію; они даютъ любопытную картину Парижа въ 1784 году, съ минуты вступленія автора на поприще общественной жизни; много любопытнаго сообщаетъ онъ о важнѣйшихъ лицахъ революціи, о Бонапартѣ и его семействѣ, о Жозефинѣ, о г-жѣ Таллиенъ, о г-жѣ Сталь, Талейранѣ, Робеспьерѣ, Карно, о засѣданіяхъ директоріи. Вообще это важный вкладъ въ исторію революціи, и надо быть признательнымъ Дюрюи за его любопытное изданіе.

Россіей продолжаютъ у насъ заниматься. Рядомъ со множествомъ поспѣшно сдѣланныхъ переводовъ, не имѣющихъ никакого литературнаго достоинства, появляются время отъ времени серьезныя книги, и не только въ Парижѣ, но даже въ провинціи. Напримѣръ, я получилъ недавно книгу изъ Ліона: „Нѣчто о Россіи“ Норберта Лалии (Choses de Russie). Авторъ, если я не ошибаюсь, адвокатъ въ Пантѣ.

Былъ ли онъ въ Россіи — не знаю, знаетъ ли онъ русскій языкъ — сомнѣваюсь; приводимыя имъ русскія имена свидѣлствуютъ, что онъ пользовался нѣмецкими сочиненіями. Но какъ бы то ни было, книга его доказываетъ желаніе серьезно познакомиться съ Россіей. Она заключаетъ въ себѣ этюды о нигилизмѣ, о славянскихъ народныхъ сказкахъ, о Россіи по Жозефу де-Местру. При нѣкоторыхъ недостаткахъ, книга эта все-таки поучительна для читателя.

Сочиненіе болѣе основательное и болѣе богатое свѣдѣніями написано Лёгра: „На Руси“ (Au pays russe). Лёгра, бывший питомецъ Нормальной школы, состоитъ, если не ошибаюсь, преподавателемъ въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ. Онъ долго жилъ въ Россіи, изучилъ русскій языкъ, ѣздилъ по городамъ и по деревнямъ, наблюдая умно и сочувственно новый міръ, въ которомъ вращался. Его книга — несомнѣнно одна изъ лучшихъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ, о нашей странѣ; она написана легкимъ и превосходнымъ языкомъ. Не касаясь исторіи и политики, онъ занимался только очерками мѣстностей и наблюденіемъ надъ человекомъ. Лёгра поразила простота и гостепримство русскихъ; не менѣе поразила его характеръ и воспитаніе русской женщины. Желательно, чтобы книга его нашла во Франціи возможно большее число читателей.

Издатель Арманъ Коленъ напечаталъ, года два тому назадъ, „Русскую литературу“ (Littérature russe) Луи Лежера. Ободренный успѣхомъ этой книги, онъ только что выпустилъ въ свѣтъ „Русскую Хрестоматію“ (на русскомъ языкѣ). Здѣсь помѣщена въ подлинномъ текстѣ большая часть отрывковъ, напечатанныхъ составителемъ прежде во французскомъ переводѣ. Книга эта состоитъ болѣе чѣмъ изъ 300 страницъ. Она предназначена преимущественно для французовъ, пробующихъ изучить русскій языкъ безъ учителя и встрѣчающихъ затрудненіе въ этомъ, чтобы имѣть русскіе тексты и переводы ихъ. Хрестоматія эта начинается только XVIII вѣкомъ, съ Фонъ-Визина, и кончается Толстымъ.

Всѣ занимающіеся у насъ византійскою археологіей знаютъ имя Гюстава Шлемберже, члена Академіи надписей и изящной словесности. Онъ писалъ о многихъ вопросахъ статьи, разсѣяныя по спеціальнымъ изданіямъ. Теперь онъ собралъ ихъ въ одну книгу, подъ заглавіемъ: „Melanges d'archéologie byzantine“. Это книга, иллюстрированная множествомъ выѣтокъ и 16 гравюрами, посвящена преимущественно изученію монетъ, медалей, ювелирныхъ издѣлій и

утвари византийскаго происхожденія. Имя автора достаточно рекомендуетъ его любопытный сборникъ, который будетъ имѣть продолженіе.

Я уже писалъ вамъ объ этюдахъ Психари по исторіи новогреческаго языка. Психари недавно сдѣлалъ путешествіе по Греціи для изученія ея говоровъ. Эта поѣздка дала ему поводъ написать нѣсколько литературныхъ этюдовъ, которые онъ собралъ подъ заглавіемъ: „Вокругъ Греціи“ (Autour de la Grèce, 1 т. въ 8-ку). Психари не только лингвистъ, но и литераторъ и поэтъ. Жизнь его весьма сложная; онъ могъ быть русскимъ, такъ какъ родился въ Одессѣ, могъ быть и грекомъ, такъ какъ по происхожденію онъ грекъ; но онъ пожелалъ быть французомъ и женился на дочери Ренана, который имѣлъ на него большое литературное вліяніе. Содержаніе книги его весьма разнообразно; тутъ встрѣчаются очерки народной жизни, картинки природы, опыты литературной критики, разсужденіе о поцѣлѣ по произведеніямъ поэтовъ, замѣтки о греческомъ произношеніи. Это мозаичное содержаніе книги очень привлекательно, и въ ней есть прекрасныя страницы.

Наварръ, профессоръ словеснаго факультета въ Тулузѣ, особенно много занимался въ своихъ лекціяхъ аѳинскимъ театромъ. Его книга, подъ заглавіемъ „Dionysos“, заключаетъ въ себѣ этюды о матеріальномъ устройствѣ аѳинскаго театра. Имѣя цѣлью сдѣлать болѣе доступными свѣдѣнія о немъ, онъ проводитъ въ то же время въ своей книгѣ не одно оригинальное мнѣніе. Онъ пользовался не только древними сочиненіями (Поллукса, Витрувія), но и надписями и памятниками пластики. Каждое его показаніе сопровождается учеными ссылками на источники. Это ученое сочиненіе сходно съ нѣмецкими трудами такого же рода, но отличается большею ясностью; это одно изъ лучшихъ руководствъ по археологіи, когда-либо появлявшихся у насъ.

20-й выпускъ „Словари греческихъ и римскихъ древностей“ издаваемаго Даранберомъ и Сальо, заключаетъ въ себѣ между прочимъ статьи на буквы *F* и *G*, написанныя Лекривеномъ, Моисо, Кюкомъ, Юмберомъ, Саломономъ Рейнахомъ, Бабеломъ, Гильдомъ. Этотъ выпускъ однако не заканчиваетъ еще втораго тома этого замѣчательнаго словаря.

Англійская литература вызвала у насъ нѣсколько значительныхъ сочиненій: Шатобрианъ первый написалъ ей очеркъ, Тэнъ посвятилъ ей большой трудъ, считающійся образцовымъ. Другъ и ученикъ

Тэна, Жюссеранъ, также посвятилъ себя ея изученію. Жюссеранъ былъ дипломатомъ, состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ и долго жилъ среди англійчанъ, на языкѣ которыхъ пишетъ, и издалъ нѣсколько книгъ. Недавно издалъ онъ „Литературную исторію англійскаго народа“ (*Histoire littéraire du peuple anglais*). Онъ ставитъ себѣ задачей объяснить литературныя явленія исторіей соціальною и политическою. Но книга его, при всемъ своемъ сходствѣ съ сочиненіемъ Тэна, не есть его повтореніе. Все изданіе составитъ три тома: первый, пока вышедшій, посвященъ средневѣковому періоду. Онъ отличается строгою эрудиціей и превосходнымъ изложеніемъ. Это наиболѣе ученое сочиненіе, появившееся у насъ, о данномъ періодѣ англійской литературы.

Виконтъ Жоржъ Авенель, о книгѣ котораго: „*Richelieu et la monarchie absolue*“ я вамъ писалъ, занялся въ послѣдніе годы экономической исторіей Франціи: онъ помѣстилъ въ *Revue des Deux Mondes* рядъ статей, заключающихъ въ себѣ результаты его изысканій по этой части. Теперь онъ собралъ ихъ въ отдѣльный томъ и издалъ подъ заглавіемъ: „*Экономическая исторія собственности, рабочей платы и цѣнъ съ 1200 по 1800 годъ*“ (*Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général*). Авторъ приходитъ къ очень любопытнымъ выводамъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что доля собственника въ чистомъ производствѣ земель возросла въ настоящее время, тогда какъ прибыль арендаторовъ уменьшилась. Текущая стоимость земли увеличилась втрое противъ стоимости другихъ предметовъ. Экономическія явленія мало зависятъ отъ управленія государствомъ; народъ можетъ быть богатъ и при дурныхъ правителяхъ и бѣденъ при хорошихъ. Книга Авенеля начинена цифрами и фактами; она вызываетъ на любопытныя размышленія.

Появились три новые тома въ коллекціи „*Les grands écrivains français*“ — біографія Ла-Рошфуко, сочиненіе Бурдо; Лакордера, сочиненіе д'Оссонвиля, и Ройе Коллара — Спюллера. Особенно важно послѣднее. Ораторъ и политическій дѣятель изучаетъ съ явнымъ увлеченіемъ другого политическаго дѣятеля.

Книгопродавецъ Коленъ предпринялъ изданіе серіи антологій: „*Pages choisies des grands écrivains français*“. Я уже писалъ вамъ о томикахъ, посвященныхъ Мишлэ и Жану-Жаку Руссо; теперь вышли въ свѣтъ сборники изъ сочиненій Тьера, Ренана, Бальзака (романиста), Рабле. Каждый томикъ сопровождается введеніемъ и при-

мѣчашіями. Мысль этого изданія очень счастливая. Теперь многіе не находятъ времени читать романы Балзака; между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются превосходныя страницы о нашемъ обществѣ XIX вѣка. Рабле слишкомъ труденъ для не знающихъ языка XVI столѣтія; томикъ, ему посвященный, заключаетъ въ себѣ лучшія мѣста изъ его сочиненій и объясненіе всѣхъ трудностей его изложенія. Въ этой коллекціи появятся въ скоромъ времени отрывки изъ Вомаарше, Теофиля Готье, Гюстава Флобера; появятся въ немъ и современные писатели, пока не считавшіеся еще классиками.

Тюю же фирмой издается новый журналъ подъ названіемъ *Revue pour les jeunes filles*. Онъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ и стоитъ 26 франковъ во Франціи и 32 франка за границей. Въ немъ печатаются произведенія, доступныя для чтенія молодымъ дѣвушкамъ. Литературныя и научнаго содержанія. Сотрудниками первыхъ номеровъ были достойныя уваженія писатели: Гиберъ, Арведъ Баринъ, Филонъ, Вушэ-Леклеркъ, де-Вариньи, Гастонъ Дешанъ. Это предпріятіе по удачному замыслу и хорошему исполненію заслуживаетъ уснѣха.

Э. Текстъ, профессоръ словеснаго факультета въ Лионѣ, представилъ въ Сорбонну докторскую диссертацию о Жанъ-Жакѣ Руссо и о происхожденіи литературнаго космополитизма (*Jean-Jaques Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire*). Авторъ доказываетъ, что Руссо находился подъ вліяніемъ англійской литературы и способствовалъ распространенію ея у насъ; Текстъ съ большимъ умѣньемъ разбираетъ творенія Руссо и дѣлаетъ важный вкладъ въ изученіе этого великаго писателя. Но тема, имъ защищаемая, весьма спорная; англичане и нѣмцы признаютъ Руссо прежде всего французомъ. Во всѣ времена наша литература была космополитическою. Въ XVI и XVII вѣкахъ она вдохновляется Италіей и Испаніей, въ XVIII—англійскими писателями, въ XIX—нѣмецкими, позже русскими и скандинавскими. Этотъ космополитизмъ нисколько не умаляетъ ея достоинствъ, вполнѣ самобытныхъ. Книга Текста не убѣждаетъ, но она талантливо написана.

Академія надписей потеряла одного изъ своихъ наиболѣе ученыхъ членовъ Жозефа Дарамбера. Онъ родился въ Германіи въ 1811 году и былъ еврейскаго происхожденія; занимался онъ преимущественно литературой талмуда. Онъ былъ корректоромъ Національной типографіи и профессоромъ Школы высшихъ знаній. Его не надо смѣшивать съ его сыномъ Гартвигомъ Дарамберомъ, профессоромъ арабскаго языка въ Школѣ восточныхъ языковъ и также отличнымъ

ориенталистомъ. Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ потеряла Жоффруа, бывшего директора Французской школы въ Римѣ и бывшего профессора исторіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ. Въ молодости Жоффруа занимался исключительно исторіей Скандинавскихъ государствъ. Онъ напечаталъ ихъ исторію въ исторической коллекціи Дюрюи и издалъ инструкціи, данныя французскимъ посламъ въ Швецію; написалъ сочиненіе объ отношеніяхъ Густава III къ французскому двору; издалъ переписку Маріи Антуанеты. Подъ конецъ жизни назначенный директоромъ Французской школы въ Римѣ, онъ занялся археологіей. Русскіе ученые, пріѣзжая въ вѣчный городъ, имѣли случай убѣдиться въ его предупредительности. Его любезность равнялась его учености. Академія нравственныхъ наукъ лишилась также Бенжамена Мартâ, бывшего питомца Нормальной школы, профессора латинской литературы въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ. Мартâ написалъ нѣсколько почтенныхъ сочиненій: „Моралисты времени Римской имперіи“ (Les Moralistes sous l'Empire Romain), „О поэмѣ Лукреція“ (Le poème de Lucrece), „Нравственные этюды о древнемъ мірѣ“ (Etudes morales sur l'antiquité). Онъ былъ товарищемъ Жоффруа въ Сорбоннѣ.

Л. Л-ръ.

Н. Х. БУНГЕ.

(некрологъ) ¹⁾.

Смерть, такъ внезапно сразившая 3-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, Николая Христіановича Бунге, была тяжелою, невознаградиomoю утратою для Академіи, для русской науки, для всѣхъ знавшихъ, цѣнившихъ и любившихъ нашего незабвеннаго товарища. Горячее, неподдѣльное сожалѣніе, вызванное ею повсюду, во всѣхъ слояхъ образованнаго общества, ясно свидѣтельствовало о величинѣ этой утраты для нашего отечества. Чувство горечи невольно ищетъ себѣ утѣшенія въ воспоминаніи о томъ, чѣмъ былъ для насъ Бунге и чѣмъ заслужилъ себѣ право на неувядаемую память о себѣ въ наукѣ и въ исторіи нашей государственной жизни.

Бунге олицетворялъ собою счастливое сочетаніе высокаго ума и рѣдкихъ качествъ сердца, наложившее свою особую печать на всю его дѣятельность и какъ ученаго, и какъ практическаго финансиста. Всегда находя, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, высшее наслажденіе въ умственномъ трудѣ, онъ уже на университетской скамьѣ предавался съ любовью наукѣ, и именно той, которая ближайшимъ образомъ направляетъ мысль на вопросы общественнаго благосостоянія. Трудиться для того, чтобы приносить пользу другимъ—было лозунгомъ его жизни. Поэтому не случайнымъ было выборомъ то, что для него, сына медика, главнымъ предметомъ занятій стала политическая экономія, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ, окончивъ въ 1845 г. курсъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ по юридическому факультету, и получивъ въ

---

¹⁾ Составлено академикомъ К. С. Веселовскимъ и читано непремѣннымъ секретаремъ Н. Ѳ. Дубровскимъ въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19-го августа 1895 года.

1847 г. степень магистра за свою диссертацию *Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго*, онъ занялъ въ Нѣжинскомъ лицѣѣ должность профессора законовъ казеннаго управленія (съ 19-го декабря 1847 г. по 31-го октября 1850 г.). Читанному имъ въ лицѣѣ курсу этого предмета онъ счастливо придалъ правильную основу и живое значеніе—введеніемъ, въ теоретическую его часть, началъ политической экономіи, а написанная имъ въ 1849 г. для торжественнаго акта лица рѣчь о *Кредитѣ* явилась замѣчательнымъ изслѣдованіемъ объ этой важной отрасли экономической науки. Эта рѣчь была трудомъ подготовительнымъ къ болѣе обширному сочиненію о *Теоріи Кредита*, которое доставило ему, по переходѣ его (съ 1850 г.) въ университетъ св. Владимира, на кафедру Политической Экономіи, докторскій дипломъ (1852 г.),—и сразу выдвинуло имя автора въ рядъ выдающихся у насъ экономистовъ. Отсюда начинается и тянется черезъ всю жизнь длинный рядъ напечатанныхъ имъ сочиненій—плодовъ работы мысли, постоянно устремленной на самыя важныя стороны нашей экономической жизни. Будучи профессоромъ по призванію и отдавшійся паукѣ всецѣло и нераздѣльно, не отвлекаясь отъ нея даже радостями и обязанностями семейными (онъ оставался всю свою жизнь холостякомъ), Бунге искалъ удовлетворенія своей душевной потребности въ томъ, что и самъ учился и другихъ поучалъ, какими путями можно доходить до вѣрнаго пониманія задачъ—всегда сложныхъ и трудныхъ, выдвигаемыхъ ходомъ экономической жизни народа. „Развить въ себѣ и своихъ слушателей духъ изслѣдованія и критики,—говоритъ онъ въ предисловіи къ изданному незадолго до своей смерти Сборнику своихъ сочиненій,—а равно научиться и научить другихъ собирать и обрабатывать матеріалы для ученыхъ работъ, я всегда считалъ спосю задачею“.

Одаренный замѣчательнымъ критическимъ талантомъ и проникнутый глубокимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ скромности, онъ не могъ быть и не былъ творцемъ какого-либо изъ тѣхъ политико-экономическихъ ученій, которыя выдаются „за послѣднее слово науки“, за несомнѣнную истину, и обѣщаніями всѣхъ благъ человѣчеству увлекаютъ за собою массы послѣдователей, но падаютъ въ прахъ отъ прикосновенія къ нимъ серіозной, безпристрастной критики. Въ теченіе полувѣковой научной дѣятельности Бунге смѣнилось не мало политико-экономическихъ ученій; нѣкоторые изъ нихъ, въ разное время имѣли на него свою долю вліянія, но ни одно изъ нихъ не завладѣло имъ всецѣло, ни одно не заглушило въ немъ духа ана-

лиза, все разлагающаго и предохраняющаго отъ увлеченій. Въ итогѣ получилось глубокое убѣжденіе, которое онъ всегда старался передавать своимъ ученикамъ, что „знаніе пріобрѣтается не вѣрою въ догматы теоріи, выдаваемый за нѣчто несомнѣнное, а тщательнымъ анализомъ явленій и осторожными обобщеніями“. Поэтому изъ всѣхъ смѣнявшихся до нашего времени экономическихъ направленій симпатіями его преимущественно пользовалась современная историко-статистическая школа.

Если по добросовѣстности и скромности ученаго, любящаго науку какъ путь къ разслѣдованію истины, Бунге никогда не поддавался искушенію являться въ роли новатора, искать шума популярности—блескомъ новыхъ теорій и смѣлыхъ гипотезъ, то въ замѣну того, онъ въ длинномъ рядѣ трудовъ, которыми обогатилъ науку, далъ поучительные образцы плодотворнаго изученія экономическихъ явленій,—образцы, которые никогда не утратятъ своего значенія въ исторіи развитія русской экономической мысли. Главные изъ нихъ касаются самыхъ существенныхъ, такъ сказать жизненныхъ вопросовъ нашей финансовой и торговой политики, какъ-то о положеніи нашей денежной системы и средствахъ ея улучшенія, о возстановленіи металлическаго обращенія, съ возстановленіемъ постоянной денежной единицы въ Россіи, объ упроченіи курса бумажныхъ денегъ, банковые законы и банковая политика, кредитъ и крѣпостное право, бумажныя деньги и банковая система Сѣверо-Американскихъ штатовъ, о значеніи промышленныхъ товариществъ и условіяхъ ихъ распространенія, промышленность и ея ограниченія во виѣшней торговлѣ, товарные склады и варранты, о соляномъ акцизѣ и многіе другіе, въ которыхъ стремленіе автора раскрыть органическую связь между теоретическими законами экономическихъ явленій и фактами, служащими для ихъ установленія и повѣрки, приводитъ автора къ выводамъ надежнымъ и для практическаго примѣненія. Такъ въ напечатанномъ имъ 20 лѣтъ тому назадъ изслѣдованіи: *Монополія желѣзно-дорожнаго царства и ея ограниченіе* онъ явился убѣжденнымъ защитникомъ мысли о необходимости выкупа государствомъ желѣзныхъ дорогъ—мысль, которая въ наши дни и приводится въ исполненіе. Не менѣе цѣнными вкладами въ русскую науку были его критическіе этюды о нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ экономистахъ: о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ, объ американскомъ ученомъ Кери, о Карлѣ Маркесѣ и нѣкоторыхъ ученіяхъ социалистовъ.

Не останавливаясь на прочихъ ученыхъ трудахъ Бунге, длинный

списокъ которыхъ свидѣтельствуеть о неистощимой плодотворности нашего товарища, всегда всецѣло жившаго для ученаго труда, прибавимъ, что пріобрѣтенный имъ и всѣми признанный авторитетъ въ сферѣ экономической науки, получилъ для себя высшую, вполнѣ заслуженную санкцію, когда въ 1863 году, изъ всѣхъ русскихъ экономистовъ онъ былъ избранъ, какъ достойнѣйшій, для преподаванія науки о финансахъ въ Бозѣ почивающему наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, а впоследствии (1886—1889) удостоился читать политическую экономію, статистику и финансы нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, бывшему въ то время Наслѣдникомъ Престола. Наконецъ достойнымъ увѣнчаніемъ всѣхъ его трудовъ по изученію экономической жизни нашего отечества было назначеніе его въ 1881 г. на высокій и отвѣтственный постъ министра финансовъ, который онъ занималъ пять съ половиною лѣтъ (до 1886 г.), оставивъ его для занятія должности предсѣдателя комитета министровъ.

Въ нашихъ здѣсь собраніяхъ, посвященныхъ нераздѣльно лишь наукамъ, не мѣсто говорить о государственныхъ заслугахъ Бунге, о дѣятельности его какъ практическаго финансиста, оставившей, при всей своей непродолжительности глубокій слѣдъ во всей нашей податной и экономической политикѣ. Но—какъ всякій человекъ познается по своимъ дѣламъ, такъ и образъ нашего товарища какъ человека былъ бы слишкомъ неполнъ, еслибъ не позволено было, въ немногихъ словахъ, коснуться того, какъ и на проведенныхъ имъ мѣрахъ финансоваго управленія отразились самыя симпатичныя черты его нравственныхъ правилъ и стремленій. Вступивъ на чреду руководителя финансовъ и экономическихъ интересовъ Россіи съ твердыми убѣжденіями, созрѣвшими въ добросовѣстной многолѣтней предѣлѣ работъ ученаго по этой части, Бунге не могъ не сознавать, что кореннымъ недостаткомъ нашего государственнаго хозяйства, останавливавшимъ дальнѣйшее его развитіе соотвѣтственно возрастанію государственныхъ потребностей, была неравномѣрность въ распредѣленіи податной тягости, лежавшей, несоотвѣтственно съ платежными средствами, на наименѣе достаточныхъ классахъ народонаселенія. Изъ близко знакомой ему финансовой исторіи разныхъ странъ онъ очень хорошо зналъ съ какими трудностями всегда и вездѣ приходилось бороться тому, кто брался за улучшенія въ податной системѣ, перазлучныя съ посягательствами на весьма чувствительный карманъ плательщиковъ. И однако же Бунге, тотчасъ по вступленіи въ управ-

леніе нашими финансами, смѣло, не колеблясь наложилъ руку на нашу податную систему съ цѣлью улучшенія ея на началахъ большей справедливости. Реформа его началась рядомъ мѣръ къ облегченію платежей, лежавшихъ на крестьянскомъ населеніи, и къ поднятію его благосостоянія: таковыми были: отиѣна солянаго налога, пониженіе выкупныхъ платежей, учрежденіе крестьянскаго банка, пониженіе окладовъ подушной платы для крестьянъ безземельныхъ, бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ, и наконецъ отиѣна подушной подати, проведенная съ 1885 года. Рядомъ съ этими мѣрами необходимо шли другія, привлекавшія къ участию въ несеніи тягости государственнаго обложенія болѣе состоятельные классы народонаселенія: таковыми были: введеніе дополнительнаго сбора съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и прикащичьихъ билетовъ, повышеніе поземельнаго налога, установленіе 3^о/_о сбора съ акціонерныхъ предприятий, и пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ, и обложеніе 5^о/_о сборомъ дохода съ процентныхъ бумагъ. Нерѣдко тяжело скорбѣя въ виду тѣхъ страстныхъ противодѣйствій, съ какими сталкивались со стороны нѣкоторыхъ влиятельныхъ сферъ его старанія о водвореніи въ нашей податной системѣ большей справедливости, онъ на закатѣ своихъ дней еще имѣлъ утѣшеніе видѣть осуществленными благіе плоды его реформъ какъ для благоустройства нашего финансоваго хозяйства, такъ и для благосостоянія народнаго.

Упомянемъ наконецъ о весьма симпатичной мѣрѣ, характеризующей Бунге какъ администратора: о фабричной инспекціи, учрежденной имъ въ видахъ огражденія фабричныхъ рабочихъ, и въ особенности малолѣтнихъ, отъ гибельныхъ послѣдствій эксплуатаціи слабыхъ сильными.

Въ заключеніе—еще одна черта, для довершенія сходства портрета, это—нелюбостыжательность Николая Христіановича, его полнѣйшее безкорыстіе. Когда въ 1890 г., послѣ смерти Безобразова ему было предложено мѣсто у насъ академика, онъ согласился принять его не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему по этому званію не было назначаемо никакого жалованія. Случай безпримѣрный въ исторіи Академіи.

Неприхотливый въ своихъ матеріальныхъ потребностяхъ, ведя самую скромную жизнь, Бунге тратилъ на себя весьма мало изъ того, что онъ получалъ въ видѣ довольно значительныхъ окладовъ содержанія, а также заработка за свои ученые и литературные труды. Наибольшая же часть этихъ средствъ—это мало кому было извѣстно

при его жизни, и оглашено только теперь, послѣ его смерти, друзьями его ¹⁾—обращалась на пособія и поддержку нуждающимся преимущественно изъ учащейся молодежи—въ видѣ стипендій или регулярныхъ выдачъ, пока стипендіаты не выбьются изъ нужды, а также въ видѣ взносовъ платы за ученіе и другихъ единовременныхъ пособій, при чемъ дѣло это велось такъ, что по заповѣди, правая рука не знала, кому и что дано лѣвою.

Послѣ долгой жизни, отданной наукѣ и служенію родинѣ, умирая спокойно—философомъ—съ сознаниемъ, что возжилъ довольно и исполнилъ по совѣсти свой долгъ предъ человѣки, Бунге оставилъ послѣ себя—не милліоны, а нѣчто большее—свѣтлое имя человѣка высокой честности, благороднѣйшихъ правилъ и стремленій, искавшаго въ жизни одного—справедливости и правды... для всѣхъ.

Горькое чувство, вызываемое въ насъ вѣчною разлукою съ нашимъ незабвеннымъ товарищемъ, смягчается для насъ утѣшительнымъ сознаниемъ, что имя Николая Христіановича Бунге принадлежитъ и Академіи и останется навсегда драгоценнымъ украшеніемъ ея лѣтописей.

---

¹⁾ *Новое Время*, 5-го іюня, № 6919.

КЪ ИСТОРИИ ОТХОЖИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ РИМѢ: LEGES DE OLEQ CATONIS.

Со второй половины республиканскаго періода хозяйственный бытъ Рима представляетъ собою любопытную картину. Безпрерывныя войны какъ въ самой Италиі, такъ и внѣ ея, привлеченіе, по волѣ правительства, на италійскіе рынки массы хлѣба изъ провинцій и продажа его по крайне дешевой цѣнѣ, которою не могли быть оплачены даже издержки производства,—все это въ конецъ разорило всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ Италиі¹⁾. Появленіе массы рабовъ въ Римѣ, по преимуществу, конечно, у богачей, губительно отразилось на развитіи свободнаго труда. Сельское хозяйство богатыхъ стало выполняться теперь рабами. Равнымъ образомъ въ городахъ и селеніяхъ начавшія было тамъ развиваться промышленность и торговля перешли постепенно въ руки рабовъ, обученныхъ этому ихъ господами²⁾. Съ этого времени, говоря другими словами, вся обрабатывающая и добывающая промышленность, земледѣліе, скотоводство, садоводство и проч. работы стали совершаться въ Римѣ почти исключительно руками рабовъ. Примѣры въ родѣ Цинцинната относятся теперь въ область преданій, и богатые римляне находятъ

---

¹⁾ *Mommsen*, *Römische Geschichte* Bd. I, 4-te Aufl. S. 446, 849—853.— Собственники италійскихъ латифундій сумѣли выйти при этомъ изъ хозяйственнаго кризиса, измѣнивъ систему хозяйства и начать преимущественно заниматься плододствомъ и скотоводствомъ вмѣсто ставшаго теперь убыточнымъ земледѣліемъ. Для такого кореннаго измѣненія самой системы сельскаго хозяйства, понятно, нуженъ былъ запасный капиталъ. Его у мелкихъ землевладѣльцевъ не было, и результатъ вышелъ очевиденъ. Малое землевладѣніе въ концѣ республиканскаго періода въ Италиі исчезло окончательно.

²⁾ *Mommsen* loc. cit. S. 450.

болѣе удобнымъ наслаждаться благами жизни, предоставляя трудъ на долю рабовъ. Работать (*laborare*) и получать вознагражденіе за свой трудъ, въ принципѣ, среди римскаго образованнаго общества стало признаваться теперь постыднымъ¹⁾. Съ этой именно точки зрѣнія объясняется то презрѣніе, съ которымъ относятся римскіе юристы къ занятіямъ людей свободныхъ, оплачиваемымъ деньгами. Такъ про *navtae, cauponae, stabularii* говоритъ Ульпіанъ, въ *l. 3 § 1 Dig. 4.9: Miratur igitur, cur honoraria actio sit inducta, quum sint civiles, nisi forte, inquit, ideo ut innotesceret praetor curam agere reprimendae improbitatis hoc genus hominum*²⁾.

При такомъ положеніи вещей трудно было бѣдному свободному человѣку въ Италиі сыскать себѣ заработокъ честнымъ трудомъ: конкуренція рабскаго труда лишала его возможности снискивать себѣ пропитаніе. Между тѣмъ масса свободнаго пролетаріата изъ обѣднѣвшихъ гражданъ и вольноотпущенниковъ все увеличивалась, что стало особенно замѣтнымъ послѣ Пуническихъ войнъ. Въ городахъ чернь эта могла еще кое-какъ перебиваться, хотя бы обивая пороги побилей въ качествѣ кліентовъ и получая хлѣбъ отъ казны безвозмездно или за ничтожное вознагражденіе. Хуже было положеніе свободныхъ бѣдняковъ, жившихъ въ областяхъ и промышлявшихъ или пастьбой скота, или земледѣіемъ на ничтожныхъ клочкахъ земли, даваемыхъ имъ по прекарію. Болѣе счастливы были изъ нихъ тѣ, которые попадали въ надсмотрщики за рабами или въ управители имѣніями богатыхъ; громадное же большинство этого пролетаріата оставалось въ ужасномъ положеніи вѣчнаго полуголоднаго состоянія. Сама нужда натолкнула бѣдняковъ этихъ на снискиваніе себѣ пропитанія путемъ отхожихъ промысловъ, при чемъ они отдавали за деньги свои личныя услуги. Имъ было не до воззрѣній на трудъ, сложившихся къ этому времени у богатыхъ; они рады были, въ своемъ отчаянномъ положеніи, какими угодно средствами добывать себѣ и семьямъ своимъ пропитаніе.

Но землевладѣльцы, относясь къ труду съ неодобреніемъ, какъ къ занятію, позорящему свободнаго человѣка, и пользуясь болѣе дешевымъ трудомъ—рабскимъ, старались, по возможности, обходиться

¹⁾ *Ihering*, Geist des Röm. Rechts II S. 228—230. *Oertmann*, Die Volkswirtschaftslehre des Corpus juris civilis. Berlin 1891. S. 121—126.

²⁾ Или *Cicero* De officiis I, 42: *merces auctoramentum servitutis*. Ср. *Ihering*, Zweck im Recht. 2-te Aufl. I S. 106 ff.

въ своемъ хозяйствѣ безъ помощи этихъ свободныхъ рабочихъ и нанимали ихъ только на „страдное“ время—уборки плодовъ и сѣнокоса, когда не хватало собственныхъ рабочихъ рукъ, или же на такія работы, на которыя боялись отпускать своихъ рабовъ вслѣдствіе крайней трудности данной работы, или вслѣдствіе невозможности установленія при ней строгаго надзора за рабами. Свободные рабочіе могли работать тамъ за деньги, куда жаль было хорошему хозяину отпускать своихъ рабовъ!..¹⁾

Несмотря на все это, многіе бѣдняки создали себѣ постоянное занятіе, нанимаясь ежегодно на работы. Съ этою цѣлью, напримѣръ, ежегодно ходили поселенцы Умбріи большими толпами въ долину Ріети, гдѣ и нанимались на время „страды“²⁾. Другое указаніе на то-же самое встрѣчается, еще въ болѣе ясной формѣ, въ одной сравнительно недавно изданной *Иоганномъ Шмидтомъ* (*Ephemeris epigr. 5 p. 276*) надгробной надписи³⁾, въ которой передается биографія неизвѣстнаго по имени простаго поселянина. Какъ простой рабочій, совершалъ онъ, съ артелью товарищей, ко времени уборки хлѣббовъ далекій путь изъ своей родины въ Константину (Африка) и

¹⁾ *Varro, De re rustica I, 17, 2. Gravia loca utilius esse mercennariis colere quam servis et in salubribus quoque locis opera rustica maiora, ut sunt in condendis fructibus vindemiae aut messis.*

²⁾ *Sueton. Vesp. 2: non negaverim iactatum a quibusdam Petronis patrem e regione Transpadana fuisse mancipem operarum, quae ex Umbria in Sabinos ad culturam agrorum quotannis commeare soleant.*—*Миліе А. Pernice* (въ *Zeitschrift der Savigny-Stiftung, N. F. Bd. III S. 58*) будго бы слова эти относятся исключительно къ промыслу политор'а,—ни на чемъ не основано. Текстъ говоритъ о занятіи полевыми занятіями *вообще* (*agri cultura*), а не о „*politio agri*“.

³⁾ Et cum maturas segetes produxerat annus
Demessor calami tu(n)c ego primus eram.
Falcifera cum turma virum processerat arvis,
Seu Cirtae nomados, seu Iovis arva petens,
Demessor cunctos anteibam primus in arvis
Pos tergo lincuens densa meum gremia.
Bis senas messes rabido sub sole totondi
Ductor ex opere postea factus eram.
Undecim et turmas messorum duximus annis,
Et Numidae campos nostra manus secuit.
Hic labor et vita parvo contenta valere
Et dominus fecere domus et villa paratata,
Et nullis opibus indiget ipsa domus . . . . .
. . . . .

въ неизвѣстныя намъ аѳа Iovis. Старанія и усердіе въ работѣ „gubido sub sole“ не остались для покойнаго безплодны; онъ сдѣлался старостой (ductor) въ артели своихъ односельчанъ и, какъ таковой, 11 разъ еще ходилъ съ ними въ Нундію, наживъ себѣ честнымъ трудомъ состояніе.

Какъ видно изъ этой надгробной надписи, а равно изъ текста Светонія loc. cit. (стр. 3 прим. 2), рабочіе такіе, отправляясь въ страдную пору на заработки, образовывали обыкновенно изъ себя особня общества, артели, во главѣ которыхъ находились староста (ductor, мансеръ).

Относительно правоотношеній, въ какихъ стояли рабочіе въ такихъ артеляхъ между собою и со своимъ старостой до насъ дошли крайне скудныя свѣдѣнія, именно, лишь въ томъ разгѣрѣ, какъ коснулся вопроса этого Катонъ въ знаменитыхъ 144 и 145 главахъ сочиненія своего *De re rustica*:

СХLIV.

Oleam legendam hoc modo locare oportet.

a) Oleam cogito recte omnem arbitrato domini aut quem custodem fecerit, aut cui olea venierit. b) Oleam ne stringito neve verberato intussu domini aut custodis; si adversus ea quis fecerit, quod ipse eo die legerit, pro eo nemo solvet neque debbitur. c) Qui oleam legerint, omnes iuranto ad dominum aut custodem sese oleam non surripuisse neque quemquam suo dolo malo ea oleitate ex fundo L. Manlii; qui eorum non ita iuraverit, quod is legerit, omne pro eo argentum nemo dabit neque debbitur. d) Oleam cogi recte satis dato arbitrato L. Manlii. e) Scalae ita uti datae erunt, ita reddito, nisi quae vetustate fractae erunt; si non erunt, reddet aequas, aut arbitrato deducetur. f) Si quid redemptoris opera domino damni datum erit, resolvito, id viri boni arbitrato deducetur. g) Legulos quot opus erit praebeto et strictores; si non praebuerit, quanti conductum erit, aut locatum erit, deducetur, tanto minus debbitur. h) De fundo ligna et oleam ne deportato, qui oleam legerit, qui deportarit, in singulas deportationes SS N II deducuntur neque id debbitur. i) Omnem oleam puram metietur modio oleario. k) Assiduos homines quinquaginta praebeto, duas partes strictorum praebeto. l) Ne quis concedat quo olea legunda et faciunda carius locetur, extra quam si quem socium in praesentarium dixerit. m) Si quis adversus ea fecerit, si dominus

aut custos volent, iurent omnes socii; si non ita iuraverint, pro ea olea legunda et faciunda nemo dabit neque debebitur ei qui non ita iuraverit. n) Accessiones in mod. ∞ CC accedit oleae falsae mod. V. olei puri p. IX in tota oleitate SS V. aceti quadrantalia V. o) Quod oleae salsae non acceperint, dum oleam legent, in modios singulos SS S.S. dabuntur.

CXLV.

Oleam faciundam hac lego oportet locare. a) Facito recte arbitrato domini aut custodis, qui id negotium curabit. b) Si sextugis vasis opus erit, facito. c) Homines eos dato qui placebunt aut custodi aut qui eam oleam emerit. d) Trapeti facito. e) Si operarii conducti erunt aut faciunda locata erit, pro eo resolvito aut deducetur. f) Oleam no tangito utendi causa neque furandi causa, nisi quod custos dederit aut dominus; si sumpserit, in singulas sumpstones SS N XI, deducetur neque debebitur. g) Factores qui oleum fecerint omnes iuranto aut ad dominum, aut ad custodem sese de fundo L. Manlii neque alium quemquam suo dolo malo oleum neque oleam surripuisse; qui eorum non ita iuraverit, quae eius pars erit, omne deducetur neque debebitur. h) Socium ne quem habeto, nisi quem dominus iusserit aut custos. i) Si quid redemptoris opera domino damni datum erit, viri boni arbitrato deducetur. k) Si viride oleum opus fiet, facito accedere oleum et sal suae usioni, quod satis fiet, vasarium vict. II.

Толкованіе содержанія главъ этихъ, въ смыслѣ юридическомъ, вызвало массу споровъ среди ученыхъ, изъ которыхъ каждый старался найти здѣсь подтвержденіе своихъ личныхъ догадокъ и измышленій, не соглашаясь съ мнѣніями остальныхъ, такъ что точнаго, признаннаго всѣми, объясненія до сихъ поръ не имѣется ¹⁾.

¹⁾ Укажемъ наиболѣе извѣстныя попытки толкованія этихъ главъ:

1) *Bekker*, Ueber die leges locationis bei Cato (въ *Zeitschrift für Rechtsgeschichte* Bd. 3 S. 418 ff.).—Про какого рода договорное отношеніе между redemptor'омъ и рабочими говорятъ leges cit., про societas или личный наемъ, авторъ ничего опредѣленнаго вывести не рѣшается. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, *Bekker* склоненъ видѣть здѣсь societas; при чемъ однако онъ все же признаетъ загадочнымъ смыслъ отношеній между хозяиномъ, redemptor'омъ и рабочими.

2) *Lastig*, Beiträge zur Geschichte des Handelsrechts—(въ *Zeitschr. für das gesammte Handelsrecht* Bd. 24 S. 409 ff.), видитъ въ отношеніяхъ redemptor'a

Разсматривая гл. 144, 145 Катона, прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что эти *leges* не содержатъ въ себѣ строгихъ формулъ для заключенія договора. Это просто рядъ отрывочныхъ совѣтовъ опытнаго стараго помѣщика молодымъ начинающимъ хозяевамъ на случай заключенія ими соглашеній съ рабочими при наймѣ на сельскія работы; при чемъ постановленія эти даны исключительно въ интересахъ хозяевъ¹⁾. О рабочихъ же и ихъ вза-

къ рабочимъ по *leges* Catonis подтвержденіе факта существованія въ Римѣ измѣненнаго имъ односторонняго товарищества по работѣ („*einseitige Arbeitsgesellschaft*“), то-есть такого отношенія (S. 409), въ которомъ одно лицо, участвуя въ создаваемомъ имъ же предпріятіи какъ имущественно, такъ и личными трудами, прилепляется къ дѣятельности по своему предпріятію еще другое лицо въ качествѣ своего помощника или замѣстителя, при чемъ (въ отличіе отъ личнаго найма) предоставляетъ ему, вмѣсто точно опредѣленной платы деньгами, известную долю въ барышахъ по предпріятію. „Односторонность“ товарищества здѣсь видятъ Lastig въ томъ, что *B* (лицо, привлеченное предпринимателемъ) является передъ *A* (предприниматель) обязаннымъ работать въ предпріятіи за известную долю въ барышахъ, между тѣмъ какъ *A* такой обязанности предъ *B* не имѣетъ. (Критику указаннаго мнѣнія Lastig'a см. у Prof. A. Pernice въ „*Zeitschr. der Savigny-Stiftung*“, N. F. Bd. 3. S. 49 ff.)

8) Мой уважаемый учитель Prof. A. Pernice—(„*Parerga*“ въ *Zeitschr. der Savigny-Stift. N. F. Bd. 3 S. 49 ff.* и *Bd. VII S. 97 ff.*—„*Amoenitates juris*“) признаетъ возможнымъ предположить отношенія между *redemptor*'омъ и рабочими въ гл. 144 и 145 Катона аналогичными отношеніямъ, практикующимся нинѣ въ Германіи среди занимающихся тамъ отхожими промыслами черепичниками (*Ziegelarbeiter*) изъ Lippe и сельскими рабочими съ низовьевъ Варты. Лица эти ходятъ на заработки обыкновенно группами, во главѣ каждой изъ которыхъ стоитъ староста (*Meister*). Правоотношенія между старостой и отдѣльными рабочими при этомъ, по взгляду проф. A. Pernice, высказанному имъ въ 1881 году, во „мнѣніи“ (любезно предоставленномъ имъ мнѣ для пользованія), данномъ имъ, по консультаціи, *Landgericht*'у въ Детгольдѣ, по дѣлу башмачника *Waldermuth* (въ Lemgo) отъ имени его несовершеннолѣтняго сына *Dietrich* съ черепичникомъ *Simon Dröge*,—является видомъ простаго *operis conductio*: староста нанимаетъ самъ известныхъ лицъ рабочими въ принятомъ имъ на себя подрядѣ, при чемъ лишь „*Bequemlichkeit wegen*“ назначаетъ имъ плату задѣльно—по количеству выработанныхъ черепицъ и сообразно труду рабочаго.

Если согласиться съ такимъ толкованіемъ Prof. Pernice и видѣть въ *leges* Catonis въ отношеніяхъ *institor*'а къ рабочимъ исключительно *operis conductio*, тогда все же необъяснимымъ окажется содержаніе 144 с., 144 g. („*quantum conductum aut locatum erit*“), 144 l и m (что за „*socii*“, и какой интересъ хозяину препятствовать побѣгу рабочихъ, когда онъ можетъ всѣ убытки свои возмѣстить съ подрядчика? arg. 25 § 7 *Dig. de loc. 19.2*) а равно 145 g и h, и *pluralis* глаголовъ въ 144 o.

¹⁾ Bekker loc. cit. S. 484.

имныхъ отношеніяхъ упоминается здѣсь и приходять съ ними въ сношенія землевлад

Катонъ здѣсь однако не предполагаетъ отдачи работы помѣщикомъ на подрядъ од товариществу свободныхъ рабочихъ (*Lastig* триваетъ возможность комбинаціи всѣхъ са ботки, какіе только примѣнялись въ то вр рядомъ съ общими на всѣ случаи совѣта. *особый* случай болѣе подходящіе практичес зяеваемъ. При болѣе внимательномъ размот 145, можно ясно различить указаніе на с собы обработки оливъ и оливковаго масла, н номъ:

а) Обработка *при помощи рабочихъ*. Като хозяевамъ давать управляющему или ску требное для успѣха работы количество раб

б) Обработка при помощи нанимаемых этого рабочихъ *поденно*, за плату каждому Катонъ, для бѣльшаго обезпеченія интерес послѣднему имѣть строгій надзоръ за испра работы и при самомъ наймѣ рабочихъ треб сяги въ неутайкѣ собранныхъ плодовъ и лицъ воровать ихъ ⁴⁾).

с) Въ третьихъ, Катонъ предполагаетъ с

¹⁾ *Pernice Paterga loc. cit.*

²⁾ Таковы: 144 a, i, n, 145 a, b, d, k.

³⁾ 145 c.: *homines eos dato qui placebunt aut emerit.* Сравн. *Bekker loc. cit. S. 430.*

⁴⁾ 144 b—d: *oleam ne stringito neve verberat todis; si adversus ea quis fecerit, quod ipse eo die leg neque dominus neque custos, cp. 144 a.) solvet neque legerint omnes iuranto ad dominum aut custodem neque quemquam suo dolo malo ea oleitate ex fundo ita iuraverit, quod is legerit, omne pro eo argentum neque custos) dabit neque debebitur.* 145 c. si oper eo resolvitur aut deducetur. Правило 144 c оказываетъ подрядъ одному лицу, излишнимъ, такъ какъ подрядчи чаесть имущественно предъ хозяиномъ за проступки св *Dig. 19, 2*; на случай же совершенія работы товарище логическое постановленіе въ 145 g.

боть *подрядчикомъ* (*redemptor*), которому, за известное вознаграждение, поручается сборъ оливокъ или выработка изъ нихъ масла, и онъ уже отъ себя нанимаетъ рабочихъ. На этотъ случай Катонъ совѣтуетъ брать известное обезпеченіе (поручительство, залогъ) отъ подрядчика въ исправномъ исполненіи принятой имъ на себя работы и вычитать изъ подлежащей уплатѣ за подрядъ суммы денегъ и даннаго обезпеченія всѣ нанесенныя подрядчикомъ или его рабочими убытки хозяина, предоставляя при этомъ самую оцѣнку убытковъ „*arbitratui boni viri*“¹⁾. Для избѣжанія излишнихъ споровъ и пререканій при оцѣнкѣ убытковъ хозяина, могущихъ произойти по винѣ рабочихъ (порча оливокъ, кража масла или хвороста), Катонъ рекомендуетъ заранѣе, при уговорѣ съ подрядчикомъ, *максимовать* сумму вычета за каждый разъ и за известный проступокъ особо²⁾.

Подрядчикъ, съ своей стороны, обязанъ былъ совершать производство заранѣе выговореннымъ количествомъ рабочихъ, никимъ образомъ не меньшимъ. Въ противномъ случаѣ ему грозилъ соотвѣтственный вычетъ изъ выговоренной за подрядъ суммы вознагражденія³⁾.

Въ послѣднемъ текстѣ (144 *g*, см. примѣчаніе 3) встрѣчаемся мы съ страннымъ на первый взглядъ выраженіемъ „*quanti conductum erit, aut locatum erit*“, наводящемъ на мысль, что Катонъ подѣ

¹⁾ 144 *d.*: oleam cogi recte satis dato arbitratu L. Manlii.—*k.* assiduos homines quinquaginta praebeto.—*l.* scalae ita uti datae erunt, ita reddito nisi quae vetustate fractae erunt; si non erunt, reddet aequas aut arbitratu deducetur.—*f.* si quid redemptoris opera domino damni datum erit, resolvito; id viri boni arbitratu deducetur.—145 *i.* si quid redemptoris opera domino damni datum erit, viri boni arbitratu deducetur.—145 *e.* si... facienda locata erit, pro eo resolvitur, aut deducetur. Сравни ошибочное толкованіе 144 *k* у *Bekker* loc. cit. S. 429.

²⁾ 144 *h.* de fundo ligna et oleam ne deportato; qui oleam legerit, qui deportarit, in singulas deportationes SS N. II deducuntur neque id debetur.—145 *f.* oleam ne tangito utendi causa neque furandi causa, nisi quod custos dederit aut dominus; si sumpserit, in singulas sumpciones SS N XL deducuntur neque debetur.—Сумма вознагражденія хозяину за убытокъ поставлена здѣсь, очевидно, лишь *exempli gratia*. Правила эти, по своему расположенію въ текстѣ, относятся къ случаю сдачи *operis* въ подрядъ. Но ничто не препятствуетъ предполагать, что Катонъ, устанавливая такую таксацію убытковъ, имѣлъ въ виду примѣненіе ея и на *свои* случаи и способы сдачи работъ.

³⁾ 144 *k.* duas partes strictorum praebeto.—144 *g.* legulos quot opus erit praebeto et strictores; si non praebuerit, quanti conductum erit aut locatum erit, deducetur, tanto minus debetur.

redemptor operis понималъ, кромѣ подрядчика, еще какое-то иное лицо, съ которымъ заключался договоръ не подряда, а личного найма. Сравнивая это выраженіе съ содержаніемъ 144 l, m, o; 145 g, h, слѣдуетъ вывести, что

d) Катонъ указанъ еще здѣсь случай, когда хозяинъ имѣеть дѣло съ *товариществомъ* рабочихъ. При этомъ хозяинъ, или его замѣститель, уговаривался не со всѣми рабочими, входящими въ такое товарищество, а съ представителемъ послѣдняго, со старостой (*redemptor, dux*), условливаясь съ нимъ о размѣрѣ суммы, слѣдующей *всему* товариществу гуртомъ за работу, а равно о количествѣ рабочихъ, изъ котораго должно состоять это товарищество. При сборѣ оливъ, тѣмъ болѣе при выработкѣ изъ нихъ масла, какъ извѣстно, быстрота работы является необходимымъ условіемъ успѣшности послѣдней, и чѣмъ болѣе рабочихъ, тѣмъ скорѣе идетъ самая работа; равнымъ образомъ и наличие возможно большаго количества рабочихъ за наименьшую плату является наиболѣе желательнымъ явленіемъ для хозяевъ. Катонъ и даетъ свои правила именно съ этой точки зрѣнія, совѣтуя, при заключеніи условія съ старостой товарищества, уговариваться о томъ, чтобы въ товариществѣ участвовало не менѣе заранѣе выговореннаго количества рабочихъ, подъ угрозой недоплаты въ противномъ случаѣ суммы, по развѣтку на недостающихъ рабочихъ изъ всего платежа причитающейся ¹⁾.

Равнымъ образомъ, предполагая случай сдачи работъ хозяиномъ не одному лицу на подрядъ, а цѣлому товариществу, Катонъ даетъ далѣе практическій совѣтъ, какъ поступать хозяевамъ въ крайне вредящемъ ихъ интересамъ случаѣ побѣга рабочихъ съ работы до срока или до окончанія подряда. Дозволяя такой уходъ до окончанія работъ лишь въ томъ случаѣ, когда уходящій оставитъ за себя замѣстителемъ другое лицо, Катонъ считаетъ полезнымъ подкрѣплять договорное соглашеніе съ товариществомъ *присягой* всѣхъ рабочихъ, клятвеннымъ ихъ обѣщаніемъ исправно и добросовѣстно выполнять свои обязанности предъ хозяиномъ, при чемъ совѣтуетъ всякій разъ, какъ при побѣгѣ рабочихъ возникаетъ новое товарищество изъ ихъ сотоварищей, оставшихся на работѣ, возобновлять договоръ съ послѣдними, обязательно связывая ихъ присягой такого же содержанія. Не желающихъ вступать въ договоръ съ хозяиномъ на этихъ условіяхъ Катонъ совѣтуетъ совѣтамъ не принимать на работы и не пла-

¹⁾ 144 g. См. стр. 8. прим. 3.

тить вознагражденія, на ихъ долю изъ общей суммы платежа по размытку, приходящагося ¹⁾).

Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно внимательнаго наблюденія за рабочими Катонъ рекомендуетъ хозяину при отдачѣ работъ на подрядъ товариществу (или наймѣ артели рабочихъ) при самомъ заключеніи договора выговаривать себѣ право налагать свое veto при вріемѣ въ товарищество лицъ, участіе которыхъ въ работѣ почему либо является хозяину нежелательнымъ ²⁾). Таксація въ договорѣ минимальнаго количества плодовъ, масла и жмыха, обязательно подлежащихъ сбору съ извѣстнаго количества деревьевъ, и неустойка за недоборъ являются, по мнѣнію Катона, лучшимъ способомъ достиженія хозяиномъ наиболѣе выгодныхъ результатовъ отъ производства работъ товариществомъ рабочихъ ³⁾).

Такимъ образомъ, изъ главъ 144 и 145 Катона видимъ мы, что свободные люди принимали участіе, въ качествѣ рабочихъ, въ полевыхъ работахъ различнымъ образомъ. Именно, они или нанимались поденно, каждый самостоятельно — явленіе весьма обычное и нынѣ повсемѣстно, — или вступали въ договорныя отношенія по найму не съ хозяиномъ земли (или его замѣстителемъ) непосредственно, а нанимались подрядчикомъ отъ себя, для производства извѣстной ра-

¹⁾ 145 g. *factores, qui oleum fecerint, omnes iuranto aut ad dominum, aut ad custodem, sese de fundo L. Manlii neque alium quemquam suo dolo malo oleum neque oleam surripuisse; qui eorum non ita iuraverit, quae eius pars erit, omne deducetur neque debebitur.*—144 l. *ne quis concedat, quo (scil. loco) olea legunda et faciunda carius locetur, extra quam si quem socium in praesentiarum dixerit.*—144 m. *si quis adversum ea fecerit, si dominus aut custos volent, iurent omnes socii (sese de fundo L. Manlii, neque alium quemquam suo dolo malo, oleum neque oleam surripuisse); si non ita iuraverint, pro ea olea legunda et faciunda nemo (id est neque dominus neque custos) dabit neque debebitur ei qui non iuraverit.* — Относительно 144 l. *Моттаем* (loc. cit. I, S. 862) предполагаетъ, что здѣсь говорится о стачкѣ нѣсколькихъ подрядчиковъ въ цѣляхъ искусственнаго возвышенія цѣны. Критику этого мнѣнія см. у *Bekker'a* loc. cit. S. 432 ff., равно какъ и собственное, крайне произвольное толкованіе послѣднимъ даннаго мѣста— S. 429.

²⁾ 145 h. *socium ne quem habeto* (то-есть, староста артели, съ которымъ, какъ представителемъ артели, заключаетъ хозяинъ свое условіе), nisi quem dominus iusserit, aut custos*.

³⁾ 144 o (сравни. 144 n) *quod oleae salsae non acciperiat, dum oleam legent, in modis singulos S. S. dabuntur.*—Относя правило это къ сдачѣ работъ на подрядъ одному лицу, Катонъ долженъ былъ бы поставить глаголомъ въ единственномъ числѣ.

боты. Юридическая конструкция обѣихъ этихъ правоотношеній не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Въ первомъ случаѣ является между хозяиномъ земли и каждымъ рабочимъ, въ отдѣльности, договоръ личнаго найма, въ которомъ заработная плата обусловлена съ каждымъ особо и притомъ подневно. Равнымъ образомъ и за ущербъ, нанесенный хозяину рабочимъ, взыскивалось при этомъ съ виновнаго непосредственно—изъ его заработной платы. Во второмъ случаѣ хозяиномъ земли заключался съ подрядчикомъ (*redemptor*) договоръ подряда (*loc. cond. operis*). Подрядчикъ принималъ на себя исполненіе подряда за извѣстное вознагражденіе, при чемъ послѣднее выговаривалось обыкновенно сообразно съ обѣщаннымъ имъ количествомъ рабочихъ рукъ; въ случаѣ, когда у подрядчика не оказывалось въ дѣйствительности при работѣ выговореннаго числа рабочихъ, хозяинъ былъ въ правѣ удержать, при уплатѣ ему за работу, извѣстную сумму. Въ видахъ обезпеченія имущественной отвѣтственности за проступки его рабочихъ, а равно и за цѣлость и исправность взятыхъ у хозяина орудій производства, отъ подрядчика отбиралась хозяиномъ, при заключеніи договора, извѣстнаго рода *satisfactio* (поручительство, залогъ), на случай, если бы убытки хозяина при этомъ превысили сумму, подлежащую уплатѣ за исполненную по подряду работу. Рабочіе съ хозяиномъ земли не стояли ни въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ; ихъ нанималъ подрядчикъ отъ себя и отвѣчалъ за проступки ихъ предъ хозяиномъ.

Болѣе запутанной и спорной является конструкция предусмотрѣннаго Катонамъ случая, когда подрядъ сдавался хозяиномъ (или его замѣстителемъ) не одному лицу — подрядчику, а цѣлому товариществу, или когда хозяинъ нанималъ себѣ на работы цѣлую артель сразу. Насколько видно изъ 144 *g*, 145 *h* Катона (сравни. стр. 10 прим. 2) самое соглашеніе въ данномъ случаѣ совершалось хозяиномъ не со всѣми рабочими, а съ ихъ старостой, какъ представителемъ товарищества (*socii* присягою подтверждали исправное выполненіе своихъ обязанностей уже *послѣ* заключенія договора ихъ старостой съ хозяиномъ). При этомъ сумма, подлежащая уплатѣ за *opus*, выговаривалась оптомъ (на все товарищество), и лишь заранѣе опредѣлялась, пропорціонально количеству товарищей, слѣдующая каждому доля за всю работу ¹⁾.

¹⁾ Arg. L 29 *pr. Dig. 17, 2*.

Какъ мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся у Катона съ указаніемъ на случай *societas*, которую можно назвать *товариществомъ труда* ¹⁾, когда нѣсколько лицъ соединяютъ свои личные силы для выполнения извѣстнаго предпріятія съ цѣлью извлеченія изъ этого общей прибыли (*артель*) ²⁾. Въ виду особенностей самой цѣли, для которой такое товарищество создается, имущество не является при этомъ необходимымъ условіемъ его существованія. Главнымъ здѣсь является лицо, какъ единица *труда*, который одинъ лишь здѣсь существенно необходимъ и оцѣнивается хозяиномъ земли, дающимъ подрядъ артели, или нанимающимъ послѣднюю.

Во главѣ такой артели стоялъ *dux, redemptor*—староста. Насколько видно изъ содержанія цитованной выше надгробной надписи неизвѣстнаго рабочаго („*bis senas messes rabido sub sole totondi, ductor ex opere postea factus eram. Undecim et turmas messorum duximus annis, et Numidiaе campos nostra manus secuit*“), избирался такой староста рабочими изъ своей же среды. Назначался имъ, по преимуществу, тотъ, кто своей многолѣтней опытностью и знаніемъ дѣла, а равно знакомствомъ съ хозяевами и знаніемъ мѣстъ, гдѣ на рабочихъ болѣе спросъ, могъ больше другихъ оказывать услугъ всей артели, находя работу скоро и на выгодныхъ условіяхъ. Староста такой обыкновенно принималъ въ самой работѣ непосредственное участіе вмѣстѣ съ остальными сотоварищами, отличался (можетъ быть) отъ нихъ лишь болѣею долей вознагражденія за свои труды изъ общей суммы заработка всего товарищества ³⁾. Какія были отношенія между *ductor*омъ и его сотоварищами, сказать объ этомъ что-либо положительное крайне трудно за полнымъ молчаніемъ источниковъ. Можно лишь предположить, что староста такой распоряжался работами, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ сотоварищи добросовѣстно исполняли свои обязанности. Черезъ него велись всѣ внѣшнія сношенія товарищества; онъ договаривался съ хозяевами о работѣ, ему же выплачивалось вознагражденіе за работы товарищества.

Возникали подобныя артели различно. Какъ видно изъ текста указанной выше надгробной надписи и мѣста Светонія, *societates* такія нерѣдко возникали предварительно еще до отправленія рабочихъ (вѣрнѣе сказать, съ момента отправленія) въ отхожія промысла

¹⁾ Ср. *Unger*, Syst. d. allgem. oesterreich. Privatrechts, I. S. 382.

²⁾ Ср. *Пахманъ*, Обычное гражданское право, стр. 250—257.

³⁾ Ср. *A. Pernice*, „*Parerga*“ S. 50.

на заработки. Какого рода были взаимны
варищцами такихъ артелей, намъ неизвѣс-
но сожалѣнію, въ источникахъ не осталось
во всякомъ случаѣ характеромъ своимъ
сколько не отличались отъ случаевъ обыч-
ныхъ въ томъ отношеніи, что каждый разъ с
особому о томъ уговору рабочихъ, или же
выходъ одного изъ товарищей (а равно пр
боты, для выполненія которой создавалось
собою и прекращеніе послѣдняго¹⁾), что, по
нимъ устанавливать *на старыхъ условіяхъ*
даже уговариваться при этомъ объ *обязате-*
вариществѣ до окончанія работы²⁾.

---

¹⁾ Arg. L. 4 § 1, L. 63 § 10, Dig. 17.2; L. 5 Cod.

²⁾ Arg. § 8. Inst. 3. 25; L. 58, § 3 Dig. 17. 2;
Inst. 3. 25.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

C. I. L. VIII, 251 = 11405, add. p. 326.

Genitor Iunonem dedicat
Alteque Pompeiae locat
Levamen hoc doloribus,
Lacrimisque pausam credidit,
5. At nunc videndo iugiter
Et fletum et gemitus integrat¹⁾.

Эта надпись, кромѣ своихъ поэтическихъ достоинствъ, представляетъ большой интересъ и въ другомъ отношеніи: здѣсь упоминается статуя покойной Помпей Галлы „во образѣ богини Юноны“. Правда, такихъ надписей, гдѣ бы говорилось о портретныхъ статуяхъ, очень немного (намъ извѣстны только три: C. I. L. VIII n. 251, VI, 3 n. 15593 и X n. 7576), но онѣ какъ нельзя лучше уясняютъ это. Самая цѣнная—это надпись, помѣщенная въ VI томѣ Корпуса. Впервые разобралъ ее W. Uhden въ „Museum der Alterthums-Wissenschaft“, Berlin 1807, I, стр. 536 въ своей статьѣ „Das Grab der Claudia Semne“. Вотъ что читаемъ мы:

Claudiae Semne uxori et
M. Ulpto Crotonensi fil(io) ·

---

¹⁾ Имя покойной (Pompeia Galla) видно изъ акростиха, какъ и во многихъ другихъ африканскихъ надписяхъ; см. CIL. VIII 152, 4681, 7156, 7604, 8567, 9159. 9170, 12792b, 16463.

Crotonensis Aug(usti) lib(ertus) fecit.
 Huc monumento cedet
 hortus, in quo tricliae,
 viniola, puteum, aediculae,
 in quibus simulacra Claudiae
 Semnes in formam deorum ita uti
 cum maceria a me circum structa est
 h. m. h. n. s.¹⁾.

Удень въ помянутой нами статьѣ сообщаетъ на стр. 545, что въ данномъ случаѣ представляли собою эти „simulacra in formam deorum“. Это, говоритъ онъ, — „Statue der Göttin-Spes mit dem Porträtkopf der Claudia, völlig ähnlich dem vorhin beschriebenen lebensgrossen Porträt der Verstorbenen. Sie steht, wie gewöhnlich, mit der linken Hand eine Falte ihres Obergewandes auffassend; der rechte Unterarm mit dem charakteristischen Attribut, der Blume, ist weggebrochen; sie ist bekleidet mit der Tunica und dem Peplum, und in dem alten Stil, wie fast alle Bilder dieser Göttin in Statuen, Reliefs, Münzen und auf Gemmen gearbeitet“. Авторъ статьи даетъ еще нѣсколько примѣровъ такого „simulacrum“. Упоминаетъ онъ (стр. 540) о группѣ мужа съ женой на рукахъ, какъ изображаются Ахиллесъ и Пенеесилея среди воюющихъ амазонокъ съ греками; о нѣкоей римлянкѣ „Orcivia“ (бисъ въ Капитолійскомъ музеѣ), изображенной въ видѣ Венеры, сидящей въ раковинѣ и окруженной дельфинами; приводитъ въ примѣръ и изображение Нерона въ видѣ „Apollo Citharoedus“ на римской монетѣ и т. д.

Послѣ всего сказаннаго намъ станетъ понятна и третья надпись CIL. X n. 7576, при толкованіи которой ученые расходятся:

[I]unonis sedes infernae cerni[te cu]ncti:
 Numine mutato fulget Pompilla per aevom.

Въ комментарий къ этой надписи Моммзенъ говоритъ: „In carmine n. 7576 si quid video errant tam qui de apotheosi nescio qua Pompillae id accipiunt quam qui pro numine nomen substituunt; immo hoc maritus dicit Iunonem quae fuit Pompillae vivae, id est genium, tam morte eius conversam esse in Iunonem infernam, vel ut brevius dicam Iunoni successisse deos Manes“. Съ этимъ мы не можемъ согласиться,

¹⁾ H(oc) m(onumentum) h(eredem) n(on) s(equetur).

если сопоставимъ всѣ три приведенныя нами надписи. Нерѣдко встрѣчаемъ мы, что покойникъ посвящается тому или другому божеству. Въ СІЛ. VIII п. 1140 читаемъ:

Iunoni Creperetae P. f. Plarillae (?) sacrum.

Тамъ-же п. 3695:

Genio L. Spellati Saturnini mitlssimi amantissimiq(ue) coniu[gis] et Iunoni suae Horatia Q. fil....ria faciendum cura(vit).

Тамъ-же п. 10006: *Iunoni Sallustiae M. fil. Lupercae sacerdot(is) Cer(eris).*

Наши надписи С. VIII п. 251 и X п. 7576 свидѣтельствуютъ, что Помпея Галла (въ первой) и Помпидла (во второй эпитафiи) были посвящены Юнонѣ. Юнона, какъ геиій покровительница всѣхъ женщинъ при жизни, не оставляетъ ихъ и послѣ смерти: она и тогда какъ бы охраняетъ ихъ, когда умершая отправляется въ подземное царство. Такъ мы понимаемъ значеніе словъ „*Iuno inferna*“ и „*pumpe mutato*“ въ надписи С. X, п. 7576; говорить объ апопсозѣ умершей Помпидлы, лица совершенно неизвѣстнаго, было бы слишкомъ смѣло; переимѣнять же *pumpe* на *pumpe* во первыхъ мы не имѣемъ права, такъ какъ чтеніе *pumpe* совершенно ясно на камнѣ, а во вторыхъ *pumpe* едва-ли дастъ удовлетворительный смыслъ.

На основаніи надписи С. VI 3 п. 15593 мы можемъ заключить, что и въ п. 251 говорится о статуѣ Галлы „*in forma deorum*“, при чемъ голова—портретъ умершей, вся же остальная фигура, атрибуты и костюмъ того божества, которому посвящаютъ; въ данномъ случаѣ—Юноны. Статуя помѣщается на высокомъ пьедесталѣ: „*alteque Rompetae locat levamen hoc*“. Изъ надписи С. VI 3 п. 15593 видимъ, что для „*simulacra*“ устранивались особыя „*aediculae*“—нѣчто похожее на наши часовенки надъ могилой; въ этомъ же смыслѣ надо понимать и „*Iunonis sedes*“, о которомъ говорится въ надписи С. X. п. 7576. Можетъ быть, и *simulacrum* Помпеи Галлы (п. 251) находился въ такомъ же храмикѣ (*aedicula*): необходимо было отстранить это священное мѣсто отъ возможности оскверненія его¹⁾, да и самая важность посвященія божеству заставляла, конечно, придать этому мѣсту больше пышности и благолѣпія.—

¹⁾ Съ этою цѣлью памятникъ часто ограждается заборомъ (*maceria, maceries*)

С. I. L. VIII n. 12866.

Бюхелеръ въ своемъ новѣйшемъ сборникѣ метрическихъ надписей (Anthologia latina, 1895) по п. 126 b такъ возстановляетъ эту надпись:

Te qui precor, viat[or, hunc titulum legas].

Но, всматриваясь въ остатки буквъ въ нижней части фрагмента, можно видѣть еще верхнюю часть буквы М и довольно ясные слѣды слова PEDEM. Принявъ это во вниманіе, мы возстановляемъ стихъ въ такомъ видѣ:

Te qui precor, viat[or, siste tuum pedem].

Имя умершаго, по правдоподобному предположенію Бюхелера, было [Cla]udius; cognomen же можетъ быть TITI[anus]; см. надписи С. VIII nn. 969, 2451, 2570, 5228, 7045.

С. Лавровъ.

ЛЕГЕНДА О РИМСКИХ ЦАРЯХЪ.

Ея происхождение и развитіе ¹⁾.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ свѣдѣнія объ исторіи Сервія Туллія главною точкою отправленія имѣли производство имени *Servius* отъ *servus* или *serva*. Не трудно будетъ убѣдиться, что въ традиціонномъ разказѣ объ этомъ царѣ есть еще одна группа извѣстій, тѣсно связанныхъ съ другою этимологіею того-же царскаго имени. Слово *servius* допускало производство отъ глагола *servare* охранять, съ суффиксомъ *ius*, который служилъ знакомъ дѣйствующаго лица (см. *genius Iulius Iulianus*), и дѣйствительно, мы видимъ, что исторія царя Сервія характеризуется двумя дѣяніями, одинаково важными для охраны Рима. Ему приписывались, съ одной стороны, укрѣпленіе города, съ другой—организация гражданскаго ополченія съ раздѣленіемъ ратниковъ на центурии. Объ охранѣ города такимъ образомъ, по преданію, болѣе всѣхъ царей позаботился царь, имя котораго обозначало „охранитель“, *servius=servator*. Это совпаденіе можно объяснить или игрою случая, или же лженсторическимъ домысломъ. Мы пока воздерживаемся отъ рѣшительнаго отвѣта, считая необходимымъ предварительно разобратъ въ подробностяхъ преданія. Отъ этого разбора главнымъ образомъ зависитъ вѣрное рѣшеніе занимающаго насъ вопроса.

Крѣпостныя укрѣпленія, служившія защитою городу Риму съ древнихъ временъ до императора Авреліана, были построены по той-же системѣ фортификаціи, какъ и укрѣпленія большинства древнихъ городовъ Италіи. Была усовершенствована естественная защита, заключающаяся обыкновенно въ положеніи города на возвышенности. Крутые склоны городскихъ холмовъ доводились до полной отвѣс-

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

пости и обводились на половинѣ и $\frac{2}{3}$ высоты низкими парапетами. Мѣстами ломкость туфовыхъ скалъ приводила къ постройкѣмъ подпорныхъ стѣнъ. Въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ собственно нуждались только тѣ мѣста, гдѣ холмы постепенно понижаются и сливаются съ равниною. Такимъ слабымъ мѣстомъ Рима была сѣверо-восточная сторона города, за квиринальскимъ, виминальскимъ и эсквилинскимъ холмами. Эту открытую часть города пришлось защитить громадною насыпью, простиравшеюся отъ коллинскихъ воротъ до эсквилинскихъ на протяженіе болѣе версты. Въ вышину насыпь имѣла около $7\frac{1}{2}$ сажени и была облицована каменною стѣною, имѣвшею въ ширину почти двѣ сажени и состоявшею изъ правильныхъ квадратныхъ кусковъ туфа. Предъ стѣною былъ глубокой и очень широкой ровъ. Это громадное сооруженіе точно описано Діонисіемъ (9,68), а кромѣ того о немъ свидѣлствуютъ значительные остатки, найденные при раскопкахъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Открылись также многочисленные слѣды крѣпостной стѣны, охватывавшей все семь холмовъ лѣваго берега Тибра ¹⁾).

Кѣмъ и въ какое время построены эти грандіозныя укрѣпленія, объ этомъ даются римскими историками довольно скудные свѣдѣнія, не совсѣмъ согласныя между собою. Въ одномъ все согласны, что все укрѣпленіе было построено въ концѣ царскаго періода. Въ общемъ это дѣло раздѣлялось между тремя царями, Сервіемъ Тулліемъ и двумя Тарквиніями, относительно размѣровъ участія cadaго изъ трехъ расходятся мнѣнія историковъ. По словамъ Ливія ²⁾, Тарквиній Старшій ограничился приготовленіями къ обнесенію города каменною стѣною; выполнение плана было задержано сабинскою войною; Сервій Туллій обнесъ городъ валомъ, ровомъ и стѣною. Въ чемъ по мнѣнію Діонисія состояла заслуга Тарквинія Старшаго въ дѣлѣ возведенія крѣпостныхъ стѣнъ, остается подѣ сомнѣніемъ въ виду неопредѣленности писанія текста ³⁾. Находя, что крѣпостныя стѣны до тѣхъ

¹⁾ См. Иордана *Topographie* 1, 1, 201; Гильберта *Topographie* 2, 279; О. Рихтера *Topographie von Rom*, въ *Handbuch* Ив. Мюллера 3,766; Кулаковскаго Къ вопросу о началѣ Рима стр. 133 сл.

²⁾ Лив. 1, 36,1 *muro quoque lapideo circumdare urbem parabat, cum Sabinum bellum coeptis intervenit*; 1, 38, 6 *muro lapideo, cuius exordium operis Sabino bello turbatum erat, urbem, qua nondum munitur, cingere parat*; 1, 44, 3 *aggere et fossis et muro circumdat urbem*.

³⁾ Діонисій 3, 67 *τὰ τεῖχη τῆς πόλεως αὐτοσχέδια καὶ φαῖλα ταῖς ἐργασίαις ὄντα πρότερον ἰδομένητο* (чтеніе Урбинской рукописи, факсимильно исправлено Вихелера, въ остальныхъ рукописяхъ читается *ἰδοκίμασε*) *λίθοις ἀμυγδαλίαις σιραγαμίνοις πρὸς κανόνα*.

порт строился на скорую руку, а потому и дурно, Тарквиний Старший, по одному варианту текста, послѣ неспытания призналъ за лучшее (ἰδοίρας) для постройки стѣны употребить правильные большіе квадраты. По другой редакціи (φθοροῦτος) онъ первый началъ строить стѣну изъ квадратовъ. Сервію же Туллію Діонисій, согласно съ Ливіемъ, приписываетъ собственное сооруженіе, обнесеніе крѣпостною стѣною всѣхъ семи холмовъ Рима ¹⁾. Самый отчетливый образъ-раздѣленіе происходитъ у Аврелія Виктора. На долю Тарквинія у него приходится обнесеніе города каменною стѣною (De vir. ill. 6,8 murgum lapideum urbi circumdedit), а на долю Сервія сооруженіе вала и рва эсквилинскихъ (ib. 7,6 aggerem fossasque fecit). Къ тому же раздѣленію сводится и разказъ Страбона (5, 3, 6 стр. 234), если предположить, что онъ смѣшалъ Анка съ Тарквиніемъ. Анка, говоритъ онъ, не успѣлъ довести стѣну вокругъ города до Квиринала. Оставленный имъ пробѣлъ былъ обнаруженъ Сервіемъ ²⁾. Затѣмъ у Страбона описывается сооруженіе вала и рва. Очевидно, въ сооруженіи вала, по извѣстіямъ Страбона, именно и состояло дѣло Сервія, которымъ онъ исполнилъ начатое его предшественникомъ укрѣпленіе города. Мысль, что валомъ между Эсквилиномъ и Квириналомъ окончилось все дѣло укрѣпленія, мы находимъ также у Цицерона, упоминающаго впрочемъ объ именахъ Тарквинія и Сервія ³⁾.

Изъ перечисленныхъ нами показаній древнихъ авторовъ вытекаетъ, что всѣ безъ исключенія Сервію Туллію приписывали громадный валъ (agger), которымъ охранялась открытая часть города между эсквилинскимъ и квиринальскимъ холмами. Эти холмы вѣстѣ съ Виминаломъ поэтому и считались присоединенными къ городу Сервіемъ Тулліемъ ⁴⁾. Насыпь Сервія Туллія своимъ характеромъ значительно отличалась отъ остальной каменной городской стѣны. Поэтому, а можетъ быть еще потому, что размѣры всего дѣла казались слишкомъ

¹⁾ Діонисій 4, 14 τοὺς ἐκτὰ λόφους ἐνὶ τείχει περιέλαβεν.

²⁾ οὗτε βλον ἐκκληρώσαι τὸν κύκλον ἴσχυσε τὸν μέχρι τοῦ Κουρίου. ἤλεγξε δὲ Σέρουιος τὴν ἔκλειψιν. ἀνεπλήρωσε γὰρ προσθεὶς τὸν τε Ἴσχυλίον λόφον καὶ τὸν Οὐμίναλιν.

³⁾ Цицеронъ De re publ. 2, 6 cuius (urbis) is est tractus ductusque cum Romuli tum etiam reliquorum regum sapientia finitus ex omni parte arduis praeruptisque montibus, ut unus aditus qui esset inter Esquilinum Quirinalemque montem maximo aggere obiecto fossa cingeretur vastissima.

⁴⁾ Лив. 1, 44, 8 addit duos colles, Quirinalem Viminalemque, inde deinceps auget Esquilias. Діонисій 4, 13 τῇ τε πόλει προσέθηκε δύο λόφους, τὸν τε Οὐμίναλιν καλούμενον καὶ τὸν Ἴσχυλίον. Страб. 5 стр 234 προσθεὶς τὸν τε Ἴσχυλίον λόφον καὶ τὸν Οὐμίναλιν.

великими, чтобы оно могло быть окончено въ одно царствованіе, рѣшили, что каменная стѣна на высотѣ холмовъ была возведена другимъ царемъ. Agger Servia, казалось, служилъ пополненіемъ промежутка, оставленнаго въ обводной стѣнѣ, такъ что постройка послѣдней должна была предшествовать возведенію насыпи. Слѣдовательно она принадлежала предшественнику Сервія, Тарквинію Старшему. Эта форма преданія, которую, вѣроятно, слѣдуетъ признать древнѣйшей, была исправлена, неизвѣстнымъ авторомъ, которымъ пользовались Ливій и Діонисій. Роль Тарквинія была ограничена приготовленіемъ матеріала на постройку каменной стѣны, а самая постройка была возложена на Сервія Туллія. Изъ замѣчанія Діонисія объ особенно тщательномъ приготовленіи строительныхъ камней Тарквиніемъ позволительно заключить, что, по соображенію автора видоизмѣненнаго разказа, на обтесываніе такой массы камней требовалось значительное время. Поэтому онъ полагалъ одно царствованіе на приготовленіе камней, а другое на кладку.

По вопросу о времени возведенія Сервіевой стѣны сказала свое слово современная археологія. Особенно важны въ этомъ отношеніи заключенія О. Рихтера, какъ извѣстно, одного изъ лучшихъ знатоковъ и остроумнѣйшихъ изслѣдователей древне-римской топографіи. Наблюденія его надъ остатками каменной стѣны привели къ общему результату, что стѣна была возведена гораздо позднѣе того времени, о которомъ говорится въ древнемъ преданіи, и не имѣла ничего общаго съ царемъ Сервіемъ Тулліемъ¹⁾. Этотъ общій результатъ составилъ изъ слѣдующихъ факторовъ: 1) Въ числѣ однородныхъ сооруженій Этруріи и Лация, приписываемое Сервію носить на себѣ всѣ признаки самой усовершенствованной, а слѣдовательно и самой поздней техники. 2) Въ Сервіевой стѣнѣ повсемѣстно констатируется, какъ единица измѣренія, римскій футъ = 0,296 метра, между тѣмъ какъ древнѣйшій римскій футъ равнялся 0,278 метрамъ. 3) Вырѣзанныя на квадрахъ Сервіевой стѣны клейма каменотесовъ по большей части заимствованы изъ одного алфавита, буквы котораго имѣли квадратную форму и писались слѣва направо. У буквъ древнѣйшихъ латинскихъ надписей, между тѣмъ, форма остроконечная, а читаются онѣ справа налѣво. По этимъ тремъ доводамъ Рихтеръ заключаетъ, что камен-

¹⁾ Особенно важны изслѣдованія О. Рихтера въ его программѣ *Ueber antike Steinmetzzeichen, Winkelmannprogramm 1887*. Мы, къ сожалѣнію, могли познакомиться съ его результатами только по рецензіямъ и по краткому изложенію въ *Torog. von Rom, стр. 758*.

ныя сооруженія Сервіеваго вала возведены едва ли не позднѣе еще конца четвертаго до Р. Х. столѣтія. До этого времени валъ состоялъ изъ одной земляной насыпи безъ всякой каменной облицовки, подобно укрѣпленіямъ Арденъ и другихъ латинскихъ городовъ. Укрѣпленіе холмовъ Рима до этого времени также имѣло гораздо болѣе скромный видъ, чѣмъ впоследствии послѣ совершившейся въ неизвѣстное время кладки квадровъ¹⁾.

Выводы Рихтера очень поучительны для критической оцѣнки литературнаго преданія. Если въ Римѣ почти безслѣдно могла пропасть всякая память о громаднхъ крѣпостныхъ строеніяхъ четвертаго или третьяго столѣтія, то невозможно ожидать, чтобы о времени строенія и о личности строителя древнѣйшихъ укрѣпленій періода царей имѣлись какія-нибудь точныя и достовѣрныя свѣдѣнія. По всему вѣроятію, любопытный вопросъ о происхожденіи древнихъ укрѣпленій былъ рѣшенъ по тому-же методу этиологическаго домысла, по какому рѣшались сотни другихъ вопросовъ, относившихся къ происхожденію учреждений и памятниковъ древнѣйшей до-исторической эпохи. Фактической опорой въ нашемъ случаѣ, намъ думается, послужила невольна возникшая идейная связь между именемъ *Servius* и понятіемъ охраны (*servare*). Такъ какъ въ традиціи имя царя въ особенности связано съ эсквилинскимъ валомъ, а въ нѣкоторыхъ изводахъ преданія участіе Сервія въ дѣлѣ укрѣпленія даже ограничивается возведеніемъ одного вала, мы считаемъ возможнымъ, что во время составленія царской исторіи еще принято было называть его именемъ въ родѣ *agger servius* (охранная насыпь). При немнѣніи

¹⁾ Къ настоящей датѣ возведенія городской стѣны изъ квадровъ, вѣроятно, относится поимѣта къ 377 г. у Ливія 6, 32, 1 *ut tributo novum faenus contraheretur in iugum a censoribus locatum saxo quadrato faciendum*; ср. 7, 20, 9 (852 г.) *reliquum anni muris turribusque reficiendis consumptum*. Такъ называемыя укрѣпленія Сервія Туллія, вѣроятно, предшествовали другимъ укрѣпленіямъ, которыя охватывали значительно меньшій ареалъ, четыре региона или трибы, учрежденіе которыхъ приписывается Сервію Туллію. По мнѣнію Эд. Мейера (*Nemesis* 1896, стр. 13), еще во все продолженіе пятаго столѣтія укрѣпленіями были обнесены только четыре региона, хотя домами было обстроено значительно пространство, лежавшее за валами. Последнимъ обстоятельствомъ авторъ объясняетъ плохую защиту Рима при нападении галловъ. По предположенію Мейера, вполнѣ согласившагося съ результатами Рихтера, такъ-называемыя Сервіевы укрѣпленія были возведены въ періодъ самнитскихъ войнъ. Изъ указаннаго гѣтониснаго извѣстія Ливія, намъ кажется, видно, что новыя укрѣпленія начали строить въ 377 г., вскорѣ послѣ галльскаго погрома.

лѣтописныхъ или документальныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи этого вала, подобное имя, думаемъ, могло быть признано достаточнымъ основаніемъ приписать возведеніе его царю Сервію¹⁾. Позднѣйшая анналистика къ первоначальному сооруженію, приписанному Сервію, прибавила всѣ остальные части городскихъ укрѣпленій, не обращая вниманія на различныя эпохи ихъ происхожденія. Громадныя преобразованія, которымъ въ теченіе вѣковъ подвергались укрѣпленія Рима, были оставлены безъ вниманія и приурочены къ Сервію и его предшественнику по престолу. О древнѣйшемъ видѣ и историческомъ развитіи городскихъ укрѣпленій около 300 года, когда сложилась первая редакція древнѣйшей исторіи, могли имѣться только самыя неопредѣленныя представленія. Автору пришлось относительно ихъ прибѣгнуть къ догадкамъ, при чемъ, по нашему мнѣнію, онъ увлекся внушительнымъ сходствомъ имени *Servius* съ глаголомъ *servare* и произведенными отъ послѣдняго именами, между которыми, полагаемъ, встрѣчалось и традиціонное названіе вала, важнѣйшаго свидѣтельства о заботахъ предковъ объ охранѣ города.

Къ подобнымъ же результатамъ насъ приводитъ исторія второго оплота безопасности Рима, народнаго войска. Созданная, по историческому преданію римлянъ, Сервіемъ военная и политическая организація гражданской общины на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, оказывается результатомъ долгаго постепеннаго развитія. Объ отдѣльныхъ стадіяхъ этого развитія сохранились чрезвычайно скудныя свѣдѣнія, и не многимъ богаче, по видимому, были тѣ свѣдѣнія, которыми могли пользоваться сами римскіе ученые. Мы знаемъ, что во второй половинѣ третьяго столѣтія, всего вѣроятнѣе, кажется, въ 241 году, организація была подвергнута крупному преобразованію. Подробности реформы въ точности не извѣстны, а потому и составляютъ тему для безконечныхъ ученыхъ преній въ современной наукѣ. Не наше дѣло, конечно, здѣсь входить въ подробности этого

¹⁾ Въ семидесятыхъ годахъ одновременно съ раскопкою вала найдены слѣды очень древняго некрополя, лежавшаго какъ подъ самымъ валомъ, такъ и на внутренней и внѣшней сторонахъ его (*Кулаковскій*, Къ вопросу и пр., стр. 136. *Рихтеръ*, *Торогг.*, стр. 896. *В. И. Модестовъ*, Древнѣйшій періодъ Рима, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, июль, стр. 306 сл.). Это, кажется, загородное кладбище тѣхъ временъ, когда черта городскихъ укрѣпленій еще не охватывала эту мѣстность, времени такъ-называемаго города четырехъ регионовъ, къ которому относился ритуалъ шествія съ *argei*. Находки, къ сожалѣнію, не даютъ права на опредѣленные заключенія о хронологіи какъ возможности, такъ и „Сервіевой“ ограды.

спора, скажемъ только, что безспорно выяснились два факта. Реформа, во-первыхъ, главнымъ образомъ сводилась къ тому, что система центурій была приведена въ опредѣленную органическую связь съ 35 трибами. Во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что суммы ценза пяти классовъ Сервіевыхъ, оказывается, высчитаны по монетной валютѣ времянъ первой пунической войны и никоимъ образомъ не могутъ быть приписываемы царю Сервію. По всему вѣроятiю, древнѣйшiй цензъ опредѣлялся вообще не деньгами или движимымъ имуществомъ, а принималось въ расчетъ одно поземельное имущество. Игнорированiе этого факта доказываетъ, что преданiе объ организаціи центурій извращено такими-же анахронизмами, какъ преданiе о Сервіевыхъ укрѣпленiяхъ. Есть нѣкоторое основанiе думать, что извѣстiя о цензѣ, дошедшiя до насъ у Ливiя, Діонисiя, Цицерона и др., восходятъ къ Фабію Пиктору, котораго принято считать отцомъ римской исторiи. Безъ сомнѣнiя, однако, и Фабiй, и Цинцiй Аліментъ, и Эпiй имѣли предъ собою уже вполне установленный разказъ объ исторiи царей, а въ этомъ разказѣ, безспорно, уже встрѣчался пассажъ объ организаціи центурій Сервіемъ Тулліемъ. Основная форма этой реляціи, вѣроятно, не отличалась существенно отъ позднѣйшей. Вся разница, надо думать, состояла въ томъ, что авторъ древнѣйшаго разказа касательно разиѣра ценза и распредѣленiя центурій по классамъ исходилъ изъ данныхъ своего времени или доступныхъ ему древнѣйшихъ письменныхъ данныхъ, не очень, вѣроятно, отдаленныхъ отъ его времянъ. По мысли Моммзена (St.-R. 3, 245) первымъ источникомъ преданiя послужила одна старинная цензорская инструкціа (*commentarii, censoriae tabulae*), при которой имѣлось расписание центурій по старому дѣленiю. Авторомъ этой инструкціи считался Сервій Туллій потому, что уже успѣло установиться мнѣнiе объ учрежденiи имъ патриціанско-плебейскаго ополченiя. При разборѣ исторiи Анка Марціа намъ выяснилось, что она сложилась въ сферѣ интересовъ, не далекой отъ интересовъ цензорскаго дѣла. Изъ такой-же среды, думаемъ, идетъ также преданiе о Сервіѣ Тулліѣ и установленiи имъ военныхъ и гражданскихъ порядковъ, столь близко соприкасающихся съ цензорскимъ дѣлопроизводствомъ. Мы поэтому позволяемъ себѣ думать, что традиціа наша во всякомъ случаѣ не древнѣе учрежденiя цензорской магистратуры, то-есть 443 или 425 года до Р. Хр. Вся традиціа о цензахъ болѣе древнихъ безусловно вымышлена, какъ то доказано Швеглеромъ (R. G. 2, 680). Итакъ, время происхожденiя традиціи о Сервіѣ Тулліѣ и его законодатель-

ствѣ находится въ предѣлахъ годовъ 443 и 300, такъ какъ около послѣдняго года состоялась редакція царской исторіи. По поводу этой редакціи могло совершиться то приуроченіе древнихъ цензорскихъ комментаріевъ къ царю Сервію, которое, по соображеніямъ Моммзена, совершилось около половины третьяго столѣтія. Обращаемся къ другому вопросу: какому вѣку собственно принадлежитъ приписываемая Сервію Туллію организація, и заслуживаетъ ли вѣры традиція о происхожденіи ея въ царскомъ періодѣ?

Организація, приписываемая Сервію Туллію, преслѣдовала двѣ цѣли. Одна изъ нихъ сводилась къ упорядоченію воинской повинности, общей обязанности гражданъ принимать посильное участіе въ защитѣ города и границъ римской области. Къ военному значенію со временемъ присоединилось политическое. Собраніе обязанныхъ воинскою повинностью, благодаря всенародному характеру своему, сдѣлалось важнѣйшимъ собраніемъ римскаго народа, *comitiatus maximus*. По мѣрѣ измѣненія организаціи римскаго войска центуріи теряли свое первоначальное значеніе и наконецъ превратились въ чисто политическія единицы для подачи голосовъ въ народномъ собраніи. О первоначальномъ военномъ значеніи собранія до послѣднихъ временъ свидѣтельствовали нѣкоторыя внѣшнія черты и обряды. Мы не займемся весьма труднымъ вопросомъ, въ какія времена совершился постепенный переходъ военной организаціи въ чисто политическую. Достаточно будетъ поставить вопросъ, соотвѣтствовала ли организація, приписываемая Сервію, тому чисто военному значенію, которое ей присвоено было въ эпоху возникновенія. Съ перваго уже взгляда на росписаніе классовъ и центурій бросается въ глаза несоразмѣрное число центурій въ отдѣльныхъ классахъ. Къ первому классу, съ высшимъ цензомъ, принадлежали 80 центурій или, если прибавить къ первому цензу 18 центурій всадниковъ, всего 98 центурій. Всѣ остальные четыре класса вмѣстѣ составляли только 95 (20 + 20 + 20 + 30 + 5) центурій. Ни въ какомъ государствѣ конечно не возможно, чтобы число богатыхъ людей превышало количество и зажиточныхъ, и среднихъ, и бѣдныхъ, и бѣднѣйшихъ. Распределеніе центурій, очевидно, не соотвѣтствовало дѣйствительной численности гражданъ, владѣвшихъ опредѣленнымъ суммою ценза имуществомъ. Чѣмъ больше, можно сказать, людей числилось въ классѣ, тѣмъ меньше, сравнительно, изъ нихъ составлялось центурій. Если разумѣть подъ центуріями часто военные отряды, то въ низшихъ имущественныхъ классахъ на дѣйствительную службу набирали, можетъ быть; одного изъ

10—20 человекъ, а изъ перваго брали всѣхъ почти поголовно. Правда, однѣ центурии перваго класса носили полное, тяжелое вооруженіе, а въ строѣ легіона требовалось всего болѣе тяжеловооруженныхъ. Но тогда возникаетъ вопросъ, почему обязанность или прерогатива тяжелаго вооруженія не возлагалась также на второй или третій классъ, между тѣмъ какъ въ Афинахъ, напримѣръ, оплитами были также мелкіе землевладѣльцы третьяго класса. Не могли же ни зажиточный второй, ни третій классъ разоряться отъ расходовъ на покупку вооруженія. Если служба тяжеловооруженными въ организаціи Сервія предоставлялась, въ видѣ преимущества, крупнымъ землевладѣльцамъ перваго класса, а они изъ-за этого права носили, можетъ быть, въ десять разъ больше тягостей, чѣмъ другіе классы, то дѣло, конечно, не могло быть въ одной чести или въ большей безопасности въ бою, а въ болѣе реальныхъ выгодахъ политическихъ. Цицеронъ (*de re publ.* 2, 22, 39) мѣтко указываетъ на то, что распредѣленіе центурій разчитано на сохраненіе равновѣсія голосовъ въ народномъ собраніи. Число пѣхотныхъ центурій перваго класса, вмѣстѣ съ конными, немного превосходило или, по даннымъ Цицерона, только безъ малаго равнялось числу центурій всѣхъ остальныхъ классовъ. Въ собраніяхъ по центуриямъ такимъ образомъ большинство голосовъ почти всегда оставалось за аристократіею. Цицеронъ замѣчаетъ, что благодаря распредѣленію центурій и меньшинство всегда обладало правомъ голоса, и не выходило никакого преобладанія надъ нимъ большинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не было достаточно сильно, чтобы могли являться опасности¹⁾. Итакъ организація центурій производитъ впечатлѣніе не столько законодательной мѣры царя-народника, за которую ее принимаетъ ходячее мнѣніе, сколько дальновидной и мудрой мѣры господствовавшей римской аристократіи. Невольно эта организація напоминаетъ собою цѣлый рядъ примѣровъ компромиссной политики аристократіи, подъ видомъ жертвъ и внѣшнихъ уступокъ умѣвшей обезпечить свои существенные интересы. Что приписываемая Сервію Туллію организація на самомъ дѣлѣ произошла лишь отъ компромисса между патриціями и плебсомъ, это можно утверждать еще по другимъ соображеніямъ, относящимся къ военной сторонѣ такъ-называемой Сервіевой реформы.

¹⁾ См. также Ливія 1, 43, 10 *ut neque exclusus quisquam suffragio videretur et vis omnis penes primores civitatis esset.*

Существенною отличительною чертою военной организаціи Сервія Туллія вполне справедливо считается привлеченіе плебеевъ къ военной службѣ на равныхъ правахъ съ патриціями. Какіе до этого въ Римѣ были порядки отправленія военной службы, объ этомъ расходятся взгляды современныхъ ученыхъ съ мнѣніемъ древнихъ. Римскіе историки не сомнѣваются въ воинской повинности плебеевъ еще до Сервія Туллія. Вся разница по мнѣнію Ливія (1, 42, 5) заключалась въ томъ, что всѣ повинности военного и мирнаго времени со временъ Сервія не исполнялись болѣе поголовно, а по состоянію имущества. Современная наука исходитъ изъ безспорной аксіомы, что во всѣ времена римское войско набиралось изъ однихъ полноправныхъ гражданъ. Въ древнѣйшія времена таковыми исключительно были патриціи, а плебеи состояли на правахъ полугражданъ, перегриновъ, кліентовъ и т. п. Слѣдовательно, они или совсѣмъ не принимались на военную службу, или же составляли только вспомогательные легковооруженные отряды, стоявшіе внѣ строя регулярнаго войска. Реформою Сервія Туллія патриціанское войско было преобразовано въ патриціанско-плебейское. По поводу этого преобразованія Моммзенъ (R. St.-R. 3, 103) высказалъ замѣчательную мысль, что оно совершилось, по всему вѣроятію, не сразу, а былъ переходный періодъ, когда плебеи въ составѣ войска сначала занимали то положеніе, которое впоследствии предоставлялось неимущей части гражданъ. Другими словами, изъ плебеевъ сначала набирались только тѣ 1200 легковооруженныхъ (*velites*), которые также и въ позднѣйшія времена принадлежали къ легіону; тяжеловооруженные же 3000 легіонаріевъ брались изъ патриціевъ. Моммзенъ не развилъ свою мысль, ограничиваясь однимъ намекомъ. Если она, однако, окажется вѣрною, изъ нея возможно вывести заключенія довольно важныя для критики исторіи Сервія Туллія. Порядки, приписываемые въ лѣтописной традиціи личному единовременному почину царскаго законодателя, на самомъ дѣлѣ оказались бы послѣднимъ выводомъ постепенныхъ преобразованій, доходившихъ до сравнительно позднихъ временъ. Перипетіи развитія военныхъ порядковъ оказались бы забытыми уже въ ту раннюю пору, когда складывалась традиція о древнѣйшей исторіи государственныхъ учреждений Рима. Намъ думается, что въ самой организаціи, приписываемой Сервію, заключаются пункты, до извѣстной степени свидѣтельствующіе о ея прошедшемъ и позволяющіе придти къ заключеніямъ, близкимъ къ тѣмъ, на которыя намекнулъ Моммзенъ.

Въ сравненіи съ пѣхотою римская конница отличалась постоянствомъ своего состава. Неудивительно, что на ней менѣе отзывались преобразованія позднѣйшихъ періодовъ, а слѣдовательно въ ея порядкахъ отчасти переживали порядки давно минувшей поры. Въ этомъ отношеніи особенно интересны дважды три центурии всадниковъ Рамновъ, Таціевъ и Люцеровъ, центурии *prosim patricium*. Это остатки древнѣйшаго войска, перешедшіе въ новую организацію, войска, должно-быть, снаряжавшагося тремя трибами, а, вѣроятно, и куриями первоначальной патриціанской общины. Старый сословный характеръ шести центурій сохранялся еще долго, онѣ предоставлены были патриціямъ, какъ доказываетъ Моммзенъ ¹⁾, до конца третьяго столѣтія. Такъ какъ въ составъ римскаго легіона всегда входили триста всадниковъ, то двойное число трехъ всадническихъ сотенъ стараго патриціанскаго войска свидѣтельствуеетъ о томъ, что это войско состояло изъ двухъ легіоновъ, можетъ быть одного легіона *seniogum* и одного *iuniorum* ²⁾. Въ новой формации конницы, въ патриціанско-плебейскихъ *centuriae equestris*, которыхъ было двѣнадцать, представляется уже контингентъ четырехъ легіоновъ, нормальной числен-

¹⁾ Моммзенъ (R. St. R. 3, 254) полагаетъ, что къ шести центуриямъ плебей были допущены одновременно съ демократическимъ преобразованиемъ всего порядка центурій въ 241 году или, по датировкѣ Моммзена, въ 220 году. Въ виду полного молчанія источниковъ о преобразованіи центурій *prosim patricium*, возможно и то, что онѣ вообще до конца оставались патриціанскими. Плебеямъ, можетъ быть, была сдѣлана только та уступка, что эти центурии лишились всякаго военнаго значенія, съ оставленіемъ имъ однако права голосованія въ комиціяхъ. Отсюда, вѣроятно, объясняется позднѣйшее ихъ названіе *sex suffragia*. Аристократическое учрежденіе, по видимому, служило камнемъ преткновенія для демократической партіи. Аристократія защищала свои центурии, кажется, ссылаясь на священный ихъ характеръ, вытекающій изъ инаугураціи первыхъ всадническихъ центурій Ромуломъ. Для защиты, вѣроятно, придуманъ также тенденціозный разказъ объ Аттѣ Невіѣ, запретившемъ будто-бы царю Тарквинію измѣнять какъ названія, такъ и составъ центурій Рамновъ, Таціевъ и Люцеровъ. По примѣру своего именческаго предшественника авгуры могли протестовать противъ уничтоженія шести центурій.

²⁾ Раздѣленіе войска на два возраста (*aeuitates*) столь характеристичная черта Сервіевой организаціи, что трудно не предположить подобнаго раздѣленія уже въ древнѣйшемъ войскѣ. Центурии *iuniorum*, какъ извѣстно, предназначались для походовъ, а центуриямъ *seniogum* принадлежала охрана города. Такое естественное раздѣленіе труда носитъ на себѣ признаки первобытности. Мы увѣрены, что двоеначаліе римскаго войска, существованіе двухъ консуловъ или *praetores*, объясняется двойною задачею войска, также какъ и аналогичное двоестарствіе спартанцевъ.

ности двухъ консульскихъ войскъ въ средніе вѣка римской республики. Итакъ составъ конницы въ такъ называемой Сервіевой организаціи явно указываетъ на происшедшій когда-то компромиссъ двухъ различныхъ принциповъ: стараго принципа сословнаго и новаго имущественнаго. Такое сліяніе двухъ формаций войска мы въ правѣ ожидать также по отношенію къ центуріямъ пѣхотнымъ. На помощь намъ является старинная официальная терминологія, которая вообще, благодаря чрезвычайно консервативному своему характеру, содержала въ себѣ не мало прямыхъ свидѣтельствъ минувшихъ порядковъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что еще во время старшаго Катона только первому имущественному разряду Сервіевой военной организаціи было присвоено названіе *classis*, четыре же другихъ разряда считались *infra classem*. Такъ какъ слово *classis* ни что иное, какъ старинный синонимъ слова *exercitus*¹⁾, изъ этой терминологіи позволительно заключить, что „войскомъ“ назывались 80 центурій, потому что онѣ представляли собою собственно старое войско. Невольно припоминаемъ, что въ легионѣ насчитывалось около 4.000, сорокъ сотенъ пѣхотныхъ солдатъ. Восемьдесятъ центурій собственного войска (*classis*), слѣдовательно, равнялись численности того патриціанскаго войска, отъ котораго остались дважды три центуріи патриціанскихъ

¹⁾ *Gellii* 6, (7), 18 *Classici dicebantur non omnes qui in quinque classibus erant, sed primae tantum classis homines, qui centum et viginti quinque milia aeris ampliusve censi erant. Infra classem autem dicebantur secundae classis ceterarumque omnium classium, qui minore summa aeris, quod supra dixi, censebantur.* Нос.—notavi quoniam in M. Catonis oratione, qua Voconiam legem suavit, quaeri solet quid sit classicus, quid infra classem. Ср. еще Феста *Epit.* стр. 118 *infra classem*.

²⁾ *Epit.* *Festi* стр. 56 *classis clipeatas antiqui dixerunt, quos nunc exercitus vocamus; стр. 56 classis procincta, exercitus instructus; стр. 225 procincta classis dicebatur, cum exercitus cinctus erat Gabino cinctu confestim pugnaturus. Vetus tuis enim fuit multitudinem hominum, quam navium, classem appellari.* Фестъ въ цитатѣ изъ книгъ понтифекса (стр. 189): *cuius auspicio classe procincta, optima arolia capiuntur.* Въ значеніи *exercitus* слово *classis* употреблялось у Фабія Пиктора (*Gellii* 10, 15, 4) и еще въ архаическомъ языкѣ поэзіи, напримѣръ у Виргилія (*Эн.* 7, 716). Специально называлось *classis* потомъ морское войско. Изъ смѣшенія двухъ значеній, болѣе общаго и суженнаго, вышло комичное сообщеніе аналитиковъ о побѣдѣ, одержанной римскимъ флотомъ подъ стѣнами Фиденъ (*Лив.* 4, 34, 6). Позднѣе, когда по аналогіи настоящаго „класса“ и другіе четыре разряда центурій стали называться *classes*, это слово получило значеніе отряда, класса. Всѣмъ пяти классамъ противопоставались пролетаріи, поэтому „классическій писатель“ (*classicus aliquis assiduusque scriptor, non proletarius* у *Gellii* 19, 8, 15) насчетъ не простой, а высшаго разряда.

всадниковъ. Къ 80 пѣхотнымъ центуріямъ „войска“ (classis) въ новомъ патриціанско-плебейскомъ войскѣ прибавилось по показанію Діонисія всего 95, а по болѣе достовѣрному сообщенію Ливія (1, 43), 96 центурій. Число центурій *infra classem*, слѣдовательно, превышало число центурій „войска“ ровно на одну пятую. Въ третье и второе столѣтія относительно числа римскихъ гражданскихъ войскъ и союзниковъ дѣйствовало правило, что пѣхоты союзниковъ было на пятую часть болѣе чѣмъ пѣхотныхъ изъ римскихъ гражданъ¹⁾. Въ соблюденіи того же правила, по нашеу мнѣнію, состоитъ вся тайна вычисленія центурій войска Сервія Туллія. Это войско оказывается преобразованнымъ изъ стараго гражданского войска, состоявшаго изъ двухъ легионовъ, къ которому прибавлялся регулярный контингентъ не гражданъ-плебеевъ, мѣсто которыхъ впоследствии заняли неграждане-союзники. Реформа войска слѣдовательно заключалась въ сліянніи собственно гражданского или патриціанскаго войска съ плебейскимъ вспомогательнымъ *quasi-войскомъ*. Сумма центурій того и другаго осталась та-же въ соединенномъ войскѣ, распределеніе однако гражданъ, старыхъ и уравнианныхъ, по центуріямъ не зависѣло болѣе отъ сословнаго принципа. Въмѣсто послѣдняго ввели имущественный цензъ, позволявшій плебеямъ попадать въ высшія „классическія“ центуріи. Центуріи стараго войска составлялись изъ тяжело-вооруженныхъ, центуріи прибавочныя изъ легковооруженныхъ разныхъ степеней. Вѣроятно, тѣ же различія въ вооруженіи уже ранѣе преобладали въ томъ и другомъ войскѣ. Сословный принципъ, вѣроятно, благодаря религіознымъ соображеніямъ, удержался только въ примѣненіи къ шести центуріямъ патриціанскихъ всадниковъ. Въмѣсто нихъ учредили или, что вѣроятнѣе, переняли отъ плебейской конницы двѣнадцать несословныхъ *centurie equitum*, которыя съ тѣхъ поръ, въмѣсто шести старыхъ, превратившихся въ *sex suffragia*, исполняли дѣйствительную конную службу при легионахъ²⁾. Въ виду того, что

¹⁾ Показаніе Поливія (6, 26, 7 и 6, 30, 2) затруднительно тѣмъ, что не совсемъ ясно сказано, какъ высчитывалась пятая часть, составлявшая отрядъ *экстремъ* (*extraordinarii*), высчитывалась ли она изъ числа союзниковъ уравниннаго числу гражданъ или иначе. Мы присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ, которые ставятъ за первый способъ вычисленія, какъ самый простой и практическій. Къ этому вполне подходитъ число пѣхоты, участвовавшей въ сраженіи на Трентіи: 16.000 римлянъ и 20.000, на одну пятую болѣе, союзниковъ (Пол. 3, 72, 11).

²⁾ Интересно, что правило о числѣ союзниковъ въ сравненіи съ римскими гражданами вполне точно примѣнено не только къ пѣхотѣ, но и къ конни-

1.200 всадниковъ являлись нормальнымъ составомъ конницы четырехъ легионовъ, намъ кажется очень вѣроятнымъ, что въ одно время съ предполагаемою нами реформою гражданское войско съ двухъ легионовъ было увеличено до четырехъ, тѣмъ болѣе что и число 170 сотенъ пѣхоты почти совпадаетъ съ числомъ солдатъ четырехъ легионовъ.

Обратимся къ вопросу, къ какому времени слѣдуетъ отнести миную реформу Сервія Туллія.

Традиціонная датировка носитъ на себѣ явные признаки довольно искусственнаго вымысла. Допущеніе плебеевъ къ отправленію военной службы въ гражданскомъ войскѣ наравнѣ съ патриціями, далѣе вытекающее отсюда право участія въ законодательствѣ и выборахъ патриціанскихъ магистратовъ заключаетъ въ себѣ достиженіе уже значительной степени общегражданскихъ и сословныхъ правъ римскимъ плебсомъ. Анналисты считали возможнымъ допустить, что такой важный успѣхъ былъ достигнутъ безъ всякихъ усилій, по одной милости царя-благодѣтеля. Въ царствованіе его преемника всѣ права плебса, установленныя законодательнымъ порядкомъ, вдругъ исчезаютъ безъ всякихъ слѣдовъ. Тарквиній, относясь крайне враждебно къ патриціанской аристократіи, не склоненъ опираться на плебеевъ, также заинтересованныхъ въ уничтоженіи патриціанскихъ преимуществъ. Послѣ изгнанія общаго притѣснителя незамѣтно восстанавливаются порядки Сервія Туллія. Плебеи, снова заключаемые въ одной военной и граж-

---

дѣ соединеннаго патриціанско-плебейскаго войска. По словамъ Полибія (6, 30, 2), число всадниковъ изъ союзниковъ превышаетъ римскихъ вдвое, при чемъ изъ первыхъ брали въ *ἐπίλεκτοι* третью часть. Если считать шесть центурій всадническимъ контингентомъ патриціевъ, а двѣнадцать *centuriae equitum* плебейскими *ordinarii*, по правилу Полибія требовалось бы 400 плебейскихъ *extraordinarii*, *ἐπίλεκτοι*. Отъ этихъ 400 добавочныхъ всадниковъ плебейскихъ остался слѣдъ у Діонисія (6, 41). Валерій въ своей рѣчи плебсу между прочимъ упоминаетъ, что болѣе четырехсотъ богатыхъ плебеевъ прибавлены къ всадникамъ (*τοῖς ἰππέσι προσκατάλεψαν*). Ливій (2, 1, 10) другому Валерію, Публиколѣ, приписываетъ избраніе плебейскихъ всадниковъ въ сенаторы, откуда будто-бы произошли такъ называемые *conscripti*. Затѣмъ сохранились двѣ цитаты изъ рѣчи Катона, въ которой онъ предлагалъ увеличить аега *equestria* до 2.200 вмѣсто 1.800 (*Cat. rel. Jordan* p. 66). Если скомбиновать это съ навістіемъ Діонисія, то намѣреніе Катона было возобновить старое число плебейскихъ экстраординарныхъ или сверхштатныхъ всадниковъ, въ вознагражденіе, можетъ быть, за оставленіе шести патриціанскихъ центурій. Что римское государство назначало кромѣ 1.800 еще 400 *equi publici*, принимаетъ также Ланге (*It. A. I. 576* над. 3). Иначе смотритъ на предложеніе Катона Моммзенъ (*St.-R.* 3, 260),

данской организаціи съ патриціями, по прошествіи шестнадцати лѣтъ вдругъ появляются на сценѣ въ видѣ какъ бы второй общины, обособленной отъ патриціанской. Въ основаніе отношеній между двумя общинами полагается не общее гражданское право, а то же договорное начало, которое господствовало по отношенію къ peregrini, не римлянамъ. Хотя плебеи будто бы пользовались уже правомъ участія въ отправленіи народнаго суда, присвоенномъ собраніямъ по центуріямъ, они однако въ 494 году только достигаютъ назначенія трибуновъ, берущихъ на себя опеку надъ ними въ судахъ и представительство плебса въ собраніяхъ *populi* ¹⁾). Традиція о *secessio* плебса въ 496 году не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что оно произошло въ видѣ военнаго возстанія. Плебейское войско, отказываясь повиноваться консуламъ, отдѣляется отъ патриціевъ и располагается отдѣльнымъ лагеремъ. Если предположить, что въ это время уже дѣйствовала военная организація Сервія Туллія, по которой плебеи служили въ перемежку съ патриціями, то безпрепятственное выступленіе плебеевъ изъ общаго строя крайне затруднительно и невѣроятно. Въ разказѣ Ливія и Діонисія все римское войско въ 494 году является составленнымъ изъ однихъ плебеевъ, патриціи же занимаютъ только офицерскія должности. Возстаніе солдатъ происходитъ очень просто, они оставляютъ своихъ офицеровъ и распоряжаются по своему. Такое однако представленіе о составѣ римскаго гражданскаго войска пятаго столѣтія есть ни что иное, какъ анахронизмъ, оно соотвѣтствуетъ картинѣ римскаго войска подъ конецъ республиканскаго времени. *Secessio* плебейскаго войска въ 494 году сразу теряетъ всю свою непонятность, если предположить, что плебеи въ то время еще составляли свои особые отряды въ такомъ же родѣ, какъ впоследствии латины и другіе союзники прибавлялись къ гражданскому войску, имѣя свою особую организацію отдѣльно отъ римской. Отказъ плебеевъ отъ военной повинности, вѣроятно, установленной договоромъ, и удаленіе ихъ войска можно сравнить съ подобнымъ поступкомъ латинскаго войска въ 340 году. Итакъ мы полагаемъ, что въ началѣ пятаго столѣтія еще не существовало ни военной, ни политической организаціи, соединившей въ одно цѣлое патриціевъ и плебеевъ и ложно приписываемой Сервію Туллію. Не отрицаемъ, конечно, существованія въ это время

¹⁾ Эд. Мейеръ въ *Hermez*, 1896, стр. 16, справедливо считаетъ первоначальной обязанностью трибуновъ замѣну патриціанскаго патроната по отношенію къ освобожденной отъ кліентелы части плебса.

ства міра), прямо слѣдуетъ заключить, что если главныя массы вселенной подвижны по ихъ природѣ, то движеніе ихъ не можетъ быть иное, какъ круговое, а никакъ не прямолинейное. Причина ясна. То, что движется прямолинейно, перемѣняетъ свое мѣсто и удаляется болѣе и болѣе отъ исходнаго пункта. Еслибы такое движеніе отъ природы было въ тѣлѣ, то это означало бы, что тѣло первоначально было не на своемъ естественномъ мѣстѣ и, слѣдовательно, расположеніе частей міра не было совершеннымъ. Кромѣ того, прямолинейное движеніе по природѣ бесконечно, ибо прямая линія безпредѣльна и неопредѣленной длины—и потому тѣло не можетъ имѣть побужденія двигаться прямолинейно, то-есть туда, куда нельзя достигнуть: такое движеніе не имѣло бы цѣли, а природа, по справедливому замѣчанію Аристотеля, не пытается дѣлать то, что невозможно, не пытается, слѣдовательно, гнать туда, куда нельзя достигнуть... Такое движеніе допустимо въ фантастическомъ первоначальномъ хаосѣ, и имъ природа могла пользоваться, чтобы привести въ порядокъ безъ порядка расположенныя тѣла... Если послѣдовать Платону ¹⁾, то можно сказать, что тѣламъ вселенной, образуя ихъ, Творецъ придалъ первоначально прямолинейное движеніе, а когда каждое изъ нихъ достигло назначеннаго мѣста, измѣнилъ прямолинейное движеніе на круговое, въ какомъ они, сохраняя его, пребываютъ донинѣ. Вспоминаю, какъ говорить объ этомъ общій другъ нашъ, членъ академіи dei Lincei. Его воззрѣніе было, если не ошибаюсь, таково: каждое тѣло, имѣющее отъ природы способность движенія, если приведено какимъ-либо образомъ въ состояніе покоя и свободно предоставлено себѣ, придетъ въ движеніе, вонечно, въ томъ только случаѣ, когда отъ природы имѣетъ предрасположеніе къ нѣкоторому опредѣленному мѣсту. Еслибы оно

---

¹⁾ У Платона, по замѣчанію Штрауса, такой гипотезы не встрѣчается. Галилею эта космогоническая фантазія казалась настолько интересною, что онъ привелъ ее еще разъ въ своемъ другомъ знаменитомъ твореніи „Разговоры о двухъ новыхъ наукахъ“. Галилея, повидимому, заинтересовало относящееся къ вопросу вычисленіе, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

ко всѣмъ мѣстамъ относилось одинаковымъ образомъ, оно осталось бы въ покоѣ, ибо для него не было бы болѣе причины двигаться къ одному мѣсту, чѣмъ къ другому. Но если такое побужденіе есть, то тѣло при движеніи своемъ необходимо должно испытывать непрерывное ускореніе. Начиная съ медленнаго движенія, оно достигаетъ извѣстной скорости не иначе, какъ пройдя чрезъ всѣ ступени меньшей скорости или, какъ я говорю, большей медленности. Выходя отъ состоянія покоя, какъ со ступени безконечной медленности, оно не имѣетъ основанія переходить на ту или другую ступень, не пройдя предшествовавшей низшей... Ускореніе бываетъ оттого, что тѣло при своемъ движеніи испытываетъ призывъ, опредѣляемый приближеніемъ къ цѣли, то-есть къ тому мѣсту, куда его влечетъ естественное побужденіе. При этомъ оно приходитъ туда по кратчайшему, слѣдовательно прямому пути. Можно допустить, что природа, дабы придать тѣлу опредѣленную скорость, даетъ ему пройти извѣстное пространство прямолинейно. Создавъ, на примѣръ, Юпитера, Богъ предоставилъ ему пройти ускорительно прямолинейный путь, пока онъ приобрѣлъ предназначенную скорость, и тогда превратилъ движеніе его въ круговое, котораго скорость сохранила естественную равномерность“...

Это оригинальное космологическое представленіе даетъ поводъ перевести бесѣду, по отношенію къ вопросу о круговомъ и прямолинейномъ движеніи, отъ метафизическихъ аргументовъ къ математическимъ.

„*Сазредо*. Не совсѣмъ понимаю, почему необходимо, чтобы тѣло, для приобретенія извѣстной скорости, должно пройти всѣ ея ступени отъ состоянія покоя. Развѣ не могла природа массѣ Юпитера, тотчасъ по созданіи его, сообщить круговое движеніе съ требуемой скоростью?

„*Сальвати*. Я не говорю, чтобы природа и Богъ не могли придать тѣлу непосредственно ту или другую скорость. Говорю только, что природа на фактѣ не такъ поступила. Иной способъ былъ бы вишѣ естественнаго хода вещей, былъ бы чудомъ.

„*Сазредо*. Итакъ, вы думаете, что камень, идущій отъ состоянія

покою, долженъ въ своемъ естественномъ движеніи къ центру земли пройти чрезъ всѣ ступени медленности, лежація ниже какой-либо приобретенной имъ скорости?

„Сальвати. Не только полагаю, но имѣю полную въ томъ увѣренность... Проходя чрезъ эти ступени, тѣло не длить ни одну изъ нихъ. Переходъ требуетъ одного мгновенія, а такъ какъ каждый промежутокъ времени, какъ бы малъ ни былъ, заключаетъ въ себѣ безконечно большое число мгновеній, то мы имѣемъ въ распоряженіи достаточное ихъ количество, чтобы провести тѣло чрезъ рядъ ступеней медленности въ теченіе даннаго промежутка времени, какъ бы малъ онъ ни былъ...

„Сарредо. Значить, падающее сверху ядро, въ теченіе менѣе десяти ударовъ пульса проходящее болѣе двухъ сотъ локтей, во время движенія своего проходило чрезъ такую ступень скорости, что, сохранись она, оно бы въ цѣлый день не достигло земли.

„Сальвати. Можете сказать въ годъ, въ десять, въ тысячу лѣтъ... Вѣдь вы допускаете, что ядро, при паденіи, приобретаетъ большія и большія стремительность и скорость?

„Сарредо. Въ этомъ я совершенно увѣренъ.

„Сальвати. А согласитесь ли вы, если я скажу, что приобретенная въ данномъ пунктѣ пути стремительность движенія была бы достаточна, чтобы тѣло ¹⁾ вновь поднять до высоты, съ которой оно упало?

„Сарредо. Безусловно согласенъ, если можно безпрепятственно воспользоваться всею силою для этой цѣли. Еслибы, наиримѣръ, земля была насквозь прорыта чрезъ ея центръ и ядро падало бы съ высоты 100 или 1000 локтей (braccio), то я убѣжденъ, что, пройдя чрезъ центръ, оно, на противоположной сторонѣ, поднялось бы на ту же высоту съ какой упало. То же, какъ показалъ мнѣ опытъ, бываетъ относительно груза, повѣшеннаго на нити. Если выведемъ

---

¹⁾ Еслибы оно съ этою стремительностью было брошено съ этого пункта вверхъ.

его изъ положенія равновѣсія и предоставитъ себѣ, онъ возвратится къ вертикальному положенію и перейдетъ чрезъ него на другую сторону на такую же высоту или нѣсколько меньшую, вслѣдствіе сопротивленія воздуха и другихъ побочныхъ обстоятельствъ.

„Сальвати. Вы согласитесь также, что причина приобретаемой стремительности—есть удаление отъ исходнаго пункта и приближеніе къ центру, куда стремится, въ движеніи своемъ, тѣло. Но два одинакія тѣла, если они, по различнымъ линіямъ, безъ сопротивленія, двинутся внизъ, приобретутъ ли одинакую стремительность—предполагая равное приближеніе къ центру во всѣхъ случаяхъ? Допускаете ли это?“

Сагрето требуетъ поясненія. Сальвати входятъ въ нѣкоторыя подробности относительно движенія по наклонной плоскости, которыми пополняетъ двѣ указанныя важныя теоремы о движеніи тяжелаго тѣла съ этого уровня до другого, внизъ или вверхъ.

Чѣмъ менѣе наклонена плоскость къ горизонту, тѣмъ болѣе времени употребляетъ тѣло, чтобы по ней свалиться. „Можно представить себѣ,—говоритъ Сальвати,—плоскость съ такимъ малымъ наклономъ, что тѣло, дабы на ней достигъ предполагаемой скорости, должно двигаться по ней на чрезвычайно длинномъ протяженіи и въ чрезвычайно долгое время. На горизонтальной плоскости оно, слѣдовательно, отъ природы не можетъ достигъ никакой, даже малѣйшей, скорости, ибо на ней оно вовсе двигаться не будетъ. Но движеніе по горизонтальной линіи, не имѣющей ни наклона, ни подъема, есть не что иное, какъ круговое движеніе около центра. Потому круговое движеніе не можетъ обнаружиться безъ предшествовавшаго прямолинейнаго. Но разъ оно приобретено, оно будетъ продолжаться вѣчно съ постоянною скоростью“. Сальвати упоминаетъ далѣе объ „удивительномъ“ вычисленіи „нашего академика“. Онъ вообразилъ, что планеты помѣщены на нѣкоторомъ огромномъ разстояніи отъ солнца и каждая ускореннымъ движеніемъ приближается къ солнцу, какъ къ центру. Отдаленная точка взята для Юпитера, на примѣръ, на такомъ разстояніи отъ солнца, что когда онъ приблизился на

нынѣшнее, дѣйствительное разстояніе его отъ солнца, то приобрѣлъ ту скорость, съ какою нынѣ движется по своей орбитѣ. Какъ только скорость эта приобрѣтена, движеніе, высшею волею, превращается изъ прямолинейнаго въ круговое, съ этою самою скоростью. Такъ движеніе и продолжается безостановочно. Вычисленіе показало, что, выходя изъ той же точки, другія планеты—Сатурнъ, Марсъ и проч., спустившись къ солнцу до своихъ нынѣшнихъ разстояній, приобрѣтаютъ тѣ самыя скорости, какія имѣютъ на своихъ орбитахъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, прямолинейное движеніе является представителемъ движеніи переменнаго, круговое—равногѣрнаго. Прямолинейное движеніе въ благоустроенномъ мірѣ должно быть бесполезно. Иное представляетъ собою круговое движеніе. Если это есть вращеніе тѣла вокругъ себя, то тѣло остается на томъ же мѣстѣ, если это— движеніе по кругу около неподвижнаго центра, то оно не имѣетъ послѣдствіемъ нарушенія порядка ни для самаго тѣла, ни для окружающихъ. Круговое движеніе конечно и ограничено; каждый пунктъ на окружности есть и начало ея, и конецъ. Круговое движеніе равногѣрно, ибо ускореніе происходитъ, когда тѣло движется къ цѣли своего стремленія, а замедленіе опредѣляется нерасположеніемъ тѣла къ тому, чтобы оно было удалено отъ центра.

V. *Земля по Аристотелю центръ вселенной. Не есть ли она, какъ и другія небесныя тѣла лишь центръ своихъ частей?* Исчерпавъ въ разсужденіяхъ—гдѣ новыя механическія понятія еще смѣшиваются съ идеями вѣка—вопросъ о прямолинейномъ и круговомъ движеніи, собесѣдники возвращаются къ ученію Аристотеля о томъ, что земля находится въ центрѣ вселенной. Паденіе тѣла на землю, указываетъ Сальвати, есть слѣдствіе стремленія всѣхъ частей ея образовывать цѣлое, возможно тѣсно соединиться между собою, располагаясь шаровидно. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы земля была въ центрѣ міра. Почему не принять, что на лунѣ, на солнцѣ и другихъ небесныхъ тѣлахъ ихъ части также имѣютъ естественное стремленіе къ

---

¹⁾ Самое вычисленіе, къ сожалѣнію, не приведено.

соединенію въ шаровидное цѣлое. Еслибы на нихъ часть насильственно была удалена отъ цѣлаго, то не будетъ ли разумнымъ принять, что часть эта, вслѣдствіе естественнаго стремленія, сама собою возвратится назадъ? Съ этой точки зрѣнія прямолинейное движеніе допустимо на всѣхъ тѣлахъ вселенной.

„*Симпличіо*... Движеніе тяжелыхъ тѣлъ противоположно движенію легкихъ. Движеніе легкихъ имѣетъ направленіе къ верху, къ окружности міра. Слѣдовательно, движеніе тяжелыхъ направлено къ центру міра. *Per accidens* направлено оно къ центру земли, ибо фактически онъ совпадаетъ съ центромъ міра. Разыскивать, что происходитъ съ частями луны или солнца, когда онѣ отдѣлены отъ цѣлаго, пустое предпріятіе: это значитъ отыскивать слѣдствія невозможнаго допущенія. Небесныя тѣла, какъ доказалъ Аристотель же, неизмѣнны, непроницаемы, неразрушима, такъ что предположеніе ваше неосуществимо. Да если бы отдѣленные части и въ самомъ дѣлѣ возвращались къ цѣлому, то было бы это не вслѣдствіе тяжести или легкости. Аристотель опять-таки доказалъ, что небесныя тѣла не имѣютъ ни тяжести, ни легкости.

„*Сальвіати*... Удивляюсь, какъ не видите вы, что Аристотель, говоря о центрѣ міра, дѣлаетъ ложное заключеніе, предполагая то, что еще требуется доказать.

„*Симпличіо*. Сдѣлайте милость, синьоръ Сальвіати, говорите объ Аристотелѣ съ большимъ почтеніемъ. Кого увѣрите вы, что этотъ первый, единственный, ввухающій удивленіе изслѣдователь силлогизмическихъ фигуръ, правилъ доказательства и опроверженія, способовъ открытія ошибочныхъ и фальшивыхъ заключеній, словомъ, отецъ логики—могъ настолько ошибаться, чтобы принимать за извѣстное то, что слѣдуетъ еще вывести. Надо, государи мои, прежде понять Аристотеля, а затѣмъ уже его опровергать.

„*Сальвіати*. Мы здѣсь, синьоръ Симпличіо, стараемся въ дружеской бесѣдѣ искать истину. Никакъ не обижусь, если вы укажете мнѣ мои ошибки. Если я дурно понялъ мысль Аристотеля, то объясните мнѣ. Я буду очень благодаренъ. Но позвольте мнѣ изложить

мои возраженія и отвѣтитъ на ваши послѣднія слова. Логика, я очень хорошо знаю, есть орудіе философіи. Но подобно тому, какъ можно быть отличнымъ инструментальнымъ мастеромъ и не умѣть играть, можно быть великимъ логикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладать достаточнымъ искусствомъ въ ея примѣненіи. Бываютъ лица, которыя по пальцамъ перечтутъ вамъ всѣ правила поэтики и которыя, между тѣмъ, не могутъ составить четырехстишія. Иной знаетъ всѣ предписанія Леонарда де-Винчи и не въ состояніи нарисовать скамейку. Чтобы научиться играть на инструментѣ, обращаются не къ тому, кто его дѣлалъ, а къ тому, кто умѣетъ на немъ играть. Искусству стихотворства вѣчаютъ черезъ постоянное чтеніе поэтовъ, способность живописи пріобрѣтается постояннымъ упражненіемъ въ рисованіи и раскраскѣ; искусству доказывать научаются изъ книгъ, заключающихъ въ себѣ многочисленныя доказательства, то-есть изъ математическихъ, а не логическихъ”.

Сальвиати и Сагрето обнаруживаютъ несостоятельность заключенія Аристотеля. Линія, по которой тяжелое тѣло падаетъ, а огонь подымается, направлена, на каждомъ мѣстѣ земной поверхности, внизъ по радіусу земли къ ея центру, а вверхъ идетъ по направленію этого радіуса къ нѣкоторой сферической поверхности большей, чѣмъ поверхность земли. Но гдѣ основаніе утверждать, что сферическая поверхность эта совпадаетъ съ окружностью міра, или съ ней концентрична (по Аристотелю, она совпадаетъ со сводомъ лунной сферы)? Утверждать это можно, лишь предѣшивъ, что земля находится въ центрѣ міра—, въ чемъ мы сомнѣваемся и что Аристотель намѣревался доказать”. Почему должны мы думать, что естественное стремленіе, влекущее тяжелыя тѣла къ центру земли, влечетъ ихъ къ центру міра, о которомъ мы ничего не знаемъ—и гдѣ онъ и существуетъ ли, а если существуетъ, не есть ли онъ воображаемый пунктъ, ничто, отъ котораго не можетъ истекать дѣйствіе?....

„Сальвиати. По словамъ синьора Симпличіо праздно дѣло утверждать, что части солнца или луны и другихъ небесныхъ тѣлъ, насильственно удаленныя отъ ихъ цѣлаго и предоставленныя себѣ, воз-

вратятся къ этому цѣлому. Такой случай, говоритъ онъ, невозможенъ, ибо Аристотель доказалъ, что небесныя тѣла не подлежатъ перемѣнамъ, непроницаемы, недѣлимы. На это я долженъ возразить: всѣ эти качества, какими Аристотель отличаетъ небесныя тѣла отъ элементныхъ, принимаются имъ на томъ единственно основаніи, что движенія тѣхъ и другихъ различны между собою. Потому если оспорить исключительную принадлежность круговаго движенія небеснымъ тѣламъ и распространить его на всѣ способны двигаться тѣла природы, то чтобы соблюсти послѣдовательность, должно будетъ качества нарождаемости и ненарождаемости, измѣнчивости и постоянства, дѣлимости и недѣлимости или принисать вообще всѣмъ тѣламъ вселенной или для всѣхъ отвергнуть. Очевидно, Аристотель неправильно и ошибочно вывелъ изъ круговаго движенія атрибуты, приписанные имъ небеснымъ тѣламъ.

„Симпличіо. Такая философская метода ведетъ къ погребенію всей философіи природы, къ замѣшательству и потрясенію неба, земли, вселенной...

„Сальвати Не безпокойтесь о небѣ и землѣ. Гибель не грозитъ ни имъ, ни философіи. Что касается неба, то вы же считаете его неизмѣннымъ и, слѣдовательно, вашъ страхъ не основателенъ. А относительно земли не значить ли ее облагородить и усовершенствовать, приравнивая ее небеснымъ тѣламъ и помѣщая въ небѣ, откуда ваша философія ее изгнала. Философія же извлечетъ только выгоду изъ нашихъ преній. Вѣрны наши взгляды — они послужатъ обогащенію философіи; ложны они — ихъ опроверженіе тѣмъ сильнѣе утвердитъ прежнее ученіе. Бойтесь скорѣе за извѣстныхъ философовъ и старайтесь помочь имъ и подвѣрлить ихъ. А сама наука можетъ лишь идти впередъ“.

VI. *Разсужденія и свидѣтельства наблюденій, опровергающія мнѣніе о неизмѣнности небесъ.* Симпличіо переводитъ разсужденіе на метафизическую почву. Всякое возникновеніе или народженіе, по Аристотелю, происходитъ чрезъ присутствующія въ субъектѣ противоположности. Въ небесныхъ тѣлахъ съ ихъ круговымъ движеніемъ нѣтъ про-

тивоположностей. Небо неизмѣнно, вѣчно, пребываніе безсмертныхъ боговъ—согласно мнѣнію всего человѣчества, на сколько оно имѣетъ представленіе о божествѣ. Въ элементномъ мірѣ, напротивъ, противоположности явственны: движеніе *sursum* и *deorsum* (вверхъ и внизъ).

„*Salviami*. Мнѣ кажется легче разрѣшить вопросъ о томъ, имѣетъ ли земля,—огромное, по близости своей такъ доступное намъ тѣло—быстрое движеніе, какимъ было бы вращеніе ея, въ 24 часа, около своей оси, чѣмъ повянуть и удостовериться, свершаются ли рожденія и разрушенія чрезъ противоположности, да я вообще существуютъ ли въ природѣ народенія, разрушенія и самыя противоположности. Если вы, синьоръ Симпличіо, объясните мнѣ какъ дѣйствуетъ жизнь въ народеніи, мгновенномъ, тысячей мошекъ, номощью ничтожнаго количества паробразной влаги винограднаго сока и, наконецъ, какія тутъ противоположности и гдѣ разрушеніе, то уваженіе, какое имѣю къ вамъ, еще увеличится. Я, съ своей стороны признаюсь, ничего тутъ не понимаю. Какъ охотно узналъ бы я, почему эти разрушительныя противоположности такъ снисходительны къ ворону, такъ строги къ голубю, такъ терпѣливы относительно оленей и нетерпѣливы относительно лошадей, однимъ даруя столько лѣтъ жизни и слѣдовательно неразрушимости, сколько другимъ недѣль. Периковыя и оливковыя деревья имѣютъ корни въ той же почвѣ, подвержены тѣмъ же измѣненіямъ тепла и холода, тѣмъ же дождямъ и вѣтрамъ, словомъ, дѣйствію тѣхъ же противоположностей, а между тѣмъ одни погибаютъ чрезъ непродолжительное время, другія живутъ сотни лѣтъ. Никогда не могъ я понять—говорю о естественныхъ вещахъ—превращенія вещества одного въ другое, причемъ одно такъ измѣняется, что его можно счесть разрушившимся безъ слѣда и давниимъ изъ себя совершенно отличное тѣло. Съ своей стороны, когда я вижу, что тѣло теперь имѣетъ одинъ видъ и нѣсколько позже принимаетъ другой, совсѣмъ отличный, я считаю не невозможнымъ, что произошло измѣненіе въ расположеніи частей, безъ разрушенія чего-либо и безъ народенія новаго. Такія превращенія мы видимъ всякій день“.

Замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее, что идея сохраненія

матеріи и энергіи,—какъ можно усмотрѣть и изъ нѣкоторыхъ механическихъ соображеній,—не была чужда уже Галилею.

„Симпличіо. Не могу безъ возраженія слышать, какъ подвергаютъ сомнѣнію народженіе и разрушеніе въ природѣ, такъ какъ мы постоянно имѣемъ ихъ предъ глазами, и Аристотель написалъ о томъ цѣлые два тома. Если уже оспаривать аксіомы науки, то можно—кто этого не знаетъ—доказывать все, что угодно, и защищать всякую негѣпость. Если вы не видите, какъ ото дня ко дню овощи, деревья, звѣри возникаютъ и погибаютъ; то что же вы видите? Не видите развѣ, какъ постоянно борются противоположности между собою, какъ земля превращается въ воду, вода въ воздухъ, воздухъ въ огонь и опять въ воздухъ, сгущается въ туманъ, дождь, градъ и грозу“...

„Сарпедо... Но изъ существованія противоположностей можно вывести, что и небеса разрушимы. Небесныя тѣла нерождающіяся, неразрушимыя имѣютъ въ природѣ себѣ противоположность, а именно тѣла рождающіяся и разрушимыя. А гдѣ противоположности, тамъ возникновеніе и разрушеніе. Слѣдовательно, небесныя тѣла рождаемы и разрушимы.

„Симпличіо. Не говорилъ ли я, что всѣ доказательства ваши основаны на софизмахъ. Это такое же кажущееся доказательство—называемое соритомъ—какъ извѣстное доказательство критянина. Одинъ критянинъ говорилъ, что всѣ критяне лжецы. Надо заключить, что онъ, будучи критяниномъ, сказалъ ложь, утверждая, что критяне лжецы. Слѣдовательно, критяне говорятъ правду. Слѣдовательно, и онъ, какъ критянинъ, сказалъ правду; а потому изреченіе его, что критяне лжецы,—правда. А такъ какъ онъ, будучи критяниномъ, подлежитъ силѣ того же изреченія, то значить онъ лжець. Такъ можно въ безконечности вращаться въ кругѣ ложныхъ заключеній, не достигая никогда цѣли“.

Элементы,—говоритъ далѣе Симпличіо, ссылаясь на неприкасемость, какою будто бы обладаютъ небесныя тѣла со стороны элементовъ,—подвержены перемѣнамъ и разрушенію, потому, что они находятся во взаимномъ прикосновеніи и смѣшеніи и, такимъ образомъ,

ихъ противоположности могутъ оказать взаимодѣйствіе. „Но небесныя тѣла отдѣлены отъ элементныхъ и хотя они касаются элементныхъ, но со стороны элементныхъ прикосновенія не испытываютъ. Если желаете доказать возникновенія и разрушенія у небесныхъ тѣлъ, то должны показать, что противоположности пребываютъ въ нихъ самихъ“.

Послѣ нѣсколькихъ стичекъ діалектическаго характера, бесѣда вновь переходитъ на научную почву. Самъ Симпличіо предлагаетъ обратиться къ аргументамъ а posteriori.

„Симпличіо. На землѣ мы свидѣтели непрерывныхъ перемѣнъ. Ничего подобнаго не наблюдаемъ относительно небесныхъ тѣлъ. (На человеческой памяти ни расположеніе, ни видъ ихъ не измѣнились хотя бы малѣйшимъ образомъ. Ничего не народилось новаго, ничего не разрушено прежняго“.

Собесѣдники Симпличіо указываютъ на отдаленность разстоянія свѣтилъ. Если говорить, замѣчаетъ Сальвіати, о непосредственномъ наблюденіи, то пришлось бы Китай и Америку причислить къ небеснымъ тѣламъ. Мы знаемъ о нихъ по довѣрію къ извѣстіямъ и на основаніи правила eadem est ratio totius et partium. Съ неба извѣстій нѣтъ. Разрушеніе звѣздъ на небѣ, прибавляетъ Сагрето, то же какъ бы разрушеніе земнаго шара. Всѣ философы признаютъ, что немногія звѣзды меньше земли и очень многія гораздо больше.

„Сальвіати... Въ наше время открыты новые способы наблюденія. Не сомнѣваюсь, что Аристотель перемѣнилъ бы свои воззрѣнія, если бы жилъ въ наше время. Это вытекаетъ изъ самаго способа его философствованія. Когда онъ пишетъ, что небо неизмѣнно, ибо никакого не наблюдается въ немъ народненія новаго или исчезновенія прежняго, то *implicite* онъ тѣмъ самымъ даетъ понятіе, что, окажись такія наблюденія, онъ призналъ бы противоположное воззрѣніе и чувственному познанію далъ бы предпочтеніе предъ натурфилософскими соображеніями. Не придавай онъ цѣны чувственному наблюденію, онъ не сдѣлалъ бы заключенія о неизмѣнности на томъ основаніи, что наблюденія не обнаружили никакихъ перемѣнъ.

„Симпличіо. Главнѣйшимъ основаніемъ Аристотель считалъ свои

априористическія сужденія. Необходимость неизмѣнности неба онъ выводитъ изъ своихъ ясныхъ, очевидныхъ началъ природы и затѣмъ уже подтверждаетъ, а *posteriori*, свою теорію помощію чувственныхъ наблюденій и свидѣтельствъ прошлаго.

„*Сальвати*. То, что вы говорите, относится къ способу, какимъ Аристотель изложилъ свое ученіе. Но я не думаю, чтобы онъ достигъ его такимъ путемъ. Напротивъ, я считаю несомнѣннымъ, что онъ прежде всего старался помощію чувствъ, опытнаго познанія и наблюденія убѣдиться въ справедливости своихъ заключеній и затѣмъ уже сталъ изыскивать способы, какъ ихъ доказать. Таковъ обыкновенный ходъ въ дедуктивныхъ наукахъ. Когда утверждаемый тезисъ справедливъ, не трудно помощію аналитической методы привести его къ какому-либо уже доказанному предложенію или къ аксіомѣ, очевидной сама по себѣ. Если же утвержденіе ложно, то можно безъ конца вести заключенія дальше, не придя къ какой-либо извѣстной истинѣ или даже приводя ихъ къ очевидной невозможности и негнѣности. Будьте увѣрены, что Пинагоръ задолго прежде того какъ нашелъ доказательство, за которое принесъ жертву богамъ, оправдалъ испытаніями, что квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ. Увѣренность въ истинѣ данного положенія содѣйствуетъ къ отысканію доказательствъ — говорю о дедуктивныхъ наукахъ¹⁾. Но, шелъ ли Аристотель въ своихъ заключеніяхъ отъ априорныхъ разсужденій къ апостериорному чувственному знанію, или наоборотъ, несомнѣнно, что онъ, какъ не разъ уже нами замѣчено, давалъ преимущество чувственному познанію предъ умозрѣніемъ²⁾.

Возвращаясь къ вопросу о неизмѣнности небесъ, Сальвати указываетъ на наблюденія, сдѣланныя въ новѣйшее время, говоритъ о кометахъ, появляющихся и исчезающихъ въ области лежащей выше чѣмъ сфера луны, о новыхъ звѣздахъ 1572 и 1604 года, несомнѣнно принадлежащихъ области высшей, чѣмъ область планетъ; наконецъ, о пятнахъ на солнцѣ, обнаруженныхъ помощію зрительной трубы.

---

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на этотъ замѣчательный урочъ логики открытій.

Относительно кометы Симпличіо ссылается на сочиненіе „*Анти-Тихо*“ („*Anti-Tycho*“, авторъ—извѣстный математикъ Chiagamenti). Тихо-Браге почиталъ кометы, по отдаленности ихъ—о чемъ свидѣтельствовала малость параллакса кометы 1572 г., — принадлежащими небеснымъ пространствамъ. Авторъ „*Анти-Тихо*“ утверждалъ, что кометы элементарнаго происхожденія, какъ училъ Аристотель, и принадлежать къ подлунному міру. Сальвіати согласенъ признать элементарное происхожденіе кометъ, но онѣ поднимаются въ верхнія области, не встрѣчая сопротивленія со стороны неба перипатетиковъ. „Небо это,—прибавляетъ Сальвіати,—я считаю во много разъ рѣже, уступчивѣе и тоньше нашей атмосферы“.

„*Симпличіо*. Что касается новыхъ звѣздъ, то авторъ „*Анти-Тихо*“ отдѣляется отъ нихъ нѣсколькими словами: онѣ не принадлежать къ небеснымъ тѣламъ. Если противники Аристотеля желаютъ доказать возникновенія или разрушенія въ звѣздныхъ областяхъ, то они должны обнаружить перемѣны въ звѣздахъ давно извѣстныхъ и о которыхъ никто не сомнѣвается, что онѣ принадлежать къ небеснымъ тѣламъ. О пятнахъ, которыя, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, будто бы образуются и исчезаютъ на солнцѣ, авторъ вовсе не говоритъ. Закключаю, что онъ считаетъ ихъ баснями или телескопическимъ обманомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, атмосферными мутностями, словомъ, чѣмъ хотите, только не принадлежностію небесной субстанціи“.

„*Сальвіати*. Ну, а сами вы какой придумали для себя отвѣтъ, если противники ваши будутъ приставать къ вамъ съ этими несносными пятнами, явившимися, чтобы привести въ смущеніе небо, а еще болѣе перипатетическую философію?“

Симпличіо считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ объясненіе, согласно которому пятна происходятъ отъ малыхъ планетъ, обращающихся, какъ Меркурій и Венера, около солнца и проходящихъ иногда цѣлыми группами предъ солнечнымъ дискомъ. „Если это объясненіе окажется неудовлетворительнымъ, прибавляетъ Симпличіо, то найдутся свѣтлые умы, которые придумаютъ лучшія“.

„*Сальвіати*. Если бы предметъ нашего спора относился къ об-

ласти юриспруденціи или другихъ о человѣческихъ дѣлахъ трактующихъ наукъ, въ которыхъ нѣтъ ни истины, ни ошибки, то можно бы было ждать и надѣяться, что кто-либо обладающій большимъ остроуміемъ, даромъ убѣдительности, обширнѣйшею начитанностію, обнаружитъ новыми объясненіями превосходныя качества своего ума и пожнетъ славу. Но въ естественныхъ наукахъ, гдѣ заключенія истинны, необходимы и нѣтъ мѣста человѣческому произволу, должно опасаться стать на сторону заблужденія, ибо тысяча мужей, какъ Демосѳенъ и Аристотель, были бы выбиты изъ сѣдла посредственнымъ умомъ, если бы онъ имѣлъ счастье найти истину“.

На основаніи наблюденій, Сальвиати приводитъ доказательства, что пятна принадлежатъ самой поверхности и матеріалу солнца, а не находятся отъ него на разстояніи, и повторяетъ, что мы лучше, чѣмъ Аристотель, можемъ судить объ астрономическихъ вещахъ, благодаря телескопу, сдѣланному для насъ небо въ тридцать, сорокъ разъ ближе, чѣмъ какъ оно было для Аристотеля, который не могъ и видѣть солнечныя пятна. Затѣмъ Сагрѣдо и Сальвиати не безъ ироніи обращаются къ собесѣднику.

„Сагрѣдо. Я вхожу въ мысли синьора Симпличіо. Несомнѣнно, что сила столь убѣдительныхъ доказательствъ произвела на него впечатлѣніе. Но когда онъ принимаетъ въ соображеніе громадный авторитетъ Аристотеля, когда онъ взвѣшиваетъ огромное число знаменитыхъ истолкователей, старавшихся уразумѣть его мнѣнія, когда онъ вспоминаетъ, сколько полезныхъ и необходимыхъ наукъ значительною частію уваженія, какимъ онѣ пользуются, обязаны кредиту Аристотеля, онъ приходитъ въ смущеніе и страхъ. Мнѣ кажется, я слышу, какъ онъ говоритъ себѣ: къ кому же прибѣгнемъ мы, чтобы рѣшить наши споры, если Аристотель свергается съ трона; какому же другому автору слѣдовать въ школахъ, въ академіяхъ, въ наукѣ? какой философъ изложилъ всѣ части философіи природы въ такомъ послѣдовательномъ проведеніи, безъ всякаго пробѣла въ цѣпи заключеній? И такое зданіе, дававшее кровь столькимъ путникамъ, должно быть разорено! Убѣжище, святилище, гдѣ столько жаждущихъ науки,

не подвергаясь непогодѣ, находили подкрѣпленіе и пріобрѣтали значеніе, перелистывая нѣсколько страницъ, должно быть разрушено! Крепость, охранявшая отъ вражескаго нападенія, должна быть скрыта! Онъ мнѣ внушаетъ состраданіе, какъ нѣкоторый господинъ, который въ теченіе долгаго времени съ великими издержками, помощію множества рабочихъ воздвигнулъ великолѣпный дворецъ и видитъ, что по непрочности главной стѣны зданію грозитъ паденіе. Чтобы не видѣть, къ огорченію сердца, паденія стѣны, украшенной прекрасною живописью, разрушенія колоннъ, поддерживающихъ великолѣпныя галлеи, золоченія крыши, мраморныя карнизы, онъ старается предотвратить паденіе цѣпями, связями, подставками, контрфорсами.

„Сальвати. Ну, такого разрушенія синьоръ Симпличіо можетъ еще не бояться. Я бы взялся предотвратить его съ гораздо меньшими издержками. Нѣтъ еще опасности, чтобы одинъ, два голоса шумомъ своимъ могли напугать такое огромное число искусныхъ и проникательныхъ философовъ. Имъ нечего даже направлять острія своихъ копій. Ихъ молчанія достаточно, чтобы обречь новаторовъ на осмѣяніе публики. Какая обманчивая увѣренность — дать дорогу истинѣ чрезъ опроверженіе того или другого автора! Прежде надо передѣлать головы людей и сдѣлать ихъ способными различать истину. Но это можетъ сдѣлать Богъ одинъ“.

VII. *Разборъ этическихъ аргументовъ по вопросу о землѣ, не какъ центрѣ, а какъ одномъ изъ небесныхъ тѣлъ.* Бесѣда переходитъ на почву этическихъ аргументовъ.

„Сиредо. Не могу слышать безъ удивленія и внутренняго противодѣйствія, когда неизмѣнимость, отсутствіе взаимодействій и переходовъ приписываются тѣламъ, какъ нѣчто превосходное и совершенное, въ противоположность измѣчивости, нарождаемости, превращеніямъ. Съ своей стороны я почитаю землю за нѣчто превосходное и чудесное именно благодаря этимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ превращеніямъ, непрерывно на ней происходящимъ. Вудъ она, напротивъ того, неподвержена перемѣнамъ, представляя она собою песчаную пустыню или яшмовый шаръ, обратись, чрезъ замер-

заніе покрывшей её при потопѣ воды, въ ледяной шарѣ, на которомъ ничто бы не рождалось, не разрушалось, не измѣнялось,—я счелъ бы ее бесполезною на свѣтѣ вещь, ненужною, излишнею, какъ если бы ее вовсе не было. Она представлялась бы мнѣ какъ мертвое тѣло въ сравненіи съ живымъ. То же надо сказать о Лунѣ, Юпитерѣ и другихъ шарахъ вселенной. Чѣмъ болѣе вникаю въ скудость хе-личихъ идей, тѣмъ легкомысленнѣе онѣ мнѣ кажутся. Что можетъ быть неразумнѣе, какъ представлять себѣ рѣдкіе камни, серебро, золото—драгоценностями, а землю и илъ считать вещами не имѣющими никакой цѣны. Неужели этимъ людямъ не приходитъ на умъ, что если бы земля была такою рѣдкостью, какъ драгоценныя украшенія и металлы, то не было бы государя, который не отдалъ бы кучи брилліантовъ и рубиновъ или четырехъ воровъ золота за то, чтобы купить земли сколько нужно, чтобы посадить въ горшокъ вѣтку жасмина или померанцеваго дерева, и наблюдать, какъ онѣ вырастаютъ, покрылись зеленью, душистыми цвѣтами и пріятными плодами? Лишь рѣдкость или обыкновенность придаютъ въ глазахъ людей цѣнность вещи или лишаютъ ее цѣны. Они считаютъ алмазъ превосходнымъ потому, что онъ подобенъ чистой водѣ, но не отдадутъ его и за десять ее бочекъ. Кто такъ высоко цѣнитъ неразрушимость и неизмѣняемость, тотъ, полагаю, побуждается желаніемъ долго, долго жить на этомъ свѣтѣ и страхомъ смерти. Не хотятъ подумать, что, будь люди бессмертны, они бы не цѣнили появленія на свѣтѣ. Такіе люди заслуживаютъ взоромъ Медузы быть обращенными въ статуи изъ яшмы и алмаза, дабы достигъ высшаго совершенства.

„Сальвати. Можетъ быть, для нихъ была бы выгодна такая метаморфоза, ибо по-моему лучше вовсе не думать, чѣмъ думать извращенно.

„Симпличіо. Несомнѣнно, что земля много совершеннѣе теперь, когда она подчинена измѣненіямъ, чѣмъ еслибы была изъ вѣрчайшаго, безчувственнѣйшаго алмаза. Но тѣ качества, которыя землѣ придаютъ совершенство, сдѣлали бы небесныя тѣла несовершенными,

будучи для них излишними. Небесныя тѣла, какъ солнце, луна и прочія звѣзды, назначенныя единственно на службу землѣ¹⁾, нуждаются для своей цѣли лишь въ движеніи и свѣтѣ.

„*Сиреда*. Значить, природа всѣ эти сильныя, совершенныя и благородныя небесныя тѣла создала неизмѣнными, неразрушимыми, божественными лишь для того, чтобы они служили измѣнчивой, разрушимой, переходящей землѣ? Служили тому, что вы зовете осадкомъ

---

¹⁾ Мнѣніе, что вся матеріальная природа имѣетъ назначеніемъ служить на пользу человека, было однимъ изъ распространеннѣйшихъ въ эпоху Галилея. Вотъ, наприимѣръ, какъ говоритъ объ этомъ предметѣ Ваннини, — сожженный въ 1609 г. въ Тулузѣ за вольнодумство и еретическія сужденія, — возражая Кардану въ сочиненіи „*Amphitheatrum aeternae providentiae divino-magicum, christiano-physicum, astrologico-catholicum etc.*“. „Карданъ, — пишетъ Ваннини (Ехерс. V) — утверждаетъ, что небо движется для собственной пользы, а не для нашей. Цѣль-де благородиѣе, чѣмъ то, что къ ней стремится. Все, что подъ небомъ, менѣе-де благородно, чѣмъ небо, и есть какъ бы его изверженіе. А по мнѣ противное истинно; ибо еслибы небеса двигались для себя, они стремились бы къ собственной цѣли, къ покою, какъ видимъ въ подлунномъ мірѣ, а не къ движенію, которое есть только несовершенство, какъ средство въ сравненіи съ цѣлью. Кромѣ того, для нихъ нѣтъ никакой выгоды въ движеніи, ибо все ограничивается тѣмъ, что части ихъ остаются на разстояніи отъ центра перваго двигателя, — отъ центра міра. Спрошу еще Кардана: для кого созданы пища, жилища и прочее. Для животныхъ конечно. Кто все это создалъ? Богъ. Что близко къ Богу и съ нимъ? Небеса. Кто ихъ создалъ? Богъ. Какое живое существо самое благородное? Человѣкъ. Значить, для него движутся небеса, для него существуютъ. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется авторитетъ всей школы учителя (Аристотеля). Онъ въ книгѣ о небѣ въ ясныхъ словахъ высказываетъ, что движеніе неба устроено въ виду земнаго шара. Потому и зоветъ человека микрокосмомъ... Ты учишь, Карданъ, что наши дѣянія зависятъ отъ небесныхъ движеній. Въ такомъ случаѣ, можетъ ли быть, чтобы не для человека созданы были небеса. Если звѣзды не имѣютъ на меня никакого вліянія, я бы мало боялся Марса, который былъ въ восьмомъ кругѣ въ моментъ моего рожденія. Въ твоемъ же трактатѣ „*De utilitate*“ ты говоришь такъ о природѣ человѣка: „Человѣкъ созданъ — какъ средній терминъ между божественнымъ и разрушимымъ. Но, чтобы быть среднимъ терминомъ, надо имѣть двѣ стороны. Эти двѣ стороны, служащія къ тому, чтобы онъ былъ среднимъ терминомъ, и суть: одна — небо, другая — земля“.

міра, гущею всего нечистаго? Зачѣмъ давать безсмертіе небеснымъ тѣламъ, если они назначены на службу того, что разруσιμο? Если отнимете это служебное по отношенію къ землѣ значеніе, то они окажутся безъ пользы и цѣли. Между собою у нихъ нѣтъ взаимодействія, ибо они всѣ неизмѣнны и невпечатлимы. Такъ, если луна невпечатлима, то какъ могутъ дѣйствовать на нее солнце и звѣзды? Не болѣе того, какъ человекъ, который бы вздумалъ однимъ своимъ взоромъ растопить большую массу золота. По моему мнѣнію, чтобы содѣйствовать нарожденіямъ и превращеніямъ на землѣ, небесныя тѣла сами должны быть измѣнчивы. Иначе ожидать отъ луны и другихъ воздѣйствія на землю было бы то же, что ждать потомства, сочетавъ жениха съ невѣстою, сдѣланною изъ мрамора.

„Симпличіо. Измѣнчивость, разрушимость, превращенія свершаются лишь въ верхнихъ частяхъ земли. Въ цѣломъ и она тоже вѣчна и неизмѣнима, какъ солнце и луна..

„Сарредо... Почему же измѣненія не могутъ быть точно также во внѣшнихъ частяхъ небесныхъ тѣлъ?..

„Симпличіо. Это невозможно, ибо возникновенія, перемѣны, еслибы были на лунѣ, были бы бесполезны и не нужны, а *natura nil frustra facit*.

„Сарредо. Но почему это было бы бесполезно и не нужно?

„Симпличіо. Потому что мы можемъ явственно видѣть, руками осязать, что всѣ безъ исключенія перемѣны, имѣющія мѣсто на землѣ, посредственно или непосредственно назначены на пользу и пріятность человека. Для удовольствія человека произведены лошади, на пищу лошадямъ земля раститъ траву, облака дождятъ на нивы. На удовольствіе и потребленіе человека произведены овощи, полевые плоды, фрукты, звѣри, птицы, рыбы... А какую пользу человеку могли бы принести произведенія луны? Вы должны бы доказать, что и на лунѣ живутъ люди, пользующіеся ея произведеніями,—мысль сказочная и безбожная“.

„Сарредо. Что на лунѣ и другихъ планетахъ растутъ травы и деревья, водятся звѣри, подобно тому, какъ у насъ; что тамъ идутъ

дожди, вѣютъ вѣтры, бываютъ грозы—этого я не знаю и этого не думаю; еще менѣе, что тамъ живутъ люди. Но не понимаю, почему изъ того, что тамъ не нарождаются вещи, подобныя земнымъ, необходимо слѣдуетъ заключить, что тамъ нѣтъ вообще рожденія, не могутъ быть тамъ иныя вещи измѣнчивыя, рождающіяся, разрушающіяся, но которыя не только отличны отъ нашихъ, но таковы, что о нихъ фантазія наша ничего сказать не въ состояніи, такъ какъ мы ихъ никакого представленія составить себѣ не можемъ. Подобнымъ образомъ, несомнѣнно, что тотъ, кто родился въ громадномъ лѣсу, возросъ среди дикихъ звѣрей и птицъ и никогда не зналъ элемента воды, не можетъ имѣть понятія о томъ, что въ природѣ есть иной міръ, отличный отъ твердой земли, наполненный животными, которыя быстро движутся безъ ногъ и крыльевъ, и не на поверхности только, какъ четвероногіе звѣри по землѣ, но на всякой высотѣ и глубинѣ; которыя не только движутся, но на всякомъ мѣстѣ могутъ оставаться въ покоѣ, чего птицы въ воздухѣ сдѣлать не могутъ; и что этотъ міръ обитаемъ людьми, которые строятъ дворцы и города и безъ утомленія, со всѣмъ домою и домочадцами, путешествуютъ въ дальнія страны. Такое лицо, повторяю, какъ бы сильно ни было его воображеніе, не могло бы представить себѣ рыбъ, океанъ, корабли, флоты, вооруженную морскую силу. Тѣмъ болѣе на лунѣ, такъ далеко отъ насъ находящейся и, быть можетъ, образованной изъ совсѣмъ другаго матеріала, чѣмъ земли, могутъ быть тѣла, происходить явленія, не только далеко лежація въ кругѣ нашего воображенія, но и совсѣмъ внѣ его; ибо не имѣютъ никакого сходства съ земными отношеніями и потому вообще немислимы. Всякій фантастическій образъ или воспроизводитъ нѣчто наблюдавшееся нами, или слагается изъ соединенія наблюдавшихся вещей и частей,—какъ сфинксы, сирены, химеры, центавры и т. д.

„*Salviani*. Я часто предавался фантазіи относительно этого предмета и, полагаю, могъ, по крайней мѣрѣ, указать себѣ многое, чего нѣтъ на лунѣ и быть не можетъ. Относительно же того, что тамъ есть и быть можетъ, я пришелъ только къ широкому допущенію тамъ

существовъ, ее украшающихъ, которыя дѣйствуютъ, движутся, живутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ мы; дивятся величію и красотѣ міра и Творца и поютъ неустанную Ему хвалу; словомъ, свершаютъ то, что часто удостоверяется въ писаніи: прославленіе Бога въ Его твореніяхъ“.

VIII. *Что, благодаря телескопу известно относительно луны.* Слѣдующія страницы бесѣды, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, заняты изложеніемъ и разборомъ свѣдѣній о лунѣ. Сдѣлавшіяся нынѣ адектарными, свѣдѣнія эти имѣли характеръ новизны въ эпоху открытія Діалога. Телескопъ въ рукахъ Галилея открылъ галактику наблюдателей на поверхности луны цѣлый міръ, остававшійся недоступнымъ невооруженному зрѣнію.

„Когда,—спрашиваетъ, въ теченіе разговора, Сагрето,—будетъ конецъ новымъ наблюдениямъ и открытіямъ, доставляемымъ этимъ удивительнымъ инструментомъ?“

„Сальвиати. Если успѣхи этого инструмента будутъ идти такъ же быстро, какъ другихъ великихъ открытій, то можно надѣяться, что увидимъ вещи, какія нынѣ и фантазія наша не въ состояніи нарисовать“...

Сальвиати, прежде всего, останавливается на свойствахъ и явленіяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что луна есть тѣло подобное землѣ.

Какъ земля, луна есть шаръ, состоящій изъ твердаго и плотнаго матеріала, это явствуетъ изъ наблюденій помощью зрительной трубы, указывающихъ на поверхности луны неровности, многочисленныя возвышенности и углубленія.

„Многія изъ такихъ возвышенностей,—описываетъ Сальвиати,—во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ подобіе съ нашими гористыми мѣстностями. Нѣкоторыя тянутся хребтообразно, давая многіе отроги. Другія представляютъ собою скученныя группы. Много отдѣльныхъ, изолированныхъ скалъ чрезвычайной крутизны. Особенно многочисленны какъ бы насыпи или плотины—не нахожу лучшаго выраженія,—которыя окружаютъ плоскія возвышенности (плато) разной величины и имѣютъ разнообразную форму, преимущественно круглую.

Во многихъ, въ срединѣ, бываетъ гора значительной высоты. Немногія наполнены темной массой, подобной той, которая составляетъ видимыя простымъ глазомъ пятна; послѣднія—суть обширнѣйшія равнины. Число маленькихъ чрезвычайно велико, и всѣ круговидны.

„Подобно тому, какъ поверхность земнаго шара распадается на двѣ главныя части—воду и сушу, на поверхности луны усматриваемъ ошительную разницу между болѣе свѣтлыми и сравнительно темными частями. Еслибы съ луны или вообще съ большаго разстоянія можно было смотрѣть на землю, освѣщенную солнцемъ, она, по мнѣнію моему, представила бы подобіе того, что видимъ на лунѣ, и при этомъ водная поверхность казалась бы темною, а суша—свѣтлою“.

Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора, возвращаясь къ вопросу о темныхъ и свѣтлыхъ частяхъ луннаго диска, Сальвати рѣшительно высказывается противъ предположенія, что темныя мѣста—суть лунныя моря. Темныя, сравнительно, части, по его мнѣнію,—а слѣдовательно, и Галилея,—тѣ, гдѣ мало скалъ и насыпей. „Болѣе свѣтлыя части сплошь покрыты скалами, горами, круглыми и иной формы долинами. Въ особенности окрестности темныхъ пятенъ богаты горными мѣстностями. Не знаю, впрочемъ, достаточно ли одного предположенія о ровности поверхности для объясненія вида темныхъ мѣстъ, и сомнѣваюсь въ этомъ... Полагаю, что матерія луннаго шара не состоитъ изъ суши и воды.“

„Уже это исключаетъ рожденія и превращенія, подобныя земнымъ. Но если даже допустить тамъ существованіе воды и суши, то лунныя растенія и животныя, уже по двумъ причинамъ, должны быть совсѣмъ отличны отъ нашихъ. Во-первыхъ, для всякой жизни на землѣ необходимое условіе—перемѣны положенія солнца, безъ которыхъ все бы погибло. На большинствѣ пунктовъ земля имѣетъ въ продолженіе 24 часовъ смѣну дня и ночи; соответствующее явленіе на лунѣ длится мѣсяцъ. Годичная перемѣна въ положеніи солнца, вышнемъ и низшемъ, производящая у насъ времена года и неравенства дней и ночей, свершается на лунѣ также въ теченіе мѣсяца. И тогда какъ у насъ разность высшаго и низшаго стоянія солнца простирается до

47 градусо́въ—такъ велико разстояніе поворотныхъ круго́въ между собою — на лунѣ она составляетъ менѣе чѣмъ 10 градусо́въ. Представимъ себѣ, какія послѣдствія были бы, если бы у насъ теплая полоса въ теченіе полмѣсяца безъ перерыва была освѣщена солнцемъ. Несомнѣнно, всѣ деревья, травы, звѣри погибли бы. Если, слѣдовательно, на лунѣ есть рожденіе, то тамошніе звѣри и растенія должны быть совсѣмъ инаго устройства. Во-вторыхъ, я считалъ доказаннымъ, что на лунѣ не бываетъ дождя. Иначе тамъ были бы облака на землѣ, облака. Они скрывали бы тѣ или другія подробности, видимыя въ зрительную трубку, и измѣняли бы тамъ и сямъ наблюдаемый видъ. Явленіе, котораго я, не смотря на долгиа, тщательнѣе наблюденія, ни разу не замѣчалъ. Напротивъ, всегда наблюдалъ неизмѣнную ясность и чистоту.

„*Сазредо*. Можно возразить, что тамъ можетъ быть въ большомъ количествѣ падаетъ роса или идетъ дождь только ночью, когда не свѣтитъ солнце.

„*Сальвиати*. Если бы мы на основаніи другихъ соображеній пришли къ убѣжденію, что луна порождаетъ такіа же существа, какъ земля, и затрудняло бы насъ только отсутствіе дождя, то пришлось бы придумывать какія-нибудь вознагражденія недостающаго дождя, въ родѣ, напримѣръ, разлитія Нила въ Египтѣ... Но нѣтъ цѣли придумывать... Съ своей стороны я бы высказался за полное различіе и совершенную невообразимость. Лишь она кажется мнѣ достойною богатства природы и могущества Творца!“

Доказательства того, что луна обращена къ землѣ постоянно одною своею стороною такъ, что намъ видимо лишь одно ея полушаріе (немного болѣе—вслѣдствіе такъ называемой либраціи, замѣченной Галилеемъ), явленія во время затменія, а также такъ называемый пепельный свѣтъ луны составляютъ предметъ внимательнаго разбора въ бесѣдѣ пріятелей. Пепельный свѣтъ Сальвиати вѣрно объясняетъ освѣщеніемъ луны землю, играющей по отношенію къ спутнику роль огромной луны. Симпличіо полагаетъ, что пепельный свѣтъ есть собственный свѣтъ луны, и продолжаетъ обращаться къ Аристотелю. Онъ

согласенъ принять, что луна есть шаръ непрозрачный—прозрачность обнаружилась бы во время затменія солнца — по не шероховатый, какъ утверждаетъ Сальвиати, а совершенно гладкій. Самое вещество луны онъ признаетъ твердымъ и плотнымъ, какъ земля, даже болѣе чѣмъ земли. „Ибо,—прибавляетъ онъ,—если мы примемъ съ Аристотелемъ, что небо непроницаемо и звѣзды суть плотнѣйшая часть неба, то необходимо, чтобы онѣ были тверды и совершенно непроницаемы.

„*Сарредо*. Вотъ бы хорошо изъ такого твердаго и прозрачнаго матеріала построить дворцы!

„*Сальвиати*. Напротивъ, было бы очень неудобно. Небесная матерія, по ея полной прозрачности, была бы совсѣмъ невидима, и мы постоянно были бы въ грубѣйшей опасности, двигаясь въ комнату, удариться о косякъ и разбить себѣ черепъ.

„*Сарредо*. Этой опасности не было бы, если справедливо то, въ чемъ увѣрняютъ нѣкоторые перипатетики, а именно, что небесная матерія неприкосновима. Если нельзя къ ней прикоснуться, то нельзя и разбиться объ нее.

„*Сальвиати*. Это не лучше. Если мы не можемъ прикоснуться къ небесной матеріи потому, что она не имѣетъ осязаемыхъ свойствъ, то однако, наоборотъ, она можетъ касаться элементныхъ тѣлъ. А чтобы насъ поранить, все равно, мы ли объ нее ударимся или—что еще хуже—она насъ ударитъ. Но оставимъ эти фантазіи или, точнѣе, воздушные замки и дадимъ продолжать синьору Симпличіо“...

Симпличіо, ссылаясь на книгу одного падуанскаго профессора— по мнѣнію Штрауса, Кремонини—развиваетъ мысль, что поверхность луны гладкая, зеркальная, и что усматриваемыя въ зрительную трубу неровности—оптический обманъ, происходящій отъ неодинаковой проницаемости для свѣта разныхъ частей лунной поверхности.

Сальвиати со значительной подробностію разбираетъ и опровергаетъ мысль о зеркальности поверхности луны, указывая, сколь ниня были бы явленія, еслибы луна была плоскимъ зеркальнымъ дискомъ или шаромъ съ зеркальною поверхностію. Главный интересъ разсужденій, опровергающихъ мысль, не выдерживающую даже слабой критики,—

въ замѣчаніяхъ изъ области оптики, свидѣтельствующихъ о необычайной наблюдательности Галилея.

Дѣло идетъ объ отраженіи солнца отъ плоскаго и выпуклаго зеркала. Собесѣдники не ограничиваются разсужденіемъ: производятъ опыты. Приносятъ небольшое плоское зеркало и выпуклое (металлизированный внутри стеклянный шаръ, какіе были въ употребленіи въ Венеціи, славившейся стеклянными заводами). Сальвиати обращаетъ вниманіе на яркое отраженіе солнечныхъ лучей отъ плоскаго зеркала на стѣну. Симпличіо полагаетъ, что большой отражающій шаръ ихъ еще болѣе. Но при опытѣ съ шаромъ стѣна оказывается не освѣщенной. На самомъ шарѣ усматривается сильно блестящее мѣсто. Сальвиати обращаетъ вниманіе на то, что мѣсто это (изображеніе солнца въ выпуклости зеркала) глазу кажется довольно большимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно очень мало. Это то же явленіе,—подснываетъ онъ, — какое бываетъ при наблюденіи отдаленной свѣчи, кажущейся окруженною вѣтвомъ лучей. То же замѣчается при наблюденіи звѣздъ. Сальвиати называетъ явленіе иррадіаціей. „Если вы днемъ наблюдаете чрезъ зрительную трубу маленькую точку, какой представляется Сиріусъ, видимый въ этомъ случаѣ безъ иррадіаціи, и сравните наблюдаемую точку съ тѣмъ видомъ, въ какомъ звѣзда эта является ночью простому глазу, то вы, безъ сомнѣнія, скажете, что окруженная лучами звѣзда въ тысячу разъ кажется болѣе ея дѣйствительнаго голаго ядра. Подобному и еще большему увеличенію подлежитъ малое изображеніе солнца въ выпукломъ зеркалѣ“...

Сальвиати подвергаетъ далѣе внимательному сравненію отраженіе лучей отъ зеркальной поверхности съ ихъ разсѣяніемъ отъ шероховатой и указываетъ, что матовое серебро кажется свѣтлѣе, чѣмъ полированное, исключая направленія правильнаго отраженія лучей. Любопытно сравненіе луны, когда она видима надъ горизонтомъ въ одно время съ солнцемъ, съ облаками, видимыми въ то же время и иногда представляющимися столь же ярко освѣщенными солнцемъ, какъ освѣщенная имъ часть луны. Свѣтъ сумерекъ,—прибавляетъ Сагрето,—чрезъ полчаса послѣ захода солнца превращаетъ свѣтъ полной луны.

Это доказывалось тѣмъ, что только послѣ этого времени можно замѣтить тѣнь отъ предметовъ, освѣщенныхъ такою луною. Желая пояснить, что отраженіе лучей отъ воды слабѣе, чѣмъ отъ суши, Сальвати предлагаетъ и дѣлаетъ слѣдующій опытъ. „Пойдемте въ залу и нальемъ нѣсколько воды на полъ. Скажите мнѣ: не кажется ли смоченное мѣсто значительно темнѣе сухаго? Конечно. И такъ со всякаго мѣста, гдѣ бы мы ни стали, исключая одного, куда отражается свѣтъ, идущій отъ окна“.

IX. *Сравненіе изложенія Галилея съ бесѣдою Плутарха о лицѣ видимомъ на дискѣ луны.* Сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

Сочиненіе Галилея простотою, изяществомъ изложенія рѣзко отличается отъ тяжелыхъ, иногда многотомныхъ ученыхъ трактатовъ его эпохи. Оно дышетъ новизною и оригинальностью мысли. Если бы мы хотѣли указать до Галилея ученое сочиненіе такихъ же литературныхъ достоинствъ, то должны бы пойти далеко въ прошлое, въ эпоху греческой науки и ея отголосковъ въ римскомъ мірѣ, обратиться— въ области вопросовъ о міростроеніи — въ бесѣдамъ Цицерона, къ Сенека, признававшему землю небеснымъ тѣломъ и вводившему кометы въ систему міра, и къ „Бесѣдѣ о лицѣ видимомъ на дискѣ луны“ Плутарха. Можно думать, что сочиненіе Плутарха, изложенное, какъ и Діалогъ Галилея, въ формѣ разговора нѣсколькихъ лицъ (восьми у Плутарха), было знакомо Галилею. По крайней мѣрѣ, въ двухъ трактатахъ можно встрѣтить немало мыслей, родственныхъ между собою. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Воспользуемся тщательнымъ русскимъ переводомъ, изданнымъ уважаемымъ профессоромъ Московскаго университета, Г. Аѳ. Ивановымъ. (Сочиненіе Плутарха, замѣтимъ, сохранилось въ очень неисправномъ видѣ и многія мѣста непонятны).

Приведемъ замѣчательное мѣсто о томъ, что земля не есть центръ міра и что стремленіе ея частей соединиться вмѣстѣ, порождающее тяжесть, есть явленіе, свойственное въ отдѣльности каждому изъ небесныхъ тѣлъ.

„Земля влечетъ къ себѣ всѣ свои тяжелыя части не столько потому,

что она есть центръ вселенной, сколько оттого, что представляетъ собою нѣкоторое цѣлое. И то явленіе, что къ ней тяготеютъ предметы, должно служить доказательствомъ не ея срединнаго положенія въ мірѣ, но общности и средства ихъ съ нею: будучи насильственно отъ нея оторваны, они снова несутся къ ней. Ибо, какъ солнце привлекаетъ къ себѣ свои составныя части, такъ и земля принимаетъ и какъ бы уноситъ камень, какъ собственность и принадлежность. Оттого всѣ подобнаго тѣла, съ теченіемъ времени, объединяется и срѣдоточивается къ ней. Если же существуетъ какое тѣло, искони ей не принадлежащее и отъ нея не отторгнутое, но имѣющее свой собственный составъ и природныя свойства, каковою философы желали бы признать, напримеръ, луну, то что мѣшаетъ ей быть и пребывать отдѣльно самою по себѣ, плотно окруженной своими частями и изъ нихъ сомкнутой? Вѣдь, во-первыхъ, не доказано, что земля есть центръ вселенной, а, во-вторыхъ, тѣсная связь и сплоченность съ землею здѣшнихъ тѣлъ наводитъ на мысль о причинѣ, вслѣдствіе которой вещества, составляющія луну, должны и тамъ быть постоянно вмѣстѣ. А кто все землеобразное и тяжелое насильственно сводитъ въ одно мѣсто, дѣлая изъ него части одного тѣла, не вижу, почему не долженъ бы былъ признать того же необходимымъ условіемъ и для веществъ не тяжелыхъ. Зачѣмъ онъ допускаетъ отдѣльное существованіе столь многихъ огненныхъ соединеній, а не признаетъ, соединяя всѣ звѣзды въ одно цѣлое, что должно бы быть общее тѣло всего носящагося въ высотѣ и огневиднаго?..

„Какъ не вѣрно судить тотъ, кто наружную поверхность неба называетъ верхомъ, а все остальное низомъ, такъ нельзя одобрить и того, кто нижнее пространство ограничиваетъ землею или, точнѣе, ея центромъ. Вообще, въ какомъ смыслѣ говорятъ, что земля помѣщена въ центрѣ, и въ центрѣ чего? Вѣдь вселенная безпредѣльна, а безпредѣльному, не имѣющему ни начала, ни конца, нельзя имѣть и центра, ибо и центръ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ предѣлъ, а безпредѣльность есть отсутствіе предѣла. Утверждающій же, что земля есть центръ не пространственной вселенной, но міра, наивнѣе, если

полагаетъ, что относительно самаго міра не существуетъ тѣхъ же недоумѣній: вселенная и ему не дала центра; и у него нѣтъ постоянного мѣста и осѣдлости; онъ носится въ безпредѣльной пустотѣ, не имѣя передъ собою ничего ему родственнаго, или же стоитъ, имѣя причину остановки въ чемъ-либо иномъ, но не въ природныхъ свойствахъ сферы“.

„Луну охраняетъ отъ паденія само движеніе и быстрота обращенія, подобно тому, какъ предметамъ, вложеннымъ въ пращу, не даетъ выпадать круговратное движеніе... Поэтому и луну не увлекаетъ тяжесть, коей дѣйствіе уничтожается круговымъ движеніемъ“.

Бесѣда участниковъ „Диалога“ о лунѣ во многомъ повторяетъ мнѣнія собесѣдниковъ Плутарха. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній.

„Невѣроятно, чтобы луна имѣла, подобно морю, однообразную поверхность. Повидимому, всего болѣе она походитъ по природѣ на землю, которую мнѣнческіи изобразилъ тотъ древній Сократъ, описывая ли иносказательно луну, или рассказывая о какой другой землѣ. Ибо очень вѣроятно и неудивительно, что луна, не заключая въ себѣ ничего испорченнаго и гниlostнаго, но, получая отъ неба чистый свѣтъ, исполненная теплоты непрожигающей и огня не буйнаго, но влажнаго, безвреднаго, соответствующаго ея природѣ, представляетъ удивительно красивыя мѣстности, имѣетъ пламенеобразныя горы, пурпуровые пояса, содержитъ золото и серебро не разсѣянными въ глубинѣ, но обильно выступающими на поверхность въ равнинахъ, или лежащими кругомъ по гладкимъ возвышенностямъ...“

„Полагаемъ, что нисколько не грѣшимъ, принимая луну за землю, а это видимое лицо ея за слѣдствіе того, что, какъ земля имѣетъ нѣкоторыя значительныя углубленія, такъ и луна изрѣзана глубокими пропастями и разсѣлинами, содержащими воду, или темный воздухъ. И внутри ихъ не проникаетъ и ихъ не касается солнечный свѣтъ, но затмевается и посылаетъ сюда разорванное отраженіе.“

„Ничто не свидѣтельствуетъ о невозможности жизни на лунѣ. Мнѣніе тѣхъ, что считаютъ луну огненною и раскаленною, ошибочно; да и тѣ, которые для размноженія, питанія и жизни тамошнихъ су-

щество требуютъ присутствія тѣхъ же условій, что и здѣсь, не вдумались, надо полагать, въ разнообразіе существъ природы, среди коихъ можно найти болѣе рѣзкія и болѣе многочисленныя различія и несходства между собою, нежели съ предметами неодушевленными.

„Подобно тому, какъ еслибы мы, не имѣя возможности приблизиться и прикоснуться къ морю, но лишь издали вида его и зная, что вода въ немъ горька, неудобна для питья и солонна, услышали отъ кого-нибудь, будто оно содержитъ въ глубинѣ множество различныхъ и разнообразныхъ животныхъ, наполнено звѣрами, которые пользуются водою, какъ мы воздухомъ, то намъ казалось бы, что онъ рассказываетъ басни и неблуды. Также, повидимому, относимся мы къ лунѣ, не вѣря, что тамъ обитаютъ какіе-нибудь люди. А тамошніе обитатели съ гораздо большимъ удивленіемъ смотрятъ на землю, видя въ ней отстой и подонки вселенной, страну, мутно просвѣчивающую сквозь влагу, туманы и облака, низменную и неподвижную,—дивятся, какъ это она производитъ и питаетъ живыя существа, одаренныя движеніемъ, дыханіемъ и теплотою. И еслибы имъ довелось услышать, про эти гомеровскіе стихи: „Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самыя боги“, и „Тартаръ, столь же далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола“, то они, безъ сомнѣнія, стали бы утверждать, что это говорится объ этой именно странѣ; что здѣсь и адъ, и тартаръ, и что одна только луна есть земля, находящаяся на одинаковомъ разстояніи отъ верхнихъ и отъ этихъ нижнихъ пространствъ“.

Въ заключеніе отмѣтимъ мимоходомъ мечтаніе одного изъ собеседниковъ Плутарха, Сулла, о душѣ и смерти.

„Большинство правильно полагаетъ, что человекъ — существо сложное; но что онъ составленъ изъ двухъ частей—это невѣрно. Именно думаютъ, будто умъ есть какъ бы часть души, впадая въ ошибку, ничуть не меньшую, нежели тѣ, которымъ душа представляется частью тѣла. Умъ превосходнѣе и божественнѣе души настолько, насколько душа выше тѣла“.

Такимъ образомъ, человекъ состоитъ изъ трехъ частей: тѣло,

душа и умъ. Смерть двояка. Одна — на землѣ — отдѣляетъ душу и умъ отъ тѣла. Вторая смерть — на лунѣ — отдѣляетъ умъ отъ души. „Всякой душѣ, по выходѣ изъ тѣла, суждено блуждать въ пространствѣ между землею и луною не одинаковое время... Неправедныя и неочищенныя души отбываютъ наказаніе за неправды, а праведныя должны пребывать нѣкоторое положенное время въ наиболѣе мягкой части воздуха, которую называютъ „нажитыми ада“, сколько пужно для очищенія и отвѣщенія отъ тѣла сквернѣ, какъ бы дурнаго дыханія. Затѣмъ, какъ бы возвращаемыя изъ ссылки въ отечество, онѣ вкушаютъ такую радость, какую особенно испытываютъ посвящаемыя въ таинства — со страхомъ и смущеніемъ, соединенными съ нарочитою надеждою“.

Вернемся къ Діалогу.

Х. Заключительная часть бесѣды перваго дня: о свойствахъ и значеніи человѣческаго разума. Бесѣда перваго дня заключается замѣчательнымъ разсужденіемъ о свойствахъ и значеніи человѣческаго разума.

„*Сизредо.* Я всегда считалъ великою дерзостью дѣлать изъ познавательной способности человѣка мѣрку того, что можетъ свершить природа. Напротивъ того: полное познаніе самаго незначительнаго дѣйствія природы недостижимо для самаго глубокаго размышленія. Суетное притязаніе все уразумѣть происходитъ отъ полнаго недостатка всякаго знанія. Кто пытался хоть разъ уразумѣть какую-либо вещь и дѣйствительно вкусилъ знанія, тотъ признается, что относительно безконечнаго числа другихъ истинъ онъ остается въ полномъ непониманіи.

„*Сальватти.* То, что вы говорите, неопровержимо. Доказательствомъ служить примѣръ тѣхъ, которые что-либо понимаютъ или поняли. Чѣмъ они мудрѣе, тѣмъ охотнѣе сознаются, какъ мало имъ извѣстно. Мудрѣйшій изъ грековъ, котораго оракулъ призналъ таковымъ, часто говорилъ, что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ.

„*Симпличю.* Значить, либо оракулъ, либо Сократъ солгали. Ора-

куль признаеть его мудрѣйшимъ, а онъ говоритъ, что ничего не знаетъ.

„*Сальвати*. Не солгали ни тотъ, ни другой. Оракулъ называетъ Сократъ мудрѣйшимъ изъ людей, знаніе которыхъ ограничено. Сократъ призналъ себя незнающимъ въ сравненіи съ абсолютной мудростію, которая безконечна; а предъ безконечностію и большое и малое одинаково равны нулю. Безконечнаго числа, напримѣръ, ни также мало достигнемъ, будемъ ли складывать тысячи, сотни или нули. Потому, Сократъ хорошо созналъ, что его ограниченное знаніе ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, какового не имѣлъ. А такъ какъ люди все-таки обладаютъ нѣкоторымъ знаніемъ и оно не одинаково распредѣлено между ними, то Сократъ могъ имѣть болѣшую, чѣмъ другіе, его долю. И въ этомъ смыслѣ оракулъ былъ правъ.

„*Сарredo*. Мнѣ кажется, я это хорошо понимаю. Люди, синьоръ Симпличіо, способны къ могуществу, но не въ равной степени. Вліяніе императора, безъ сомнѣнія, значительнѣе, чѣмъ частнаго лица, но и оно ничто въ сравненіи съ могуществомъ Божіимъ. Въ полевоиъ хозяйствѣ одни понимаютъ больше, другіе меньше. Но что значить умѣнье посадить надлежащимъ образомъ виноградную лозу, въ сравненіи съ умѣніемъ произвести такъ, чтобы лоза дала корни, доставить ей пищу, распредѣлить эту пищу частію для образованія листьевъ, частію для лозы, ягодъ и ихъ тѣла и кожи. Премудрая природа умѣетъ это сдѣлать. А это только одно изъ безчисленныхъ ея дѣланій. Можете разчесть, какъ безконечна божественная мудрость.

„*Сальвати*. Еще другой примѣръ. Не правда ли, что искусство найти въ кускѣ мрамора превосходную статую поставило геній Буанарроти выше другихъ людей? И, однако, это было лишь внѣшнее, поверхностное подраженіе тѣлесной формѣ и положенію недвижно стоящаго человѣка. Можно ли сравнить это подобіе съ человѣкомъ, созданнымъ природою со всѣмъ множествомъ его мускуловъ, жилъ, нервовъ, костей, дѣлающихъ возможнымъ множество движеній. А чувства, а душевныя свойства, а разумъ? Не можемъ ли мы по спра-

ведливости сказать, что изготовленіе статуи стоитъ безконечно ниже образованія живаго человѣка и даже презрѣннаго червя.

„*Сарredo*. А какое различіе между голубемъ Архита (Archytas) и живымъ голубемъ!

„*Симпличіо*. Или я лишень разсужденія, или въ словахъ вашихъ есть явное противорѣчіе. Какъ великое преимущество, выше всѣхъ, какія природа дала человѣку, вы ставите разумъ. И, однако, говорите, вмѣстѣ съ Сократомъ, что умъ нашъ ничто. Значить, и природа не сумѣла произвести духъ одаренный пониманіемъ.

„*Сальвати*. Возраженіе ваше пронизательно. Чтобы отвѣтить на него, надо прибѣгнуть къ философскому различенію. Понятіе „разумѣніе“ можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: въ интензивномъ и экстензивномъ. Въ экстензивномъ отношеніи, то-есть касательно числа подлежащихъ уразумѣнію вещей—которыхъ безчисленное множество—человѣческій разумъ равенъ нулю, хотя бы онъ позналъ тысячу истинъ: тысяча ничто сравнительно съ безконечностію. Но, если разсматривать разумъ съ интензивной стороны, то-есть, по отношенію къ совершенству познанія какой-либо отдѣльной истины, то, я утверждаю, что человѣческій разумъ нѣкоторыя истины понимаетъ въ такой полнотѣ и знаетъ въ такой же мѣрѣ безусловно, какъ сама природа. Сюда принадлежатъ чисто математическія знанія, геометрія и ариметика. Конечно, божественный духъ знаетъ безконечно большее число математическихъ истинъ, ибо знаетъ ихъ всѣ. Но знаніе немногихъ, какимъ обладаетъ человѣческій духъ, по абсолютной достовѣрности равно знанію божественному. Достигнуто познаніе ихъ необходимости, а это высшая ступень знанія.

„*Симпличіо*. Это рѣшительныя и смѣлыя слова!

„*Сальвати*. Напротивъ, это положеніе самое обыкновенное и насколько не дерзкое. Никакого ущерба божественному всевѣдѣнію положеніе это не наноситъ, какъ не наносится ущерба всемогуществу Божію, если сказать, что Богъ не можетъ уже свершившагося сдѣлать не бывшимъ. Полагаю, что подозрѣнія ваши произошли отъ того, что вы не совсѣмъ поняли мои слова. Постараюсь выразиться

яснѣе. Истина, доставляемая математическими доказательствами, та же какую знаетъ божественная мудрость. Но я вполне согласенъ уступить вамъ, что способъ, какимиъ Богъ познаетъ безчисленныя истины,—изъ коихъ намъ извѣстны лишь немногія,—далеко превышаетъ нашего способа. Мы размышляемъ шагъ за шагомъ, переходя отъ одного заключенія къ другому. Онъ понимаетъ чрезъ простое прозрѣніе. Мы, напримѣръ, чтобы достигъ знанія нѣкоторыхъ свойствъ круга—какихъ онъ имѣетъ безчисленное множество, — начинаемъ съ одного изъ простѣйшихъ, принимаемъ его, какъ опредѣленіе, переходимъ заключеніемъ къ другому, затѣмъ — къ третьему, четвертому и т. д. Божественный разумъ чрезъ простое проникновеніе въ сущность, безъ послѣдовательнаго размышленія, понимаетъ всю полноту его свойствъ. На самомъ дѣлѣ, они въ возможности уже заключаются въ опредѣленіи каждой вещи и составляютъ, несмотря на безконечное число ихъ, нѣчто единое въ существѣ вещи и въ божественномъ уразумѣніи. Это даже человѣческому разумѣнію не вполне чуждо, хотя закрыто густымъ пологомъ тумана. Онъ, однако, нѣсколько разсѣивается, когда мы овладѣваемъ заключеніями строго доказанными, сдѣлавшимися для насъ почти умственной собственностію, такъ что мы быстро можемъ переходить отъ одного къ другому. Равенство квадрата гипотенузы суммѣ квадратовъ катетовъ не есть ли то же самое, какъ равенство параллелограммовъ, имѣющихъ общее основаніе и лежащихъ между параллелями? А это не то же ли самое, какъ равенство двухъ площадей, способныхъ покрыть одна другую такъ, что одна не будетъ выходить за предѣлы другой? Этотъ переходъ отъ заключенія къ заключенію, для котораго умъ нашъ требуетъ времени, свершается у насъ послѣдовательно, тогда какъ божественный разумъ пробѣгаетъ ихъ мгновенно, подобно свѣту, или что то же — они всегда соприсутствуютъ предъ нимъ. Такимъ образомъ, я признаю умъ нашъ и по количеству понимаемаго, и по способу пониманія, безконечно ниже божественнаго разума. Но я не унижаю его и не обращаю въ нуль. Соображая, сколько удивительныхъ вещей понято, изслѣдовано, исполнено людьми, я признаю и

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(сентябрь и октябрь 1895 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (15-го апрѣля 1895 года). О принятіи Императорской Царско-сельской гимназіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Величества Государя Императора	3
2. (20-го декабря 1894 года). Объ утвержденіи правилъ о дополнительныхъ педагогическихъ классахъ для приготовленія учителей въ волостныя школы Рижскаго учебнаго округа	—
3. (15-го апрѣля 1895 года). О присвоеніи С.-Петербургскому обществу естествоиспытателей наименованія „Императорскаго“	6
4. (15-го апрѣля 1895 года). Объ учрежденіи при одномъ изъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.	—
5. (15-го апрѣля 1895 года). Объ учрежденіи при Могилевской гимназіи стипендіи имени Государя Императора Александра III	7
6. (15-го апрѣля 1895 года). О принятіи Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища подъ Высочайшее Государя Императора покровительство	—
7. (15-го апрѣля 1895 года). Объ опредѣленіи врача при Тельшевскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ	—
8. (24-го апрѣля 1895 года). О низшихъ ремесленныхъ школахъ и о объ утвержденіи штата упомянутыхъ школь	8

9. (24-го апрѣля 1895 года). О попечительствахъ при промышлен- ныхъ училищахъ	10
10. (29-го мая 1895 года). О присвоеніи служебныхъ правъ и пре- имуществъ должности директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.	13
11. (29-го мая 1895 года). О предоставленіи надзирателямъ интер- натовъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ	14
12. (1-го іюня 1895 года). Объ утвержденіи положенія и штата С.-Пе- тербургскаго женскаго медицинскаго института	15
13. (1-го іюня 1895 года). Объ изданіи новаго штата Императорск Публичной Библіотеки	22
14. (5-го іюня 1895 года). Объ учрежденіи въ г. Благовѣщенск ремесленнаго училища	25
15. (5-го іюня 1895 года). Объ увеличеніи пособия изъ казны, отпу- скаемаго С.-Петербургскому Обществу естествоиспытателей	—
16. (5-го іюня 1895 года). О преобразованіи Московской шести- классной прогимназіи въ полную гимназію	26
17. (5-го іюня 1895 года). Объ учрежденіи въ г. Задонскѣ, Воро- нежской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ	27
18. (5-го іюня 1895 года). Объ учрежденіи въ гор. Ейскѣ, Кубан- ской области, школы ремесленныхъ учениковъ	28
19. (5-го іюня 1895 года). Объ упраздненіи Суражской прогимназіи и преобразованіи Уманской и Черкасской прогимназіи	29
20. (5-го іюня 1895 года) Объ учрежденіи при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ средняго механико-техническаго училища и объ утвержденіи штата сего училища	30
21. (5-го іюня 1895 года). Объ учрежденіи при Иваново-Вознесен- скомъ реальномъ училищѣ школы колористовъ	34
22. (30-го іюня 1895 года). О замѣщеніи должности ректора Юрьев- скаго университета въ случаѣ его болѣзни или отлучки	39
23. (19-го мая 1895 года). Объ учрежденіи при Царвскомъ город- скомъ училищѣ четырехъ стипендій съ присвоеніемъ имъ наименова- нія „Александровскія“	75
24. (19-го мая 1895 года). Объ учрежденіи при Царвскомъ город- скомъ училищѣ двухъ стипендій съ присвоеніемъ одной изъ нихъ на- именованія „Николаевская“, а другой „Александринская“	—
25. (19-го мая 1895 года). Объ учрежденіи четырехъ стипендій имени въ Бозѣ почивша Государа Императора Александра III при Петроза- водскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	76

Высочайше приказаны по министерству народнаго просвѣщенія.

11-го іюня 1895 года	39
18-го іюня 1895 года	44
26-го іюля 1895 года	47
8-го августа 1895 года	76

	СТРАН.
15-го августа 1895 года	79
22-го августа 1895 года	80
29-го августа 1895 года	81
4-го сентября 1895 года	—
5-го сентября 1895 года	89
18-го сентября 1895 года	90

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го мая 1895 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Капустина при женскомъ училищѣ русскаго благотворительнаго общества въ городѣ Юрьевѣ, Лифляндской губерціи	53
2. (25-го мая 1895 года). Положеніе о стипендіи имени переславскаго купца Θεодора Осиповича Евреинова при Переславской женской прогимназіи	54
3. (26-го мая 1895 года) Положеніе о стипендіи имени мѣщанина Павла Ивановича Смирнова при Переславской женской прогимназіи	55
4. (2-го іюня 1895 года). Положеніе о стипендіи имени дочери статскаго совѣтника Софіи Александровны Ещенконой при Семипалатинской женской прогимназіи	56
5. (14-го іюля 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ „въ память 4-го апрѣля 1866 года“ при С.-Петербургской Введенской гимназіи	57
6. (14-го іюля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго воронежскаго губернатора, тайнаго совѣтника Евгенія Александровича Куровскаго, при Воронежской губерціи	58
7. (18-го іюля 1895 года). Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора при Омскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ	59
8. (22-го іюля 1895 года). Положеніе о стипендіи въ память въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра III при одномъ изъ мужскихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа	60
9. (1-го августа 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго могилевскаго губернатора, сенатора, тайнаго совѣтника Александра Станиславовича Дембовецкаго	62
10. (3-го августа 1895 года). Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы коллежскаго ассессора Матрены Васильевны Брыкиной при Московской 4-й гимназіи	63
11. (4-го августа 1895 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Θεодора Александровича Ласкина при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ	64
12. (9-го августа 1895 года). Положеніе о стипендіи имени астраханскаго мѣщанина Ивана Θεодоровича Недокунова при Астраханской мужской гимназіи	65
13. (27-го мая 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ Августѣйшихъ Именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора	

Николая Александровича и Государини Императрицы Александры Сеодоровны при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ	93
14. (27-го мая 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государа Императора Александра II при Нарвскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ	94
15. (9-го іюня 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой и ея покойнаго мужа Андрея Алексѣевича Алексѣева при Московскомъ учительскомъ институтѣ	95
16. (16-го іюня 1895 года). Положеніе о капиталѣ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевны и ея покойнаго мужа Андрея Алексѣевича Алексѣева при церкви М. сковского учительскаго института	—
17. (18-го іюня 1895 года). Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Павла Петровича Алексѣева при Ржевскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ	—
18. (18-го іюня 1895 года). Положеніе о стипендіи имени Любови Тимофеевны Семеновой при Тверскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ	97
19. (25-го іюня 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Нахичеванскаго на Дону второй гильдіи купца Никиты Михайловича Дьячкова при Ставропольскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ	98
20. (6-го сентября 1895 года). Положеніе о стипендіи имени генерал-лейтенанта Василя Александровича Калмыкова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	99
21. (22-го марта 1895 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителей учебныхъ округовъ о принятіи къ руководству новыхъ учебныхъ плановъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО

ПРОСВѢЩЕНІЯ . . . . . 66 и 101

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ . . . . . 68 и 104

Открытіе училищъ	104
Официальныя извѣщенія	69
Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія	73

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. С. Будиловичъ. Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго Юрьевскаго университета въ разные періоды его существованія	1
--	---

П. Э. Лейкфельдъ. Логическое учение объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	32
Е. В. Пѣтуховъ. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.	72
Н. Д. Чечулинъ. Забѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II.	183
В. Ф. Андреевъ. Знаменательныя и служебныя слова въ русской рѣчи	238
В. И. Курдюновскій. Губныя учрежденія Московскаго Государства	280

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. М. Коркуновъ. <i>Философъ</i> . Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Часть I. Юрьевъ. 1899.	130
М. А. Калмыковъ. Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ третій. Да—дя. С.-Пб. 1895.	143
И. П. Житецкій. Къ вопросу объ Уніи и южно-русскаго проповѣдникахъ. (Д-ръ Ів. Франко; Иванъ Вишневскій и его творч. Львовъ. 1895 г.)	151
В. Е. Рудаковъ. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова.	158
Л. Н. Майковъ. Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. Я. Соболевскимъ. Томъ I. С.-Пб. 1895	319
Н. Я. Марръ. „Моисей Хонели да миси амран-дареджаніани, цѣрили М. Джанашвили“. Моисей Хонскій и его [романъ] „Амирандареджаніани“, сочиненіе М. Джанашвили. Тифлисъ. 1895	324
А. Е. Прѣспяковъ. <i>Adolf Pawiński, Sejmiki Ziemiański</i> . Warszawa.	328
А. И. Соболевскій. <i>Ив. Ждановъ</i> . Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. С.-Пб. 1895	351
И. А. Тихомировъ. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Монографія. П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895	363
Н. А. Бобровниковъ. Калмыцкія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества	374
Книжныя новости	179 и 386

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

М. Столяровъ. Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ.	13
Наша учебная литература (разборъ 17 изданій и книгъ).	1 и 38

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

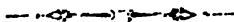
Императорская Публичная Библиотека въ 1892 году	1
Наши учебныя заведенія: Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1894—1895 учебномъ году.	13
Императорскій университетъ Св. Владимира въ 1894 году	18
Императорскій Харьковскій университетъ въ 1894 году.	33
Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа	42
И. П. Кондаковъ. П. И. Саввантовъ (<i>некроль</i>)	26
Н. Х. Бунге (<i>некроль</i>)	51

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. Ѳ. Базинеръ. Поэма Клавдія Рутилія Намациана „О возвращеніи своемъ“ (изъ Рима въ Галлію)	81
С. П. Никоновъ. Къ исторіи отхожихъ промысловъ въ Римѣ: <i>Leges de oleo Satonis</i>	1
С. Лавровъ. Эпиграфическія замѣтки.	14
А. Ѳ. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>).	94 и 18

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

И. А. Любимовъ. Исторія физики.	1 и 49
---	--------

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и науки, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобретать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежіе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1994**

